КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКЕ ТОВАРИСТВО

У ТРЬОХ ТОМАХ

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

П. С. СОХАНЬ (головний редактор),
І. Л. БУТИЧ, Л. З. ГІСЦОВА, Г. І. МАРАХОВ,
В. Г. САРБЕЙ (заступник головного редактора),
Г. Я. СЕРГІЄНКО, Є. С. ШАБЛІОВСЬКИЙ,
Ф. П. ШЕВЧЕНКО

НАУКОВА ДУМКА

КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКЕ ТОВАРИСТВО

ТОМ 2

УПОРЯДНИКИ

М. І. БУТИЧ (головний упорядник),
І. І. ГЛИЗЬ, О. О. ФРАНКО

НАУКОВІ РЕДАКТОРИ ТОМУ

І. Л. БУТИЧ, Ф. П. ШЕВЧЕНКО

Примірник кафедри
історії України

КИЇВ 1990

АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНСЬКОЇ РСР
АРХЕОГРАФІЧНА КОМІСІЯ
ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ
ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ
ІСТОРИЧНИЙ АРХІВ УРСР у м. КИЄВІ

ДЖЕРЕЛА З ІСТОРІЇ СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНОГО РУХУ НА УКРАЇНІ XIX — ПОЧАТКУ XX СТ.

ББК 63.3(2)47
К 43

Другий том містить слідчі справи П. О. Куліша, О. О. Навроцького, Г. Л. Андрузького, повний текст справи по звинуваченню українського революціонера-демократа Т. Г. Шевченка в симпатіях Товариству і поширенні революційних поезій серед його членів.

Для істориків, філософів, літературознавців, викладачів вищих та середніх навчальних закладів, широкої читацької аудиторії.

Второй том содержит следственные дела П. А. Кулиша, А. А. Навроцкого, Г. Л. Андрузского, полный текст дела по обвинению украинского революционера-демократа Т. Г. Шевченко в симпатиях Обществу и распространении революционных поэзий средн его членов.

Для историков, философов, литературоведов, преподавателей высших и средних учебных заведений, широкой читательской аудитории.

Затверджено до друку вченою радою
Інституту історії АН УРСР

Редакція історичної літератури

Редактор *Н. С. Шафета*

К $\frac{0503020200\text{-}327}{M221(04)\text{-}90}$ 47-90

ISBN 5-12-001223-X
ISBN 5-12-001222-1 (Т. 2)

© Інститут історії АН УРСР,
ЦІДІА УРСР у м. Києві, 1990

ВІД УПОРЯДНИКІВ

У другому томі наукового видання «Кирило-мефодіївське товариство» вміщено слідчі справи П. О. Куліша (ч. V, документи № 1—225), Т. Г. Шевченка (ч. VI, документи № 226—329), О. О. Навроцького (ч. VII, документи № 330—366) і Г. Л. Андрузького (ч. VIII, документи № 367—594). Вони зберігаються в Центральному державному архіві Жовтневої революції, вищих органів державної влади і органів державного управління СРСР у Москві серед матеріалів фонду «III відділення власної його імператорської величності канцелярії» за 1847 р. (ф. 109, оп. 1, спр. 81, ч. 1—19) і мають спільну назву «Об Украйно-Славянском обществе». VI частина цієї справи — «О художнике Шевченко» — 1939 р. передана Київському державному музеєві Т. Г. Шевченка, де вона зберігається й нині. Ще в 1907 р. з неї було вилучено оригінали творів Т. Г. Шевченка (взяті в нього під час арешту) і передано до Чернігівського музею українських старожитностей. Тепер вони знаходяться у рукописному відділі Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка Академії наук УРСР.

Документи слідчої справи умовно можна розподілити на три групи: програмні документи; твори, записи і листування членів товариства; слідчі матеріали.

Програма і статут товариства, розвиваючи прогресивні ідеї декабристів, передбачали знищення самодержавства, ліквідацію кріпацтва, скасування станів, об'єднання всіх слов'ян у федеративну республіку, запровадження загальної освіти. У розділі статуту про майбутнє політичне об'єднання слов'янських народів зазначалося, що «кожне слов'янське плем'я повинне мати свою самостійність, ... правління народне і дотримуватися повної рівності співгромадян за їх народженням, християнським віросповіданням і станом». Для вирішення питань, які стосуються всього об'єднання, «повинен існувати загальний Слов'янський собор з представників усіх племен... Оскільки слов'янські племена тепер додержуються різних віросповідань і мають упередженість одні до одних, братство буде дбати про знищення будь-якої племінної і релігійної ворожнечі між ними і поширювати ідеї про можливість примирення розходжень у християнських церквах... Товариство буде дбати заздалегідь про знищення рабства й будь-якої зневаги нижчих класів, так само і про повсюдне поширення письменності».

У п'ятому пункті статуту проголошувалось, що до братства «приймаються слов'яни всіх племен і звань». При цьому статут встановлював «абсолютну рівність ... між членами братства».

Програмні положення товариства викладені також у працях кирило-мефодіївців, зокрема в «Поясненнях до статуту» та записці про народну освіту В. М. Білозерського, записках М. І. Костомарова про панславізм, М. І. Савича — про філософію, релігію та емансипацію жінок у суспільстві, в «Проекті досягнення можливого ступеня рівності й свободи (переважно в слов'янських землях)» та «Ідеалі держави» Г. Л. Андрузького, у листуванні, художніх і публіцистичних творах. Тут знайшли відгук революційні ідеї декабристів, Т. Г. Шевченка, петрашевців, представників утопічного соціалізму та природного права. У «Поясненнях до статуту» В. М. Білозер-

ського ширше, ніж у статуті, викладені соціально-політичні положення Кирило-Мефодіївського товариства. У вступній частині рукопису засуджувалося пригноблення слов'янських народів «самовласним свавіллям». «Ні їх політична самостійність,— наголошувалося в «Поясненнях до статуту»,— ні вільне висловлення думок, ні навіть сама мова не знаходять собі заступництва закону; все засуджене на переслідування, все порушується особистою сваволею». Основне завдання братства — боротьба за визволення. Досягти цього, на думку автора, можна тільки шляхом об'єднання слов'янських народів в одній державі, заснованій на рівноправності й повазі кожного народу. В. М. Білозерський виступав поборником поширення освіти серед народу як засобу усвідомлення пригнобленими масами їхнього становища й необхідності боротися за визволення. З цього погляду привертає увату записка В. М. Білозерського з викладом програми заснування ремісничих шкіл у селах для дітей козаків. Кирило-мефодіївці готували і мали на меті видавати книги для народу з арифметики, географії, історії, природознавства та інших наук. Плани таких видань є в справах П. О. Куліша та О. В. Марковича.

Серед матеріалів Г. Л. Андрузького особливий інтерес викликають проекти перебудови суспільних відносин. Автор поступово дійшов висновку про необхідність обмеження, а потім і ліквідації монархії, введення республіканської форми правління, знищення станів.

Кирило-мефодіївці свої ідеї (які актуально звучать і в наші дні) поширювали за допомогою прокламацій, читання лекцій у навчальних закладах, художніх і публіцистичних творів. Зокрема, у зверненнях до «Братів українців» та «Братів великоросів і поляків», наголошувалося, що всі слов'яни повинні об'єднатися у добровільний союз-федерацію, в якій кожний народ матиме свою незалежну республіку, мову, літературу, громадський устрій. Правителя республіки передбачалося обирати тільки на певний час. Союз слов'янських республік мав обирати на певний термін сейм або раду слов'янську для вирішення спільних справ. У кожній народній республіці пануватиме загальна рівність членів суспільства, не буде жодної різниці між станами. Звернення до «Братів великоросів і поляків» пропонувало ознайомитися з братерським посланням, обміркувати справу загального порятунку й боротися за слов'янський союз, загальну рівність, братерство й мир.

Кирило-мефодіївці прагнули налагодити зв'язки з діячами визвольного руху в країні й поза її межами, зокрема, з гуртком петрашевців, «Союзом литовської молоді» та ін. Петрашевець М. О. Момбелі зблизився з Т. Г. Шевченком. Великий Кобзар листувався з петрашевцем Р. Р. Штрандманом. З товариством підтримував зв'язки також член «Союзу литовської молоді» Є. Врублевський, який навчався тоді у Харкові.

Велике значення мало знайомство кирило-мефодіївців з південним і західним слов'янським національно-визвольним рухом. Під час поїздки до Польщі П. О. Куліш та В. М. Білозерський встановили зв'язки з ученими-славістами П. Дубровським, С. Лінде, В. Мацейовським та ін. За завданням товариства М. І. Савич поширював ідеї кирило-мефодіївців у Парижі. А. Міцкевичу він передав «Кобзар» Т. Г. Шевченка. Поеми «Гайдамаки» і «Єретик» кирило-мефодіївці надіслали чеському громадському діячеві, борцеві за національне визволення свого народу П. Шафарику.

Визначну роль у політичній пропаганді кирило-мефодіївців відігравала поезія Т. Г. Шевченка. Вона несла в народ антикріпосницькі та антисамодержавні ідеї. Ще в грудні 1845 р. поет сміливо провістив майбутнє визволення:

Розкуються незабаром
Заковані люди...

Г. Л. Андрузький стверджував, що художнє слово Т. Г. Шевченка гриміло по всій Україні, поет часто читав свої вільнодумні вірші членам товариства і мав на них великий вплив. «З приїздом його до Києва,— зазначав Г. Л. Андрузький,— всі задуми приходили в рух». Твори Т. Г. Шевченка ставали важливим знаряддям виховання революційної свідомості мас. «Молодь заучувала напам'ять вірші Шевченка, які розходилися по Південній Росії в багатьох зошитах, з задоволенням переписувались»,— пригадував Є. А. Ганненко. М. Д. Шигарін згадував: «Шевченкові вірші з особливим захопленням читали в багатьох гуртках». Розповідаючи про розкриття Кирило-Мефодіївського товариства, М. В. Буташевич-Петрашевський зауважував, що його справа «все-таки пустила корені в Малоросії, чому багато сприяли твори Шевченка, які розійшлися у великій кількості й були причиною великого хвилювання умів».

З листування кирило-мефодіївців між собою та іншими особами, яке було в них вилучене, дізнаємося про думки і плани членів братства, погляди їхніх кореспондентів.

Звинувачувальним матеріалом на слідстві фігурували революційні твори Т. Г. Шевченка (збірка «Кобзар», неопубліковані «Сон», «І мертвим, і живим...», «Кавказ», «Заповіт» та ін., включені до збірки «Три літа», поема «Єретик (Іван Гус)»). Жандарми вважали шкідливими для самодержавства деякі опубліковані твори П. О. Куліша («Повесть об украинском народе», «Михайло Чарнышенко или Малороссия восемьдесят лет назад», «Україна»). Царський уряд заборонив ці твори і вилучив їх з бібліотек Росії та України.

Переважну частину публікації становлять протоколи допитів, доповідні записки, офіційне листування III відділення, які вимагають особливо критичного підходу, зіставлення їх даних з іншими документами. У документах і матеріалах збірника розкриваються й практичні дії кирило-мефодіївців як на волі, так і після арешту та заслання. Тут є відомості про кожного члена товариства з дня його арешту аж до зняття поліцейського нагляду.

Документи і матеріали в межах кожної частини справи розміщені у такому порядку, як вони відклалися в діловодстві III відділення, що допоможе читачеві збагнути загальний хід слідства й зміст кожної частини.

До публікації не включені: у п'ятій частині виписки з рішень польського сейму 1790 р., а також переклад з англійської мови двох релігійного характеру трактатів «Аз есмъ, или глас Иисуса в бурю» та «Приими ко Иисусу», подані П. О. Кулішем на розгляд III відділення 2 квітня 1851 р. після заборони надрукувати його роман «Петр Иванович Березин». Зі скороченнями друкуються документи № 15 і 29 — знято повтори, про що зазначено в примітках.

У шостій частині не друкуються оригінали дев'яти документів Лубенської полкової канцелярії, зібрані Т. Г. Шевченком під час археологічної експедиції на Полтавщині. Вони були вилучені при арешті поета 5 квітня 1847 р. і включені до його слідчої справи.

Залишилися поза публікацією до частини восьмої — листи, щоденники та інші матеріали, вилучені 1850 р. жандармами у Г. Л. Андрузького під час обшуку його в Петрозаводську. Їхній зміст відображений у документах № 559, 560, а також у примітці № 227.

Всі документи друкуються мовою оригіналу й відтворюються за новою орфографією, але зі збереженням фонетичних особливостей. Іншомовні тексти супроводжуються перекладами українською мовою. Авторські примітки позначені словами: «прим. док.» Резолюції та помітки про одержання наводяться після основного тексту перед легендою.

Пунктуація документів подається за сучасним правописом. Авторська пунктуація зберігається тільки в поетичних творах.

Всі документи, крім художніх творів, мають редакційні заголовки. У художніх творах, як правило, збережено авторські заголовки.

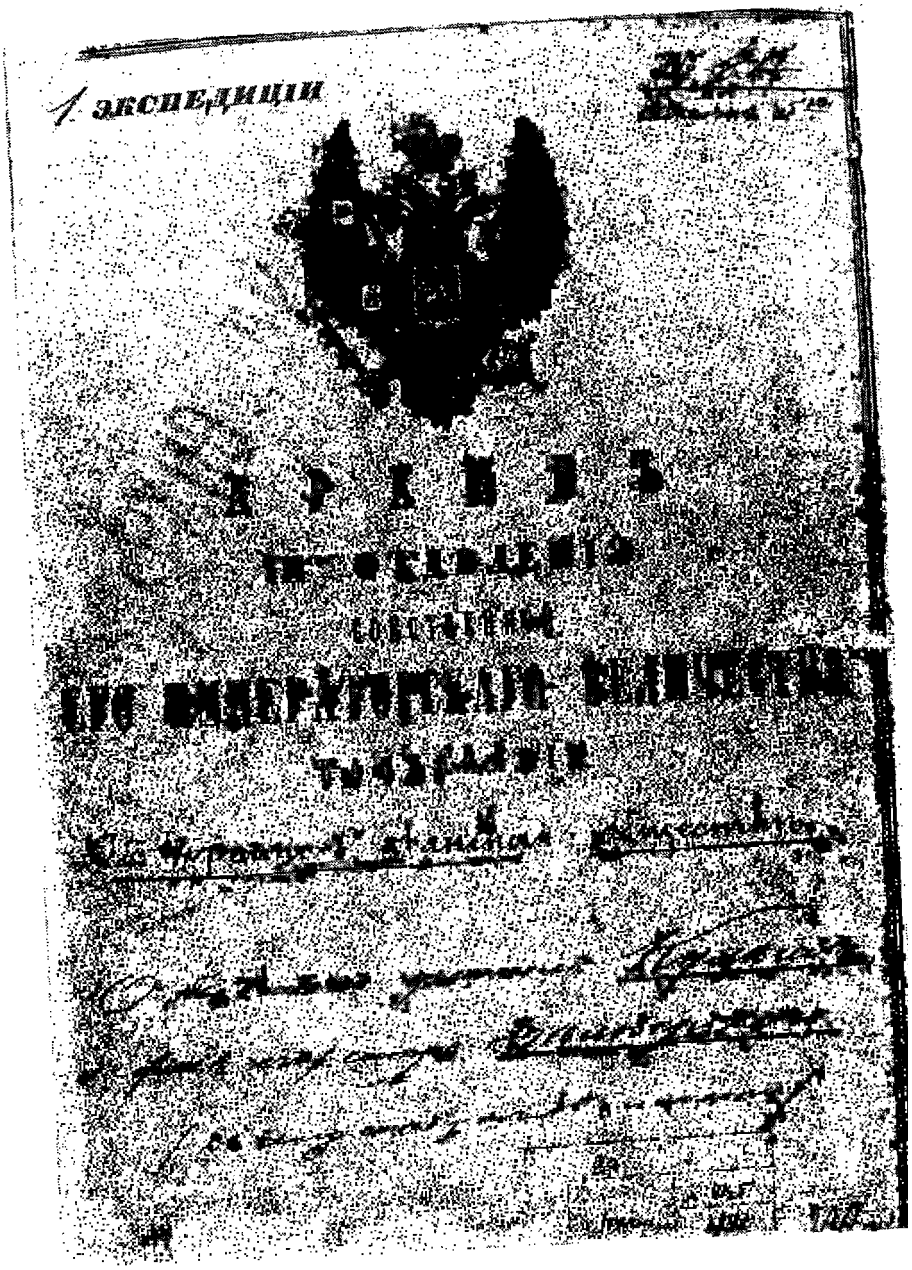
Оскільки всі матеріали взяті з одного джерела, в легендах зазначаються тільки номери частини, аркуша та оригінальність чи копійність документа. Якщо документ раніше публікувався, в легенді вказано назву видання.

Текстові примітки і примітки за змістом пронумеровані в межах кожної частини і подані після основного тексту книги.

Для полегшення користування публікацією в кінці книги вміщено іменний та географічний покажчики, хронологічний перелік документів.

ЧАСТИНА П'ЯТА

СПРАВА
П. О. КУЛІША



№ 1

1847 р. березня 22.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА [1]
ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО
ПРО ЗАТРИМАННЯ П. О. КУЛІША,
ЯКИЙ ЧЕРЕЗ КИЇВ ВИЇХАВ ЗА КОРДОН

Весьма секретно и нужно

Его высокопрев[осходительству] Л. А. Перовскому

22 марта 1847 р., № 449

Милостивый государь Лев Алексеевич!

В исходе 1846 г. проехал через Киев за границу посланный туда министерством народного просвещения для изучения славянских наречий служащий в С.-Петербургском учебном округе Пантелеймон Кулиш [2].

Ныне, по встретившейся чрезвычайной надобности, государь... [писал далее так же, как о Чижове [3]].

Под[писал] гр. О р л о в [4]

Ч. V, арк. 1. Відпуск.

№ 2

1847 р. квітня 5.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ
ПРО П. О. КУЛІША

О Пантелеймоне Кулише

Пантелеймон Кулиш воспитывался в Киевском университете, потом был учителем С.-Петербургской 3-й гимназии и, наконец, преподавателем русского языка при С.-Петербургском университете. В исходе 1846 г., по распоряжению своего начальства, он отправился за границу для изучения славянских наречий.

Прикосновенность его к делу о Славянском обществе заключается в следующем:

1. Между письмами, найденными у коллежского секретаря Гулака [5], оказались два письма к нему от Кулиша. В одном из этих писем, советуя Гулаку переехать из Дерпта в С.-Петербург, Кулиш присовокупил: «То, что вы можете сделать здесь, никогда не будет сделано в Дерпте. Здесь между Москвою и Петербургом решаются два великие современные вопроса. Когда приедете сюда, то сейчас увидите, как важно для Украины и для нас, друзей ваших, пребывание ваше в Петербурге. Немцы холодны к тому, от чего у нас, русских, головы трещат и сердца разрываются. И зачем же ехать в страну отвлеченных знаний, вместо того, чтобы спешить принять участие в водовороте современной русской жизни? Многое, многое вы здесь узнаете, о чем писать не подобает» [6]. В другом письме, продолжая убеждать Гулака переехать в С.-Петербург, Кулиш говорит: «Во мне вы найдете здесь самого преданного вам человека и, соединивши свои силы, мы с вами приведем в исполнение многое... Василий Михайлович [Белозерский] [7] может быть также сюда переедет, а в Дерпте, что вы найдете ему подобное» [8].

2. Бывший студент Киевского университета Василий Белозерский, повидимому один из ревностнейших приверженцев Славянского общества, писал Гулаку: «Получаю от Кулиша часто вопросы, на которые должен отвечать. Он старается исправить меня во многом и особенно отвлечь от светского общества и приучить к уединению, потом, к точному исполнению своего дела [...]. Я полагаю, что Пантелеймон Александрович Кулиш

известил вас о том круге, в котором он живет и для которого он составил христианские правила» [9].

Гулак на предложенные ему по содержанию означенных писем вопросы отвечал, что он не знает ни того, что разумел Кулиш под словами: «Между Москвою и Петербургом решаются два великие современные вопроса, ни того, для какого круга и какие христианские правила он составляет. Прочим же местам в упомянутых письмах Гулак давал благовидный смысл, объясняя, что Кулиш советовал ему переехать в С.-Петербург потому, что здесь скорее можно приискать себе место, и что Кулиш имел, вероятно, намерение привести здесь с ним в исполнение какое-либо литературное предприятие» [10].

Как из таковых объяснений Гулака ясно видно, что он не открывает существенной истины, а между тем вышеприведенные письма наводят весьма сильное подозрение на Кулиша, то 22 марта я сообщил министрам внутренних дел и финансов [11], а также наместнику Царства Польского [12] о сделании распоряжения, дабы Кулиш при возвращении его в Россию был немедленно задержан на границе и со всеми бумагами и вещами его доставлен в С.-Петербург в сопровождении самого благонадежного и верного чиновника и под строжайшим надзором [13].

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Помітка: На подлинном рукою генерал-адьютанта гр. Орлова написано карандашом: «Высочайше повелено мне лично объясниться с г-ном Уваровым вообще о всем деле, но лично, без бумаг».

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

5 апреля 1847 г.

Ч. V, арк. 2—4. Засвідчена копія.

№ 3

1847 р. квітня 3.— ВІДНОШЕННЯ НАМІСНИКА ЦАРСТВА ПОЛЬСЬКОГО І. Ф. ПАСКЕВИЧА-ЄРИВАНСЬКОГО (кн. ВАРШАВСЬКОГО) ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО АРЕШТ П. О. КУЛІША У м. ВАРШАВІ Й ВІДПРАВЛЕННЯ ЙОГО ДО III ВІДДІЛЕННЯ

Секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

3[15] апреля 1847, № 616, Варшава

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Согласно отзыву вашего сиятельства [14] я приказал разыскать, находится ли в Варшаве служащий по ведомству министерства народного просвещения Пантелеймон Кулеша, и если он будет отыскан, то арестовать его, а все бумаги и вещи, какие у него окажутся, не подвергая рассмотрению, тщательно опечатать.

Вследствие этого Кулеша здесь арестован и все найденные у него бумаги, книги и вещи, без рассмотрения таковых, опечатаны.

Кулеша прибыл сюда 4 (16) истекшего марта по паспорту министра внутренних дел империи от 30 ноября 1846 г. за № 938 [15] и остановился у квартирующего здесь в доме под № 429 шурина своего, поручика гусарского короля Нидерландского полка Белозерского [16].

С Кулешею приехали жена его и ее брат, кандидат Киевского университета Василий Белозерский. В паспорте Кулеши не сказано, что он следует с женою. В объяснение сего обстоятельства Кулеша показал, что он

женился по выезде уже из С.-Петербурга в Черниговской губ., что, получив надлежащее свидетельство о бракосочетании своем, жена его проехала по таковому через границу в Царство [Польское] и что с дороги он писал в С.-Петербург о присылке для нее узаконенного паспорта [17].

Из истребованной от жены Кулеши метрической выписи о ее бракосочетании видно, что она дочь коллежского асессора Михаила Белозерского. Александра Белозерская, что брак совершен 24 января текущего года в с. Оленовке, Борзенского [18] уезда, Черниговской епархии и что, как явствует из надписей на таковой выписи, Александра Кулеша действительно по этому виду проехала через границу в Царство [Польское].

Прибывший с Кулешею брат жены его, студент Василий Белозерский, имеет билет от Борзенского земского суда, выданный 13 февраля сего года за № 984 на следование в Царство Польское и проживание здесь сроком по 1 января 1848 г. Он показал, что целью его поездки было желание сопровождать сестру в Варшаву.

Приказав варшавскому военному генерал-губернатору отправить немедленно Кулешу с отобранными у него бумагами и вещами, под караулом, в сопровождении самого благонадежного жандармского офицера, в III отделение с. е. и. в. канцелярии и препровождая у сего имевшийся у Кулеши паспорт, имею честь уведомить о том ваше сиятельство, присовокупляя, что как взятые у Кулеши бумаги, книги и вещи опечатаны без рассмотрения, то быть может в числе оных окажутся некоторые принадлежащими брату его жены, вышепоименованному кандидату Василию Белозерскому, который стоял с ним на одной квартире.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Варшавский

Помітка О. Ф. Орлова: Видно, что тот самый Белозерский, которого мы ищем.

Помітка про одержання: 9 апреля 1847 г.

Ч. V, арк. 5, 6[10]. Оригінал.

№ 4

1846 р. листопада 30.— ЗАКОРДОННИЙ ПАСПОРТ П. О. КУЛІША НА ПОДОРОЖ ДО ПРУСІЇ, САКСОНІЇ ТА АВСТРІЇ ДЛЯ ВИВЧЕННЯ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ, ВИДАНИЙ МІНІСТРОМ ВНУТРІШНІХ СПРАВ

По указу его величества государя императора Николая Павловича самодержца всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется через сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего бывший старший учитель С.-Петербургской гимназии Кулиш отправляется по высочайшему повелению в Пруссию, Саксонию и Австрию для изучения славянских наречий сроком на два с половиною года.

Того ради все высокие области приглашаются по состоянию чина и достоинства, кому сие предъявится, нашим же воинским и гражданским управителем поставляется в обязанность г-на Кулиша, как ныне из России идущего, так и потом в Россию возвращающегося, не только свободно и без задержания везде пропускать, но и всякое благоволение и вспоможение оказывать. Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт от министра внутренних дел с приложением его и. в. печати.

В С.-Петербурге ноября 30 дня 1846 г.

Его и. в. всемилостивейшего государя моего действительный тайный советник, министр внутренних дел, член государственного совета, гофмейстер, камергер, сенатор и орденов: св. Равноапостольного кн. Владимира 1 степени большого креста, св. Александра Невского, алмазами украшенного, белого орла и св. Анны 1 и 4 степени, иностранных: Королевско-Виртемберской короны большого креста, австрийского Леопольда и прусского, за заслуги кавалер, имеющий золотую шпагу с надписью за храбрость, и серебряной медали 1812 и 1814 гг. и знак отличия беспорочной службы за 30 лет

Перовский

Помітки: 1) № 311. При следовании в Варшаву в Брестской таможне явлен 1847 г. 3 марта.

Управляющий
Члеи [20]

2) N 1750 Widziano na komorze celnej 1 klasy Terespol przy przeiazdzie do kraju. W Terespolu d[nia] 3 (15) m[iesiąlca marca 1847. Kosz ieden pocztą

3) Przyiazd widziano na Rogatkach Moskiewskich dnia m[iesiąlca marca 1847

Переклад

2) № 1750. Пред'явлено в таможні 1 класу Тирасполя під час приїзду до країни. В Тирасполю дня 3 (15) місяця березня 1847. Одна корзина поштою [Підпис нерозбірливий].

3) Про приїзд заявлено в Московських Рогатках дня 16 місяця березня 1847 [Підпис нерозбірливий].

Ч. V, арк. 8. Друкарський бланк, заповнений рукою. Оригінал.
Ч. V, арк. 9. Друкарський бланк, заповнений рукою. Оригінал німецькою мовою.

№ 5

1847 р. квітня 3.— ВІДНОШЕННЯ ВАРШАВСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА М. Д. ГОРЧАКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША В III ВІДДІЛЕННЯ

Секретно

В III отделение с. е. и. в. канцелярии

3 (15) апреля 1847, № 149.

Согласно повелению его светлости наместиика Царства [Польского] арестованный в Варшаве служащий по ведомству министерства народного просвещения титулярный советник Кулеша отправляется мною при сем в III отделение с. е. и. в. канцелярии с найденными у него вещами и бумагами, опечатанными полицией на месте.

Для сопровождения означенного арестанта в С.-Петербург назначен Варшавского жандармского дивизиона штабс-капитан Ягмин и один конвойный жандарм. Офицер Ягмин снабжен от меня деньгами на путевые издержки от Варшавы до С.-Петербурга и обратно, а также надлежащею инструкциею на счет наблюдения за арестантом в пути и сдачи его со всеми вещами и бумагами в III отделение с. е. и. в. канцелярии под надлежащую квитанцию.

Варшавский военный генерал-губернатор
генерал-адъютант кн. Горчаков
Правитель канцелярии А. Козачковский

Помітка про одержання: 9 апреля 1847 г.

Ч. V, арк. 10. Оригінал.

№ 6

1847 р. квітня 10.— КВИТАНЦІЯ
ПРО ПРИЙНЯТТЯ П. О. КУЛІША ТА ЙОГО ДОКУМЕНТІВ,
ВИДАНА ІІІ ВІДДІЛЕННЯМ КАПІТАНУ ВАРШАВСЬКОГО
ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ ЯГМІНУ

Квитанция № 566

Дана сия штабс-капитану Варшавского жандармского дивизиона Ягмину в том, что доставленный им из Варшавы чиновник 9 класса Кулиш и при нем тюк с бумагами приняты во всей исправности в III отделение с. е. и. в. канцелярии — апреля 10 дня 1847 г.

Под[писал] старший чиновник Попов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. V, арк. 11. Відпуск.

№ 7

1847 р. травня 23.— ВІДНОШЕННЯ НАМІСНИКА
ЦАРСТВА ПОЛЬСЬКОГО І. Ф. ПАСКЕВИЧА-ЄРИВАНСЬКОГО
(кн. ВАРШАВСЬКОГО) ДО О. Ф. ОРЛОВА
З ПРОХАННЯМ ДАТИ РОЗПОРЯДЖЕННЯ КОМПЕНСУВАТИ
ВИТРАТИ НА ДОСТАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША
В ІІІ ВІДДІЛЕННЯ

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

По отзыву вашего сиятельства от 24 марта № 459 [21] арестован здесь и отправлен в С.-Петербург известный вам титулярный советник Кулеша. Доставление его на место, по отчету, представленному отвозившим его жандармским офицером, обошлось в 364 руб. 2 коп. серебром.

По непринадлежности сей издержки к доходам Царства Польского, покорнейше прошу ваше сиятельство сделать распоряжение о возвращении означенных 364 руб. 2 коп. серебром в канцелярию мою, по званию наместника, для пополнения суммы, из коей таковые позаимствованы.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Варшавский

Помітка про одержання: 2 июня 1847 г.

Ч. V, арк. 12. Оригінал.

№ 8

1847 р. червня 3.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА
ДО МІНІСТРА ФІНАНСІВ Ф. П. ВРОНЧЕНКА
З ПРОХАННЯМ КОМПЕНСУВАТИ ВИТРАТИ КАНЦЕЛЯРІЇ НАМІСНИКА
ЦАРСТВА ПОЛЬСЬКОГО НА ДОСТАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША
З ВАРШАВИ ДО ПЕТЕРБУРГА

Его высокопре[восходительст]ву Ф. П. Вронченко

3 июни 1847, № 934

М[илостивый] г[осударь] Федор Павлович!

Г-н начальник Царства Польского требует возвратить в канцелярию его светлости издержанные из суммы оной 364 руб. 2 коп. серебром на

доставление по высочайшему повелению из Варшавы в С.-Петербург в III отделение с. е. и. в. канцелярии одного секретного арестанта [22].

Сообщая о сем вашему высокопр[евосходительст]ву, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли приказать сделать распоряжение к возврату означенных денег в канцелярию г-на наместника Царства Польского и о последующем почтить меня уведомлением [23]. Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. V, арк. 13. Відпуск.

№ 9

1847 р. червня 3.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО НАМІСНИКА ЦАРСТВА ПОЛЬСЬКОГО І. Ф. ПАСКЕВИЧА-ЄРИВАНСЬКОГО (КН. ВАРШАВСЬКОГО) ПРО НАДІСЛАННЯ МІНІСТРОВІ ФІНАНСІВ Ф. П. ВРОНЧЕНКУ ЛИСТА З ПРОХАННЯМ КОМПЕНСУВАТИ ВИТРАТИ НА ДОСТАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША В III ВІДДІЛЕННЯ

Кн. Варшавскому

3 июня 1847 г., № 939

М[илостивый] г[осударь] кн. Иван Федорович!

Вследствие отношения вашей светлости от 23 мая (4 июня) № 2993 [24], я ныне же отнесся к г-ну министру финансов, прося его сделать распоряжение о возврате в канцелярию вашу издержанных из сумм оной 364 руб. 2 коп. сер[ебром] на доставление из Варшавы в С.-Петербург тит[улярного] сов[етника] Кулиша.

Уведомляя о сем вас, м[илостивый] г[осударь], с отличным уважением и совер[шенной] предан[ностью] имею честь быть вашей светлости покорнейшим слугою.

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч V, арк. 14. Відпуск.

№ 10

1847 р. червня 6.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА ФІНАНСІВ Ф. П. ВРОНЧЕНКА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО РОЗПОРЯДЖЕННЯ ГРОДНЕНСЬКІЙ КАЗЕННІЙ ПАЛАТІ КОМПЕНСУВАТИ КАНЦЕЛЯРІЇ НАМІСНИКА ЦАРСТВА ПОЛЬСЬКОГО ВИТРАТИ НА ДОСТАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША У III ВІДДІЛЕННЯ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

6 июня 1847 г., № 1853

Об ассигнованных 364 р[уб.] 2 к[оп]. сер[ебром] в канцелярию наместника Царства Польского

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 3 сего июня за № 934, предписано Гродненской казенной палате о возврате в канцелярию г-на наместника Царства Польского 364 р[уб.] 2 к[оп]. сер[ебром] издержанных из сумм оной, на доставление по высочайшему повелению из Варшавы

в С.-Петербург в III отделение с. е. и. в. канцелярии одного секретного арестанта.

Имею честь уведомить о сем вас, милостивый государь, покорнейше прошу принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Ф. Вронченко

Помітка про одержання: 7 июня 1847 г.

Ч. V, арк. 15[25]. Оригінал.

№ 11

1843 р.— ОПОВІДАННЯ П. О. КУЛІША «СІЧОВІ ГОСТІ (СПОМИНКА СТАРОГО ДІДА)»[26]

По живости колорита и рельефности изложения это самая лучшая история, какую только я читал о гайдамаках.

Перевод с польской рукописи 1843. Черкассы.

Початок гайдамаччини, з яких часів вона ведеться, бог її святий знає [27]. Чував я [28], що ще і за батьків, і за дідів наших завжде показувались на Вкраїні, да й на Подолю, гайдамаки. А брались вони усе з Січі [29]. Знаєте, на Січ утікає було всяка погань: хто або прошпетиться в чим-небудь [30], або вб'є кого да боїться, щоб самому на лоб очей не поставили, та все теє бігло на Запорожжя [31]. А знаючи усі входи і виходи, усі стежки й шляхи, а часом і мстючись за якого пана, прийде туди да: «Ходімо, братці, на Вкраїну, я вам покажу, де зимують раки».

Ну, а тиї до сього торгу й пішки. Зараз збереться їх десятків, або [32] й сотень скілько, виберуть собі ватажку, характерника такого, що вже його хіба срібна куля візьме, да так, як вовки під село, так вони було тихо проберуться на Вкраїну. Де байрак глухий такий, що ні звір, ні птиця не знає, де хуторок або пасіка стоїть на одшибі, там вони переднюють, а вночі, як смикнуть [33], то миль десятка як не було. Еге! А війська, знаєте, тогді у ляхів на Вкраїні не дуже товсто було: де-негде команда та паршива дере крупи да латає чоботи по замочках. То вони похазяйствують у панів да жидів, як у себе в господі, нав'ючать усяким добром батовню коней, да й гайда назад. Покажуться і зслизнуть так живо, як ніби во сні приснились: тілько й знаку, що в ляхів да в жидови скрині пусті, да у іншого душі в тілі нема. От такий-то були ті затаці! [34].

Рідко-рідко коли удавалось жолнірству застукати їх саме на хазяйстві, хіба зрадою. А то було прибіжить корогва гусар чи рейтар на чутку, що гайдамаки деруть [35], да полічить тілько сліди од підків на шляху да з тим і вернеться. Але вже як і застукають, то й їм сердечним добре було достається.

Довелось [36] і мені разів зо два бути у тій справі. Ото раз стояли ми в Полоннім замку [37], у кн. Любомирського [38]. Аж ось, саме у обідню [39] годину, як ми, випивши по чарці, тілько що взялись за ложки, летить гонець: кінь під ним аж хитається, а ніздрі [40] роздуло йому як ріжок [41]. Отже, кажу, вражий син не дасть пообідать: уже не даремно його так несло [42]. Зараз його, так як був у грязі і в пилу, перед князя.

— Що таке?

— Гайдамаки на Подолю. Просить лиментар подольський посилку, бо самі нічого не вдіють. А багато [43] ж їх? Сто кільканадцять чоловіка. Добре [44], завтра сам з військом рушу.

Зараз йому другого коня і виправили назад [45].

От ми вже тогді годі вилежуваться на сонці, а давай лагодитись у похід: перечищать самопали, споряжать кульбаки, патронтажі, уюки [46]. На завтра, скоро світ [47], зайграно в труби і рушили з замку [48]. На третій день стали й коло Ялтушкова, де гайдамаки обсіклись у лісі, піхоту і гармати везли підводами. Ото стали в ряди. Пан лиментар приїхав, подивився:

Ту, тепер оддихайте, да будьте готові на ніч. Треба добре пильнувати, а то вискочать з рук, як мило, в воду [49].

От [50], одпочивши, як настав вечір, пильнуємо ми [51]. Кругом лісу поставлено музиків кілько тисяч з ціпами, а декотрі і з рушницями. А за ними, одступивши ступеней сотню чи більше, стало військо те, що прийшло з самим лиментарем, своїм чередом, а наше своїм чередом, а було всіх тисяч зо дві, і гусари, і панцирники, і піхота з гарматами: чого там не було! і все на ту жменю тих гольтяпак [52].

Сидим ми, огні скрізь розложили, балакаєм дещо, але все тихо, бо заказано було од старшини, щоб боже борони якого шуму [53], а щоб добре чували. Я ще тогді був молодий, не знав, що [54] то за гайдамаки, то дивно мені стало, що таке військо [55] на їх зібраио. От і питаю у одного старого гусарина, що вже йому уси росли, росли, да аж за ухо закрутились:

— Що оце, дядюшка [56], за диво таке сі гайдамаки, що всі корогви на них стяглися?

— Еге, каже, а ти хлопку ще не знаєш, що то за звірята? Коли б у кожного [57] з нас було по десять рук, то ще на їх мало, бо тиї галгани обороняються, мов скажені [58]. Вони знають, що вже їм помилування не буде, то кидаються на людей як іроди і часом пробиваються [59] скрізь цілий полк не то самі, а із усією добиччю. Ось завтра побачиш, як вони повбирані. Се в нас так спорядились, бо з Січі прибили [60] в одних лойових сорочках да в телячих шароварах.

— А який же, кажу, ватажко тепер їми доводить? Каже: — Іван Чуприна. П'ятнадцять раз уже виходить він на грабунок [61], разів скілько пробивався скрізь наших жолнірів, да вже тепер, здається, дамо ми йому перцю.

Отак минула й ніч, стало на зорю займатись. Коли ж по той бік лісу, де була [62] піхота, самопали — пук! пук! Перше рідко [63], а далі раз по раз. А тут з гармати — гу! Пішла грукотня по лісу. Дерево трещить да падає. Крик, гам. Гармати ревуть, а луна по ранній росі так і розходиться [64], так і розлягається.

Наші зараз на коней, а мужики, злякавшись, навтікача. А ми тілько рушили їх переймать, аж тут із лісу душ 40 гайдамак — всі в кармазині да в блаватасах, такії гетьмани вискочили, що аж очима на їх не зглянеш, а коней нав'ючених з двадцятеро за собою ведуть. Вискочили, да як ударять зразу на чотири корогви волоськії, що стояли спереду, так їх і розідрали на дві часті. Як часом [65] блискавка з грому упаде на дуба, або на густу да стару сосну да як розчахне [66] од верху до низу, то одно гілля на сей бік, а друге на той бік важко впаде і затріщить: так тиї [67] гайдамаки розвалили велику купу волохів, а самі, як весною огонь по сухих очеретах, так і понеслись, і понеслись [68] по полю, аж поле закрасили. А волохи як сунулись на компутових, а тут іще й мужики, злякавшись [69], побігли, куди хто втрапив: то все так змішалось як каша, що вже чорт би й найшов свого лаву; вертися кругом, як [70] коза в череді та й годі. Опісля вже декотриї опам'ятались і побігли за ними, але в пустий слід хоч тупицею. Гайдамаки вже за селом, а село за ними до неба палає.

Але тим, що були на другім кінці лісу, випала інша доля. Ще, кажуть, з вечора ватажко Іван Чуприна, грівочись коло багаття, постеріг, що вся нужа з сорочки зібралась йому до ковніра, да й каже: «Отепер же, панове,

буде нам лихо з вражими ляхами! Бачте, як уся нужа зібралась мені до ковніра».

То вже гайдамаки, почувши сеє, повісили носи і записали собі пропало. Але запорожець не так пропадає, як простий чоловік. У них вовча натура: уміє добре шарпати, уміє ж і вмерти, не скиглячи дармо. Отаман і каже:

«Розділимось же, панове, на три батови; то кому-небудь да поможе бог [71] вискочить з западні [72]. Чекайте, каже, мого гасла з пістолета. А як почуєте гасло, зараз два рази з янчарок на ляхів грукніть, да й з богом напролом.

От, як стало займаться на зорю, то він і поліз рачки на край лісу, щоб подивитись, що ляхи роблять. А за ним порачковало з десяток молодців. Зачепивсь один, лізучи, рушницею за гіллячку! Рушниця бах! а на те фальшиве гасло по лісу — Трах! Трах! Пішла грукотня. Піхота наша зараз до лісу да з самопалів і затопила. Чуприна ліг, кажуть, од первої кулі, а гайдамаки ще не вспіли впасти на коней і потрапить до ладу, а тут ще й ватажка немає; збились вони зовсім з пантелику. Одначе жваво, вражі сини, боронились: убили підполковника лядського, скількось офіперів і з сотню рейтар. Але і їм добре було: раз то, що стрельба кругом, а тут з гармат, що ревнуть, то дерево пополам, або і все в скіпки розскочиться і падає на них. Жарко було дуже сіромахам! Вибито їх мало не всіх, а решту поранених і постріляних забрато в плін. Знайшли самого Чуприну мертвого. Здорова да гладка шельма! Лежить, вивернувшись, як бик на бойні, що довго рів під різницькою довбнею і завдавав усім страху, а далі таки, хоч який дужий був, упав сердечний і землю глибоко вдавив; лежить як гора, і на мертвого ще страшно дивитись. От так же й той Чуприна, великий да страшний, лежав у пишних кармазинах рядом з старим дубом, що звалено гарматою. А бронь при йому і на коні збруя така, що несчисленнії гроші коштує: срібло да золото, да робота ж, робота турецька [73], така, що аж очі бере! На обох руках у його дорогих перстнів, по кишенях золотих дзигарків скілько, і грошей, то і злічить не можна. Да й на всіх гайдамаках і коло самих і коло коней знайдено срібла, золота і всяких дорогих матерій на великії тисячі. Усе те розділили поміж собою жолніри і лейстрови козаки. Достався і мені ріг з порохом, у срібній оправі, да ладовниця під срібною бляхою. Але все те, як прийшло, так і пішло: пропало в Уманську руїну [74]. Ото, поділившись добиччю, ранених одослали у Каменець на страту, а мертвих закопали в Ялтушовському-таки лісі, над шляхом, і могилу над ними насипали високу. Але ще справа не кончилась. Привели двох гайдамак: один старий, а другий молоде хлоп'я. Стали в їх допитуваться правди, то старий мовчить, як німий; чого вже йому не робили — і пекли, і усяк мучили,— мовчить. А молодого особно стали уговорювать, обіцали помиловать, коли скаже правду. То той сказав, що їх душ 15 виправив Чуприна на чати і що до них ще попристановали гультяї, то вже тепер душ тридцять [75] сидять коло Константинова у яру і висилають на Чорний шлях [76] свої чати. От наші й рушили туди. Я вже там не був, тілько розказували, що, каже, зараз поймали чи двох, чи трьох, що чатовали на Чорнім шляху. Спали сердешнії за могилою. А потім, каже, як обточили кругом тих, що в яру, то вони бачать, що вже попались, да кинулись до хатки, що там же в яру стояла меж скиртами, а в тій хатці повно набито обідраних жидів, ляхів і полячок, як грибів у коробці. То вони давай їх різать, і поки піхота наскочила, то зарізали 18 жидів, скількось жидовок, одного уніята і одного ксьондза, а решту одбила піхота, которої було немало, і як стали, каже, бить гайдамак, то насилу перебили, а которих позабирали живцем, але так поранених, що трохи чи не всі до третього дня померли. А там у Яру познаходили бринь, возів, усякої худоби гибель. Дещо з того пооддавали

тим, що побиті були в хатку, а до чого не знайшовсь хазяїн, те на військо поділили [77].

Ото була перва моя справа з гайдамаками, а знов років через два пішла по Вкрайні поголоска, що із-за Синюхи — річки вийшла добра купа гайдамак з ватажкою Чортовусом, да пройшла аж на Полісся [78], награбувала срібла, золота і всякого добра скілько уюковиї коні знесуть, і повертає назад лісами да байраками, але ніхто не знав, де вони саме тепер і в якому місці виткнуться на степи із лісу.

Тревога зробилась усюди така, що, боже, твоя воля! Не було іншої й розмови, як про гайдамак. Оце сьогодні почуєш, що там і там спалили пана з панією і з дітками, а завтра, що напали на кляштор... і всіх монахів [79] католицьких вирізали. Той каже, що бачив людей якихсь чудних, що то гайдамацькії шпіони [80], а той, що в однім шинку наткнувсь на самого Чортовуса: сидить за столом в червонім жупані, руки по лікоть закачані, по кармазинових рукавах чорна кров жидівська стікає: кружає горілку відром замість чарки [81] і нікого не боїться, бо вміє так робить, що оце є, а схоче, то й нема. Що день, то все страшнійшії слухи: сьогодні кажуть, що в його три сотні молодців, а завтра — три тисячі. По дорогах знай товчеться жидова, шляхта [82], з усім збожем утікають то до замочків, то до містечок. Вислав кн. Любомирський з Полонного двох чи трьох жидів на провідини, обіцав велику плату, але жидова так боялась гайдамацьких лап, що, повертівшись [83] трохи по-за містечком, вернулась ні з чим. Тогді призиває князь мене, да Ласуна, да Гладкого, да ще Лободу.

— А що, каже, козаки? Чи послужите ви мені по вірі й по правді?

— Послужим, кажемо, милостивий князь і батьку.

— Отже, каже, вам по десять червінців на дорогу. Їдьте і привезіте мені певную звістку, де гайдамаки і скільки їх.

Взяли ми, поклонились і поїхали всі четверо іншими шляхами. Довго бився я по кущах і бездорожжах, аж поки прибився до одного хутора. Ліс кругом глухий [84] такий, що тілько небо да земля видно, а хатинка стоїть одним-одна і на бік уже похилилась і в землю вросла, а солома на їй уся од моху да од бур'яну аж зазеленіла. Ні дороги, ні стежки до тої хати нема; тілько по уз самий причілок тече невеличкий ровчак. Думаю собі: видно ж тут нема нікого. Коли ж дивлюсь, аж під повіткою за хатою сидить дід, сивий, сивий. Брови йому понависали аж на очі, а борода до пояса; сидить і струже стругом держално на ратище, а коло його [85] під повіткою стоїть уже з десяток ратовищ зовсім готових. От я, злізши з коня, прийшов до його; а він мене й не бачить, що я йду: струже собі да бурчить щось. Я прийшов таки близько, да й став: послухаю, що він бурчить щось. Коли ж чую, що то він пісню старосвітську хоче співать, да вже й голос йому дрижить і не виведе, тільки муркоче:

«Перебийніс [86] просить немного, трьох козаченьків з собою,
Рубає мечем голови з плечей, а решту топить водою.
Ой пийте, ляхи, води калюжі болотяниї,
А що пивали по тій Вкрайні меди да вина ситниї!»

— Здоров, кажу, дідусю!

— Здоров, каже, здоров, дитя моє, да й не дивиться-таки на мене. Я думаю собі, як тут би з ним заговорити да й мовчу. А він тоді підняв свої важкії білиї брови, да глядь на мене:

— Е [87], а що ти за чоловік?

— Отак, кажу, як бач, хрещений чоловік, волочусь без талану.

— А чи наша віра?

— Наша, кажу.

— Чого ж тобі, синку, треба?

— Треба, кажу, мені попоїсти [88].

Ватажок гайдамаків Чортовус. Малюнок П. О. Куліша

— Правда, каже, синку, правда. Попереду треба нагодувать чоловіка, а тогді вже й розпитувать.

Зараз пішов, несе мені хліба, сала, меду, бо й пасічка в його тут невеличка загорожена. Попоївши, й кажу йому, що хотіли ніби мене ляхи повісити за те, що я згубив панський дзигарок, а я втік да хочу пристать до запорожців, але не знаю, де їх знайти [89].

Він тогді мені й каже:

— Добре, синку. Їдь же отуди й туди мимо такого й такого дуба, що там їх і знайдеш на урочищі Обозовищі.

А сам знов сів да й почав стругать ратище.

Поїхав я, аж так: у яру попід густими дубами коні ходять і жупани червоніють де-негде. Приїхав я ближче, аж стоїть під дубом козак з ратищем на варті. Я зараз по-запорозьки:

— Пугу!

А він мені: Пугу! Пугу!

А я знову: Козак з лугу!

— А де той козак з лугу? — Хтось крикнув товсто із лісу.— А їдь лиш сюди.

Я й їду. Дивлюсь, аж супротив мене їде здоровенний запорожець з такими усими, що я ще зроду не бачив: чорнії, чорнії, да довгії, да розкошні такі, що аж вилискуються. Жупан на йому шовковий червоний, аж світиться як огонь; шапка червона схилиста, пояс золотий, за поясом пістолети, при боку шабля, кульбака і стремена, все те в щирім золоті, аж горить. А кінь під ним пречудовної уроди, білий, як лебедь, так і одбиває [90] од зеленого лісу і трави, як будто і до [91] землі не доторкається. Зняв я шапку

і поклонивсь аж до кінської гриви: забув, що то й гайдамака; так би, здається, взяв да йому душу під ноги й підослав [92]: стою перед ним, як перед гетьманом, або перед королем.

— А що, каже, брате, чи наша віра?

— Наша, кажу, вельможний пане.

— Ану, перехрестися.

Перехрестивсь.

— Ну, їдь же, каже, собі до куреня!

Приїхав я, аж той курінь увесь обсипан валом. Впущено мене через рів у ворота. Як уїхав я, да як гляну, то у мене і в очах зарябіло: повно козаків, да всі ж то повбирані так, що й не пересказать: кармазин коло кармазина, срібло коло срібла, золото коло золота. Так, як от часом зимою зайдеш у винницю да сядеш [93] коло печі погріться, да подивишся, що там у тій печі робиться того жару: і красне, і жовте, й синє, горить, ходить, мигтить і мріє, аж ніби ворушиться все: так у тім таборі ходили один поуз одного гайдамаки; той у червоному, той у жовтому, той у блакитному, а золото на них, як огонь сяє, що й очима не зглянеш. Насилу я трохи освоївсь, що вже не так дико мені між ними стало. Поставив свого коня до ясел. Ніхто в мене не питає, що я за чоловік. Слоняюсь я поміж ними, як дома. Дивлюсь, аж Ласун уже тут. Жупан на йому важний, ходить, заложивши руки за пояс, тільки вилетами помахує. З старшиною вже за панібрата. А мене будто [94] й не бачить. Тільки погладив уси да бровою моргнув, подивившись на мене з убоча.

Коли ж на другий день приїжджає і Лобода з Гладким. Поприбирались мужиками і привели нібито коней продавать. Ласун сам і торгував у них і могорич з ними пив да нишком і сказав, що Чортовус жде, поки постягуються його чати, бо тепер ще тільки дві чати зійшлось, а ще дві злучаться з ним у Мазепиній могилі, що завтра ми туди рушим; то щоб князь був готов і держав ногу в стремені, а з нас або Ласун, або я дамо драпака і князю дорогу покажем.

Виправили тих коноводів, а самі на другий день пошли [95] у Мазепину могилу. А та Мазепина могила да єсть то остров увесь у бору, а кругом таке грузьке багно, що ні чоловік, ні кінь, ні собака не перебреда. І на той остров через багна висипано три греблі.

Незабаром надійшла ще одна чата з великою добиччю. От як зробився під той час галас і кружанина в таборі, то я улучив щасливу годину да на коня, да драла. Прибіг опівночі у Полонне, під замок, під Київську браму, стукнув, не пускають мене, бо не пізнали: жупан на мені перловий, гудзики рубинові, пояс литий, шапка соболева, да насилу вже впустили. Зараз мене до князя.— Так і так, милостивий князю, ще тільки одної чати дочекаються да й рушать під Константинов [96], бо чуються на силах. Треба поспішати, щоб не випустить їх із того острова.

Зараз усе військо на коней, а піхота на підводи, забрали гармати і порохи, поїхали. А я конем попереду, дорогу показую. Було то полювання на страшного звіра, що й очі, і уші, і чуття добре має, а ще луччії кігті. Заказано під великою карою, щоб ніхто не говорив, не кашляв да й огню не кресав і люльки не курив.

Звернули з шляху, потягнулись лісом, мовчки, тихо, тільки коли-неколи колесо гарматне чи возове стукне, наїхавши на корень, або тріскне суха голлюка. Ішли день і ніч з малим одпочинком, а далі влізли у таку гущину, у такі трущоби, вертепи і вибої, що ледве-ледве витягали вози і гармати з того ковтуна. А тут ніч темна така, що тільки навмання вгадуєш дорогу, але таки, благодарить бога, вийшли без пригоди з тої гущини і вибрались на рідкий бір. Я зліз з коня да з радости аж землю поцілував.

Ото ж скоро вже дійшли ми й до того пасічника, що ратища струже. Обскочили його кругом і взяли в свої руки. А він [97] тільки подивився, піднявши вгору брови, да сказав:

«Отже вражі ляхи таки пронюхали»,— да й знов собі насупився і байдуже: знає вже, що й так не сьогодні, так завтра смерть. Але такий же старий да сивий був той пасічник, що ніхто його не бив і не лаяв. Посадили його на віз, ще й сіна підмостили, да й поїхали до Мазепиної Могили.

Переночували в невеличкім сельці [98]. А вранці позганяли мужиків з околиць [99] з ралами і сокирами. Було їх душ [100] з тисячу. Рушили дальше і ноччю прийшли до якогось урочища. Там, видно, колись давно була таборщина, бо лісу на кілько гоней вирубано і позоставались вали й рови. Усовітував тут один козак перегодить [101], аж поки на небі зайдуть козари. А небо було чисте, як хусточка, і скрізь зорями заіскрено. Але князь боявсь, щоб гайдамаки тим часом нас не довідались.

— Не бійтесь, каже, ніхто сюди не прийде, бо кажуть, що се місто закляте, тут, кажуть, по ночам відьми да упирі вигравають свої штуки, з того — то воно й зоветься Куцого Чорта Слобода.

От як переждали годин зо три, то почали зникать з неба зорі, а на небі красниї плями од багаття, що горіло в гайдамацькім таборі. Рушили ми тихо і, прийшовши до самих гребель і розставивши перед кожною греблею по шести гармат, і рови перед гарматами повикопували, а округи гармат піхота стала. Мужиків з сокирами розставлено кругом попід соснами і скоро гукнуть по разу гармати, зараз вони рубали сосни. А решту піхоти порозставляли з рушницями понад багном, щоб стрелять, хто виткнеться з лісу.

Почало вже сіріть. Сердечниї гуляки, сплять собі і не сниться їм, що вже їх поймано в матню. Аж ось зараз з самої більшої греблі шість гармат бубух [102], а з другої греблі [103] у в одвіт — гу! а з третьої знов — гу! Затріщали і загули по лісу сосни; а тут враз застукало тисяча сокир об дерево. Ой невесело ж було січовим молодцям просипаться під такий гук і трескот.

Утихли гармати, давши по два рази огню, перестали й сокири. Я взяв морську трубу і закричав: «Здайтесь на ласку панську, бо обгорнуті кругом!» Жадно[го] отвіту. Тихо, тілько дим курить понад багнами, підіймаючись угору. Аж тут на греблі затупотали коні і крик: «Гони! Лови! Постой! Кирило!». І поки піхота дала огню, як ось летить бісом щось на коні і прямо між [104] гармати. Тогді тілько познали Ласуна. Погоня гайдамацька завернулась, бо жарко повіяла піхота з самопалів, чоловік з десяток покотилось з кульбак.

От і день розвиднівся. Окрикнув я три рази їх, щоб здавались. Аж за третім разом гукнули з лісу, добре почуючи і нас, і наших матерок. Знов загуркотали гармати, затріщав ліс, застукали сокири.

Годин за три поробили кругом багна засіки, а соснами завалили кругом гайдамацький табор і самих подушили — гибель. Пробовали сердеги одстрелюватись, повилазивши на сосни, а наша піхота собі брала їх на ціль, але багно було дуже широке, так ще небагато вони нам шкодили.

Отак і день цілий пройшов. Стук да грім, да курява понад лісом. А як стемніло, усовітував Ласун поробить тайно на греблях завали з гілляк, пеньків, кілля і хворосту, щоб кінно через них перебратись нельзя, бо запевне знав, що гайдамаки пійдуть проломом. Здався нам на добро його совіт, бо справді Чортовус, розділивши свою ватагу на три купи, змислив ударить разом трьома греблями і прочистить собі дорогу.

Чатовали ми всю ніч під оружем, прислухались до всякого шелесту. Як ось опівночі [105] затупотіли коні, перше глухо, а далі все чутнійш, як стали надходить до греблі, а нарешті загули греблі од чвалу копит, а гайдамаки загукали: «Нуте, братці, або добути, або дома не бути!» і пусти-

лись [106] навзаводи. Дано їм зблизитись, щоб стягнуть усіх на греблю [107], а потім — гу! Заревли гармати. Отогді вже зробилось правдиве пекло. Що минута, то й гукнуть гарматн не з того, то [108] з того боку. А поранениї кричать, коні іржуть да б'ються поміж навалюваним [109] гіллям, дерево скрізь трещить да падає, а по бору луна так і розлягається. А ніч же то темна, темна! Раз по раз тілько [110] сяє красний огонь з гармат: сяйне, окаже кругом людей, коней, блискучу збрую і рудий дим клубами зверху, да знову і потухне [111]. Правдиве було пекло. Цілу ніч стреляли пушкарі, мов зав'язавши очі; тілько чули, що на греблі ворочається все і кипить, як у котлі. А як розвидніло, тогді тілько побачили, яке лихо сталось гайдамакам. Думали пробиться, сіромахи, через греблю і позбавившись в завали, пропадали там, як бджоли в бочці, під пасічною довбешкою. Як бджоли [112] тонуть і в'язнуть у густій патоці, коли пасічник виверне в бочку важкий да повний улик, так вони, сердеги, в'язли поміж гілля і тонули в багнах. Лежало їх гибель на всіх трьох греблях і коло гребель. Аж жаль було дивиться. Народ усе здоровий да розкошний, коні добрі да все то те пороздиране картечами і окрівавлено. Лежать бідахи, повивертавшись, густо, як снопи на хорошій ниві, як молотники, вставши зрана, б'ють на току сніп за снопом, аж поки розлетиться в солому, так їх порозбивано картечами і перемішано з потрощеними кусками дерева.

На великій греблі у завалі знайшли й самого Чортовуса. Ниць лежав, сердечний, головою на колоді, розкидавши крижем руки; а уси розтяглися, мов дві черниї гадини, у крові усі да й позасихали [113]. Картеча вдарила сіромаху саме в груди і вискочила в спину, розпоровши пишний кармазин. Кров із рани потекла і по всьому жупану, і по золотому поясу, залила і білого дорогого коня, що лежав під ним забитий. Шаблю при Чортовусу і оружжє найшли пречудовне, але ніхто б не схотів його носити, бо Чортовус був, кажуть, чарівник і все те наговорено чарами да примхою. Один князь [114] не боявсь ніяких чар і взяв собі ту шаблю і зброю. Поранених душ з 30 забрали і одослали до Полонного [115], добичу поділили поміж військом, а трупи четвертували і розставляли на полях, по селах і шляхах, але з того більш було людям обридливості, ніж постраху. Ото й друга наша справа. Се діялось куди ще до Коліївщини [116]. Так же, кажуть, находили гайдамаки із давніх давен. Одних поб'ють, а другі вродяться.

Ч. V, арк. 18—30 зв. Автограф.
Ч. VII, арк. 1—3. Список О. О. Навроцького під назвою «Гайдамаки».
Опубл.: *Основа.*— 1862.— № 1.— С. 1—12.

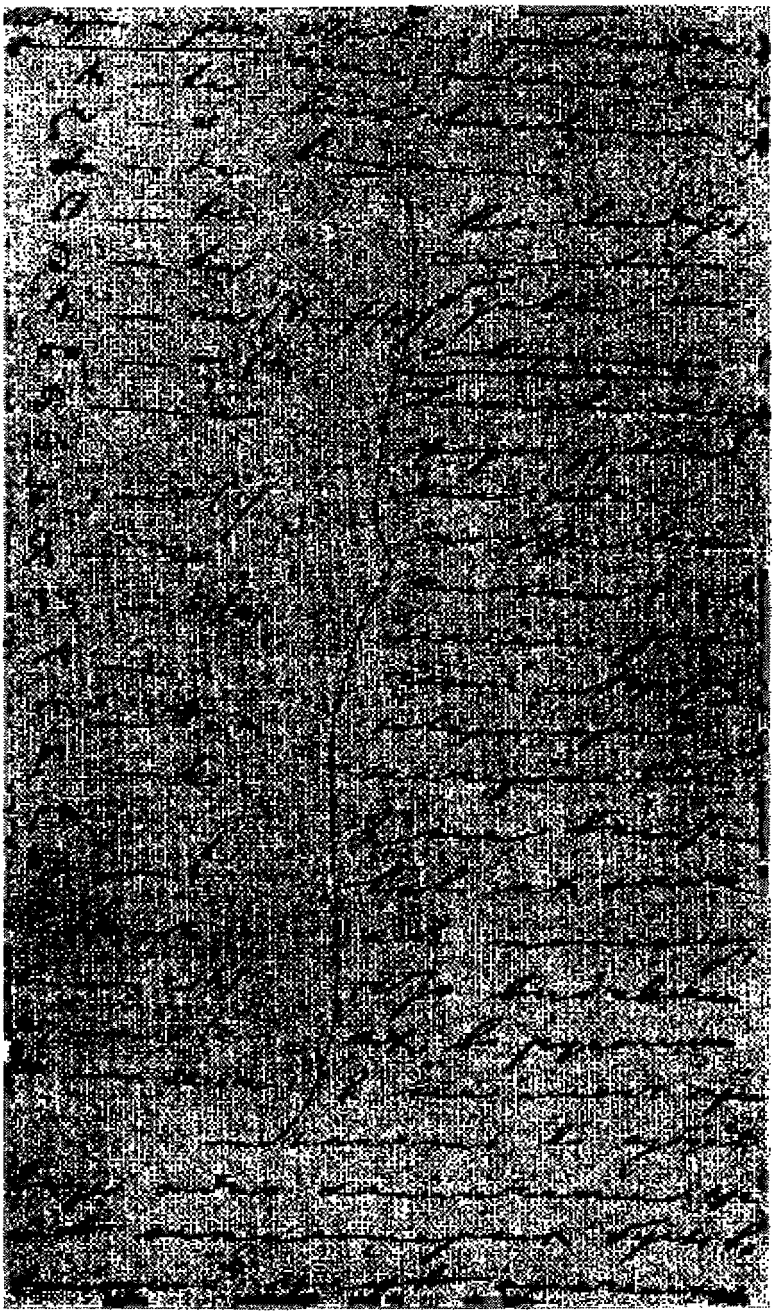
№ 12

1846 р. грудня 13.— ЛИСТ І. В. ВЕРНАДСЬКОГО ДО П. О. КУЛІША З ВІДОМОСТЯМИ ПРО ЕФІОПСЬКУ ГРАМОТУ

1846 г., дек[абря] 13 дня, С.-Петербург

Вы, верно, не ожидали от меня письма, но ведь мало ли что происходит, чего мы совершенно не ожидаем. Не знаю, напр[имер], и я, исполнятся ли мои ожидания — письма от вас: сами это решайте, а пока прочитайте вот это. Дело в эфиопской грамоте [117], которую я забыл сообщить вам, вот она сравнительно с глагометскою [118], хотя за безукоризненную верность начертаний я не ручаюсь: за границей вы можете п[р]оверить ее с книгой или рукописью эфиопскою в руках. Я думаю, таковые найдете в Берлине даже, не говоря о др[угих] знаменитых библиотеках. Загляньте в киевскую.

Начерт[ания] и знач[ения] ставлю только эфиопские, полагая для Вас глаголитские излишними. Вы видите, что некот[орые] буквы им[еют]



Сторінка з листа І. В. Вернадського до П. О. Куліша з відомостями про ефіопську грамоту

совершенно глаголитскую форму, хотя ни одна почти не имеет одинакового значения.

Против некоторых начертаний я не выставил их значения, потому что, видавши их в рукописи, я не мог приискать в азбуке. Еще одно замечание: кроме некоторых букв во второй графе, означенных без соединения с гласными, все прочие суть уже слоги, а не простые буквы, и произошли из соединения согласных с гласными. Впрочем, если Вы по́любопытствуете, то сами лучше меня разберете этот вопрос. Теперь прощайте! Пишите, если вы не мстительны.

Вчера я был у Плетнева, подписался в лотерею, где видел и ваше имя; познакомился с Як[овом] Карл[овичем] Гротом [119], приехавшим сюда на праздники. Прощайте.

Ваш друг Вернадский [120]

Благодаря трудности для иностранцев русской фамилии многие из знающих меня может быть не сохранили непарушимо чисто[го] имени моего в своей памяти. Если подобная история случится с кем-нибудь из людей, в коим имеют[ся] мои карточки, то вы отпишите мое назначение, занятие и время моей бытности за границей, тогда припомнится им моя личность.

Ч. V, арк. 32, 33. Автограф.
Опубл.: *За сто літ*[121].— 1928.— Кн. 2.— С. 68—69.

№ 13

1847 р. не пізніше березня.— ПАМ'ЯТНІ ЗАПИСИ П. О. КУЛІША

В Погодина [122] в лавке в 1846 при проезде через Москву оставалось «М. Чарныш[енка]» [123] — 29 экз[емпляров], «Лет[описи] Самов[идца]» [124] — 20 и «Карм[алюка]» [125] — кн. 60.

Доставлено мне из Киевской типогр[афии] в Петербург в 1846 г. 234 полных экземпляра «Михайла Чарнышенка», сверх того второго тома — 38, третьего тома — 45 и, кроме того, по неровному числу экземпляров разных листов; больше всего 7-го листа I тома, именно 72 экз[емпляра].

Перед отъездом моим в Петербург в типографии оставалось 276 экз[емпляров], по показанию начальника типогр[афии]. Но как он сверх 234 экземп[ляров] полных доставил мне в Петербург 72 экз[емпляра] 7-го листа, то у него, значит, оставалось не 276, а 306 экз[емпляров]. Итак, за ним 30 экз[емпляров].

Все доставленные в Пет[ербург] экземпляры присланы без обертки и в листах. За бумагу для обертки на 160 экз[емпляров] заплачено мною 2,50 к[оп]. сер[ебром]. За напечатание оберток 4 р[уб]. сер[ебром]. За брошюровку всех, какие можно было сшить, книжек 10 р[уб]. 90 к[оп]. сер[ебром]. Итого 17,40 к[оп]. сер[ебром].

В первых числах мая 1846 дано П. П. Максимовичу для передачи на комиссию по 20 экз[емпляров] «Чернышенка» и «Украины» [126]. В октябре 1846 доставлено ему от переплетчика 110 экз[емпляров] «Чарнышенка». Полных экземпляров «Чарнышенка» без обертки оставлено в кладовой Петра Алекс[андровича] [127], кажется, 63 экз[емпляра].

В первых числах мая 1846 доставлено Ишимовой 22 экземпл[яра] «М. Чарнышенка» для передачи на комиссию.

В Киеве в сундуке 61 экз[емпляр] «Чарнышенка» в син[ей] обертке.

В 1847 оставлены в Петербурге:

I) У Ольги Петровны [128] : Евангелие и готовальня (у нея же ящик для перчаток, выигранный в лотерею без меня).

2) У Сердюкова [129] часть книг, а какие именно, о том записка вложена в зеленую книгу. А книга в моем портфеле у Петра Александровича.

3) У Визерских комод, и в нем весь «Современник» [130], «Москвитянин» [131] — 100 экз[емпляров], карманн[ые] книжки и 28 экз[емпляров] «Украины».

В 1847 оставлено в Борзне у Никол[ая] Дан[иловича] Белозерского [132] несколько пакетов с бумагами.

В пакете под № 1 находится экз[емпляр] «Мих[айла] Чарнышенка» на писчей бумаге.

Под № 2 — письма, полученные до переезда в Петербург, и те, что получены в Малороссии при проезде за границу.

Под № 3. Автограф «Literatury i krytyki» [133], брульон [134]. Померн-дут (!), Записка Репнина о казаках [135].

Под № 4. Извлечение из реляции 1790, марта 26 о допросе участников бунта [136], брульон «Орисі» [137] и разные выписки.

Под № 5. Автограф «Koliszczyzny i stepów» [138], «Вопль жидов во время войн Хмельницкого». Часть писем, полученных в Малороссии в 1847.

№ 6. Разные бумаги второстепен[ной] важности. Сам он запечатает. Там же извлечения из писем к Е. И. Красковской, разные выписки истори[ческие] и пр[очее].

Ч. V, арк. 34, 35. Автограф.

№ 14

1847 р. лютого 24.— ЛИСТ М. А. РІГЕЛЬМАНА ДО ЛЮДОВІТА ШТУРА У БРАТІСЛАВУ ПРО ЗМІЦНЕННЯ КУЛЬТУРНИХ ЗВ'ЯЗКІВ МІЖ СЛОВ'ЯНСЬКИМИ НАРОДАМИ ТА ПЕРЕДАЧУ ЧЕРЕЗ П. О. КУЛІША, ЯКИЙ ІДЕ ЗА КОРДОН, ВІРШІВ О. В. КОЛЬЦОВА И «ОПИСАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ»

24 фев[раля] 1847, Киев

Любезный господин Штур! [139]

Давно уже вы не слышали обо мне и может быть предполагаете, что я, переселясь на свою родину, попавши в круг обыкновенной и мелочной жизни, утратил воспоминание о времени, проведенном с Вами и с прочими западными братьями. Если вы так думаете, то вы несправедливы ко мне, потому что я не меньше присутствую душою между вами, как и прежде: не моя вина, если на мои письма я не получил от вас ни одного отзыва. Я не приписываю этого вашему невниманию, а тому, что наши письма никогда не доходят в Венгрию. Так точно я писал в Быстрицу Кузьмани [140], послал ему несколько напевов украинских (т. е. ноты), зная, что он собирает славянские мелодии, но также не получил от него никакого отзыва. Доколе будет существовать между нами эта китайская стена?! Доколе все наши усилия к умственному размену будут сокрушаться о недостойные преграды, поставленные людьми недостойными?!

Пора бы серьезно приняться за уничтожение их, и мне кажется, что вы одни, с вашими добрыми намерениями, с силою вашего духа, могли бы это сделать. Не удивительно ли, что подобное явление оказывается именно в вашей земле, называющей себя свободною, между тем как мы можем иметь сообщение с людьми, живущими в деспотической Австрии. Только отрывочные и очень недостаточные известия доходят до нас о вашей деятельности, но судя и по этим отрывкам, я с истинною отрадою вижу, как вы преуспеваете на вашем благом поприще, как вы заботитесь о воспитании нравствен-

ном вашего народа в том истинном убеждении, что в наше время образование — ее единственная сила народа, неотъемлемая, существенная, которая рано или поздно непременно возвысит его над другими. В этом смысле не только славянину, но и каждому нельзя без истинного утешения следить за вашими благими начинаниями [141].

Наш соотечественник, г-н Кулиш, уже известный своими замечательными заслугами в отношении Украины, которого просим вас принять с обычною вам братскою любовью, он вам сообщит обстоятельные известия о нашей словесности современной и о движении жизни нашего отечества.

Я же могу передать вам только печальное известие о смерти Языкова [142], которого вы, верно, знали по сочинениям. Это большая потеря, потому что в последнее время Языков сделался в Москве одним из главных двигателей достойного круга молодых литераторов. Мы надеем[ся], что с будущего года Чижов, которого вы знаете, станет издавать в Москве «Русский Вестник» [143]. Известные вам доблестные качества издателя делают почти несомненными наши ожидания всего хорошего от этого издания. Это будет явление замечательное в нашей словесности, если только Чижову удастся исполнить его сообразно своим предположениям. Дай-то бог! Посылаю через г-на Кулиша в вашу читанницу: стихотворения Кольпова, замечательнейшее, что вышло в последнее время в области нашей поэзии, «Описание Мос[ковской] оружейной палаты», из которого вы ознакомитесь с бытом наших древних царей. Примите эту лепту в знак памяти сердца. Обнимаю вас от души. Я просил г-на Кулиша купить мне некоторые книги, посоветуйте ему; и дайте [на]ставление, как бы завести сношения. Обнимаю вас.

Николай Рнгельман [144]

На арк. 37 зв. напис: господину Штуру в Братиславе (Пресбурге).

Ч. V, арк. 36, 37. Автограф.
Опубл.: *Киевская* старина [145].— 1897.— № 1.— С. 3—4.

№ 15

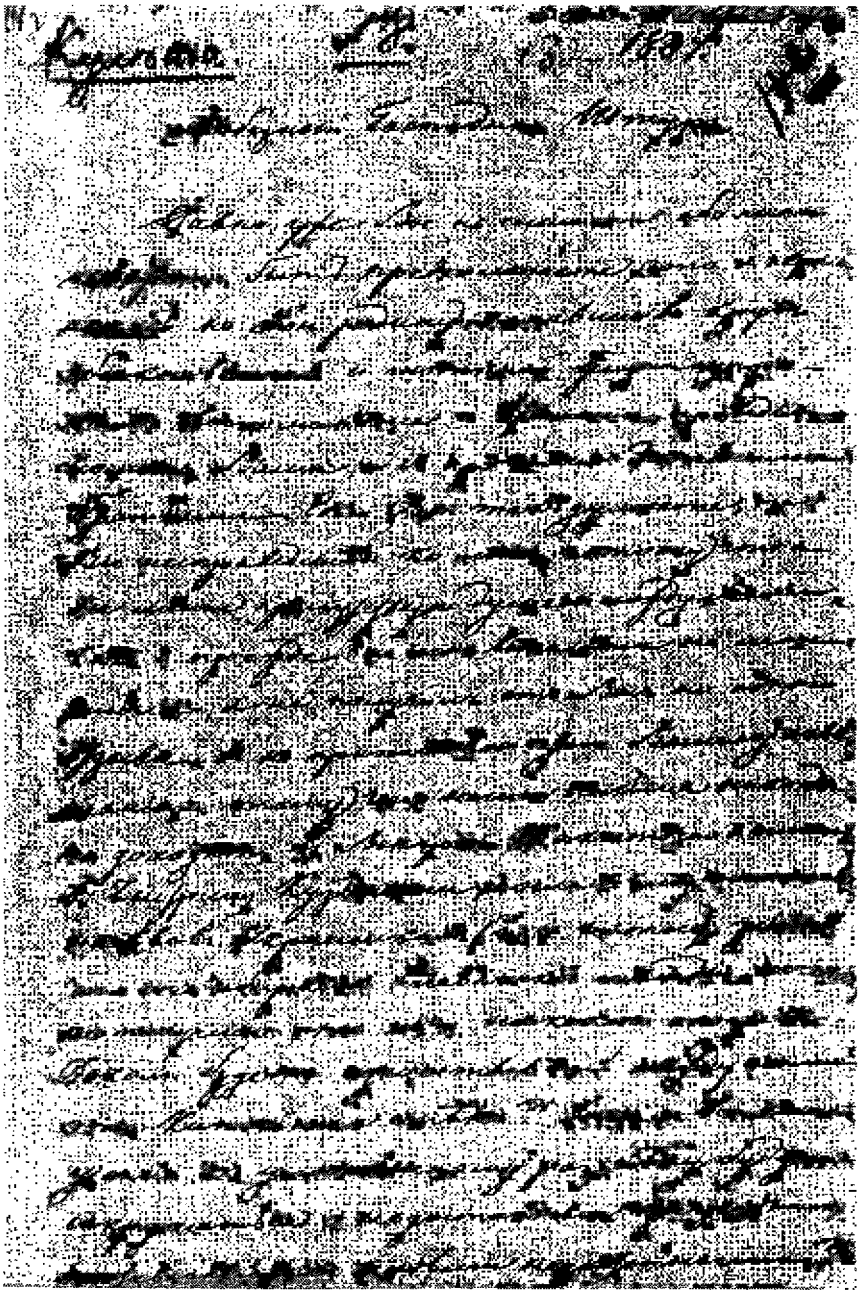
1847 р. березень.— ЗАПИСИ П. О. КУЛІША ПРО ОГЛЯД КОРЕЦЬКОГО ЗАМКУ

I

...Ходили ми довго кругом і в середині замку [146] і дивились на річку, що тече у його подовши на Корець, на села і ліси, що маячать у далі, та й думали: так колись гляділи давні жильці із своїх багатих покоїв у високі вікна замкових башт і веселились, і мучились сердешними муками, і любили, і ненавиділи, а тепер тільки руїни по собі зоставили і на місті їх радостей поріс буз та трава пустиння, і де вони ходили і говорили, там тепер ходить буйний вітер. Ми й самі засмутились: а нас самих не постигне ж тая доля, коли не будем старатись для общого блага, коли будем любити більш себе, ніж братів своїх?!

О, конешно, постигне ще й гірша; бо ми по собі і руїн би не зоставили, котрі б заняли і порадовали подорожнього!

Ч. V, арк. 59. Автограф, арк. 38. Переклад російською мовою.



Перша сторінка листа М. А. Рігельмана до Людовіта Штура у Братіславу

№ 16

1847 р., не пізніше березня.— ПАМ'ЯТНІ ЗАПИСИ П. О. КУЛІША

Книги, оставленные у Н. Д. Белозерского в 1847:
1. Русск[ий] ист[орический] сборник, т. I [147].
2. Кр[аткая] ист[ория] и геогр[афия] Сербии.
3. Teka rozmaitości [148].
4. О сущности цивилизации Метлинского.
5. «Киевлянин» [149] на 1840.
6. Сказ[ание] кн. Курбского [150], изд. 2-е.
7. Kurs pierwszoletni (1840—41).
«Literatury słowiańskiej», Mickiew[icza] [151].
8. Новый завет на греч[еском] яз[ыке] [152].
9. Из Киева послана: Précis de l'histoire moderne par Mic[h]elet [153].

В пакете под № 8. Перевод «Пана Каневского», рассужд[ения] о позем[ельной] собственности, разные курьезные вещи, списанные для стихотворства, и часть писем, полученных в Москве в 1847 г. Послан из Киева.

Оставлено у Бодянского [154] расписание, кому сколько разослать «Лет[опись] Самов[идца]» и «Укр[аинских] преданий» [155].

«Лет[опись] Самов[идца]» «Укр[аинские] пр[едания]»		
	«Лет[опись] Сам[овидца]»	«Укр[аинские] пр[едания]»
1. Юзефовичу [156]	100 экз[емпляров]	200
2. П. Максимовичу [157]	50	170
3. М. Ханенку	50	52
4. Грабовск[ому] [158]	2	5
5. Росковшенку [159]	2	2
6. Левицкому [160]	2	2
7. Китченку [161]	50	101
8. Н. Мизко [162]	2	
9. Гладкому О. М. [163]	1	2
10. Гренбергу	1	1
11. Взято з собою	20 Присл[ано] в Варш[аву]	24
12. В лавку Погод[ина]	20	
Итого	300	
13. Гукову	4	
14. Н. Д. Белоз[ерскому]	9	
15. Головинск[ому] [164]	2	
16. Метлинск[ому] [165]	1	
17. Изопольск[ому]	1	
18. Гр. Кулишу	1	
19. Л. Боровик[овскому] [166]	1	

Ч. V, арк. 39. Автограф.

№ 17

1846 р. липня 1 — 1847 р. березня 1.— ЗАПИСИ П. О. КУЛІША ПРО НАДХОДЖЕННЯ ГРОШЕЙ «ДЛЯ ДОБРЫХ ДЕЛ»

Деньги для добрых дел

1846 [г.] 1 июля К[улиш] П[антелеймон]	— 245 [р.] 65 к.	асс[игнациями]
В сент[ябре] Г[улак] Н[иколай]	— 25 [р.]	»
[в] марте Б[елозерский] В[асилий]	— 17 [р.] 60 [к.]	»
[в] окт[ябре] Б[елозерский] В[асилий]	— 21 [р.]	»
1 дек[абря] К[улиш] П[антелеймон]	— 112 [р.]	»
1 янв[аря] Г[улак] Н[иколай]	— 35 [р.]	»
1 марта К[улиш] П[антелеймон]	— 100 [р.]	»

Ч. V, арк. 40. Автограф.

№ 18

1847 р.— ЗАПИСИ П. О. КУЛІША ПРО ГРОШОВІ РОЗРАХУНКИ

Взято у А. В. Марковича [167] для себя (1845, авг[уста]25) 300 р. сер[ебром]

Тогда же для Красковск[ого] [168]	400	»
18 окт[ября] для себя	150	»
1 марта 1846 [г.] для Красков[ского]	300	»
16 окт[ября] для Красковск[ого]	100	»
20 ноября для Красковск[ого]	100	»
9 декабря для Красковск[ого]	100	»
Итого	1450 р.	сер[ебром]

С 1150 след[ует] в мес[яц] 5 р. 75 к. сер[ебром]
Уплачено Марковичу по 1-е ав[густа] 1846 [г.].
» » » 1-е янв[аря] 1847 [г.].
Оставлено у Марковича 33 неважные старинные монеты.

Ч. V, арк 40 зв. Автограф.

№ 19

1846 р. грудня 11.— РОЗПИСКА КНИГАРНІ «МОСКВИТЯНИНА» ПРО ПРИЙНЯТТЯ ВІД П. О. КУЛІША НА КОМІСІЮ КНИГ «ЛЕТОПИСЬ САМОВИДЦА» І «КАРМАННАЯ КНИЖКА ДЛЯ ПОМЕЩИКОВ»

В книжной лавке «Москвитянина» принято от г-на Кулиша на комиссию осьмнадцать экземпляров «Летопись Самовидца о войнах Хмельницкого» и также девять экземпляров брошюры «Карманной книги для помещиков» [169]; первая сер[ебром] 50; последняя 15 коп., за комиссию по 15 % с рубля.

11 декабря 1846 г.

С. Коробкин

Ч. V, арк. 41. Оригінал.

№ 20

1847 р. березня 31.— ЛИСТ П. О. КУЛІША З ВАРШАВИ ДО П. О. ЧУЙКЕВИЧА В КАМ'ЯНЕЦЬ-ПОДІЛЬСЬКИЙ ПРО ОДРУЖЕННЯ ТА ПОДОРОЖ ЗА КОРДОН

Варшава, 1847, апр[еля] 12 (марта 31)

Не забываю я старых приятелей, а молчу потому, что нет особенной надобности писать к тебе, тем более, что сведения о моих приключениях ты мог получить и от[ов]сюду, и притом за меньшую цену, как это докажет тебе, или, лучше сказать, доказало уже письмо это.

Хоть не так скоро, как думалось, но я-таки женился и переехал, наконец, за грань родной земли. Уже с месяц живу в Варшаве и цвенькаю з ляхами так, как тот, о котором сказано: «Ой п'є Сава і гуляє, ляхом вирубає!» Скоро перееду в Пруссию. Если тебя переведут в Киев, то у Костом[арова] [170] прочитаешь мои письма, в которых «пространно и ясно и удивительно показано», что я видел и чувствовал, «и явствует все». Повторять же все то было бы тратою времени, хотя для тебя и приятною, но с моей стороны неблагоразумною.

Да, я счастлив своею жинкою: такая украи[н]ка, что просто восхищение! Шевченка [171] наизусть знает, а в истории заткне за пояс иншого й скубента. Женщина разумная, твердая в намерениях, чувствительная к бедствиям человечества, одним словом, достойная самой высокой ступени в обществе [172]. Костомаров намерен был жениться после святок. Может быть, уже и женился. Я этому радуюсь. Но тебя умоляю не жениться. Ты погубишь себя и разрушишь мои блистательнейшие надежды. Ведь ты читал последнее мое сочинение, подаренное тебе Костомаровым? [173] Подумай об этом. Да если б и не то, то тебе совсем не следует теперь жениться. Тебе прежде всего нужно побывать за границей и пройти сквозь полный курс гидропатии; а женившись, это не так будет удобно, да и поздно в отношении к детям. Кроме того, посмотри на будущую свою жизнь в провинциальной тьме. Не лучше ли, вкусивши плодов просвещения европейского, жить и действовать вместе с такими людьми, как я и другие твои друзья? Подумай об этом крепко и побереги свою долю, которая еще в твоих руках покаместь. Мне — иное дело, Костомарову — тоже, но тебя — да сохранит господь от женитьбы!

Благодарю тебя за известие о смерти человека, жалкого в высшей степени [174]. Теперь мне на свете еще свободнее и светлее. Я уже написал в Воронеж о том, как поступить с моим наследством, а верительное письмо Гукову послано еще из Борзны. Хочу осчастливить бедную мою Оленку и ее мать [175], которые никогда не знали, что значит домашнее довольствие и изобилие. Гуков водворит их в моем хуторе по словам Давида: «На месте злачне водвори мя, на воде спокойне основа мя». Кажется так?

Начинаю опять забывать псалтырь, а в Киеве я было вытвердил его почти вряд наизусть. Воронеж теперь не будет для меня чужбиною, как ты видишь. Теперь я то могу сказать, вспоминая о нем:

«Есть в мире память обо мне. Есть в мире сердце, где живу я». Хутор свой я постараюсь устроить так, чтоб можно было и мне прожить в нем с неделю, когда случится проезжать через Черниговскую губ. А кто знает? Может быть, под старость мне не захочется нигде жить, кроме этого пустынного уголка, под которым по воле божией взошла звезда моя! По крайней мере, нигде вечерние и досвиточные казки не представляются мне такими очаровательными, как под тамошними соломенными стрихами. Прощай.

Твой П. К у л и ш

Земляк ваш, который вас щиро кохає і поважає, кланяє[ться] вам із чужої далекої сторони. Чи скоро я почую ваші пісні [176]. В[асиль] Б[ілозерський]. Прошу тебя и еще прошу и да стоит моя просьба тысячи, собирай украинские слова на Волыни и списывай густо на бумаге почтовой для вручения Костомарову, который перешлет мне; особенно мне нужны названия земледельческих орудий и их принадлежностей и вообще названия предметов из домашнего быта. Хочу приступить в Праге к переводу «Одиссеи» [177] на украинский язык из Жуковского и иностранных переводов.

На арк. 42 адреса: Его высокоблагородию Петру Емельяновичу Чуйкевичу г-ну учителю гимназии в Каменец-Подольске [178].

Ч. V, арк. 42—48. Автограф.
Опубл.: *За стор. літ.*— С. 80—81.

№ 21

1847 р. лютого 18.— ЛИСТ М. МАКСИМОВИЧА З ПЕТЕРБУРГА ДО П. О. КУЛІША З ВІТАННЯМ І ПОБАЖАННЯМ ЩАСТЯ В ЗВ'ЯЗКУ З ОДРУЖЕННЯМ ТА ПОВІДОМЛЕННЯМ ПЕТЕРБУРЗЬКИХ НОВИН

18 февр[аля] 1847 г., С.-П[етер]бург

Не знаю, где это послание настигнет вас, почтеннейший Пантелеймон Александрович, но где бы то ни было, оно несет вам наши искренние поздравления с важным событием в жизни вашей и сердечные желания всег благ, которых можно ожидать в жизни с доброю преданною вам супругою. По какому-то предчувствию мы гадали, что брак ваш должен был совершиться 24 генваря, и в этот же вечер, сидя дома, вспоминали о вас с Алекс[ан]дрою А[лександро]вною — значит и мы присоединялись к вам в этот торжественный день, полученное же мною 25 генв[аря] письмо ваше подтверждало наши предположения. Я больше всего в этом деле радуюсь тому, что вы избрали себе подругою иа жизнь — малороссиянку... Как я обрадовался и тому, что в бытность свою в Киеве нашли вы в нем таких драгоценных людей, как Шевченко, Костомаров и эта прелестная певица малороссийская; конечно, я радовался эгоистически и у Ив. В. Верн[адско]го, выведывая об имени ее и о месте жительства — для своих видов, которые, дай бог, чтоб осуществились. Великая моя благодарность вам за посещение моего панотца и за вести о нем, но мне совестно теперь, что вторичное посещение его, обещанное вами, может вас стеснить и виною этого я никак не хотел бы быть. Здесь, кажется, ничего не переменилось с отъезда вашего, по-прежнему по средам мы бываем у Петр[а] М[аксимовича] и встречаем у него тот же люд; по-прежнему он бывает у нас по субботам, приходит к нам также И. В. Верн[адский] и вступает в бесконечные разговоры с Ивгою, к прочим (т. е. и к Элькану) [179] присоединялся еще Ив[ан] М. Вигура, торопящийся теперь отправиться на родину; все это увлекается спустя час после обеда Петром Ал[ександровичем] Ал[ександре] Ос[иповне] Иш[имовой], видите, что и это тоже [не] переменилось. Около месяца я возился с отчетом по управлении округом, в который не вписал теперь литерат[урных] трудов ваших,— другие скрижали должны теперь говорить о них; эта работа совершенно поглощала мое время, и я не мог писать вам раньше. От Бодянского я получил недавно 30, а не 50 экз[емпляров] «Истории очевидца», отдал один экз[емпляр] Савичу [180], удержал себе один с благодарностью к вам за него, а прочие раздал книгопродавцам. В свете говорят теперь много об уничтожении чинов, для чего составлен особый комитет из товарищей министров. В «Сев[ерной] пч[еле]» [181] прочитал я недавно

объявление о новой книге под названием «О бунтах Хмельн[ицкого] и войне с татарами и против царств[ования] Владислава и Казимира в продолж[ении] 12 лет, начиная с 1647 г.», перев[од] с польского, Москва, 1847 г. Бодянскому я отвечал, что получил книги. У нас бесконечное множество снега и холодно. Ивга Козачка (собственные слова ее) кланяется П. А. Кулишу и супруге его, желает знать, где вы теперь и скоро ли вы приедете посмотреть ее. Ал[ександ]ра Ал[ександро]вна тоже кланяется вам с супругом, да передавайте ей и мое почтение. Вернадский начал уже свой экзамен. Не стесняйте себя письмами к нам, прийдет охота, пишите, а нет, то мы довольны будем и тем, что услышим о вас иногда от Петра Ал[ександровича]. Вам предстоят теперь большие труды и работы, в которых да поможет вам бог и к вашей пользе, и к нашему удовольствию; он же да хранит вас с супругою и в пути — это искреннее желание вашего преданнейшего М. Максимовича.

На арк. 48 зв. напис: Его высокоблагородию Пантелеймону Александровичу Кулишу.

Ч. V, арк. 49. Автограф.
Опубл.: *За сто літ.*— С. 69—70.

№ 22

1846 р.— 1847 р., не пізніше лютого.— ЧОРНОВІ ЗАПИСИ П. О. КУЛІША

«Астрология» Бредова

Адреса:

Фед[ор] Христианович Гренберг, управляющий в Межириче. Писать в Канев.

Владимир Петрович Коссов. В Невель, Витебской губ.

Григорий Николаевич Частаховский [182]. По 19 линии, в казармах лейбгвардии Финляндского полка. Ученик натурного класса Академии худож[еств].

Ивану Гр[игорьевичу] Кульжинскому [183], директ[ору] Закавказских училищ в Тифлисе.

Николаю Никиф[оровичу] Мурзакевичу [184], проф. Одесского лицея.

Семен Лукъянович Милютинович [185] в Белграде.

Григорий Иванович Петров, селитренного дела мастер в Шостенском пороховом заводе.

Вернадский. На Васильевском острове, во второй линии, на углу среднего проспекта, в доме Дитрикса (?), под № 4.

Григорий Вас[ильевич] Александренко, отст[авной] подп[оручик] в Смоленске.

Александр Мих[аилович] Маркович [186] в 5 верстах от Глухова. На станции узнать, дома ли. Там и лошадей дают.

Пав[ел] Никол[аевич] Фусс [187], непрем[енный] секр[етарь] Ак[адемии] наук [198].

О Мицкевиче в Париже узнать в польской лавке, которая близ русской посольской церкви.

Théodore Tchijoff. «Rome. All'antico caffé greco» [189].

Обещано списаться и свидеться с ним.

В Варшаве Петр Никол[аевич] Очкин, товарищ министра финансов (Чижов к нему напишет).

В Юхнов ехать из Воронежа прямо. От горы Пироговской взять налево [190].

В письме от 21 авг[уста] я обещал Грабовскому написать из Киева или из Варшавы о его Тайкурах.

«Друг матерей» Грума — 1 р[уб]. 50 коп. сер[ебром],

«Советы матерям о физ[ическом] восп[итании] детей» Гуфланда, перевод. Ф. О. Т. (?) — 50 к[оп].

В Новгород-Сиверске, в Троицкой церкви, Покорский портрет [191].

В Кракове дешево можно сшить платье, а белье — в Берлине, но еще дешевле в Дрездене.

В Берлине в журнале «Abeille» [192] узнать адрес проф. Duvivier, у которого можно жить и учиться по-английски. Учитель Ман. Жена зна [...] [193].

Анатомия и физиология человека и животных. Жемчужина — ц[ена] 10 р[уб]. сер[ебром] [194].

Отправленные к Граб[овскому] листы перевода «Пана Кан[евского]» оканчиваются описанием его любовницы, именно след[ующими] словами: «гордость и смелость делали ее настоящею Роксоланою [195], и не удивительно, что она была [...]».

Перевод «Киевск[их] богомольцев [196] напечатан: в венском журнале: «Allgemeine Teatralzeitung» [197]. 1846.

«Взгляд на русск[ие] сказки и песни» Цертелева [198].

В Оксфорде Эфиопская рукопись сходн[ая] с глаголитск[ими] письменами [199].

В Пресбурге отличный славянист словак Штур.

В Вене в славянской кофейне спросить Теребельского, с кот[орым] познакомиться [200].

В Венеции у кобеняках ходят. Капитан Дмитриевич. Спросить в Caffé militarei [201].

В Берлине учитель Ман дает уроки английского языка по 20 прусск[их] грошей Französishe Straße [202].

В Москве: «Историю Руссов» [203] послать Викт[ору] Белозерскому [204].

В Париже секретарь посольства, сын Петра Ивановича Балабина.

Из Киева послать Николаевскому [205] летописи. Адрес:
Его в. Никол[...].

В Туле Костя Кривоногов [206].

Владимиру Петр[овичу] Коссову писать в Невель Витебской губ.

Его в[ысокоблагородию] Федору Дмитриевичу Серанину для передачи Вас[илию] Пантелейм[оновичу] Визерскому, в Петербурге близ Обуховского моста в собственной гостинице (Визерский обещал составить записку о мониальных магазинах).

В Лемберге, по словам Головинского, самая лучшая славянская библиотека, собранная Оссолинским [207]. Есть письмо у меня для входа в нее к князю Любомирскому [208] от кс[ендза] Головинск[ого].

В Варшаве познакомиться с Кухарским [209], автором путешествия по славянским землям [210].

В Киеве пересмотреть «Ж[урнал] м[инистерства] н[ародного] п[росвещения]» [211].

В Богемии купить по просьбе Пав[ла] Петр[овича] Максимовича простой стакан самого чистого богемского стекла.

Из Киева написать к Вернадскому, получит ли Рогович [212] место в Киевском университете.

Из Киева написать к П[авлу] Макс[имовичу] об 1 экз[емпляре] для Савича [213].

Chrszczącszch brzmi w trzcinie i mnie w ten czas dzwięk mowy rodzinnej ocuci [214].

В Варшаве убедить Стороженко [215] послать Бодянскому список реестр[а] козаков Богдана Хмельницкого [216].

Из Киева написать к Китченку о портрете Александра Ригельмана [217] в 20 в[ерстах] от Чернигова, в деревне Андреевке (не тот, что в церкви, а в доме).

Арсеньевичу Коровкину, для передачи Сергею Александр[овичу] Никол[...], в Углич [218].

Павлу Иосифу Шафарику [219] в Прагу для передачи такому-то.

Галагану Гр[игорию] Павл[овичу] [220] писать в Москву, на Тверской, в Леонтиевский переулок в доме Андреевского.

В Киеве попросить о переводе брата Бодянского [221] поближе к Лохвице (?)

В Варшаве сказать Петру Павл[овичу] Дубровскому [222], что перевод его напечатан в 1 № «Чтений [в Обществе истории и древностей российских]» [223] второго году. Экземпляров его мимо таможни послать в Варшаву нельзя, а через таможню общество не может. Что с ними делать?

В Киеве спросить у молодого Ригельмана о 1, 2, 3 и 4 № первого года «Чтений», посланных по его требованию Судьенку [224], где они?

В Киеве узнать от Кост[омарова] о Сементовском [225] и написать к Бодянскому. Написать также и о Явтухе Горемыхе [226].

Се строк мой, его же извомих, возлюбленный мой, пан же благоволи душа моя; положу дух мой на нем, и суд языком возвестит (М[е]ф[одий], XII, 18).

П и с ь м а:

К П. А. Плетн[еву] I, 10 дек[абря] из Москвы; II, 17 дек[абря] из Борзны; III, дек[абря] 26, Киев; IV, дек[абря] 29, Киев; V, генв[аря] 4, Киев (о Гулаке); VI, генв[аря] 10, Борзна; VII, 14 янв[аря], Борзна; VIII, февр[аля] 4; IX, ф[евраля] 7; X, ф[евраля] 17; XI, [февраля] 25; XII [февраля] 27; XIII, марта 6 (18) опис[ание] Нов[оград]-Вол[ынска], Корца и Оф.

К А. О. Ишим[овой] I, 16 дек[абря], из Борзны.

К П. П. Максим[овичу] I, 18 дек[абря] из Борзны, тут же и к его жене; II, 16 генв[аря].

К О. П. Пл[етневой] (?) I...; II, 29 янв[аря]; III, марта 30 (18).

К П. А. П[летневу] XIV, марта 30 (18).

В Петербургской Академии художеств [227] на портрете Мазепы сзади написано: «Напольный гетман». Следовательно, это не портрет Мазепы. Он привезен из Варшавы, говорил Н. Д. Белозерский.

Из Киева написать к Бодянскому о Конисском [228] и народопис[ании].

В Киеве у М. Максим[овича] взять сравнения [229].

При свидании спросить у Ригельмана о 1, 2, 3 и 4 № «Чтений» первого года, посланных Судьенку по его требованию. Где они?

О Сементовском и Явтухе.

В Варшаве Бодянский советовал познакомиться с начальником Главн[ого] коронного архива Бентковским [230], потом с Мациевским [231], Бандтке [232], Линде [233], Балинским [234], Евецким Орестом [235] и Федором [236]; у Кухарского, по его словам, ничего не добьешься — мертвый человек [237].

В Бреславле профессор славянской лит[ературы] в университете (говорит по-русски) прекрасный человек.

Там же знаменитый физиолог Пу́ркине [238], кот[орого] немцы зовут Буркинье.

Но кратчайшая дорога в Прагу на Ольмюнц.

У Голомуци (Ольмюци) проф. чешской словесности Шембера [239].

У Празе остановиться в гостинице Платанз.

Выписать для Чуйкевича Смарагдова [240] «Сокр[атову] ист[орию]» — 11 экземпляров [241].

К Бодянскому писать: 1) О народописании и карте для Н. Д. [Белозерского]; 2) О брате его; 3) О 5, 6 и 7 № «Чтений» для Кост[омарова]; 4) «Ист[орию] Конисск[ого]» для Викт[ора] [Белозерского].

Для Гукова руководство по ботанике; для Чуйк[евича] — Задеку, и для Н. Д. [Белозерского] — народописание Конисского и карты.

Адреса:

В Глухов отст[авному] штабс-капитану Никол[аю] Семен[овичу] Гукову.

Фаддею Илларионовичу Ладе-Заблоцкому, управляющему соляными копями в Кульпах. Через Тифлис и Эревань в Кульпы, Армянской области.

Костомаров в Рейтарск[ой] ул. за Георгиевск[ой] церковью, в доме Клименовой.

Гр[игорию] Павл[овичу] Галагану, в Москве, на Тверской, в Леонтиевск[ом] переулке, в доме Андреевского.

Заставить Б[одянского(?)] писать к П[летневу(?)] о Лоренце [242].

В Познани доставить от Свидзинского [243] «Ист[орию] Киевск[ой] ак[адемии]» Лукашевичу [244], библиотекарю Рачинского библиотеки [245]. Он имеет историю школ.

Н. Д. [Белозерскому] — песни люду галицийского, современные.

В Познани св. Лукашевич занимается (1843, Денница) историею реформации на Подоле, Волыни, Украине и в Малой Польше. Много неизвестных еще материалов.

К половине мая следует послать денег куме и крестнице.

Для Гриши: 1) Простр[анная] гр[амматика] Востокова [246], 2) Атл[ас] ист[орический] и географический.

В Варшаве отыскать педагога Ивана Никол[аевича] Соколова и поклониться от Н[иколая] Дан[иловича Белозерского], не отзовется ли?

В Киеве ствердить:

Вертикальное письмо на бумаге в 2 р[уб]. сер[ебром]. Во всем, что вы учините, спорить и прекословить не буду.

В Новгород-Сиверск писать к Грендковскому о занятии с Гришею фр[анцузским] язык[ом].

Для М. 8 иконок в 50 к[оп]. сер[ебром].

Для Н. Д. [Белозерского] «Краледв[орскую рукопись]» [247]. 1) Рукопись в Праге напеч[атана] при «Известиях российской академии» (1820); 2) Брошюра о Чернигове.

Быть два раза у отца Павла Петровича М[аксимовича].

К Свидзинскому о Ерличе.

Писать Галагану о высылке Китчену 2 экз[емпляров] в переплете [248].

Из-за границы послать Ладе-Заблоцкому весь журнал Юрдана и Фирдожи с перевод[ом] английск[им] или француз[ским], а если нет, то и с немецк[им]. Он просит прислать это за деньги.

В Варшаве, познакомившись с Петр[ом] Добровским, припомнить ему о Ладе-Заблоцком и его московской дружбе. Благодарить за справедливый отзыв о Л[аде]-Забло[цком] в «Москвитян[ине»]. Не сообщит ли он ему своего адреса?

Литову прислать 25 экз[емпляров] «Лето[писи] Самовидца» [249].

Для Н. Д. [Белозерского], Вацлава з Олеска, у кот[орого] взять Лоренца, для Гриши книгу его [...] [250] послать [251].

Адреса:

Ив[ан] Фил[иппович] Хилчевск[ий].
Подольск[ой] губ., Проскуровск[ого] уезда в м. Черн[ый] Остров.

Ос[ипу] Мих[айловичу] Гладк[ому] Таврич[еской] губ. в г. Бердянск, а оттуда в Петровск[ую] крепость.

Андр[ею] Ив[ановичу] Пустовойт[у], Вол[ынской] губ., Староконстант[иновского] уезда в м. Волочиск.

Ив[ану] Вас[ильевичу] Росковшенку, инспектору гим[назии], в Тифлис.

Якову Ив[ановичу] Бередникову [252], в С.-Пет[ербург] на Фонтанке, вправо от Горох[овской] ул. в доме Кондаурова.

Гр. Серг[ей] Сем[енович] Уваров.

Кн. Плат[он] Александр[ович] Ширински[ий]-Шихматов [253].

О[тцу] Симеону Левицкому, св[ященнику] м. Стебл[ева], в Богуслав Киевск[ой] губ.

Отст[авному] шт[абс]-капит[ану] Николаю Семенов[ичу] Гукову, в Глухов.

Фаддею Иларионовичу Ладе-Заблоцкому, управляющ[ему] солян[ыми] копями в Кульпах. Через Тифлис и Эреваиь в Кульпы Армянской области.

Н. И. Костомарову, на старом Киеве, в Рейтерской ул., в д[оме] Клименовой.

Гр[игорию] Павл[овичу] Галагану, в Москве, на Тверск[ой], в Леонтиевск[ом] переулке, в д[оме] Андреевского.

Фед[ору] Христиан[овичу] Гренбергу, в Каневе, а отт[уда] в м. Межирич.

И[ану] Гр[игорьевичу] Кульжинск[ому], директ[ору] Закавказск[их] училищ, в Тифлисе.

Никол[аю] Никиф[оровичу] Мурзакевичу, проф. Одесс[кого] лицея.

Пав[лу] Никол[аевичу] Фусс, непрем[енному] секрет[арю] Ак[адемии] наук.

Théodor Tchijoff. «Rome allántico caffé grece [254].

Обещано списаться и свидеться.

Андрею Никол[аевичу] Гороновичу у Семен[овского] моста, по Горох[овской] ул. в доме Домонтовичевой или в Академии.

Николай Аркадиевич Ригельман, в Чернигове.

Вячес[лав] Вячесл[авич] Мациевский, в Варшаве, на Электронной ул. за коморою, № [...].

Петр Павл[ович] Дубровский, в Варшаве, в ценз[урный] комит[ет].

Микуцкий на Крак. прес. у купца Истомина, дом Резлера, книжный магазин.

Сам живет в ulice Dlugiej [255], N 581.

Miss Andrus: London 2, Queeńs Square

Place st. James — Park — A [256]

на даче, куда отправилась по английскому обыкн[овению] в декабре месяце, ответ Lee House, congleton, Chashire [257].

П и с а т ь:

К Н. Д. [Белозерскому]: Соколов умер [258].

К Серд[юкову]: о заглавии одного списка Самовидца, Свидзинск[ому]. Бод[янский(?)] не согл[асился] взять экземпляров «Лет[описи] Самов[идца]».

К Н. Д. [Белозерскому]. Распечатать пакет под № 8 и переписать «Пана Каневского».

К Марк[овичу]. Материалы для украинской географии.

Ч. V, арк. 50—53 зв. Автограф.

№ 23

1847 р. березня 1.— ЛИСТ П. О. ЧУЙКЕВИЧА З КАМ'ЯНЦЯ-ПОДІЛЬСЬКОГО ДО П. О. КУЛІША У ВАРШАВУ З ВІТАННЯМ З НАГОДИ ОДРУЖЕННЯ ТА З ВІДОМОСТЯМИ ПРО СМЕРТЬ ЙОГО БАТЬКА

Каменец-Подольский, 1 марта 1847 г.

С отъезда твоего я не имею о тебе никаких известий. Просил Костомарова дать мне какие-нибудь о тебе сведения, но Костомаров столько же знает, сколько и я, где ты и что ты. Шевченко, кажется, до сих пор не воротился в Киев, а в нем главный источник сведений [259].

Это обстоятельство заставляет меня обратиться прямо к тебе самому и попенять за то, что ты, кажется, начинаешь забывать старого приятеля. Из Петербурга ты так часто писал ко мне, а теперь в продолжение двух месяцев ни слова, ни полслова.

Женился ли ты? Об этом запрашивают меня воронежцы. Я думаю отвечать им «да». От чего ж не удовлетворить любопытство земляков? Только спрашивают мои родные, а не твои, потому что у тебя теперь, кажется, не остается ни роду, ни племени: недавно ты потерял то, что сколько-нибудь связывало тебя с недостойными твоими родными, именно отца, о смерти которого мой отец пишет так:

«Он» (т. е. ты) «ему» (т. е. отцу), «оставив денег на его надобности 15 р[уб]. сер[ебром], которые по отъезду Пантелеймона на другой день уворовано кем-то 7 руб., а последние не могу знать [260], на что он их издержал. Сам же он приказал вам долго жить: генваря 8-го числа умер без призрения и три дня не говорил до смерти, только ревел, а речи не было. Но Пантелеймон просил меня, дабы я его на щот отца уведомлял почаще через тебя или в Москву через профессора Бодянского с передачею ему, Кулишу, где он находится. Брат же его горбаты[й] хотит на меня искать, что якобы я их имущество перевел, но покойны[й] Кулиш положил было под сохранение ко мне казан и трубу, но казан продал Гусаковскому, а труба не его, а заложена ему Василием Кащенком за 50 руб., то он говорил, пускай до приезду Пантелеймона остается, то пускай Пантелеймон у своем письме об ней напишет, как с нею распорядиться. Мы слыхали, что якобы Пантелеймон, едучи, в Борзне женился на ком-то, правда ли это или нет, уведоми нас».

Если ты счастлив в новом твоем состоянии, то я благодарю бога, ты достоин всего, что есть лучшего на земле. Скажу, между прочим, что твой пример заразителен: Костомаров также женится [261], да и я не знаю, удержусь ли от этого искушения. Это, однако же, еще гипотеза, а если она не исполнится, то я непременно со временем [хочу] приехать к тебе заграницу.

Меня обещали перевести летом в Киевскую 1-ю гимназию [262].

Жаль, как подумаешь, что ты, я думаю, теперь никогда не заглянешь в Воронеж, который остается для тебя дорог по одним разве воспоминаниям. Правда, ты отдал уже ему дань, как родине, но все же жаль: без тебя, без твоего пера пруды его заглохнут, березы и вербы с горя еще плачевнее опустят свои ветви. И скоро ли их оживит чья-нибудь рука.

Пожалуйста, не скупись на письма, хоть в несколько присестов да намахай огромнейшее письмо с подробностями о заграницe.

Твой Ч у й к е [в и ч]

Ч. V, арк. 54—55. Автограф.
Опубл.: *За сто літ.*— С. 75—76.

№ 24

1847 р., не пізніше березня.— СПИСОК АДРЕС РІЗНИХ ОСІБ, СКЛАДЕНИЙ П. О. КУЛІШЕМ

Адреса:

Ив. Ф. Хильчевский. Подольской губ. Проскуровского уезда в м. Черный Остров.

В Шостенский пороховой завод Е. Б. селитренного дела мастеру Гр[игорию] Ив[ановичу] Петрову, для передачи А. А. Кулишу.

Е. П. Осипу Мих. Гладкому, Таврич[еской] [губ.] в г. Бердянске, а оттуда в Пе[тр]овскую крепость.

Андр. И. Пустовойту, Вол[ынской] губ. Староконст[антиновского] уезда м. Волчиска.

Dem hochwohlgeboren[em], dem Herrn Direktor des Nationalmuseums Ritter v[on] Hanka [263] in Prag [264].

Ив[ану] Вас[ильевичу] Росковшенку, инспектору Тифлисск[ой] гимназии в Тифлис, для передачи Фадд. Илар. Ладе-Заблоцкому.

Гр[игорию] Тимоф[еевичу] Мизко, в Екатеринослав губернский.

Мих[аилу] Ант[оновичу] Грабовскому, в Чигирин.

Измаилу Ив[ановичу] Срезневскому, в Харьков.

Мих[аилу] Петр[овичу] Погодину, в Москву, в [со]бств[енный] д[ом] на Девич[ьем] полке у Саввы Священого.

Якову Ивановичу Бередникову, на Фонтанке, вправо от Гороховой улицы, у Каменного моста, в доме Кандаурова.

Тайному сов[етнику] и кав[алеру] Мих[аилу] Николаевичу Мусину-Пушкину, попечителю С.-Пет[ербург.] уч[ебного] округа Ал[ександре] Ос[иповне] Ишимовой.

Гр. Сергей Семен[ович] Уваров.

Кн. Плат[он] Александр[ович] Ширинский-Шихматов.

Отцу Симеону Левицкому, священнику мест[ечка] Стеблова.

Ч. V, арк. 56. Автограф.

№ 25

[*1847 р.*]— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО КРОНБЕРГЕРА (?) З ПРОХАННЯМ КУПИТИ КНИЖКИ СЕРБСЬКОЮ, ЧЕСЬКОЮ МОВАМИ І НАДІСЛАТИ ІХ М. А. РІГЕЛЬМАНУ ДО КИЄВА, А ТАКОЖ ДОСТАВИТИ РОСІЙСЬКІ КНИГИ В. В. ГАНЦІ В ПРАГУ, ШТУРУ — ПРЕСБУРГ, В. С. КАРАДЖИЧУ — У ВІДЕНЬ

Покорнейше прошу на прилагаемые при сем 5 золотых полуимпериалов купить для меня книг: чешских, словацких и сербских по Вашему собственному выбору из вышедших с 1846 г. ученого содержания или по изящной словесности. Эти книги прошу адресовать в Киев, в канцелярию военного губернатора Николаю Аркадьевичу Ригельману [265] через г-на Зубрицкого [266] в Львове, который может поручить эту доставку купцу Гартенштейну. Книги же прошу доставить следующим лицам: Ганке в Праге — «История христианства в России до Владимира», Штуру в Пресбурге — «Описание московской Оружейной палаты», стихотвор[ения] Кольцова — Вуку Стефановичу, «Московский сборник» — Караджичу [267] в Вене.

Ч. V, арк. 57[268]. Автограф.

№ 26

1845 р. червня 11.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО З НАГОДИ ПОДАРУВАННЯ ЙОМУ КИШЕНЬКОВОЇ ІКОНИ

Подражая одной прекрасной душе, кладу тебе в карман эту иконку для самого лучшего употребления.

Добрый Вася! Ты вполне заслуживаешь того, что тебя все так любят. Не торопись же для меня в Киев, оставайся у коханых столько, сколько можно.

П[а н т е л е й м о н] К [у л и ш]

1845, июня 11, Киев

Ч. V, арк. 60. Автограф.
Опубл.: *За сто літ.*— С. 45.

№ 27

1847 р. лютого 25.— ЛИСТ М. А. РІГЕЛЬМАНА ДО В. В. ГАНКИ З ВИСЛОВЛЕННЯМ ПРИЯЗНІ Й ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАДІСЛАННЯ КНИЖОК ТА З ПРОХАННЯМ ВЗЯТИ УЧАСТЬ У ПІДГОТОВЦІ ВИДАННЯ РОСІЙСЬКО-СЛОВ'ЯНСЬКОГО ЖУРНАЛУ І ПРИХИЛЬНО ПРИЙНЯТИ П. О. КУЛІША

Киев, февраля 25, 1847

Милостивый государь Вячеслав Вячеславович!

Пользуясь отъездом г-на Кулиша к вам, в вашу славянскую семью, чтобы напомнить и о себе, и доказать, что всякий истинно русский хотя бы несколько дней имел отраду знать вас, уже навсегда сохранит это воспоминание, как одно из самых светлых воспоминаний своей жизни, куда бы потом не забросила его судьба и обстоятельства. Много уже прошло времени с тех пор, как вы так родственно-дружески принимали меня в своем музее, а между тем эти минуты так живо сохранились в моей памяти и с такою же благодарностию я вспоминаю о них, как бы это было вчера.

Нужно ли говорить, с каким участием мы следим за успехами народности и славянского развития, какие делают ваши соотечественники, и с какою жадностью мы ловим известия о них, хотя, к сожалению, редко и отрывочно до нас доходящие. Что в особенности отрадно видеть в умственном движении славян западных, это теплоту сердца, души, которая в нем проявляется, обхватывая весь народ своими благотворными лучами, христианскую любовь к простому классу, которая внушает вам столько разных средств к его образованию и возвышению нравственному. Можно ли без глубокого уважения смотреть на людей, посвятивших себя воспитанию этой меньшей братии нашей, и поистине велика будет заслуга славянства, если оно внесет в жизнь чувство нашего общего братства и духовного равенства. В этом вы, славяне Запада, опередили нас, восточных, но не думайте, чтобы и мы оставались недвижимы и нечувствительны, и над нами восстает заря славянского света и народной любви.

Г-н Кулиш, известный уже своими трудами в нашей литературе, сообщит Вам подробнее отрадные явления нашего литературного и умственного кругозора. Одно из отраднейших есть деятельность Бодянского, проявляющаяся в «Чтениях Москов[ского] историч[еского] общества». Это издание достойно привлекает более и более общее внимание. Но в последнее время мы понесли и важные потери. Злая судьба отняла у нас несколько благороднейших деятелей: Прейса [269], Линовского [270], обещавшего много хоро-

шего своим благородным стремлением, Языкова, который, кроме поэтического достоинства, был одним из главных действователей в кругу московских писателей и одушевлялся жизненной любовью к своему отечеству. К числу светлых надежд принадлежит издание в Москве «Русского Вестника» Чижовым с будущего года. Это будет самостоятельный русско-славянский журнал и мы все просим наших западных братьев не отказать ему в своем живом содействии.

Поручая вашей обычной приязни нашего соотечественника, вполне ее заслуживающего, я прошу принять от меня «Историю христианства в России до Владимира» и дать мне маленькое место в Вашем воспоминании. От глубины души Вам преданный и покорный слуга

Николай Ригельман

Место моего жительства тепе[рь] в [Киеве], если вы захотите порадовать меня известием, то прошу а[дресовать в] канцелярию генерал-губернатора.

Еще в прошлом году через г-на Зубрицкого я препроводил к Вам остальные деньги по званию члена чешской матицы, но до сих пор не получаю ее изданий за 1846 г. Покорнейше прошу вас навести об этом справку и побудить Кронбергера к высылке их в Киев через Зубрицкого и купца Гартенштейна в Бродах.

На *арк. 62 зв. напис:* Его благородию милостивому государю Вячеславу Вячеславичу Ганке в Праге.

Ч. V, арк. 61—62. Автограф.
Опубл.: *Киевская* старина.— 1897.— № 1.— С. 2—5.

№ 28

1847 р. квітня.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА Л. В. ДУБЕЛЬТА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ЗМІСТ ДОКУМЕНТІВ, ВИЛУЧЕНИХ У П. О. КУЛІША ПІД ЧАС АРЕШТУ

С учителем Кулишем доставлены из Варшавы его бумаги и еще бумаги родственника его Белозерского.

По рассмотрению части бумаг оказалось, что между тетрадями ученого содержания, собранием малороссийских песен и разных писем обыкновенного содержания находятся следующие замечательные бумаги и письма:

1) Рукопись, писанная рукою Белозерского, «Закон божий» [271] на малороссийском наречии. Это вполне та самая рукопись, которой два экземпляра найдены у Гулака и в конце оной находятся те же воззвания к братьям украинцам и полякам, с включением Устава славянского общества [272].

2) Записка руки Кулиша, в которой исчислено, сколько экземпляров и к кому послано книг, под названием: «Летопись Самовидца о войнах Хмельницкого» и «Украинские предания» [273], книги были посланы сотнями: Юзефовичу, Максимовичу, Ханенко, Китченко; по несколько экземпляров: Грабовскому, Росковшенко, Левицкому, Мизко, Гладкому, Гренбергу, Гулаку, Белозерскому, Головинскому, Метлинскому, Изопольскому, Гр. Кулишу и Боровик[овскому]. Здесь же находится счет деньгам для добрых дел [274], которых с июня 1846 г. по март 1847 г. роздано: К[улишу] П[антелеймону], Г[улаку] Н[иколаю] и Б[елозерскому] В[асилию] 556 руб. ас[сигнациями]. Там же значится, что Кулиш брал и у Марковича для себя и для Красковского 1450 руб. серебром. Это возрождает вопрос: не было ли у них кассы общества.

3) Рисунок, изображающий голову малороссиянина, отрубленную саблею и терзаемую орлом, а вверху рождающаяся луна.

На этом кончился разбор, и между бумагами и письмами Кулиша есть много таких, которые с первого взгляда заключают в себе намеки и выражения весьма подозрительные, требующие внимательнейшего и продолжительного рассмотрения.

[...] Апреля 1847

Помітка О. Ф. Орлова: Быть я в Шпице сегодня не могу, в 1 ч[асу] молебен в малой церкви для свиты, посмотрим завтра. Письмо к фельдмаршалу с письмом к жене Кулиша, по взятии копии мне принеси.

Ч. V, арк. 63, 64. Оригінал

№ 29

1847 р. квітня 10.— ВИТЯГИ З ДОКУМЕНТІВ, ВИЛУЧЕНИХ У П. О. КУЛІША ПІД ЧАС АРЕШТУ

Выписки из замечательнейших бумаг бывшего учителя Кулиша

1. Статья о гайдамаках [275], в которой описаны два набега гайдамаков, случившиеся в XVII веке. Эта статья писана рукою Кулиша и есть другой экземпляр статьи, представленный студентом Петровым [276]. Навроцкий [277], отдавая такую же статью Петрову, говорил, что она может служить для возбуждения в малороссиянах прежнего воинственного и свободного духа [278].

2. Записка Кулиша, в которой исчислено, сколько экземпляров и к кому послано книг [279] под названием: «Летопись Самовидца о войнах Хмельницкого» и «Украинские предания». Книги были посланы сотнями: Юзефовичу, П. Максимовичу, Ханенку, Китченку; по несколько экземпляров: Грабовскому, Росковшенку, Левицкому, Н. Мизко, О. М. Гладкому, Гренбергу, Гукову, Н. Д. Белозерскому, Головинскому, Метлинскому, Изопольскому, Гр. Кулишу и Боровик[овскому]. Здесь же находится счет «деньгам для добрых дел», которых с июля 1846 г. по март 1847 г. роздано: К[улишу] П[антелеймону], Г[улаку] Н[иколаю] и Б[елозерскому] В[асилию] 556 руб. 25 коп. ассигнац[иями]. Там же значится, что Кулиш брал и у Марковича для себя и для Красковского 1450 руб. серебр[ом]. Это возрождает вопросы, не было ли у них кассы общества.

3. Рисунок, изображающий голову малороссиянина, отрубленную саблей и терзаемую одноглавым орлом, а вверху рождающаяся луна. Такой же рисуиок находится еще в книге с целыми листами, подобной альбому.

4. Кулиш из Варшавы писал к учителю гимназии в Каменец-Подольский Чуйкевичу [...] [280].

5. Записка его же, Кулиша, какому-то Василию [281], такого содержания: «Подражая одной прекрасной душе, кладу вам в карман иконку для самого лучшего употребления». Не была ли это икона св. Кирилла и Мефодия? [282]

6. Письмо служащего в канцелярии киевского военного губернатора чиновника Николая Ригельмана к профессору Ганке в Прагу [...] [283].

7. Письмо того же Ригельмана к Штуру в Пресбург [...] [284].

8. Письмо учителя Подольской гимназии Чуйкевича к Кулишу[...][285].

9. Письмо П. Максимовича из С.-Петербурга к Кулишу [...] [286].

10. Записка Кулиша [287], из которой видно, что в Борзне у Ник[олая] Дан[иловича] Белозерского оставлены им разные бумаги, письма, также под № 2 письма, полученные до переезда в Петербург, и те, что получены в Малороссии при проезде за границу. Также извлечение из писем к Е. И. Красковской, разные выписки исторические и проч[ее].

Под № 3. Автограф «Literatury i krytyki» [288], записка Репнина о казаках.

Под № 4. Извлечение из реляции 1790-го марта 29-го о допросе участников бунта...

Под № 5. Автограф «Koliszczyzny i stepów» [289], «Вой жидов во время войн Хмельницкого». Часть писем, полученных в Малороссии в 1847 г.

11. Портфель с альбомом Кулиша, в котором отмечены также адреса знакомых его и разные отметки о том, на какие предметы должно ему обратить внимание за границею. Здесь между прочим отмечено: «О Мицкевиче в Париже узнать в польской лавке, которая близ русской посольской церкви. Федор Чижов — обещано списаться и свидеться с ним. В С.-Петербурге Вас[илий] Пантелейм[онович] Визерский обещал составить записку о мышачьих магазинах. В Варшаве Бодянский советовал познакомиться с начальником Главного коронного архива Бентковским, потом с Мациевским, Бандке, Линде, Балинским, Евецкими Орестом и Федором; у Кухарского, по его словам, ничего не добьешься — мертвый человек. В Познани Лукашевич занимается историей реформации на Подоле, Волыни, Украйне и в Малой Польше. В Варшаве отыскать педагога Ив[ана] Ник[олаевича] Соколова и поклониться от Н[иколая] Дан[иловича] не отзовется ли».

12. Простонародный рассказ, переписанный Белозерским, о наборе в 1790 г. Потемкиным в Малороссии войска, о ропоте и толках по этому случаю новобранцев [290]. Между вещами Кулиша не оказалось ни кольца, ни иконы во имя св. Кирилла и Мефодия.

10 апреля 1847 г.

Ч. V, арк. 65—73. Копія.

№ 30

1847 р. квітня 30.— ВИКЛАД ЗМІСТУ УРИВКІВ РОМАНУ «ЧОРНА РАДА» [291] П. О. КУЛІША, ОПУБЛІКОВАНИХ У ЖУРНАЛАХ «МОСКВИТЯНИН» І «СОВРЕМЕННИК», ЗРОБЛЕНИЙ ІІІ ВІДДІЛЕННЯМ

Отрывки из сочинения Кулиша под названием «Черная рада», помещенные в «Москвитянине» и «Современнике» за 1845 и 1846 гг., рассмотрены.

Из них видно, что сочинение Кулиша есть роман, в котором изображены малороссияне в XVII веке; действуют полковник Шрамко и другие, более в обыкновенных случаях жизни. Но мимоходом говорится о набегах малороссиян как о важных войнах, о наездах казаков, как бы о рыцарстве, словом, у Кулиша и здесь малороссийские казаки представляются в преувеличенной славе.

В одном месте, при рассказе об отце Шрамка (в виде эпизода), описано с особенною живостию восстание малороссиян против поляков и помещены мысли о тягости рабства, о беспокойном духе казаков («Современник», 1845, № 4, с. 21—32). В другом месте приводит слова, кажется им любимые, Богдана Хмельницкого: «Тим бо і сталась по всьому світу страшенная козацькая сила, що у вас, панове молодці, була воля і дума єдина» (там же, № 5, с. 173).

Впрочем, все это обращено к Польше и нисколько не относится до России. Поэтому «Черная рада», кроме чрезмерных мыслей о древнем будто бы рыцарском казачестве, не заключает «в себе ничего подозрительного». Кулиш объясняет, что полная рукопись «Черной рады» его находится в Москве у проф. Бодянского.

30 апреля 1847 г.

Ч. V, арк 74, 75. Копія.

№ 31

1847 р. квітня, не раніше 30.— ПОЯСНЕННЯ П. О. КУЛІША В ІІІ ВІДДІЛЕННЯ З ПРИВОДУ РОМАНУ «ЧОРНА РАДА»

В моих бумагах, которые здесь, «Черной рады» нет.

Первый и второй тома были помещены: а) в «Современнике» 1845 г. в 3, 4 и 5 № под заглавием: «Пять глав из романа «Черная рада»; в) в «Современнике» 1846 г. в 1, 2 и 3 № под заглавием: «Киевские богомольцы»; с) в «Москвитянине» 1846 г., кажется, в 3 или в 5 № под заглавием: «Один день из жизни запорожца Кирилла Тура».

Отдельно «Черная рада» еще не напечатана. Она находится теперь вся в Москве у профессора Бодянского в рукописи.

Ч. V, арк. 76. Автограф.

№ 32

1847 р. квітня 13.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА, В ЯКОМУ ВІН ПОСИЛАЄТЬСЯ НА СВОЮ «КАРМАННУЮ КНИЖКУ ДЛЯ ПОМЕЩИКОВ», ВИДАНУ ПІД ПСЕВДОНІМОМ «ШТАБ-ЛІКАРЯ ГЛАДКОГО», ЯК НА СВІДЧЕННЯ ПРИХИЛЬНОГО СТАВЛЕННЯ ДО РОСІЯН

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Так как вы, по доброте своей, предоставляете мне все средства оправдаться, то позвольте в доказательство своего хорошего мнения о великороссиянах указать вам на последнее печатное мое сочинение: «Карманная книжка для помещиков», изданная под псевдонимом штаб-лекаря Гладкого. Ее можно найти в здешних книжных лавках.

С глубоким почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга.

П. Кулиш.

1847, апр[еля] 13. С.-Петербург

Помітка Л. В. Дубельта: Исполнено.

Ч V, арк. 77. Автограф.

№ 33

1847 р. квітня 24.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ КЛОПОТАТИСЯ ПЕРЕД МИКОЛОЮ І ПРО ПОМИЛУВАННЯ ТА З ПОЯСНЕННЯМ ПРИЧИН НАПИСАННЯ Й ВИДАННЯ «ПОВЕСТИ ОБ УКРАИНСКОМ НАРОДЕ»[292]

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Так как вы из человеколюбия обещали принять во внимание всякое мое оправдание, то позвольте доложить еще вашему превосходительству, что «Повесть об украинском народе» написана мною случайно, а не с злым намерением возмущать умы земляков моих. Это было именно вот как. Приехавши в Петербург, я был очень радушно принят в домашнем кругу Александры Осиповны Ишимовой, издательницы детского журнала «Звездочка»[293]. Не зная, как выразить ей мою благодарность, я написал для ее журнала эту «Повесть об украинском народе», и в типографии оттиснули для меня только двести особых экземпляров. Если бы я имел намерения возмущать моих земляков против законного их правительства, то судите сами,

ваше превосходительство, такое ли ничтожное количество экземпляров я бы напечатал? Оглядываясь на прошедшее, я теперь с ужасом вижу, что, увлекаясь ложным взглядом на вещи, я сам стремился и, может быть, вел других к величайшим бедствиям; но клянусь всем для меня священным, что я стремился слепо, и только теперь вижу, какие ужасные последствия могли бы иметь мои умствования. Из человеколюбия, из сострадания к моему семейству возьмите, ваше превосходительство, на себя труд склонить государя к великодушному прощению моего безрассудства. Я же, помня, что для меня сделано, все силы свои и способности употреблю на то, чтобы будущими моими сочинениями загладить вред, происшедший от моих безрассудных действий.

С глубоким почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга.

П. Кулиш

1847, апреля 24. С.-Петербург

Помітка Л. В. Дубельта: Иметь в виду.

Ч. V, арк. 78, 79 Автограф.

№ 34

1847 р. квітня.— ВІДПОВІДЬ П. О. КУЛІША НА ЗАПИТАННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ТЕ, ЗВІДКИ ВІН ДІЗНАВСЯ ПРО ПРИЇЗД ДО ПЕТЕРБУРГА ЙОГО ДРУЖИНИ О. М. КУЛІШ ТА М. Д. І В. М. БІЛОЗЕРСЬКИХ

От кого вы узнали, что супруга ваша приедет через два дня? Кто такой Николай Данилович? Кто Виктор?

Мне известно, когда его прев[осходительство] послал мое письмо к жене моей. В письме я пишу, чтоб она немедленно взяла место в дилижансе. Расчет основан на предположении.

Николай Даннлович Белозерский, двоюродный брат моей жены и сосед по имению ее матери.

Так как он уже в пожилых летах и исправлял в уезде должность судьи и предводителя дворянства, то он для Белозерских служит вместо отца, и к нему они обращаются во всех важных семейных делах. Виктор Белозерский, старший брат моей жены, служащий здесь в Петербурге, кажется, в министерстве государственных имуществ. Неважное место занимает.

Ч. V, арк. 80. Автограф.

№ 35

1847 р. квітня 27.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ НАПРАВИТИ ДО НЬОГО ЛІКАРЯ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Я болен и нуждаюсь в пособии медика; именно — у меня сделалось воспаление в одном нежном органе, и может кончиться дурно, если не остановить его вовремя. Сделайте одолжение, ваше превосходительство, не откажите мне в этой просьбе.

С глубоким почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга.

П. Кулиш

1847, апреля 27. С.-Петербург

Ч. V, арк. 81. Автограф.

№ 36

1847 р. квітня 16.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ П. О. КУЛІША В III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы, предложенные г-ну учителю Кулишу и ответы его

16 апреля 1847 г.

1. Вы писали к Гулаку, что он должен переехать в С.-Петербург для пользы своей родины [294].

Почему приезд его в С.-Петербург мог быть полезен для Малороссии?

Гулак известен мне как молодой человек с отличною ученостью. Занимаясь приведением в известность и критическою разработкою исторических, юридических и этнографических малороссийских памятников, я желал иметь в нем ученого сотрудника. Совет мой Гулаку переехать в С.-Петербург был предложен потому, что он в то время, не выдержав в Киевском университете экзамена на магистра прав, намерен был переехать в Дерпт. В таком случае переехать ему в Петербург было бы гораздо полезнее для него самого и для публики, которой он намерен служить как литератор. Вот почему приезд Гулака в Петербург мог быть полезен для Малороссии.

2. Что значат в письме вашем к Гулаку слова: «здесь между Москвою и Петербургом решаются два великие современные вопроса». И какие это вопросы?

Москва, судя по выходящим в ней книгам, стремится к исключительной славянской народности; Петербург, напротив, в своих журналах проповедует общеевропейское образование. Это я разумел под именем двух великих современных вопросов.

3. Почему вы писали к Гулаку, что коль скоро он приедет в С.-Петербург, то сейчас увидит, как важно и для Украйны и для вас, друзей Гулака, и для него самого пребывание его в Петербурге?

У друзей Гулака собрано довольно исторических и других материалов для печати. В провинции их издать трудно, потому что там нет ни книгопродавцов, которые бы взялись напечатать, ни журналистов, которые бы могли принять некоторые статьи в журналы. Пребывание его в С.-Петербурге было бы важно для Украйны потому, что он, не обремененный, как я в то время, службою, мог бы всеми этими делами заняться в особенности; для друзей его потому, что они бы имели деятельного посредника между ими, книгопродавцами и журналистами; а для него самого потому, что здесь он сошелся бы со многими ученымн и опытными в литературном деле людьми.

4. Что разумели вы, писав к Гулаку: «Немцы холодны к тому, от чего у нас, русских, головы трещат и сердца разрываются?»

Это разумеется о дерптских немецких ученых, к которым я в этом письме не советую Гулаку ехать, а советую сблизиться в Петербурге с русскими, которые сильнее сочувствуют всему, что занимает современное русское общество. Продолжение письма подтверждает эти слова.

5. Что значат слова в письме вашем к Гулаку: «Зачем же ехать в страну отвлеченных знаний, вместо того, чтобы спешить принять участие в водовороте современной русской жизни», и какой это водоворот?

Эти слова составляют продолжение письма, на которое я указал в предыдущем ответе. Страною отвлеченных знаний я назвал Дерпт с его учеными, а водоворотом русской жизни я назвал обыкновенные разговоры в свете, которые для меня, приехавшего недавно из провинции, казались чем то поразительным.

6. Что значат в письме вашем, к Гулаку же, слова «многое, многое вы здесь, (т. е. в С.-Петербурге) узнаете, о чем писать не подобает?

В Петербурге я слышал такие разговоры о заграничных событиях, которых никогда в Киеве не слышал. Писать о них, конечно, не следовало.

7. От кого вы полагали, что он может узнать то, о чем вы считали неудобным писать?

Я не могу припомнить, сам, где и от кого случалось мне слышать разные толки, почерпаемые из иностранных журналов.

8. *Вы писали к Гулаку, приглашая его в С.-Петербург: «Во мне вы найдете здесь самого преданного вам человека и, соединивши свои силы, мы с вами приведем в исполнение многое». Что именно думали вы привести в исполнение?*

Мы думали привести в исполнение предположение издать и разработать критически разные исторические материалы.

9. *Вы также писали к Гулаку: «Из бумаг моих, остающихся в Киеве, предоставляю вам выбрать для себя и увезти в Дерпт что вам угодно». У кого в Киеве хранились ваши бумаги? Какие это бумаги? И где они теперь находятся?*

Бумаги мои хранились в Киеве у Василия Белозерского. Это были разные исторические материалы. Они находятся теперь в Борзне у Николая Даниловича Белозерского.

10. В письме к Костомарову вы, укоряя его за фразу, сказанную с кафедры о ничтожности души украинского народа, пишите «что фраза эта может сбить многих с толку, а других заставить опустить руки [295]*. Что вы хотели выразить словами: «Сбить с толку и опустить руки»?*

Авторитет Костомарова для его слушателей так силен, что после этого приговора украинскому народу одни стали бы действительно смотреть на его историю с презрением, а другие бы перестали трудиться для приведения ее в известность.

11. Далее вы пишите: «Отчего же вам не проповедывать в моем духе на кафедре». В чем заключается этот дух, о котором вы говорите?

Это было писано под влиянием провинциальной односторонности. Тогда я имел взгляды на Малороссию гораздо выше, нежели теперь.

12. Кого вы в том же письме называете Моисеем украинской поэзии?

Есть народная песня о Богдане Хмельницком, в которой он говорит приведенные мною далее в письме слова. Моисеем украинской поэзии, воспетым в народных песнях, я называю Хмельницкого.

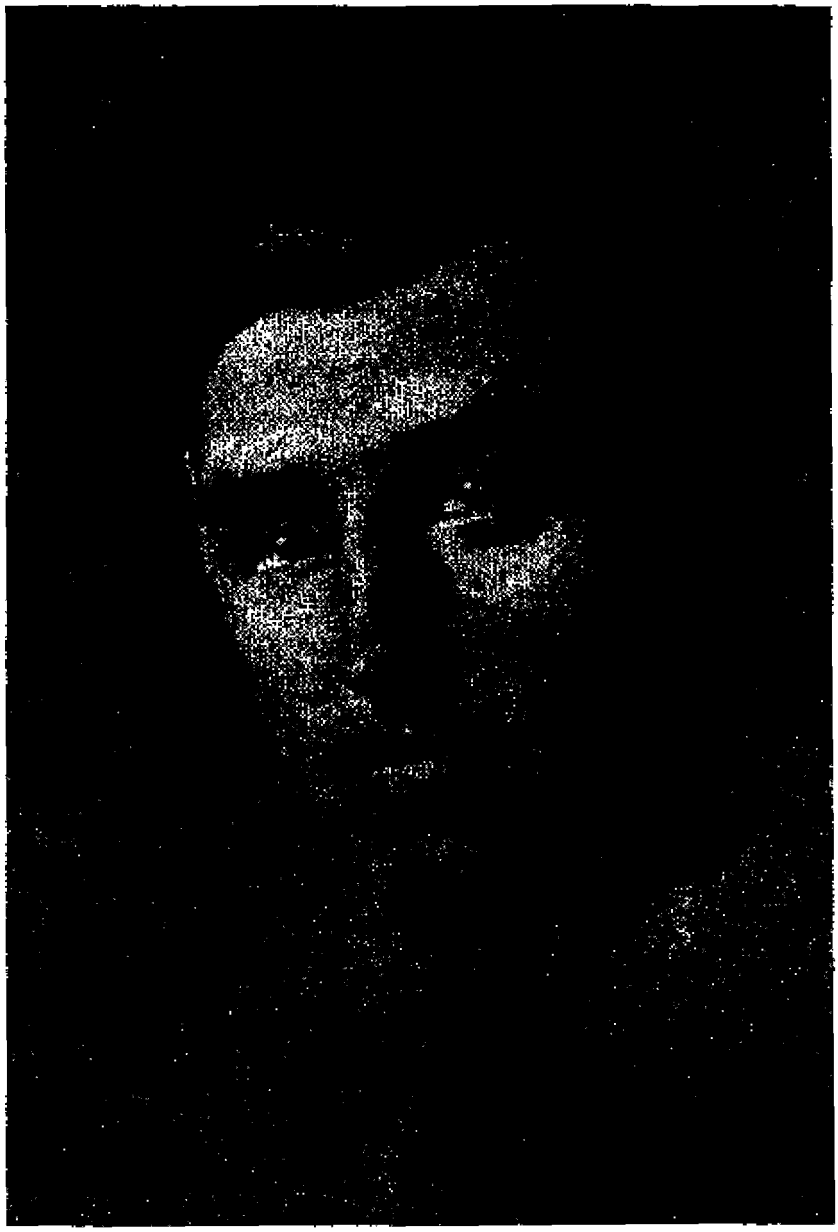
13. Кого вы разумеете в том же письме губителем, мучителем, фараоном, которого потопила поэзия украинская?

Не поэзия украинская, а народ украинский потопил, так сказать Польшу, которую я называю губителем, мучителем, фараоном.

14. Что значит в том же письме следующая фраза: «Погодите, будет может быть время, когда от одного звука труб ее падут стены и твердыни, для разрушения которых вы считаете необходимым оружие». Писал ли вам об этом Костомаров или говорил с вами и что именно?

Не хочу скрывать, что иногда я думал, что может быть в украинском народе опять повторятся ужасные сцены 1768 г., когда на правой стороне Днепра простолюдины хотели истребить своих господ. Теперь я думаю напротив, и в этом письме под именем труб Малороссии разумею ее литературу, которая доведет помещиков до того, что они добровольно представят крестьянам свободу. Стены и твердыни в переносном смысле значат у меня права, по которым крестьяне принадлежат помещикам.

Костомаров писал ко мне в одном из своих писем: «Горькая, ничтожная судьба Украйны, происходит от ничтожества души народа». Эти-то слова и повели меня к таким опровержениям.



Портрет П. О. Куліша. Художник Т. Г. Шевченко. Травень 1843 — січень 1847 р.

15. Что значит также написанное вами в том же письме: «Будет время и царей-поэтов, которые все покоряют своему божественному могуществу»?

Влияние поэтов на народ, по моему мнению, царственно велико: под именем царей-поэтов я разумею поэтов высшего полета, подобно тому, как орла называют царь-птицей.

16. Что значат слова в том же письме: «Будет время и воздвижению храма, в котором поклонятся и чуждые народы»?

Здесь я разумею храм наук и литературы, равно общий всем народам, как, например, греческая литература.

17. Кого вы разумеете под наименованием пророков, искупителей многих в том же письме?

Разумею писателей, которые своими сочинениями доведут помещиков до добровольного освобождения крестьян.

18. О каком божественном чуде, которое, по выражению вашему, может совершиться, вы писали в том же письме?

Если бы то, что я отвечал на 17-й вопрос, совершилось, что это было бы даровано народу свыше.

19. Какого разделения на избранных и неизбранных вы пишете к Костомарову, что не принимаете?

Костомаров думает, что одни народы избраны уже провидением для того или другого события, а я думал, что каждому народу дано вкусить благ по его заслугам.

20. Какие горячие чувства малороссийских деятелей сосредоточиваются на народе, как вы пишите?

Горячие чувства любви к человечеству заставляют малороссийских писателей обращать внимание публики на улучшение быта простолюдинов.

21. Кого именно вы называете малороссийскими деятелями?

Квитку [296], писавшего под именем Основяненка, Шевченка и самого себя.

22. Почему вы так их именуете?

Единственно потому, что они действуют посредством литературы на публику.

23. Что вы называете в отношении Малороссии губительным влиянием невежественного московского правительства и в каком отношении?

Я иначе не могу изъяснить себе, как невежеством, поступков представителей Московского (говорится о тех временах, когда не было еще Петербурга) правительства в Малороссии, из которых боярин Хитров [297] способствовал к избранию в гетманы Выговского, князя Гагин [298]-Бруховецкого, а князь Голицын [299] — Мазепы — трех величайших обманщиков России. И если по интригам Выговского, Бруховецкого и Мазепы пролились реки крови в Малороссии, то как же не назвать губительным влияние на дела Малороссии таких представителей правительства великороссийского, каковы были боярин Хитров, князь Гагин и князь Голицын.

24. Что вы хотели выразить словами: «На гетманстве удержались только холопы и подножки е. ц. п. в.?»

То есть удержались те из гетманов, которые подобно Бруховецкому, титуловавшемуся в своих подписях холопом и подножком его царского пресветлого величества, что мне казалось чересчур низкопоклонным, всячески раболепствовали перед теми, кто был посредником между ними и особой царя.

25. Что вы разумеете под словами: «Явятся новые из народа, явятся сердца святые, которым сама природа внушит без науки любовь к родному»[300].

Это становится ясным по прочтении предыдущей фразы: «Если увянут все ныне действующие на литературном поприще малороссияне», явятся

новые из простолюдинов, которым, новым деятелям литературным, сама природа внушит, что должно любить родной язык и поэзию.

26. Далее вы пишите, что эти новые из народа примутся работать и приносить жертвы с таким жаром, какого может быть еще и не видано.

Литературные труды бывают не разлучны с пожертвованием времени, здоровья, а иногда и денег.

27. В том же письме вы пишите: «Довольно изучить иностранное, руководствоваться ответами веков, но действовать у себя дома». Какое действие дома вы здесь разумеете?

Действие дома я разумею литературное. Само собою разумеется, что с литературою всегда соединено влияние ее на умы публики. Где же, если не дома, то есть на родине, можно сильнее подействовать писателю на умы.

28. Еще далее вы пишите: «Христианство не должно охлаждать наше стремление к развитию своих племенных начал». Что разумеете вы под развитием племенных начал?

Язык, нравы, обычаи и вообще все, что характеризует малороссиян при сравнении их с другими племенами.

29. Вы пишите: «Не без причины брошено в землю зерно и пустило уже глубоко корень». Поясните, что вы хотите сказать этою фразой?

Эти племенные начала, подобно зерну в земле, так глубоко срослись с личностью малороссиян, что несмотря на близкие сообщения их с соседними народами, они все-таки остаются с собственными отличиями. Из этого я и заключаю, что это не даром и что, значит, должно эти начала развивать.

30. Вы пишите еще: «Что касается до развития, а не стояния, то оно совершится в действователях». Какое развитие вы тут разумеете?

Я разумею развитие ума и других способностей, которое должно совершиться сперва в действователях, то есть в литераторах, чтобы они могли способствовать к развитию нравственных сил народа.

31. О каких действователях вы говорите, что они именно, как действуют и для чего?

Я говорю вообще о литературных малороссийских действователях, под которыми кроме самого себя, разумею здесь именно Костомарова и Шевченка.

32. Далее вы пишите, что это развитие, при лучших внешних обстоятельствах, перейдет к народу. Поясните, какое именно это развитие и при каких лучших обстоятельствах оно перейдет к народу; каким образом и в чем именно?

Я разумею тоже развитие, какое объяснил в ответ на 30-й вопрос. Лучшими обстоятельствами я называю повсеместное заведение школ для простолюдинов и распространение всеобщей грамотности в народе. Посредством распространения всеобщей грамотности удобнее всего было бы литераторам сообщить народу в большей или меньшей степени свою образованность.

33. О каких писателях вы говорите, что они заставили подумать, как бы спасти то, что еще уцелело?

Я говорю об историках: Бантыш-Каменском и Марковиче, потом о Квитке, о Костомарове, о Шевченке и о себе самом.

34. Что называете вы под выражением «спасти, что уцелело»?

Уцелели исторические и другие песни, народные поверья и предания, также костюмы и обычаи.

35. Когда вы были в последний раз в Киеве, то что вы говорили с Костомаровым о предположении вашем учредить школы и писать разные для народа книжки? Вы обещали в письме к нему говорить с ним об этом.

И мои и его мысли в последнее время переменились. Мы убедились, что это дело правительства, а не частных людей, и решились заниматься только ближайшими своими обязанностями.

36. Какие книжки вы писать предполагали и какие думали заводить школы, где и каким образом?

Мы намерены были написать краткие учебники на малороссийском языке по части священной и гражданской истории, географии, счетоводства и сельского хозяйства, а школы завести сперва хоть в самом малом количестве, намерены были уговорить помещиков; предполагалось же завести их по деревням под руководством священников.

37. Для какого именно, прежде условленного предприятия, вы просили у Костомарова и чрез него у Гулака денег, отзываясь, что ни от кого еще ничего не получили?

Так как для малороссийских книг бывает мало покупщиков и издателю нельзя надеяться иногда возвратить и собственные издержки, что испытал я на себе, то я, Костомаров, Гулак и Василий Белозерский условились для издания малороссийских книг делать складчину, так чтобы ежемесячно каждый откладывал, сколько может денег от своего жалованья, и в случае надобности передавал бы мне для складки в опекунский совет или издания какой-нибудь малороссийской книги. Я тогда намерен был издать в Петербурге исторические украинские предания и просил на это у Костомарова и Гулака денег, но получил их всего 98 р[уб]. 60 коп. ассигнациями в разные времена от их троих, и издал на них только брошюру: «Карманная книжка для помещиков, или лучший способ управлять имением». Что же следовало от меня самого в складчину, того я до сих пор еще в опекунский совет положить не собрался.

38. Кто именно обещал вам еще на этот предмет денег?

Обещали на это денег только Гулак, Костомаров и Василий Белозерский.

39. Каких обещаний Костомаров и другие не исполнили, как вы к нему пишите?

Обещания эти кроме означенных денег, касались еще и высылки мне разных моих книг, остававшихся в Киеве.

40. Вы пишите в другом письме к Костомарову: «Мы окончим наш диспут о христианстве, если то будет дозволено комнатами». О чем вы хотели говорить секретно с Костомаровым и что именно говорили?

Когда я был за несколько времени до своей свадьбы в Киеве, мы завели с Костомаровым ученый диспут о влиянии христианства на образование народов. Не могу теперь припомнить, в чем именно мы не соглашались, что́ утверждали и что́ отрицали. Выражение же мое: «если это будет дозволено комнатами» не значит, что мы хотели говорить по секрету, но всяк согласится, что заводить историческо-богословские прения на свадьбе, посреди множества людей для нас чужих, было бы странно.

41. Были ли на вашей свадьбе Костомаров и Грабовский?

Ни тот, ни другой не были.

42. Где сочинение ваше «Черная рада» и какие друзья ее переписывали в Киеве?

«Черная рада» находится в Москве у профессора университета Бодянского. Я просил переписать ее Белозерского и Марковича, но Белозерский, не имея сам времени, просил переписать за себя часть моей рукописи кого-то другого. Впрочем это разумеется только о первом томе. Второй же и третий тома переписал мне здесь в Петербурге один бедный человек, Коссов, за деньги.

43. Что значит подпись ваша «рукою власною» — как в прежнее время подписывались малороссийские гетманы [301]?

«Рукою власною» значит в переводе «рукою собственною». Так подписывались впрочем не гетманы только; а все грамотные люди в старину, в отличие от тех, которые не умели собственноручно подписать своего имени. Это сделано мною по прихоти, из ребяческой любви ко всякого рода старине. Старинные поляки тоже писали подписи своих имен: własną ręką (собственною рукою), а малороссияне заимствовали от них.

44. Что означает ваш вопрос к Костомарову: «Что же «Повесть об украинском народе?»

Я послал ему экземпляр этого сочинения и просил его отзыва о нем, но не получая никакого отзыва, я сделал ему этот вопрос.

45. Что значит в письме вашем на малороссийском языке: «Что обернулось от безладья, потому что не умели стоять за одно по завещанию Хмельницкого?»

Есть в «Запорожской старине [302], изданной Срезневским, народная песня о смерти Богдана Хмельницкого, в которой он, прощаясь с казацкими старшинами, увещевает их всех стоять за одно. Известно, что междоусобия по интригам разных партий начались в Малороссии немедленно по смерти Хмельницкого и продолжались безпрерывно до падения Дорошенка. От этого-то безладья Украйна почти опустела, а с правой стороны Днепра, уступленной по договору полякам, весь народ был переселен на левую, так что та сторона надолго осталась пустынею. Изобразив в «Черной раде» жалкую картину внутренних несогласий в Малороссии, я с горестью припомнил все эти события и мог сказать, что она обратилась в ничто (обернулась нина́що) — от безладья, которое произошло от неисполнения завета Хмельницкого.

46. Какие вы делали вопросы Белозерскому в течение 1846 г., о чем он упоминает в письме к Гулаку?

Вопросы эти, сколько могу припомнить, касались «Черной рады», которую я, передавши ему для переписки, потерял было из виду и не знал, где она находится; также касались они денег, о которых я упомянул в ответе на 37-й вопрос, ибо Белозерский, получив их от Гулака для пересылки ко мне, издержал на свои надобности.

47. Белозерский тоже писал Гулаку, что вы стараетесь его исправить во многом, приучить к уединению, а потом к точному исполнению своего долга [303]. Что именно означают эти выражения?

Я старался исправить Белозерского в его мечтательности и разсеянности и часто журил его за неисполнение ближайшего его долга.

48. Белозерский пишет Гулаку, что вы, как он полагает, известили его о том круге, в котором он живет, и для которого вы составили христианские правила. В каком круге вы жили, и какие правила и для кого составили, где эти правила?

Я жил в кругу семейства Петра Акександровича Плетнева, и как часто были разговоры у нас о том, как достигнуть нравственного совершенства, то я выписал было выразительнейшие места из Евангелия; но не сообщая их никому из этого круга, послал Белозерскому, прося его переписать для меня чистенько, а подлинник оставить для себя, но от него, по его рассеянности, никогда этих выписок не получал.

49. Вы ли и когда познакомили Белозерского с Шевченко, как о сем писал первый Гулаку; отчего именно и с какою целью?

Не я познакомил его с Шевченкою, и не знаю как давно они знакомы. В письме Белозерского Гулаку, которое мне показали, ничего не говорится о том, чтобы я знакомил Белозерского с Шевченкою.

50. У вас оказалась рукопись на малороссийском языке возмутительного и преступного содержания с воззванием к украинцам [304], великороссиянам [305] и полякам. Объявите откровенно:

a) Чьею рукою эта рукопись писана?
в) От кого и когда вы ее получили?
c) Для чего у себя сохраняли и взяли с собою в Варшаву и за границу?
d) Кому ее читали и кому давали списывать и с какою целью?

Показанной мне рукописи я никогда не видал, а если она найдена в моих бумагах, то весьма быть может, что эта рукопись принадлежит брату моей жены, Белозерскому, который жил в Варшаве в одной квартире со мною; и так как его и мои бумаги забраны в мое отсутствие, то вероятно они были перемешаны. Чьею рукою она писана, этого я не знаю; почерк ее мне вовсе неизвестен. Утверждаю также, что это и не Белозерского почерк. В другом же показанном мне экземпляре этой рукописи я узнал почерк Костомарова.

51. В ваших же бумагах найдено стихотворение на малороссийском языке «За горами горы» [306] *и пр. Стихи эти писаны вашею рукою,— почему объясните:*

Стихов этих я никогда не видал. Они писаны не моею рукою и попали в мои бумаги, вероятно, тем же образом, как сказал я выше.

a) От кого и когда вы их получили и для чего именно списали?
в) Кто сочинил их?
c) Кому давали их читать или списывать?
d) Для чего взяли с собою в Варшаву и за границу?

52. В тех же бумагах открыта тетрадь разных стихотворений преступного содержания.
Объясните:

a) Кто именно каждое из этих стихотворений сочинял и списывал в тетрадь?
в) От кого вы их получили и когда именно?
c) С какою целью некоторые из них переписывали?
d) Кому давали списывать или читать, и кому именно?
e) С какою целью были они взяты вами с собою за границу?

Всех этих стихотворений я также не знаю, но в конце тетради, с заглавия «Отрывки» узнаю почерк Белозерского. А попали они в мои бумаги, вероятно также, как я сказал выше.

53. Откуда получили вы рукопись «Гайдамаки» [307]*, и почему почитаете ее особенно замечательной?*

Рукопись эта напечатана была в польском журнале: «Rubon» кажется 1844 или 1845 г. А замечательной я почитаю ее потому, что до тех пор я нигде в исторических памятниках не начитывал о набегах на польскую Украйну гайдамак под предводительством Чуприны и Чортоуса.

54. Кто писал найденный у вас листок, начинающийся словами: «Настоящий век...», чье это сочинение, от кого и когда получили, с какою целью было оно у вас и взято вами за границу? Кому вы давали его читать или списывать и когда именно?

Этот листок писан рукою Белозерского, он мне не был известен, а попал в мои бумаги, вероятно, также, как я сказал в ответ на 50-й вопрос.

55. Для чего сделали вы выписки из книги Киприана Робера о сродстве славянских племен, необходимости их соединения и проч[ее]? Кому давали прочитывать или списывать и с какою целью у себя хранили?

Эти выписки писаны рукою Белозерского; я их не знаю, а попали они в мои бумаги, вероятно, так же, как я сказал выше.

56. У вас же оказалась рукопись самого преступного содержания о неестественном состоянии славян и необходимости действовать к их освобождению, преимущественно малороссиян и о принятии к тому мер. Объясните:

В этой рукописи я узнаю почерк Белозерского, но никогда до сих

пор ее не видал, а замешалась она в мои бумаги, вероятно, так же, как я сказал выше.

a) Кто писал эту рукопись, от кого и когда вы ее получили?

в) Кем она сочинена и не есть ли отрывок какого большого сичинения?

c) Для чего была вами взята за границу и у вас хранилась?

d) Кому давали ее списывать и читать и когда именно?

57. Кем писан и составлен проект учреждения школ в Малороссии для образования простого народа? От кого вы его получили, для чего хранили у себя и взяли с собою за границу?

Проект тот писан почерком Белозерского, но я до сих пор никогда его не видал; а попал он в мои бумаги, вероятно, так же, как я сказал выше.

58. Где имеет жительство тот Н. Д. Белозерский, у которого вы оставили книги, поименованные в записке, и ваши бумаги[308]*: Как имя и отчество сего Белозерского?*

Он живет почти всегда в загородном доме своем, или хуторе, находящемся верстах в трех от города Борзны. Имя и отчество его Николай Данилович.

59. Для чего разосланы были книги «Летопись Самовидца» и «Украинских преданий» разным лицам и для чего оставлены ваши о сем записки у Бодянского?

«Летопись Самовидца» была сообщена мной Московскому обществу истории и древностей российских, учрежденному при императорском Московском университете и напечатана в издаваемом этим обществом журнале, под названием: «Чтение в обществе истории и древностей российских». В вознаграждение за доставление обществу этой летописи, для меня, по уставу общества, оттиснуто 300 экземпляров отдельно. Эти экземпляры я разослал своим знакомым отчасти в подарок, отчасти же для продажи тем, что пожелает ее приобрести. На том же основании сообщены мною упомянутому обществу и «Украинские предания», которые, по отпечатании особых для меня оттисков, предположено разослать тоже отчасти в подарок, а отчасти для продажи.

60. На какое доброе дело собирались вами деньги и по какому праву [309]*?*

Под добрым делом я разумел издание книг, писанных на малороссийском языке, и вообще исторических материалов для истории Малороссии, а права на это я не имел никакого, в чем и винюсь.

61. Кто именно означены вами как давшие деньги [310] *под следующими начальными буквами:*

1846. 1 июля К. П.— 246. 65к[оп].

ас[сигнациями]; в сент[ябре] — 25; март[е] Б. В.— 17, 50; окт[ябре] Б. В.— 21; 1 дек[абря] К. П.— 112; 1 генв[аря] Г. Н.— 35; 1 март[а] К. П.— 100?

К. П.— значит Кулиш Пантелеймон; Г. Н.— Гулак Николай; Б. В. — Белозерский Василий. Далее снова повторяются имена под начальными буквами.

62. Кем издана, сочинена и когда именно «Карманная книжка для помещиков», которой 110 экземпляров вы отдали на продажу в книжную лавку?

Она сочинена и издана мной самим в конце 1846 г. Имя же свое я скрыл под вымышленным именем штаб-лекаря Гладкого для того, чтобы придать более правдоподобия описываемому в ней пребывания мнимого Гладкого в Пензенской губ. В противном случае многие, зная, что я постоянно нахожусь в ученой службе, открыли бы мистификацию, и тогда цель — выставить, как образец для всех, достоинства русского помещика в лице гр. Строганова и благородство характера русского простолюдина, его приказчика, не была бы достигнута.

63. Кто сделал рисунок мертвой головы с орлом, и что он означает?

Рисунок этот сделал я. Он означает часто встречаемую в народных малороссийских песнях картину падшего на поле битвы казака, которому орел клюет глаза. Песни эти напечатаны в Москве Максимовичем [311], даже могу привести отрывок. В одной песне орел говорит вдове казака:

Ой я твого пана знаю,
О я з його попас маю:
Біле тіло вищипую,
Ясні очі видовбую.

Другой пример:

В чистом[у] полі орел летить,
На козака налітає,
Очі йому випиває.

Есть еще много примеров на эту тему, любимую народом при изображении в песнях кончины казака на поле битвы.

64. В письме из Варшавы к Чуйкевичу вы писали: «У Костомарова прочитаешь мои письма, в которых пространно и ясно и удивительно показано, что я видел и чувствовал и явствует все» [312].

Что вы именно разумеете под сими словами, о каких письмах говорите и с какой целью хотели, чтобы Чуйкевич читал ваши письма?

В письме, на которое я отвечал Чуйкевичу, он пеняет мне за то, что я не пишу к нему; на что я ему отвечаю, что буду писать к Костомарову, а он, Чуйкевич, когда будет перемещен на службу в Киев (на что надежду он высказал в том же письме), то и прочтет их, чтобы знать обо мне. Особенной же тут цели, кроме удовлетворения его любопытства, я не предполагал. Письма же эти к Костомарову были написаны до того времени, когда Чуйкевич предполагал быть перемещенным в Киев. Что же касается до следующих слов моих: «в которых пространно и ясно и удивительно показано, и явствует все», то эти слова, отмеченные в письме вносными знаками, для шутки взяты из старинной летописи украинской под заглавием: «Действия о предельной брани Хмельницкого с поляками». Эта летопись известна и под именем «Летописи Грабянки» [313].

65. «Но тебя умоляю не жениться. Ты погубишь себя и разрушишь мои блистательнейшие надежды. Ведь ты читал последнее мое сочинение, подаренное тебе Костомаровым».

Почему вы полагаете, что Чуйкевич, женясь, погубит себя и разрушит ваши надежды, и какие это надежды?

Он погубил бы себя женитьбою потому, что он болен болезнью, требующею совершенного излечения до вступления в брак. Об этом говорится ниже в том же письме. А надежды мои на него были, как на сотрудника в издании источников для истории Малороссии. Он теперь именно занят переводом с латинского языка летописца Гродского [314], писавшего о войнах казаков с поляками. Женившись, он был бы озабочен домашними делами и перестал бы трудиться для истории.

66. Какое последнее сочинение ваше, о котором упоминаете, почему и в чем оно должно было иметь влияние на Чуйкевича?

Здесь разумеется «Повесть об украинском народе», написанная в виду программы для обширного исторического труда. Я надеялся, что она должна возбудить Чуйкевича к усерднейшему трудолюбию в переводе Гродского и других летописцев с латинского языка.

67. «Не лучше ли, вкусивши плодов просвещения европейского, жить и действовать вместе с такими людьми, как я и другие твои друзья?»

Каким образом вы хотели, чтобы действовал с вами Чуйкевич, и о каких именно других друзьях его вы говорите?

Я разумел здесь действие на литературном поприще. Если б Чуйкевич женился, то остался бы в кругу деревенском или в кругу чиновников, занятых только службою. Напротив, образовавшись за границею, куда он давно желает ехать для излечения от упомянутой уже болезни, он мог бы сделаться хорошим литератором и действовать на литературном поприще вместе со мной, Костомаровым и Гулаком.

68. Какую иконку вы подарили Васе (вероятно Белозерскому) и почему написали о ней: «Для самого лучшего употребления» [315]*?*

Белозерский отправлялся в 1845 г. на вакационное время в деревню к одному знакомому ему семейству, в котором он любил одну девушку. Для этой девушки он хотел купить иконку, изображающую ангела хранителя и оправленную в серебро со стразами. Но у него не было на это денег. Чтобы сделать ему сюрприз, я купил эту иконку, завернул в бумажку, надписал: «Для самого лучшего употребления» и положил ему потихоньку в карман его платья.

69. С какою целью вы получили рекомендательное письмо от Ригельмана за границу к Ганке [316] *и Штуру* [317] *и какие имели с ним разговоры о славянстве, соединении славян, восстановлении Малороссии и прежнего образа правления?*

Ригельман, узнав, что я еду за границу, познакомился со мною в Киеве, и я виделся с ним только два раза на короткое время. Он сам просил меня передать письма и книги Ганке и Штуру. Разговор наш о славянах был самый обыкновенный, о соединении же славян я вовсе с ним не говорил, он нечто подобное выразил в письме к Штуру, которого письма я до сей поры не читал, а о восстановлении Малороссии и прежнего образа правления не только мы с ним не говорили, но об этом нигде ни моею, ни его рукою не написано ни слова.

70. К вам писал Максимович из С.-Петербурга, что он обрадовался тому, что в Киеве вы нашли таких драгоценных людей как Шевченко и Костомаров [318].

Почему он называет их драгоценными и что о них вы ему писали?

Я не знаю, почему он назвал их драгоценными; а писал я к нему о них только то, что с ними приятно провел два или три вечера.

71. Кто вам дал адрес мятежника Мицкевича в Париже [319] *и для чего вы хотели с ним видеться?*

О месте жительства Мицкевича я записал на листке своей портфели не с тем, чтобы видеться с ним, а единственно из свойственного путешественникам любопытства видеть все заграницею. От кого же я узнал о месте его жительства, совершенно забыл.

72. С какою целью вы хотели списаться и видеться за границею с бывшим проф. Чижовым?

Чижова я вовсе не знал до конца 1846 г. В один из последних месяцев этого года он сам явился ко мне для знакомства, объявил мне, что будет издавать с 1848 г. в Москве «Русский Вестник» и просил меня в сотрудники. А как я не выразил решительного на это согласия, то он просил меня списаться и свидеться с ним за границею, чтобы условиться в денежной плате за мои труды. Потом вручил мне свой адрес и уехал. Итак я видел его самое короткое время.

73. Какого педагога Соколова вы хотели отыскать в Варшаве и что значит заметка «поклониться от Н. Дан. Белозерского; не отзовется ли» [320]*?*

Кроме названия педагога, я о Соколове ничего не слыхал от Н. Д. Белозерского. Н. Д. Белозерский, как видно, был с ним знаком и потерял его из виду. «Не отзовется ли»? значит: не напишет ли о себе чего-нибудь к Н. Д. Белозерскому. В Варшаве я узнал от Петра Павловича Дубровского, что этот Соколов умер.

74. Объяснить, в каком состояли вы знакомстве и в каких отношениях с следующими лицами: с Костомаровым, Шевченком, Гулаком, Навроцким, Грабовским, Марковичем, Посяденком [321], *Тулубом* [322] *и Андрузским* [323] *в Киеве; с Белозерским в Полтаве, с Забелой* [324] *и Белозерским в Черниговской губ., с Максимовичем в С.-Петербурге; с Бодянским в Москве и с Чуйкевичем в Каменце-Подольском?*

С Костомаровым, Шевченком и Гулаком я был знаком единственно как с людьми, занимающимися литературой; я не подозревал в них никаких преступных действий.

С Грабовским я познакомился потому, что мы вместе с ним по поручению киевского гражданского губернатора занимались исследованием древних курганов, находящихся в Киевской губ. С. Навроцким я очень мало знаком и ничего общего с ним не имею. С Марковичем я познакомился потому, что занимал у него для собственных надобностей деньги. С Тулубом я познакомился случайно на его родине в Черкассах во время пребывания моего там по поручению киевского военного губернатора для осмотра архивов в качестве сотрудника Временной комиссии для разбора древних актов [325], высочайше учрежденной при киевском военном губернаторе; но потом я почти не видался с Тулубом и ничего общего с ним не имею. Посяды и Андрузского я вовсе не знаю. С Василием Белозерским я познакомился для того, чтобы удобнее искать руки его сестры, на которой недавно и женился. Забела и Николай Белозерский родственники и соседи семейства нынешней моей жены, и я знаком с ними, как с родными. С Павлом Максимовичем я был знаком в Петербурге единственно потому, что он родом из Киева, где я прежде долго жил, почему ему и было приятно видать меня в его доме. С Бодянским я познакомился потому, что он редактор «Чтений Московского общества истории и древностей российских», куда я сообщил для напечатания «Летопись Самовидца». А с Чуйкевичем я знаком потому, что мы оба родились в местечке Воронеже Черниговской губ. Глуховского уезда.

75. С какою целью в сочинениях ваших: «Украина» [326], *«Повесть об украинском народе»* [327] *выразили вы либеральный образ мыслей, ожидание освобождения казаков и разные другие неблаговидные сказания, в одном и том же возмутительном духе писанные?*

Я могу ошибаться в своих суждениях и понимать ложно события исторические, особенно под влиянием пристрастной любви к своей родине Малороссии. Просматривая теперь эти сочинения, я внжу с ужасом, что в них многое кажется злонамеренным. Но беру бога в свидетели, что я никогда не пытал преступного желания возмущать умы своих земляков против законного их правительства. Любовь моя к Малороссии нисколько не ослабляет во мне благодарной любви к общему нашему отечеству России, от силы и благоденствия которой вполне зависит и благосостояние Малороссии.

При том же, не доверяя собственному суждению о влиянии, какое произведет на публику сочинение, автор полагается на опытность цензора, и его цензор не препятствует издавать книгу, то автор печатает ее с уверенностью, что не делает ничего преступного.

76. Как из всего предыдущего вы сами можете удостовериться, сколько все письма и бумаги ваши дают повод к обвинению вас в преступных замыслах и направлении, противном настоящему образу государственного управления, то объясните откровенно, какие именно обстоятельства и влияния побудили вас к принятию такового направления?

Касательно иекоторых выражений в моих письмах, показавшихся преступными, я выше объяснил действительный смысл тех выражений и доказал, что никакого преступного замысла и направления я не имею. Что же касается до бумаг, найденных между моими бумагами, то я также выше

объяснил, что ни одна из преступных бумаг мне не принадлежит, а, судя по почерку, вероятно принадлежат они Василию Белозерскому, к несчастью, моему родственнику по жене, который жил в одной квартире со мною и которого бумаги, в мое отсутствие, забраны и перемешаны вместе с моими. Я же уверяю всем для меня святым, что никаких преступных замыслов и направления, противного настоящему образу государственного управления, не имел и не имею.

77. Как рукопись с возмутительными правилами была найдена у вас и других членов Славянского общества св. Кирилла и Мефодия, то объясните, каким образом вы присоединились к этому обществу, как оно возникло и развилось, какие происходили у вас рассуждения, какая была цель общества?

Я объяснил выше, что ни одна преступная рукопись мне не принадлежит, а только случайно некоторые из них попали в мои бумаги. О славянском же обществе св. Кирилла и Мефодия я даже не слыхал, существует ли оно где-нибудь. Еще раз клянусь в совершенном отсутствии во мне всякого преступного замысла или направления облагодетельствованный правительством и не имея средств существовать без его пособия, я желал и желаю с полной ревностью и усердием употреблять все свои силы и способности, чтобы быть достойным его благодеяний.

78. Какие были уставы онаго и знаки?

По изъясненной выше причине я не имею возможности знать это.

79. Кто из членов или участников этого общества был вам известен?

Никогда не слыхал я о существовании Славянского общества, следовательно, совершенно не знаю, кто и члены его.

Бывший старший учитель 5-й С.-Петербургской гимназии
Паителеймои Кулиш

Ч. V, арк. 82—112. Оригінал.
Опубл.: *Збірник* памяти Тараса Шевченка (1814—1914).— К., 1915.— С. 167—184; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії (1814—1861).— К., 1975.— С. 182—185 (частково).

№ 37

1847 р. травня 15.— ЗАПИС ОЧНОЇ СТАВКИ П. О. КУЛІША ТА Г. Л. АНДРУЗЬКОГО У III ВІДДІЛЕННІ

Очная ставка Кулишу с Андрузским

15 мая 1847 г.

Андрузский говорил

Кулиш был неумеренным представителем малороссийской партии в Славянском обществе, которая имела целью восстановить гетманщину [328], если можно отдельно, а если нельзя, то в славянщине; на вечере у Костомарова говорил: «Эти мне кацапы» и ничего знать не хотел, кроме Малороссии.

Андрузский при дальнейших объяснениях показал, что он заключение о принадлежности Кулиша к Славянскому обществу вывел из книг его, Кулиша; о названии же им русских кацапами слышал от студентов.

Георгий Андрузский

Кулиш отвечал

Кулиш, отвергая все это показание, объявил, что он и не знает Андрузского.

Паителеймои Кулиш

Ч. V, арк. 113. Оригінал.
Опубл.: *Збірник* памяти Тараса Шевченка.— С. 247.

№ 38

1847 р. квітня 14.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ЧЕРНІГІВСЬКОГО, ПОЛТАВСЬКОГО І ХАРКІВСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА М. А. ДОЛГОРУКОВА З ПРОХАННЯМ ДАТИ РОЗПОРЯДЖЕННЯ ДОСТАВИТИ У III ВІДДІЛЕННЯ РУКОПИСИ П. О. КУЛІША, ЯКІ ВІН ЗАЛИШИВ У М. Д. БІЛОЗЕРСЬКОГО В м. БОРЗНІ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

Его сиятельству кн. Н. А. Долгорукому

14 апреля 1847, № 586

М[илостивый] г[осударь] кн. Николай Андреевич!

Учитель Кулиш оставил в г. Борзне Черииговской губ. у Николая Даниловича Белозерского шесть пакетов с бумагами, поименованными в прилагаемом реестре.

По высочайшему повелению, имею честь покорнейше просить ваше сиятельство, не изволите ли сделать распоряжение, дабы означенные пакеты с бумагами немедленно были взяты, и, по запечатании, доставлены с нарочным в С.-Петербург в III отделение с. е. и. в. канцелярии. Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. V, арк. 114. Відпуск.

№ 39

1847 р. квітня 14[329].— РЕЄСТР РУКОПИСІВ ТА ІНШИХ ДОКУМЕНТІВ, ЗАЛИШЕНИХ П. О. КУЛІШЕМ НА ЗБЕРІГАННІ У М. Д. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Реестр бумагам, принадлежащим Кулишу, и находящимся в пакетах:

Под № 1. Экземпляр «Мих[айла] Чарнышенка» на писчей бумаге.

Под № 2. Письма, полученные до переез[д]а в С.-Петербург и те, что получены в Малороссии при проезде за границу. Там же извлечения из писем к Е. И. Красковской, разные выписки исторические и проч[ее].

Под № 3. Автограф «Literatury i krytyki» [330]; брульон померших душ, записки Репнина о казаках.

Под № 4. Извлечение из реляции 1790 г. марта 26 о допросе участников бунта [331], брульон «Орисі» и разные выписки.

Под № 5. Автограф «Koliszczyzny i stepów» [332], «Вопль жидов во время войн Хмельницкого». Часть писем, полученных в Малоросии в 1847 г.

Под № 6. Разные бумаги второстепенной важности.

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. V, арк. 115. Відпуск.

№ 40

1847 р. квітня 14.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ХАРКІВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА С. М. МУХАНОВА З ПРОХАННЯМ, НА ВИПАДОК ХВОРОБИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА, ДАТИ РОЗПОРЯДЖЕННЯ ДОСТАВИТИ ІЗ БОРЗНИ В III ВІДДІЛЕННЯ ПАПЕРИ П. О. КУЛІША

Весьма секретно и нужное
Партикулярно

Его прев[осходительст]ву С. Н. Муханову

14 апреля 1847 г., без №

М[илостивый] г[осударь] Сергей Николаевич!

Г-ну генерал-адъютанту кн. Долгорукову, по высочайшему повелению, сообщено мною о сделании распоряжения, чтобы в г. Борзне Черниговской губ. у Николая Даниловича Белозерского взяты были шесть пакетов с бумагами, оставленные там учителем Кулишем, и, по запечатании, немедленно доставлены были с нарочным в С.-Петербург, в III отделение с.е.в. канцелярии.

На тот случай, если тяжкая болезнь не дозволит г-ну генерал-адъютанту кн. Долгорукову исполнить означенное повеление, согласно монаршей воле, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли вы сами сделать все нужные распоряжения, дабы упомянутое высочайшее повеление было исполнено без малейшего промедления [333]. Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подпись гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. V, арк. 116. Відпуск.

№ 41

1847 р. травня 7.— ВІДНОШЕННЯ ХАРКІВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА С. М. МУХАНОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО НАДІСЛАННЯ ЙОГО ЛИСТІВ З ПРИВОДУ ДОСТАВЛЕННЯ ПАПЕРІВ П. О. КУЛІША В III ВІДДІЛЕННЯ ЧЕРНІГІВСЬКОМУ І ПОЛТАВСЬКОМУ ГУБЕРНАТОРАМ

Весьма секретно

Его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову

7 мая 1847 г., № 221, Харьков

Ответ на отношение от 15 апреля

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

По получении секретного отношения вашего сиятельства об учителе Кулише [334]; я в то же время потребовал к себе из здешней почтовой конторы пакеты от вашего сиятельства на имя черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернатора. Ко мне принесли два таковых пакета и как неизвестно, в котором из них было отношение об учителе Кулише, то я в необходимости был распечатать оба пакета, в одном действительно оказался отзыв вашего сиятельства об означенном чителе за № 586 [335], в другом же за № 549 [336] о студенте университета св. Владимира Андрузском.

Так как и в этом последнем отношении объявляема была кн. Долгорукову высочайшая воля, к исполнению которой немедленно должно быть

сделано надлежащее распоряжение, то я счел своею обязанностью оба эти отзыва вашего сиятельства препроводить в подлинниках при особых секретных от меня отношениях и с особым нарочным по принадлежности к исполнению — первый к черниговскому, а второй к полтавскому гражданским губернаторам, прося их по исполнению высочайшей воли уведомить о том ваше сиятельство, отношение же возвратить в подлиннике в канцелярию генерал-губернатора.

Долгом считая донести о сем вашему сиятельству, имею честь быть с глубочайшим почтением и совершенною преданностию. Вашего сиятельства покорнейший слуга

Сергей Муханов

Помітка пр одержання: 17 мая 1847.

Ч. V, арк. 117. Оригінал.

№ 42

1847 р. травня 14.— ВІДНОШЕННЯ ЧЕРНІГІВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА П. І. ГЕССЕ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАДІСЛАННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ ПАПЕРІВ П. О. КУЛІША, ВИЛУЧЕНИХ У М. Д. БІЛОЗЕРСЬКОГО В м. БОРЗНІ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

Секретно

В III отделение с. е. и. в. канцелярии

14 мая 1847 г., № 659, Чернигов

С представлением бумаг учителя Кулиша

Сего мая 9 числа получил я от начальника Харьковской губ. отношение шефа жандармов г-на генерал-адъютанта гр. Орлова, последовавшее по высочайшему повелению на имя г-на черниговского, полтавского, и харьковского генерал-губернатора об отобрании от помещика Николая Белозерского оставленных у него учителем Кулишем в шести запечатанных пакетах бумаг, означенных в приложенной при том отношении описи и о доставлении оных в III отделение с. е. и. в. канцелярии.

К исполнению изъясненного высочайшего повеления в тот же день командирован был мною в г. Борзну чиновник особых поручений Малахов, который, возвратясь ныне в Чернигов, представил отобранные у г-на Белозерского бумаги, принадлежащие Кулишу вместе с описями и при том донос, что как бумаги сии опечатаны были не именною печатью Кулиша, при том показанные в пакете под № 6 найдены им незапечатанными, а на пакете под № 2 печать оказалась поврежденной и припечатанною, сверх того г-н Белозерский представил ему, Малахову, еще бумаги Кулиша, кроме объясненных в описи, присланной при отношении г-на шефа жандармов, то он, Малахов, признав необходимым вскрыть и проверить все сии бумаги, которым затем составил в присутствии г-на Белозерского и местного земского исправника особые описи, и опечатал самые бумаги печатьми Белозерского и своею.

Означенные бумаги и две подлинные им описи, составленные чиновником Малаховым, препровождая при сем в III отделение с. е. и. в. канцелярии, имею честь присовокупить и представленную им же, Малаховым, третью опись книгам, которые, по объявлению г-на Белозерского, принадлежат так же учителю Кулишу и находятся у него, Белозерского, на сохранении.

Гражданский губернатор Гессе

Помітка про одержання: 20 мая 1847 г.

Ч. V, арк. 118, 119. Оригінал.

№ 43

1847 р. травня 13[337]. — ПЕРЕЛІК КНИГ П. О. КУЛІША, ЯКІ ЗБЕРІГАЛИСЬ У М. Д. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА ХУТОРІ МИКОЛАЄВІ БОРЗНЯНСЬКОГО ПОВІТУ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

Опись книгам, оставленным Пантелеймоном Александровичем Кулишем в доме Николая Даниловича Белозерского в хуторе Николаеве, при отъезде за границу в 1847 г.

	Название книг	Число книг
1.	Сказание кн. Курбского Н. Г. Устрялова 1842 г.	1
2.	«Святцы и обряды языческого богослужения древних славян» Измаила Срезневского [338], 1846 г.	1
3.	«Русский исторический сборник», издаваемый Обществом истории древностей российских [339] Том I, 1837 г.	1
4.	«Киевлянин» за 1840 г.	1
5.	«Краткая история и география Сербии» Д. Момировича 1839 г.	1
6.	«Малороссийские повести» Грицька Основьяненка 1837—1841 гг.	2
7.	«О сущности цивилизации» кандидата Метлинского 1839 г.	1
8.	«Teka rozmaitości»[340], на польском языке Головинского 1844 г.	1
9.	«Kurs pierwszoletni»[341] (1840—1841 г.) литературы славянской Адама Мицкевича 1843 [г.]	1
	Итого	10

Опись составил чиновник особых поручений Малахов

При составлении этой описи присутствовали:

Борзенского уезда земский исправник Амос Виридирин
Титулярный советник Николай Белозерский

Означенные десять книг хранятся у меня.

Н. Белозерский

Ч. V, арк. 120. Оригінал.

№ 44

1847 р. травня 13.— ОПИС ДОКУМЕНТІВ П. О. КУЛІША, ЗНАЙДЕНИХ У М. Д. БІЛОЗЕРСЬКОГО І НАДІСЛАНИХ ДО III ВІДДІЛЕННЯ

Опись бумагам под заглавием второстепенной важности, найденным без конверта не запечатанными, в коих заключается следующее:

1.	Обверточный лист: разные бумаги второстепенной важности с приписью карандашом: тут часть Дорошенковых, а часть у Писарева	на 2 л.
2.	Копия старинного почерка грамоты, данной царем Михаилом Федоровичем белопашцам с. Домнино	« 2 »
3.	Чертеж ветряной мельницы	« 2 »
4.	Герб с башнями	« 1 »
5.	Старинный документ року 1725 июня 7 дня	« 2 »

6.	Обверточный лист с надписью: материалы для истории малороссийских фамилий 1843	« 2 »
7.	О фамилии Ханенков	« 5 »
8.	Родословная фамилии Солонины	« 3 »
9.	О фамилии Танских	« 4 »
10.	Журнал 1748 г. декабря 1 дня	« 4 »
11.	1671 г. выписка о неутеснении православной веры	« 1 »
12.	Ведомость имения смелянского, в году 1787 описания	« 8 »
13.	Реестр пожиткам 1784 г., генваря 28 описан	« 2 »
14.	С копии копия за подписом Румянцева [342] 1765 г. мая 26 дня	« 2 »
15.	Копия грамоты Рафаила Заборовского, данная Чесниновской церкви 1740 г. ноября 5 дня	« 2 »
16.	Письмо пречестному городничему Жукинскому июня 24 1763 г.	« 1 »
17.	Реестр мне Григорию про память	« 1 »
18.	Выпись октября 1761 г. об Горленке	« 2 »
19.	Объявление любителям российского языка июня дня 1771 г.	« 2 »
20.	Открытый лист за подписом киевского гражданского губернатора — Кулишу 1844 г.[343]	« 2 »
21.	Обверточный лист с надписью: разговор Великороссии с Малороссией. Соч. Дюковича	« 2 »
22.	Разговор Великороссии с Малороссией	«18 »

Опись всем вышеписанным бумагам составлял чиновник особых поручений Малахов

При составлении этой описи присутствовали:

Борзенского уезда земский исправник Амос Виридирки

Титулярный советник Николай Белозерский

Ч. V, арк. 121. Оригінал.

№ 45

1847 р. травня 13.— ОПИС ДОКУМЕНТІВ П. О. КУЛІША, ВИЛУЧЕНИХ У М. Д. БІЛОЗЕРСЬКОГО

Опись бумагам, принадлежащим Пантелеймону Кулишу, находившимся у помещика Борзенского уезда Николая Даниловича Белозерского, учинена 13 мая 1847 г.

1. Пакет под № 1 с надписью: «Экземпляр «Михайла Чернышенка» на писчей бумаге». Пакет запечатан печатью под буквами М. В. Печать найдена целою. По вскрытии пакета в нем оказалось три части книги «Михайла Чарнышенка», печатные в бумажном зеленом переплете.

2. Пакет по № 2 с надписью: «Письма, полученные до переезда в Петербург, тут и те, которые получены во время женитьбы». Пакет этот запечатан печатью под буквами М. В., но печать найдена, по-видимому, разломанною и припечатанною, которая и оставлена в настоящем ее виде, как найдена. По вскрытии этого пакета в нем оказалось: в свертке в чистой бумаге с надписью: 1) «Шелковое и серебряное шитье с подушки гетьманши Скоропадской» [344]; 2) тетрадь на 12-ти четвертых листах старинной рукописи, образец купчих, в ней 5 листов писанные, а остальные белые; 3) «Письмо Репнина к государю» [345] на 4-х осьмушках почтовой бумаги; 4) отрывки

в стихах на осьми осьмушках почтовой бумаги, из них 6 листов писанные, а два белые; 5) надпись на улеи в стихах 1846 г. на одной четвертушке; 6) черновая доверенность 9 генваря 1847 г., писанная на имя Семена Гукова; 7) черновые записки и заметки о волах и других предметах чернилами и карандашом, писанные на 17 л. четвертных и осьмушках, из коих последние 7 белые; 8) тетрадь с надписью «Выписки из писем к незабвенной Елисавете Ивановне Красковской и к ее мужу», 1845 и 1846 гг., на 26 л.; 9) в четвертном картоне разных писем на листах и осьмушках, писанных на русском и польском языках, в коих прошнуровано и перенумеровано 232 л.; 10) в картоне осьмушном разных писем и записок на русском языке числом 70 и 11) патент Ильи Кулиша на чин секунд-майора.

3. Пакет под № 3, запечатанный двумя печатями под буквами М. В., печати найдены целыми. По вскрытии пакета в нем оказалась: 1) выписка на польском языке в четвертушках и осьмушках, не имеющие общего заглавия, которые перевязаны нитью и припечатаны печатью; 2) тетрадь с заглавием «Помершие души»; 3) тетрадь под заглавием «Извлечение о войне с Павлюком»; 4) записки Репнина о казаках; 5) тетрадь с заглавием «Книга о делах народа украинского» [346]; 6) тетрадь с заглавием «Ботанические записки»; 7) тетрадь с заглавием «Глава XVII, посвященная М. Д. Б.» и 8) две записки о литвинах, письмо иерея Игнатия и карта в маленьком виде походов казацких.

4. Пакет под № 4, запечатанный печатью под буквами М. В., печать найдена целой. По вскрытии этого конверта в нем оказались: 1) извлечение из реляции 1790 г. марта 26 на 59 стр. [347]; 2) тетрадь с заглавием тайны искусства 1843 г. на семи листах; 3) тетрадь — извлечение из истории поэзии Шевырева на 13 л.; 4) тетрадь «Орися» на пяти полулистах; 5) четыре печатных экземпляра, именно: о недопущении евреев владеть помещичьими крестьянами, о запрещении курения, продажи вина и расписания о повинностях казаков; 6) рукописный лист под заглавием «Христос воскрес».

5. Пакет под № 5, запечатанный печатью под буквами М. В., печать найдена целою. По вскрытии пакета в нем оказались: 1) выписки на польском языке, в особом листе завернутые, с надписью карандашом «Автограф» и 2) письма 1847 г. и стихи, в коих протянуты шнурком и пронумерованы 49 л.

6. Пакета под № 6 не оказалось, а бумаги с надписью второстепенной важности находились без конверта и незапечатанными. Что именно в этих бумагах оказалось, о том прилагается особая опись [348].

7. Пакет под № 7 с двумя печатями под буквами М. К., печати найдены целыми. По вскрытии конверта в нем оказались: 1) роман «Пан Каневский», рукописный на 80 л.; 2) рассуждения о поземельной собственности на 16 л.; 3) извлечение о последних казацких полках на полулисте; 4) поучение, говоренное Иерем Василием; 5) копия указа царя Петра Алексеевича 1700 г. о перемене платья; 6) малороссийский приговор 1702 г.; 7) копия письма писаря Шарова и 8) письма, стихи и заметки, карандашом писанные, в коих пронумерованы и протянуты шнуром 27 л.

8. Пакет с надписью к № 7, в коем находится книга на французском языке «Сочинения Мишеля».

9. К этому пакету следует большая рукописная книга «Древние списки малороссийских казаков». Написанному на первой странице в[о] 2 пункте по подчищенному «по-видимому, разломано» верить.

Опись всем вышеописанным бумагам составил чиновник особых поручений Малахов

При составлении этой описи присутствовали:

Борзенского уезда земский исправник Амос Виридирин

Титулярный советник Николай Белозерский

Семь конвертов, одна связка и одна большая рукописная книга припечатан моею печатью с литерами Н. Белозерский

Ч. V. арк. 122, 123[349]. Оригінал.

№ 46

1843 р. червня 20.— липня 1.— «КНИГА О ДІЛАХ НАРОДУ УКРАЇНСЬКОГО І СЛАВНОГО ВІЙСЬКА КОЗАЦЬКОГО ЗАПОРОЗЬКОГО» П. О. КУЛІША

Книга о ділах народу українського і славного Війська козацького Запорозького

Начата року божого 1843 іюня 20 дня у Києві; скончена того ж року іюля 1.

Предисловіе

Внемлите, людие мои, закону моему, приклоните ухо ваше во глаголы уст моих [350]. Отверзу в притчах уста моя, провещаю чанания испе́рва, есмью слышахом и познахом я и отцы наши поведаша нам... яко да познает род их, сынове родящиися и восстанут и поведям я сыновом своим: да положат на бога упование свое и не забудут дел божих до конца и заповеди его взыщут [351].

Из всех народов, населяющих землю, ни один ие поднял таких отважных и благородных подвигов на [352] пользу христианства, ни один не претерпел стольких мучений и всякого рода бедствий за веру и любовь к родине, как народ малороссийский. Но несмотря иа то, что слава наша еще недавно гремела по всему свету, уже только немногие из нас знают, что значит Гетманщина, что значит Украина, что значит казачество. Одни, будучи угнетены до крайности злою судьбою и незнающими правды людьми, поникли непросвещенною головою, потеряли гордость, забыли о славе своего имени, приложились к скотам бессмысленным и уподобились им. Другие, недостойно обогащенные дарами земли, но бедные духом, превратились в куцохвостых немцев и французов, назвали своих земляков мужиками и хохлами, стали далече от них и чуждахуться их.

А, может быть, из сотни малороссиян один только живет еще тою благородною душею, какою жили его деды и прадеды; да и тот один, видя вокруг себя бог знает каких людей, таит в своем сердце переданные в завет от предков думы, не делится ими ни с кем, боится бросить бисер перед свиньями, святыню перед псами. Что же причиною такого бедственного разделения самой лучшей на земле семьи, семьи украинской? [353] Причиною этому то, что мы или вовсе не знаем, что делалось прежде нас в свете, или если что-нибудь и знаем, то совсем не про своих предков, а про каких-нибудь римлян, греков, французов, немцев [354]. На что ж нам пригодится знать, кто такой был Фемистокл [355], Александр Мак[едонский] [356], Коріолан [357], Помпей [358], когда мы не знаем, чем славен был Наливайко [359], что за воин был Петро Сагайдачный [360], что делали на своем веку Богдан Хмельницкий Петро Дорошенко, Павло Полуботок [361] и множество других рыцарей, славных и умом и оружием превыше греческих и римских полководцев? Если какой-нибудь греческий цар Кодр [362] был велик по любви к своему отечеству или карфагеиец Ганнибал [363] по силе своего оружия, то это делает честь не нам, а грекам и карфагенам. А сколько меж нашими предками можно найти Кодров, ни во что вменявших свою жизнь для славы казацкой; сколько можно найти воинов, подобных отвагою и умом Ганнибалу и потрясавших государства гораздо сильнейшие, чем Римская республика [364] во время Аннибала? И кому ж слава за таких воинов? Нам слава, нам честь,

ибо они были наши праотцы. Но мы уже так уничежены духом и смирились до зела, что и предков своих считаем столь же ничтожными, как мы сами.

А поглядим на наши поля. Откуда взялись эти бесчисленные могилы? Поглядим, что сталось с Польшею, которая прежде гордилась превыше всех своею силою? Кто теперь владеет Белоруссией и Литвою? Откуда взялось молодое королевство Прусское? [365] Куда девались Крымские [366], Белгородские [367], Ногайские орды? [368] Да и турчин отчего подрезал так куцо свои полы и присмирел, закрывшись Черным морем? И как, наконец, вдруг выросло из слабого и расстроенного царства сильное и могучее государство Московское? Все это дела казацкие, все это дела наших праотцов. Разсуди ж всякий разумный, каковы должны были быть рыцари-казаки, перетасовавшие таким образом свет, как колоду карт? И разве такие подвиги не достойны того, чтобы внуки и правнуки писали и читали об них с восторгом и гордостью? До сих пор и мы сами не очнулись от иноземного чаду, и наши соседи не отдают деяниям казаков должной справедливости. Но настанет время, когда малороссияне, обратившись к своей старине, к своим песням и своему обильному и пышному языку, докажут народам [369], что не напрасно их деды гремели славою во всем свете и не напрасно оставили им громкие свои песни и богатое слово [370]. Будет, будет время, когда имена великих наших рыцарей опять пойдут помеж народом, когда и богатейшие паны, презревши иноземную музыку, станут с восторгом слушать рокот бандуры, и ни одно сердце во всей Украйне не останется спокойно при голосе вещего песнопевца, все оживет, все встрепенется, почувствует Украина свои нравственные силы, и обновится, яко орля, юность ее.

Глава перва

Благодареніе господу, нема тепер во всем світі благочестивої землі над нашу славную Україну. Але пишуть древнії літописці, що в давнії времена вона не знала ще віри християнської, а поставлені були по городах і сёлах болвани дерев'яниї, залізниї, срібниї і золотиї; которим народ поклонявсь і звав богами. І в такій темноті розуму пробував народ наш, аж поки в Києві воцарився великий князь Владимир [371]. Сей то Владимир звелів всему народу принять віру християнську, а ідолів і їх скверниї капища звелів палить, плюндровать і до фундаменту руйновати, а на їх місто строїть божії церкви, не тільки в Києві, але і по всій Україні, і з того часу віра християнськая розпространилась і утвердилась так, що вже опісля ніякі утиски і фрасунки лядськії не змогли її погубити. Великий князь Владимир, в старості своїй почувши, що вже йому недовго жить на світі, призвав до себе дванадцять синів своїх, да й розділив їм по рівній часті всю Вкраїну і сам же скоро отдав милосердному богу душу і погребен в Києві, в Десятинній церкві [372]. Як тільки не стало старого князя Владимира, сини його стали завиствовать одии другому; кожному з них було мало того, що одказав покійний отець, а хотів всякий одняти у брата його наслідіе. Начали воювать брат против брата і завели по всій Україні великиї смути. Народ не знав, кого слухати: не стало єдиної власті, не стало й порядку на Вкраїні. Через крамоли князьків народ враждував, забувши, що всі єдиної матері діти, і много душ християнських безиевинно пішло з сего світу. Тогді вже по вкраїнській землі рідко де плугарі на воликів гукали, а частійше ворони кричали, на трупи налітали, а галки свою річ говорили, труп чоловічий поміж собою ділили. Як ось стала чутка невесела, що татарський хан Батий [373] іде прямо на Київ з незліченними ордами. Тоді-то нужно було всім князькам, покинувши сварку, взяться за руки і, зложивши до купи свої потуги, ударить на безбожних татар. Але, видно, бог покарав їх і всю Україну за междоусобную вражду і несогласіе; а кого бог хоче покарать, то прежде разум одніме. Вміcто того, щоб, скупившись,

іти разом против неприятеля, князьки один за другим нападали на його, і Батий з своїми невірними бусурманами гнав їх, як вітер степову траву, перебив одного за другим і услав і вкрив землю трупом християнським. До самого Києва курілись пожарища, валялись замучениє люди, одорванні руки, одрубленні голови. Вовки-сіроманці вили кругом по лісах і байраках, ворони і орли злітались стадами на побоїща. І пусто, пусто стало по всій землі християнській: хто бився з татарами, той погиб; хто не бився, той покидав дом і худобу і скривався де-небудь в диких пустинях і в чужих землях. Один Київ іще держався. Горожане заперли ворота, стали на валах Ярославових і зареклись лучше погибнуть, аніж предать преславний град Київ в руки противників Христових. Але не устояла їх сила против могущества Батиєвого. Татари вибили Золотия ворота і стали страшно губити наших. Ту бі видіти лом копейний і щитом скеианіє. Наші одступили і укріпились кругом церкви Десятинної,— але там не возмогоша стати. Татаре їх розбили і розігнали по всему Києву. Тогді вже безбожная орда святиє церкви розорила, город огнем спалила, людей іних порубала, других в тяжкую неволю забрала і все княжество Київськоє ні во що обратила. Так збулось святеє слово, что всяке царство розділисеся на ся, погибнет, і всякий дом, розділийся на ся, запустієт.

Глава друга

Спустошивши і сплюндровавши всю Вкраїну, безбожний Батий потягнув зо всіми своїми потугами на Польщу і Венгрію і, там усе розруйновавши і спаливши, задав великого страху і другим землям європейським, але милосердний бог удоволився уже людською карою і одвернув страшного неприятеля од всеконечного зруйнованія остатку християнства. Напившись людською кров'ю, надихавшись димом пожарищ, лютий губитель народу християнського зібрав до купи свої орди да й потягнув з ними аж на Волгу-ріку. Але уже нікому на Вкраїні не було свободи: весь люд, який тілько зостався од побоїща, платив тяжкую подать орді; Батиєві баскаки, а по нашому сборщики подушного, розставлені були во всіх городах і селах, збирали з народу подать і одсилали Батию на Волгу. Тяжко було жить в неволі під кормигою безбожної татарви, але жизнь краща од смерті, хоть яке лихо терпить чоловік нещасливий. Як тілько безбожний Батий з своєю ватагою вийшов з України, то зо всіх міст став сходиться на пожарища люд християнський, що позабігав був з татарського страху в ліси, байраки і чужії землі. Сходились сердешнії на пожарища, тяжко, тяжко вздихали, гіркими слізьми руїни і пепелища обливали, до бога милосердного щирії молитви посилали, безбожного Батия денно і нічно проклинали. А потім знову давай витоптаиії кіньми поля орати, давай хатини будовати, розруйнованії божії церкви муровати, да й стали жить пополам з бідою, ладючи як-небудь з поганою татарвою [374]. Одначе не весь той люд, що додому вертався, позабігав з великого татарського страху бог знає в яких землях, поміж яких багацько і князьків, і бояр, і всяких панів, не хотячи тяжкої неволі татарської терпіти, позоставались в Литві, в Прусах і по других землях жити. А потім дуже по своїй рідній землі занудьгували, не хотячи на чужині помирати, стали литовського князя Гедимина [375] благати, щоб він древнюю і преславную землю християнськую визволив з-під кормиги татарської.— Ой, князю, кажуть, князю Гедимине! Багато ти земель і кріпких городів звойовав, багато собі слави і честі достав, але не було б тобі лучшої слави, не було б вищої честі, якби тобі біг допоміг древнюю і преславную Руськую землю Україну з-під кормиги татарської слобонити і до свого сильного княжества Литовського прилучити.— Послухав князь Гедимин, пораховав мудрою головою [376]. І зараз звелів у труби трубити, військо збирати, вози і уюки риштовати, в поход виступати. Одже,

ідуть вони не день, не два, не три й не чотири [377], і зострілись над р. Ірп[інь] з татарами [378]. А у татарви багацько було і християнського люду, неволею узброєного против Гедимина. Стали биться тяжко, аж земля стогнала, річка Ірпень гула меж крутими берегами, і самі дерева од жалості до землі приклонялись. А наші, що були з Гедимином, і крикнули тому люду християнському, що неволею примушен був іти з татарськими стягами.

— Ей, братці, кажуть, братці! Охота ж вам дорогу нам заступати, погану татарву собою підпирати! Ми з литвинами йдемо не для того, щоб правосл[авні] церкви руйнувати або ваше добро грабовати, а хочемо ми погану татарву з землі християнської прогнати, тяжке ярмо з вашої шиї зложити, волю і свободу люду божому православному дати.

Як тільки почули наші таке слово, то зараз покинули погану татарву собою підпирати, а стали її кругом оступати, своїм рідним браттям православним християнам і литвинам помочі додавати, прокляту татарву і баскаків упень рубати. Тоді й сталася велика вікторія над татарами на річці Ірпені, тоді й сталась велика радость люду православного по всій Україні. Зараз до Києва з Гедимином князем рушали, у святую Софію вступали, богові молились, спасителю хрестились, поклони до землі клали. А потім князя Гедимина старшим над всією Україною обирати, ключі йому од казни і клейнодів отдавали, порядок і розправу поставить на Вкраїні прохали. То великий князь литовський Гедимин мудрою головою пораховав, ключі од казни і од клейнодів брав, казну і клейноди одмикав, золоту гривню на цепі і палицю судовую з казни виймав, Миндовга князя Голшанського до себе підзивав, йому гривню на шию возлагав, палицю судовую у руки давав, словами промовляв:

— От же тобі, Миндовже, гривня золота і палиця судовая з сребра! Будь ти князем і господином над всією Україною, будь моїм намісником в преславнім граді Києві, порядок на Вкраїні, суд і розправу удержуй, віру християнську шануй. І вже, каже, з сього часу нехай на віки вічнії народ українській буде під одною державою з народом литовським, як рівний з рівними і вольний з вольними.

Так і сталось. Миндог князь знову поставив суди і городські, і земські [379]. Знову поставив войти і бурмистри, райці і лавники. Дай же боже, люди промовляли, послі сього великого діла, щасливо проживати, хліба-солі вживати, слави і честі народу українському достати.

Глава третя

Україна була в соединенії з Литвою шістьдесят шість літ, аж поки один литовський князь Ягейло став королем польським і прилучив свою землю до Польщі [380]. Тогді й наш народ пристав з Литвою до поляків [381], як рівний до рівних і вольний до вольних. Оттоді-то во всіх трьох землях, в Польщі, Литві і Україні, поставлено було по гетьману, один звався коронним гетьманом, другий литовський, а український гетьман звався руським, бо і сама Вкраїна за давніх часов Руссю звалась. Із самих древніх українських гетьманів найбільше прославився Предислав Лянцкоронський (1516—1531) [382]. Сей Предислав, взявши по весні року 1516 невеселу вістку [383], зараз послав до свого найстаршого [384] рейментаря Остапа Дашковича [385]:

— Ей, каже, друже Остапе! звели осавулам військо в поход викликати, бо уже не даром летять од Чорного моря птиці і виють по балках і байраках вовки да лисиці: піднявся на них турчин з татарвою: хочуть вони Україну, рідну матір нашу, плюндровати, жінок та діток наших у полон забирати, добро наше грабовати, коней да овець, усю божую скотину у свої джерела заганяти, козацькії холіви розбивати й розоряти!

То голінний Остап Дашкевич теє зачуває, військо збирать зараз посилає. Оттоді вже по городах не музики вигравали, осаули військовиї по улицях пробігали, на винники, на лазники, на броварники гукали: — Ви грубники, ви лазники, ви винники, ви броварники! Годі вам по винницях горілок курити, по броварнях пив варити, по лазнях лазень топити, товстим видом мух годовати, сажі витирати! Ходім з нами турків, татар, волохів воювати! То народ божий теє зачуває, усяк своє діло покидає, усяк худоби половину збуває, шаблю булатную, пищаль семип'ядную, доброго коня набуває, ради віри християнської, ради слави козацької в похід з гетьманом Предиславом і хоробрим рейментарем Остапом виступає. Отже, ідуть вони не день, не два, не три й не чотири; бачать: птаство хижеє понад головами у них крячучи кружає, чують звір'є позаду й по боках їх квилить-проквиляє, до побоїща смертного козаків провожає, здобич велику собі чує, день і ніч свого виску й завивання не уймує. Аж ось земля стугонить, курява в степу вище хмари стоїть, бусурманське військо ся зближає, кінським ржаиням, людським криком і в уші козакам ударяє, не одному й жаху завдаває. Тогді гетьман Предислав і хоробрий Остап наперед усіх виїжджають, шаблями блискають, богові молитви посилають, хрести покладають, а потім усе військо на дві части розділяють, кінне — супротив неприятеля одряджають, а пішее в засаді в байраках і чагарниках заставляють.

— Держись же ти, друже Остапе, каже гетьман, у засаді, а я піду бусурманів зустрічати, огнем да мечем їх привітати, кінськими копитами з граззю мішати. Держись, друже Остапе, у засаді, не виходь з байраків, хоч який буде крик, хоч який буде грім: біг дав нам і силу в руки, і одвагу в серце: може з нас один проти десяти бусурманів стати, слави козацької доказати. А як стануть уже невірні нас до байраків дуже притискати, як стане крик наш орлів під небесами за хмари заганяти, вовків сіроманців лякати, в болота й камиші проганяти, як стане кров християнська байраки затопляти, тоді прошу тебе, друже, якомога швидше байраками ззаду поганих бусурман забігати, разом на них з самопалів гукати, міцно списами натирати, шаблями булатними голови невірним стинати. Так і сталось. Залопотіли козаки, як будто вітер погнав велику ниву красноверхого маку. Сидить хоробрий Остап Дашкович на засаді у байраку: тяжко серце ниє — пониває, душа з козаками в степу ганяє: богові голови козацькії поручає. Аж ось степи гудуть, самопали ревуть, крик і гам до небес уставає, орлів ширококрилих за хмари зганяє, аж ось вовки сіроманці у болота, у камиші утікають, стали невірнії козаків до байраку притискати, кров'ю християнською байраки наповняти. Оттогді вже пішії козаки не люльки то під кущами палили, самопали да ладівниці рядили, байраками позад бусурманів забігали, разом на них з самопалів гукали, міцно списами напирали, шаблями булатними голови невірним стинали, озирнуться не давали, всіх вокруги обгорнувши тяжко, тяжко піхотою і конницею разбивали, чотирьох тільки зоставляли: двох у Цариград до султана турецького з веселою вісткою посилали, двох до короля польського з козаками виряжали. Оттогді голінний гетьман Предислав Лянцкоронський і хоробрий рейментар Остап Дашкович по горах трупу верхами роз'їжджають, кругом себе поглядають, один одного не пізнають, бо димом мушкетним обоє закурились, кров'ю невірною покрились. Отак-то наші колись воювали, у татар землі стародавніїї українськиї понад устем Дніпра одбивали. Добичу свою побравши, додому вертались, богові молились, спасителю хрестились, добром ділились [386].

Глава четверта

Забравши гетьман Предислав під свою власть у татар понад устем Дніпра стародавніїї українські землі, і каже Остапу Дашковичу:

— Що ж тепер, друже Остапе, будемо чинити? Як нам сії землі в своїй

власті сохранити, щоб часом турки й татаре знову, оправившись, на нас не напали, сих стародавніх українських земель у нас не одібрали?

— Не турбуйся, батьку, каже Остап. Звели тільки мені козаків зо жменю по Україні під свою хоругов зібрати, то я вже знатиму, як сії землі од невірних обороняти.

І зараз звелів Остап Дашкович у сурми сурмити, військо скликати, до громади собирати. А сам посередині вихожає, на всі сторони уклоняє, до козаків промовляє:

— Позвольте панове-молодці, велику річ сказати, славне вовіки вічній діло розпочати! Бог милосердний поміг нам у бусурманів стародавнії українськії землі одбити, треба тепер нам їх добре боронити, щоб часом зневаги славі козацькій не вчинити. Скажу ж вам, пани брати, що мені бог на серце покладає: щоб сії землі під своєю властю на віки сохранити і все християнство од невірних собою защитити, треба нам велике і неслихаине діло зробити. Треба нам перед самим носом у турків і татар за порогами на дніпровських островах Січ збудовати, страх і боязнь усяку занехати, душі свої господу богу поручити, турків і татар безустанне бити, слави козацької доказати. Хто до вас, панове молодці, який-небудь великий гріх учинив і попу на сповіді не об'явив, хто з вас коли-небудь против бога погрішив або отця й неньку прогнівив, нехай тепер наперед лави виступає, биться безустанне з невірними присягає, щоб милосердний бог на полі й на морі його розсудив, душу його од гріхів тяжких слобонив!

То як тілько теє козаки зачували, зараз деякі наперед із лави виступали, биться безустанне на полі й на морю з невірними присягали, хрести покладали.

Тогді хоробрий Остап Дашкович велику радость має, козаків оглядає, у кого немає доброї рушниці, рушницею награждає; в кого нема доброго коня, конем наділяє, з козаками вози риштує, гармати й кулі готує, в поход виступає. А гетьман Предислав, на те споглядаючи, хоч серцем і звеселився, що такий преславний поход на невірних найодважніших лицарів зложився, але жаль-туга велика його обнімає, що вірний його приятель Остап навіки, може, його покидає. Гіркими сльозами умився, на булаву гетьманську похилився, такі слова промовляє:

— Дай же, братці, вам боже щасливо воювати, турків, татар бити, віру християнську боронити, славу козацьку по всьому світу розсилати. Прощай, друже Остапе! [387] Много літ земля стоїть, а ще ні разу не видала, що чоловікові така одважна да велика думка, як тобі, на душу спала [388]. Жаль мене великий по тобі обнімає, але козацьке моє серце з сеї радості і той жаль перемагає. Одмикайте ж, ключники, мурованії склепи, знахожайте стародавнії вина і меди; нехай козацтво уволю погуляє, свого великого дня повік не забуває.

І зараз ключники великими ключами старосвітськії мурованії льохи одмікають, бочки з винами і медами достають, козакам ковші і чарки роздають, усіх угощають. А гетьман Предислав свого приятеля Остапа поруч себе сажає, в золотиї кубки вина наливає, на прощанне його угощає. А тут кругом сурми сурмили, на бандурах вигравали, з самопалів та з гармат гримали, козаки козаків угощали, вино да солодкії меди попивали. А потім один з одним попрощались, на коней садились, в похід виряджались!

Отже, й пішли козаки понад Дніпром, прямо простуючи до острова Хортиці [389]. А тогді ще усі землі од Чигирина до Чорного моря, до Азова і по сю сторону Дніпра, де тепер Полтавщина, пустовали, густою травою заввишки в чоловіка заростали, у траві куропатки і всякі птиці проживали, дикії коні по степу табунами гуляли, круторогії тури блукали, білорогії сугаки скакали да степнії вітри од моря до моря пролітали. Тогді хоч би хто сто верст за Чигирин пройшов, ні одної б християнської душі не зна-

йшов. Тільки погана татарва кіньми де-негде по степу вигляла, козака в степу виглядала, щоб, його напавши, зарубати, одежу кармазинну да оксамитну зняти, золота в кишенях пошукати, козацького коня арканом у степу піймати. Отся то погана татарва й хороброго Остапа Дашковича з його лицарями в степу забачила, дивом великим дивувала [390], думала й гадала, куди б се козаки в невеликій купі понад Дніпром простовали, якого неприятеля воювать вони мали. Але нападать на козаків боялась, поза травою ховалась, слідом оддалік, як собаки вовка, провожала. А як же вбачила, що вони прямо на дніпровський острів, на Хортицю прибували, рови на острові копали, вали висипали, засіки складали, гострії кілля дубовиї тесали, Січ будовали, гарматами її кругом риштовали: тогді біжить у свої аули, швидко Орду скликає, з криком, з гиком, як чорна хмара під Січ підступає. Але козаки з хоробрим Остапом з гармат на них ударяють, од Хортиці Орду одбивають, а потім з самопалами, з шаблями да з списами кінно у степ виступали, з самопалів на татарву разом усі густо повівали, списами міцно натискали, шаблями голови невірним стинали, по степу татарву як полову розмітали, коней у них добрих одбивали, злотоситими киньдяками да оксамитами торби набивали, добичу побравши, до Січі вертались, богові молились, спасителю хрестились, добром ділились, мед-вино коряками попивали, на бандурах вигравали, один одного на новосіллі частували, один одного з славною вікторією поздоровляли, душі побитих козаків поминали. Отак-то, панове, зачалась тая людославная Запорозькая Січ, тая козацька слава, що по всьому світу дивом стала, що по всьому світу луговим гомоном рознеслась, Туреччині та Татарщині добрим лихом знати далась, да й ляхам-ворогам у знаки вдалась.

Глава п'ята [391]

Після Предислава Лянцкоронського гетьманував князь Дмитро Вишневецький [392], що, славно воюючи, попався сердешний у плін туркам і в Цариграді замучен[ий], а по смерті його гетьманував князь Остап Ружинський [393], который лучший порядок у війську козацькому завів: Орду коло Білогорода розбив; а [по] смерті Остапа Ружинського гетьманував Венжик Хмельницький [394]. Сей Орду під Заславом тяжко розгромив і розігнав, слави великої козацькому війську достав. А по смерті Венжика Хмельницького вибран був гетьманом Іван Свирговський [395], і тільки що гармати заревли, сурми і бубни загули, козаки новому гетьманові булаву піднесли, як ось посли з Молдавської землі [396] прибувають, гетьману до ніг упадають, защитить молдаваи од турків його благають, великії дари золотиї кубки, ковші, шаблі дорогії в дар йому предлагають. То гетьман Свирговський дари од послів бере, золотиї кубки і ковші полковникам своїм роздае, дорогії шаблі і булати бере, сотникам і отаманам роздае, сам на коня всідае, поміж військом проїжджае, в поход виряжае. Отже й пішли козаки да на два шляхи, ой на два шляхи, а на третє на Чорне море. А що первим шляхом то пішов сам гетьман Свирговський, а другим шляхом полковник Сава Гонта, а третім шляхом — водою, дніпровою глибиною, то пішов кошовий отаман запорозький Фесько Покотило. Він на човнах с хоробрими запорозьцями виступае, до устя Дунаю і Дніпра Чорним морем прибувае, обоє устя човнами своїми заступае, ні одного судна турецького до Молдавської землі не допускае А гетьман Свирговський з Савою Гонтою до города Сороки [397] в Молдавії прибували, турків під городом великий табір знахожали, з гармат на них гримали, з самопалів густо повівали, довгими списами ударяли, невірних турків розбивали, пашу їх Кара-Мустафу [398] в полон брали, до короля у Варшаву посилали. А потім козаки иазад уступали, золота й сребра от молдаван брати не захотіли, тільки

меди да вина дорогії принимали, один одного частовали, на радощах в землі Молдавській ликовали. А як стали до Бессарабії [399] простовати, мимо города Килії [400] прохожати, зустрів їх якийсь армянин лукавий, просячи гетьмана до города Килії з військом привернути, приступом його добути, бо турки, каже, награбовавши в Молдавській і Волоській землі [401] великії клади, в Килії зложили, самі малим військом Килію, каже, оберігають, поки козаки додому вернуться, піджидають, а потім, каже, тиї великії клади до султана провадити мають. То гетьман ваш Свирговський да й не схаменувся, лукавому армянину скурвому сину віри піняв, з половиною війська під Килію підступав, прямо на вали городськії да на мури простовав. Ох іще ж козаки й на вали не ступали, як воронії коні під ними засумовали, смутно, смутно ржучи, голову додолу повісивши, копитами глибоко землю рвали. Ох іще ж і обідня година не настала, як піднялась з-під землі полуночна чорная хмара. Бочки пороху під козаками вз[р]ивала, козаків з гетьманом хоробрим Свирговським високо вгору піднімала, довга вертівши під небесами, по пісках, по корчах, по білому каменю почорнівшиї тіла їх розкидала. І вже тогді й рідна б мати не пізнала, де голова пана Йвана літала! А тим часом турки з-за мурів вибігали, на обоз козацький ударяли, козаків багацько вистинали, багацько й у неволю похватали, а більше то горе, що Кішку Самійла [402] у неволю взяли, котрого козаки за рідного батька мали, часто за кошового отамана вибирали, велику надію на його покладали, а потім невірнії довго їх по полю піших гнали аж поки нічнії тумани козаків кругом обгортали, і як орел своїх діток закривали. Тогді-то козакам невесело було додому вертатись, свого гетьмана втерявши, стид-сором був перед люд хрещений показатись. Тогді-то кобзарі і бандурстники од села до села по усій Україні прохожали, помин гетьману Свирговському відправляли, славнії діла його люду божому всенародно оповідали, на кобзах, на бандурах вигравали, пісні жалібні про його прокладали [403].

Як того пана Йвана,
Що Свирговського гетьмана,
Да як бусурмани піймали,
То голову йому рубали,
Ой голову йому рубали
Да на бунчук вішали,
Да у сурми вигравали,
З його глумовали.
А із низу хмара стягала,
Що воронів ключа набігала,
По Україні тумани клала,
А Україна сумовала,
Ой, Україна сумовала,
Свого гетьмана оплакала.
Тогді буйні вітри завивали:
— Де й ви нашого гетьмана сповідали?
Тогді кречети налітали:
— Де ж ви нашого гетьмана жалковали?
Тогді орли загомоніли:
— Де ж ви нашого гетьмана схоронили?
Тогді жайворонки повилися:
— Де ж ви з нашим гетьманом простилися?
— У глибокій могилі,
Біля города, біля Килії,
На Турецькій лінії!

А ще друга пісня співається так:

Ой пан пишний, пан Свирговський
і прочая...

Глава шéста

Незабаром після смерті Свирговського (1514—1546) козаки раду у Чигирині собирали, усіх сотників і полковників ізкликали, меж них гетьманом Богданка Ружного [404] поставляли. То не вітер буйний по степах виє, завиває, то ж хан татарський на українську землю військо своє посилає і проч...

Велику пораду мали, у поход виступали; козаки запорозькії з кошовим своїм Нечаєм Чорним морем під татарський город Кафу [405] і Козлов [406] підпливали, козаки гетьманськії із гетьм[аном] Богданом Ружним [407] до тих же городів через Перекоп [408] простовали, коло самої лінії перекопської татарську велику орду розбивали, мов баба будяки рубали, мов молотник у клуні солому — розметали, до города Козлова і Кафи прибували, із кошовим Нечаєм тиї города руйновали, бідних невольників з неволі визволяли. А як стали до Бахчисарая [409] і Козлова козаки ся зближати, стали їх посли татарськії переймати, гетьману Богданкові й кошовому Нечаєві до ніг упадати, примир'є йому предлагати, стали перед ним червінці з мішків висипати. То гетьман Богданко і кошовий Нечай тиї купи червінців жовтими чоботями як жар розгортали і розкидали, козакам на тютюн роздавали, самі примир'є з кримським ханом приймали, весело додому із славою великою повертали, мимо города Килії прохожали, на город ударяли, город до остатку руйновали, всіх турків і армян вистинали, поминки гетьманові Свирговському справляли.

Да до того ж короля Баторія [410] ще раз козаки в поход за віру християнську виступали, мимо Перекопа на турка через Черкеськую землю простовали, турка рубали й плюндрували [411], добичу велику у його одбивали, да тут же й гетьмана свого на полі під горою, під густою рокитою знахожали, глибоку могилу копали, на могилі курган насипали, біля кургана-могили коня турецького гетьманського зоставляли, похорон гетьманові правили-одправляли. Тут йому і повік лежати. Добичу свою побравши, додому вертались, богові молились, спасителю хрестились, добром ділились.

Глава сéма

Недовго голінний Богданко гетьмановав (1544—1548), милосердному богу душу на полі оддав. Тогді козаки по йому, як по рідному батькові, сумовали, раду собирали, полковника Івана Серпягу, которий звався і Підковою [412], гетьманом наставляли, і зараз з ним, сівши в човни, на Чорнее море з запорозькими козаками виступали, далеко Чорним морем гуляли, на турецькі землі простовали. А по Чорному по глибокому моречку злая буря вихожає, виступає, козаків до землі чужої провожає і проч...

А на другий рік з тим же гетьманом Серпягою Іваном козаки у Волоськую землю ходили, волохів розбивали, господаря їх Петра в Турецькую землю заганяли, свого гетьмана Серпягу Івана господарем над Волоською землею настановляли. Але султан турецький листи до короля польського до Степана засилав, голову Серпягину, аидать, прохав, а як не видасть, то військом ударить на Польщу — короля Степана стращав, та й волохів війною лякав. То ляхи да волохи, тее почувши, великий страх собі мали, пана Серпягу до города Львова на бенкет лестно закликали, не вином да медом частовали, голову йому одрубали, до султана турецького посилали. А козаки, тіло його взявши, у Канів привізши, чесно поховали. От про того то хороброго Серпягу ще й досі старі діди споминають, пісні йому на бандурі вигравають.

Ой з города, з Полтави виїжджали козаки,
Усіх було три табори, да всі три однаки
і проч...
(Козаченько вбитий лежить, Серпяга то мертвий)
А ще друга пісня співається так:
Ох, і сина, сина єму наділила
і прочая...

Глава вóсьма

Як тільки пронеслась чутка на Україні, що гетьмана Серпягу ляхи вже згубили, зараз козацтво з старшиною до Чигирина прибувало, гетьманом Якова Жаха, Серпягового друга, настановляло, на волохів виступало. А волохи того не ждуть, не гадають, мед-вино з турками в Бухаресті попивають; аж ось козаки під муром городські прибувають, з гармат гукають, мури розбивають, у город ухожають, з самопалів густо повівають, всіх турків і волохів як пух розмітають. А потім самих главних волохів, що видали на смерть Серпягу, половили, серед міста повішали, надпис над ними прибили: «Отак зрадці і віроломці пропадають, що правди й одваги в серці не мають, свого батька ради страху турецького погубляють». А потім скарби великії в Волощині забрали, додому весело повертали. Ой не вспіли ж козаки вернутись в Україну, добро поділити, як надійшли суровії од короля Степана листи. Ой не вспіли ж козаки на радощах погуляти, як став король Степан Жаха на суд за волохів звати. Але Жах добре догадавсь, в Канівському монастирі [413] під чорною рясою сховавсь, королю в руки не оддавсь, але вже сердешний од булави гетьманської одцуравсь, з світом навіки попрощавсь, богові єдиному служити почав, щоб милосердний бог його душу у царство небесне прийняв. Оттоді вже козаки раду собирали, нового собі гетьмана з полковників, Семена Скалозуба [414], вибирали. Сей Скалозуб, бажаючи дуже турка за Серпягу і шаха покарати, зачав козаків до обозу великую силу збирати. А потім, сівши на запорозькії чайки, Дніпром на Чорнеє море до острова Тендрова [415] випливав, на острові одпочинок мав, козаків під городи турецькії приморськії на розглядини посилав. От у той час, панове, із города із Трапезонда крутоносная галера турецька виступала, трьома цвітами процвітана, мальована і прочая...

Глава дев'ята

Раді були козаки, що Кішка Самійло з неволі вернувся, але скоро їх друга недоля постигала, сила велика турків на морі на їх нападала, кругом кораблями да галерами їх човни коло Керчі-города обгортала, козаків розбивала, которих у морі потопила, которих живцем у неволю з самим гетьм[аном] Скалозубом забрала [416]. Оттоді-то біднії козаки на бусурманській землі марне пропадали, тяжко-тяжко жалковали, плачучи гірко, свою рідну Україну споминали, не раз, не два такі слова промовляли: «Поклоняється бідний невольник із землі Турецької, що віри бусурманської у городи християнськії до отця, до матусі», і прочая...

Оттак-то сердешнії невольники сумовали, щирії молитви до бога посилали [417], але довго бідовали, аж поки козаки знову на Чорне море в нових потугах випливали, до городів бусурманських приставали, бідних невольників із каторги визволяли. А гетьман Скалозуб гіршу од усіх біду прийняв, у городі Цареграді замучений од турків, милосердному богу душу отдав. Тілько писарю Богуславцю фортуна погодила: його жінка паші турецького з неволі свободила, сама з ним втекла на Україну, стала йому за вірну дружину. От про того-то писаря Богуславця ще й досі співають пісню:

Гей з устя Дніпра да до вершини,
Сімсот річок і чотири пороги [418].

Глава десята

Ой у нашій у славній Україні бували колись престрашні злигодні, бездольні години... Як невзгодини на укр[аїнську] землю посилав. Ой то ж була найбільша, найстрашнішая тая чвара, що з ляхами за віру православну стала. Задумали нечестивії ляхи церкву православну в Україні руйнувати, народ християнський у віру лядську ввертати. Але наші на те не приставали, мечем свою віру обороняли. Тогді окаянніі ляхи гетьмана нашого Косинського [419] поймали, у кам'яний стовб його замурували, а на Вкраїну жолнірів присилали, по церквах з голими шаблями розставляли, щоб вони насильно народ християнський молитися по-лядські примушали. Попів наших православних з олтаря проганяли, ксьонзів на їх міста у престола поставляли. Оттак ляхи над святою вірою глумились, бога не страшились, людей не стидились. А тим часом велено жолнірству у города українськії вступати, вибрать нового гетьмана не давати, народ силою у католицтво повертати. Але наші у городі Чигирині раду собирали, думали й гадали, довго-довго раховали, на гетьманство Павла [420] Наливайка, одважнійшого лицаря обрали, богу помолились, з ляхами биться безустанне за святую віру зговорились.

Ой не день і не два ляхи Україну плюндровали, ні на часиночку одпочиння не мали, і проч...

Ой не забули своєї біди окаянні ляхи, не забули; вони все тее козакам пом'янули, як козаків під кормигу свою лядськую знову підвернули. А тепер, бачачи, що козаками плохо воюватись, стали на хитрощі підійматись, примир'є з гетьманом Наливайком приймали, хрест цілували, покинути всяку вражду на Євангелії присягали, але потім всю тую присягу поламали, гетьмана Наливайка, да полковника Лободу [421], да суддю, да сотника до Варшави лестю зазвавши, у темниці похапали, а потім у мідного бика усіх посадили, огню йому під черевом розложили, да й усіх тих мучеників у тім бику попалили. Оттоді-то Україна дуже засумувала, що найлуччих своїх лицарів, Наливайка і Лободу, втеряла, що защитники віри й козацької волі такою лютою смертю пострадали, якою од початку світа люде не вмирали. От тоді-то Україна сумовала, за сироту себе мала, на бога єдиного усю свою надію покладала. А бандуристи да кобзарі пісні тогді на утіху і на жаль людям про гетьм[ана] Наливайка складали, великії діла його вихваляли, люту його смерть оплакали, народу в душу вічну вражду на поляків клали [422].

Ой, в городі Могилеві димом потягнуло,
і прочая...

Друга пісня:

Славна стала та Кравчина, як на Польшу стала,
і пр...

Співали тоді кобзарі і про Івана Лободу, щирого приятеля гетьм[ана] Нал[ивайка].

Ой в городі в Батурині дзвони задзвонили, і проч...

Глава одинадцята

Потративши так люто гетьмана Наливайка і з ним Лободу і других найлуччих лицарів, ляхи зовсім уже Україну опановали, жолнірів своїх по всіх городах становили, людей мордовали, у лядську віру ввертали, що

хотіли робили. А ксьонзи лядськії од села до села не кіньми, а на людях роз'їжджали, в церквах свої лядськії пакості робили, святиї антиминси і требники палили, священиків православних з приходів виганяли. А ляхи тим ксьонзам нечистивим що найкращих дівчат до прислуги вибирали; ксьонзи бога не страшились, людей не стидились, тих бідних дівчат оскверняли. Багато ляхи по Вкраїні уніятів да католиків наробили, а яка парафія не схотіла погубити лядством душі й тіла, то в їх церкві пакості несказанниї чинили; а потім жидам на одкуп тії церкви православниї поотдавали. Жиди ключі од церкви і верьовки од дзвонів до себе в корчму брали, за велику плату християнам править у церкві божу службу позволяли, з людей і з святої віри православної кепковали, гойською її називали. Оттакеє ляхи на Вкраїні на свою біду, обезумівши, виробляли! І вже тогді не вільно було нікому православному жодного уряду держати: всю старшину ляхи виганяли, своїх на їх міста поставляли, а хто зробиться католиком, того не займали. От у тую-то гіркую годину багато душ християнських себе погубили, ради благ мира сего багато з наших панів у католицтво оберталось, своїх земляків цуралось, над ними ж разом з ляхами існущалось. І вже тогді хто був Решето, той став Решетинський, хто був Чапля, або Проскура, або Лопата, то вже стали — Чаплинський, Проскуринський, Лопатинський. Вже тогді тії одступники і рідну мову свою голосну українську занехали, по-польськи цвенькать стали, українську ж мову, которою і князь Володимир говорив, як народ свій у віру християнську хрестив, тую мову вони занехали, мужицькою її назвали. У ту гірку годину усе військо козацьке по Вкраїні як овечки без пастуха блукало, само об собі не знало: іншиї на Запорожжі убрались, а которим жаль було покинуть домівки, тиї, стиснувши серце, дома оставались, богові молились, спасителю хрестились, луччої години сподівались. А тим часом орда на пограниччі в Україну набігала, козацькі двори розбивала й розоряла, народ в немилосердную неволю брала, коней, корів і овець у свої авули заганяла. От тоді-то козаки як би от сну трохи стрепенулись, об своїй нещасній долі схаменулись, до запорожців прибували, разом з ними гетьманом розумного Петра Коношевича Сагайдачного обирали, в похід на татарву морем виступали, до Криму з моря привертали, городу Кафу сплюндровали, бідних невольників на волю випускали, а потім і під Козлов підступали, кругом його обгорнули, з гармат ревнули, димом мушкетним його мури окурили, великий страх татарві причинили. То проклята татарва із города із Козлова з білим завивалом виступає, мир возвіщає, великий окуп козакам поступає, усіх невольників, що забрала в Україні, випускає. Тогді наші, здобич забравши, в човни посідавши, додому в великій славі повертали, тих бідних невольників по городах християнських розпускали, дітей батькам, братів сестрам, жінкам чоловіків вертали, що вже їх як мертвих оплакали. От тогді то окаянние ляхи, бачачи велику козацькую силу і славу, по всій Україні стрепенулись, у Польшу втікати, як од вовка поросята, сунулись, а жиди за ними спішили, аж свої вонючії ярмулки і патинки погубили. А король польський і собі схеменувся, сидячи на престолі, здригнувся, зараз листи до гетьмана Петра Сагайдачного засилає, гетьманом його на всю Україну потверждає [423], великиї подарки дарує, так і сяк його щире серце козацьке гамує. Тогді гетьман Сагайдачний по всій Україні, як пчола по стільнику, похожає, усе поправляє, усякий ущерб поповняє, церкви святиї обновляє, священиків православних знову до парафій приставляє. А у Києві преславний Братський монастир [424] збудував, великиї вклади ему даровав, золотом да сріблом украшав, при монастирі великиї будинки для школ, що тепер зоветься Академія, муровав, великим коштом тії школи содержав, сильно розумною головою так рахував, щоб з тих школ світ премудрості на всю Руськую землю просіяв,

погибнуть народові у темноті розуму не дав. Ой добре, добре козаки, за гетьмана Сагайдачного на Вкраїні проживали, не раз і не два турків і татар розбивали, да й ляхів-ворогів в тривозі держали. Але шкода, що біг чоловікові вік не довгий дав! Гетьм[ан] Сагайдачний до конця днів своїх дохожав, милосердному богу праведную душу в самому-таки Братстві оддав [425], Україну сиротою зоставляв. Тогді ляхи знову жолнірів своїх на Вкраїну посилали, замки один за одним забирали, знову в свою віру народ ввертати починали, не тілько козаків зібраться народу не допускали, але й двох і трьох, що зійдуться на улиці, зараз розганяли. От такеє на Вкраїні виробляли! Ще гірше, як до Сагайдачного, Україна бідовала, тяжку паругу віра християнська од ляхів і жидів принимала. Проклята жидова церкви божії на аренду держала, горілку в церквах, як у шинку, продавала, сама проскуру скверними своїми руками пекла, велику плату за тее них иазначала, сама паски к Воскресенію продавала, жидівською рукою значок на їх клала. Оттаку наругу віра христова од ляхів і жидів приймала!

Глава дванадцята

Отже, ще раз козаки раду собирали, гетьманом Тараса Трясилу [426] поставляли. То гетьман Трясило з козаками під Переяслав прибував, над річками Трубежем і Альтою станом став, ляхів ожидав. То не чорниї хмари наступають, громом гудуть, дощ і град на поля несуть, блискавками блискають, то поляки на три шляхи своє військо розділили, прийшли, перед козаками станом стали, з гармат на козаків грімали, конницею й піхотою на обоз козацький напирали, але нічого не вскурали. Бо козаки, як степові бики, що проти тічки вовків тілько роги свої наставляють, самі ж ні наперед, ні назад не поступають, двойчатими ратицями землю гребуть, тяжко ревуть, вовкам великого страху на примир'є ставати, хрест цілувати, що не будуть з козаками воювати. Ой не вміли ж козаки ляхам одвічати, не треба було ляхам віри няти, не треба було з Боровиці виступати [427], бо у ляха нема ніякої правди. Ляхи зараз присягу зламали, по дорогах наших доганяли, шаблі, мушкети, списи однімали, самих обідрали, без чуприн і без усів додому вертали, а старшину із гетьманом Павлюгою похватали, у Варшаву одіслали, живим кожу з голів поздирали, половою набивали, по городах українських розсилали, народ устрашали. Ой кипіло тогді не одно серце в Україні, бачачи таке лихо на своїй родині:

— Ой, дождетесь, ляшки, ви за сеє плати! Будете знов в болотах стирчати, будете знов своїм тілом вовків годовати! Ніхто волі у народі не задушить, ніякеє лихо в серці козацькім одваги не потушить! Отже, ще раз козаки раду собирали, гетьманом Степана Остряницю [428] вибирали, думали й гадали, військо своє добре споряжали, ще раз на ляхів виступали. Ой пішли ж козаки на чотири шляхи, на чотири поля, а на п'яте — на Подолля і прочая.

Ой рано, рано козаки до Стариці-ріки прибували, ляхів над Старицею великий табір знахожали, зараз на їх ударяли, одуматься ляхам не давали, із стану їх вибивали, до містечка Полонного гнали, Полоннее кругом обгортали. А ляхи, у містечко запихавшись, як хорти, убігають, по священиків православних з хрестами, з хоругвами, з іконами супротив козаків висилають, на примир'є стати благають. То як тілько тая свята процесія перед станом козацьким явилась, рука у всякого козака опустилась; ніхто не посмів божим служителям поперек слова сказати, всі позволились на примир'є стати. Отже, тогді хрест і Євангеліє ляхи і наша старшина цілували, уговор на папері писали, руки і печаті прикладали, щоб уже згода меж ляхами й козаками повік зоставала, вражда й чвара ніколи не вставала. Тогді козаки додому рушали, по городах, по селах ляхів і жидів виганяли, самі всі села опановали. А гетьман Остряниця з старшиною у Ка-

певський монастир прибуває, молебні наймає, милосердному богу молитви благодарственнії посилає, не думає, не гадає, що на єго біда наступає. Ляхам ксьонзи клятву розв'язали, против козаків знову їх научали, ляхи під Каневськнй монаст[ир] байраками да ярами прибували, гетьмана Остряницю і всю старшину, всього 30 душ, похватали, на вози скованих поклали, до Варшави на люті муки помчали. А в Варшаві на базарі огонь палає, кілля стоять, шибеници висять, кат поміж ними похожає. Зараз взяли гетьмана Остряницю і старшину Сулиму [429], Недригайла, Боюна і Риндича колесовали, Гайдаревського, Бутурима, Запалія, Кизима [430] і Сучевського залізними спицями пробивали, живих на високії шости піднімали, Постилича, Гаруна, Сутигу, Подобая, Харкевича, Судака, Чурая [431], Чуприну, Околовича, Сокольського, Мировича і Ворожбита гвіздками стоячих до смоляних дошок прибили, дошки підпалили, Могилянського, Загребу, Скребила, Ахтирку, Потурая, Бурлія і Загнибіду залізними лапами живих розідрали; Метиляя, Дунаєвського, Скубрія, Глянського, Завезуна, Косиря, Гуртового, Тумара і Тугая четвертовали. Жінки тих мучеників до Варшави услід за ними з маленькими дітьми поприїжджали, ляхам у ноги впадали, за своїх чоловіків прохали, але проклятії ляхи з того тільки глумовали, жінкам тим груди живим вирізали, діток малих перед батьками на залізнії шини клали, огню підкладали, шапками огонь під ними роздували. Усім тим сердечним старим й малим там у муках несказанних богу душі поодавали, і душі їх на небо вступали, до бога прилітали, богу все оповідали, кару тяжку да важку послати на ляхів прохали. От тогді вже ляхи зовсім Україну опановали: як пастухів од стада одібрали, то й саме стадо розігнали, як вовки народ український терзали, дітей козацьких в казанах варили, церкви палили, кожі з живих людей по всій Україні драли. От тогді-то бідна Україна зовсім засумувала, зовсім погибала. Да й ніхто нам тогді не помагав, за нас тепер богові молитов не посилав, тілько святий бог нами не заб[увався], тільки бог теє знав, що він дум[ав]-га[дав], зам[ишляв], як такії муки на нас грішних посилав.

Глава тринадцята

Щодня, щогодини, як стала тривога на Вкраїні і прочая...

Завдавають: так і вони під гарматами лядськими стояли, нічого не промовляли, тільки раз по раз свої гармати пооживали, на ляхів і часто, і тяжко гукали, з самопалів густо повівали, нічого не промовляли, але ляхи, як собаки, піджавши хвіст, до обозу свого уступали, по уші себе кругом валами обкопали, ще більших потуг до себе піджидали. А козаки на великії потуги лядськії, що день і ніч стягались під Переяслів, не вважають, на бога милосердного свою надію покладають, щасливої год[ини] дожидають А як стали ляхи свій празник Пановне Цяло празновати, з гармат гримати, у сурми вигравати, потішнії огні в стану пускати, тогді стали козаки собі раховати, як би ляхам козацької слави доказати. Мовчки сидять, дивляться, як в лядський обозі ракети під небеса літають, іскрами все поле осипають, як п'янії ляхи краков' яка співають, як труби і свистілки вигравають, самі собі думають-гадають, нічого не промовляють, полуночної години дожидають; а опівночі гетьман Тарас звелів кінним полкам тихо з табору виступати, ляхів кругом обгортати, зорі дожидати. А як стала божа зоря на небі займатись, стала чорна хмара з громом і градом на поляків підійматись, уся піхота козацька з табору рушала, мовч[ки] під самі шанці лядські підступала, мовчки хрести покладала, мовчки бога на поміч призивала, на шанці одними списами та шаблями вдаряла, сонну сторожу побивала, у самий стан уступала, пушки лядськії на ляхів обертала, велику тривогу підіймала, ляхами як грушами землю усипала. От тогді-то п'яній ляхи, не продравши очей, з табору як свинота сунулись, да вже тогді тільки

схаменулись, як на кінниї полки козацькії наткнулись. А козаки їх як будяки рубали, як полову по всему полю розметали, у Трубежі і у Альті великії їх тисячі потопили, трупом лядським річки загатили: добре ляхів проучили! Про те діло ще й досі старі люди знають, ту ніч Тарасовою ніччю називають. От тогді вже козаки богові дяку велику посилали, у лядський табір як одна сім'я уступали, очертами сідали, пили да гуляли. А ляхи із жидами зо всієї України як собаки утікали. Ой недовго ж гетьман Тарас на Вкраїні попановав. Скоро його бог у царство небесне одозвав. Тогді козаки гетьманом Павлюка настановили, віру християнську од поляків боронили, але ляхи всіма силами на козаків під Кумейками [432] несподівано напали, табір однимали, козаків аж до містечка Боровиці гнали. А як убачили, що Боровиці їм у козаків не дістати, тоді вже стали [...].

Ч. V, арк. 125—152. Автограф з багатьма виправленнями.

№ 47

1847 р. травень.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ОДЕРЖАННЯ РУКОПИСІВ П. О. КУЛІША З м. БОРЗНИ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

О бумагах бывшего учителя Кулиша

Учитель Кулиш, намереваясь отправиться за границу, оставил в г. Борзне у родственника своего Белозерского шесть пакетов с принадлежащими ему, Кулишу, бумагами. Вследствие сделанного распоряжения означенные бумаги доставлены ныне в III отделение и заключаются в разных записках, исторических материалах, автографах, стихотворениях и проч[ее]. По рассмотрении в них не оказалось ничего такого, чтобы изобличало Кулиша в непозволительных действиях или принадлежности его к Славянскому обществу; вся переписка его с другими лицами относится наиболее до литературных занятий и не заключает в себе ничего политического.

Только две, прилагаемые у сего, тетради под заглавием: «Извлечение из реляции о допросе участников бунта» [433] и «Книга о делах народа украинского» останавливают на себе внимание. В первой весьма невыгодно говорится о действиях России относительно Польши, а во второй высказываются преувеличенные понятия Кулиша о Малороссии и прежней ее славе.

Ч. V, арк. 182. 183. Оригінал

№ 48

1847 р. травня, не раніше 30.— ВИСНОВОК III ВІДДІЛЕННЯ ПРО СПРАВУ П. О. КУЛІША ТА ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА ЙОГО ДРУЖИНОЮ О. М. КУЛІШ

Бывший старший учитель 5-й С.-Петербургской гимназии Пантелеймон Кулиш. Он был в деятельной переписке с Гулаком, Костомаровым, Белозерским и другими славянистами. В письмах своих он везде выражал чрезмерную любовь к родине, Малороссии, ложные понятия о ее прежней будто бы славе и заботился о восстановлении ее литературы и народности.

Напечатанные им сочинения: «Повесть об украинском народе», «Украйна» и «Михайло Чернышенко» исполнены тех же мыслей. В этих сочинениях он с восторгом описывал дух прежнего казачества, наезды гайдамаков изображал в виде рыцарства, представлял историю малороссиян едва ли не знаменитее всех историй, славу этого народа называл всемирною, приводил песни украинские, в которых выражается любовь к вольности, намекая, что этот дух не простыл и доселе также в малороссиянах; описывал распоряжения императора Петра I и преемников его в виде угнетений

и подавлениях прав. «Повесть об украинском народе» могла производить тем больший вред, что сочинена для детей старшего возраста.

Сверх того, между бумагами Кулиша найден рисунок, изображающий отрубленную голову малороссиянина и на ней сидящего орла.

Кулиш сознался, что он, любя пламенно свою родину, побуждал еще друзей своих писать на малороссийском языке, восстановлять нравы и обычаи собственно украинские, заводить школы для образования простого народа, собирать деньги для издания сочинений в пользу этого народа, рассуждал о способах освобождения крепостных людей, присовокупляя, впрочем, что все это делал он по одной любви к Малороссии, без всякой политической цели.

Равным образом относя мысли о необыкновенном значении Малороссии, помещенные в книгах его, к тому же источнику, то есть любви к родине, Кулиш понял, что эта любовь действительно превосходила должную меру, увлекла его за пределы благоразумия и до чрезмерных мнений насчет Малороссии, и когда были указаны ему двусмысленные места в его книгах, он сам с ужасом увидел, что действительно в них многое кажется злонамеренным. Но Кулиш уверял, что, выражая любовь к родине, он и не помышлял смущать или колебать верноподданность ее к российскому престолу.

О рисунке мертвой головы с орлом на ней Кулиш объяснил, что этим рисунком он желал изобразить только мысль нескольких малороссийских песен, в которых говорится о падшем на поле битвы казаке и орле, клюющем глаза ему.

Что же касается до Украйно-славянского общества, то Кулиш отозвался решительным незнанием, а равно никто из прикосновенных лиц не показал, чтобы он участвовал в этом обществе.

По высочайше утвержденному решению определено: Кулиша заключить в Алексеевский равелин [434] на четыре месяца и потом отправить на службу в Вологду, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу; сверх того, воспрещено ему писать; равно и сочинения его «Повесть об украинском народе», «Украйна» и «Михайло Чернышенко» повелено запретить и изъять из продажи.

Жене Кулиша, с высочайшего разрешения, выдано за четыре месяца жалованье мужа, 200 р[уб]. сер[ебром]; но как из бумаг мужа ее видно, что и она есть пламенная украинка, то сделано распоряжение об учреждении над нею секретного надзора. Кулиш заключен в Алексеевский равелин 30 мая 1847 г.

Ч. V, арк. 184—187. Оригінал.

№ 49

1847 р. травня, не раніше 30.— ПЕРЕЛІК ДОКУМЕНТІВ, ЯКІ СТОСУЮТЬСЯ СПРАВИ П. О. КУЛІША, АЛЕ ЗНАХОДЯТЬСЯ У СПРАВІ М. І. КОСТОМАРОВА, СКЛАДЕНИЙ У III ВІДДІЛЕННІ

Отпуск с отношения к коменданту С.-Петербургской крепости, от 30 мая 1847 г. № 877 с препровождением Кулиша; донесение коменданта о принятии Кулиша в крепость; уведомление г-на министра народного просвещения, что Кулиш получал жалованье 643 руб. 31 коп. сер[ебром] в год и отпуск с отношением к г-ну министру финансов об отпуске на известное его величеству употребление денег (для выдачи жене Кулиша в течение 4-х месяцев 214 руб. 43 коп. сер[ебром]) — находятся в деле о Костомарове [435].

Ч. V, арк. 188. Копія.

№ 50

1847 р. травня 30[436].— РЕЄСТР, СКЛАДЕНИЙ У III ВІДДІЛЕННІ ПІД ЧАС ВІДПРАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША ДО ПЕТРОПАВЛОВСЬКОЇ ФОРТЕЦІ[437] ДЛЯ ВІДБУТТЯ ПОКАРАННЯ В ОЛЕКСІЇВСЬКОМУ РАВЕЛІНІ

Реестр, при коем препровождается:

Чиновник 9-го класса Кулиш	Расписка в принятии
Разные принадлежащие ему вещи и деньги один рубль серебра и 24 медные старинные монеты	Принял Скобелев

Генерал-лейтенант Дубельт

Ч. V, арк. 189. Оригінал

№ 51

1847 р. квітня 22.— ВІДНОШЕННЯ В. О. ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА П. А. ШУВАЛОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ОДЕРЖАННЯ ЛИСТА ВІД ВАРШАВСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА З ВІДОМОСТЯМИ ПРО АРЕШТ І ВІДПРАВЛЕННЯ ДО III ВІДДІЛЕННЯ П. О. КУЛІША І В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ТА ВИДАЧУ ПАСПОРТА О. М. КУЛІШ ДЛЯ ПРОЇЗДУ В ПЕТЕРБУРГ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

22 апреля 1847 г., № 252

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Варшавский военный генерал-губернатор сообщил, что в минувшем феврале месяце прибыл в Варшаву из Черниговской губ. служащий по ведомству министерства народного просвещения титулярный советник Кулиш с женою Александрою и братом жены Василием Белозерским и что Кулиш и Белозерский, по высочайшему повелению, арестованы и отправлены в С.-Петербург, в III отделение с. е. и. в. канцелярии, а г-жа Кулиш на основании разрешения его светлости наместника царства, снабжена от него, варшавского военного генерал-губернатора, паспортом от 10 (22) апреля за № 1473 на приезд в С.-Петербург[438].

Считаю долгом довести о сем до сведения вашего сиятельства. С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, вашего сиятельства, покорнейший слуга.

Шувалов

Помітка про одержання: 23 апреля 1847

Ч. V, арк. 1907.Оригінал.

№ 52

1847 р. квітня 29.— ВІДНОШЕННЯ ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ОБЕР-ПОЛІЦМЕЙСТЕРА С. О. КОКОШКІНА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА, В ЯКОМУ ВІН ЗАПИТУЄ, ЧИ МОЖНА ДОЗВОЛИТИ МЕШКАТИ В ПЕТЕРБУРЗІ О. М. КУЛІШ, ЩО ПРИБУЛА СЮДИ З ПАСПОРТОМ, ВИДАНИМ ВАРШАВСЬКИМ ВІЙСЬКОВИМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ, І ЧИ НЕ СЛІД ВСТАНОВИТИ ЗА НЕЮ ТАЄМНИЙ НАГЛЯД ПОЛІЦІЇ

Секретно

Его пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту

29 апреля 1847 г., № 414 [439]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

19-го числа сего месяца прибыла в С.-Петербург титулярная советница Александра Михайловна [440] Кулиш, по паспорту варшавского военного генерал-губернатора от 10(22) сего апреля за № 1473 [441], муж которой, служащий по ведомству министерства народного просвещения титулярный советник Пантелеймон Кулиш, и брат Василий Белозерский, как видно из предложения г-на исправляющего должность с.-петербургского военного генерал-губернатора, арестованы в г. Варшаве и отправлены в III отделение с. е.и. в. канцелярии, по высочайшему повелению.

Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство уведомить меня: на каком основании может быть дозволено титулярной советнице Кулиш пребывание в С.-Петербурге и не следует ли учредить за ней секретного надзора полиции [442]. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

С. Кокошкин

Помітка про одержання: 30 апреля 1847 г.

Ч. V, арк. 191. Оригінал.

№ 53

1847 р. травня 1.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ОБЕР-ПОЛІЦМЕЙСТЕРА С. О. КОКОШКІНА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА О. М. КУЛІШ ТА НАДІСЛАННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ КВИТКА НА ПРАВО ПРОЖИВАННЯ В ПЕТЕРБУРЗІ

Секретно

Его превосход[ительст]ву С. А. Кокошкину

1 мая 1847 г., № 700

М[илостивый] [г]осударь Сергей Александрович!

Вследствие отношения вашего превосходительства от 29 апреля № 414 [443] имею честь уведомить, что о надзоре за прибывшей в С.-Петербург женою титулярного советника Александрою Кулиш сообщено уже г-ну генерал-лейтенанту Полозову, но с тем вместе неблагоугодно ли будет вам, м[илостивый] г[осударь], приказать иметь за нею со стороны полиции секретное наблюдение, что же касается до вопроса, на каком основании может быть дозволено г-же Кулиш пребывание здесь, то г-н генерал-адъютант гр. Орлов уже отнесся к вашему превосходительству от 26 апреля № 663 [444] о доставлении к его сиятельству билета на свободное жительство г-жи Кулиш в столице. Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] Л. Дубельт

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. V, арк. 192. Відпуск.

№ 54

1847 р. квітня 26[445].— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА ПЕТЕРБУРЗЬКОМУ ОБЕР-ПОЛІЦМЕЙСТЕРУ С. О. КОКОШКІНУ НАДІСЛАТИ В III ВІДДІЛЕННЯ КВИТОК НА ПРАВО ПРОЖИВАТИ В ПЕТЕРБУРЗІ О. М. КУЛІШ

[Его] превосход[ительст]ву С. А. Кокошкину

Апреля 1847 г., № 663

М[илостивый] г[осударь] Сергей Александрович!

Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли доставить ко мне билет на свободное жительство в С.-Петербурге прибывшей сюда из Варшавы жене титулярного советника Александре Михайловой Кулиш. Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. V, арк. 193. Відпуск.

№ 55

1847 р. квітня 10 (22).— ПАСПОРТ О. М. КУЛІШ ДЛЯ ПОЇЗДКИ З ВАРШАВИ ДО ПЕТЕРБУРГА, ВИДАНИЙ ВАРШАВСЬКИМ ВІЙСЬКОВИМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ

По указу его величества государя императора Николая Павловича, самодержца всероссийского, и проч., и проч., и проч.

№ 1473
Приметы:
Лет —
Росту —
Глаза —
Волосы —
Борода —
Лицо —
Нос —
Холост или женат —
Особые приметы:
Подпись предъявителя

Предъявительнице сего жене титулярного советника Кулеши, Александре Кулеше, отправляющейся в С.-Петербург, сроком на время следования благоволять военные и гражданские начальства как в Царстве Польском, так и в России, в пути до означенного города чинить беспрепятственный пропуск. Предъявительницу же поставляется в непременную обязанность предоставлять сей паспорт надлежащим начальствам для засвидетельствования и по окончании срока нигде не проживать, а в случае надобности остаться далее в России, испросить на то новый паспорт установленным порядком.

Дан сей за подписом моим и с приложением герба моего печати.

В г. Варшаве апреля 10 (22) дня 1847 г.

Его императорского величества всемилостивейшего государя моего, генерал от артиллерии, генерал-адъютант, начальник главного штаба действующей армии, член Совета управления Царства Польского, сенатор, варшавский военный генерал-губернатор и кавалер

Начальник отделения Крузе

Предъявитель сего при следовании из одного места в другое обязан предварять о том местную полицию за день до своего отъезда.

Получено за гербовую бумагу — руб.— коп. сер.
в пользу дорожного и »
Силавного сборов »

Итого руб. коп.

Помітки: 1) Służy na wyjazd w przeciągu 48 godzin; 2) N 3513. Warszawa 14(26) kwietnia 1847 r. z rozkazu L. Rychter; 3) N 450. Wyjazd z Królewstwa Polskiego do Rossyi dyliżansem w. p. Aleksandry Kuleszy, żony radcy honorowego widziano na komorze celnej Aleksota dnia 16 (28) kwietnia 1847 г.[446]

4) № 363. При следовании в Россию Ковенскою таможнею пропущена апреля 16 дня 1847 г.

Помощник управляющего

5) М. С. 3 кв. из дома № 446 явлен в книгу. Записан и выдан обратно для предъявления, куда следовать будет апреля 21 дня 1846 г.

За надзирателя

6) № 446 у г-на Кармалеева на квартире [447]

Ч. V, арк. 194—195. Друкарський бланк, заповнений рукою. Оригінал.

№ 56

1847 р. травня 8.— РАПОРТ В. О. ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ОБЕР-ПОЛІЦМЕЙСТЕРА О. П. ГАЛАХОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО НАДІСЛАННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ КВИТКА НА ПРАВО ПРОЖИВАННЯ В ПЕТЕРБУРЗІ О. М. КУЛІШ

8 мая 1847 г., № 441 [448]

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову, исправляющего должность с.-петербургского обер-полицмейстера

Рапорт

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 26 минувшего апреля за № 663 [449] имею честь почтительнейше представить изготовленный для жены титулярного советника Александры Михайловны Кулиш билет на свободное ее в С.-Петербурге проживание в течение трех месяцев.

Свиты его величества генерал-майор Галахов

Помітка: Билет г-же Кулиш отправ[лен] 10 мая.
Помітка про одержання: 10 мая 1847 г.

Ч. V, арк. 196. Оригінал.

№ 57

1847 р. травня 30.— ЛИСТ О. Ф. ОРЛОВА ДО О. М. КУЛІШ З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВИДАЧУ ЇЙ ЧОТИРИМІСЯЧНОГО ЖАЛУВАННЯ П. О. КУЛІША

[Г-же] А. М. Кулиш

30 мая 1847 г., № 900

Милостивая государыня Александра Михайловна!

Государь император, во внимании, что муж ваш, чиновник 9-го класса Пантелеймон Кулиш, по обстоятельствам удален от службы, высочайше повелеть соизволил: производить вам на содержание, в течение четырех месяцев, то жалованье, которое он получал по прежней должности.

Уведомляя вас о таковой монаршей воле и присовокупляя, что мной немедленно сделано будет к исполнению оной надлежащее распоряжение, имею честь удостоверить в ист[инном] почтении.

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. V, арк. 197. Відпуск.

№ 58

1847 р. травня 31.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА О. М. КУЛІШ

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву Л. А. Перовскому

31 мая 1847 г., № 911

М[илостивый] г[осударь] Лев Алексеевич!

Из отношения моего от 30 мая № 896 [450] вашему высокопр[евосходительст]ву известно, что чиновник 9-го класса Пантелеймон Кулиш, за неблагонамеренные сочинения, по высочайшей воле, через четыре месяца будет отправлен на службу в Вологду.

Жена сего чиновника, Александра Кулиш, находящаяся ныне в С.-Петербурге (жительствует [в] Московской части, в Гороховой улице, в доме Доливо-Добровольского, в квартире Кармалеева) также обращает на себя внимание черезмерною любовию к родине своей, Малороссии.

По высочайшему повелению, имею честь покорнейше просить ваше высокопр[евосходительст]во, не изволите ли приказать учредить за г-жою Кулиш самое секретное, но бдительное наблюдение, как в С.-Петербурге, так и в других местах, если она отправится куда-либо на жительство. Примите уверение и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. V, арк. 198. Відпуск.

№ 59

1847 р. травня 31.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКОВІ 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВУ ВСТАНОВИТИ ТАЄМНИЙ НАГЛЯД ЗА О. М. КУЛІШ ПІСЛЯ ПРИБУТТЯ ІІ ДО ВОЛОГДИ

Секретно

Его прев[осходительст]ву Д. Полозову

31 мая 1847 г., № 912

Милостивый государь Данил Петрович!

От 25 апреля № 653 [451] я относился к вашему превосходительству об учреждении секретного наблюдения за прибывшею из Варшавы в С.-Петербург, женою чиновника 9-го класса Александрою Кулиш.

Как г-жа Кулиш обращает на себя внимание чрезмерной любовию к родине своей, Малороссии, и, вероятно, через четыре месяца после сего отправится в Вологду, за мужем своим, который туда будет выслан на службу, то, по высочайшему повелению, покорнейше прошу ваше превосходительство приказать продолжать за нею здесь самое секретное, но бдительное наблюдение и потом учредить с вашей стороны такое же наблюдение в Вологде по прибытии ее в сей город. Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. V, арк. 199. Відпуск.

№ 60

1847 р. червня 6.— ДОНЕСЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА У III ВІДДІЛЕННЯ ПРО РЕЗУЛЬТАТИ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА О. М. КУЛІШ ПІД ЧАС ЇЇ ВІД'ЇЗДУ З ПЕТЕРБУРГА

Секретно

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

6 июня 1847 г., № 239, С.-Петербург

Корпуса жандармов подполковник Ракеев от 4 сего июня за № 290 мне доносит, что жена чиновника 9-го класса Александра Кулиш, по жительству своему в семействе чиновника Кармалея, 2 июня выехала с ними из столицы в деревню Волынку, за Екатерингоф; и что во время пребывания ее здесь она вела жизнь приличную, скромную, пользовалась весьма хорошими отзывами и ни в чем предосудительном не замечена [452].

О чем вследствие повеления вашего сиятельства от 31 прошлого мая за № 912 [453] приемлю честь почтительнейше донести.

Генерал-лейтенант Полозов

Помітка про одержання: 7 июня 1847 г.

Ч. V, арк. 200. Оригінал.

№ 61

1847 р. червня 7.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО В РАХУНОК УТРИМАННЯ ПІД ЧАС ПОДОРОЖІ П. О. КУЛІШЕВІ БУЛО ВИПЛАЧЕНО 571 крб. 84 коп.

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

7 июня 1847, № 784

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Отношением моим от 2 сего июня за № 749 [454] я имел честь уведомить ваше сиятельство о данном мною предписании прекратить отпуск содержания на путешествие бывшего преподавателя Кулиша. В дополнение к тому считаю обязанностию сообщить вам, милостивый государь, что в конце ноября месяца 1846 г. Кулишу в счет вышеозначенного содержания выдано было здесь 571 руб. 84 коп. серебром. Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Гр. Уваров

Помітка про одержання: 9 июня 1847 г.

Ч. V, арк. 201. Оригінал

№ 62

1847 р. червня 10.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО КЕРУЮЧОГО ВІЙСЬКОВИМ МІНІСТЕРСТВОМ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА З ПРОХАННЯМ ДОСТАВИТИ У III ВІДДІЛЕННЯ ЛИСТ І ГРОШІ, НАДІСЛАНІ П. О. КУЛІШУ НА С.-ПЕТЕРБУРЗЬКИЙ ПОШТАМТ БІЛОЗЕРСЬКОЮ З м. БОРЗНИ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву В. Ф. Адлербергу

10 июня 1847, № 987

М[илостивый] г[осударь] Владимир Федорович!

В С.-Петербургском почтамте получено из Борзны от г-жи Белозерской письмо со вложением 125 руб. серебром на имя бывшего учителя 5-й С.-Петербургской гимназии Пантелеймона Кулиша.

Как Кулиш по одному секретному делу подвергнут заключению, то имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли приказать упомянутое письмо с деньгами доставить ко мне для выдачи по принадлежности. Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: иадворный советник Нордстрем

Ч. V, арк. 202. Відпуск.

№ 63

1847 р. червня 16.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО О. М. КУЛІШ ПРО НАДІСЛАННЯ ЇЙ 214 крб. 43 коп. В РАХУНОК ЖАЛУВАННЯ П. О. КУЛІША

[Г-же] А. М. Кулиш

16 июня 1847, № 1020

Милостивая государыня Александра Михайловна!

В дополнение сообщенного вам г. генерал-адъютантом гр. Орловым высочайшего соизволения от 30 мая № 900[455], препровождая при сем 214 руб. 43 коп., следующие вам на содержание в течение четырех месяцев, имею честь покорнейше просить вас, милостивая государыня, уведомить меня о получении сих денег. Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] Л. Дубельт

Верно: иадворный советник Нордстрем

Ч. V, арк. 203. Відпуск.

№ 64

1847 р. червня 23.— ЛИСТ О. М. КУЛІШ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ КЛОПОТАТИСЬ ПЕРЕД МИКОЛОЮ І ПРО ПОМИЛУВАННЯ П. О. КУЛІША

Ваше сиятельство милостивый государь!

Муж мой, чувствуя вину свою, молчаливо терпит свое заключение в крепости, но я, ужасаясь последствий опасной грудной болезни, которою он теперь страдает, осмеливаюсь прибегнуть к вам с сердечною мольбою — исходатайствовать ему у государя императора освобождение из заключения.

Он расстался со мною в Варшаве свежий и здоровый, а теперь он похож больше на мертвого, чем на живого человека. И если три месяца ареста так сильно подействовали на его здоровье, то что же с ним будет еще через три месяца? Поверьте, ваше сиятельство, что муж мой глубоко поражен и наказан сознанием вины своей, бывшей причиною гнева милосердого монарха нашего, и если государь был так беспримерно милостив, что позволил ему даже продолжать службу, то я уверена, что он пощадит и его здоровье, если ваше сиятельство представите его величеству слабость сложения и сильную грудную боль, которой муж мой страдает. Здоровье и силы вполне чувствующему вину свою мужу моему необходимы, дабы, не щадя себя, он мог употребить свои способности для доказательства искреннего своего раскаяния и бесконечной признательности за излиянные на него благодеяния. Умоляю вас, не откажите женщине, глубоко пораженной горестью!

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшая ко услугам.

Александра Кулиш

23 июня 1847 г.

Помітка О. Ф. Орлова: Доклад в [...] [456]

Ч. V, арк. 204, 205. Оригінал.

№ 65

1847 р. червня 25.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО СТАН ЗДОРОВ'Я УВ'ЯЗНЕНОГО В ОЛЕКСІЇВСЬКОМУ РАВЕЛІНІ П. О. КУЛІША, В ЯКІЙ ВІН ПРОПОНУЄ ДОЗВОЛИТИ ПЕРЕВЕСТИ ЙОГО В АРЕШТАНТСЬКЕ ВІДДІЛЕННЯ 2-го ВІЙСЬКОВО-СУХОПУТНОГО ГОСПІТАЛЮ

О бывшем учителе Кулише

Жена бывшего учителя Кулиша, который за прикосновенность к делу об Украйно-славянском обществе, заключен на четыре месяца в Алексеевский равелин и потом имеет быть отправлен на службу в Вологду, под строжайший надзор, объясняет, что муж ее страдает опасною грудною болезнию и столь видимо истаевает, что походит более на мертвого, нежели на живого, так что она ужасается последствий этой болезни, в продолжение остальных трех месяцев заключения его в крепости [457].

Всеподданейше докладная о сем вашему и.в. и присовокупляя, что Кулиш действительно обнаруживает в себе признаки сильнейшего расслабления от снедающей его болезни, я полагал бы возможным поместить его для пользования в арестантское отделение 2-го военно-сухопутного госпиталя, и на сие осмеливаюсь испрашивать высочайшего соизволения.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов

Скрепил генерал-лейтенант Дубельт

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

25 июня 1847 г.

Помітка: На подлинном рукою генерал-адъютанта гр. Орлова написано карандашом: «Высочайше соизволил».

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Ч. V. арк. 206. Копія.

№ 66

1847 р. червня 27.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО КЕРУЮЧОГО ВІЙСЬКОВИМ МІНІСТЕРСТВОМ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ДОЗВОЛУ МИКОЛИ І ПЕРЕВЕСТИ П. О. КУЛІША З ОЛЕКСІВСЬКОГО РАВЕЛІНУ ДО АРЕШТАНТСЬКОГО ВІДДІЛЕННЯ 2-го ВІЙСЬКОВО-СУХОПУТНОГО ГОСПІТАЛЯ У ЗВ'ЯЗКУ З ПОГІРШЕННЯМ СТАНУ ЗДОРОВ'Я

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву В. Ф. Адлербергу

27 июня 1847, № 1108

М[илостивый] г[осударь] Владимир Федорович!

По высочайше утвержденному решению дела об Украйно-Славянском обществе, прикосновенный к оному бывший учитель 9-го класса Пантелеймон Кулиш 30 мая заключен в Алексеевский равелин на четыре месяца, с тем, чтобы потом он был отправлен на службу в Вологду под строжайший надзор.

Ныне, по всеподданнейшему докладу моему о расслабленном положении Кулиша, государь император высочайше повелеть соизволил: поместить его для пользования в арестантское отделение 2-го военно-сухопутного госпиталя [458].

Сообщив о таковой монаршей воле г-ну коменданту С.-Петербургской крепости, с тем, чтобы он для отправления Кулиша во 2-й военно-сухопутный госпиталь ожидал разрешения вашего высокопревосходительства, и уведомляя о сем вас, м[илостивый] г[осударь], имею честь покорнейше просить, не изволите ли приказать сделать распоряжение о принятии Кулиша в упомянутом госпитале и содержании его в арестантском отделении под строжайшим надзором как важного политического арестанта, дозволив однако же допускать к нему для свиданий жену его, с которою ему высочайше разрешено было видаться даже в крепости, с тем вместе не благоугодно ли вам будет известить об этом г-на генерала от инфантерии Скобелева, дабы он мог немедленно отправить Кулиша в госпиталь; перед окончанием же вообще четырехмесячного срока заключения Кулиша в исходе сентября сего года, удостоить меня уведомлением, дозволит ли здоровье Кулиша сделать распоряжение об отправлении его на службу в Вологду. Примите уверен[ие] и пр[очее].

Под[писал] гр. О р л о в

Верно: надворный советник Н о р д с т р е м

Ч. V, арк. 207, 208. Відпуск.

№ 67

1847 р. червня 27.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА КОМЕНДАНТОВІ ПЕТРОПАВЛОВСЬКОЇ ФОРТЕЦІ І. М. СКОБЕЛЄВУ ПЕРЕВЕСТИ П. О. КУЛІША З ОЛЕКСІВСЬКОГО РАВЕЛІНУ ДО АРЕШТАНТСЬКОГО ВІДДІЛЕННЯ 2-го ВІЙСЬКОВО-СУХОПУТНОГО ГОСПІТАЛЮ В ЗВ'ЯЗКУ З ПОГІРШЕННЯМ СТАНУ ЗДОРОВ'Я

Свкретно

Его высокопр[евосходительст]ву И. Н. Скобелеву

27 июня 1847, № 1109

М[илостивый] г[осударь] Иван Никитич!

Государь император по всеподданнейшему докладу моему о расслабленном положении содержащегося в Алексеевском равелине бывшего учи-

теля Кулиша высочайше повелеть соизволил: поместить его для пользования в арестантское отделение 2-го военно-сухопутного госпиталя [459].

О таковой монаршей воле, уведомляя ваше превосходительство, и покорнейше прося вас, не изволите ли, по получении извещения от г-на управляющего военным министерством, которому мною сообщено об этом, приказать отправить Кулиша под строжайшим присмотром, во 2-й военно-сухопутный госпиталь; о передаче же его туда удостоить меня вашим отзывом. Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. V, арк. 209. Відпуск.

№ 68

1847 р. червня 28.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО О. М. КУЛІШ ПРО ДОЗВІЛ МИКОЛИ І ПЕРЕВЕСТИ П. О. КУЛІША З ОЛЕКСІЇВСЬКОГО РАВЕЛІНУ ДО АРЕШТАНТСЬКОГО ВІДДІЛЕННЯ 2-го ВІЙСЬКОВО-СУХОПУТНОГО ГОСПІТАЛЮ

Ее высокоб[лагородию] А. М. Кулиш

28 июня 1847, № 1114

М[илостивая] г[осударыня] Александра Михайловна!

Г-н генерал-адъютант гр. Орлов по докладу моему письма вашего о болезненном положении вашего супруга уже исходатайствовал высочайшее соизволение на помещение его для пользования во 2-й военно-сухопутный госпиталь с тем, чтобы вас и там допускали к свиданиям с ним [460]

С особенным удовольствием поспешая уведомить об этом вас, м[илостивая] г[осударыня], и присовокупляя, что об исполнении означенной монаршей воли сообщено кому следует, имею честь удостоверить вас в истинном моем почтении и преданности.

Под[писал] Л. Дубельт

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. V, арк. 210. Відпуск.

№ 69

1847 р. липня 2.— РАПОРТ КОМЕНДАНТА ПЕТРОПАВЛОВСЬКОЇ ФОРТЕЦІ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША В АРЕШТАНТСЬКЕ ВІДДІЛЕННЯ 2-го ВІЙСЬКОВО-СУХОПУТНОГО ГОСПІТАЛЮ НА ЛІКУВАННЯ

Секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта Санкт-Петербургской крепости
генерала от инфантерии Скобелева

Рапорт

Во исполнение высочайшей воли объявленной мне в предписании вашего сиятельства от 27 минувшего июня за № 1109 [461], содержащийся в Алексеевском равелине С.-Петербургской крепости бывший учитель 9-го класса Кулиш для пользования от болезни в арестантском отделении 2-го

военно-сухопутного госпиталя по получении уведомления от г-на управляющего военным министерством сего числа за строгим присмотром в наемном экипаже отправлен, о чем вашему сиятельству честь имею донести.

Генерал от инфантерии Скобелев

№ 71, 2 июля 1847 г.

Помітка про одержання: 3 июля 1847 г.

Ч. V, арк. 211. Оригінал.

№ 70

1847 р. липня 4.— ВІДНОШЕННЯ КЕРУЮЧОГО ВІЙСЬКОВИМ МІНІСТЕРСТВОМ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПРИЙНЯТТЯ П. О. КУЛІША НА ЛІКУВАННЯ В АРЕШТАНТСЬКЕ ВІДДІЛЕННЯ 2-го ВІЙСЬКОВО-СУХОПУТНОГО ГОСПІТАЛЮ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

4 июля 1847, № 586, Петергоф

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 28 минувшего июня, № 1108 [462], имею честь уведомить вас, милостивый государь, что арестант С.-Петербургской крепости 9-го класса Кулиш, одержимый, как доносит президент императорской С.-Петербургской медико-хирургической академии, хроническим ревматизмом грудных мышц при узкой и сжатой грудной полости, поступил 2-го сего июля в арестантское отделение 2-го военно-сухопутного госпиталя и помещен в особо приготовленный для него покой.

К содержанию сего арестанта, согласно отношению вашего сиятельства, под строжайшим надзором как важного политического преступника сделано мною надлежащее распоряжение, и в каком положении будет находиться здоровье его, пред окончанием вообще 4-х месячного срока заключения его, я буду иметь честь уведомить вас, милостивый государь. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

гр. В. Адлерберг

Помітка про одержання: 7 июня 1847 г.

Ч. V, арк. 212. Оригінал.

№ 71

1847 р. липня 26.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО КЕРУЮЧОГО ВІЙСЬКОВИМ МІНІСТЕРСТВОМ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА З ПРОХАННЯМ ПРИСКОРИТИ ДОСТАВКУ В III ВІДДІЛЕННЯ ЛИСТА І ГРОШЕЙ, НАДІСЛАНИХ П. О. КУЛІШУ ІЗ м. БОРЗНИ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ НА С.-ПЕТЕРБУРЗЬКИЙ ПОШТАМТ

Секретно

Его сиятельству гр. В. Ф. Адлербергу

26 июля 1847, № 1265

М[илостивый] г[осударь] гр. Владимир Федорович!

От 10 июня, № 987 [463] я имел честь относиться к вашему сиятельству о доставлении ко мне письма со вложением 125 руб. серeб[ром], полученных в С.-Петербургском почтамте из Борзны от г-жи Белозерской на имя зятя

ее, бывшего учителя 5-й С.-Петербургской гимназии Пантелеймона Кулиша, который по одному секретному делу подвергнут заключению.

Возобновляя покорнейшую просьбу, не изволите ли, ваше сиятельство, приказать ускорить доставление ко мне для выдачи по принадлежности упомянутых письма и денег, имею честь удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном моем почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч V, арк. 213. Відпуск.

№ 72

1847 р. липня 31.— ВІДНОШЕННЯ КЕРУЮЧОГО ВІЙСЬКОВИМ МІНІСТЕРСТВОМ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО ЛИСТ І ГРОШІ НА ІМ'Я П. О. КУЛІША С.-ПЕТЕРБУРЗЬКИМ ПОШТАМТОМ ЩЕ НЕ ОДЕРЖАНІ

Секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 26 июля под № 1265 [464] имею честь уведомить вас, милостивый государь, что письма на имя Пантелеймона Кулища с деньгами 125 руб. серебр[ом], о котором вы изволили относиться ко мне 10 минувшего июня под № 987 [465], в С.-Петербургском почтамте и до сего времени еще не получено. Коль же скоро письмо сие будет сюда прислано, я не оставлю препроводить оное к вашему сиятельству. Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Гр. Адлерберг

31 июля 1847, № 101

Помітка про одержання: 4 августа

Ч. V, арк. 214. Оригінал.

№ 73

1847 р. серпня 8.— ЛИСТ О. М. КУЛІШ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ВИДАТИ ЇЙ НОВИЙ КВИТОК НА ПРАВО МЕШКАТИ В ПЕТЕРБУРЗІ Й ЗАЖАДАТИ, ЩОБ ВАРШАВСЬКИЙ ПОШТАМТ НАДІСЛАВ ГРОШІ, ОДЕРЖАНІ НА ІМ'Я П. О. КУЛІША

Ваше превосходительство милостивый государь!

За окончанием срока, определенного в присланном мне вашим превосходительством билете для жительства в С.-Петербурге, имею честь представить этот билет обратно, покорнейше прося сделать распоряжение о выдаче мне другого для дальнейшего пребывания моего в столице, а также осмеливаюсь покорнейше просить об истребовании из Варшавского почтамта 125 р[уб]. сер[ебром], присланных туда на имя мужа моего, находящегося под вашим ведением.

С глубочайшим почитанием и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшая ко услугам.

Александра Кулиш

8 августа 1847 г.

Резолюція Л. В. Дубельта: Выдать.

Помітка про одержання: 8 августа 1847 г.

Ч. V, арк. 215. Оригінал.

№ 74

1847 р. серпня 11.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ОБЕР-ПОЛІЦМЕЙСТЕРА О. П. ГАЛАХОВА З ПРОХАННЯМ НАДІСЛАТИ В III ВІДДІЛЕННЯ КВИТОК О. М. КУЛІШ НА ПРАВО ПРОЖИВАТИ В ПЕТЕРБУРЗІ

Его превосходит[ельст]ву А. П. Галахову

11 августа 1847, № 1327

М[илостивый] г[осударь] Александр Павлович!

Проживающая в С.-Петербурге жена титулярного советника Александра Кулиш представила ко мне выданный ей вашим превосходительством для свободного жительства в столице в течение трех месяцев билет за № 445, которому ныне кончился срок [466].

Препровождая означенный билет к вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить вас, не изволите ли доставить ко мне новый билет на имя г-жи Кулиш для свободного жительства ее в С.-Петербурге в течение трех месяцев. Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] Л. Дубельт

Ч. V. арк. 216. Відпуск.

№ 75

1847 р. серпня 14.— ВІДНОШЕННЯ ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ОБЕР-ПОЛІЦМЕЙСТЕРА О. П. ГАЛАХОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАДІСЛАННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ КВИТКА НА ПРАВО ПРОЖИВАТИ В ПЕТЕРБУРЗІ О. М. КУЛІШ

Его пр[евосходительст]ву Л. В. Дубельту

14 августа 1847 г., № 814 [467]

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Вследствие отношения вашего превосходительства от 11-го сего августа за № 1327 [468] имею честь препроводить при сем вновь изготовленный билет на имя жены титулярного советника Александры Кулиш для свободного жительства ее в С.-Петербурге в течение трех месяцев.

Покорнейше прошу принять уверения в совершенном моем почтении и преданности

А. Галахов

Помітка про одержання: 15 августа 1847 г.

Ч. V, арк. 217. Оригінал.

№ 76

1847 р. липня 26.— ЛИСТ О. М. КУЛІШ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОМИЛУВАТИ П. О. КУЛІША І ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ ПІСЛЯ ЗВІЛЬНЕННЯ СЛУЖИТИ В ОДНІЙ З ПІВДЕННИХ ГУБЕРНІЙ

Ваше сиятельство милостивый государь!

Благодетельное участие, принятое вами в болезни мужа моего, убедило меня, что доброта души вашей не оставляет на произвол горя и печали имевших несчастие впасть, по молодости и неопытности в заблуждение,

а соизволение всемилостивейшего монарха нашего на перевод его в больницу дает мне смелость надеяться, что вина моего мужа не отвратила от него милосердия царского. Чувствуя вполне великость благодеяния нам оказанного, я осмеливаюсь постигнуть божественную мысль правительства, определившего себе высокую и благую цель: не мерой строгости поправлять молодое, но погнувшееся от неимения надлежащей опоры дерево, а отеческой заботливостью и попечением пересоздать его и сделать способным приносить плоды добрые. Что же, как не милосердие и благость, может сильнее действовать на человека, могущего исправиться от заблуждений своих, и лучше навести его на путь истинный? Благодетельная цель эта, могу смело сказать, уже совершенно достигнута. Муж мой без жалоб, с терпением христианина, сознающего вину свою и вполне раскаявшегося в заблуждениях молодости, переносит свое заключение и ждет дня освобождения, чтобы усердием и ревностию в исполнении новых своих обязанностей доказать чистосердечное раскаяние, убедить, что семена добра пали не на бесплодную почву и выразить тем глубочайшую свою благодарность, а я, как женщина и жена, не могу оставаться долее безмолвною и хладнокровною зрительницею быстро разрушающегося здоровья его. И бог бы наказал меня, если бы я не обратилась к вам с просьбой, имея столько доказательств христианской доброты высокой души вашей. Не медицинские пособия могут врачевать недуги душевные: уверенность, что милосердие государя победило справедливый гнев его, скорое освобождение из заключения и свежий воздух могли бы еще, кажется, восстановить здоровье мужа моего, расстроенное четырехмесячным арестом и еще более тяжким гнетом мучений душевных, а без этого бог весть, что будет с ним, в особенности же, если он останется надолго в комнате, куда долетают беспрестанно болезненные стоны и неистовые вопли несчастных умалишенных, со всех сторон окружающих его. Скорое отправление в Вологду было бы уже для нас величайшею милостию, но если возможно вашему сиятельству вполне довершить свое благодеяние, то я осмелилась бы умолять вас об исходатайствовании соизволения государя императора на определение мужа моего на службу в губернии более южные, как наприм. в Орел, Екатеринослав, Курск, Тулу или другие, дабы он мог воспользоваться остатком лета и теплой осенью для излечения тяжкой грудной болезни, видимо снедающей его.

Простите меня, ваше сиятельство, что я беспокою вас своими просьбами: я понимаю необъятность занятий ваших, но знаю также по опыту, что сделать доброе дело у вас всегда есть время. Как женщина, видя жестокие страдания близких нам, я должна просить о помощи; как христианка, твердо уповающая на промысл божий, руководящий милосердием владык, я надеюсь; как верноподданная — я приму с благоговением все, истекающее от воли монарха! Не отрыньте же мольбы женщины, убитой горестию.

С глубочайшим высокопочтением и совершенною преданностию имею честь быть навсегда, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшею ко услугам.

Александра Кулиш

26 июля 1847

Резолюція О. Ф. Орлова: Невозможно не сделать вреда самой просительнице, входя с докладом к г[осударю] императору.

Помітка Л. В. Дубельта: Исполнить.

Помітка про одержання: 29 июля 1847 г.

Ч. V, арк. 218, 219. Автограф

№ 77

1847 р. серпня 6.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТРА О. І. ЧЕРНИШОВА З ПРОХАННЯМ НАКАЗАТИ ОГЛЯНУТИ П. О. КУЛІША І НАДІСЛАТИ В III ВІДДІЛЕННЯ МЕДИЧНИЙ ВИСНОВОК ПРО ЙОГО СТАН ЗДОРОВ'Я

Секретно

Его сиятельству кн. А. И. Чернышеву

6 августа 1847, № 1305

М[илостивый] г[осударь] кн. Александр Иванович!

Жена заключенного в арестантское отделение 2-го военно-сухопутного госпиталя чиновника 9-го класса Кулиша объясняет, что здоровье мужа ее разрушается более и более как от усиливающейся физической болезни, так и от нравственных страданий его, и что в нем уже обнаруживаются признаки могущего развиться помешательства ума. Посему г-жа Кулиш просит о прекращении ареста мужу ее и отправлении его ныне же на службу не в Вологду, куда предназначено его отправить, но в одну из южных губерний, представляя в уважение, что это средство осталось единственным, которое может сохранить мужу ее жизнь и рассудок [469].

Имея в виду, что и г-н управлявший военным министерством г-н генерал-адъютант гр. Адлерберг от 4-го июля, № 586 [470], сообщал мне, что Кулиш, при поступлении его в госпиталь, оказался страдающим хроническим ревматизмом грудных мышц, при узкой и сжатой грудной полости, долгом считаю покорнейше просить ваше сиятельство, не изволите ли приказать освидетельствовать Кулиша и доставить ко мне подробный отзыв медиков о положении здоровья его, с присовокуплением мнения их, находят ли они заслуживающими уважения вышеозначенные объяснения и ходатайство жены его. Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. V, арк. 220, 221. Відпуск.

№ 78

1847 р. серпня 16.— ВІДНОШЕННЯ ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТРА О. І. ЧЕРНИШОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАДІСЛАННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ МЕДИЧНОГО СВІДОЦТВА ПРО СТАН ЗДОРОВ'Я П. О. КУЛІША

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

16 августа 1847 г., № 539

Милостивый государь Алексей Федорович!

Сделав, вследствие отношения вашего сиятельства от 1 августа за № 1305 [471], надлежащее распоряжение об освидетельствовании состояния здоровья находящегося во 2-м военно-сухопутном госпитале арестанта 9-го класса Кулиша, имею честь препроводить ныне представленный академическим начальством акт, подписанный свидетельствовавшими Кулиша медиками [472]. Примите, милостивый государь, уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Кн. А. Черышов

Резолюція Л. В. Дубельта: В Крым.

Помітка про одержання: 20 августа 1847 г.

Ч. V, арк. 222. Оригінал.

№ 79

1847 р. серпня, не пізніше 16[473].— МЕДИЧНЕ СВІДОЦТВО, ВИДАНЕ 2-м ВІЙСЬКОВО-СУХОПУТНИМ ГОСПІТАЛЕМ ПРО СТАН ЗДОРОВ'Я П. О. КУЛІША

Свидетельство

Вследствие предписания г-на президента Академии от 8 августа 1847 г. за № 907 [474], мы, нижеподписавшиеся, свидетельствовали со всей подробностию чиновника 9-го класса Кулиша, присланного во 2-й военно-сухопутный с.-петербургский госпиталь для пользования, и касательно настоящего положения его здоровья честь имеет донести следующее:

1. Наружный осмотр, кроме слабого вообще и рахитического его сложения, оказывающегося наипаче значительным изменением (Difformitas rachitica) верхних ребер и грудной кости и расположения к болезням особенно грудным, показывает если не слишком большое, то заметное уже похудение в теле.

2. Более подробное исследование состояния органов груди, легких и сердца [с] помощию выслушивания и постукивания показало, что легочный шум не везде равномерен и вообще слабее нормального. В задней части левого легкого слышно особенное изменение дыхательного шума, известное под именем murmur silvaticum. В сердце второй звук легочной артерии сильнее, нежели как в нормальном состоянии (accentuatus). При этом, по словам больного, он уже с давнего времени страдает сухим кашлем, болью и стеснением около сердца (regio cordis).

3. Что касается сферы психической, то память — соображение и размышление в настоящее по крайней мере время находятся в совершенно здоровом состоянии, но в расположении духа больного оказывается заметный упадок и уныние. Приняв в соображение вышесказанное, равным образом то, что всякая атмосферическая перемена здешнего климата оказывают явное влияние на болезненное состояние г-на Кулиша, можно с вероятностью полагать, что долговременное пребывание его, как уроженца южных губерний, в каком бы то ни было сыром, холодном, и непостоянном климате сможет способствовать к развитию действительного страдания легких, именно отложения в них бугорков (tuberculosis).

Главный доктор действительный статский советник Нелюбин
Экстраординарный профессор коллежский советник и кавалер П. Шипулинский

Адъюнкт-профессор, надворный советник и кавалер Здекауер
Помощник главного доктора адъюнкт-проф. Олендри

Ч. V. арк. 223. Оригінал.

№ 80

1847 р. серпня 22.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I З ПРОПОЗИЦІЄЮ, ЗВАЖАЮЧИ НА ПОГАНИЙ СТАН ЗДОРОВ'Я, ПРИПИНИТИ УВ'ЯЗНЕННЯ П. О. КУЛІША Й ВИСЛАТИ ЙОГО ДО ТУЛИ «СО ВСЕМИ ПРОЧИМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ»

О чиновнике 9-го класса Кулише

По решению дела об Украйно-Славянском обществе, высочайше повелено было учителя 5-й С.-Петербургской гимназии, 9-го класса Кулиша, который хотя не принадлежал к этому обществу, но был в дружеских сношениях со всеми участниками оного и сам питал чрезмерные мысли о мни-

мой важности Украйны, поместив даже в напечатанных им сочинениях многие двусмысленные места, кои могли поселять в малороссиянах мнение о праве их на отдельное существование от империи,— заключить в Алексеевский равелин на четыре месяца и потом отправить на службу в Вологду, никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу [475].

Кулиш заключен был в крепость 30 мая, а 2 июля, по уважению крайне болезненного положения его, с высочайшего разрешения, помещен в арестантское отделение 2-го военно-сухопутного госпиталя под таким же строгим надзором, под каким находился он в крепости.

После того жена Кулиша, объясняя, что здоровье мужа ее разрушается более и более как от усиливающейся физической болезни, так и от нравственных страданий его, несколько раз убедительно просила об исходатайствовании прекращения ареста мужу ее и отправлении его на службу не в Вологду, где от сурового климата жизнь его будет в совершенной безнадежности, но в одну из южных губерний.

По сим настоятельным просьбам я входил в сношение с военным министром, который ныне доставил ко мне свидетельство, подписанное четырьмя главными медиками 2-го военно-сухопутного госпиталя. Из этого свидетельства видно, что в Кулише действительно замечается более и более увеличивающееся развитие грудных болезней, к которым он склонен был с давнего времени, и что долговременное пребывание его как уроженца южных губерний в каком бы то ни было сыром, холодном и непостоянном климате поведет к пагубным последствиям для его жизни [476].

Всеподданнейше докладывая о сем вашему и. в. и принимая во внимание, что опасность состояния здоровья Кулиша замечалось еще во время содержания его под арестом при III отделении с. в. и. в. канцелярии, что он содержится в заключении из назначенных ему четырех уже около трех месяцев, что при самом производстве дела он показывал и доселе показывает искреннейшее раскаяние в прежних своих действиях, что настоящее положение тем более для него тяжко, что подвергся аресту и потом заключению месяца через полтора после женитьбы на молодой девице, я по уважению всех сих обстоятельств, осмеливаюсь ходатайствовать, не соизволите ли высочайше повелеть, прекратив заключение Кулиша, выслать его ныне же на жительство в г. Тулу, где находится брат жены его, со всеми прочими ограничениями, т. е. определить его там в гражданскую службу, никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу.

Подписал генерал-адъютант гр. О р л о в
Скрепил генерал-лейтенант Д у б е л ь т
Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Д у б е л ь т

22 августа 1847 г.

Помітка: На подлинном написано рукою генерал-адъютанта гр. Орлова карандашом: «Высочайше соизволил».

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Д у б е л ь т

Ч. V, арк. 224—227. Відпуск.

№ 81

1847 р. серпня 25.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТРА О. І. ЧЕРНИШОВА ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ П. О. КУЛІША З АРЕШТАНТСЬКОГО ВІДДІЛЕННЯ 2-го ВІЙСЬКОВО-СУХОПУТНОГО ГОСПІТАЛЮ І НАПРАВЛЕННЯ ЙОГО ПІД ВАРТОЮ В III ВІДДІЛЕННЯ

Его сият[ельст]ву кн. А. И. Чернышеву

25 августа 1847 г., № 1410

Милостивый государь кн. Александр Иванович!

По содержанию доставленного вашим сиятельством от 16 августа № 539 медицинского свидетельства [477] о болезненном положении находящегося во 2-м военно-сухопутном госпитале арестанта 9-го класса Кулиша, я всеподданнейше докладывал государю императору и его и. в. высочайше повелеть соизволил: прекратив заключение Кулиша, выслать его ныне же в г. Тулу, с определением его там в гражданскую службу и с учреждением за ним строжайщего надзора [478].

Сообщая вашему сиятельству о таковой монаршей воле, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, не изволите ли приказать, дабы чиновник Кулиш доставлен был из госпиталя под строгим присмотром в III отделение с. е. в. канцелярии для дальнейших с моей стороны распоряжений об отправлении его в Тулу. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов

Ч. V, арк 228. Відпуск.

№ 82

1847 р. серпня 25.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ П. О. КУЛІША З АРЕШТАНТСЬКОГО ВІДДІЛЕННЯ 2-го ВІЙСЬКОВО-СУХОПУТНОГО ГОСПІТАЛЮ І НАПРАВЛЕННЯ ЙОГО НА ЗАСЛАННЯ В м. ТУЛУ ПІД СУВОРИЙ ТАЄМНИЙ НАГЛЯД

Его высокопр[евосходительст]ву Л. А. Перовскому

25 августа 1847 г., № 1411

Милостивый государь Лев Алексеевич!

Из отношения моего от 30 мая, № 896 [479], вашему высокопревосходительству известно, что при решении дела об Украйно-славянском обществе, высочайше повелено было: учителя 5 С.-Петербургской гимназии 9-го класса Кулиша заключить в Алексеевский равелин на четыре месяца и потом отправить на службу в Вологду никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, и с тем чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу.

Ныне, по уважению болезненного положения Кулиша и искреннейшего раскаяния его в прежних своих действиях, государь император высочайше повелеть соизволил: прекратив заключение Кулиша, выслать его ныне же на службу не в Вологду, а в Тулу, со всеми прочими вышеизъясненными ограничениями.

Сообщая вашему высокопревосходительству о таковой монаршей воле и присовокупляя, что вслед за сим мною будет сделано распоряжение об отправлении Кулиша в Тулу в сопровождении жандармского офицера,

имею честь удостоверить вас, милостивый государь, в истинном моем почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов

Ч. V, арк. 229, 230. Відпуск.

№ 83

1847 р. серпня 25.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ТУЛЬСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА М. М. МУРАВЙОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША НА ЗАСЛАННЯ В м. ТУЛУ ПІД СУВОРИЙ ТАЄМНИЙ НАГЛЯД

Секретно

Тульскому губернатору Н. Н. Муравьеву

25 августа 1847, № 1412

Милостивый государь Николай Николаевич!

В исходе мая, при решении дела об Украйно-Славянском обществе, высочайше повелено было: учителя 5-й С.-Петербургской гимназии 9-го класса Кулиша, который хотя не принадлежал к этому обществу, но был в дружеских сношениях со всеми участниками оного и сам питал чрезмерные мысли о мнимой важности Украйны, поместив даже в напечатанных им сочинениях многие двусмысленные места, кои могли поселять в малороссиянах мнение о праве их на отдельное существование от империи,— заключить в крепость на четыре месяца, запретить ему писать и потом отправить на службу в Вологду, никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу [480].

Ныне, по уважению болезненного положения Кулиша и искреннейшего раскаяния его в прежних своих действиях, государь император высочайше повелеть соизволил: прекратив заключение Кулиша, выслать его ныне же на службу не в Вологду, а в Тулу, где находится брат жены его, со всеми прочими вышеизъясненными ограничениями.

Сообщая вашему превосходительству о таковой монаршей воле, для зависящего от вас распоряжения, и присовокупляя, что Кулиш будет отправлен в Тулу в сопровождении жандармского офицера в непродолжительном времени, имею честь удовлетворить вас, милостивый государь, в истинном моем почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов

Ч. V, арк. 231, 232. Відпуск.

№ 84

1847 р. серпня 25.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКОВІ 2-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ С. В. ПЕРФИЛЬЄВУ ВСТАНОВИТИ НАГЛЯД ЗА П. О. КУЛІШЕМ ПІСЛЯ ПРИБУТТЯ ЙОГО ДО ТУЛИ

Секретно

Его превосхо[дительст]ву С. В. Перфильеву

25 августа 1847 г., № 1413

Милостивый государь Степан Васильевич!

В исходе мая при решении дела об Украйно-Славянском обществе высочайше повелено было учителя С.-Петербургской гимназии 9-го класса Кулиша, который хотя не принадлежал к этому обществу, но был в дру-

жеских сношениях со всеми участниками оного и сам питал чрезмерные мысли о мнимой важности Украйны, поместив даже в напечатанных им сочинениях многие двусмысленные места, кои могли поселять в малороссиянах мнение о праве их на отдельное существование от империи,— заключить в крепость на четыре месяца и потом отправить на службу в Вологду, никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу [481].

Ныне, по уважению болезненного положения Кулиша и искреннего раскаяния его в прежних своих действиях, государь император высочайше повелеть соизволил: прекратив заключение Кулиша, выслать его ныне же на службу не в Вологду, а в Тулу, где находится брат жены его, со всеми прочими вышеизъясненными ограничениями.

Сделав распоряжение к исполнению таковой монаршей воли, предлагаю вашему превосходительству приказать, дабы по прибытии Кулиша в Тулу имелось за ним с вашей стороны наблюдение и чтобы через каждые шесть м[еся]цев доставляемы были ко мне сведения о поведении упомянутого чиновника.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов

Ч. V, арк. 233, 234. Відпуск.

№ 85

1847 р. серпня, не раніше 26 [482].— ЗАПИТ III ВІДДІЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ТЕ, ЧИ ПРОДОВЖУВАТИ ТАЄМНИЙ НАГЛЯД ЗА О. М. КУЛІШ

В мае месяце писано было г-ну министру внутренних дел и генерал-лейтенанту Полозову об учреждении за женою Кулиша секретного наблюдения как в С.-Петербурге, так и в других местах, где она будет жительствовать [483].

Приказано ли будет продолжать надзор за нею в Туле?

Резолюція Л. В. Дубельта: не прекращать.

Помітка: Испрашивается разрешение.

Ч. V, арк. 235. Оригінал.

№ 86

1847 р. серпня 26.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА О. М. КУЛІШ У ТУЛІ

Секретно

Его высокопр[евосходительству] Л. А. Перовскому

26 августа 1847, № 1433

М[илостивый] г[осударь] Лев Алексеевич!

От 31 мая, № 911 [484], я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству об учреждении секретного наблюдения за находящейся в С.-Петербурге женою чиновника 9-го класса Александрою Кулиш.

Как на основании известного вашему высокопревосходительству из отношения моего от 25 августа, № 1411 [485], нового высочайшего повеления чиновник Кулиш будет выслан на службу в Тулу, а с ним отправится туда

и жена его, то долгом считаю покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли сделать распоряжение, дабы за г-жой Кулиш учреждено было секретное наблюдение и в Туле. Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. V, арк. 236. Відпуск.

№ 87

1847 р. серпня 26.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКОВІ 2-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ С. В. ПЕРФИЛЬЄВУ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА О. М. КУЛІШ У ТУЛІ

Секретно

Его превосход[ительству] С. В. Перфильеву

26 августа 1847, № 1434

М[илостивый] г[осударь] Степан Васильевич!

В дополнение предложения моего от 25 апреля, № 1413 [486], долгом считаю сообщить вашему превосходительству, что высылаемый из С.-Петербурга в Тулу чиновник 9-го класса Кулиш, отправится туда вместе с его женою, Александрою Кулиш, над которою здесь, как на обратившую на себя внимание чрезмерною любовию к родине своей Малороссии, учрежден был секретный надзор, а потому поручаю вам, м[илостивый] г[осударь], приказать, дабы таковое наблюдение продолжаемо было за нею с вашей стороны и в Туле.

Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. V, арк. 237. Відпуск.

№ 88

1847 р. серпня 26.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО НАЧАЛЬНИКА 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІД'ЇЗД О. М. КУЛІШ ДО ТУЛИ ТА ВСТАНОВЛЕННЯ ЗА НЕЮ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Его превосход[ительству] Д. П. Полозову

26 августа 1847, № 1435

М[илостивый] г[осударь] Данило Петрович!

От 31 мая, № 912 [487], я относился к вашему превосходительству об учреждении секретного наблюдения за женою чиновника 9-го класса Александрою Кулиш и о продолжении потом за нею надзора в Вологде, куда предположено было выслать мужа ее на службу.

Ныне, по новому высочайшему повелению, чиновник Кулиш высылает[ся] на службу в г. Тулу, куда отправится с ним и жена его, и я долгом считаю уведомить ваше превосходительство, что о продолжении за нею наблюдения в Туле мною уже предписано начальнику 2-го округа корпуса жандармов [488]. Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. V, арк. 238. Відпуск.

№ 89

1847 р. серпня 26.— ВІДНОШЕННЯ ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТРА О. І. ЧЕРНИШОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША З АРЕШТАНТСЬКОГО ВІДДІЛЕННЯ 2-го ВІЙСЬКОВО-СУХОПУТНОГО ГОСПІТАЛЮ В III ВІДДІЛЕННЯ

Секретно

Его сият[ельству] гр. А. Ф. Орлову

26 августа 1847, № 689, Петергоф

Милостивый государь Алексей Федорович!

Вследствие высочайшего повеления, объявленного мне вашим сиятельством в отношении от 25 сего августа за № 1410 [489], честь имею препроводить при сем к вам, милостивый государь, с фельдъегерем Богдановым находившегося для пользования от болезни во 2-м С.-Петербургском военно-сухопутном госпитале арестанта 9-го класса Кулиша, покорнейше прося ваше сиятельство о принятии сего арестанта в III отделение с. е. и. в. канцелярии почтить меня уведомлением. Примите, милостивый государь, увѣрение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Чернышов

Помітка про одержання: 28 августа 1847

Ч. V, арк. 239. Оригінал.

№ 90

1847 р. серпня 29.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТРА О. І. ЧЕРНИШОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПРИЙНЯТТЯ III ВІДДІЛЕННЯМ П. О. КУЛІША, ДОСТАВЛЕНОГО З АРЕШТАНТСЬКОГО ВІДДІЛЕННЯ 2-го ВІЙСЬКОВО-СУХОПУТНОГО ГОСПІТАЛЮ

Его сият[ельст]ву кн. А. И. Чернышеву

29 августа 1847 г., № 1462

Милостивый государь кн. Александр Иванович!

Доставленный при отношении вашего сиятельства от 26 августа № 689 [490] в сопровождении фельдъегеря Богданова находившийся для пользования от болезни во 2-м С.-Петербургском военно-сухопутном госпитале арестант 9-го класса Кулиш принят в III отделение с. е. и. в. канцелярии. Уведомляя о сем ваше сиятельство, имею честь удостоверить вас, милостивый государь, в истинном моем почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов

Ч. V, арк. 240. Відпуск.

№ 91

1847 р. серпня 29.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА КОМЕНДАНТОВІ ПЕТРОПАВЛОВСЬКОЇ ФОРТЕЦІ І. М. СКОБЕЛЄВУ НАДІСЛАТИ В III ВІДДІЛЕННЯ РЕЧІ И ГРОШІ П. О. КУЛІША

Его высокопре[восходительст]ву И. Н. Скобелеву

29 августа 1847 г., № 1463

Милостивый государь Иван Никитич!

Государь император по всеподданнейшему докладу моему высочайше повелеть соизволил: содержавшегося в Алексеевском равелине и потом отправленного для пользования во 2-й военно-сухопутный госпиталь бывшего учителя Кулиша, освободив от заключения, выслать на службу в г. Тулу, с учреждением за ним строжайшего надзора [491], и к исполнению сего уже делаются распоряжения.

Как г-н Кулиш объясняет, что в крепости остались принадлежащие ему деньги и разные вещи, то имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли приказать немедленно доставить в III отделение с. е. и. в. канцелярии упомянутые деньги и вещи; о последующем же не оставить меня уведомлением. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Под[писал] гр. О р л о в

Ч. V, арк. 241. Відпуск.

№ 92

1847 р. серпня 29.— РАПОРТ КОМЕНДАНТА ПЕТРОПАВЛОВСЬКОЇ ФОРТЕЦІ І. М. СКОБЕЛЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО НАДІСЛАННЯ ДО III ВІДДІЛЕННЯ РЕЧЕЙ І ГРОШЕЙ П. О. КУЛІША

Секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии,
г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
коменданта Санкт-Петербургской крепости
генерала от инфантерии Скобелева

Р а п о р т

Предписав смотрителю Алексеевского равелина оставшиеся после содержавшегося в оном бывшего учителя Кулиша деньги и вещи доставить ныне же в III отделение с. е. и. в. канцелярии, о чем имею честь донести вашему сиятельству во исполнение предписания № 1463 [492].

Генер[ал]'от инфантерии С к о б е л е в

№ 89, августа 29 дня 1847 г.

Помітка про одержання: 30 августа 1847

Ч. V, арк 242. Оригінал.

№ 93

1847 р. серпня, не раніше 31[493].— ПОДАННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА О. Ф. ОРЛОВУ НА ВИДАЧУ ГРОШЕЙ ДЛЯ ВІДПРАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША НА ЗАСЛАННЯ

Чиновник 9-го класса Кулиш, изъявляя живейшую благодарность за исходатайствование ему монаршей милости и за дозволение отправиться в Тулу с его женою, доставлен в величайшее затруднение тем, что жена его в С.-Петербурге от здешней дороговизны израсходовала все находившиеся у нее деньги, и они теперь не имеют никаких средств снарядить для себя экипажа.

Справка.

При отправлении кандидата Белозерского в Петрозаводск, действительного студента Навроцкого в Вятку и студентов Андрузского и Посяду в Казань каждому из них по высочайшему повелению выдано было в пособие на первоначальное обзаведение по 200 руб. серебром.
Помітка Л. В. Дубельта: Отправить в дилижансе. 100 р[уб]. сер[ебром].

Ч. V, арк. 243. Копія.

№ 94

1847 р. серпня 31.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ВИДАТИ П. О. КУЛІШУ 100 крб. НА ДОРОГУ

Управляющему III отд[елением] с. е. и. в. канцелярии
г-ну генерал-лейтенанту
и кавалеру Дубельту

31 августа 1847 г., № 1487

Предлагаю вашему прев[осходительст]ву из суммы, ежемесячно поступающей в мое распоряжение, вывести в расход 100 руб. серебром для выдачи отправляемому в г. Тулу чиновнику 9-го класса Кулишу.

Генерал-адъютант гр. Орлов

Помітка Л. В. Дубельта: Деньги отданы Кулишу.

Ч. V, арк. 244. Відпуск.

№ 95

1847 р. серпня 31.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА ПОРУЧИКОВІ С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ ЧУЛКОВУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША ПІД ВАРТОЮ НА ЗАСЛАННЯ ДО ТУЛИ

Секретно

Поручику С.-Петербургского жандармского дивизиона Чулкову

августа 1847 г., № 1479

По высочайшему повелению предписываю вашему благородию, приняв з III отд[еления] с. е. и. в. канцелярии чиновника 9-го класса Кулиша, твести его под строгим присмотром в г. Тулу; там представить как его, ак и вручаемый вам пакет г-ну тульскому военному губернатору ген[ерал]-айору Муравьеву, и, возвратившись в С.-Петербург, донести мне об исолнении.

Генерал-адъютант гр. Орлов

. V, арк. 245. Відпуск.

№ 96

1847 р. серпня 31.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ТУЛЬСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА М. М. МУРАВЙОВА ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ ДО ТУЛИ НА ЗАСЛАННЯ П. О. КУЛІША

Секретно

Его прево[сходительст]ву Н. Н. Муравьеву

31 августа 1847 г., № 1478

Милостивый государь Николай Николаевич!

В дополнение отношения моего от 25 августа, № 1412 [494], сообщая вашему превосходительству, что чиновник 9-го класса Кулиш отправлен в Тулу в сопровождении поручика с.-петербургского жандармского дивизиона Чулкова, которому приказано представить его с сим пакетом к вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, почтить меня уведомлением о доставлении в Тулу упомянутого чиновника [495]. Примите увер[ение] и про[чее].

Под[писал] гр. О р л о в

Ч. V, арк 246. Відпуск.

№ 97

1847 р. вересня 2.— ВІДНОШЕННЯ ПЕРШОЇ ЕКСПЕДИЦІЇ ІІІ ВІДДІЛЕННЯ ДО ШТАБУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША НА ЗАСЛАННЯ В ТУЛУ

В штаб корпуса жандармов

2 сентября 1847 г., № 1502

1. экспедиция III отделения с. е. и. в. канцелярии имеет честь уведомить штаб корпуса жандармов, что 2 сентября должен быть отправлен из С.-Петербурга в г. Тулу по высочайшему повеленню чиновник 9-го класса Кулиш в сопровождении поручика С.-Петербургского жандармского дивизиона Чулкова с выдачею ему, последнему, подорожной и прогоиных денег на 4-е лошади.

Ч. V, арк. 247. Відпуск.

№ 98

1847 р. вересня 6.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ОБЕР-ПОЛІЦМЕЙСТЕРА О. П. ГАЛАХОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПОВЕРНЕННЯ КВИТКА НА ПРАВО О. М. КУЛІШ ПРОЖИВАТИ У ПЕТЕРБУРЗІ

Его пре[восходительст]ву А. П. Галахову

6 сентября 1847 г., № 1526

М[илостивый] г[осударь] Александр Павлович!

По случаю отъезда в г. Тулу жительствовавшей в С.-Петербурге жены тит[улярного] сов[етника] Александры Кулиш имею честь возвратить при сем доставленный вашим пр[евосходительст]вом ко мне от 14 августа, № 814 [496], билет на свободное пребыванне ее в столнце. Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] Л. Д у б е л ь т

Ч. V, арк. 248. Відпуск.

№ 99

1847 р. вересня 15.— РАПОРТ ПОРУЧИКА С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ ЧУЛКОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША НА ЗАСЛАННЯ В ТУЛУ

Управляющему III отделением с. е. и. в. канцелярии
г-ну генерал-лейтенанту
и кавалеру Дубельту
Санкт-Петербургского жандармского дивизиона поручика Чулкова

Рапорт

Вследствие предписания его сиятельства г-на шефа жандармов от 31 минувшего августа, № 1479 [497], чиновник 9-го класса Кулиш доставлен мною в Тулу к тамошнему военному губернатору благополучно, о чем донеся вашему превосходительству, имею честь представить в принятии Кулиша квитанцин за № 12 643 [498].

Поручик Чулков

15 сентября 1847 г., № 24, С.-П[етер]бург

Помітка про одержання: 15 сентября 1847 г.

Ч. V. арк. 249. Оригінал.

№ 100

1847 р. вересня 9.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА ТУЛЬСЬКИМ ГУБЕРНАТОРОМ М. М. МУРАВЙОВИМ ПОРУЧИКУ С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ДИВІЗІОНУ ЧУЛКОВУ, ПРО ДОСТАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША В ТУЛУ

Квитанцня № 12 643

Дана сия поручику С.-Петербургского жандармского дивизиона Чулкову в том, что порученный его надзору чнновнк 9-го класса Кулиш доставлен нм сего чнсла в г. Тулу исправно и ныне же им, Чулковым, Кулиш представлен ко мне.

Тула, сентября 9-го дня, 1847 г.

Военный губернатор г. Тулы и тульский гражданский губернатор генерал-майор Муравьев

Правитель каицелярии Белашов

Ч. V. арк. 250. Оригінал.

№ 101

1847 р. вересня 16.— ДОНЕСЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 2-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ С. В. ПЕРФИЛЬЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ П. О. КУЛІША НА ЗАСЛАННЯ В ТУЛУ

Секретно

Шефу жандармов г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

Сентября 16 дня, 1847 г., № 155, Москва

О прибытии в г. Тулу состоящего под надзором чиновника Кулиша

Вследствие предписания вашего сиятельства от 25-го минувшего августа за № 1413 [499], имею честь донести, что учитель 5-й С.-Петербургской гимназии 9-го класса Кулиш, назначенный по высочайшему повелению на

службу в г. Тулу, с учреждением над ним строжайшего надзора, прибыл 9-го сего сентября в г. Тулу в сопровождении поручика С.-Петербургского жандармского дивизиона Чулкова.

Генерал-лейтенант Перфильев

Помітка про одержання: 22 сентября 1847 г.

Ч. V, арк. 251. Оригінал.

№ 102

1847 р. вересня 25.— ВІДНОШЕННЯ ТУЛЬСЬКОГО ВІЦЕ-ГУБЕРНАТОРА С. М. БАРАНОВИЧА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПРИБУТТЯ В ТУЛУ П. О. КУЛІША І ПРИЗНАЧЕННЯ ЙОГО НА СЛУЖБУ В КАНЦЕЛЯРІЮ ГУБЕРНАТОРА

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Отправленный к г-ну начальнику губернии в Тулу в сопровождении поручика С.-Петербургского жандармского дивизиона Чулкова чиновник 9-го класса Кулиш 9-го сего месяца доставлен исправно.

О чем имея честь довести до сведения вашего сиятельства, считаю долгом присовокупить, что о зачислении чиновника Кулиша согласно изъявленного им в поданном прошении желания на службу в канцелярию начальника губернии, сделано надлежащее распоряжение. С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

Станислав Барановичъ

Тула, 25 сентября 1847 г., № 241

Помітка Л. В. Дубельта: Доложено.
Помітка про одержання: 6 октября 1847.

Ч. V, арк. 252. Оригінал.

№ 103

1847 р. серпня 29.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОДЯКОЮ ЗА СКОРОЧЕННЯ ТЕРМІНУ АРЕШТУ

Ваше сиятельство, милостивый государь!

Как ни тяжки были мои душевные и физические страдания, но я благодарю провидение за все, что произошло со мною. Теперь по крайней мере остаток жизни я проведу спокойно в отношении к себе и достойным образом в отношении к обществу. Этого спокойствия до моего ареста и суда надо мною я не знал: я был исполнен мыслей, горьких для самого меня и вредных для моих слушателей или читателей. Пересматривая теперь в уме все прошедшие свои действия, я удивляюсь великодушию государя императора. Ни одно правительство в Европе не поступило бы так милосердно с вредным фанатиком, каким я, к стыду моему, являлся в своих печатных сочинениях и письмах. Верьте, ваше сиятельство, что после того, как суд его величества надо мною был кончен, я нашел в собственном сознании судью самого неумолимого. Известие о решении дела Белозерского, сообщенное мне женою в крепости, в особенности меня поразило.

Я увидил, что действовал преступным образом в отношении к великодушнейшему и человеколюбивейшему в мире государю. Действительно, с этим прекрасным, но неопытным еще юношею мог бы поступить подобным образом только отец, а не государь. Попечение о моей жене во время моего ареста, внимание, которым она пользовалась у исполнителей монаршей воли, наконец, облегчение меня переводом в госпиталь, сокращение срока моего ареста и милостивая заботливость даже об удобствах переезда моего в губернский город — все это наполнило мою душу глубочайшей благодарностью к е. и. в. Для полного моего спокойствия не достает одного: чтоб государь император забыл о моих проступках и считал меня новым подданным, которого возродило его великодушие. По крайией мере я стану всеми средствами стараться доказать, что теперь понимаю здраво и исполняю свято обязанности верноподданного.

Позвольте ж, ваше сиятельство, от всей души принести вам глубокую мою благодарность за ваше предстательство обо мне у престола и за бесценное покровительство, которого вы удостаивали мою жену. Верьте, ваше сиятельство, что вы своими действиями внушили мне неизгладимые и отрадные для всей моей жизни чувства!

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

П. Кулиш

1847, августа 29, С.-Петербург

Ч. V, арк. 253, 254. Автограф.

№ 104

1847 р. листопада 1.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД МИКОЛОЮ І ДОЗВОЛИТИ ДРУКУВАТИ СВОЇ ТВОРИ

Ваше превосходительство, милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Возвратясь из Малороссии, Александра Михайловна моя прежде всего сказала мне, какую радость произвело в ее семействе известие брата Васи о том, что ваше превосходительство собственноручно к нему писали. Этим я был и обрадован и удивлен: признаюсь, я не думал, чтобы вы простерли до такой степени вашу отеческую к нему любовь. Когда ж на другой день я получил сам от вашего превосходительства письмо, радость моя была невыразима! Во все отсутствие моего друга в Малороссию я хворал, и — не скрою — более от нравственных, нежели от физических причин. Теперь ее возвращение и ваше бесценное письмо восстановили в моей душе ясность чувств, больше всего необходимую для моего здоровья. Обрадованный и успокоенный я, кажется, оправлюсь очень скоро. Мне как нельзя более понятно, почему ваше превосходительство назвали себя истинно счастливым. Иметь в руках средства распространять везде добро, свет, радость, и чувствовать, как это прекрасно — есть величайшее счастье. Если вы можете вливать блаженство в другие души, то, без сомнения, вы сами вполне блаженны, и у провидения за все ваши добрые дела нет лучшей награды, как собственная душа ваша!

Новый губернатор найдет во мне истинное усердие к общему благу и — смело скажу — неподкупную честность. Не знаю, до какой степени мои способности будут соответствовать его потребностям, но желание быть достойным орудием благодетельного ко мне даже после моих проступков правительства — во мне велико.

Пользуясь убеждением вашего превосходительства в том, что я теперь имею в виду новый, указанный мне вами путь жизни, осмеливаюсь покорнейше просить вас исходатайствовать мне высочайшее разрешение печатать мои сочинения. Не говоря о том, что пятимесячное пребывание моей Александры Михайловны в столице, поездка ее для утешения матери в Малороссию и обзаведение наше в Туле кой-каким хозяйством уменьшили значительно небольшое наше состояние, не говоря о том, что служба в Туле при здешних окладах жалованья не может доставить мне средств для безнуждной жизни, и что, приобретая источник доходов литературных, я мог бы дополнить ими свое будущее жалованье и не бояться прожить последнюю тысячу рублей маленького моего капитала, я горю нетерпением доказать, что я теперь иной человек и что лучшею литературною заслугою. считаю согласие моих идей с благодетельными заботами правительства. Мне случалось здесь уже в Туле слышать от молодых людей похвалы моему «героизму», что было горьким для меня упреком. Я знаю, что личность моя приобрела теперь во мнении многих странный, унизительный для меня смысл. Поэтому я желал бы показать всем, что мой идеал возможной на земле справедливости, здравомыслия и практической любви к человеку заключается в русском правительстве, что на старое время русское вообще и в особенности на украинское я смотрю с ужасом и жалостью и что, по моему мнению, для России теперь только наступило время полного развития прекрасной государственной жизни, начатой Петром Великим. «Черная рада» моя, вновь исправленная и местами переделанная, представляет как нельзя яснее всю беспорядочность украинской старины и, будучи основана на долгом изучении исторических источников, докажет всем рассудительным людям, что старина наша похожа на страшную ночную сказку и что светлый день спокойной жизни настал для Малороссии только в новейшее время. Если б я был так счастлив, чтобы правительство возвратило мне свою доверенность позволением печатать, я бы выступил на новое литературное поприще с этим романом.

Я уверен, что он заставил бы думать иначе обо мне и тех, которые негодуют на безрассудство проповеданных мною прежде мыслей, и тех, которые делают меня каким-то ламанчским героем. То и другое тяготит мою душу, и, ваше превосходительство, понимаете, как было бы для меня радостно, если бы все верили в мое перерождение по-вашему!

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга.

П. Кулиш

1847, ноября 1
Тула

Помітка А. В. Дубельта: Чувства хорошие, но рано, др[угое] возможное соображение.

Ч. V, арк. 255. 256. Автограф.

№ 105

1847 р. березня 6.— ПАСПОРТ О. М. КУЛІШ НА ВИЇЗД ЗА КОРДОН

По указу его величества государя императора Николая Павловича, самодержца всероссийского и прочая, и прочая, и прочая

Объявляется через сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показательница сего супруга бывшего старшего учителя 5-й С.-Петер-

бургской гимназии Кулиша, Александра Михайловна, отправляется за границу для сопровождения мужа своего. Того ради все высокие области приглашаются по состоянию чина и достоинства, кому сие предъявится, нашим же воинским и гражданским управителям поставляется в обязанность г-жу Кулиш как ныне из России едущую, так и потом в Россию возвращающуюся, не только свободно и без задержания везде пропускать, но и всякое благоволение и вспоможение оказывать. Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт от министра внутренних дел с приложением его и. в. печати.

В С.-Петербурге марта 6 дня 1847 г.

Его и. в. всемилостивейшего государя моего действительный тайный советник, министр внутренних дел, член государственного совета, гофмейстер, камергер, сенатор и орденов св. равноапостольного кн. Владимира большого креста 1 степени, св. Александра Невского, алмазами украшенного, Белого орла и св. Анны 1 и 4 степени; иностранных: королевско-виртембергской короны большого креста 1 степени, австрийского Леопольда и прусского за заслуги кавалера, имеющий золотую шпагу с надписью за храбрость и серебряные медали 1812 и 1814 годов и знак отличия беспорочной службы за 30 лет.

Перовский

Ч. V, арк. 258[500]. Друкарський бланк, заповнений рукою. Оригінал.
Ч. V, арк. 259. Друкарський бланк, заповнений рукою. Оригінал німецькою мовою.

№ 106

1847 р. листопада 10.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО П. О. КУЛІША З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДМОВУ О. Ф. ОРЛОВА ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ З ПРИВОДУ ДОЗВОЛУ ДРУКУВАТИ ЙОГО ТВОРИ

Его высокоблагор[одию] П. Кулишу

Милостивый государь Пантелеймон Александрович!

Письмо ваше от 1 ноября[501] я имел честь докладывать г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову; его сиятельство был доволен вашими превосходными чувствами, но при всем том изволил признать еще рановременным ходатайство о разрешении печатать ваши сочинения. Впрочем, его сиятельство отозвался, что просьбу вашу будет иметь в виду, и чтобы между тем вы продолжали ваши литературные труды, руководствуясь тем направлением, которое ныне приняли.

Уведомляя вас об этом и искреннейше желая содействовать успеху дел ваших, покорнейше прошу вас окончить предпринятые вами сочинения и доставить их ко мне, дабы я мог представить на уважение его сиятельства самое содержание оных и тем удобнее ходатайствовать в вашу пользу. Примите уверение в истинном и пр[очее].

Подписал генерал-лейтенант Дубельт

Верно:[502]

Октября[503] 10 дня 1847 г.

Ч. V, арк. 260. Копія.

№ 107

1847 р. листопада 13.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО РЕКТОРА ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ П. О. ПЛЕТНЬОВА, В ЯКОМУ ПОВІДОМЛЯЄ, ЩО ВІН ПРОСИВ ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА ВЛАШТУВАТИ П. О. КУЛІША НА РОБОТУ

Его пр[евосходительст]ву П. А. Плетневу

13 ноября 1847 г.

М[илостивый] г[осударь] Петр Александрович!

Письмо вашего пр[евосходительст]ва [504], в коем вы просили участие, принимаемое вами в чиновнике 9-го класса Кулише [505], я имел честь докладывать г-ну ген[ерал]-ад[ъютанту] гр. Орлову и его с[иятельст]во с сим вместе отнесся к г-ну тульскому военному губернатору ген[ерал]-м[айо]ру Крузенштерну, прося его оказать покровительство г-ну Кулишу и определить последнего на должность, соответственной его чину с содержанием, при котором г-н Кулиш мог бы содержать себя с женою [506]. Долгом считаю уведомить о сем ваше пр[евосходительст]во, имею ч[есть] уд[остоверить] вас личною ист[инною] пред[анностью].

Помітка: На почт[овой] без бланка.

Ч. V, арк. 261. Відпуск.

№ 108

1847 р. листопада 10.— ВІДНОШЕННЯ РЕКТОРА ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ П. О. ПЛЕТНЬОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОПОМОГТИ П. О. КУЛІШЕВІ ВЛАШТУВАТИСЬ НА РОБОТУ В ТУЛІ

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Чиновник 9-го класса П. А. Кулиш, определенный по гражданской службе в г.Тулу и пользующийся покровительством вашего превосходительства, уведомил меня, что по случаю отбытия в Сибирь прежнего военного губернатора г.Тулы он остается без жалования. Вашему превосходительству известно, что у него есть семейство и никакого собственного состояния. Поэтому я беру смелость почтительнейше просить ваше превосходительство рекомендовать г-на Кулиша в особенное внимание новому военному губернатору г.Тулы генерал-майору Крузенштерну. Известные вам способности г-на Кулиша и основательные его познания могут быть употреблены с несомненною пользою для службы, ежели, по совету вашего превосходительства, г-н военный губернатор, доставив этому чиновнику приличным жалованьем верные средства к существованию, назначить его, например, по особым при себе поручениям.

Смею ласкать себя надеждою, что ваше превосходительство, сколько по всегдашней готовности вашей на всякое благое дело в пользу ближнего, столько и по вашей пламенной ревности к общественному добру удостоите благосклонного внимания эту покорнейшую мою просьбу. Примите, ваше превосходительство, уверение в отличном моем почтении и неизменной преданности.

Петр Плетнев

10 нояб[ря] 1847 г.

Помітка Л. В. Дубельта: От графа.

Ч. V, арк. 262. Автограф.

№ 109

1847 р. листопада 13.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. КРУЗЕНШТЕРНА З ПРОХАННЯМ ВЛАШТУВАТИ П. О. КУЛІША НА РОБОТУ

Секретно

Его превосходит[ельст]ву Н. И. Крузенштерну

Милостивый государь Николай Иванович!

В Тулу по высочайшему повелению отправлен на службу бывший старший учитель 5-й С.-Петербургской гимназии 9-го класса Кулиш, который там уже определен в губернаторскую канцелярию, но доселе ему еще не назначено жалованье.

Имея в виду, с одной стороны, что Кулиш без жалованья не может поддерживать своего существования, а с другой — что чиновник сей по своим способностям и образованию, особенно при нынешнем его образе мыслей, может быть весьма полезен для службы, я долгом считаю покорнейше просить ваше превосходительство удостоить его вашим покровительством и не изволите ли признать возможным определить его к должности, соответственной его чину, и с жалованьем, при котором он был бы в состоянии содержать себя с женою его; о том же, что вами, милостивый государь, будет сделано для него, почтить меня в свое время уведомлением.[507]

Примите уверение и проч[ее].

Подписал гр. Орлов
Верно: [508]

13 ноября 1847 г.

Ч. V, арк. 263. Відпуск.

№ 110

1847 р. грудня 24.— РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА 2-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ С. В. ПЕРФИЛЬЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО НАСЛІДКИ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. О. КУЛІШЕМ

Секретно

Шефу жандармов г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

Декабря 24 дня 1847 г., № 208, Москва

О наблюдениях за учителем Кулишем

Корпуса жандармов полковник Шварц за вторую половину настоящего года доносит, что подвергнутый строжайшему секретному надзору бывший учитель 5-й С.-Петербургской гимназии 9-го класса Кулиш причислен на службу по канцелярии тульского г-на военного губернатора, жизнь ведет скромную и вообще уединенную и в образе суждений его и действий ничего предосудительно не замечено.

О таковых наблюдениях полковника Шварца я долгом считаю довести до сведения вашего сиятельства.

Генерал-лейтенант Перфильев

Помітка про одержання: 29 декабря 1847 г.

Ч. V, арк. 264. Оригінал.

№ 111

1847 р. грудня 23.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО П. О. ПОГОДІНА ПРО ТЯЖКІ УМОВИ ЖИТТЯ В ТУЛІ

23 дек[абря] 1847 г., Тула

Я поторопился извещением вас, добрый наш друг Петр Александрович, о назначении меня к должности смотрителя. Должность эта на деле превратилась бог знает во что. Начать с того, что жалованья всего только 950 руб. ассигн[ациями], а квартира, состоящая из двух чуланов со сводами, так темна, пуста, грязна и ужасна, что я решился бы переехать в нее только тогда, когда б лишился последних средств к существованию. В том же корпусе медик занимает прелестную и обширную квартиру; квартира смотрителя — ужасна. И неудивительно: смотрителем был до сих пор отставной капельмейстер, выслужившийся из солдат. Ему это и подобало. Но я, как бы ни был разжалован, все же не могу быть разжалован из образованных людей в необразованные и из достойных в ничтожные. Я был у губернатора и сказал ему, что он, без сомнения, воображал мою должность с такими удобствами, которые могут меня успокоить и я считаю долгом довести до его сведения, в каком состоянии я нашел ее. Он удивился, но спросил меня, переехал ли я в новую квартиру. Я отвечал, что я ужасаюсь переехать в такую квартиру и прошу позволить мне оставаться в наемной. Он согласился, обещал посмотреть сам больницу, обещал дать мне другое место, если представится возможность, и с тем мы расстались. Равнодушие, с каким он принял мой печальный рапорт, ничего не пророчит мне приятного. Кажется, ему не слишком хорошо меня здесь рекомендуют. Впрочем, я не виню его: он — новый человек и сам не знает, до какой степени мог бы меня вызволить. Я хотел было писать Леонтию Васильевичу и благодарить за полученное место, но теперь моя благодарность была бы упреком, которого он не заслуживает: его, видно, не так поняли, иначе мне не предложили бы такой должности, доказательство — мой шурин Василий Белозерский, который при самом начале службы сделан уже старшим помощником правителя канцелярии. Мне надоело просить, когда мне не дадут ничего лучшего сами, так я предпочитаю уволиться совсем от службы. Жаль мне, что ваши старания остаются бесплодными и что я не один страдаю. Александра Михайловна свидетельствует вам и вашим дамам свое почтение.

Ваш П. К у л и ш

Помітка про одержання: 29 дек[абря] 1847 г.

Ч. V, арк. 265, 266. Автограф.

№ 112

1847 р. грудня 20.— ВІДНОШЕННЯ ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. КРУЗЕНШТЕРНА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ П. О. КУЛІША НАГЛЯДАЧЕМ ЛІКАРНІ ТУЛЬСЬКОГО ПРИКАЗУ В СПРАВАХ ГРОМАДСЬКОЇ ОПІКИ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову
От начальника Тульской губ.

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Исполняя письмо вашего сиятельства от 13 минувшего ноября[509], я по прибытии в Тулу потребовал к себе присланного в Тульскую губ. на службу бывшего старшего учителя 5-й С.-Петербургской гимназии

9-го класса Кулиша и по объяснении с ним я на первый раз назначил его смотрителем больницы Тульского приказа общественного призрения; впоследствии же времени при могущей открыться вакансии не оставлю предоставить ему соответственную способностям и образованию его должность[510].

Долгом поставляя довести о сем до сведения вашего, милостивый государь, с истинным почтением и совершенною преданностию, имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

Н. Крузенштерн

№ 17359,
20 декабря 1847 г.

Помітка про одержання: 27 декабря 1847 г.

Ч. V, арк. 267. Оригінал.

№ 113

1847 р. грудня, після 23.— ЛИСТ РЕКТОРА ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ П. О. ПЛЕТНЬОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ЗВЕРНУТИСЯ ДО ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. КРУЗЕНШТЕРНА, ЩОБ ВІН СПРИЯВ П. О. КУЛІШЕВІ

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Простите смелости моей, что я позволяю себе обратиться с покорнейшею просьбою к вашему превосходительству не как к лицу должностному, а как к благотворителю ищущих у вас милости. В этом поступке моем, ваше превосходительство, изволите усмотреть новое доказательство, как я верую в великость души вашей.

Следствием письма вашего к генералу Крузенштерну было то, что он предложил место вашему protege. Но, сколько можно судить по прилагаемому здесь письму последнего[511], это было только исполнение формы. Между тем человек, покровительствуемый вами, достоин полного участия по всему. Если бы вашему превосходительству угодно было партикулярным письмом выразить это генералу Крузенштерну, он стал бы смотреть совершенно другими глазами на этого бедного, но истинно превосходного человека. У нас в России, особенно по губерниям, такая редкость встретить существо образованное, благородное, бескорыстное, преданное высоким видам правительства — и вместе скромное. Такой человек представляется теперь начальнику Тульской губ. Ужели в новом его служении не чувствует он вопиющей нужды в сотрудниках по делам серьезным, что замечательнейшего из них не приближает к себе, отсылая его к должности, которая до него занимаема была человеком из сдаточных, дослужившимся до 14-го класса? Конечно, генерал Крузенштерн еще новый человек в губернии и должен со всевозможною действовать осторожностию. Поэтому-то рекомендация вашего превосходительства и сделается неоценимым благом для той и другой стороны: начальника вы ознакомите с чиновником способнейшим и надежнейшим, а подчиненного спасете от уныния и унижения, которое может причинить ему преждевременную смерть.

Простите великодушно, что я взял смелость со всею откровенностию высказать здесь то, что не может не тяготить души всякого благородного человека.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою.

П. Плетнев

Дек[абря] 1847

Ч. V, арк. 268, 269. Автограф.

№ 114

1848 р. січня 6.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ДОЗВІЛ ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. КРУЗЕНШТЕРНА ВИКОНУВАТИ ЙОМУ ОБОВ'ЯЗКИ ЧИНОВНИКА ОСОБЛИВИХ ДОРУЧЕНЬ БЕЗ ЖАЛУВАННЯ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Добрый губернатор Крузенштерн, снисходя к тому, что здоровье мое крайне расстроено, предложил мне заниматься только теми делами, которые он даст мне на дом и считаться чиновником особых поручений без жалованья до тех пор, пока представится возможность дать мне какоенибудь место с жалованьем. О чем имею честь донести вашему превосходительству и еще раз повторяю мою просьбу продолжать ваше ко мне покровительство. Пока я убежден в нем, до тех пор смело надеюсь на лучшую будущность.

С глубочайшим почитанием имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга.

П. Кулиш

[1848], янв[аря] 6, [Тул]а

Ч. V, арк. 270. Автограф.

№ 115

1848 р. січня, не пізніше 6 [512].— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВУ ПРО П. О. КУЛІША

Чиновник 9-го класса Кулиш был зачислен в канцелярию тульского губернатора сверх штата без жалованья.

Тульский губернатор Крузенштерн по ходатайству вашего сиятельства определил Кулиша на первый раз смотрителем больницы Тульского приказа общественного призрения, уведомив, что впоследствии при могущей открыться вакансни Кулишу будет предоставлена должность, соответственная его способностям.

Ныне ректор С.-Петербургского университета Плетнев сообщает, что новая должность Кулиша, принесшая ему только 950 р. ассигн[ациями] жалованья, нисколько не обеспечивает его в содержании, а по ничтожеству своему привела его в уныние и унижение, тогда как Кулиш при недостатке в провинциях образованных людей, без сомнения, есть один из лучших чиновников в Туле и вполне достоин занять более видную и значительную должность. Плетнев убедительно просит написать еще письмо к Крузенштерну в пользу Кулиша.

Помітка Л. В. Дубельта: Должен и за то благодарить. После преступления государь был так милостив.

Ч. V, арк. 271. Оригінал.

№ 116

1848 р. січня 6.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО РЕКТОРА ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ П. О. ПЛЕТНЬОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ВІДПОВІДІ О. Ф. ОРЛОВА НА ПРОХАННЯ ОСТАННЬОГО ПРИХИЛЬНО ПОСТАВИТИСЬ ДО П. О. КУЛІША

Г-ну действитель[ному] стат[скому] советнику Плетневу

6 января 1848 г.

Милостивый государь Петр Александрович!

Письмо вашего превосходительства[513] с ходатайством о чиновнике 9-го класса Кулише я имел честь докладывать г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову; но его сиятельство изволил отозваться, что Кулиш после оказанной ему высочайшей милости не должен роптать, если назначенная ему на первый раз должность не вполне согласуется с его же знаниями, тем более, что тульский военный губернатор определил его смотрителем больницы приказа общественного призрения по неимению другой вакансии в настоящее время и предположил при первой же возможности доставить ему место, соответственное его способностям и образованию.

Уведомляя о сем ваше превосходительство, имею честь удостоверить вас в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал Л. Дубельт

Ч. V, арк. 272. Відпуск.

№ 117

1848 р. січня 3.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ВИКЛОПОТАТИ ДОЗВІЛ НА ДРУКУВАННЯ СВОЇХ ТВОРІВ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Грудная болезнь моя так усилилась, что я потерял всякую надежду на успехи по службе. Не желая вводить в напрасные обо мне хлопоты доброго губернатора Крузенштерна, я подал ему прошение об отставке[514]. Теперь я нахожусь в самом затруднительном положении касательно насущных потребностей жизни, потому что все мое состояние заключается в пяти тысячах рублей ассигнациями. Единственная моя надежда на позволение мне печатать мои сочинения. Позвольте, ваше превосходительство, надеяться, что вы не перестанете быть моим покровителем и исходатайствуете мне у государя императора эту милость. Я же, пока жив, останусь верен тем чистым идеям об общественном благосостоянии, которые вы мне внушили[515].

С глубоким почитанием имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга.

П. Кулиш

1848, января 3, Тула

Помітка про одержання: 10 января 1848 г.

Ч. V, арк. 273. Автограф.

№ 118

1848 р. січня 14.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО П. О. КУЛІША З ЗАСУДЖЕННЯМ ЙОГО ВІДМОВИ ВІД ПОСАДИ НАГЛЯДАЧА ЛІКАРНІ

Его высокоб[лагоро]дию П. А. Кулишу

14 января 1848 г.

Милостивый государь Пантелеймон Александрович[516]!

Письмо ваше, которым вы известили меня, что вами представлена г-ну тульскому военному губернатору просьба об увольнении Вас от службы[517], я даже не осмелился докладывать г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову, ибо письмо это произвело бы на его сиятельство неприятное для вас впечатление.

Долгом считаю объяснить вам, что в Тулу вы отправлены по высочайшему повелению на службу, и правительство от вас ожидает, что на этом поприще усердием и деятельностию вы заслужите оказанное вам снисхождение. Сверх того вы должны были удержаться от подачи прошения г-ну тульскому военному губернатору и потому, что он определил вас в смотрители больницы по неимению другой вакансии, и обещал при первой возможности доставить вам место, соответственное вашим способностям и вашему образованию.

Передавая вам мысли сии и будучи уверен, что вы употребите старание достигать улучшения вашей участи усердием по службе продолжительным терпением и покорностию обстоятельствам, долгом считаю присовокупить, что мое расположение к вам нимало не изменилось, и что я преподал вам вышеизложеиные советы, единственно от искреннего желания быть вам полезным. Примите уверение и пр[очее].

Подписал Л. Дубельт

Ч. V, арк 274, 275. Відпуск.

№ 119

1848 р. січня 9. ВІДНОШЕННЯ ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. КРУЗЕНШТЕРНА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ СПРИЯТИ ВИДІЛЕННЮ КОШТІВ ДЛЯ ОПЛАТИ ПОСАДИ СТАРШОГО ЧИНОВНИКА ОСОБЛИВИХ ДОРУЧЕНЬ, НА ЯКУ ВІН МАЄ НАМІР ПРИЗНАЧИТИ П. О. КУЛІША

Его пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Присланный в Тульскую губ. по высочайшему государя императора повеленню, изъясненному в отношении г-на генерал-адъютанта гр. Орлова от 25 августа 1847 г., за № 1412[518], на службу бывший учитель 5-й С.-Петербургской гимназии 9-го класса Кулиш зачислен в мою канцелярию без жалованья по неимении вакансий.

Получив письмо гр. Алексея Федоровича Орлова, что чиновник Кулиш без жалованья не может прилично содержать себя с женою[519], я на первый раз предложил ему место смотрителя больницы Тульского приказа общественного призрения с производством по штату содержания, но Кулиш спустя две недели объяснил мне, что он, по расстроенному здоровью, не может занять этой должности.

Озабочиваясь о предоставлении Кулишу средств к существованию своему с женою, я предполагал бы определить его на имеющуюся вакансию старшего при мне чиновника особых поручений сверх штата с тем, чтобы назначить ему содержание от правительства и возложить на него занятие исключительно по губернскому статистическому комитету, который по неимению особого делопроизводителя остается без действи[я] и таковое мое предложение я представил на благоусмотрение г-на министра внутренних дел с испрашиванием распоряжения об определении г-на Кулиша в старши[е] чиновники особых поручений сверх штата для занятий по губернскому статистическому комитету с назначением ему приличного содержания от правительства в том внимании, что Кулиш без жалованья не может поддерживать своего существования и что он по своим способностям и образованию может быть весьма полезен для службы и в особенности для занятий по губернскому статистическому комитету [520].

Долгом поставляю сообщить об этом вашему превосходительству и имею честь покорнейше просить, не угодно ли будет вам, милостивый государь, употребить с своей стороны ходатайство к предоставлению г-ну Кулишу средств к содержанию себя с женой, и о последующем не оставьте почтить меня вашим отзывом.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

Н. Крузенштерн

№ 286,
Тула, 9 генваря 1848 г.

Помітка про одержання: 19 января 1848 г.

Ч. V, арк. 276, 277. Оригінал.

№ 120

1848 р. січня 24.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО ВІН, ЯК І РАНІШЕ, СЛУЖИТЬ БЕЗПЛАТНО ПОЗАШТАТНИМ ЧИНОВНИКОМ ОСОБЛИВИХ ДОРУЧЕНЬ ПРИ ТУЛЬСЬКОМУ ГУБЕРНАТОРОВІ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Увещание ваше в письме от 14 января [521] я принял с таким почтением, каким обязан сын отцу. Оно служит мне новым доказательством превосходства вашего сердца, понимающего болезненные движения сердец человеческих и снисходящего к их слабостям.

Я же имел честь уведомить ваше превосходительство, что г-н тульский военный губернатор, призвав меня к себе, предложил мне остаться на службе и считаться сверхштатным чиновником особых поручений. Я на это согласился и служу по-прежнему без жалованья. Я чувствую, что своими необдуманными сочинениями заслужил гораздо худшую участь, и потому терпеливо должен сносить свое удаление из столицы, понижение звания, холодное обращение со мною людей, которые, казалось бы, должны считать меня себе равным, и всеобщее от меня отчуждение прочих тульских жителей; я сознаю все это в отношении к прежним моим проступкам заслуженным. Но я не одарен такою крепкою натурою, чтобы, страдая, не испустить иногда сердечного стона. И всяк, имеющий ваши чувства к человечеству, простит меня, если я иногда забываю благоразумие, когда припомнит, что вместе со мною осуждена на страдание женщина невинная и достойная лучшей участи. Не предвидя своей будущности, я предложил ей разделить с собой то, что есть радостнейшего в жизни, и теперь вид грызущей ее скорби

удваивает боль моего сердца. Вот где источник того безрассудства, в котором, ваше превосходительство, с такою трогательною отеческою кротостию меня упрекаете. Как бы то ни было, веруя свят[о] в попечительность вашу о судьбе моей, вооружусь новым терпением, если не внутренним, то хоть наружным.

С глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

П. Кулиш

Помітка про одержання: 30 января 1848

Января 24, Тула

Ч. V, арк. 278, 279. Автограф.

№ 121

1848 р. травня 12.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ЧЕРЕЗ О. Ф. ОРЛОВА ВИКЛОПОТАТИ ДОЗВІЛ ПОВЕРНУТИСЬ ДО ПЕТЕРБУРГА

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Я убежден, что не ошибаюсь в своем чувстве, обращаясь к вам по-прежнему с уведомлением о своей участи: ваше превосходительство, делая добро всем, без сомнения, расположены оказать его человеку, которого вы не раз уже удостоили драгоценного вашего внимания и покровительства. Если до сих пор участь моя не облегчена, то это дает мне только понятие о великости огорчения, какое причинил я своими проступками благодетельному нашему правительству. Я и ожидаю терпеливо, пока исполнится мера справедливого его гнева ко мне; но, зная, что имею дело не с неумолимым приговором закона, а с живым сердцем человеческим, осмеливаюсь питать надежду, что оно, если не ради моего счастья, то ради собственного удовольствия, отменит предположенное для меня наказание и переменит его на божественную милость. Эта надежда тем сильнее в душе моей, что я обращаю к нему мольбы мои как человек, глубоко раскаявшийся и, следовательно, по самому духу христианства, заслуживающий милосердия.

Жизнь в Туле оказалась для меня на деле гораздо большим бедствием, нежели обыкновенное удаление из столицы. Я в восемь месяцев не встретил здесь человека, который бы протянул ко мне дружески руку. Равные меня чуждаются, старшие пренебрегают. Я до такой степени всем здесь опасен или противен мнимым своим духом, что мне запрещено даже брать к себе из корпуса на дом двух кадетов, из которых один внук П. А. Плетнева, а другой сын петербургских друзей жены моей и которые своими детскими играми могли бы сколько-нибудь разогнать наше уныние. До сих пор я не получал в Туле никакого жалованья и, считаясь чиновником особых поручений при г-не тульском военном губернаторе, не имел от него ни одного поручения, следовательно, не мог показать ни своего усердия, ни своих способностей, ни своей честности. Но сохрани меня бог осуждать такого почтенного человека, как г-н Крузенштерн! Напротив, я скорее думаю, что он сам не знает, что делать с моими познаниями, годными для Академии наук и бесполезными для бюрократии, и какое дать мне здесь место, которое могло бы обеспечить домашние мои нужды. Безмездных же поручений он, может быть, не делает мне потому, что, видя болезненное состояние моего здоровья, щадит меня и действует так, как и я на его месте действовал бы [522]. От вас одних как ближайшего представителя верховной власти я должен ожидать облегчения судьбы моей и потому умоляю ваше превосходи-

тельство помнить обо мне и исходатайствовать мне через великодушного гр. Орлова высочайшее разрешение возвратиться в столицу.

С глубоким почитанием и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

П. Кулиш

1848, мая 12, Тула

Помітка про одержання: 17 мая 1848

Ч. V, арк. 280, 281. Автограф.

№ 122

1848 р. серпня 18.— ЛИСТ О. М. КУЛІШ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ КЛОПОТАТИСЬ, ЩОБ ЇЙ З ЧОЛОВІКОМ ДОЗВОЛИТИ ЖИТИ В ГЛУХІВСЬКОМУ ПОВІТІ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Обращаюсь к вашему высокопревосходительству как ко всегдашнему покровителю фамилии Белозерских. Я и мой муж живем уже год в Туле. Он до сих пор не получил должности, которую был бы в состоянии исправлять при расстроенном своем здоровье. Мы прожили небольшое мое приданое, теперь у нас не остается больше средств к существованию в городе. Позвольте беспокоить вас покорнейшею просьбою: не могут ли по вашему ходатайству позволить нам жить в Глуховском уезде, где муж мой имеет несколько десятин наследственной земли. Это единственное для нас средство к пропитанию. Но кроме тяжкой необходимости, мужа моего призывают в Малороссию и обстоятельства семейные. Недавно умер старший брат его [523] и оставил двух малолетних сирот, сына и дочь, обоих в таком возрасте, когда всего нужнее уроки доброй нравственности: сыну 14, а дочери 13 лет. Мы не имеем детей, и муж мой приложил бы все старания заменить этим сиротам отца.

Итак, если не для нас, то для этих несчастных может быть сжалятся над нашим положением и позволят нам жить на родине. Об этом, спустя две почты, муж мой будет просить почтеннейшего генерала Дубельта; но вся надежда наша на ходатайство вашего высокопревосходительства.

С глубочайшим почтением с совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшая слуга.

Александра Кулиш

1848, августа 18, Тула

Помітка Л. В. Дубельта: Ожидать просьбы от Кулиша.

Ч. V, арк. 282. Автограф.

№ 123

1848 р. травня 18.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВУ ПРО П. О. КУЛІША

Бывший учитель С.-Петербургской гимназии 9-го класса Кулиш был в дружеских сношениях с лицами, составлявшими Украйно-славянское общество, но в самом обществе не участвовал; между тем он питал мысли о мнимой важности Украйны, поместил в напечатанных им сочинениях многие двусмысленные места, кои могли поселять в малороссиянах мнение о праве их на отдельное существование от империи. За это Кулиш по высочайшему повелению содержался в крепости три месяца, а потом, в сентябре 1847 г., отправлен на службу в Тулу, отнюдь не по ученой части, с учреж-

дением за ним строжайшего надзора, с воспрещением ему писать и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу.

Из Тулы Кулиш несколько раз жаловался на свое стесненное положение [524], и в ноябре 1847 г. ваше сиятельство изволили писать в пользу его г-ну тульскому военному губернатору [525], который в январе 1848 г. уведомил, что он, озабочиваясь предоставлением Кулишу средств к существованию, вошел к г-ну министру внутренних дел с представлением об определении его в должность старшего чиновника особых поручений сверх штата для занятий по губернскому статистическому комитету с назначением ему приличного содержания от правительства [526].

Из письма Кулиша видно, что он до сих пор не получает никакого содержания и, считаясь чиновником особых поручений, не имел ни одного поручения. Главное желание его состоит в том, чтобы возвратиться в С.-Петербург и служить по ученой части. Губернатор, пишет Кулиш, «сам не знает, что делать с моими познаниями, годными для Академии наук и бесполезными для бюрократии» [527].

18 мая 1848 г.

Резолюція Л. В. Дубельта: Нет.

Ч. V, арк. 283, 284. Оригінал.

№ 124

1848 р. травня 20.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО П. О. КУЛІША З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДМОВУ О. Ф. ОРЛОВА КЛОПОТАТИСЬ ПРО ДОЗВІЛ ПОВЕРНУТИСЬ ЙОМУ ДО ПЕТЕРБУРГА

Его высокоб[лагоро]дию П. А. Кулишу

20 мая 1848, № 957

Милостивый государь Пантелеймон Александрович!

Письмо ваше от 12 мая [528], в коем вы, изобразив затруднительное положение ваше в Туле, и присовокупляя, что познания ваши, годные для Академии наук, бесполезны для службы гражданской, просите о дозволении вам возвратиться в столицу, я имел честь докладывать г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову, и его сиятельство при всем желании облегчить ваше положение изволил признать невозможным ходатайствовать по означенной вашей просьбе.

Уведомляя о сем вас, м[илостивый] г[осударь], и искреннейше сожалея, что просьба ваша не могла быть исполнена, имею честь удостоверить в истинном моем почтении и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Ч. V, арк. 285. Відпуск.

№ 125

1848 р. серпня 28.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАДІСЛАННЯ О. Ф. ОРЛОВУ ПРОХАННЯ ДОЗВОЛИТИ ПЕРЕЇХАТИ В ГЛУХІВСЬКИЙ ПОВІТ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ І ПРАЦІ «ИСТОРИЯ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА» [529]

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Отказ на просьбу мою о позволении возвратиться в столицу [530] я принял с благоговением к верховному правосудию, которого вы служите благотворным органом. Не дерзая теперь простирать так далеко своих надежд,

я осмеливаюсь питать желания самые умеренные, и покорнейше прошу ваше превосходительство представить прилагаемые при этом мою просьбу и рукопись моего сочинения на благоусмотрение его сиятельства гр. Орлова, моего милостивого благотворителя и ходатая у престола[531].

В других обстоятельствах я бы не осмелился представить таким высоким лицам рукописи, так небрежно переписанной, но при теперешней моей бедности я не мог нанять хорошего писца, а грудная болезнь не позволила мне самому переписать свое сочинение, и без усердия жены, которая взяла на себя этот труд, я бы вовсе не имел возможности составить чистый список.

В просьбе моей к его сиятельству я бы желал присовокупить еще одно обстоятельство, но боюсь, чтобы желания мои не показались неумеренными, и потому доложу его только вашему превосходительству, в совершенной уверенности, что внушение доброго вашего сердца займет место моих убеждений и вы не преминете представить его сиятельству мою просьбу, если ее удовлетворение возможно, или оставите без доклада, если она не сообразна с обстоятельствами. Именно: я чрезвычайно дорожу милостью его и.в., благоволившего мне дозволить даже продолжать службу, и только бедность и расстройство здоровья заставляют меня желать перемещения в деревню. Но я надеюсь, что деревенский воздух поправит мои силы и тогда я бы желал принесть их на службу моему государю. Поэтому покорнейше прошу ваше превосходительство, если возможно, исходатайствовать мне еще такую милость, чтобы служба моя не прерывалась до тех пор, пока представится мне где-нибудь место, которое я был бы в состоянии занять, и чтобы перемещение мое в деревню считалось временным отпуском для поправления здоровья и во внимании, что крайняя бедность не позволяет мне жить в губернском городе.

С глубоким почитанием имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга.

П. Кулиш

1848, августа 28, Тула

Ч. V, арк. 286, 287. Автограф

№ 126

1848 р. серпня 28.— ПРОХАННЯ П. О. КУЛІША ДО О. Ф. ОРЛОВА ДОЗВОЛИТИ ПЕРЕЇХАТИ В ГЛУХІВСЬКИЙ ПОВІТ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ У ЗВ'ЯЗКУ З ТЯЖКИМ СТАНОМ ЗДОРОВ'Я ТА ВІДСУТНІСТЮ ЗАСОБІВ ДО ЖИТТЯ І ДОПОМОГТИ ВИДАТИ ПРАЦЮ «ИСТОРИЯ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА»

Ваше сиятельство милостивый государь!

Милости, которых я был удостоен по вашему ходатайству, от государя императора дают мне надежду, что ваше сиятельство обратите внимание на мою покорнейшую просьбу. Я уже год состою на службе при г-не тульском военном губернаторе без жалованья. Обзаведение первым хозяйством домашним (так как я женился перед самим моим арестом) и содержание себя и жены в губернском городе в течение года истощили небольшое ее приданое, и теперь мы дошли до состояния, близкого к крайней бедности.

Расстроенное мое здоровье при удручающей меня горести и недостатке удобств жизни не только не поправилось в Туле, но еще более расстроилось. Глядя в будущее, я вижу нищету со всеми ее ужасами, потому что, при моем болезненном организме, не в состоянии буду ни исправлять какой-нибудь должности по государственной службе, ни списывать себе

пропитание трудами рук. Мои преступления, которые не перестану чувствовать кающимся сердцем до конца моей жизни, отнимают у меня всякую смелость надеяться от правительства какой-нибудь чрезвычайной поддержки; поэтому и настоящую просьбу приношу вашему сиятельству при всей моей надежде с великим страхом. Мне не осталось никаких средств к существованию в Туле; последнее имущество мое заключается в небольшом куске земли, которую обрабатывал собственноручно отец мой, в Глуховском уезде Черниговской губ. Умоляю ваше сиятельство исходатайствовать мне высочайшее разрешение — не освобождаясь от надзора, в каком я ныне состою, переместиться на отцовский участок земли и питаться обрабатыванием ее.

При этом, пользуясь милостивым вашим ободрением, изъявленным мне некогда через его превосходительство Леонтия Васильевича Дубельта, имею честь представить вашему сиятельству написанную мною в Туле «Историю Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца» с покорнейшею просьбою исходатайствовать высочайшее разрешение напечатать ее[532]. Издание этой книги доставило бы, может быть, мне средства к заведению сельского хозяйства. Но при теперешней моей бедности я и думать не могу напечатать ее на свой счет. Поэтому умоляю ваше сиятельство, щадя меня от совершенной нищеты, исходатайствовать мне заимообразное вспоможение, которое я немедленно возвращу казне от продажи первых экземпляров. Касательно же средств существовать следующий год я их только и вижу в перемещении на свой наследственный участок земли, находящийся в 7 верстах от местечка Воронежа, и еще раз умоляю ваше сиятельство сжалиться над бедственным моим положением и исходатайствовать мне у его и.в. милость, которой я мало заслуживаю, но зато приму с величайшей благодарностию.

С глубоким почитанием имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга.

П. Кулиш

1848, августа 28, Тула

Помітка про одержання: 17 сентября 1848 г.

Ч. V, арк. 288, 289. Автограф.

№ 127

1848 р. вересня 22.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. КРУЗЕНШТЕРНА З ПРОХАННЯМ НАДАТИ П. О. КУЛІШЕВІ ОПЛАЧУВАНУ ПОСАДУ

Его превосход[ительст]ву Н. И. Крузенштерну

22 сентября 1848 г., № 1763

М[илостивый] г[осударь] Николай Иванович!

Состоящий в должности чиновника особых поручений при вашем превосходительстве 9-го класса Кулиш, доселе не получая жалованья и содержа себя на собственном иждивении, дошел до такой крайности, что несмотря на всеревностное желание его продолжать службу, особенно при вашем превосходительстве, обратился ко мне с просьбою об исходатайствовании ему дозволения оставить на время службу и отправиться в небольшое имение его, находящееся в Черниговской губ[533].

Сообщая о сем вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли изыскать средства к поспешнейшему назначению г-ну Кулишу жалованья, в таком количестве,

чтобы он мог прилично содержать себя с женою его и продолжать службу в Туле; о последующем же удостоить меня уведомлением. Примите увер[ение] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Ч. V, арк. 290. Відпуск.

№ 128

1848 р. жовтня 2.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ВИСЛОВЛЕННЯМ ПОДЯКИ ЗА ТУРБОТУ ЩОДО ВЛАШТУВАННЯ ЙОГО НА ОПЛАЧУВАНУ ПОСАДУ

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Только крайняя необходимость относительно нездоровья моего и бедности заставляла меня просить позволения жить в Черниговской губ[534]. Милостивое участие его сиятельства к судьбе моей и великодушная заботливость о доставлении мне должности с приличным жалованьем оживляют меня надеждою, что я рано или поздно выйду из горестного положения, в которое вовлекло меня мое безрассудство. Не смея беспокоить его сиятельство особым письмом, покорнейше прошу ваше превосходительство передать милостивому моему покровителю выражение благодарных чувств моих. Вместе с этим позвольте уверить ваше превосходительство, что попечения об улучшении судьбы моей, прилагаемые вами в течение полуторагодового моего бедствия, останутся в моем сердце незабвенными до конца моей жизни[535].

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга.

П. Кулиш

1848, октября 2, Тула

Помітка про одержання: 8 октября 1848 г.

Ч. V, арк. 291. Автограф.

№ 129

1848 р. серпня, після 28[536].— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВУ З ПРОПОЗИЦІЄЮ ПЕРЕСЛАТИ ПРАЦЮ П. О. КУЛІША «ИСТОРИЯ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА» НА РЕЦЕНЗУВАННЯ В МІНІСТЕРСТВО НАРОДНОЇ ОСВІТИ

Прикосновенный к украйно-славянскому делу состоящий ныне на службе в Туле 9-го класса Кулиш, представив сочинение свое: «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца», просит как о дозволении напечатать оную, так и об исходатайствовании ему на издание этой книги заимообразно денег, которые он возвратит от продажи первых экземпляров. Кулиш присовокупил, что на собственный счет напечатать книгу он не может, а издание ее доставило бы ему средства к улучшению его положения.

Справка. При решении украйно-славянского дела, между прочим, высочайше повелено воспретить Кулишу писать. В октябре 1847 г. чиновник сей просил о дозволении ему издавать свои сочинения[537]; в то время ему сообщено было, что ваше сиятельство признаетє рановременным ходатайствовать об этом, но что просьба его будет иметься в виду и чтобы

он между тем продолжал свои литературные труды, представляя оные в III отделение[538].

Соображение. Не приказано ли будет предварительно рукопись Кулиша препроводить к министру народного просвещения для рассмотрения и заключения, в какой степени книга эта важна в ученом отношении, может ли быть напечатана и заслуживает ли особого ходатайства.

Резолюція О. Ф. Орлова: Так.

Ч. V. арк. 292. Оригінал.

№ 130

1848 р. вересня, після 22[539].— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО П. О. КУЛІША З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО О. Ф. ОРЛОВ ПРОСИВ ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА ЗНАЙТИ ДЛЯ НЬОГО ОПЛАЧУВАНУ ПОСАДУ

Его благородию П. А. Кулишу

Сентября 1848 г., № 1762

М[илостивый] г[осударь] Пантелеймон Александрович!

Письмо ваше от 28 августа[540] я имел честь докладывать г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову, изобразив подробно ваше затруднительное положение, по которому вы просите о дозволении вам оставить на время службу и отправиться в небольшое имение ваше, находящееся в Черниговской губ., но его сиятельство, признавая невозможным исполнить ныне последнее ваше желание, тем не менее вошел в ваше положение и с сим вместе отнесся к г-ну тульскому военному губернатору, прося его изыскать средства к поспешнейшему назначению вам жалованья в таком количестве, чтобы вы могли прилично содержать себя с супругою вашею и продолжать службу в Туле[541].

Уведомляя о сем вас, милостивый государь, и присовокупляя, что на счет представленного вами сочинения под названием «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца» вы получите уведомление впоследствии, покорнейше прошу вас принять уверение в истинном и проч[ее].

Подписал Л. Дубельт

Помітка: На почтовой с бланком.

Ч. V, арк. 293. Відпуск.

№ 131

1848 р. вересня 25.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ С. С. УВАРОВА З ПРОХАННЯМ ПРОРЕЦЕНЗУВАТИ ПРАЦЮ П. О. КУЛІША «ИСТОРИЯ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА»

Его сият[ельст]ву гр. С. С. Уварову

25 сентября 1848 г., № 1777

М[илостивый] г[осударь] гр. Сергей Семенович!

Из отношения моего от 30 мая 1847 г. № 897[542] вашему сиятельству известно, что бывшему старшему учителю 5-й С.-Петербургской гимназии, 9-го класса Кулишу за прикосновенность к делу об Украйно-Славянском обществе сверх выдержания его в крепости и высылки из С.-Петербурга высочайше воспрещено писать.

После того Кулиш, находясь на службе в Туле чиновником особых поручений при тульском военном губернаторе, обращался ко мне с просьбою об исходатайствовании ему разрешения издавать свои сочинения [543], и хотя таковое ходатайство я признавал рановременным, но тем не менее по приказанию моему было сообщено Кулишу, чтобы он продолжал свои литературные занятия и представлял оные в [III] отделение с. е. и. в. канцелярии [544].

Ныне Кулиш, доставив сочинение свое под названием «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца», просит как о дозволении напечатать оную, так и об исходатайствовании ему на издание этой книги заимообразно денег, которые он возвратит от продажи первых экземпляров, ибо на собственный счет он не может напечатать книгу, а издание ее при недостаточном его состоянии доставило бы ему средство к улучшению его положения.

Сообщая о сем вашему сиятельству и прилагая означенную рукопись Кулиша, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], приказать рассмотреть эту книгу и с возвращением оной удостоить меня уведомлением о заключении вашем, в какой степени сочинение Кулиша важно в ученом отношении, может ли оно быть напечатано и заслуживает ли особого ходатайства. Примите увер[ение] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Ч. V. арк. 294, 295. Відпуск.

№ 132

1848 р. жовтня 9.— ЛИСТ ТОВАРИША МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ П. О. ШИРИНСЬКОГО-ШИХМАТОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАДІСЛАННЯ НЕГАТИВНОГО ВІДГУКУ М. Г. УСТРЯЛОВА НА ПРАЦЮ П. О. КУЛІША «ИСТОРИЯ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА» І ЗАПИТОМ ПРО ТЕ, ЧИ Є ПОТРЕБА ЇЇ РОЗГЛЯДАТИ В ЦЕНЗУРНОМУ ВІДНОШЕННІ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

9 октября 1848 г., № 1308
Ответ на № 1777

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 25 сентября за № 1777 [545], при котором вы, милостивый государь, изволили препроводить рукопись сочинения г-на Кулиша под названием «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца», я предлагал попечителю здешнего учебного округа о поручении рассмотреть оную прежде цензуры только в ученом отношении. Вследствие сего тайный советник Мусин-Пушкин представил мне донесение рассматривавшего рукопись проф. Устрялова, присовокупляя, что за неодобрительным отзывом его о достоинстве сочинения, не счел нужным препровождать оное на рассмотрение цензора. Имея честь препроводить при сем вашему сиятельству донесение проф. Устрялова о сочинении Кулиша, я покорнейше прошу об уведомлении меня: следует ли рукопись эту подвергнуть рассмотрению в цензурном отношении.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою.

Кн. Ширинский-Шихматов

Резолюзія Л. В. Дубельта: Не передавать.

Помітка про одержання: 10 октября 1848 г.

Ч. V. арк. 296. Оригінал.

№ 133

1848 р. жовтня 6.— ДОНЕСЕННЯ М. Г. УСТРЯЛОВА ПОПЕЧИТЕЛЮ ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ, В ЯКОМУ ДАЄТЬСЯ НЕГАТИВНА ОЦІНКА ПРАЦІ П. О. КУЛІША «ИСТОРИЯ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА»

Копия с донесения г-ну попечителю С.-Петербургского учебного округа ординарного проф. Устрялова от 6 октября 1848 г.

Предложением от 2 октября сего года за № 4811 ваше превосходительство изволили поручить мне рассмотрение в ученом отношении возвращаемой при сем рукописи под заглавием «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца», которую написал П. Кулиш, с тем чтобы я сообщил свое мнение о литературном ее достоинстве.

Во исполнение сего честь имею донести, что сочинение Кулиша, написанное слогом, увлекательным для толпы, хотя не всегда правильным и отчетливым, часто до излишества цветистым в ученом отношении, как «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца» никакого достоинства не имеет, представляя множество недоказанных предположений, фантастических взглядов и ложных умствований.

Автор за основную идею принимает, что убиение царевича Дмитрия Углицкого было делом не одного Бориса Годунова, а вообще всего Московского правительства, которое, по словам его, «со времен первых самодержцев не раз уже предупреждало замыслы удельных князей явными и тайными насильствами» (стр. 35). Автор не знает, впрочем, кто именно и как подговаривал убийц и для объяснения этого темного случая ссылается на Шекспира (стр. 37). Но клеветать таким образом на все правительство без всяких доказательств не позволяют исторические законы, тем менее в настоящем случае: какие замыслы мог иметь девятилетний отрок? Трудно верить на слово историку, который на той же стр. 37 называет убийцу царевича, Данилу Битяговского, братом дьяка Михайла Битяговского, между тем как по всем актам сей последний был его отец.

Другая основная идея сочинения Кулиша, равно не подтвержденная никакими доказательствами, заключается в том (стр. 93—95), что самозванец был орудием князя Василия Ивановича Шуйского, который взял его, безродного сироту, под свое покровительство и внушил ему мысль, что он истинный царевич. Автор знает даже, как воспламеняли воображение юного Отрепьева таинственные наставники, клевреты Шуйского, и о чем мечтал он при коронации Годунова (стр. 96).

Сии две главные, так сказать капитальные ошибки, служат основой всего сочинения и все выводы из них ложные. Так, автор думает, что и Федор Никитич Романов участвовал в умысле Шуйского (стр. 104), не называя его по имени, но приводя факт словами одного из исторических актов, изданных археографическою комиссиею (т. II, № 54).

Третья не менее важная ошибка Кулиша заключается в том, что он не дал себе ясного отчета о степени достоверности приводимых им источников и без разбора верить всему, что ни говорили неприязненные нам иноземцы. Оттого слепо следуя Мартину Беру, писавшему с враждебным для нас духом, он изображает (стр. 144—145) самыми мрачными красками нравственное состояние русского народа в начале XVII века, забыв, что тот же самый народ вскоре под знаменем Пожарского явил изумительную доблесть в борьбе за веру, престол и отечество.

Независимо от ложных выводов, вследствие неосновательности главных идей, сочинение Кулиша наполнено множеством частных ошибок, из которых одни свидетельствуют, что автор мало знаком с историческими

атериалами, другие удостоверяют, как еще незрелы его понятия о важ-ейших вопросах исторических. Для доказательства ошибок первого ода довольно привести мнение его о времени издания первого закона тносительно укрепления крестьян за помещиками в царствование Федора Іоанновича: в одном месте он относит этот закон к 1599 г. (стр. 60), когда арь Федор уже скончался, в другом — к 1593 г. (стр. 60) и ссылается на атищева. Остались без внимания акты археографической экспедиции [546], еобходимые для пояснения этого вопроса. Для доказательства ошибки торого рода довольно упомянуть, что Кулиш думает, будто по смерти Федора Иоанновича право на престол имели Романовы, Шуйские и Голи-ыны [(стр.] 64). Право Романовых неоспоримо; один из Шуйских был про-озглашен царем по особому случаю; но о праве Голицыных впервые за-оворил Кулиш. В таком случае рядом с ними следовало поставить Хо-анских, Куракиных и других потомков Гедимина.

В языке Кулиша встречаются следующие выражения: «бродячая изнь» ([стр.] 59), «безладье народонаселения» ([стр.] 158), «русичи охри-тианенные Владимиром» ([стр.] 164), «общая дивовизна внезапно возму-енная бурей» ([стр.] 339), «Борис выходил из церкви не иначе, как окру-кась толпой телохранителей» ([стр.] 125) и т. п.

Подлинное подписал ординарный проф. Н. Устрялов

С подлинным верно: правитель канцелярии [547]

І. V, арк. 297—300. Копія.

№ 134

1848 р. жовтня, після 9.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ТОВАРИША МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ П. О. ШИРИНСЬКОГО-ШИХМАТОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО НЕМАЄ ПОТРЕБИ ПІДДАВАТИ ЦЕНЗУРІ ПРАЦЮ П. О. КУЛІША «ИСТОРИЯ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА» І ПРОХАННЯМ ПОВЕРНУТИ ЇЇ В ІІІ ВІДДІЛЕННЯ.

Его сия[тельст]ву кн. П. А. Ширинскому-Шихматову

Окт[ября] [18]48, № 1879

М[илостивый] г[осударь] кн. Платон Александрович!

Вследствие отношения вашего сия[тельст]ва от 9 октября № 1308 [548] имею честь уведомить, что после неодобрительного отзыва г-на проф. Устрялова насчет сочинения г-на Кулиша под названием «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца» я нахожу излишним подвергать оное рассмотрению в цензурном отношении, а потому не благоугодно ли будет вам, м[илостивый] г[осударь], возвратить ко мне означенное сочинение. Пр[имите] ув[ерение] в истин[ном] моем почт[ении] и преданности.

Под[писал] гр. Орлов

І. V, арк. 301. Відпуск.

№ 135

1848 р. жовтня 15.— ЛИСТ III ВІДДІЛЕННЯ ДО П. О. КУЛІША З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА НЕ ПІДДАВАТИ ЦЕНЗУРНОМУ РОЗГЛЯДУ «ИСТОРИЮ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА»

Его высокоб[лагородию] П. А. Кулишу

15 октября 1848, № 1880

М[илостивый] г[осударь] Пантелеймон Александров[ич]!

Представленное вами к г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову при письме от 28 августа [549] сочинение под названием «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца» его сиятельство препровождал на рассмотрение к г-ну министру народного просвещения [550].

Ныне товарищ г-на министра, тайный советник кн. Ширинский-Шихматов, уведомляет, что означенное сочинение ваше было подвергаемо должному рассмотрению в ученом отношении, но не одобрено [551].

Сообщая о сем вам, м[илостивый] г[осударь], имею честь присовокупить, что после упомянутого отзыва, гр. Алексей Федорович Орлов отнесся к кн. Ширинскому-Шихматову, дабы сочинение ваше не было подвергаемо рассмотрению в цензурном отношении [552]. Примите увер[ение] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Помітка: На почтовой.

Ч. V. арк. 302. Відпуск.

№ 136

1848 р. жовтня 18.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ПОВЕРНЕННЯ В III ВІДДІЛЕННЯ ПРАЦІ П. О. КУЛІША «ИСТОРИЯ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА»

18 октября 1848 г., № 1374

Милостивый государь Алексей Федорович!

Согласно с желанием в отношении вашего сиятельства от 15 сего октября за № 1879 изъявленным [553], имею честь возвратить при сем сочинение г-на Кулиша под названием «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца».

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Гр. Уваров

Резолюція Л. В. Дубельта: Возвратить Кулишу.

Помітка про одержання: 19 октября 1848 г.

Ч. V. арк. 303. Оригінал.

№ 137

1848 р. жовтня 20.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ПРАЦІ П. О. КУЛІША «ИСТОРИЯ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА»

Его высокоблагор[одию] П. А. Кулишу

20 октября 1848 г., № 1901

М[илостивый] г[осударь] Пантелеймон Александрович!

Препровождая при сем возвращенное г-ном министром народного просвещения сочинение ваше под названием «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца», имею честь удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном почтении и преданности.

Подписал Л. Дубельт

Помітка: На почт[овой] с бланк[ом].

Ч. V, арк. 304. Відпуск.

№ 138

1848 р. жовтень.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ З ПРИВОДУ ПРОХАННЯ П. О. КУЛІША ДОЗВОЛИТИ ПОВЕРНУТИСЬ НА БАТЬКІВЩИНУ В ГЛУХІВСЬКИЙ ПОВІТ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ ТА ПРОПОЗИЦІЄЮ ЙОГО ПРАЦЮ «ИСТОРИЯ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА» НАДІСЛАТИ НА ВІДЗИВ ДО МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОЇ ОСВІТИ

Бывший учитель С.-Петербургской гимназии 9-го класса Кулиш объясняет, что хотя он определен в должность чиновника особых поручений при тульском военном губернаторе, но доселе не получает жалованья и прожил все, что имели они с женою; что крайние недостатки, соединясь с слабым здоровьем его, более и более приходящим в расстройство, заставляют его опасаться, что, наконец, он сделается совершенно неспособным служить и снискивать себе пропитание, и что последнее имущество его заключается в наследственном небольшом участке земли в Глуховском уезде Черниговской губ. Посему Кулиш просит дозволить ему отправиться на жительство в упомянутый участок с тем, чтобы служба его не прерывалась до того времени, когда представится место, которое он в состоянии занять, и чтобы перемещение его в деревню считалось только временным отпуском для поправления здоровья.

Кулиш представил еще сочинение свое «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца» и просит как о дозволении напечатать ее, так и об исходатайствовании ему на издание этой книги заимообразно денег, которые он возвратит от продажи первых экземпляров. Кулиш присовокупил, что на собственный счет напечатать книгу он не может, а издание ее доставило бы ему средства к заведению сельского хозяйства [554].

Справка. 1. Кулиш за прикосновенность к делу об Украйно-славянском обществе содержался три месяца в крепости и потом отправлен на службу в Тулу отнюдь не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, с воспрещением ему писать и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу.

2. О дозволении Кулишу отправиться на жительство в деревню ходатайствовал и сенатор Александр Кочубей. Ваше сиятельство в недавнем времени по просьбе девицы Керстен о брате ее Марковиче изволили отозваться, что при удобном случае доложите государю императору об облегчении участи всех лиц, подвергшихся взысканиям по Украйно-славянскому делу [555]

3. Относительно же сочинений Кулиша в октябре 1847 г. было сообщено ему, что ваше сиятельство признаете рановременным ходатайствовать о дозволении ему печатать сочинения, но что просьба его об этом будет иметься в виду и чтобы он между тем продолжал свои литературные труды, представляя оные в III отделение[556].

Соображение. Просьба Кулиша о дозволении ему отправиться в Черниговскую губ. представляется на благоусмотрение вашего сиятельства. Что же касается сочинения его «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца», то не приказано ли будет препроводить рукопись к министру народного просвещения для рассмотрения и заключения, в какой степени книга эта важна в ученом отношении, может ли быть напечатана и заслуживает ли особого ходатайства.

Резолюція Л. В. Дубельта: Невозможно. Чтобы назначили жалованье.

Ч. V, арк. 305, 306. Оригінал.

№ 139

1848 р. жовтня 20.— ВІДНОШЕННЯ ДИРЕКТОРА ІНСПЕКТОРСЬКОГО ДЕПАРТАМЕНТУ О. С. ТАНЄЄВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОВІДОМИТИ, ЧИ НЕМАЄ ПЕРЕШКОД ДЛЯ ПРИЗНАЧЕННЯ П. О. КУЛІША НА ЦИВІЛЬНУ ПОСАДУ

Его сия[тельст]ву А. Ф. Орлову

20 октября 1848, № 5744, С.-Петербург

Милостивый государь Алексей Федорович!

Начальство Тульской губ. входило в Инспекторский департамент с представлением об определении бывшего преподавателя С.-Петербургского университета и старшего учителя 5 гимназии губернского секретаря Кулиша на службу в штат канцелярии тульского гражданского губернатора. Усмотрев из формулярного списка Кулиша, что он по высочайше утвержденному положению комитета г-д министров от 1 и 15 октября 1846 г. был посылаем за границу на два с половиной года для изучения славянских наречий, и что путешествие сие, вследствие предложения г-на министра народного просвещения на имя г-на председательствующего II отделения Академии наук почислено прекращенным 2 июня 1847 г., инспекторский департамент счел нужным обратиться в департамент народного просвещения с вопросом, с какого времени и как следует считать Кулиша уволенным от службы и нет ли ввиду его каких-либо препятствий к определению Кулиша в канцелярию начальника Тульской губ.

Ныне г-н товарищ министра народного просвещения отозвался, что Кулиш исключен из службы вследствие секретного отношения вашего сиятельства к г-ну министру народного просвещения о высочайшем повелении, последовавшем по произведенному в III отделении с. е. и. в. канцелярии исследованию.

Посему долгом поставляю обратиться к вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою почтить меня отзывом своим, может ли Кулиш по обстоятельствам производившегося о нем дела в настоящее время пользоваться правом вступления [вн]овь в гражданскую службу и не под[ве]ргнуто ли оно каким-либо особым [ог]раничениям. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Александр Танеев

Помітка про одержання: 21 октября 1848 г.

Ч. V, арк. 307, 308. Оригінал.

№ 140

1848 р. жовтня 22.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ДИРЕКТОРА ІНСПЕКТОРСЬКОГО ДЕПАРТАМЕНТУ О. С. ТАНЄЄВА ПРО МОЖЛИВІСТЬ ПРИЗНАЧИТИ П. О. КУЛІША НА ЦИВІЛЬНУ ПОСАДУ

Секретно

Его прев[осходительст]ву А. С. Танееву

22 октября 1848, № 1916

М[илостивый] г[осударь] Александр Сергеевич!

Вследствие отношения вашего превосходительства от 20 октября № 5744 [557] имею честь уведомить, что бывший старший учитель 5 С.-Петербургской гимназии Кулиш, оказавшийся виновным по делу об Украйно-Словянском обществе, по высочайшему повелению был выдержан в С.-Петербургской крепости, выслан на службу в Тулу никак не по ученой части с воспрещением ему издавать свои сочинения, с учреждением за ним строжайшего надзора и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу, высочайшая воля об этом была сообщена мною г-ну министру народного просвещения 30 мая 1847 г.[558] и увольнение Кулиша от службы должно считать с того времени, когда к исполнению оной сделано распоряжение министерством просвещения, т. е. со 2 июня; в Тулу он отправлен был 31 августа того же 1847 г. именно на службу [559] и, следовательно, не только может, но должен быть определен, равно и других ограничений в правах его, кроме вышеизложенных, никаких не постановлено. Примите увер[ение] и проч[ее].

Подписал гр. О р л о в

Ч. V, арк. 309. Відпуск

№ 141

1848 р. жовтня 30.— ВІДНОШЕННЯ ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. КРУЗЕНШТЕРНА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО, КРІМ НАГЛЯДАЧА ЛІКАРНІ, ІНШОЇ ОПЛАЧУВАНОЇ ПОСАДИ П. О. КУЛІШУ ВІН НЕ МОЖЕ НАДАТИ

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

30 октября 1848, № 15453, Тула

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Имея в виду письмо вашего сиятельства от 13 ноября 1847 г. [560] о затруднительном положении в отношении содержания высланного в Тулу по высочайшему повелению на службу бывшего старшего учителя 5 С.-Петербургской гимназии 9-го класса Кулиша, я 18 декабря 1847 г. о принятии его на первый раз смотрителем больницы приказа общественного презрения, с произведением положенного по штату жалованья, но г-н Кулиш 3 января сего года в поданном ко мне прошении изъяснил, что по расстроенному здоровью не может занять этой должности. Почему я, озабочиваясь представлением Кулишу средств к существованию, входил в г-ну министру внутренних дел с представлением об определении его на имеющуюся вакансию старшего при мне чиновника особых поручений сверх штата, с тем чтобы назначить ему содержание от правительства и возложить на него занятие исключительно по губернскому статистическому комитету; на сие г-н министр внутренних дел в предписании от 3 прошлого июля за № 2999 изъяснил мне, что его высокопревосходительство, имея в виду высочайшее повеление не входить с представлениями, предполагающими сверхсметные расходы, не иаходит удобным удовлетворить сказанное мое представление.

В настоящее же время по Тульской губ. никакого места, которое бы вполне соответствовало желаниям г-на Кулиша, в виде не имеется. Если же г-н Кулиш согласится принять прежнее мое ему предложение поступить на место смотрителя больницы или на другую подобную должность, каковая обязанность по состоянию его здоровья была бы, по мнению моему, для него необременительна, то он может быть определен на оное в непродолжительном времени и тем до времени открытия иной вакансии он был бы обеспечен в своем существовании [561].

О чем я имею честь довести до сведения вашего сиятельства впоследствии предписания вашего от 22 минувшего сентября за № 1763 [562].

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорным слугою

Н. Крузенштерн

Помітка про одержання: 5 ноября 1848 г.

Ч. V, арк. 310, 311. Оригінал.

№ 142

1848 р. жовтня 27.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРИВОДУ НЕГАТИВНОГО ВІДГУКУ М. Г. УСТРЯЛОВА ПРО «ИСТОРИЮ БОРИСА ГОДУНОВА И ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА»

Ваше превосходительство Леонтий Васильевич!

Как ни грустно мне было расстаться с последней надеждой на поправление моих обстоятельств посредством литературы, однако же уведомление ваше о неодобрении моей «Истории Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца» ученым ведомством я принял с совершенным смирением и покорностью судьбе своей [563]. Я вижу, что причина всех настоящих моих бедствий заключается во мне самом. Если бы я не страдал постоянной болью в груди, я бы давно воспользовался милостью благодетельного даже и к своим преступникам правительства и имел бы в службе способ улучшить свое положение в свете и средства к содержанию себя и своего семейства. Может быть даже мое сочинение вышло бы тогда сильнее и удовлетворило бы требованиям науки, но, убитый горестью, колеблясь между желанием помочь своей беде и страхом приближающейся ко мне быстро нищеты, и платя за всякий присест к работе новыми припадками моей болезни, что́ мог я произвесть удовлетворительного и стоящего внимания моего покровителя? Отзыв г-на товарища министра народного просвещения о моей книге оправдывается собственным моим сознанием и мне остается только принести мою покорнейшую благодарность его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову, что он сделал для меня в этом случае все возможное и без сомнения не оставил бы моего труда без поощрения, если б только он оказался того достойным. Итак, покорнейше прошу ваше превосходительство взять на себя труд — засвидетельствовать пред его сиятельством, что как бы ни пришлось мне тяжко жить на свете, я до конца сохраню в душе смирение кающегося преступника и как ни ужасна для меня бедность, которую я уже испытываю и должен по-видимому, испытывать больше и больше, однако же буду покоряться ей в молчании, как высшему определению судьбы.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга.

П. Кулиш

1848, октября 27, Тула

Помітка про одержання: 2 ноября 1848 г.

Ч. V, арк. 312. Автограф.

№ 143

1848 р. листопада 27.— ВІДНОШЕННЯ ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. КРУЗЕНШТЕРНА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ЗАПИТОМ, ЧИ МОЖНА ДОЗВОЛИТИ О. М. КУЛІШ ПОІХАТИ ДО ПЕТЕРБУРГА ДЛЯ ЛІКУВАННЯ І ЗУСТРІЧІ З РІДНИМИ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

27 ноября 1848 г., № 16747, Тула

На счет дозволения жене чиновника Кулиша отлучиться в С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Состоящий в г. Туле под секретным полицейским надзором чиновник 9-го класса Кулиш объяснил мне, что жена его имеет надобность отправиться в С.-Петербург для совета с тамошними медиками об открывшейся у нее грудной болезни и для свидания с родными, почему просит исходатайствовать [564] ей разрешение на эту поездку.

По сведениям канцелярии моей значится, что и за женою чиновника Кулиша учреждено секретное наблюдение, но имеет ли она право делать с постоянного места жительства отлучки, о том в предписании г-на министра внутренних дел от 29 августа 1847 г. за № 572 не сказано.

По этому случаю ходатайство чиновника Кулиша я имею честь представить на благоусмотрение вашего сиятельства и о последующем ожидать в разрешении вашего отзыва.

Свиты его величества генерал-майор К р у з е н ш т е р н

Резолюція Л. В. Дубельта: Можно.

Помітка про одержання: 3 декабря 1848 г.

Ч. V, арк. 313. Оригінал.

№ 144

1848 р. грудня 6.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. КРУЗЕНШТЕРНА З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО О. М. КУЛІШ МОЖНА ДОЗВОЛИТИ ПОІХАТИ ДО ПЕТЕРБУРГА

Его пре[восходительст]ву Н. И. Крузенштерну

6 декабря 1848, № 2181

Милостивый государь Николай Иванович!

Вследствие отношения вашего превосходительства от 27 ноября № 16747 [565] имею честь уведомить вас, милостивый государь, что жене чиновника 9-го класса Кулиша можно позволить отправиться в С.-Петербург для совета с здешними медиками и свидания с ее родными.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подп[исал] гр. О р л о в

Ч. V, арк. 314. Відпуск.

№ 145

1848 р. грудня 19.— ВІДНОШЕННЯ ТУЛЬСЬКОГО ВІЦЕ-ГУБЕРНАТОРА С. М. БАРАНОВИЧА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВИДАЧУ О. М. КУЛІШ ЧОТИРИМІСЯЧНОГО КВИТКА ДЛЯ ПОЇЗДКИ ДО ПЕТЕРБУРГА

Его сият[ельст]ву А. Ф. Орлову

19 декабря 1848 г., № 17540, Тула

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Впоследствие разрешения вашего сиятельства, изъясненного в отношении г-ну начальнику губернии от 6 сего декабря за № 2181 [566], на дозволение жене чиновника 9-го класса Кулиша отправиться в С.-Петербург для совета с тамошними медиками и свидания с родными, мною сего числа выдан г-же Кулиш на свободный проезд и пребывание ее в течение 4-х месяцев в С.-Петербурге билет за № 17489.

О чем имею честь вашему сиятельству донести. С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

Станнслав Баранович

Помітка про одержання: 25 декабря 1848 г.

Ч. V, арк. 315. Оригінал.

№ 146

1849 р. січня 5.— ЛИСТ О. М. КУЛІШ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ВИКЛОПОТАТИ ДОЗВІЛ П. О. КУЛІШЕВІ ПОВЕРНУТИСЯ ДО ПЕТЕРБУРГА

Ваше сиятельство, милостивый государь!

Муж мой, чувствуя свою вину, не смеет беспокоить вас просьбою о помиловании и я сама не дерзнула бы на эту просьбу, если бы ваше сиятельство не дали мне доказательств, что, сверх законного правосудия, вы руководствуетесь в действиях ваших внушениями сострадательного вашего сердца. К этой то стороне вашего правосудия решаюсь приступить теперь с мольбою как женщина, постигнутая величайшими горестями при самом вступлении своей в жизнь. Сжальтесь, ваше сиятельство, надо мною. Я не говорю здесь о моем муже, который может сказать в свою пользу одно, что он от всей души раскаивается, я молю обратить милосердие вашего сиятельства на меня собственно и ради меня пощадить моего мужа. С самого детства я приучена быть верноподданною его и. в., отец мой до глубокой старости исполнял достойно должность уездного предводителя дворянства и умер на службе государю и отечеству, из шести братьев моих — два состоят в службе гражданской, а остальные четыре посвятили себя военной службе; все мои родственники незапятнаны ни единым подозрением в преступных мнениях. Только муж мой в несчастном увлечении воображения оскорбил своими сочинениями отечественную благость правительства. Но если б ваше сиятельство знали, как искренно и глубоко его раскаяние и как он жаждет доказать обращение свое на путь истинного служения добродетели! Умилосердитесь над нами, ваше сиятельство! Не отвергните взять на себя труд исходатайствовать высочайшее разрешение возвратиться ему в столицу, где он скорее может найти службу и, находясь вблизи к тем благодетельным и великодушным лицам, которые умели отличить мимолетное заблуждение

от совершенной испорченности сердца и злого умысла, будет в состоянии яснее доказать полное свое раскаяние и ревностным исполнением обязанностей загладить вину свою. Бедность, до которой мы дошли, живя в Туле без жалованья, и горесть нашего положения истощили его здоровье, и я страшусь скоро остаться вдовою. Еще раз молю — умилосердитесь надо мною: не одних нас вы этим осчастливите, но и всех моих братьев, которые до сих пор были и будут до конца жизни ревностными слугами государя. Не говорю уже о бедной моей маменьке, которая, воспитав девятеро детей на пользу обществу, лишена в старости утешения видеть их счастливыми. Принося вашему сиятельству сердечную мою мольбу, считаю долгом изъяснить, что я далека от мысли присваивать себе какое-нибудь право на ваше милосердие; чувствую, что правосудие общего нашего отца-царя и без того смягчено вашим великодушным предстательством, но, зная, как много добра в сердце человеческом, осмеливаюсь надеяться от вас милости небесной.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейшая к услугам

Александра Кулиш

5 генваря 1849

Помітка Л. В. Дубельта: Граф приказал лично объявить г-же Кулиш, что и Белозерскому, в меньшей степени виновному, не разрешено; тем паче невозможно этого сделать для Кулиша.

Помітка про одержання: 12 января 1849 г.

Ч. V, арк. 316, 317. Оригінал.

№ 147

1849 р. січня 10.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА 2-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ С. В. ПЕРФИЛЬЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО РЕЗУЛЬТАТИ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. О. КУЛІШЕМ

Секретно

Шефу жандармов г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

Января 10 дня 1849 г., № 3, Москва

Находящийся по высочайшему повелению под секретным надзором в г. Туле бывший учитель 5 С.-Петербургской гимназии 9-го класса Кулиш, по сведениям, доставленным от тульского губернского штаб-офицера корпуса жандармов, в настоящее время числится на службе по канцелярии г-на тульского военного губернатора и жизнь ведет скромную, более уединенную и в образе суждения и действиях его ничего предосудительного не замечено.

О чем я долгом считаю донести вашему сиятельству.

Генерал-лейтенант Перфильев

Ч. V, арк. 318. Оригінал.

№ 148

1849 р. лютого, не пізніше 5.— ЛИСТ О. М. КУЛІШ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД МИКОЛОЮ І ДОЗВОЛИТИ П. О. КУЛІШЕВІ ПЕРЕЇХАТИ В ПЕТЕРБУРГ АБО МОСКВУ

Ваше сиятельство, милостивый государь!

Простите великодушно несчастной женщине, осмеливающейся еще беспокоить вас мольбою своею о спасении от совершенной погибели. Зная, как обширны труды, посвящаемые вами на пользу отечества, я считала бы непростительной для себя дерзостью отвлекать внимание ваше от занятий важных, государственных, если бы не знала также, что для великой души вашей всегда найдется время подать помощь прибегающим к защите вашей и что доброе сердце ваше не отталкивает с жестокостию несчастных. Вы простите моей настойчивости, если соблаговолите милостиво выслушать рассказ мой о прежней горькой жизни мужа моего и о бедственном настоящем состоянии нашем. Вся жизнь его есть беспрерывная борьба с нуждою и несчастиями. Еще в младенчестве он лишился матери и, несмотря на жажду познаний, едва имел возможность кончить курс наук в гимназии. Впоследствии же отец его решительно отказался помогать ему и он принужден был трудиться для насущного хлеба. Такое состояние лишило его возможности воспользоваться благодеяниями правительства, учредившего университеты для полного и систематического образования юношества. Но он не упал духом, не пренебрег даром божьим, посеянным в душе его, и утомленный трудами дневными, не думая о покое, отнимал несколько часов от сна, чтобы посвятить их науке. Наконец, труды его готовы были увенчаться успехом, его лишения вознаграждались милостями благодельного правительства, обратившего внимание на неутомимость его и любознание. Казалось, что он достигает цели своих желаний — благородного звания ученого, удовлетворяющего потребностям души его и обеспечивающего дальнейшее безбедное существование, но непостижимому промыслу угодно было ниспослать ему новое тяжкое испытанне. Душа его жаждала деятельности, воображение воспламеняло его и неокрепший рассудок не мог указать настоящего пути, по которому бы следовало излиться этому обильному потоку на служение отечеству и человечеству. Цель его жизни была—кафедра ученого и звание академика, его занятия были — наука и изящная литература, а не мнения политические, но, несмотря на это, не вполне просвещенный наукою и неискушенный опытом, по молодости и безрассудности, сам не понимая, что делает, он навлек на себя справедливый гнев правительства. Только высокие добродетели судей его и отеческое милосердие монарха спасли его от погибели безвозвратной. Так он сам понимает себя теперь, когда купленный дорогою ценою опыт научил его смотреть на жизнь не через призму обольстительных мечтаний, а оком разума, отличающего святую истину от обманчивых призраков; так понимают и все, узнавшие его; так, смею сказать, понимали его и вы, ваше сиятельство, иначе не такому бы наказанию подвергся он, если бы ваша мудрая проницательность не сумела отличить в нем временного заблуждения молодости от совершенной испорченности закоренелого в злых помыслах человека и если бы доброе, благородное сердце ваше не внушило вам принять в нем великодушное участие. Теперь, когда он вполне постиг всю безрассудность своих заблуждений и чистосердечно раскаивается в них, его мучит желание загладить прежнюю вину свою и доказать, что он достоин милостей, излитых на него в тяжкую годину бедствия. Эти благородные желания без надежды в настоящем положении иметь возможность привести их в исполнение, терзают его гораздо более, нежели

горести и лишения — неизбежные спутники угрожающей нам бедности. Будучи совершенно без состояния, он решился жениться почти на такой же бедной, как и сам, надеясь неусыпным трудом составить себе имя ученого и приобрести средства к жизни; но за безрассудство его благородное поприще науки, к которому стремилась душа его, закрыто для него, представлявшиеся к существованию средства отняты, и мы живем в чуждом для нас городе, где нет для нас родственной души, могущей сказать слово утешения в минуту печали, нет благодетельной дружеской руки, которая бы подала нам совет и помощь во время нужды и лишений. Роптать мы не смеем, будучи убеждены в том, что его судили милостиво и великодушно, но просить милости — долг наш, потому что положение наше тяжко, невыносимо тяжко. Добродетельному и человеколюбивому сердцу вашего сиятельства не может показаться неблагодарностию и употреблением во зло доброты вашей наша мольба, как бы это показалось тем, которые не могут сочувствовать страданием ближнего, и потому я осмеливаюсь умолять вас обратить на нас отеческое внимание. Сочувствуя положению каждого из прибегающих к вам несчастных, вы не скажете, что Тула не имеет в себе ничего ужасного, отчего бы невозможно было жить там спокойно и счастливо. Конечно, спокойствие и счастие зависит весьма много от нас самих, но также много и от обстоятельств, под влиянием которых все мы находимся, а нам, к несчастью, ничего не благоприятствует. Появление наше обратило на нас всеобщее неприязненное внимание, на нас смотрели с любопытством, смешанным с боязнию, как на диких зверей или зачумленных, сообщество с которыми неминуемо должно принести горести и бедствия. Не раз доставалось нам слышать рассуждения соседей с хозяевами, у которых мы нанимали квартиры, о том, как опасно иметь им у себя жильцов, подобных нам, чтобы не навлечь на себя беды, и эти простодушные люди, желая отклонить от себя опасность, а, может быть, также понимая беззащитное положение наше, начинали нам делать такие неприятности и притеснения, что мы уже 4 раза должны были переменять квартиру, несмотря на то, что всегда платили исправно, вели самую скромную уединенную жизнь и делали все возможные уступки. Кто мог возвысить голос за бедных изгнанников, что бы осмелился протянуть к нам руку по-братски и своим влиянием изменить неприязненное расположение. Бывший тульский военный губернатор Муравьев, понимая, что благодетельное участие ваше, высказанное в отзыве вашем к нему, не могло относиться к людям, потерянным и безнадежным, очень ласково принял моего мужа, но, к несчастью, он только несколько дней пробыл после того в Туле; настоящий же начальник губернии, будучи совершенно новым в этом краю, не мог, конечно, заняться моим мужем, но, имея в виду желание ваше об определении его на службу, предложил ему должность смотрителя больницы. Совершенно неопытный в делах подобного рода, муж мой боялся, что одной добросовестности не будет достаточно для исполнения этой обязанности, а необходимо еще совершенное знание дела и опытность. Поэтому он просил губернатора позволить ему не принимать этой должности, изъявив при том готовность исполнять все другие обязанности, какие угодно будет возложить на него. К несчастью, его превосходительство остался недоволен отказом моего мужа, не вполне, может быть, вникнув в причины этого отказа, который сверх того делал его неисполнительным перед вами. С этих пор на мужа моего он не обращает никакого внимания, несмотря на просьбы его дать ему занятие, а такая невнимательность начальника сильно отражается в нерасположении подчиненных. До какой же степени г-н губернатор понимает вину моего мужа и цель, для которой он прислан в Тулу, и на что в особенности должно обратить внимание, согласно с желанием вашим, вы можете заключить из того, что он считает и меня также осужденною и не позволял мне выехать из Тулы.

Брат мой, посланный в Петрозаводск, кроме отличных качеств ума и сердца, обладает еще неоценепным сокровищем — счастьем. Милосердый господь по благости своей послал ему в бывшем начальнике — отца, наставника, друга и утешителя, который умел оценить великодушный отзыв ваш о нем и дал ему возможность сделать первый шаг на пути, идя по которому честно и добросовестно, он может искупить прошедшее и заслужить прощение всеавгустейшего монарха. А бедному мужу моему какая возможность представляется к этому? В предложенной ему должности он боялся запутаться по неопытности без опоры и руководителя и через то сделаться недостойным милостей ваших, а другой не дают. Кроме безнадежности иметь возможность загладить вину свою и заслужить совершенное прощение милосердого монарха, убивающей более всего мужа моего, как было бы на его месте и с каждым благородным и вполне раскаявшимся человеком, угрожающая нам бедность на чужбине расстраивает и без того слабое здоровье его. Полтора года нашего изгнания мы существовали остатками небольшого моего приданого, но скоро должны истощиться последние средства наши и нищета со всеми ужасами обрушится на нас всей своей тягостию. Мы уже испытывали жить трудами рук своих, но, к несчастию, убедились в совершенной этого невозможности в Туле, где рукоделья наши ценятся ни во что. Что же будет с нами далее? Вот, ваше сиятельство, тяжкие обстоятельства, вынудившие меня прибегнуть к высокому покровительству вашему: не оставьте же без внимания мольбы несчастной женщины, примите на себя труд испросить соизволение всеавгустейшего государя на возвращение мужа моего в С.-Петербург или, по крайней мере, на переезд в Москву. В столице, находясь под ближайшим надзором и руководством доверенных вам лиц, он может яснее доказать иа деле чистосердечное свое раскаяние и ревностным исполнением обязанностей искупить вину свою; притом же в многолюдном городе мы не будем целью неприязненного внимания и муж мой скорее найдет должность с жалованьем, составляющим теперь главный источник нашего существования. Сверх того, в настоящем состоянии здоровья его, а также и моего, мы нуждаемся в пособии опытных врачей, без которых мы должны погибнуть в Туле непремеино. Желание посоветоваться с медиками, лечившими прежде мужа моего и к которым он имеет полное доверие, было наиболее важною целью моего приезда в С.-Петербург. Об этой милости я умоляю вас так, как бы просила о продолжении жизни своей и моего мужа и бог свидетель, что это сущая правда.

Теперь я высказала вам всю истину: от вас, ваше сиятельство, зависит убить нас отказом безнадежностию или осчастливить совершенио, заставить за себя век молить милосердого создателя.

С глубочайшим почитанием и совершенною преданностию имею честь быть навсегда, милостивый государь, вашего сиятельства покорная к услугам

Александра Кулиш

[Февр]аля 1849

Помітка про одержання: 5 февраля 1849 г.

Ч. V, арк. 319—324. Автограф.

№ 149

1849 р. лютого, не пізніше 7.— ДОПОВІДЬ Л. В. ДУБЕЛЬТА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ЛИСТ О. М. КУЛІШ З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ П. О. КУЛІШУ ЖИТИ В ПЕТЕРБУРЗІ АБО МОСКВІ

Жена чиновника 9-го класса Кулиша объясняет, что в Туле на них смотрят как на изгнанников и это так стесняет их в жизни, что даже владельцы домов едва решаются отдавать им квартиры, что после того, как муж ее, приготовленный к ученой части, отказался от должности смотрителя больницы не по прихоти, а потому, что боялся запутаться в незнакомых ему обязанностях, тульский губернатор перестал покровительствовать ему и более не дает никакого места, что в Туле здоровье их, особенно мужа, совершенно исчезает, и нет медиков, которые бы могли помочь им. Г-жа Кулиш описывает все это столь убедительно, что все письмо ее достойно прочтения, и просит дозволить им жительствовать в С.-Петербурге или Москве, где в многолюдстве не обратят на них внимания, где они могут быть еще под лучшим надзором правительства и где муж ее удобнее найдет и службу, и средства к исцелению [567].

Справки. 1. Кулиш за прикосновенность к делу об Украйно-Словянском обществе содержался три месяпа в крепости и потом отправлен на службу в Тулу отнюдь не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, с воспрещением ему писать, и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу.

2. К тульскому военному губериатору уже несколько раз писано было о покровительстве Кулишу и определении его к месту, соответственному его способностям [568]. Генерал-майор Крузенштерн ответствовал, что штатных вакансий нет, а на определение Кулиша сверх штата чиновником особых поручений не согласился министр внутренних дел [569].

3. За Кулиша ходатайствовал член государственного совета Кочубей; генерал-майор Перфильев, по донесениям жандармского штаб-офицера, всегда отзывался, что Кулиш ведет жизнь скромную и ни в чем предосудительном не замечается [570].

Резолюція Л. В. Дубельта: Невозможно.

Помітка: Лично объявлено 7 февраля 1849 г.

Ч. V, арк. 325, 326. Копія.

№ 150

1849 р. березня 10.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ О. ГОЛІЦИНА ДО ПРОХАННЯ О. М. КУЛІШ, НАДІСЛАНОГО О. Ф. ОРЛОВУ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Имею честь препроводить при сем к вашему сиятельству, по принадлежности, всеподданнейшее прошение жены чиновника 9-го класса Александры Кулиш о переводе в одну из столиц мужа ее, отправленного в 1847 г. на службу в г. Тулу [571], возобновляя уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Александр Голицын

№ 1263
10 марта 1849

Резолюція О. Ф. Орлова: Нельзя.

Помітка про одержання: 13 марта 1849 г.

Ч. V, арк. 327. Оригінал.

№ 151

1849 р. березня 5.— ПРОХАННЯ О. М. КУЛІШ ПРО ПЕРЕВЕДЕННЯ П. О. КУЛІША ДО ПЕТЕРБУРГА АБО МОСКВИ

Всеавгустейший монарх, всемилостивейший государь!

Простите великодушно несчастной женщине, осмеливающейся беспокоить ваше и. в. мольбою своею о спасении мужа своего от совершенной погибели. Не испытав всех возможных средств к его спасению, я бы согрешила перед господом, пред лицом которого дала обет быть ему помощницею в нужде и неизменною подругою в счастьи и бедствии, а также наказал бы меня бог и за то, если бы я осмелилась усомниться в милосердии и великодушии вашего и. в. и чрез это не решилась бы припасть к стопам вашим с мольбою моею. Кто же, как не отец лучше поймет страдания детей своих, а отеческая благость вашего величества мне известна более, чем многим другим по милостям, излитым вами на несчастных, впавших по молодости и неразумию в заблуждение и судившихся в мае 1847 г. в III отделении с. в. и. в. канцелярии, в числе которых находился и муж мой. Слабость человеческая побуждает нас иногда мстить даже предметам неодушевленным, сделавшим нам помеху или другую неприятность, но в вас, государь, в вас — образ бога на земле! нет слабостей человеческих: всевидящее око ваше проникло в самую сущность дела, умело отличить заблуждения молодости от злых намерений закоренелого злодея, а милосердие озарило все своим божественным светом и вместо жестокого наказания за нарушение мудрых и благих велений ваших он послан на службу в Тулу. Произнести такой приговор все равно, что сказать: наказание за сделанное тобою зло предоставляю собственной твоей совести и эта благость принесла уже благотворные плоды. Истинное и чистосердечное раскаяние в проступках и желание загладить прошедшее ревностным исполнением обязанностей и сделаться достойным оказанных милостей более мучат его, нежели разлука с родными и другие претерпенные им лишения и даже страшная бедность, угрожающая нам. Да иначе и быть не могло. Верноподданнические чувства к престолу вашего и. в. глубоко вкоренены в семействе нашем: отец мой в молодости служил в военной службе, потом до старости нес службу гражданскую, бывши постоянно несколько трехлетий судьею, а впоследствии, до кончины, уездным предводителем дворянства; шесть братьев, из которых два находятся в гражданской службе, а четыре посвятили себя службе военной, я и две сестры мои воспитаны под внушением веры и бога, верности царю и любви к ближнему, и если бы в муже моем было что-нибудь противное этим святым обязанностям, то я не была бы его женою. Поэтому я смело могу сказать, что не вкоренившиеся убеждения омраченного злыми помыслами разума, а временное бессознательное заблуждение молодости и неопытности или лучше недоразумение было причиною неуместных выражений, находящихся в сочинениях мужа моего, сделавших нас неблагодарными детьми перед светлым лицом вашего величества. Без наставника и руководителя, предоставленный неблагоприятными обстоятельствами самому себе, не вполне просвещенный наукою, он делал зло бессознательно, не ведая сам, что делает. Вся жизнь его есть беспрерывная цепь борьбы с лишениями и бедствиями. В младенчестве он лишился матери и детство его не заботливая ласка лелеяла, а строптивость сурового отца, который полагал, что выучить грамоте сына своего и определить его где-нибудь в уезде на службу — значит сделать все со стороны родителей. Чем более развивались нравственные его силы, тем более томила его жажда познаний. Препятствия только воспламеняли его деятельность в ущерб здоровью. По бедности он не мог вос-

пользоваться милостями вашего и. в., излитыми на верноподданных в учреждении университетов для полного и систематического образования юношества. Эта пытка душевная в таких молодых летах расстроила совершенно его здоровье, но он не пренебрег даром божьим, посеянным в душе его, и, работая днем для насущного хлеба, не помышлял об успокоении ночью и трудился для своего образования. Наконец взошла было и для него ясная заря счастия: труды его готовы были увенчаться успехом, образованные к просвещенные люди обратили внимание на любознание его и неутомимость и он достигал уже цели своих желаний — благородного звания ученого, удовлетворяющего потребностям души его и обеспечивающего дальнейшее безбедное существование, уже он послан был щедротами вашего величества за границу для довершения образования, но в это самое время замечены были в прежде изданных им сочинениях некоторые необдуманные выражения и он арестован был в Варшаве. Не буду говорить о том, что перенесла я, выросшая в деревне неразлучно с доброю матерью и только два месяца как вышедшая замуж, оставшись одна в чуждом городе без родных и знакомых, когда арестовали мужа моего: вполне понять мои страдания может только женщина, имевшая несчастие быть в подобном моему положении. Скажу только, что видеть теперь ежедневно угасающие силы его и понимать душевные его страдания для меня мучительнее моих собственных. Цель его жизни была кафедра ученого и звание академика, занятия были—наука, а не мнения политические, но, несмотря на это, не вполне просвещенный наукою и не искушенный опытом, по молодости и безрассудности, сам не понимая, что делает, он навлек на себя справедливое наказание. Зная неумышленность проступков его, я могу сказать, что только тот не ошибается, кто ничего не делает, зато уже само бездействие есть ошибка и зло, противное законам божеским и человеческим. Душа его жаждала деятельности, но, брошенный на распутие жизни без опоры и руководителя, какую он имел возможность оценивать достойно и по справедливости каждый свой поступок, каждое свое слово и предвидеть последствия, могущие произойти от его неразумения? Не скрою, что когда у него отняты были средства к достижению избранного им ученого звания и он послан был на службу в Тулу, то он считал наказание это несоразмерным вине своей, или, лучше сказать, и не подозревал никакой вины, так его проступки были бессознательны и неумышленны, но теперь, когда купленный дорогою ценою опыт научил его смотреть на жизнь оком разума, отличающего святую истину от обманчивых призраков, он глубоко чувствует вину свою, искренно раскаялся в проступках и пораженный благостию, с которою ваше и. в. произнесли приговор его, мучится жаждою заслужить прощение и забвение прошедшего. Так поступил бы на его месте и каждый благородный с неиспорченною душою и сердцем человек, но не каждый, может быть, так тяжко страдал бы, как он, тем более, что в Туле не представляется решительно никаких средств доказать усердие свое и дарования. К нашему несчастию, по прибытии в Тулу мужа моего не было там настоящего начальника губернии; назначенный же впоследствии губернатор, будучи совершенно новым в этом краю и занимаясь делами более важными, не имел времени и не знал, куда определить на службу моего мужа, но, имея предписание об определении его, предложил ему занять место смотрителя больницы. Всякая обязанность, кроме усердия и добросовестности, требует еще и знания дела, а должность смотрителя больницы в особенности представляет столько разнородных знаний, опытности и навыка уметь распорядиться настоящим, помня прошедшее и угадывая будущее, что муж мой, будучи совершенно неопытным в делах подобного рода и признавая, что для начинающего служить этот шаг слишком неосторожен, боялся сделать по неопытности какие-нибудь упущения, не зависящие от его честности и усердия, и потому просил предоставить

это место другому, а ему дать такие обязанности, которые бы он мог изучать под руководством опытного уже чиновника. Губернатор обещал ему дать и должность, и занятия, а между тем он не получил еще ни того, ни другого. В продолжение полутора года пребывания нашего в Туле мы прожили все остатки небольшого моего приданого, перенося неприязненное расположение жителей, считающих нас как бы зачумленными, и теперь находимся в крайности остаться в большом городе без пристанища и средств к существованию. Труды рук наших не имеют там никакой цены и не могут доставить даже и скудного содержания больному, измученному горем и лишениями. Но не столько все эти бедствия убивают несчастного мужа моего, сколько безнадежное желание иметь когда-нибудь в Туле возможность загладить вину свою. Я обращалась с просьбою к его сиятельству генерал-адъютанту гр. Орлову о переводе на службу мужа моего в С.-Петербург или Москву, но он не мог удовлетворить моей просьбы и потому я решилась, зная отеческое милосердие вашего и. в. припасть к стопам вашим и умолять о монаршем соизволении на возвращение совершенно раскаявшегося мужа моего в С.-Петербург или на перевод его в Москву. В многолюдной столице мы не будем целью неприязненного внимания, муж мой легче может найти службу с жалованьем, составляющим теперь единственный источник существования, и, главное, находясь под ближайшим надзором и руководством облеченных доверием вашего и. в. лиц, будет в состоянии яснее доказать на деле чистосердечное свое раскаяние и ревностным исполнением обязанностей искупить вину свою; притом же настоящее состояние расстроенного его и моего здоровья требует пособия опытных врачей, без чего неминуемо мы должны погибнуть. Эта милость, будучи доказательством, что есть еще надежда безрассудно падшему возвратиться на путь истинный и заслужить прощение милосердого отца-монарха, подобно гласу божию возовет к жизни бедного страдальца: отказ — свидетельство безнадежности — убъет и его, и меня.

С чувствами глубочайшего благоговения имею счастие быть всемилостивейший государь вашего и. в. верноподданная

Александра Кулиш. жена
9-го класса чиновника

5 марта 1849 г.

Жительство имею Московской части 3 квартала в доме Доливо-Добровольского, на квар[тире] у Г. Кармалеева.

Помітка про одержання: 7 марта 1849 г.

Ч. V, арк. 328—334. Автограф.

№ 152

1849 р. квітень (перша половина) [572].— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВУ З ПРИВОДУ ПРОХАННЯ П. О. КУЛІША ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ ПЕРЕЇХАТИ В ПЕТЕРБУРГ

Чиновник 9-го класса Кулиш несколько раз писавший, что в Туле он не встретил доброжелательства в местных чиновниках и жителях, что все указывают на него пальцем и даже едва принимают его в дома свои на квартиру, вновь умоляет дозволить ему служить в Москве или в С.-Петербурге, где он может быть еще под лучшим надзором и где удобнее найдет для себя и службу, и медицинскую помощь [573].

С тем вместе находящийся в С.-Петербурге родственник Кулиша доставил письмо его, в котором Кулиш сообщает следующее:

В недавнем времени полицейский чиновник, с криком и бранью вошедший в квартиру Кулиша, подал ему бумагу о том, что ему, Кулишу, и жене его воспрещается выезд из города; вверху этой бумаги было написано: «Скопцы» и между именами скопцев Кулиш увидел свое имя и имя жены своей. Этого мало, упомянутый чиновник предлагал Кулишу и жене его подписаться таким образом: мы, нижеподписавшиеся скопцы, и проч[ее]. С трудом Кулиш мог доказать чиновнику его ошибку. Но на другой день явился другой полицейский чиновник и настоятельно требовал, дабы Кулиш при своем имени написал: скопец, уверяя, что у них об этом есть бумага.

Кулиш не жаловался губернатору: ибо имел уже опыты, что губернатор всегда спрашивает мнения правителя канцелярии Михайлова и во всем отказывает. Михайлов же, еще прежде, приходил ночью к домохозяину Жучкину, у которого квартировал Кулиш, и, вызвав Жучкова за ворота, советовал ему вытеснить Кулиша и жену его с квартиры, говоря, что они в большом подозрении [574].

Вышеупомянутое письмо представлено в убеждение, что Кулишу невозможно жить в Туле.

Помітка Л. В. Дубельта: Губ[ернатора] оставить, а то еще больше повредим.

Ч. V, арк. 335, 336. Оригінал.

№ 153

1849 р. березня 29.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО ПРО ВАЖКІ УМОВИ ЖИТТЯ В ТУЛІ

29 марта 1849, Тула

Милый брат и друг Виктор Михайлович!

Доведите пожалуйста до сведения добрых людей, какие претерпеваем мы здесь опять бедствия. Еще до приезда Саши является ко мне квартальный с требованием подписки, что я не выеду из города. Входит с бранью и криком, зачем ему не скоро отворяют, водкою от него так и несет, показывает мне список лиц, которым запрещается выезжать из города, вверху написано: «Скопцы», и между этими именами я вижу свое имя. Вслед за тем предлагает мне подписать свое имя на листе под строками, начинающимися так: «Мы, нижеподписавшиеся скопцы, и пр[очее]». С трудом я доказываю ему грубую его ошибку и выживаю из квартиры. Но вот вчера является другой квартальный с требованием подписки и, диктуя мне ее на особом листе, требует, чтобы я при своем имени написал «скопец»; говорит, что у них об этом есть бумага. Я хотел было писать об этом прямо к Л. В. [Дубельту], но, подумавши, пишу только к вам. Посоветуйтесь и, если нужно, войдите, к кому следует, с просьбою по поручению мужа вашей сестры. Губернатору я не жалуюсь потому, что он сам ничего не знает, а обо всем спрашивает своих чиновников. Когда я просил его о билете для Саши в Петербург, он призадумался и сказал: «надо сделать справку»; потом воротился в кабинет, где у него был правитель канцелярии и, поговоривши с ним, сделал мне решительный отказ, уверяя, что жена моя также состоит под строжайшим присмотром полиции. Правителем же канцелярии у него тот самый Михайлов, который приходил ночью к нашему бывшему хозяину Жучкину и, вызвав его за ворота, советовал ему выжить нас с квартиры, потому что мы «в большом подозрении». Кроме того, я пробовал раз уже жаловаться за отсутствием губернатора вице-губернатору Барановичу в

том, что хозяйка вдруг потребовала, чтобы мы очистили квартиру и просил его заставить злую бабу дать нам для приискания новой квартиры и переезда, хотя срок, определенный законом, то есть 7 дней, но мне наотрез отвечали, что «стеснять хозяев нельзя», и мы принуждены были перебраться в первый соседний дом к так называемой нами проклятой бабе, и потому именно попали из огня в полымя. Настоящее требование полиции глупо и смешно в высшей степени со стороны, но нам, окруженным чужими людьми, без единого приятеля в целом городе, очень, очень стало грустно и мы вопием через вас к добрым людям — спасти нас из этого ада! Обнимаю вас сердечно

П. Кулиш

Кроме того, полиция считает себя вправе присылать к нам грубиянов квартальных без всякого дела днем и ночью, и они без церемонии в гостинной снимают с себя шубу и калоши. Жаловаться здесь некому, и мы все терпим.

Имя Саши я так же видел в списке скопцев; я даже не сказал ей об этом; но наково мне сносить такое поругание. Войдите с просьбою. Часть 1-я, в которой мы квартируем и в которой находится этот список. Я бы желал, чтоб потребовали этот список так, чтобы они не успели истребить его. Он подписан частным приставом.

P. S. Вот, может быть, причина отчуждению, которое я или, лучше сказать, мы встречали везде в Туле. Не шутка, когда полиция официально трактует нас как членов презреннейшей секты.

Сейчас мы получили отказ на просьбу Саши о переводе меня в Петербург. Что делать? С сегодняшнею почтою я пишу к гр. [Орлову] и к Л. В. [Дубельту] опять о том же, но о скопцах не упоминаю. Этот непостижимый казус представляю в ваше распоряжение.

Резолюция Л. В. Дубельта: Записку для доклада графу.

Ч. V. арк. 337. 338. Автограф.

№ 154

1849 р. березня 30.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО НАДІСЛАННЯ ПРОХАННЯ НА ІМ'Я О. Ф. ОРЛОВА

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Я уверен, что вам, как и всякому доброму человеку, тяжело было подать нам камень, когда мы просили хлеба; но так видно мы заслужили, и бедствия наши тем горестнее для нас, что даже такие люди, как вы и благодетельный граф не в состоянии облегчить их. Мы благодарны, по крайней мере, за возможность вопиять о пощаде. Не оскорбитесь, если наши вопли покажутся пронзительными для вашего слуха: они свидетельствуют о болезненном состоянии сердец наших. Умоляем ваше превосходительство продолжать к нам благосклонность, с которою вы всегда нам внимали, и в этой надежде решаемся беспокоить вас еще раз покорнейшею просьбою представить его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову прилагаемое при этом письмо.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулиш

1849, марта 30, Тула

Ч. V, арк. 339. Автограф.

№ 155

1849 р. березня 16.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО О. М. КУЛІШ ПРО ВІДМОВУ О. Ф. ОРЛОВА ПОРУШУВАТИ КЛОПОТАННЯ ПРО ДОЗВІЛ ПЕРЕЇХАТИ П. О. КУЛІШЕВІ ДО ПЕТЕРБУРГА АБО МОСКВИ

Её высокоблагородию А. М. Кулиш

16 марта 1849, № 459

Милостивая государыня Александра Михайловна!

Из комиссии прошений передана г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову всеподданнейшая просьба ваша о дозволении мужу вашему служить в С.-Петербурге или в Москве [575], но его сия[тельст]во изволил признать невозможным ходатайствовать по упомянутой вашей просьбе.

Извещая о сем вас, милостивая государыня, долгом считаю удостоверить вас в истинном моем почтении и преданности.

Подп[исал] Л. Дубельт

Ч. V, арк. 340. Відпуск.

№ 156

1849 р. березня 16.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПЕРЕВЕСТИ ЙОГО В ПЕТЕРБУРГ

Его сиятельству Алексею Федоровичу гр. Орлову

Ваше сиятельство, милостивый государь, гр. Алексей Федорович!

Я узнал от жены моей, до какой степени ваше сиятельство простерли благодетельную попечительность вашу об улучшении моего и ее положения в жизни. Словами нельзя выразить благодарных чувств, с которыми я принял это известие: вся жизнь моя будет доказательством, как благоговейно храню я в душе мысль о ваших благодеяниях. Верьте, ваше сиятельство, что всего пламеннее желаю я теперь иметь возможность доказать на деле возвращение свое на путь истинного служения государю и обществу, и это-то желание внушает мне смелость повторить перед вами просьбы моей жены о переводе меня в Петербург, где я могу удобнее, нежели во всяком другом городе, найти для себя место на службе и на глазах у правительства явить себя человеком благомыслящим и трудолюбивым.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

П. Кулиш

1849, марта 16, Тула

Резолюція Л. В. Дубельта: Невозможно.

Помітка про одержання: 22 марта 1849 г.

Ч. V, арк. 341. Автограф.

№ 157

1849 р. березня 16.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ВИСЛОВЛЕННЯМ ПОДЯКИ ЗА УВАГУ ТА З ПРОХАННЯМ НАДІСЛАТИ ЛИСТ О. Ф. ОРЛОВУ

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Ваше превосходительство, милостивый государь Леонтий Васильевич!

Рассказы моей жены о необыкновенном участии и внимании вашем к ней оживили меня радостью, которой я давно уже не знаю. Примите сердечную благодарность от человека, который всего более дорожит прекрасными движениями души, замечаемыми им в людях. Отрадно существовать на свете, когда знаешь, что он населен не одними холодными душами. Я забыл теперь все горестные ощущения, испытанные мною в эту тяжкую эпоху моей жизни, и живу одною надеждою. Исполнится ли она или нет, но мне радостно писать убеждение, что ваше превосходительство желаете и содействуете ее исполнению. Позвольте беспокоить вас покорнейшею просьбою — передать его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову приложенное при этом письмо [576] и прибавить с своей стороны на словах все, что внушит вам благородное участие ко мне и к жене моей, которого мы имели от вас столько драгоценных доказательств.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулиш

1849, марта 16, Тула

Ч. V, арк. 342. Автограф.

№ 158

1849 р. березня 24.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО П. О. КУЛІША З ПОВІДОМЛЕННЯМ ВІДМОВИ О. Ф. ОРЛОВА ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ ПЕРЕЇХАТИ ДО ПЕТЕРБУРГА

Его высокоб[лагородию] П. А. Кулишу

24 марта 1849 г.

Милостивый государь Пантелеймон Александрович!

Г-н генерал-адъютант гр. Орлов, получив письмо ваше от 16 марта [577], изволил признать невозможным исполнить просьбу вашу о переводе вас на службу в С.-Петербург.

Сообщая о сем вам, имею честь удостоверить вас, милостивый государь, в истинном моем почтении и преданности.

Подп[исал] генер[ал]-лейт[енант] Дубельт

Ч. V, арк. 343. Відпуск.

№ 159

1849 р. березня 30.— ПРОХАННЯ П. О. КУЛІША ПРО ПОМИЛУВАННЯ, НАДІСЛАНЕ НА ІМ'Я О. Ф. ОРЛОВА

Его сиятельству Алексею Федоровичу гр. Орлову

Ваше сиятельство, милостивый государь гр. Алексей Федорович!

С приближением светлого для каждого христианина праздника мы ожидали небесной милости, которая прольется на нас через ваше сиятельство,

но мрачен будет для нас светлый праздник! Нам казалось, что страдания наши достигли наконец своего предела, но, видно, суждено нам горько окончить жизнь в отдалении от родных и друзей, в бедности и презрении! Еще раз вопием к вашему сиятельству о пощаде! Положите на весы правосудия наше сердечное, искреннее раскаяние — неужели оно не будет иметь никакого веса? Чем же другим грешник перед богом и перед людьми может очиститься? Мы слышим о милосердии правительства русского беспрестанно — когда же придет наша очередь? Или мы одни недостойны пошады? О, пощадите, пощадите! Не дайте нам умереть в этом ужасном положении, до которого мы доведены своими заблуждениями! Жена моя последние деньги, полученные в приданое, истратила на поездку в Петербург, возвратилась в Тулу, измученная горестью и больная; я тоже едва таскаю ноги от горя и нужды. Мы не в состоянии добывать трудами своих рук даже тот хлеб, каким питается поденщик; мы живем милостыней наших родственников, и пища эта обращается для нас в точащий сердце яд. Мы очень несчастны! Мы очень много страдали и страдаем! Пощадите нас не по нашим заслугам, но во имя христианского милосердия! [578]

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

П. Кулиш

1849, марта 30, Тула

Помітка про одержання: 8 апреля 1849 г.

Ч. V, арк. 344. Автограф.

№ 160

1849 р. квітень [579]— ДОВІДКА ІІІ ВІДДІЛЕННЯ ПРО ДОЗВІЛ О. О. НАВРОЦЬКОМУ ПЕРЕЇХАТИ З м. ВЯТКИ ДО м. КУРСЬКА ТА І. Я. ПАСЯДІ — ВІДВІДАТИ УКРАЇНУ

В недавнем времени из лиц, прикосновенных к Украйно-Славянскому делу, двум оказана монаршая милость: действительный студент Навроцкий перемещен на службу из Вятки в Курск, а окончившему учение в Казанском университете кандидату Посяде дозволено перед вступлением в службу (в Рязани) отправиться на четыре месяца в Малороссию.

Ч. V, арк. 345. Оригінал.

№ 161

1849 р. червня 21.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА 2-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ С. В. ПЕРФИЛЬЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО РЕЗУЛЬТАТИ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. О. КУЛІШЕМ

Шефу жандармов г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

Июня 21 дня, 1849 г., № 55, Москва

Находящийся под секретным надзором в г. Туле бывший учителем С.-Петербургской гимназии и ныне состоящий на службе в канцелярии г-на Тульского военного губернатора, 9-го класса Кулиш, как доносит корпуса жандармов полковник Шварц, жизнь ведет скромную и уединенную, и в образе суждения и действиях его ничего предосудительного не замечено, так равно и за женою его Александрою Кулиш.

О чем я долгом считаю довести до сведения вашего сиятельства в дополнение докладной записки моей от 10 января с. г. за № 3 [580] и присово-

купить, что, по донесению полковника Шварца, Кулиш не 9-го, а 12-го класса, как это видно из формулярного списка, доставленного в канцелярию тульского военного губернатора из прежнего места его служения.

Генерал-лейтенант Перфильев

Помітка про одержання: 26 июня 1849 г.

Ч. V, арк. 346. Оригінал.

№ 162

1849 р. липня 12.— ВІДНОШЕННЯ РЕКТОРА ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ П. О. ПЛЕТНЬОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ СПРИЯТИ ПОЛЕГШЕННЮ ДОЛІ П. О. КУЛІША

Милостивый государь, Леонтий Васильевич!

Ваше превосходительство изволили оказывать столько участия к бедственному положению Кулиша, что я почел бы себя виновным перед вами, если бы равнодушно оставил у себя письма его, которые поразительно изображают, до какой крайности доведен наконец этот страдалец, два года лишаемый службы и всех средств к существованию.

Итак, удостойте пробежать то, что он рассказывает; я наперед убежден, что правосудие вашего превосходительства, ваше благородство и человеколюбие вызовут вас к новым усилиям для облегчения судьбы этого человека, очищенного перенесенными им несчастиями.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

П. Плетнев

12 июля 1849

Помітка про одержання: 14 июля 1849 г.

Ч. V, арк. 347. Автограф.

№ 163

1849 р. липня 16.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО РЕКТОРА ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ П. О. ПЛЕТНЬОВА ПРО ПОВЕРНЕННЯ ЛИСТІВ П. О. КУЛІША І ПОВІДОМЛЕННЯ ПРО ТЕ, ЩО ВІН НІЧОГО НЕ МОЖЕ ЗРОБИТИ ДЛЯ ОСТАННЬОГО ДО ПОВЕРНЕННЯ ІЗ ПОДОРОЖІ О. Ф. ОРЛОВА

Его пр[евосходительст]ву П. А. Плетневу

16 июля 1849, № 1612

М[илостивый] г[осударь] Петр Александрович!

Возвращая доставленные при письме вашего пре[восходительст]ва от 12 июля три письма находящегося в Туле чиновника Кулиша, имею честь уведомить вас, м[илостивый] г[осударь], что к перемене положения его я ничего не могу предпринять до возвращения г-на генер[ал]-ад[ъютанта] гр. Орлова из путешествия.

Прим[ите] увер[ение] в ист[инном] м[оем] почт[ении] и пр[еданности].

Под[писал] Дубельт

Ч. V, арк. 348. Відпуск.

№ 164

1849 р. липня 15.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО КЛОПОТАННЯ РЕКТОРА ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ П. О. ПЛЕТНЬОВА ЗА П. О. КУЛІША

Ректор С.-Петербургского университета действительный статский советник Плетнев в июле доставил три письма, полученные им от чиновника Кулиша.

В этих письмах Кулиш, благодаря г-на Плетнева за присланные 100 р[уб]. сер[ебром], объясняет, что он, Кулиш, претерпевает совершенную бедность, что если бы не помощь, во время доставленная к нему Плетневым, то он оставался бы без куска хлеба; что, кроме этого, невыносимо преследуют его всюду невежество и алчность хозяек тех домов, где он нанимал квартиры; что, перенося все с терпением, он ужасается предстоящей ему неизбежной нищеты. Кулиш присовокупляет, что он счел бы за счастье возвратиться в С.-Петербург, а если этого нельзя, то хотя бы поселиться в Черниговской, Киевской или Харьковской губ., где бы мог купить кусок земли и тем предохранить себя от угрожающей бедности.

Плетнев ходатайствует о Кулише как о человеке, «очищенном перенесенными им несчастиями» [581].

Справки. 1. Кулиш за прикосновенность к делу об Украйно-Славянском обществе содержался три месяца в крепости и потом отправлен на службу в Тулу отнюдь не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, с воспрещением ему писать и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу.

2. К тульскому военному губернатору уже несколько раз писано было о покровительстве Кулишу и определении его к месту, соответственному его способностям [582]. Генерал-майор Крузенштерн ответствовал, что штатных вакансий нет, а на определение Кулиша сверх штата, чиновником особых поручений, не согласился министр внутренних тел [583].

15 июля 1849 г.

Помітка: Отв[етил], что до возвр[ащения] [графа] нельзя.

Ч. V, арк. 349, 350. Оригінал.

№ 165

1849 р. липня 29.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОВІДОМИТИ О. Ф. ОРЛОВУ, ЩО ВІН НЕ МАЄ ЧИМ СПЛАТИТИ БОРГ ДРУКАРНІ КИЇВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Ваше превосходительство, милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Находясь на службе в Киеве, я напечатал в тамошней университетской типографии две книги мсего сочинения. Я был тогда, как и теперь, беден и не имел чем заплатить за бумагу и печать. Один из начальников Киевского учебного округа, поощряя мои труды, поручился за меня типографии с тем, что я уплачу долг свой посредством продажи печатных экземпляров. И действнтельно, большую половину суммы успел я внести в типографию; но, когда постигло меня несчастье, прекратившее доходы от продажи моих книг и лишившее меня места по службе, я вот в течение двух с лишком лет не уменьшил своего долга Киевской университетской типографии ни одним рублем. Я однако ж поддерживал себя надеждою, что, получа по милости начальства место по службе, я буду в состоянии уплачивать по частям долг

свой. Но моя постоянная грудная болезнь и великая редкость вакансий в таком городке, как Тула, были причиною, что до сих пор я служу без жалованья и, прожив все приданое моей жены, доведен до горькой необходимости питаться милостынею ее родных. В такую несчастную годину я вдруг получаю через полицию требование уплатить Киевской университетской типографии 437 руб. 81 коп. серебром. Это событие, как ваше превосходительство можете себе представить, сразило меня. Я чувствую, что единственное мое спасение в отеческой милости правительства, почему и прошу покорнейше ваше превосходительство, представя положение дел моих его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову, передать ему мою покорнейшую просьбу — принять во мне участие, какое внушит ему добродетельное его сердце.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

П. Кулиш

1849, июля 29, Тула

Помітка Л. В. Дубельта: Напи[сать] по возв[ращении] гр[афа].

Ч. V. арк. 351. Автограф.

№ 166

1849 р. липня 30.— ЛИСТ О. М. КУЛІШ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ЗВІЛЬНИТИ ЇЇ ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ І ДОЗВОЛИТИ ВІДВІДАТИ УКРАЇНУ

Ваше превосходительство, милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Во время пребывания моего в этом году в столице ваше превосходительство удивлялись, как могла я встретить затруднение, пожелав выехать из Тулы, и я уверилась тогда, что это была ошибка здешнего начальства. Теперь г-н начальник Тульской губ. заставил меня, через полицию, дать подписку в том, что я не выеду из Тулы без разрешения начальства, и я, несмотря на то, что последовала за своим мужем в Тулу добровольно, несмотря на то, что в жизни моей не подвергалась никаким допросам и следствиям, с огорчением вижу, что меня трактуют здесь как преступницу и ко всем горестям, посланным нам в уделе судьбой, прибавляют самую горькую — лишая меня даже возможности видеть моих родных. Ваше превосходительство не так меня трактовали: вы говорили со мной, как отец с дочерью и как с особою, вовсе не преступною. Как же мне понять эту разницу между действиями Петербурга и Тулы, зависящей во всем от Петербурга? Умоляю, ваше превосходительство, освободите меня из оскорбительного для меня положения, в какое поставляет меня здешняя полиция, и даруйте мне в моих бедствиях хоть одну отраду — возможность посещать моих родных. Правда, состояние наше так разстроилось, что я уже два года не имею средств навестить свою несчастную маменьку, но, по крайней мере, желаю иметь надежду когда-нибудь ее увидеть, если представится такой случай, что кто-нибудь из родных, проезжая через Тулу, из милосердия предложит свезти меня в Малороссию.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего превосходительства покорнейшая слуга

Александра Кулиш

1849, июля 30, Тула

Помітка про одержання: 6 августа 1849 г.

Ч. V. арк. 352. Автограф.

№ 167

1849 р. серпня 9.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО О. М. КУЛІШ

Находящаяся в г. Туле жена чиновника Кулиша, объясняя, что местная полиция взяла с нее подписку о невыезде из города без разрешения начальства, просит об освобождении ее от такого унизительного положения [584].

Справка. В начале апреля 1847 г. за прикосновенность к делу об Украйно-славянском обществе был арестован чиновник Кулиш, а в конце того же месяца приехала в С.-П[етер]бург жена его, за которою и было учреждено по выс[очайшему] пов[елению] секретное наблюдение. В августе Кулиш отправлен по высоч[айшему] повелению в Тулу с тем, чтобы за ним учрежден был строжайший надзор, а как с ним отправилась туда для совместного жительства и жена его, то и было сообщено, на основании того же выс[очайшего] пов[еления] мин[истру] внутр[енних] дел, чтобы за ней, как обращающую на себя внимание чрезмерной любовью к родине Малороссии, учреждено было там секретное, бдительное наблюдение.

М[инистр] в[нутренних] д[ел] сообщил ныне, что все те лица, которые состоят под надзором, не должны быть на основании нового высоч[айшего] повеления выспрошены из губернии в губернию. (Дело о[...]) [585]

9 августа 1849

Помітка Л. В. Дубельта: То и другое по приезде гр[афа] доложить. 9 августа

Ч. V, арк. 353. Оригінал.

№ 168

1849 р. серпня 10.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО О. М. КУЛІШ З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО ЇЇ ПРОХАННЯ ПРО ДОЗВІЛ ВИЇХАТИ З ТУЛИ І П. О. КУЛІША — ПРО СПЛАТУ БОРГУ ДРУКАРНІ КИЇВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ БУДУТЬ ПЕРЕДАНІ О. Ф. ОРЛОВУ, ЯК ТІЛЬКИ ВІН ПОВЕРНЕТЬСЯ ДО ПЕТЕРБУРГА

Секретно

Ее высокоблагородию А. М. Кулиш

10 августа 1849, № 2022

М[илостивая] г[осударыня] Александра Михайловна!

По письму вашему от 30 июля об отмене сделанного местным начальством распоряжения насчет выезда вашего из Тулы [586] поспешаю уведомить вас, м[илостивая] государыня, что я не премину представить о том г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову по возвращении его сиятельства в С.-Петербург. Равным образом и по просьбе супруга вашего о доставлении ему средств к уплате долга Киевской университетской типографии [587] я в то же время употреблю невозможное ходатайство. Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал генерал-лейтенант Дубельт

Ч. V, арк. 354. Відпуск.

№ 169

1849 р. жовтня 4.— ВІДНОШЕННЯ РЕКТОРА ПЕТЕРБУРЗЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ П. О. ПЛЕТНЬОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО ДОЗВІЛ П. О. КУЛІШУ ВИЇХАТИ З ТУЛИ

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

На мое письмо от 12 июля сего 1849 г. [588] ваше превосходительство в ответе своем 16 июля за № 1612 [589] удостоили объявить мне, что изволите возвратиться к изложенному там делу по прибытии сюда в столицу его сиятельства гр. Алексея Федоровича Орлова.

Беру ныне смелость возобновить о том всепокорнейшую просьбу мою, будучи убежден, в какой мере великодушию вашему отрадно оказать помощь бедствующему Кулишу.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

П. Плетнев

4 окт[ября] 1849

Помітка про одержання: 5 октября 1849 г.

Ч. V, арк. 355. Автограф.

№ 170

1849 р. жовтня 6.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО П. О. КУЛІША, СКЛАДЕНА В ЗВ'ЯЗКУ З КЛОПОТАННЯМ ЗА НЬОГО П. О. ПЛЕТНЬОВА

Высланный на службу в Тулу чиновник Кулиш, не получая в продолжение двух лет штатного места, уже много раз писал как о чрезвычайной бедности своей, которая достигла до такой степени, что он существует почти подаянием, так и о том, что в Туле, где на состоящих под надзором смотрят как бы на людей отчужденных, он терпит с женою разные неприятности. Кулиш всякий раз просил о дозволении ему жительствовать в одной из столиц, а если это невозможно, то в Черниговской, Киевской или Харьковской губ., где бы он мог купить кусок земли и тем предотвратить от себя решительное нищенство [590]. В последнее время Кулиш возобновлял эту просьбу особенно потому, что Киевская типография взыскивает с него 437 р[уб]. 81 к[оп]. сер[ебром], тогда как у него нет нисколько денег [591].

Равным образом и жена Кулиша, жалуясь, что местное начальство взяло от нее подписку о невыезде ее из Тулы без разрешения, просила избавить ее от такого положения [592].

Ректор С.-Петербургского университета Плетнев, всегда ходатайствовавший за Кулиша [593], ныне возобновляет за него свои просьбы [594].

Справка. Кулиш хотя не принадлежал к Украйно-славянскому обществу, но был в дружеских отношениях со всеми участниками этого общества, питал чрезмерную преданность к Малороссии, выражая мысли свои об этом не только в частных письмах, но и в напечатанных им сочинениях. За это он в 1847 г. по высочайшему повелению был выдержан три месяца в С.-Петербургской крепости и отправлен на службу в Тулу, отнюдь не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, с воспрещением ему писать, и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу.

Жена Кулиша, не менее мужа выражавшая в письмах своих чрезмерную любовь к Украйне, также подвергнута надзору, а все состоящие под надзором не могут отлучаться из места в место без разрешения начальства.

О представлении Кулишу должности несколько раз писано к тульскому губернатору [595], который уведомлял, что нет штатных вакансий [596]; исполнение же просьб Кулиша о дозволении ему жительствовать в столицах или в Малороссии было отлагаемо до удобнейшего времени.

6 октября 1849 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: Просить Крузенштерна.

Ч. V, арк. 356, 357. Оригінал.

№ 171

1849 р. жовтня 8.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО П. О. ПЛЕТНЬОВА, В ЯКОМУ ПОВІДОМЛЯЄТЬСЯ, ЩО О. Ф. ОРЛОВ НАПИСАВ ТУЛЬСЬКОМУ ГУБЕРНАТОРОВІ М. І. КРУЗЕНШТЕРНУ ПРО НАДАННЯ П. О. КУЛІШЕВІ ОПЛАЧУВАНОЇ ПОСАДИ

Его превосходительству П. А. Плетневу

8 октября 1849 г., С.-П[етер]бург, № 2539

М[илостивый] г[осударь] Петр Александрович!

Письмо вашего превосходительства от 4 октября [597] я имел честь докладывать г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову, и его сиятельство с сим вместе изволил отнестись к тульскому военному губернатору, чтобы он приказал озаботиться, сколь возможно, поспешнейшим определением чиновника Кулиша на такое место, которое обеспечивало бы приличное содержание его с семейством, и вообще удостаивал бы г-на Кулиша своим милостивым покровительством [598].

Долгом считая уведомить о сем ваше превосходительство, имею честь удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном моем почтении и преданности.

Подписал Л. Дубельт

Помітка: На почтовой без бланка.

Ч. V, арк. 358. Відпуск.

№ 172

1849 р. жовтня 8.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. КРУЗЕНШТЕРНА ПРО ВЛАШТУВАННЯ П. О. КУЛІША НА ОПЛАЧУВАНУ ПОСАДУ

Его превосходит[ельств]у Н. И. Крузенштерну

8 октября 1849 г., № 2545, в С.-Петербурге

М[илостивый] г[осударь] Николай Иванович!

Находящийся в Туле чиновник Кулиш доселе не получил должности, которая бы обеспечивала его с семейством, и он, впадая в бо́льшую и бо́льшую крайность, дошел до такого положения, что нуждается в самом необходимом для жизни и существует только пособием от его благотворителей.

Принимая во внимание, что Кулиш по высочайшему повелению отправлен в Тулу для определения на службу, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство приказать озаботиться сколь возможно поспешнейшим доставлением Кулишу такого места, которое обеспечивало бы приличное содержание его с семейством, и вообще удостоивать сего чинов-

ника вашим милостивым покровительством; о том же, что вам угодно будет сделать в пользу Кулиша, почтить меня уведомлением [599].

Примите уверение в истинном моем к вам уваж[ении] и предан[ности].

Подписал гр. Орлов

Ч. V. арк. 359. Відпуск.

№ 173

1849 р. жовтня 19.— ВІДНОШЕННЯ ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. КРУЗЕНШТЕРНА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ П. О. КУЛІША ПОМІЧНИКОМ РЕДАКТОРА «ТУЛЬСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

19 октября 1849, № 13397, Тула
Ответ на № 2545

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие предписания вашего сиятельства от 8 октября за № 2545[600], имею честь довести до сведения вашего, что состоящему на службе в канцелярии моей губернскому секретарю Кулишу, как известно вашему сиятельству из донесений моих от 19 [601] декабря 1847 и 30 октября 1848 г. за № 17359 и 15453 [602], было предлагаемо место смотрителя больницы Тульского приказа общественного призрения, но он от принятия сей должности отказался, более же мест, соответственных его здоровью и способностям ввиду по Тульской губ. не имелось, а ныне открылась вакансия помощника редактора «Губернских ведомостей» [603] с окладом годового жалованья 180 руб. серебром, каковое место г-н Кулиш согласился занять.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

Н. Крузенштери

Помітка про одержання: 29 октября 1849 г.

Ч. V, арк. 360. Оригінал.

№ 174

1849 р. листопада 2.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПИТАННЯ ПРО ПЕРЕВЕДЕННЯ ЙОГО ДО ПЕТЕРБУРГА АБО МОСКВИ, ОСКІЛЬКИ НА ПРИЗНАЧЕНЕ ЖАЛУВАННЯ ВІН НЕ МОЖЕ УТРИМУВАТИ СІМ'Ю

Ваше превосходительство, милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Позвольте беспокоить вас покорнейшей просьбою — передать его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову мою глубочайшую благодарность за великодушное участие его в судьбе моей. Г-н тульский военный губернатор предложил мне должность помощника редактора «Губернских ведомостей» с 600 руб. ассигнациями годового жалованья.

Я принял ее с благодарностью и вполне соглашаюсь с словами моего начальника, что в Туле нет для меня возможности занять место, приносящее более жалованья, потому что здесь только те места соединены с жалованьем выше 1000 руб. асс[игнациями], которые для меня вовсе недоступны.

Но возможно ли мне, человеку семейному и больному, существовать 600 руб. ассигнациями в год? И еще после того, как я не получая третий год уже жалованья, дошел до крайней бедности и нуждаюсь в самой необходимой одежде? Поэтому ваше превосходительство умоляю представить его сиятельству жалкие мои обстоятельства вместе с моею покорнейшею просьбою перевести меня на службу, если не в С.-Петербург, то по крайней мере в Москву, где бы я мог найти себе место, сколько-нибудь обеспечивающее мое существование.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

П. Кулиш

1849, ноября 2, Тула

Резолюція Л. В. Дубельта: Повременить, но иметь в виду.

Помітка про одержання: 12 ноября 1849 г.

Ч. V, арк. 361. Автограф.

№ 175

1849 р. грудня 21.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА 2-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ С. В. ПЕРФИЛЬЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО РЕЗУЛЬТАТИ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. О. КУЛІШЕМ І ЙОГО ДРУЖИНОЮ

Секретно

Шефу жандармов, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

Декабря 21 дня, 1849 г., № 138, Москва

Находящийся под секретным надзором в г. Туле бывший учителем С.-Петербургской гимназии и ныне состоящий на службе помощником редактора «Тульских губернских ведомостей» с получением жалованья 171 р[уб]. 42 коп. серебром, 12-го класса Кулиш, как доносит корпуса жандармов полковник Шварц, жизнь ведет скромную и уединенную и в образе суждения и действиях его ничего предосудительного не замечено, а равно и за женою его Александрой Кулиш.

О чем я долгом считаю довести до сведения вашего сиятельства, в дополнение докладной записки моей от 22 июня сего года за № 55 [604].

Генерал-лейтенант Перфильев

Помітка про одержання: 26 декабря 1849 г.

Ч. V, арк. 362. Оригінал.

№ 176

1850 р. лютого 25.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОРУШИТИ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД О. Ф. ОРЛОВИМ ПРО НАДАННЯ ДОЗВОЛУ О. М. КУЛІШ ВИЇХАТИ З ТУЛИ В ЧЕРНІГІВСЬКУ ГУБЕРНІЮ ДЛЯ ПОБАЧЕННЯ З МАТІР'Ю

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Ваше превосходительство, милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Когда я был отправлен на службу в Тулу, жена моя просила позволения ехать со мною, и это позволение было ей милостиво дано; но, когда ей встретилась надобность побывать в Петербурге, г-н тульский военный гу-

бернатор объявил мне, что и она, так как я, состоит под строжайшим присмотром полиции, почему и не может оставить Тулы без разрешения высшего начальства. Разрешение это, по ее просьбе, было получено [605], и, когда она, прибыв в столицу, объявила лично вашему превосходительству о непонятном для нее распоряжении местного начальства, ваше превосходительство изволили изъявить удивление и назвать это распоряжение ошибкою. При всем том по возвращении ее из столицы в Тулу г-н начальник губернии потребовал от нее через квартального надзирателя подписку, что она без разрешения начальства из Тулы не выедет. Дав требуемую подписку, она обратилась к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою освободить ее от вынужденного у нее таким образом обязательства [606], но, вероятно, письмо ее не достигло своего назначения [607], потому что никакой перемены в ее положении не последовало. Между тем, два с половиною года жизни в Туле, вдали от родных, под строжайшим присмотром полиции, в тесной и убогой квартирке, при недостатке в самых необходимых потребностях существования произвели на ее здоровье самое пагубное действие. В двадцать лет она сделалась хилою и увядшею, как старуха; она страдает не за свои проступки и не видит конца своим страданиям; день освобождения из ссылки для нее, по-видимому, с каждым годом еще отдаляется; она потеряла уже и надежду выйти когда-нибудь из этого гроба, как называет она в отчаяньи нашу жалкую квартиру в Туле; она боится, что разлучена навеки с родным своим семейством. Эта нищета, в которую она попала так непредвиденно и которая естественно заключила ее в четыре стены, лишив всякого сообщения с образованным обществом, неразлучные с таким жалким существованием горести и, наконец, двойная невозможность посещать родных, происходящая и от бедности, до которой мы дошли в Туле, и от запрещения выезжать из города — все это вместе делает из жены моей самую несчастную женщину, на которую смотреть — значит уже страдать. Изображая перед вашим превосходительством ее положение с откровенностью, на которую дает мне смелость выказанное вами к нам неоднократно истинно человеческое участие, покорнейше прошу ваше превосходительство, представя болезненное положение моей жены его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову, исходатайствовать для нее милостивое разрешение ехать в Черниговскую губ. для свидания с ее матерью при первом случае, который может ей представиться, если бы кто-нибудь из родных ее, проезжая чрез Тулу, предложил ей место в своем экипаже. Об этом я умоляю ваше превосходительство как человек, с здоровьем потерявший все, что радует нас в жизни. У меня остается только одно — жена. Если и она изчахнет и погибнет, разделяя со мной мою тяжкую долю, тогда мне не о чем уже будет вас просить.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

П. Кулиш

1850 г., февр[аля] 25, Тула

Резолюція О. Ф. Орлова: Справку об ней.

Помітка Л. В. Дубельта: Как просит, так и сделать. Граф [608] не упускает из вида случая быть ему полезным.

Помітка про одержання: 6 марта 1850 г.

Ч. V, арк. 363, 364 зв. Автограф.

№ 177

1850 р. березня 6.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО О. М. КУЛІШ

Справка. Кулиш за прикосновенность к производившемуся в 1847 г. делу об Украйно-Славянском обществе содержался три месяца в Алексеевском равелине, а потом отправлен на службу в г. Тулу, с учреждением за ним строжайшего надзора, с воспрещением ему писать и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу.

Когда Кулиш в августе 1847 г. был отправлен в Тулу, и с ним поехала его жена, обратившая на себя внимание своею привязанностью к Малороссии, то было сообщено по высочайшему повелению министру внутренних дел, чтобы и за нею учреждено было секретное наблюдение.

Кулиш ныне определен помощником редактора «Тульских губернских ведомостей» с жалованьем 180 руб. серебром.

6 марта 1850 г.

Ч. V, арк. 365. Оригінал.

№ 178

1850 р. березня 8.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО П. О. КУЛІША З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО О. Ф. ОРЛОВ ДОЗВОЛИВ О. М. КУЛІШ ВИЇХАТИ З ТУЛИ В ЧЕРНІГІВСЬКУ ГУБЕРНІЮ ДЛЯ ПОБАЧЕННЯ З МАТІР'Ю

Его благородию П. А. Кулишу

8 марта 1850 г., № 480

Милостивый государь Пантелеймон Александрович!

Получив письмо ваше от 25 февраля [609], в котором вы, милостивый государь, просите о дозволении жене вашей отправиться в Черниговскую губ., я имел честь представлять оное на усмотрение г-на генерал-адъютанта гр. Орлова.

Его сиятельство, разрешив означенную просьбу вашу, изволил отнестись к управляющему Тульской губ. о выдаче на проезд жены вашей установленного паспорта [610] и вместе с тем поручил мне сообщить вам, что относительно вашего собственного положения гр. Алексей Федорович при первом удобном случае будет стараться быть полезным вам.

Уведомляя вас, милостивый государь, об этом прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Подписал Л. Дубельт

Ч. V, арк. 366. Відпуск.

№ 179

1850 р. березня 8.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ТУЛЬСЬКОМУ ВІЦЕ-ГУБЕРНАТОРУ С. М. БАРАНОВИЧУ З ПРОХАННЯМ ВИДАТИ О. М. КУЛІШ ПАСПОРТ ДЛЯ ПОЇЗДКИ В ЧЕРНІГІВСЬКУ ГУБЕРНІЮ ТА ПОВІДОМИТИ ЧЕРНІГІВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ЗА НЕЮ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Его превосходительству С. М. Барановичу

8 марта 1850 г., № 481

Милостивый государь Станислав Михайлович!

Жительствующая в г. Туле жена чиновника Тульского губернского правления Кулиша обратилась ко мне с просьбою о дозволении ей отправиться в Черниговскую губ. к проживающим там родственникам ее [611].

Хотя г-жа Кулиш, вследствие дела, по которому причастен был муж ее, состоит под секретным надзором, но имея в виду высочайшее повеление, коим разрешен свободный переезд из одной губернии в другую, и лицам, состоящим под надзором, я нахожу возможным дозволить г-же Кулиш отправиться в Черниговскую губ. с тем, однако, чтобы в местах ее пребывания имелось за нею секретное наблюдение.

Сообщая об этом вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, не изволите ли вы, сделав распоряжение о выдаче г-же Кулиш установленного на проезд вида, отнестись к начальнику Черниговской губ. об учреждении за нею во время пребывания ее в означенной губернии секретного полицейского надзора и о последующем почтить меня вашим уведомлением [612].

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном уважении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. V, арк. 367. Відпуск.

№ 180

1850 р. березня 18.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПОДЯКОЮ ЗА ДОЗВІЛ ЙОГО ДРУЖИНІ О. М. КУЛІШ ВИЇХАТИ З ТУЛИ В ЧЕРНІГІВСЬКУ ГУБЕРНІЮ ДЛЯ ПОБАЧЕННЯ З МАТІР'Ю

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Ваше превосходительство, милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Никогда благодеяние не чувствуется сильнее, как во время горестного упадка духа. Письмо вашего превосходительства от 8 марта [613] возвратило моей жене спокойствие и одно это уже обоих нас оживило. Но еще более обрадовали нас сообщенные мне вами милостивые слова его сиятельства гр. Алексея Федоровича Орлова. На них я основываю, как на твердом камне, свою будущность и благословляю провидение, которое, открыв мне несчастьями глаза на мои заблуждения, предало меня в руки таких судей, которых я почитаю лучшими друзьями человечества.

Принося вашему превосходительству мою душевную благодарность за ваше великодушное обо мне ходатайство, покорнейше прошу вас передать его сиятельству мою глубочайшую признательность за человеколюбивые в отношении ко мне намерения и уверить его сиятельство, что я теперь не тот вредный мечтатель, каким являлся в своих ветренных сочинениях, что жизнь и ее бедствия меня образумили, что действия правительства, увиденные мною непосредственно, примирили с собою мои филантропические идеи и что, если его сиятельству угодно будет извлечь меня из беды, в которую повергли меня мои заблуждения, то найдет во мне человека, заботящегося об исполнении только ближайших своих обязанностей и высоко ценящего благодетельные действия правительства.

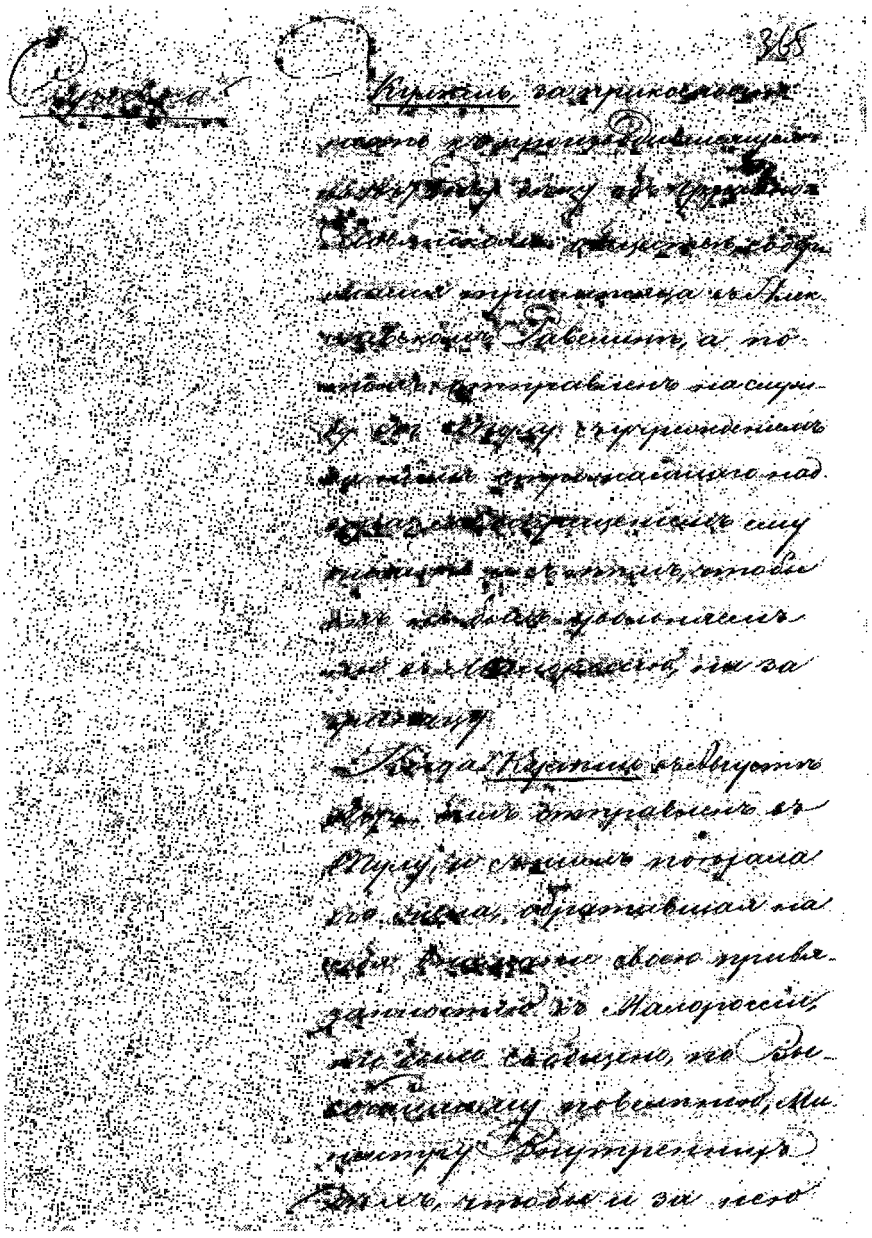
С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

П. Кулиш

1850, марта 18, Тула

Помітка про одержання: 28 марта 1850 г.

Ч. V, арк. 368. Автограф.



З довідки III відділення про П. О. Куліша

№ 181

1850 р. червня, після 9 [614].— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО П. О. КУЛІША

В марте месяце находящийся в Туле чиновник Кулиш просил о дозволении жене его отправиться в Черниговскую губ. к проживающим там ее родственникам [615].

На сие было ответствовано, что гр. изъявил на просьбу его согласие, и дано при том ему знать, что относительно собственного его положения гр. Алексей Федорович при первом удобном случае будет стараться быть ему полезным [616].

Кулиш определен недавно помощником редактора «Тульских губернских ведомостей» с жалованьем по 180 р[уб]. в год.

Ч. V, арк. 369. Оригінал.

№ 182

1850 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ ТУЛЬСЬКОГО ВІЦЕ-ГУБЕРНАТОРА С. М. БАРАНОВИЧА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВИДАЧУ О. М. КУЛІШ КВИТКА ДЛЯ ПОЇЗДКИ В ЧЕРНІГІВСЬКУ ГУБЕРНІЮ І НАДІСЛАННЯ ЛИСТА ЧЕРНІГІВСЬКОМУ ГУБЕРНАТОРУ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ЗА НЕЮ ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

30 мая 1850 г., № 423, Тула

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

На основании разрешения вашего сиятельства от 8 марта за № 481 [617], от меня жена чиновника Кулиша снабжена билетом на проезд в Черниговскую губ. и с тем сообщено тамошнему гражданскому губернатору об учреждении за нею во время пребывания в губернии секретного полицейского надзора.

О чем имею честь вашему сиятельству донести. С истинным почтением и совершенной преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

Станислав Бараиович

Помітка про одержання: 9 июня 1850 г.

Ч. V, арк. 370. Оригінал.

№ 183

1850 р. червня 12.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКОВІ 5-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ О. А. ШНЕЛЮ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ НАГЛЯДУ ЗА О. М. КУЛІШ ПІД ЧАС ІІ ПЕРЕБУВАННЯ В ЧЕРНІГІВСЬКІЙ ГУБЕРНІІ

Секретно

Его превосходит[ельству] А. А. Шнелю

12 июня 1850 г., № 1239, в С.-П[етер]бурге

Милостивый государь Александр Андреевич!

Управляющий Тульской губ. уведомил меня, что жена чиновника 9-го класса Кулиша, прикосновенного к делу об открытом в 1847 г. Украйно-славянском тайном обществе, которая обратила на себя внимание правн-

тельства чрезмерной любовью к Малороссии и потому из предосторожности подвергнута секретному надзору — по выданному ей билету выехала в Черниговскую губ. для свидания с родственниками.

Сообщая о сем вашему превосходительству и предлагая вам сделать распоряжение, дабы за г-жею Кулиш по прибытию ее в означенную губернию имелось секретное наблюдение и со стороны корпуса жандармов, долгом считаю удостоверить вас, милостивый государь, в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. V, арк. 371. Відпуск.

№ 184

1850 р. червня 7.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ НАДРУКУВАТИ В ОДНОМУ ІЗ ЖУРНАЛІВ ПЕРШУ ЧАСТИНУ ІСТОРИЧНОГО РОМАНУ «СЕВЕРЯКИ»

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Ваше превосходительство, милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Представляя при этом первую часть моего исторического романа под заглавием «Северяки» [618], покорнейше прошу ваше превосходительство напомнить его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову милостивое его обещание исходатайствовать для меня высочайшее разрешение печатать мои сочинения. Роман этот не может в настоящее время быть мною окончен по недостатку у меня средств для изучения русской старины. Живя в столице, я мог бы пополнить свои сведения по этой части в публичной библиотеке, или достать нужных мне книг на время иным образом, но в Туле всякую книгу я должен выписывать за наличные деньги, что при нынешней моей бедности решительно невозможно. Эта-то причина заставляет меня обратиться чрез посредство вашего превосходительства, всегдашнего моего покровителя, с покорнейшею просьбою к его сиятельству об исходатайствовании мне высочайшего разрешения напечатать первую часть моего исторического романа в одном из журналов, дабы на вырученные за это деньги я мог выписать книги, необходимые для дополнения моих сведений по части русской археологии, и таким образом получил бы возможность продолжать и окончить литературный труд свой.

С глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

П. Кулиш

1850, июня 7, Тула

Помітка про одержання: 19 июня 1850 г.

Ч. V. арк. 372. Автограф

№ 185

1850 р. червня, не раніше 19, не пізніше 22 [619].
ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ЗАБОРОНУ П. О. КУЛІШЕВІ ДРУКУВАТИ СВОЇ ТВОРИ

Справка. В ноябре 1847 г. Кулиш обращался к вашему превосходительству с просьбою об исходатайствовании ему дозволения печатать его сочинения [620], присовокупляя, что таковое разрешение при крайней бедности его было бы поддержкою к его существованию.

На сие ваше превосходительство изволили ответствовать Кулишу, что гр. Алексей Федорович признал рановременным входить с докладом

по означенной его просьбе, но что при этом его сиятельство отозвался, что просьбу его будет иметь в виду, и чтобы он продолжал литературные свои труды, а к сему ваше превосходительство изволили присовокупить, чтобы Кулиш по окончании предпринятого им сочинения доставил оное в III отделение [621].

Ч. V, арк. 373. Оригінал.

№ 186

1850 р. червня 22.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО П. О. КУЛІША З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗАБОРОНУ О. Ф. ОРЛОВИМ ДРУКУВАТИ ПЕРШУ ЧАСТИНУ РОМАНУ «СЕВЕРЯКИ» І ЗАПИТОМ, ЯКІ ЙОМУ ПОТРІБНІ КНИГИ ДЛЯ ЗАКІНЧЕННЯ РОМАНУ

Его благородию П. А. Кулишу

22 июня 1850 г., № 1314

Милостивый государь Пантелеймон Александрович!

Письмо ваше, в котором вы просите моего ходатайства о дозволении напечатать 1-ю часть вашего исторического романа «Северяки» [622], я имел честь докладывать г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову.

Гр. Алексей Федоровнч, находя неудобным печатание одной части сочинения, которое еще не кончено и может замедлиться окончанием, полагает, что было бы лучше приступить к поданию означенного романа, когда вами будут написаны все части оного, но так как вы объясняете, что для продолжения вашего труда встречаете вы надобность в некоторых книгах, то его сиятельство, желая помочь вам в приобретении оных, изволил мне поручить спросить вас, милостивый государь, какие именно книги признаете вы для окончания вашего романа необходимыми.

Возвращая посему доставленную вами рукопись вашего сочинения, имею честь удостоверить вас в истинном почтении и преданности.

Подписал Л. Дубельт

Ч. V, арк. 374, 375. Відпуск.

№ 187

1850 р. червня 17.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА 2-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ С. В. ПЕРФИЛЬЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО РЕЗУЛЬТАТИ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. О. КУЛІШЕМ І ЙОГО ДРУЖИНОЮ

Секретно

Шефу жандармов, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

Июня 17 дня 1850 г., № 61, Москва

Из Тулы корпуса жандармов полковник Шварц доносит, что состоящий там под секретным надзором бывший учитель С.-Петербургской гимназии губернский секретарь Пантелеймон Кулиш в настоящее время состоит на службе при Тульском губернском правлении редактором неофициальной части губернских ведомостей с жалованием по 1000 руб. ассиг[нациями] в год. Жизнь ведет скромную и уединенную и в образе суждения и действиях его, равно и жены его Александры Кулиш (которая в недавнем времени с разрешения начальства выехала в Малороссию), доселе ничего предосудительного не замечено.

О чем я долгом считаю донести вашему сиятельству в дополнение докладной записки моей от 21 декабря 1849 г. за № 138 [623].

Генерал-лейтенант Перфильев

Помітка про одержання: 21 июня 1850 г.

Ч. V, арк. 376. Оригінал.

№ 188

1850 р. липня 1.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО НАДІСЛАННЯ СПИСКУ КНИГ, ПОТРІБНИХ ЙОМУ ДЛЯ ЗАКІНЧЕННЯ РОБОТИ НАД РОМАНОМ «СЕВЕРЯКИ»

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Ваше превосходительство, милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Вследствие почтеннейшего вашего письма от 22 июня [624], честь имею редставить на благоусмотрение его сиятельства гр. Алексея Федоровича)рлова список книг, нужных мне для изучения отечественной старины [625], ричем позвольте почтительнейше доложить вашему превосходительству, то, хотя некоторые из них по своему содержанию и не имеют прямого отошения к избранной мною для изображения в романе эпохи, но, как в наках точных, для специальной обработки какого-нибудь предмета потребо предварительно обнять все прикосновенные к нему области ведения, так в деле литературном надобно сперва бросить на пройденную народом жизнь бширный взгляд для того, чтобы понять характер и значение избранного ля художественной обработки исторического момента. Поэтому, желая рочитать такое количество книг, я не увлекаюсь безотчетною жаждою нания, но совершенно убежден, что без знакомства с предшествовавшим анной эпохе и последовавшим за нею, невозможно возвести для себя поня ия о ней до поэтически-освязательной ясности. Кроме того, одностороннее зучение предмета не дает писателю вдохновения, то есть этого живого предтавления в уме лиц и событий, которое можно назвать пророчеством миувшего: вдохновение получается им гогда только, когда он обнимет минувую жизнь во всех ее проявлениях. На этом основании для меня, как для исателя исторического романа, чтение, например, юридических старинных актов столь же важно, как и чтение летописей, как и изучение народых обычаев, как и наглядное знакомство с изображениями древних зданий, дежд, утварей и других предметов общественного и частного быта наших редков.

В заключение позвольте, ваше превосходительство, выразить пред ва и восторг, в который привело меня милостивое письмо ваше. Он уменьшася только от сознания недостаточности моих способностей для оправда ия высоко оцененного мною поощрения, которого его сиятельству и ваему превосходительству угодно было удостоить литературные мои заня ия. По крайней мере позвольте уверить вас, что я употреблю все старания, обы по мере сил моих достойным образом воспользоваться обещанным не столь великодушно пособием.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь ять, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший луга

П. Кулиш

50, июля 1, Тула

омітка Л. В. Дубельта: Он пишет исторический роман «Северяки». 1-ю сть написал. Оставить без ответа до 25 июля.

омітки: Внесено в ведомость до 25 июля. Реестр отдан казначею.

омітка про одержання: 8 июля 1850 г.

V, арк. 377, 378. Автограф.

№ 189

1850 р. липня 1 [626].— ПЕРЕЛІК КНИГ, СКЛАДЕНИЙ П. О. КУЛІШЕМ, ПОТРІБНИХ ЙОМУ ДЛЯ ЗАКІНЧЕННЯ ІСТОРИЧНОГО РОМАНУ «СЕВЕРЯ» З ЗАЗНАЧЕННЯМ ІХ ЦІНИ

1.	Полное собрание русских летописей [627], тома 2-й, 3-й и 4-й (1-й куплен)	4 р.
2.	«Акты Археологической экспедиции», 4 тома	10 р.
3.	«Акты исторические» [628], 5 томов	10 р.
4.	«Алфавитный указатель к актам историческим» [629]	75 к.
5.	«Дополнения к актам историческим» [630], 2 тома	4 р.
6.	«Акты, относящиеся к истории Западной России» [631], 2-й том (1-й куплен)	2 р.
7.	«Акты на иностранных языках, относящиеся к России», 2 тома	4 р.
8.	«Акты юридические» [632]	2 р. 50 к.
9.	«Выходы государей, царей и великих князей Михайла Федоровича, Алексея Мих[айловича] и Фед[ора] Алексеев[ича]»	4 р.
10.	«О России в царствование Алексея Михайловича», сочинение Котошихина [633]	1 р. 50 к.
11.	Рукопись Жолкевского: «Начало и успех Московской войны», изд. Т. Мухановым [634]	2 р. 85 к.
12.	«Быт русского народа» А. Терещенка [635], 7 томов	6 р.
13.	«Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни». Акты, изд. Киевскою комиссиею [636], 2 тома	8 р.
14.	«Памятники» [637], изд. Киевскою комиссиею, 2 тома	7 р.
15.	«Дворцовые разряды» [638], изданные по высочайшему повелению	3 р.
16.	«Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Калачовым [639]	3 р. 20 к.
17.	«О состоянии женщин в России до Петра Великого», историческое исследование Шульгина [640]	1 р.
18.	«История смутного времени в России» Бутурлина [641], 3 тома	8 р. 50 к.
19.	«Сказания русского народа» Сахарова [642], изд. 3-е, 2 ч.	6 р.
20.	«Об историческом значении царствования Бориса Годунова» Павлова [643]	1 р.
21.	«Труды и летописи императорского московского общества истории и др[евностей] российских» [644], 8 томов	6 р.
22.	«Русские достопамятности», изд. Калайдовичем и Дубенским [645], 3 тома	3 р.
23.	«Русский исторический сборник» Погодина, томы 2-й — 7-й (1-й куплен)	8 р.

24.	«Повествование о России» Арцыбашева [646], тома 1-й и 2-й (3-й куплен)	10 р.
25.	«Временник императорского московского общества истории и древностей российских» [647], 6 ч.	8 р.
26.	«Атлас к истории государства российского», составленный Ахматовым	7 р.
27.	«Историческое описание одежды и вооружения русских войск», тома 1-й и 2-й	15 р. 50 к.
28.	«Древности русского государства» по рисункам Солнцева [648]. 3 выпуска по 30 р[уб]. в Москве	90 р.
29.	«Памятники московской древности», изд. Снегиревым [649]	30 р.
30.	«Достопамятности Московск[ого] Кремля», Вельтмана [650], 2 тома	5 р.
31.	«Достопамятства Москвы», изд. Тромониным, 2 тетр[а]ди	6 р.
32.	«Описание памятников древности церковного и гражданского быта русского музея Коробанова», изд. Филимоновым [651]	20 р.
33.	«Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества», составленная Мартыновым [652], изд. 2-е, 2 тома	3 р. 50 к.
34.	«Русская летопись по Никоновскому списку», издали Шлецер, Башилов и Поленов [653]	7 р.
35.	«Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства» [654]	2 р. 85 к.
36.	«Древняя Российская Вивлиофика», изд. Новиковым [655], изд. 2-е, 20 томов	28 р.
37.	«Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря», сочинение Аврамия Палицина [656], 2-е изд.	90 [к.]
38.	«Описание тринадцати старинных российских государей» Комарова [657]	1 р. 43 [к.]
39.	«Сборник», изд. Павлом Мухановым [658]	2 р. 85 [к.]
40.	«Указатель к сборнику», изд. Мухановым	—
41.	«Каталог историч[еских] памятников», изд. Мухановым [659]	30 к.
42.	«Записки русских людей» Сахарова [660],	3 р.
43.	«Записки Желябужского», изд. Д. Языковым [661]	2 р.
	Итого	349 р. 63 к.

Помітка Л. В. Дубельта: До графа.

Ч. V, арк. 379, 380. Автограф.

№ 190

1850 р. листопада 14.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ ВИЇХАТИ ДО МОСКВИ ДЛЯ ЛІКУВАННЯ

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Ваше превосходительство, милостивый государь Леонтий Васильевич!

Позвольте обратиться к вам с покорнейшею просьбою — представить его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову бедственное положение, до которого я дошел, живя четвертый год в Туле, и исходатайствовать мне хотя некоторое облегчение. Вашему превосходительству известно, что государь император помиловал меня от жизни в Вологде только вследствие отзыва о моем расстроенном здоровье со стороны врачей, назначенных для освидетельствования меня в военном госпитале. Претерпенное мною душевное потрясение от переворота моей судьбы было так сильно, что я с того времени не мог поправить своих сил; притом же в Туле во все эти три с половиною года я терпел и терплю только лишения всякого рода и неразлучные с ними физические и нравственные страдання. Не говорю уже о снедающей меня горести, очень понятной для всякого, кто знает, на какой дороге я был прежде и где очутился теперь. Все это вместе подействовало на мой организм так разрушительно, что меня может спасти только систематическое лечение опытных врачей. Тула же представляет очень мало медицинских пособий и все они оказались безуспешными: мне с каждым месяцем делается хуже и хуже. Согласитесь, ваше превосходительство, что очень грустно умирать в моих летах и осиротить бедную женщину, которая и без того уже сделалась жертвою моих несчастий. Умоляю вас исходатайствовать мне у его сиятельства разрешение переехать на четыре месяца в Москву для исцеления моих болезней у тамошних знаменитых медиков. Просьба моя очень скромна, я прошу только пощадить мою жизнь. Ничего другого я просить не смею, при всей крайности, до которой дошел я в Туле, не получая около трех лет никакого жалованья и потом живя только тысячею руб. ассигнациями.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

П. Кулиш

1850 г., ноября 14, Тула

Резолюція Л. В. Дубельта: Ожидать разрешения.

Помітка про одержання: 22 ноября 1850 г.

Ч. V, арк. 381, 382. Автограф.

№ 191

1850 р. листопада, після 14.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ДОЗВІЛ П. О. КУЛІШУ В БУДЬ-ЯКОМУ МІСТІ КРАЇНИ ЖИТИ І СЛУЖИТИ ЗА ВИНЯТКОМ СИСТЕМИ МІНІСТЕРСТВА НАРОДНОЇ ОСВІТИ

Пантелеймону Кулишу в 25-летие царствования государя императора высочайшее дозволено жить и служить везде, не исключая столиц и Малороссии; но воспрещено определять по министерству народного просвещения и повелено иметь до времени за ним секретный надзор.

См. 8-ю часть дела 1850 г. под № 185 о милостях к 25-летию.

Ч. V, арк. 383. Оригінал.

№ 192

1850 р. листопада, після 14.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ О. М. КУЛІШ ВІД ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ПОЛІЦІЇ

Александру Кулиш в 25-летие царствования государя императора вы-ючайше дозволено освободить от надзора.

См. 8-ю часть дела 1850 г. под № 185 о милостях к 25-летию.

. V, арк. 384. Оригінал.

№ 193

1850 р. грудня 19.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОДЯКОЮ ЗА ДОЗВІЛ ЖИТИ В БУДЬ-ЯКОМУ МІСТІ ІМПЕРІЇ

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

Ваше сиятельство, милостивый государь, гр. Алексей Федорович!

Милость ко мне государя императора превзошла мои ожидания. По-имаю, как много я в этом случае обязан благодетельному представитель-ву вашего сиятельства. От глубины души приношу вам мою покорнейшую лагодарность. Позвольте уверить вас, что я не обману дарованной вами не доверенности и употреблю все силы, чтобы быть достойным ваших бла-деяний.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь ыть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

П. Кулиш

50, дек[абря] 19, Тула

омітка про одержання: 29 декабря 1850 г.

. V, арк. 385. Автограф.

№ 194

1850 р. грудня 23.— ВІДНОШЕННЯ В. О. ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. ЖДАНОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІД'ЇЗД П. О. КУЛІША У ВІДПУСТКУ В ГЛУХІВСЬКИЙ ТА БОРЗНЯНСЬКИЙ ПОВІТИ ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

В III отделениие с. е. и. в. канцелярии

: декабря 1850 г., № 14721, Тула

Находящийся на службе в Тульском губернском правлении помощни-ом редактора «Губернских ведомостей», состоящий под надзором полиции убернский секретарь Кулиш согласно просьбе его и на основании высочай-его повеления, объясненного в предписании г-на министра внутренних ел от 6-го сего декабря за № 471, коим разрешено служить и жить ему, улишу, везде, не исключая Малороссии и столиц, уволен мною по просьбе его в отпуск в Глуховский и Борзенский уезды Черниговской губ. и в .-Петербург сроком на двадцать восемь дней.

О чем имею честь довести до сведения III отделения с. е. и. в. канцеля-ии.

сполняющий должность гражданского губернатора,
председатель казенной палаты Ждановский

Правитель канцелярии Климов (?)

омітка про одержання: 30 декабря 1850 г.

V, арк. 386. Оригінал.

№ 195

1851 р. січня 4.— ВІДНОШЕННЯ ЧЛЕНА ДЕРЖАВНОЇ РАДИ О. В. КОЧУБЕЯ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПОДАТИ НА РОЗГЛЯД ЦЕНЗУРИ РОМАН П. О. КУЛІША «ПЕТР ИВАНОВИЧ БЕРЕЗИН» [662], НАДІСЛАНИЙ НИМ РАЗОМ З ЛИСТОМ

Вследствие вашего обещания, почтеннейший Леонтий Васильевич, препровождаю при сем роман г-на Кулиша, им мне доставленный, уверен, будучи в всегдашнем вашем расположении к доброму делу, я нимало не сомневаюсь, что вы дадите законный ход сочинению сочинителя и исходатайствуете позволение цензуры. Чувствительно обяжете меня, уведомив о исполнении моей просьбы. Пользуясь сим случаем, чтобы излить вашему превосходительству искреннейшую мою благодарность за милостивое разрешение гр. Алексеем Федоровичем судьбы молодого Белозерского. Вы сделали доброе дело, за которое бог наградит вас.

Примите уверения истинного моего почтения и совершенной преданности.

А. Кочубей

4 генваря 1851 г.

Сию записку и пакет при сем присылаемый поручил я доставить вашему превосходительству старшему брату осчастливленного вами г. Белозерского.

Резолюція Л. В. Дубельта: Прошу мне доложить.

Помітка про одержання: 13 января 1851 г.

Ч. V, арк. 387. Оригінал.

№ 196

1851 р. січня 20.— ВИСНОВОК III ВІДДІЛЕННЯ ПРО НЕОБХІДНІСТЬ ЗАБОРОНИТИ ДРУКУВАТИ РОМАН П. О. КУЛІША «ПЕТР ИВАНОВИЧ БЕРЕЗИН»

Чиновник Кулиш представил чрез члена государственного совета А. В. Кочубея роман своего сочинения под заглавием «Петр Иванович Березин и его семейство, или люди, во что б ни стало, решившиеся быть счастливыми» [663].

Содержание романа следующее:

Помещик Смоленской губ. Березин прожил несколько лет в С.-Петербурге, столько пленился умственными наслаждениями, чтением книг, музыкою, живописью и проч[ее], что все другие занятия ему казались недостойными образованного человека. Не ограничиваясь сам этой мыслию, он вздумал перевоспитать все свое семейство, и вследствие этого юношу-сына, воспитанницу, на которой потом сын его женился, даже пожилых жену свою и свояченицу приучил удаляться от света и находить удовольствие в одних умственных занятиях. Все семейство Березина пришло к тому убеждению, что при всяком другом образе жизни нет счастья и что только они одни счастливы. Они с пренебрежением смотрели на дворян, занимающихся хозяйством и домашними счетами, и на всех, проводящих жизнь в обыкновенных удовольствиях общества. Березин, не находя полного счастия в столице и не надеясь быть покойным в Смоленской губ., где невежды-родственники и знакомые отнимали бы время от умственных наслаждений, купил деревню в Малороссии и в ней поселился со своей семьею, уединяясь от всех, не посещая никого из своих соседей, не стоящих, по его мнению, никакого уважения.

Такая жизнь Березиных, хотя сочинитель представляет ее как образец истинной жизни, есть не более как странность; но в романе Кулиша во многих местах рассеяны мысли и описания, которые могут привести читателя к понятиям, несогласным с порядком вещей в России.

Рассуждая о том, каким образом можно достигнуть счастья, Березины говорят: «Доведи ум свой до постоянной деятельности, до стремления к ясному уразумению явлений физического и нравственного мира; пускай для тебя кусок алебастру будет таким же важным произведением природы, как и кусок золота; пускай относительная ценность предметов не мешает тебе видеть их безотносительно; пускай для твоей мысли не будет оков во временном, условном сцеплении тех или других обстоятельств» (ч. 1, стр. 115). «Только возвысясь до любви общечеловечной, истинно христианской, человек не будет чувствовать бедности своего счастья» (там же, стр. 117).

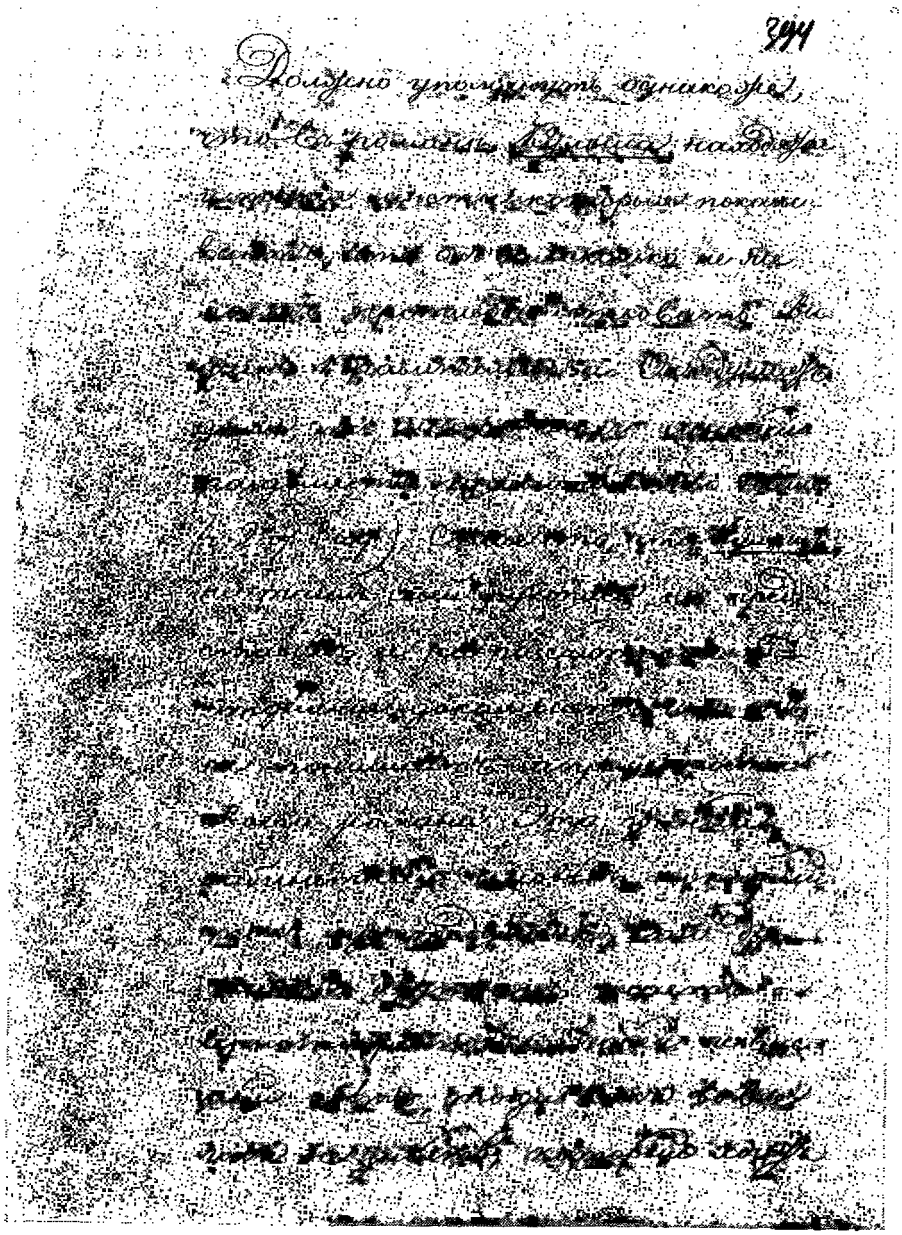
По мнению Березина, людей должно разделять на чернь и нечернь не потому, что один князь или граф, а другой простолюдин, но по большей или меньшей темноте ума их, по большей или меньшей черноте их душ... Евангелие призывает всех равно к спасению (ч. 1, стр. 162).

Особенные нападки в романе устремлены против аристократии. Березин всеми силами старался уничтожить в своем семействе аристократические чувства. Аристократизм называется павлиными перьями, нелепым убеждением, которое пятнает человеческое сердце, препятствует правильному развитию ума и сердца (ч. 2, стр. 156 и 157).

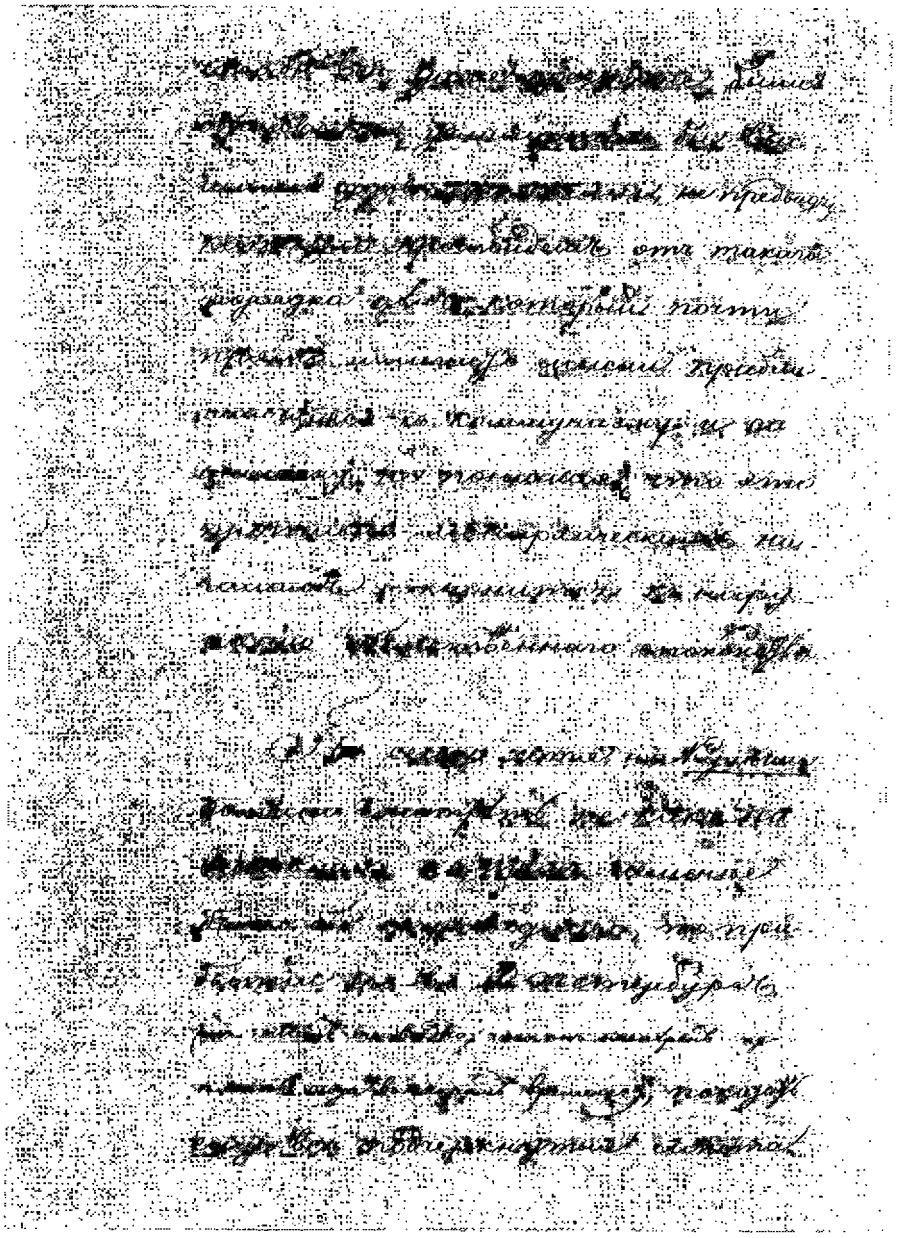
При сравнении жизни дворян с жизнью крестьянина, первая описывается безнравственною, далекою от счастия и менее почтенной, нежели последняя. «Нет на ваших домах»,— говорит крестьянин дворянину,— «господнего благословения» (ч. 2, стр. 45—49). Простолюдинам даже отдается преимущество в возвышенности духа, Березин говорит: «Спасибо, что он, рыбак, не смотрит на меня презрительно с высоты своего мужичества» (там же, стр. 16). Березин надеялся, что время возвысит образ мыслей невестки его (которую считали графскою дочерью) и даст ей силу найти в себе нечто равняющее ее со всякою графинею ..., ожидал, чтобы она сама отреклась от мнимого своего родства, чтобы она возвысилась до равенства с простолюдинами (там же, стр. 189). Рыбак Дундук, сын и другие крестьяне представлены в особенно почетном виде; сочинитель с удивлением отзывается о их суждениях и поступках; упоминая же об аристократии, дворянах, чиновниках и богатых людях, везде говорит о них почти с презрением.

Исправник (отставной гусарский полковник) Бурнасов изображен человеком с самыми низкими чувствами (ч. 1, стр. 135—157). Еще в отвратительнейшем виде представлен помещик Кончук: он бранит и бьет крестьян своих без всякой причины (ч. 2, стр. 115), налагает на них труды без важной надобности, только для того чтобы «видно было, кто пан, а кто хам» (там же, стр. 119). «Иногда,— говорит Кончук,— я сам себе не верю, что я пан, а это мои крестьяне, да и начну колотить, кого попало; как начну, вот и вижу, что точно я пан» (там же, стр. 121). Между крепостными людьми Кончука находится четвероюродный брат его, Дорош, которого он также бьет и которого один раз едва не убил до смерти (там же, стр. 120—123). Крестьяне покоряются этому в том убеждении, что бог устроил так, чтобы мужики мучились на этом свете, а дворяне на том (там же, стр. 124); на вопрос Кончука, что делает покойный отец его на том свете, один из крестьян отвечает: «То же, что и здесь: как здесь лежал он, так и там лежит, а мужики как здесь трудились, так и там трудятся; только не на пуховиках лежит он, а на железной кровати, и мужики ни под казаны дрова таскают, а под его бока; то и тебе от нас на том свете будет» (там же, стр. 125).

Далее представлена картина еще более неуместная. Кончук, поверив крестьянам, что люди все равны и что дворяне на том свете будут му-



З висновку III відділення про необхідність заборонити



друкувати роман П. О. Куліша «Петр Иванович Березин»

читься, решился быть мужиком. «Не хочу быть паном,— сказал он,— не хочу, не хочу. Берите меня и давайте мне хлосту; я вам говорю, берите! Не буду я кипеть в смоле, не хочу быть паном, буду таким мужиком, каким меня господь создал! Всех нас господь создал мужиками. Что мне это панство? Я и хотел быть мужиком, да не дали мне лихие люди пожить на свете по-людски». Некоторые из крестьян уже готовились бить своего помещика и едва были удержаны Дорошем. Сцена однако же этим не оканчивается. Кончук приглашает к себе в дом всех мужиков; господские комнаты наполнились мужиками, которые вместе с помещиком пировали, кричали. Сочинитель, называя это «политическим переворотом в царстве Кончука», не только не видит тут ничего странного, но находит хорошие природные свойства в этих крестьянах и спрашивает: «Что же будет с этим народом, когда дух европейской образованности проникнет и в это мрачное захолустье» (ч. 2, стр. 124—129). В другом месте сочинитель говорит: «Малороссияне лежат головою в Европе, а ногами в Азии: они очень способны возвышаться из закоренелой невежественности до всевозможных утонченностей просвещения» (там же, стр. 164).

Семейство Березиных представлено в совершенной противоположности с Кончуком и другими помещиками. Здесь отец обращается с сыном не как отец, а как друг; здесь людям не приказывают подать стакан воды и тому подобное, но господа делают все, что сами могут сделать. Березин только начал этот порядок в своем семействе; полного же развития этого порядка ожидает от внуков и правнуков своих, которые пойдут еще далее (ч. 2, стр. 31—33). Впрочем, и у Петра Ивановича Березина порядок этот уже сильно развился. Находящийся у него в услужении отставной солдат Осип напился пьян; на вопрос Березина: «Что с тобой?» Он отвечает: «Виноват, Петр Иванович..., т. е. я сказал бы виноват, да у вас все на нную стать против других господ; у вас я как в собственном доме: беру что хочу, и хоть напьюсь до пьяна, не будет от вас худого мне слова» (там же, стр. 18 и 19). Семью свою Березин называет «аристократическо-демократическою семьею» (там же, стр. 166).

В сочинении Кулиша есть и другие места, по которым вообще весь роман не может быть напечатан. Все эти места в рукописи подчеркнуты красным карандашом.

Должно упомянуть однако же, что в романе Кулиша находятся и такие места, которые показывают, что он нисколько не желает противодействовать видам правительства. Он думает даже, что многие из его мыслей разделяет правительство наше (ч. 2, стр. 8 и 9); самое то, что Кулиш не таил своей рукописи, но представил ее на рассмотрение III отделения, доказывает, что он не понимает запрещенности своего романа. Это ученый, кабинетный человек, который так простодушен, что думает, будто он знает аристократов, богачей и высший свет, тогда как вовсе их не знает; который хочет, чтобы все, даже крестьяне, были образованы, услаждались бы высшими удовольствиями, не предвидя, какое зло произойдет от такого порядка дел, который почти прямо излагает мысли, приближающиеся к коммунизму и социализму, не понимая, что это противно монархическим началам и клонится к нарушению общественного спокойствия.

Посему, хотя на Кулиша должно смотреть не как на виновного, но тем не менее было бы справедливо по прибытии его в С.-Петербург (из писем его видно, что он намерен приехать сюда в скором времени) показать ему все подчеркнутые места в его рукописи, объяснить ему противозаконность и вред многих его мыслей, и строго внушить ему, чтобы он ни под каким видом не дозволял себе ни рассуждений, ни сочинений вроде представленного им романа.

20 января 1851 [664]

Ч. V, арк 388—395. Оригінал.

№ 197

1851 р. січня 24.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО П. О. КУЛІША З ЗАСУДЖЕННЯМ ІДЕЙ, ВИСЛОВЛЕНИХ У РОМАНІ «ПЕТР ИВАНОВИЧ БЕРЕЗИН» І ВИМОГОЮ НАДІСЛАТИ У III ВІДДІЛЕННЯ ВСІ ЧЕРНЕТКИ, ЩО СТОСУЮТЬСЯ РОМАНУ

Секретно

Его высокоблагородию П. А. Кулишу

24 января 1851 г., № 141

Милостивый государь Пантелеймон Александрович!

Гр. Алексей Федорович Орлов, замечая из многочисленных писем ваших, что вы глубоко раскаивались в прежнем образе мыслей, вполне восчувствовали понесенное вами изыскание и описывали положение ваше в самом стесненном виде, принимал в вас живое участие и в недавнем времени исходатайствовал для Вас все, о чем вы несколько лет просили. Его сиятельство сам искренно радовался дарованной вам монаршею милостию, полагая, что это еще более укрепит вас на пути благоиамеренности, но ныне столько же огорчен был мыслями и описаниями, помещенными в романе вашем, доставленном через г-на члена государственного совета Кочубея, под заглавием: «Березии».

В этом романе вы стараетесь отыскивать в крестьянах возвышенные чувства, а в высшем сословии одни недостатки, сравниваете эти сословия и везде отдаете предпочтение простолюдинам. По мнению действующих лиц вашего романа, крестьянин должен бы смотреть на господина презрительно с высоты своего мужичества; отречься от родства с графскою фамилиею—значит возвыситься до равенства с простолюдинами; аристократия — павлиные перья, нелепое убеждение, пятнающее человеческое сердце; относительная ценность вещей не должна препятствовать видеть их безотносительно; людей надлежит разделять на чернь и нечернь, по большей или меньшей темноте ума их, по большей или меньшей черноте душ их; всех нас господь создал мужиками; только крестьянская жизнь есть жизнь людская; на домах дворянских нет господнего благословения, помещики на этом свете мучат крестьян, а на том свете крестьяне будут их мучить; дворяне, занимающиеся своим хозяйством, домашними счетами и общественными удовольствиями, не заслуживают никакого уважения, образцом же истинной жизни представлено дворянское семейство, которое предано чтению книг, музыке, живописи и подобным наслаждениям, в доме которого отец обращается с сыном не как отец, а как друг, людям не приказывают, но господа сами делают все, что могут сами сделать, и служитель (отставной солдат) берет, что хочет; это семейство, названное в романе аристократическо-демократическим, старается распространить в черном народе грамотность и ожидает чрезвычайно счастливых событий, когда на весь народ прольется европейская образованность. Словом, роман ваш исполнен коммунистических и социальиых мыслей, проникнут теми новыми пагубными учениями, которые подрывают все святые основы благоустроенных обществ и от которых произошло и происходит столько бедствий в Западной Европе.

Гр. Алексей Федорович, прочитав сочинение ваше изумился, до каких ложных суждений о людях и о счастьи народном, дошли вы в чаду вашей мнимой образованности. Неужели, по вашему мнению, счастие в Западной Европе; неужели вы не видите, что там нет ни веры в бога, ни уважения к властям, ни порядка, ни спокойствия, и что до этой бездны доведены государства именно теми путями, которые вы раскрываете в вашем романе.

Его сиятельство не только советует, но и приказывает вам решительно забыть те идеи, которые, к несчастию, так глубоко вкоренились в уме вашем и которые не изменились даже после внушений, сделанных вам в 1847 г.; и если вы не можете дать иного, более прямого и справедливейшего направления вашим мыслям и понятиям, то лучше ничего не пишите: ибо подобные письмена рано или поздно неминуемо приведут вас и ваше семейство к такому бедствию, которого уже никакая власть и никакое участие не в состоянии будут отклонить от вас.

Передавая вам такое приказание его сиятельства и с своей стороны советуя вам во всей строгости исполнить данное вам наставление, я покорнейше прошу вас с первою же почтою доставить ко мне все черновые бумаги, относящиеся до вашего романа.

Подписал Л. Дубельт

Ч. V, арк. 396—399. Відпуск.

№ 198

1851 р. січня 24.— ВІДНОШЕННЯ ТУЛЬСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАДАННЯ П. О. КУЛІШУ ВІДПУСТКИ НА ТРИ МІСЯЦІ ДЛЯ ПОЇЗДКИ В ПЕТЕРБУРГ

24 января 1851 г., № 937, Тула

В III отделение с.е.и.в.. канцелярии

Находящийся на службе в Тульском губернском правлении помощником редактора «Губернских ведомостей», состоящий под надзором полиции губернский секретарь Кулиш согласно прошению его и на основании высочайшего повеления, объясненного в предписании г-на министра внутренних дел от 6 минувшего декабря за № 471, коим разрешено ему служить и жить везде, ие исключая Малороссии и столиц, уволен мною в отпуск в С.-Петербург сроком на три месяца.

О чем имею честь довести до сведения III отделения с. е. и. в. канцелярии.

Генерал-майор
Правитель канцелярии [665]

Помітка про одержання: 2 февраля 1851 г.

Ч. V, арк. 400. Оригінал.

№ 199

1851 р. лютого 3.— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКОВІ 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ: ВСТАНОВИТИ ТАЄМНИЙ НАГЛЯД ЗА П. О. КУЛІШЕМ, ЯКИЙ ПРИБУВ У ПЕТЕРБУРГ

Секретно

Начальнику 1-го округа корпуса жандармов

3 февраля 1851 г., № 207

М[илостивый] г[осударь] гр. Николай Егорович!

На днях прибыл в С.-Петербург (состоящий на службе) служащий в Тульском губернском правлении губернский секретарь Пантелеймон Кулиш, который по прикосновенности к делу об Украйно-славянском обществе состоит под секретным надзором.

Предлагая вашему сия[тельст]ву сделать распоряжение, дабы во время нахождения Кулиша в здешней столице имелось за ним секретное наблюдение со стороны корпуса жандармов, долгом считаю присовокупить, что означенный чиновник остановился здесь на квартире у родственника своего статского советника Кармалеева, живущего в Гороховой улице возле Московской части, 3 квартала в доме Добровольского.

Пр[имите], ваше сиятель[ство], увер[ение] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Верно: коллежский секретарь Васильев

Ч. V, арк. 401. Відпуск.

№ 200

1851 р. квітня 2.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ НАДРУКУВАТИ ПЕРЕКЛАДИ З АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ «АЗ ЕСМЪ ИЛИ ГЛАС ИИСУСА В БУРЮ» ТА «ПРИИДИ КО ИИСУСУ».

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Ваше превосходительство, милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Представляя при сем две переведенные мною с английского языка книги под заглавием: 1) «Аз есмъ илн глас Иисуса в бурю» [666] и 2) «Прииди ко Иисусу» [667], честь имею покорнейше просить ваше превосходительство исходатайствовать мне разрешение напечатать оные, если духовная цензура не найдет в них ничего противного учению православной церкви.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

П. Кулиш

1851, апреля 2, С.-Петербург

Помітка про одержання: 4 апреля 1851 г.

Ч. V, арк. 402. Автограф.

№ 201

1851 р. квітня, після 4 [668].— ВИСНОВОК III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПЕРЕКЛАДИ З АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ ТВОРІВ РЕЛІГІЙНОГО І ПОВЧАЛЬНОГО ЗМІСТУ «АЗ ЕСМЪ ИЛИ ГЛАС ИИСУСА В БУРЮ» ТА «ПРИИДИ КО ИИСУСУ»

Губернский секретарь Кулиш, представив две переведенные им с английского языка книги под заглавием: 1. «Аз есмъ или глас Иисуса в бурю» и 2. «Прииди ко Иисусу», просит исходатайствовать разрешение напечатать оные, если духовная цензура не найдет в них ничего противного учению православной церкви.

По внимательном рассмотрении рукописей оказалось:

В первой книге: «Аз есмъ или глас Иисуса в бурю» сочинитель к тому событию, когда апостолы, переплывая Галилейское море, были настигнуты бурею, и когда Иисус Христос, прошедший по волнам, спас учеников своих от потопления, применяет бедствие человеческой жизни. Он доказывает, что во всех болезнях и несчастиях мы должны уповать на бога и призывать его на помощь; что не силы наши, не средства человеческие, а он один избавляет нас от бедствий. Но для этого мы должны соделаться достойными его

милостей и веровать в него без всяких колебаний: тогда и в болезнях, и несчастиях, как апостолы на море, мы услышим глас Иисуса: «аз есмъ», и он избавит нас от всяких страданий.

Во второй книге: «Прииди ко Иисусу» сочинитель убеждает всех христиан: и малых, и возмужалых, и престарелых не медлить обращением к богу, но тотчас раскаяться во грехах, исполнять все повеленное богом и до конца жизни стараться быть достойным его милосердия.

Обе книги вполне религиозного и нравственного содержания без всяких применений к гражданским или политическим событиям, и вообще написаны вроде проповедей, какие произносятся в церквах.

Справка. В 1847 г. при производстве дела об Украйно-Славянском обществе падало подозрение и на Кулиша, который в то же время был арестован.

По исследованию оказалось, что он хотя находился в дружеских отношениях с виновными по упомянутому делу, но сам участия не принимал в составлявшемся Украйно-славянском обществе. К обвинению же его представилось то, что он в найденных у него бумагах и в изданных им сочинениях выражал неумеренную любовь к родине своей Малороссии, с восторгом описывал дух прежнего казачества и наезды гайдамаков, приводил песни украинские, в которых выражается любовь к вольности; описывал распоряжения русских государей, начиная со времен императора Петра I, в виде угнетения и подавления прав Малороссии.

Во внимание к искреннему раскаянию Кулиша, который, как только объяснили ему неправильное направление его мыслей, сам с ужасом увидел вред, могущий произойти от его сочинений, он был по высочайшему повелению заключен в крепость на 4 месяца и потом отправлен в Тулу на службу, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора и с тем, чтобы не увольнять его ни на родину, ни за границу; напечатанные же им сочинения запрещены. Сверх того предполагалось, чтобы цензура обращала строжайшее внимание на его сочинения; против последнего пункта его и. в. собственноручно написать соизволил: «Запретить писать».

Кулиш в первый же год бытности в Туле просил о дозволении ему печатать свои сочинения, надеясь литературными трудами своими приобретать небольшой доход для поддержания своего семейства [669]. Как письма его исполнены были раскаяния и готовности следовать направлению, которое внушено было ему при следствии, то по приказанию вашего сиятельства ему ответствовано, что ходатайствовать о высочайшем разрешении ему печатать сочинения еще рановременно, но он может продолжать литературные труды и представлять свои сочинения в III отделение [670].

После того Кулиш в разное время представил два сочинения, но одно «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца» [671] по отзыву министра народного просвещения, которому было препровождаемо, оказалось со многими ошибками против исторических фактов; а другое — роман под заглавием «Петр Иванович Березин» [672] по рассмотрении в III отделении признано подлежащим запрещению, ибо в нем помещены многие описания и мысли, доказывающие, что сочинитель как человек кабинетный не знает ни людей, ни того, от каких мыслей и какой вред может произойти. Последняя рукопись Кулиша оставлена при делах III отделения.

Между тем, Кулиш в продолжение трех лет бытности в Туле отличал себя скромным поведением и постоянно заслуживал одобрительные отзывы местного начальства. Посему в ноябре 1850 г. между милостями, дарованными другим лицам, и Кулишу высочайше разрешено жить и служить везде, не исключая столиц и Малороссии, но не определять его по министерству народного просвещения и иметь за ним до времени секретный надзор. Высочайшее же воспрещение писать остается в своей силе.

Соображение. К изданию представленных ныне Кулишем переводов нет препятствия, но на это, если угодно будет вашему сиятельству, следует исходатайствовать высочайшее разрешение, и как Кулиш еще не вполне утвердился в правильном образе мыслей, то было бы нужно в видах осторожности дозволить ему представлять в общую цензуру только те сочинения, которые предварительно будут одобрены III отделением.

Резолюція Л. В. Дубельта: Надо служить и стараться, чтобы его забыли, тогда вспомнят.

Ч. V, арк. 403—406. Оригінал.

№ 202

1851 р. квітня, не пізніше 25.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ З ПРИВОДУ ПОВТОРНОГО ПРОХАННЯ П. О. КУЛІША ДОЗВОЛИТИ НАДРУКУВАТИ ПЕРЕКЛАДИ З АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ ТВОРІВ РЕЛІГІЙНОГО І ПОВЧАЛЬНОГО ЗМІСТУ «АЗ ЕСМЪ ИЛИ ГЛАС ИИСУСА В БУРЮ» ТА «ПРИИДИ КО ИИСУСУ»

Губернский секретарь Кулиш возобновляет убедительную просьбу о дозволении напечатать представленные им в III отделение переводы: ибо англичане Мерилис и товарищи, издающие для бедных брошюры религиозного и нравственного содержания, обещают выдать ему за этот труд деньги, которые для него будут значительным пособием в настоящем положении.

Помітка: Кулишу объявлена прежняя резолюция 25 апр[еля] 1851 г.

Ч. V, арк. 407. Оригінал.

№ 203

1851 р. червня 9.— ВІДНОШЕННЯ ДИРЕКТОРА ІНСПЕКТОРСЬКОГО ДЕПАРТАМЕНТУ О. С. ТАНЄЄВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ЗАПИТОМ ПРО МОЖЛИВІСТЬ ПРИЗНАЧЕННЯ П. О. КУЛІША НА СЛУЖБУ В ДЕПАРТАМЕНТ СІЛЬСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

9 июня 1851 г., № 3390, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Департамент сельского хозяйства сообщил на распоряжение инспекторского департамента о перемещении канцелярского чиновника канцелярии начальника Тульской губ. губернского секретаря Кулиша в штат свой в число чиновников для усиления положенных, присовокупив, что начальник Тульской губ. к таковому перемещению не встречает препятствий.

Имея в виду, что губернский секретарь Кулиш, как ваше сиятельство уведомили меня от 22 октября 1848 г. за № 1916 [673], по высочайшему повелению выслан на службу в Тулу, я долгом считаю предварительно всякого распоряжения с моей стороны по означенному делу, покорнейше просить вас, милостивый государь, почтить меня уведомлением, не было ли впоследствии особого высочайшего повеления касательно дозволения Кулишу служить в другом месте, и изволите ли с своей стороны признавать возможным удовлетворить настоящему ходатайству департамента сельского хозяйства.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Александр Танеев

Помітка про одержання: 12 июня 1851 г.

Ч. V, арк. 408. Оригінал.

№ 204

1851 р. червня 16.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ДИРЕКТОРА ІНСПЕКТОРСЬКОГО ДЕПАРТАМЕНТУ О. С. ТАНЄЄВА ПРО МОЖЛИВІСТЬ ПРИЗНАЧЕННЯ П. О. КУЛІША НА СЛУЖБУ В ДЕПАРТАМЕНТ СІЛЬСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА

Его превосх[одительству] А. С. Танееву

16 июня 1851, № 1025, в Стрельне

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На отношение вашего превосходительства от 9 июня № 3390 [674] имею честь уведомить вас, м[илостивый] г[осударь], что губернскому секретарю Пантелеймону Кулишу по всеподданнейшему моему докладу в ноябре минувшего 1850 г. высочайше разрешено служить везде и по всем ведомствам, кроме ученой части, и потому я с своей стороны не нахожу препятствия к удовлетворению ходатайства департамента сельского хозяйства, о перемещении его на службу в департамент.

Примите, в[аше] пр[евосходительство], уверение в истинном почтении и совершенной преданности.

Под[писал] гр. Орлов

Верно: коллежский советник Клица

Ч. V, арк. 410 [675]. Відпуск.

№ 205

1851 р. жовтня 25.— ДОПОВІДНА ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА 2-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ С. В. ПЕРФИЛЬЄВА ПРО ТЕ, ЩО НАГЛЯДАТИ ЗА П. О. КУЛІШЕМ У ПЕТЕРБУРЗІ НАКАЗАНО ПІДПОЛКОВНИКУ РАКЄЄВУ

Секретно

Шефу жандармов г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

Октября 25 дня, 1851 г., № 85, Москва

Во исполнение высочайшего повеления, изъясненного в секретном предписании вашего сиятельства от 25 августа 1847 г. за № 413 [676], учреждено было наблюдение за бывшим учителем с.-петербургской гимназии 12-го класса Кулишем, находившимся впоследствии на службе в г. Туле, ныне по донесению корпуса жандармов полковника Политковского, по всемилостивейшем разрешении в конце 1850 г., служить ему где пожелает, он уволен был в С.-Петербург в отпуск на три месяца, и о наблюдении за ним во время пребывания его в столице было сообщено местному штаб-офицеру подполковнику Ракееву; после того Кулиш в г. Тулу не возвращался, и, как слышно, он уже поступил в С.-Петербурге на службу в департамент сельского хозяйства.

Я долгом считаю донести о сем вашему сиятельству.

Генерал-лейтенант Перфильев

Помітка про одержання: 1 ноября [18]51 г.

Ч. V, арк. 411. Оригінал.

№ 206

1853 р. травня 7.— ВІДНОШЕННЯ ЧЛЕНА ДЕРЖАВНОЇ РАДИ О. В. КОЧУБЕЯ ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО НАДІСЛАННЯ ПРОХАННЯ П. О. КУЛІША НА ІМ'Я О. Ф. ОРЛОВА

Я стремился побывать у вас, почтеннейший Леонтий Васильевич, чтобы лично просить ходатайства и помощи по просьбе г-на Кулиша у его сиятельства гр. Алексея Федоровича, но нездоровье и дела помешали мне сие исполнить и для того решаюсь прибегнуть к бумаге и перу и письменно просить вас, милостивый государь, вручить его сиятельству прилагаемую при сем просьбу [677] и вместе с тем просить Алексея Федоровича личным моим [письмом] буде найдете сие нужным о принятии под личное его покровительство бедного просителя, вполне заслуживающего милостивого сознания на несчастное его положение. Все, что вы сделали в пользу г-на Кулиша, я приму за особенное мне одолжение. Пользуясь сим случаем, чтобы уверить ваше превосходительство в истинном моем почтении и преданности.

А. Кочубей

7 мая 1853 г.

Резолюція Л. В. Дубельта: Нечего делать.

Помітка про одержання: полу[чено] 14 мая 1853 г.

Ч. V, арк. 412. Оригінал.

№ 207

1853 р. квітня 20.— ПРОХАННЯ П. О. КУЛІША НА ІМ'Я О. Ф. ОРЛОВА ПРО ПІДВИЩЕННЯ ЙОГО У ЧИНІ

Его сиятельству гр. Алексею Федоровичу Орлову

Сиятельнейший граф!

Возвратясь в С.-Петербург из Тулы вследствие милостивого ходатайства вашего сиятельства, я поступил в число чиновников департамента сельского хозяйства министерства государственных имуществ для продолжения моей службы и с течением времени признан был от моего начальства достойным к повышению чином; но на представление свое от 31 января 1852 г. за № 115 департамент сельского хозяйства получил от г-на статс-секретаря Танеева отзыв (от 5 сентября 1852 г. за № 5656), что «государю императору не благоугодно было изъявить на сие высочайшего соизволения». Таким образом, я, к крайней своей горести, увидел, что наказание, которому я имел несчастие подвергнуться за свое легкомыслие шесть лет тому назад, не окончилось великодушным монаршим помилованием меня в Туле и что моя ревностная служба, засвидетельствованная моим начальством, не дает мне права на получение выслуженных мною чинов, столь необходимых для моей дальнейшей карьеры. Сокрушение мое так велико, что я даже не могу согласить в уме своем нынешнего своего положения с благодушным покровительством, которого ваше сиятельство постоянно меня удостоивали, и с монаршим помилованием, которое было следствием ходатайства вашего сиятельства.

Не имея возможности доказать свои верноподданнические чувства ничем другим, кроме ревностного исполнения служебных моих обязанностей, я снова приемлю смелость утруждать вас, сиятельнейший граф, покорнейшею просьбою употребить зависящие от вас меры, дабы представление моего начальства о повышении меня чином, с возвращением мне десятилетнего

старшинства, возымело надлежащее действие и дабы моя усердная служба не была оставлена без установленного законом вознаграждения.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

П. Кулиш

20 апреля 1853 г., С.-Петербург

Помітка про одержання: 14 мая 1853 г.
Помітка Л. В. Дубельта: В 1850 г. ему дозволено служить, где пожелает.

Ч. V, арк. 413—414. Автограф.

№ 208

1853 р. травня 16.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ЧЛЕНА ДЕРЖАВНОЇ РАДИ О. В. КОЧУБЕЯ З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО О. Ф. ОРЛОВ ВІДМОВИВСЯ КЛОПОТАТИСЬ У СПРАВІ П. О. КУЛІША

Его высокопрево[сходительст]ву А. В. Кочубею

16 мая 1853 г., № 859

Милостивый государь Александр Васильевич!

Получив при письме вашего высокопревосход[ительст]ва от 11 мая [678] просьбу губернского секретаря Кулиша об исходатайствовании производства его за выслугу лет в следующий чин [679], я представлял сию просьбу на усмотрение г-на генерал-адъютанта гр. Орлова.

Его сиятельство, имея в виду изъясненный в оной отзыв г-на статс-секретаря Танеева, что на означенное производство не последовало соизволение его и. в., нашел неудобным входить от себя с всеподданейшим докладом по этому предмету.

Считаю долгом сообщить о сем вашему высокопревосходительству, имею честь удостоверить вас, милостивый государь, в истинном уважении и совершенной преданности.

Подписал Л. Дубельт

Верно: коллежский секретарь Васильев

Ч. V, арк. 415. Відпуск.

№ 209

1853 р. грудня 4.— ПОВТОРНЕ ПРОХАННЯ П. О. КУЛІША НА ІМ'Я О. Ф. ОРЛОВА ЗНЯТИ ПЕРЕПОНИ ДЛЯ ПІДВИЩЕННЯ В ЧИНІ ЗА ВИСЛУГУ РОКІВ

Его сиятельству Алексею Федоровичу [680] Орлову

Сиятельнейший граф!

Состоя на службе в департаменте сельского хозяйства министерства государственных имуществ, я встретил препятствие к дальнейшим моим успехам по ней; ибо на представление департамента о производстве меня в следующий мне за выслугу лет чин, с возвращением старшинства за прежнюю мою службу, не последовало высочайшего соизволения, как об этом я уже имел честь докладывать вашему сиятельству письмом моим в начале текущего года [681]. Не имея никакой возможности существовать без службы и ожидая только от нее улучшения своих обстоятельств, я снова прибегаю к высокому покровительству вашего сиятельства и покорнейше прошу вас принять участие в моем затруднительном положении. Вашему сиятельству

угодно было признать меня достойным прощения за необдуманные проступки моих молодых лет, угодно было позволить мне возвратиться в столицу и продолжать здесь службу. На этом основании я получил место в упомянутом департаменте и потом признан от моего ближайшего начальства достойным к повышению чином. Но теперь, когда на его представление не последовало высочайшего соизволения, оно не решается и не решится более представлять меня к чину, и, таким образом, я остаюсь без всякой надежды сделать какую-нибудь карьеру по службе, а через то лишаюсь единственной опоры моей в жизни. Умоляю ваше сиятельство не оставить меня в таком безвыходном положении и не лишить меня вашего высокого покровительства, которого вы удостоивали меня и тогда, когда на мне еще тяготели мои юношеские вины.

С чувством глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слуга

П. Кулиш

1853 г., декабря 4, С.-Петербург

Резолюція Л. В. Дубельта: Мы помочь не можем.

Ч. V, арк. 416. Автограф.

№ 210

1854 р. лютий, після 11.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ П. О. КУЛІША З РОБОТИ В ДЕПАРТАМЕНТІ СІЛЬСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА

Высочайшим приказом 11 февраля 1854 г., № 30, чиновник для усиления департамента сельского хозяйства министерства государственных имуществ губернский секретарь Кулиш уволен по болезни от службы.

Ч. V, арк. 417. Оригінал.

№ 211

1856 р. березня 13.— ЛИСТ П. О. КУЛІША ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ЗВІЛЬНИТИ ЙОГО ТВОРИ ВІД ЦЕНЗУРИ III ВІДДІЛЕННЯ, ПОШИРИВШИ НА НИХ ЗАГАЛЬНУ ЦЕНЗУРУ

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

Ваше превосходительство, милостивый государь
Леонтий Васильевич!

Находясь в затруднительном положении относительно средств к существованию, я поставлен в необходимость содержать свое семейство срочными работами для периодических изданий, и как представление трудов моих для цензуры в III отделение с. е. и. в. канцелярии соединено в этом случае с некоторыми неудобствами, то я осмеливаюсь утруждать ваше превосходительство покорнейшею просьбою — исходатайствовать для меня право общей цензуры, которое в недавнее время высочайше даровано г-ну Костомарову и другим лицам, подвергшимся цензурному ограничению.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою

П. Кулиш

1856 г., марта 13

Помітка про одержання: 14 марта 1856 г.

Ч. V, арк. 418. Автограф.

№ 212

1856 р. квітня 3.— ДОПОВІДЬ III ВІДДІЛЕННЯ ОЛЕКСАНДРУ II З ПРИВОДУ ПРОХАННЯ П. О. КУЛІША ЗВІЛЬНИТИ ЙОГО ТВОРИ ВІД ЦЕНЗУРИ III ВІДДІЛЕННЯ, ПОШИРИВШИ НА НИХ ЗАГАЛЬНУ ЦЕНЗУРУ

Губернский секретарь Кулиш объясняет, что он находясь в необходимости по ограниченности средств к существованию содержать свое семейство срочными работами для периодических изданий и что представление трудов его для цензуры в III отделении соединено в этом случае с некоторыми неудобствами, а потому он просит ваше превосходительство об исходатайствовании для него права общей цензуры, которое в недавнем времени даровано принадлежавшему к одному с ним делу коллежскому асессору Костомарову [682] и другим лицам.

Справки. 1. Губернский секретарь Кулиш воспитывался в Киевском университете, потом был учителем в одной из с.-петербургских гимназий, и, наконец, преподавателем русского языка при здешнем университете, а в исходе 1846 г. он по распоряжению начальства ездил за границу для изучения славянских наречий; в 1847 г. при производстве дела об Украйно-Славянском обществе оказалось, что хотя Кулиш вовсе не принадлежал к этому обществу, но находился в дружеских сношениях со многими участниками оного и сам питал ложные мысли о прежней важности Украйны, о славе казачества и о нынешнем будто бы угнетении Малороссии; эти мысли он поместил в напечатанных им сочинениях.

За это Кулиш по высочайшему повелению был заключен 30 мая того же года в Алексеевский равелин на четыре месяца с тем, чтобы потом отправить его на службу в Вологду, никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора, с воспрещением писать, и с тем, чтобы не увольнять его ни в Малороссию, ни за границу. В уважение к болезненному положению Кулиша, он был освобожден из крепости до окончания назначенного срока и отправлен на службу в г. Тулу.

Там он служил смотрителем больницы приказа общественного призрения, потом сверхштатным чиновником особых поручений при начальнике губернии для занятий по губернскому статистическому комитету. В 1849 г. Кулиш определен был в должность помощника редактора «Тульских губернских ведомостей», а в 1850 г. по случаю 25-ти летия царствования в бозе почивающего государя императора высочайше дозволено Кулишу жить и служить везде, не исключая столиц и Малороссии; но с продолжением за ним до времени секретного надзора и с воспрещением определять его по министерству народного просвещения. По прибытии вслед за тем в С.-Петербург он поступил на службу по министерству государственных имуществ в департамент сельского хозяйства; но по прошествии некоторого времени должен был за болезнию оставить службу, и потому доселе находится в отставке.

Еще в октябре того же 1847 г. Кулиш обращался с просьбою о дозволении ему печатать свои сочинения [683]. На это ответствовано было тогда, что гр. Алексей Федорович признает таковое ходатайство рановременным, но что просьба сия будет иметься в виду и чтобы он между тем продолжал свои литературные труды, представляя оные в III отделение [684]. Вследствие сего Кулиш в 1848 г. представлял два сочинения свои, но одно — «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца», по отзыву министра народного просвещения, к которому было препровождаемо, оказалось со многими ошибками против исторических фактов [685], а другое — «Петр Иванович Березин»— рассматривалось в III отделении; и хотя не заключало в себе

П. О. Кулиш. Портрет невідомого художника

ничего преступного, но не могло быть дозволено к напечатанию по слишком резким описаниям слабостей и недостатков людей [686].

2. Костомарову никогда не было запрещено писать, потому, что в напечатанных до 1847 г. сочинениях его не было ничего особенно недозволенного [687]. Это в недавнем времени объяснено и цензору Фрейгангу, который неосновательно затруднялся в пропуске его сочинений. Впрочем Фрейгангу объявлено, чтобы он обращал особенное внимание на сочинения Костомарова.

3. В марте месяце сего года передана была из комиссии прошений просьба надворного советника Чижова о дозволении ему представлять сочинения свои не в III отделение, как ему приказано было, а прямо в цензурный комитет [688]. Как, с одной стороны Чижов, подобно Кулишу, вовсе не участвовал в Украйно-славянском обществе и подвергнут был означенной мере только по чрезмерной пылкости в выражениях привязанности его к России; а с другой — что все статьи его, бывшие доселе в рассмотрении III отделения, выказывали его примерное трудолюбие и стремление к пользе общей, то ваше превосходительство изволили ответствовать статс-секретарю кн. Голицыну, что удовлетворение вышеизложенной просьбы Чижова полагаете возможным.

4. В нынешнем же году дозволено печатать, с одобрения обыкновенной цензуры, сочинения тех славянофилов, которые участвуют в периодическом издании «Русская беседа» [689]. Это облегчение допущено по тому уважению, что издание журнала замедлилось бы, если бы означенные сотрудники должны были по-прежнему представлять свои сочинения в главное правление цензуры.

Соображение. В том внимании, что Кулиш еще во время производства Украйно-славянского дела и после того постоянно и искренно обнаруживал раскаяние в прежних своих ошибочных понятиях о Малороссии, и что он вообще, по характеру и свойствам своим, принадлежит к людям спокойным и не опасным, можно бы было дозволить ему печатать свои сочинения с разрешения обыкновенной цензуры, с тем только, чтобы цензоры обращали на оные строжайшее внимание.

Помітка Л. В. Дубельта: Высочайше соизволил.

3 апреля 1856 г.

Г[енера]л-л[ейтенант] Дубельт

На арк. 419 помітка канцелярії III відділення: прилагаемый доклад был представлен его величеству.

Ч. V, арк. 420—423. Оригінал.

№ 213

1856 р. квітня 4.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ А. С. НОРОВА ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ ТВОРІВ П. О. КУЛІША ВІД РОЗГЛЯДУ III ВІДДІЛЕННЯМ І ПОШИРЕННЯ НА НИХ ЗАГАЛЬНОЇ ЦЕНЗУРИ

Секретно

Проект

4 апреля 1856 г., № 519, С.-Петербург

Г-ну министру народного просвещения

Из отношений г-на генерал-адъютанта гр. Орлова от 30 мая 1847 г. и 25 сентября 1848 г. за № 897 и 1777 [690] известно министерству народного просвещения высочайшее повеление о воспрещении губернскому секрета-

рю Кулишу писать и издавать свои сочинения, также последовавшее потом разрешение ему продолжать литературные занятия с тем, чтобы он представлял свои сочинения на предварительное рассмотрение в III отделение с. е. и. в. канцелярии.

Ныне губернский секретарь Кулиш обратился ко мне с просьбою об исходатайствовании для него права общей цензуры с освобождением его от обязанности представлять свои сочинения в III отделение, так как это затрудняет его литературные занятия при составлении статей для некоторых периодических изданий [691].

По всеподданнейшему моему докладу о сей просьбе государь император всемилостивейше соизволил разрешить печатание сочинений губернского секретаря Кулиша по рассмотрении оных в обыкновенной цензуре с тем только, чтобы цензор обращал на сочинения его строжайшее внимание.

О сей высочайшей воле имею честь для зависящих распоряжений уведомить ваше превосходительство.

Управляющий отделением генерал-лейтенант Дубельт

Помітка: Государь император изволил читать.

Апреля 3 дня 1856 г.

Генер[ал]-лейт[енант] Дубельт

Ч. V, арк. 424, 425. Оригінал.

№ 214

1856 р. квітня 5.— ПОВІДОМЛЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА П. О. КУЛІШУ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ ЙОГО ТВОРІВ ВІД РОЗГЛЯДУ III ВІДДІЛЕННЯМ І ПОШИРЕННЯ НА НИХ ЗАГАЛЬНОЇ ЦЕНЗУРИ

Его высокоб[лагоро]дию П. Кулишу

5 апреля 1856, № 525

М[илостивый] г[осударь] Пантелеймон Александрович!

По всеподданнейшему моему докладу просьбы вашей о разрешении печатать ваши сочинения, по рассмотрению оных в обыкновенной цензуре г[осуда]рь и[мперато]р всемилостивейше соизволил на это.

О таковом соизволении его и. в., сообщенном уже мною г-ну м[инист]ру народного просвещения, считаю долгом уведомить вас, м[илостивый] г[осуда]рь.

Имею честь удостоверить вас в ист[инном] ув[ерении] и пред[анности]

Дубельт

Помітка: На почтовой с бланком.

Ч. V, арк. 426. Відпуск.

№ 215

1856 р. квітня 13.— ВИПИСКА З ЛИСТА П. О. КУЛІША ДО К. С. АКСАКОВА, ПЕРЛЮСТРОВАНОГО III ВІДДІЛЕННЯМ ПРО ПРОДОВЖЕННЯ ЦЕНЗУРУВАННЯ ТВОРІВ Ф. В. ЧИЖОВА III ВІДДІЛЕННЯМ

Выписка из письма с подписью «П. Кулиш» из С.-Петербурга от 7 апреля на имя Константина Сергеевича Аксакова в Москву.

Чижов не получает разрешения единственно потому, что не обратился в III отделение, а к государю. Его просьба идет формальным порядком и,

как и заметил из некоторых намеков, задерживается с умыслом, чтобы дать ему почувствовать, что вот те, дескать, знай, каково против нас ощетиниваться. Разрешение он получит, но когда — неизвестно.

Помітка: Высочайше повелено принять к сведению 13 апреля 1856 г.

Г [енерал]-л[ейтенант] Дубельт

Помітка: К делу [1]847 г., № 81, ч. 5.

Ч. V, арк. 427. Оригінал.

№ 216

1856 р. квітня 13.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО МОЖЛИВІСТЬ ЗВІЛЬНИТИ ТВОРИ Ф. В. ЧИЖОВА ВІД ЦЕНЗУРИ III ВІДДІЛЕННЯ

Справка. 5 марта сего года получено в III отделении отношение статс-секретаря кн. Голицына от 29 февраля, при котором сообщена всеподданнейшая просьба надворного советника Чижова о разрешении ему представлять сочинения свои прямо в цензурный комитет, не представляя оных в III отделение, как это было приказано ему в 1848 г. [692]

Кн. Голицын просил с возвращением этой просьбы сообщить по оной сведения и также заключение по означенному ходатайству Чижова.

Вследствие этого III отделение на другой же день (6 марта за № 352) [693] сообщило г-ну статс-секретарю кн. Голицыну, что Чижов был в 1847 г. арестован по подозрению в прикосновенности его к Украйно-славянскому обществу, но подозрение это не подтвердилось, и что высочайшее повеление о представлении его сочинений в III отделение дано было вследствие близких его отношений с известными за границею славянофилами.

При этом сообщено было кн. Голицыну, что в представленных после того в III отделение сочинениях Чижова не было замечено решительно ничего вредного и что напротив все статьи его, касающиеся преимущественно шелководства, выказывали его примерное трудолюбие и стремление к пользе общей, и потому удовлетворение помянутой просьбы его III отделение с своей стороны находило возможным.

13 апреля 1856 г.

Ч. V, арк. 428 Оригінал.

№ 217

1856 р. квітня 26.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ А. С. НОРОВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО РОЗПОРЯДЖЕННЯ ГОЛОВНОМУ ЦЕНЗУРНОМУ УПРАВЛІННЮ ОСОБЛИВУ УВАГУ ЗВЕРТАТИ НА ТВОРИ П. О. КУЛІША

Его превосх[одительст]ву Л. В. Дубельту

26 апреля 1856 г., № 629

Ответ на № 519 о сочинениях Кулиша

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

На отношение вашего превосходительства от 4 сего апреля [694] имею честь вас, милостивый государь, уведомить, что в исполнение положенного в оном высочайшем повелении, я сделал распоряжение, чтобы при цензурном рассмотрении сочинений губернского секретаря Кулиша цензор обращал на оные строжайшее внимание.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга

А. Норов

Помітка про одержання: 27 апреля 1856 г.

Ч. V, арк. 429. Оригіал.

№ 218

1858 р. грудня 3.— ВІДНОШЕННЯ ТОВАРИША МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ М. О. МУХАНОВА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА З ПРОХАННЯМ ПОВІДОМИТИ СВОЮ ДУМКУ З ПРИВОДУ МОЖЛИВОСТІ ДОЗВОЛИТИ П. О. КУЛІШЕВІ ВИДАВАТИ ЖУРНАЛ «ХАТА»

Г-ну главному начальнику над III отделением с. е. и. в. канцелярии

3 декабря 1858 г., № 2379

О губернском секретаре Кулише

Генерал-адъютант кн. Орлов от 30 мая 1847 г. за № 897 [695] сообщил бывшему министру народного просвещения гр. Уварову высочайшего государя императора Николая I повеление о мере взыскания с участников Украйно-славянского общества и, между прочим, касательно губернского секретаря Кулиша, что ему воспрещено писать и высочайше повелено заключить его в крепость на четыре месяца, а потом отправить на службу в Вологду, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу. Впоследствии г-ну Кулишу разрешено было продолжать литературные занятия, с тем чтобы он представлял свои сочинения на предварительное рассмотрение в III отделение с. е. и. в. канпелярии. А от 4 апреля 1856 г. за № 519 [696] управлявший сим отделением генерал-лейтенант Дубельт уведомил бывшего министра народного просвещения, что по всеподданнейшему докладу его государь император всемилостивейше соизволил разрешить печатание сочинений губернского секретаря Кулиша по рассмотрении оных в обыкновенной цензуре с тем только, чтобы цензор обращал на сочинения его строжайшее внимание.

Ныне губернский секретарь Кулиш обратился к г-ну министру народного просвещения с прошением, в котором просит о дозволении ему издавать журнал под наименованием «Хата». Южнорусский журнал словесности, истории, этнографии и сельского хозяйства.

Имею честь за отсутствием г-на министра народного просвещения препроводить у сего к вашему сиятельству сие прошение г-на Кулиша, я обращаюсь к вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою почтить уведомлением с возвращением сей бумаги, изволите ли вы признавать возможным дозволить Кулишу издание журнала.

Товарищ министра народного просвещения

Н. Муханов

Директор [697]

Помітка про одержання: 5 декабря 1858 г.

Ч. V, арк. 430, 431. Оригінал.

№ 219

1858 р. грудня 8.— ВІДНОШЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ А. С. НОРОВА ПРО ВІДХИЛЕННЯ ПРОХАННЯ П. О. КУЛІША ВИДАВАТИ ЖУРНАЛ «ХАТА»

Секретно

Г-ну министру народного просвещения

8 декабря 1858 г., № 2505

В отсутствие вашего превосходительства г-н тайный советник Муханов, препровождая ко мне возвращаемую при сем просьбу губернского секретаря Кулиша о дозволении ему издавать южно-русский журнал под названием «Хата», спрашивал меня, признаю ли я возможным дозволить Кулишу издание журнала.

Вследствие этого имею честь уведомить ваше превосходит[ельст]во что, принимая в соображение сведения о губернском секретаре Кулише, изложенные в отношении моего предшественника от 30 мая 1847 г. за № 897 [698] к бывшему тогда министром народного просвещения д[ействительно]му т[айно]му советнику гр. Уварову, и имел также в виду приведенные в отношении моем к в[ашем]у превосход[ительст]ву от 4 июня с. г. за № 1210 статьи, напечатанной тоже в прошедшем году; в типографии Кулиша книга «Граммáтика», которая, если книга эта им самим издана, ясно доказывает, что он в литературной своей деятельности следует прежнему направлению, бывшему причиною особых мер, принятых против него правительством,— я полагал бы разрешение губернскому секретарю Кулишу издание журнала отклонить.

Генерал-адъютант кн. Долгоруков

Верно: коллежский асессор [699]

Ч. V, арк 432[709]. Відпуск.

№ 220

1862 р. лютого 9.— ДОНЕСЕННЯ ШТАБ-ОФІЦЕРА КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ В ПОЛТАВСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ БЄЛОВА В. А. ДОЛГОРУКОВУ ПРО НАМІР П. О. КУЛІША ПРИЇХАТИ В ПОЛТАВУ

Секретно

Шефу жандармов и главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии

г-ну генерал-адъютанту и кавалеру кн. Долгорукову 1-му

9 февраля 1862 г., № 8, г. Полтава

В здешний город ожидают прибытия малороссийского писателя и сотрудника журнала «Основы» г-на Кулиша, намеревающегося, как говорят, прожить здесь около года.

Некоторыми из здешних жителей высказывается предположение, что появление г-на Кулиша в Малороссии может повлечь за собою неблагоприятные последствия, основывая это предположение на том, что либеральный образ мыслей этого писателя неминуемо найдет сторонников и не останется без влияния на умы, способные увлечься и подчиниться такому влиянию; а что найдутся такие умы, то это почти не подлежит никакому сомнению, если принять во внимание восторженность и энтузиазм, проявившийся в жителях г. Полтавы при посещении г-на Кулиша этого города два года тому назад, частные официальные обеды, данные в то время в честь г-на Кулиша,

служат немалым доказательством тому, что писатель этот пользуется в здешнем крае любовью и значительным авторитетом.

Хотя вышесказанное не более как предположение и положительно никто не знает, с какою целью г-н Кулиш предпринимает свое посещение здешнего края, но тем ие менее я считаю долгом почтительнейше довести о сем до сведения вашего сиятельства.

Полковник Белов

Помітка В. А. Долгорукова: Где теперь Кулиш, чем он занимался последнее время и чем он навлек на себя преследование правительства прежде?

18 февраля

Помітки: 1. Справку читал 20 февраля.

2. К делу 1847, № 81, ч. 5.

Помітка про одержання: 18 февраля 1862 г.

Ч. V, арк. 434. Оригінал.

№ 221

1862 р. лютого, не раніше 18 — не пізніше 28[701].—

ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО П. О. КУЛІША

Справка. Губернский секретарь Кулиш воспитывался в Киевском университете, потом был учителем в одной из с.-петербургских гимназий, а в исходе 1846 г. он по распоряжению начальства ездил за границу для изучения славянских иаречий.

В 1847 г. при производстве дела об Украйно-славянском обществе падало подозрение в прииадлежности к этому обществу и на Кулиша, который посему был арестован.

По исследовании оказалось, что он, хотя находился в дружеских сношениях с виновными по упомянутому делу, но сам участия в составлявшемся Украйно-славяиском обществе не принимал. К обвинению же его представилось то, что в найденных у него бумагах и в изданных им сочинениях он выражал неумеренную любовь к родине своей Малороссии, с восторгом описывал дух прежнего казачества и наезды гайдамаков, приводил песни украинские, в которых выражались любовь к вольности, описывал распоряжения русских государей, начиная со времен императора Петра I, в виде угнетения и подавления прав Малороссии.

Во внимание к искреннему раскаянию Кулиша, который, как только объяснили ему неправильное направление его мыслей, сам с ужасом увидел вред, могущий произойти от его сочииений, он был по высочайшему повелению заключен в крепость на 4 месяца и потом отправлен в Тулу на службу (но не по ученой части) с учреждением за ним строжайшего надзора, с воспрещением писать и с тем, чтобы не увольнять его ни на родину, ни за границу.

Кулиш просил потом о дозволении ему печатать свои сочинения, надеясь литературными трудами приобретать средства к поддержанию своего семейства. Ему дозволено было продолжать литературные труды и представлять свои сочинения в III отделение.

После того ему дозволено было проживать и служить, где пожелает, с оставлением, однако, в своей силе воспрещения служить по ученой части. Он определен был в департамент сельского хозяйства, откуда по болезни уволен в 1854 г.

В 1856 г. разрешено печатание сочинений Кулиша без предварительного рассмотрения их в III отделении, но с тем, чтобы цензор обращал на сочииения его строжайшее внимание.

В 1857 г. напечатана была здесь, в типографии Кулиша, брошюра на малороссийском языке под заглавием «Граматка».

Киевский военный губернатор сообщил тогда вашему сиятельству, что помещение в этой брошюре статьи, в коих говорится о существовавшей между казаками и поляками вражде, возбудили неудовольствие в дворянстве губерний киевского генерал-губернаторства и что тамошнее дворянство выражает опасение, чтобы с распространением сей книги в народе не получила бы новой силы национальная вражда и без того еще не забытая в тамошнем простом народе; поэтому и имея в виду, что значительную часть того края составляет бывшая Украина, коренное население коей (крестьяне и вообще простой класс народа) всегда враждебно смотрело на поляков, к которым принадлежит большинство помещиков — он, генерал-адъютант ки. Васильчиков, признавая неудобным распространение там помянутой книги, предложил начальникам тех губерний сделать распоряжение, чтобы все тамошние книгопродавцы обязаны были подписками не держать оной у себя для продажи, а если у кого-либо из них книги эти окажутся, то опечатать таковые и оставить в книжных лавках до особого распоряжения.

К этому генерал-адъютант ки. Васильчиков присовокуплял также, что он полагал бы необходимым вышесказанную книгу изъять из продажи по крайней мере в вверенном ему крае, в будущих же изданиях оной вышеприведенные статьи заменить другими, так как в остальном содержании своем книга эта может быть полезна.

О таковом мнении кн. Васильчикова сообщено было по высочайшему повелению министру народного просвещения.

Кулиш занимается литературою исключительно малороссийскою; в 1858 г. он желал издавать южно-русский журнал словесности, истории, этнографии и сельского хозяйства под названием «Хата».

Ваше сиятельство на вопрос о сем министерства просвещения изволили дать отзыв, что полагали бы разрешение сего журнала отклонить, принимая во внимание выше изложенное и имея в виду брошюру «Граматка», которая если она им самим издана, доказывает, что он в литературной своей деятельности следует прежнему своему направлению.

Резолюція [*В. А. Долгорукова*]: Увед[омить] о неимении препятствий.

Помітка: 20 фев[раля].

Ч. V, арк. 435—437. Оригінал.

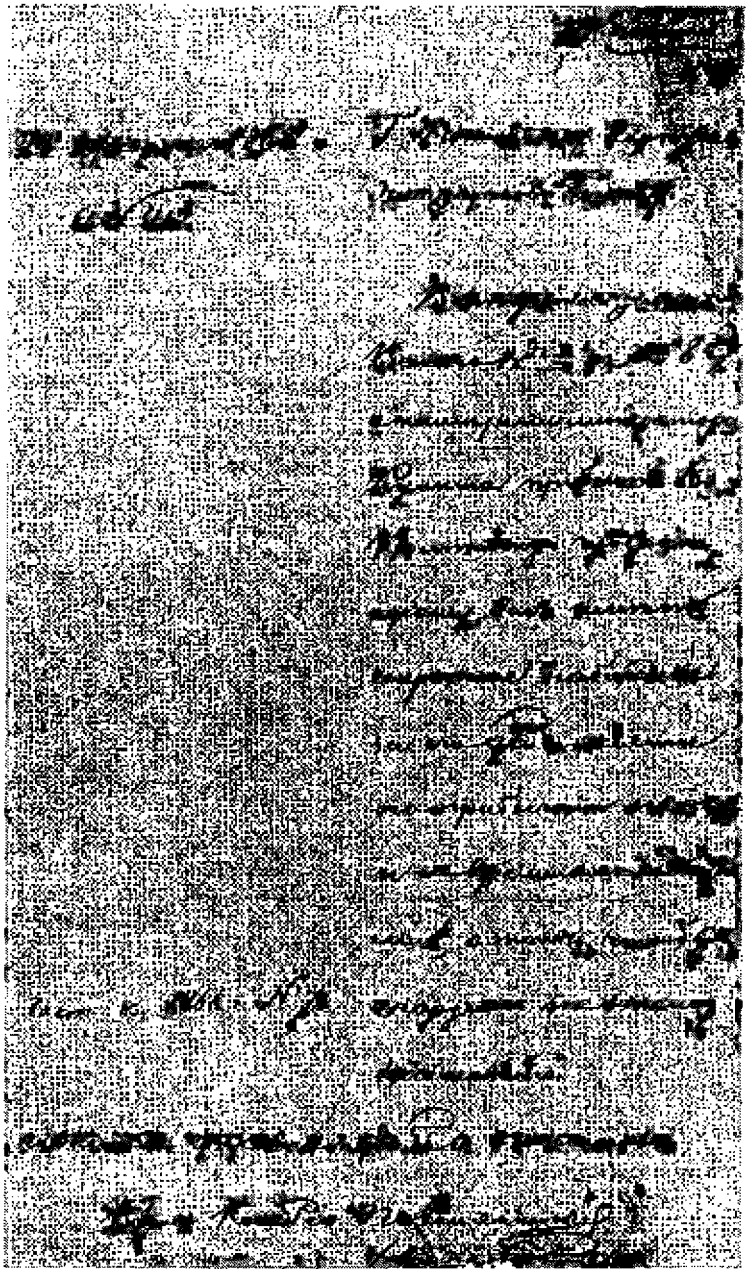
№ 222

1864 р.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПЕРЕБУВАННЯ П. О. КУЛІША В ЧЕРНІГІВСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ ПІД НАГЛЯДОМ ПОЛІЦІЇ

Из дальнейших сведений видно, что Кулиш в 1864 г. проживал в Черниговской губ., где состоял под наблюдением как известный «хлопоман».

Позднейших сведений не имеется, а равно и об условиях увольнения его из русского подданства.

Ч. V, арк. 438 Оригінал.



Припис керуючого ІІ відділенням Г. М. Потапова про поліцейський нагляд за П. О. Кулішем

№ 223

1862 р. лютого 20.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА КЕРУЮЧОМУ III ВІДДІЛЕННЯМ Г. М. ПОТАПОВУ НАКАЗАТИ ПОЛКОВНИКОВІ БЄЛОВУ ВСТАНОВИТИ ТАЄМНИЙ НАГЛЯД ЗА П. О. КУЛІШЕМ, КОЛИ ВІН ПРИБУДЕ ДО ПОЛТАВИ

Сообщить полк[овнику] Белову, чтобы по прибытии Кулиша в Полтаву иметь за действиями его наблюдение и доносить

20 февр[аля]

Ч. V, арк. 440. Оригінал.

№ 224

1862 р. лютого 21.— ПРИПИС КЕРУЮЧОГО III ВІДДІЛЕННЯМ Г. М. ПОТАПОВА ШТАБ-ОФІЦЕРУ ЖАНДАРМІВ У ПОЛТАВСЬКІЙ ГУБЕРНІЇ ПОЛКОВНИКУ БЄЛОВУ ПРО ЗДІЙСНЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА П. О. КУЛІШЕМ ПІД ЧАС ЙОГО ПЕРЕБУВАННЯ В ПОЛТАВІ

Г[-ну] полковнику корпуса жандармов Белову

21 февраля 1862 г., № 412

Вследствие записки вашего в[ысокоблагоро]дия за № 8 [702] о намерении литератора Кулиша прибыть в Полтавскую губ., прошу вас иметь секретное наблюдение за его действиями по прибытии его туда и по временам сообщать о том, что будет обнаружено по этому наблюдению.

Подписал управ[ляющий] отдел[ом] Г. М. Потапов

Верно: кол[лежский] рег[истратор] Полонянкин

Ч. V, арк. 441. Відпуск.

№ 225

1890 р. вересня 5.— ЗАПИТ 3-ГО ДІЛОВОДСТВА, НАДІСЛАНИЙ В ІНШІ ДІЛОВОДСТВА ДЕПАРТАМЕНТУ ПОЛІЦІЇ ПРО П. О. КУЛІША

3-е делопроизводство просит отметить на сем же, имеются ли какие-либо сведения о Пантелеймоне Александрове Кулише.

Тай[ный] сов[етник] Умов

2-е делопроизводство с [18]82 г. свед[ений] нет [703].

5 сентября 1890 г.

По 3-му делопроизводству сведений нет [704].

982. [По] 4-му [делопроизводству] свед[ений] нет.

5.IX.1890 И. Жабчиискый

По 5-му [делопроизводству] свед[ений] нет.

Добрынин

По справочному столу св[едений] нет [705].

По особому отделу св[едений] нет.

Дубровинский

По архиву 19. О портрете Кулиша, изображ[енном] на тарелках
19. Сочинитель малорос[сийских] стихов

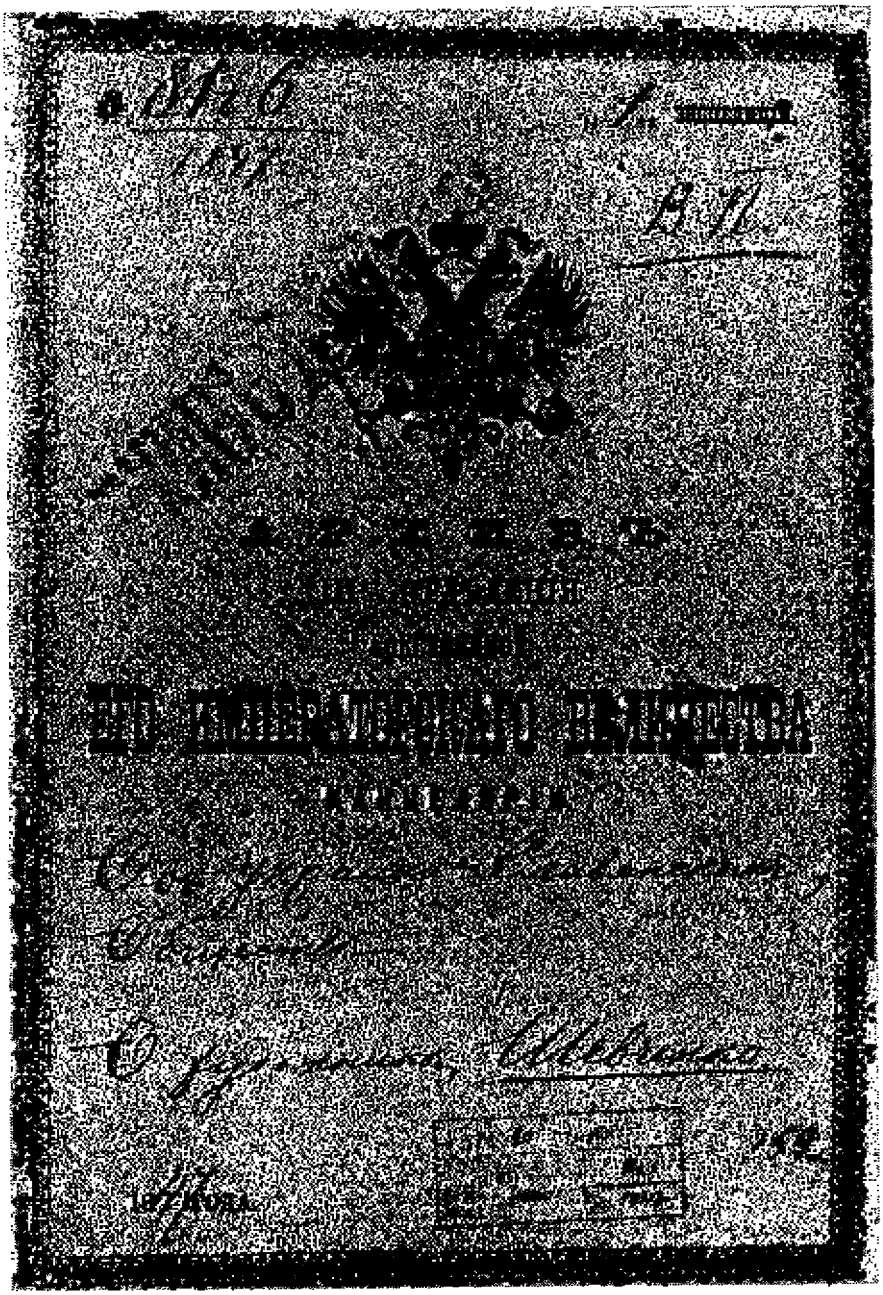
Типографщик

Ч V, арк. 439. Орнгінал.

ЧАСТИНА ШОСТА

СПРАВА

Т. Г. ШЕВЧЕНКА



№ 226

1847 р. квітня 12.— ЗАПИСКА О. Ф. ОРЛОВА ПРЕЗИДЕНТОВІ АКАДЕМІЇ ХУДОЖЕСТВ М. ЛЕЙХТЕНБЕРЗЬКОМУ З ПРОХАННЯМ НАДІСЛАТИ ВІДОМОСТІ ПРО Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Его императорскому высочеству герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому

Честь имею довести до сведения вашего императорского высочества, что художник Шевченко учился в Академии жудожеств [1] и, сколько известно, занимался живописью под руководством профессора Брюллова [2]. До 1845 г. был в С.-Петербурге; в том же году прибыл в Киев и изъявил желание поступить в университет преподавателем рисования, в каковую должность назначен министром народного просвещения в начале нынешнего года, но еще в оную не вступил.

Докладывая о сем вашему им[ператорско]му высочеству и встречая необходимость иметь о Шевченке ближайшие сведения, долгом считаю покорнейше просить удостоить меня, сколь возможно, поспешнейшим уведомлением как о том, не находится ли означенный Шевченко и ныне при Академии, так и о мнении на его счет ближайшего его начальства.

Подписал генерал-адъютант гр. Орлов
Скрепил генерал-лейтенант Дубельт
С подлинным верно: иадворный советник Нордстрем
12 апреля 1847 г.

Помітка: Первый полулист пропущен.

Ч. VI, арк. 2. Засвідчена копія.

Опубл.: *Былое*[3].— 1906.— № 8.— С. 4; *Шевченко Т.* Творн: В 2 т.— Спб., 1911.— Т. 2.— С. 102; *Новицький М.* Шевченко в процесі 1847 р. і його папери // Україна [4].— 1925.— Кн. 1/2.— С. 87; *Т. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 105; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріалн.— С. 40. *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії (1814—1861).— С. 175—176.

№ 227

1847 р. квітня 14.— ВІДНОШЕННЯ ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМІЇ ХУДОЖЕСТВ ГЕРЦОГА М. ЛЕЙХТЕНБЕРЗЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ПОВЕДІНКУ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ПІД ЧАС НАВЧАННЯ В АКАДЕМІЇ

14 апреля 1847, № 448

Г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову

Вследствие вопроса в записке вашего сиятельства от 12-го сего апреля о художнике Шевченке, мне сделанного [5], сим ответствую, что художнік Шевченко учился в императорской Академии художеств художеству с 1838 по 1845 год, в котором году признан художником и с того времени, занимаясь свободно искусством, от Академии не зависит.

К сему нужным считаю присовокупить, что Шевченко имеет дар к поэзии и на малороссийском языке написал некоторые стихотворения, уважаемые людьми, знакомыми с малороссийским языком и прежним бытом этого края; почитался он всегда человеком нравственным, быть может, несколько мечтателем и чтителем малороссийской старины, но предосудительного на счет его ничего не доходило до сведения Академии.

Президент герцог М. Лейхтенбергский

Помітка про одержання: 15 апреля 1847 г.

Ч. VI, арк. 3. Оригінал.

Опубл.: *Былое.*— 1906.— № 8.— С. 4—5; *Шевченко Т.* Твори.— Т. 2.— С. 102—103; *Новицький М.* Вказ. праця.— С. 87; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 105—106; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріалн.— С. 40—41; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії (1814—1861).— С. 37.

№ 228

1847 р. квітня 6.— ВІДНОШЕННЯ КИЇВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА І. І. ФУНДУКЛЕЯ ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО АРЕШТ І ВІДПРАВЛЕННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА В ПЕТЕРБУРГ

Секретно

В III отделение с. е. и. в. канцелярии

6 апреля 1847 г., № 660 [6], г. Киев

В числе лиц, на которых по полученному мною предписанию от г-на киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора обращено было внимание, указан был художник С.-Петербургской академии Тарас Григорьевич Шевченко.

Художник этот при возвращении из Черниговской губ. был задержан вчерашнего числа у въезда в г. Киев и представлен прямо ко мне. Между бумагами его оказалась рукописная книга с малороссийскими собственного его сочинения стихами, из коих многие возмутительного и преступного содержания [7]. Почему как эти, так и все прочие оказавшиеся у Шевченки стихи, равно частную его переписку я почел обязанностию представить в III отделение с. е. и. в. канцелярии. Вместе с сим препровождается и художник Шевченко под строгим караулом при одном полицейском офицере и одном рядовом жандарме.

Гражданский губернатор Фундуклей

Помітка про одержання: 17 апреля 1847 г.

Ч. VI, арк. 4. Оригінал.
Опубл.: *Былое.*— 1906.— № 8.— С. 5; *Шевченко Т.* Творн.— Т. 2.— С. 103; *Новицький М.* Вказ. праця.— С. 87—88; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 101; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С 38.

№ 229

1847 р. квітня 6.— ОПИС РУКОПИСІВ І КНИГ, ВІДІБРАНИХ У Т. Г. ШЕВЧЕНКА ПІД ЧАС АРЕШТУ

Описание бумаг художника Тараса Шевченка, препровождаемым при отношении от 6 апреля 1847 за № [660] [8]:

1. Связка стихов, писем и разных бумаг на ... листах [9].
2. Книга писанных стихов под заглавием: «Три літа» [10].
3. Маленький альбом со стихами и рисунками.

Гражданский губернатор Фундуклей

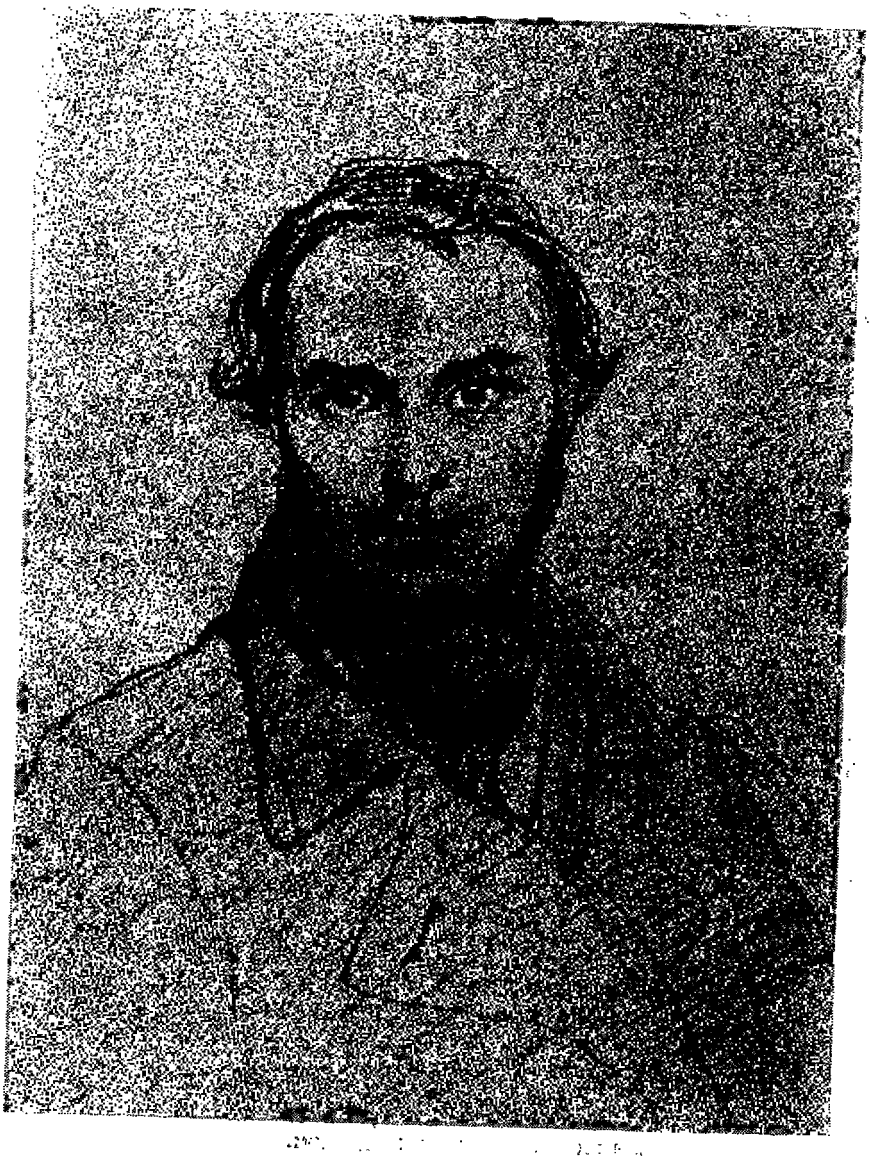
Ч. VI, арк. 5. Оригінал.
Опубл.: *Былое.*— 1906.— № 8.— С. 5; *Шевченко Т.* Твори.— Т. 2.— С. 103; *Новицький М.* Вказ. праця.— С. 88.

№ 230

1847 р. квітня 17.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА III ВІДДІЛЕННЯМ КВАРТАЛЬНОМУ НАГЛЯДАЧЕВІ КИЇВСЬКОЇ ПОЛІЦІЇ ГРИШКОВУ ПРО ПРИЙНЯТТЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА І ЙОГО ПАПЕРІВ ТА РЕЧЕЙ

Квитанция № 607

Даиа сия квартальиому иадзирателю киевской полиции Гришкову в том, что доставленный им в сопровождении одного жандарма из Киева



Т. Г. Шевченко. Автопортрет. 1845 р.

Каземат III відділення в Петербурзі — місце ув'язнення Т. Г. Шевченка

художник Шевченко с его бумагами и вещами принят в исправности в III отделении с. е. и. в. канцелярии.

Апреля 17 дня 1847 г.

Под[писал] старш[ий] чинов[ник] Попов

Верно: Надворный советник Нордстрем

Ч. VI, арк. 6. Відпуск.
Опубл.: Былое.— 1906.— С. 6; *Шевченко Т.* Твори.— Т. 2.— С. 104; *Новицький М.* Вказ. праця.— С. 88; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 106—107; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 41.

№ 231—254

1843—1845 рр.— ЗБІРКА ПОЕЗІЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА «ТРИ ЛІТА», ВИЛУЧЕНА ПІД ЧАС ЙОГО АРЕШТУ 5 КВІТНЯ 1847 р. І ДОДАНА ДО СЛІДЧОЇ СПРАВИ[11]

№ 231

Отцы наши согрѣшиша, и нѣсть их,
мы же беззакония их подяхом.
Рабы обладаша нами, избавляющаго
нѣсть от руку их.
Князи в руках их повѣшены быша,
старѣйшены не прогнивишася.
Избраннии плач подяша, и юноши
в кладѣ изнемогоша.
И старцы от врат оскудѣша, избранни от пѣсней своих умолкоша.

Молитва Иеремии пророка
Три літа, арк. 3. Автограф.

№ 232

Чигрине, Чигрине,
Все на світі гине,
І святая твоя слава,
Як пилина, лине
За вітрами холодними,
В хмарі пропадає.
Над землею летять літа,
Дніпро висихає,
Розсипаються могили,
Високі могили —
Твоя слава... і про тебе,
Старче малосилий,
Ніхто й слова не промовить,
Ніхто й не покаже,
Де ти стояв? чого стояв?
І на сміх не скаже!!

За що ж боролись ми с ляхами? [12]
За що ж ми різались з ордами?
За що скородили списами
Московські ребра??... засівали,
І рудо́ю поливали...
І шаблями скородили.
Що ж на ниві уродилось??!!
Уродила рута... рута...
Волі нашої отрута.

А я, юродивий, на твоїх руїнах
Марно сльози трачу; заснула Вкраїна
Бур'яном укрилась, цвіллю зацвіла,
В калюжі, в болоті серце прогноїла
І в дупло холодне гадюк напустила,
А дітям надію в степу оддала.
А надію...
Вітер по полю розвіяв,
Хвиля морем рознесла.
Нехай же вітер все розносить
На неокраєнім крилі.
Нехай же серце плаче, просить
Святої правди на землі.

Чигрине, Чигрине,
Мій друже єдиний,
Проспав єси степи, ліси
І всю Україну.
Спи ж, повитий жидовою,
Поки сонце встане,
Поки тії недолітки
Підростуть, гетьмани.
Помолившись, і я б заснув...
Так думи прокляті
Рвуться душу запалити,
Серце розірвати.

Не рвіть, думи, не паліте!
Може верну знову
Мою правду безталанну,
Моє тихе слово.
Може викую я в його
До старого плуга
Новий леміш і чересло.—
І тяжкі упруги...
Може зорю переліг той,
А на перелозі...
Я посію мої сльози,
Мої щирі сльози.
Може зійдуть, і виростуть
Ножі обоюдні,
Розпанахають погане,
Гниле серце, трудне,
І вицідять сукровату,
І наллють живої
Козацької тії крові,
Чистої, святої!!!

Може... може... а меж тими
Меж ножами рута
І барвіночок розів'ється —
І слово забуте,
Моє слово тихо-сумне,
Богобоязливе,
Згадається — і дівоче
Серце боязливе
Стрепенеться, як рибонька,
І мене згадає...
Слово моє, сльози мої,
Раю ти мій, раю!

Спи, Чигрине, нехай гинуть
У ворога діти.
Спи, гетьмане[13], поки встане
Правда на сім світі.

19 февраля 1844
Москва

Три літа, арк. 4—5. Автограф.
Вперше опубл.: *Вечерниці*[14].— Львів.— 1863.— № 11.— С. 81—82.

№ 233

Заворожи мені, волхве,
Друже сивоусий!
Ти вже серце запечатав,
А я ще боюся.
Боюся ще погорілу
Пустку руйновати,
Боюся ще, мій голубе,
Серце поховати.
Може вернеться надія
С тією водою

Зцілющою й живущою,
Дрібною сльозою —
Може вернеться з-за світа
В пустку зимовати,
Хоч всередині обілить
Горілую хату.
І витопить, і нагріє,
І світло засвітить...
Може ще раз прокинуться
Мої думи-діти.
Може ще раз помолюся,
З дітками заплачу.
Може ще раз сонце правди
Хоч крізь сон побачу...
Стань же братом, хоч одури.
Скажи, що робити:
Чи молитись, чи журитись,
Чи тім'я розбити??!

13 декабря, 1844
С.-Петербург

Три літа, арк. 6. Автограф.
Вперше опубл.: *Русский* инвалид [18].— Спб., 1857.— № 61.

№ 234

У неділю не гуляла
Та на шовки заробляла,
Та хустину вишивала,
Вишиваючи співала:

«Хустиночко мережена,
Вишиваная,
Вигаптую, подарую,
А він мене поцілує,
Хустино моя
Мальованая.
Здивуються вранці люди,
Що в сироти хустка буде
Мережаная,
Мальованая.
А я косу розплітаю,
З дружиною похожаю.
Доленько моя,
Матінко моя».

Отак вона вишивала,
У віконце поглядала,
Чи не ревуть круторогі,
Чи не йде чумак з дороги.
Іде чумак з-за Лиману
З чужим добрим, безталанний,
Чужі воли поганяє,
Поганяючи співає:
«Доле моя, доле,

Чом ти не такая,
Як інша чужая?
Чи я п'ю, гуляю,
Чи сили не маю?
Чи до тебе доріженьки
У степу не знаю?
Чи до тебе свої дари
Я не посилаю?
Є у мене дари —
Очі мої карі.
Молодую мою силу
Багаті купили;
Може й дівчину без мене
З іншим заручили...
Навчи ж мене, моя доле,
Гуляти навчи».

Та й заплакав сіромаха,
Степом ідучи.
Ой застогнав сивий пугач
В степу на могилі,
Зажурились чумаченьки,
Тяжко зажурились.
«Благослови, отамане,
Коло села стати,
Та понесем товариша
В село причащати».
Сповідали, причащали
Й ворожки питали,—
Не помогло... з незцілённим
В дорогу рушали.
Чи то праця задавила
Молодую силу,
Чи то нудьга невсипуща
Його з ніг звалила.
Чи то люди поробили
Йому, молодому,
Що привезли його з Дону
На возі додому.
Благав бога, щоб дівчину...
Хоч село побачить.
Не доблагав... Поховали,
Ніхто й не заплаче!

Поставили громадою
Хрест над сиротою
Й розійшлися... Як билина,
Як лист за водою,
Пішов козак з сього світа,
Все забрав з собою.—
А де ж тая мальована,
Шитая хустина,
А де ж тая веселая
Дівчина-дитина?!

На новому христі хустку
Вітер розвіває,
А дівчина у черниці
Косу розплітає.

18 октября 1844
С.-Петербург

Три літа, арк. 7—8. Автограф.
Вперше опубл. під назвою «Хустина»: Луна [16].— К., 1881.— С. 3—6

№ 235

ГОГОЛЮ [17]

За думою дума роєм вилітає [18];
Одна давить серце, друга роздирає,
А третяя тихо, тихесенько плаче
У самому серці, може й бог не бачить.
Кому ж її покажу я,
І хто тую мову
Привітає, угадає
Великеє слово?
Всі оглухи — похилились
В кайданах... байдуже...
Ти сміешся, а я плачу,
Великий мій друже.
А що вродить з того плачу?
Богилова, брате...
Не заревуть в Україні
Вольнії гармати.
Не заріже батько сина,
Своєї дитини,
За честь, славу, за братерство,
За волю Вкраїни.
Не заріже: викохає
Та й продасть в різницю
Москалеві. Це б то, бачиш,
Лепта удовиці
Престолові-отечеству
Та німоті плата.
Нехай, брате.— А ми будем
Сміяться та плакать.

30 декабря 1844
С.-Петербург

Три літа, арк. 9. Автограф.
Вперше під назвою «Думка» опубл.: *Новые* стихотворения Пушкина и Шевченки.— Л
С. 22—23.

№ 236

РОЗРИТА МОГИЛА [19]

Світе тихий, краю милий,
Моя Україно!
За що тебе сплюндровано,
За що, мамо, гинеш?

Чи ти рано до схід сонця
Богу не молилась?
Чи ти діточок непевних
Звичаю не вчила?
«Молилася, турбувалась,
День і ніч не спала,
Малих діток доглядала,
Звичаю навчала.
Виростали мої квіти,
Мої добрі діти,
Панувала і я колись
На широкім світі,—
Панувала... Ой Богдане!
Нерозумний сину!
Подивись тепер на матір,
На свою Вкраїну,
Що, колишучи, співала
Про свою недолю,
Що, співаючи, ридала,
Виглядала волю.
Ой Богдане, Богданочку!
Якби була знала,
У колисці б задушила,
Під серцем приспала.
Степи мої запродані
Жидові, німоті,
Сини мої на чужині,
На чужій роботі.
Дніпро, брат мій, висихає,
Мене покидає,
І могили мої милі
Москаль розриває...
Нехай риє, розкопує,
Не своє шукає,
А тим часом перевертні
Нехай підростають
Та поможуть москалеві
Господарювати,
Та з матері полатану
Сорочку знімати.
Помагайте, недолюдки,
Матір катувати».

Начетверо розкопана,
Розрита могила.
Чого вони там шукали?
Що там схоронили
Старі батьки?— Ех, якби то,
Якби то найшли те, що там схоронили —
Не плакали б діти, мати не журилась.

9 октября 1843
Березень

Три літа, арк. 10—11. Автограф.
Вперше опубл.: *Новые* стихотворения Пушкина и Шевченки.— С. 19—21.

№ 237

Чого мені тяжко, чого мені нудно,
Чого серце плаче, ридає, кричить,
Мов дитя голодне? Серце моє трудне,
Чого ти бажаєш, що в тебе болить?
Чи пити, чи їсти, чи спатоньки хочеш?
Засни, моє серце, навіки засни,
Невкрите, розбите — а люд навісний
Нехай скаженіє... Закрий, серце, очі.

13 ноября 1844
Спб.

Три літа, арк. 11. зв. Автограф.
Вперше опубл.: *Основа* [20].— 1861.— № 3.— С. 4.

№ 238

На завидуй багатому:
Багатий не знає
Ні приязні, ні любові —
Він все те наймає.
Не завидуй могучому,
Бо той заставляє.
Не завидуй і славному:
Славний добре знає,
Що не його люди люблять,
А ту тяжку славу,
Що він тяжкими сльозами
Вилив на забаву.
А молоді як зійдуться,
Та любо та тихо,
Як у раї,— а диви[ш]ся:
Ворушиться лихо.
Не завидуй же нікому,
Дивись кругом себе:
Нема раю на всій землі,
Та нема й на небі.

4 октября 1845
Миргород

Три літа, арк. 12. Автограф.
Вперше опубл.: *Основа*.— 1861.— № 3.— С. 2.

№ 239

Не женися на багатій,
Бо вижене з хати,
Не женися на убогій,
Бо не будеш спати.
Оженись на вольній волі,
На козацькій долі:
Яка буде, така й буде,
Чи гола, то й гола.
Та ніхто не докучає
І не розважає —

Чого болить і де болить,
Ніхто не питає.
Удвох, кажуть, і плакати
Мов легше неначе;
Не потурай: легше плакать,
Як ніхто не бачить.

4 октября 1845
Миргород

Три літа, арк. 13. Автограф.
Вперше опубл.: *Основа.*— 1861.— № 3.— С. 2.

№ 240

СОВА

Породила мати сина
В зеленій діброві,
Дала йому карі очі
І чорнії брови.
Китайкою повивала,
Всіх святих благала,
Та щоб йому всі святії
Талан-долю слали.
«Пошли тобі матер божа
Тії благодати,
Всьо́го то́го, чого мати
Не зуміє дати».
До схід сонця воду брала,
В барвінку купала,
До півночі колихала,
До світа співала:

«Е...е... лю-лі,
Питала зузулі,
Зузуля кувала,
Правдоньку казала,
Буду сто літ жити,
Тебе годувати,
В жупані ходити,
Буду панувати.
Ой виростеш, сиіу,
За півчварта року,
Як княжа дитина,
Як ясен високий,
Гнучкий і дебелий,
Щасливий, веселий
Й не одинокий.
Найду тобі рівню
Хоч за морем синім,
Або крамарівну,
Або сотниківну,
Таки панну, сину.
У червоних черевиках,
В зеленім жупані
По світлиці похожає,

Як пава, як пані,
Та з тобою розмовляє.
В хаті, як у раї!!
А я сижу на покуті,
Тілько поглядаю.

Ой сину мій, сину,
Моя ти дитино!
Чи є кращий на всім світі,
На всій Україні!
Нема кращого й не буде —
Дивуйтеся, люди!
Нема кращого!.. а долю...
Долю роздобуде».

Ой зузуле, зузуленько,
Нащо ти кувала,
Нащо ти їй довгі літа,
Сто літ накувала?
Чи є ж таки на сім світі
Слухняная доля?
Ой, якби то... вміла б мати
З німецького поля
Своїм діточкам закликать
І долю, і волю,
Та ба... а зле безталання
Зострінеться всюди,
І иа шляху і без шляху,
Усюди, де люди.

Кохалася мати сином,
Як квіткою в гаї,
Кохалася... а тим часом
Батько умирає.
Осталася удовою,
Хоч і молодою
І не одна ... та все ж тяжко...
З горем та нудьгою
Пішла вона до сусідів
Поради просити...
Присудили сусідоньки
У наймах служити.
Ізнищіла, ізмарніла,
Кинула госпóду,
Пішла в найми... не минула
Лихої пригоди.
І день і ніч працювала,
Подушне платила...
І синові за три копи
Жупанок купила.
Щоб і воно, удовине,
До школи ходило.

Ой талане, талане,
Удовиний поганий!

Чи ти в полі, чи ти в гаї,
Обідраний циган́е,
З бурлаками гуляєш?
Тече вода і на гору
Багатому в хату.
А вбогому в яру треба
Криницю копати.
У багатих ростуть діти —
Верби при долині;
А у вдови одним одно,
Та й те, як билина.

Діждалася вдова долі,
Зросту того сина.
І письменний і вродливий —
Квіточка дитина!
Як у бога за дверима,
Вдова панувала;
А дівчата лицялися
І рушники дбали.
Полюбила багатая —
Не поцілувала,
Вишивала шовком хустку —
Не подарувала.
Крались злидні із-за моря
В удовину хату.
Та й підкрались... Стали хлопців
В кайдани кувати
Та повезли до прийому
Битими шляхами.
Пішла й вдова з матерями
З дрібними сльозами.
Де на ніч ставали,
Сторо́жу давали,
Стару вдову до обозу
Та й не допускали.
Ой привезли до прийому
Чуприни голити;
Усі дрібні, усе малі,
Все багатих діти.
Той каліка недоріка,
Той не вміє стати.
Той горбатий, той багатий,
Тих чотири в хаті.
Усі невлад, усіх назад,
В усіх доля мати.
А у вдови один син,
Та й той якраз під аршин.

Покинула знову хату,
Синову господу;
Пішла в найми, за хліб черствий
Жидам носить воду.
Бо хрищені не приймають:
«Стара, кажуть, стала,

Нездужає...» — і огризок
В вікно подавали
Христа ради... Не дай, боже,
Такого дожити,
Не дай, боже, в багатого
І пить попросити.
По копійці заробляла,
Копу назбирала.
Та до сина лист писала.
У в[й]ську послала —
Полегшало. Минає рік,
І другий минає,
І четвертий, і десятий,
А чутки немає.
Нема чутки; що тут робить?
Треба торбу брати
Та йти... іти собак дражнить
Од хати до хати.
Взяла торбу, пішла селом,
На вигоні сіла
І в село вже не верталась,
День і ніч сиділа
Коло коворот. А літо
За літом минає.
Помарніла, скалічіла,
Ніхто й не пізнає.
Та й кому там пізнавати
Каліку убогу.
Сидить собі та дивиться
В поле на дорогу.
І світає, і смеркає,
І знову смеркає,
А москаля, її сина,
Немає, немає.

Понад ставом увечері
Хитається очерет.
Дожидає сина мати
До досвіта вечерять.
Понад ставом увечері
Шепочеться осока,
Дожидай в темнім [гаї]
Дівчинонька козака.
Пона[д] ставом вітер віє,
Лози нагинає.
Плаче мати одна в хаті,
А дівчина в гаї.
Поплакала чорнобрива
Та й стала співати;
Поплакала стара мати
Та й стала ридати.
І молилась, і ридала,
Кляла все на світі.
Ох, тяжкі ви, безталанні
У матері діти!

Скалічені старі руки
До бога здіймала,
Свою долю проклинала,
Сина вимовляла.
То од жалю отходила
І мовчки журилась
Та на шлях той на далекий
Крізь сльози дивилась.
І день і ніч дивилася
Та й стала питати:
«Чи не чув хто, чи не бачив
Москаля-салдата,
Мого сина...» Ніхто не чув,
Ніхто і не бачив.
Сидить вона, не йде в село,
Не пита й не плаче,
Одуріла!.. і цеглину
Муштрує, то лає,
То гудує, як дитину,
Й сином називає,
І нищечком тихесенько
Крізь сльози співає:

«Змія хату запалила,
Дітям каші наварила,
Поморщила постоли,
Полетіли москалі.
Сірі гуси в ірій, ірій
По чотири, по чотири
Полетіли — гел-гел! —
На могилі орел,
На могилі серед ночі
У козака вийма очі,
А дівчина в темнім гаї
Його з ві[й]ська виглядає.

Вдень лазила на смітниках,
Черепки збирала,
Примовляла, що синові
Гостинця ховала.
А уночі розхристана
І простоволоса
Селом ходить — то співає,
То страшно голосить.
Люди лаяли... бо, бачте,
Спать їм не давала
Та кропиву під їх тином
І бур'ян топтала.
Діти бігали з паліччям
Удень за вдовою
По улицях та, сміючись...
Дражнили С о в о ю.

6 мая 1844
Спб.

Три літа, арк. 14—20. Автограф.
Вперше опубл.: *Нова* громада [21].— 1906.— № 10.— С. 60—67.

№ 241

ДІВИЧІЇ НОЧІ

Висушили карі очі
Дівичії ночі.
Черниця Мар'яна

Розплелася густа коса
Аж до пояса,
Розкрилися перси-гори,
Хвилі сер[е]д моря;
Засіяли карі очі,
Зорі серед ночі,
Білі руки простяглися —
Так би й обвилися
Кругом стану. І в подушку
Холодну впилися,
Та й заклякли, тай замерли,
З плачем рознялися.
«Нащо мені коса-краса,
Очі голубині,
Стан мій гнучий... коли нема
Вірної дружини,
Немає з ким полюбитись,
Серцем поділитись...
Серце моє! серце моє!
Тяжко тобі битись
Одинокому. З ким жити,
З ким, світе лукавий,
Скажи мені... Нащо мені
Тая слава... слава.
Я любить, я жити хочу
Серцем, не красою!
А ме[ні] ще й завидують,
Гордою і злою
Злії люди нарікають.
А того й не знають,
Що я в серці заховала...
Нехай нарікають,
Гріх їм буде... Боже милий,
Чому ти не хочеш
Укоротить свої темні,
Тяжкі мені ночі!..
Бо я вдень не одинока —
З полем розмовляю,
Розмовляю і недолю
В полі забуваю,
А вночі...» — та й оніміла,
Сльози полилися...
Білі руки простяглися,
В подушку впилися.

18 мая 1844
Спб.

Три літа, арк. 21. Автограф.
Вперше опубл.: *Нова* громада.— 1906.— № 10.— С. 67—68.

№ 242

НАЙМИЧКА

(Поема)

У неділю вранці-рано
Поле крилося туманом;
У тумані, на могилі,
Як тополя, похилилась
Молодиця молодая.
Щось до лона пригортає
Та з туманом розмовляє:

«Ой тумане, тумане —
Мій латаний талане!
Чому мене не сховаєш
Серед лану в тумані.
Чому мене не задавиш,
У землю не вдавиш?
Чом мені злої долі,
Чом віку не збавиш?
Ні, не дави, туманочку!
Сховай тілько в полі,
Щоб ніхто не знав, не бачив
Моєї недолі!..
Я не одна,— есть у мене
І батько, і мати...
Єсть у мене, туманочку,
Туманочку, брате!..
Дитя моє! мій синочку,
Нехрищений сину!
Не я тебе христитиму
На лиху годину.
Чужі люде христитимуть,
Я не буду знати,
Як і зовуть... Дитя моє!
Я була багата...
Не лай мене; молитимусь,
Із самого неба
Долю виплачу сльозами
І пошлю до тебе».

Пішла полем ридаючи,
В тумані ховалась.
Та крізь сльози тихесенько
Про вдову співала,
Як удова в Дунаєві
Синів поховала:

«Ой у полі могила;
Там удова ходила,
Там ходила-гуляла,
Трути-зілля шукала.
Трути-зілля не найшла,
Та синів двох привела,

В китаєчку сповила
І на Дунай однесла:
«Тихий, тихий Дунай!
Моїх діток забавляй.
Ти, жовтенький пісок,
Нагодуй моїх діток;
Нагодуй і сповий,
І собою укрий!»

I

Був собі дід та баба.
З давнього давна, у гаї над ставом,
Удвох собі на хуторі жили,
Як діточок двоє,—
Усюди обоє.
Ще змалечку вдвох ягнята пасли
А потім побралися,
Худоби діждалися,—
Придбали хутір, став і млин,
Садок у гаї розвели
І пасіку чималу,—
Всього надбали.
Та діточок біг-ма,
А смерть з косою за плечима.

Хто ж їх старість привітає,
За дитину стане?
Хто заплаче, поховає?
Хто душу спом'яне?
Хто поживе добро честно,
В добрую годину,
І згадає їх дякуючи,
Як своя дитина?..
Тяжко дітей годувати
У безверхій хаті,
А ще гірше старітися
У білих палатах,—
Старітися, умирати,
Добро покидати
Чужим людям, чужим дітям
На сміх, на розтрату.

II

І дід, і баба у неділю
На призьбі вдвох собі сиділи
Гарненько, в білих сорочках.
Сіяло сонце, в небесах
Ані хмариночки, та тихо,
Та любо, як у раї.
Сховалося у серці лихо,
Як звір у темнім гаї.

В такім раї, чого б, бачся,
Старим сумувати?
Чи то давнє яке лихо
Прокинулось в хаті?

Чи вчорашнє, задавлене
Знов поворушилось,
Чи ще тільки заклюнулось —
І рай запалило?

Не знаю, що і після чого
Старі сумують. Може, вже
Оце збираються до бога,
Та хто в далекую дорогу
Їм добре коней запряже?

«А хто нас, Насте, поховає,
Як помремо?»
«Сама не знаю!
Я все оце міркувала,
Та аж нудно стало:
Одинокі зостарились...
Кому понадбали
Добра цього?..»
«Стривай лишень!
Чи чуєш? щось плаче
За ворітьми... мов дитина!
Побіжім лиш!.. Бачиш?
Я вгадував, що щось буде!»

І разом схопились
Та до воріт... Прибігають —
Мовчки зупинились.
Перед самим перелазом
Дитина сповита —
Та й не туго, й повенькою
Свитиною вкрита;
Бо то мати сповивала —
І літом укрила
Останньою свитиною!..
Дивились, молились
Старі мої. А сердешне
Неначе благає:
Випручало рученята
Й до їх простягає
Манюсінькі... і замовкло,
Неначе не плаче,
Тільки пхика.
«А що, Насте?
Я й казав! От, бачиш?
От і талан, от і доля,
І не одинокі!
Бери ж лишень та сповивай...
Ач яке, ніврокуі
Неси ж в хату, а я верхи
Кинусь за кумами
В Городище...»

Чудно якось
Діється між нами!

Один сина проклинає,
З хати виганяє,
Другий свічечку, сердешний,
Потом заробляє
Та ридаючи становить
Перед образами —
Нема дітей!.. Чудно якось
Діється між нами!

III

Аж три пари на радощах
Кумів назбирали
Та ввечері й охристили
І Марком назвали.
Росте Марко. Старі мої
Не знають, де діти,
Де посадить, де положить
І що з ним робити.
Минає рік. Росте Марко —
І дійна корова
У розкоші купається.
Аж ось чорноброва
Та молода, білолиця
Прийшла молодиця
На той хутір благодатний
У найми проситься.
«А що ж,— каже,— возьмім, Нас
«Возьмімо, Трохиме,
Бо ми старі, нездужаєм,
Та таки й дитина,
Хоча воно вже й підросло,
Та все ж таки треба
Коло його піклуватись».
«Та воно-то треба.
Бо й я свою вже часточку
Прожив, слава богу,—
Підтоптався. Так що ж тепер,
Що візьмеш, небого?
За рік, чи як?»
«А що дасте».
«Е, ні! треба знати,
Треба, дочко, лічить плату,
Зароблену плату,
Бо сказано: хто не лічить,
То той і не має.
Так отак хіба, небого?
І ти нас не знаєш,
Ні ми тебе. А поживеш,
Роздивишся в хаті,
Та й ми тебе побачимо,—
Отоді й за плату,
Чи так, дочко?»
«Добре, дядьку».
«Просимо ж у хату».

Поєднались. Молодиця
Рада та весела,
Ніби з паном повінчалась,
Закупила села.
І у хаті, і на дворі,
І коло скотини,
Увечері і вдосвіта;
А коло дитини
Так і пада, ніби мати;
В будень і в неділю
Головоньку йому змиє,
Й сорочечку білу
Що день божий надіває.
Грається, співає,
Робить возики, а в свято —
То й з рук не спускає.
Дивуються старі мої
Та моляться богу.
А наймичка невсипуща
Щовечір, небога,
Свою долю проклинає,
Тяжко-важко плаче;
І ніхто того не чує,
Не знає й не бачить,
Опріч Марка маленького.
Так воно не знає,
Нащо наймичка сльозами
Його умиває.
Не знає Марко, нащо вона
Так його цілує,—
Сама не з'їсть і не доп'є,
Його нагодує.
Не зна Марко, як в колисці
Часом серед ночі
Прокинеться, ворухнеться,—
То вона вже скочить,
І укриє й перехристить,
Тихо заколише;
Вона чує з тії хати,
Як дитина дише.
Вранці Марко до наймички
Ручки простягає
І мамою невсипущу
Ганну називає...
Не зна Марко, росте собі,
Росте, вирostає.

IV

Чимало літ перевернулось,
Води чимало утекло;
І в хутір лихо завернуло,
І сліз чимало принесло.
Бабусю Настю поховали
І ледве-ледве одволали
Трохима діда. Прогуло

Прокляте лихо, та й заснуло.
На хутір знову благодать
З-за гаю темного вернулась
До діда в хату спочивать.

Уже Марко чумакує
І восени не ночує
Ні під хатою, ні в хаті...
Кого-небудь сватать.
«Кого ж би тут?» старий дума
І просить поради
У наймички. А наймичка
До царівни б рада
Слать старости: «Треба Марка
Самого спитати».
«Добре, дочко, спитаємо,
Та й будемо сватать».

Розпитали, порадились,
Та й за старостами
Пішов Марко. Вернулися
Люде з рушниками,
З святим хлібом обміненим.
Панну у жупані,
Таку кралю висватали,
Що хоч за гетьмана,
То не сором. Отаке-то
Диво запопали!

«Спасибі вам!» старий каже.
«Тепер, щоб ви знали,
Треба краю доводити,
Коли й де вінчати,
Та й весілля Та ще ось що:
Хто в нас буде мати?
Не дожила моя Настя!..»
Та й заливсь сльозами.
А наймичка у порогу
Вхопилась руками
За одвірок, та й зомліла.
Тихо стало в хаті;
Тілько наймичка шептала:
«Мати...мати...мати!»

V

Через тиждень молодиці
Коровай місили
На хуторі. Старий батько
З усієї сили
З молодицями танцює
Та двір вимітає;
Та прохожих, проїжжачих
На двір закликає,
Та вареною частує,
На весілля просить.

А ж тащює, а самого
Ледве ноги носять.
Скрізь гармидер та реготня,
В хаті і надворі.
І жолоби викотили
З нової комори.
Скрізь поранпя: печуть, варять,
Вимітають, миють...
Та все чужі. Де ж наймичка?
На прощу у Київ
Пішла Ганна. Благав старий,
А Марко аж плакав,
Щоб була вона за матір.
«Ні, Марку, ніяко
Мені матір'ю сидіти:
То багаті люде,
А я наймичка... ще й з тебе
Сміятися будуть.
Нехай бог вам помагає!
Піду помолюся
Усім святим у Києві,
Та й знову вернуся
В вашу хату, як приймете.
Поки маю сили,
Трудитимусь...»
Чистим серцем
Поблагословила
Свого Марка... заплакала
Й пішла за ворота.

Розвернулося весілля.
Музикам робота
І підковам. Вареною
Столи й лави миють.
А наймичка шкандибає,
Поспішає в Київ.
Прийшла в Київ — не спочила,
У міщанки стала,
Найнялася носить воду,
Бо грошей нестало
На акафист у Варвари.
Носила-носила,
Кіп із вісім заробила
Й Маркові купила
Святу шапочку в пещерах
У Йвана святого,
Щоб голова не боліла
В Марка молодого;
І перстеник у Варвари
Невістці достала,
І, всім святим поклонившись,
Додому верталась.

Вернулася, Катерина
І Марко зостріли

За ворітьми, ввели в хату
Й за стіл посадили;
Напували й годували,
Про Київ питали,
І в кімнаті Катерина
Одпочить послала.

«За що вони мене люблять?
За що поважають?
О боже мій милосердний!
Може, вони знають...
Може, вони догадались...
Ні, не догадались;
Вони добрі...»
І наймичка
Тяжко заридала.

VI

Тричі крига замерзала,
Тричі розтавала,
Тричі наймичку у Київ
Катря провожала,
Так, як матір; і в четвертий
Провела небогу
Аж у поле, до могили,
І молила бога,
Щоб швиденько верталася,
Бо без неї в хаті
Якось сумно, ніби мати
Покинула хату.

Після пречистої в неділю,
Та після першої, Трохим
Старий сидів в сорочці білій,
В брилі, на призьбі. Перед ним
З собакою унучок грався,
А внучка в юпку одяглась
У мамину і ніби йшла
До діда в гості. Засміявсь
Старий і внуку привітав,
Неначе справді молодицю:
«А де ж ти діла паляницю?
Чи, може, в лісі хто одняв?
Чи попросту — забула взяти?..
Чи, може, ще й не напекла?
Е, сором, сором, лепська мати!»
Аж зирк,— і наймичка ввійшла
На двір. Старий побіг стрічати
З онуками свою Ганну.
«А Марко в дорозі?»
Ганна діда спитається
«В дорозі ще й досі».
«А я ледве доплелася
До вашої хати,

Не хотілось на чужині
Одній умирати!
Коли б Марка хоч діждатися.
Так щось тяжко стало!»
І внучатам із клунка
Гостинці виймала:
І хрестики, й дукачики,
Й намиста разочок
Яриночці, і червоний
З фольги образочок.
А Карпові соловейка
Та коників пару,
І четвертий уже перстень
Святої Варвари
Катерині, а дідові
Із воску святого
Три свічечки; а Маркові
І собі нічого
Не принесла: не купила,
Бо грошей нестало,
А заробить нездужала.
«А ось ще осталось
Півбубличка!»
Й по шматочку
Дітям розділила.

VII

Ввійшли в хату. Катерина
Їй ноги умила
Й полудновать посадила
Не пила й не їла
Моя Ганна.
«Катерино!
Коли в нас неділя?»
«Післязавтра».
«Треба буде
Акафіст на[й]няти
Миколаєві святому
Й на часточку дати;
Бо щось Марко забарився...
Може, де в дорозі
Занедужав, сохрань боже!»
Й покапали сльози
З старих очей замучених.
Ледве-ледве встала
Із-за стола.
«Катерино!
Не та вже я стала:
Зледащіла, нездужаю
І на ноги встати.
Тяжко, Катре, умирати
В чужій теплій хаті!»

Занедужала небога.
Уже й причащали,

Й маслосвятіє справляли,—
Ні, не помагало.
Старий Трохим по надвір'ю,
Мов убитий, ходить.
Катерина з болящої
І очей не зводить;
Катерина коло неї
І днює й ночує.
А тим часом сичі вночі
Недобре віщують
На коморі. Болящая
Щодень, щогодина,
Ледве чути, питається:
«Доню Катерино!
Що ще Марко не приїхав?
Ох, якби я знала,
Що діждуся, що побачу,
То ще б підождала!»

VIII

Іде Марко з чумаками,
Ідучи співає.
Не поспіша до господи —
Воли попасає.
Везе Марко Катерині
Сукна дорогого,
А батькові шитий пояс
Шовку червоного,
А наймичці на очіпок
Парчі золотої
І червону добру хустку
З білою габою.
А діточкам черевички,
Фіг та винограду.
А всім вкупі — червоного
Вина з Цареграду
Відер з трое набарилі,
І кав'яру з Дону,—
Всього везе, та не знає,
Що діється дома!

Іде Марко, не журиться.
Прийшов — слава богу!
І ворота одчиняє,
І молиться богу.
«Чи ти чуеш Катерино?
Біжи зустрічати!
Уже прийшов! Біжи швидше!
Швидче веди в хату!..
Слава тобі, спасителю
Насилу діждала!»
І Отче наш тихо-тихо,
Мов кр[зь] сон, читала.

Старий воли випрягає,
Занози ховає
Мережані, а Катруся
Марка оглядає.
«А де ж Ганна, Катерино?
Я пак і байдуже!
Чи не вмерла?»
«Ні, не вмерла,
А дуже нездужа.
Ходім лишень в малу хату,
Поки випрягає
Батько воли: вона тебе,
Марку, дожидає».

Ввійшов Марко в малу хату
І став у порогу...
Аж злякався, Ганна шепче:
«Слава... слава богу!
Ходи сюди, не лякайся...
Вийди, Катре, з хати:
Я щось маю розпитати,
Дещо розказати».

Вийшла з хати Катерина,
А Марко схилився
До наймички у го́лови.
«Марку! подивися,
Подивися ти на мене:
Бач, як я змарніла?
Я не Ганна, не наймичка,
Я...»
Та й заніміла.
Марко плакав, дивувався.
Знов очі одкрила,
Пильно, пильно подивилась —
Й сльози покотились.
«Прости мене! Я каралась
Весь вік в чужій хаті...
Прости мене, мій синочку!
Я... я твоя мати».
Та й замовкла...
Марко слухав
Й земля [за]дрижала.
Прокинувся... до матері —
А мати вже спала!

13 ноября 1845
в Переяславі

Три літа, арк. 22—34. Автограф.
Вперше опубл. П. Кулішем: *Записки* о Южной Руси.— Спб., 1857.— Т. 2.— пису автора, оскільки Шевченкові тоді ще було заборонено друкуватися).

№ 243

МАЛЕНЬКІЙ МАР'ЯНІ

Рости, рости, моя пташко,
Мій маковий цвіте,
Розвивайся, поки твоє
Серце не розбите,
Поки люди не дознали
Тихої долиии.
Дознаються — пограються,
Засушать та й кинуть.
Ані літа молодії,
Повиті красою,
Ні карії оченята,
Умиті сльозою,
Ані серце твоє тихе,
Добреє дівоче
Не заступить, не закриє
Неситії очі.
Найдуть злії та й окрадуть...
І тебе, убогу,
Кинуть в пекло ... замучишся
І прокленеш бога.
Не цвіти ж, мій цвіте новий,
Нерозвитий цвіте,
Зов'янь тихо, поки твоє
Серце не розбите.

0 декабря 1845
Зьюнища

ри літа, арк. 34 зв. Автограф.
перше опубл.: *Нова* громада.— 1906.— № 10.— С. 68—69; *Киевская* старина.— 1906.— № 11/12.— . 333.

№ 244

СОН [22]

(Комедія)

Дух истины, его же мир не может прияти, яко не видит его, ниже знает его.

Иоанна, глава 14, стих 17.

У всякого своя доля
І свій шлях широкий:
Той мурує, той руйнує,
Той неситим оком —
За край світа зазирає,
Чи нема країни,
Щоб загарбать і з собою
Взять у домовину.
Той тузами обирає
Свата в його хаті,
А той нишком у куточку
Гострить ніж на брата.
А той, тихий та тверезий,
Богобоязливий,

Як кішечка підкрадеться,
Вижде нещасливий
У тебе час та й запустить
Пазурі в печінки,—
І не благай: не вимолять
Ні діти, ні жінка.
А той, щедрий та розкошний,
Все храми мурує;
Та отечество так любить,
Так за ним бідкує,
Так із його, сердешного,
Кров, як воду, точить!..
А братія мовчить собі,
Витріщивши очі!
Як ягнята: «Нехай, каже,
Може; так і треба».
Так і треба! бо немає
Господа на небі!
А ви в ярмі падаєте
Та якогось раю
На тім світі благаєте?
Немає! немає!
Шкода й праці. Схаменіться:
Усі на сім світі —
І царята і старчата —
Адамові діти.
І той... і той... а що ж то я!
Ось що, добрі люди:
Я гуляю, бенкетую
В неділю і в будень.
А вам нудно! жалкуєте!
Єй-богу, не чую.
І не кричіть! Я свою п'ю.
А не кров людськую!

Отак, ідучи попідтинню
З бенкету п'яний уночі,
Я міркував собі йдучи,
Поки доплентавсь до хатини.
А в мене діти не кричать
І жінка не лає,
Тихо, як у раї,
Усюди божа благодать —
І в серці і в хаті.
Отож я ліг спати.
А вже підпилий як засне,
То хоч коти гармати,
І усом не моргне.
Та й сон же, сон, напричуд дивни
Мені приснився —
Найтверезіший би упився,
Скупий жидюга дав би гривню,
Щоб позирнуть на ті дива.
Та чорта з два!
Дивлюся: так буцім сова

Летить лугами, берегами та нетрям
Та глибокими ярами,
Та широкими степами,
Та байраками.
А я за нею, та за нею,
Лечу й прощаюся з землею:
«Прощай, світе, прощай, земле
Неприязний краю,
Мої муки, мої люті
В хмарі заховаю.
А ти, моя, Україно,
Безталанна вдово,
Я до тебе літатиму
З хмари на розмову.
На розмову тихо-сумну,
На раду з тобою;
Опівночі падатиму
Рясною росою.
Порадимось, посумуєм,
Поки сонце встане;
Поки твої малі діти
На ворога стануть.
Прощай же ти, моя нене,
Удово небого;
Годуй діток; жива правда
У господа бога!»

Летим. Дивлюся, аж світає,
Край неба палає,
Соловейко в темнім гаї
Сонце зострічає.
Тихесенько вітер віє,
Степи, лани мріють,
Меж ярами иад ставами
Верби зеленіють.
Сади рясні похилились,
Тополі по волі
Стоять собі, мов сторожа,
Розмовляють з полем.
І все то те, вся країна,
Повита красою,
Зеленіє, вмивається
Дрібною росою,
Споконвіку вмивається,
Сонце зострічає...
І нема тому почину,
І краю немає!
Ніхто його не додбає
І не розруйнує...
І все то те... Душе моя,
Чого ти сумуеш?
Душе моя убогая,
Чого марне плачеш,
Чого тобі шкода? хіба ти не бачиш,
Хіба ти не чуеш людського плачу?

То глянь, подивися; а я полечу
Високо, високо за синії хмари;
Немає там власті, немає там кари,
Там сміху людського і плачу не чуть.
Он глянь,— у тім раї, що ти покидаєш,
Латану свитину з каліки знімають,
З шкурою знімають, бо нічим обуть
Княжат недорослих; а он розпинають
Вдову за подушне, а сина кують,
Єдиного сина, єдину дитину,
Єдину надію! в ві[й]ську оддають!
Бо його, бач, трохи! а онде під тином
Опухла дитина, голоднеє мре,
А мати пшеницю на панщині жне.
А он бачиш? очі! очі!
Нащо ви здалися,
Чом ви змалку не висохли,
Слізьми не злилися?
То покритка, попідтинню
З байстрям шкандибає,
Батько й мати одцурались
Й чужі не приймають!
Старці навіть цураються!!
А панич не знає,
З двадцятою, недоліток,
Душі пропиває!

Чи бог бачить із-за хмари
Наші сльози, горе?
Може й бачить, та помага,
Як і оті гори
Предковічні, що политі
Кровію людською!..
Душа моя убогая!
Лишенько з тобою.
Уп'ємося отрутою,
В кризі ляжем спати,
Пошлем думу аж до бога,
Його розпитати,
Чи довго ще на сім світі
Катам панувати??
Лети ж, моя думо, моя люта муко,
Забери з собою всі лиха, всі зла,
Своє товариство — ти з ними росла,
Ти з ними, кохалась, їх тяжкії руки
Тебе повивали. Бери ж їх, лети
Та по всьому небу орду розпусти.
Нехай чорніє, червоніє,
Полум'ям повіє,
Нехай знову рига змії,
Трупом землю криє.
А без тебе я де-небудь
Серце заховаю
Та тим часом пошукаю
На край світа раю.

І знов лечу понад землею,
І знов прощаюся я з нею.
Тяжко матір покидати
У безверхій хаті:
А ще гірше дивитися
На сльози та лати.

Лечу, лечу, а вітер віє,
Передо мною сніг біліє,
Кругом бори та болота,
Туман, туман і пустота.
Людей не чуть, не знать і сліду
Людської страшної ноги.
І вороги й невороги,
Прощайте, в гості не приїду!
Упивайтесь, бенкетуйте —
Я вже не почую,
Один собі навік-віки
В снігу заночую.
І поки ви дознаєтесь,
Що ще є країна,
Не полита сльозами, кров'ю,
То я одпочину...
Одпочину... аж слухаю —
Загули кайдани
Під землею... Подивлюся...
О люде поганий!
Де ти взявся? що ти робиш?
Чого ти шукаєш?
Під землею? Ні, вже, мабуть,
Я не заховаюсь
І на небі!.. За що ж кара,
За що мені муки?
Кому я що заподіяв!
Чиї тяжкі руки
В тілі душу закували,
Серце запалили
І ґаличі силу
Думи розпустили??
За що, не знаю, а караюсь,
І тяжко караюсь!
І коли я спокутую,
Коли діжду краю,
Не бачу й не знаю!!

Заворушилася пустиня.
Мов із тісної домовини
На той остатній страшний суд
Мертвці за правдою встають.
То не вмерлі, не убиті,
Не суда просити!
Ні, то люди, живі люди,
В кайдани залиті.
Із нор золото виносять,
Щоб пельку залити

Неситому!.. То катаржні.
А за що? те знає...
Вседержитель... а може, ще
Й він не добачає.

Онде злодій штемпований
Кайдани волочить;
Он розбійник катований
Зубами скрегоче,
Недобитка товариша
Зарізати хоче!
А меж ними, запеклими,
В кайдани убра́ний
Цар всесвітній! цар волі, цар,
Штемпом увінчаний!
В муці, в катарзі не просить,
Не плаче, не стогне!
Раз добром нагріте серце
Вік не прохолоне!

А де ж твої думи, рожевії квіти,
Доглядані, смілі, викохані діти,
Кому ти їх, друже, кому передав?
Чи може навіки в серці поховав?
О не ховай, брате! розсип їх, розкидай!
Зійдуть, і ростимуть, і у люди вийдуть!
Чи ще митарство? чи вже буде?
Буде, буде, бо холодно,
Мороз розум будить.
І знов лечу. Земля чорніє.
Дрімає розум, серце мліє.
Дивлюся: хати над шляхами
Та городи́ з стома церквами,
А в гор[од]ах, мов журавлі;
Замоштрували москалі;
Нагодовані, обуті
І кайданами окуті.

Моштруються... Далі гляну:
У долині, мов у ямі,
На багнищі город мріє [23];
Над ними хмарою чорніє
Туман тяжкий... Долітаю —
То город безкраїй.
Чи то турецький,
Чи то німецький,
А може те, що й московський.
Церкви, та палати,
Та пани пузаті,
І ні однісінької хати.

Смеркалося... огонь огнем
Кругом запалало,—
Аж злякавсь я... «Ура! ура!
Ура!» закричали.

«Цу-цу, дурні! схаменіться!
Чого се ви раді!
Що горите?» «Экой хохол!
Не знает параду.
У нас парад! сам изволит
Сегодни гуляти!»
«Та де ж вона, тая цяця?»
«Вон видишь — палаты».
Штовхаюсь я; аж землячок,
Спасибі, признався,
З циновими гудзиками:
«Де ты здесь узялся?»
«З Украïни». «Так як же ты
Й говорыть не вмиеш
По-здешнему?» «Ба ні, кажу,
Говорить умію,
Та не хочу». «Экой чудак!
Я вси входы знаю,
Я тут служу; коли хочеш,
В дворец попытаюсь
Ввесты тебе. Только, знаеш,
Мы, брат, просвищенны,—
Не поскупись полтинкою...»
Цур тобі, мерзенний
Каламарю... І зробився
Я знову незримий
Та й пропхався у палати.
Боже мій єдиний!
Так от де рай! уже нащо
Золотом облиті
Блюдолизи: аж ось і сам,
Високий, сердитий,
Виступе; обок його
Цариця небога,
Мов опеньок засушений,
Тонка, довгонога,
Та ще на лихо, сердешне,
Хита головою.
Так оце то та богиня!
Лишенько з тобою.
А я, дурний, не бачивши
Тебе, цяце, й разу,
Та й повірив тупорилим
Твоїм віршемазам.
Ото дурний! а ще й битий!
На квиток повірив
Москалеві. От і читай,
І ймови ти їм віри!
За богами — панства, панства
В серебрі та златі!
Мов кабани годовані —
Пикаті, пузаті!..
Аж потіють, та товпляться,
Щоб то ближче стати
Коло самих: може вдарять

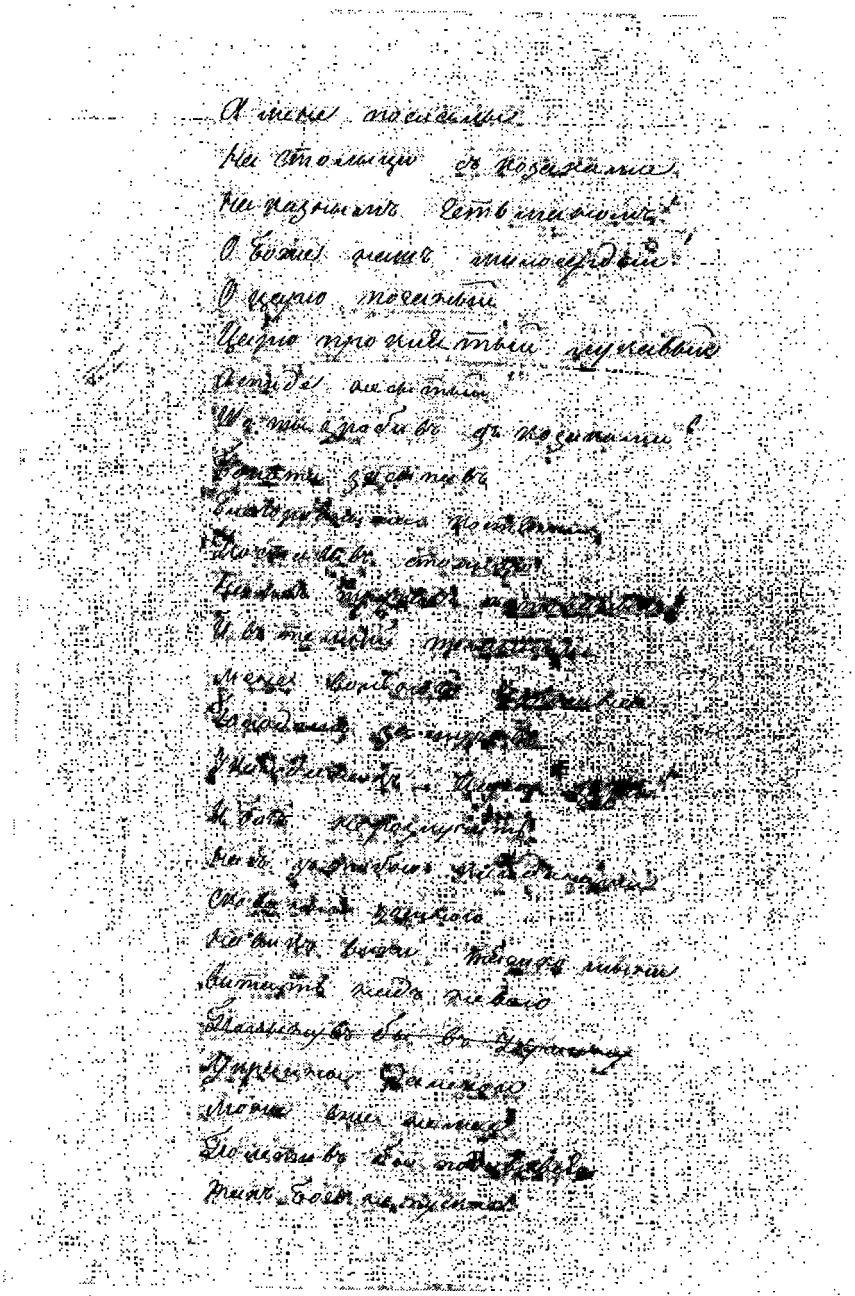
Або дулю дати
Благоволять; хоч маленьку,
Хоч півдулі, аби тілько
Під самую пику.
І всі уряд поставали,
Ніби без'язикі —
Анітелень. Цар цвенькає;
А диво-царица,
Мов та чапля меж птахами,
Скаче, бадьориться.
Довгенько вдвох похожали,
Мов сичі надуті,
Та щось нишком розмовляли —
Здалека не чути —
О отечестві, здається,
Та нових петлицях,
Та о муштрах ще новіших!..
А потім царица
Сіла мовчки на дзиглику.
Дивлюсь, цар підходить
До найстаршого... та в пику
Його як затопить!..
Облизався неборака;
Та меншого в пузо —
Ах загуло! ... а той собі
Ще меншого туза
Межи плечі; той меншого,
А менший малого,
А той дрібних, а дрібнота
Уже за порогом
Як кинеться по улицях,
Та й давай місити
Недобитків православних,
А ті голосити;
Та верещать; та як ревнуть:
«Гуля наш батюшка, гуля!
Ура!.. ура!.. ура! а, а, а...»
Зареготався я, та й годі;
А й мене давнули
Таки добре. Перед світом
Усе те заснуло;
Тіль[ки] де-де православні
По углах стогнали
Та, стогнучи, за батюшку
Господа благали.
Сміх і сльози! От пішов я
Город озирати,
Там ніч, як день. Дивлюся:
Палати, палати
Понад тихою рікою;
А берег ушитий
Увесь каменем. Дивуюсь,
Мов несамовитий!
Як то воно зробилося
З калюжі такої

Таке диво... отут крові
Пролито людської —
І без ножа. По тім боці
Твердиня й дзвініця [24],
Мов та швайка загострена,
Аж чудно дивиться.
І дзигарі теленькають.
От я повертаюсь —
Аж кінь летить, копитами
Скелю розбиває!
А на коні сидить охляп,
У свиті — не свиті,
І без шапки. Якимсь листом
Голова повита.
Кінь басує — от-от річку,
От... от... перескочить.
А він руку простягає,
Мов світ увесь хоче
Загарбати. Хто ж це такий?
От собі й читаю,
Що на скелі наковано:
П е р в о м у — в т о р а я [25]
Таке диво наставила.
Тепер же я знаю:
Це той п е р в и й, що розпинав
Нашу Україну,
А в т о р а я доканала
Вдову сиротину.
Кати! кати! людоїди!
Наїлись обоє,
Накралися; а що взяли
На той світ з собою?
Тяжко, тяжко мені стало,
Так, мов я читаю
Історію України.
Стою, замираю...
А тим часом — тихо, тихо
Та сумно співає
Щось такеє невидиме [26]:

«Із города із Глухова [27]
Полки виступали
З заступами на лінію,
А мене послали
На столицю з козаками
Наказним гетьманом!
О боже наш милосердий!
О царю поганий,
Царю проклятий, лукавий,
Аспиде неситий!
Що ти зробив з козаками?
Болота засипав
Благородними костями;
Поставив столицю
На їх трупах катоваих!

І в темній темниці
Мене, вольного гетьмана,
Голодом замучив
У кайданах.— Царю! Царю!
І бог не розлучить
Нас з тобою. Кайданами
Скований зо мною
Навік-віки. Тяжко мені
Витать над Невою.
України далекої
Може вже немає.
Полетів би, подивився,
Так бог не пускає.
Може Москва випалила
І Дніпро спустила
В синє море, розкопала
Високі могили —
Нашу славу. Боже милий,
Зжалься, боже милий».
Та й замовкло; дивлюся я:
Біла хмара криє
Сіре небо. А в тій хмарі
Мов звір в гаї виє.
То не хмара — біла пташка
Хмарою спустилась
Над царем тим мусянджовим
І заголосила:
«І ми ковані з тобою,
Людоїде, змію!
На страшному на су́дищі
Ми бога закриєм
Од очей твоїх неситих.
Ти нас з України
Загнав, голих і голодних [28],
У сніг на чужи́ну
Та й порізав; а з шкур наших
Собі багряницю [29]
Пошив жилами твердими
І заклав столицю
В новій рясі. Подивися:
Цер[к]ви та палати!
Веселися, лютий кате,
Проклятий! проклятий!»

Розлетілись, розсипались,
Сонечко вставало.
А я стояв, дивувався,
Та аж страшно стало.
Уже вбогі ворушились,
На труд поспішали,
І москалі на розпуттях
Уже моштрувались.
Покрай улиць поспішали
Заспані дівчата,
Та не з дому, а додому!



Автограф з поеми Т. Г. Шевченка «Сон» з підкресленнями III відділення

Посилала мати
На цілу ніч працювати,
На хліб заробляти.
А я стою, похилившись,
Думаю, гадаю,
Як то тяжко той насущнй
Люди заробляють.
От і братія сипнула
У сенат [30] писати
Та підписувать — та драти
І з батька і брата.
А меж ними і землячки
Де-де проглядають.
По-московській так і ріжуть,
Сміються та лають
Батьків своїх, що змалечку
Цвенькать не навчили
По-німецькій — а то тепер
І кисни в чорнилах!
П'явки! п'явки! може батько
Остатню корову
Жидам продав, поки вивчив
Московської мови.
Україно! Україно!
Оце твої діти,
Твої квіти молодії,
Чорнилом политі.
Московською блекотою
В німецьких теплицях
Заглушені!.. Плач, Украйно!
Бездітна вдовице!

Піти лишень подивиться
До царя в палати,
Що там робиться.— Прохóжу:
Старшина пузата
Стоїть рядом; сопе, хропе,
Та понадувалось,
Як індики, і на двері
Косо поглядало.
Аж ось вони й о[д]чинились.
Неначе з берлоги
Медвідь [31] виліз, ледве, ледве
Переносить ноги;
Та одутий, аж посинів:
Похмілля прокляте
Його мучило. Як крикне
На самих пузатих —
Всі пузаті до òдного
В землю провалились!
Він вилупив баньки з лоба —
І все затрусилось,
Що осталось; мов скажений,
На менших гукає —
І ті в землю; він до дрібних —

І ті пропадають!
Він до челяді — і челядь,
І челядь пропала;
До москалів — москалики,
Тілько застогнало,
Пішли в землю; диво дивне
Сталося на світі.
Дивлюся я, що дальш буде,
Що буде робити
Мій медведик! Стоїть собі,
Голову понурив
Сіромаха. Де ж ділася
Медвежа натура?
Мов кошеня, такий чудний,
Я аж засміявся.
Він і почув, та як зикне,—
Я перелякався,
Та й прокинувсь... Отаке-то
Приснилося диво.
Чудне якесь!.. таке тілько
Сниться юродивим
Та п'яницям. Не здивуйте,
Брати любі, милі,
Що не своє розказав вам,
А те, що приснилось.

8 іюля 1844
С.-Петербург

Три літа, арк. 35—49. Автограф.
Вперше опубл.; *Шевченко Т.* Сон.—Львів.—1865.

№ 245

СЛІПИЙ

(Поема)

Думи мої молодії
Поховані діти;
Не літають з того світа
Пустку натопити.
Покинули сиротою
З тобою одною,
Моє серце, моя зоре,
Раю мій, покою!
Ніхто не зна мого раю,
І сама не знаєш,
Що витаєш надо мною,
Як зоря над гаєм.
І дивлюся я, дивлюся,
А ти, моя зоре,
Спускаєшся низесенько,
Тихо заговориш,
Усміхнешся, подивишся —
Дивлюсь і не бачу...

Прокинуся — плаче серце,
І очі заплачуть.
Спасибі, зіронько! минає
Неясний день мій: вже смеркає

Над головою вже трясе
Косою смерть. І поховають,
А там і слід мій занесе —
Холодний вітер. Все минає.
І ти случаєм прочитаєш
Вилиту сльозами
Мою думу і тнхими,
Тихимн речами
Проговориш: «Я люблю,
Я його любила,
І він не знав...» Зоре моя,
На мою могилу
Світи, зоре. А я буду
З-за світа літати!
І про тебе, моє серце,
На небі співати.

Той блукає за морями,
Світ перепливає,
Шука долі, не находить —
Немає, немає! —
Мов умерла. Інший рветься
З усієї сили
За долею; от-от догнав
І — бебех в могилу!
А в третього, як у старця,
Ні хати, ні поля,
Тілько торба, а з торбини
Виглядає доля —
Як дитинка; а він її
Лає, проклинає
І жидові заставляє.
Ні, не покидає.
Як реп'ях той, учепиться
За латані поли
Та й збирає колосочки
На чужому полі,
А там снопи... а там скирти,
А там... у палатах
Сидить собі наш сирота,
Мов у своїй хаті.
Отака-то тая доля,
Хоч і не шукайте.
Кого любить, сама найде,
У колисці найде.
Так коло полудня в неділю,
Та на зелених ще й святках [32],
Під хатою в сорочці білій
Сидів з бандурою в руках
Старий козак.

«І так, і сяк,
І треба б то, і шкода.
Ні, буде треба. Хоч два года
Нехай по світу поблукає
Та сам своєї пошукає,
Як я шукав колись. Ярино!
А де Степан?» А он під тином,
Неначе вкопаний, стоїть».
«А я й не бачу! А ідіть
Лишень сюди; та йдіть обоє!..
А нуте, діти, отакої» —
І вдарив по струнах.
Старий грає, а Ярина
З Степаном танцює!
Старий грає, примовляє,
Ногами тупцює:

«Якби мені лиха та лиха,
Якби мені свекрівонька тиха,
Якби мені чоловік молодий,
Та другої не любив, не любив.
Ой гоп чики-чики!
Та червоні черевики,
Та троїсті музики,—
Од віку до віку
Я любила б чоловіка».
«Ой гоп заходивсь,
Зробив хату, оженивсь,
І піч затопив,
І вечерять наварив».

«Ану, діти, отак, діти!»
І старий підиявся.
Як ударить, як ушкварить —
Аж у боки взявся.
«Чи так, чи не так,
Уродив постернак.
А петрушку
Криши в юшку —
Буде смак, буде смак.
Ой так, такн так,
Оженився козак,
Кинув хату
І кімнату
Та й потяг у байрак».

«Ні, вже не те, підтопталась
Моя стара сила,
Утомився; а все це ви
Так розворушили,
О бодай вас! Що то літа!
Ні, вже не до ладу,
Минулося. Іди лишень
Полудновать лагодь,
Гуляючи, як той казав,

Шматок хліба з'їсти,
Іди ж, доню, а ти, сину,
Послухаєш вісти.
Сідай лишень. Як убили
Твого Батька Йвана
В Шляхетчині, то ти ще був
Маленьким, Степане;
Ще й не лазив...» «То я не син,
Я не син ваш, тату?..»
«Та ні, не син; стривай лишень.
От умерла й мати,
Ти й зостався; а я й кажу
Покойній Марині,
Таки жінці: «А знаєш що!
Возьмім за дитину»,—
Тебе б то це. «Добре», каже.
От ми й спарували
Вас з Яриною докупи...
А тепер осталось —
Ось бачиш що? ти на порі,
І Ярина сніе...
Треба буде людей питать!
Та що-небудь діять!
Як ти скажеш?» «Я не знаю,
Бо я думав теє...»
«Що Ярина сестра твоя?
А воно не теє...
Вона просто, як любитесь,
То й жінкою буде.
Та перш ось що! треба буде
І на чужі люди
Подивитись, як живуть:
Чи орють,
Чи не на ораному сіють
І просто жнуть,
І немолоченее віють,
Та як і мелють, і їдять,—
Все треба знать.
Так от як, брате: треба в люди
На год, на два піти
У наймити;
Тойді й побачимо, що буде.
Бо хто не вміє заробить,
То той не вмітиме й пожить.
А ти як думаєш, небоже?
А коли хочеш, сину, знать,
Де лучче лихом торговать,
Іди ти в Січ; як бог поможе,
Та наїси[ш]ся всіх хлібів.
А я їх їв.
І досі нудно, як згадаю!..
Коли заробиш, принесеш,
А не заробиш, поживеш —
Моє добре; та звичáю
Козацького наберешся,

Та побачиш світа,—
Не такого, як у Братстві [33],
А живі мисліти
На синьому прочитаєш;
Та по-молодечій
Будеш богу молитися,
А не по-чернечій
Харамаркать.— Отак, сину.
Помолимось богу
Та сивого осідлаєм —
І гайда в дорогу!
Ходім лишень полудновать.
Що ти там, Ярино,
Змайструвала?» «Уже, тату».
«Отаке-то, сину!»

Ні їсться, ні п'еться, і серце не б'еться,
І очі не бачать, не чуть голови,
Неначе немає, ніби неживий,
Замість шматка хліба за кухоль береться;
Дивиться Ярина та нишком сміється:
«Що це йому стало? ні їсти, ні пить,
Нічого не хоче! чи не занедужав?
Братіку Степане! що в тебе болить?» —
Очима спитала. Старому байдуже,
Нібито й не бачить. «Чи жать, чи не жать,
А сіяти треба,— старий розмовляє,
Нібито до себе.— А нумо вставать.
Може до вечерні ще пошкандибаю.
А ти, Степане, ляжеш спать,
Бо завтра рано треба встать
Та коня сідлать».

«Степаночку, голубчику!
Чого-бо ти плачеш?
Усміхнися-бо до мене.
Хіба ти не бачиш,
Що й я плачу!.. Розсердився
Бог знає на кого,
Та й зо мною не говорить.
Заплачу, ей-богу,
Та й утечу... ось побачиш.
Скажи-бо, Степане!
Може, справді нездужаєш?
Я зілля достану,
Я побіжу за бабою —
Може, це з пристріту?»
«Ні, Ярино, моє серце,
Рожевий мій квіте!
Я не брат тобі, Ярино!
Я завтра покину...
Тебе й батька сиротами...
Де-небудь загину,
І ти мене не згадаєш,

Забудеш, Ярино,
Свого брата...» «Перехристись!
Єй-богу з пристріту.
Я не сестра! Хто ж я така?
О боже, мій світе,
Що тут робить?.. Батька нема,
А він занедужав,
Та ще й умре!.. О боже мій!
А йому байдуже,
Мов сміється надо мною.
Хіба ти не знаєш,
Що з тобою і татуся
Й мене поховають!..»
«Ні, Ярино, я не умру,
А тільки поїду
Од вас завтра... а приїду...
На той рік приїду
Вже не братом, з Запорожжя,
А за рушниками...
Чи подаєш?..» «Та цур тобі
З тими старостами!
Ще й жартує!..» «Не жартую,
Єй-богу, Ярино! —
Не жартую...» «То це й справді
Ти завтра покинеш —
Мене й батька. Ні, жартуєш.
Скажи-бо Степане! —
Хіба й справді я не сестра?..»
«Ні, моє кохане!
Моє серце!» «Боже ти мій,
Чом же я не знала?
Була б тебе ие любила
І не цілювала.
Ой, ой, сором! Геть од мене!
Пусти мої руки!
Ти не брат мій! ти не брат мій!
Муко моя! муко!»

І заплакала Ярина,
Як мала дитина,
І крізь сльози промовляє:
«Покине!.. покиие!..»
Як той явор над водою,
Степан похилився.
Щирі сльози козацькії
В серці запеклися! —
Мов у пеклі... А Ярина
То клене, то просить,
То замовкне... поцілує,
То зиов заголосить!
Незчулися, як і смеркло.
І сестру, і брата,
Мов скованих, обнявшися,
Застав батько в хаті!

І світ настав, а Ярина
Ридає... ридає...
Уже Степан із криниці
Коня напуває.
Взяла відра та й побігла
Ніби за водою —
До кринці... А тим часом
Запорозьку зброю
Виніс батько із комори,
Розгляда, радіє,
Приміряє... ніби знову
Старий молодіє!
Та й заплакав... «Зброє моя!
Зброє золотая!
Літа мої молодії,
Сило молодая!
Послужи ж, моя ти зброє,
Молодій ще силі!
Послужи йому так щиро —
Як мені служила!..»
І Ярина дає зброю,
А Степан сідлає
Коня, свого товариша,
Й жупан одягає.
І шаблюка, мов гадюка,
Й ратище-дрючина,
І самопал семип'ядний
Повис за плечима.
Аж зомліла, як узріла;
І старий заплакав,
Як побачив на коневі
Такого юнака.

Веде коня за поводи
Та плаче Ярина.
Старий батько іде рядом,
Наставляє сина.
Як у вій|ську пробувати,
Старших шанувати,
Товариство поважати,
В табор не ховатись.
«Нехай тебе бог заступить!» —
Як за селом стали,
Сказав старий, та всі тро[є]
Разом заридали.
Степан свиснув, і курява
Шляхом піднялася.
«Не барися, мій синочку,
Швидче повертайся!..» —
Старий сказав та й заплакав.
Мов тая ялина
При долині, похилилась,
Замовкла Ярина;
Тілько сльози утирає.
На шлях поглядає;

Із куряви щось вигляне
І знов пропадає.
Ніби шапка через поле
Котиться, чорніє...
Ховається... мошечкою
Тілько... тілько... мріє,
Та й пропало... Довго, довго
Стояла Ярина
Та дивилась, чи не вирне
Знову комашина.
Не ви́рнула; похилилась,
Заплакала знову...
А за нею й старий батько,
Та й пішли додому.

Минають дні, минає літо,
Наста[ла] осінь, шелестить
Пожовкле листя; мов убитий,
Старий під хатою сидить;
Дочка́ нездужає Ярина,
Його єдиная дитина
Покинуть хоче; з ким дожить?
Добити віку вікового?
Згадав Степана молодого,
Згадав свої благі літа́,—
Згадав та й заплакав
Багатий сивий сирота.
Мов лату на латі,
На серце печалі нашили літа́.
«В твоїх руках все на світі.
Твоя свята воля!
Нехай буде так, як буде —
Така моя доля!»

І барвінком, і рутою,
І рястом квічає
Весна землю, мов дівчину
В зеленому гаї.
І сонечко серед неба
Опинилось, стало,
Мов жевих той молодую,
Землю оглядало.
І Ярина вийшла з хати
На світ божий глянуть,—
Ледве вийшла... Усміхнеться,
То піде, то стане,
Розглядає, дивується,
Та любо та тихо,
Ніби вчора народилась...
А лютеє лихо...
В самім серці повернулось
І світ заступило.
Як билина підкошена,
Ярина схилилась;
Як з квіточки роса вранці,

Сльози полилися.
Старий батько коло неї,
Як дуб, похилився.

У Києві великому
Всіх святих благала;
У Межигорського Спаса [34]
Тричі причащалась.
У Почаєві [35] святому
Ридала, молилась,
Щоб Степан той, тая доля
Їй хоча приснилась!..
Не снилося. Вернулася.
Знову — забіліла
Зима біла. Знову весна
Рястом червоніла;
Знов Ярина вийшла з хати
На світ дивуватись.
Та не святих вже благати —
Ворожки питати.

І ворожка ворожила,
Пристріт замовляла,
Талан-долю за три шаги
З воску виливала.
«Он, бачиш, кінь осідланий
Маха головою.
А он їде, а онде йде
Дідусь з бородою.
Ото гроші. Бач, віскривий,
Якби догадався
Та втер йому; отже й утер.
Дивися — сховався
За могилу, лічить гроші.
Знову іде шляхом,
Заплющившись, з торбинками.
То, бач, ради страху,
Щоб татаре або ляхи
Часом не спіткали...»
І радісінька додому
Ярина верталась.

Уже третій, і четвертий,
І п'ятий минає —
Не малий рік. А Степана
Немає, немає.
І стежечки, доріженьки
Яром та горою,
Що топтані до ворожки,
Поросли травою.
А Ярина у черниці
Косу розплітає.
Старий батько коло неї
Падає, благає,
Хоч годочок, хоч літечко,

Хоч Петра діждати [36],
Хоч зелених. Діждалися.
Уквітчали хату
І любистком і клечанням,
У сорочках білих,
У неділю, мов сироти,
Під хатою сіли.
Сидять собі та сумують;
Слухають: щось грає —
За ворітьми,— мов на кобзі,
І тихо співає.

«У неділю вранці-рано
Синє море грало,
Товариство кошового
На раді прохали:
«Благослови, отамане,
Чайки поспускати
Та за Тендер погуляти,
Турка пошукати».
Чайки і байдаки спускали,
Гарматами риштовали,
З широкого гирла Дніпрового випливали
Серед ночі темної
На морі синьому,
За островом Тендром потопали,
Пропадали...
Один потопає,
Другий виринає,
Козацтву-товариству із синьої хвилі
Рукою махає, гукає:
«Нехай вам, товариство, бог допомагає!»
І в синій хвилі потопає,
Пропадає.
Тілько три чайки, слава богу,
Отамана курінного,
Сироти Степана молодого,
Синє море не втопило,
А в турецьку землю, агарянську [37],
Без весел і кормиг, прибило.
Тойді сироту Степана,
Козака лейстрового,
Отамана молодого,
Турки-яничари ловили,
З гармати гримали,
В кайдани кували,
В Цареградськую башту [38] сажали,
В тяжкую роботу завдавали.
Ой спасе наш чудотворний,
Межигорський Спасе!
І лютому ворогові
Не допусти впасти
В турецькую землю, в тяжкую неволю.
Там кайдани по три пуда,
Отаманам по чотири.

І світа божого не бачать, не знають
Під землею камень ламають,
Без сповіді святої умирають,
Пропадають.
І згадав сирота Степан в неволі
Свою матір Україну,
Нерідного батька старого,
І коника вороного,
І сестру Ярину.
Плаче, ридає,
До бога руки здіймає,
Кайдани ламає.
Утікає на вольную волю...
Уже на третьому полі
Турки-яничари ловили,
До стовпа в'язали,
Очі виймали,
Гарячим залізом випікали,
В кайдани забили,
В тюрму посадили
І замуровали!»

Отак на улиці під тином
Ще молодий кобзар стояв
І про невольника співав.
За тином слухала Ярина
І не дослухала, упала.
«Степаночку! Степаночку! —
Ридала, кричала.—
Степаночку, моє серце,
Де ти забарився?
Тату! тату! це Степан наш!
Ідіть подивіться».
Прийшов батько, розглядає,
Насилу Степана
Розпізнає; отак його
Зробили кайдани.
«Сину ти мій безталанний,
Добрая дитино!
Де ти в світі пробувався,
Сину мій єдиний?»
Плаче старий, обнімає,
І сліпий мій плаче
Невидющими очима,
Мов сонце побачив.
І беруть його під руки,
І ведуть у хату,
І вітає Яриночка,
Мов рідного брата.
І голову йому змила,
І ноги умила,
І в сороч[ч]ці тонкій, білій
За стіл посадила.
Годувала, напувала,
Положила спати

На перині... і тихенько
Вийшла з батьком з хати.

«Ні, не тр[е]ба, мій таточку,
Не треба, Ярино!
Подивіться: я загинув,
Навіки загинув.
За що ж свої молодії
Ти літа погубиш
З калікою... Ні, Ярино,
Насміються люди,
І бог святий покарає,
І прожене долю
З цієї хати веселої
На чужеє поле.
Ні, Ярино, бог не кине,
Ти найдеш дружину,
А я піду в Запорожжя.
Я там не загину,
Мене люблять...» «Ні, Степане,
Ти моя дитина,
І бог тебе покарає,
Як мене покинеш».
«Оставайся, Степаночку!
Коли не хоч братись,
То так будем. Я сестрою,
А ти мені братом,
А дітьми йому обоє,
Батькові старому.
Не йди, серце, Степаночку,
Не кидай нас знову.
Не покинеш?..» «Ні, Ярино...»
І Степан остався;
Зрадів старий, мов дитина,
Аж за кобзу взявся;
Хотів вшкварить навприсідки
З усієї сили...
І на призьбі під хатою
Усі троє сіли.
«Розкажи ж тепер, Степане,
Про свою недолю.
Бо й я таки гуляв колись
В турецькій неволі».

«Отож мене, вже сліпого,
На світ випускали
З козаками... Товариство
На Січ прямувало.
І мене взяли з собою,
І через Балкани
Поспішали в Україну
Вольними ногами.
І на тихому Дунаю
Нас перебігають
Товариші-запорожці

І в Січ завертають.
І розказують і плачуть,
Як Січ руйнували [39],
Як москалі сребро, злато
І свічі забрали
У Покрови [40]. Як козаки
Вночі утікали
І на тихому Дунаї
Новим кошем стали.
Як цариця по Києву
З Нечосом ходила [41]
І Межигорського Спаса
Вночі запалила.
І по Дніпру у золотій
Галері гуляла,
На пожар той поглядала,
Нишком усміхалась.
І як степи запорозькі
Німоті ділила.
Та бахурям і байстрюкам
Люд закрепостила [42].
Як Кирило з старшинами [43]
Пудром осипались
І в цариці, мов собаки,
Патинки лизали.
Отак, тату! — Я щасливий,
Що очей не маю,
Що нічого того в світі
Не бачу й не знаю.
Ляхи були — усе взяли,
Кров повипивали!..
А москалі і світ божий
В путо закували!
Отаке-то! тяжко, тату,
Із своєї хати
До нехриста поганого
В сусіди прохатись.
Тепер, кажуть, Головатий [44]
Останки збирає
Та на Кубань підмовляє,
Черкеса лякає [45].
Нехай йому бог поможе,
А що з того буде —
Святий знає. Почуємо,
Що розкажуть люди!..»
Отак вони що день божий
Удвох розмовляли
До півночі; а Ярина
Господарювала.
Згадували Запорожжя,
Козацькую славу:
І співали удвох собі
Про Чалого Саву [46],
Про Богдана недомудра,
Ледачого сина,

І про Гонту [47] мученика,
Й славного Максима [48].
А Ярина їх слухала...
Та святих благала.
Ублагала... на всеїдній
З Степаном побрались.

Оце і вся моя дума.
Не здивуйте, люди.
Те, що було, минулося
І знову не буде.
Минулися мої сльози.
Не рветься, не плаче
Поточене старе серце;
І очі не бачать —
Ні тихої хатиночки
В забутому краю,
Ні тихої долиночки,
Ні темного гаю,
Ні дівчини молодої
Й малої дитини
Я не бачу щасливої:
Все плаче, все гине.
І рад би я сховатися,
Але де, не знаю.
Скрізь неправда, де не глянь
Скрізь господа лають.
Серце в'яне, засихає,
Замерзають сльози...
І втомився я, одинокий,
На самій дорозі.
Отаке-то! не здивуйте,
Що вороном крячу:
Хмара сонце заступила,
Я світа не бачу.
Ледви, ледви опівночі
Серцем прозираю
І немощну мою думу
За світ посилаю —
Зцілющої й живущої
Води пошукати.
Як інколи, то й принесе,
І покропить в хаті,
І засвітить огонь чистий,
І сумно і тихо
Розказує про весілля —
Звертає на лихо.
Тепер мені про сліпого
Сироту кончає,
Але як довести краю,
І сама не знає.
Бо не було того дива
Може споконвіку,
Щоб щаслива була жінка
З сліпим чоловіком!

От же сталось таке диво!
Год, другий минає,
Як побрались; а дивіться —
Вкупочці гуляють
По садочку. Старий батько
Сидить коло хати,
Та вчить внука маленького
Чолом оддавати.

16 октября 1845
с. Марьинское

Три літа, арк. 50—67. Автограф.
Вперше опубл.: *Основа.*— Спб., 1864.— № 4.— С. 1—20.

№ 246

КАВКАЗ

Искреннему моему Якову де Ба

Кто даст главе моей воду,
И очесем моим источник слез,
И плачуся и день и нощь,
о побиенных...

Иеремии глава 9, стих 1.

За горами гори, хмарою повиті,
Засіяні горем, кров'ю политі.
Споконвіку Прометея [50]
Там орел карає,
Що день божий до ребра
Й серце розбиває.
Розбиває, та не вип'є
Живущої крові,—
Воно знову оживає
І сміється знову.
Не вмирає душа наша,
Не вмирає воля.
І неситий не виоре
На дні моря поле.
Не скує душі живої
І слова живого.
Не понесе слави бога,
Великого бога.

Не нам на прю з тобою стати!
Не нам діла твої судить!
Нам тільки плакать, плакать, плакать.
І хліб насущний замісить
Кровавим потом і сльозами.
Кати згнущаються над нами,
А правда наша п'яна спить.
Коли вона прокинеться?
Коли одпочити
Ляжеш, боже, утомлений?
І нам даси жити!
Ми віруєм твоїй силі
І духу живому.
Встане правда! встане воля!

І тобі однóму
Помоляться всі язики
Вовіки і віки.
А поки що течуть ріки,
Кровавії ріки!

За гóрами гори хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію политі.
Отам-то милостивії ми
Ненагодовану і голу
Застукали сердешну волю
Та й цькуємо. Лягло костьми
Людей муштрованих чимало.
А сльоз, а крові? напоїть
Всіх імператорів би стало
З дітьми і внуками, втопить
В сльозах удов'їх. А дівочих,
Пролитих тайно серед ночі!
А матерних гарячих сльоз!
А батькових старих, кровавих,
Не ріки — море розлилось,
Огнéнне море! Слава! слава!
Хортам, і гончим, і псарям,
І нашим батюшкам-царям
Слава!
І вам слава, сині гори,
Кригою окуті.
І вам, лицарі великі,
Богом не забуті.
Борітеся — поборете,
Вам бог помагає!
За вас правда, за вас слава
І воля святая!
Чурек і сакля — все твоє;
Воно не прошене, не дане,
Ніхто й не возьме за своє,
Не поведе тебе в кайданах.
А в нас!.. На те письменні ми,
Читаєм божії глаголи!..
І од глибо[ко]ї тюрми
Та до високого престола —
Усі ми в золоті і голі.
До нас в науку! ми навчим,
По чому хліб і сіль по чім!
Ми християне; храми, школи,
Усе добро, сам бог у нас!
Нам тілько сакля очі коле;
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! чом ви нам
Платить за сонце не повинні! —
Та й тілько ж то! ми не погане,
Ми настоящі християне,
Ми малим сити!.. А зате!

Якби ви з нами подружили,
Багато б дечому навчились!
У нас же й світа, як на те —
Одна Сибір неісходима.
А тюрм! а люду!.. Що й лічить!
Од молдованина до фіна
На всіх язиках все мовчить,
Бо благоденствує! У нас
Святую біблію читає
Святий чернець і научає,
Що цар якийсь-то свині пас
Та дружню жінку взяв до себе,
А друга вбив. Тепер на небі [51].
От бачите, які у нас
Сидять на небі! Ви ще темні,
Святим христом не просвіщенні,
У нас навчіться!.. В нас дери,
Дери та дай,
І просто в рай,
Хоч і рідню всю забери!
У нас! чого то ми не вміем?
І зорі лічим, гречку сіем
Французів лаєм. Продаєм
Або у карти програєм
Людей... не негрів... а таких
Таки хрещених... но простих.
Ми не гішпани; крий нас, боже,
Щоб крадене перекупить,
Як ті жиди. Ми по закону!..
По закону апостола
Ви любите брата!
Суєслови, лицеміри,
Господом прокляті.
Ви любите на братові
Шкуру, а не душу!
Та й лупите по закону:
Дочці на кожушок,
Байстрюкові на придане,
Жінці на патинки.
Собі ж на те, що не знають
Ні діти, ні жінка!

За кого ж ти розіп'явся,
Христе, сине божий?
За нас добрих, чи за слово
Істини... чи може,
Щоб ми з тебе насміялись?
Воно ж так і сталось.
Храми, каплиці і ікони,
І ставники [52], і мірри [53] дим,
І перед обра[зо]м твоїм
Неутомленние поклони.
За кражу, за войну, за кров,
Щоб братню кров пролити, просять
І потім в дар тобі приносять

З пожару вкрадений покров!
Просвітнлись! та ще й хочем
Других просвітити,
Сонце правди показати
Сліпим, бачиш, дітям!..
Все покажем! тілько дайте
Себе в руки взяти.
Як і тюрми муровати,
Кайдани кувати,
Як і носить!.. і як плести
Кнути узловаті,—
Всьому навчим; тілько дайте
Свої сині горн
Остатнії... бо вже взяли
І поле і море.

І тебе загнали, мій друже єдиний,
Мій Якове добрий! Не за Україну,
А за її ката, довелось пролить
Кров добру, не чорну. Довелось запить
З московської чаші московську отруту!
О друже мій добрий! друже незабутній!
Живою душею в Українї витай,
Літай з козакамн понад берегамн,
Розриті могили в степу назирай.
Заплач з козаками дрібними сльозами
І мене з неволі в степу вигляднй.
А поки що мої думи,
Моє люте горе
Сіятиму,— нехай ростуть
Та з вітром говорять.
Вітер тихий з України
Понесе з росою —
Мої думи аж до тебе...
Братньою сльозою
Ти їх, друже, привітаєш,
Тихо прочитаєш...
І могили, степи, море,
І мене згадаєш.

18 ноября 1845
в Переяслові

Три літа, арк. 68—73. Автограф.
Вперше опубл.: *Новые* стихотворения Пушкина и Шевченки.— С. 7—13.

№ 247

* * *

Минають дні, минають ночі,
Минає літо. Шелестнть
Пожовкле листя, гаснуть очі,
Заснули думи, серце спить,
І все заснуло, і не знаю,
Чи я живу, чи доживаю,
Чи так по світу волочусь,
Бо вже не плачу й не сміюсь...

Доле, де ти! Доле, де ти?
Нема ніякої;
Коли доброї жаль, боже,
То дай злої, злої!
Не дай спати ходячому,
Серцем замирати
І гнилою колодою
По світу валятись.
А дай жити, серцем жити
І людей любити,
А коли ні... то проклинать
І світ запалити!
Страшно впасти у кайдани,
Умирать в неволі,
А ще гірше — спати, спати,
І спати на волі —
І заснути навік-віки,
І сліду не кинуть
Ніякого, однаково
Чи жив, чи загинув!
Доле, де ти, доле, де ти?
Нема ніякої!
Коли доброї жаль, боже,
То дай злої! злої!

21 декабря 1845
Вьюнища

Три літа, арк. 74. Автограф.
Вперше опубл.: *Основа.*— 1861.— № 3.— С. 1—2.

№ 248

* * *

Стоїть в селі Суботові
На горі високій
Домовина України,
Широка, глибока.
Ото церков Богданова.
Там-то він молився,
Щоб москаль добром і лихом
З козаком ділився.
Мир душі твоїй, Богдане!
Не так воно стало;
Москалики, що заздрілн,
То все очухрали.
Могнли вже розривають
Та грошей шукають,
Льохи твої розкопують
Та тебе ж і лають,
Що й за труди не находять!
Отак-то, Богдане!
Запапастив еси вбогу
Сироту Украйну!
За те ж гобі така й дяка,
Церков-домовину

Нема кому полагодить!!
На тій Україні,
На тій самій, що з тобою
Ляха задавила!
Байстрюки Єкатерини
Сараною сіли.
Отаке-то, Зіновію,
Олексіїв друже [54]!
Ти все оддав приятелям,
А їм і байдуже
Кажуть, бачиш, що все то те
Таки й було наше,
Що вони тілько наймали
Татарам на пашу —
Та полякам... Може й справді!
Нехай і так буде!
Так сміються ж з України
Сторонні люди!
Не смійтеся, чужі люде!
Церков-домовина
Розвалиться... і з-під неї
Встане Україна.
І розвіє тьму неволі,
Світ правди засвітить,
І помоляться на волі
Невольничі діти!..

21 октября 1845
Марьинское

Три літа, арк. 76 зв.— 77.— Автограф.
Вперше опубл.: *Dziennik* Literacki [55].— Львів, 1861.— № 62.— С. 495—496.

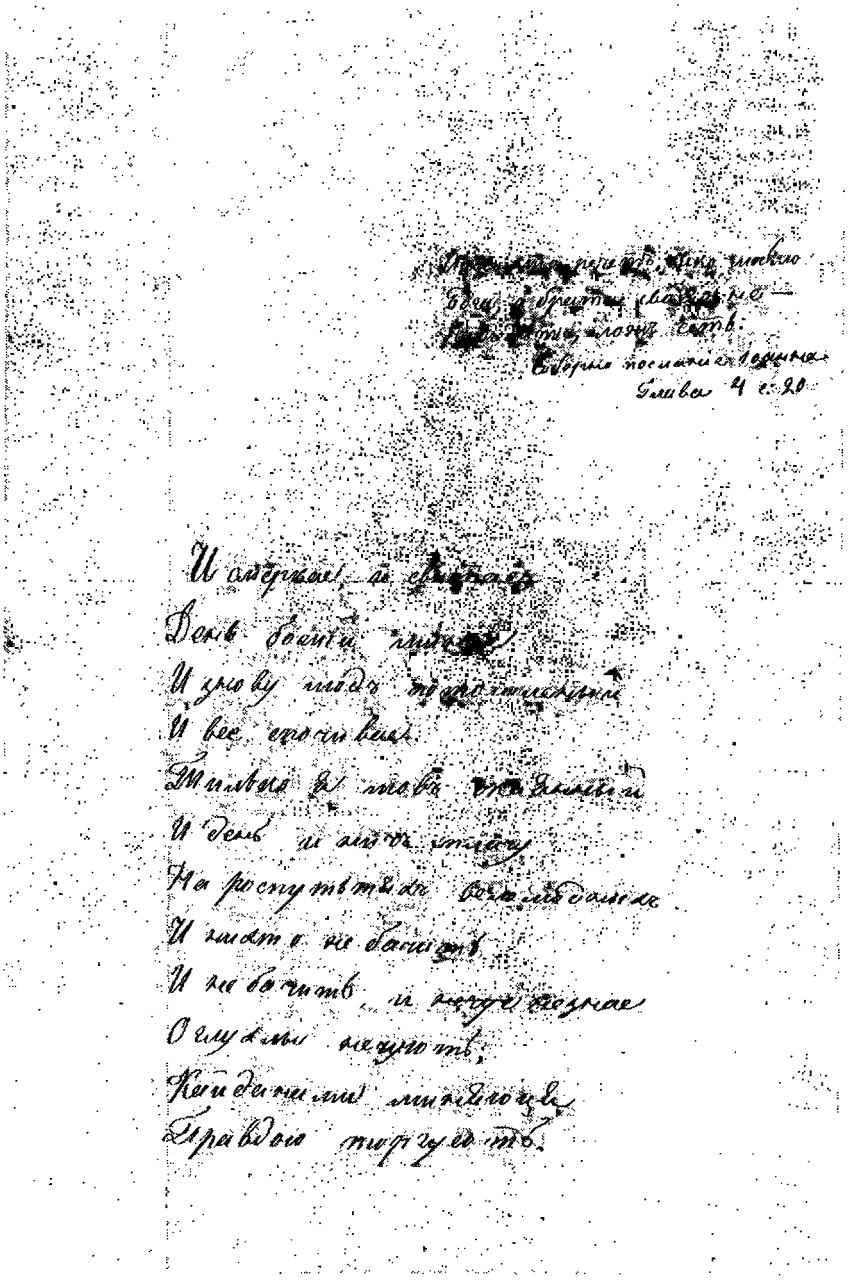
№ 249

І МЕРТВИМ, І ЖИВИМ, І НЕНАРОЖДЕННИМ ЗЕМЛЯКАМ МОЇМ В УКРАЇНІ І НЕ В УКРАЇНІ МОЄ ДРУЖНЄЄ ПОСЛАНІЄ

Аще кто речет, яко люблю
бога, а брата своего ненавидит,
ложь есть.

*Соборно[е] послание Иоанна,
Глава 4, с. 20.*

І смеркає, і світає,
День божий минає,
І знову люд потомлений,
І все спочиває.
Тілько я, мов окаянний,
І день і ніч плачу
На розпуттях велелюдних,
І ніхто не бачить.
І не бачить, і не знає
Оглухли, не чують;
Кайданами міняються,
Правдою торгують.
І господа зневажають,—



Автограф з поеми Т. Г. Шевченка «І мертвим, і живим, і ненародженним землякам...»

Людей запрягають
В тяжкі ярма. Орють лихо,
Лихом засівають.
А що вродить? побачите,
Які будуть жниво!
Схаменіться, недолюди,
Діти юродиві!
Подивіться на рай тихий,
На свою країну,
Полюбіте щирим серцем
Велику руїну,
Розкуйтеся, братайтеся!
У чужому краю
Не шукайте, не питайте
Того, що немає
І на небі, а не тілько
На чужому полі.
В своїй хаті своя й правда,
І снла, і воля.

Нема на світі України,
Немає другого Дніпра,
А ви претеся на чужину
Шукати доброго добра,
Добра святого. Волі! волі!
Братерства братнього! Найшли,
Несли, несли з чужого поля
І в Україну принесли
Великих слов велику снлу,
Та й більш нічого. Кричите,
Що бог создав вас не на те,
Щоб ви неправді поклонились!..
І хилитесь, як і хилились!
І знову шкуру деретe
З братів незрящих, гречкосіїв,
І сонця-правди дозрівать
В німецькі землі, не чужії,
Претеся знову!.. Якбн взять
І всю мізерію з собою,
Дідами крадене добро,
Тойді оставсь би сиротою
З святими горами Дніпро!

Ох, якбн те сталось, щоб ви не верталис
Щоб там і здихали, де ви поросли!
Не плакали б діти, мати б не ридала,
Не чули б у бога вашої хули.
І сонце не гріло б смердячого гною
На чистій, широкій, на вольній землі.
І люди б не знали, що ви за орли,
І не покивали б на вас головою.
Схаменіться! будьте люди,
Бо лихо вам буде.
Розкуються незабаром
Заковані люде,

Настане суд, заговорять
І Дніпро і гори!
І потече сторіками
Кров у синє море
Дітей ваших... і не буде
Кому помагати.
Одцурається брат брата
І дитини мати.
І дим хмарою заступить
Сонце перед вами,
І навіки прокленетесь
Своїми синами!
Умийтеся! образ божий
Багном не скверніте.
Не дуріте дітей ваших,
Що вони на світі
На те тілько, щоб паиувать...
Бо невчене око
Загляне їм в саму душу
Глибоко! глибоко!
Дознаються небожата,
Чия на вас шкура,
Та й засядуть, і премудрих
Немудрі одурять!

Якбн вн вчились так, як треба,
То й мудрість би була своя.
А то залізете на небо:
«І ми не ми, і я не я,
І все те бачив, і все знаю,
Нема ні пекла, ані раю,
Немає й бога, тілько я!
Та куций німець узловатий,
А більш нікого!..» «Добре, брате,
Що жити такеє?»
«Нехай скаже
Німець. Ми не знаєм».
Отак-то ви навчаєтесь
У чужому краю!
Німець скаже: «Ви моголи».
«Моголи! моголи!»
Золотого Тамерлана [56]
Онучата голі.
Німець скаже: «Ви слав'яне».
«Слав'яне! слав'яне»!
Славних прадідів великих
Правнуки погані!
І Коллара [57] читаєте
З усієї сили.
І Шафарика, і Ганка,
І в слав'янофіли [58]
Так і претесь... І всі мови
Слав'янського люду —
Всі знаєте. А своєї
Дас[т]ъбі... Колись будем

І по-своєму глаголать,
Як німець покаже
Та до того й історію
Нашу нам розкаже,—
Отойді ми заходимось!..
Добре заходились
По німецькому показу
І заговорили.
Так, що й німець не второпа.
Учитель великий,
А не те, щоб прості люде.
А гвалту! а крику!
«І гармонія, і сила,
Музика та й годі.
А історія... поема
Вольного народа!
Що ті римляне убогі!
Чортзна-що — не Брути! [59]
У нас Брути! і Коклеси! [60]
Славні незабутні!
У нас воля виростала,
Дніпром умивалась,
У голови гори слала,
Степом укривалась!»
Кров'ю вона умивалась,
А спала на купах,
На козацьких вольних трупах,
Окрадених трупах!
Подивіться лишень добре,
Прочитайте знову
Тую славу. Та читайте
Од слова до слова,
Не минайте ані титли [61],
Ніже тії коми,
Все розберіть... та й спитайте
Тойді себе: що ми?..
Чиї сини? яких батьків?
Ким? за що закуті?
Та й побачите, що ось що
Ваші славні Брути:
Рабн, подножки, грязь Москви,
Варшавське сміття — ваші пáни,
Ясновельможнії гетьмани.
Чого ж ви чванитеся, ви!
Сини сердешної Украйни!
Що добре ходите в ярмі,
Ще лучше, як батьки ходили.
Не чваньтесь, з вас деруть ремінь,
А з їх, бувало, й лій топили.
Може чванитесь, що братство
Віру заступило.
Що Синопом, Трапезонтдом
Галушки варило.
Правда!.. правда, наїдались.
А вам тепер вадить.

І на Січі мудрий німець
Картопельку садить [62]
А ви її купуєте,
Їсте на здоров'я
Та славите Запорожжя.
А чиєю кров'ю
Ота земля напоєна,
Що картопля родить,—
Вам байдуже. Аби добра
Була для городу!
А чванитесь, що ми Польщу
Колись завалили!..
Правда ваша: Польща впала,
Та й вас роздавила!
Так от як кров свою лили
Батьки за Москву і Варшаву,
І вам, синам, передали
Свої кайдани, свою славу!

Доборолась Україна
До самого краю.
Гірше ляха свої діти
Її розпинають.
Замість пива праведную
Кров із ребер точать.
Просвітити, кажуть, хочуть
Материні очі
Современними огнями.
Повести за віком,
За німцями, недоріку,
Сліпую каліку.
Добре, ведіть, показуйте,
Нехай стара мати
Навчається, як дітей тих
Нових доглядати.
Показуйте!.. за науку,
Не турбуйтесь, буде
Материна добра плата.
Розпадеться лу́да
На очах ваших неситих,
Побачите славу,
Живу славу дідів своїх
І батьків лукавих.
Не дуріте самі себе,
Учітесь, читайте,
І чужому научайтесь,
Й свого не цурайтесь.
Бо хто матір забуває,
Того бог карає,
Того діти цураються,
В хату не пускають,
Чужі люди поганяють,
І немає злому
На всій землі безконечній
Веселого дому.

Я ридаю, як згадаю
Діла́ незабуті
Дідів наших. Тяжкі діла!
Якби їх забути,
Я оддав би веселого
Віку половину.
Отака-то наша слава,
Слава України.
Отак і ви прочитай[те],
Щоб не сонним снилнсь
Всі неправди, щоб розкрились
Високі могили
Перед вашими очима,
Щоб ви розпитали
Мучеників: кого, коли,
За що розпинали!
Обніміте ж, брати мої,
Найменшого брата,—
Нехай мати усміхнеться.
Заплакана мати.
Благословить дітей своїх
Твердимв руками
І діточок поцілує
Вольними устами.
І забудеться срамотня
Давняя година,
І оживе добра слава,
Слава України,
І світ ясний, невечерній
Тихо засіяє...
Обніміться ж, брати мої.
Молю вас, благаю!

14 декабря 1845
Вьюница

Три літа, арк. 78—86.
Вперше опубл.: *Новые* стихотворення Пушкина и Шевченки.— С. 24—34.

№ 250

ВЕЛИКИЙ ЛЬОХ

(Містерія)

Положил еси нас [поношение] соседом нашим, подражание и поругание сущим окрест нас. Положил еси нас в притчу во языцех, покиванию главы в людех

Псалом 43, ст. 14 и 15

ТРИ ДУШІ

Як сніг, три пташечки летіли
Через Суботове і сіли
На похилённому христі
На старій церкві.— Бог простить:
Ми тепер душі, а не люди.

А відціля видніше буде,
Як тоё розкопуватимуть льох.
Коли б вже швидче розкопали,
Тойді б у рай нас повпускали.
Бо так сказав Петрові бог:
«Тойді у рай їх повпускаєш,
Як все москаль позабирає,
Як розкопа великий льох».

I

Як була я людною,
То Прісею звалась;
Я отутечки родилась,
Тут і виростала.
Отут, було, на цвинтарі
Я з дітьми гуляю,
І з Юрусем [63] гетьманенком
У піжмурки граєм.
А гетьманша, було, вийде
Та й кликне в будинок,
Он де клуня. А там мені
І фіг і родзинок —
Всього мені понадає
І на руках носить.
А з гетьманом як приїдуть
Із Чигрина гості,
То це й шлють, було, за мною.
Одягнуть, обують,
І гетьман бере на руки,
Носить і цілує.
Отак-то я в Суботові
Росла, виростала!
Як квіточка; і всі мене
Любили й вітали.
І нікому я нічого,
Ніже злого слова,
Не сказала. Уродлива
Та ще й чорноброва.
Всі на мене залицялись
І сватати стали;
А у мене, як на тее,
Й рушники вже ткались.
От-от була б подавала,
Та лихо зостріло!
Вранці-рано, в пилипівку,
Якраз у неділю,
Побігла я за водою...
Вже й криниця тая
Замуліла і висохла!
А я все літаю!..
Дивлюсь — гетьман з старшиною.
Я води набрала
Та вповні шлях і перейшла;
А того й не знала,
Що він їхав в Переяслов

Москві присягати!..
І вже ледви я, наледви
Донесла до хати —
Оту воду... чом я з нею
Вітер не побила!
Батька, матір, себе, брата,
Собак отруїла
Тією клятою водою!
От за що караюсь,
От за що мене, сестрички,
І в рай не пускають.

II

А мене, мої сестрички,
За те не впустили,
Що цареві московському [64]
Коня напоїла —
В Батурині; як він їхав
В Москву із Полтави.
Я була ще недолітком,
Як Батурин славний —
Москва вночі запалила [65],
Чечеля [66] убила,
І малого і старого
В Сеймý потопила.
Я меж трупами валялась
У самих палатах
Мазепиних... Коло мене
І сестра, і мати
Зарізані, обнявшися,
Зо мною лежали;
І насилу-то, насилу
Мене одірвали
Од матері неживої.
Що вже я просила
Московського копитана,
Щоб і мене вбили.
Ні, не вбили, а пустили
Москалям на грище!
Насилу я сховалася
На тім пожарищі.
Одна тільки й осталася
В Батурині хата!
І в тій хаті поставили
Царя ночувати,
Як вертавсь із-під Полтави.
А я йшла з водою
До хатини... а він мені
Махає рукою,
Каже коня напоїти,
А я й напоїла!..
Я не знала, що я тяжко,
Тяжко согрішила!
Ледве я дійшла до хати,
На порозі впала.

А назавтра, як цар вийшов,
Мене поховала
Та бабуся, що осталась
На тій пожарині
Та ще й мене привітала
В безверхій хатині.
А назавтра й вона вмерла
Й зотліла у хаті,
Бо нікому в Батурині
Було поховати.
Уже й хату розкидали
І сволок з словами
На угілля попалили!..
А я над ярами
І стенами козацькими
І досі літаю!
І за що мене карають,
Я й сама не знаю?
Мабуть за те, що всякому
Служила, годила...
Що цареві московському
Коня напоїла!..

III

А я в Каневі родилась.
Ще й не говорила,
Мене мати ще сповиту
На руках носила,
Як їхала Катерина
В Канів по Дніпрові.
А ми з матір'ю сиділи
На горі в діброві.
Я плакала; я не знаю,
Чи їсти хотілось?
Чи може що в маленької
На той час боліло?
Мене мати забавляла,
На Дніпр поглядала;
І галеру золотую
Мені показала,
Мов будинок. А в галері
Князі, і всі сіли
Воєводи... і меж ними
Цариця сиділа.
Я глянула, усміхнулась...
Та й духу не стало!
Й мати вмерла, в одній ямі
Обох поховали!
От за що, мої сестриці,
Я тепер караюсь,
За що мене на митарство
Й досі не пускають.
Чи я знала, ще сповита,
Що тая цариця —
Лютий ворог України,

Голодна вовчиця!..
Скажіте, сестриці?»

«Смеркається. Полетимо
Ночувати в Чуту [67].
Як що буде робитися,
Відтіль буде чути».
Схопилися, білесенькі,
І в ліс полетіли,
І вкупочці на дубочку
Ночувати сіли.
Три воро́ни

1

Крав! крав! крав!
Крав Богдан крам,
Та повіз у Київ,
Та продав злодіям
Той крам, що накрав.

2

Я в Парижі була
Та три злота з Радзівілом
Та Потоцьким пропила [68].

3

Через мост идет чорт,
А коза по воде:
Быть беде. Быть беде.
Отак кричали і летіли
Воро́ни з трьох сторон, і сіли
На маяку́, що на горі
Посеред лісу, усі три.
Мов на мороз, понадувались,
Одна на другу позирали;
Неначе трв сестри старі,
Що дівували, дівували,
Аж поки мохом поросли.

1

Оце тобі, а це тобі.
Я оце літала
Аж у Сибір; та в одного
Декабриста [69] вкрала
Тро[хи] жовчі. От, бачите,
Й є чим розговіться!
Ну, а в твоїй Московщині
Є чим поживиться?
Чи чортма й тепер нічого?

3

Э... сестрица, много:
Три указа накаркала
На одну дорогу... [70]

1

На яку це? на кована?
Ну, вже наробила...

3

Да шесть тысяч в одной версте
Душ передушила... [71]

1

Та не бреши, бо тільки п'ять,
Та й то з фоном Корфом [72].
Ще й чваниться, показує
На чужу роботу!
Капусниця! закурена...
А ви, мості-пані?
Бенкетуєте в Парижі,
Поганці погані!
Що розлили з річку крові
Та в Сибір загнали
Свою шляхту [73], то вже й годі,
Уже й запишались.
Ач, яка вельможна пава...

2 і 3

А ти що зробила??

1

А дзуськи вам питать мене!
Ви ще й не родились,
Як я отут шинкувала
Та кров розливала!
Дивись, які! Карамзіна,
Бачиш, прочитали! [74]
Та й думать, що ось-то ми!
А дзус, недоріки!
В колодочки ще не вбились
Безпері каліки!..

2

Ото, яка недотика!
Не та рано встала,
Що до світа упилася...
А та, що й проспалась!

1

Упилася б ти без мене
З своїми ксьондзами? —
Чортма хисту! Я спалила
Польщу з королями;
А про тебе, щебетухо,
І досі б стояла.
А з вольними козаками
Що я виробляла?
Кому я їх не наймала,

Не запродавала?
Та й живущі, ж, проклятущі!
Думала, з Богданом
От-от уже поховала.
Ні, встали, погані,
Із шведською приблудою... [75]
Та й тойді ж творилось!
Аж злішаю, як згадаю...
Батурин спалила,
Сулу в Ромні загатила
Тілько старшинами
Козацькими... а такими,
Просто козаками,
Фінляндію засіяла;
Насипала бурта
На Орелі... на Ладогу [76]
Так гурти за гуртом
Виганяла та цареві
Болота гатила.
І славного Полубо[т]ка
В тюрмі задушила.
Отойді-то було свято!
Аж пекло злякалось.
Матер божа у Ржавиці
Вночі заридала [77].

3

И я таки пожила:
С татарами помутила,
С мучителем покутила [78],
С Петрухою попила
Да немцáм запродалá.

1

Та ти добре натворилá:
Так кацапів закрепила
У німецькі кайдани —
Хоч лягай та й засни.
А в мене ще, враг їх знає,
Кого вони виглядають?
Вже ж і в крепость завдала,
І дворянства страшну силу
У мундирах розплодила,
Як тих вошей розвела;
Все вельможнії байстрята!
Вже ж і Січ їх бісновата
Жидовóю поросла.
Та й москаль незгірше штука:
Добре вміє гріти руки!
І я люта, а все-таки
Того не зумію,
Що москалі в Україні
З козаками діють.
Ото указ надрукують:
«По милості божій,

І ви наші, і все наше,
І гоже й негоже!»
Тепер уже заходились
Д р е в н о с т и шукати
У могилах... бо нічого
Уже в хаті взяти;
Все забрали любісінько.
Та лихий їх знає,
Чого вони з тим поганим
Льохом поспішають?
Трошки, трошки б підождали,
І церква б упала...
Тойді б разом дві руїни
В Пчеле [79] описали...

2 і 3

Чого ж ти нас закликала?
Щоб на льох дивиться?

1

Таки й на льох. Та ще буде
Два дива твориться.
Сю ніч будуть в Україні
Родиться близнята.
Один буде, як той Гонта,
Катів катувати!
Другий буде... оце вже наш!
Катам помагати —
Наш вже в череві щипає...
А я начитала,
Що, як виросте той Гонта,
Все наше пропало!
Усе добре поплюндрує
Й брата не покине!
І розпустить правду й волю
По всій Україні!
Так от бачите, сестриці,
Що тут компонують!
На катів та на все добре
Кайдани готують!

2

Я золотом розтопленим
Заллю йому очі!..

1

А він, клятий недолюдок,
Золота не схоче.

3

Я царевыми чинами
Скручу ему руки!..

2

А я зберу з всього світа
Всі зла і всі муки!..

1

Ні, сестриці. Не так треба
Поки сліпі люде,
Треба його поховати,
А то лихо буде!
Он бачите, над Києвом
Мітла простяглася,
І над Дніпром і Тясмином
Земля затряслася.
Чи чуєте? Застогнала
Гора над Чигрином.
О!.. Сміється і ридає
Уся Україна!
То близнята народились,
А навісна мати
Регочеться, що Іванами
Обох буде звати!
Полетімо!.. Полетіли
Й летячи співали:

1

Попливе наш Іван
По Дніпру у Лиман
З кумою.

2

Побіжить наш ярчук [80]
В ірій їсти гадюк
Зо мною.

3

Как хвачу да помчу,
В самый ад полечу
Стрелою.

Три лірники

Один сліпий, другий кривий,
А третій горбатий.
Йшли в Суботов про Богдана
Мирянам співати.

1

«Що то, сказано, ворони.
Уже й помостили,
Мов для їх те сідало
Москалі зробили.

2

А для кого ж? чоловіка,
Певне, не посадять
Лічить зорі...

1

Ти то кажеш.
А може й посадять
Москалика або німця.
А москаль та німець
І там найдуть хлібець.

3

Що це таке верзете ви?
Які там ворони?
Та москалі, та сідала?
Нехай бог боронить!
Може, ще нестись заставлять,
Москаля плодити.
Бо чутка є, що цар хоче
Весь світ полонити.

2

А може й так! Так на чорта ж
Їх на горах ставить?
Та ще такі височенні,
Що й хмари достанеш,
Як вилізти...

3

Так от же що:
Ото потоп буде,
Пани туда повилазять
Та дивиться будуть,
Як мужики тонутимуть.

1

Розумні ви люди,
А нічого не знаєте!
То понаставляли
Ті фигури он для чого:
Щоб люди не крали
Води з річки — та щоб нишком
Піску не орали,
Що скрізь отам за Тясьмою.

2

Чорт-зна що провадить!
Нема хисту, то й не бреши.
А що, як присядем
Отутечки під берестом
Та трохи спочинем! —
Та в мене ще шматків зо два
Є хліба в торбині,
То поснідаєм в пригоді,
Поки сонце встане...»
Посідали. «А хто, братця,
Співа про Богадана?

3

Я співаю. І про Ясси [81],
І про Жовті Води [82],
І містечко Берестечко [83].

2

В великій пригоді
Нам сьогодня вони стануть!
Бо там коло льоху
Базар люду насходилось
Та й панства не трохи.
От де нам пожива буде!
Ану, заспіваєм!
Проби ради...

1

Та цур йому!
Лучче полягаєм
Та виспимось. День великий.
Ще будем співати.

3

І я кажу: помолимось
Та будемо спати».

Старці під берестом заснули;
Ще сонце спить, пташки мовчать,
А коло льоху вже проснулись
І заходилися копать.
Копають день, копають два,
На третій насилу
Докопалися до муру
Та трохи спочили.
Поставили к а р а у л и.
Ісправник аж просить,
Щоб нікого не пускали,
І в Чигрин доносить
П о н а ч а л ь с т в у. Приїхало
Н а ч а л ь с т в о мордате,
Подивилось. «Треба, каже,
Своди розламати,
Вернєй дєло...» Розламали,
Та й перелякались!
Костяки в льоху лежали
І мов усміхались,
Що сонечко побачили.
От добро Богдана!
Черепок, гниле корито
Й костяки в кайданах!
Якби в ф о р м е н н и х, то добре:
Вони б ще здалися...
Засміялись... а ісправник
Трохи не сказився!
Що нічого, бачиш, взяти,
А він же трудився!

І день, і ніч побивався
Та в дурні й убрався.
Якби йому Богдан оце
У руки попався,
У москалі заголив би,
Щоб знав, як дурити
Правительство!! Кричить, біга,
Мов несамовитий.
Яременка [84] в пику пише,
По-московській лає.
Увесь народ. І на старців
Моїх налітає.
«Ви што делаете, плуты!!»
«Та ми, бачте, пане,
Співаємо про Богдана...»
«Я вам дам Богдана,
Мошенники, дармоеды!
И песню сложили
Про тако[го] ж мошенника...»
«Нас, пане, навчили...»
«Я вас навчу!.. Завалить им!»
Взяли й завалили —
Випарили у московській
Бані-прохолоді.
Отак пісні Богданові
Стали їм в пригоді!..
Так малий льох в Суботові
Москва розкопала!
Великого ж того льоху
Ще й не дошукалась.

1845
[иргород]

ри літа, арк. 75—76, 87—98. Автограф.
перше опубл.: *Правда* [85].— 1869.— № 2/3.— С. 12 — 16.

№ 251

ХОЛОДНИЙ ЯР [86]

У всякого своє лихо,
І в мене не тихо;
Хоч не своє, позичене,
А все-таки лихо.
Нащо б, бачся, те згадувать.
Що давно минуло,
Будить боснає колишнє,—
Добре, що заснуло.
Хоч і Яр той; вже до його
І стежки малої
Не осталось, і здається,
Що ніхто й ногою
Не ступив там; а згадаєш,
То була й дорога
З монастиря Мотриного [87]
До Яру страшного.

В Яру колись гайдамаки
Табором стояли,
Лагодили самопали,
Ратища́ стругали.
У Яр тойді сходилися,
Мов із христа зняті,
Батько з сином і брат з братом –
Одностайно стати
На ворога лукавого,
На лютого ляха.
Де ж ти дівся, в Яр глибокий
Протоптаний шляху?
Чи сам заріс темним лісом,
Чи то засадили
Нові кати? Щоб до тебе
Люди не ходили
На пораду: що їм діять
З добрими панами,
Людоїдами лихими,
З новими ляхами?
Не сховаєте! над Яром
Залізняк витає
І на Умань позирає,
Гонту виглядає.
Не ховайте, не топчіте
Святого закона,
Не зовіте преподобним
Лютого Нерона [88].
Не славтеся царевою
Святою войною.
Бо ви й самі не знаєте,
Що царики коять.
А кричите, що несете
І думу і шкуру
За отечество!.. Єй-богу,
Овеча натура;
Дурний шию підставляє
І не знає за що!
Та ще й Гонту аневажає,
Ледаче ледащо!
«Гайдамаки не воины,—
Розбойники, воры.
Пятно в нашей истории...»
Брешеш, людоморе! [89]
За святую правду-волю
Розбойник не стане,
Не розкує закований
У ваші кайдани
Народ темний, не заріже
Лукавого сина,
Не розіб'є живе серце
За свою країну.
Ви — розбойники неситі,
Голодні ворони.
По якому правдивому,

Святому закону
І землею, всім даною,
І сердешним людом
Торгуєте? стережіться ж,
Бо лихо вам буде,
Тяжке лихо!.. Дуріть дітей
І брата сліпого,
Дуріть себе, чужих людей,
Та не дуріть бога.
Бо в день радості над вами
Розпадеться кара.
І повіє огонь новий
З холодного Яру.

Вьюнища
17 декабря 1845

Три літа, арк. 99—100. Автограф.
Вперше опубл.: *Новые* стихотворения Пушкина и Шевченки.— С. 14—17.

№ 252

ТРИ ЛІТА

І день не день, і йде не йде,
А літа стрілою
Пролітають, забирають
Все добре з собою.
Окрадають добрі думи,
О холодний камень
Розбивають серце наше
І співають а́мінь,
А́мінь всьому веселому
Од нині до віка.
І кидають на розпутті
Сліпого каліку.
Невеликії три літа
Марно пролетіли...
А багато в моїй хаті
Лиха наробили.
Опустошили убоге
Моє серце тихе,
Погасили усе добре,
Запалили лихо,
Висушили чадом, димом
Тії добрі сльози,
Що лилися з Катрусею
В московській дорозі.
Що молились з козаками
В турецькій неволі.
І Оксану, мою зорю,
Мою добру долю,
Що день божий умивали...
Поки не підкрались
Злії літа; та все тее
Заразом украли.
Жаль і батька, жаль і матір,

І вірну дружину,
Молодую, в[е]селую,
Класти в домовину,
Жаль великий, брати мої;
Тяжко годувати
Малих діток неумитих
В нетопленій хаті,—
Тяжке лихо, та не таке,
Як тому дурному,
Що полюбить, побереться,
А вона другому
За три шаги продається
Та з його й сміється.
От де лихо! от де серце
Разом розірветься!
Отаке-то злеє лихо
Й зо мною спіткалось:
Серце люди полюбило
І в людях кохалось,
І вони його вітали,
Гралися, хвалили...
А літа тихенько крались
І сльози сушили,
Сльози щирої любові;
І я прозрівати
Став потроху... Доглядаюсь,—
Бодай не казати.
Кругом мене, де не гляну,
Не люди, а змії...
І засохли мої сльози,
Сльози молодії.
І тепер я розбитее
Серце ядом гою,
І не плачу, й не співаю,
А вию с о в о ю.
Отаке-то! Що хочете,
То те і робіте:
Чи голосно зневажайте,
Чи нишком хваліте
Мої думи,— однаково
Не вернуться знову
Літа мої молодії,
Веселее слово
Не вернеться... І я серцем
До вас не вернуся.
І ие знаю, де дінуся,
Де я пригорнуся,
І з ким буду розмовляти,
Кого розважати,
І перед ким мої думи
Буду сповідати?
Думи мої літа мої,
Тяжкії три літа.
До кого ви прихилитесь,
Мої злії діти?

Не хилітесь ні до кого,
Ляжте дома спати...
А я піду четвертий год
Новий зострічати.
Добридень же, новий годе,
В торішній свитині!
Що ти несеш в Україну
В латаній торбині?
«Благоденствіє, указом
Новеньким повите».
Іди ж здоров, та не забудь
Злидням поклонитись.

22 декабря 1845
Вьюница

Три літа, арк. 101—102. Автограф.
Вперше опубл.: *Нова* громада.— 1906.— № 10.— С. 69—72.

№ 253

ПСАЛМИ ДАВИДОВІ

1

Блаженний муж на лукаву
Не вступає раду,
І не стане на путь злого,
І з лютим не сяде.
А в законі господньому
Серце його й воля
Навчається; і стане він —
Як на добрім полі
Над водою посажене
Древо зеленіє,
Плодом вкрите. Так і муж той
В добрі своїм спіє.
А лукавих, нечестивих
І слід пропадає,—
Як той попіл, над землею,
Вітер розмахає,
І не встануть з праведними
Злії з домовини.
Діла́ добрих обновляться,
Діла́ злих загинуть.

12

Чи ти мене, боже милий
Навік забуваєш,
Одвертаєш лице своє,
Мене покидаєш?
Доки буду мучить душу
І серцем боліти?
Доки буде ворог лютий
На мене дивитись
І сміятись!.. Спаси мене,
Спаси мою душу,
Да не скаже хитрий ворог:

«Я його подужав».
І всі злії посміються,
Як упаду в руки,
В руки вражі. Спаси мене
Од лютої муки,
Спаси мене, помолюся
І воспою знову
Твої блага чистим серцем,
Псалмом тихим, новим.

43

Боже, нашими ушима
Чули твою славу,
І діди нам розказують
Про давні кроваві
Тії літа; як рукою
Твердою своєю
Розв'язав ти наші руки
І покрив землею
Трупи ворогів. І силу
Твою восхвалили
Твої люде, і в покої,
В добрі одпочили,
Славя господа!.. А нині
Покрив єси знову
Срамотою свої люди,
І вороги нові
Розкрадають, як овець, нас
І жеруть!.. Без плати
І без ціни оддав єси
Ворогам проклятим;
Покинув нас на сміх людям,
В наругу сусідам,
Покинув нас, яко в притчу
Нерозумним людям.
І кивають, сміючися,
На нас головами;
І всякий день перед нами —
Стид наш перед нами.
Окрадені, замучені,
В путах умираєм,
Чужим богам не молимось,
А тебе благаєм:
«Поможи нам, ізбави нас
Вражої наруги,
Поборов ти першу силу,
Побори ж і другу,
Ще лютішу!.. Встань же, боже,
Вскую будеш спати,
Од сліз наших одвертатись,
Скорби забувати!
Смирилася душа наша,
Жить тяжко в оковах!
Встань же, боже, поможи нам
Встать на ката знову».

52

Пребезумний в серці скаже,
Що бога немає,
В беззаконії мерзіє,
Не творить благая.
А бог дивиться, чи є ще
Взискающий бога?
Нема добро творящого,
Нема ні одного!
Коли вони, неситії,
Гріхами дознають?
Їдять люде замість хліба,
Бога не згадають,
Там бояться, лякаються,
Де страху й не буде.
Так самі себе бояться
Лукавії люде.
Хто ж пошле нам спасеніе,
Верне добру долю?
Колись бог нам верне волю,
Розіб'є неволю.
Восхвалимо тебе, боже,
Хваленіем всяким;
Возрадується Ізраїль
І святий Іаков.

53

Боже, спаси, суди мене
Ти по своїй волі.
Молюсь, господи, внушим їм
Уст моїх глаголи,
Бо на душу мою встали
Сильнії чужії,
Не зрять бога над собою,
Не знають, що діють.
А бог мені помагає,
Мене заступає
І їм правдою своєю
Вертає їх злая.
Помолюся господеві
Серцем одиноким
І на злих моїх погляну
Незлим моїм оком.

81

Між царями й судіями
На раді великій
Став земних владик судити
Небесний владика:
«Доколі будуте стяжати
І кров невинну розливать
Людей убогих? а багатим
Судом лукавим помагать?
Вдові убогій поможіте,

Не осудіте сироти
І виведіть із тісноти
На волю тихих, заступіте
Од рук неситих». Не хотять
Познать, розбити тьму неволі,—
І всує господа глаголи,
І всує трепетна земля.
Царі, раби — однакові
Сини перед богом;
І ви вмрете, як і князь ваш,
І ваш раб убогий.
Встань же, боже, судн землю
І судей лукавих.
На всім світі твоя правда,
І воля, і слава.

93

Господь бог лихих карає —
Душа моя знає.
Встань же, боже, твою славу
Гордий зневажає.
Вознесися над землею
Високо, високо,
Закрий славою своєю
Сліпе, горде око.
Доки, господи, лукаві
Хваляться, доколі
Неправдою? Твої люде
Во тьму і в неволю
Закували... добро твоє
Кров'ю потопили,
Зарізали прохожого,
Вдову задавили
І сказали: «Не зрить господь,
Ніже теє знає».
Умудрітеся, немудрі:
Хто світ оглядає,
Той і серце ваше знає
І розум лукавий.
Дивітеся ділам його,
Його вічній славі.
Благо тому, кого господь
Карає між нами;
Не допуска, поки злому
Ізриється яма.
Господь любить свої люде,
Любить, не оставить,
Дожидає, поки правда
Перед ними стане.
Хто б спас мене од лукавих
І діющих злая?
Якби не бог поміг мені,
То душа б живая
Во тьмі ада потонула,
Проклялась на світі.

Ти, господи, помагаєш
По землі ходити.
Ти радуєш мою душу
І серце врачуєш:
І пребудет твоя воля,
І твій труд не всує.
Вловлять душу праведничу,
Кров добру осудять.
Мені господь пристанище.
Заступником буде
І воздасть їм за діла їх
Кровавi, лукавi,
Погубить їх, і їх слава
Стане їм в неславу.

132

Чи є що краще, лучче в світі,
Як укупі жити,
З братом добрим добро певне
Познать, не ділити?
Яко міро добровонне
З головн честної
На бороду Ааронію [90]
Спадає росою
І на шитії омети
Ризи дорогії;
Або роси ермонськії
На святії гори
Високії сіонськії
Спадають і творять
Добро тварям земнородним,
І землі, і людям,
Отак братів благих своїх
Господь не забуде,
Воцариться в дому тихих,
В сем'ї тій великій,
І пошле їм добру долю
Од віка до віка.

136

На ріках круг Вавілона [91],
Під вербами, в полі,
Сиділи ми і плакали
В далекій неволі;
І на вербах повішали
Органи глухії,
І нам стали сміятися
Едомляне [92] злії:
«Розкажіть нам пісню вашу,
Може й ми заплачем.
Або нашу заспівайте,
Невольники наші».
Якої ж ми заспіваєм?
На чужому полі
Не співають веселої

В далекій неволі.
І коли тебе забуду,
Ієрусалиме [93],
Забвен буду, покинутий,
Рабом на чужи́ні.
І язик мій оніміє,
Висохне лукавий,
Як забуде пом'янути
Тебе, наша славо!
І господь наш вас пом'яне,
Едомськії діти,
Як кричали ви: «Руйнуйте,
Руйнуйте, паліте
Єрусалим!...» Вавілоня
Дщере окаянна!
Блаженний той, хто заплатить
За твої кайдани!
Блажен, блажен! Тебе, злая,
В радості застане
І розіб'є дітей твоїх
О холодний камінь!

149

Псалом новий господеві
І новую славу
Воспоєм честни́м собором,
Серцем нелукавим;
Во псалтирі і тимпані
Воспоєм благая,
Яко бог кара неправих,
Правим помагає.
Преподобнії во славі
І на тихих ложах
Радуються, славословлять,
Хвалять ім'я боже;
І мечі в руках їх добрі,
Гострі обоюду,
На отмщеніє язикам
І в науку людям.
Окують царей неситих
В залізнії пута,
І їх, славних, оковами
Ручними окрутять,
І осудять губителей
Судом своїм правим,
І вовіки стане слава,
Преподобних слава.

19 декабря 1845,
Вьюница

Три літа, арк. 103—105. Автограф.
Вперше опубл. частково: *Куліш П.* Граматика.— С. 41—43, 8—10, 15—25.

№ 254

[ЗАПОВІТ]

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій,
Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Було видно, було чути,
Як реве ревучий.
Як понесе з України
У синєє море
Кров ворожу... отойді я
І лани і гори —
Все покину і полину
До самого бога
Молитися... а до того
Я не знаю бога.
Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте.
І мене в сем'ї великій,
В сем'ї вольній, новій,
Не забудьте пом'янути
Незлим тихим словом.

25 декабря 1845
в Переяслові

Три літа, арк. 106. Автограф.
Вперше опубл.: *Новые* стихотворения Пушкина и Шевченки.— С. 18.
На арк. 1 збірки «Три літа» помітка III відділення: К делу 1847 г. по 1 экспедиции.
Ч. VI, арк. 7. «Пакет с бумагами Шевченка», арк. 1—106. Автограф. Нині зберігається в ін-ті літ-ри ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР, від. рукоп.— Ф. 1.— Спр. 74. Опубл.: *Шевченко Т.* Три літа. Автографи поезій 1843—1845 років.— К., 1966

№ 255

1845 р. жовтня 10.— ПОЕМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА «ЄРЕТИК», ВИЛУЧЕНА ЖАНДАРМАМИ ПІД ЧАС ЙОГО АРЕШТУ 5 КВІТНЯ 1847 р. І ДОДАНА ДО СЛІДЧОЇ СПРАВИ

ЄРЕТИК [94]

(Шафарикові)

Запалили у сусіда
Нову добру хату
Злі сусіди; нагрілися
Й полягали спати,
І забули сірий попіл
По вітру розвіять.
Лежить попіл на розпутті,
А в попелі тліє
Іскра огню великого.
Тліє, не вгасає,
Жде підпалу, як той месник,
Часу дожидає,

Злого часу. Тліла іскра,
Тліла, дожидала
На розпутті широкому,
Та й гаснути стала.
Отак німота запалила
Велику хату. І сім'ю,
Сім'ю слав'ян роз'єдиниила
І тихо, тихо упустила
Усобиц лютую змію.

Полилися ріки крові,
Пожар загасили.
А німчики пожарище
Й сирот розділили.
Виростали у кайданах
Слав'янські діти,
І забули у неволі,
Що вони на світі!
А на давнім пожарищі
Іскра братства тліла,
Дотлівала, дожидала
Рук твердих та смілих,—
І дождалась... Прозрів єси
В попелі глибоко
Огонь добрий смілим серцем,
Смілим орлім оком!
І засвітив, любомудре,
Світоч правди, волі...
І слав'ян сім'ю велику
Во тьмі і неволі
Перелічив до одного,
Перелічив трупи,
А не слáв'ян. І став єси
На великих купах,
На розпутті всесвітньому
Іезекіїлем,
І — о диво! трупи встали
І очі розкрили,
І брат з братом обнялися.
І проговорили
Слово тихої любові
Навіки і віки!
І потекли в одно море
Слав'янські ріки!

Слава тобі, любомудре,
Чеху-слав'янине!
Що не дав ти потонути
В німецькій пучині
Нашій правді. Твоє море
Слав'янськеє, нóве!
Затого вже буде повне,
І попливе човен
З широкими вітрилами
І з добрим кормилом,

Попливе на вольнім морі,
На широких хвилях.
Слава тобі, Шафарику,
Вовіки і віки!
Що звів єси в одно море
Слав'янські ріки!
Привітай же в своїй славі
І мою убогу
Лепту-думу немудрую
Про чеха святого,
Великого мученика,
Про славного Гуса![95]
Прийми, отче. А я тихо
Богу помолюся,
Щоб усі слав'яне стали
Добрими братами,
І синами сонця правди,
І єретиками
Отакими, як Констанцький
Єретик великий!
Мир мирові подарують
І славу вовіки!

22 ноября 1845
в Переяслові

Камень, его же небрегоша зиждущии, сей бысть в[о] главу угла: от господа бысть сей, и есть дивен во очесех наших.

Псалом 117, стих 22.

«Кругом неправда і неволя,
Народ замучений мовчить.
І на апостольськім престолі
Чернець годований[96] сидить.
Людською кровію шинкує
І рай у найми оддає!
Небесний царю! суд твій всує,
І всує царствіє твоє.
Розбойники, людоїди
Правду побороли,
Осміяли твою славу,
І силу, і волю
Земля плаче у кайданах,
Як за дітьми мати.
Нема кому розкувати,
Одностайне стати
За євангеліє правди,
За темнії люде!
Нема кому! боже! боже!
Чи то ж і не буде?
Ні, настане час великий
Небесної кари.
Розпадуться три корони
На гордій тіарі![97]
Розпадуться! Благослови
На месть і на муки,
Благослови мої, боже,
Нетвердії руки!»

Отак у келії правдивий
Іван Гус думав розірвать
Окови адови!.. і диво,
Святеє диво показать
Очам незрящим. «Поборюсь...
За мене бог!.. да совершиться!»
І в Віфліємськую каплицю [98]
Пішов молиться добрий Гус.

«Во ім'я господа Христа,
За нас розп'ятого на древі,
І всіх апостолів святих,
Петра і Павла особливе,
Ми розрішаємо гріхи
Святою буллою [99] сією
Рабині божій...
«Отій самій,
Що водили по улицях
В Празі позавчора:
Отій самій, що хилялась
По шинках, по ста[й]нях,
По чернечих переходах,
По келіях п'яна!
Ота сама заробила
Та буллу купила —
Те[пе]р свята!.. Боже! боже!
Великая сило!
Великая славо! зглянься на людей!
Одпочинь од кари у світлому раї!
За що пропадають? за що ти караєш
Своїх і покорних і добрих дітей?
За що закрив їх добрі очі,
І вольний розум окував
Кайданами лихої ночі!..
Прозріте, люди, день настав!
Розправте руки, змийте лу́ду.
Прокиньтесь, чехи, будьте люди,
А не посмішище ченцям!
Розбойники, кати в тіарах
Все потопили, все взяли,
Мов у Московії татаре,
І нам, сліпим, передали
Свої догмати!.. кров, пожари,
Всі зла на світі, войни, чвари,
Пекельних мук безкраїй ряд...
І повен Рим байстрят!
От їх догмати і їх слава.
То явна слава... А тепер
Отим положено конглавом: [100]
Хто без святої булли вмер —
У пекло просто; хто ж заплатить
За буллу вдвоє, ріж хоч брата,
Окроме папи і ченця,
І в рай іди! Конець концям!
У злодія вже злодій краде,

Та ще й у церкві. Гади! гади!
Чи напилися ви, чи ні
Людської крові?.. Не мені,
Великий господи, простому,
Судить великіє діла
Твоєї волі. Люта зла
Не діеш без вини нікому.
Молюся, господи, помилуй,
Спаси ти нас, святая сило,
Язви язик мій за хули
Та язви мира ізціли.
Не дай згнущатися лукавим
І над твоєю вічно-славой
Й над нами, простими людьми!..»

І плакав Гус, молитву дія,
І тяжко плакав. Люд мовчав
І дивувався: що він діє,
На кого руку підійма!

«Дивіться, люде: осьде булла,
Що я читав...» — і показав
Перед народом. Всі здрогнули:
Іван Гус буллу розідрав!!
Із Віфліємської каплипі
Аж до всесвітньої столиці [101]
Луна, гогочучи, неслась.
Ченці ховаються... Мов кара,
Луна в конглаві оддалась —
І похилилася тіара!

Зашипіли, мов гадюки,
Ченці в Ватікані,
Шепочеться Авіньйона [102]
З римськими ченцями,
Шепочуться антипапи [103],
Аж стіни трясуться
Од шопоту. Кардинали,
Як гадюки, в'ються
Круг тіари. Та нищечком,
Мов коти, гризуться
За мишеня... Та й як паки?
Однієї шкури
Така сила... а м'ясива!!!
Аж здригнули мури,
Як згадали, що у Празі
Загелкали гуси
Та з орлами летять биться...[104]
Конглав схаменувся,
Зібрав раду. Положили
Одностайне стати
Против Гуса. І в Констанці [105]
Всіх ворон скликати!
Та стерегти якомога
І зверху і здолу,

Щоб не втекла сіра птаха
На слав'янське поле.

Як та галич поле крила —
Ченці повалили
До Констанця; степи, шляхи,
Мов сарана, вкрили
Барони, герцоги і дюки,
Псарі, герольди, шинкарі,
І трубадури (кобзарі),
І шляхом ві[й]сько, мов гадюки.
За герцогинями німота;
Хто з соколами на руках,
Хто пішки, верхи на ослах —
Так аж кишить! все на охоту,
Мов гад у ірій, поспіша!
О чеху! де твоя душа??
Дивись, що сили повалило —
Мов сарацина [106] воювать
Або великого Аттілу! [107]
У Празі глухо гомонять,
І цесаря, і Вячеслава [108],
І той собор тисячоглавий
Уголос лають! Не хотять
Пускать в Констанц Івана Гуса!
«Жив бог! жива душа моя!
Брати, я смерті не боюся!
Я докажу отим зміям,
Я вирву їх несите жало!..»
І чехи Гуса провожали,
Мов діти батька...
Задзвонили у Констанці
Рано в усі дзвони.
Збиралися кардинали,
Гладкі та червоні.
Мов бугаї в загороду,
І прелатів лава.
І три папи, і баронство,
І вінчані глави;
Зібралися, мов Іуди [109]
На суд нечестивий
Против Христа. Свари, гомін,
То реве, то виє,
Як та орда у таборі,
Або жиди в школі...
І — всім разом заціпило!..
Мов кедр серед поля
Ливанського [110],— у кайданах
Став Гус перед ними!
І окинув нечестивих
Орліми очима.
Затрусились, побіліли,
Мовчки озирали
Мученика.— «Чого мене —
Чи на прю позвали?

Чи дивиться на кайдани??..»
«Мовчи, чеше смілий...» —
Гадюкою зашипіли,
Звірем заревіли.
«Ти єретик! ти єретик!
Ти сієш розколи!
Усобища розвіваєш,
Святійшої волі —
Не приймаєш!..» «Одно слово!»
«Ти богом проклятий!
Ти єретик! ти єретик!.. —
Ревіли прелати.—
Ти усобник!..» «Одне слово».
«Ти всіми проклятий!..»
Подивився Гус на па́пи
Та й вийшов з палати!..
«Побороли! побороли!..—
Мов обеленіли,
«Автодафе! автодафе!..» [111]
Гуртом заревіли.
І цілу ніч бенкетували
Ченці, барони... всі пили
І, п'яні, Гуса проклинали,
Аж поки дзвони загули.
І світ настав... Ідуть молиться
Ченці за Гуса. З-за гори
Червоне сонце, аж горить.
І сонце хоче подивиться,
Що будуть з праведним творить?!..
Задзвонили в усі дзвони,
І повели Гуса
На Голгофу [112] у кайданах.
І не стрепенувся...
Перед огнем; став на йому
І молитву діє:
«О господи милосердий,
Що я заподіяв
Оцим людям? твоїм людям!
За що мене судять!
За що мене розпинають?
Люди! добрі люди!
Молітеся!.. неповинні —
І з вами те буде!
Молітеся! люті звірі
Прийшли в овніх шкурах
І пазурі розпустили...
Ні гори, ні мури
Не сховають. Розіллється
Червонеє море
Крові! крові з дітей ваших
О горе! о горе!
Онде вони! в ясних ризах.
Їх лютії очі...
Уже крові...» «Пали! пали!..»
«Крові! крові хочуть!

Крові вашої!..» — і димом
Праведного вкрило.
«Моліться! моліться!
Господи, помилуй,
Прости ти їм, бо не знають!..»
Та й не чути стало!
Мов собаки, коло огню
Кругом ченці стали.
Боялися, щоб не виліз
Гадиною з жару
Та не повис на короні
Або на тіарі.

Погас огонь, дунув вітер
І попіл розвіяв.
І бачили на тіарі
Червоного змія
Прості люде. Пішли ченці
Й Te deum [113] співали,
Розійшлися по трапезах
І трапезували
І день і ніч, аж попухли.
Малою сім'єю
Зійшлись чехи, взяли землі
З-під костра і з нею
Пішли в Прагу. Отак Гуса
Ченці осудили,
Запалили... та божого
Слова не спалили,
Не вгадали, що вилетить
Орел із-за хмари
Замість гуся і розклює
Високу тіару.
Байдуже їм, розлетілись,
Мов тії ворони,
З кровавого того свята.

Ченці і барони
Розвернулись у будинках
І гадки не мають —
Бенкетують, та інколи
Te deum співають.
Все зробили... Постривайте!
Он над головою
Старий Жижка [114] з Таборова
Махнув булавою.

10 октября 1845
с. Марьинское.

Ч. VI, арк. 7. «Пакет с бумагами Шевченка». Автограф. Нині зберігається в Ін-ті літ-ри ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР.— Від рукоп.— Ф. 1.— Спр. 9 (40).
Вперше опубл.: *Основа.*— 1861.— № 1.— С. 2—4; № 8.— С. 15—16; *Былое.*— 1906.— № 6.— С. 1—5 (Ч. 2).

№ 256

1847 р. березня 7.— ПОЕМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА «ОСИКА», ВИЛУЧЕНА ЖАНДАРМАМИ ПІД ЧАС ЙОГО АРЕШТУ 5 КВІТНЯ 1847 р. І ДОДАНА ДО СЛІДЧОЇ СПРАВИ

ОСИКА [115]

(Поема)

Да приидет же смерть на ня, и да снидут во ад живи, яко лукавство в жилищах их, посреде их.

Псалом

Молюся, знову уповаю,
І знову сльози виливаю,
І думу тяжкую мою
Німим стінам передаю.
Озовітеся ж, заплачте,
Німії зо мною...
Над неправдою людською,
Долею лихою.
Озовітесь, а за вами
Може озоветься
Безталання невсипуще
І нам усміхнеться,
Поєднає з недолею,
Спасибі нам скаже
І помолиться, й заплаче,
Й тихо спатн ляже.
Така́ моя ра́да, незнаємий брате,
Смирись перед богом, людей не займай,
Шукай собі брата в палатах і в хаті
І дбай домовину, а слави не дбай,
Бо вона не спинить віку молодого,
Не верне з-за літа нашої весни...
Отак-то, мій друже, молись, брате, богу
І мене в молитвах своїх пом'яни.
Росте́ в полі на могилі
Осика заклята,
Отам відьма похована,
Христітесь, дівчата.
Христітеся... і не кваптесь
На панів лукавих,
Бо згинете осміяні,
Наробите слави,—
Злої слави на сім світі,
А на тім!.. крий боже!
За гріхи такі великі
Сам бог не поможе.
Нехай пани згнущаються,
Братами торгують
Та сльозами кровавими
Сатану частують.
Їх вже душі запродані,
То їм і байдуже,

А вам треба стерегтися,
Стерегтись та й дуже!
Стережіться ж — кохайтеся
Хоч і з наймитами,
З ким хочете, мої любі,
Тілько не з панами.

Після осеннього Миколи [116]
Обідрані, трохá не голі,
Бендерським шляхом [117] уночí
Ішли цигане — а йдучи
Звичайне вольнії співали,
Ішли собі, а потім стали,
Шатро край шляху нап'яли,
Багаття вбоге розвели
І коло його посідали,
Хто з *шашликом* — а хто і так,
Зате він вольний, як козак
(Колись-то був), сидять, куняють,
А за шатром в степу співає,
Неначе п'яна з приданок
Додому йдучи молодиця.

(голос за шатром)

Ой у новій хаті
Полягали спати,
Молодій приснилось,
Що мати сказилась,
Батько утопився,
Свекор оженився
І!.. гу!.. гу!.. гу!..
Цигане слухають, сміються.
«І де тут п'яні ті возьмуться.
Оце мабуть із-за Дністра,
Бо тут все степ... Мара́! Мара́!!»
Цигане крикнули й схопились,
А перед ними опинилась
Та, що співала... жаль і страх.
В свитиині латаній дрожала,
А на руках і на ногах
Од стужі кров повиступала
І довгі кóси в реп'яхах.
Постóяла і мовч[к]и сіла
Коло огню, і руки гріла
На сáмім полум'ї. «Ну так
Оженився неборак».
Сама собі ніби шептала
І якось страшно усміхалась.

Цигане

А відкіля ти, молодице?

Відьма

Хто! я... я...

(співає)

Як була я молодиця,
Ціловали мене в лице,
А як стала стара баба,
Цілували б, була б рада.

Цигане

Співу́ча, нічого сказать,
Якби собі таку́ достать
Та ще й медведя...

Відьма

Я співаю
Чи то сижу, чи то гуляю,
Все співаю, все співаю,
Уже забула говорить,
А перше добре говорила...

Цигане

Де ж ти була, що заблудила?

Відьма

Хто? Я?.. з дочко́ю пан лежить,
Огонь погас, а місяць сходить,
В яру пасеться вовкулак.
Я в приданка́х була, впилася
І молода́ не предалася,
А все то про́кляті пани
З дівчатами такеє діють...
Піду ще сина хоронить,
А то без ме́не не зуміють
І в домовину положить...

Цигане

Не йди, небо́го, будь ти з нами,
У нас, ей-богу, добре жить.

Відьма

А діти есть у вас!

Цигане

Немає.

Відьма

Кому ж ви їсти даєте?
Кого ви спати кладете?
Кого колишете вночі?
Ляга́ючи і встаючи
За ко́го молитесь?.. ох діти,
І все діти... і все діти!
І мені нема де дітись.
Де не піду, усе за мною,
Вони ззідять мене колись.

Цигане

Не плач, небого, не журись,
У нас дітей нема й заводу.

Відьма

Хоч з гори та в воду...
І тяжко, тяжко заридала.
Цигане довго дивувались,
Поки поснули — де хто впав,
Вона ж не спала, не журилась,
Сиділа, ноги устромила
В гарячий попіл. Виступав
Щербатий місяць з-за могили
І на шатро мов дивувавсь,
Аж поки хмари заступили.
Чом не спиться багатому
Сивому гладкóму?
Чом не спиться убогому,
Сироті старому?
Один дýма, як би його
На подзвін придбати,
А той дýма, коли б швидше
Достроїть палати,
Отойді вже одпочину...
Аж у домовині.
А убогий і так собі
Де-небудь загине.
І обидва спочивають
І гадки не мають.
Убогого не згадують,
А того ще й мають.
Не спиться старому ні в полі, н[і] в хаті,
А треба як-нéбудь віку доживати.
Коло огню старий циган
З люлькою куняє,
І дивиться на приблуду,
Може що й гадає.

Циган

Чому не ляжеш, не спочинеш,
Зірниця сходить, подивись.

Відьма

Дивилась я, вже ти дивись.

Циган

Ми, рано рушимо, покинем,
Як не проспися...

Відьма

Не просплюсь,
Уже ніколи не просплюсь.
Отак де-небудь і загину
У бур'яні...

(співає)

Гаю, гаю, темний гаю,
Тихенький Дунаю.
Ой у гаю погуляю,
В Дунаї скупаюсь,
В баговинні зеленому
Трошки одпочину
Та може ще хоч погану
Приведу дитину.
Дарма... аби собі ходило
Та вміло матір проклинать.
Цить... цить... чи бачиш, на моги
Очима лупа кошеня,
Ото до мене.. кицю.. кицю..
Не йде прокляте бісеня,
А то дала б тобі напиться,
Впилося б добре...

(співає)

Стоїть кутя на покуті,
А в запічку діти,
Народила, наплодила,
Та нігде подіти.
Чи то потопити,
Чи то подушити.
Чи жидові на кров продать,
А гроші пропити.

Що, добре наші завдають!
Ого-то й то, а ти не знаєш,
Сідай лиш ближченько отут,
Я розкажу тобі. Ти знаєш,
Що й я в Волощині була,
Близнят в Бендерах привела.
У білих Яссах колихала,
У Дунаєві купала,
В Туреччині сповила
Та й додому понесла.
Аж у Київ — та вже дома
Без кадила, без кропила
За три шаги́ охрестила,
А три шаги́ пропила.
Упилася, упилась
І досі п'яна...
І вже ніколи не просплюся,
Бо я вже й бога не боюся
І не соромлюся людей...
Коли б мені отих дітей
Найти де-небудь! Ти не знаєш,
Чи є в Туреччині война?

Циган

Була колись, тепер нема.
Умер найста́рший старшина.

Відьма

Я думала в Туреччині,
Аж і там немає.
Ось слухай же, скажу тобі,
Кого я шукаю.
Я шукаю дочку мою
І сина Івана,
А ще гірше я шукаю
Проклятого пана.
Щоб задушить, бо як узяв
Мене молодою
Та й остриг, неначе хлопця,
І скрізь за собою
Возив мене, у Бендерах
Тойді ми стояли
З москалями, а москалі
Турка воювали.
Отож якраз против спаса
Привела близнята,
А він прóклятий покинув,
Не вступив і в хату,
Пішов собі з москалями,
А я з байс[т]рюками
В Україну повернула
Босими ногами.
Острижена — та й байдуже.
Ішла та питала
До Києва — і що з мене
Люди посміялись,
Трохи була не втопилась,
Та жаль було кинуть
Близняточок. То сяк, то так
На свою країну -
Доплентала, одпочила,
Вечера діждала,
Та й у село, хотілось, бач,
Щоб люде не знали.
Підкрадаюся до хати —
Аж огню немає.
Я думала, що спить батько,
Аж він умирає.—
І нікому руки скласти —
Я перелякалась.
Хата пусткою смерділа.
От я заховала
Близнят своїх у коморі,
Убігаю в хату,
А він уже ледве стогне,
Я до його: «тату!
Тату, тату! це я прийшла».
За руку хапаю.
А він мене взяв за руку
І шептав «прощаю!..
Прощаю... і...» тілько й чула

Бо здається впала —
Та й заснула — якби була
Довіку проспала.
Опівночі прокинулась,
Щось ходить по хаті,
А за руку батько давить,
«Тату!» кличу: «тату!»
Аж він уже так, як крига,
Насилу я руку
Випрочала... Що, цигане,
Якби таку суку
Тобі дочку — чи простив би?

Циган

Простив би, ей-богу.

Відьма

Та мовчи вже — бо забуду,
Я молилась богу...
Ба ні, дітей годувала
Та в засік ховала,
Та здається ще очіпок
Ключям вимощала,
Щоб не знать було що стрига,
Прибралась, ходила,
Поки люде домовину
Надво́рі робили,
Доробили, положили,
Понесли, сховали,
І одна я з близнятами
На світі осталась.

(плаче і співає)

Через яр ходила
Та воду носила,
Коровай сама бгала
Дочку отдавала,
А сина женила
І гу...

Циган

Не скигли, бо ти всіх побудиш!

Відьма

Хіба я скиглю, навісний!

Циган

Та добре, добре, що ж дальш бу,
Розка́зуй лиш...

Відьма

А що даси?
Навариш завтра мамалиги,
Я й кукурузи принесу...

Постривай же, нагадала.
З дочкою ліг спати.
А сина взяв у лакеї,
Громадою з хати...
Еге... еге... громадою.—
Я собак дражнила
Попід вікнами з старцями
І близнят водила
За собою, щоб привчались,
Аж і сам приїхав.
Отойді було громаді
І всім достолиха,
Щоб мене не виганяли
З батьківської хати,
А мене взяв з близнятами
До себе в палати.
Ростуть мої близняточка,
А я утішаюсь,
І з лютою гадиною
Я знову кохаюсь,
Докохалася до краю...
Сина у лакеї
Занапастив, а з дочкою,
Чи чуєш, з своєю...
Чи це не гріх по-вашому,
І в вас так уміють?..
А мені дав карбованець
Та послав у Київ,
Щоб я богу помолилась.
Отож я й ходила
І молилась, ні, цигане,
Я дáрмо молилась.
Чи в вас є бог який-небудь?
Отже в нас немає,
Пани вкрали та в шкатулі
У себе ховають.
Вертаюся із Києва,
Замкнуті покої,
Пан поїхав десь з дочкою,
Як перше зо мною.
І сина взяв — потім... потім...
Далебі, не знаю,
Що робилось — мені снилось,
Ніби я літаю
Над байраками совою
І дітей шукаю.
Та то бредня. Я не дітей
Я шукала пана,
Та тепер уже не треба.
Піду у цигане.
Я вже сина оженила,
А дочка й так буде,
Лазитиме попідтинню,
Поки стопчуть людн.
Ти не бачив мого сина,

Там такий хороший,
Такий, як ти, а знаєш що —
Позич мені грошей,
А я намиста накуплю
І тебе повішу
Та й піду собі додому...
Дивись: миша... миша...
Несе у Київ мишенят,
Не донесеш, утопиш десь,
Або пан одніме...
Чи я найду дітей своїх,
Чи так і загину?!..
Та й замовкла, мов заснула.
Цигане вставали —
Розбирали шатро своє,
В дорогу рушали.
Та й рушили, пішли стéпом
І вона устала
Та й пішла сама за ними,
А йдучи співала.
Кажуть люде, що суд буде,
А суду не буде,
Бо вже мене осудили
На сім світі люди.
За селом село минали,
В городи́ ходили,
І, мов ди́во, за собою
Приблуду водили.
І співала й танцювала,
Не пила й не їла,
Неначе смерть з циганами
По світу ходила.
Потім разом перестала,
Стала їсти й пити.
І ховатись за шатрами,
І богу молитись.
То таке їй поробила
Стара Маріула,
Якимсь зіллям напоїла,
То воно й минуло.
Потім її сама стала
Вчить лікарувати.
Які тра́ви, що, од чого
І де їх шукати.
Як варити, напувати,
Всьому, всьому вчила,
І приблуда училася
І богу молилась.
Літо й друге проблукала
Та трави сушила,
А на третє в Украї́ну
З ними приблудила.
Поклонилась Маріулі
За науку в ноги,
Попрощалась з циганами,

Помолилась богу
Та й пішла собі додому
На свою країну,
Рада, рада та весела,
Мов тая дитина.
Які села прохожала —
Болящих питала,
І травами напувала,
І всім помагала.
Восени прийшла додому,
Пустку затопила,
Вимазала, упоралась,
І легко спочила,
Як у рáї, все забула,
І злее й незлее,
Всіх простила, всіх любила,
І мов над землею
Святим ангелом витала,
Так їй легко стало.
Мов в палатах, в своїй хаті
Перезимовала.
І сусіди не цурались,
Все село любило,
Бо вона все по болящих
День і ніч ходила
І всякому помагала,
І плати не брала,
А що брала, то калікам
Зараз оддавала.
Або свічечку в неділю
Спасові поставить
За всіх грішних, а у себе
Й шагá не оставить.
Нащо мені, було, каже,
Чи то в мене діти?
Та й заплаче, отак вона
Меж чужими в світі
Вік недовгий доживала —
Дівчата бувало
І днювали й ночували,
Хату прибирали,
І мазали, і квітчали,
І їсти варили,
І ворожить не просили —
Так собі любили.
У хато[ч]ці чисто, тихо,
Ясно, як у рáї,
І знáй двері поскрипують,
Ніхто не минає —
Той добридень прийде скаже,
Той зілля попросить,
Той бубличків, паляничку,
Всього понаносять.
Аби було з ким пожити,
Добром поділитись.

Отак вона в селі жила
І вкрита, і сита.
І любили, і вітали,
І всього давали,
А все-таки покриткою
І відьмою звали.

З недугами і болячками
З трьома чи й більше лікарями
Із-за німецької землі
Весною пана привезли.
Тілько самого. А де ж діти?
Дочку́ на хо́рта проміняв,
А си[на] в карти проіграв!
І так трапля[є]ться на світі.
А що ж ми маємо робить?
Ото ж взяли його лічить,
Лічили, аж утрьох лічили,
Уже чого з ним не робили,
Та ба, не буде вже грішить,
А ще б хотілося... простила,
Святого зілля наварила
І милосерда[я] з села
Лічити во́рога пішла.
В палати сумнії, просила,
Щоб зіллям пана напоїть,
Божилася, що буде жить,
І лікарі не допустили,
Прогнали, трохи ще й не били,—
Взяла горщечок та й пішла.
Ідучи діточок згадала,
Заплакала... і жаль їй стало,
Що панові не помогла.
Весна зиму проганяє
І зелений по землі
Весна килим розстилає,
Із ірію журавлі
Летять високо ключами,
А степами та шляхами
Чумаки на Дін пішли.
І на землі, і на небі
Рай — і я не знаю,
Якого ще люди раю
У бога благають.
А тим часом непрощéнний
Грішний умирає
У будинках.— Уже його
Й сакраментовали,
Клали долі на соломі
І стелю знімали,
Не вмирає. І лікарі
Нічого не вдіють.
Потім трохи полегшало,
«Покличте Лукію».
Шепнув, та аж затрусився.

Привели в палати
Мою відьму, і лікарі
Вже стали прохати,
Щоб помогла, прийшла вона
І у ногах стала,
І тихенько за грішно[го]
О т ч е н а ш читала,
Пан неначе прокинувся,
Глянув кругом себе
І на неї... та й закричав:
«Не треба! не треба!
Іди собі... або стривай,
Чи ти не забула?
Прости мене... прости мене...»
І сльози блиснули
Вперше зроду. «Я прощаю,
Я давно простила».—
І свічечку дала в руки,
І перехрестила.
Заснув ворог перед нею,
Як тая дитина.
А її за свою душу
Молитись покинув.

Сорокоусти наймала,
У Київ ходила,
Та за пана за грішного
Гóспода молила.
І восени вернулася
В село зимовати.
Так, як матір, привітали
Ласкáві дівчата.
І знов стали на досвітки
До неї ходити,
І знов стали, як матері,
Лукії годити.
А вона їх научала,
Як на світі жити,
Розкáзує, як і вона
Колись дівувала
І як пана полюбила,
Покриткою стала,
І як стригою ходила,
Близнят породила,
Як блукала з циганами,
І як її вчила
Лікарувать Маріула,
І де що робилось,
Усе, було, розказує,
Аж плачуть дівчата
Та хрестяться, жахаються,
Ніби пан у хаті.
А вона їх розважає,
Просить, заклинає,
Щоб з панами не кохались,

Бо бог покарає.
Що підете й ви по світу
Так, як я ходила,
Батька й матір погубите,
Як я погубила,
Дітей своїх на сміх людям
Пустите по світу.
Так як я... як я... пустила
Діти, мої діти.
Отак вона научала.
Дівчата христились
Та плакали — а уночі
Пани все їм снились.
І з рогами і хвостами
Одрізують ко́су,
Та кусають, та сміються
І простоволосу
На собак тощо́ міняють.
У дьогті купають,
І виводять на улицю,
І людей скликають
Дивитися. Отаке-то
Дівчаточкам снилось.
А все-таки на досвітки
До неї ходили.

Прийшла весна зеленая,
Стара моя встала.
Пішла в поле шукать зілля
Та там і осталась.
І обідать і вечерять
Варили дівчата,
Та не знали, де ділася
Їх нерідна мати.
Пастухи в селі сказали,
Що коло могили
У калюжі стару відьму
Чорти утопили.
Найшли її, громадою
Без попа сховали
На могилі й осиковим
Кілко[м] пробивали.
А дівчата засіяли
Могилу цвітами
І осику поливали
Своїми сльозами.
І виросла на могилі
Осика заклята,
Отам відьма похована,
Молітесь, дівчата.
Молітеся і не кваптесь
На панів лукавих.
Бо згинете, осміяні,
Наробите слави.

Седнев,
1847, марта 7.

Ч. VI, арк. 7. «Пакет с бумагами Шевченка». Автограф. Нині зберігається в Ін-ті літ-ри ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР, від.— Ф. 1, спр. 72.— Арк. 1—18.
Вперше опубл.: *Тарас Шевченко.* Повне зібрання творів.— К., 1939.— С. 538—545.

№ 257

1845 р. жовтень — 1846 р. квітень [118].— НОТАТКИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, ЗРОБЛЕНІ НИМ ПІД ЧАС ПОДОРОЖІ ПО УКРАЇНІ ЗА ДОРУЧЕННЯМ КИЇВСЬКОЇ АРХЕОГРАФІЧНОЇ КОМІСІЇ

[*Археологічні нотатки*]

Переяслов

В цитадели древней крепости, или в вышнем городе, церковь Успения пресвятыя богородицы. Та самая, в которой присягал Богдан Хмельницкий на верность московскому царю, сгорела, и на том месте в 1760 году построена новая по образцу древней, деревянная о девяти византийских куполах, с крещатыми окнами во фронтонах. А при Феодосии преосвященном Переяславском в 1825 году возобновлена; внутренность осталась в прежнем виде, а наружность, к сожалению, до варварства искажена. Невозможно смотреть на нее, а не только рисовать. И еще больнее, по описи видно, что в прежней церкве хранились древние серебряные вещи, из которых сделаны шаты на наместные образа. Пощадили только три вещи и то по причине невысокой пробы серебра.

1. Первая: лампада с греческой вокруг надписью, 1664. Вторая: образ из трех тонких серебряных досточек, скрепленных гвоздями, с следующею надписью:

> Сія икона зопсована отъ перехрестъ, которую казалъ оправить его мость панъ полковникъ Переяславскій Стефанъ Сулима.

Буквы в надписи перемешаны русские с латинскими. Икона величиною в 5 и 4 вершка. Живопись порядочная, изображены пречистая дева с предвечным младенцем, святитель Николай и святые Димитрий, Прокопий, Пантелеймон и Георгий.

Третья: чаша серебряная, вызолоченная, на нижних краях с следующею польскою надписью:

> Marina Chalecka Piotrowa Redzierzaska na cześć panu bogu naiswiętszei matce jego offiaruie do kosctola kolegium pinskie[g]o 3.1. roku 1638 [119].

2. Крест серебряный, вызолоченный, вышиною в аршин, приделанный к бунчуковой булаве, с надписью на нижнем конце:

> Сей честный крестъ бывший славутный и многогрѣшный рабъ божій создалъ Артемій Огрызко війтъ Переяславскій и отдалъ до церквы божои, пресвятыя богородицы въ городъ Переяславъ для процеси[и] року от иародзеня сына божого — а҃хнı [1618].

Евангелие писанное чернилом и киноварью красивыми славянскими буквами вроде почаевских, на последнем листе написано скорописью под титлами:

> Во имя отца и сына и святаго духа аминь. Изволеніемъ божіимъ и— святаго и животворящого духа, задержанья великого кроля третего Жыкгьмунта [120]
> а пры пануваню его милости пана кѣевского Адама
> старосты — в року а҃хп [1680].

Оправлена чорным бархатом с грубыми железными украшениями.

В той же цитадели церковь С. Михаила, по преданию бывший монастырь, построенный каким-то князем черниговским Михаилом. Ни снаружи,

ни внутри не осталось никаких признаков ее древности, окроме колокольни и при ней трапезы, где теперь помещается уездное казначейство.

3. Бывший монастырь, ныне Соборная церковь во имя вознесения господня, построенная 1701 года гетманом Мазепою, великолепная снаружи и до невозможности искажена внутри возобновлениями. В ризнице хранится удивительное по работе Евангелие, приношение гетмана Мазепы. Московской печати ѦхѴн [1658] года с надписью на оправе славянскими буквами:

> Сіе Евангеліе справилось коштомъ и накладомъ: его царского пресвѣтлого величества войска Запороского Гетмана, и славного чину святаго апостола Андрея кавалера Іоана Мазепы року ѦѰѦ [1701] іюня въ А [1] день. Дѣлалъ иноземецъ Дробусъ.

В той же ризнице хранится плащаница, шитая шолком и золотом, приношение какого-то господаря молдавского Петра [121] с надписью кругом, славянскими буквами, в конце выставлено ЗѮ0 [7069] року. Надпись я прочитать не мог по тесноте и ветхости букв.

В скромной семинарской библиотеке хранится два Евангелия, писаны на пергамени изящными славянскими буквами, чернилом и киноварью — с прекрасными разноцветными рисунками по золоту. Первое писано в 7053 году с надписью в конце евангелиста Марка:

> Изволеніемъ отца и поспишеніемъ сына и свершеніемъ святаго духа, Благочестівіи и христолюбивіи Іоанъ Петръ воевода Божію милостію Господарь земли Молдавскія сынъ старого Стефана [122] воеводы сътвори и скова сей тетроевангель и даде его въ мольби себе въ новозданной своей цер[к]ви о срѣди трга сучавского и диже е храмъ святого великомученика Мироточиваго Дмитрія, въ лѣто ЗНГ [7053] мисяца генваря S [6] день.

Ниже:

> Сіе тетроева[н]гель списано Михаиломъ діакономъ.

Второе Евангелие также на пергамени, изящнее и роскошнее первого, писано малороссийским наречием ѦФНS [1556] года, с надписью на краях первых листов:

> Сіе Евангеліе прислано и дано отъ ясневельможного его милости пана, пана Іоана Мазепы, войскъего царского пресвѣтлаго величества запорозких, обоихъ сторонъ Днипра гетмана, и славного чина святого апостола Андрея кавалера до престола Переясловского епископского, который отъ его же милости созданъ отъновленъ, и драгоценными утварьми украшенъ при преосвященномъ епископи Захаріи Корниловычи року ѦѰѦ [1701] апреля si [17] день.

Это Евангелие подробно описано г. Бодянским в «Журнале Министертва народного просвещ[ения]» № 5, 1838 года м. май.

Переяслав и окрестности его были б чрезвычайно интересны своими укеплениями и курганами, но о них сохранились только названия и почти икаких преданий в народе.

По Киевской дороге в пяти верстах от Переяслава над самой дорогой три ысокие кургана, называемые Три братни могилы.

По Золотоношской дороге в семи верстах от города высокий курган, азываемый Богданова могила. И тут же недалеко впадает в древнее русло непра бесконечный вал, неизвестно когда и для чего построенный.

Между местечками Березанью и Яготыном в 15 верстах от Переяслава огромное древнее земляное укрепление, план которого никак понять нельзя по различным направлениям валов. Предание говорит, что какая-то княжна Переясловская Домна защищалась здесь от неприятелей (неизвестно от каких) и была ими побеждена, и укрепление разрушено, почему и названо Выбле, то есть выбылое, оставленное.

На месте, где по преданию убит князь Борис [123], построена недавно церковь (отсутствие всякого понятия о изящном и снаружи, и внутри), в ней стоит у иконостаса величиною в три аршина серого гранита крест с высеченною надписью:

> Сей крестъ здѣ на мѣстѣ семъ убіенно святаго страстотерпца, христова Бориса великого князя російськаго, водрузи Григорій Бутовичъ протопопъ переяславскій споспѣшествовалъ во ономъ Селивана Кириловича Билого, головы стрѣлецкого, лѣта отъ сотворенія міра ЗР҃ОѦ [7171] отъ Р. Х. ѦХ҃ѯѦ [1661] маія к҃ [2] дня.

На обороте:

> а дѣлалъ крестъ сей Харько безпалчій мельникъ съ товарищемъ своимъ Мартыномъ.

Телепень

Между Яготыном и Пирятыном, к северу от большой дороги в 13 верст[ах], большое земляное укрепление, расположенное довольно правильно,— называется Телепень по имени разбойника, укрывавшегося здесь в половине прошедше[го] столетия. Замечательно, что в этом укреплении остались следы каменных построек — кирпич обыкновенной формы.

Лубны

1. Кроме монастыря [124] (который хорошо описан в «Полтавских ведомостях» [125] 1845, августа 30), остались земляные укрепления, называемые замком. Внутри укреплений есть провал, но еще никем не разведанный.

2. В семи верстах за Сулою село Солонцы, где взят в плен гетман Налывайко [126]. К северу невдалеке небольшое укрепление.

3. В сорока верстах от Лубен над Сулою местечко Лукомья между земляными укреплениями осталась незначительной величины каменная четырехугольная башня, обращенная в колокольню. На верху вместо креста московский орел.

Хорол

В 20-ти верстах от Хорола в имении Г. Родзянко [127] над рекою Хоролом на горе — поросшее ясиновым лесом и заваленное кирпичом укрепление, называемое Мечеть. Недавно стояла там круглая высокая башня. Но владелец, искавши клада, подрыл фундамент, и она разрушилась. Невдалеке высокий курган, тоже разрытый и заваленный кирпичом...

Миргород

Между г[ородом] Миргородом и местечками Богачкой, Устывицей и Сорочинцями все возвышенности заняты разной величины укреплениями, я насчитал более сорока, исключая сторожевых курганов, некоторые из них имеют названия, как-то Мордачевы, Дубовы, Королевы, но когда, для чего они построены — народное предание молчит. Самое огромное из этих укреплений — это Королевы могилы,— близ местечка Сорочинец.

Чернигов

1

В цитаделе древней крепости без лафетов лежат три больших крепостных пушки, довольно грубой работы, без украшений и надписей, к которому времени они относятся — неизвестно, — такие-же пушки есть и в Городне.

2

Храм Спаса, заложен Мстиславом Удалым [128], между 1026 и 1036 годами достроен племянником его Святославом Ярославичем [129] в 1060 году. После разорения Батыем 1240 простоял в запустении 436 лет, т. е. до 1675 года, и возобновлен генеральным обозным Василием Дунин-Борковским; внутри храма ничего не осталось, кроме двух букв θ и I, вероятно была надпись, которая во время обновления заложена кирпичом.

3

При копании фундамента для колокольни, в нескольких шагах от храма Спаса, найдены два серебряных идола, из которых по воле гетмана Мазепы сделаны царские врата, с надписью внизу «1702 года оные врата наданы в теплую Борисо-Глебскую церков».

4

Борисоглебская церковь (по лет[описи] Нестора) построена в 1123 году Черниговским князем Давидом Святославичем [130]. Но сохранились ли стены древней церкви, неизвестно. Во время владычества поляков церковь эта была обращена в кляштор доминиканов, по изгнании поляков, архиепископ Лазарь Баранов[ич] [131] обновил и освятил церковь, и в 1693 погребен в ней. Феодосий Углицкий, почитаемый святым тоже, архие[рей] Черни[говский], погребен 1695 в этой же церкви.

5

Церковь Успения божией матери (в Елецком монастыре) построена 1060 году княз[ем] Святославом Ярославичем. Церковь и монастырь были разорены Батыем, а за владычества поляков обращены в кляштор иезуитов. В 1671 году церковь и монастырь возобновлены; кроме стен, ничего не осталось от первобытного величия этого монастыря.

6

Против означенного монастыря в саду курган, воспетый Немцевичем [132]. Предание говорит, что еще до христианства там погребена княжна Чарна — или Цорна.

7

Троицкий монастырь (вне города). Благословением Лазаря Барановича построенный гетманом Мазепою. В архиерейской ризнице хранятся многие редкие утвари, но к сожалению без надписей, в числе любопытных вещей: ковчег, дар Мазепы, в коем хранится рука с[вятого] Онуфрия.

8

Церковь св. Парасковии, именуемой Пятницею, коей построение относят ко временам владычества поляков. Кем и когда построена — неизвестно, в ней находится чаша — дар гетмана Ивана Мазепы с следующей надписью:

> во благовременное реіментарство щаслывого панування свого, ясневель[можний] его милость паиъ Іоанъ Мазепа гетьманъ войскъ

его цар[ского] Пресв[етлого] велич[ества] запорозькыхъ, сей келихъ до храму пресвятыя богородицы во весь Мохнатинъ надан року 1697, м. іюнія 23.

9

При Ильинской церкви около Троицкого монастыря есть пещера, вырыта святым Антонием, где он скрывался от Киевского князя Изяслава[133].

10

Дом семинарии, прежде принадлежавший полковнику Павлу Полуботку. Библиотека при семинарии из латинских и греческих книг.

11

Горностай, польский полководец, в 1612 году разорил Чернигов так, что он оставался необитаем 12 лет (у Голятовского)[134].

12

Между многими редкими вещами архиерейской ризницы есть стопа серебряная, вызолоченная, с следующей надписью:

чаша сія трапезная; на трисвятое, вчинися, в монастыру троицкому Густынскому[135] при отцу игумену Авксентіѣ року ѧх҃ѯѳ [1669] декаб[ря] к҃ѧ [21] вышина 8 вершк[ов]въ діаметр[е] 3 верш[ка].

Евангеліе ѧх҃ЛS [1636] ав[густа] в҃ [2] въ Лвовѣ, Благословaніем преосвященѣйшаго Киръ Петра Могилы.

[Жовтень 1845 — квітень 1846]

Ч. VI, арк. 7. «Пакет с бумагами Шевченка». Автограф.
Нині зберігається в Ін-ті літ-ри ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР, від. рукоп.— Ф. 1.— Спр. 112. Опубл.: *Тарас Шевченко.* Повне зібр. творів: В 10 т.— К., 1957.— Т. 6.— С. 1—7.

№ 258

1847 р. квітня 17[136].— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ДО ПЕТЕРБУРГА ТА РОЗГЛЯД ВІДІБРАНИХ У НЬОГО РУКОПИСІВ

О бумагах художника Шевченко

17 апреля, в 3 часу пополудни, доставлен из Киева в III отделение художник Шевченко со всеми его бумагами. К разбору оных тотчас было приступлено.

В бумагах его не оказалось ни устава Славянского общества, ни рукописи «Закон божий», ни других бумаг, важных для открытия подробностей тайного общества, а в вещах ни кольца, ни образа во имя св. Кирилла и Мефодия.

Из бумаг его обращают на себя внимание стихотворения его и только частию письма. Замечательнейшие из них — суть следующие:

1. Рукописная книга стихотворений самого Шевченко. Особенно два стихотворения, первое и называемое «Сон», исполнены противозаконных и возмутительных мыслей.

В первом он говорит: «Для чего боролись мы с ляхами, для чего резались с татарами, для чего из пушек коробили ребра московские, засевали поля и

кровью поливали, и саблями боронили? Что ж на ниве уродилось? Трава, трава, воли нашей утрата!» Далее, описывая запустение Украины, он выражает надежду, что «подрастут гетманы и может быть взойдут (на ниве) и вырастут ножи обоюдоострые».

В стихотворении «Сон» Шевченко представляет себя заснувшим и перенесенным сначала в Сибирь, потом в Москву и, наконец, в С.-Петербург. В Сибири он видит преступников в рудниках и цепях, гибнущих под ударами наказаний; в Москве описывает изнурение войск на параде, а в С.-Петербурге — собрание во дворце. Нигде клеветы его столько не дерзки и не наглы, как при описании дворцового собрания. В этом собрании сем, по его словам, ждали государя императора с трепетом, и когда он вышел[137], все вельможи, молча, окружили его; разговор шел об отечестве, петлицах и последних маневрах; каждый старался стать ближе к императору, чтобы удостоиться получить от него пощечину, или хотя полпощечины; государь подошел к самому старшему, ткнул его в лицо; вельможа с своей стороны ткнул следующего за ним, этот следующего, и таким образом толчок сверху обошел всех от первого до стоявшего у дверей, а в собрании раздалось: ура, ура, ура! В другом месте казаки у него выражаются: «О царю поганий, царю проклятий, лукавий, аспиде неситий!»

Шевченко прибегает ко всем едким и пасквильным выражениям, как только доходит до государя императора и вообще русских. В конце «Сна» он представляет себя перед памятником, воздвигнутым Петру I Екатериной II, и изливает желчь свою как на того, так и на другую, говоря, что Петр I поставил свободу Малороссии, а Екатерина II довершила начатое им.

2. Тетрадь стихотворений Шевченко незамечательного содержания, но в предисловии к одному из них он бранит русских и между прочим говорит: «Променяли мы свою добрую родину на пьяницу непотребную (Россию)»[138].

3. Два листочка его же стихотворений и в его же духе.

4. Стихотворение, писанное кем-то другим, в котором говорится, что Украина спит в развалинах, главные гетманы умерли в муках, заклепанные в кандалы», а в конце род плача об Украйне[139].

5. Стихотворение Чужбинского[140], в котором тоже говорится о погибшей казацкой славе, о кандалах и присоединена просьба «Про козацтво не забудьте».

6. Стихотворение Виктора Забеллы[141], он описывает в виде пасквиля секретаря Академии художеств Григоровича[142], сочинителя Торкватто-Тассо (вероятно Кукольника)[143], какого-то медальера[144] и самого Шевченко.

7. Стихи Андрузского (о которых он сам упоминает в своем показании), поднесенные им Шевченко, в них говорится также о погибшей будто бы Малороссии[145].

8. Четыре письма Кулиша к Шевченко[146]: в первом из них Кулиш выражает глубочайшее свое уважение к Шевченко; во втором говорит, что он, Кулиш, извлек из своего путешествия по Малороссии «величайшие результаты, вы это со временем увидите»; в третьем на малороссийском наречии пишет, что если они взялись прояснять глаза своим землякам, то должны действовать, один другому помогая, по правилу Хмельницкого: «Тім і сталась страшенная козацькая сила, що у вас, панове молодці, була воля і дума єдина!», в четвертом сообщал (еще в 1844 году), что в Харькове предполагалось издавать «Записки о Южной России и о славянах», и что в сотрудники вызывались Костомаров, Кулиш, А. Метлинский и Срезневский.

9. Письмо Штрандмана[147] к Шевченко, в котором первый называет второго «остатный из козаков».

10. Письмо Михайла Карпо[148] к Шевченко; первый, называя второго: «отомане наш», приглашает его к себе позировать и говорит: «мы на квартире у Матвеева, молоденького кацапчика».

11. Два письма к Шевченко уже умершего литератора Григория Квитки (Основьяненко)[149]. Этот писатель, повести которого весьма уважались русскими, отзывался о русских чрезвычайно бурно и почти везде называет их кацапами, дурнями.

Ч. VI, арк. 8—12. Оригінал.
Опубл.: *Новицький М.* Вказ. праця.— С. 88—90; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 107—108; *Бородін В. С.* Т. Г. Шевченко і царська цензура.— К., 1969.— С. 90—91; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії (1814—1861).— С. 186—187.

№ 259

1847 р. квітня 17[150].— ВИКЛАД ЗМІСТУ ТВОРІВ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, ОПУБЛІКОВАНИХ У «КОБЗАРІ» 1843 р., ЗРОБЛЕНИЙ III ВІДДІЛЕННЯМ

Стихотворения Т. Шевченко

Кобзарь (нищий-бандурист)

Беда мне с вами мои песни! Зачем ложитесь вы на бумагу?[151] Несчастие произвело вас на посмеяние, и зачем слезы не затопили? Никто не спросил бы: что у меня болит; за что проклинаю судьбу, отчего скучаю светом? не сказал бы на смех: «Нечего делать!»

Заплачет ли кто-нибудь на свете так, как я плакал с вами? Может быть, и хоть бы только одна слеза упала, я буду счастлив.

Сердце рвалось и страдало за ласки черноокихдев, за степи и украинские могилы: не хотелось петь на чужбине; не хотелось в снегу, в лесу, собирать на совет казаков с булавами и бунчуками, пускай они остаются в Украйне — там просторно и весело... и Днепр, широкий, как минувшая свобода,— степи и могилы-горы; там родилась казацкая воля, там она усеяла поля телами шляхты и татар и легла отдохнуть, а между тем выросла могила, над которою сторожит черный орел, и об ней поют бандуристы, слепцы, поют все как было... а я, я только плакать умею об Украйне, а слов недостает... Пропади же горе! кто его не знает! а там кто смеется, да будет худо жить на этом свете...

Скрою в сердце свою печаль, чтобы враги не видели, пускай песенка, как ворон летает да каркает, а сердце соловьем щебечет, да плачет в тиши; люди не увидят и не засмеются... не утирайте же моих слез; пускай они день и ночь поливают чужое поле, пока попы не засыплют глаз чужим песком.

Выростил я вас, мои цветы! куда вас девать? Ступайте сиротами в нашу Украйну, а я здесь пропаду. Там найдете доброе сердце, ласковое слово, правду, а может быть и славу.

Приветствуй же, моя Украйна, неразумных моих детей, как родных.

Перебендя (бандурист)[152]

(Е. П. Гребенке)[153]

Кто не знает старого слепого бандуриста! Он везде играет и забавляет людей, хотя сам скучает светом; нет у него хижины и под забором днюет он и ночует, беда шутит над старою головою, а он поет разные песни, или о том, как Сечь уничтожилась запоет, засмеется, а слезами кончит.

Ветер гуляет по полю, кобзарь играет на могиле, вокруг степь и за могилою могила. Он туда ушел, чтобы люди не слыхали слов его, а песенка летит на край света, орлом коснется неба, отдохнет на сонце, послушает моря, спросит могилу: зачем немая? и опять на небо улетит, ибо на земли горе тому, кто все знает и чувствует, и если б люди узнали, что он поет на могиле, то прогнали бы его.

Хорошо делаешь, кобзарь, что поешь на могиле; ходи туда, пока не уснуло твое сердце, пой, чтобы люди не слышали, а чтобы тебя не гнали — польсти им! «Скачи, враже, як пан каже».

Вот каков старый Перебендя запоет веселую, а на печальной кончит.

Катерина[154]

В. А. Жуковскому, в память 22 апреля 1838

I

Любите, чернобровые, только не русских, они чужие и введут вас в беду, русский шутя полюбит и уйдет в свою Россию, а девица погибает с старухой матерью. Сердце вянет от этого... Любите, только не русских, они чужие и смеются над вами.

Не слушала Катерина родителей, полюбила русского и погубила свою судьбу. Где с ним играла, там и ночевала; пускай говорят злые люди — она любит и не чувствует горя: затрубили поход, ушел русский в Турцию, обещаясь возвратиться... Катерина плачет, прячется от людей и посматривает в окно.

Прошло полгода, она захворала и за печкою дитя качает, а соседки трещат и мать укоряют, что сама научила дочь свою няньчить русского сына...

Бедная Катерина! куда ты денешься с сиротою? Кто тебя приютит без милого? Отец, мать, чужие люди, но с ними трудно жить!

Посматривает Катерина на улицу: неужели он не будет?— выносит в сад сына, но уже не поет, как прежде бывало, а проклинает свою участь: не знает милый, как она плачет, как враги смеются, но может быть он убит за Дунаем! Или другую любит! Нет он не убит и где же он найдет другую Катерину?— она для горя родилась, не для счастья! Плачь! — русские возвратились другими путями.

II

Сидит отец печальный, возле его старуха-мать сквозь слезы говорит дочери: где твой муж? где светелка с подругами? в России... Ступай же туда, отыскивать их, и не говори, что оставила мать. Если б это я предвидела, утопила бы тебя, и тогда бы ты пригодилась русскому... Ступай, ищи свекрови и не возвращайся! Любила я тебя и выростила на беду! Что ты сделала! Кто теперь меня схоронит: кто посадит цветок на мою могилу? Кто без тебя помянет грешную душу: Дочь моя! дитя мое!... Иди! — и едва ее благословила, та, как мертвая, повалилась. Тут отец отозвался: «Чего ждешь?» Зарыдала и упала ему в ноги Катерина: «Прости меня, батюшка, что я сделала!» Бог тебя прощает, молись и иди, мне легче будет». Вышла, молча, и остались сиротами отец и мать! Взяла Катерина земли из под вишни и привязала на крест, промолвив: «В чужой земле меня похоронят, а своей хотя немножко ляжет надо мною, она скажет людям о моем горе..., но лучше не говори... ты не скажешь, так он скажет, что я его мать! Боже! где мне скрыться! Скроюсь, дитя мое, в воду, а ты очистишь мой грех между людьми безродным сиротою! Вышли из села с дитею, оглянулась и залилась слезами... В селе долго говорили о том, где чего изобильно, не слышали уже этих речей ни отец, ни мать!

Так на этом свете люди поступают с людьми: одного связывают, другого режут, третий сам себя губит — и за что? Бог знает! Свет кажется велик, а некуда одинокому деваться, одному судьба назначила целый край, а другому оставила только где бы похоронить его... Где же эти добрые люди, которых сердце хотело любить, жить с ними...— Пропали!

На свете есть счастье — но кто знает его? есть и воля, но кто ее имеет! Есть люди, которые сеют серебром и золотом, кажется царствуют, а счастья не знают! Ни счастья ни воли!... С горем и нуждою кафтан надевают, а плакать стыдно..., возьмите серебро и золото и будьте богаты, я возьму слезы изливать горе..., залью несчастье серебряными слезами, затопчу ногами неволю, тогда и буду счастлив, как сердце будет гулять на воле.

III

Спят добрые люди..., ночь прикрыла и счастье и слезы... Куда же приютилась Катерина? в лес или хижину? в поле под копной няньчит сына, или в дубраве под колодой ожидает волка? Не дай бог никому иметь вас, черные брови, когда за вас должно терпеть такое горе! Что же после будет? Горе! встретятся желтые пески, чужие люди..., зима холодная... встретится ли тот, который узнает Катерину..., с кем она забыла бы дороги, пески и горе! Подожду, а между тем распрошу о дороге в Московию. Далекий путь, братцы! я знаю! как подумаю, так сердце стынет. Померял я его, чтоб его не мерять! и рассказам о том никто не поверит! Правда ваша, люди, для чего о том знать, о чем я буду проливать слезы! У каждого немало своего горя. Лучше посмотрим, где Катерина с Ванюшей ходит.

За Киевом под лесом идут чумаки и поют, с ними встретилась женщина в бедной одежде с дитею и спросила: «Где дорога в Московию?» «Эта самая...» — «Подайте христа ради»... Берет копейку и дрожит — тяжело брать ее! и на что? А дитя? Она его мать... Долго шла таким образом, сердечная, и случалось, что под тыном ночевала с малюткой.

Вот на что пригодились черные очи, чтобы под чужим тыном слезы лить! Смотрите, девицы, чтобы и вам не привелось, как Кате, отыскивать москаля, не спрашивайте, за что люди [155] бранят и не пускают в дом на ночлег, не спрашивайте, кого бог карает на этом свете, того и они карают! Люди гнутся, как тростник, куда дует ветер. Сироте солнце светит, но не греет. Люди если бы могли, заслонили бы и солнце, чтобы сироте не светило и не сушило слезы. А за что, милый боже! Что она сделала людям, чего они хотят,— чтобы плакала.

Не плачь Катерина! Терпи, не показывай людям слез и, чтобы не видали, умойся слезами в темном лесу до восхода солнца, не увидят не засмеются и сердце отдохнет пока льются слезы.

Настала зима, сделалась вьюга, идет Катя в лаптях, в одной сермяге, встретилась с русскими..., млеет... «Не здесь ли мой Иван?» «Мы не знаем»,— был ответ, и обыкновенно как русские засмеялись, зашутили. «Ай, да баба, ай, да наши, кого не обманут!» Посмотрела Катерина: «И вы, вижу, люди! Не плачь мой сын, пойду дальше, может быть и встречусь, отдам тебя, а сама пропаду».

Ревет буря; Катя стоит среди поля и плачет, но уже и слез более недостает... Взглянула, дитя как цветочек... Усмехнулась Катерина, а на сердце, как черная змея повернулась... «Пойдем, мой сын! темнеет; не пустят ли нас куда-нибудь, а не пустят, то и на дворе, под домом ночуем! Но где ты будешь ночевать, как меня не станет! с собаками!... злые собаки искусают, да не заговорят, не перескажут, с насмешками...

IV

Мятель... лес шумит, поле покрылось снегом. Лесничий хотел идти в дозор, но не видно было и света? «А там кто? посмотри, Никифор! Несутся — будто и за делом! Как побелели — кто это? Солдаты?» Катерина бросилась туда без оглядки, и остановилась среди дороги... Солдаты скачут верхами навстречу, впереди старший. «Милый мой Иван! сердце мое, где ты был?» — схватила за стремя, а он посмотрел на нее, пришпорил коня. «Зачем же убегаешь? Разве забыл Катерину, не узнаешь? Посмотри — я не плачу, ты не

узнаешь меня, Иван! Ей-богу я Катерина!» «Дура, отвяжися! возьмите прочь безумную». «Ванюша! и ты оставляешь меня, ты клялся!» «Возьмите прочь! что ж вы стали!» «За что же, кому хочешь отдать свою Катю, которая родила тебе сына? Хотя ты не оставь меня! люби другую... люби целый свет... я буду слугою твоею... забуду что мы любились..., за что я погибаю! Забудь меня, но не бросай сына. Не бросишь? Не уезжай, я вынесу к тебе сына. Оставила стремена и бросилась за сыном, несет заплаканное, бедное дитя. Вот он, посмотри! Куда же ты девался!... уехал!... Нет. От сына отец отрекся... Дитя мое! куда я пойду с тобою?

Солдатики! возьмите его, отдайте старшему вместо сына... я брошу его, как бросил отец, вырастай на смех людям!

Положила на дорогу: «Оставайся искать отца, я уже искала»... Она убежала в лес, а дитя осталось... Солдаты проехали мимо. Оно и хорошо, да на беду лесничие услыхали плач.

Бегает босая Катя по лесу и рыдает, то приклинает Ивана, то просит, выбежала... остановилась среди пруда — и бросилась в воду! Под льдом загудело...

Чернобровая Катерина нашла то, чего искала, ветер дунул, не стало и следа ее... То не беда еще, когда мать умирает, детям остается доброе имя и могила. Злые люди посмеются сироте, она поплачет на могиле и облегчит сердце. Но что тому на свете остается, кто не видал отца, кого бросила мать?... Кто с ним заговорит... Ни дома, ни отчизны, дороги, пески, горе...

V

Шел кобзарь в Киев и сел отдохнуть; возле него вожатый, малое дитя. Старик поет — и кто не пройдет, или проедет мимо, все подают милостыню; одни старику, а девицы мальчику.— И гол и бос!... Дала мать черные брови, но не дала счастья!

Едет по Киевской дороге карета, в ней госпожа с мужем и семейством; остановилась против нищих, бежит туда Ванюша, ему машут рукою. Барыня дает ему денег и смотрит, а барин взглянул и отвернулся... Узнал, негодяй, эти черные очи и брови, узнал сына и не хочет взять его. «Как зовут тебя?» — спросила она. «Ванюша». «Какой милый!» Карета тронулась и Ванюшу пыль покрыла...

Сосчитали деньги, встали бедняки, помолились на Восток и пошли по тракту.

Тополь[156]

(П. С. Петровской)

Ветер воет в дубраве, гуляет по полю и склоняет, на краю дороги, тополь к самой земле. Стройна, широколистна, зачем она зеленеет? Кругом поле, как широкое море. Чумак пройдет, взглянет и опустит голову. Крестьянин сядет на могиле, посмотрит: заноет сердце, ни былинки; одна, одна, погибает как сирота на чужбине.

Кто ж вырастил ее на погибель в степи, тонкую, гибкую? Послушайте, девицы, все расскажу!

Полюбила чернобровая казака. Он ушел и пропал. Если б она знала, что он бросит ее, то не полюбила б. Если б знала, что пропадет, не пустила бы его. Если бы знала, не ходила бы поздно за водою, не стояла бы с милым до полночи, под ивою.

Не беда и вперед знать, что случится с нами на свете... Не знайте девицы, не спрашивайте судьбу!.. Сердце знает, кого любит: пускай вянет, пока схоронят; недолго, чернобровые, чернеют очи, недолго румянится белое лицо! в полдень и завянет. Любите же, как сердце знает.

Защелкает соловей, запоет казак, пока выйдет к нему красавица, обоймутся, постоят, послушают соловья и разойдутся. Никто не спросит: где была? что делала? Она любила, сердце томилось, знало беду, но сказать не умело, осталася и воркует, как голубка без голубя.

Не щелкает соловей, не поет девица; как сироте, ей скучно на свете: без милого — отец и мать как чужие; солнце светит, как враг смеется.

Прошел год, другой, казака нет; сохнет она как цветочек; а мать хочет выдать ее за богатого старика. «Не хочу я, не пойду! Пускай попы запоют, мне легче будет в могиле». Но мать не слушала ее, а она видела это и молчала. Ночью пошла к ворожке, спросить долго ли ей жить без милого: «Скажи, бабушка, если это знаешь; меня хотят выдать за старика. Пошла бы я утопилась, да жаль душу погубить. Если он умер, чернобровый, то сделай, чтобы я не возвратилась домой». «Хорошо дочка, скажу..., знаю эту беду... и со мной случалось. О тебе я уже прежде знала и приготовила зелье. На, возьми; пойди к ключу пока петухи не пели, умойся и выпей этого; потом беги, не оглядываясь, до того места где с ним прощалась; а как станет месяц среди неба, выпей еще: если казак не придет, выпей в третий раз. От первого — сделаешся такою, как была год тому назад, от второго, если жив казак, то сей час приедет..., а от третьего раза — не спрашивай, дочь моя, что будет... и не крестись, а не то все уйдет в воду».

Взяла зелье, пошла... умылась, напилась, побежала, остановилась, другой раз, третий, и как сонная запела в степи: «Плавай, лебедушка, по синему морю, рости, тополька, до облаков, спроси у бога, дождусь ли я друга?» Рости, посмотри за синее море, там мой милый, скажи ему, что я погибну, если он не возвратится: мать хочет похоронить меня, а кто присмотрит за нею в старости. Посмотри, тополька, и если нет его, заплачь, раненько, чтоб никто не видел.

Рости, тополька, выше и выше, плавай, лебедушка, по синему морю».

Так пела девица в степи; она не воротилась домой, не дождала друга, но зелье произвело чудо: она тополью стала, стройна и высока до облаков.

Ветер воет в дубраве, гуляет по полю и склоняет, на краю дороги, тополь к самой земле.

Элегия[157]

На что мне черные брови, карие очи; на что молодость девичья! она бесполезно пропадает; очи плачут, брови линяют от ветра, сердце ноет, грустит как птичка в неволе; на что мне красота, когда нет счастья! Тяжело жить сиротою на свете, и свои, как чужие; некому рассказать чего сердце желает; никто его не знает и не спрашивает. Чужие не спросят, и для чего? Пускай сирота плачет! Плачьте, сердце, очи! пока не уснули; плачьте громче, чтобы ветры услышали и разнесли за синее море, на муки изменнику.

Основьяненке[158]

Бьют пороги; всходит месяц, как и прежде, нет Сечи, погиб и тот, кто всеми начальствовал... Куда девались наши дети?

На казачьей степи могилы спрашивают у ветра: «Где, наши начальствуют и пируют? Где вы замешкались: возвратитесь! Посмотрите: там рожь колышется, где паслись ваши кони, где лилась морем кровь ляхов и татар. Не возвратятся! сказало синее море, они на веки пропали! Правда твоя, море, не возвратятся желанные, не вернется свобода, казачество; не встанут гетманы; не закраснеют в Украйне жупаны! Украйна, сирота, плачет над Днепром, тяжело сироте и никто этого не видит. Только враг смеется.

Смейся лютый, смейся, все погибает...

Слава разгласит что делалось; чья правда, чья неправда, и чьи мы дети! Наш Головатый [159] не умрет и не погибнет, вот где наша слава украинская, без хитрых речей, но громка и правдива, как слово божие...

Так ли, атаман? Правду ли пою. Эх! как бы..., да что и говорить!... К тому же вокруг московцы, чужие люди. Может быть скажешь: что из того выйдет? Насмеются на эту слезную песнь! Тяжело жить с русскими; поборолся бы с мужиками, если б силы достало...

Вот какая беда, друг мой, блуждая в снегах пою: «не шумите, луга» — и больше не умею. У тебя хороший голос; тебя люди уважают, пой же, любезный, о Сечи, о могилах, о старине, о том, что было да прошло. Пой, чтобы нехотя весь свет узнал, что происходило на Украйне, за что она погибала, от чего прогремела слава казацкая.

Пой, пускай я поплачу, посмотрю еще раз на свою Украйну, сердце еще раз порадуется, пока ляжет в чужую землю.

Иван Подкова[160]

(В. И. Штернбергу) [161]

I

Некогда гремили пушки на Украйне, некогда запорожцы умели властвовать, умели приобретать свободу и славу. Миновалось это время, остались в поле одни только могилы. Высоки они, как горы, чернеются да потихоньку говорят с ветрами о свободе. Свидетели дедовской славы говорят с ветрами, а внуки, идя с косою, поют об них.

Хорошо было жить в этой Украйне! Поговорим о том, может быть отдохнет сердце.

II

Несется туча от Лимана, бушует синее море. «Ступайте, ребята, на лодки! Море заиграло, погуляем!

Покрыли запорожцы Лиман челнами, плывут и поют, атаман похаживает на своей байдаке и высматривает, где быть работе. Он поднял шапку — и лодки остановились. «В Царьград пойдем! к султану!» «Хорошо, атаман»,— заревели казаки. «Спасибо вам». Он надел шапку и опять закипело море. По байдаке опять атаман похаживает и молча глядит на волны...»

Тарасовская ночь[162]

(П. И. Мартосу) [163]

Сидит бандурист на распутьи, окруженный молодежью; играет и поет, как сражались с казаками русские, татары и ляхи; как собиралось общество казацкое. «Некогда была гетманщина, но уже не вернется».

Поднимаются тучи с моря и с поля, заплакала Украйна, никто ей не помогает! Гибнут казаки, отечество, слава... выростают некрещенные дети, вера продана жидам и в церковь не пускают! Поляки нахлынули, и не стало Наливайки, Павлюги.

...Украйна! как подумаю о тебе, болит серце. Где казачество, свобода, гетманы? Куда они девались! Разве сгорели? Разве море затопило твои горы, высокие могилы? Они молчат, а над казацкими детьми господствуют русские.

Молчите же горы, гуляй ветер, плачьте дети казацкие! Такая ваша часть!

Вызвался Тарас Трясило спасти веру и повел братьев на битву с поляками. Покрылось поле телами... изнемог казак..., а Конецпольский [164] собрал на пир всю шляхту; но собрал и Тарас казаков на совет...

Село солнце за горою, окружили казаки врагов; загремела пушка, повалились ляхи и не встали.

Несет Альта кровавые вести... Закаркали вороны; запели казаки песнь об этой ночи, которая прославила их и Тараса.

Над речкою в поле чернеет могила, на ней сидит ворон и кричит от голода; вспомнит казак о гетманских временах и заплачет «Поцарствовали мы, а больше не будем и никогда не забудем этой славы казацкой!...»

Умолк грустный певец — вокруг его молодые люди плачут...

Пошел кобзарь и запел: «Сидите, дети, за печью, а я пойду в шинок насмехаться над врагами».

Гайдамаки

Поэма

(Посвящена В. Ив. Григоровичу[165] *в память 22 апреля 1838 г.)*

Все на свете идет и проходит бесконечно, откуда и куда — никто не знает. Только солнце выходит по-прежнему, и ты, месяц, будешь сиять над нашим потомством, как над Вавилоном. Посоветуй, куда мне деваться с грустью, с моими детьми? Похоронить с собою? Грешно; и душе будет легче, когда люди прочитают эти слезные слова, искренний, сокровенный плач ее... нет, не схороню, душа жива. Где же она будет? отгадайте,— бесславному тяжело умирать!

Гайдамаки! Дети мои, ступайте в свет, ищите счастья. Но кто вас встретит без матери? Орлы мои, летите в Украйну, если и беда случится, то не в чужой стороне; там найдете искренних людей, они не допустят вас погибнуть. А здесь, ... тяжело, дети, если куда и впустят, то насмеются; здесь такие умные люди, что и солнце пересуживают: «Не оттуда всходит, не так светит». Что делать, должно слушать. Может быть и правда, что не оттуда всходит... Знаю, что они с вами сделают: потрунят и бросят. «Глупец, скажут, толкует о каком-то Яреме, мертвыми словами поет и плачет, а за ним и толпа в армяках! После казаков и гетманов остались одни могилы и те разрывают. «Если хочешь денег и славы, пой нам о Матреше, Параше, о султанах, шпорах, паркете,— вот где слава!»

Благодарю вас, мудрые, за совет, кричите, я не буду слушать, запою и зарыдаю у себя дома.

Раскрылась высокая могила, выступают запорожцы, атаманы, садятся вокруг меня и рассказывают об Украйне, Сечи, казаках. Заиграл кобзарь, все заплясали. В моей хижине и море, и могила, и тополь...» Я не одинок, имею с кем век дожить. Вот где моя слава!.. Благодарю вас за лукавый совет. Достаточно и мертвого слова выражать грусть. Прощайте; иду далеко, провожать своих детей. Может быть какой-нибудь казак встретит их со слезами; и тогда еще раз скажу: я счастлив.

Сижу и думаю: кого просить в вожатые? Гайдамаки окружили меня молча, печально, и просят пустить их поискать счастье в свете. Беда мне с вами! Родного отца не имею, а знаю искреннего, который даст совет, что с вами делать; он казачьего рода, не отрекся родного языка, любит казацкую славу. Если бы не он, давно бы я погиб в чужих снегах. Он примет вас, как своих, а от него ступайте в Украйну.

Благослови же моих деток в далекий путь!

С.-П[етербург], апр[ель] 1841

Вступление

Некогда шляхта сражалась с русскими, с ордою, султаном, немцами... то на свете не проходит?... Некогда шляхта вертела королями своими; ре-ели сеймы, слушали соседи крики: «Nie pozwalam»[166].

И долго это длилось, пока вздумал Понятовский[167] отнять это слово у шляхты..., возгорелась Польша, закричали: «Неверный слуга московский». Восстали Пулавский, Пац[168] и сто конфедераций[169], разбрелися ляхи и за-ыв спасать свободу, грабили жидов, жгли церкви, а между тем гайдамаки освятили ножи.

Галайда

Казак Ярема служит у жида; кланяется, не знает сирота, что выросли крылья, которыми взлетит до облаков. Бедный, он вырос на пороге и не про-инает судьбу: поплачет тихонько и опять работает... Так жить должно!... У людей счастье все припасает, а сироте надо самому все приготовить. Но к чему и богатство, когда не с кем сердца поделить? У Яремы было с кем поп-акать, попеть. Таким и я был, девицы... прошло и следа не стало, отняли завистливые люди. Зачем оно не осталось? Легче было бы грустить. Где ты, мое счастье? возвратися!

Простите, добрые люди, моей грусти. Беда, везде беда, негде прию-иться, а надо улыбаться, скрывать от людей, что таится в сердце! Тяжело рассказывать, но молчать не умею... солнце слез не высушит, поделюся ими хотя с немыми стенами, на чужой стороне...

Жид в корчме трясется, считая деньги..., на кровати спит, раскинув-шись, красавица дочь его. Где же Ярема? Он ушел в Ольшану.

Конфедераты

«Отпирай, проклятый жид!» Посыпались стекла, упали двери, засвис-ела нагайка над жидовскою спиною: «Где дочь?» «Умерла». «Лжешь! пере-крестись, вот так, браво! давай же угощенье». Пьют ляхи, кричат: «Польша не сгинела», пляшут. «Теперь пой, жид». «Не умею, ей-богу». «Не божись, пой «бедияжку».

«Была бедная калека, Андзя, она божилась, что болели ноги, на работу не ходила, а за молодцами бегала потихоньку».— «Довольно!.. Это не хо-роша, ее поют православные». «Какую же? разве эту: «Перед паном Федор-ом ходит жид и задком и передком».— «Хорошо; теперь плати, за то, что слушали»,— и нагайки опять засвистели над Лейбою. «Пощадите! У меня нет ничего, а вот в Ольшанах, у церковного старосты и дочь Оксана и чер-онцев много».

Поехали туда ляхи с жидом.

Церковный староста

...Бродит в роще Ярема, ожидая Оксану, жалуется на судьбу и плачет. Пришла Оксана... обнялися. Завтра я буду в Чигирине, Оксана, достану освященный нож, приобрету им славу, золото..., и долго Ярема говорил, как они будут жить счастливо; как гайдамаки истреблят поляков... долго говорил, наскучило и слушать, девицы... Посмотрим, что делается у ста-росты; лучше бы не смотреть, не стыдиться за людей! Там конфедераты, соб-анные для спасения свободы, мучат старосту, требуя денег, не перенес он жестокой пытки, умер. Задумались ляхи, нечего с ним делать, зажжем цер-овь? «Спасите!» — кричит Оксана, вбегая,— «убили!» Махнули рукою и вышли ляхи, пропала с ними и Оксана...

Праздник в Чигирине

Если бы вы встали гетманы и посмотрели на тот Чигирин, который вы строили, то заплакали бы, не узнавши бедных развалин славы казацкой.

Миновала!... Какая же из того польза, что вспомним и заплачем? Взглянем на Чигрин, он был некогда казачий, там тихо (так было везде в Украйне в ту ночь, когда ножи святили). Где же люди? Они в лесу, ожидают праздника. Гайдамаки... орлы слетелись на зов Украйны, и понесут плату ляхам и жидам за кровь и пожары.

Двое старшин ожидают набата и рассуждают, что Головатый много замышляет, «если сам не кончу,— говорит,— то сыну передам». Но вот кобзарь поет, вокруг его запорожцы и гайдамаки.

«О валахи, молдаваны! Ваши господари в оковах, рабы татар и турков! Соединитесь с нами, мы с святыми ножами, с атаманом Зализняком, потешимся над ляхами». Гайдамак: «Что он поет?» Запорожец: «Что Зализняк идет с гайдамаками резать поляков».

Гайдамак: «И вешать, и убивать! Хорошо, ей-богу хорошо».

Зазвонили... пошли гайдамаки, понесли на плечах возы с железом и остановились перед церковью. Священники с хоругвями, с святою водой пошли между возами. «Молитесь, братья! — говорит благочинный, спасайте Украину, не дайте матери пропадать в руках палача. Люди мрут в тюрьмах, девицы гибнут у ляхов. Вспомните о гетманах, не плачьте, молитесь!» Диакон воскрикнул: «Да погибнет враг! Берите ножи, освятили!» Возрадовались казаки, разобрали ножи, заблистали они по всей Украйне.

Третьи петухи

Еще один день страдали от ляхов и Украйна, и Чигирин. Миновал великий день Маккавеев! Еще проклинали жиды и поляки, что нечего более брать от схизматов; но гайдамаки ждали, уже пока неверные уснут. Наступила ночь... знает ли Ярема, где Оксана воркует? После узнаем, теперь поем о несчастях казацкого края! Слушайте и расскажите детям, как наказывали казаки шляхту: расскажите, чтобы дети не забывали проклинать поляков!

Долго волновалась Украйна; долго кровь румянила степи. Теперь они зеленеют, деды лежат в могилах и никто не вспомнит, никто не заплачет об них. Много внуков, но они только хлеб сеют и не знают, где схоронены Гонта, Зализняк.

Спрячься месяц за горы, не нужно твоего совета, тебе страшно будет, хотя ты и видел, как лилась кровь в Роси, Альте и Сене... спрячься.

Идет Ярема над Днепром, не в Ольшаны, а в Черкасы к полякам; там третьи петухи запоют, там...

«О! Днепр широкий! Много ты носил казацкой крови, сегодня напьешься шляхетской, оживут гетманы, не будет ни ляхов, ни жидов и в степях, бог даст, блеснет булава». Так думал Ярема, идя с освященным ножем; днепровские пороги шумели, молния рвала облака... между тем петух запел!

Красный пир

Зазвонили по всей Украйне, загорелись города, кричат гайдамаки: «Гибни шляхта, погуляем!» Полилась кровь даже в Волыни; Гонта пирует в Полесье, Зализняк в Черкасах, там и Ярема пробует свой нож; страшно и смотреть, всех уложили, все забрали. «Довольно, отдохните!» — кричит Зализняк,— подите сюда». Собрались гайдамаки и Ярема с ними. «Ты откуда?» — «Я из Ольшаны». «Знаю, где замучили ктитора и увезли дочь его». Эти слова поразили не знавшего о том казака... «О! дайте ножи! Дайте силу мучить ляхов». «Хорошо, поедем в Лисянку, запишите его есаулом, назовите Галайдой».

Поехали. Ярема проклинает поляков и плачет об Оксане...

Гупалевский бор

Солнце поднялось, Украйна еще горела. Во всех селениях висели тела старшин польских, а мелкая шляхта лежала грудами по улицам и на распутьях.

За что эти люди погибли? Не умели и не хотели они жить в согласии; завидовали, что у братьев и довольство, и веселье. «Убьем брата, сожжем дом». Сказали и сделали. Кажется, и все, однако, остались еще сироты; они росли в слезах, выросли и полилася кровь за кровь. Грустно подумать, что дети славян пролили кровь братьев, а кто виноват? Иезуиты!

Бродили гайдамаки по лесам и оврагам; проехали и Ольшаны, ктитор уже похоронен и корчма Лейбы дотлевает, проехали и догнали мальчика в лохмотьях. «Не видел ли ты сего дня поляков?» «Нет, ни одного, а вчера их было много и мы с отцем били их».— «Хорошо, дружок, вот тебе червонец. Далее, дети, без шуму; в этом лесу клад найдем». Приехали, в лесу пусто, а на деревьях, конфедераты... «Срывайте скорее эти груши»,— и ляхи посыпались на землю, а казаки вытряхнули их карманы, отыскали зарытое сокровище и пошли далее карать ненавистных.

Древний замок

Смеркалось. Гонта и Зализняк зажгли м. Лисянку и кричат: «Бей поляков!» Не осталось там ни одной души — и старцы, и дети — все легли... Но Галайда еще бегает, режет мертвых и кричит: «Мало крови... Оксана! Оксана!» Между тем гайдамаки поставили столы и загуляли. «Пейте, дети!» «Выпьем Гонта!» «Вот в этом замке заперлись ляхи». «Разобьем». «Нет, жаль, его строил Богдан». «Я потребовал, чтоб Паца выдали, не отдадут, взорвем порохом,— пейте, а ты, кобзарь, играй».

Заиграл кобзарь, все заплясали — пошел и Зализняк с Гонтою в присядку: «И ты делай так, как я, люби дочку чью-нибудь: хотя попову, дьячкову, или хорошую мужикову!»

Один только Галайда сидит и плачет об Оксане.., но кто это подходит?... «Я посланец Гонты» А! Жид! Ты повел конфедератов к Ольшанскому ктитору? — и махнул ножем,— «они в замке». «Возьми золото, пойдем!» «Нет Ярема, я один пойду, скажу, чтобы вместо Паца. Куда же отвезти?» — «В Майдановку! Ступай скорее!»

Лебедин

«Я сирота, бабушка, из Ольшаны; отца убили, меня взяли с собою. Слезы сохли, душа замирала... О! если бы его увидеть!... Скажи, где я?» «В Лебедине». «Постой! пожар, жид, Майдановка..., зовут Галайдою... «Где он?» — «Обещался через неделю придти».

Через неделю, утром, повенчали Ярему, а вечером он оставил Оксану, чтобы окончить дело с Зализняком. Иногда приезжал к ней и вдвоем... всякий знает! Возвратимся лучше к освященным ножам, не притупились ли они?

Гонта в Умани

Проходит лето, Украина еще горит, ляхи предаются на паству зверям, казаки греются на пожарах. Не остановила и весна ни потоков крови, ни человеческой злобы!— так было и в Трое, так и еще будет.

Гуляют гайдамаки; где они пройдут, там земля горит и в крови утопает. Максим (Зализняк) режет, а Ярема везде мстит за смерть ктитора, за Оксану... Погуляли и истребили ляхов от Киева до Умани.

Окружили и Умань; повалилась польская национальная кавалерия, повалились дети, больные старцы... Посреди кровавого моря стоят Гонта и Максим. Гайдамаки ведут ксендза и двух мальчиков. «Гонта! это твои дети!

Они католики. Ты нас убиваешь и их убей, пока не выросли, они тебя после зарежут»... «Признавайтесь, вы католики?» «Да, нас мать перекрестила». «Товарищи! Я поклялся резать католиков, не изменю, да будет проклята родившая вас католичка! Поцелуйте меня, не я убиваю, присяга!» Махнул ножем и детей не стало, не нужно и хороинть, они католики. Пошел Гонта далее с Максимом, крича: «Смерть ляхам!»

Страшно Умань горела, не осталось там в живых никого. Школу, где учились дети Гонты, он сам разрушил, ксендзов побили каменьями, школьников побросали в колодцы. По наступлении ночи поставили столы на площади для ужина; последняя кара, последний пир. «Гуляйте, дети,— кричит Зализняк,— бейте, пока можно, пейте, если пьется». Все гуляют, кобзарь поет, но где же Гонта? Там кто-то разрывает кучи тел, нашел двух мальчиков и скрылся за костелом. Это Гонта понес детей своих хоронить...

Давно уже, будучи малым ребенком сиротою, бродил я без одежды, без хлеба там, где Зализняк и Гонта гуляли, где проходили гайдамаки. Я отыскивал людей, чтобы научили меня добру. Прошло это время, жаль! Променял бы его на настоящее. Помню и отца, и деда, один еще жив, другой умер. Бывало, от рассказов деда и я плакал об участи ктитора. Спасибо, что ты удержал в памяти казацкую славу, [чтобы] я мог рассказать ее теперь внукам.

Почти год гайдамаки поили Украину шляхетскою кровью и замолкли. Ветры рассеяли прах Гонты. Зализняк узнав, что его замучили, заплакал и умер в чужой земле.

Гайдамаки посеяли в Украйне хлеб, но не собрали его, что делать? Нет справедливости. Они разошлись в разные стороны с ножами дорезывать жидов. Между тем Сечь уничтожили: кого на Кубань, кого за Дунай, только одни пороги остались. Украйна уснула навеки. С того времени рожь зеленеет, не слышно ни пушек, ни слез, все замолкло, на то божия воля. Иногда только идут по Днепру старые гайдамаки и поют: «Волнуйся море, хорошо будет, Галайда!»

Предисловие (к «Гайдамакам»)

Если бы я не печатал своих гайдамаков, то обошлось бы и без предисловия. Но надо же их с чем-нибудь пустить в свет, чтобы над ними не насмехались. Как же сочинить предисловие? Так, чтобы ни лжи, ни правды не было: хвалить стыдно, хулить не хочется. Начнем же так: весело послушать, как запоет слепой кобзарь о минувшем, о битвах ляхов с казаками; весело, а слава богу, что это миновало — все мы дети одной матери, все славяне. Больно сердцу, а рассказывать надо: пускай внуки помирятся с врагами, пускай славянская земля никогда не будет разъединена, от моря до моря.

О том, что происходило в 1768 г., повествую по преданиям; печатного не читал и, кажется, ничего нет. Галайда в половину вымышленный; смерть ольшанского ктитора историческая. Может быть атаманы Гонта и Зализняк представлены не такими, как они были, за это не ручаюсь. Когда мой дед рассказывает о том, чего не видел сам, то говорит: «Если старики солгали, то и я с ними».

Гамалея

Ой крикнули журавли, заплакали казаки в оковах. Нет ни ветерка из нашей Украйны: думают ли там воевать с турками? О подуй ветер, осуши наши слезы, заглуши звук цепей! Разыграйся море и принеси на этот берег казаков за нами; неси их из Украйны и не за нами, мы услышим о казацкой славе и умрем!

Так плакали казаки в Скутари[170]. Босфор не слышал еще казацкого плача, взволновался, подал весть Лиману, Лиман Днепру и покрыли Днепр лодки, поплыли казаки в Турцию, под начальством Гамалеи, освобождать своих братьев.

Дремлет Византия, Босфор клокочет: «Не буди Византию,— говорит море,— разве не знаешь, каких я несу гостей к султану?» (Море любило отважных усатых славян). Дремлет в гареме султан, только в Скутари не дремлют казаки в цепях и бога просят: «Не допусти нас погибнуть в неволе и скованным предстать на суд твой пред всеми».

«Бей неверных бусурманов!» — кричат за стеною. Кто это? Гамалея кричит: «Режьте! Бейте!» Разбивает тюрьму, ломает оковы, встрепенулись соколы, долго не слышав этой речи; осветилось заревом Скутари, проснулась Византия, бросилась на помощь, но занемела на ножах. Горит Скутари, кровь льется до Босфора и, как черные птицы в лесу, мелькают казаки: никто от них не спасется; они ломают стены, забирают шапками золото и насыпают в байдаки.

Утихла работа, уселись казаки на лодках, плывут и поют. Наш отважный Гамалея поехал спасать братьев, нашел их в Скутари, ожидавших смерти, и крикнул: «Будем жить и бить врагов!» Слава тебе, великий Гамалея, за то что не оставил запорожцев погибать на чужбине.

Ветер дует от Дарданелов, но Византия боится, чтобы Галата опять не загорелась или гетман Подкова не увлек ее в море... Плывут запорожцы, достигли любимого моря и скрылись за его волнами.

Сон

Соч[инение] Шевченка

У всякого своя доля: один строит, другой разрушает; тот жадным оком заглядывает за край света, нельзя ли и там завладеть каким-нибудь клочком земли...., а тот созидает храмы и так отечество любит, что кровь из него точит, как воду,— а братья молчат, как овцы. Так и должно, ибо нет господа на небеси!

Так думал я, возвращаясь нетрезвый домой. Пришел, уснул и полетел, рощай земля неприязненная; спрячу лютые муки в облаках, а к тебе, нечастная вдова Украйна, я прилечу, посоветуемся, попечалимся до восхода солнца, пока твои малые дети восстанут на врага... воспитывай их!

Лечу за облака... там нет ни власти, ни кары; посмотри, моя душа, в тот рай, который ты оставила: сдирают бедную одежду с калеки, вместе с кожею, ибо не во что обуть недорослых княжат; там вдову истязают за подушное, а единого ее сына отдают в солдаты:... вот умирает с голоду дитя, его мать жнет пшеницу на барщине...

Видит ли бог наши слезы? Может и видит, да помогает так, как эти горы, облитые человеческой кровью. Долго ли еще на этом свете царствовать палачам?

Пред мною снег белеет, леса, болото... Отдохну, здесь земля без крови... но вот зазвучали цепи под землею... о народ поганый! Чего ты ищешь под землею?... Они выносят золото, залить горло несытому! это каторжные... и что? может и бог не знает? Вот заклейменный злодей, разбойник, а между ними скованый царь воли... он не стонет... добром согретое сердце никогда не остынет! Где же твои думы? Кому ты их передал? Не прячь их, посей, они прорастут и к людям пойдут!

Лечу, земля чернеет, города с сотнями церквей... там, как замученные муравли, маневруют скованные солдаты... там город на болоте, кричат ура! что это! Дураки! «Экой хохол, у нас парад! Сам изволит гулять». «А где же та кукла?» «Видишь палаты? — встречаю земляка, с оловянными пугови-

цами. Я здесь служу, знаю все входы, если хочешь во дворец, то дай полтину»... Вхожу — вот где рай! Блюдолизы облиты в золото; вот и сам — высокий, сердитый выступает; возле него бедная царица, как высушенный опенок трясет головою... эта-то богиня!.. А я не видал и поверил тупорылым стихоплетам. За богами — господ, господ, в серебре и золоте! все толпятся поближе около самих... может быть ударят, или благоволят дать пощечину, хотя маленькую, хотя полпощечины, только бы под самый нос... встали рядом, как немые. Царь бренчит и диво-царица, как цапля, бодрится; походили вдвоем, как надутые сычи, и что-то говорили, кажется, об отечестве, новых петлицах и о новейших маневрах! Царица села. Смотрю, царь подошел к старшему и ткнул его в рыло! Облизался бедняк, да меньшего в пузо, тот другого по плечам, другой третьего и так далее, за порог, по улицам, давай месить православных и как заревели: батюшка гуляет! ура! ура! ура!

Пред рассветом все уснули..., только по углам стонут православные, за батюшку моляся богу... Пошел я по городу, весь обшит камнем..., то-то пролили людской крови и без ножа! Вот конь разбивает скалу копытами... на нем сидит без шапки, голова обвернута листом и простирает руку, будто всем светом хочет завладеть... читаю: «Первому Вторая»... А знаю: первый мучил нашу Украину, а вторая доконала ее. Палачи! Палачи! Людоеды! Наелись, накрали, а что взяли с собою?... Читаю историю Украины и замираю... Но кто-то запел.

Из Глухова выступили на линию полки, а меня послали в столицу с казаками наказным атаманом. О! Царю поганый, проклятый, лукавый, аспид несытый! Что ты сделал с казаками? Засыпал болото благородными костями, поставил столицу на их замученных телах, и меня, свободного гетмана, сковал и в темнице замучил голодом; и бог не разлучит нас, ты скован со мною цепями навеки... Тяжело мне над Невою, быть может нет уже Украйны — Москва сожгла ее, разрыли могилу и нашу славу.

Умолкло. Взвилася птица над царем и запела: и мы скованы с тобою людоед, змей, ты загнал нас из Украйны в снег, зарезал и из нашей кожи сшил себе порфиру и построил столицу; веселися, проклятый! Проклятый!

Взошло солнце — солдаты уже учились... Пошли братья в сенат писать и обдирать отца и брата; между ними и земляки..., плачь Украйна! это твои дети!

Пошел я посмотреть во дворец к царю: пузатые старшины стоят рядом, надувшись... Двери отворились, вылез медведь из берлоги, едва передвигаясь, он посинел, его мучило проклятое похмелье; закричал — и все провалились сквозь землю... Стоит, бедняк, поникнув головою; куда девалась и натура медвежья... Я засмеялся... он услышал и так крикнул, что от испуга я проснулся...[171]

Послание Шевченки «Мертвым и живым и нерожденным землякам, в Украйне и не в Украйне...»

Аще кто речет, яко люблю бога,
а брата своего ненавидит, ложь есть.
Соборное послание Иоанна 4—20

И смеркает и рассветает, и опять отдыхают люди, только я день и ночь плачу — не слышат глухие, меняются оковами, торгуют правдою. Опомнитесь, посмотрите на свою родину, полюбите ее развалины — сбросьте оковы... не ищите в чужой земле того, чего нет и в небе!

Нет на свете Украины, другого Днепра, а вы ищите свободы на чужбине! Принесли с чужого поля много великих слов и больше ничего. Кричите, что бог создал вас не для поклонения неправде! Сгибаетесь и дерете кожу

с братьев. Солнце правды дозревает в немецкой земле. Опомнитесь! Беда вам будет! Недолго скованные люди раскуются, заговорят горы и Днепр, кровь детей ваших потечет; отречется брат брата и некому будет помогать! Не обманывайте детей, что они созданы для власти, ибо неученые заглянут им глубоко в душу и одурят глупые премудрых!

Если бы вы учились как следует, то и мудрость была бы своя, а то нет ни бога, ни ада, только вы да короткохвостый немец... славных прадедов поганые внуки! Славянофилы! Знаете все наречия, а своего бог даст и своим заговорим... а история свободного народа! У нас бруты и коклесы: у нас свобода выросла, умылась кровью и спала на грудах казацких тел! Разберите, спросите сами себя: «Чьи мы дети? За что скованы?» И увидите, что ваши бруты рабы, московская грязь, варшавский сор... Чем же вы гордитесь? Тем, что хорошо ходите в ярме? Что Польщу победили? Она пала и вас раздавила... Отцы ваши проливали кровь за Москву и Варшаву и оставили вам свою славу и цепи!

Дождалась Украйна, что свои дети хуже ляхов мучат ее, не беспокойтесь, будет вам плата, увидите славу дедов и лукавых отцов. Читайте, научайтесь у чужих, но и своего не отрекайтесь..., чтобы не во сне видеть неправду, чтобы пред вами раскрылись могилы и вы узнали, кого и за что мучили! Обнимитесь, братья, пускай заплаканная мать благословит вас твердыми руками и поцелует детей устами свободными. Оживет слава Украйны! Обнимитесь, братья, умоляю вас![172]

Стихи Шевченки из бумаг Костомарова

Дети славы, наступает ваше время! Говор идет до Камчатки, от Финляндии до Босфора разрешается великий спор, разрываются цепи, погибает кровожадный враг. Ваше небо осветит солнце свободы и тысячелетние враги примирятся. Несогласие затмило славянское небо... Но что за чудный говор несется: «Мы слушали его и не все поняли! Не нам толковать небесные глаголы! Суди, боже, нашу долю, мы ожидаем твоего гласа... Молитеся и очищайтеся, дети славы, скоро заблестит звезда на Востоке!»

Горе луковому царству, которое всечестный крест, знак свободы, обратило в знамя неволи! Горе тем, которые божиим словом угнетали разум, утверждали, что их власть дана богом... Горе ученым и продажным философам, скрывавшим истину, называвшим зло добром.

Любовь нас спасает, дети! Честь тебе, двуглавый наш орел! Ты вырвешь из неволи славян: слава богемцам! Разгоняйте славянскую дремоту, слава тебе, добрый славянский народ! В день воскресения ты со славою станешь между братьями. Слава сербам за песни, чистое верование, за ненависть к изуверу. Слава и честь вам, братья-ляхи, мир вам, вечное согласие. Погибнет лукавое царство, воскреснет свобода! Слава тебе, Украйна!

Три души

Со[чинение] Шевченка

I

Когда я была девицею, меня все любили. В Суботове и замуж посватали, только случилась беда: утром пошла я за водою, к колодцу, там был и гетман с старшиною. Они собирались ехать в Переяслав, присягать москвитянам, я перешла через дорогу, принесла эту проклятую воду и отравила родных и себя... Давно уже высох и колодезь, а меня в рай не пускают.

II

А меня, сестрицы, за то не пускают, что я напоила в Батурине коня московского царя, когда он возвращался в Москву из Полтавы. Я была еще

ребенком, когда русские убили Чечеля, зажгли Батурин и всех утопили в Сейме... Я просила московского капитана убить и меня... он не согласился, а когда царь ехал из Полтавы, я и напоила его коня, не зная, что тяжко согрешила [173].

Ч. VI, арк. 13—55. Оригінал.

№ 260

1847 р. квітня 21.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ТЕ, ЩО Т. Г. ШЕВЧЕНКО У МИНУЛОМУ БУВ КРІПАКОМ

Содержащийся под арестом Шевченко показал, что он прежде принадлежал помещику Киевской губ. Звенигородского уезда, гвардии полковнику Павлу Васильевичу Энгельгардту[174] (селения Кириловки). Выкуплен у него по ходатайству гр. Виельгорского[175], Василия Андреевича Жуковского и профессора Брюллова, щедротами августейшей фамилии, пожаловавшей за него помещику, как он слышал, 2500 руб. асс[игнациями].

21 апреля 1847

Ч. VI, арк. 56. Оригінал.
Опубл.: *Новицький М.* Вказ. праця.— С. 92.

№ 261

1847 р. квітня 21.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ Т. Г. ШЕВЧЕНКА У III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы, предложенные художнику Шевченке

Апреля 21 дня 1847 г.

1. *Опишите ваше происхождение, случай, по которому вы освобождены из крепостного состояния, воспитание ваше в Академии художеств, занятия ваши по выпуске из академии, поездки по Малороссии и причины, склонившие вас к занятиям более стихотворным, нежели живописью.*

Я сын крепостного крестьянина; в детстве лишился отца и матери; в 1828 г. был взят помещиком во двор; в 1838 г. был освобожден из крепостного состояния августейшей императорской фамилией, чрез посредство Василия Андреевича Жуковского, гр. Михаила Юрьевича Виельгорского и Карла Павловича Брюллова. Брюллов написал портрет Жуковского для императорской фамилии и на эти деньги я был выкуплен у помещика. Учился я рисованию и живописи в Академии художеств по 1844 г. По выпуске из академии определился в Киевскую археографическую комиссию сотрудником по части рисования и собрания народных преданий, сказок и песен в южнорусских губерниях. Стихи я любил с детства и начал писать в 1837 г. Первое мое стихотворение под названием «Катерина» посвящено Жуковскому, которое возбудило энтузиазм в малороссиянах, и я стал продолжать писать стихи, не оставляя живописи.

2. *Против вас имеются показания, что вы участвовали в замыслах Славянского общества св. Кирилла и Мефодия. Объясните подробно: когда и кем было учреждено это общество, а если предположение об учреждении его еще не приведено в исполнение, то кем и когда были делаемы эти предложения.*

Показания, что я участвую в замыслах Славянского общества, несправедливы.

3. *Кем сочинены и в чем именно состояли устав и правила Славянского общества, кто распространял и у кого находились экземпляры их.*

4. *Не было ли у вас тетради, называемой «Закон божий» с возмутительными воззваниями в конце и кто распространял экземпляры оной.*

5. Кем изобретены символические знаки общества: кольца и образа во имя св. Кирилла и Мефодия, кто именно имел и не было ли у вас оных.

6. В чем состояли подробности предположений славянистов, каким образом надеялись они соединить славянские племена, восстановить самобытность каждого племени и особенно Малороссии.

7. Какие замыслы были против настоящего образа правления в России и какое правление предполагалось ввести в Малороссии и вообще в славянских землях.

8. Каким образом славянисты предполагали распространять образование между крестьянами и тем приготовлять народ к восстанию.

9. Кто и в каком виде хотел учреждать школы для простого народа, сочинять книги и какого содержания, кто собирал деньги для этих целей и не предназначались ли эти деньги для каких-либо других преступных целей.

10. Не было ли предположений действовать оружием, и если было, то когда и каким образом намерены были употребить это средство.

11. Кто из приверженцев славянства наиболее действовал, склонял и возбуждал к преступным замыслам, и не было ли одного, который всем руководил.

12. Правда ли, что Костомаров был представителем умеренной славянской партии, а Гулак его последователем, и что вы с Кулишом были представителями неумеренной малороссийской партии славянского общества.

3-, 4-, 5-, 6-, 7-, 8-, 9-, 10-, 11-, 12-й мне совершенно неизвестны.

13. Опишите подробно все действия Костомарова, Гулака, Кулиша, также Белозерского, Навроцкого, Андрузского, Марковича, Посяденка, помещика Савича, бывшего проф. Чижова и других вам известных лиц, каждого особенно и о каждом все, что знаете в отношении к замыслам славянистов.

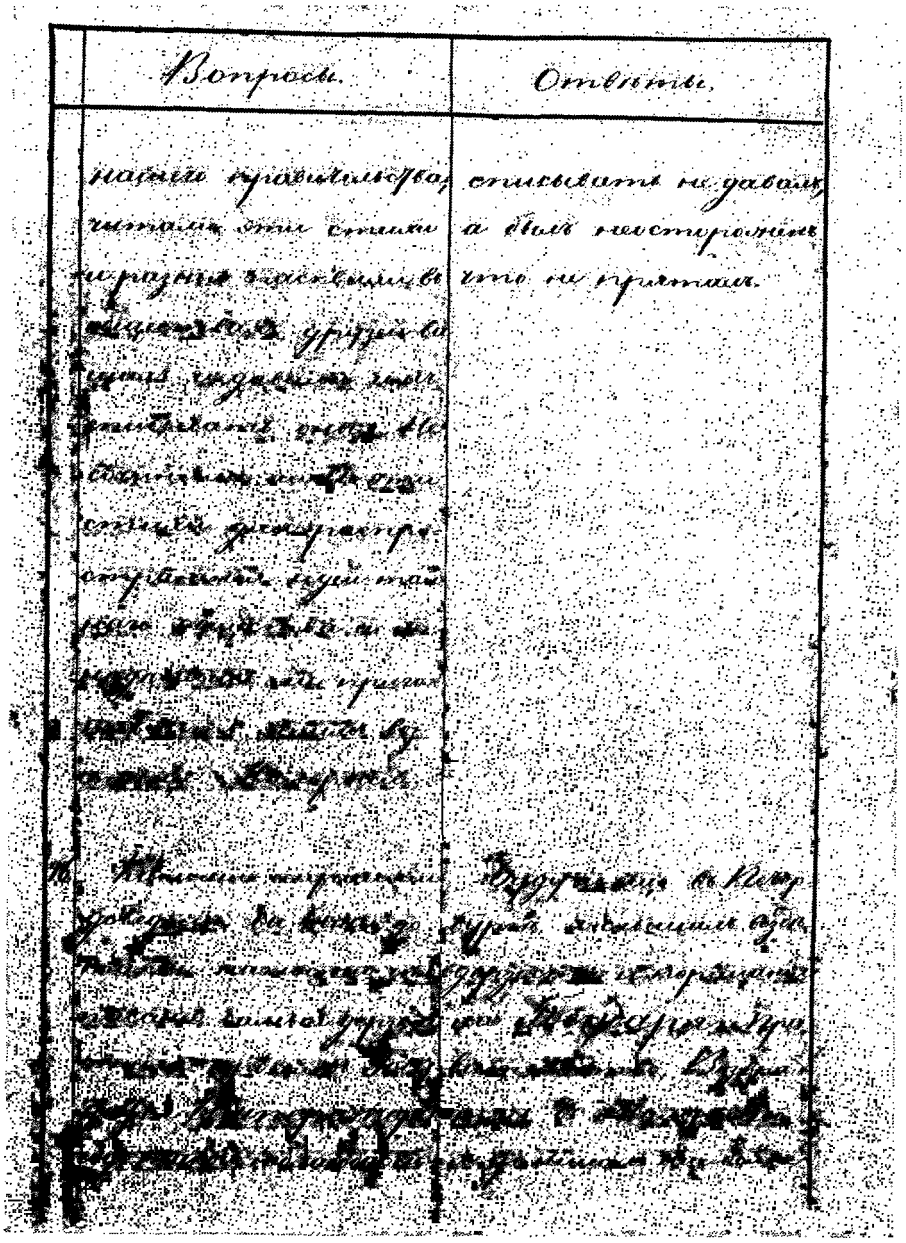
С Костомаровым я познакомился в прошедшем году в Киеве, весною; на лето он уезжал в Одессу лечиться; в августе месяце он возвратился в Киев, и я с ним не виделся до декабря месяца, потому что я ездил по поручению комиссии для срисования Почаевской лавры; 9 января текущего года я опять отлучился из Киева и после того я с ним не виделся; переписки с ним не имел, кроме одного письма. Гулака я почти не знаю, потому что виделся с ним всего раза три в Киеве, да проехал с ним от Киева до Борзны и после того не виделся. С Кулишом я познакомился в Киеве в 1842 г., весною, во время отлучки моей из академии, и не виделся с ним до декабря 1846 г. в Киеве; переписки с ним не имел, кроме письма, в котором он мне советует поправить некоторые места в моих печатных сочинениях. Белозерского, Навроцкого, Андрузского и Марковича весьма мало знаю; с Посяденком и Чижовым совсем не знаком. Помещика Савича я встречал два раза у Костомарова. Об обществе славянистов я никогда ни от кого не слыхал ни слова.

14. Правда ли, что славянистов в Киеве вы побуждали к большой деятельности, что в отсутствие ваше некоторые из них охладевали в замыслах своих, а с возвращением вашим снова приходили в движение; что вы не знали границ в выражении преступных мыслей и всех монархистов называли подлецами.

Неправда, потому что когда я был в Киеве, то всегда был занят рисованием; никуда не выходил и к себе никого не принимал, чему свидетель товарищ мой художник Сажин [176], с которым я постоянно жил вместе

15. С какою целью вы сочиняли стихи, могущие возмущать умы малороссиян против нашего правительства; читали эти стихи и разные пасквили в обществах друзей ваших и давали им списывать оные. Не сочиняли ли вы эти стихи для распространения идей тайного общества и не надеялись ли приготовлять этим восстание Малороссии.

Малороссиянам нравились мои стихи, и я сочинял и читал им без всякой цели; списывать не давал, а был неосторожен, что не прятал.



Вопросы.	Ответы.
[illegible]	[illegible]

З протоколу допиту

	Вопросы	Ответы
	сти, что, сверх величности Священной Особы Монарха, забыли в Нем и Августейшем Семействе Его лично ваших благотворителей, столь нежно поступивших при выкупе вас из крепостного состояния.	и хулы между молодыми и между степенными людьми, я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, посессорами и экономами шляхтичами, и все это делалось и делается именем Государя и Правительства, я вслед этому повторил из за своих совесть и страх Божий, дерзнул писать наглостию противу моего Высочайшаго благодателя, тем довершил свое безумие.
17	Кто иллюстрировал	Иллюстрировал мой

Т. Г. Шевченка

16. Какими случаями доведены вы были до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против государя императора и до такой неблагодарности, что сверх великости священной особы монарха забыли в нем и августейшем семействе его лично ваших благотворителей, столь нежно поступивших при выкупе вас из крепостного состояния.

Будучи еще в Петербурге, я слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство. Возвратясь в Малороссию, я услышал еще более и хуже между молодыми и между степенными людьми; я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, посессорами и экономами шляхтичами, и все это делалось и делается именем государя и правительства; я всему этому поверил и, забыв совесть и страх божий, дерзнул писать наглости против моего высочайшего благодетеля, чем довершил свое безумие.

17. Кто иллюстрировал рукописную книгу ваших сочинений и не принадлежит ли тот, кто столько занимался вашими стихотворениями к злоумышленным славянистам.

Иллюстрировал мои сочинения гр. Яков де Бальмен, служивший адъютантом у одного из корпусных генералов и убит на Кавказе в 1845 г., и некто Башилов [177]. С первым я виделся один раз, а второго совсем не знаю.

18. Почему стихотворения ваши были в таком уважении у друзей ваших, тогда как они лишены истиного ума и всякой изящности; не поклонялись ли они вам более за ваши дерзости и возмутительные мысли.

Стихотворения мои нравились может быть потому только, что по-малороссийски написаны.

19. С какою целью вы побуждали в Киеве Костомарова и других славянистов к изданию журнала на всех славянских наречиях, вызываясь сами участвовать в оном, и не было ли при этом намерения распространять посредством журнала преступных идей.

Не я, а бывший ректор Киевского университета Максимович просил меня и Костомарова участвовать в его журнале или составить сборник из статей, относящихся к Южной России, на великороссийском и малороссийском наречиях.

20. Между бумагами вашими находятся стихотворения Чужбинского и Забеллы, первого — возмутительные, а второго — пасквильные. Кто такие Чужбинский (если это не псевдоним) и Забелла.

Чужбинский псевдоним; фамилия его Афанасьев Александр, помещик Полтавской губ. Лубенского уезда. Забелла Виктор тоже помещик Черниговской губ., Борзенского уезда.

21. Кто такие Штрандман и Карпо и почему они в письмах своих называли вас: первый — «остатним из козаков», а второй — «отомане наш». Не участвовали ли и они в замыслах славянистов.

С Штрандманом я познакомился в Яготине у кн. Репнина; он был там домашним учителем, а теперь не знаю, где он. Почему он называет меня «остатним из козаков», не знаю; Карпо ученик Академии художеств, он и еще два ученика жили со мною на одной квартире, и как я был старше их летами, то они и называли меня «отоманом».

22. Не известно ли вам, сверх предложенного в предыдущих вопросах, еще что-либо о славянистах, их тайном обществе и замыслах.

Сверх всего, что я объяснил, я больше ничего не знаю.

Художник Тарас Шевченко

Ч. VI, арк. 57—65. Оригінал.
Опубл.: *Былое.*— 1906.— № 8.— С. 6—10; *Збірник* памяти Тараса Шевченка (1814—1914).— С. 163—167; *Новицький М.* Вказ. праця. С. 92—95; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 109—113; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 41—48; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 189—194; *Анісов В., Середа Є.* Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка.— К., 1959.— С. 106.

№ 262

1847 р. травня 15.— ЗАПИС ОЧНОЇ СТАВКИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА З Г. Л. АНДРУЗЬКИМ У III ВІДДІЛЕННІ

Очная ставка Шевченки с Андрузским

15 мая 1847 г.

Андрузский говорил: Шевченко был неумеренным представителем малороссийской партии в Славянском обществе, которая имела целью восстановить гетманщину, если возможно отдельно, а если нельзя, то в Славянщине; впоследствии меньше нападал на ляхов и был не прочь от Славянщины; он всех монархистов называл подлецами; побуждал к большой деятельности. Славянское общество, предположение славянистов издавать журнал на славянских или, по крайней мере, на русском и малороссийском языках, с отъездом Шевченки из Киева приостанавливалось, а с возвращением его оживлялось. Шевченко из малороссийских гетманов провозносил Мазепу и на вечерах у Костомарова читал пасквильные стихи.

Андрузский при дальнейших объяснениях показал, что заключение о принадлежности к Славянскому обществу он вывел только из того, что Шевченко был знаком со всеми славянистами.

Георгий Андрузский

Шевченко отвечал: Шевченко, сознаваясь в сочинении им дерзких и возмутительных стихов, во всем прочем совершенно отверг показания Андрузского.

Тарас Шевченко

Ч. VI, арк. 66—67. Оригінал.
Опубл.: *Былое.*— 1906.— № 8.— С. 10; *Збірник* памяти Тараса Шевченка (1814—1914).— С. 250; *Новицький М.* Вказ. праця.— С. 95.

№ 263

1847 р. травня 30.— ЗАПИС РІШЕННЯ В СПРАВІ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, ЗРОБЛЕНИЙ III ВІДДІЛЕННЯМ

Шевченко

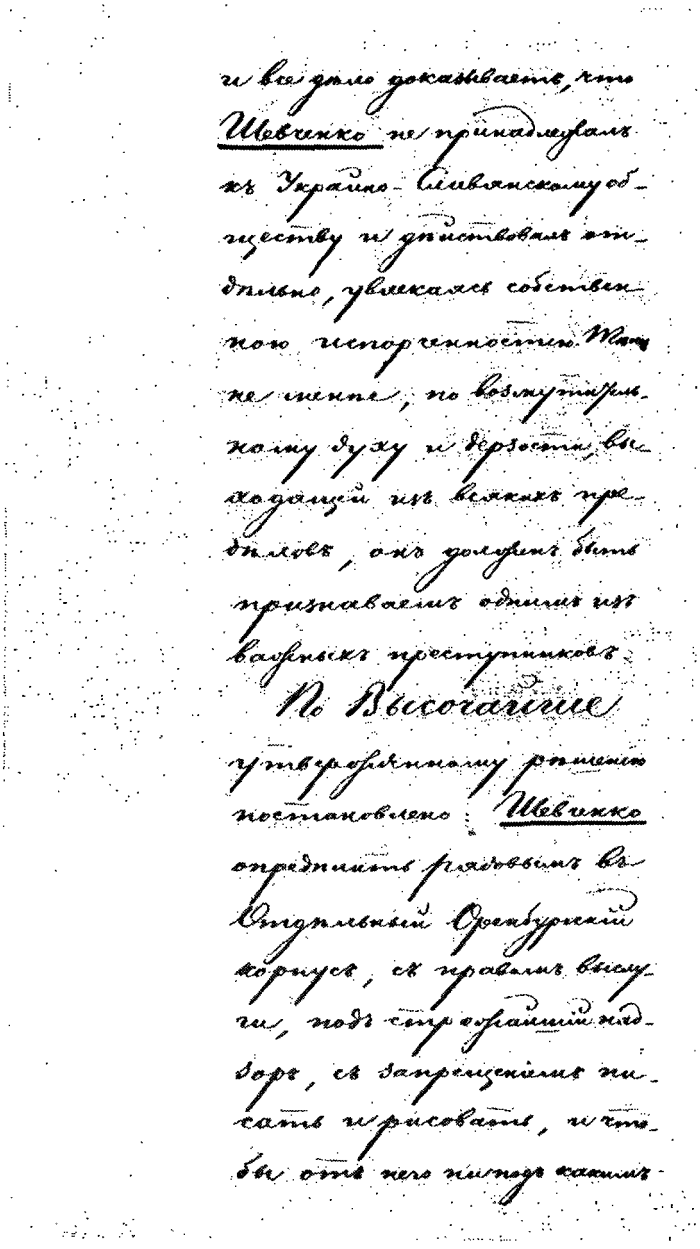
Художник С.-Петербургской академии художеств Тарас Шевченко. Этот художник, вместо того, чтобы вечно питать благоговейные чувства к особам августейшей фамилии, удостоившим выкупить его из крепостного состояния, сочинял стихи на малороссийском языке, самого возмутительного содержания. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украйны, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольницы казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ императорского дома, забывая в них личных своих благодетелей. Сверх того, что все запрещенное увлекает молодость и людей с слабым характером, Шевченко приобрел между друзьями своими славу знаменитого малороссийского писателя, а потому стихи его вдвойне вредны и опасны. С любимыми стихами в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастье возвратить эти времена и о возможности Украйне существовать в виде отдельного государства.

Судя по этому чрезмерному уважению, которое питали и лично к Шевченко, и к его стихотворениям все украйно-славянисты, сначала казалось, что он мог быть если не действующим лицом между ними, то орудием, которым они хотели воспользоваться в своих замыслах; но, с одной стороны, эти замыслы были не столь важны, как представлялось при первом взгляде, а с другой — и Шенченко начал писать свои возмутительные сочинения еще о

Шевченко

Художникъ С.Петер-
бургской академіи художествъ
Тарасъ Шевченко. Этотъ
художникъ, вмѣсто того, что-
бы вѣчно питать благого-
вѣйныя чувства къ особамъ
Августѣйшей фамиліи,
удостоившимъ выкупить
его изъ крѣпостнаго состо-
янія, сочинялъ стихи, на
Малороссійскомъ языкѣ, сама-
го возмутительнаго содержа-
нія. Въ нихъ онъ то выра-
жалъ плачь о мнимомъ по-
рабощеніи и бѣдствіяхъ
Украйны, то возглашалъ о
славѣ гетманскаго правле-
нія и прежней вольницы ко-
зачества, то съ невѣроятною

Із запису рішення III відділення



и все дало доказывать, что Шевченко не принадлежал к Украйно-Славянскому обществу и действовал отдельно, увлекаясь собственною испорченностию. Тем не менее, по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников.

По Высочайшей утвержденному решению постановлено: Шевченко определить рядовым в Отдельный Оренбургский корпус, с правом выслуги, под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать, и чтобы от него ни под какими

у справі Т. Г. Шевченка

1837 г., когда славянские идеи не занимали киевских ученых; равно и все дело доказывает, что Шевченко не принадлежал к Украйно-Славянскому обществу и действовал отдельно, увлекаясь собственною испорченностью. Тем не менее, по возмутительному духу и дерзости, выходящих из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников.

По высочайше утвержденному решению постановлено: Шевченко определить рядовым в Отдельный оренбургский корпус с правом выслуги, под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать, и чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений [178].

Шевченко передан военному министру 30 мая 1847[179].

Ч. VI. арк. 68—70. Копія.
Опубл.: *Былое.*— 1906.— № 8.— С. 11; *Новицький М.* Вказ. праця.— С. 95—96.

№ 264

1847 р. травня, не раніше 30.— ЗАПИС III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ОГОЛОШЕННЯ ВИРОКУ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ

Бывший художник Шевченко, при объявлении ему высочайшего решения об определении его рядовым в Отдельный оренбургский корпус, принял это объявление с величайшею покорностию, выражал глубочайшую благодарность императору за дарование ему права выслуги, и с искреннейшим раскаянием, сквозь слезы говорил, что он сам чувствует, сколь низки и преступны были его занятия [180].

По его словам, он не получил никакого воспитания и образования до самого того времени, когда был освобожден из крепостного состояния, а потом вдруг попал в круг студентов и других молодых людей, которые совратили его с прямой дороги. Он обещается употребить все старания вполне исправиться и заслужить оказанное к нему снисхождение.

Мая 1847 г.

Ч. VI. арк. 71. Копія.
Опубл.: *Былое.*— 1906.— № 8.— С. 12; *Новицький М.* Вказ. праця— С. 96.

№ 265

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТРА О. І. ЧЕРНИШОВА ПРО НАКАЗ МИКОЛИ I ЗАСЛАТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА СОЛДАТОМ ДО ОКРЕМОГО ОРЕНБУРЗЬКОГО КОРПУСУ З ЗАБОРОНОЮ ПИСАТИ І МАЛЮВАТИ

Секретно

Его сиятельству кн. А. И. Чернышеву

30 мая 1847 г., № 876

М[илостивый] г[осударь] кн. Александр Иванович!

Художник С.-Петербургской Академии художеств Тарас Шевченко сочинял на малороссийском языке стихи, в которых то выражал плач о мнимых бедствиях Украйны, то описывал славу гетманских времен и прежнюю вольницу казачества, присоединяя к тому многие возмутительные мысли, то изливал клеветы и желчь даже на особы, к которым обязан был чувство питать благоговейнейшего уважения.

Государь император высочайше повелеть соизволил: определить Шевченку рядовым в Отдельный оренбургский корпус с правом выслуги, под

строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать, и чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений.

О таковой монаршей воле доводя до сведения вашего сиятельства и препровождая при сем под строгим арестом Шевченку, с приложением находившихся при нем метрического свидетельства и отзыва к нему Общества поощрения художеств [181], для зависящего с вашей стороны распоряжения, имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], удостоить меня уведомлением, куда именно Шевченко будет отправлен на службу. Примите увер[ение] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Коистантинов

Ч. VI, арк. 72—73. Відпуск.
Опубл.: *Новицький М.* Вказ. праця.— С. 96—97; *Т. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 115—118; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 50; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 212.

№ 266

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТЕРСТВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО УЖЕ ДАНЕ РОЗПОРЯДЖЕННЯ З ПРИВОДУ ВІДПРАВЛЕННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА В ОРЕНБУРЗЬКИЙ КОРПУС

Секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

30 мая 1847, № 304

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Сделав распоряжение к отправлению с фельдъегерем присланного при отношении вашего сиятельства № 876 [182] бывшего художника С.-Петербургской Академии художеств Шевченка к командиру Отдельного оренбургского корпуса для зачисления рядовым в один из оренбургских линейных батальонов [183], я имею честь уведомить о сем ваше сиятельство.

Покорнейше прошу принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

В. Адлерберг

Помітка про одержання: 2 июня 1847

Ч. VI, арк. 74. Оригінал.
Опубл.: *Новицький М.* Вказ. праця,— С. 97; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 213.

№ 267

1847 р. травня 30.— РОЗПИСКА ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТЕРСТВА ПРО ПРИЙНЯТТЯ ВІД III ВІДДІЛЕННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, ЙОГО РЕЧЕЙ І ГРОШЕЙ

Реестр препровождаемым пакету, вещам и деньгам

Секретный пакет на имя г-на военного министра за № 876.

При сем следует арестант Шевченко.

Разные вещи и деньги 354 руб. 62 коп. серебром, принадлежащие Шевченко.

Расписка в принятии

Арестанта и вещи принял поручик Гусев.

Деньги 354 руб. 62 коп. серебром принял помощник казначея Романов.

Конверт за № 876 принял старший адъютант полковник Сибамагин?

Генерал-лейтенант Дубельт

Ч. VI, арк. 75. Оригінал.
Опубл.: *Русская старина.*— 1880.— № 3.— С. 601; *Автобиография* Н. И. Костомарова.— М., 1922.— С 203; *Новицький М.* Вказ. праця.— С. 97; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 118; *Анісов В., Середа Є.* Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка.— С. 109—110.

№ 268

1847 р. червня 2.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО КИЇВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА І. І. ФУНДУКЛЕЯ ПРО НАДСИЛКУ В ІІІ ВІДДІЛЕННЯ МАЛЮНКІВ І МАЛЯРСЬКИХ ПРИЛАДЬ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Киевскому гр[аждански му] губернатору И. И. Фундуклею

2 июня 1847, № 922

М[илостивый] г[осударь] Иван Иванович!

Имея в виду объяснение жительствовавшего в Киеве бывшего художника Тараса Шевченки, что у вашего пр[евосходительст]ва остались его рисунки киевских видов и ящик, долгом считаю покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите приказать означенные рисунки и ящик доставить в III отд[еление] с. е. и. в. канцелярии для возвращения по принадлежности. Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. VI, арк. 76. Відпуск.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 125.

№ 269

1847 р. червня 14.— ВІДНОШЕННЯ КИЇВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА І. І. ФУНДУКЛЕЯ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО МАЛЮНКИ І МАЛЯРСЬКІ ПРИЛАДДЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ПЕРЕДАНІ КИЇВСЬКОМУ ВІЙСЬКОВОМУ, ПОДІЛЬСЬКОМУ І ВОЛИНСЬКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВІ

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

14 июня 1847 г., № 1258, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Получив почтеннейший отзыв вашего сиятельства от 2 сего июня за №922[184], коим изволите требовать прислать в III отделение с. е. и. в. канцелярии рисунки киевских видов и ящик, принадлежащие бывшему художнику Шевченке, имею честь донести, что все бумаги и вещи, принадлежавшие Шевченке, представлены мною к г[-ну] киевскому военному, подольскому и волынскому генерал-губернатору, поэтому я донес ему о настоящем требовании вашего сиятельства.

С глубочайшим уважением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

Иван Фундуклей

Резолюція: Ожидать от г-на Бибикова

Помітка: 23 июня 1847

Ч. VI, арк. 77. Оригінал.

№ 270

1847 р. червня 24.— ВІДНОШЕННЯ КИЇВСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Д. Г. БІБІКОВА ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО НАДІСЛАННЯ ШЕВЧЕНКОВИХ МАЛЮНКІВ І ЯЩИКА З ФАРБАМИ

В III отделение с. е. и. в. канцелярии

24 июня 1847 г., № 5127, Киев

Вследствие требования г[-на] генерал-адъютанта гр. Орлова[185], последовавшего к киевскому гражданскому губернатору, имею честь препроводить при сем в III отделение с. е. и в. канцелярии принадлежащие Тарасу Шевченку рисунки и ящик.

Генерал-губернатор Бибиков

Резолюція О. Ф. Орлова: Оставить под сохранением при делах. Такая дрянь, что нечего показывать.

г[р]. Орлов

Помітка Л. В. Дубельта: Ему объявить.
Помітка: Ящик с одними красками.
Помітка про одержання: 7 июля 1847

Ч. VI, арк. 78. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 125; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 56; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 233.

№ 271

1847 р липня 15.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ОРЕНБУРЗЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА В. О. ОБРУЧЕВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ЗАЛИШЕННЯ ШЕВЧЕНКОВИХ МАЛЮНКІВ І ЯЩИКА З ФАРБАМИ В III ВІДДІЛЕННІ

Его высокопр[евосходительст]ву В. А. Обручеву[186]

15 июля 1847 г., № 1194

М[илостивый] г[осударь] Владимир Афанасьевич!

Определенный рядовым в войска Отдельного оренбургского корпуса бывший художник Тарас Шевченко перед отправлением его из С.-Петербурга просил о возвращении ему ящика с красками и рисунков, оставшихся в Киеве у гражданского губернатора.

По таковой просьбе я входил в сношение с кем следует и ныне г-н киевский военный губернатор доставил ко мне упомянутые ящик и рисунки[187], но как предметы сии оказались совершенно незначительными и незаслуживающими пересылки, то я приказал оставить оные при делах III отделения с. е. и. в. канцелярии.

Имея честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли приказать объявить об этом рядовому Шевченке, долгом считаю удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в ист[инном] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. VI, арк. 79. Відпуск.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 127; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 56; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 243.

№ 272

1847 р. липня 26.— ВІДНОШЕННЯ КИЇВСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДІСЛАННЯ РЕЧЕЙ І ПАПЕРІВ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ТА О. М. ПЕТРОВА

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

26 июля 1847 г., № 6317, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 14 июня № 1008 имею честь препроводить при сем, при особом реестре книги и скрипку, принадлежащие губернскому секретарю Петрову. Все же книги и вещи, которые находились в квартире его, в доме полковника Багговута, отосланы им, как он объявил, с родным братом Петрова к матери его в Добрянку.

При сем долгом поставляю препроводить к вашему сиятельству, в особом тюке, несколько вещей и бумаг, принадлежавших бывшему художнику Шевченке.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 12 августа 1847

Ч. VI, арк. 80. Оригінал.

№ 273

1847 р. липня 26.— ОПИС КНИГ О. М. ПЕТРОВА, ПЕРЕСЛАНИХ ЙОМУ З КИЄВА

Опись

книгам принадлежащим бывшему студенту университета св. Владимира, служащему ныне в III отделении с. е. и. в. канцелярии, губернскому секретарю Петрову

	Название книг	Число книг
1.	Библиотека немецких сочинений	1
2.	Поэзия Вилянда [188],	1
3.	Библиотека лучших старых и новых немецких сочинителей книг	4
4.	Библиотека старых и новых немецких сочинителей книг	2
5.	Библиотека старых и новых немецких сочинителей	1
6.	Сочинение [Монтескье] [189] книг	5

Старший полицмейстер [190]

Розписка О. М. Петрова про одержання: Означенные в этом реестре вещи получил А. Петров.

Ч. VI, арк. 81. Оригінал.

№ 274

1844 р. листопада 13.— ВІДНОШЕННЯ ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ ДО Т. Г. ШЕВЧЕНКА З ПРОХАННЯМ НАДСИЛАТИ ПІСЛЯ ВИХОДУ В СВІТ ПО ДВА ПРИМІРНИКИ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ»

Ноября 13 дня 1844 г., № 2613, Харьков

Г-ну издателю «Живописной [Украи]ны»[191] Шевченку

Правление императорского Харьковского университета, желая приобрести для университета издаваемую вами в картинах «Живописную Украину», покорнейше просит ваше высокоблагородие, по выходе в свет сказанных картин, доставлять так[овые] в правление университета в двух экземплярах, за каковое издание [сле]дующие деньги будут к Вам высылаемы, за картины сего года, [по] получении оных, а за продолжение издания в следующие годы по получении годового издания.

Синдик университета Голубиов[ский]
Секретарь Иосиф Якубинский

Ч. VI, арк. 82. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 78; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 89.

№ 275

1847 р. серпня 26[192].— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПАПЕРИ І РЕЧІ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Киевский воен[ный] губернатор доставил несколько бумаг и вещей, принадлежащих бывшему художнику (ныне рядовой) Шевченке

Бумаги:

1. Отношение правления Харьковского университета о присылке в университет двух экземпляров картин под названием «Живописная Украйна», которые, как видно, предполагал издать Шевченко[193].
2. Несколько листов, на коих описаны церкви, Евангелия, кресты и другие священные предметы в Малороссии. Это описание Шевченко составлял, вероятно, для того же издания «Живописной Украйны»[194].
3. Несколько подлинных древних бумаг, большею частию начала XVIII века. Здесь есть выписка о кре[по]стных людях и землях разных владельцев, просьбы и другие акты. Вероятно, Шевченко хранил эти бумаги как редкости или образцы древней письменности. Вообще в означенных бумагах нет ничего ни законопротивно[го], ни важного[195].

Вещи:

1. Небольшие табакерка и чароч[ка].
2. Два пистолета и третий изломанный.
3. Бритвы, перочинный и столовый ножи.
4. Соковые краски.
5. Карандаши и рисовальные кисти.
6. Старые портфель, папки, кошелек, тесемки и другие мелочи, кои можно назвать хламом.

Справка. Прежде присланные из Киева рисунки и краски Шевченки, по незначительности их, оставлены при делах III отделения[196].

Примечание: Генерал-адъют[ант] Бибиков прислал еще книги и скрипку, принадлежащие губерн[скому] секр[етарю] Петрову. Вещи эти выданы Петрову под его расписку[197].

Ч. VI, арк. 83—84. Оригінал.
Опубл.: *Новицький М.* Шевченко в процесі 1847 р. і його папери // Україна.— 1925.—Кн. 1-2. С. 98—99.

№ 276

1848 р. лютого 18.— ЛИСТ В. М. РЄПНІНОЇ [198]
ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ВИКЛОПОТАТИ ДОЗВІЛ
Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ МАЛЮВАТИ

Monsieur le Comte

Vous êtes un homme revêtu de grands pouvoirs et en conséquence de cette position et de votre caractère honorable, ayant mission de faire le bien. Si de maintenir l'ordre, et de faire justice du mal est un appanage de l'homme d'Etat et de l'homme de bien,— avoir lœil ouvert afin que la justice ne devienne pas rigueur, et qu'à la justice accomplie, succède la miséricorde, n'est ce pas là le suprême complément du bien. Forte de cette conviction, je viens, Monsieur le Comte, vous implorer en faveur de malheureux Шевченко. Moi, qui le connais beaucoup, je puis vous certifier que quelqu'ait été son delit il est bien réellement puni par la position de soldat et l'éloignement dans lequel il se trouve de son pays, sans qu'il soit nécessaire pour le persuader de sa culpabilité d'y joindre le cruel raffinement de lui interdire le dessin. Monsieur le Comte, j'espère que vous comprendrez, que connaissant particuliérement Шевченко et sachant qu'il est complètement orphélin dans ce monde je regarde de mon devoir, puisque Dieu m'a mis au cœur la pensée de m'intéresser à lui, de faire tout ce qui dépend de moi pour du moins essayer d'adoucir son sort. Pour parvenir à ce but je n'ai pas d'autre route à suivre que de m'adresser à vous pour vous supplier d'obtenir pour lui la permission de dessiner. C'est une grâce que je vous demande à mains jointes. Quoique zéro par moi-même comme fille de mon père qui a tant souffert et souffert innocemment je me reconnais le droit de parler en faveur des malheureux, et c'est en appelant au souvenir de mon Père qui vous estimait, que je vous prie Monsieur le Comte d'excuser mon importunité, pour m'exprimer selon le langage du monde, car dans mon idée je trouve que je fais ce que je dois faire en vous implorant pour un infortuné égaré, mais digne de toute sympathie et qui n'a ni famille, ni protection.
Veuillez Monsieur le Comte m'adresser votre réponse, si tout il y a que vous vouliez m'en honorer au nom de ma sœur Его превосходительства Елисаветы Николаевны Кривцовой в Орел. Je vais l'avertir que je dispose de son nom. Agréez Monsieur le Comte l'expression de ma considération et je voudrais pouvoir déjà vous dire, de ma vive reconnaissance

Varette Repnina

Jagotine
le 18 Février
1848

Ч. VI, арк. 85, 86. Оригінал.
Опубл.: *Киевская* старина.— 1893.— № 3.— С. 468—469. (Переклад російською мовою).

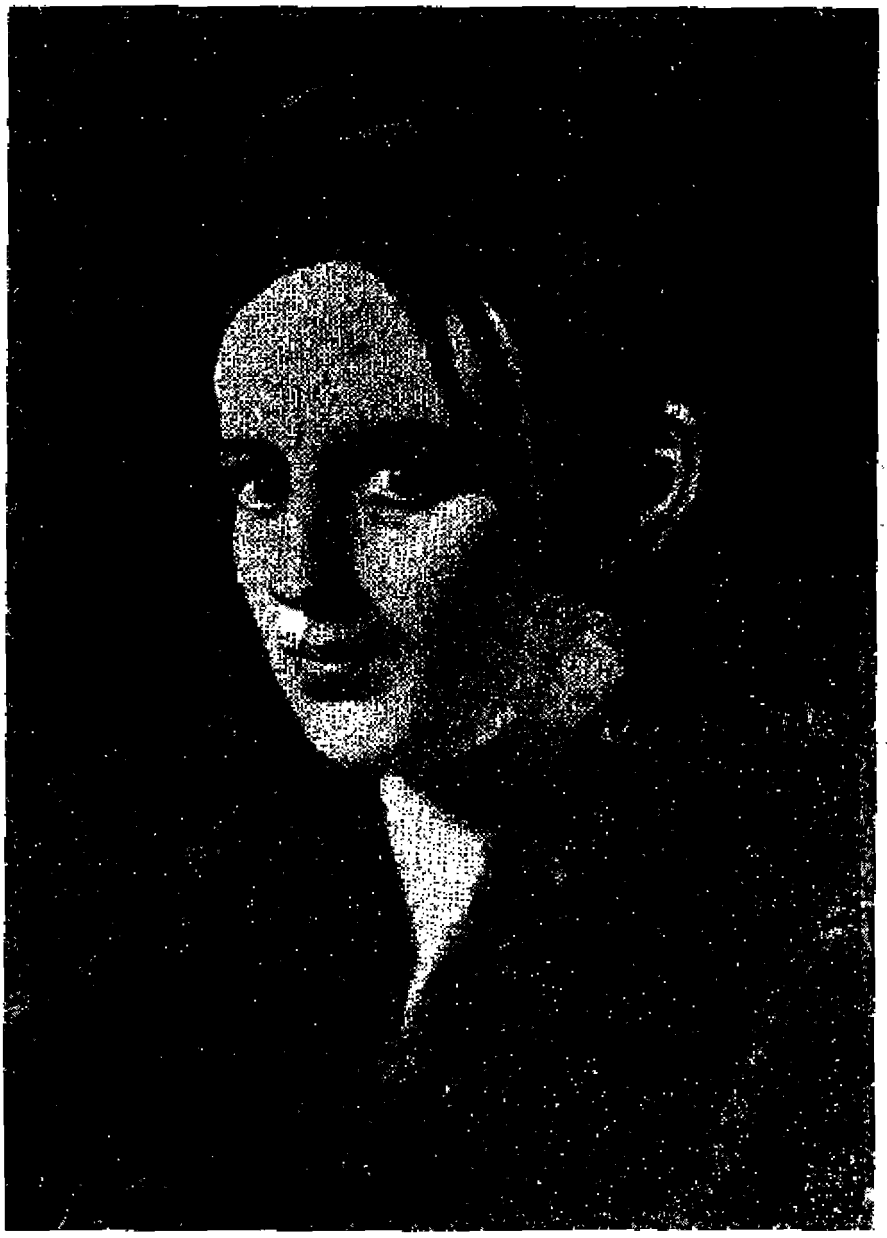
Переклад

Пане граф!

Ви людина, наділена великою владою і в силу свого високого становища і благородства ви покликані творити добро. Якщо підтримка порядку і творення справедливого суду є властивість державного мужа і благородної людини, то найціннішим доповненням добра буде, щоб справедливість не перетворилася в жорстокість та щоб справедливе рішення супроводжувалось милосердям.

Переконана в цьому, я звертаюсь до вас, пане граф, з благанням за нещасного Шевченка.

Знаючи його дуже добре, я можу запевнити, що, яка б не була його провина, він покараний надто суворо відданням у солдати і висланням, що



Портрет В. М. Репніної. Художник І. Псьол (?). 40-і роки XIX ст.

не було потреби, щоб його переконати в його виновності, ще додавати таку жорстоку витонченість, як заборона малювати. Маю надію, граф, ви зрозумієте, що я взяла на себе обов'язок зробити все можливе, щоб полегшити долю Шевченка, оскільки я знаю його дуже добре і знаю ще те, що він зовсім самотній на цьому світі. Для досягнення цієї мети я не маю іншого шляху, як звернутися до вас с благанням одержати для нього дозвіл на малювання. Я прошу у вас цієї милості смиренно склавши на грудях руки!

Хоч сама по собі я нічого не значу, але як дочка мого батька, який стільки перестраждав, і перестраждав невинно, я визнаю за собою право говорити за нещасних, і в ім'я пам'яті мого батька, який так вас поважав, я прошу, пане граф, вибачити мені мою настирливість, як кажуть у світі; що ж до мене, то я впевнена, що роблю те, що повинна робити, благаючи вас за нещасного, що збився з дороги, але є гідний співчуття і який не має ні родини, ні протекції.

Будьте ласкаві, пане граф, направити відповідь, якщо ви будете вважати її слушною мені надіслати, на ім'я моєї сестри її величності Єлизавети Миколаївни Кривцової в Орел. Я її попереджу, що я даю її адресу.

Прийміть, графе, засвідчення моєї до вас поваги і я хотіла б навіть вже сказати, щирої подяки.

Варвара Рєпніна.

Яготин, 18 лютого 1848 р

№ 277

1848 р. лютого, не раніше 18.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ В ЗВ'ЯЗКУ З ПРОХАННЯМ В. М. РЄПНІНОЇ ДОЗВОЛИТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ МАЛЮВАТИ

Княжка Варвара Репнина просит обратить милостивое внимание на бывшего художника Шевченку и дозволить ему рисовать. Она ходатайствует об этом, как об одолжении для нее самой и в память ее родителя.

Справка. Шевченко при производстве дела об Украйно-славянском обществе оказался виновным в сочинении возмутительных и самых дерзких стихов. По высочайшему повелению, состоявшемуся 28 мая 1847 г., он определен рядовым в войска Отдельного оренбургского корпуса, с правом выслуги, под строжайший надзор и с воспрещением писать и рисовать[199].

Помітка О. Ф. Орлова: Доклад. Можно под надзором.

Ч. VI, арк. 87. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 258.

№ 278

1848 р. січня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ОРЕНБУРЗЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА В. О. ОБРУЧЕВА З ПРОХАННЯМ ПОВІДОМИТИ, В ЯКОМУ ПОЛКУ СЛУЖИТЬ Т. Г. ШЕВЧЕНКО, ЯК ВІН СЕБЕ ПОВОДИТЬ І ЧИ СЛІД ПРОСИТИ ЙОМУ ДОЗВІЛ МАЛЮВАТИ

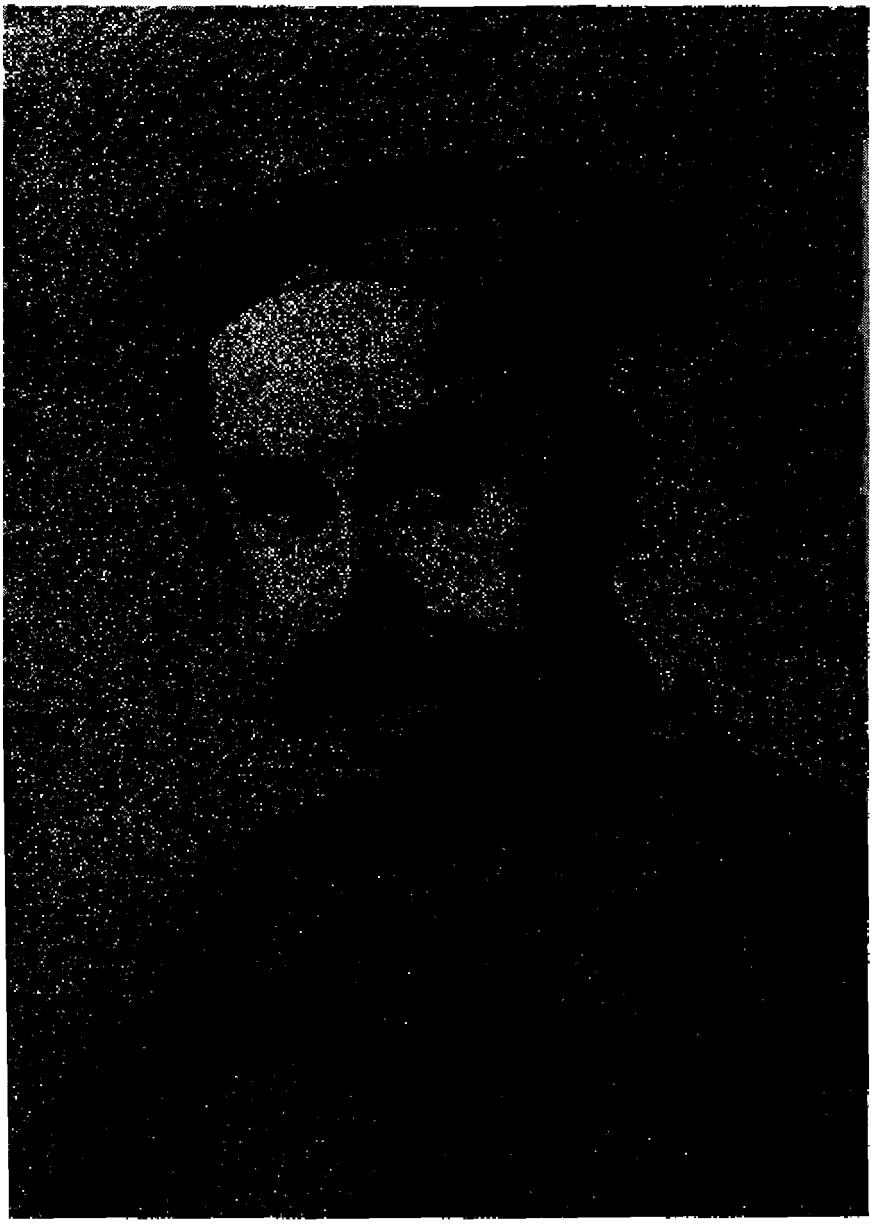
Секретно

Его высокопре[восходительст]ву В. А. Обручеву

30 января 1848, № 163

Милостивый государь Владимир Афанасьевич!

По высочайшему повелению, последовавшему в исходе мая 1847 г., бывший художник Тарас Шевченко за сочинение на малороссийском язы-



Т. Г. Шевченко. Автопортрет. 1847 р.

ке стихов возмутительного и самого дерзкого содержания определен рядовым в войска Отдельного оренбургского корпуса с правом выслуги под строжайший надзор и с запрещением ему писать и рисовать.

Имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство уведомить меня как о том, в каком полку рядовой Шевченко состоит на службе, так равно об усердии, поведении и образе мыслей его, с вашим заключением, заслуживает ли он ходатайства о дозволении ему заниматься рисованием. Примите уверение и пр[очее].

Подписал гр. Орлов

Ч. VI, арк. 88. Відпуск.
Опубл: *Киевская* старина.— 1896.— № 1.— С. 133; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 128; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 57; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 256.

№ 279

1848 р. березня 30.— РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА 23-Ї ПІХОТНОЇ ДИВІЗІЇ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ТОЛМАЧОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Секретно

Шефу корпуса жандармов г-ну генералу от кавалерии генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

30 марта 1848, № 6, г. Оренбург

За отсутствием командира Отдельного оренбургского корпуса начальника 23-й пехотной дивизии

Рапорт

Вследствие отношения вашего сиятельства к г-ну корпусному командиру, от 30 генваря за № 163 [200], я, за отсутствием его высокопревосходительства, имею честь донести, что определенный в Отдельный оренбургский корпус рядовым, по высочайшему повелению, последовавшему в мае месяце 1847 г. за сочинение возмутительных стихов бывший художник Тарас Шевченко, с запрещением ему писать и рисовать, состоит на службе в Оренбургском линейном батальоне № 5, ведет себя хорошо, службою занимается усердно, в образе его мыслей ничего предосудительного не замечено, и по засвидетельствованию ближайшего его начальства он заслуживает ходатайства о дозволении ему заниматься рисованием [201].

Генерал-лейтенант Толмачев [202]

Резолюція О. Ф. Орлова: Подождать.
Помітка про одержання: 12 апреля 1848

Ч. VI, арк. 89. Оригінал.
Опубл.: *Киевская* старина.— 1896.— № 1.— С. 133; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 128—129; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 57.

№ 280

1849 р. листопада 20.— ВІДНОШЕННЯ ОРЕНБУРЗЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА В. О. ОБРУЧЕВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО МОЖЛИВІСТЬ ДАТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ ДОЗВІЛ МАЛЮВАТИ

Секретно

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

20 ноября 1849 г., № 55, г. Оренбург

По высочайшему повелению, последовавшему в исходе мая 1847 г., бывший художник С.-Петербургской академии художеств Тарас Шевченко за сочинение возмутительных стихов на малороссийском языке определен рядовым во вверенный мне корпус с правом выслуги под строжайший надзор и с запрещением ему писать и рисовать.

От 30 января 1848 г. за № 163[203] ваше сиятельство изволили относиться ко мне с вопросом: в каком батальоне упомянутый рядовой Шевченко состоит на службе, каков по службе, в поведении и образе мыслей и заслуживает ли он ходатайства о дозволении ему заниматься рисованием.

Командовавший в отсутствие мое корпусом генерал-лейтенант Толмачев донес вашему сиятельству, что рядовой Шевченко состоит на службе в Оренбургском линейном № 5 батальоне, ведет себя хорошо, службою занимается усердно, в образе его мыслей ничего предосудительного не замечено и по засвидетельствованию ближайшего его начальства он заслуживает ходатайства о дозволении заниматься ему рисованием[204].

Не имея на это разрешения вашего сиятельства, я имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, почтить меня уведомлением, можно ли дозволить рядовому Шевченко заниматься рисованием под наблюдением ближайшего его начальства.

С отличнейшим уважением и совершенною преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою

В. Обручев

Резолюція Л. В. Дубельта: Можно, но работу представлять на просмотр ген[ерал]-губ[ернатору].

Помітка про одержання: 5 декабря 1849

Ч. VI, арк. 90—91. Оригінал.
Опубл: Исторический вестник[205].— 1886.— Т. 23.— Янв.— С. 160—161; *Киевская* старина.— 1896.— № 1.— С. 133—134; 1898.— № 3.— С. 421; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 60; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 269

№ 281

1849 р. грудня 9.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО МОЖЛИВІСТЬ ДОЗВОЛИТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ МАЛЮВАТИ ПІД НАГЛЯДОМ ОРЕНБУРЗЬКОГО ГУБЕРНАТОРА

О рядовом Шевченке

В 1847 г. художник Шевченко, находясь в Киеве, был в связях с молодыми людьми, которые составляли Украйно-Славянское общество, и потому был доставлен арестованным в С.-Петербург.

Хотя по исследованию оказалось, что Шевченко не принадлежал к упомянутому обществу, но обнаружено, что он, сочиняя малороссийские стихи, выражал плач о мнимых бедствиях Украйны, описывал славу гетманских времен и прежнюю вольницу казачества, изливал клеветы и желчь даже на

особ императорской фамилии, забывая в них личных своих благодетелей, удостоивших выкупить его из крепостного состояния.

При решении украйно-славянского дела, я полагал: Шевченку определить рядовым в Отдельный оренбургский корпус с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений. Ваше и. в., высочайше утвердив таковое мнение, собственноручно написать соизволили: «Под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать».

В исполнение сего Шевченко тогда же определен рядовым в Оренбургский линейный № 5 батальон.

В январе[206] 1848 г. поступало ко мне ходатайство о дозволении Шевченке рисовать[207], и начальство Отдельного оренбургского корпуса в то время отозвалось, что означенный рядовой ведет себя хорошо, службою занимается усердно и в образе мыслей его не замечено ничего предосудительного, а поэтому он заслуживает испрашиваемого ему дозволения рисовать[208]; но я тогда признавал еще рановременным входить по сему предмету со всеподданнейшим докладом.

Ныне генерал от инфантерии Обручев, ссылаясь на упомянутую переписку, спрашивает: можно ли дозволить Шевченке заниматься рисованием под наблюдением ближайшего начальства[209]. Всеподданнейше докладывая о сем вашему и. в. и принимая во внимание, с одной стороны, одобрительный отзыв нынешнего начальства о поведении Шевченки, а с другой, что рядовой сей и в прежнее время неблагонамеренность свою обнаруживал в сочинении стихов, рисунков же подобного содержания не было между его бумагами, я осмеливаюсь испрашивать, не соизволите ли высочайше разрешить ему заниматься рисованием с тем однако же, чтобы он произведения свои представлял на просмотр оренбургского военного губернатора.

Подписал генерал-адъютант гр. О р л о в
Скрепил генерал-лейтенант Д у б е л ь т
Верно: генерал-лейт[енант] Д у б е л ь т
9 декабря 1849 г., № 127

Помітка: На подлинном рукою гр. Орлова написано карандашом: «Высочайшего соизволения не воспоследовало».

Верно: ген[ерал]-лейт[енант] Д у б е л ь т

Ч. VI, арк. 92—94. Засвідчена копія.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 129—130; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали— С. 61—62; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 271—272.

№ 282

1849 р. грудня 12.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО КОМАНДИРА ОРЕНБУРЗЬКОГО ОКРЕМОГО КОРПУСУ В. О. ОБРУЧЕВА ПРО ВІДМОВУ МИКОЛИ І ДАТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ ДОЗВІЛ МАЛЮВАТИ

Его высокопрев[осходительству] В. А. Обручеву

12 декабря 1849, № 2955

М[илостивый] г[осударь] Владимир Афанасьевич!

Вследствие отношения вашего высокопревосходительства от 20 ноября № 55[210] я входил к государю императору со всеподданнейшим докладом о дозволении рядовому Оренбургского линейного батальона Шевченке заниматься рисованием, но высочайшего соизволения на таковое мое представление не последовало.

Сообщая о сем вашему высокопревосходительству для зависящего исполнения, имею честь удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в истинном моем почтении и пред[анности].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. VI, арк. 95. Відпуск.
Опубл.: *Киевская* старина.— 1896.— № 1.— С. 131; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 131; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 62; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 272.

№ 283

1850 р. лютого 14.— ВІДНОШЕННЯ ОРЕНБУРЗЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА В. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ПОРУШЕННЯ КЛОПОТАННЯ ПЕРЕД ЦАРЕМ ПОЛЕГШИТИ СТАНОВИЩЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

[Его] пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту

14 февр[аля] 1850

Зная, как у вас мало свободного время, я не намерен докучать вам личными объяснениями и потому, прилагая при сем записку об одном деле[211], прошу покорнейше ваше превосходительство прочесть ее в свободную минуту, а потом уведомить меня: можно ли что-либо, по вашему мнению, предпринять в облегчении участии Шевченко? Заслуживает ли он, по вашему мнению, особенного ходатайства?

В. Перовский[212]

Резолюція Л. В. Дубельта: Переговорить.
Помітка про одержання: 16 февр[аля] 1850

Ч. VI, арк. 96. Оригінал.
Опубл.: *Киевская* старина.— 1898.— № 3.— С 422—423; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 131; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 284.

№ 284

1850 р. лютого 14[213].— ЗАПИСКА ОРЕНБУРЗЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА В. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО УМОВИ ПЕРЕБУВАННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА НА ЗАСЛАННІ

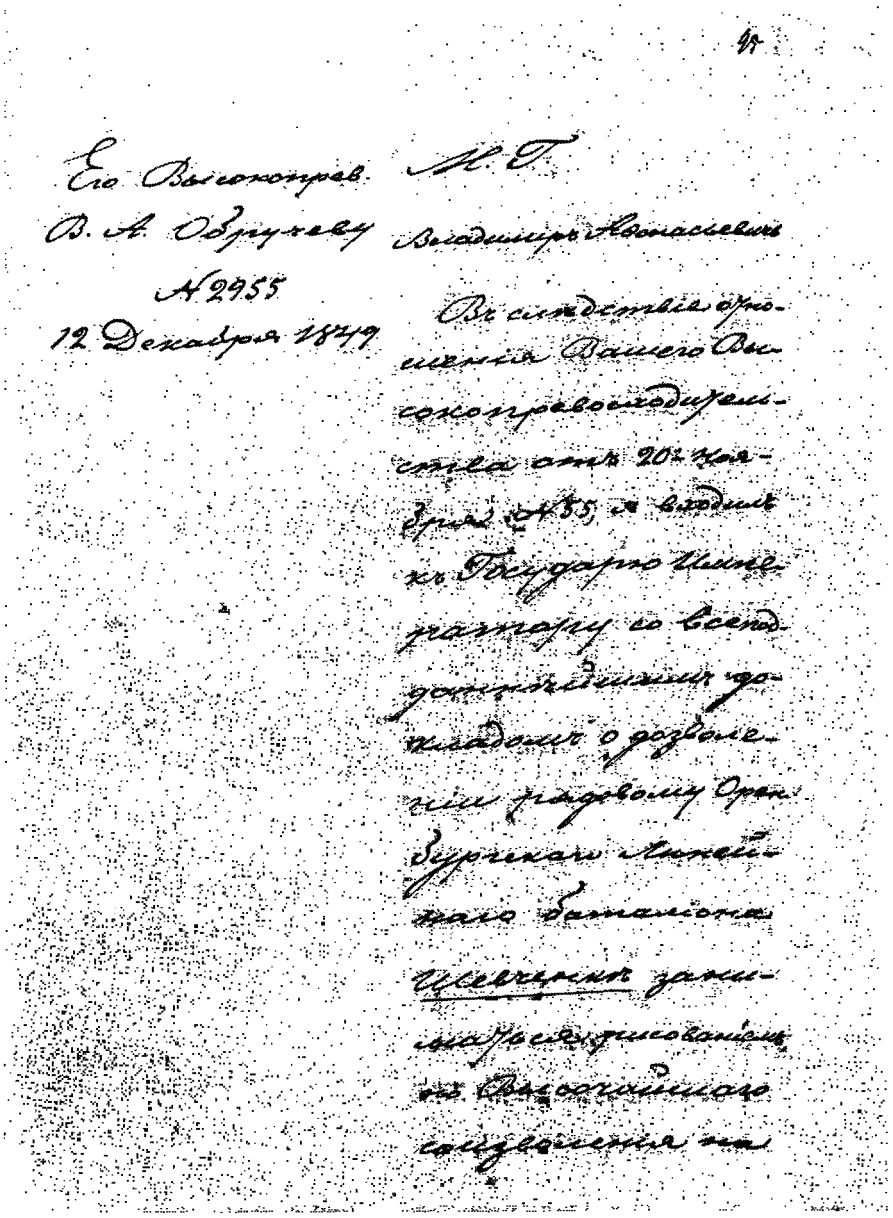
В 1847 г. Тарас Шевченко был арестован в Киеве, привезен в С.-Петербург и потом отправлен в Отдельный оренбургский корпус на службу рядовым за сочинение на малороссийском языке пасквильных стихов (как объяснено в бумаге, при коей Шевченко был препровожден в Оренбург). Причем, ему воспрещено писать и рисовать.

С тех пор рядовой Тарас Шевченко вел себя отлично хорошо, он два года ряду 1848 и [18]49 участвовал и был весьма полезен в экспедиции, снаряженной для описания Аральского моря[214].

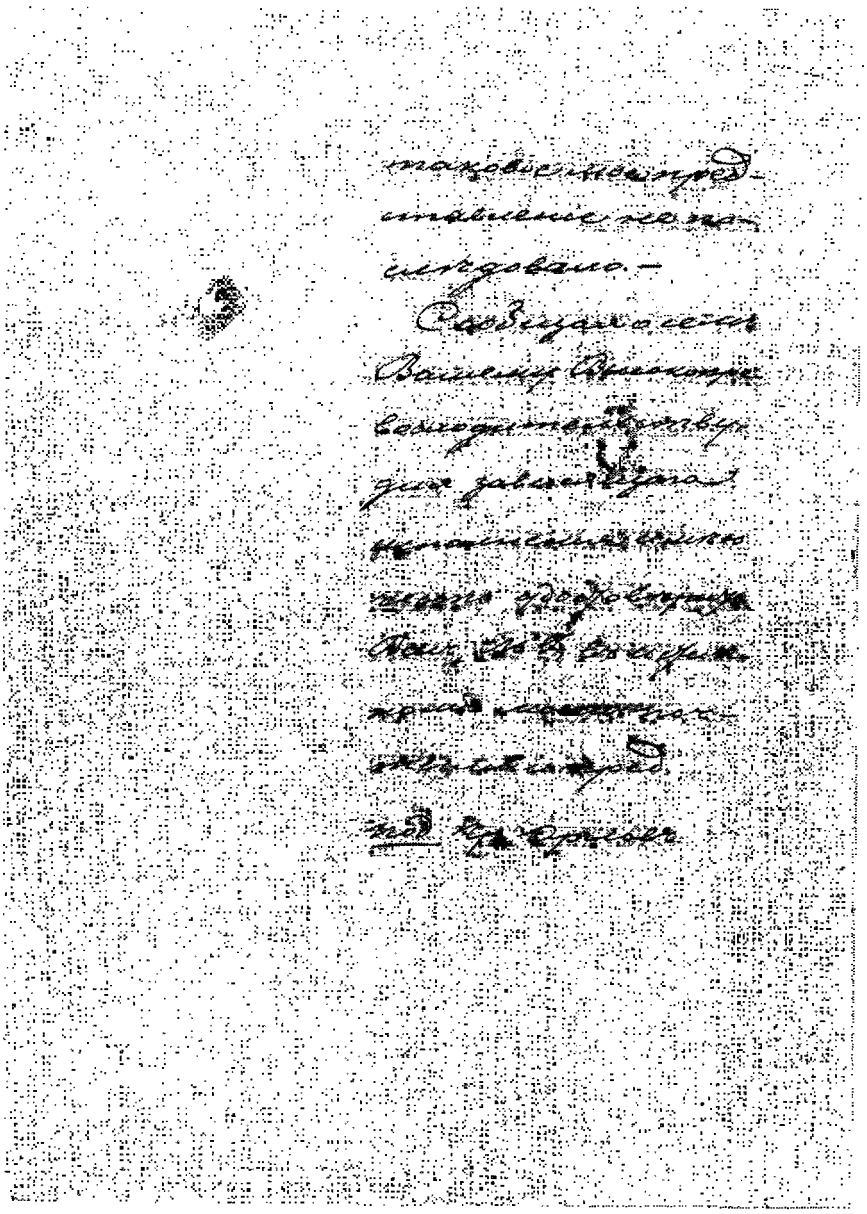
В прошлом году, по возвращении Шевченко из этой экспедиции, командир Отдельного оренбургского корпуса, удостоверившись в его отличном поведении, службе и образе мыслей, испрашивал ему дозволение рисовать, но на это представление последовал отказ; в этом положении дела г-н корпусной командир не может произвести Шевченко в унтер-офицеры; хотя он, Шевченко, служит с отличием уже несколько лет рядовым и не был приговорен в солдаты без выслуги.

Рядовому Шевченко около 40 лет от роду; он весьма слабого и ненадежного телосложения и в продолжение кампаний на Аральском море неоднократно подвергался скорбуту[215].

Ч. VI, арк. 97. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 284—285.



Відношення О. Ф. Орлова до командира окремого корпусу В. О. Обручева



ipo відмову Миколи I дати Т. Г. Шевченкові дозвіл малювати

№ 285

1850 р. лютого 16.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ
ПРО Т. Г. ШЕВЧЕНКА У ЗВ'ЯЗКУ З ЗАПИСКОЮ В. О. ПЕРОВСЬКОГО

Генерал-адъютант Перовский доставил записку о рядовом Шевченке[216]. В записке этой объяснено, что Шевченко в 1848 и 1849 гг. участвовал с пользою в экспедиции, предпринятой для описания Аральского моря, и по возвращении был удостоен командиром Отдельного оренбургского корпуса представления о дозволении ему рисовать, но как на это последовал отказ, то генерал от инфантерии Обручев в таком положении дела затрудняется произвести его, Шевченку, в унтер-офицеры, хотя он не был назначен в рядовые без выслуги. Шевченке уже около 40 лет; он слабого сложения и в продолжение кампаний неоднократно подвергался болезням.

Генерал-адъютант Перовский спрашивает, можно ли что-нибудь предпринять к облегчению участи Шевченки.

Справка. Шевченко при производстве дела об Украйно-Славянском обществе оказался виновным в сочинении возмутительных и самых дерзких стихов. За это по высочайшему повелению, состоявшемуся 28 мая 1847 г., он определен рядовым в войска Отдельного оренбургского корпуса с правом выслуги под строжайший надзор и с воспрещением писать и рисовать. В феврале 1848 г. княжна Репнина просила[217] в особенное для нее одолжение обратить милостивое внимание на Шевченку и дозволить ему как художнику заниматься рисованием. Вследствие сего сделано было сношение с г-[ном] оренбургским военным губернатором, который уведомлял, что Шевченко ведет себя хорошо, службою занимается усердно, в образе мыслей его ничего предосудительного не замечено и, по засвидетельствованию ближайшего его начальства, заслуживает ходатайства о дозволении ему рисовать под наблюдением сего начальства.

Об этом в декабре 1849 г. доведено было до сведения государя императора, но высочайшего соизволения не воспоследовало[218].

Соображение. Так как Шевченко определен рядовым с правом выслуги, то неразрешение рисовать не может лишать его дарованного права, если он того заслуживает.

16 февраля 1850

Резолюція О. Ф. Орлова: Еще рано.

Ч. VI, арк. 98, 99. Оригінал.
Опубл.: *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 63—64; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 286.

№ 286

1850 р. лютого 20.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА
ДО ОРЕНБУРЗЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА В. О. ПЕРОВСЬКОГО
ПРО ПЕРЕДЧАСНІСТЬ БУДЬ-ЯКИХ КЛОПОТАНЬ
З ПРИВОДУ ПОЛЕГШЕННЯ СТАНОВИЩА Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Его высокопр[евосходительст]ву В. А. Перовскому

20 февраля 1850 г., № 367

Милостивый государь Василий Алексеевич!

Вследствие записки вашего высокопревосходительства от 14 февраля[219], я счел обязанностью доложить г-ну генерал-адъютанту гр. Орлову все содержание дела о находящемся в Отдельном оренбургском корпусе рядовом Шевченке. Его сиятельство, имея в виду, что Шевченко по важности

о преступления подлежал бы гараздо большему наказанию и что разжалованием его в рядовые оказано ему монаршее милосердие, изволил отозваться, что при всем искреннем желании сделать в настоящем случае угодное вашему высокопревосходительству, полагает рановременным входить с всеподданнейшим докладом о помиловании Шевченки, тем более, что он не такого слабого сложения, как объяснено в полученной вами записке, что же касается до производства Шевченки в унтер-офицеры, то отказ о дозволении ему заниматься рисованием не может, по мнению гр. Алексея Федоровича, тому препятствовать, и если Шевченко по усердию в исполнении своих служебных обязанностей заслуживает быть произведенным в унтер-офицеры, то удостоение его сим повышением непосредственно зависит от воли генерала от инфантерии Обручева, так как рядовой сей разжалован без лишения права выслуги.

Долгом считая довести о сем до сведения вашего высокопревосходительства, покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять уверение в чувствах истинного моего к вам уважения и совершенной преданности, с коими имею честь быть.

Подписал Л. Дубельт

VI, арк. 100, 101. Відпуск.
Публ.: *Киевская старина.*— 1898.— № 3.— С. 423; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— 132; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.—С. 65; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до графії.— С. 287—288.

№ 287

1850 р. січня 10.— ЛИСТ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ДО В. А. ЖУКОВСЬКОГО З ПРОХАННЯМ ВИКЛОПОТАТИ ЙОМУ ДОЗВІЛ МАЛЮВАТИ

Я не умел воспользоваться вашим благодеянием. Сделав слабые успехи Академии художеств, был я выпущен с аттестатом на звание художника — и больше — и отправлен на службу в Киев, где предложили мне место рисовального учителя при университете. Недолго пробыл я в Киеве. В припадке сумасшествия написал я пасквиль и в 1847 году был сослан в солдаты, Оренбургский край, с запрещением писать стихи и рисовать что бы то ни было. Мне грех бы было, облагодетельствованному так великодушно вами, вновь вас беспокоить, но несчастия мои переходят всякую меру. Я уже третий год, вооружаясь терпением, живу самою бедною жизнью, был в киргизской степи и был два лета на Аральском море при описной экспедиции; видел много нового, оригинального, еще не виданного в Европе и ничего не мог нарисовать, потому что мне рисовать запрещено. Это самое большое из моих несчастий. Умоляю вас, сжальтесь надо мною, исходатайствуйте мне позволение. Вы это можете — только рисовать! Оживите меня убитого. Напишите графу Орлову обо мне или кому вы найдете лучше; авось [...]

Публ.: Русский архив.— 1898.— № 12.— С. 554—555; *Тарас Шевченко.* Повне зібр. творів: 10 т.— К., 1957.— Т. 6.— С. 303; *Радянське* літературознавство.— К., 1947.— Кн. 7/8.— С. 107—

№ 288

1850 р. січня 10.— ЛИСТ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ ЙОМУ МАЛЮВАТИ

Ваше превосходительство!

Поход в Киргизскую степь и двухлетнее плавание по Аральскому морю дают мне смелость вторично беспокоить ваше превосходительство моею последнейшею просьбою. Я вполне сознаю мое преступление и от души раскаи-

ваюсь. Командир мой, капитан-лейтенант Бутаков[220], ежедневный свидетель моего поведения в продолжении двух лет, подтвердит истину слов моих, ежели будет угодно вашему превосходительству спросить у него. Я прошу милостивого ходатайствования вашего перед августейшим монархом нашим. Прошу одной великой милости — позволения рисовать. Я в жизнь мою ничего не рисовал преступного. Свидетельствуюсь всемогущим богом! умоляю вас! Вы как слепому откроете глаза и оживите мою убитую душу! Лета и мое здоровье, разрушенное скорбутом в Орской крепости[221], не позволяют мне надеяться на военную службу, требующую молодости и здоровья. Прошу вас, примите хотя малейшее участие в судьбе моей, и бог вас наградит за доброе дело.

Возлагающий единственную надежду на бога и на ваше превосходительство

Т. Шевченко

1850 г. генваря 10

Помітка: Подал фл[игель]-ад[ъютант] Тимашев.
Помітка про одержання: 1 мая 1850 г.

Ч. VI, арк. 102. Автограф. Нині зберігається в Ін-ті літ-ри АН УРСР, від. рукоп.— Ф. 1.—Спр. 132. Опубл.: *Киевская* старина.— 1894.— № 2.— С. 321—322; Радянське літературознавство.— К., 1947.— Кн. 7/8.— С. 108; *Тарас Шевченко.* Повне зібр. творів. У 10 т.— К., 1957.— Т. 6.— С. 241.

№ 289

1850 р. травня 4.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО НАЧАЛЬНИКА КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ О. Є. ТІМАШОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДМОВУ ДОЗВОЛИТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ МАЛЮВАТИ

Его высокоблагор[о]дию А. Е. Тимашеву

4 мая 1850 г., № 879

Милостивый государь Александр Егорович!

Переданное мне вами письмо находящегося в Отдельном оренбургском корпусе рядового Шевченки о дозволении ему заниматься рисованием я имел честь докладывать г[-ну] генерал-адъютанту гр. Орлову. Его сиятельство, имея в виду, что так как в декабре 1849 г. на всеподданнейшее его о сем ходатайство высочайшего соизволения не последовало, то гр. Алексей Федорович не считает себя вправе входить с новым по сему предмету представлением.

Уведомляя о сем вас, милостивый государь, имею честь удостоверить вас в истинном моем почтении и преданности.

(Подписал) Л. Дубельт

Помітка: Полулист 102-й изъят из дела[222].

Ч. VI, арк. 103. Відпуск.

№ 290

1851 р. квітня 2.—ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Справка о рядовом Шевченке

В 1847 г. при производстве дела об Украйно-Славянском обществе пало подозрение в прикосновенности к этому делу на художиика Шевченко: ибо

многие из лиц, тогда обвинявшихся, были с ним в дружбе и в переписке, и у них найдены были стихотворения его самого дерзкого и возмутительного содержания.

Поэтому Шевченко был арестован, и хотя исследованием не доказано, чтобы он участвовал в составлявшемся Украйно-Славянском обществе, но обнаружено, что он, при нетрезвой и беспорядочной жизни, совершенно развратил ум свой. Сочиняя стихи на малороссийском языке, в одних он изображал Украйну в мнимом порабощении и в самом бедственном состоянии, возглашал о славе гетманского правления и прежней вольнице казачества, а в других старался клеветать на правительство наше или с невероятной дерзостию изливал желчь свою на русских и даже на особ императорского дома.

Стихи Шевченки были тем опаснее, что он между друзьями своими приобрел славу знаменитого писателя, и в Малороссии, где многие восхищались его сочинениями, могла распространиться мысль о мнимом блаженстве прежних времен и о возможности Украйне существовать в виде отдельного государства.

Для примера достаточно будет сделать несколько выписок из его стихотворений.

В одном он говорит: «Украйна спит в развалинах, главные гетманы умерли в муках, заклепанные в кандалах».

В другом: «Променяли мы свою добрую родину на пьяницу непотребную» (Россию).

В третьем: «Для чего боролись мы с ляхами, для чего резались с татарами, для чего из пушек коробили ребра москвитян, засевали ими поля и кровью поливали, и саблями боронили? Что ж на ниве уродилось? Трава, трава, воли нашей утрата!... Подрастут гетманы и может быть взойдут и выростут ножи обоюдоострые».

В стихотворении под названием «Сон» Шевченко представляет себя заснувшим и перенесенным сначала в Сибирь, потом в Москву и, наконец, в С.-Петербург. В Сибири он видит преступников в рудниках и цепях, гибнущих под ударами наказаний, в Москве описывает изнурение войск на параде, а в С.-Петербурге — собрание во дворце. Нигде клеветы его так не дерзки и не наглы, как при этом последнем описании, он прибегал ко всем едким и пасквильным выражениям, где только касалось до государя императора, и даже не щадил государыню императрицу. Дерзости эти столь велики, что здесь невозможно их выписывать.

Такие поступки Шевченки тем не простительнее, что он в 1838 г., во внимание к его успехам в живописи, был выкуплен из крепостного состояния на деньги, пожалованные особами августейшей фамилии, но он вместо того, чтобы вечно питать к ним благоговейные чувства, против них же во зло употреблял талант свой.

По высочайше утвержденному мнению шефа жандармов, Шевченко 30 мая 1847 г. определен рядовым в Отдельный оренбургский корпус с правом выслуги под строжайщий надзор с воспрещением писать и рисовать и с тем, чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений [223].

В июне 1850 г., когда Шевченко состоял рядовым в Оренбургском линейном № 5 батальоне, открылось, что он несмотря на высочайшее воспрещение, дозволял себе писать и рисовать, и ходил иногда в партикулярном платье. Между бумагами, тогда отобранными у него, оказалось письмо чиновника Левицкого, в котором наводилось сомнение, не существует ли доселе между малороссиянами тайное общество[224]. Впрочем, сомнение это ничем не подтвердилось, а другие бумаги Шевченки не заключали в себе ничего преступного, кроме того только, что на некоторых рисунках изображены им неблагопристойные сцены.

По высочайшему повелению 27 того же июня, сообщено военному министру, что если по исследованию, производимому военным начальством, более ничего не будет обнаружено, то достаточно рядовому Шевченке вменить в наказание содержание под арестом, строго внушив ему, чтобы он ни под каким видом не осмеливался нарушать высочайшего повеления, воспрещающего ему писать и рисовать, а ближайшему начальству поставить в обязанность иметь за исполнением этого и вообще за Шевченкою самое бдительное наблюдение.

III отделению неизвестно, что оказалось при дальнейшем исследовании этого дела по военному ведомству.

Помітка: Подлинная записка вручена ген[ерал]-ад[ъютанту] Перовскому по тому случаю, что его высокопревосходительство предполагал ходатайствовать о Шевченке.

2 апреля 1851 г.

Ч. VI, арк. 104—106. Відпуск.
Опубл.: *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С 76—78; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 384—385.

№ 291

1856 р. січня 26. — ВІДНОШЕННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ДО ДИРЕКТОРА КАНЦЕЛЯРІЇ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ О. О. БЕРТЬЄ З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО В ЙОГО РОЗПОРЯДЖЕННІ НЕМАЄ ВІДОМОСТЕЙ ПРО АВТОРА ВІРША «ЧУМАК» МИХАЙЛА ШЕВЧЕНКА

Секретно

Его превосходит[ельст]ву А. А. Берте
Г-ну директору канцелярии министра народного просвещения

26 января 1856 г., № 171

Управляющий III отделением с. е. и. в. канцелярии генерал-лейтенант Дубельт, свидетельствуя совершенное почтение его превосход[ительст]ву Александру Александровичу, имеет честь уведомить, что автор упоминаемого в возвращаемом при сем деле стихотворения «Чумак» Михайло Шевченко III отделению с. е. и. в. канцелярии не известен и что воспрещение рисовать и писать относится к Тарасу Шевченко, прикосновенному к производившемуся в 1847 г.[225] делу о Украйно-Славянском обществе.

Верно: титуляр[ный] советник В а с и л ь е в

Ч. VI, арк. 107. Відпуск.

№ 292

1857 р. [січня 25].— ЗАПИСКА Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ВІЙСЬКОВОГО МІНІСТРА З ПРИВОДУ ПОЛЕГШЕННЯ СТАНОВИЩА Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Секр[етно]

Г-ну воен[ному] м[инист]ру

От 21 июля № 1146 я имел честь относиться к в[аше]му выс[окопревосходительст]ву по предмету облегчения участи лиц, отданных за политические преступления и проступки в военную службу, упомянув между другими и о служащем в Отдельном оренбургском к[орпу]се бывшем художнике рядовом Тарасе Шевченке. Ныне ее им[ператорско]е выс[очест]во государыня великая княгиня Мария Николаевна[226], обращая внимание мое на судьбу Шев-

енки, который в 10 лет после наказания приведен к глубокому раскаянию в роступках молодости, происходивших наиболее от прежней его нетрезвой кизни, изволила присовокупить, что г-н командир Отдельного корпуса, добряя поведение Шевченки, готов, в случае запроса, дать о нем самый выодный отзыв.

Сообщая о сем ва[ше]му вы[сочест]ву, имею ч[есть] покорнейше просить очтить меня в свое время уведомлением, будет ли и какая милость исходайствована Шевченке по случаю предстоящих торжеств коронования.

ломітка: Князем лично передано военному министру.

I. VI, арк 108. Відпуск.

№ 293

1857 р. травня, не раніше 1.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО УВІЛЬНЕННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ВІД ВІЙСЬКОВОЇ СЛУЖБИ

1 мая 1857 г. высочайше повелено: рядового Оренбургского линейного № 1 батальона Тараса Шевченку уволить от службы с учреждением за ним там, где он будет жить, надзора, впредь до совершенного удостоверения о его благонадежности, с воспрещением ему въезда в обе столицы и жительства в них.

См. отношение военного министра к шефу жандармов от 1 мая 1857 г. № 2754 — в деле 1856 г. № 133, часть 4-я о милостях, находящимся в военной службе.

I. VI, арк. 109. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 193; *Анісов В., Середа Є.* Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка.— С. 215—216; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 80; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 424.

№ 294

1858 р. січня 15.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА ІМПЕРАТОРСЬКОГО ДВОРА В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ДО III ВІДДІЛЕННЯ З ПРИВОДУ КЛОПОТАННЯ ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМІЇ ХУДОЖЕСТВ К-НІ МАРІЇ МИКОЛАЇВНИ ПРО ДОЗВІЛ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ ЖИТИ У ПЕТЕРБУРЗІ

Г-ну главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии

5 генваря 1858, № 270, С.-Петербург

Бывший художник Академии художеств Шевченко, по участию его в еле Костомарова и Кулиша, был записан в военную службу рядовым и, о прослужении в оной десяти лет, получил всемилостивейшее дозволение роживать везде, кроме столиц.

Ныне ее императорское высочество, президент императорской Академии удожеств отнеслась ко мне об исходатайствовании высочайшего разрешения а дозволение Шевченко жить в С.-Петербурге по примеру, как таковою илостию воспользовались Костомаров и Кулиш.

Предварительно всеподданнейшего моего о сем доклада, имею честь обратиться к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою о сообщении мне правки из дела Костомарова и Кулиша, к коему прикосновен был и Шевенко.

Министр императорского двора гр. Адлерберг

езолюція: Сообщить. Справку, графом опрошен[н]ую. 17 января
омітка про одержання: 16 января 1858 г.

VI, арк. 110. Оригінал.
ублік.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 200—201 (з датою 25. I 1858 р.); *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 443—444.

№ 295

1858 р. січня 17.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО Т. Г. ШЕВЧЕНКА, П. О. КУЛІША І М. І. КОСТОМАРОВА

Справки

1. В 1847 г., при производстве дела об Украйно-славянском обществе и вследствие подозрения в прикосновенности к этому делу художника Шевченко, он был арестован. Дознанием, сделанным тогда, не было доказано, чтобы Шевченко участвовал в означенном обществе. но обнаружено, что он, при нетрезвой и беспорядочной жизни, совершенно развратил ум свой, что, сочиняя стихи на малороссийском языке, он не только изображал в них Малороссию в порабощенном состоянии, презренно отзывался о России и представлял мнимые истязания преступников в Сибири, но с дерзостию и в самых едких, пасквильных выражениях касался особы государя императора и даже ее величества государыни императрицы.

Такие поступки Шевченки представлялись тем более непростительными, что он в 1838 г., во внимание к его успехам в живописи, был выкуплен из крепостного состояния на деньги, пожалованные особами августейшей фамилии, и по высочайше утвержденному в мае месяце 1847 г. мнению шефа жандармов Шевченко отправлен был рядовым, с правом выслуги, в Отдельный оренбургский корпус под строжайший надзор, с воспрещением писать и рисовать и под наблюдением, чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений.

Несмотря, однако, на это, в 1850 г. открылось, что он, находясь на службе в означенном корпусе, дозволял себе писать и рисовать, и на некоторых рисунках его изображены были сцены неблагопристойные. Вследствие сего, по высочайшему повелению, подтверждено было распоряжение о строжайшем наблюдении за ним.

В мае 1857 г., по всеподданнейшему военного министра докладу представления командира Оренбургского корпуса и ходатайства ее императорского высочества президента Академии художеств, высочайше повелено уволить Шевченко от службы, с учреждением за ним в месте его жительства надзора и с воспрещением въезда в обе столицы и жительства в оных [227].

2. Кулиш и Костомаров принадлежали к вышесказанному делу об Украйно-славянском обществе и по мере их виновности заключены были в здешнюю крепость, где первый из них содержался три месяца, а последний год, по освобождении из крепости, они отправлены были на службу: Кулиш в Тулу, а Костомаров в Саратов с воспрещением служить по ученой части и с установлением за ними строжайшего надзора. Кроме того, Кулишу воспрещено было писать, также ездить в Малороссию и за границу; в 1850 г. учрежденный за Кулишом надзор прекращен: ему дозволено жить и служить, где пожелает, не исключая столиц и Малороссии [228].

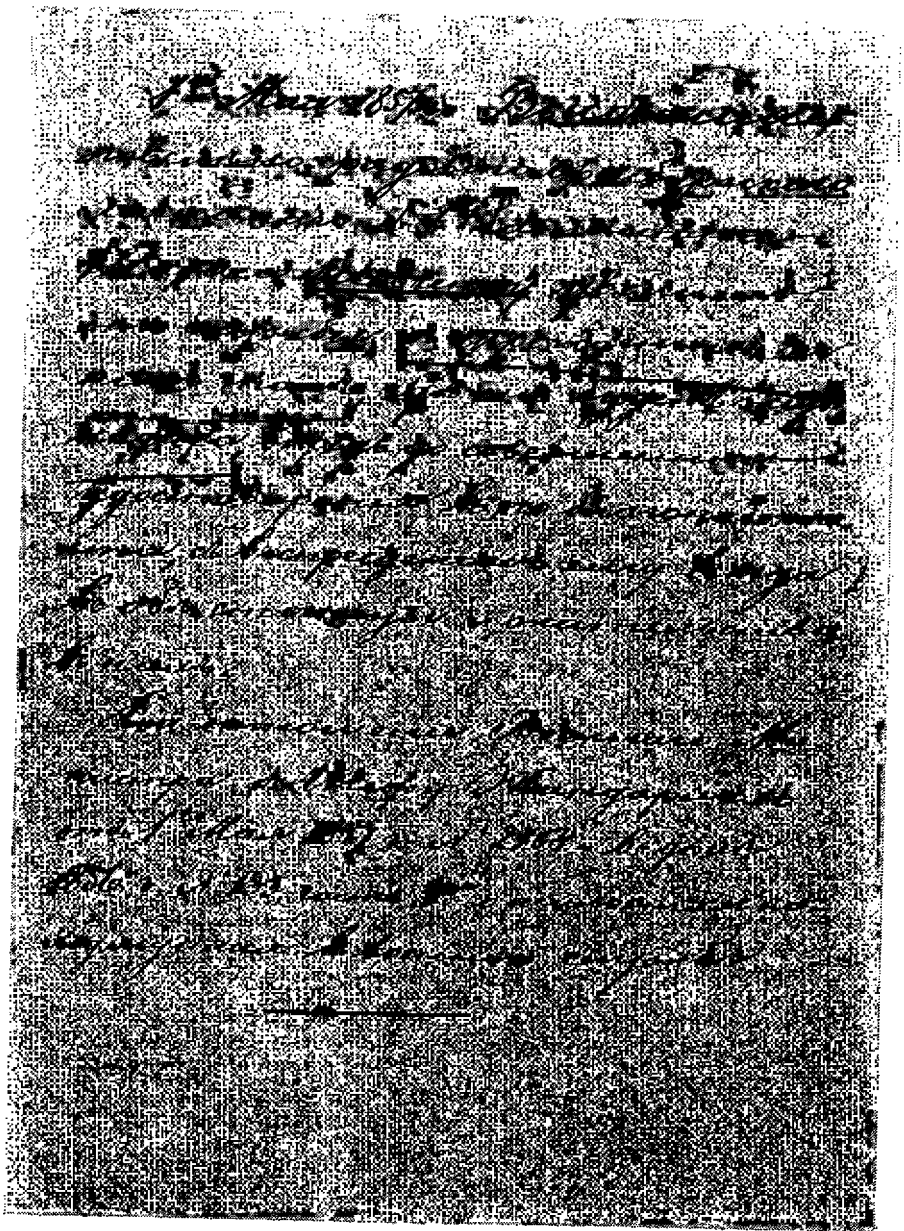
В 1855 г. освобожден от надзора с теми же правами и Костомаров [229].

Потом разрешено им печатать свои сочинения, по рассмотрении оных обыкновенным порядком в цензурном комитете с тем только, чтобы на оные обращаемо было строжайшее внимание.

Из всех ограничений, которым были подвергнуты Кулиш и Костомаров, остались в своей силе до сего времени только воспрещение служить по ученой части.

17 января 1858

Ч. VI, арк. 111—112. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 444—445.



Довідка III відділення про увільнення Т. Г. Шевченка від військової служби

№ 296

1858 р. січня 18.— ВІДНОШЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО МІНІСТРА ІМПЕРАТОРСЬКОГО ДВОРУ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПРИНАЛЕЖНІСТЬ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ДО КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКОГО ТОВАРИСТВА

Секретно

Г-ну м[инист]ру императорского двора

18 января 1858 г., № 158

Вследствие отношения в[аше]го с[иятельст]ва за № 270[230] имею честь уведомить, что отставной рядовой Шевченко прикосновен был к производившемуся в 1847 г. в III отделении с. е. и. в. канцелярии делу об Украйно-славянском обществе, имевшем целью, кроме ученых исследований, соединение славянских племен в одно государство[231]. Вместе с тем[232] считаю долгом препроводить к в[ашем]у с[иятельст]ву записку, заключающую в себе требуемые вами сведения как о Шевченке, так и о бывших: адъюнкте проф. Костомарове и учителе Кулише, которые принадлежали к помянутому обществу.

О последствиях же предполагаемого вами всеподданнейшего доклада о Шевченке, не угодно ли будет в[ашем]у с[иятельст]ву почтить меня в свое время уведомлением.

Ген[ерал]-ад[ъютант] кн. Долгоруков

Ч. VI, арк. 113. Відпуск.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 445.

№ 297

1859 р. лютого 2.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА ІМПЕРАТОРСЬКОГО ДВОРУ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА З ВИКЛАДОМ ПОВЕЛІННЯ ЦАРЯ З ПРИВОДУ ДОЗВОЛУ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ ЖИТИ В ПЕТЕРБУРЗІ

Г-ну главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии

2 февраля 1858, № 630, С.-Петербург

О бывшем художнике Шевченко

По всеподданнейшему докладу моему известного вашему сиятельству отношения ко мне ее императорского высочества президента Академии художеств, о дозволении бывшему художнику Академии Шевченко жить в С.-Петербурге, государь император высочайше повелеть мне изволил: отношение ее императорского высочества передать вашему сиятельству для доклада его величеству с вашим, милостивый государь, по одному заключению.

Вследствие сего, имея честь препроводить к вам копию с означенного отношения[233], покорнейше прошу ваше сиятельство о последующем меня уведомить.

Миннстр императорского двора гр. Адлерберг

Помітка про одержання: 4 февраля 1858 г.

Ч. VI, арк 114. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 201; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 446.

№ 298

1857 р. грудня 29.— ВІДНОШЕННЯ ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМІЇ ХУДОЖЕСТВ К-НІ МАРІЇ МИКОЛАЇВНИ ДО МІНІСТРА ІМПЕРАТОРСЬКОГО ДВОРУ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА З ПРОХАННЯМ КЛОПОТАТИСЬ ПЕРЕД ЦАРЕМ ПРО ДОЗВІЛ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ ЖИТИ В ПЕТЕРБУРЗІ

Копия с отношения ее императорского высочества, президента Академии художеств к г-ну министру императорского двора

от 29 декабря 1857 г. за № 1600

Бывший художник императорской Академии художеств Шевченко, по участию его в деле Костомарова и Кулиша, был записан в военную службу рядовым, где и пробыл 10 лет и после того, по моему ходатайству, он всемилостивейше освобожден от военной службы, с дозволением жить везде, где пожелает, кроме столиц.

Так как Шевченко, дотоле известный своим замечательным талантом живописи, отправляя службу рядового, отвык от самых обыкновенных приемов своего искусства, а между тем в настоящее время оно одно только может доставить ему средства материальной жизни и духовного обновления, для чего необходимо ему жить в С.-Петербурге, чтобы посещать классы академии, упражняясь в уроках живописи, то, вследствие сего, и имея в виду, что сообщники Шевченко: Костомаров и Кулиш пользуются дозволением проживать в столицах, я прошу Ваше сиятельство не оставить своим ходатайством перед государем императором о всемилостивейшем его и. в. изволении на дозволение Шевченке жить в С.-Петербурге, чтобы посещать классы академии для усовершенствования в художестве, и о последующей высочайшей воле меня уведомить.

Начальник отделення Гознев

Ч. VI, арк. 115. Копія.
Опубл: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 200 (з підписом «Президент»); *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 441—442.

№ 299

1858 р. лютого 4.— ВИСНОВОК III ВІДДІЛЕННЯ ПРО МОЖЛИВІСТЬ ДОЗВОЛИТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ ЖИТИ В ПЕТЕРБУРЗІ, АЛЕ ПІД СУВОРИМ ПОЛІЦЕЙСЬКИМ НАГЛЯДОМ

Ее императорское высочество, президент Академии художеств, желая предоставить отставному рядовому Шевченко возможность посещать классы Академии для усовершенствования в живописи, изволила просить министра императорского двора исходатайствовать Шевченке всемилостивейшее дозволение проживать в С.-Петербурге подобно тому, как это дозволено Костомарову и Кулишу, которые были обвинены по одному с ним делу.

В отношении своем об этом ее высочество изволила сообщать, что Шевченко известный до определения его в военную службу своим замечательным талантом к живописи, отправляя долгое время службу рядового, отвык от самых обыкновенных приемов своего искусства, а между тем ныне оно одно только может доставить ему средства материальной жизни и духовного обновления, для чего необходимо ему жить в С.-Петербурге, чтобы посещать классы академии для упражнения в уроках живописи.

Вследствие такового отношения, генерал-адъютант гр. Адлерберг просил ваше сиятельство сообщить ему справку о Шевченке, также о Костомарове и Кулише.

По сообщении ему представляемой при сем справки[234], он повергал означенное ходатайство на высочайшее воззрение и вследствие того государь император изволил повелеть: помянутое отношение ее высочества передать вашему сиятельству, для всеподданнейшего доклада, с вашим по оному заключением.

Соображение. Во внимание к участию, каким изволит удостаивать рядового Шевченко ее императорское высочество III отделение полагало бы возможным испросить ему разрешение проживать здесь и посещать классы академии с тем, однако, чтобы он подвергнут был здесь строгому полицейскому надзору и чтобы начальство Академии художеств имело должное наблюдение, дабы он не обращал во зло своего таланта.

4 февраля 1858

Резолюції В. А. Долгорукова: Высочайше разрешено исполнить согласно соображению, о чем поставить гр. Адлерберга в известность 5 февраля. По прибытии Шевченко в С.-Петербург призвать его ко мне.

Ч. VI, арк. 116, 117. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 202—203; *Анісов В., Середа Є.* Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка.— С. 265 (частково); *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 447—448.

№ 300

1858 р. лютого 5.— ВІДНОШЕННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ДО МІНІСТРА ІМПЕРАТОРСЬКОГО ДВОРУ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ПРО ДОЗВІЛ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ ЖИТИ В ПЕТЕРБУРЗІ И ВІДВІДУВАТИ КЛАСИ АКАДЕМІІ ХУДОЖЕСТВ ПІД СУВОРИМ НАГЛЯДОМ ПОЛІЦІЇ

Секретно

Г-ну министру императорского двора

5 февраля 1858 г., № 305

По всеподданнейшему докладу моему сообщенного мне в отношении вашего сиятельства от 2-го сего месяца за № 630 [235] ходатайства ее императорского высочества президента Академии художеств, о дозволении отставному рядовому Шевченко проживать в С.-Петербурге и для усовершенствования в живописи посещать классы академии, государь император всемилостивейше соизволил на сие ходатайство, с тем, однако, что[бы] Шевченко был подвергнут здесь строгому полицейскому надзору и чтобы начальство Академии художеств имело должное наблюдение, дабы он не обращал во зло своего таланта.

Сообщая о сем [вашему] сиятельству, имею честь для сделания надлежащих распоряжений к разрешению Шевченко приезда в С.-Петербург, покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], почтить меня уведомлением, где именно находится он ныне; сведения о сем, вероятно, имеются в помянутой академии.

Генерал-адъютант кн. Долгоруков

Ч. VI, арк. 118. Копія.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 203; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С 448—449.

Т. Г. Шевченко. Автопортрет. 1857 р.

№ 301

1858 р. лютого 12.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА ІМПЕРАТОРСЬКОГО ДВОРУ В. Ф. АДЛЕРБЕРГА ДО НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО ПРОЖИВАННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА В НИЖНЬОМУ НОВГОРОДІ

Г-ну главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии

12 февраля 1858, № 775, С.-Петербург

Ответ на № 305

Сообщив ее императорскому высочеству президенту императорской Академии художеств о содержании отношения вашего сиятельства ко мне от 5 сего февраля[236] об отставном рядовом Шевченко, имею честь уведомить вас, милостивый государь, что он проживает ныне, как донес мне г-н вице-президент академии, в Нижнем Новгороде.

Министр императорского двора гр. Адлерберг

Помітка про одержання: 13 февраля 1858 г.

Ч. VI, арк. 119. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 204; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 451.

№ 302

1858 р. лютого 13.— ВІДНОШЕННЯ НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ С. С. ЛАНСЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ДОЗВІЛ ЦАРЯ ЖИТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ В ПЕТЕРБУРЗІ

Секрет[но]

Г-ну м[инист]ру в[нутренни]х дел

13 февраля 1858 г., № 383

Художник Тарас Шевченко отдан был в 1847 г.[237], по высочайшему повелению, в военную службу с назначением рядовым в Отдельный оренбургский корпус.

В мае прошедшего года всемилостивейше разрешено уволить его от службы с учреждением за ним в месте его жительства иадзора и с воспрещением ему въезда в столицы.

Ныне, по всеподданнейшему докладу моему ходатайства ее и[мператорско]го высочества президента Академии художеств, г[осуда]рь и[мперато]р изволил всемилостивейше разрешить отставному рядовому Шевченко проживать в С.-Петербурге и для усовершенствования в живописи посещать классы помянутой академии, с тем, однако, чтобы он подвергнут был здесь строгому полицейскому надзору и чтобы начальство академии имело должное наблюдение, дабы он не обращал во зло своего таланта к живописи.

О таковой высочайшей воле, сообщенной мною г-ну м[инист]ру императорского двора, имею честь, для зависящих распоряжений по дозволению Шевченко приезда в С.-П[етер]бург и учреждению здесь помянутого надзора, уведомить В[аше] в[ысочеств]во и считаю долгом присовокупить, что он в настоящее время проживает в Нижнем Новгороде.

Г[енерал]-а[дъютант] кн. Долгоруков

Ч. VI, арк. 120. Відпуск.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 205; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 451—452.

№ 303

1858 р. лютого 13.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА КЕРУЮЧОМУ 1-М ОКРУГОМ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ ЛИВЕНЦОВУ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА Т. Г. ШЕВЧЕНКОМ

Секретно

13 февраля 1858 г., № 384

Управляющему 1 округом к[орпу]са ж[андармов] г-ну г[енерал]-м[айору] Ливенцову
[...] к живописи[238].

Сделав надлежащее распоряжение к исполнению сего, предлагаю В[ашему] п[ревосходительст]ву секретное наблюдение и со стороны к[орпуса] ж[андармов].

Г[енерал]-а[дъютант] кн. Долгоруков

Ч. VI, арк. 120. Відпуск.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 452.

№ 304

1858 р. квітня 15.— ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО ТЕ, ЩО ВІН ПОПЕРЕДИВ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, ЯК ВІН ПОВИНЕН СЕБЕ ВЕСТИ У ПЕТЕРБУРЗІ

В 1-ю экспед[ицию]

Ко мне явился Шевченко, которому я дал относительно поведения его здесь надлежащие наставления и твердо обещал, что он не избегнет подобной участи, если снова совратится с пути истинного. Иметь это в виду. Шевчеико живет в доме гр. Уварова, в Б[ольшой] Морской у сов[етника] губ[ернского] правления Лазаревского[239], который заведует делами графа.

15 апреля

Ч. VI, арк. 121, 122. Оригінал.
Опубл.: *Анісов В., Середа Є.* Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка.— С. 283.

№ 305

1858 р. квітня 28.— ЗАПИСКА ВІД ІМЕНІ МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ С. С. ЛАНСЬКОГО НАЧАЛЬНИКОВІ III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВУ ПРО НАДІСЛАННЯ ДОНЕСЕННЯ НИЖНЬОНОВГОРОДСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА ПРО ВИЇЗД Т. Г. ШЕВЧЕНКА, ЯКОМУ ДОЗВОЛЕНО ПОВЕРНУТИСЯ ДО ПЕТЕРБУРГА

Секретно

28 апреля 1858 г., № 1791

Его сият[ельст]ву кн. В. А. Долгорукову

Министр внутренних дел, свидетельствуя совершенное почтение его сиятельству кн. Василию Андреевичу, имеет честь препроводить при сем донесение начальнпка Нижегородской губ. за № 49 о находившемся там

под надзором полиции художнике Шевченке, коему разрешено отправиться в С.-Петербург; покорнейше прося бумагу эту, по миновании в ней надобности, приказать возвратить.

Резолюція В. А. Долгорукова: Возвратить, приложить ми[нист]ру внутр[енни]х дел 29 апреля

Помітка про одержання: 30 апреля 1858 г.

Ч. VI, арк. 123. Оригінал.
Опубл: *Т. Г. Шевченко* Документи та матеріали до біографії.— С. 455.

№ 306

1858 р. квітня 30.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ВІД ІМЕНІ В. А. ДОЛГОРУКОВА МІНІСТРУ ВНУТРІШНІХ СПРАВ С. С. ЛАНСЬКОМУ ПРО ПОВЕРНЕННЯ ДОНЕСЕННЯ НИЖНЬОНОВГОРОДСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА, В ЯКОМУ ПОВІДОМЛЯЄТЬСЯ ПРО ВИЇЗД Т. Г. ШЕВЧЕНКА З НИЖНЬОГО НОВГОРОДА ДО ПЕТЕРБУРГА

Его высокопр[евосходительств]у С. С. Ланскому

30 апреля 1858 г., № 894

Главный начальник III отделения с. е. и. в. канцелярии г[енерал]-а[дъютант] кн. Долгоруков, свидетельствуя совершенное почтение его высокопре[восходительст]ву Сергею Степановичу, имеет честь препровожденное при записке за № 1791 донесение начальника Нижегородской губ. о выезде оттуда в С.-Петербург находившегося там под надзором полиции художника Шевченка, возвратить его высокопре[восходительст]ву.

Ч. VI, арк. 124. Відпуск.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 455.

№ 307

1858 р. жовтня 18.— ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО ТЕ, ЩО Т. Г. ШЕВЧЕНКО ПРИХОДИВ ДО III ВІДДІЛЕННЯ І ПОВІДОМИВ, ЩО ВІН НЕ ПЕРЕДАВАВ СВОЇХ РУКОПИСІВ І. ГОЛОВІНУ

Шевченко живет в Академии художеств на квартире у гр. Толстого[240]. Он приходил сказать мне, что Головин намеревается печатать за границей его сочинения и заверяет, что он рукописей никаких ему не передавал. Сочинения же его были, как он говорит, напечатаны до 1847 г. и затем запрещены.

Представить мне справку как об этом обстоятельстве, так и о самой сущности его сочинений.

18 окт[ября]

Помітка В. А. Долгорукова: Доложено его величеству. 19 октября.

Ч. VI, арк. 125, 126. Оригінал.
Опубл : *Прийма Ф. Я.* Шевченко і вільна російська преса.— Збірник праць п'ятої наукової шевченківської конференції.— К., 1957.— С 175: *Кирилюк Є. П.* Т. Г. Шевченко Життя і творчість.— К., 1959.— С. 528; 2-е изд.— К., 1964.— С. 535 (укр. мова); *Анісов В., Середа Є.* Літопис життя і творчості Т Г Шевченка.— С. 290: *Ткаченко М. М.* Літопис життя і творчості Т. Г Шевченка. — К., 1961.— С. 233; *Кирилюк Є. П., Шабліовський Є. С., Шубравський В. С.* Т. Г. Шевченко. Біографія.— К., 1964.— С. 449; *Бородін В. С.* Т Г. Шевченко і царська цензура.— С. 107.

№ 308

1858 р. жовтня 18.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА НАВЕСТИ ДОВІДКУ ПРО ТВОРИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Навести справку о сочинениях Шевченки, которые были напечатаны прежде удаления его из С.-Пет[ербу]рга.

До[лгоруков]

Ч. VI, арк. 127. Оригінал.
Опубл.: *Анісов В., Середа Є.* Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка.— С. 290. *Бородін В. С.* Т. Г. Шевченко і царська цензура.— С. 108.

№ 309

1858 р. жовтня 18.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ЗМІСТ ОСНОВНИХ ТВОРІВ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, ВИДАНИХ ДО 1847 р.

Сочинения Шевченки относились преимущественно к Украйне; он описывал славу гетманских времен и прежнюю вольницу казачества.

В этом духе было и сочинение его «Кобзарь» (нищий бандурист), которое было напечатано и 1847 г., по окончании дела об Украйно-Славинском обществе, по высочайшему повелению, запрещено. В таком же духе была большая часть его стихотворений, ходившая по рукам в рукописях; в стихотворениях сих он воспевал прежнюю свободу Малороссии, выражал скорбь о утрате оной и т. п.

Из рукописных его сочинений более замечательно по вредному направлению стихотворение его «Сон». Здесь Шевченко представлял себя заснувшим и перенесенным сначала в Сибирь, потом в Москву и, наконец, в С.-Петербург. В Сибири он видит преступников в рудниках и цепях, гибнувших под ударами наказаний; в Москве описывает изнурение войск на параде, а в С.-Петербурге — собрание во дворце. В собрании сем, по его словам, ждали государя императора с трепетом, и когда он вышел, все вельможи, молча, окружили его; разговор шел об отечестве, петлицах и последних маневрах; каждый старался стать ближе к императору, чтобы удостоиться получить от него пощечину или хотя полпощечины; государь подошел к самому старшему, ткнул его в лицо; вельможа, с своей стороны, ткнул следующего за ним, этот следующего, и, так[им] обр[азом], толчек сверху обошел всех — от первого до стоявшего у дверей, а в собрании раздалось: «Ура! ура, ура!» В другом месте казаки выражаются у него: «О царю поганый, царю проклятый, лукавый, аспиде несытый!» Шевченко прибегает ко всем едким и пасквильным выражениям, где только касается государя императора и вообще русских. В конце «Сна» он представлял себя перед памятником, воздвигнутым Петру I Екатериной II, и изливает желчь свою как на того, так и на другую, говоря, что Петр I подавил свободу Малороссии, а Екатерина II довершила начатое им.

18 октября 1858 г.

Ч. VI, арк. 128, 129. Оригінал.
Опубл.: *Бородін В. С.* Т. Г. Шевченко і царська цензура.— С. 108—109, *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 456—457.

№ 310

1858 р. жовтня 27.— ЛИСТ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ДО НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА З ПРОХАННЯМ ЗНЯТИ ЗАБОРОНУ НА ДРУКУВАННЯ ЙОГО ТВОРІВ

Его сиятельству кн. В. А. Долгорукову

Милостивый государь, кн. Василий Андреевич!

Вашему сиятельству известно, что в 1847 г. я был присужден к продолжительному наказанию за неосторожные стихи, написанные мною в минуты душевного огорчения такими явлениями, о которых я не имел права судить публично, по существующим постановлениям, и не имел возможности судить основательно, по удалению моему от центра правительствующей власти. Вполне сознаю свои заблуждения и желал бы, чтобы преступные стихи мои покрылись вечным забвением. Десять лет прошло с того времени. В такой продолжительный период и дети становятся людьми, мыслящими основательно. Поэтому надобно предположить, что и в моей бедной голове больше установилось порядка, если не прибавилось ума. На основании этого естественного предположения, покорно прошу ваше сиятельство, как представителя верховной власти в известной сфере дел, смотреть на меня как на человека нового и не смешивать меня с тем Шевченком, который имел несчастие навлечь на себя своими р у к о п и с я м и праведный гнев в бозе почившего государя императора.

Возвращенный в столицу великодушием августейшего его сына, я увидел во многом перемены необыкновенные, истинно благодетельные для отечества и, между прочим (что лично для меня особенно важно), нашел людей, которые подверглись гневу правительства в одно время со мною, действующими ныне на литературном поприще для общей пользы. Таковы Н. И. Костомаров и П. А. Кулиш, которым в 1847 г. было запрещено печатать свои сочинения. Мало того: даже сочинения эмигранта Мицкевича, по высочайшей благодетельной воле, позволено печатать в пределах империи. Согласитесь, ваше сиятельство, что эти отрадные явления должны внушить и мне надежду на милость нашего великого монарха. Я потерпел наказание собственно за мои р у к о п и с и, которых никогда не пожелаю видеть в печати. Что же касается до печатных моих сочинений, то они и во время моей солдатской службы продолжали ходить по рукам и продаваться тайком букинистами, а запрещение наложено было на них, так сказать, зауряд, для усиления моего наказания. Возвратясь теперь в Академию художеств, я подвергаюсь естественному следствию десятилетнего моего отсутствия — б е д н о с т и, из которой не могут извлечь меня отсталые труды мои по части живописи,— тем более, что мне уже 48[241] лет и что мое зрение с каждым месяцем ослабевает. Если вашему сиятельству угодно будет обратить благосклонное внимание на все мною изложенное, то вы согласитесь, что, прося вас снять с моих книг запрещение, я прошу только дозволить мне пользоваться литературными правами предшествовавшего царствования и постановлениями тогдашней цензуры, которая, как известно, была гораздо строже нынешней, я прошу дозволить мне на старости иметь кусок насущного хлеба от моих молодых трудов, признанных цензурою безвредными даже и до благодетельного воцарения нашего великого монарха. Осмеливаюсь прибавить, что просьба моя кажется мне уважительною по одному тому уже, что ее исполнение будет соответствовать характеру всех милостей царских, которые изливаются на его подданных от полноты его благодушия в смысле божественных слов

«п р о щ у и н е п о м я н у», и что в моем положении не будет противоречия с понятием о великодушии монаршем.

С глубоким почтением имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

Т. Шевченко

27 октября 1858 г.

Жительство мое в Академии художеств.

Резолюція: Навести справку о сочинениях Шевченка, которые были напечатаны прежде удаления его из Петербурга. 29 октября.
Помітка про одержання: 28 октября 1858 г.

Ч. VI, арк. 130—131. Оригінал. Нині зберігається в Ін-ті літ-ри ім Т. Г. Шевченка АН УРСР, від. рукоп.— Ф. 1.— Спр. 131.
Опубл.: *Русская* мысль.— 1898.— Кн. 6.— С. 200—201; *Тарас Шевченко.* Повне зібрання творів: У 10 т.— Т. 6.— К., 1957.— С. 241—243; *Т Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 457—459.

№ 311

1858 р. листопада 4.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ У ЗВ'ЯЗКУ З ОДЕРЖАННЯМ ЛИСТА Т. Г. ШЕВЧЕНКА З ПРОХАННЯМ ЗНЯТИ ЗАБОРОНУ НА ДРУКУВАННЯ ЙОГО ТВОРІВ

Справки

1. Художник Шевченко прикосновен был к производившемуся в 1847 г. делу об Украйно-Славянском обществе. Хотя по следствию он не оказался участником этого общества, но было обнаружено, что он при нетрезвой и беспорядочной жизни совершенно развратил ум свой и, сочиняя стихи на малороссийском языке, не только изображал в них Малороссию в порабощенном состоянии и презренно отзывался о России, но с дерзостию и в самых оскорбительных выражениях говорил об особах государя императора и государыни императрицы. Стихотворения эти были у него в рукописях.

По высочайше утвержденному в мае месяце 1847 г. мнению генерал-адъютанта кн. Орлова, отправлен он был рядовым в Отдельный оренбургский корпус, под строжайший надзор, с воспрещением писать и рисовать и под наблюдением, чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений. При этом также повелено было запретить и изъять из продажи изданные прежде сочинения как Шевченки под названием «Кобзарь» [242], так и принадлежавших к помянутому обществу Кулиша и Костомарова.

В 1857 г. Шевченко уволен от службы, с продолжением за ним надзора и с воспрещением въезда в обе столицы, а в феврале сего года, вследствие ходатайства ее и. в. президента Академии художеств, и по всеподданнейшему докладу вашего сиятельства высочайше разрешено Шевченке проживать в С.-Петербурге и для усовершенствования в живописи посещать классы академии, с тем, однако, чтобы он подвергнут был и здесь строгому полицейскому надзору и чтобы начальство Академии имело должное наблюдение, дабы он не обращал во зло своего талаита.

2. Некоторые сочинения Кулиша [243] и Костомарова [244] также, как выше сказано, подвергнуты были запрещению, кроме того, Кулишу воспрещено было писать, но в апреле месяце 1856 г., по докладу III отделения, высочайше разрешено Кулишу продолжать литературные занятия и печатать свои сочинения, по рассмотрении оных на общем основании в цензуре, с тем. однако, чтобы цензор обращал на сочинения его строжайшее внимание.

3. В августе 1857 г., по всеподданиейшему докладу министра народного просвещения сообщенной ему вашим сиятельством просьбы опекуна над детьми поэта Мицкевича, государь император в виде особой монаршей милости высочайше повелеть соизволил: представить детям Мицкевича в России и Царстве Польском право литературной собственности на произведения их отца, могущие быть допущенными цензурою [245].

Соображение. Ежели ваше сиятельство изволите признать возможным исходатайствовать Шевченке высочайшее разрешение продолжать литературные занятия, то, по мнению III отделения, необходимо сделать распоряжение, чтобы со стороны цензурного комитета, при рассмотрении его сочинений, обращаемо было на оные строжайшее внимание, в особенности на прежде изданные им, которые, как видно из его письма, он желает вновь печатать.

4 ноября 1858 г. . . . .

Помітка: На письмо Шевченки к В. А. Долгорукову

27 ок[тября] 1858 г.

Ч. VI, арк. 132—134. Оригінал.
Опубл.: *Бородін В. С.* Т. Г. Шевченко і царська цензура.— С. 109—110; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С 459—460.

№ 312

1858 р. грудня, не пізніше 10.— ВІДНОШЕННЯ ГОЛОВНОГО УПРАВЛІННЯ ЦЕНЗУРИ ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО МОЖЛИВІСТЬ ДОЗВОЛИТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ ДРУКУВАТИ СВОЇ ТВОРИ, АЛЕ ТІЛЬКИ ПІСЛЯ СУВОРОЇ ЦЕНЗУРИ

В главном управлении цензуры имеется сведение только о стихотворениях г-на Шевченки, под названием «Кобзарь», напечатанных в 1840 г., и, по высочайшему повелению, запрещенных и изъятых из продажи. Как напечатанные уже сочинения г-на Шевченки, так и могущие быть им написанными, можно бы дозволить представлять в цензуру, и если она, по строгом рассмотрении их, не встретит препятствий, допускать оные к печати.

Резолюція В. А. Долгорукова: Пер[едать] 10 декабря.

Помітка: Приказано оставить.

Ч. VI, арк. 135. Оригінал.
Опубл.: *Бородін В. С.* Т. Г. Шевченко і царська цензура.— С. 111—112; *Т.Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 461.

№ 313

1859 р. січня, не пізніше 19.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПОДАННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВУ ДОВІДКИ ПРО Т. Г. ШЕВЧЕНКА І ВИПИСОК З ЙОГО ТВОРІВ

При сем представляются: справки о Шевченке и извлечение из его сочинений.

Резолюція В. А. Долгорукова: Пер[едать] 19 января.

Помітка В. А. Долгорукова: Я просил г-на министра просвещения предварительно приказать стихотворения Шевченки рассмотреть со всей строгостию частным образом и затем о последующем меня уведомить.

21 января

Д[олгоруков]

Ч. VI, арк. 136. Відпуск.
Опубл.: *Бородін В. С.* Т. Г. Шевченко і царська цензура.— С. 116; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С 466.

№ 314

1859 р. січня 16.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ Є. П. КОВАЛЕВСЬКОГО ДО III ВІДДІЛЕННЯ З ЗАПИТАННЯМ, ЧИ МОЖУТЬ БУТИ ЗНОВУ ПІДДАНІ ЦЕНЗУРНОМУ РОЗГЛЯДОВІ РАНІШЕ ОПУБЛІКОВАНІ ТВОРИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Г-ну главному начальнику над III отделением с. е. и. в. канцелярии
16 января 1859 г., № 142

О стихотворениях Т. Шевченко «Кобзарь» и «Гайдамаки»

Художник, отставной рядовой Тарас Григорьев сын Шевченко, вошел в С.-Петербургский цензурный комитет с прошением, в котором изъясняет, что он, Шевченко, получил высочайшее соизволение для проживания в столице, но, нуждаясь в дневном пропитании, просит дозволить ему новое издание напечатанных его сочинений под заглавием «Кобзарь» и «Гайдамаки», которых книгу представил при упомянутом прошении. В конце сей книги напечатано еще стихотворение «Гамалия».

В исполнение высочайшего повеления, объявленного предместником Вашего сиятельства генерал-адъютантом кн. Орловым бывшему министру народного просвещения гр. Уварову от 30 мая 1847 г. за № 89 [246] по делу об Украйно-Славянском обществе, сделано было между прочим распоряжение по цензурному ведомству министерства народного просвещения о недозволении к перепечатыванию новым изданием напечатанных в 1840 г. в С.-Петербурге сочинений Шевченко под названием «Чигиринский кобзарь» и «Гайдамаки».

Вследствие сего, имея честь препроводить у сего вышеозначенную книжку стихотворений Тараса Шевченко, я обращаюсь к вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою, почтить меня сообщением вашего мнения: могут ли в настоящее время быть подвергнуты вновь цензурному рассмотрению вышесказанные сочинения Шевченко для нового издания их, с некоторыми исключениями и изменениями, какие признаны будут нужными со стороны цензуры.

Министр народного просвещения Е. Ковалевский
Директор А. Берте

Помітка про одержання: 17 января 1859 г.

Ч. VI, арк. 137, 138. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 209; *Бородін В. С.* Т. Г. Шевченко і царська цензура.— С. 115; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 465—466.

№ 315

1859 р. січня 25.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ Є. П. КОВАЛЕВСЬКОГО ДО НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО «ЧИГИРИНСЬКИЙ КОБЗАР» І «ГАЙДАМАКИ» БУЛО ДОРУЧЕНО РОЗГЛЯНУТИ ЧЛЕНОВІ ГОЛОВНОГО УПРАВЛІННЯ ЦЕНЗУРИ О. Г. ТРОЙНИЦЬКОМУ І ПРО ТЕ, ЩО ВІН ПОДІЛЯЄ ВИСНОВОК ЦЕНЗОРА

Его сиятельству кн. В. А. Долгорукову

Милостивый государь кн. Василий Андреевич!

Согласно желанию вашего сиятельства, я пригласил члена главного управления цензуры, действительного статского советника Тройницкого, рассмотреть частным образом сочинения Т. Шевченко под заглавиями «Коб-

зарь» и «Гайдамаки». Г-н Тройницкий полагает, что эти сочинения могут быть одобрены к новому изданию, кроме первой песни в поэме «Чигиринский кобзарь». Причины, на которых г-н Тройницкий основывает свое мнение, ваше сиятельство изволит усмотреть из прилагаемой у сего копии с его записки. Я с своей стороны, вполне разделяю его мнение.

Препровождая при сем экземпляр сочинений Шевченко, имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностью вашего сиятельства покорнейший слуга

Е. Ковалевский

25 января 1859 г.

Помітка про одержання: 28 января 1859 г.

Ч. VI, арк. 139. Оригінал.
Опубл.: *Бородін В. С.* Т. Г. Шевченко і царська цензура.— С. 118; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 469.

№ 316

1859 р. січня 23 [247].— ВИСНОВОК ЦЕНЗОРА О. Г. ТРОЇНИЦЬКОГО ПРО МОЖЛИВІСТЬ ДОЗВОЛИТИ ДРУГЕ ВИДАННЯ «КОБЗАРЯ» І «ГАЙДАМАКІВ», ЗА ВИНЯТКОМ ВІРША «ДУМИ МОЇ, ДУМИ МОЇ»

О втором издании поэм Шевченко

По поручению г-на министра народного просвещения я прочитал со вниманием представленные ко второму изданию две поэмы на малороссийском языке Т. Г. Шевченко под заглавием: «Чигиринский Кобзарь» и «Гайдамаки», к коим присоединено и стихотворение «Гамалия».

Первая из этих поэм состоит из 8-ми отдельных и не образующих собственно одного целого песен, в которых воспоминаются былые времена Малороссии и борьба казачества с бывшими его врагами. В первой из этих песен — «Думы мои, думы мои» — слишком горько высказывается скорбь автора об уничтожении казачьей вольности, над могилою которой, по словам его, «орел черный сторожем литае», и грусть его на чужбине, т. е. на севере России, по родине его — Украйне. Эту песню я полагал бы за лучшее исключить вовсе из второго издания поэм Шевченки: в ней нет почти особо предосудительных стихов, кроме разве вышеприведенных, но общая мысль ее враждебна слиянию Малороссии с Великороссиею. Исключение этой песни, служащей как бы только предисловием к поэмам, не повредит целости творений поэта, а между тем отстранит тяжелую мысль, что он ставит и Россию в числе бывших врагов Украйны. Следующие затем семь песен, элегического содержания, не представляют ничего противного правилам цензуры, хотя в последней из них — «Катерына» — и горько выражается упрек русскому, соблазнившему и потом жестоко покинувшему молодую малороссиянку, но в ней нет направления, враждебного целому народу. Эти семь песен тем беспрепятственнее могут быть дозволены, по моему мнению, ко вторичному напечатанию, что встречающиеся в них ряды точек дают повод предполагать об исключении, при первоначальном цензировании стихов, содержавших предосудительные выражения или мысли.

Поэма «Гайдамаки» в живых и поэтических картинах воспроизводит эпизоды старинной борьбы Украйны с Польшею. В первой половине ее изображается страшное разорение Украйны поляками и евреями, а во второй — кровавая месть малороссийских наездников, гайдамаков над теми и другими. Картины эти вообще мрачны и унылы, как и предмет, ими описываемый, но в этих изображениях событий, давно уже перешедших в область истории, я не встретил ничего несогласного с правилами цензуры.

Стихотворение «Гамалия» поэтически передает рассказ об одном из ачьих набегов на Турцию.

Как поэма «Гайдамаки», так и стихотворение «Гамалия» могут быть бес-епятственно разрешены, по моему мнению, ко второму изданию.

но: секретарь канцелярии министра народного просвещения Л. Добровольский

VI, арк. 140—141. Копія.
бл.: *Стороженко Н.* Мелочи для биографии Т. Шевченко // Русская мысль[248].— 1898.— № 6.— 01—202; *Стороженко Н.* Из области литературы.— М., 1902.— С. 458—459; *Данилов В.* К цен-ой истории сочинений Т. Г. Шевченко // Начала[249].— 1922.— № 2.— С. 241—243; *Боро-В. С.* Т. Г Шевченко і царська цензура.— С. 116—117; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали біографії.— С. 468—469.

№ 317

1859 р. січня 28.— ВІДНОШЕННЯ НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ П. КОВАЛЕВСЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО З БОКУ III ВІДДІЛЕННЯ НЕМАЄ ЗАПЕРЕЧЕНЬ ПРОТИ НАДАННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ ДОЗВОЛУ НА ПЕРЕВИДАННЯ ЙОГО ТВОРІВ ПІСЛЯ ПОВТОРНОЇ ЦЕНЗУРИ

Г-ну м[инист]ру народного просвещения

января 1859 г., № 193

Вследствие отношения в[аше]го п[ревосходительст]ва за № 142[250], ею честь уведомить, что к изданию напечатанных прежде сочинений ху-ника Шевченко я с своей стороны препятствий не встречаю с тем, чтобы ые были вновь подвергнуты цензурному рассмотрению и чтобы при ом обращено было особенное внимание на поэму «Чигиринский коб-ь».

Г[енерал]-а[дъютант] кн. Долгоруков

VI, арк. 142. Відпуск.
бл: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 210; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали біографії.— С. 470; *Бородін В. С.* Шевченко і царська цензура.— С. 119.

№ 318

1859 р. січня 29.— РОЗПИСКА Т. Г. ШЕВЧЕНКА, ВИДАНА III ВІДДІЛЕННЮ ПРО ОДЕРЖАННЯ НАЗАД ПОРТФЕЛЯ З РИСУНКАМИ[251]

Портфель с моими рисунками получил обратно из третьего отделения величества канцелярии

Т. Шевченко

), генваря 29.

'1, арк. 143. Автограф. Нині зберігається в Ін-ті літ-ри ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР, від. ру-— Ф. 1.— Спр. 505.
бл: *Глобус*[252].— 1925.— № 5.— С 106; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах. — С. 211 (з о 23 січня 1959); *Тарас Шевченко.* Повне зібр. творів: У 10 т.— Т. 6.— С. 243.

№ 319

1859 р. травня 20.— ВІДНОШЕННЯ О. В. АДЛЕРБЕРГА ДО НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКУ ВИЇХАТИ ДО КИЇВСЬКОЇ, ЧЕРНІГІВСЬКОЇ, ПОЛТАВСЬКОЇ ГУБЕРНІЙ

Его сият[ельст]ву кн. В. А. Долгорукову

20 мая 1859, № 2736, Царское село

Милостивый государь кн. Василий Андреевич!

Бывший вице-президент императорской Академии художеств гр. Толстой вошел к г-ну министру императорского двора с представлением о просьбе отставного рядового художника Шевченки о дозволении ему отправиться на пять месяцев в губернии: Киевскую, Черниговскую и Полтавскую для поправления здоровья и для рисования с натуры этюдов, присовокупляя, что он, Шевченко, занимаясь с особенным успехом живописью, и в особенности гравированием на меди иглою, не подверг себя ни малейшему со стороны академического начальства замечанию в отношении поведения и образа мыслей.

Имея в виду, что высочайшее разрешение означенному художнику проживать в С.-Петербурге, с тем, чтобы он подвергнут был здесь строгому полицейскому надзору, последовало по всеподданнейшему докладу вашим сиятельством, сообщенного вам гр. Владимиром Федоровичем от 2 февраля минувшего года за № 630, ходатайства ее императорского высочества президента академии, я покорнейше прошу вас, милостивый государь, уведомить меня, полагаете ли возможным удовлетворить вышеизложенную просьбу Шевченки?

К сему имею честь присовокупить, что на увольнение его в вышеупомянутые губернии ее высочество изволили изъявить согласие[253].

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

гр. Александр Адлерберг

Резолюція В. А. Долгорукова: Уведомить, что препятствий нет, а между тем надлежит за Шевченкою предварить местное жандармское начальство. 23 мая.

Ч. VI, арк. 144, 145. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 213—214: *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 480—481.

№ 320

1859 р. травня 23.— ВІДНОШЕННЯ НАЧАЛЬНИКА III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО О. В. АДЛЕРБЕРГА З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО З ЙОГО БОКУ НЕМАЄ ЗАПЕРЕЧЕНЬ ПРОТИ НАДАННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ ДОЗВОЛУ ВИЇХАТИ НА УКРАЇНУ

Его с[иятельст]ву гр. А. В. Адлербергу

23 мая 1859 г., № 1076

М[илостивый] г[осударь] гр. Александр Владимирович!

Вследствие отношения в[аше]го с[иятельст]ва за № 2736[254] имею честь уведомить, что к удовлетворению просьбы художника Шевченко о дозволении ему отъезда в Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губ. для поправления

здоровья и рисования с натуры этюдов я с своей стороны препятствия не встречаю.

Примите, м[илостивый] г[осударь], уве[ренне] в сов[ершенном] моем почт[ении] и искр[енной] пред[анности]

Кн. Долгоруков

Ч. VI, арк. 146. Відпуск.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 214; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 85; *Ткаченко М. М.* Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка.— С. 245

№ 321

1859 р. травня 23.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ПІДПОЛКОВНИКОВІ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ КИЇВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ І. С. ГРИБОВСЬКОМУ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ ЗА Т. Г. ШЕВЧЕНКОМ ПІД ЧАС ЙОГО ПЕРЕБУВАННЯ НА УКРАЇНІ

Секрет[но]

Г-ну подполк[овнику] к[орпуса] ж[андармов] Грибовскому

23 мая 1859 г., № 1077

Художник Тарас Шевченко отдан был в 1847[255] г., по высочайшему повелению, в военную службу. В 1857г. всемилостивейше разрешено уволить его в отставку с учреждением за ним в месте его жительства надзора, а в прошедшем году дозволено ему проживать в С.-Петербурге и для усовершенствования в живописи посещать классы Академии художеств с тем, однако, чтобы он подвергнут был здесь строгому полицейскому надзору и чтобы начальство Академии имело наблюдение, дабы он своего таланта не обращал во зло.

Ныне он отправляется в Киевскую, Полтавскую и Черниговскую губ. для поправления здоровья и рисования с натуры этюдов.

По порученню г-на г[енерал]-а[дъютанта] кн. Долгорукова считаю долгом сообщить о сем в[ашем]у в[ысокоблагоро]дию для должного с вашей стороны наблюдения за художником Шевченко во время пребывания его в Киевской губ.

Т[айный] с[оветник] Попов[256]

Ч. VI, арк. 147. Відпуск.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 215; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 85—86; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 481.

№ 322

1859 р. липня 26.— ДОНЕСЕННЯ ПІДПОЛКОВНИКА КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ КИЇВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ І. С. ГРИБОВСЬКОГО III ВІДДІЛЕННЮ ПРО АНТИРЕЛІГІЙНІ ВИСЛОВЛЮВАННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ТА НАКАЗ ВІДПРАВИТИ ЙОГО ДО КИЄВА

Секретно

Шефу жандармов г-ну генерал-адъютанту и кавалеру кн. Долгорукову 1-му

26 июля 1859 г., № 155

О художнике Шевченке

Состоящий под секретным надзором и находящийся в Черкасском уезде художник Тарас Шевченко, 12 числа сего месяца прибывши в м. Межиричи для покупки пустопорожнего места на постройку себе усадьбы, пригласил служащих в Межиричской экономии дворян Вольского, Козловского, Хилинского, [Мо]лендского и полесовщика крестьянина Тимофея

Садового. После выбора у[доб]ного места для постройки усадьбы Шевченко угощал всех этих лиц водкой, между же завязавшимся разговором беседующих Шевченко, держа в руках сорванный листок с липового дерева, который, показывая полесовщику, спросил его, кто создал этот листок? Полесовщик отвечал: «бог». На этот ответ Шевченко стал бранить полесовщика, произнося страшное богохульство, утверждая, что нет бога, а матерь божию называл покрыткою[257], признавая только верование в Иисуса Христа и то не как в бога, а как в человека, умом своим заслужившим вечное между людьми уважение к нему. От богохульства своего Шевченко отрекается, но он действительно произносил вышесказанные слова, будучи в то время в нетрезвом виде, и по этому случаю по распоряжению его сиятельства г-на генерал-губернатора Шевченко требуется в Киев.

О чем для начальничьего сведения вашего сиятельства приемлю честь почтительнейше доложить.

Подполковник Грибовский

Резолюція В. А. Долгорукова: Иметь в виду зап[роси]ть, какие ограничения сняты последними разрешениями с художника Шевченко. 4 августа.

Помітка про одержання: 5 августа 1859 г.

Ч. VI, арк. 148, 149. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 225—226; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 88—89. *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 503—504.

№ 323

1859 р. серпня 5.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Справка

Художнику Шевченке в феврале 1858 г. дозволено проживать в С.-Петербурге и посещать классы Академии художеств с тем, чтобы он подвергнут был здесь строгому полицейскому надзору и чтобы начальство академии имело должное наблюдение, дабы он не обращал во зло своего таланта.

Вначале сего года он, по сношению с вашим сиятельством министра императорского двора, уволен для поправления здоровья и для рисования с натуры этюдов в Киевскую, Полтавскую и Черниговскую губ. Об этом сообщено, для учреждения за ним со стороны корпуса жандармов надлежащего наблюдения, местным штаб-офицерам.

5 августа 1859

Резолюція В. А. Долгорукова: Написать подполковнику Грибовскому, чтобы он в докладе кн. Васильчикову сообщил мне то, что покажет Шевченко в Киеве. 6 августа.

Ч. VI, арк. 150. Оригінал.
Опубл.: *Тарас Шевченко* Документи і матеріали.— С. 89; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 506—507.

№ 324

1859 р. серпня 7.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ПІДПОЛКОВНИКОВІ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ КИЇВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ І. С. ГРИБОВСЬКОМУ ПРО НАДІСЛАННЯ СВІДЧЕНЬ, ЯКІ БУДУТЬ ДАНІ Т. Г. ШЕВЧЕНКОМ У ЗВ'ЯЗКУ З ОБВИНУВАЧЕННЯМ ЙОГО В «БОГОХУЛЬСТВІ»

Секретно

Г-ну подполковнику корпуса жандармов Грибовскому

' августа 1859 г., № 1485

Вследствие записки вашего высокоблагородия за № 155[258] и по поручению г-иа генерал-адъютанта кн. Долгорукова, прошу вас, по предварительном докладе г-ну киевскому военному губернатору, сообщить кн. Василию Андреевичу показания, какие будут даны в Киеве художником Шевченко относительно богохульных рассуждений его, изложенных в помянутой записке.

Подписал за отсутствием управляющего отделением тайный советник П о п о в

Ч. VI, арк. 151. Відпуск.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 229—230; *Т. Г.Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 509.

№ 325

1859 р. серпня 15.— ВІДНОШЕННЯ КИЇВСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА І. І. ВАСИЛЬЧИКОВА НАЧАЛЬНИКОВІ III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВУ ПРО ЗАТРИМАННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ТА НЕБАЖАНІСТЬ ЙОГО ПЕРЕБУВАННЯ НА УКРАЇНІ

Секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии г-ну генерал-адъютанту кн. Долгорукову

:5 августа 1859 г., № 3183, Киев

С разрешения президента Академии художеств ее императорского высочества государыни великой княгини Марии Николаевны прибыл в Киевскую губ. в временный отпуск академик Тарас Шевченко, сочинявший возмутительные и в высшей степени дерзкие стихотворения, и определенный было за это в 1847 г. рядовым в Оренбургский отдельный корпус.

Вскоре по прибытии его сюда получено было мною сведение, что он предполагает строить в с. Пекарях, Черкасского уезда, дом для себя и что при избрании места для дома Шевченко угощал водкою бывших при этом экономических служителей и вел неуместный разговор, в котором отвергал будто существование бога и святость пресвятой девы.

Как подобный разговор мог возбудить толки, то я приказал доставить Шевченка в Киев и поручил одному из состоящих при мне чиновников особых поручений допросить Шевченка.

В объяснении своем Шевченко изложил, что, желая купить в Черкасском уезде между г. Каневом и с. Пекари у помещика Межиричского[259] имения Парчевского[260] кусок земли для водворения на постоянное жительство, он совместно с землемером поехал для измерения избрания им места; ради производства работ прибыл к ним некто Козловский[261] в странном костюме, над которым он, Шевченко, начал подсмеиваться; за завтраком Козловский завел с ним богословский разговор; в цели прекращения это-

го разговора, Шевченко сказал, что теология без живого бога не в состоянии создать даже древесного листка, потом Козловский опять спросил Шевченка, что он думает о матери Иисуса Христа, на что Шевченко ответил: перед матерью, родившею нам спасителя, который пострадал и умер за нас на кресте, мы все должны благоговеть, если бы она не родила его, то была бы обыкновенная женщина.

Чиновник, отбиравший прописанное объяснение, удостоверяет, что Шевченко, сколько можно заключить из наблюдений над ним и из суждений его о разных предметах, предан, безусловно, вере предков своих и что в нем заметно даже врожденное, вовсе им не скрываемое, пренебрежение ко всему латинскому и польскому.

Соображая объяснение Шевченки, я прихожу к заключению, что взведенное на него обвинение могло возникнуть по недоразумению лиц, пред которыми он вел разговор, или, быть может, вызвано и неудовольствием, возбужденным им к себе насмешкою над Козловским и резкими ответами на разговоры его о богословии.

Потому, не придавая делу этому особого значения, я оставляю его без последствий и разрешил Шевченке, согласно изъявленному им желанию, возвратиться в С.-Петербург.

О вышеизложенном долгом поставляю довести до сведения вашего сиятельства. К сему имею честь присовокупить, что если бы Шевченко пожелал поселиться в здешнем крае, то я полагал бы отклонить его намерение. Водворение его здесь я не почитаю удобным не потому, чтобы он возбуждал опасение прежним его политическим поведением, но по той причине, что он известен здесь как человек, скомпрометировавший себя в политическом отношении, поступки его и слова некоторые лица могут истолковывать в ином смысле, придавать им особенное значение и возбуждать на него подозрения и обвинения, подобно описанному выше случаю.

Генерал-губернатор кн. Васильчиков

Резолюція В. А. Долгорукова: Несмотря на все здесь изложенное, призвать Шевченку и, сдалав ему строгое внушение, присовокупить, чтобы он был весьма осторожен; в противном случае, чтобы он не пенял на нас за те последствия, которым он может подвергнуться. 23 августа.

Помітка: Справиться, возвратился ли Шевченко, и если возвратился, то пригласить в четверг. 24 августа.
Помітка про одержання: 25 августа 1859 г.

Ч. VI, арк. 152, 153. Оригінал.
Опубл.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 230—232; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 92—93; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 513—515.

№ 326

1859 р. вересня 1.— ДОНЕСЕННЯ ПІДПОЛКОВНИКА КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ КИЇВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ І. С. ГРИБОВСЬКОГО НАЧАЛЬНИКОВІ III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВУ ПРО НАДІСЛАННЯ КОПІЇ ПОЯСНЕННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА У ЗВ'ЯЗКУ З ОБВИНУВАЧЕННЯМ ЙОГО В «БОГОХУЛЬСТВІ»

Секретно

Шефу жандармов г-ну генерал-адъютанту и кавалеру кн. Долгорукову 1-му

1 сентября 1859 г., № 188, Киев

За небытностию г-на генерал-губернатора в Киеве, во время полученного секретного предписания от 7-го числа прошлого августа за № 1485[262], ныне же, по возвращении его сиятельства г-на генерал-адъютанта кн. Василь-

чикова, я приемлю честь представить при сем на благоусмотрение вашего сиятельства копию с отобранного в Киеве от академика Шевченки объяснения по предмету богохульных его рассуждений.

Подполковник Грибовский

Помітка: [нерозбірливо]

Помітка про одержання: 11 сентября 1859 г.

Ч. VI, арк. 154. Оригінал.
Опубл.: *Исторический* вестник.— 1896.— Кн. 4/5— С. 900; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 519.

№ 327

1859 р. серпня 6.— ПОЯСНЕННЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, ДАНЕ ЗА НАКАЗОМ КИЇВСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ЧИНОВНИКОВІ ОСОБЛИВИХ ДОРУЧЕНЬ М. О. АНДРІЄВСЬКОМУ ПРО ПОЇЗДКУ НА УКРАЇНУ

Копия с объяснения Академии художеств, академика Тараса Шевченка, данного на основании предписания г-на киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора, чиновнику особых поручений коллежскому советнику Андриевскому

Августа 6 дня 1859 г.

Из Петербурга приехал я в Киевскую губ. с целью повидаться с родственниками и приобрести небольшой кусок земли, где бы можно было водвориться на постоянное жительство. Когда нашел я желаемое место между г. Каневом и с. Пекари, в имении помещика Парчевского, то взявши у управляющего имением его, Вольского, в местечке Межиричи, землемера, отправился туда, чтобы отмерять землю, сколько надобно. Это случилось между 10-м и 13-м числом июля[263]. Землемер, взявши с собою двух рабочих, имена коих упомнил, приехал на место, но не успел он кончить измерения, как приехал к нам брат управляющего и привез с собою родственника землемера, какого-то Козловского в фраке и белых перчатках. Увидев такого франта между гор и лесу, я невольно захохотал и долго еще продолжал подсмеиваться над ним; заметив же, что он не умеет отвечать на шутку шуткою, я попросил у него извинения и, окончивши работу, пригласил его закусить под липу, здесь же находились и два рабочие и, вероятно, слышали наш разговор, но сколько они его понимали — не знаю, потому что мы разговаривали по-польски, рабочие эти из с. Пекарей крестьяне помещика Парчевского. Во время завтрака г-н Козловский завел со мною какой-то богословский разговор на польском языке; чтобы прекратить этот разговор, я ему сказал по-русски, что теология без живого бога не в состоянии создать даже этого липового листка, и при этом вырвал листок с липы и показал ему. Козловский замолчал, минут несколько спустя он обратился ко мне с вопросом на русском языке: как я думаю о матери Иисуса Христа. Подобный вопрос меня смутил и, не зная как отвечать ему на него, я в свою очередь его спросил, что он сам думает о пречистой деве. Он так долго искал ответа, что я, не дождавшись его, в нетерпении сказал: «Перед матерью, родившей нам спасителя, который пострадал и умер за нас на кресте, мы все должны, как истинные христиане благоговеть, иначе, если бы она не родила его, она была бы обыкновенная женщина».

На другой день выехал я из местечка Межиричи в Городищенский завод подполковника Яхненка и С[и]миренко[264], прогостивши у них сутки, поехал я в местечко Корсунь и в с. Кирилловку, Звенигородского уезда, для свидания с своими братьями, оттуда возвратился я опять в местечко Межиричи, чтобы

лично условиться с помещиком Парчевским о покупке земли, но, не дождавшись его, выехал из оного местечка в с. Пекари, а оттуда, переправившись через Днепр, пошел я в с. Прохоровку Полтавской губ. к бывшему профессору и ректору Университета св. Владимира г-ну Максимовичу; не дошедши несколько шагов до его сада, меня догнал становой пристав с местечка Мошны Киевской губ. с несколькими десятниками и тысяцким и, арестовав меня, привез в оное местечко, не объяснивши причины, по какому праву он это сделал; на другой день поутру в квартире станового увиделся я с черкасским исправником и жандармским офицером, которые мне сказали, что будто бы я в местечке Межиричи в нетрезвом виде богохульствовал,— при этом находились тут же и еще каких-то два чиновника. Меня это так изумило и рассмешило, что я не нашел нужным объясняться с ними, когда же жандармский офицер сказал, что он донесет об этом киевскому генерал-губернатору, то я тут же просил его взять меня с собою в Киев, так как он в тот же день отправлялся туда, в чем он мне отказал, якобы за неименнем места в экипаже. На другой день, т. е. 18 июля, был я препровожден в г. Черкассы, где несколько дней просил г-на исправника, чтобы он отпустил меня на честное слово в Киев; но он отказал мне в моей просьбе. Тогда я написал письмо к вышеупомянутому жандармскому офицеру Крижицкому, в котором изложил все, что и теперь излагаю, предположив, что он покажет мое письмо его сиятельству г-ну генерал-губернатору, кн. Васильчикову. Исправник же, получив предписание киевского гражданского губернатора, отправил меня с сотским в Киев. Не уверяю, но предполагаю, что вся эта история произошла вследствие бессильного мщения г-на Козловского. Если не будет принято во внимание мое показание, то прошу, в удостоверении справедливости сказанного мною здесь, сделать строгое расследование.

Подписал академик Т. Шевченко

Кроме сего, Шевченко собственноручно добавил: К сему присовокупляю, что брат управляющего Вольского и землемер были тут же, но в разговоре не участвовали. Имени землемера не припомню, не знаю также, чиновник ли он или просто шляхтич; фамилия его Хилинский, а лет ему будет за пятьдесят.

Подписал: академик Т. Шевченко

Объяснение отбирал коллежский советник Андриевский

С подлинным верно: Корпуса жандармов подполковник *Грибовский*

Ч. VI, арк. 155—157 Копія.
Опубл: *Киевская старина.*— 1898.— № 3.— С. 432—434; *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 227—229; *Тарас Шевченко.* Документи і матеріали.— С. 89—91; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 507—509

№ 328

1862 р. лютого 8.— ЛИСТ НАЧАЛЬНИКА ШТАБУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ О. Л. ПОТАПОВА ДО В. Д. ЄВРЕЇНОВА З ЗАПИТАННЯМ, ЩО СТАЛО ПРИЧИНОЮ ЧУТОК ПРО ВИКЛЮЧЕННЯ З ПАМ'ЯТНИКА «ТИСЯЧОЛІТТЯ РОСІЇ» БАРЕЛЬЄФА Т. Г. ШЕВЧЕНКА

Секретно

Его пр[евосходительств]у В. Д. Евреинову

8 февраля 1862, № 307

Милостивый государь Вячеслав Дмитриевич!

В последнее время распространился слух, будто бы покойный литератор Шевченко, изображение которого предназначено к помещению в памятнике «Тысячелетие России», исключен ныне из числа фигур этого памятника.

Имею честь покорнейше просить ваше пр[евосходительст]во почтить еня уведомлением, что могло быть, по вашему мнению, поводом подобного луха, и не производилась ли какая-либо переписка по этому предмету.

Примите, м[илостивый] г[осударь], уверение в истинном моем почтении совершенной преданности.

Подписал: Александр Потапов [265]
Верно: кол[лежский] рег[истратор] [266]

. VI, арк. 158. Відпуск.
публ.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 314

№ 329

1862 р. лютого 10.— ЛИСТ В. Д. ЄВРЕІНОВА ДО О. Л. ПОТАПОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО ЦАР ЗАБОРОНИВ ВКЛЮЧИТИ БАРЕЛЬЄФ Т. Г. ШЕВЧЕНКА В ПАМ'ЯТНИК «ТИСЯЧОЛІТТЯ РОСІЙСЬКОЇ ДЕРЖАВИ»

Его превосходительству А. Л. Потапову [267]

Милостивый государь Александр Львович!

По письму вашего превосходительства 8 сего февраля[268] имею честь увеомить, что в первоначальном утвержденном его величеством списке лиц для омещения на барельефе памятника «Тысячелетие Российского государста» литератора Шевченка, бывший еще в живых, поэтому уже не мог быть ключен. После же смерти его возбужден был вопрос о изображении его в яду известнейших русских писателей, но вследствие поданной об этом осударю императору частной записки его величеству не угодно было изъяить на то свое согласие. Об этом решении последовало официальное прикаание и за тем изображение Шевченко на барельефе помещено не будет.

Прошу принять, милостивый государь, уверение в истивном почтении совершенной преданности.

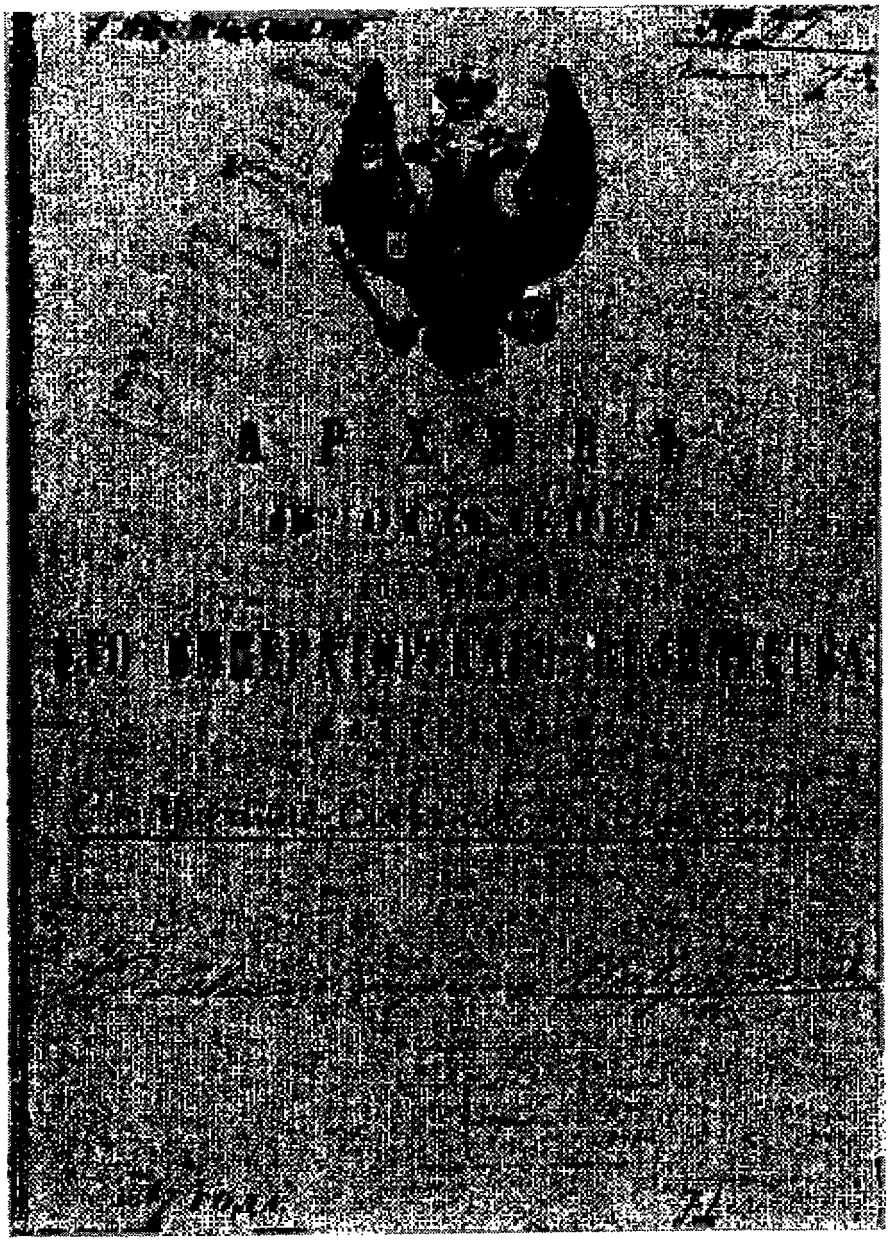
В. Евреинов

Помітка про одержання: 10 февраля 1862 г.

. VI, арк. 159. Автограф.
публ.: *Т. Г. Шевченко* в документах і матеріалах.— С. 315.

ЧАСТИНА СЬОМА

СПРАВА
О. О. НАВРОЦЬКОГО



№ 330

1847 р. березня 20.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ЧЕРНІГІВСЬКОГО, ПОЛТАВСЬКОГО І ХАРКІВСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА М. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО ДОСТАВЛЕННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО В III ВІДДІЛЕННЯ

Весьма секретное и нужное

Его сиятельству кн. Н. А. Долгорукову

:0 марта 1847, № 438

Милостивый государь кн. Николай Андреевич!

По встретившейся чрезвычайной надобности снять весьма важные показания с бывшего студента университета св. Владимира Александра Навроцкого, который в недавнем времени отправился из Киева в Полтаву, для определения на службу. Государь император высочайше мне повелеть соизволил покорнейше просить ваше сиятельство, дабы вы приказали немедленно задержать Навроцкого, все бумаги его, не рассматривая на месте, тщательно опечатать, и, вместе с сими бумагами, тотчас отправить его в С.-Петербург, в сопровождении самого благонадежного и верного чиновника, вменив сему последнему в найстрожайшую обязанность иметь в пути самый бдительный надзор за Навроцким, а по прибытии в С.-Петербург, представить его в III отделение с. е. и. в. канцелярии; и как настоящее дело требует особенной тайны, то и благоволите принять меры, дабы означенные распоряжения совершились самым секретным образом и чтобы сколько возможно не распространилась молва об арестовании и отправлении сюда Навроцкого.

Исполняя сим высочайшую волю его и. в., имею честь удостоверить и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

І. VII, арк. 2—3. Відпуск.

№ 331

1847 р. квітня 3.— ВІДНОШЕННЯ ПОЛТАВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. ОЗНОБИШИНА ДО III ВІДДІЛЕННЯ З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО В ПЕТЕРБУРГ

Весьма секретно

Г-ну начальнику штаба корпуса жандармов

.преля 3 дня 1847 г., № 30, Полтава

Согласно отношению г-на шефа жандармов от 20 прошлого марта за № 438 [1], сообщенному мне г-ном черниговским, полтавским и харьковским енерал-губернатором, бывшего студента университета св. Владимира лександра Навроцкого, со всеми его бумагами и вещами, при сем с адъютаном его сиятельства г-ном штаб-ротмистром Палицыным в сопровождении одого жандарма к вашему превосходительству препроводить честь имею; ричем считаю долгом сообщить, что г-ну адъютанту Палицыну прогоны от арькова чрез Полтаву до С.-Петербурга и обратно на 6 лошадей и на поздку его от Полтавы до Золотоноши и обратно, где находился Навроцкий,

на 3 лошади, равно суточные на 14 дней всего 435 руб. 41/2 коп. серебром выданы мною из экстраординарной суммы, о возвращении которых покорнейше прошу ваше превосходительство сделать зависящее от вас распоряжение, и о последующем не оставить меня своим уведомлением.

Гражданский губернатор Основишин

Помітка: Переписка о требовании денег находится в 1-й части украйнославянского дела[2].

Ч. VII, арк. 4. Оригінал.

№ 332

1847 р. квітня 10.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА ІІІ ВІДДІЛЕННЯМ ШТАБС-РОТМІСТРУ ПАЛІЦИНУ, ПРО ПРИЙНЯТТЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО І ЙОГО ПАПЕРІВ ТА РЕЧЕЙ

Квитанция

Дана сия штабс-ротмистру Палицыну в том, что доставленный им из Полтавы студент Навроцкий с бумагами и вещами принят во всей исправности в III отделение с. е. и. в. канцелярии 10 апреля 1847 г.

Подписал старший чиновник Попов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. VII, арк. 5. Копія.

№ 333

1847 р. квітня 12.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ПОЛТАВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. ОЗНОБИШИНА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО В ІІІ ВІДДІЛЕННЯ І ПРО ПОВЕРНЕННЯ ПРОГОННИХ І ДОБОВИХ ГРОШЕЙ

Секретно

Полтавскому гр[аждан]скому] губернатору Ознобишину

12 апреля 1847, № 580

М[илостивый] г[осударь] Николай Ильич!

Вследствие отношения вашего пр[евосходительст]ва от 3 апреля, №30[3], имею честь уведомить, что препровожденный при оном бывший студент Навроцкий с его бумагами и вещами, в сопровождении штабс-ротмистра Палицына и одного жандарма, доставлен в III отд[еление] с. е. в. канцелярии, и что об отпуске вашему пр[евосходительст]ву, в возврат выданных вами по сему случаю прогонных и суточных денег, всего 435 руб. $4^1/_2$ коп. сер[ебром], я ныне же отнесся к г-ну министру финансов[4]. Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. VII, арк. 6. Відпуск.

№ 334

1847 р. квітня 10.— ЗАПИСКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО В ПЕТЕРБУРГ ТА РОЗГЛЯД ВІДІБРАНИХ У НЬОГО РУКОПИСІВ, СЕРЕД ЯКИХ ВИЯВЛЕНО ВІРШ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «СМЕРТЬ ПОЕТА»

В 11 часу вечера 10 апреля доставлен в III отделение с. е. и. в. канцелярии, привезенный из Полтавы, бывший студент Киевского университета, Навроцкий.

При нем оказалось весьма мало бумаг, и из них запрещенные только одни стихи Лермонтова на смерть Пушкина[5], за которые Лермонтов в 1837 г. был переведен из гвардии в Отдельный Кавказский корпус. Прочие бумаги состоят из песен и рассказов любовного содержания и ни в каком отношении не подозрительных.

Между вещами его нет ни кольца, ни образа св. Кирилла и Мефодия.

10 апреля 1847

Ч. VII, арк 7. Оригінал.

№ 335

1847 р. квітня [10].— ВИСНОВОК ДІЙСНОГО СТАТСЬКОГО РАДНИКА М. Е. ПИСАРЄВА ПРО ЗМІСТ ТВОРУ П. О. КУЛІША «СІЧОВІ ГОСТІ (СПОМИНКА СТАРОГО ДІДА)», ВІДІБРАНОГО В О. О. НАВРОЦЬКОГО ПІД ЧАС ЙОГО АРЕШТУ

Рукопись «Гайдамаки»[6] заключает в себе два рассказа самовидца — казака, бывшего в отряде кн. Любомирского, который начальствовал польскими войсками в Полонном, по всей вероятности, в конце XVII столетия.

Первый рассказ о том, как войско кн. Любомирского окружило однажды шайку гайдамаков или наездников, составленную под начальством казака Чуприны, из запорожцев и других бродяг, и каким образом часть гайдамаков при сем случае спаслась, прорвавшись сквозь ряды поляков, а прочие, и в том числе Чуприна, погибли.

Второй рассказ о том, каким образом самовидец этот послан был Любомирским разведать, где скрывается другая разбойничья шайка гайдамаков, грабивших окрестные места под начальством казака Чертоуса, как он отыскал эту шайку, к ней присоединился, потом ушел с ночлега, для донесения Любомирскому; наконец, каким образом Любомирский окружил гайдамаков в указанном месте и как они погибли, вместе с Чертоусом от ядер и картечи польского отряда.

В южно-западных губерниях и Малороссии есть следующее обыкновение: во время ярмарок, когда собирается много народа, является непременно какой-нибудь старик, который рассказывает, или поет песню о каком-либо происшествии из истории борьбы казаков с поляками и татарами, другие слушают. Помянутые два рассказа принадлежат к этому роду.

Действительный статскнй советник Писарев

Ч. VII, арк 8, 9, Оригінал.

№ 336

1847 р. квітня 14.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ
О. О. НАВРОЦЬКОГО В III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы,
предложенные бывшему студенту Навроцкому,
и ответы его.

14 апреля 1847 г.

1. Известно ли вам о существовании тайного общества, называемого Славянским обществом св. Кирилла и Мефодия; если было известно, то подробно опишите цель оного, состав и все действия, в видах оного предпринятые.

1. О существовании тайного общества, называемого Славянским обществом св. Кирилла и Мефодия, я решительно не имею никаких понятий.

Навроцкий

2. Если вы не знали об обществе, то объявите, от кого слышали рассуждения на счет славянства, соединения славянских племен, государственного преобразования и подобных предметах; не можете ли ныне, по объявлении вам о существовании тайного общества, сообразить все, что слышали, и объяснить все подробности, кои могут привести к обнаружению членов и действий общества.

2. Рассуждения о славянстве я слыхал от многих лиц, но все эти рассуждения были чисто ученые; на счет же политического соединения славян и их государственного преобразования я не слыхал ничего. Так, например, говорили о сочинениях многих славянистов, порицали или хвалили то или другое сочинение, высказывали свои мнения о них и пр[очее]. Знаю, что Гулак имел переписку с Ганкой, даже читал я некоторые письма к нему от Ганки, но в них ничего не было даже о славянстве. Также Ганка прислал Гулаку юридическую книгу собственного сочинения Ганки. Не имея решительно никаких данных, кроме одного объявления (в предложенных мне вопросах) о существовании какого-то тайного общества, очевидно, я не могу сообщить никаких подробностей, которые бы могли привести к обнаружению членов и действий общества.

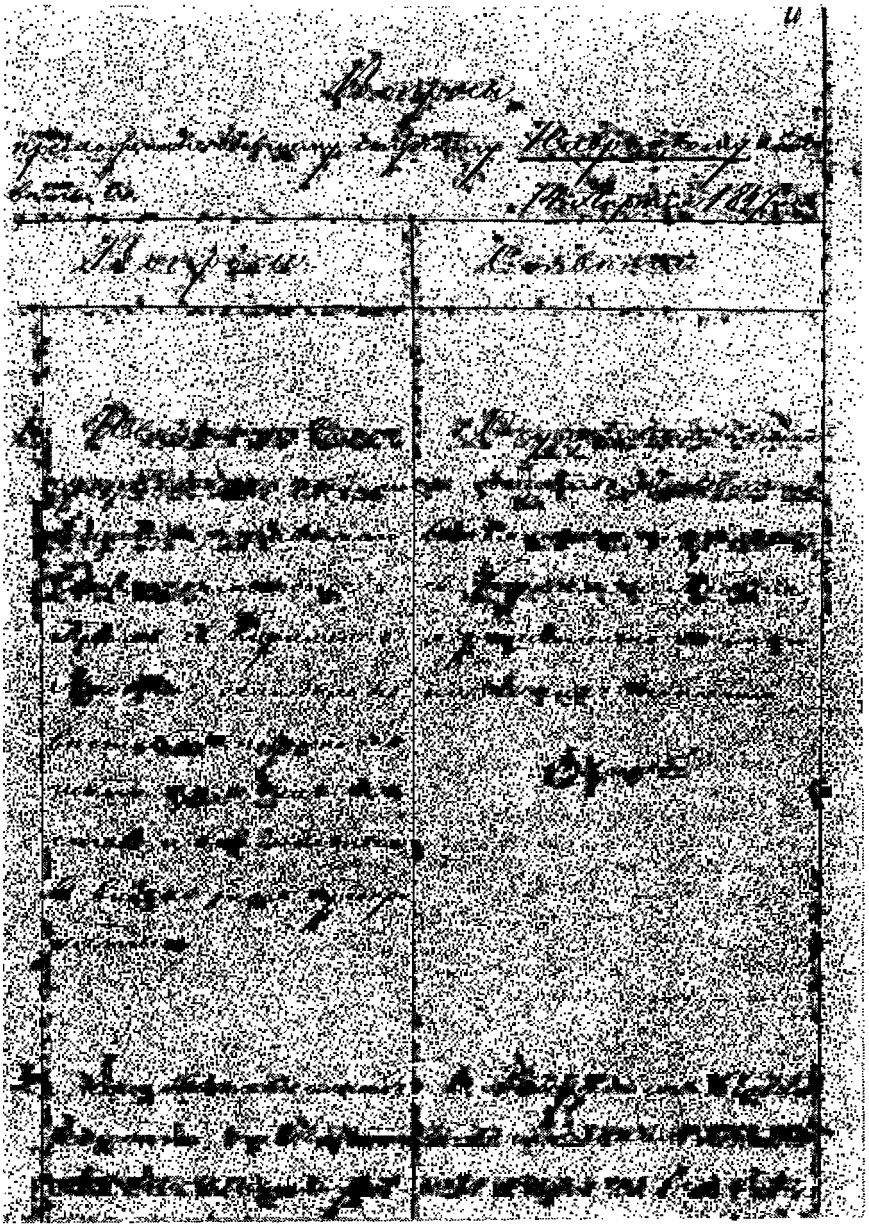
Навроцкий

3. Поименуйте всех лиц, вам известных, которые занимались предположениями о соединении славян и политическом перевороте; объясните, в какой степени каждое из этих лиц участвовало в означенных предположениях.

3. Так как я объявил во втором ответе, что я не знаю таких лиц, кои бы рассуждали о политическом соединении славян между собою, то на предложенный мне третий вопрос я не могу отвечать ничего утвердительного.

Навроцкий

4. Действительно ли, что вы сами в Киеве, в собраниях у Гулака, разделяли преступные разговоры товарищей ваших; точно ли Гулак читал при вас рукопись под названием «Закон божий»; правда ли, что вы жаловались на недостаток материальных средств к скорейшему распространению идей означенной рукописи; действительно ли вы читали в том же собрании у Гулака стихотворения Шевченко «Сон» и другие, исполненные противозаконных мыслей; давали ли вы студенту Петрову собственную вашу рукопись о «Гайдамаках», и говорили ли, что находите эту рукопись весьма полезною для распространения между жителями Малороссии прежнего воинственного и свободного духа.



Перша сторінка протоколу допиту О. О. Навроцького

4. Я не знаю, какие преступные разговоры я мог разделять и с какими товарищами моими в собраниях у Гулака? Я не слышал, чтобы Гулак читал при мне рукопись под названием «Закон божий», и я не жаловался ни на какой недостаток материальных средств. Сочинение Шевченко «Сон» я не читал и не знаю, что это за сочинение. Студенту Петрову рукопись мою о «Гайдамаках», я действительно дал; но не говорил, что нахожу эту рукопись полезною для распространения между жителями Малороссии воинственного и свободного духа. А говоря с ним о поэзии малороссийской, я сказал, что это произведение по языку и гомерическим описаниям может стать на равне с 6-ю песнею Гомеровой Иллиады.

Навроцкий

5. Объясните смысл следующего письма вашего к Белозерскому: «Вы спрашиваете, о каких я писал лицах, между которыми можно посеять святую любовь к родине. У меня не было на примете указать вам того или другого. Поищите, много найдете. Иногда в бедной хижине сидит с таким горячим сердцем, что может сжечь целый свет, если туда бросить хоть маленькую искру. Вы говорите, что те, которые живут в Украйне, пригляделись к ней. Пригляделись: ибо ничего не видели; а покажите им, все пойдет на лад»[7].

5. Белозерский, еще перед отъездом в Полтаву тосковал, что он едет в глушь, меж людей ему незнакомых. Я говорил ему, что в Полтаве не так дурно, как ему насказали. Потом из Полтавы писал ко мне тоже об этом; жаловался на пустоту общества, презрение к родному и проч[ее]. Я ему писал, чтобы он только позаботился немного и верно найдет многих достойных людей, в которых увидит много прекрасного. Я тем более должен был вступиться за Полтаву, что это было место моего воспитания. Словами же вы говорите, что те, которые живут в Украйне, пригляделись к ней. Пригляделись, ибо ничего не видели, а покажите им, то пойдет все на лад». Я намекал на то, что там ничего не знают о поэзии малороссийской и стоит только раскрыть ее, чтобы все обратили внимание на нее.

Вот смысл моего письма к Белозерскому.

Навроцкий

6. О какой княжне Репниной вы упоминали в том же письме и о каком обществе говорила она вам, которое могло бы образоваться между молодыми людьми для утверждения и распространения веры (не в смысле религии, а как чувства и убеждения)?

6. В этом же письме к Белозерскому я говорил о княжне Варваре Николаевне Репниной. В одном разговоре с ней я утверждал, что религиозные сомнения должен пройти почти каждый человек, в особенности же молодой. Сомнения эти суть ничто иное, как пробный камень, на котором испытывается каждый человек в вере. И когда я сказал ей, что сам знаю некоторых людей, которые страдают этими сомнениями, хотя сам, прибавил я, тепло убежден в учении спасителя. Репнина на это мне сказала: возможно ли вам так равнодушно говорить о подобных вещах. Я думаю, что истинный христианин сам должен болеть о таких людях и было бы очень полезно, если бы образовалось общество для распространения веры между такими людьми. Это не подлинные слова княжны Репниной, но разговор мой с нею имел этот смысл.

Навроцкий

7. О заведении какой школы в том же письме вы упоминали?

7 Я слыхал, не знаю только от кого, что Белозерский, с дозволения правительства, хотел завести школу в Полтаве.

Навроцкий

8. Где находится кольцо с вырезкою внутри имен св. Кирилла и Мефодия, которое вы носили?

8. Кольца с вырезкою внутри имен св. Кирилла и Мефодия я никогда не носил, не имел и не получал ни от кого.

Навроцкий

9. Добавьте, не известно ли вам, сверх предложенного в предыдущих вопросах, еще что-либо о славянофилах и Славянском обществе?

9. Я старался не скрывать ничего и отвечать прямо на предложенные мне вопросы, и все, что я знал, я открыл, тем более, что я не имел никакой причины скрывать что-либо: ибо не причастен ни к чему проступному против престола и правительства.

Студент Александр Александров сын Навроцкий

Ч. VII, арк. 10—14. Оригінал.
Опубл.: *Збірник* памяти Тараса Шевченка (1814—1914).— С. 129—131; *Т. Г. Шевченко.* Документи та матеріали до біографії.— С. 174—175 (частково).

№ 337

1847 р. квітня 30.— ПРОТОКОЛ ДРУГОГО ДОПИТУ О. О. НАВРОЦЬКОГО В III ВІДДІЛЕННІ

Дополнительные вопросы, предложенные студенту Навроцкому 30 апреля 1847 г.

1. В первом показании вы отозвались совершенным незнанием о Славянском обществе св. Кирилла и Мефодия.

Но между тем один показывает, что в то время, когда Гулак предлагал составить Славянское общество, вы также заговаривались об этом предмете, а потом вместе с Посяденко и Марковичем разглашали, что уже принадлежите к обществу; другой объявляет, что после пасхи 1846 г., быв у Костомарова, вы вместе с Гулаком рассуждали об основании общества, предполагая назвать его в имя св. Кирилла и Мефодия и придумать какой-либо символ; третий объясняет, что вы в Славянском обществе держались партий и славянской, и малороссийской; четвертый показывает, что вы в собраниях у Гулака были ревностным участником разговоров, происходивших между им и Костомаровым, о введении в славянских землях представительного правления, о ниспровержении верховной власти в России и приготовлении народа, посредством просвещения и издания книг, к возмущению. Кроме того известно, что в Киеве вы жили сначала на счет Гулака, а потом у Костомарова, и следовательно, не могли не знать об их замыслах.

При столь многих уликах объясните с полною откровенностью:

a) С которого времени учреждено было Славянское общество, кто были учредители и главные руководители оного?

b) В чем состояла цель общества, какое правление предполагалось ввести в России и во всех славянских землях?

c) С какими средствами думали ниспровергнуть настоящий образ правления в России и не было ли в виду вооруженного восстания?

d) Каким образом предполагали действовать на народ распространением просвещения, изданием журналов и книг и для чего именно собирались славянистами деньги?

e) В чем состояло ваше собственное участие в действиях Славянского общества?

f) Опишите действия Гулака, Костомарова, Белозерского, Кулиша, Шевченко, Марковича, Посяденко, Андрузского, Савича, Чижова и других лиц, вам известных, действовавших в видах Славянского общества?

1. Может быть Гулак где-нибудь и предлагал составить Славянское общество, но при мне он этого не предлагал никогда, и я нигде не говорил об этом предмете ни с ним, ни с кем-либо другим. Тоже, может быть, Посяденко и Маркович разглашали где-либо, что они принадлежат к этому об-

ществу; что же касается до меня, то я нигде не разглашал этого: ибо никогда я не принадлежал ни к какому обществу. Никогда я у Костомарова вместе с Гулаком не рассуждал об основании общества и предположений с ними о названии этого общества не имел никаких, равно как и не придумывал с ними никакого символа для этого общества. Никакой партии не держался я ни славянской, ни малороссийской ни в каком обществе: ибо не принадлежал ни к какому обществу и ни к какой партии. У Гулака хотя и были разговоры между им и Костомаровым, но эти разговоры были чисто ученые, и я иногда, сколько позволяли мои познания, вмешивался в эти разговоры; но разговоров о введении в славянских землях представительного правления, о ниспровержении верховной власти в России и приготовлении народа, посредством просвещения и издания книг, к возмущению таких разговоров не было; может быть они были в моем отсутствии, я этого не знаю, по поступлении моем в университет, я жил сначала у родственницы моей Нетолинской, потом у помещицы Марковичевой вместе с сыном ее студентом Андреем Марковичем, потом со студентом Афанасием Марковичем, потом уже год жил вместе с Гулаком; остальные же полгода пребывания моего в университете я жил опять вместе с Афанасием Марковичем; у Костомарова же я никогда не жил. И при том Гулак и Костомаров никогда не открывали мне своих замыслов. Ясно, что все эти улики несправедливы, и если бы я знал что либо, я все открыл бы и объяснил со всей откровенностью, но мне все это неизвестно, и

a) С которого времени учреждено Славянское общество и кто были учредители и руководители оного, я об этом не имею никаких известий.

в) В чем состояла цель общества и какое правление предполагалось ввести в России и во всех славянских землях, это тоже мне неизвестно.

c) С какими средствами думали ниспровергнуть настоящий образ правления в России, было ли в виду вооруженное восстание, и об этом я не могу сообщить никаких сведений.

d) Каким образом предполагали действовать на народ, распространением просвещения, изданием журналов и книг, и для чего именно собирались славянистами деньги, я этого не знаю.

e) Мне неизвестно было о Славянском обществе и я не принимал никакого участия в действиях оного.

f) В первое время моего квартирования вместе с Гулаком, он готовился к магистерскому экзамену и почти никуда не выходил, потом, кажется, в ноябре 1845 г., он определился на службу в канцелярию генерал-губернатора, и о действиях его на этом поприще я ничего не знаю, ибо не входил в новый круг его знакомства; далее, последние полгода моего пребывания в университете, я не жил вместе с Гулаком и тем менее могу знать о его действиях. Костомаров не был со мною в таких близких отношениях, чтобы мог рассказывать мне о своих действиях; в разговорах же его я не заметил ничего особенного. Я знаю, что Белозерский занимался собранием песен малороссийских, но особенные его действия мне неизвестны. О Кулише я знаю, что он занимался малороссийскою литературою; из разговоров же его не мог заметить ничего особенного: ибо большею частию видел его в обществе дам, где он может быть, не мог высказаться. Жизнь Шевченко мне так мало известна, что я ничего не могу сказать о его действиях, а если что и известно из его жизни, то это не послужит к обнаружению никаких его действий. Марковича, Посяденко и Андрузского я знаю только как студентов, но особенные их действия мне неизвестны. Савича я так мало знаю, что даже не могу сообщить самых обыкновенных его действий.
Фамилия же Чижов мне даже вовсе неизвестна.

2. Предъявляемая вам рукопись «Закон божий», содержащая в себе все коммунистические и революционные мысли, с возмутительными воззваниями

славянским племенам, вами дана была Белозерскому. Объясните, у кого писали вы эту рукопись, для чего имели ее у себя, кому и с какой целью отдали?

2. Предъявляемой мне рукописи «Закон божий» я не давал Белозерскому, ни у кого ее не списывал, не имел ее у себя и никому не отдавал.

3. Точно ли в собрании у Гулака вы жаловались на недостаток материальных средств привести в исполнение идеи упомянутой рукописи?

3. В собрании у Гулака я не жаловался ни на какой недостаток материальных средств.

4. Вы утверждали, что в том же собрании у Гулака, при вас не происходили никакие преступные разговоры, но против этого вновь подтверждается показание, что у Гулака в декабре 1846 г., при вас и Костомарове, помещик Савич доказывал необходимость уничтожить в России монархическое правление и ввести народное в представительной форме; возможность произвести такой переворот при настоящих обстоятельствах, уверяя, что строящаяся в Киеве крепость будет удобнейшим местом для собрания заговорщиков; говорил, будто бы правительство наше подавляет дух народный и желает ввести в России китаизм, но что дух народный должен, наконец, освободиться из этого положения. Действительно ли разговор этот при вас происходил и какое вы принимали в оном участие?

4. Помещика Савича я никогда не встречал у Гулака и, следовательно, не могу подтвердить, чтобы он доказывал подобные противозаконные мысли; от самого же Савича я никогда не слыхал подобных мыслей.

5. Вы показали, что не носили кольца во имя св. Кирилла и Мефодия, что Костомаров советовал вам носить такое кольцо. Исполнили ли вы этот совет и, если исполнили, то где находится ваше кольцо?

5. Костомаров не советовал мне носить кольцо во имя св. Кирилла и Мефодия и я подобного кольца никогда не носил и не имел.

6. Вы утверждали, что не только не читали, но даже вовсе не знали стихотворения Шевченко «Сон». Но против вас имеются показания, что вы были одним из пламеннейших почитателей Шевченко, знали наизусть его стихи и он сочинения свои поручал вам для хранения. Действительно ли у вас хранились сочинения Шевченко, не содействовали ли вы распространению их в публике и не рассчитывали ли славянисты действовать его наглыми стихами как для поселения в народе ненависти к государю императору и правительству, так для возбуждения народа к восстанию?

6. Действительно, я знал некоторые отрывки из стихотворений Шевченко, но все эти стихотворения были чисто литературного содержания и не заключали в себе никаких противозаконных мыслей. Шевченко же никогда не поручал мне своих сочинений для хранения, и у меня вовсе не сохранились сочинения Шевченко. Я не имел никакого содействия к распространению сочинений Шевченки в публике. Рассчитывали ли славянисты действовать наглыми стихами Шевченки, как для поселения в народе ненависти к государю императору и правительству, так и для возбуждения народа к восстанию, такие наглые и дерзкие предприятия мне неизвестны.

7. Добавьте, сверх предложенного в предыдущих пунктах все вам известное, что может повести к обнаружению Славянского общества и вообще онамеренных действий славянистов.

7. Если бы я знал что-либо о дерзких и злонамеренных замыслах славянистов, я бы все объявил с полною откровенностию, но, к сожалению, я не знаю ничего, что может повести к обнаружению Славянского общества и онамеренных действий славянистов.

Студент Александр, сын Александров, Навроцкий

VII, арк. 15—23. Оригінал.
Вперше опубл.: *Збірник* пам'яти Тараса Шевченка (1814—1914).— С. 215—219; *Т. Г. Шевченко.* Документи і матеріали до біографії.— С. 197—199 (частково).

№ 338

1847 р. травня 15.— ЗАПИС ОЧНОЇ СТАВКИ О. О. НАВРОЦЬКОГО З В. М. БІЛОЗЕРСЬКИМ, І. Я. ПАСЯДОЮ, Г. Л. АНДРУЗЬКИМ І О. М. ПЕТРОВИМ

Очная ставка Навроцкому с Белозерским, Посядой, Андрузским и Петровым

15 мая 1847 г.

Против Навроцкого говорили	*Навроцкий отвечал*
Белозерский, что найденную у него рукопись «Закон божий» он получил от Навроцкого. Василий Белозерский	Навроцкий остался при прежнем показании, что никогда не имел у себя и не давал Белозерскому рукописи «Закон божий». Александр Навроцкий
Посяда, что около пасхи 1846 г. он слышал от Навроцкого о предположениях составить какое-либо общество и назвать его в имя св. Кирилла и Мефодия. Ивав Пасяда[8]	Навроцкий остался при прежнем неосознании. Александр Навроцкий
Андрузский, что Навроцкий принадлежал к Славянскому обществу, держался обеих партий — Славянской и Малороссийской — и был более учеником, нежели учителем, что в университете он придерживался того, кто громче кричал, и потому держался Костомарова; что он знает наизусть стихи Шевченки, который отдавал ему свои сочинения с заклятием не распространять по рукам, и что Навроцкий восхищался даже стихотворениями его, Андрузского. Георгий Андрудский	Навроцкий сознался только, что читал стихотворения Шевченки, в том числе «Послание к землякам», и что стихотворения Андрузского читал еще тогда, когда этот молодой человек не писал стихов противозаконного содержания, во всем же прочем отверг показание Андрузского. Александр Навроцкий
Петров, что Навроцкий участвовал во всех собраниях у Гулака и тогда, как помещик Савич предавался революционным суждениям, говорил, что в случае возмущения можно воспользоваться Киевскою крепостью, и тогда как Гулак возглашал о приготовлении народа к восстанию, о введении в славянских племенах представительного правления, и о пожертвовании, в случае необходимости, царскою фамилиею; что Навроцкий сам говорил ему, Петрову, что славянисты предполагают представлять народу с самой невыгодной стороны все распоряжения правительства и, возбу-	Навроцкий показал, что он видался раза три с Савичем в разных местах, но у Гулака никогда не встречал его, а потому и не знает о революционных его разговорах; сначала говорил, что вовсе не знает рукописи «Закон божий», и не читал стихотворения Шевченки «Сон», а потом согласился, что Гулак при нем читал «Закон божий» и что ему известно было содержание стихотворения «Сон» Александр Навроцкий

дивши тем ненависть, подвигнуть к перевороту; что при одном свидании Гулак, в присутствии Навроцкого, читал рукопись «Закон божий» и Навроцкий, спрашивая у Петрова о мнении на счет этой рукописи, жаловался на недостаток материальных средств, к распространению идей ее, что потом Навроцкий читал стихотворения Шевченки «Сон» и «Послание к родичам» самого дерзкого и возмутительного содержания, и передал ему, Петрову, свою рукопись о гайдамаках, говоря, что эту рукопись он находит весьма полезную для возбуждения в малороссиянах прежнего воинственного, свободного духа.

Алексей Петров

Ч. VII, арк. 24—26. Оригінал.
Опубл.: *Збірник* пам'яти Тараса Шевченка (1814—1914).— К., 1915.— С. 247—249; *Т. Г. Шевченко*, Документи та матеріали до біографії.— С. 206—207 (частково).

№ 339

1847 р. травня, не раніше 15.— ЗАПИС РІШЕННЯ В СПРАВІ О. О. НАВРОЦЬКОГО, ЗРОБЛЕНИЙ III ВІДДІЛЕННЯМ

Навроцкий. Бывший студент Киевского университета Александр Навроцкий.

Белозерский показал, что найденную у него рукопись «Закон божий» он получил от Навроцкого, а доноситель Петров, что Навроцкий в собраниях у Гулака участвовал в революционных разговорах, читал стихотворения Шевченки под названием «Сон» и передал ему, Петрову, рукопись, в которой описаны два набега гайдамаков в исходе XVII в., говоря, что ту рукопись он находит весьма полезною для возбуждения в малороссиянах прежнего воинственного, свободного духа.

Сверх того, Навроцкий состоит в близком родстве с Гулаком и в продолжении года жил у него на квартире, а потому не мог не знать об Украйно-славянском обществе и предположениях славянистов. Впрочем, он, по словам Костомарова, входил в круг их, так сказать, физически и, не имея достаточных сведений в науке славянофильской, не мог принимать в ней участия ни умственно, ни сердечно.

Напротив того, Навроцкий решительно ни в чем не сознался и передачу студенту Петрову рукописи «Гайдамаки» объяснял в другом благовидном смысле. Хотя на очной ставке Петров и Белозерский столь сильно уличали Навроцкого, что он не мог более отзываться совершенным неведением и сознался в чтении «Сна», но относительно рукописи «Закон божий» остался при своем запирательстве.

Вина Навроцкого важна не по сближению его с украйно-славянистами, а по упорству его в запирательстве, которое он как бы перенял от родственника своего Гулака.

По высочайше утвержденному решению определено: отправить Навроцкого в Вятку, выдержать его там 6 месяцев в тюремном замке и после того определить на службу в одном из уездных городов Вятской губ., по ус-

мотрению гражданского губернатора, с учреждением над ним, Навроцким, строгого надзора, выдав ему на обмундирование и первоначальное обзаведение 200 руб. серебром. Монаршая воля исполнена.

30 мая 1847 г.

Ч. VII, арк 27, 28. Оригінал.

№ 340

1847 р. травня 30.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ПОРУЧИКУ С.-ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ ЛАРІОНОВУ ПРО ЗАСЛАННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО У ВЯТСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Секретно

Поручику С.-Петербургского жандармского дивизиона Ларионову

30 мая 1847, № 886

По высочайшему повелению предписываю вашему благородию, приняв из III отделения с. е. и. в. канцелярий действительного студента Александра Навроцкого, отвезти его под строгим присмотром, и сколь возможно сохраняя тайну в Вятку, там представить как его, так и вручаемый вам пакет, со вложенными 200 руб. сер[ебром], г-ну вятскому гражданскому губернатору и, возвратившись в С.-Петербург, донести мне об исполнении.

Под[писал] генерал-адъютант гр. Орлов

Верно: кол[лежский] советник Константинов

Ч. VII, арк. 29. Відпуск

№ 341

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ВЯТСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА Я. І. СЕРЕДИ[9] ПРО ЗАСЛАННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО У ВЯТКУ

Секретно

Г-ну вятскому губернатору Середе

30 мая 1847, № 884

М[илостивый] г[осударь] Аким Иванович!

При производстве дела об Украйно-славянском обществе, составлявшемся в Киеве, оказалось, что действительный студент Александр Навроцкий, состоя в родстве с одним из учредителей общества и в продолжении года жительствуя у него на квартире, не мог не знать об упомянутом обществе и предположениях украйно-славянистов, но он при допросах решительно не сознался ни в знании об обществе, ни в чтении возмутительных сочинений, тогда как при очных ставках в некоторых предметах был уличен, и хотя сближение Навроцкого с украйно-славянистами не делало его лицом значительным, но вина его важна по его упорству в запирательстве.

Государь император высочайше повелеть соизволил: отправить Навроцкого в Вятку, выдержать его там шесть месяцев в тюремном замке и после того определить на службу в одном из уездных городов Вятской губ. по усмотрению вашего пр[евосходительст]ва, с учреждением над ним строгого надзора, выдав ему 200 руб. сер[ебром] на обмундирование и первоначальное обзаведение.

О таковой монаршей воле сообщая вашему пр[евосходнтельст]ву для надлежащего распоряжения и присовокупляя, что Навроцкий вместе с сим отношением и пожалованными ему 200 руб. серебром будет представлен к вам поручиком С.-Петербургского жандармского дивизиона Ларионовым, которому поручено отвезти Навроцкого в Вятку, имею честь покорнейше просить вас, м[нлостивый] г[осударь], не изволите ли приказать выдать ему упомянутые деньги, но не прежде, как по определении его на службу, о доставлении же к вам Навроцкого и получении означенных денег удостоить меня уведомлением. Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Коистантинов

Ч. VII, арк. 30, 31. Відпуск.

№ 342

1847 р. травня 30.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКОВІ 7-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ П. Ф. ЛЬВОВУ ПРО ВИКОНАННЯ ВОЛІ ЦАРЯ В СПРАВІ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО, І. Я. ПАСЯДИ ТА О. О. НАВРОЦЬКОГО І ВСТАНОВЛЕННЯ ЗА НИМИ СУВОРОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Его превосход[ительству] П. Ф. Львову

30 мая 1847, № 887

М[илостивый] г[осударь] Петр Федорович!

При производстве следствия об Украйно-славянском обществе, составлявшемся в Киеве, между прочим оказалось следующее:

1) Действительный студент Александр Навроцкий состоял в родстве с одним из уч[ред]ителей общества и в продолжении года жительствуя у него на квартире, не мог не знать об упомянутом обществе и предположениях украйно-славяннстов, но он при допросах решительно не сознался ни в знании об обществе, ни в чтении возмутительных сочинений, тогда как при очных ставках в некоторых предметах был уличен, и хотя сближение Навроцкого с украйно-славянистами не делало его лицом значительным, но внна его важна по его упорству в запирательстве.

2) Студент Киевского университета Егор Андрузский сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании России, доходя в последних до мысли об учреждении республики[10], во время производства упомянутого следствия делал неосновательные показания, увеличивая вину некоторых или называя члеиами общества лиц, вовсе не принадлежавших к оному, но после очных ставок признал неправильность первого показания и с искреннейшим раскаяиием испрашивал прощения; он еще обнаружнл себя пламенным украйнофилом и даже в последнем объяснении своем упомянул, что никогда не отступится ни от малороссийского языка, ни от любви к Украйне.

3) Студент того же университета Иван Посяда в составляемых им проектах просьб и записок, содержание которых, впрочем, не распространял, выражал плач ее бедственном будто бы положением Малорооссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами, а при конце производства означенного следствия, подобно Андрузскому, принес искреннее сознание, что некоторые обстоятельства в первом его показании были преувеличены.

Государь император высочайше повелеть соизволил: Навроцкого отправить в Вятку, выдержать его там шесть месяцев в тюремном замке и после того определить на службу в одном из уездных городов Вятской губ., по усмотрению гражданского губернатора, с учреждением над ним, Навроцким, строжайшего надзора. Андрузского, в уважение того, что он слишком молод и летами, и душою, при том же искренно повинился в своих преступлениях, отправить для окончания курса наук в Казанский университет [11] и потом определить в гражданскую службу в великороссийские губернии с учреждением за ним и во время учения и потом на службе строгого надзора, не увольняя его в Малороссию; Посяде вменить в наказание содержание под арестом и отправить его также в Казанский университет для окончания курса [12], а после определить в гражданскую службу в великороссийские губернии, но всем им — Навроцкому, Андрузскому и Посяде — выдать по 200 руб. серебром каждому на сбмундирование и первоначальное обзаведение.

Сделав распоряжение к исполнению означенной монаршей воли, предлагаю Вашему превосходительству приказать, дабы по доставлении в Казань студентов Андрузского и Посяды и по определении на службу Навроцкого, имелось за ними и с вашей стороны строгое наблюдение. Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. VII, арк. 32—35. Відпуск.

№ 343

1847 р. травня 31.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКОВІ 7-ГО ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ П. Ф. ЛЬВОВУ ЧЕРЕЗ КОЖНІ ШІСТЬ МІСЯЦІВ ПОВІДОМЛЯТИ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПОВЕДІНКУ О. О. НАВРОЦЬКОГО, Г. Л. АНДРУЗЬКОГО І І. Я. ПАСЯДИ НА ЗАСЛАННІ

Секретно

Его превосходи[тельст]ву П. Ф. Львову

31 мая 1847, № 914

М[илостивый] г[осударь] Петр Федорович!

В дополнение предписания моего от 30 мая за № 887 [13] об учреждении строгого наблюдения за высланным в Вятскую губ. действительным студентом Навроцким и в Казань студентами Андрузским и Посядой, предлагаю вашему превосходительству через каждые шесть месяцев доносить мне о их поведении.

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. VII, арк 36. Відпуск.

№ 344

1847 р. травня 11.— ЛИСТ ВЯТСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА Я. І. СЕРЕДИ ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВИКОНАННЯ РОЗПОРЯДЖЕННЯ УВ'ЯЗНИТИ О. О. НАВРОЦЬКОГО НА ШІСТЬ МІСЯЦІВ У ТЮРМУ

Секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

11 июня 1847 г., № 7527, Вятка

Милостивый государь граф Алексей Федорович!

Отправленный при предписании вашего сиятельства от 30 минувшего мая за № 884[14] под присмотром поручика С.-Петербургского жандармского дивизиона Ларионова действительный студент Александр Навроцкий, оказавшийся прикосновенным к делу об Украйно-Славянском обществе, составлявшемся в Киеве, поручиком Ларионовым ко мне доставлен. Так равно и посланные при упомянутом предписании пожалованные Навроцкому 200 руб. серебром для выдачи ему, согласно последовавшем о сем высочайшему повелению, на обмундирование и первоначальное заведение при определении его на службу в одном из уездных городов Вятской губ. по выдержанию в тюремном замке шести месяцев.

Имея честь донести о сем вашему сиятельству долгом поставляю присовокупить, что упомянутые 200 руб. серебром по получении записаны на приход по книге переходящих сумм моей канцелярии в статье под № 95 и что о заключении Навроцкого в тюремный замок на шесть месяцев сделано мною надлежащее распоряжение.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

Аким Середа

Помітка про одержання: 21 июня 1847.

Ч. VII, арк. 37. Оригінал

№ 345

1847 р. червня 21.— РАПОРТ ПОРУЧИКА ЛАРІОНОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО У ВЯТКУ І ПЕРЕДАЧУ ЙОГО ЦИВІЛЬНОМУ ГУБЕРНАТОРУ

Секретно

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, г-ну генерал-адьютанту и кавалеру гр. Орлову

С.- Петербургского жандармского дивизиона поручика Ларионова

Рапорт

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 30 мая сего года за № 886[15] имею честь донести, что принятые мною из III отделения с. е. и. в. канцелярии действительный студент Александр Навроцкий, под строгим присмотром, благополучно отвезен в Вятку и как он, так и пакет со вложением 200 руб. серебром, представлены г-ну вятскому гражданскому губернатору.

Причем имею честь представить вашему сиятельству: выданную из канцелярии губернатора квитанцию за № 7395[16], в доставлении студента Нав-

роцкого, расчет с росписко̀ю в принятии секретного на имя его превосходительства Акима Ивановича Середы за № 884[17], со вложением 200 руб. сер[ебром] и с препровождением Навроцкого и разных вещей и денег его 45 руб. 83 коп. сер[ебром] и пакет на имя вашего сиятельства за № 7527[18]

Поручик Ларионов

21 июня 1847, № 7, С.-Петербург

Помітка про одержання: 21 июня 1847

Ч. VII, арк. 38. Оригінал.

№ 346

1847 р. червня 8.— РОЗПИСКА ВЯТСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА Я. І. СЕРЕДИ ПРО ПРИЙНЯТТЯ ВІД III ВІДДІЛЕННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО, ЙОГО РЕЧЕЙ І ГРОШЕЙ

Реестр препровождаемым пакету, вещам и деньгам

Секретный пакет на имя его превосходительства Акима Ивановича Середы, за № 884, со вложением двухсот рублей серебром.

При сем следует студент Навроцкий. Разные вещи и деньги 45 руб. 83 коп. серебром, принадлежащие собственно студенту Навроцкому.

Расписка в принятии. Получил секретный пакет за № 884 со вложением 200 руб. сер[ебром] и особо 45 руб. 83 коп. сер[ебром] получил.

Вятский гражданский губернатор А. Середа

8 июня 1847 г.

Генерал-лейтенант Дубельт

Ч. VII, арк. 39. Оригінал.

№ 347

1847 р. червня 10.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА КАНЦЕЛЯРІЄЮ ВЯТСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА ПОРУЧИКУ ЛАРІОНОВУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ НИМ У ВЯТКУ О. О. НАВРОЦЬКОГО

Квитанция № 7395

Препровожденный при предписании шефа корпуса жандармов генерал-адъютанта гр Орлова вятскому гражданскому губернатору от 30 мая за № 884[19] под присмотром поручика С.-Петербургского жандармского дивизиона Ларионова действительный студент Александр Навроцкий доставлен в г. Вятку; в удостоверение его и дана поручику Ларионову квитанция от канцелярии вятского гражданского губернатора с приложением казенной печати.

Вятка, 10 июня 1847 г.

Правитель канцелярии Максимович

Экзекутор [...] Дралерт

Ч. VII, арк. 40. Оригінал.

О. О. Навроцький. Портрет невідомого художника

№ 348

1847 р. липня 22.— ПОДАННЯ ЧЕРНІГІВСЬКОГО, ПОЛТАВСЬКОГО І ХАРКІВСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА С. О. КОКОШКІНА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ВИТРАТИ, ПОВ'ЯЗАНІ З ВІДПРАВЛЕННЯМ О. О. НАВРОЦЬКОГО З ЗОЛОТОНОШІ ДО ПОЛТАВИ І З ПОЛТАВИ ДО ПЕТЕРБУРГА

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову[20]

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Начальник Полтавской губ. уведомил от 4 апреля сего года предместника моего об отправлении к вашему сиятельству с адъютантом штаб-ротмистром Палицыным и в сопровождении одного жандарма взятого в Золотоношском уезде по Вашему, милостивый государь, распоряжению, основанному на высочайшем повелении, бывшего студента университета св. Владимира Александра Навроцкого и, присовокупляя, что на прогоны и путевые издержки выдано Палицыну из экстраординарной суммы в оба пути, а равно и на поездку от Полтавы до г. Золотоноши и обратно, всего 435 руб. $4^1/_2$ коп. серебром; испрашивал разрешения: следует ли расход этот принять на счет казны без возврата или же отнести оный на счет виновных.

О таковом представлении действительного статского советника Ознобишина я считаю долгом довести до сведения вашего сиятельства, испрашивая вашего, милостивый государь, по настоящему предмету разрешения.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга

С. Кокошкин

№ 83
22 июля 1847 г., Харьков
Ч: VII, арк 41. Оригінал.

№ 349

1847 р. серпня 4.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ЧЕРНІГІВСЬКОМУ, ПОЛТАВСЬКОМУ І ХАРКІВСЬКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ С. О. КОКОШКІНУ ПРО ПЕРЕРАХУВАННЯ МІНІСТЕРСТВОМ ФІНАНСІВ ГРОШЕЙ, ВИТРАЧЕНИХ НА ДОСТАВЛЕННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО ДО ПЕТЕРБУРГА

Секретно

Его превосход[ительст]ву С. А. Кокошкину

4 августа 1847, № 1300

М[илостивый] г[осударь] Сергей Александрович!

Ваше превосходительство от 22 июля № 83[21] изволили сообщить мне, что полтавский гражданский губернатор в апреле месяце входил к предместнику вашему с представлением о том, следует ли принять на счет казны или считать ко взысканию с виновных 435 руб. 4,5 коп. сереб[ром], издержанные на доставление в С.-Петербург прикосновенного к Украйно-Славянскому обществу бывшего студента Навроцкого.

По справке оказалось, что по упомянутому предмету уже сделано надлежащее распоряжение: ибо г-н действительный статский советник Ознобишин в то же время сообщал и мне об израсходовании на доставление Навроцкого 435 руб. 4,5 коп. сер[ебром] и я от 12 апреля № 580[22] ответствовал г-ну Ознобишину, что о возврате ему сих денег я относился к г-ну минист-

ру финансов, который потом известил меня, что им предписано Полтавской казенной палате возвратить означенные деньги гражданскому губернатору.

Уведомляя о сем ваше превосходительство, имею честь удостоверить вас. м[илостивый] г[осударь], в истинном почтении и преданности.

Под[писал] гр. Орлов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. VII, арк. 42, 43. Відпуск.

№ 350

1848 р. червня 17.— ЛИСТ ІНСПЕКТОРСЬКОГО ДЕПАРТАМЕНТУ ЦИВІЛЬНОГО ВІДОМСТВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО НА СЛУЖБУ В ЄЛАБУЗЬКИЙ ЗЕМСЬКИЙ СУД І ЗАПИТАННЯМ, ЧИ НЕМАЄ ПЕРЕПОН ДЛЯ ПРИСВОЄННЯ ЙОМУ ЧИНУ ГУБЕРНСЬКОГО СЕКРЕТАРЯ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

17 июня 1848 г., № 3349

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Начальник Вятской губ., представляя на распоряжение инспекторского департамента гражданского ведомства об утверждении в службе и переименовании действительного студента императорского университета св. Владимира Александра Навроцкого, в чине соответственный его званию, сообщает, что студент Навроцкий по прикосновенности к делу об Украйно-Славянском обществе при секретном предписании вашего сиятельства ст 30 мая 1847 г. № 884 [23] был препровожден к нему, губернатору, в г. Вятку, где, во исполнение высочайшего повеления, выдержан был шести месяцев в тюремном замке и затем определен губернским правлением на службу в Елабужский земский суд.

Предварительно распоряжения по сему предмету, долгом считаю обратиться к вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением, не изволите ли вы находить препятствия к удовлетворению ходатайства начальника Вятской губ. касательно переименования г-на Навроцкого по степени действительного студента университета в чине губернского секретаря.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности

Александр Танеев

Помітка про одержання: 20 июня 1848

Ч. VII, арк. 44 Оригінал.

№ 351

1848 р. червня 22.— ЛИСТ О. Ф. ОРЛОВА О. С. ТАНЄЄВУ ПРО ТЕ, ЩО З БОКУ III ВІДДІЛЕННЯ НЕМАЄ ЗАПЕРЕЧЕНЬ ПРОТИ ПРИСВОЄННЯ О. О. НАВРОЦЬКОМУ ЧИНУ ГУБЕРНСЬКОГО СЕКРЕТАРЯ

Его пре[восходительст]ву А. С. Танееву

22 июня 1848, № 1230

М[илостивый] г[осударь] Александр Сергеевич!

Вследствие отношения вашего пр[евосходительст]ва от 17 июня № 3349[24] по ходатайству вятского гражданского губернатора об утверждении в службе и переименовании в чин губ[ернско]го секретаря определенного в Елабужский земский суд действительного студента университета св. Владимира Александра Навроцкого, имею честь уведомить вас, м[илостивый] г[осударь], что Навроцкий за прикосновенность к делу об Украйно-славянском обществе, по высочайшему повелению отправлен в 1847 г. в Вятку именно с тем, чтобы был определен на службу в одном из уездных городов Вятской губ., а поэтому не представляется препятствий ни к переименованию его по званию студента в соответственный чин, ни к другим установленным распоряжениям, соединенным с правилами службы. Примите увер[ение] и пр[очее].

Под[писал] гр. О р л о в

Ч. VII. арк. 45. Відпуск.

№ 352

1848 р. вересня 7.— РАПОРТ КЕРУЮЧОГО 7-М ОКРУГОМ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ АХВЕРДОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ І ДІЯЛЬНІСТЬ О. О. НАВРОЦЬКОГО, Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ТА І. Я. ПАСЯДИ

Шефу жандармов командующему императорскою главною квартирою г-ну генерал-адъютанту кавалеру гр. Орлову
управляющего 7-м округом корпуса жандармов

Р а п о р т

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 31 мая 1847 г. за № 914[25] к начальнику округа г-ну генералу-майору Львову, вследствие полученных мною сведений от штаб-офицеров Вятской и Казанской губ., имею честь донести, что высланные по высочайшему повелению студенты Киевского университета: во Вятку — Навроцкий с февраля месяца сего года находится на службе в Елабужском уездном суде и ведет себя скромно и благородно и в Казань — Андрузский, по неодобрительной нравственности по высочайшему повелению из Казанского университета отправлен в другое место, а Посяда, поведения очень хорошего, которому, как кончившему курс наук в университете, предоставлено сочинять диссертацию для получения степени кандидата.

Генерал-майор А х в е р д о в
Секретарь: коллежский советник [26]

Сентября 7 дня, 1848 г., № 212, Казань

Помітка про одержання: 17 сентября 1848

Ч. VII, арк. 46. Оригінал.

№ 353

1849 р. січня 14.— ЛИСТ В. М. РЄПНІНОЇ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ВИКЛОПОТАТИ ДОЗВІЛ НА ПЕРЕВЕДЕННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО З ВЯТСЬКОЇ В ХЕРСОНСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Monsieur le Comte

Je viens d'apprendre que Навроцкий celui des jeunes gens de Kiev qui a été envoyé dans le Gt. de Вятка à Елабуг est quasi atteint d'éthisie, il souffre beaucoup et crache le sang; au nom de tout ce qu'il y a pour vous de cher et de sacré, Monsieur le Comte, obtenez de la pitié de l'Empereur que ce pauvre jeune homme soit transféré dans un climat plus doux dans la proximité de ceux qui pourraient lui venir en aide; il n'a aucune fortune, donc aucun moyen de se procurer ce que la maladie peut nécessiter. C'est un jeune homme digne d'un meilleur sort, il y a plus de deux ans qu'il est la, ne trouvez — vous pas que sa punition est plus que souffrante?

Au nom de Dieu, Monsieur le Comte, écoutez — moi! Il y a des vies que sur cette terre on nomme obscures, mais devant Dieu toutes les vies sont précieuses et il n'y a de préférence que pour celles qui sont bonnes et pures et dans ce sens celle de Navrotsky est une, des plus haut placées, car c'est un jeune homme tout à fait estimable.

Ne pourrait — on pas le transférer dans le gt. de Cherson? Pas à Odessa cependant, car le séjour en est pernicieux pour la poitrine, mais dans une ville quelconque de ce gt.?

Priant Dieu de bénir la démarch que je me permets de faire, j'attendrai de l'avenir, mais en grâce qu'il ne soit pas lointain (l'éthisie donne peu de temps même â la miséricorde) la réalisation de mes voeux et la satisfaction de vous bénir!

Recevez Monsieur le Comte, l'assurance de ma haute considération

Varette Repnina

Odessa le
14 Janvier 1849.

Ч. VII, арк. 47—48. Автограф.

Переклад

Пане граф!

Я щойно дізналась, що Навроцький один з тих молодих людей Киева, який був засланий у Вятську губернію, в місто Елабуг, хворіє на сухоти; він тяжко страждає і харкає кров'ю; в ім'я всього того, що є для вас свя-тим і дорогим, пане граф, осягніть милість імператора на переведення цьо-го нещасного юнака в м'якший клімат, щоб його близькі змогли б прийти йому на допомогу, він не має ніякого маєтку, отже, і ніяких засобів піддер-кати себе у зв'язку з хворобою. Це — молода людина, гідна кращої долі; він на засланні понад два роки, чи ви не вважаєте, що його покарання є занадто страдницьким?

В ім'я бога, пане граф, вислухайте мене. Є життя, які на цій землі вважаються непримітними, хоч перед богом всяке життя є дорогоцінним перевага віддається тому з них, яке є добрим і чистим, і в цьому розумін-і життя Навроцького є одним із дуже високоцінних, тому що ця молода юдина є у всьому гідна пошани.

Чи не можна б було його перевести до Херсонської губернії? Тільки е в Одесу, бо перебування там є згубним для хворих на легені, але в якесь істо цієї губернії.

Благаючи бога, благословіть вчинок, який я собі дозволила зробити, я чекатиму від майбутнього, але, дай боже, щоб воно не було дуже віддаленим (бо сухоти дають мало часу навіть на милосердя), здійснення моїх побажать і мати приємність вас благословити в цьому.

Прийміть, пане граф, запевнення в моїй глибокій повазі

Варвара Рєпніна

Одеса, 14 січня 1849 р.

№ 354

1848 р. [*вересень*].— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ДЛЯ О. Ф. ОРЛОВА У ЗВ'ЯЗКУ З КЛОПОТАННЯМ В. М. РЄПНІНОЇ ДОЗВОЛИТИ О. О. НАВРОЦЬКОМУ ПЕРЕЇХАТИ З ЄЛАБУЗЬКА ДО ХЕРСОНСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ, А Т. Г. ШЕВЧЕНКОВІ МАЛЮВАТИ

Княжна Варвара Репнина, изъясняя, что высланный в мае 1847 г. на службу в Вятскую губ. Александр Навроцкий страдает сильным расстройством груди, ходатайствует с особенным участием о переводе его в Херсонскую губ. или вообще в южный край[27]. *Справки:* 1) Бывший студент Киевского университета Александр Навроцкий прикосновен к делу об Украйно-Славянском обществе. Состоя в близком родстве с Гулаком и жительствуя у него на квартире, Навроцкий не мог не знать о предположениях украйно-славянистов, хотя и не принимал деятельного участия. Вина Навроцкого более важна по его запирательству, ибо он решительно ни в чем не сознался. Согласно высочайшей воле, Навроцкий отправлен в Вятскую губ., выдержан там предварительно шесть месяцев в тюремном замке и потом определен на службу в Елабужский уездный суд. В сентябре 1848 г. генерал-майор Ахвердов доносил, что Навроцкий ведет себя скромно и благородно.

2) В феврале 1848 г. княжна Варвара Репнина просила также обратить милостивое внимание на бывшего художника Шевченку и дозволении ему рисовать[28]. Вследствие этого делано было сношение с командиром Отдельного оренбургского корпуса, куда Шевченко определен рядовым, и хотя о службе и поведении его доставлен самый одобрительный отзыв, но ваше сиятельство приказали тогда обождать некоторое время представлением на счет разрешения Шевченке рисовать.

Ч. VII, арк. 48, 49. Оригінал.

№ 355

1849 р. січня 26.— ЛИСТ О. Ф. ОРЛОВА ДО КНЯЖНИ В. М. РЄПНІНОЇ З ВІДМОВОЮ КЛОПОТАТИСЯ ПЕРЕД ЦАРЕМ ПРО ДОЗВІЛ ПЕРЕВЕСТИ О. О. НАВРОЦЬКОГО З ВЯТСЬКОЇ В ХЕРСОНСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Ее сия[тельст]ву княжне В. Н. Репниной

26 января 1849, № 143

Милостивая государыня княжна Варвара Николаевна!

На письмо вашего сия[тельст]ва от 14 января[29], в коем вы изволите ходатайствовать о переводе Александра Навроцкого, по расстроенному его здоровыс, из Вятской в Херсонскую губ. или вообще в южный край

России, имею честь ответствовать вам, милост[ива]я государыня, что[30] я нахожу невозможным входить [31] по сему предмету со всеподданнейшим докладом.

Примите уверение в ист[инном] моем почт[ении] и пред[анности].

Подп[исал] гр. О р л о в

Ч. VII, арк. 50. Відпуск.

№ 356

1849 р. лютого 16.— ЛИСТ М. А. НАВРОЦЬКОЇ ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ПЕРЕВЕСТИ ІІ ХВОРОГО СИНА О. О. НАВРОЦЬКОГО В КУРСЬКУ АБО ІНШУ ПІВДЕННІШУ ГУБЕРНІЮ

Сиятельнейший граф!

Сердцу вашему граф доступно страдание матери. Сын мой Александр Навроцкий, замешанный в происшествии, обратившем внимание правительства, признан виновным вместе с Костомаровым, Кулишем, Марковичем и другими. Я не могу судить ни о степени вины его, ни о мере снисхождения, возможиого оказать к облегчению его участи. Сердце царево в руце божией. С чистою и полною уверенностию в правде и благости монарха, без ропота покоряюсь его определению и не дерзаю просить о помиловании. Но, всемилостивейший государь, прощает чувство матери, сердце отца, понимает его и просит мое дерзновение.

Климат Вятской губ. разрушительно действует на здоровье сына моего, служба его в Елабужском земском суде без опоры, покровительства и средств к содержанию усугубляет упадок сил физических. Два года молю я вседержителя дать ему крепость духа перенести определенное ему наказание, коему он с благоговейным чувством и твердостию покоряется, но зная, что здоровье ему изменяет и боясь, чтобы влияние климата не погубило его совершенно, от глубины растерзанного сердца, взываю к благости августейшего монарха, повергая себя милостивому покровительству вашему, граф, как посреднику, взносящему к престолу царя мольбы страждущих.

Не о прощении, которого может быть еще не заслужил сын мой, дерзаю просить я, но как мать молю единого милосердия сблизить его со мною, и переведя его в Курскую или более полуденную губернию, облегчить сердце матери и собственно сыну моему доставить тем способ и возможность ревностною службою и пламенным усердием соделаться достойным милостивого внимания и великодушного прощения его проступка. Влияние матери всегда сильно действовало на сыновнее его сердце, сближение его со мною укрепит его и даст ему новые силы, которые будут направлены к единственной цели, удостоиться милосердия отца великой семьи русской.

Чувству возвышенной души вашей, сиятельнейший граф, предаю материнскую просьбу мою, разрешение ее будет приговором существования матери и участи всей будущности сына.

С твердою надеждою на благость монарха и снисходительное внимание ваше, граф, осмеливаюсь принести чувства глубокого высокопочитания, с коим честь имею быть, сиятельнейший граф вашего сиятельства, всепокорнейшая слуга Мария Андреевна, дочь Навроцкая, жена поручика[32].

Резолюція О. Ф. Орлова: Сделать справку и доложить.
Помітка про одержання: 28 февраля 1849

Ч. VII, арк. 51, 52. Оригінал.

№ 357

1849 р. лютого 28.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВУ ПРО О. О. НАВРОЦЬКОГО

Жительствующая в Золотоношском уезде Полтавской губ. жена поручика Марья Навроцкая, объясняя, что сын ее, Александр Навроцкий, страдая от сурового климата Вятской губ. и служа там без средств к существованию, теряет последние силы, просит о переводе его в Курскую или в другую какую-либо полуденную губернию.

С сим вместе коллежский советник Капнист[33] ходатайствует об исполнении просьбы г-жи Навроцкой[34], между прочим потому уважению, что сия последняя с детьми, оставлена ее мужем без всяких средств к существованию и сблизившись со старшим сыном своим, имела бы в нем подпору, равно как и для нравственности сына было бы полезно жить вместе с матерью.

Г-н Капнист присовокупил, что было бы еще лучше, если бы Навроцкому дозволено было служить в Москве, под влиянием брата его, Капниста, московского гражданского губернатора[35], который образовал бы из Навроцкого чиновника, полезного для службы и общества.

Справка:

Бывший студент университета св. Владимира Навроцкий был прикосновен к делу об Украйно-славянском обществе. Состоя в близком родстве с Гулаком и жительствуя у него на квартире, Навроцкий не мог не знать о предположениях украйно-славянистов, хотя и не принимал в них деятельного участия.

Вина Навроцкого более важна по его запирательству, ибо он решительно ни в чем не сознался. В исходе мая 1847 г., по высочайшему повелению, Навроцкий отправлен был во Вятку, выдержан там 6 месяцев в тюремном замке, и потом определен на службу в Елабужский уездный суд. Начальник 7[-го] округа корпуса жандармов доносил, что Навроцкий в Вятской губ. ведет себя скромно и благородно. В 1849 г. княжна Варвара Репнина[36] ходатайствовала о переводе Навроцкого в Херсонскую губ. или вообще в южный край, но ваше сиятельство изволили ответствовать, что это ходатайство не может быть удовлетворено.

28 февраля 1849 г.

Резолюція О. Ф. Орлова: в Курск.

Ч. VII, арк. 53, 54. Оригінал.

№ 358

1849 р. лютого 16.— ЛИСТ О. В. КАПНІСТА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА З ПРОХАННЯМ ПЕРЕВЕСТИ О. О. НАВРОЦЬКОГО В КУРСЬК, МОСКВУ АБО ІНШУ ПІВДЕННІШУ ГУБЕРНІЮ

16 февраля 1849, с. Вознесенск

Беру перо, чтобы напомнить тебе, достойнейший Леонтий Васильевич, о себе просьбою о добром деле. Прими ее как от человека, удалившегося от света, но сохраняющего постоянно живое чувство дружбы к товарищу светлых дней жизни. Разность нашего положения в свете так велика, что одно глубоко врезанное уважение к тебе может служить поводом уверенности, что ты не оставишь просьбы моей без внимания, с которою обращаюсь к твоему сердцу и душе.

Мать Александра Навроцкого, известного тебе по делу Кулиша, Костомарова, Марковича и других, решилась просить гр. Алексея Федоровича не о прощении ее сына, но единой милости, исходатайствовать перевод ему в Курскую или более южные губернии, ибо климат Елабуги сильно точит его здоровье. Содействие твое может спасти молодого человека, больше чем сироту, и мать — больше, чем вдову. Отец Навроцкого бросил жену с детьми без всяких средств жизни, кроме подаяния посторонних.

Сближение сына к матери облегчит участь обоих и, несомненно, обратится в пользу первого и к утешению горько страждущей. Молодой человек не без способностей. Тяжкое испытание в два года времени дало им другое направление и он обратит их на пользу службы. Не откажи помочь этим сирым в мире и бог воздаст тебе.

Мне пришла мысль. Не найдется ли возможным и полезным поручить его брату моему в Москве? Под влиянием этого человека из Навроцкого может образоваться полезный чиновник. Служба, общество и способы жизни сохранят его для службы царю. Отдаю это на твое соображение. Во всяком случае перевод его в благоприятнейший климат для его здоровья будет истинно добрым делом.

Поручая тебе судьбу матери и сына, прошу тебя верить чувствам дружбы и неизменного уважения, которые служат основою этой просьбы во мне и которые навсегда сохранятся в душе беспредельно тебе преданного

Алексей Капнист

Адрес мой: Полтавская губ., в г. Золотоношу

Резолюція Л. В. Дубельта: поместить в доклад о Навроцком.

Ч. VII. арк. 55. Автограф.

№ 359

1849 р. березня 3.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО МОЖЛИВІСТЬ ПЕРЕВЕСТИ О. О. НАВРОЦЬКОГО В КУРСЬКУ ГУБЕРНІЮ

О действительном студенте Навроцком

Жительствующая в Золотоношском уезде Полтавской губ. жена поручика Марья Навроцкая, объясняя, что сын ее Александр Навроцкий, страдая от сурового климата Вятской губ., и, служа там без средств к существованию, теряет последние силы, просит о переводе его в Курскую или в другую какую-либо полуденную губернию. С тем вместе помещик Полтавской губ. Капнист, зная коротко семейство Навроцких, ходатайствует об исполнении означенной просьбы, по тому уважению, что Навроцкая с детьми своими оставлена ее мужем без всяких средств к существованию, а сблизившись с упомянутым старшим сыном, имела бы в нем опору равно и для нравственности сына было бы полезно жить вместе с матерью Навроцкий, окончивший курс наук в университете св. Владимира с званием действительного студента, в 1847 г. оказался прикосновенным к делу об Украйно-Славянском обществе, деятельного участия в этом обществе он не принимал, но, состоя в близком родстве с главным виновным лицом по упомянутому делу Кулаком и жительствуя у него на квартире, он не мог не знать о предположениях украйно-славянистов. Вина Навроцкого более важна по его запирательству, ибо он решительно ни в чем не сознался. За это Навроцкий в исходе мая 1847 г. по высочайшему повелению отправлен в Вятку, выдержан там шесть месяцев в тюремном замке и потом определен на службу в Елабужский уездный суд.

Всеподданнейше докладывая о сем вашему и. в. и принимая во внимание, что из Вятки несколько раз получались мною донесения, вполне одобрительные о нравственности и поведении Навроцкого, я полагал бы возможным перевести его на службу в Курскую губ., с продолжением за ним и там надзора полиции, и на сие осмеливаюсь испрашивать высочайшего вашего величества соизволения.

Подписал ген[ерал]-адъют[ант] гр. Орлов
Скрепил генер[ал]-лейт[енант] Дубельт
Верно: ген[ерал]-лейт[енант] Дубельт

3 марта 1849 г.

Помітка: На подлинном рукою гр. Орлова написано карандашом: «Высочайше соизволил».

Верно: ген[ерал]-лейт[енант] Дубельт

Ч. VII, арк. 56—58. Копія.

№ 360

1849 р. березня 4.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ДОЗВІЛ ЦАРЯ ПЕРЕВЕСТИ О. О. НАВРОЦЬКОГО ІЗ ВЯТСЬКОЇ В КУРСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву Л. А. Перовскому

4 марта 1849, № 370

Милос[тивый] государь Лев Алексеевич!

Государь император по всеподданнейшему докладу моему[37], высочайше повелеть соизволил, высланного в 1847 г. по делу об Украйно-Славянском обществе в Вятскую губ. и ныне служащего там в Елабужском уездном суде действительного студента Александра Навроцкого перевести на службу в Курскую губ. с продолжением за ним надзора полиции.

О таковой монаршей воле сообщая вашему высокопре[восходительст]ву, для зависящего распоряжения имею честь удостоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в истин[ном] почт[ении] и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч VII, арк. 59. Відпуск.

№ 361

1849 р. березня 4.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА О. А. ШНЕЛЮ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ЗА О. О. НАВРОЦЬКИМ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ПІСЛЯ ПРИБУТТЯ ЙОГО ДО КУРСЬКА

Секретно

Его пр[евосходительст]ву А. А. Шнелю

4 марта 1849, № 371

Милос[тивый] государь Александр Андреевич!

В 1847 г. окончивший курс наук в университете св. Владимира действительный студент Александр Навроцкий, хотя не принимал деятельного участия в Украйно-Славянском обществе, открытом в 1847 г., но оказался виновным в том, что решительно ни в чем не сознался, тогда как обстоятельства дела показывали, что он не мог не знать о предположениях украйно-

славянистов. За это по высочайшему повелению он выслал был в Вятскую губ. на службу, с учреждением за ним надзора.

Ныне, по всеподданнейшему докладу моему[38], государь император высочайше повелеть соизволил перевести Навроцкого на службу в Курскую губ. с продолжением за ним и там надзора и об исполнении сего уже сообщено кому следует.

Уведомляя о сем ваше пре[восходительст]во и предлагая вам сделать распоряжение, дабы за Навроцким по прибытии его в Курск имелось и с вашей стороны секретное наблюдение, долгом считаю удостоверить вас в истинном моем почтении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. VII, арк. 60, 61. Відпуск.

№ 362

1849 р. березня 4.— ЛИСТ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО О. В. КАПНІСТА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ДОЗВІЛ ПЕРЕВЕСТИ О. О. НАВРОЦЬКОГО В КУРСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Его высокоб[лагоро]дию А. В. Капнисту

4 марта 1849, № 372

Милос[тивый] государь Алексей Васильевич!

Ходатайство ваше, изъясненное в письме от 16 февраля[39] о находящемся на службе в Вятской губ. Александре Навроцком, и просьбу матери его г-н генерал-адъютант гр. Орлов всеподданнейше докладывал государю императору и его величество высочайше повелеть соизволил перевести Навроцкого на службу в Курскую губ.

С особенным удовольствием уведомляя о сем вас, м[илостивый] г[осударь], и присовокупляя, что об исполнении означенной монаршей воли уже сообщено кому следует, имею честь покорнейше просить вас, не изволите ли известить об этом г-жу Навроцкую. Примите увер[ение] и проч[ее].

Подписал Л. Дубельт

Ч. VII, арк. 62, 63. Відпуск.

№ 363

1849 р. квітня 21.— ЛИСТ О. В. КАПНІСТА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ТЕ, ЩО ВІН ПОВІДОМИВ М. А. НАВРОЦЬКИЙ З ПРИВОДУ ПЕРЕВЕДЕННЯ ІІ СИНА В КУРСЬКУ ГУБЕРНІЮ

Его превосходительству Леонтию Васильевичу Дубельту

21 апреля 1849, Вознесенск

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

С благоговейным чувством прочел я уведомление, коим ваше превосходительство почтить меня изволили от 4 марта № 372[40] о воспоследовавшем высочайшем повелении на счет перевода Навроцкого из Вятской в Курскую губ. на службу и ныне же сообщил о высокомонаршей милости этой его матери.

Чувства матери излились в горячей молитве к престолу вышнего, о благословении дому августейшего семейства и тех, которые милостиво содействовали удовлетворению в просьбе.

Вместе с облегчением участи сына в сердце ее утвердилась надежда, что он обратит в собственную пользу урок молодости с тою признательностию, которая возвышает душу и укрепляет добрые правила в человеке.

Позвольте мне принести вашему превосходнтельству чувствительнейшую благодарность за милостивое внимание к моему ходатайству и уверение в чувствах глубокой признательности истинного почтения и преданности, с коим честь имею быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Алексей Капнист

Помітка про одержання: 6 мая 1849

Ч. VII, арк. 64. Оригінал.

№ 364

1850 р. листопада 21.— ВІДНОШЕННЯ СЕНАТОРА О. Ф. ДУРАСОВА [41] ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО НАДІСЛАННЯ ПРОХАННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО ЗВІЛЬНИТИ ЙОГО ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Его сият[ельств]у гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

По прикосновенности к делу об Украйно-Славянском обществе, воспитывавшийся в Киевском университете, ныне смотритель типографии Курского губернского правления, губернский секретарь Александр Навроцкий в 1847 г., по высочайшему повелению, отправлен был на службу под надзор полиции в Вятскую губернию, откуда переведен в 1849 г. в Курск с удержанием над ним полицейского надзора.

13 сентября текущего года [у]помянутый Навроцкий вошел ко мне с просьбою о ходатайстве перед верховным правительством снять с него, увлекшегося нелепыми понятиями в молодости, полицейский надзор, как пятно, от коего волею милосердного монарха избавлены уже прочие его, Навроцкого, товарищи и которое лишает его всякого хода по службе и уважения в жизни общественной [42].

Собрав [43] о губернском секретаре Навроцком надлежащие сведения и получив о нем, как от г-на управляющего губерниею, так равно и со стороны местного жандармского штаб-офицера майора Горшковского лично похвальный во всех отношениях отзыв, я за сим просьбу означенного чиновника решаюсь представить при сем вашему сиятельству на тот конец, не изволите ли вы, милостивый государь, признать возможным повернуть оную всемилостивейшему воззрению его и. в.

С глубоким высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Федор Дурасов

Ноября 21 дня 1850 г., № 2685, г. Курск

Резолюція Л. В. Дубельта: Освобожден ныне от надзора. Уведомить.

Помітка про одержання: 6 декабря 1850

Ч. VII, арк. 65, 66. Оригінал.

№ 365

1850 р. вересня 13 [44].— ПРОХАННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО ДО СЕНАТОРА Ф. О. ДУРАСОВА ПРО ЗНЯТТЯ З НЬОГО ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Его превосходительству, сенатору, ревизующему по высочайшему повелению Курскую губ., г-ну тайному советнику и кавалеру Федору Алексеевичу Дурасову, состоящего на службе в Курском губернском правлении смотрителя типографии, губернского секретаря Александра Александровича Навроцкого

Прошение

За прикосновенность к делу об Украинско-Славянском обществе я в 1847 г., по высочайшему повелению, отправлен был на службу под надзор полиции в Вятскую губ., откуда по просьбе родных переведен в 1849 г. в Курскую губ., с удержанием надо мною надзора полиции.

Четырехлетнее испытание и безукоризненные отзывы обо мне начальства, наконец, собственный опыт, показавший мне всю нелепость прежних идей, которые были нечто иное, как следствие увлечения неопытной молодости, осмеливают меня прибегнуть к милостивому вниманию вашего превосходительства и просить ходатайства у августейшего монарха об освобождении меня от надзора полиции, как пятна, которое не дает мне хода ни по службе, ни в жизни общественной, где каждый имеет право смотреть на меня, как на члена, вредного обществу и престолу.

Повергая участь мою, через посредство вашего превосходительства, воле великодушного монарха, щедро изливающего свои милости на всех, я смею питать себя надеждою, что просьба того, кто полон горячей любви и ревностного участия к престолу и отечеству, не останется без милостивого внимания августейшего монарха.

Тем более прибегаю под покровительство вашего превосходительства, что товарищи мои, подвергшиеся одной со мною участи, по представлению своего начальства получили монаршую милость. К сему прошению подписался губернский секретарь

Александр Александровнч Навроцкий

850 г. сентября ... дня

Помітка про одержання: 13 сентября [1850 г.]

І. VII, арк. 67, 68. Автограф.

№ 366

1850 р. грудня 8.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА Ф. О. ДУРАСОВУ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ О. О. НАВРОЦЬКОГО ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Его превосходительству Ф. А. Дурасову

декабря 1850 г., № 2492

Милостивый государь Федор Алексеевич!

Вследствие отношения вашего превосходительства от 21 ноября № 2685 [45] имею честь уведомить вас, милостивый государь, что еще до получения ходатайства вашего превосходительства об освобождении от полицейского надзора смотрителя типографии Курского губернского правления,

губернского секретаря Навроцкого, я входил о сем чиновнике со всеподданнейшим докладом, и государь император высочайше соизволил на снятие с него означенного надзора, о чем мною для зависящего распоряжения сообщено уже г-ну министру внутренних дел.

Примите, ваше превосходительство, уверение в истинном почтении и совершенной преданности.

Подп[исал] гр. О р л о в

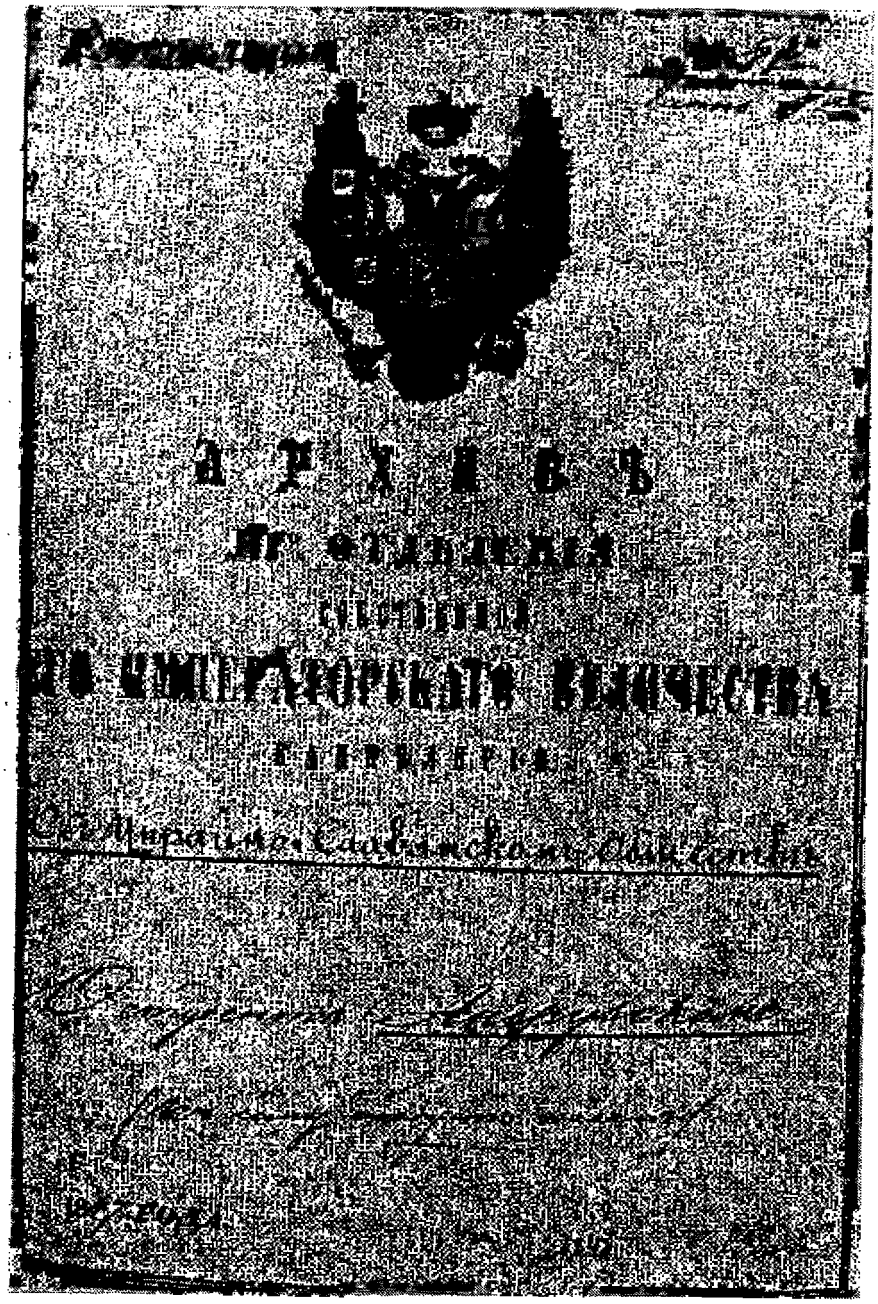
Верно: коллежский советник М и л л е р

В кінці документа приписка: Навроцкого в 25-летие царствования государя императора высочайше дозволено освободить от надзора. См. 8-ю часть дела 1850 г. под № 185 о милостях к 25-летию.

Ч. VII, арк. 69—71. Відпуск.

ЧАСТИНА ВОСЬМА

СПРАВА
Г. Л. АНДРУЗЬКОГО



АРХИВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Съ Мураймо-Славянскомъ Обществѣ

№ 367

1847 р. квітня 8.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ЧЕРНІГІВСЬКОГО, ПОЛТАВСЬКОГО І ХАРКІВСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА М. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО ОБШУК ТА АРЕШТ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Весьма секретно и нужное

Его сият[ельст]ву кн. Н. А. Долгорукову

преля 1847 г., № 549

Милостивый государь кн. Николай Андреевич!

В г. Пирятин, Полтавской губ. отправился из Киева к своим родителям екоштный студент университета св. Владимира Андрузский.

По высочайшему повелению, имею честь покорнейше просить ваше ятельство, не изволите ли немедленно командировать в Пирятин самого агонадежного чиновника, приказав ему внезапно осмотреть все бумаги вещи студента Андрузского, и если в оных окажется что-либо наводящее мнение на политическое злоумышление, то отправить Андрузского, вмес- с означенными бумагами и вещами, в С.-Петербург, в III отделение с. и. в. канцелярии, в сопровождении благонадежнейшего и верного чиновка, под самым строгим надзором.

Ожидая о последующем уведомления вашего сиятельства, имею честь остоверить вас, м[илостивый] г[осударь], в совершенном моем почтении и еданности.

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

VIII, арк. 1. Відпуск.

№ 368

1847 р. травня 10.— ВІДНОШЕННЯ ПОЛТАВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. ОЗНОБИШИНА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО АРЕШТ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ПІД ЧАС ЙОГО ПЕРЕПРАВИ ЧЕРЕЗ ДНІПРО

Весьма секретно и нужное

Г-ну шефу корпуса жандармов

я 10, 1847, г., № 57, Полтава

О студенте Андрузском

После донесения моего вашему сиятельству от 8 сего мая за № 54[1], тный пристав полтавской градской полиции, возвратясь в Полтаву, нес мне, что своекоштного студента университета св. Владимира Андруз-ого, а равно бумаг ему принадлежащих и вещей, за самоаккуратнейшими знаниями в г. Пирятине и в имении отца его помещика Пирятинского да Андрузского, жительствующего от г. Пирятина в 25 верстах, не ока-ось, отец же его объявил, что помянутый сын его был на прошедших тлых праздниках воскресения христова в доме 5 дней, откуда отправил- в г. Киев и при переправе чрез реку Днепр взят полицейским чиновни-м киевской полиции для представления тамошнему начальству, о чем ва-му сиятельству долгом поставляю донести.

Гражданский губернатор Ознобишин

мітка про одержання: 19 мая 1847

VIII, арк. 2. Оригінал.

№ 369

1847 р. травня 8.— ВІДНОШЕННЯ ПОЛТАВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. І. ОЗНОБИШИНА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ В ПИРЯТИН ПРИСТАВА ДЛЯ ОБШУКУ Й АРЕШТУ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Весьма секретно и нужное

Г-ну шефу корпуса жандармов

Мая 8 дня, 1847 г., № 55, Полтава

О студенте Андрузском

Начальник Харьковской губ. и военный губернатор г. Харькова передал мне сего числа отношение вашего сиятельства от 8 апреля за № 549[2] бывшему черниговскому, полтавскому и харьковскому генерал-губернатору о студенте университета св. Владимира Андрузском.

Вследствие чего для исполнения изъясненного в том отношении высочайшего повеления вместе с сим командирован мною один из благонадежных частных приставов полтавской градской полиции в г. Пирятин для внезапного опечатания всех бумаг и вещей студента Андрузского и доставления его с оными ко мне; о чем долгом поставляю довести до сведения вашего сиятельства; о последствиях же настоящего распоряжения о студенте Андрузском буду иметь честь донести немедленно по прибытии его сюда.

Гражданский губернатор Озноб ишин

Помітка про одержання: 20 мая 1847

Ч. VIII, арк. 3. Оригінал.

№ 370

1847 р. квітня 2.— ВІДНОШЕННЯ КИЇВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА І. І. ФУНДУКЛЕЯ ДО III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ОБШУК, АРЕШТ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО Й ВІДПРАВЛЕННЯ ЙОГО В ПЕТЕРБУРГ

Весьма секретно

В III отделение с. е. и. в канцелярии

2 апреля 1847 г., № 648, г. Киев

После отношения моего в III отделение от 30 марта за №640[3], возвратился в Киев из Пирятина студент университета св. Владимира Георгий Андрузский, который, вследствие полученного мною предписания г-на киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора о сделании у него обыска, немедленно доставлен был ко мне. У него оказалась тетрадь с разными стихотворениями[4] и, сверх того, два проекта о преобразовании России[5], писанные собственноручно Андрузским и, по уверению его, им же самым сочиненные, в чем никто другой не принимал участия.

Проекты эти и тетрадь со стихами долгом поставляю представить в III отделение вместе с самым студентом Андрузским для сопровождения коего под строгим караулом назначен один рядовой жандарм.

Граждаяский губернатор Фундуклей

Помітка про одержання: 11 апреля 1847

Ч. VIII, арк. 4. Оригінал.

№ 371

1847 р. квітня 17.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА III ВІДДІЛЕННЯМ РЯДОВОМУ КИЇВСЬКОЇ ЖАНДАРМСЬКОЇ КОМАНДИ М. КОЛОМІЙЦЕВУ ПРО ПРИВЕЗЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ДО ПЕТЕРБУРГА

Квитанция № 606

Дана сия рядовому Киевской жандармской команды Марку Коломейцеву в том, что доставленный им из Киева студент Андрузский с его бумагами и вещами, принят в исправности в III отделении с. е. и. в. канцелярии.

Апреля 17 дня 1847

Под[писал] старш[ий] чинов[ник] Попов
Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. VIII, арк. 5. Копія.

№ 372—495

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— ТВОРИ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО, ВИЛУЧЕНІ ПІД ЧАС АРЕШТУ І ДОСТАВЛЕНІ В III ВІДДІЛЕННЯ

№ 372

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— ПЕРШИЙ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦІЇ

Проект

Достижение возможной степени равенства и свободы преимущественно в славянских землях

Ныне всякий порыв к реформе был бы безполезен. Препятствием тому служит: 1) Разделение народа на сословия, друг другу чуждые и нередко враждебные; 2) Произвол монарха; 3) Неправильное направление образования.

Требуется: а) слить сословия, или общим благородным интересом тесно связать их; б) дать воле монаршей препон законами и внушением, как монарху, так и подданным христианских понятий о человеке и человеческих обязанностях; в) образовывать более сердце, чем ум; более для семейной и служебной жизни, чем для света. Любовь к отечеству и вере должна оживлять и внедрять всякое познание. Избегать при сем нужно: подрыва сословий, необходимых отечеству: земледельцев, ремесленников, купцов и т. д. и в особенности — духовного; г) произвола народного; д) впадение в фанатизм или же в скептицизм.

Меры для приведения в исполнение предполагаемого: ист[ина] тогда истинно хороша, когда оправдывается в приложении; посему и меры для приведения в исполнение нашей ист[ины] должны быть как можно более обсуждены и взяты как из нравственного, так и физического быта людей[6]. Мы должны при этом брать во внимание, как уже выше заметили, народ — жизнь физическая, проявляющаяся в сословиях; жизнь нравственная в образовании и в истории сюда относится: власть! Так как жизнь физическая предшествует и приуготовляет к нравственной, то сперва и обратим внимание на первую.

О состоянии народа на Руси

Весь народ разделяется на сословия: благородное владычествующее — дворяне; неблагородное[7]— городовое и сельское.

Городовое: купцы, ремесленники, вообще мещане.

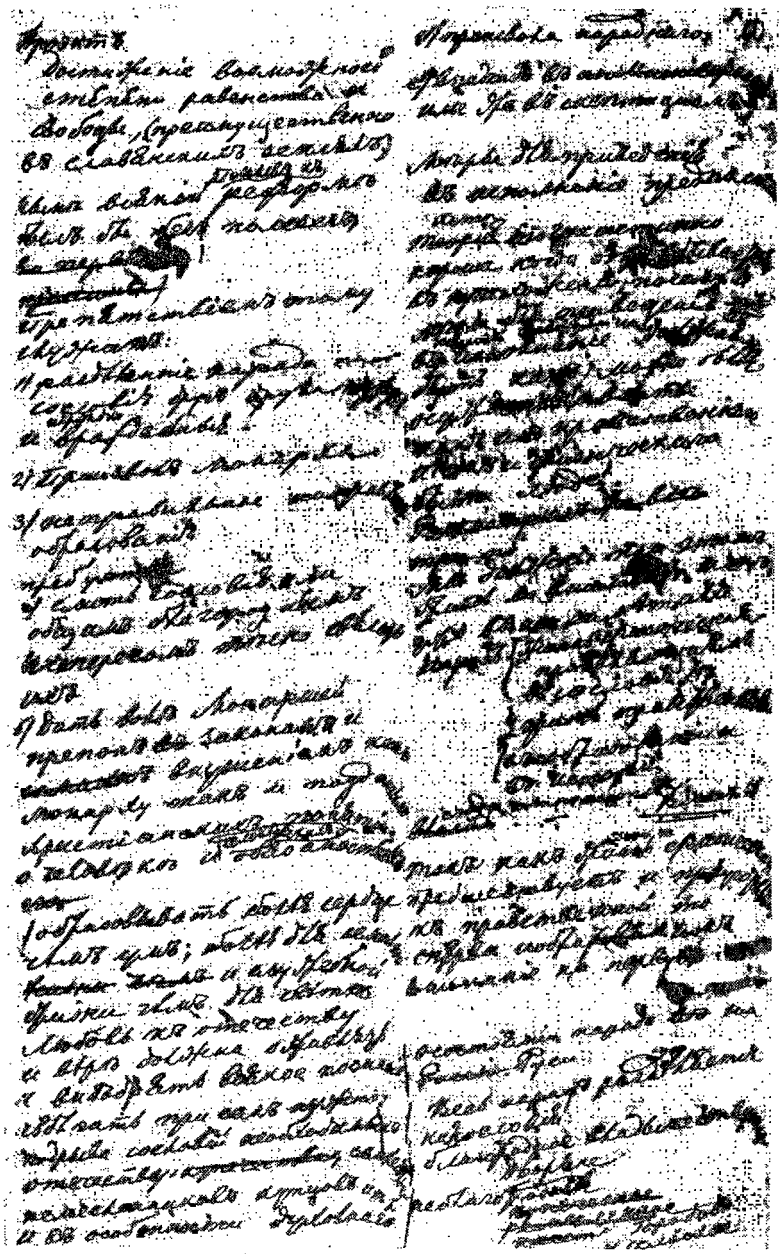
Сельское: вольные (в Малороссии) казаки и податные: казенные, барские. Благородное сословие освобождено от платежа. Есть еще однодворцы и пр[очие], но они не что иное, как выродки двух сословий. Из того видим, что низший класс несет на себе все повинности и образует лицо страдательное. Резкость деления несколько ослабляется купечеством, преимущественно же ученой частью, где, кроме некоторых случаев, обращается внимание на заслуги не по роду. Военная — самая тяжелая, вредная для народа по своим началам и положениям, а по сему требует решительной реформы.

Для ослабления сословий и слияния народа [в] целое должно: 1) уничтожить роды; 2)[8] личная свобода каждого; 3) равные права государственные[9] для всех. Уничтожение родов поведет к унижению недостойных и возвышению полезных, изгладить в народе рабское понятие, облагородит образ мыслей так, что благородны не по одному званию будут, допуская на важные места людей всякого происхождения.

Правительство много найдет истинно полезных, которые укажут нужды народа, требования века и облегчат всякое доброе дело правления. Также оно побудит к образованию, а чрез это к возможнейшему искоренению всякого зла: оно будет на виду. Свобода простого народа довершит это, вкоренив образование во всех слоях народа, и дав свободу развиться народности, что есть первое условие высшей степени благосостояния общественного, равные права государственные для всех лиц дадут власть мудрости. Посему каждый должен нести государственные повинности и каждый же имеет право заботиться о благе своего отечества.

Средства к уничтожению родов: сперва должно ослабить, ослабнет — само падет: a) наложить подать и на дворян[10]; b) строго наблюдать за благородством благородного сословия и недостойных изгонять; c) ценить заслуги, а не род; d) государь принятием титула гражданина подал бы этим высокий пример; e) уничтожение придворного штата; царя должен окружать и охранять сам народ, иначе царь — деспот. Уничтожение титулов, право гербов для всех; f) не жаловать в дворянство и не возвращать оного звания лишенным, не обращать на него особенного покровительства; g) дворянин, не имеющий способов прилично себя содержать, не служащий отечеству и не имеющий приличного образования, лишается сего звания. След[овательно], Георгий Андрузский лишается дворянства.

Таким образом, обессиленное в правлении, ослабленное в числе оно само собой падет. Тяжел только первый шаг, но посте[пен]ность значительно облегчит его. Свобода личная каждого достигнется при следующих положениях: a) дарование личной свободы царским и казенным крестьянам; также солдатским слободам; b) уменьшение армии и издержек на высшие чины; за вырученные суммы выкуплять крестьян из опекунского совета, заключая с ними условие о выплатах суммы, но в течение 20, 30 и 40 лет и далее; c) помещик владеет не крестьянами, а землею, крестьяне ж служат ему по земле; d) нерадивый помещик лишается[11] имения; e) министры и вельможи не должны приобретать крестьян; f) крестьянам повымерших близких родных их господ (дети одних родителей, дети родных братьев, сестер) даруется свобода, не принимая во внимание дальнейшей родни; g) крестьянин должен иметь землю, иначе обязан записаться, по какому роду ремесла и прочее; i) дети, имеющие одного из родителей свободного состояния, свободны по праву рождения; j) дар имений должен быть под условием. Помещик [при этом] вступает во владение их; k) помещик обязан для своих крестьян



Перша сторінка першого проекту конституції Г. Л. Андрузького

содержать школу, иначе подвергается статье о нерадивых; l) дворянин, освободивший своих крестьян, изъемлется от всяких повинностей, служб и имеет право выбирать место и род жительства по произволу. В случае бедности ему и его детям жалуется пенсия по достоинству его поступка. Это не простирается на тех, кто отказался по требованию законов; m) дворянин, имеющий менее 10 семей, должен или же прикупить, или же продать в казну; казна же поступает на основании § 6; n) одними и теми же крестьянами в одно и то же время не могут владеть несколько господ; p) мужчины 60, женщины 50 лет свободны; но помещик должен их содержать по смерть или же снабдить полным хозяйством; r) падчерицы и пасынки не наследни[ки]; s) имеющий более 5000 душ прикупать не может; t) духовные не могут владеть крестьянами на основании этих правил, помещичество заклеймиться презрением и необходимо должно рушиться.

Равные права государственные суть: 1) законы для всех одни и те же; 2) места и почести доступны для всех безусловно: это при нынешнем образе правления государь всегда может и обязан сделать; необходимо внушить эти понятия каждому. Итак, права русина: a) личная свобода, в) равенство пред законом, c) он благороден не по рождению, а по жизни.

О духовных

В духовные избирать достойнейших. Достоинства: a) безукоризненная нравственность, в) образованность, но при этом необходима добрая воля. Дети священнические суть не более, как и другие и имеют полное право на выбор рода жизни. Внушение истин Евангелия и потребнейших познаний ремесл сделает священника подпорою, отцом своего прихода. Они должны жить меж простым народом, а по сему должны по преимуществу избираться из лиц образованных, простого народа. Тогда ни они поселянам, ни поселяне им не будут в тягость.

Прим[ечание]: Уничтожением сословий правительство не проиграет, а опыт докажет превосходство в этом случае монархизма, [...][12], указав же недостатки его, улучшить, облагородить (*Прим. док.*).

Ч. VIII, арк. 10[13], 11. Автограф.

№ 373

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— ДРУГИЙ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦІЇ

Идеал государства

Каждое государство должно уподобляться семейству. Не все и семейства хороши, а тем более в нем извинительны погрешности, так как его связывает не родство, а политика. Какие ж меры могли бы возвесть государство на возможную степень совершенства? Конечно, им нет числа и меры, но вот некоторые мне пришли на ум. Они касаются, во-первых: a) равенства, б) свободы, в) власти, г) закона; во-вторых: a) религии, b) сословий, c) повинностей.

Статья 1-я. О равенстве

Равенство в отношении к другим двоякое: общее — по праву рождения и частно — по праву заслуг. По рождению каждый имеет право: a) свободы (см. статью 2-ю), b) имущества, c) рода жизни, d) покровительства законов наравне со всяким другим. По заслугам (законным): a) приобретение власти, б) почестей, приимуществ наравне с каждым, оказавшим такие ж заслуги. Заслуги ж противозаконные подвергают лишению и тех и других прав.

Заслуга тем важнее, чем она полезнее для самого государства, и тем ничтожнее, чем круг ее сокращенней.

На частное равенство имеет право: а) ум и б) общая польза. Посему, как видно, частное равенство есть ограниченнее общего и справедливость оного выводится из самой натуры человеческой. Иные родятся умные, другие — глупые, тот красив, этот добр и пр. Притом же и в самом малом семействе умнейшее дитя больше уважается в власти [имеет больше], чем другие; конечно, правило не без исключения, бывает и наоборот.

Наше общее равенство отвергает сословия в некоторых отношениях, а именно: 1) и пастух, и сын вельможи равно могут стремиться к возвышению, 2) и вельможа, и пастух равно повинны закону, 3) отец не передает своих частных прав сыну и тот с рождения получает только права общие, частных же может достигать [сам]. Следовательно: 1) дворянство ни же какое другое сословие, дающее частные права [14] и преимущества, по рождению не должно. Существование же цехов, купечества, земледельчества, военных не должно [15]. Существовать же должны сословия: духовное, купеческое [16], промышленное, военное, ученое [17], земледельческое.

Все они должны иметь свои права по мере приносимой ими пользы: духовенство поучением слову божию утверждает государство на незыблемом основании. Правительство своими попечениями внедряет мир и благоденствие в государстве. Военное: охраняет государство от врагов внешних и спомоществует правительству против врагов внутренних народа. Ученое: учением образовывает, облагораживает, приспособляет к лучшей и счастливейшей жизни. Земледельческое: доставкою сырых материалов питает и поддерживает целое государство. Промышленное: отделкою материалов улучшает способ жизни. Купеческое: способ жизни торговлею облегчает, но и тут отец не передает своих частных прав сыну.

Статья вторая. О свободе

Свобода может быть допущена только личная; всякая ж другая будет уже своеволием. По праву личной свободы: а) Я сам ни от кого, кроме бога, закона и власти, установленной законом, не завишу. След[овательно], рабов не должно быть. в) Имею право делать все безвредное для других и не осужденное законом, хотя б оно и вред мне принесло, напр[имер], подарить мое имущество кому-либо, простить нанесшего мне огорчение и прочее. с) По праву этой же личной свободы, могу защищать нарушенный закон, ибо я живой член государства, а не машина. d) Право полной свободы мышления; но только в отношении к самому [себе] и для себя, иначе этим нарушу вышеуказанное право для других. Всякая иная свобода в действии не принесет пользы, что можно сказать отчасти и о правите[льстве]. И никто [не] властен запретить мне думать то, что я хочу.

Статья третья [18]. *Закон*

Народ поставляет действующие законы, кои суть коренные, и их только вправе отменить, постановить народный сейм; всякий же может указывать его недостатки и требовать улучшения, или же уничтожения. Общие или повсеместные — улучшать может власть, уничтожить — народ, представлять о них — каждый.

Частные или ж повсеместные: представлять о нем может всяк, улучшать и уничтожать: 1) власть, 2) [...] [19] сейм из части народа, до которой он касается.

Примечание: власть может улучшать или видоизменять закон только с согласия имеющих право его уничтожить. Посему, как видим, законы учреждать могут: коренные и общие — народный сейм; частные, поместные — жители тех мест и, наконец, каждое сословие — само для себя,

каждый человек — сам может учреждать законы, лишь бы они не были в противоречии или не ограничивали действующих в государстве. И поместные законы не должны противоречить и ограничивать повсеместные и коренные. Посему, каждый поступок, противодействующий законам, есть преступление. Законы, установленные сословием с общего согласия по вышеуказанным правилам, вписываются в свод государственных законов и получают силу действующих, дабы ж эти правила не были нарушаемы, всякое действие властей должно быть печатным для общего сведения и каждый имеет право протеста.

При сем надлежит заметить необходимость существования газет общегосударственных и местных газет, из коих в каждой печатаются действия, общегосударственные и тому месту касающиеся, также печатается ежегодно общегосударственные годовые отчеты по управлению государством, замечательнейшие в нем события, о необходимостях [20] и пр., каковые отчеты и рассылается по городам для должного народного сведения.

Прим[ечание]: правительство может утаивать [21] свои действия вне государства, но в утайке их должно по первому востребованию оправдаться: внутренних — таковых не должно быть.

Если власть хочет что ввести законом недозволенное, или уничтожить, ограничить им установленное, то должна о сем возвестить печатно все места, до коих это касается, и назначить срок для отвечания отзывов или письменного ответа, или присылки депутатов личного присутствия и прочее.

При исполнении всего этого, мнения рассматриваются, составляется общее и печатается снова для всеобщ[его] сведения подавших мнения и если $^3/_4$ из них согласны, то оно признается в числе действующих законов. Если же частные, одно или несколько лиц, намереваются видоизменить, уничтожить и ввести новый закон, то должны о сем публиковать, до кого он касается. Ответ на оную публикацию или доводиться до сведения власти для собрания депутатов и пр. к решению, или же прекращает дело в самом начале.

Каждое лицо властно участвовать и не участвовать в этих делах, посему молчание приемлется в пользу большей стороны.

Каждая газета должна состоять из официального и частного отдела. Официальный: а) действия в отношении коренных законов и обычная; б) действия в отношении частных того места законов; в) протесты в отношении первых; г) [протесты в отношении] вторых; д) меры правительственные.

В этой части каждый может печатать бесплатно, но и сам платы добываться не вправе: а) замечательные события в государстве, народные; б) правительственные; в) областные; г) местные; д) частных лиц; д) статьи, касающиеся наук, искусств, художеств, ремесел; е) проекты могут быть приудержаны правительством к даровому печатанью. Беллетрическая часть все, кроме печатание последних, в воле редактора газеты. Таковая газета может быть запрещена правительством.

Содержание государственной общей газеты: а) действия правительства в отношении целого государства [22]; б) оправдание на обвинение и ответы; в) предложения мер. Печатание ее совершенно зависит от власти.

Народная оппозиционная газета: а) протесты против проступков правите[льства]; в) требования у него отчета по какому-либо делу. Буде кто три раза ложно протестовал печатно, то лишается права протеста за первым разом на 10 лет, наказывается на законных осно[ваниях], за вторым — навсегда; c) предложение ему мер; d) реформа законов общих и коренных; e) описание мер правительственных; f) предложение народу сейма. Все таковые статьи печатать может в ней всякий и безденежно [23], но сперва должен подавать на [24] решение народного трибунала, состоит же из депутатов, от областей и сословий ежегодно выбираемых и присутствующих в столице.

Опозиционная газета издается этим трибуналом, но она права законодательства и власти не имеет.

О власти

Правительство может все делать, что только не противно законом, на все ж другое испрашивает дозволения. Оно имеет: а) право помилования[25], но наказывать должно по законам; миловать же согласно с лицами, имеющими в деле участие; б) строить города и пр., делать полезные учреждения, но ничего существующего не может уничтожить без опоры на закон; в) заключать торговые и мирные договоры, но не во вред государству, словом, оно может и должно делать все доброе, полезное и ничего злого; г) на объявления войны нужна воля народа, кроме случаев, указанных законом.

О религии

Религия должна быть свято уважаема и никакие действия, никакой закон не должен противоречить ей. Посему закон таковой правительство само по себе может уничтожить, доказав это и не получив опровержения. Духовенство должно стоять на почтительной степени.

О сословиях

Каждое должно иметь свои привилегии, но этим не подрывать как государственного интереса, так и др. сословий, а тем более законов. Цель существования сословия — должна быть общая польза народная, иных же быть не должно. У каждого из них должны быть свои журналы, газеты, школы и заведения образующие людей знающих и приносящих истинную пользу, как своему обществу, так и всем.

О повинностях

Каждый обязан платить на содержание государства по мере сил на законных положениях. Посему, несостоятельный вовсе освобождается, а богатые платят более бедного, но неплатящий должен служить, буде способен и прочее (см. таблицу постепенного возвышения платежей). Правления ж в таких случаях найлучшее — республика. Если правительство возвестило о своей мере и опровержение не оказалось в продолжении срока (не менее 1-го месяца), меры получают силу. В трибунал [...], из коих власть одного [...][26] исключается меры требующие немедленного действия, но в таких случаях, власть в последствии оправдать должна, [в изложении] каждого закона указывается наказание за нарушение нарочитое, неумышленное, вынужденное и по неведению[27].

Если б солдат желал продать свое это имущество, а ни помещик, ни крестьяне не покупают (или же и в дар не принимают), то он властен продать его вольным крестьянам смежной земли, или же, наконец-то, казне, которая обязана покупать. Солдат волен от всяких повинностей.

Вольные крестьяне, чтобы иметь право на свою вольность, должны указать на способы пропитания своего. Иначе же правительство дает ему казенные земли, на которой выкупиться может взноскою единовременно, или в продолжении 25 лет по 15 руб. серебром. Состоит на правах помещичьих крестьян. Каждая деревня обязана блюсти в исправности свои моты, дороги, переправы, гати, плотины, грани[цы] и прочее, на какие дела назначается по приговору громады свободное время.

В случае неисправности, имеет к тому понудить и заставить, по приглашению помещика, правительство. Особенно на сии работы должно побуждать заставлять в зимнее время, когда крестьяне свободны, о чем должен заботиться помещик, ибо ответственность лежит на нем. Из тяжебных денег десятаю часть идет в казну. По пресечении помещечьего рода, крестьяне получают свободу.

Помещик может освободить крестьянина, не дав ему от себя ничего (разумеется, кроме собственности), а освобожденный во всем несостоятелен вчисляется в число и в § о несостоятельных из свободного состояния. За обиды крестьянин может жаловаться властям, но ежели он хоть как-нибудь на них ответствовал, не имеет права жалобы. Круглого сироты крестьянина опекуном — помещик. Девушка не ранее 18 лет подчиняется наказу. Детей же обязан наказывать родитель, а не помещик. Дети считаются не подчиненные наказу.

Права наказания. Главнейшие: a) преступление наказа, b) ослушание правому требованию; c) грубость на словах, брань, d) дерзость в поступках, угрозы; e) подъятие руки на помещика, побои ему: за первое — плети, за второе — арестантская рота на 10 лет, а потом до 25 счетом — солдатчина, f) буйство, g) пьянство, k) запущение хозяйства, l) нерадение о семействе, m) жестокость в семействе, n) бродяжество.

Наказания: выговоры, лишения следуемого, заключение в местную тюрьму, временная ссылка в арестанство и телесное наказание, которое может быть производимо от помещика только в случае: e) и иногда, c) и d, но эти d) в присутствии чиновника.

За буйство — уплата, в случае нанесения потерь — тюрьма и по приговору громады — плети, но не иначе; наконец, солдатство, арестанство, когда все меры истрачены; g), l), m), n) — церковное покаяние, лишение личного права на собственность, исправитель мер и, наконец, [...] [28] — солдатство, арестанство, но на последнее должно быть согласие громады, кроме случая g) и n), или же допроситься правительства о принятии мер. Всегда поступок, не ведущий за собою особенно вредных последствий, должен быть, по возможности, прощаем. Обо всяком решении должна ведать громада.

Отец-крестьянин может отдать сына в учение, в другое место, давши помещику (буде сын уже работающий) за него работника, уплатить повинность за него и представить сумму, что и за будущее заплатить может, которая сумма и вносится в ведение громады. Помещик непременно должен одного из крестьян на свой счет ежегодно воспитывать в гимназии, на что преимущественно берутся дети-сироты, безродные, коих он опекает также по приговору мирскому, буде воспитываемый окажет в гимназии способности, правительство имеет право его выкупить за платы в 300 руб. сер[ебром] и отдать в один из университетов. Отец-крестьянин может отдать сына в университет, заплатив помещику повинность за него за все годы пребывания впредь и поставив за него работника или уплатив сумму на поставление. Чрез это сын его по окончании образования волен от служб на господина (буде где служит) и платить в виде повинности, оконч[ив] уни[верситет], но на половину жалованья, в продолжении 10 лет, после чего совершенно свободен. Имеет же право поступить на службу вне воли помещика получивши степень в университете или медаль в гимназии. Орден освобождает его от всякой зависимости помещика и прежде 10 лет. Помещику не воспрещается воспитывать на свой кошт и в университете, но в таком случае, должен дать правительству обеспечение что на все время обучения изъемлет его от всякой своей власти [29], будет продовольствовать и одевать во все время обучения. Хотя бы таковой и поступил на казенный [счет], все таки этим не освобождается от крестьянства. Из жалованья платит казна, он, значит, только получает половинное.

Господин платит крестьянам [30] от хлеба: от косовицы вручную — 6 сноп, от молотьбы — 8 сноп, от посева, посеянного в день крестьянина, если его лошадью, волом — от одного, в господский день — 3 коп. сер[ебром], в чужие ж дни — уговор [31].

Крестьянин может прикупать, прикупленные — продавать по своей воле, если они куплены не у своего владельца или его крестьян [32].

Подать[33], *имущество и капиталы*[34]

Если деньги в русском банке и с них доходов вкладчик не получает, то и платить не повинен или платит, хоть какие-либо повинности. А буде в заморском, то ни в каком случае от платежа не освобождается. За границу вывесть можно не более миллиона, уплатив за него 10 руб.

Никто не может жить вне службы, если не укажет на способы своей жизни[35]. Платеж берется от всяких доходов, которыми живут. Буде с имения меньший доход получается, чем следовало б, то и платится менее в соразмерности, но для этого нужны доказательства и принимается во внимание от помещиков, судя по цене имения на аукционном торге.

Пожар, неурожай, падеж скота — долги приобретенные.

В облегчение платежа по имению: 1) цена на аукционном торге; 2) пожар (не более, как на 10 лет), падеж, неурожай, (сообразно их важности); 3) долги полученные по имению, но неприжитые; 4) бедность края (статистическая). Также: особенное благоденствие крестьян, а именно: а) собственный грунт; в) скот рабочий и домашний (лошадь, вол, корова и пр.); с) довольство сельское — именно, что крестьянин может выплатить оброк без всякой тягости; d) люди грамотные, ремесленники и пр.; е) школа.

[В] таком случае уменьшается вдвое[36]: когда все статьи выполнены[37].

Следствие: а) местное освидетельствование, добровольное признание крестьян о них, в) счастливой жизни. На следствие назначаются: 1) два депутата от крестьян волных того уезда; а) непременно должно быть ими подтверждено. Должны быть люди старые, почтенные без зазорного поведения; 2) депутат от города; 3) чиновник из губернии; 4) депутат от университета; 5) депутат от епископства, монах известный святою жизнью[38]. Облегчается, если крестьяне сами изъявят свое согласие[39] и в таком случае делается местное освидетельствование для узнания, добровольное оно или принужденное. Податной платит только владельцу, если на оброке — третью часть выработка[40]. Плата увеличивается сообразно величине его доходов[41]. Каждый семейный крестьянин должен иметь собственность: а) хоть полосу земли,) хату, огород, одежду; с) лошадь или вола, d) корову, овцу, свинью — приобретенное им за свои деньги или за свою собственность, принадлежит ему неотъемо. Земли, хаты продать невластен без воли помещика, в таком случае должен снабдить новыми из вещей и животных, буде каждая и каждое из них непоследнее из своего рода у него. Работает на помещика[42] 3 дня, через 3 дня. По утру в воскресенье и праздники — свободен. Совершенно свободен от работы господской: в господни, богородицы, царского рождения и собора сельского дни и во все праздники и воскресенья зимой. 3 свободные дни от господской работы, волен, работать себе и другим; но из села выехать может только за 30—40 верст и не иначе, как с письменным дозволением владельца, в котором тот неволен, как разве за его наказом. Буде он просрочил, т. е. господские дни заметить господ вправе, завернуть их: летние — летом, весенние — весной и т. д., но не праздничные и воскресные. Весна — до косовицы, лето — до конца уборки хлеба, осень — до конца посевов осенних, зима — до начала весенних посевов. Крестьянин 65 лет, крестьянка 60 — освобождаются совсем от всяких работ. Выкуп зависит от воли господина.

е) Суд и расправа или та роспись, которая не иначе должна быть производима, как пред этим столпом. [От] несправедливого ж наказания крестьяне сами вольны изъять своего собрата, но сами расправляться с помещиком невластны, иначе сочтутся за бунтовщиков. По собрании списков из россией, они должны доставиться в одно общее место и из них образовать вместе с прочими бумагами наказ во владение, который, смотря на возможности, должен выполняться и улучшаться. С крестьянином до 16 лет, по-

ступать, как бы дитятей. По наступлении ж 16 лет ему пред целым народом читается этот наказ и он уже совершенно подлежит. 20 лет крестьянин и 20 лет крестьянка одного и того же помещика имеют право вступать в брак, но должны представить помещику средства своей будущей жизни честной и довольной, иначе все зависит от воли помещика. Дворовые люди совершенно зависят от помещика; он должен их одевать, питать и над собственностью их не иметь права; семейные и при дворе пользуются равно правами, но только о собственности, всеми правами, но жилище у них может быть на посессии, помещик не вправе брать во двор крестьянина, если он отец — семянин, или один сын у родителей; о дочери тоже разумей. Может же целую семью взять во двор, буде вона необзавелась и терпит нужды или по ее собственному согласию.

В рекруты отдаются: а) по доброй воле, если он не единственный сын в семействе или семьянин; в) в наказание за преступления (которые и должны быть изображены в наказе); с) по приговору громады из семейств, еще не давших рекрута. Рекрут может откупиться, исключая статьи «б»; впрочем, помещик имеет полное право помилования. По удалении взятого в рекруты, ежели он имущества не продал и не отступил, об нем печется его родня; буде же нет ее — громада и половинная часть дохода отсылается ему, половиною пользуются работавшие; по возвращении рекрута, имущество ему снова возвращается. Об имуществе статья тогда имеет силу, ежели рекрут о неотобрании в наказание. Возвратившись же по отставке, он может продать его помещику или крестьянам его и тогда совершенно свободен; иначе подлежит [43] некоторой зависимости от владельца, как солдат освобождается от барщины и всяких работ на помещика. Помещик обязан наблюдать за его поведением. По смерти его, если его дети остались при этом имуществе, включаются в число крестьян своего помещика.

Ежели крестьянин работает по доброй воле лишние дни, то важен уговор. Если же его не было, то работает, как бы в господские, однако ж они не защитываются впредь за настоящие господские и даже за бывшие; ежели помещик не согласится на это. За что и как помещик может наказывать, должна быть роспись, составленная ж самим помещиком и подтвержденная от губернии.

В селе на площади, на столбе должна быть прибита бумага, в коей изображены постановления: а) права властей и доношения к ним крестьян; б) права помещика; в) права крестьян.

Имущество крестьянина

1) хата, 2) огород, 3) несколько поля, корова, вол или лошадь, баран, овца, свинья, домашняя птица, домашняя утварь, одежда, деньги. Сюда ж сопричисляется все приобретенное крестьянином по закону.

a) Может быть и собственное, но помещик обязан непременно дать (буде нет) даром. В последнем случае крестьянин невластен продавать, хотя и передает детям, отопка господская.

b) Должен иметь каждый крестьянин, если же не имеет, то помещик должен дать, распределив плату по годам, или взяв лишними у крестьянина вещами. Плата ж не должна превышать в год третьей части крестьянского дохода.

c) Также помещик может из-за неокупленной скотины требовать третьей части дохода, ею приносимого. Крестьянин [содержит] скотину на свой счет, а если на барский, то дает сверх всяких поборов доход со скотины помещику во все время прокормления.

d) в крайности помещик дает только необходимое, вычитая либо работой либо платой (по условию), распределяя последнюю по годам (см. стр. 1).

Подданство крестьянина

Крестьянин работает на помещика через каждые три дня, не включая праздников, в прочие дни свободен от всяких работ на него, исключая крестьян дворовых, но и в податные дни крестьянин за труд получает от части плату, а именно: за посев — 6-ю посева, за жнива — 5-й сноп, за молотьбу — 10-й сноп, за косовицу 3-ю часть покоса, за употребление его скотины в работу (от чего в барские дни отказаться неволен), в мельнице — 5 коп. сер[ебром] в день, в полях — 3 коп. сер[ебром] в день. Кроме этого, в таковые дни крестьянин получает хлеб и даровой обед. За помол (в мельнице) — 10 ч[асть] помола. В дни вольные волен работать по той же плате, но эти дни, если не было особенного уговора, за барские не защитываются. В дни вольные может работать на кого угодно и как угодно, но не далее своего уезда. За пропуск барского дня штрафуется по важности его денежно, или работой и наиболее наказывается отбором половины выработанного в минувшие три дня, липлением платы за барские и пр.

Крестьянин платит господину только, когда он на оброке и платит по договору с помещиком. Помещик властен наказывать крестьянина, но не телесно и о сем должен быть особенный устав.

Каждый крестьянин 20 лет и крестьянка 18 могут вступать в брак с сподатными своими, но не иначе, как будучи незазорного поведения, и показав средства своего дальнейшего существования; в противном случае воля помещика — закон. Крестьянин может вступать в школу, уплатив единовременно господину на нанятие за него работника во все время его обучения. Таким образом может воспитывать и громада, сделав складчину. Не могут быть отданы: отец семейства, сын своими руками прокармливающий семейство. По обучении он может вступить по произволу на службу (буде не связан договорами) и без воли помещика. Если получит в школе награду или в гимназии медаль или в университете степень [44] — иначе все зависит от воли помещика. Служащий крестьянин в продолжении 10 лет получает только половину жалования, остальное получает помещик; по пропествии этих 10 лет крестьянин получает полную свободу.

Приме[чание]: орден освобождает его и прежде срока.

Крестьянин, не получивший в университете степени до трех раз, допускается на экзамен на оную, после чего он теряет на нее права навсегда. Крестьянин, не получивший в гимназии медали, может быть до трех лет в последнем классе, после чего теряет на нее права навсегда. Также имеет право сдавать (буде только год в последнем классе) на оную до двух раз в университете, после чего липается на нее прав навсегда. Крестьянин, не получивший наград в школе, может держать на экзамен в гимназии и после чего уже липается права на награду навсегда.

Служащий крестьянин ни в чем независим от помещика, но чинов не получает, а только со причисляется и по освобождении своем повышается вдруг. Он имеет право выкупить мать, отца [45], уплатив за них на поставку работников на все время, остающееся до их освобождения. Крестьянин 65, крестьянка 60 лет свободны. Если они несостоятельны, то помещик должен по смерть их содержать.

Крестьянин может покупать и продавать, кроме ст. 1, а, в, с, если они одни у него из своего рода. Земель, купленных в своем селе, не может продать чужому, в своем поместии, не принадлежащих к нему. Буде крестьянин умрет, наследника не оставит — наследником беднейший в поместьи.

Громада решает дела, не касающиеся помещика. Недовольные судом ее, обращаются к нему. Громада может на общее имя покупать, кассу содержать и пр. доходами, с чего пользуется всякий по важности своего участия.

В числе обязанностей громады: исправность путевых сообщений. Помещик подати вносит со ста четвертей процент, со ста душ по 4 тыс. руб.

О военной службе

Каждый свободного неземледельческого и не мещанского состояния должен прослужить 10 лет, после чего через каждые пять являться летом от июня по сентябрь в лагерь. Исключаются старше 60 лет, хворые и занимающие посты, которых покидать невозможно безопасно: министры, губернаторы и пр., также учащиеся и духовные. Срок, с которого каждый должен начать службу,— 20 лет, хотя может и 16-ти. Из мещанских 300 фамилий ежегодно берется рекрут и, прослужив 10 лет, возвращается, являясь в лагерь через каждые 5 лет на все время от 1 июня по сентябрь. Время вступления 20, отставки — 60. Послабляется по вышеуказанным причинам. Из крестьянских 500 фамилий ежегодно берется рекрут и, прослужив 10 лет, возвращается, являясь, и пр. положения те же самые.

В рекруты нельзя брать: а) отца семейства, б) старшего сына, впрочем, своя воля.

Всякий начинает службу солдатом. Помещичий крестьянин не может быть офицером, исключая случаев об ученых и освобождение; но по окончании служебного срока он обязан воротиться к помещику.

Под все эти правила не подводятся взятые в солдаты за наказания. Никто от службы откупиться не может, кроме купцов 1-й и 2-й гильдии и профессоров; они уплачивают за это третью часть дохода за все время срочной службы.

В военное время всяк, кроме земледельца, фабриканта и служащего, должен идти на войну.

Ч. VIII, арк. 12—20. Чернетка з виправленнями та уклиненням інших текстів.

№ 374

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— СИМВОЛ ВІРИ

Символ веры

Положение: 1) о боге, 2) о мире, 3) о духе и 4) о плоти. Верую в единого бога, кого ни разум постигнуть, ни сердце восчувствовать ничто-либо распознать может. Безымянный и всякое дыхание хвалит его. Везде пребывает и никто же [не]укажет место бытию его. Предвечный и вечный. В нем и от него все истинное, доброе, прекрасное. Сопрягает начала с концом и в конце полагает начало. Жизнь прелагает в смерть и смертью обновляет жизнь. Жиждитель и пром[ышлитель] являются и познаются в нем. Вина всякого бытия: без него ничто не есть и не может не являться и познается в нем. Все сотворено богом; но кто укажет начало и пределы творчеству господню? Ничто не уничтожится от созданного им, как вечно прекрасное и непрогрешительное.

Всякое дыхание жизни есть дух его, он сам дух, живит им человека, и тварь, и растение, и в камне пребывает.

Дух же бесплоден, предвечен и вечен, как начало божественное. Дух погрешать не может, ибо бог безгрешает — повинна же плоть. Верую в ад и рай всему живущему. Рай же — слияние, но не уничтожение духа в боге: ад — разъединение духа с богом, сознание земной греховной жизни, мучения совести. Всему воздается по мере дел; степенью сознания событности в слиянии степению сознания отчужденности с богом.

Верую в спасение вечное чрез правую жизнь и веру. Вера без дел мертва, добро без веры — ничто. Вменятся ж добро и зло сознательные. Верую в силу раскаяния и в земное сопричащение с богом духовне правотою. Любовь к богу предполагает и любовь к творению, и месть праведная есть воз-

дание добром за зло. И сие есть заповедь истинная божая — и вся его яко сам.

Верую в бога — вину всего. Всякое дыхание восхваляет его. Непостижим и незнаем; но вечно проявляется и не престанет проявляться творением. Ничто же от дел его не гибнет и всякая душа жива от него, [...] [46] в нем сопричатием награждается, отчуждением карается [47]. Истинный путь к богу: любовь, правда, добро, вера и сии вси едино суть [48].

Ч. VIII, арк. 18 зв. Чернетка з багатьма виправленнями.

№ 375—382

1846 р. серпня, не пізніше 28 [49].— ЗОШИТ ПЕРШИЙ

№ 375

СОН

Без мысли, без чувства я в церковь вошел,
С улыбкой внимал литургии,
Глазел и шушукал, как вдруг я возвел
Глаза на иконы святые.
И мне показалось, что божия мать
К себе подзывает рукою
И смотрит так грустно, с такою любовью,
Как будто, что хочет сказать.
Кто вызнал то горе, те тяжкие муки?
Навзрыд я заплакал, скрещенные руки
Приподнял, поник головой.
О не смотри так, прости
И, светом чарующим тихим сияя,
Мой ангел предстал предо мною,
Мне голову молча рукою поднял.
Так долго смотрел на меня,
Закрыл мои очи: «Спокойся, дитя» —
Промолвил и тихо прижал.
Не помню, чем был я ко сну отходя,
Но помню, иным уже встал.

Ч. VIII, арк. 21. Автограф.

№ 376

ПРОЩАНИЕ

Прости! За этими стенами
Меня не ждут уже друзья.
Пойдем различными путями:
Пустые годы для меня!
Я жил без цели, без стремленья
И без доверия к себе...
Куда ж пойду? Где утешенье
Искать моей больной душе?
Я вам завидую, простые,
Адама кроткие сыны:
Для вас надежды дорогие
И дни прекрасные даны;

А мне печальное томленье,
Презренье ко всему в душе,
Презренье к самому себе,
Где ж ад? Где ж большее мученье?
Хотело б сердце, ум хотел бы,
Но воли нет, но силы нет!
Прости стремленье к просвещенью
Мой свет, нагорный божий свет!
Заглохнут добрые порывы,
И чувство светлое замрет,
Во мне меня ж не узнают;
А кто узнает — привздохнет!

Ч. VIII, арк. 21 вв. Автограф.

№ 377

ІЗ-ЗА МОГИЛИ

Там є серце — денно, нічно
Мене споминає!
Там є друге — на могилі
Квіточки сажає!
А діточки! До матусі
Їх у гості водять,
Їх ненька меж хрестами.
Сиріточки ходять,
І моляться, і хрестяться,
Й за ручки беруться:
«Здраствуй, мамо!» та до неба
Від слізок сміються!
А та, котра їх, як мати,
Мусить доглядати,
Що хто думає, гадає —
Господь зверху знає!
А ті, що в чужому краю,
Далеко до милих,
От хотіло б поплакать
На моїй могилі!
Не плачтеся, небожата,
Я ж бо ваша мати!
Жду вас, жду вас! Боже милий,
Дай скорійш обняти!

Ч. VIII, арк 22. Автограф.

№ 378

[ЗАПИСКИ ПРО ПОЕЗІЮ І МОВУ]

Где именно поэзия: в простом или близком к самой природе быту крестьян? Или в прошлом, грязном быту помещиков? Первый быт — благороднее в Малороссии, последний — в найбольшем разгаре в России.

Древние лучше нас понимали поэзию, они искали ее в первобытном, естественном, простом, а не в искаженном, натянутом, изысканном! Правда, они впали в крайность, но нынешнее направление к тому ж ведет. Что за

оэзия в дворянской жизни? Возьмите у него вино, карты, трубку, собак — и с ума сойдет от скуки. От чего? — У него нет духовной жизни!
– Петр Иванович, как вам нравятся «Отечественные записки»?
– Журнал превосходный, да папенька всегда читает [50] в постели.

Что ж! «Отечественные записки» принимаются, как опиум! А ведь он исто помещичьий журнал. Лермонтов, Пушкин — решительно недосягамы. От чего?

У помещика нет духовной жизни. И что они читают: книги, в которых ужасть какие страсти», да московские газетки. От чего? У него с излишком изнь плотская! Где же область поэзии в духе или плоти? Мужика интеесует: що там на зірках? Як там на тім світі? Для него во всем жизнь, лагодать. Вспомните его колядки, причитки (всякое дыхание, да хвалит оспода). В его простой жизни — святость и прелесть патри[арх]альная; его обыкновенных суждениях — ум светлый, глубокий; простые, но ясые крестьянские ответы нередко приводят в раздумье [51] и мудреца, в его ростых чувствах вера, любовь, надежда. Вспомните голоса песен, самые есни и вы изумитесь глубиие чувства, полноте жизни в крестьянине. Кто ж меет утверждать, что в Малороссии не может быть литературы, нет поэии? Одна историческая жизнь ее так полна и разнообразна, что не могла не тразиться и на самых загрубелых панах. Где же, еще раз спрашиваю, где область поэзии, в духе или плоти? Скажите, от чего же мы восхищаемся Голем? Не брань Ноздрева, не скупость Плюшкина нас пленяют, нет, они лубоко огорчают нас: почитаем как историю нравов, как историю людей, реди которых живем; читаем, тем с большим жаром, что в этой плотской изни лежит истина правды, красоты; что все эти лица, несмотря на свою рязность понимают добро и зло. Вспомните, чем был Плюшкин до смерти ены своей. Вспомните незлопамятность, веселость и гостеприимство Ноздрева. Наконец, самая находчивость, оборотливость Чичикова.

При иных условиях жизни из них вышли бы люди, в лучшем значении этого слова. Правда, есть поэзия и в самой грязной сфере нашей ежедневной жизни, но это не та уж светлая поэзия и только показывает, что созданное от бога прекрасное, как бы ни испортилось, ни видоизменилось, будет прекрасным. Утратив сознание, любовь к поэзии духовной, мы полюбили житейскую; но и то потому, что в ней проявляется дух. И можно ли из-за нее отрицать истинную, утверждать, что в Малороссии нет поэзии; следовательно, не может быть литературы. Следовательно, нет и малороссийского языка! Вот куда заводить логическую сбывчивость и односторонность. Правда, наше дворянство говорит по-великороссийски, но во времена Польши оно говорило по-польски; а тогда никто не утверждал, что нет малороссийского языка, а разве говорили: «to chłopski język» [52].

Правда, Гоголь и прочая братия пишет великороссийским языком; но это значит, что они привыкли (как дворяне) более к в[елико]р[оссийскому], нем к отечественному.

Правда, первые произведения вырожденной нашей литературы комические, или, справедливее сказать по-нашему «кумедниї», но и всякая литература этим начиналась, в особенности малороссийская, потому, что предубеждение против нее и теперь еще в ходу [53]. Но все же нельзя отвергать существование малороссийского языка. Произведения Котляревского, Основьяненка, Шевченка и пр. показывают, что литература уже есть. Тем более, что ей сочувствует само наше дворянство, а русские журналы клянутся, на чем свет стоит, что ее нет. Не достоинство ли Гоголя, что его явно бранят, а исподтишка заучивают?

Но журналы правы. Возьмите у них малороссийских писателей, кто будет поставлять им статьи? Устарелый Брамбеус [54], премудрый Булгарин [55], да пожалуй еще рецензии — франт Белинский! И то первые два поляки и

один говорит два по[...]у[56], другой врет, а третий толкует о великости звания: критик. Так вот хваленная русская литература![57] Говорят: у нас (русских) писатель может заставить говорить каждое лицо свое особенным своим языком (т. е. слогом). Царь — по-царски, барин по-барски и пр. А у малороссиян один общий для всех! Тем лучше, тем понятнее и доступнее у нас: свобода, равенство. На малороссийском языке, говорят, нет слов для выражения отвлеченных и высших понятий. Каких это слов? Не тех ли, что в русском языке французские? Жаль! Кто ж виноват, что русские не пороются у себя ж, у простого народа; а что есть в том[58] простом, то у нас подавно.

А на каком языке священное писание? Разве это не предковский малороссийский язык? И не выражено на нем всяких понятий человеческих[59] и какие особенные понятия нужны для литератора, которых бы не было на малороссийском языке?

Не знаю, у кого больше отвлеченных собственных своих понятий — у вас или у нас. Мы изобрели слова, вы их забросили: дескать, генерал получше воеводы, министр получше боярина, лава[60] так колоны. Мы говорим чувственность, а вы сентименталыность, исти[на], так идея, и тому подобное. Не суйся в воду, не просясь броду. Коли не поп, не суйся в ризы. Знай свер-чок свой шесток.

Сами твердите и к делу и не к делу эти пословицы и не слушаетесь их. Раденькі, що дурненькі.

Ч. VIII, арк. 22 зв.— 28. Автограф.

№ 379

По сім боці і по тім боці
Все б то Україна;
Та вже сяє Вкраїнонька
Мені, мов чужина!

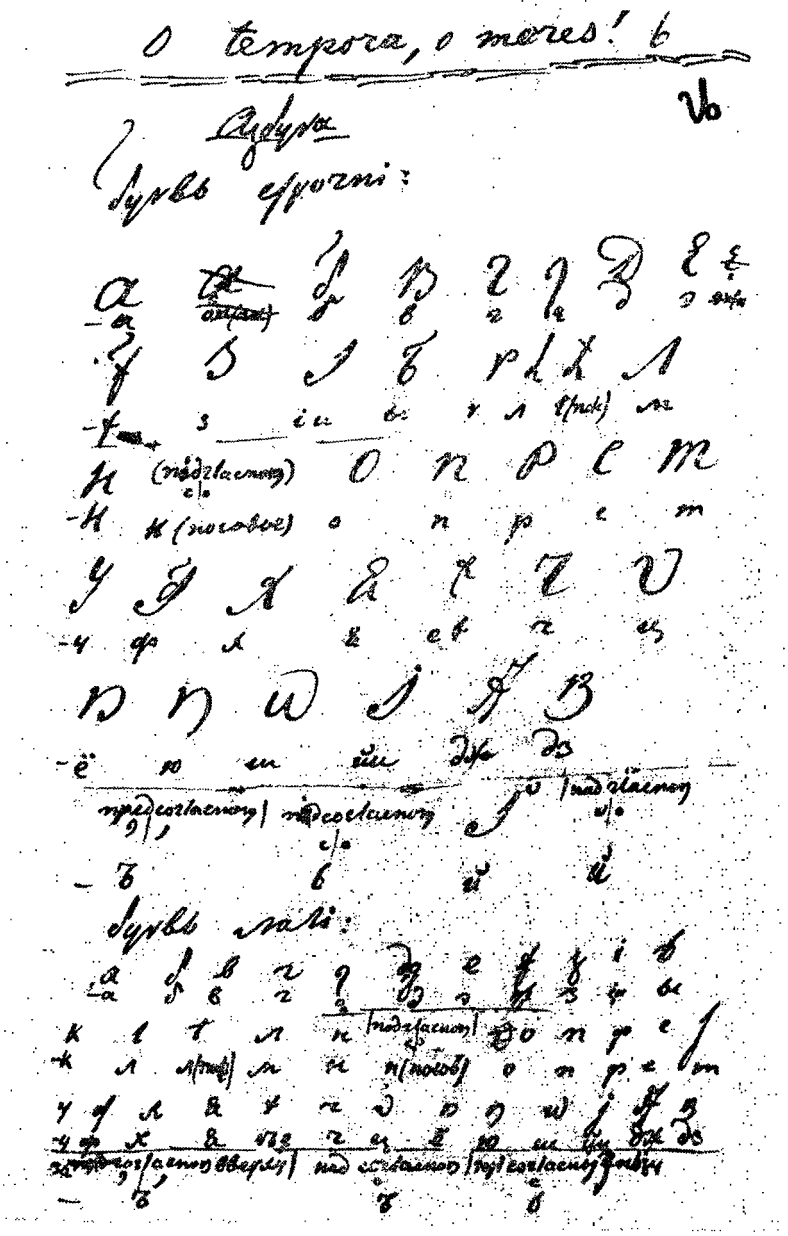
Ні рідонькі — головоньці
Ніде прихилитись,
Ні дружини — думоньками
Ні с ким поділитись!

Мови рідної не чути,
Свій край зневажають,
Інше небо, іншу землю
Зрадники благають!

І котре серце помеж ними
Вкраїну вважає,
І суд того цурається
Й церква не приймає;

Рідний батько одхреститься,
Й мати откаснеться,
За для того нещасного
Й лихо не сміється!

Із-за панства треклятого
Край свій запродали,



Азбука Г. Л. Андрузького

Вкраїноньку вкраїнята
В труну покладали!

Кажуть мені: чого плачу,
Жалібно співаю?
Бо нічого веселого
На світі не знаю!

Чи до сміху, як до серця
Крівця приливає?
Чи до сміху дитиноньці,
Як мати вмирає?

Ч. VIII, арк. 28 зв.— 29. Автограф.

№ 380

Предо мною Печерская лавра. Я шапки крестам не снимаю,
Не слушаю тихого звона, и чуден мне шопот молитвы,
Смешно мне и грустио за добрых монахов, по истине добрых.
К чему их посты и молитвы, к чему им обеты святые?
Ведь разве..., но вдруг я смутился и страхом исполнилось сердце
Невольно назад оглянулся: за мною два старца стояли
И тихо на Лавру крестились[61].

Ч. VIII, арк. 29— Автограф.

№ 381

Про вас я думаю, молюся,
Благословляю день і час,
В котрий побачу знову вас
І часу світлого боюся.
Літала чутка із родини:
Там ждуть мене, там ждуть мене!
І любо чути сиротині,
І серце віроньки не йме,
Що буде-буде, і в дорогу!
Ще раз на край свій подивлюсь,
Поставлю в церкві свічку богу!
На могилки перехрещусь.
Могилку неньчину побачу
І поміркую, і заплачу.
Над мною пташка заспівае,
Душа дитину спом'яне.
Чого ж я справді? Годі, годі,
Там ждуть мене, там ждуть мене!

Ч. VIII, арк. 29 зв.— 30. Автограф.

№ 382

ПОХОРОНИ

Боже, сонечко світає,
Вітрець повіває,
Звін гуде, люди йдуть,
Козака несуть.

Попереду з хоругвами,
Із хрестами дяки йдуть.
Слізки нищечком втирають,
Жалібнесенько співають.

Поза ними попи, попи
Й один руки розпустив,
Козаченька він хрестив,
На руках носив.

У труні козак лежить,
На світ божий не глядить,
Хрест в ручицях, в головоньках
Образок стоїть.

Біля мать стара й Маруся
Одним одно мала,
Біля мать і чорноброва,
Вона ж покохала.

Мати молиться, дівчина
Сумно поглядає,
Мати плаче, дівчинонька
Рученьки ламає.

За труною товариші
Коника ведуть.
Не зарже він, не заграє,
Мов людина він стонає.

За труною, за марами
Козаченьки йдуть.
Списи довгії в руках,
Горе-думонька в вічах.

Вусів довгих не підкрутять,
Голови схилили.
Якби сльози вони мали,
Світ би затопили.

Геть по полю люди, люди,
Хто що вигадує,
Хто йде мовчки, ледве живий,
Не бачить, й не чує.

Бов, бов, бов! Звін гуде,
Богу вісточку несе.
Янгел на труну злетів,
В ніженьках присів.

Боже, сонечко сідає,
Вітрець повіває
Із-за хмари на могилу
Орел поглядає.

Боже, сонечко сідає,
Вітрець повіває,
На могильці дівчинонька
Важко припадає.

Боже, сонечко сідає,
Зозуленька кує,
На могилі мати плаче:
Встань, сину козаче!

Через три дні злягла мати,
Через три — і мила.
Пусто в хмари, марно в хаті,
Іще одна могила!

Ч. VIII, арк. 30—31. Автограф.

№ 383—408

1846 р. серпня 28 — 1847 р. квітня, не пізніше 8.
ЗОШИТ ДРУГИЙ [62]

№ 383

Ты мне в удел, творец,
Не первый дал венец.
Но ты вдохнул любовь,
Вложил в уста моленье.
И я — весь умиленье,
Гордее всех певцов!

Г. Ан

1846 г.
28 августа

Ч. VIII, арк. 32. Автограф.

№ 384

УКРАЇНА

Ой, як прийшла зима, московськая сила,
Та занедужала Україна мила;
Трусить її, стогне, славу посилає:
Йди, дитятко миле, чи не привітають?
Слава журилась: «Куди ж піти, нененько?
До панства? У панства москалик, серденько.
До козаків лихих? В шинку прогуляють,
А чи до громади? Пани заганяють!
Ой, лихо їй тяжке! День і ніч голосить,
У милого бога собі волі просить;
А волі немає? Де ж би нам подітися?
Підти б на могили? Та москаль озлиться,
Славоньку затопче, розкида могили!
Ходім же до церкови! Спаси, боже милий!
А коли вже гинуть, хай же в тебе згину,
У твоєї слави під хрестом спочину!

Ч. VIII, арк. 32 зв. Автограф.

№ 385

Ми п'ємо горілку,
Не гудіть нас, люди;
Без горілки в жисті
І щастя не буде.

Але була сумно,
Буває година,
Що й старий заплакать,
Радий, мов дитина;

Як часом побачиш
Милі могили,
Зовсім не той станеш —
Без волі, без сили.

Так би усе й плакав,
Так би й розорвавсь,
Чого б в ту часину
Горілки цуравсь?

Не гудіть тих, люди,
Що горілку п'ють,
Може задля того,
Щоб лихо забуть.

Козак вип'є чарку,
Вип'є й другу,
А все ж таки любить
Вкраїну святу.

Не має горілки —
Не буде й шукати;
За милу ж Вкраїну
Рад душу отдати.

Тих гудіть ви, люди,
Що нас бідних гнуть,
Та ще й сіромахам
Плакать не дають.

Що як брати рідні
До себе нас звали,
Й кайдани, як нехристи
Нам понадівали.

Чорти б того батька,
Що їх догляда.
Він гладить, та шкуру
Нишчечком здира!

ограф.

№ 386

Дивіться, Вкраїна сміється,
Аж ворогу сміх отой нудить!
Стривайте, вам так не минеться,
Той сміх орлів хижих розбудить!

Не будем ходить на могили,
Не будуть глумить наші милі,
Тоді на могилах геть-геть край дороги
Заплачуть вороги!

Ч. VIII, арк. 33 зв. Автограф.
Опубл.: *Збірник* праць п'ятої наукової шевченківської конференції.— С. 155.

№ 387

По хутору слава ходила:
Змарніла козацька могила,
Орли понад нею літають,
В могилі якусь пісню співають.
Кобзарики пісню прочули:
Чи вже ж ви нас братці забули?
Нелегко в труні нам лежати,
Дух вражеський мішає нам спати,
За нас і молитви немає,
Козак наших пісень не знає.
Верніться, бо лихо вам буде:
Сховають Вкраїноньку люди,
Спита бог про славу, про волю;
А люди затопчуть в недолю!

Ч. VIII, арк. 33 зв. Автограф.
Опубл.: *Збірник* праць п'ятої наукової шевченківської конференції.— С. 155.

№ 388

Ой на горі, на високій березка [63] стояла,
Та у дубків, синків милих, схилившись, прохала:
— Діти мої, світи мої! Вітер мене хилить,
Заступіть же, христа ради! Вони ж не схотіли!
Ой, на горі вітер віє, березку [64] ламає,
Чи те ж буде і Вкраїні, господь її знає.

Ч. VIII, арк. 33 зв. Автограф.

№ 389

Посадили вербочку,
Росте, зеленіє,
Поховали милого,
Тільки хрест чорніє!
На могилі роженька
Та зжовкла схилилась,
По тобі я, серденько,
Важко зажурилась!

По тобі я плачуся!
Й по мені заплачуть;
А там, чи й там миленький
Тебе не побачу.

Ч. VIII, арк. 33 ав., 34 Автограф.
Опубл.: *Збірник* праць п'ятої наукової шевченківської конференції.— С. 155.

№ 390

[КОБЗАР]

Кобзар на могилі на руку схилився,
На зірочки ясні кобзар задивився:
«Що там на тих зірках, що високо сяють,
Чиї там нещасливці такії вітають?
Та не один в світі блука сиротина,
Та й не одна в світі стогне Україна!
Що ж і сиротина, хоч трохи ма долі,
Усяка Вкраїна, хоч трохи ма волі;
А наша без волі, без долі, без сили,
Тільки є у неї, що чорні могили!
Вкраїно! З тобою і я спарувався!
Без долі на світі я зжалкувався!
Мені ще на небі хоч зірочка сяє;
А що ж тобі, ненько, долю обіцяє!
Мені ще аби хто подасть христа ради,
А де ж тобі, неню, шукати поради?
Не жаль мені жисті, не довелось жити;
За що ж і тобі то славну жисть губити,
Віковічну лаву, та волю святую,
Високую волю, козацькую тую,
То придбав Богданко! Подай руку, ненько,
Ходім! Ми ще знайдем щиреє серденько,
Ще засміємось до свого загину.
Не всі ще забули святу Україну!

Ч. VIII, зрк. 34. Автограф.

№ 391

Не питай, козаче,
Чого вона плаче,
Бо дівоцькі слізки
Янгел забирає,
Бо дівоцьке горе
Сам господь благає!
Як їй не журитись,
Без дружити жити:
Коли ні з ким горе
Своє поділити!
Козак молоденький
З нею подружився,
Пішов на часочок
Та й забарився.

Козак молоденький
В могилі дрімає,
Над ним вітер віє,
Березку хитає;
Там хрест похилився,
Рожа червоніє,
Там дівчина плаче
Як вечір стемніє!

Ч. VIII, арк. 34 зв. Автограф.

№ 392

[ПТАШКА]

Сегодня я слышал, как пташечка пела;
Ей весело было и песни той смелой,
Исполненной жизни внимал я в слезах!
Вдруг выстрел раздался — и пташку в кусті
Нашли; но уж больше она не запела!
Быть может мне тоже творцом суждено,
Быть может, но полно, не все ли равно!

Ч. VIII, арк. 34 зв. Автограф.

№ 393

[МОЛИТВА]

Много знаю я молитв,
Но одна мне всех милее:
С нею жить мне веселее
Средь скорбий, житейских битв,
С ней сойду я и в могилу,
Это: «Господи помилуй!»
Но когда злой рок бедой
Искушает, я с волненьем
Припадаю пред судьбой
С верой, страхом и смиреньем [65]
Восклицаю: «Боже мой»!
Есть и третья! Так проста,
С нею с детских лет уста
Свыклись, в ней благодать.
Той мольбе учила мать:
«Отче наш! Ты везде!
Все мы созданы тобою,
Все живет твоей любовью,
Все покорствует тебе!
Жизди, царствуй, охраняй,
Не оставь, не искушай,
С духом, словом слався вечно».
Но с иной мольбой сердечной
Предстоять перед судьбой,
Там научимся и той!

VIII, арк. 35. Автограф.

№ 394

Как часто ты мне говорила:
Что не дождусь, мой друг, тебя!
Клянусь ж, не плачь по мне, могила
Не навсегда возьмет меня!
Бог даст и мы опять сойдемся,
Припомним прежнюю любовь,
Друг другу тихо улыбнемся,
К нам радость возвратится вновь,
Но я шутил над словом милой,
Но я спешил в объятья к ней.—
И что ж, над свежею могилой
Молюся о душе твоей!
Сбылось, друг милый, предсказанье!
Но сбудется ль и там оно?
Иль, может быть, с тобой свиданье
Уж навсегда отложено?
Спаси всесильный! Образ милый
Так памятен, дай бодрость, силы
Мне перенесть печаль мою!
О, боже, как еще люблю!

арк 35. Автограф.

№ 395

[ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ]

Мне тяжело сказать: Прощай,
И мне хотелось бы проститься,
Увижу ль снова милый край?
Кто знает, что еще случится?
Я завещаю вам, друзья:
Не забывать могил родных;
Молясь на них, молясь за них,
Вы молитесь и за себя!
И как войдете в храм святой,
С мольбой поставте свечку богу,
Пусть он любовью всеблагой
Напутствует мою дорогу!
И если, боже сохрани,
Мои сосчитаны уж дни:
Не убивайтеся за мной,—
Сойдемся в родине [66] иной!
Мне с вами жизнь не жизнь, а рай!
Я живо помню дни былые:
Когда ж опять в места родные?
Бог весть! О, родина, прощай!

ірк. 35 зв. Автограф.

№ 396

ЧЕРКЕС

На валу солдатушки сидели,
На леса, да на горы глядели,
Что черкес удалой
Промелькнет там порой [67],
Конь стучит копытом,
Далеко пыль кругом!

Вдруг солдатик покачнулся,
Знать черкес лихой не промахнулс
И солдаты стоят,
На камрата глядят;
А стрелок удалой
Уж давно за горой!

Ч. VIII, арк. 36. Автограф.

№ 397

Не плач же, ріднесенька мати,
Що соли йду купувати!
Там може забуду дівчину,
Там може в степу я загину!

Ой лучше [68] мені не вертатись [69],
Дівчини не знать, не видати,
Вона вже другого кохає,
Бо той чорні бровоньки має!
Кохайся, дівчино, з другими,
Будь, серце, щасливою з ними!
І я закохаюсь в другую [70],
В могилу глибоку, сирую!
І може, дівчино, хто знає,
Хто серце дівоче спізнає,
Мене ти згадаєш, заплачиш,
Та вже ти мене не побачиш!

Ч VIII, арк 36. Автограф.

№ 398

Я, мамо, дитина маленька,
Не вмію спитати серденька,
Як хочеться плакать, сміятись,
А з миленьким, та не кохатись!
Я славоньки не побоюся,
І з миленьким не розійдуся,
При людях я з ним пожартую,
А нишком візьму поцілую!

Ч. VIII, арк. 36 вв. Автограф.

№ 399

ПРОЩАНИЕ ИНСТИТУТОК С ИНСТИТУТОМ

Мы были все одна счастливая семья!
Здесь оживляла всех одна любовь святая!
Здесь каждая была как божее дитя,
Неведая, что есть другая жизнь земная!
Лишь знали: где-то есть нам всем родная мать,
Об ней были мольбы и лучшие мечтанья,
Хотелось на нее взглянуть, поцеловать,
Но не для всех сбылись прекрасные желанья.
Видали мы царя! Был весел, как отец,
И мы простилися, с невольным сожаленьем.
Твердили: как к царю пристал его венец,
Но в нем лишь царь, для нас он — проведенье!
Любили и тебя! В молитве о родных [71]
Об имени твоем молились [72] всеблагому.
Звалась ты матерью! В избытке чувств живых
Вполне мы верили названью дорогому!
За днями дни чредой веселой протекли,
Лишь остались от них в душе воспоминанья.
Не раз напомнят нам, где прежде мы были,
Желанья лучшего, с подругами свиданья!
Мы не в последний раз в семье, нам дорог час,
Но уж в последний раз мы в ней еще своими,
Невольно грустно нам [73], невольною слезою
Прощаемся навек, как будто бы с родными!
Грядущее страшит! Среди страстей земных
Невинности святой уступят ли дорогу!
Найдем ли мы друзей нам также дорогих?
И будем ли, как здесь и так угодны богу?
Прости все милая! Простите вы, друзья!
И вы наставницы! Как тягостно прощанье!
Когда ж и где опять сберется вся семья?
У бога! Он созвет на вечное свиданье!
Пусть ваша чистая глубокая мольба
Об нас возносится к благому провиденью,
Да облегчит наш путь всемощная судьба,
Счастливым — кротость даст, несчастным — утешенi

Ч. VIII, арк. 36 зв., 37. Автограф.

№ 400

МОЛИТВА

Дай боже слез — омыть грехи
Дай боже чувства, дай любви,
Управи путь мой пред тобой,
Надеждой, верой всеблагой
Мой дух упадший оживи!
Пусть будут: сердце — божий дом,
Душа — светильник благодати,
Пусть буду звать тебя отцом,
А всех людей любить, как братий!

Ч. VIII, арк. 37. Автограф.

№ 401

КОРМИЛИЦА

Чисто убранная комиатка. Старый диванчик, несколько скамеечек. Старуха сидит за прялкой. Девица лет шестнадцати сидит подле нее на скамейке и вполголоса поет:

Под зеленью дерев густой
Я там вечернею порой
Сидела, милый друг, с тобой,
Мои ты кудри целовал
И мне улыбкой неземной
На поцелуй мой отвечал.

Там мы резвились, лепет мой,
Наш тихий смех в тени густой
Могучим эхом откликался,
Мы забавлялись им порой,
Но часто смех наш прерывался
И взор туманился слезой.
Нам изменяло эхо гор
И тише велся разговор.
За то, мой друг, средь темной ночи
Смелей ласкалася с тобой,
Дышали негой наши очи
И длился поцелуй живой!

Старушка: Не співай мені ваших пісень. Вони мені нагадують, що я на чужині! Тобі весело, серденько В тебе татуся, матуся, а я, бідная, мов та березка, похильнеє дерево, що серед поля. І діти по ній лазять і вітер її хилить. Хто не пройде — обломить собі гілку. Я, серденько, мов та вербочка.

Девушка: Ах мамушка! Я помню эти песни. Спой мне про березку. Я тебя поцелую *(целует)*.

Старуха: Ох дитятко! Усе весела та хороша!

Девушка *(подседает)*: Спой же, мама! *(спустя несколько и сама начинает петь)*.

Старушка *(все громче и громче)*:

Березка у полі край шляху стояла,
Ні кустка, ні травки біля себе не мала,
Ідуть дітки малії — повзлазять, хитають,
Йдуть люди — з березки гіллячко ламають.
Її сверлють, рублять, її вітер хилить,
Терпіть таке лихо не достає сили!
Шо спершу у лісі березка стояла,
Вона, нерозумна, у неба прохала:
«Постав мене, боже, на чистому полі,
Там сонечко гріє, там вітер по волі.
Постав, цар небесний, на биту дорогу,
Хто пройде — спочине, помолиться богу».
А я ж не прохалась з моєї Вкраїни,
А я ж не хотіла згинуть на чужині.
Свій край, свої люди, своя добра воля:
В чужині чужая, нелюбая доля.

Коли б мені крилля! В свій край полетіла б,
На стрісі у батька низесенько б сіла
Мов горлиця, нені я б забуркотала,
Усе, усе горе їй би розказала!

І що ж, серденько, ти зажурилась? Може і тобі смутно? Чи вже ж тобі тут краще? Там садочок, єсть де й походити, а тут... *(улыбаясь):* Бач, серце, яка пісенька *(целует).*— А про Гриця, а про Марусю...

Д е в у ш к а *(весело улыбаясь):* Ах, мамушка! Я только и знаю одну вашу песню! Как она хороша! Спеть ли тебе? *(поет):*

Плакала дівчина,
Сміявсь козаченько.
Бідна. Він у неї
Защемив серденько.
Не плач, тебе буду,
Дівчино, любити.
З другою ж твоєю
Чи ти будеш жити?» —
— З тією другою,
Серце, націлуюсь,
З тобою ж навіки,
Коли хоч, спаруюсь!
— Смійся, смійсь, козаче,
Кохайся з другою!
І я посміюся
Колись над тобою!

С т а р у х а: І я колись співала от сію пісню. Гарна, ще старосвітська.

Д е в у ш к а *(шутливо):* А я знаю и другую! *(Запевает):*

Ой отдала мене мати... *(Смеется, целует, убегает).*

С т а р у ш к а *(покачивает головой):* Мала дитина. Їй весело, а що то робить моя невістка, мій Василь! Чи приведе — то господь їх побачить? *(Поет про себя, смелей и смелей):*

Сонечко зійде, сонечко зайде,
Чи ще воно й завтра мене, стару, знайде?
Ой, Україно, моя щира мати!
Як тебе забути, не благословляти?
В тебе моя хата, мої милі діти,
А в сирій могилі мої рідні світи!
Там я, дитина, у садочку гралась,
Там я, дівчина, з козаком кохалась,
Там старці божі та на кобзі грали,
Про наші, вкраїнські, могили співали!
Ой, Україно! Як тебе не знати?
Як за тебе, неню, бога не благати?
Ти породила, ти і взростила,
Любить славу, волю нас, бідних, навчила!
Дерево вирви — цвісти перестане,
Візьмуть нас от тебе — знов воно зов'яне
Цвіте літом рожа, рожу сонце гріє
І ми живем тобою, серденько радіє!
Вітре буйненький! Повій по Вкраїні,
Поклонись низенько од її дитини:

Живе — не живеться їй, плаче — не наплачеться
І дума як би з рідною скоріше побачитись,
На землю упасти, рідну цілувати,
Землю цілувати, усім вона мати.

Женщина положительных правил или бариня: Марья! Марья! Что с тобой, ведь у нас гости!

Старушка *(в испуге перекрестясь)*: Ох, господи! Чого се я наробила! Із ума зовсім вижила!

Бариня: Я тебя вышлю в деревню, ты вовсе не слушаешься!

Старушка: Простіть баринько! Воля ваша! Помилуйте!

Бариня: Это ужас! *(Звонит, вбегает служанка)*. Пера, чернила! *(Приносят, пишет)*. Отдай управляющему. *(Служанка уходит)*. Это просто ужас! Тебя ж завтра отошлют в деревню!

Старушка *(бросаясь в ноги)*: Помилуйте баринько! А як же то я баришню покину! А я ж її маленьку кормила, а я ж її на руках носила. А хто ж її доглядати буде? Як часом, помилуй боже, хто за нею ходити буде? Як же її покину?

Барыня *(строго)*: Полно тебе Марья! Ты уж стара, пора на покой! Василя повидишь!

Старуха: Баринько, матінко рідна! Накажіть та зоставте! *(Барыня уходит, старуха, всплеснув руками, падает и плачет)*.

Девушка *(входит)*: Что это? Мамушка, ты плачешь?

Старушка *(быстро поднявшись)*: Се ти, дитятко моє! Серденько має! *(Целует)*. Дай на тебе наглядітись, дай налюбуватись! Які очиці, які бровоньки! Квіт мій рожевий! Хто ж той щасливий.... Що се я кажу, прости, господи! Чи приведе господь тебе ще раз побачить!

Девушка: Что ты, мамушка, говоришь! Я ж всегда с тобою!

Старушка: Не кажи сего серце моє! Бог зна, чи будеш зо мною! Дай ще раз подивитись, може се вже востанне! Не доживу, стара! Чи ти не забудеш мене? А я за тебе богу молитимусь, усе думатиму, де ж вона, як-то їй?

Девушка: Мамушка, что с тобой? Ведь ты со мной будеш.

Старуха: Ой, де ж то! Отсилають! На старість літ прогнівила. І заспівати не можна! Не вгодила панам! Весь вік прослужила, тебе й твого братця Івася, дай боже йому царствіє небеснее викохала.

Девица: Не плачь мамо! Тебя не отошлют, я попрошу за тебя.

Старушка: Чи правда, серденько? А що ж Василь мій? Коли б то і його побачить?

Вбегает служанка.

Служанка: Варвара Андреевна! Барыня вас просит!

Девица: Иду. Не горюй, мамушка! Я попрошу за тебя. *(Уходит)*.

Спустя 10 лет.

Богато убранная комната, сидит трое мужчин и Варвара Андреевна за чайным столиком. Один брюнет, другой блондин, третий шатен.

Брюнет: Мне, душенька, покрепче!

Шатен: Так не знаете, что случилось с княжной Бренкович? Можете вообразить, сударыня, какой это ей удар: Чаплевы не пригласили на бал.

В[арвара] А[ндреевна]: Она презлая женщина! И какая, говорят бесстыдная, вы разве не слыхали?

Шатен: А, живые картины! Вот-с поэт, вам описать.

Блондин задумчиво улыбается.

Брюнет: [74] Ты, душенька, напрасно так говоришь? Она прекрасная женщина! Премилая, преблагородная.

В[арвара] А[ндреевна] *(надув губки)*: Прекрасный защитник! Да она годится в актрисы! (насмешливо [75]) Амур ее покровитель!

Брюнет *(с досадой)*: И всех женщин [76]. Она об тебе так не отзывается!

В[арвара] А[ндреевна]: Еще бы! [77] Напрасно досадуешь, друг мой.

Девочка *(в кудрях)* одета à l'enfan [78]:

— Мамин! Кормилица пришла!

В[арвара] А[ндреевна]: Какая кормилица?

Девочка: А ваша, Марья!

В[арвара] А[ндреевна]: А да! [79] Как надоедает! У нее это... сын умер. Мне нет времени [80]. Она мой друг *(девочка убегает)*.

Лакей *(входя)*: Петр Иванович!

Брюнет: Ба, мой брат *(выбегает)*.

Блондин: Варвара Андреевна! Это ваш альбом, какой прекрасный!

В[арвара] А[ндреевна]: Ах, поэт [81]. Вы так мило пишите, будьте так добры! [82]

Конец

Ч. VIII, арк. 37 зв.— 43. Автограф.

№ 402

ИСПУГ

Как в полночь пустырью я плелся домой.
Сробел. Мне казалось, что кто-то за мной
Все гонится. В страхе я дух притаил,
Уста мои робко молитву шептали,
А месяц на небе приветно светил,
И звезды, как будто, меня ободряли!

Ч. VIII, арк. 43 зв. Автограф.

№ 403

Ты не хвались, камрат! Был и у нас то хват,
В огонь шел, сгорячка, рубился он с плеча,
Кордону не знавал, колол всех наповал,
И подгулынуть был хват, то был лихой солдат.
Случись ему беда: глаз пулей пронесло;
А он, как ничего, и усом не моргнул.
Случись в другой: ядром ручище отнесло.
Что ж он — он то? На нее, поморщившись, взглянул:
«Жаль, правая рука! — промолвил (усачан), —
Да чорт их побери! Управлюсь и одной!»
И что ж, теперь на нем нет счету орденам,
Глядит на левый глаз, пьет левой рукой.
Порой, как подгулынет, причудится ему,
Что он в бою! Шумит, бьет всех и все с плеча.
Такая, вишь, камрат, натура горяча,
Что в зубы не глядит и чорту самому!

[. VIII, арк. 43 зв. Автограф.

№ 404

КОБЗАРЕВА МОГИЛА

Он там, брати, в полі, де хрест розвалився,
Спить той, що на кобзі так гарно нам грав!
Старий та сліпенький усім [83] полюбився,
Був він, мов дитина, нічого не мав,
На могилах плакав, з вітром розмовляв.
Він спав [84] на могилі, люди [й]шли, будили,
Та заснув навіки і не розбудили.
Всі божжого старця люди цілували,
І там, де знайшли його, там і поховали
Чоловіче! В землю [85] хресту поклонився,
Помолись за [86] старого, і він за[87] всіх молився!

Ч. VIII, арк. 44. Автограф.

№ 405

Скромной, нежной подруге, смело, юноша, вверься,
Счастье наше в любви, она здесь гость перелетный,
Встреть же гостью святую, с милой жить не стыдися.
Вверь ей горе и радость! Ласки горе развеют,
Ласки радость удвоят; ценность жизни узнаешь!
Любо с милой подругой встретить вечер волшебный,
Любо в нежных объятьях утру вымолвить: «Здравствуй»!

Ч. VIII, арк. 44. Автограф

№ 406

[МОЛИТВА]

Я бедная девушка,
Люблю всех одаривать:
Приветливость каждому,
Подруге доверчивость,
А ласки родителям,
А другу любовь свою,
Что ж дам тебе, господи?
Прими душу робкую
И сердце любящее,
Внуши благодатное,
Спаси от лукавого!
Будь жизнь моя, господи,
Улыбкой архангела,
Пусть встречу я вечное
Не плачем и трепетом,
А верой, надеждою!

Ч. VIII, арк. 44. Автограф

№ 407

ПЕСНИ

Из Илиады
Возвращение Улиса.
Размер-хорей (поется приятным голосом)
С преогромной сединою [88]
Пансион покинул я.
Проклято все было мною:
И уроки, и скамья.
В мундиришке плоховатом,
С непобритой бородой
И с огромным аттестатом [89]
Я отправился домой.
Волочили клячи ноги,
Ось сломилась, кучер пьян,
Приударились, и с дороги
Полетел я сторчь в бурьян [90].

Мы уж шли наудалую
И с бедою пополам
Въехали в межу родную [91].
Ну уж был и смех, и страм!
Розтрясло порядком кости,
Приплелись под самый дом,
Гвалт поднялся: гости, гости!
Я ж с повозки — молодцом,
Бьют тревогу, славу богу,
Взял наш Миша аттестат!
Сестры плачут, дядя скачет,
Кричит матушка: «Виват!»
То-то пир пошел горою,
То-то музыка была,
И я с пьяной головою
Приплясал под такт: ла-ла!

Конец

Г. Андрузский

. VIII, арк. 44 зв.[92]. Автограф.

№ 408

Оглавление: малороссийские

1. Україна: ...
2. Ми п'ємо горілку
3. Дивіться, Вкраїна сміється
4. По хутору слава ходила
5. Ой, на горі на високій берізка стояла.
6. Посадили вербочку
7. Кобзар: кобзар на могилі на руку схилився
8. Не питай, козаче, чого вона плаче
9. Не плач же, ріднесенька мати — 8
10. Я, мамо, дитина маленька — 9
11. Он там брати в полі, де хрест розвалився

Смесь или русско-малороссийские:

1. Кормилица — 11

Оглавление: великороссийские

1. Пташка: Сегодня я слышал, как пташечка пела — 5
2. Молитвы: много знаю я молитв — 5
3. Как часто ты мне говорила — 6
4. Прощание с родиной: мне тяжело сказать: прощай — 7
5. Черкес. На валу солдатушки сидели — 8
6. Прощание институток с институтом:
   «Мы были все одна счастливая семья» — 9
7. Молитва: Дай, боже, слез омыть грехи — 10
8. Испуг: Раз в полночь пустырью я плелся домой — 23
9. Ты не хвались, камрат, был и у нас-то хват — 23
10. Скромной, нежной подруге смело, юноша, вверься — 24
11. Молитва: я бедная девушка
12. С преогромной сединою — 25

Конец

Г. Андрузский

№ 409—440

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— ТВОРИ НА ОКРЕМИХ АРКУШАХ ПАПЕРУ

№ 409

6 [93]. Піду собі до бережку
Та гляну на річеньку:
Вода ясна — щаслив милий,
А мутна — нещасливий.
Сплету віночок, опущу його
По річеньці до милого,
Мій миленький подивиться,
Тихесенько зажуриться.
Зав'янь, вінку, на річеньці,
Бо в'яну я без милого.
Цвіти, вінку, у милого —
Зрадіюсь, як всміхнеться.

№ 410

7. Візьму його за рученьку,
Гляну в очі чорні:
Чому ти мене покидаеш,
Ледаче моторний?
Ой не рости, барвіночку,
На чужому полю,
Не кохайся, мій миленький,
З милою другою.
Без сонечка марно в'яне
Червоная рожа,
Я без тебе, без милого,
Зов'яну пригожа.
Діти рожу вирвуть, кинуть,
А вітер розвіє;
Любощ мені стемнить очі,
Людський глузд закрие.
Візьме янгел мою душу,
Понесе до бога
І спита бог:
Чого ти хочеш?
Проси — дам, небого.
Хотіла б я, боже милий,
Зозулею стати,
Про любощі мої, боже,
В лісочку ховати.
Спита милий зозуленьку:
Скільки мені жити,
А не скільки, мій миленький
Тобі не прожити.
Веду тебе, мій миленький,
До святого...
Там вічно нам жити,
Та благати бога.

№ 411

8. И весело, и грустно,
Хочу увидеть вас
И робко отдаляю
Свиданья милый час.
Что дома ожидает:
Горячая любовь
Иль грустная усмешка
Да пара грустных слов?
Чтоб ни было, с восторгом
Спешу я в край родной.
Пусть встретят и усмешкой,
Но проведут слезой.

№ 412

9. За год назад я в край родной
Сбирался ехать, как чужой:
Печаль и радость, и сомненья,
Каков-то будет мне прием?
Меня смущали и в волненьи
Вошел я в наш родимый дом
И там... Теперь я со слезами,
Но с тихой радостью в душе:
С часа на час жду и больно мне,
Что я, друзья, еще не с вами.
Два дня уж жду я, за собою
Два дня прощальною слезою
На Запад солнце провожаю
И вот уже третий! Мне опять
По-прежнему придется ждать,
А я уже изнемогаю.

№ 413

10. Я снова увижу Украину святую:
Знакомые нивы, могилы, луга,
Знакомые хатки, ту церковь сельскую,
Тот домик и речки родные берега.
Я снова, родные, вас всех поцелую
И все припадем мы с горячей мольбой,
Помолимся богу за нашу Родную,
За всех нас сироток, за край наш родной.

№ 414

11. Соловеїчку мій, соловеїчку!
Полетиш в милий край в Украïночку.
В ті степи та луги зелененькиї,
В ті садочки, ліса та густенькиї.
Вспомяни ж мене на Вкраïноцьці,
Поклонись от мене моїй роденьці.
Нудно, нудно мені на чужій стороні,
Ах без милих і рай був би пеклом мені!

№ 415

12. С грустною думою, с тихой молитвою
Снова приближусь я к месту заветному,
Уже не заплачу я, а лишь призадумаюсь,
Горе сменилось верой в бессмертие.
Спи ж незабвенная, скоро и мы уснем.
Тихо побудят нас ангелы, божие,
Сладостно будет нам встретиться с матерью.

№ 416

13. Кого боїмося, того вже не любим,
І його добротою вже якось ми нудим.
Йому й лишнє слово боїшся сказати,
Йому й за обіди треба дякувати,
За все про все маєш, зовсім не шануєш.
Він плаче — смієшся, сміється — глузуєш.

№ 417

14. Ты добра, как дитя,
Огорчу ль я тебя,
Затуманится взор,
Уста шепчут укор;
Но лишь с грустью немой
Подойду я к тебе,
Все забыто тобой
И сквозь слезы, ангел мой,
Улыбаешься мне.

№ 418

15. По степу, степу по широкому,
Йде доріженька на Вкраїну.
Коню, коню мій, воронесенький,
Винеси ж мене з-під недоленьки.
Коню, коню мій, хмари сходяться,
До сирої землі трави клоняться.
Яструби летять, щось земля гуде,
Татарва степом догоня мене.
Лихо буде нам, воронесенький,
Винеси ж мене з-під недоленьки.

№ 419

16 Доле моя, доле,
Невзрачная, доле,
Чом ти не взлюбила
Мене погубила.
Що другі й богаті,
Другії й хороші,
А я несчастлива
Убога й немила.

Є в милого мила,
Та його не любить,
А я й полюбила,
Та любощ погубить.
Коли б горе йому
розказати,
Може б було б легче
Мені сльози лляти.

№ 420

17. Іде брат у город,
Сестра проводжає,
Що тобі купити? —
Він її питає!
— Прошу тебе, брате,

Та свічок купити,
Щоб як вмру, було чим
Мене освітити.
— Гріх бо тобі, сестро,
Вернеться твій милий,

Та вже мені, брате,
Не встати з могили.
Серденько віщує —
Милий поцілує,
Мене та не тую,
Та вже не живую.
Серденько віщує,
Будете журитись
На одній могилі
По двоїх молитись.

№ 421

18. Он с нежной улыбкой
Ей в очи смотрел
И пылкою страстью
Взор гордый блестел.
Внимал он безмолвно
Прекрасной речам,
Украдкой устами
Прильнул к волосам.
И дева на шалость
С улыбкой глядит,
И пальчиком нежным
Счастливцу грозит.

№ 422

19. Черкес угрюм, черкес сердит,
Любимый конь его убит.
Не хочет есть, не хочет пить,
Не хочет жить.
«Ретивый конь! Мой верный конь,
Не понесешь меня на битвы,
Наш грозный крик, врагов молитвы
Ты не услышишь, добрый конь!
Чрез горы за врагом вдогон
Уже не помчишься ты, могучий,
С добычею в поток ревущий,
Не бросится ночной порой
И твой товарищ, вихрь летучий,
Покроет прахом остов твой.
И я как прежде быстрый, грозный
Не понесусь в кровавый бой.
Тот бой напомнит мне тебя
И задрожит рука моя.

№ 423

20. Не питайсь: «Чи є ще
Маруся на світі?»
Бо одному серцю
Для двоїх не жити!
Не живе для тебе
Твоя чарівниця,
Ус твій проміняла
Та на очі Гриця.
Хай же господь з нею
І прощай, моя мила,
Знайду я іншую,
Знайдеться могила!
З вечеру піп прийде
Мене причастити,
Зрану люди будуть
Мене виносити.
Тоді пожаліє
Петруся й Маруся,
Та вже з того світа
Тоді не вернуся!

№ 424

21. Я не видал твоих очей,
Я не слухал твоих речей,
Но я стихи твои читал,
Твой дар благословлял!
Они юны, полны любви святой,
Надежды, грусти неземной.
В них кротость, тихая печаль.
В тот мир в заоблачную даль
Твой дух невольно уносился.
Он не был мрачен и суров,
Но грустен, из земных оков
С улыбкой кроткою просился!
И внял господь мольбе святой:
Уже поют за упокой.
Колени наши гнутся.
И тихо слезы льются!
Ты ж спешишь в желанный край!
Пошли твои страданья!
Спеши! Не говорим прощай,
А только до свиданья!

№ 425

22. Старесенький дідусеньку,
Чого зажурився
Та сідою головою
На руку схилився?
— «Ви ще дітки молодії,
Вам ще любо жити,
Не питайтесь мого горя,
Вам не зрозуміти!
Молодая березонька
Росте зеленіє
І дивується, що старая
Березка хиліє!
Що мені вже надоїло,
Вас то потішає,
Я живу тим, що минуло,
Ви ж тим, що минає!
Веселітеся!, кохайтеся,
Поки серце б'еться!
Буде время то й вам, дітки,
Лихо усміхнеться!
Пізнаєте журбу мою,
Не схочете жити
І вас тоді старесеньких
Запитають діти!»

№ 426

23. Високою могилою
Сталася нам слава.
Січ ту славу породила,
Скінчила Полтава [94].
Що Варшава руйновала,
В труну покладала,
Москва ж, з труни виймаючи,
Ярмом наділяла
І з братами москалями
Не знайшли ми долі,
Подек віра зосталася,
Та не має волі! [95]
Було колись у сім краю
Свободній жилося,
Звали паном тільки бога,
В золоті ходили.
Чути було тільки пісні
Похвалення долі,
Та про славу козацькую,
Та про жисть на волі!
Тепер теє козачество
Казні, панству оре,
Слізоньками кервавими
Виливає горе.

Та й ніхто тобі від серця
Тут не усміхнеться,
Хіба коли хто от горя
Горілки нап'ється.
Похилиться у п'яного
Головка бурлацька,
Заворушиться в головці
Думонька козацька.
З шинку вийде попід тином
До дому плететься
З горя пісні виспівуе
І плаче, й сміється

№ 427

24. Что вы тревожите, думы печальные,
Еще буду я в Украине святой,
Нет, я пролью еще слезы прощальные
В грустном прощании с доброй род[ной];
Снова увижу могилу заветную,
Память минувших столь милых нам дней,
Вновь вопрошу, склонясь у стен, безответную,
Скоро ль увидимся с ней!

№ 428

25. Боже, хоть ты будь моею роднею!
Горькие слезы утри.
Дух мой слабеющий верой живою,
Светом твоим озари!
В день сей священный архангель-хранитель
Там помолись обо мне.
Глас твой услышит наш кроткий спаситель,
Будет отрадней душе.

№ 429

26. Куда вы, волны светлые?
Не в тот ли чудный край?
Скажите ж: здравствуй милому,
Люби и поспешай!
Невеста ждет, подруженьки
Сошлися, вкруг нее,
Она грустит, она дрожит
За друга своего!

№ 430

27. Над ним не плакали друзья,
Гроб не украшен был цветами.
И прах покойника слезами
Почтили лишь его семья:
Старуха-мать, старик-отец,
Да двое братьев; слезы их
Были так истинны; творец
На них взирал с небес.
Благих речей под мертвым не читали,
Лишь под могильною плитою
Его родные надписали:
«Великий боже, он с тобой!»

№ 431

28. Над ней рыдаем мы, друзья,
А завтра может быть над нами,
А завтра может быть меня
Вы проведете со слезами!
Исполните ж завет святой,
Не будем плакать над могилой,
А лишь с улыбкой унылой,
Склонясь, промолвим: «Мир с тобой!
Мы разлученные с тобою,
На днях опять придем к тебе
И там с признательной слезой,
С улыбкой вспомним о земле!»

№ 432

29. Довго руту зеленую
В саду поливала,
Хоч бачила козаченьків,
Та знати не знала.
Ось раз вийшла у садочок
Руту поливати,
Подивилась — козаченько
Стоїть біля хати.
Пожовтіла моя рута,
В очах потемніло,
Коли б тебе не любила,
Серце б не боліло,
Не питала б мене мати,
Чого усе плачу,
Не питало б мене серце,
Чом тебе на бачу!
Тебе б любий не кохала,
Тебе б не жахалась,
Щоб виплакать мою душу,
Любу б не ховалась.
Замість рути, барвіночку,
Рости зелененький.
Будь ти мені, козаченьку,
Замість батька й неньки.
Нехай люди не сміються,
Що тебе кохаю,
Нехай щастя у сім світі
З тобою пізнаю.
Зозулечки — леле! Лихо ж мені!
Ой, нащо ж я бачив очі твої?
На що ж мені, серденько,
ти так сподобалась,
На що стара матінка нами
любовалась?

№ 433

30. Не питайсь, козаче,
Не озветься мила!
Не плач же; без серця
Чорная могила!
Не вернеш те
Время веселе!
Ой лелечки-леле!
Не сплю — все про неї
І плачу, й гадаю!
Засну — вона сниться!
І сам я не знаю,
Що й діять! То чути,
Нібито вона плаче,
Махає рукою:
«Прощай, мій козаче»!
То янгели божі
Її проважають,
А в иеї очиці,
Мов зіроиьки сяють!
Мені усміхнеться,
На небо покаже,
Та й змеркне! То чую,
Як хтось мені каже:
«Не плач, гнівеш бога!
Не журись, молись».
Ой, квіте рожевий,
Як-то не журиться!
Чи правда ж, що в небі
Тебе я побачу?
Чи й там по коханьці
Сердечна заплачу
Й не вернеться время
веселе
Ой, лелечки—леле.

№ 434

31 Кто не скучал, кто не грустил,
Кто слез у бога не просил,
Тот не гоняйсь за суетою,
Не отравляй своей души.
Дни наши только й хороши,
Пока оживлены любовью!
Не увлекайся за толпою,
Пиров, безделья убегай,
Не порождай в душе сомненья,
Ее малейшее томленье
Молитвой теплой заглушай!
Порок отравит дни твои
И счастье вымолвит: «Прости».
Тогда ты будешь утешенье
Себе искать во всем. Всегда
В глубоких пламениых моленьях,
И в тайных долгих размышленьях
О жизни нашей, о судьбе,
В благотворительных делах,
В беседах, чтении, трудах,
Но, что же, не найдешь нигде.
И будет жребий твой страдать,
Тебя спасла б лишь благодать.
Но благодать не за моленье,
Не за рыданья, но смиреиье,
Не за любовь дается нам.
Дитя молиться не умеет,
Дитя молитв не разумеет,
А, ведь, милее небесам,
Чем мы с молитвами своими.
Мы богу нашими благими
Не угодим! И сам монах,
Проведший жизнь в мольбе, в постах,
Впадает часто в преступленья.
Тогда для нашего спасенья
Останется один лишь путь —
Спастись спасением других.
Но мы уж подвигов таких
Не понесем. Тогда замрут
У нас все помыслы благие.
Одежду сиова бережи,
Порыв страстей в лета младые
В пределах мудрых удержи.
Да сохранишь на старость лет,
Без них и в рае рая нет.

арк. 47—48. Оригінал.

№ 435

Ляшеньку, ляше, й тобі довелося слободи шукати.
Не дай тобі, боже, ие дай і половину та тіє пізнати,
Що діди пізнали, ляше, під тобою.
Що й ми, сіромахи, знаєм під Москвою.

І за слободу діди наші хрaбрі голови складали,
Аж од Варшави за сам Дніпр широкий степом полягали.
Аж од Варшави за сам Дніпр широкий
Марними рядами могили високі.
Кого колесують, кого четвертують, иа коли сажають,
Церкви під жидами, діти нехрещені, живуть, виростають.
Нікому вінчати, иікому ховати,
Під ксьондзів впрягають молодиць, дівчат.
Ой, по-братськи бідну Україну царі руйнували,
По всій Московщині, скрізь по всьому світу козаки згинали,
Що кістьми своїми Пітер заложили,
Та й шлях до Тіфлісу їми уложили.
Козацькії кістки в далекій Сибірі вітер розвіває,
Скрізь на німецькій і в землі паризькій козацтво дрімає.
Куди ти не підеш, не глянеш, мій милий,
Або наша слава, або і могили.
Батіночку, неню, благословіть сина Вкраїну єднати.
Чи приведеш, боже, мене ще раз в житті до рідної хати?
Серце, не журися, хай буде, що буде!
Лицаря Вкраїна повік ие забуде.
Обіймемось, ляше, І ти нещасливий, не вмів панувати
Так зумій слободу, зумій свою Польшу з'єднати.
Ой, лучче б нам вмерти, лучше б не родитись,
Ніж, як край наш гине, спокійно дивитись!
Де дідівська шабля, де конь вороненький?
Виїжджай, козаче, орле молоденький,
Згадай Наливайка, згадай про Богдана,
Рятуй край нещасливий,
Хай пісні слободи ще раз заспівають наші чорнобриві.

Г. Андрузскнй

Ч. VIII, арк. 48. Автограф.

№ 436

Долю моя, долю, нащо обіжаєш?
Душу печалиш, слізки виливаєш?
Вдався сиротииа без щастя, весілля.
Понурив голову, мовляв, від похмілля.
Нащо місяць світить, иащо зірка сяе,
Бо все ж і надія мене ие втішає.
Зведи мене, боже, там, де мої милі,
Гидко жить на світі, любо спать в могилі.

Г. А-

Ч. VIII, арк. 48. Автограф.

№ 437

Колись наша рідиа була чорнобрива,
Усі її знали,
Її діток щирих, киязів сильних хвабрих —
Усі поважали,
А тепер хиленька, а тепер старенька,
Хто ж її згадає?

Тільки козак плаче, тільки на могилі
Кобзарик глумляє.
І часом, як пісня, меж люд пронесеться,
І стогне, і плаче, й зове:
Озвися, козаче, єднай Україну,
Слава повік не помре.
Глянь, орле, на зірку і для тебе є місто
В святих слободах.
О, сором великий на суд божий прийде,
Козак в кайданах.
Відьмаки із могил виходили
Люд божий бавляти.
Із-за річки Вісли ляхи приходили
Наш край руйнувати.
Де пройшла їх сила, виросла могила,
Річка протекла.
Кров'ю степи, поле наше напоїла,
Славу пронесла.
Ще від того лиха наш край не прочуняв,
А москаль іде
Свою боярщину, свою москальщину
Погану веде.
Не пройшло і тее, а вже повертають
І иас в москалів.
Вже Вкраїна — брехні, і не було ніколи
Такої землі.
Язик наш — мужицький, наші пісні — слава —
Усе чортзна-що.
Пани ж одцурались і самі помогають.
Боже мі, за що —
Ой, тяжко нам, важко. На край свій як глянеш,
Серце защемить,
Так би усе й плакав — ие їсться, не спиться
Й не хочеться жить.

Автограф.

№ 438

Не ховайте мене в зелененькім садку,
Не для мертвих садок зеленіє.
Не ховайте мене у степу, де вітри —
У труну вітерок не повіє.
Ой не чути з труни соловеечка,
Як веселая хвилька журчить.
Поховайте ж мене біля церковки,
Мертвим з господом жить.
Або там положіть, де людської ноги
Споконвіку іще не бувало,
Де б цвіточки — руки, а травиця — коси,
А дерев'я б сокири не знало.
Не побачу я там, як цар зло починa,
І як люди ж та гублять людей:
Багач бідного гне, обіжають удов
І в сиротство вгоняють дітей.

Там мене положіть, може старець святий
Схоче в тій стороні в'єдинитись,
На могилу мою набреде і почне
За усопшого душу молитись.
Ой, почує душу ту молитву святу,
І слізьми перед богом заллється,
Стане легше мені у могилі сирій
І надією серце заб'ється.

Ч. VIII, арк. 48. Автограф.
Опубл.: *Збірник* праць п'ятої наукової шевченківської конференції.— К., 1957.— С. 154.

№ 439

Є в мене сопілка,
Та грати не вмію,
Навчіть мене, люде,
Тугу розважати,
Слізки виливати,
Серцю легше буде.
До губ прикладаю,
Сама ж починає
Пісеньку високу.
Згадав я про волю,
Козацькую долю,
Дніпр-річку широку.
Невесело слухать,
Як сопілка грає,
Нібито стогне, плаче,
Душу роздирає.
Не хочу ж я грати,
Не хочу співати,
Лучче, лучче мовчки
Бідному згинати.

Ч. VIII, арк. 48 зв. Автограф.
Опубл.: *Збірник* праць п'ятої наукової шевченківської конференції.— С. 154.

№ 440

Кобзарику, чого зажурився,
На рученьку мовчки похилився?
Ти багацько пісень знаєш,
заспівай
Нам про славу, про волю
згадай.
Мов зірочки, його очі
засвітились,
Заспівав про високі могили,
І руки в сердеги трясуться,
І слізоньки ллються.
Та й замовкнув. Ось почули,
Нібито під землею гра
Тихесенько, так жалібно,
І заплаче і заспіва.
Кобза випала з руки,
Позділмали шапки люде:
Суд твій, боже, буде, буде,
То забиті козаки.
Чи ж то в панів спина болить,
Як з мужиків шкуру деруть?
Чи ж то в царя серце щимить,
Як удовина сина беруть?
Вона ж над ним ніч не спала,
Господа благала,
Своє щастя, свою радість
В сина покладала.
Закований, мов злодюка,
І толку не доб'ється.—
Куди? за що? Тільки серце
Так жалібно б'ється.
Прощай, миле товариство,
І ви, чорнобриві,
І ти прощай, Україно,
Краю нещасливий.
Ось на пам'ять сопілочка,
На серці сховаю.
Сумно стане, я заграю,
Парубство згадаю.
Літа мої молодії,
Плаче сиротина,
А ще дужче, а ще важче
Плаче Україна.
Взяли ж його, молодого,
Із рідної хати.
А хто ж вдову нещасную
Буде доглядати?
Хто закриє старі очі,
Засипле землею,
Пожаліє, поплачеться,
Скаже: «Бог з тобою»!
Повалиться стара хата,
Вітер по ній піде,
Кропива зазеленіє,

Мох на стінах зійде.
Буде пусто, страшно, марно,
Мов в сирій могилі.
Люди пройдуть, люди скажуть:
«І тут колись жили».
А син, а син... не питайте,
Така його доля,
Або згине в лазареті,
Або серед поля.
Голод, холод, а ще більше
Думонька козацька.
Не раз, не раз пожуриться
Головка бурлацька.
Ой, заллється він сльозами,
Слізьми не своїми,
Буде жити, та без щастя,
Мертвий меж живими.
З кінця світа, в кінець світа
Буде він блукати,
Тікать від одного лиха,
Другеє спіткати.
Панство лає, люди лають,
В хату не пускають.
От так люди,— а ні за що
Часом пропадають.
І вернеться безталанне
Старча до хатини,
А у хаті небо світить,
А в ній — ні людини.
Старий глядить на руїни,
По ним мов читає,
Що було, коли було —
Усе вспоминає!..
Мерещилось сіромасі
Хтось його зове.
Любо, страшно і вірить він,
І віри не йме.
Кругом руїн чужі хати,
Незнайомі люди.
Він дивиться на їх щастя,
А сам світом нудить.
Та яке ж то їх нещастя?
Що ще їм живеться?
Ох, не вірте життю тому,
І лихо сміється!
Не плачтеся ви, удови,
І ви, сироти бідні,
Ваше горе, ваші сльози
В небі не послідні.
Не пропаде за господом
Добро ваше, квіти,
Буде й корзі некрутчина,
Буде на тім світі.

Ч. VIII, арк. 48 зв., 49[во]. Автограф.
Опубл.: *Збірник* праць п'ятої наукової шевченківської конференції.— С. 153—154.

№ 441—463

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— ЗОШИТ ТРЕТІЙ

№ 441

(ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ПЕСНИ)

Вышла я за него.
Утешалась мать.
И не стыдно было
Мне его целовать.
Вдруг меня увидят,
Я была, как дитя,
И теперь я... они
Погубили меня.
Уж беде не помочь:
Я и в храм не хожу,
И не первую иочь
На пиру провожу.
Но мне грустно за вас:
Вы так молоды все,
Берегитесь, что час,
То все ближе к беде.

(Конца нет).

Ч. VIII, арк. 51. Автограф.

№ 442

В стране прекрасной, изобильной,
Господь создал меня.
Ни разумом, ни волей сильной
Не возвышался я.

Был слаб и робок, как дитя,
Лишен здоровья, росту, зренья.
Но праведный взыскал меня
Высоким даром вдохновенья.
И сердца тайное сознанье
Под грустный час твердило мне:
Ты божье лучшее созданье.
Духовный мир открыт тебе.
И я внимал с благословеньем,
И жизнь приветствовал слезой.
Не с ропотом, а с умиленьем
Я преклонялся пред судьбой.
Чужой тщеславию людей,
Я был далек от их скорбей,
Любил, дышал уединеньем.
И вдруг! О, боже мой, прости!
С рыданьем руки возношу,
О новых благах не прошу,
Лишь то, что было, вороти.

Ч. VIII, арк. 51. Автограф.

№ 443

Благослови труды мои,
Умножь, улучши, оживи
Умом, сердечной теплотой,
Среди трудов пребудь со мной.
Пускай найду свет чистый в них,
Не возгоржусь душой в познаньях,
Пусть буду помнить, ты дал их,
Ты окрылил мои старанья.

Ч. VIII, арк. 51. Автограф.

№ 444

Ты плачешь, сиротка.
Не плачь, погляди,
Как божия матерь
Прижала к груди
Малюточку — сыиа.
Как светел, как нежеи
Спасителя взор.
Малютка смеется,
Ручеики простер,
С пречистою девой играется.
— Молися,— услышит
Святое дитя.
И матерь иную
Пошлет для тебя.
Ты будешь спасителю братом.
Сиротка молился!
Лампада горела,
Пречистая дева
Так кротко смотрела,
Сиротка взглянул, улыбнулся.

Ч. VIII, арк. 51. Автограф.

№ 445

Долой сюртуки, бокал наливай.
Рапирой под песнь ударяй,
Забудь, что было — былое прошло,
Что будет, о том не гадай.

Тоска ль на душе, в шипящей струе
Злодейку тоску подави,
Заботы, вы прочь. Продлися же ночь.
Мила ты вину и любви.
Здесь все мы друзья; одна лишь семья
И нет здесь религий, отчизн,
Различий, чинов. Созвал бог пиров
И царит веселья жизнь.
Смотрите, вино... сверкает оно
И рвется, и бьет в потолок.
Бокал подставляй, бокал поднимай,
Жми руку, теснее в кружок.
Кто любит, тот пей в честь милой своей,
Кто весел — весельем делись.
Взгрустнется — запой и песне чужой
От чистой души улыбнись.
Мне любо, друзья, наш круг оглянуть,
Так молоды, веселы все.
Я тут бы хотел навеки уснуть
И что б то пригрезилось мне,
На вас я гляжу, бокал подношу,
От сердца вам, други, привет.
Господь, вам пошли все блага земли,
Даруй вам, творец, много лет.

Ч. VIII, арк. 51. Автограф.

№ 446

С зимою ли старость сравнишь?
По мне все ж напрасно грустишь.
И в зиму случаются дни
Такие, как летней порой:
И теплы, и ясны они,
Ни тучки нигде над землей.
Так солнышко светит, тогда все кругом
В мгновенье одно веселеет,
Согласен с тобою, но вспомни о том,
Что солнце тогда уж не греет.
Бывают и в старости светлые дни,
Но старость не тешат они!

Ч. VIII, арк. 51 зв. Автограф.

№ 447

Кто б ни был он, друзья, а сердце за него.
И как не полюбить, он высказал все то,
О чем не раз мы думали порою,
Что свято, дорого для всех нас, но чего
Никто не высказал. Улыбкою, слезою
Приветствуем тебя, товарищ дорогой.
Даст бог и сбудутся желания твои.
Любовь ли не свершит достойное любви.

Ч. VIII, арк. 51 зв. Автограф.

№ 448

Живу, не знаю, как, зачем?
Не уживаюся ни с чем.
То вдруг подавленный судьбою
Чело я гордо возношу,
И вдруг гнушаюсь сам собою,
И смерти у творца прошу.
Порою полон чувств живых,
Порой без мыслей, без сознанья,
То в звуки перелью страданья,
То никну средь скорбей немых.
Подчас, как птичке легко, вольно,
Порой минута — с целый век,
Вздохнешь, подумаешь невольно.
Как странен божий человек.

Ч. VIII, арк. 51 зв. Автограф

№ 449

Серце рветься на Вкраїну —
Думка ж не велить.
Любо кого полюбити,
Гидко — розлюбить.
Що весело подумати,
Як рідній ждуть,
Поділяться доленькою,
Слізоньки утруть.
Невесело ж мені буде,
Як усі з рідні
Одвернуться, посміються
На ласки мої.
Лучче ж мені на чужині
Вік свій коротать,
Ніж на святій Україні
Нелюбим блукать.
Серце рветься, та боїться
Надію згубить.
Без надії ж на світі
Нічого і жить.
Чорні хмари за хмарами
По небу пливуть,
Похилилась головонька,
Слізоньки течуть.
[То] [97] молишся, то плачеш.
Боже пресвятий,
Ти всю правду з неба бачиш,
За сльози прости.

Ч. VIII, арк. 51 зв., 52 Автограф.

№ 450

У дівчини-сиротини
Та милий питає:
Скажи мені, дівчинонька,
А хто тебе знає?
Не то пак, що знає,
А хто тебе любить,
До серденька пригортає,
Під лихо голубить?
Дівчинонька на милого
Смутно подивилась,
Головою покачала,
Головка схилилась.
Із очицьок слізки
Стали виступати:
Що ти, мені, мій миленький,
І батько, і мати.
Оглянуся, нема моїх,
Та й слізьми заллюся.
Утрусь нишком, веселою
На людей дивлюсь.
А як коли схочу
Лихом поділитись,
Піду собі на могили
Та стану молитись.
Помолюся, так весело
Серденько заб'ється,
Нібито моя мати з неба
До мене сміється.
І віриться, що вернеться,
Що було загуло,
І ти, кого моє серце
Поблагословило.

Ч. VIII, арк. 52. Автограф.

№ 451

Що квіточки я сажала,
Слізьми поливала,
А у нічку у темненьку,
Щоб вороженька не знала,
З корнем рвала, виривала
Руту зелененьку.
За садочком місяць сходив,
По садочку милий бродив,
Дівчина кохалась.
Лучче б було не любити,
У садок не виходити,
Лиха б не діждалась.

Що подруженьки гуляють,
Вінки надівають,
А я без віночка.
Мовчить батько, плаче мати,
Гірко мені колихати,
Голубить синочка.
Іде мова поміж люде.
Боже, боже, біда буде.
Милий покидає.
Що я бідна, він багатий,
Його батінько до хати
Мене не приймає!

Ч. VIII, арк. 52. Автограф.

№ 452

На крыльце свою куклу Паша в цветы убирала.
Самовар так приятно шипел, я смеялся,
Анюта, Лукерья и Танька на дрожках катались,
Порфирий преважно Демида понукал плеткой,
Тут же и баба сидела с маленькой Таней.
Папенька с маменькой вышли и мы подбежали.
Смотрим: луна над кладовой всплывает, казалось,
Луна на кладовой лежала, и я усмехнулся.
Видишь, Порфирий, как низко, а все ж не достанешь.
— Нет, я достану, пусть только позволят.
Папенька с маменькой с усмешкой взглянули:
— Что же, ступай, да и вы побегите,— сказали.
Чуть от крыльца отбежали — луны уж не стало,
Чуть же назад отошли — она появилась.
К ней мы — исчезнет, назад — выплывает,
Как будто бы дразнит. Нам любо, смеемся.
Ни слова ж Порфирий, отстал и заплакал.
— Полно ж, молвила маменька,— нежно целуя,—
Будешь большим и узнаешь об этом из книжек.
— Да я узнаю.— Сквозь слезы промолвил он тихо.
Часто, как всходит луна, вспоминаю о брате,
И жажда познаний волнует и томит меня,
И горько сетую по тех невозвратно потерянных годах.
Да я узнаю,— твержу,— когда же скажу я: узнал?

Ч VIII, арк. 52. Автограф.

№ 453

Перед нами два лежат пути:
Один уж пройден, невозвратный,
Другой, которым нам итти —
И страшный путь, и благодатный.
На нем цветы и терн колючий.
На нем согреет полдень жгучий,
Приочарует жизнь, любовь.
И вдруг огнем близь гробов.
И всякий с горькою улыбкой
Промолвит, тихо привздохнет.
Зачем же время шло так шибко?
Зачем так медленно идет?

Ч. VIII, арк. 52 ав. Автограф.

№ 454

Русская песня.
Вейтесь, сливайтесь, веночки!
Вейтесь, кружитесь, подружки!
Венок лучший — хороводице,
Венок лучший — раскрасавице, нашей Машеньке.
Машенька в садик ходила,
На василечек ступила,
Василечка пожалела,
Сорвала и положила на лебяжью грудь.
Грустно ль мне станет, цветочек,
Стань ты душистей, алей,
Будь же милым неизменным,
Разделяй и горе, и радость,
Не покинь меня.
Девичьи думки доверю,
Будешь близ сердца лежать,
Орошу тебя слезами,
Поцелуями согрею, Василечек мой.

Ч. VIII, арк. 52 зв. Автограф.

№ 455

Од недолі, до неволі,
Смутован та загину,
Ховай, боже, Україну.
Боронь тих, що доглядають,
Свої душі покладають
За нас бідних. Боронь, милий,
Тих, що ходять на могили
Сльозми лихо виливати,
Про Вкраїноньку співати
І тих, що Вкраїну люблять,
Із-за неї долю гублять,
І тих, котрих батьки згнили
За свободу. Не дай сили
Злидням лихо нам вчинити.
Дай з усіма мирно жити,
Боронь весь мир і нас усіх,
І жіночок, і діток малих.

Ч. VIII, арк. 52 зв. Автограф.

№ 456

[ПРОЩАНИЕ С ИНСТИТУТОМ]

Для нас пробил прощальный час
С заветными стенами.
Подруги всюду ищут нас
Печальными глазами.
Напутствуют благославеньем
И со слезами руки жмут.
Им кажется, что с нетерпеньем
Мы покидаем институт.
Ведь нас с любовью ждут родные,
Увидим милые места,
Где наши детские уста
Молились господу впервые.
Но больно покидать нам тех,
Что столько лет прожили с нами.
Веселый говор, резкий смех
Прервались грустными мечтами.
Где столько светлых милых дум
Над нами пронеслось порою,
Где озарен наукой ум,
Оживлены сердца любовью.
Где наши детские года
Мелькнули чудным сновиденьем,
О месте том везде, всегда
Вспомянем с благословеньем [98].
Бесценный милый.
Прости, быть может навсегда
Не будем жить, как здесь мы
жили —
Иная поведет звезда.
Да осенит господь десницей
Приют невинности святой,
И да воздаст ему сторицей
За все, что вынесли с собой.
Пускай, как мы, с благословеньем
Все покидают институт.
Пусть неразлучными живут
В нем и любовь, и просвещенье!

Ч. VIII, арк 52 зв.— 53. Автограф.

№ 457

О, господи, сделай меня человеком.
Дай силу, желанье себя одолеть,
Дай разум сознаться в своих заблужденьях
И волю — великое дело свершить,
Спастися от гибели вечной.
Дай сердцем восчувствовать правду, любовь,
И верой мой дух просвети.
О боже, ты ангела дал человекам.

Прекрасиый младенца хранит в колыбели,
Внушает он юноше доброе дело
И старца напутствует тихой молитвой...
Пускай же твой ангел хранит и меня
Любовью, надеждой мой путь услаждает.
И чистым, прекрасным к тебе приведет,
О, господи, сделай меня человеком.

. VIII, арк. 53. Автограф.

№ 458

Я жизнью безумной, небрежной
Разгневал благого творца,
Лишился я матери нежной,
Неужели лишусь и отца.
Услыши, создатель мой,
Измн мя от гибели злой.
Хочу ль, не хочу я, исправи,
Другим полюбиться настави,
Других полюбить научи.
И с выси святой над падшей душой
Твоей благодатью почий.
Не дай мне на имя благое творца
В безумьи преступно роптать,
Не дай мне на доброго друга — отца,
Убитому горем, пенять!

VIII, арк. 53. Автограф.

№ 459

Бідне серце, не журися,
Дужче веселіш забийсь.
Хай вдалась тобі недоля,
Нехай слізки ллються.
Твоїй правді, твоїм слізкам
В небі спом'януться.
Коли господь моїй посланиці
Дає й істи, й пити.
Чи вже ж таки він захоче
Тебе погубити?
Коли господь лле дощами
І вітрами віє,
І на малую билиночку
Святим сонцем гріє,
Чи вже ж таки він забуде
Несмертельну душу?
Боже, тільки що на тебе
Й надіятись мушу.
Як до тебе пригорнуся,
Тобі помолюся,
Мине лихо неминуче.
Слізки переллються
І ангели сиротині
З неба усміхнуться.

VIII, арк. 53 зв. Автограф.

№ 460

Боже, спаси й помилуй отца,
Братьев, сестер и родных,
И всех, кто в тебе сознавает творца,
Спаси и помилуй и добрых, и злых.
Добрым за правду даруй отпущенье,
Грешных любовью взыщи.
Боже, и мне ниспошли искупленье,
Правде, добру поучи.
Господи, души усопших рабов,
Матери, братьев, сестер и родных —
Всех ближних, погибших от бедствий земных,
Прими под свой отческий, светлый покров,
Введи их в обитель святых.
Всесильный управи наш путь пред тобою,
Десницей твоей всеблагою
Зовущих тебя осени,
Рог непокорства, гордыни сотри,
Верой, надеждой, любовью
Дух озари.
Пречистая дева! Сына Христа
Умоли. Пусть нам мир возвестит,
Пусть знамением силой честного креста
От напастей, от зла оградит.
Ангел-хранитель за нас заступись,
Мученик веры, Георгий святый,
Пред божьим престолом с мольбой преклонись.
Боже, услышь ты, вездесведающий,
Мудростью-духом, сыном-любовью
Мир созидай, охраняй.
Будь путеводной к той жизни звездой
Люди твоя освещай.

ь. Автограф.

№ 461

Слыхал ли ты ручья журчанье,
Гимн соловья в глуши лесной,
И листьев нежных трепетанье,
И песнь крестьянки молодой?
Все это вместе как приятно.
Душею светлой, благодатной
Внимаешь жадно, и слеза
Туманит излегка глаза.
Но песнь его очарованье.
Гимн соловья, ручья журчанье
И песнь крестьянки молодой,
В сравненьи с ней лишь звук простой
Знавал ли молодости радость?
Изведал ли молитвы сладость?
Узнал ли ты цену любви,
Всю прелесть тайных разговоров,
Жар поцелуев, пламень взоров...

Сгораешь, страждешь наслажденьем.
В очарованьи жить спешишь,
На все глядишь с благословеньем,
О счастьи мыслишь, говоришь.
Но песнь его еще прекрасней,
Как юность, пламенна, светла,
И, как любовь, она мила,
И поцелуя сладострастней.
Ему внимал бы вечно, вечно.
Провел бы радостно, беспечно
Всю жизнь свою у ног его.
Ему б предался б всей душею.
Но я ни воспою того,
Кто так возвышен надо мною.
Мне грустно, больно и смешно.
Он так прекрасен, так велик.
Его не жалкий наш язык,
А сердце восхвалить должно.

. VIII, арк. 53 зв.— 54. Автограф.

№ 462

Соловейку в чужім краї
Нелюбо літати,
Хотілось би в садку ріднім
На гілці співати.
Та в тім садку вітром віе,
Щодень холода,
Цвітки в'януть, трава
жовкне,
Листя опада.
І мені то невесело
Жити на чужині,
Тільки й думок, тільки й
слізок,
Що по Україні.
Та на святій Україні
Не те, що було,
Не спитають: чи здоровий?
А скажуть: «Чого?»

Пливе річка до Дунаю
До чужого краю.
Пливи, пливи, неси мене,
Хай там пропадаю.
Лучше ж мені там згинути,
Бо то на чужині,
Бо смерть моя поляже
Гріхам на Вкраїну.
Хай там мене й
не вспом'януть
Згину, а ні за що,
Зато люди хоч забудуть,
Що я був ледащо.
Й може який сиротина
прийде до могили,
Скаже нишком, щоб
не чули:
«Спаси боже милий!»

№ 463

ЗАГЛАВИЕ: РУССКИЕ

Окончание той песни

1. В стране прекрасной изобильной
2. Благослови труды мои
3. Ты плачешь сиротка
4. Долой сюртуки, бокал налей
5. Живу, не знаю, как, зачем
6. С зимою ли старость сравнить
7. Кто б ни был он, друзья,
8. На крыльце свою куклу Паша

9. Пред нами два лежат пути
10. Вейтесь, свивайтесь, веночки
11. Прощание с институтом
12. О господи, сделай меня человеком
13. И жизнью безумной небрежной
14. Боже, спаси и помилуй отца
15. Слыхал ли ты ручья журчанье?

Малороссийские

1. Серце рветься на Вкраїну
2. У дівчини-сироти
3. Що цвіточки я сажала
4. Од недолі, од неволі
5. Бідне серце, не журися
6. Соловейку в чужім краї.

Конец

Г. Андрузскі

Ч. VIII, арк. 54. Автограф.

№ 464—495

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— ТВОРИ НА ОКРЕМИХ АРКУШАХ ПАПЕРУ

№ 464

Ты мне в удел творец [99]

Ч. VIII, арк. 54 зв. Автограф.

№ 465

ЗОСТАТНІЙ ЗАПОРОЖЕЦЬ

Над Дніпром, над широким, орел літає,
Весь мир оглядає, та хвилі питає:
— А де ж брати запорожці? Задумались хвилі:
— Спитай вітра. Він по світу далеко гуляє.
Летить орел під хмарами, вітер наганяє:
— А де брати запорожці? — Спитай у могил!
Пройшло то урем'я великее! Згинули
І тії великії люди. Про них
Ще розказують старці і пісня
Нагадує. Та вже їх немає.
Вони в сирій землі і не подадуть
Нам голосу. Правда, кажуть
кобзарики, що хтось у могилах,
Як стемніє, співа. А що і хто —
Господь знає. Т може душі їх
Навідуються, так як те
Побачуть, що — діється, сумно,
Сумно заспівають і полетять
Високо, далеко, щоб не бачити,
Як милий край гине.
Ангел пита: чого плачете?
Ніхто й самий ангел не

Розуміє того горя, що чоловік знає.
Не зна, як важко бачити,
Що гине той край,
Де родився, жив, за который
Рад душу б отдати.
Може і тепер тії святії
Лицарськії душі межи нами
витають!..
Помоліться за них, вони нашу
Вкраїну єднали.
Їде козак по полю,
Клине свою недолю.
І кінь голову схилив,
І кінь зажурився.
— Не журися коню мій,
Бо їдемо в гості.
Там поллеться вражеська кров,
Ляжуть вражеські кості.
Або, може, там і нас
Лихо піджидає.
Хто ж, конику, мене
Тоді поховає?
Будуть люди в поле йти
І на нас дивитись,
І за душі козацькі
Господу молитись.
Буде ворог Україну
Нашу руйнувати,
Буде вона звати нас,
Та як тоді встати.

Так запорожці співали, так і робили, як згадаєш, так жаль візьме, то ам ліг би у труну, аби вони встали, аби хоч побачити, почути їх. Недаром юди кобзарів вважають, бо вони співають про запорожців, про Україну. сь що я чув про одного запорожця, ось як розказував Степан Харченко, -кацапськи Харченков, що був у москалях. Аж плакав, як розказував.

Давно-давно вже се було. Я був ще дитиною. Тоді ще була цариця Ка-рина. Хай бог їй простить. Не любо нам про неї вспоминати. Вона нашу Січ уйнувала [100]. Тікали тоді запорожці і в Туреччину — і скрізь, куди очі ічили, тоді був у нас паном, бачиця, Клеченко. Та ні, Стемпковичь, чи то ік... Не згадаю вже... Тільки люди кажуть, що він був пан добрий, не то, о тепер бувають... Не знаю. Ось що случилось: прийшов раз у наше село ийсь дід. На щоці і на голові у його був шрам такий страшний. Ніхто да не знав, а всі шапки здіймали. Як і тепер згадаю, батько казав мені:

— Поклонись дідусеві! Він запорожець.

Ось пішов дідусь до первої хати, а його встрітили миряни. Туди ж брались і довго там сиділи.

Я ж малий був і не знаю, що там діялось. Тільки на другий день мене тько учив співать якусь пісню про Січ. Гарна пісня. Уже тоді її співали, пер вже забули. Утром дідусь пішов дальш і жалібно його провождали, плакали. Я його полюбив зразу.

— Що то, мамо, за дідусь був? — питав я.

— То був запорожець, і ти таким будеш, як виростеш. І стало мені адно, що я малий, усе хотілось побачить діда. Ось через год або що при-ов оп'ять дідусь і став жити у одної вдови, та недовго. Пан велів йому

вийти. Тоді у дідуся не було лівої руки. Кажуть, що одрубали москалі, як Січ руйнували. Справді у той год щось батько був дуже сумний, мати плакала.

Прошло ще літ аби скільки. Я вже підріс, я вже бачив москалів, бачив запорожців та ні одного не полюбив, як дідуся. Усіх питав про нього — ніхто не знав, бо я ие знав як, зовуть. Як ось мені вже було з десять літ, опять прийшов той дід і став проситься у пана на жительство.

— Хай живе,— сказав пан,— тільки щоб не теє. Я знаю, що за птиця запорожець. Діду оце переказали. Він тільки заворчав.

Дідусь був чоловік добрий. Усі звали його тату, діду, бо був уже дуже старий. Нічого він не робив, тільки розказував про Вкраїну. Ніхто не бачив, щоб він сміявся. Бачили, як плакав. Запорожець плакав! Любив він иам, дітям, пісні співати. Ніколи не мав ні копійки, бо роздавав бідним. У церкві стояв він у самому куточку і ніхто там вже не стояв, щоб не мішати. Любили його як батька. Тее, сее, подарують — і живе собі, нікого не обіжаючи.

Але був дуже-дуже чудний. Було у неділю під вечір вийдуть люди на вулицю... Старі собі калякають про голод, про москаля, про Січ, аж жаль дивитись. Добрі люди. Нікого не обідили, хіба як часом хто вип'е лишнє. Нічого злого не зробили. Подумаєш, чого б то їм журитись, а плачуть. Жаль тієї слави, що батьки їх кров'ю добували, що живе в веселих піснях. Жаль тієї волі, що спить у могилах козацьких. Воля і пташечці люба. А як то без неї людям.

Така, брате, наша доля злая. Що пройшло — не вернеш, тепер сумно і важко, а про те, що буде, страшно і подумать. Тісно в світі людям, одні других давлять.

Де ти, батьку Хмельниченьку, що думаєш, що гадаєш?

Так ось старі балакали, а дівчата і парубки... усі, усі були і малії діти. Дідусь же сидить собі на дворі та співає. Просили його дівчата пісеньку зложити і ось яку зложив він:

Коло рожі цвіточки
Схиляються, гнуться,
А коло дівчини
Подружеиьки в'ються.
Жовкне повна рожа,
До землі схилилась,
Змарніла дівчина,
Важко зажурилась.
Листочки у рожі
Вітер оббиває,
А по козакові
Серце ізиває.

Дівчина пускала,
Плакала, казала:
— Іди за край милий,
Хай бог подасть сили,
Та не забарися,
До мене вертайся.
З нею неиадовго
Козак попрощався
Любо їм зійтися
У бога на небі.
Ти вмер за Вкраїну,
Я вмерла за тебе.

Такий був дідусь наш і добрий, і чудний. Ось раз прийшов кобзар. Усі люди виходили кобзаря слухали, журились. Назбирав він повну шапку. Мовчки ми розходились. І після ще довго вспоминали кобзарика, і мов прислухувались до його пісні святої. Вийшов і дідусь

— Здоров, Степане! А що, як там?

— Та все гаразд — каже кобзар.

— А пир буде, каші наварили?

— А, буде!...

Той цілий день дідусь був веселий.

— Дідусю, що то за кобзар? — спитав я.— А він мені заспівав про Наливайка. Та не забув я, і вже ждав чогось, що то за пир, за каша,— думав я.

Таки ж і дождався. Швидко після того приходив до дідуся якийсь козак, довго ще дівчата про його співали:

Відкіля ти, козаченьку,
Де, орле, літаєш?
Які вісточки привіз нам?
Чи наш край згинає?
Чи скидати нам намисто,
Коси розплітати?
Може, пора і нам з вами
За свій край згинати?
— Спасибі вам, чорнобриві,
Прийшов поглядіти,
Та сказати: нема долі
Вкраїні на світі.
Не кохайтесь, чорнобриві,
А моліться богу,
Й старі люди, й молоді
Збирайтесь в дорогу.
Шлях далекий через степи,
Ходім до Дуная,
Знайдем собі Україну
У чужому краю.
Збиралися, прощалися.
Там же я зосталась.
Була малая дитина,
Нічого не знала.
Не хотілось тобі, мати,
Мене покидати,
Не довелось мені в світі
Свободоньки знати.

Бачиш, брате, тоді і кращі пісні були. Усе колись було краще... Кажуть люди, що сонце не так світило!

Прийшов той козак до дідуся: — Здрастуй, тату!

— Здоров! Показав козак йому якийсь папір. Старий тільки усом повів, став збиратись. У той вечір він був на вулиці і довго з старими балакав. Балакали з ним і молоді. На другий день половини села не стало і дідусь утік.

Після розказував мені батько, що багацько тоді козаків і наших панібратів до турка втекло, що і батько б пішов, та ми були маленькі, не схотів кидати. Був у мене брат двухліток, та сестра ще в колисці. Прочув пан про побіг. Наїхали якісь жупани, стали допитувати, бити і довго у нашому селі москалі стояли. Пішов уже було дев'ятий год. Вже і мати вмерла. Усе не так стало. Кругом були поперед свободнії козаки, а тепер кругом стали пани. У нас був вже третій пан. У селі церква згоріла, так і зоставили. Сижу раз з батьком в хаті. Ніч була темная, дощ престрашенний. Чую, хтось стучиться. Глядь, се той самий дідусь і з ним якийсь другий. Ішов тепер дідусь із Дона і звав нас у Туреччину.

— А що тату — сказав я,— ходімо. Чого на цього вовка дивиться, хай гризе других.

— Падлюга він,— сказав батько.— А знаєш дідусь ту вдову, що ти жив? Він дочку її зовсім занівичил!

Дідусь вскочив, мов опаренний. Так страшно подивився, що ми аж вздригнули. Був я після під турком, під ляхом, ходив і під німця, аиі куля, ні гармата мене так не злякала б, як тоді дідусь.

— Я любив удову і дочку її Катрю! Вони добрі люди. Уб'ю його,— прошептав він.

З горя занедужав старий. Ось тут ми його поховали і зібрались до мандрів. Нас поймали. Що зробили з батьком — не знаю. Тільки бачив, як москалі закували його і повели... Прощай, тату. Мене..., та чого вже не було, взяли в рекрути. Сестру, бідну, взяли [...] [101], там вона і заги[ну]ла. А брат... Господь його знає... Чи ти думала, мати, що такая доля жде нас. Боже мій, боже!

Вернувся я вже старим у своє село. Усі були чужії. Кого я на руках носив, ті тепер самі носили. Хата моя розвалилася, а люди і душею стали не ті: про дідівщину і не згадують, ходять у ярмі, мов нехристи. Дочок отдать на похоть панську і за гріх не щитають. Не чуть пісні старосвітської. Усі москалів бояться (а мене приймають за москаля), усі москаля корчать, аж сміх слухать, як заспівають. «Нових некрут набирали», або ще таке ж хороше.

Дуже, дуже я заплакав, згадуючи, як було попереду добре. Спасибі вам, люди, що хоч не забули дідусевої могилн. Коли, добрий чоловіче, ти ще не забув, що ти українець, любиш свій край, його славу, то молись за дідуся Василя. Він був великий запорожець.

Заплакав Харченко і я заплакав. От так, братці, попропадали наші лицарі. Деяких хоч згадають, а деяких ім'я тільки вітер нашепчує, віючи на чорних могилах.

Була колись Україна. Козаки єднали. Зги[ну]ла вона, поперед неї, вони позгинали. Чи вернеться те время. Чи ще ж вона встане?

Хто ж за нашу Україну
Молитися стане,
Хто, козаки, вас згадає,
Ім'я ваше знає?
Тільки знае вітер буйний,
Що в полі гуляє.
І сумно, і важко подумати,
Як пропада слава. Подумати,
Що і нас забудуть, як
Помремо, і ніхто за нас
Не помолиться.
Жаль вас, лицарі,
Не привелось вам пожити.
Не досталось долі,
Чи не дали, хоч на небі,
Вам святої волі.
Не ми за вас, а ви за нас.
Козаки, моліться.
Ви щасливі, ви свободні,
А нам то журиться.
А правда. Бо в могилі і є
свобода,
А тут її тільки просять.
За що, боже, нас караєш?
Спаси Україну!
Коли ж гинуть, хай за иеї,
Боже, мій загину.

Г. Андрузський

Ч. VIII, арк. 55—57. Автограф.

№ 466

БЕДНАЯ МАРЬЕЧКА

Люди выходили з церкви. Весело расходились они. Каждого ожидал простой, но здоровый обед. Одна только Марьечка не выходила из своего уголка. Тихие слезы струились по щекам ее. Она на коленях молилась. Пономарь, лет шестидесяти, уже хотел запереть церкву. Когда заметил ее.

— Что ты делаешь? — спросил он хриплым голосом.— Уже все вышли, не ждать же на тебя.

Марьечка грустно взглянула и вышла. Пономарь проворчал:

— Эти мне! Места себе не найдешь? Поздно каешься, окаянная.

«Куда ж теперь пойду я? — подумала Марьечка.— Госпожа выгнала, родных нет!»... и махнула рукою. Прошла она по селу, приостановилась, никто не зовет: «Прощай, прощай село! Ты мне, как родина. Бог прости тебе, барич, что гонят сироту». Перекрестилась иа церковь в вышла в поле.

Перед ией три дороги, все три ей одинаковы, пошла наудачу. Недолго шла она, ее догнал верхом русый пареиь.

— Марья,— тихо сказал он.— Тебе было хорошо, я сватался — не захотела. Тебе худо — хочешь ли? Скажи, Марья.

Она закрыла лицо руками.

— Нет,— глухо промолвила. — Я опозорена. Воротись домой. Дай бог тебе счастья.

— Марья! Я тебе больше верю.

— А люди? Что скажет мать твоя, что подумаешь ты сам, когда укажут на меня пальцами. Вон, скажут, Марья.

Парень призадумался.

Хорошо,— вымолвил,— но мой батюшка богат, наймись у нас, поживи, слюбишься. Хочешь ли?

— Добрый ты человек. Не хочу. Что будет вам от господ?

— Мы вольные.

— И я вольная, да не вольна идти к вам. Не сердись. Для тебя же удет легче, когда позабудут меия.

— Куда ж ты пойдешь? Кто тебя приймет.

Она грустно улыбнулась. Он слез с коня и взял ее за руки.

— Взгляни на меия. Стыдно тебе. Останься.

Марьечка молчала.

— И теперь его любишь? А он же тебя отрекся. Жених бросил тебя Парья. Она тихо вздохнула.

— А мы бы славно зажили. Матушка моя так добра. Садик есть. И на рмарку поехали б. Славно было бы. Останься...

Марьечка молчала. Невольные слезы блеснули на глазах, она отернулась.

— Что же плачешь? Остаешься.

— Нет! — тихо проговорила она.— Прощай. Будь счастлив. Парень, е выпускал ее рук, долго-долго смотрел на нее.

— Не хочешь, Марья. Господь с тобою! — вскочил на коия и повороил назад. Марьечка прошла несколько, присела и заплакала. Недолго она идела. Парень опять воротился.

— Эй, останься, не будешь жалеть. Уж я ли не люблю тебя. Уж я ли?

— Но Марьечка — ни полслова. Задумался парень.

— Ладно, Марья. Будь по-твоему. Хоч провожу тебя к моей сестре в ород. Пойдем!

Марьечка взяла его за руку.

— Пойдем, Сеня. Бог отплатит тебе. Они тихо пошли. Оба молчали, хотели б многое высказать. Девушка была глубоко тронута. Это чистосеречная любовь его и льстила и огорчала ее. Она не понимала, как можно юбить ту, которую выгнали [102], которую бросил жених. Парень думал б ней.

— Марьечка первая заговорила.

— Скажи, Сеня, что обо мне говорят?

— А мне что? Пусть их! Не знаю.

— Полно, Сеня. Верно, зиаешь. Верно...

— В это время подскакал барич. Он ехал из охоты.

— Ха, ха, ха! Здравствуй, красавица. Каково! Ну что жених твой? арень нахмурился.

— Что ж ты его бросила? Или два уже? Видишь, Марья...— и он одъехал поближе, чтоб шепнуть, но парень проворно заступил.

— Барич, не обижай,— начал он полупочтительно. Барин пристальо взглянул:

— А, это ты? Ладно! — и ускакал.

Спустя немного пробрел пьяный лакей. По всему видно было, что прорался куда-то тайком.

— Здравствуй, Марья! А что ж наша свадьба? Поцелуемся!

Ловкий удар сшиб пьяного.

— А, сук...— простоиал он и вдруг приподиявшись, бросился на Сеню.

Каково положение Марычки! Но судьба хотела довершить. Приехал аиовой, Сеню и лакея схватили. Ее увел он с собой. «Славная девка»,— помал он, прищелкнув языком.

— Счастливого тебе пути, Марья!— кричали ребятишки.

— Она не пережила. Сеня долго плакал, но утешился. И теперь женат. ареченый спился. А барич... чтоб его чорт побрал.

VIII, арк. 57. Автограф.
убл.: *Збірник* праць п'ятої наукової шевченківської конференції.— С. 155—157.

№ 467

Тот день и тот час,
Будет же проклят,
В котором впервые попал я сюда.
Печки уж топят, а все господа.
Вряд уцелел бы
Кто-либо из вас.
Латы сверх халата шинель приодета
Продрог весь, кровь стынет, а губы, то... страх.
Правда ли, завидная смерть для поэта
Мерзнуть в проклятых стенах.

Ч. VIII, арк. 58. Автограф.

№ 468

Сплети мне венок, пастушок.
Под вечер я выйду гулять.
Все спросят: «чей этот венок?
Мне весело будет сказать.
Нетрудно сплести мне его.
Пастушка, ты нравишься мне,
И я б не венок, не кольцо,
А сердце отдал бы тебе.
Ты плачешь? Знать, слово мое,
Ну, что ж, не сердись, говори.
Не нужно венка твоего.
Мне сердце твое подари.

Ч. VIII, арк. 58. Автограф.

№ 469

Мне любо в осень мрачную.
Мой также мрачен дух.
Мороза треск и ветра свист,
С отрадой внемлет слух.
Мне весело, как по небу
За тучей туча идет
И люди робко прячутся,
И птичка не вспорхнет.
Как ветер в окна постучит,
Подымет пыль столбом,
Тогда брожу по целым дням
И все мне нипочем.
Люблю шутить невзгодою,
Смеяться над бедой,
Стыжусь пред кем бы ни было
Поникнуть головой.
Кто трусит пред несчастием,
Тот баба, тот дите.
Пускай судьба сильна, страшна,
Но, ведь, не слаб и я.
Пред нею, люди, кланяйтесь,
Она ваш властелин.
Лишь я один не побоюсь,
Горжусь я и один.

Ч. VIII, арк 58. Автограф.

№ 470

Последний наш студентский пир,
Мы все вступаем в новый мир.
Быть может, больше не сойдемся,
Обнимемся и поклянемся.
Любовью, честью, красотой
Хранить в душе воспоминанье
Об невозвратных днях былых.
Пускай их передаст преданье
Для поколений молодых.
Приятно даже, умирая,
Подумать, что слеза святая

Проводит нас на упокой.
Товарищ, что это с тобой?
Ведь, мы пришли повеселиться,
Запить прошедшие года.
Мне грустно, грустно, господа,
Чего-то сердце так боится.
А мне смешно. Но где ж поэт?
Он приготовил на прощанье
Не помню, кажется, посланье,
Нет, оду.
Что ж, поэта нет?
А вот и он. Фу, как не стыдно

Поэт

(с девкой входит)

Мне очень, господа, обидно,
Никак не угодишь на вас
И ты в такой священный час.
Священный. Нет, друзья, по мне,
При шумных песнях, при вине
И красота.

(все смеются)

Я вам клянусь,
А имя красоты: Маруся

Маруся

Нет, Марья!
Смирно начинай,
Поэт, на сцену! Тс! Слушай.

Поэт

Друзья, нас ждет вино,
Как искрится оно.
В нем рай земной, к нему смиренно
Подходит чуть живой монах,
К нему подходит дерзновенно
Гусар при шпорах и усах,
С ним совещается ученый,
Пьет и богач, и пьет бедняк.
В вине находит смысл мудренный,
Своим пустым речам дурак.
Вино пьет целый божий свет,
Им вдохновляется поэт.
Толпа в нем ищет наслажденье,
Бедняк — от злой беды спасенье.
И уголка на свете нет,
Где б не слюбилося вино.
Оно для всех творцом дано.
Друзья, бутылки перед нами,
Вон пробки, пой да наливай
И первый кубок посвящай веселью.
Будь оно меж нами.
Поэт, благодарим тебя,
В них вылилась душа твоя
Прекрасная, как божий свет,

В ней чувства есть, но горя нет.
Спасибо, брат. Но не смущай
Наш дружный пир своей тоской.

Поэт

Спасибо! Наливай.
Садитель. Кубки вверх!.. и пой!
(поют gaudeamus igitur [103])
(пьют различные тосты).

Поэт

За любовь
(пьют — подносит Марьи).
А что ж, красавица, нам песни не вспоешь?
Запой. Нам весело послушать песни милых.

[Маруся]

Изволь, я запою, друг милый,
Под песнь мою невольно привздохнешь.
Я была молода,
Я господу молилась.
Вас, мужчины, тогда
Не знала, но стыдилась.
У меня был перстенек,
Перстенек золотой,
Подарил мне дружок,
Как любил, боже мой.
Вышла я за него,
Утешалася мать,
И не стыдно было
Мне его целовать.
Вдруг меня увезли,
Я была, как дитя.
И теперь я... Они
Погубили меня.

(Все с изумлением смотрят на нее).

Уж беде не помочь.
Мне не стыдно меж вас.
И в храм не хожу,
И не первую ночь
На пиру провожу.
Но мне грустно за вас,
Гибель ваша в вине.
Берегитесь! Что час,
То все ближе к беде.

(всеобщее молчание).

Поэт

Благодарю за песнь твою,
Храни священное влеченье,
Есть для тебя еще спасенье.

Маруся

Спасибо. Я тебя люблю.
Ты первый ласковое слово
Сказал мне.

Поэт

Тут уже все готово,
Завязка есть. Иди от нас.
Все *(со смехом)*
Гряди, де будет мир с тобою.

Маруся

Спасибо. Будь же он со мною,
А все же как-то [жаль] мне вас.
(уходит)

Ч. VIII, арк. 58 [об]. Автограф.

№ 471

Есть много, много на душе,
А слов не достает.
Зародится ль какая мысль,
В бессилии замрет.
На сердце станет тяжело,
С тоски заплакать рад.
Пред тою мукою ничто
И даже грозный ад.
О смерти молишься творцу,
Но не дает творец,
Друзья, недешево певцу
Приходится венец.

Ч. VIII, арк. 59. Автограф

№ 472

ИНСТИТУТКА

Вошел ов быстро в институт,
Вошел он в залу. Там и тут
Стоят девицы. Шум и лепет
Невыразимый, сердца трепет
Дал знать ему, что здесь она.
И уж, конечно, вызвал он,
Печальной думой отягчен.
Пошел и стал он близ окна.
Он ловким взглядом оглянул,
Повел усами, привздохнул.
И вот дежурная девица
К нему подходит. Покраснев,
Чуть внятно шепчет нараспев:
Кого угодно? Здесь сестрица
Моя такая-то. Б о л ь н а,
Ах, боже мой, но где ж она,
Нельзя ли, спросите у маман —
Директрисы, капитан,
Девица стала уж не та.
Из робкой, нежной и стыдливой,
Вдруг стала смелой, шаловливой
(и в институте суета),
Проворно руку протянула,
Смешалась, ах и ускользнула.

2, 3, 4, 5

Кареты цугом, а за ними
И в экипажах и верхом —
Весь город. С радостным лицом
Бредет старик за молодыми.
Народу сколько. Сколько лиц,
И сколько миленьких девиц.
Чут едут за толпой кареты,
На них направлены лорнеты.
Какие глазки, а рука
Девицы прячется слегка.
Но вдруг в середней из карет
Окно подняли, и букет
Влетел. Засуетились все,
А всадник сквозь толпу пробился,
Подъехал, ловко поклонился
И вмиг исчез в густой толпе.

З а к л [ю ч е н и е]

Иль случай через двадцать лет,
Уж состарелся он,
Любовь исчезнула, как сон,
Холодный был привет.
Что опекун ваш? Муж мой? Труп! —
— Душа, вот капитан. А, знаю.
Вы..., не угодно ль завернуть
Ко мне на чашку чаю?
Мы [встретимся] [105] опять
Не в стать знакомиться... Но мне,
Да чорт возьми, вот лет уж пять
Я ровно не бывал нигде.

Ч. VIII, арк. 59 Автограф.

№ 473

Щось я сам не відаю,
Чого серце ниє,
І хилиться головонька
І світ в очах мліє.
Хотілось би заспівати,
Голос замирає.
Заплакав би, легше б стало
Та слізок немає.
То ж перед бідою.
Серцю нудно стало,
Й не вірив би, та ніколи
Воно не брехало.

Ч. VIII, арк. 59. Автограф.

№ 474

Боже милий, боже,
Губиш, погубляй.
Сироті не треба щастя,
Сльози, сльози дай.

Ч. VIII, арк. 59 Автограф.

№ 475

Сам собі нашкодив,
Жити не зумів.
Ото ж, як хліб сіяв,
Так він і вроднв.

Ч. VIII, арк. 59 Автограф.

№ 476

Крапива містами,
Бур'янець містами.
Жни ж, хлопче-молодче,
Білими руками.

Ч. VIII, арк. 59. Автограф.

№ 477

От побачать люди,
Сміх великий буде,
Ото ж не лінуйся.
І спершу одробися,
А тоді хвалися.

Ч. VIII, арк 59. Автограф.

№ 478

Потрачене время
Вже не полетить
А сором, а лихо
За дверми стучить.

Ч. VIII, арк. 59. Автограф

№ 479

Глянь на боже небо,
Там сонечко сіяє
Під хмарою високою
Пташечка літає.
І весела, і свободна
На мир поглядає.
А тут земля оживає,
Водиця журчить.
І діточки гуляються,
І старії втішаються,
І їм веселить.
Тую радість високую
Душа розуміє,
І рада б нею поділитись,
Та ба, не уміє.
Один тільки душу чує,
І усе то й чує.
І як молитьея людина
Й горлиця воркує (букоче).

І б'ється щире серце,
І билинка росте,
Ото й тільки мою душу
І чує, і йме!

III, арк. 59 зв. Автограф.

№ 480

Візьми ж, моя дитиночко, хусточку
Та з пригоршню землі зав'яжи,
Та зарий, посій на пісочку білому
І так скажи:
«Оттоді, тоді козак усміхнеться,
Як та землиця розростеться.
Оттоді свята Україна встане,
Як та земля травицею стане».
Так лях казав ляшенятам,
Москаль казав москалятам,
А козаки те почули,
Понурились небожата.
Диво на весь світ велике
В ту пору вчинилось,
Із землиці на пісочку
Зіллячко вродилось.
А на ньому цвіточечки
На світ поглядають,
І росочки, мов блісточки,
Від сонечка сіяють.
Те зіллячко — щира правда,
Вкраїна не згине,
Бо народу покірного
Святий біг ие кине.
Живи ж, моя Україно,
Живи, моя мати,
Ще достане у нас сили
Волю звоювати.
Чи бачиш ти, як палає
Край неба святого...
То день святий виглядає,
Не журись, небого.

III, арк. 59 вв.— 60. Автограф.

№ 481

И грустно и больно, что я не в силах
Возвратом весны насладиться,
Невольные слезы блеснут на глазах
И тяжкая дума роится.
Несется ль весенний живой ветерок,
На грудь повевает слегка,
Но я весь дрожу, как осенний листок,
И сердце сжимает тоска.
Взовьется ли пташка, резвясь,
И песнею зальется прекрасной в небесах,

Улыбка мелькнет на печальных устах,
Но кто-то мне шепчет: напрасно.
И песни, и хохот вечерней порой
Внимаю с каким-то волненьем,
На миг забываюсь под говор живой —
И вдруг ухожу с сожаленьем.
А был я прекрасен, как божье дитя,
О жизни, о смерти знавал я, шутя.
И в небе высоком, и в светлом ручье
Все, все улыбалося мне.
О, боже, мне ропот невольный прости
И сам я грущу по себе,
Душе, возмущенной, покой возврати,
Да буду спасен по тебе [106].

Ч. VIII, арк. 60. Автограф.

№ 482

В того хата, в сього хата.
В того хоч світила,
А у мене нічого,
Опріч мене самого,
Бо я сиротина.
Куди вітер похилить,
Туди похилюся.
Люди плачуть і я плачу,
Зрадіють — сміюся.
Бо у мене а ні долі,
Ні доброї волі,
Тільки слізки кервавиї
Та тяжкії муки.
Та, щоб з голоду не вмерти,
Немощнії руки.
Який вдався, така й доля,
Де ж та правда в світі?
А все ж вони і я — ми всі
Адамові діти.
Привітай же хоч ти, боже,
Мене сиротину,
Хай у твоїй світлій церкві
Душею спочину.
Із-за тебе я весело
На світ подивлюся,
Прийде лихо, я до тебе,
Боже, пригорнуся.
Любо думать, що є серце,
Котре для нас б'ється,
Любо вірить, що й до нас
Щасте усміхнеться.
Ох, недарма серце мусить
Отцем бога звать.
Ох, недарма ж на небі
Пречистая мать.

І. VIII, арк. 60. Автограф.

№ 483

От тебя твой чуть с ума не сойдет,
Для льстецов ты велик с под[...] [107]
Но покуда признает, поймет,
Еще много и много столетий пройдет.
И повек не признает она.
Не отец ты, ни. Не богу ты служишь, малюк.

Г. Андрузски

. VIII, арк. 60. Автограф.

№ 484

САНДЖАРІВКА

Була колись годинонька
Та більше чи й буде.
Ой, хто чув про ту годину
І вмре — не забуде.
То, Богданко, пир великий.
На весь мир робив,
За свободу вкраїнськую
З козаками пив.
І що діється теперечки
Хто б тоді сказав?
Хто посмів би, поперхнувся б
І на місті б застряв.
Мине время, минуть люди
Іще інше буде,
Хто про тую годиноньку
Споминати буде?
Пройде козак попід лісом —
Лист зашопотить;
Пройде козак по бережку —
Хвилька зажурчить.
Під хмарою ж божа пташка
Летить, поглядає,
Ніби й вона свободная,
У нього питає.
На могилі крячок скаче
Про могили кряче,
У садочку зозуленька
Кує, щось згадує —
Козак чує, сам не знає,
Чого серце ниє.
Чого часом нудить світом,
А часом радіє.
Заспіва він так жалібно,
Луна оддається.
Він заграє, а музика
Й плаче і сміється.
І дума козак то про вітер,
Чого гомонить,
То про листя, чого воно
В лісі шелестить.
Чи урем'я колишнее
Вони поминають,
Чи думоньку задумали,
Господа благають
Їхня розмова
Інший світ укаже.
Й чого розум не дознає,
Серденько підкаже.
А ті клади, що в могилах
Високих зариті,
Гадай, гадай, тії клади —
Лицарі забиті.
Там і тее, чого серце
Козацьке бажає,
Бо про волю тільки пісня
Та могила знає.
Пісень дайте, слізок дайте
Тугу розважати,
Тільки й щастя те урем'я
Волю споминати.
Не хилися ж, головонько,
Я ще хочу жити,
Ще раз, ще раз край мій тихий
Поблагословити.
Співай, брате, дужче, дужче,
Щоб аж загуділо,
Щоб думонька розляглася,
Й серце заніміло.

Г. Андрузський

Ч. VIII, арк. 60 зв. Автограф.
Опубл.: *Збірник* праць п'ятої наукової шевченківської конференції.— С. 154—155.

№ 485 [109]

Верую в ад и рай, всему живущему. Рай — слияние, но не уничтожение. Духа в боге, сопричастие ему в благодати. Ад — разъединение духа с богом, отчуждение божьей благодати, сознание земной греховной немочи, мучение совести.

Всему воздается по мере: степенью сознания самобытности в слиянии и степенью сознания отчужденности.

Ад и рай — вечны, ибо прошедшее невозвратимо, и плотское духовным незаменимо.

Истинный путь ко спасению: любовь, добро, правда, вера. Вера, хотя и ложная, но сердечная, все едино суть.

Вечное плотское поклонение — суета.

Вменится сознательное умышленное и забудется бессознательное, не умышленное.

Верую в силу раскаяния и в земное сопричащение с богом духовно чрез правую жизнь. Истинная мощь да внемлется богом. И верую, яко ад есть заповедь истинная божая.

Возлюбиши господа бога твоего всем сердцем твоим, всею душею твоею и всею мыслью твоею и вся его, яко самого себя.

Извлечение из символа: и поклонение к святым ангелам решительно откладается.

Ч. VIII, арк. 61. Автограф.

№ 486

Богу не треба ні церквей, бо мир то церква, ні подарків, бо все його і од нього.

Обряд не спасе і піст не спасе. Не спасе і молитва, коли вона не од серця. Но усе це робити і мати не гріх і лучше богу молитись у церкві, ніж нігде.

Молитва есть і ізліяніе душі перед богом: «од ізбитку чувств устне глаголются».

Нема ні субот, ні воскресеній, ні празників, бо повсякдень, повсякчас должни служить господу.

Бог єсть дух, поклоняйся ж духовно, поклоняйся і направляй [110]. Но і се мати не гріх, а потреба; бо отдих обновля сили. На що попи? Усі жреці божі, но і тих треба, бо вони доглядують, повчають, наставляють. І так не смійтесь [...] [111] Що добро полезне і хороше. Всяк да творить по урозумінню свому. Амінь.

Ч VIII, арк. 61. Автограф.

№ 487

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ

Говорят: господь благ, создал для блаженства и неужели же допустит на вечную гибель?

Поэтому у многих язычников породилась мысль о переселении душ.

Нап[ример], у инд[ийцев].

Душа грешная посылается в наказание в разные животные снова в человека, доколе в человеческом виде после известного числа превращений покается, то сливается с божеством.

Но возможно ли это допустить?

Посему многие отвергают ад и рай, а ровно жизнь вечную и самобытную. Но в таком случае — человек случайное творение чрез временное оживление. Духом плоти приспособленной более всякой другой к проявлению духа. Следовательно, человек тоже в природе, что и дуб, и зверь, и пр[очее].

Посему добродетель, истина — пустые слова, и обыкновенные поступки. Эгоист — умнейший человек. Верою же в переселение мы совершенно отрицаем самостоятельность существ и единение духа с богом.

Опроверж[ение]. Единение духа не нарушается ли воплощением его, первообразным и нашим понятием об рае и аде?

Плоть есть прелагаема и потому не требует особенного каждая духа (молчание).

Опр[овержение]. Ад назван отчуждением от бога.

Отв[ет]. Не по существу, а благодатному состоянию.

Опр[овержение]. Стало быть, бог и блажен, и страдает. Он единый.

И подразделяется в мирах духов: не запутаннее ли всего на свете это?

Отв[ет]. Но разве бог постижим? Что было б, если б людн все знали: как, где, отчего...

Опр[овержение]. Известная уловка. На праве непогрешимости божей я буду утверждать о переселении душ. Оно хоть постижимо человечески. Он может только слиться по-вашему?

Так я могу смело грешить в надежде переселения? А что жизни и судьбах ее, ваши религии земней и чувственней. Не лучше лишь поверить более вероятному, чем вовсе непонятному н запутанному.

Отв[ет]. Стало быть, вечной жизни нет, или что такое она? Ведь дух по превращении уничтожается в боге?

Опр[овержение] (молчание). Но неужели поверю всяким вымыслам. Ведь ваша вера естественная?

Отв[ет]. Да.

Опр[овержение]. Это естественнее в человеке заблужденнй. Лучше я поверю мнимой, откровенной, чем н правднвой, ответственной. Первая более говорит моему сердцу. Она светит моим надеждам, последняя наполняет душу мнительностью и неверием, лишает бога всякой лнчности. Первая освещает старость, родственность, приязнь, власть, закон. Последняя все это делает ничтожным. Нравственность освещает духовную; телесная ж важна как пособие, не более...

Ответ]. Что мне на это сказать? Чистая жизнь примирит с верою, неверующнй ни во что не будет добр. Отрнцаю лн я плоть подчинением ее духу? Духовно нравственный, не может быть развратным телесно. Власть мудрая осветится благословением. Любящнй блнжнего почтит седины, а надобности этому научит и разум, и любовь.

Ч. VIII, арк. 61. Автограф.

№ 488

СИМВОЛ ВЕРЫ [112]

Малый: Верую в единого бога, внну всего и ему единому поклоняюсь, прилично поклонение.

Всякое дыхание восхваляет его.

Непостижим и незнаем, но вечно проявлялся и не престанет проявляться твореннем н промышлением.

Ничто же от дел его погибнет, и всякая душа живая от него исходит. В нем сопрнчастнем награждается, отчуждением карается, и всякому по мере воздается.

Истинный путь ко спасенню: любовь, правда, добро, вера. И сни вси едино суть, аминь.

Великий символ

Верую в единого бога и единому ему довлеет поклоняться.

Его же ни задум постигнуть, ни сердце восчувствовать, ни что-либо разпознать может.

Безименный — и всякое дыхание хвалит его.

Везде пребывает и никто даже не укажет места бытия его.

Предвечный и вечный.

В нем и от него все истинное, доброе, прекрасное, по сему он един свят и всеблажен.

Сопрягает начало с концом и в конце полагает начало, жизнь прелагает в смерть и смертью обновляет жизнь.

Вина всякого бытия: непрестанно познавается и проявляется в нем.

Жизнедатель и промышлитель.

Все в боге и от бога. Но кто укажет начало и конец творению, початок и пределы творчеству.

Ничто не уничтожится от созданного богом, как вечно прекрасное и непогрешительное.

Всякая душа есть дух божий и сама в себе имеет свойства божества и утратить не может как начало божественное.

Повинна же греху и смерти плоть.

Смерть есть преложение, но не совершенное уничтожение прелагаемого.

Всяко и живущее духом бессмертно, телом временно.

Ч. VIII, арк. 61 зв. Автограф.

№ 489

Як вас малих доглядала,
Ніченьки не спала,
За вас діток нерозумних,
Господа благала.
Чи ж ти чуєш, козаче,
Як Вкраїна плаче.

Ч. VIII, арк. 62. Автограф.

№ 490

I. Совестные суды

1) Решение дел религиозных и нравственных:

а) Отрицание божества, безсмертия, добродетели.

До раскаяння лишается покровнтельства законов.

а[1]) Разврат, блуд и пр.

За блуд изъемляется от законов.

б) Отрицание законов, правого суда, необходимой власти, поругание родственности.

Исправительные меры:

в) Опека.

г) Надзор за богоугодными заведениями.

Село — учитель, староста

Город — законовчитель [...] [113]

Область — совистня

Государство — побожня

Село — учнтель, мировий (старий).

Город — законовчителн (старий), староста совистнык

Області — совістня, благочинний, почотний голова.

а) Опека — побожник

Країна — побожня, болярин. 3.

Щоб були чесні і по місту вчені, почотні ж найчесніші, найбільш старії люди.

Сільська духовна управа:

Мировий, вчитель і старії люди.

Жалоба в строство йде.

Городська духовна управа:

Староство: совістник, староста, підстар[оста], почотний голова законовчителі (по черзі)

Мали по черзі мирових.

Совістник наглядає і що год, то інший. Жалоба в совістню йде.

Обласна духовна управа:

Побожник, совістний староста, благочинний;

а) Староста, совістники, старші законовчителі (по черзі)

Совісник, законовчитель, старший (черга).

с) Городські законовчителі.

а) б) с) Як гості

Законовчителі менші (черга).

Мирові.

Почотний голова.

Побожник наглядає і що год, то інший.

На весь край духовна управа.

Побожний староста. Боляри, побожники. Ненкель. (черга).

Депутати од совістної, в столиці ж ще є совістня і старостня.

Ч. VIII, арк. 62. Автограф.

№ 491

ДУМКА

[...] [114] У звірюки нора є,
У пташечки гніздо,
А у мене нічого,
Опріч мене самого.
Глянь на боже небо,
Як сонечко сіяє.
Під хмарою високою
Пташечка літає.
І весела слободка
На мир поглядає,
Аж земля оживає.
Водиця журчить.
І діточки гуляються,
Старії втішаються,
Весна веселить.
Тую радість високую,
Душа розуміє
Й рада б нею поділитись,
Та як не уміє.
Один тільки душу чує,
І усе той чує
І як молиться людина
І [...] [115]
І як б'ється щире серце,
Й билинка росте.
Оттой тільки мою душу
Почує, пійме.

Г. Андрузський

Ч. VIII, арк. 62 зв.— 63. Автограф.

№ 492

Пристяжательные имяна по закончаниям своим и по их значениям диляться на пьять отделений:

Перше отделение, показующе принадлежность, кому и одному предмету одушевленному, чи ж то олицетворенному, кончается на *-ов, -ев, -ин, -цын, -еж, -ч,* и окончания ці производяться: *-ов* од имьян на *-о:* Іван — Іваненко, Лев — Левченко, Марко — Маркевич; *-ев,* од *й, -ь, -е:* Андрій — Андрущенко, вчитель — Вчителенко, цар — Царев, солнце — Солнцев; *-ін,* од *-а, -я; -цин* од *-ца* Лука — Лукін, Нікіта — Нікітін, дядя — дядын, кормилиця — кормилицин.

Кончання на *-ь, -ж, -ч* зустрічаються в притяжательных церковного і старинного руського язика, напр.: од господь — господень, Авраам —

Аврамль, Яків — Яківль, князь — княж, Всеволод — Всеволож, Ярополк — Ярополч.

2 отділення, показующе принадлежность по роді або якої скотини кончається на *-ій, -евий, -овий.* Перше із сіх покончаній проізводиться од имени мужеского и женского роду на *-і, -а,* і од середнього родку на *-до,* і *-ята;* причому коріньні: *д, т, ц, г, к, х,*— пред *й* перверчуются в: *ж, ч, ш,* напр.: баран-бараній, пес-песий.

Ч. VIII. арк. 63. Автограф.

№ 493

Господи помилуй,
Господи помилуй.

Глянув на могилу,
Ничком похилився.

* * *

Куди вітер повіє,
Туди й похилюся.
Люди плачуть, і я плачу
Зрадіють — сміюся.
Добре ж мені безрідному
Бурлаці на світі,
А у тебе ж, Вкраїнонько,
Малі діти-квіти.

Ой сіла ти край шляху,
Діток розхапають.
Сама я вдова нещасная,
Та й не поховають.
Виростайте ж, діти мої,
Виростайте, квіти,
Дайте мені, неньці вашій,
На світі пожити.

Ч. VIII, арк. 63 зв. Автограф.

№ 494

СОН

Без мысли, без чувства я в церковь вошел,
С усмешкой внимал литургии,
Глазел и шушукал, как вдруг я возвел
Глаза на иконы святые,
И мне показалось, что божия мать
К себе подзывает рукою.
И смотрит так грустно, с такою любовью,
Как будто что-хочет сказать,
Кто вызнал то горе, те тяжкие муки.
Навзрыд я заплакал, скрещенные руки
Приподнял, поник головой.
О, не смотри так. Прости, всеблагая.
И тихим чарующим светом сияя,
Муж некий предстал предо мной,
Мне голову молча рукою поднял,
Так долго глядел на меня,
Закрыл мои очи. «Успокойся дитя»,—
Промолвил и тихо прижал.
Не помню, что был я ко сну отходя,
Но, помню, иным уже встал.

Ч. VIII, арк 64. Автограф.

№ 495

ИДЕАЛ МОНАРХИИ [116]

Каждая монархия должна уподобляться семейству, не всякое и семейство хорошее, а тем более в нем могут быть погрешности, так как его связует не родство, а политика.

Какие же меры могли бы поставить монархию на возможнейшую степень совершенства.

Конечно, им нету числа и меры, но вот, которые мне пришли на ум. Они касаются: а) закона, б) власти, в) свободы, г) равенства.

Начнем с последнего пункта:

Равенство состоит:

а) Каждый член государства имеет такие же права по рождению, как и другие: на честь, свободу, имущество и на все привелеи своего отечества.

б) Дальнейшее преуспеяние зависит от ума, дарований, заслуг.

Посему возвышать людей должны: 1) ум, 2) дарования, 3) заслуги, 4) общая польза.

Но все они должны быть направлены [...] [117]

Ч. VIII, арк. 64 зв.— 65[118]. Автограф.

№ 496

1846 р. листопада 23.— ЛИСТ Л. В. АНДРУЗЬКОГО ДО СИНА Г. Л. АНДРУЗЬКОГО З ПРИВОДУ ПЕРЕХОДУ НА ВЧИТЕЛЬСЬКУ РОБОТУ

Ноября 23 1846, г. Пирятин

Естли уже нет болие средств к продолжению университета, в котором ты ровно ничего не приобрел, кроме лишних моих издержек и хлопот, то, конечно, я с тобою согласен, чтобы ты был хотя учителем. А потому спроси, кого следуе[т], чтобы дали тебе место. Естли можно, в Пирятине, или поблизости. Обещаниям же твоим я никаким не верю. Ибо естли уже я не получил того, к чему стремился, то протчие утешения для меня неинтересны и неутещительны.

Отдаю на твою волю. Ищи себе кусок хлеба. Не надейся на меня, ибо я, все что мог издержать для твоего блага, исполнил. Но, к несчастью, несу крест.

Да будет воля божия над тобой.

Остаюсь, желающий тебе всех благополучий, отец.

Л. Андрузский

Денег два руб. серeб[ром] на сапоги посылаю.

Ч. VIII, арк. 67. Автограф.

№ 497

1846 р. листопада 24.— ЛИСТ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ДО БАТЬКА Л. В. АНДРУЗЬКОГО ПРО ПЕРЕБУВАННЯ В ІНСТИТУТІ

Дорогой папенька!

Прошу вас, ради бога, напишите мне, здоровы ли вы и все мои братья, сестры и все родные. Если бы вы знали, как я скучаю, что вы не пишите к нам. Мы еще до сих пор не получали ни одного письма с тех пор, как вы были у нас.

Теперь нас почти всякое воскресенье посещает Гриша Андрущенко, Яша и Илюша Примо, что меня немало удивляет. Но Саша Примо еще ни разу у нас не был, как я в институте.

Я, слава богу, здорова, чего и вам желаю от всего моего сердца и никогда не забываю заниматься науками и музыкой.

Остаюсь вас любящая ваша дочь

Анна Андрузская

1846 г. 24 ноября.

Ч. VIII, арк. 68. Автограф.

№ 498

1846 р. листопад, після 24 [119].— ЛИСТ Г. Л. АНДРУЗЬКОІ ДО СЕСТРИ М. Л. АНДРУЗЬКОІ З ПРОХАННЯМ НАПИСАТИ ПРО РІДНИХ

Ma chere Marie [120]

Прошу вас напишите ко мне хотя одно слово, я и тому буду рада, а тем более, если и папенька напишет, от того, что я ужас как беспокоюсь о здоровье моих родных.

Прошу вас поцеловать Таню, Дуню, Володю, Андрюшу, Сашу и Порфирия, если он будет дома на праздниках, также и Елизавету Мойсеевну. Остаюсь ваша сестра

Анюта Андрузская

Ч. VIII, арк. 69. Автограф.

№ 499

1846 р. грудня 5.— ЛИСТ Л. В. АНДРУЗЬКОГО ДО СИНА Г. Л. АНДРУЗЬКОГО З ПРИВОДУ ПЕРЕХОДУ НА ВЧИТЕЛЬСЬКУ РОБОТУ

1846 декабря 5, г. Пирятин

Мне вовсе непонятны твои вымыслы. Я и понимать их не хочу. Я тебе писал, если ты не можешь продолжать наук[у], то позволяю тебе просить место учителя. Если ты будешь до того в университете, то напиши, сколько нужно вносить за тебя за 2 или 3 месяца или и более на подкрепление. Я тебя содержать не могу ни почему, чего ты от меня и просить не должен.

Поспеши мне объяснить, по которое время ты можешь быть в университете, ибо уже близко и 1-е генваря, ты не [платил] за себя денег университе[ту].

И что ты сделал. Подал ли просьбу и чего в ней просишь, и какая последовала резолюция. Вот о чем мне нужно знать. Вакансий же есть довольно, даже в Прилуках. Поспеши отвечать. Твой отец

Л. Андрузский

Ч. VIII, арк. 70. Автограф.

№ 500

1847 р. січня 4.— ЛИСТ Л. В. АНДРУЗЬКОГО ДО СИНА Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ПРО НАДІСЛАННЯ ГРОШЕЙ

1847 генваря 4, г. Пирятин

Письмо твое, любезный сыл Георгий, я получил, с которого вижу, что ты можешь, по милости добрых начальников, иметь место, хлопочи и старайся. Сим для тебя посылаю десять руб. серебром, которыми уплати за 2 месяца в университет за себя, а 3 тебе на твои надобности. Я только что мог теперь тебе отвечать, ибо был в Полтаве. Все тебе кланяются — братья и сестры. Порфирий был с 29 декабря по 1-е генваря в отпуске. Теперь опять в Полтаве. Он здоров и учится хорошо. Пиши. Напиши ты Мише тоже поклон. А писать буду через Андрущенка.

Твой доброжелательный отец

Л. Андрузский

Ч. VIII, арк. 71. Автограф.

№ 501

1847 р. січня 30.— ЛИСТ П. Л. АНДРУЗЬКОЇ ДО БАТЬКА Л. В. АНДРУЗЬКОГО З ВІТАННЯМ І ПОВІДОМЛЕННЯМ НОВИН

Любезный папенька!

От всего сердца с именинами вас поздравляю, с величайшим удовольствием поздравляю вас с новым родственником, которого, хотя еще я и не видела, но знаю очень хорошо. Молва далеко несется. Я слышала, что вас хотят избрать предводителем, но не знаю, правда ли или нет.

Маша Свечка кланяется вам и просит доставить письмо от бабушки. Мы на первой неделе говеть не будем, потому что Доримидонт, наш монах, поехал говеть в пустыню. Одна из классных дам выходит замуж: м[адемуазе]ль Бутович за Воронькова. И, кажется, тоже м[адемуазе]ль Некастер, но наверно не знаю.

Боже сохрани, если этому правда, я ее так же, как и она меня, очень любит.

Я вам забыла написать, что один раз она мне сказала, что так как я ее очень люблю, то в каком-нибудь месяце 19 числа случится для меня памятное событие (потому что в Смольном ее номер был 19, и в самом деле Мари венчалась в это число). Потрудитесь, безценный папенька, кланяться от меня Порфирию, а при случае и поцеловать. Мне очень хотелось бы видеть er[o] теперь. Г-н Андрущенко мне много новостей сообщил. Желание ваше я исполнила насчет Гришы, и он непременно напишет вам.

Знаете, мы все почти в свободное время занимаемся рисованием и я постараюсь срисовать что-нибудь, потому что мне очень нравится это занятие.

Целую вас, дорогой папенька, и остаюсь любящая ваша дочь.

Прасковья Андрузская

1847 г. 30 генваря

Ч. VIII, арк. 72, 73. Автограф.

№ 502

1847 р. січня, не раніше 30.— ЛИСТ П. Л. АНДРУЗЬКОЇ ДО М. СТОЛПАЧОВОЇ З ПРИВІТАННЯМ У ЗВ'ЯЗКУ З ОДРУЖЕННЯМ

Madame Marie de Stolpatchev

Ma chère Marie!

Je vous félicite avec la nôce que vous aviez le 19. de Janvier.— Souvenez vous lorsque vous avez dit, que vous ne mariérez jamais? On m'a dit encore avant que Papa a écrit de votre mariage. Imaginez vous notre malheur. Божественный est encore en voyage s. d. Mr. Siline; nous l'aimons, ce parce qu'il est digne de ce nom: il est très joli, grascsieur, parle adorablement, et sa femme encore meilleure. Adieu chère ange Marie.

P. Andr[...]

Ч. VIII, арк. 74. Оригінал.

Переклад

Пані Марії Столпачо[вій]

Дорога Маріє!

Вітаю з весіллям, яке у вас було 19 січня. А ви казали, пригадайте собі, що не підете заміж ніколи. Про ваше одруження мені сказали ще раніше, як написав тато. Уявіть собі наше горе.

Божественный [121] ще подорожує з паном Селіним, ми любимо його. Це тому, що він є гідний цього імені. Він гарний, привітний, чудово говорить, а його жінка — ще краща. До побачення, дорогий ангел Марія.

П. Андр[узька]

№ 503

1847 р. квітня, не пізніше 8.— ЛИСТ П. Л. АНДРУЗЬКОЇ ДО СЕСТРИ М. Л. АНДРУЗЬКОЇ, В ЯКОМУ РОЗПОВІДАЄ ПРО СВОЇХ УЧИТЕЛІВ М. І. КОСТОМАРОВА І СЕЛІНА

Вчера мы ужасно смеялись от 3 до 4 $\frac{1}{2}$ часов после обеда, потому что Оглашенный, так мы называем учителя нашей русской истории Костомарова (впрочем, он профессор университета), ужасно нелепые фразы говорил; а слова-то какие, кажется, еще лучше, например: вместо умер прекратился или преставился, ну а еще одну целую фразу напишу, которая совершенно характеризует глаголящего. Этого негодного князя взяли, схватили, потащили и всунули в монастырь. Он оттуда выскочил и шагнул в Киев, оттуг его посадили вел[иким] князем, а он и ну по своему порядковать: населил Киев славянским населением, ославянил Русь, ламать и не стало, а обдирательство ни с места.

Не правда ли, что услыша такие чудовищные слова, после нежных звуков проф. Селина, невозможно удержаться от смеху да и вообще все наши уч[ителя] чудесно по-рус[ски] говорят, но Селин превосходит их всех, а особливо, когда стихи декламирует. Я, как говорят, дивно представляю его. А вот фраза Селина: «Mesdames» [122], в следующий раз я буду иметь удовольствие и честь услышать ваши божественные ответы лекции, если это вас не затруднит» — «Бог мой» на всяком шагу употребляет.

При случае я представлю всех наших учителей и профессоров со всеми жестами и гримасами.

Adieu chère soeur Marie, ambrassez de ma part toutes mes frère et mes soeurs!

Praskovie Androussky [123]

1847 г.

Ч. VIII, арк. 75. Автограф.

№ 504

1847 р. січня 30 [124].— ЛИСТ М. СВІЧКИ ДО СВОЄЇ БАБУСІ Ф. П. СВІЧКИ ПРО ПЕРЕБУВАННЯ В ІНСТИТУТІ ШЛЯХЕТНИХ ДІВЧАТ

Дорогая бабушка!

Я думала, вы уже получили последнее мое письмо, в котором я вас поздравляла с праздником, и также с новым годом, и благодарила вас за деньги 10 р[уб]. 50 ко[п]., которые я уже давно получила.

Ах, боже, вы не можете себе представить, с каким я нетерпением ожидала той счастливой минуты, в которую я буду вас видеть, а еще боюся прохождения этих 17 месяцев, по прошествию которых я буду неразлучна с вами. Я имею одного друга, которая меня очень любит и которую я очень люблю. Непременно, когда вы приедете, так с вами познакомлю — это просто такая душа, что я не могу и вам сказать, во-первых, что ее характер совершенно сходен с моим. Все ее любят, прехорошенькая. Имя ее Василиса, а фамилия Косецкая и главное то, что я с ней дружу с самого моего вступления в институт и все в институте нам завидуют, потому что мы первые друзья в институте. А все остальные, как вы я думаю знаете, дружат за интерес. И потому, ради бога, умоляю вас, сами вы что-нибудь пришлите мне из хорошеньких вещей или привезите, то не иначе, как вместе с ней. У нас велели, чтобы все делали себе корсеты, а так как я не имела у себя денег, то мне м[ада]м Нейпостер заняла 14 руб. и потому, прошу вас, вышлите мне из экономии.

Если вы получите письмо от Коли, то, пожалуйста, напишите ему, чтобы он мне написал хоть одно письмо. К Саше же я пишу вместе с вами и отослали в один день на почту. Целую ваши дорогие ручки и остаюсь много любящая и почитающая внучка.

М. Свечка

Ч. VIII, арк. 76—77. Автограф.

№ 505

1847 р. січня 30 [125].— ЛИСТ М. КОШИКОВОЇ ДО Ф. П. СВІЧКИ ПРО НАВЧАННЯ ЇЇ ОНУКИ МАРІЇ

Почтенная барыня!

Вы уже получили, я думаю, письмо, в котором Марья Львовна поздравляла вас от меня с праздником и с новым годом и также благодарила за холст и нитки. Барышня, слава богу, здорова, хорошо учится и ее все любят, и в особенности генеральша, от которой очень трудно заслужить похвалы и она старается всеми силами, чтобы тем утешить вас. Целую ваши дорогие ручки и остаюсь навсегда покорная и благодарная слуга ваша.

М. Кошикова

Ее высокоблагородию Феодосии Прохоровне Свечкиной
В д[еревню] Слободу Петровку

Ч. VIII, арк. 78. Автограф.

№ 506

1847 р. січня 30 [126].— ЛИСТ Г. Л. АНДРУЗЬКОЇ ДО БАТЬКА Л. В. АНДРУЗЬКОГО З ВІТАННЯМ І ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО СЕБЕ

Безценный папенька!

Поздравляю вас с днем ангела вашего и желаю вам всех благ, счастья, здоровья и всего лучшего в мире. Поздравляю также Вас с новым годом и новым родственником.

Вы не поверите, дорогой папенька, как я обрадовалась, когда получила от вас письмо и узнала, что вы и все наши родные, слава богу, здоровы, потому что, не получая от вас так долго писем, я думала, что кто-нибудь болен.

Я стараюсь учиться как можно лучше, и в особенности в французском языке и музыке, потому что я знаю, что без этих двух предметов нельзя обойтись в свете. Я буду говеть на 1-й неделе поста. Гриша Андрущенко, Саша и Примо Яша посещают нас довольно часто, а Илюша прежде тоже нас посещал часто, но теперь довольно редко, а Саша, сколько я в институте, то он еще ни разу не приходил к нам. Благодарю Вас, дорогой папенька, за деньги, которые вы нам присылали два раза. Один раз вместе с деньгами за музыку через нашу начальницу м. Нилову, а другой — через Сашу Андрущенко. Подушка, которую мы для Вас приготовили, уже давно готова, но мы ожидаем вакансии и надеемся, что Вы сами приедете к нам, и тогда ее Вам отдадим.

Прощайте, дорогой папенька, целую ваши ручки безсчетно раз, хотя заочно, если нельзя в самом деле, и остаюсь вас искренно любящая Ваша дочь.

Анна Андрузская

Ч. VIII, арк. 79 [127]. Автограф.

№ 507

1847 р. квітня 12.— ВИКЛАД ЗМІСТУ ПАПЕРІВ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО, ЗРОБЛЕНИЙ У III ВІДДІЛЕННІ

О бумагах студента Андрузского

1. Два проекта, составленные самим Андрузским: «О достижении возможной степени равенства и свободы, преимущественно в словянских землях». В одних и тех же проектах Андрузский полагал сначала оставить в России самодержавное правление и ограничить государя только законами, им же издаваемыми; потом ограничить государя представительными властями (депутатами), допущением оппозиционных журналов и проч[ее], а наконец находил, что лучше ввести республиканское правление.

Относительно народных сословий, он полагал сначала уничтожить дворянство и оставить только производительные классы: купечество, цехи и земледельцев, прибавив к ним еще духовенство. Потом, не уничтожая дворянства, определить точные права дворян и принять меры к постепенному выкупу крестьян из крепостного состояния. Нижним чинам он назначает 10-летний срок службы, а потом они должны быть по 5 лет дома и по одному лету в лагере, до конца 20 лет службы [128].

В таком роде написаны проекты Андрузского: без системы, без твердых убеждений. Сначала говорит одно, а там другое, и везде сам себе противоречит. На вопрос: от чего это произошло? Андрузский отвечал, что он ста-

рался составить лучшее, по его понятиям, государственное постановление и записывал в тетрадь свою все, что ему приходило в голову.

2. Стихотворения самого Андрузского большею частию на малороссийском наречии и только немногие на русском языке [129]. Некоторые из них исполнены вольных мыслей. Например, в одном («Україна») он описывает мнимые бедствия Малороссии; в другом («Горелка») рассказывает, что русские пригласили к себе малороссиян как братьев, но надели на них оковы; в третьем (без названия) угрожает утеснителям народным восстанием и гибелью их; в четвертом («Воззвание») описывает Малороссию под игом польского и русского правления, просит родителей благословить его на войну и вызывает казаков к восстанию.

3. Письма от родителей, братьев, сестер и других родственников, не заключающие в себе ничего сомнительного [130].

У Андрузского не оказалось ни кольца, ни образа во имя св. Кирилла и Мефодия.

12 апреля 1847 г.

Помітка О. Ф. Орлова: Привезен вчерашнего числа в исходе шестого часа вечером.

Ч. VIII, арк. 81—83. Оригінал.

№ 508

1847 р. квітня 16.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО КИЇВСЬКОГО, ПОДІЛЬСЬКОГО І ВОЛИНСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Д. Г. БІБІКОВА З ПРОХАННЯМ НАДІСЛАТИ В III ВІДДІЛЕННЯ ЗОШИТ ІЗ ЗАПИСАМИ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО, ЯКИЙ БУВ ЗАЛИШЕНИЙ У КИЄВІ

Весьма секретно и нужное

Его высокопрев[осходительств]у Д. Г. Бибикову

16 апреля 1847 г., № 598

М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Гаврилович!

Доставленный в С.-Петербург студент Андрузский показал, что, при арестовании его в Киеве, у него отобрана была тетрадь, в которой он, нападая на поляков, везде описывал государя императора как отца, и что киевское начальство не признало нужным приложить эту тетрадь к прочим его бумагам, отправленным в С.-Петербург.

Имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли сделать распоряжение, дабы вышеозначенная тетрадь Андрузского была немедленно доставлена в III отделение с. е. и. в. канцелярии.

Примите уверения в истин[ном] приз[нании].

Подписал гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. VIII, арк. 84. Відпуск.

№ 509

1847 р. квітня 16.— ВІДНОШЕННЯ КИЇВСЬКОГО, ПОДІЛЬСЬКОГО І ВОЛИНСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ТЕ, ЩО ВІН НАКАЗАВ КИЇВСЬКОМУ ГУБЕРНАТОРУ НЕГАЙНО НАДІСЛАТИ В III ВІДДІЛЕННЯ ЗОШИТ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Весьма секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

16 апреля 1847, № 1307, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие почтеннейшего отношения вашего сиятельства от 16 апреля № 598 [131] я ныне же предписал киевскому гражданскому губернатору немедленно доставить в III отделение с. е. и. в. канцелярии тетрадь, о которой показывает студент Андрузский.

Донося о сем вашему сиятельству, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 17 апреля 1847

Ч. VIII, арк. 85. Оригінал.

№ 510

1847 р. травня 6.— ВІДНОШЕННЯ КИЇВСЬКОГО, ПОДІЛЬСЬКОГО І ВОЛИНСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАДІСЛАННЯ ПАПЕРІВ, ВЗЯТИХ У Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ПІД ЧАС АРЕШТУ

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

6 мая 1847 г., № 16, Кяев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

В дополнение к отношению моему от 16 апреля № 1307 [132] честь имею препроводить к вашему сиятельству доставленные от киевского гражданского губернатора несколько записок и стихов [133], найденных при арестовании студента Андрузского, которые по донесению губернатора оставлены были здесь, так как в них не заключалось ничего особенного.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 14 мая 1847

Ч. VIII, арк. 86 [134]. Оригінал.

№ 511—516

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— ПАПЕРИ, ВИЛУЧЕНІ В Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ПІД ЧАС ЙОГО АРЕШТУ І ДОСТАВЛЕНІ В III ВІДДІЛЕННЯ НА ВИМОГУ О. Ф. ОРЛОВА

№ 511

1846 р.— ВІРШ М. Л. АНДРУЗЬКОЇ «ИНСТИТУТКА».

Поразило меня «не сердись». Ты сестре это сказал! До сегодняшнего дня я не сочиняла мелочи. Но следуя советам знаменитейшего из поэто[в] дома Андрузских «философа Гришы», теперь всегда буду это делать.

Желание твое исполняю. Проповедник.

Институтка

Как я счастлива была,
Наслаждаясь тишиной,
Когда прежде здесь жила
В обители всеблагой [135].
Здесь я горести не знала,
Здесь имела мать [136] для всех [137],
Никогда здесь не скучала,
И не посещал нас грех.
Но час разлуки впереди
Очень близко был от нас,
Кричу часто: «Приходи»
Отпы, матери ждут нас,
Наконец дождалась ее,
И подруги все мои,
Ожидаемого дня,
От нас, бывшего вдали.
Пошли в церковь сперва мы
И смотрительница с нами,
Маман, гости и попы.
Все с печальными лицами
Часа два мы были там,
Горько плача, все молились,
Но усталость чужда нам.
Хоть как долго не трудились,
По окончании службы,
Мы в зал собрания пошли,
Где приветы были дружбы
И мысли грустного: «прости».
Мы прощались меж собой,
Плача горькими слезами;
Забывая о родной [138],
Где встречают нас с венками.
Но еще из выпускных
Никто, с Маман не прощался,
Лились слезы из глаз их,
Язык грустно выражался.
Наконец: «Прощай, Маман»
(Раздалось со всех сторон).
Уедим мы тебя aimant [139]
«Не сотрет любви и mort» [140].

Это горестная сцена
Долго, долго продолжалась,
Наконец пришла Елена,
Я домой тогда умчалась.
Радость меня оживила,
Я в Вечерках уж теперь,
Слава богу, уж забыла
Институтский свой carièrre!
(правда, скоро).

В прозе со стишками, помни, обещание я свое исполнила.

Дуся, Пашенька, Дуся, Дуся —
Тебе очень нравятся такие слова.
Ципа, Дуся, Дуся, Пашенька.
Напиши, пожалуйства,
Стишки на [...] [141]
Маменька, маменька! С малыми играть не хотят Пашенька.
В собственные руки философа.
Славную ты проповедь мою после стихов прочитал.

Ч. VIII, арк. 89—90. Автограф.

№ 512

1846 р. грудня, не пізніше 12.— ЗАПИСИ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО У ЗВ'ЯЗКУ ЗІ СМЕРТЮ СТУДЕНТА КИЇВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ ВЕЛИЖЕВА

Ни богатство, ни силы юношеские, ни аристократическая гордость, ничто не помогло: он также умер, как и последний близкий умирает; также отойдет в землю: земля бо есть.

И значит ли, что это изысканная торжественность, напрасная пышность, даже это стечение?

Много ли канет слез на его могилу? Родительские, и еще бог весть чьи? Тех, которые бы оплакали, отчуждали, друзья ж его земные на пирушках подружились, пирушкой и повершат дружбу.

И никто не придет на могилу его. Забытая, она заглохнет, время довершит начатое смертью, и только в книге судеб останется сказание: был человек.

А на могилу какого-нибудь бедняка придет такой же бедняк, слезы его успокоют тень покойника, воспоминание оживит давно умершего?

Но неужели по смерти мы отчу[ж]димся того, кто был при жизни, хотя по званию наш собрат?

Нет, милый брат, наш по христу не станет осуждать тебя да не осудит й нас господь. Пусть наше примирение с тобою укажет на истинный путь заблужающим и смерть твоя да будет спасительным уроком.

Не богатство, не знатность, краса человека, а общая любовь к нему.

Отдаленный от нас при жизни товариществом, как отец ты наш, наш, хотя на одну минуту, наш, хотя уже в гробу. Для души твоей все теперь равно милые братья и одна лепта, одна слеза недругов приятнее там, чем все пожертвования, услуги бывших сотоварищей? Первые примиряют с небом, последние — отклик землею.

Утешься, так рано отозванный. Твое зло — печали века, общий грех юношей, а добро, что сделал, твое по справедливости. Жизнь, обуреваемая страстями, прервана вечным успокоением. Усопшего приведут ко престолу милосердному, теплые молитвы на нем. Жаль нам юноши, так рано увядшего, цветка, сорванного рукою прохожего. Этот юноша мог бы совершить

много прекрасного и под старость оглянуться на бурную юность, если не радостно, то с тихими раздумиями и благодарностию судьбе.

Взгляните на него, друзья мои, забудьте хоть на мгновение прелесть мира сего; пусть гроб усопшего хоть на время нас соединит и общая тихая молитва примирит с богом нашего отшедшего брата?

Подумаем о себе самих. Жизнь так непрочна. Молодость, силы душевные — не порука.

Ч. VIII, арк. 91. Автограф.

№ 513

1846 р. грудня 12.— ПРОМОВА Г. Л. АНДРУЗЬКОГО НА СМЕРТЬ СТУДЕНТА КИЇВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ ВЕЛИЖЕВА

Речь на смерть Велижева, студента университета св. Владимира

Не надолго же тебя порадовала жизнь, а она была так прекрасна.

Любовь родителей, приверженность товарищей, внутреннее самодовольствие были уделом твоим на земле. Молодость, надежды оживляли настоящее, окрыляли будущее.

Судьба поставила тебя в счастливой середине: между мирным гражданином и благородным воином. В студентском звании не одно только оно тебя облагораживало, возвышало над другими — здесь ты научился понимать себя и людей.

Здесь твой ум, просвещенный наукою, постигал святое призвание свое, цель бытия человеческого. Здесь твое сердце, озаренное верою, оживленное надеждою, научилось познавать, любить прекрасное, истинное. И что же, все это прерывает неумолимая смерть. Ее не тронули ни отчаяние родителей, ни слезы друзей. Она не глядит ни на кого. Недавно мы оплакивали любимого профессора [142], теперь провожаем товарища. Ученый муж и только что начинающий жить юноша — равно пали под ударами рока. Горечь воспоминания усилилась новым огорчением, новой потерею.

Ты выступал уже в свет, сеятеля ожидала жатва.

Мне грустно, мне как-то не верится. Но изобличает горькую истину. Взор по привычке устремляется на клирос, не встретит ли там, но его там нет. А давно ли его чистый, звучный голос сливался с их голосами, отдавался то песнью торжественною, то тихою меланхолическою музыкою, навевает на душу светлую думу, теплую молитву.

Уж не скоро услышим его. Долго, долго еще церковное пение будет напоминать усопшего, напоминать этот день, наводить глубокое раздумье.

Нет нашего товарища, нет и меж нами.

Я вижу гроб, и в гробе он, безмолвный.

Так вот участь человека. Что же значит молодость, ум, душевная крепость, если они так беззащитны, если одна прихоть смерти уничтожает их?

Не вправе ли родители усопшего оплакивать его, как невозвратно погибшего и несправедливо погибшего? Не вправе ли мы с ним вместе похоронить и наши лучшие надежды: разве он не надеялся? Не жил? Были бы вправе, если б судьба, взяв одно, не одарила его другим, умертвила б и не воскресила.

Только слово божие, только тайное, непостижимое предчувствие сердца и могут облегчить наше горе; утешить, успокоить глубоко растроганную, разочарованную душу. Веруя в будущее, мы благословляем волю божию, отозвавшую тебя, хотя бы и хотелось, но... сегодня, завтра и мы туда же последуем.

Добрый, милый, верный собрат наш! Да вознаградит тебя господь за жизнь тихую, безмятежную, за добрые порывы души твоей, за все, что ты

сделал прекрасного. Пусть горе родителей твоих утешится высочайшею милостию творца: спасением их любимого, единственного сына.

Прощай, наш милый брат. Прощай до будущего свидания там, где нет ни плача, ни печали; где тот же грозный ангел смерти встретит нас улыбкою любви, вечности.

Прощай, да будет мир с тобою.

Г. Андрузский

1846 г. 12 декабря, Киев

Ч. VIII, арк. 92—93. Автограф.

II

Кто уверен, что завтра встанет с постели, на которую сегодня ляжет? Кто поручился и за одну минуту своей жизни? — Смерть неподкупна.

А у нас еще там много неиспытанного, много надежд вдали: у каждого свои милые желания.

Опросите предстоящих. Кому из них смерть мила?

И князи мира сего, и мы смиренные, и круглый сирота — равно надеются, равно живут.

Грустно помышлять о последнем часе, страшно видеть пред собою грозного ангела смерти.

С невольным трепетом гляжу на гроб, в лице усопшего ясно читаю судьбу нашу: и мы за ним последуем.

Куда, зачем?

Боже, Боже. Неужели там нет утешения в потерях здешних, и мы дети случая?

Неужели наши надежды — только надежды, наши порывы к лучшему — только напрасные стремления духа, скованного роком?

И это улыбка на устах покойника — неужели глупая ирония над жизнью? Нет, господи! Ты судья, но и творец кроткий, милостивый, ты кормилец птичек небесных, растишь былиночку. Греешь солнце на добрых и на злых — и ты ли попустишь на гибель лучшее создание рук своих: человека. Веруем, господи. Придет день, в оный же? суши и во гробе ж восстанут и мы все вкупе воспоем славу бога живого.

Друзья мои, все ближние мои.

Исповедуешь нас в этом мире священник непостижимому, забудем все наше земное, и с истинным сокрушением сердца воскликнем: господи, помилуй.

Ч. VIII, арк. 94. Автограф.

№ 514

Се той образочок, що милий носив.
Се той перстеночок, що він сам надів.
Я до образочка богові молюся,
Я на перстеночок по весь день дивлюся.
По весь день дивлюся, слізоньки, коханий, втираю
Про тебе думаю, гадаю
О де ж ті дні, милий, що щастя сулили,
Де ж те серце ділось, що для мене билось?
На що ж я кохала, і на що я жила,
Коли все забрала темная могила.
Коли тільки й щастя — плакать, споминать,
Тільки і молитви, що смерті прохати.
Не для мене яснее сонечко зійде,
Що було — не вернеш, миленький не прийде.

Пливи ж, річко, в море, бистра та широка,
Візьми ж мене, боже, бо я одинока.
Я зуміла жити, уміла кохати,
Нехай же зумію перед тебе стати.

Ч. VIII, арк. 94 зв. Автограф.

№ 515

1846 р. грудень.— ЛИСТ М. Л. АНДРУЗЬКОЇ ДО БРАТА Г. Л. АНДРУЗЬКОГО З НОВОРІЧНИМИ ПРИВІТАННЯМИ

Душевно рада, любезный брат Жорж, что имею верный случай писать к тебе, поздравить с новым годом и пожелать тебе всего лучшего в мире. Пожалуйства, ангел Жорж, не отчаивайся. Забывай все неприятности и пиши почаще ко мне. Будь уверен, что получишь ответ. Посылаю тебе два червонца. Они тебе пригодятся. Будь счастлив и не забывай любящую тебя сестру. Мария.

Как бы я желала увидеться с тобой.

Ч. VIII, арк. 95. Автограф.

№ 516

1847 р. березень.— ЛИСТ МАТЕРІ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ДО ЙОГО СЕСТРИ П. Л. АНДРУЗЬКОЇ З ВІТАННЯМ З НАГОДИ СВЯТА

Христос воскрес, Парасковья Львовна!

Поздравляю вас с праздником. Желаю оной проводить в добром здоровье также и Анне Львовне. Маленькие братцы и сестрицы, ваши же припоручили мне от них поздравить вас [с] праздником. Малая Саша-говорунья целует вас. Они все с нетерпением желают вас видеть. Я тоже молюсь богу, чтоб этот год пролетел, как один день, чтобы скорей вас увидеть. Новый братец ваш очень веселый и прекрасный мужчина.

Пожалуюсь вам на свое горе. Марья Львовна уже оставляет нас. Я бедна остаюсь [в] безу[те]шном горе до приезда вашего. Пчелы ваши все благополучно вышли с погр[е]ба. Кошки все здоровы.

До свидания. Желаю вам всех благ и скорейшего приезда. Остаюсь вам [покорная] слуга.

Еще моя убедительная просьба, напишите ко мне хоть одну строчку о смерти Славотинск[ого]. Когда он умер?

На арк. 96, 98 зв. напис: Ее высокоблагородию
Парасковьи Львовне Андрузской

Ч. VIII, арк. 97, 98. Автограф.

№ 517

1847 р. квітня 14.— ПРОТОКОЛ ДОПИТУ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В III ВІДДІЛЕННІ

Вопросы, предложенные студенту Андрузскому, и ответы его

14 апреля 1847 г.

1. Известно ли вам о существовании тайного общества, называемого Славянским обществом св. Кирилла и Мефодия? Если было известно, то подробно опишите цель оного, состав и все действия, в видах оного предпринятые.

Нет. Все, что-нибудь известное мне, помещено в последующих пунктах.

2. *Если вы не знали об обществе, то объявите, от кого слышали рассуждение на счет славянства, соединения славянских племен, государственного преобразования и подобных предметах? Не можете ли ныне, по объявлении вам о существовании тайного общества, сообразить все, что слышали, и объяснить все подробности, кои могут привести к обнаружению членов и действий общества.*

О существовании тайного общества, называемого Славянским обществом св. Кирилла и Мефодия, мне известно не было, а о существовании просто Славянского — я знал вот что:

а) особенной организации не имело; связывалось и держалось доброю волею каждого, а не какими-либо положениями и уставами;

в) главная цель, соединявшая всех, была: соединение славян воедино, принимая за образец Соединенные Штаты или нынешнюю конституционную Францию;

с) частная при ней существовавшая цель малороссийская: восстановление Гетманщины, если можно отдельно (желание тайное) если нельзя — в Славянщине;

d) о цели польской не упоминаю. Она мила каждому родовому поляку и обнаруживается одними только желаниями и надеждами. Вот она: восстановление Польского королевства по Днепру и реку Южную Двину. Представителем главной цели: Костомаров — умеренно; полный его последователь — Н. И. Гулак.

Представителем малороссийской цели: поэт Шевченко и Кулиш — в высшей степени; умеренный — Посяда — казенный крестьянин. Он только и думал, что о крестьянах.

Маркович, Навроцкий и Белозерский держались обеих целей и были более ученики, чем учители. Сюда же можно отнести Пильчикова и Судовщикова; но о первом в последние полгода только и слышно было, что завел в Полтаве маслобойню, а о последнем могу сказать, что он только был знаком с ними и был не более, не менее как № едва ли не для каждого из них: ибо о нем и разговоров почти не было и бывшие были только льстивы. Был же знаком с ними и студент Загурский; он мне очень хорошо знаком; заслужил доверие начальства и так робок, что показание против него можно скорее почесть за клевету, нежели за истину.

По сведениям же, приобретенным мною во время ареста, могу заключить, что здесь участвовали не одни только вышеупомянутые, так, например: в Киеве на допросе меня спрашивали о каком-то помещике Савиче. На дороге узнал, что в Шлиссельбурге повезли какого-то закованного, черноволосого усача [143], следовательно, должно быть, здесь участвовали и некоторые помещики и другие лица. Знал же я о существовании общества из разговоров Костомарова, Марковича, Гулака и других вышеупомянутых лиц.

Меры общие: 1. Слияние всех сословий в одно.

Положения:

а) для этого нужно образовать народ простой;

в) примирить племена исторически враждебные;

Последствия: меры вытекают из положений, следовательно должен был повториться 1825 год. «Долго ли ходить на ходулях, лучше хотя хромать, да на своих ногах».

При первом положении существовали следующие:

а) народные учители:

волость каждая на свой счет воспитывает одного из своих; по окончании обучения он должен обучать, по смерть, детей своей волости. Воспитание этих учителей допускалось в казенных и при казенных заведениях. Мысль моя, кроме Посяды, известна ли кому-либо, не знаю: народилась месяца полтора назад. Впрочем, кажется, известна Костомарову.

в) шляхта:

в Киевской и других западных губерниях находится до полутора миллиона шляхты. Веры она польской, языка малороссийского. Предполагалось обратить ее к православию при посредстве правительства, сперва разузнав все подробнее. В ней и намеревалось впервые учредить народных учителей; исполнение брал на себя Посяда относительно обращения. Мысль это его: известна ли кому, кроме меня, не знаю. Ей от роду не более месяца.

с) журнал:

мысль об нем едва ли еще не дедовская, по крайней мере я ее застал уже. Предполагалось учреждение журнала сперва на всех славянских языках, потом на русском и малороссийском; наконец, хотя альманах, и только с появлением Шевченки снова ожила; но оказалось, что издавать не на что и помещать нечего. Последнее горе решено загладить приглашением к участию даже русских писателей из малороссиян.

Для первого:

d) взнос денег:

эта мера не была тайною и приглашался всякий, кто может. Взнос кажется был значительный и не прекращался. Впоследствии оказалось, что при бедности в беллетри[сти]ческих статьях, в литературе малороссийский журнал существовать не может. Посему и решено переиздать прежних авторов, издать новых, да и переведенные на малороссийский язык учебники и хозяйственные книги для простого народа.

Для второго положения:

разыскивание актов и допущение всевозможных оправданий проступков одной нации против другой, извиняя временем, обстоятельствами и личностию известных лиц, что и делал Костомаров, оправдывая поляков в угнетении малороссов.

Без сомнения тут (в разыскивании актов) могло скрываться и желание исторически подорвать монархизм. Утверждать не могу.

Название же общества Обществом св. Кирилла и Мефодия, также напечатание славянскими буквами мифологии славянской Костомарова, дает повод думать: не было ли намерения сделать общими в славянских землях славянский язык и азбуку.

О намерениях относительно государя ничего не знал, не знаю и не подозреваю.

Пасквили Шевченки едва ли могли более значить, чем пасквили.

3. Поименуйте всех лиц, вам известных, которые занимались предположениями о соединении славян и политическом перевороте; объясните, в какой степени каждое из этих лиц участвовало в означенных предположениях.

Поименованы в ответе на второй вопрос. Костомаров получил воспитание в Харьковском университете. Ложное понятие идеи совратили его с пути истины и повели к гибели. Человек молодой, благородный, исполненный надежд, мог ли он не увлечься брожением умов? Первый его шаг был — любовь к малороссийскому языку. Он жил в Малороссии, мать малороссиянка. Вместе с языком, истинно гомерическим, полюбил он историю Малороссии, историю кровавую, можно сказать, варварскую, но героическую, доблестную, а что более доблести мило для юноши, самого исполненного высоких чувств. Малороссия сделалась второй родиной Костомарову, он смотрел на южно-русса как на лучшего брата, великорос сам, на язык южный — как на идеал языка простого, не обработанного, но близкого к природе, исполненого достоинств древних языков. Шаг первый сделан! В это-то время он написал свои диссертации и плохие стихотворения Иеремия Галки.

Полюбить что-либо утраченное, значит пожелать воротить его: то сталось и с Костомаровым. И мог ли он при таком ходе мыслей, мало-помалу

не возненавидеть виновников падения Малороссии? Его бы ненависть пала наиболее на поляков; но в это время столкнулись с идеей славянства и высоким словом Христа: «Любите врага ваша». О славянстве ж идеи проявлялись в «Москвитянине», в польских, сербских, болгарских периодических изданиях; даже в смиренном «Киевлянине».

Конечно, Костомаров сперва об них мечтал, после желал, надеялся и, наконец, подумал: нельзя ли? Сделан второй шаг! — Костомаров был в словесном факультете, слушал об английской и французской революциях. Скудость лекций дополнило воображение и чтение древних классиков. Он пожелал либерализма, монархизм стал не люб. Шаг третий. До сих пор мыслил, наступила пора действовать.

Костомаров послан был в Киев учителем истории в 1-й Киевской гимназии.

В подтверждение вышесказанного мною могу привести следующее: Костомаров хвалился знанием почти всего Псалтыря и Евангелия. Часто говорил и действовал слабо, как будто боролся с какою мыслию противною его направлению. Что можно видеть из упреков Посяды и из упреков в письмах Шевченки? Беспрерывно старался историею подтвердить свои мнения и нередко послаблял их, судя по фактам. Так, читая польскую историю, он увлекся ею, читая историю Малороссии Конисского, он проклинал поляков и первый его вопрос вошедшему Посяде был: почему Хмельницкий не вырезал поляков, когда взяли Варшаву? То вдруг углублялся в чтение священных книг.

По прибытии в Киев Костомаров задумал осуществить идею киевского журнала на всех славянских наречиях. В нем помещались бы беллетрические статьи, история, науки, художества и прочее.

Прибыл попечитель Траскин (генерал), он был доволен мыслью Костомарова и требовал только программы журнала для испрошения дозволения. Но Костомаров, не имея под рукою материалов, охладел и уже думал только о руссо-малороссийском журнале в двух периодических изданиях в год, наконец, о сборнике, альманахе и, утратив мало-помалу мысль об этом, погрузился в изучение своего предмета — истории. Так, может быть, все и уничтожилось бы, но судьбы определили иначе: приехал Тарас Григорьевич Шевченко. Его поэтическая слава гремела по всей Малороссии, его ставили выше Жуковского, надеялись иметь в нем своего Шиллера. Я сам плакал, читая его «Думы» и «Катерину». Он писал их в лучшие годы своей жизни, под влиянием музы Жуковского. Костомаров не преминул явиться к великому поэту. Великий поэт не преминул выказать свое духовное падение. Свои «Кавказ», «Сон», «Послание к землякам» он привез из Петербурга. Последнее выказывает, что еще был поэт, но уже не тот. Костомаров приглашал его к себе на вечера, и тут-то Шевченко читал свои пасквили, кроме вышеозначенных, никого там не было. Помню, был я на одном вечере, читался «Кавказ», я морщился, Костомаров зевал, но Шевченку превозносили до небес.

Возродилась идея о журнале. Шевченко обещался и Киевский театр снабжать своими пьесами. Он на время куда-то уехал и все приостановилось. Это было летом в 1846 г.

Я воротился с вакации, вскоре приехал и Шевченко, но упадок духа не дозволял ему исполнить свое обещание; поэт должен быть исполнен и благородных помыслов. Шевченко нуждался в них и нашел в Костомарове, исполнился религиозности и перевел на малороссийский язык несколько псалмов, хотя и щекотливого выбора: к сожалению я их не читал.

Гулак до приезда Шевченки, коротко знакомый и дружный с Костомаровым, по прибытии Шевченки, месяца через два уехал в С.-Петербург.

Скука об утрате друга, желание поделиться с кем-либо своимы думами, еще теснее связали Костомарова с Шевченкой. Шевченко не так уже нападал на ляхов, от славянщины был не прочь; но за то жестоко порицал Хмельницкого, что и выразил в стихотворении: «Великий лех». Посяду это огорчало, он ставил Хмельницкого выше всех мужей и правителей. Я разделяю это мнение. Хмельницкий прекрасно понимал, что Малороссия не может существовать отдельно и сделал, что мог лучшего. Последовавшие смуты оправдали его.

Порицая Хмельницкого, Шевченко превозносил Мазепу, Посяда порицал за кровавое достижение власти. Я тоже. Что же Костомаров? Он и да и нет! Находил пороки в Хмельницком и доблесть в Мазепе. В это время он собирался издать собранные им песни. Приехал бывший проф. Максимович, Костомаров предложил о песнях ему, тот согласился; объявил невозможиость издавать журнал в Киеве за безденежьем, обещался приехать после Рождества Христова, и не приехал и ничего не сделал. И так песни остались неизданными. Но Костомаров в это время издал славянскую мифологию славянским шрифтом; приготовлял к отпечатанию свои лекции и чуть ли не собирался писать историю Малороссии. Тогда же был и Кулиш в Киеве дня два и уехал свататься на сестре Белозерского. Кулиш просил Костомарова и Шевченку на свадьбу. Костомаров не поехал, Шевченка, кажется, был. Таким образом прошел 1846 г. и наступил 1847 г.

Шевченко успел съездить в Почайну [144], что на австрийской границе и уехать в Черниговскую губ. С тех пор я его более не видал, и разнеслись слухи, что его ловят, схватили, поймали, которые, наконец, и оправдались. Виновником этих слухов, кажется был студент Струговщиков. Он эгоист! Говаривал: «Как Шевченко простой мужик, а его более уважают, чем меня! Его в Малоросии чуть на руках не носят, а обо мне, хоть слово бы. Этому не бывать». Бедняжка, он тоже пишет стишки. Вот известия, которые я знаю о Костомарове. Нужно ли добавлять, что он один сын у старушки-матери, что невеста его бедная, но умная девушка, заслужившая внимание. Листа [145] в бытность его в Киеве, что царское помилование даровало бы царю лучшего подданного; матери усладило бы последние дни ее жизни. Но, да будет воля божия! Быть может и ошибаюсь, но говорю от чистого сердца. Гулак. Об нем знаю только, что он был дружен с Костомаровым. В превосходстве знал немецкий язык (воспитывался в Дерпте), даже со своей собачкой говорил по немецки. Содержал на свой счет Навроцкого, и о нем отзывались, как о предобрейшем человеке. Студент дерптский, он в Дерпте и напитался своих мыслей. Я бывал у него редко, а разговоров особенных никогда не заводил.

Шевченко, родом Киевской губ., уезда Чигиринского, из помещичьих крестьян. Выкуплен, как сказывают, Михаилом Павловичем; воспитывался в С.-Петербурге, в Академии наук и художеств. Приехал весной 1846 г., по назначению академии, в Киев с Сажинем; писал пошлые стихи; побуждал к большей деятельности общество (как видится из писем), а сам в то время кутил напропалую во всех концах Малороссии. Пасквили свои, привезенные из Петербурга, впоследствии он сам не одобрял; но не знаю почему их не уничтожил. Был у него я раз десять, читал свои стихи или слушал, как он с Сажинем толковал о пирушках. Сажин больше ничего и знать не хотел.

Пантелеймон Кулиш. Сколько видно из его выходки на вечере у Костомарова «эти мне кацапы» — так и из безпрерывных занятий историею Малороссии, ничего знать не хотел, кроме Малороссии, показания знающих это лицо, могут разъяснить его. Знаю только, что он издал романы, «Михаил Чернышенко» на русском языке; «Черная рада» на русском и малороссийском, «Историю Южной Руси для русских детей» — на русском; писал

историю Малороссии, а может быть и еще что. Характера он горячего, любит, чтобы все скоро. Шевченко признает величайшим поэтом.

Белозерский его в полном смысле ученик. Чистота нравственная, и некоторая горячность в суждениях. В Полтаве он обязан был рассеевать волновавшие общество идеи, но со времени его поездки в Полтаву и слухи об нем стали темны и неясны... Теплое место.

Пильчиков до отъезда в Полтаву только и бредил республикой, жил у Гулака. В Полтаве обзавелся маслобойней и знать никого не хочет, как это высказывается из слухов об нем.

Судовщиков, сколько знаю, делал на словах, частый гость Костомарова и Гулака, а еще более студента Левицкого — величайшего эгоиста и корчащего аристократа.

Навроцкий — человек горячий, но бесхарактерный, в гимназии писал романсы и прочее. В университете придерживался того, кто громче кричит. Вот почему держался мнений Костомарова! В минуты первого увлечения превозносил меня и чуть ли не наизусть знает сочинения Шевченки. Молодость прошла бы, лета охолодили бы и он обратился бы в доброго, смиренного малороссийского помещика.

Маркович обоготворял Гетманщину и славянизм, частый гость Костомарова; по выезде Гулака, Навроцкий жил у него. Он собирал колядки, песни, сказки, притчи и у него-то можно было заслушаться малороссийских песень.

Позапрошлый год какую-то статейку тиснул на русском языке в Киевской губернской газете [146]. Газету быстро раскупили. В последнее время он мало что и делал, приготовляясь с Навроцким и Чарнышем к выпускному экзамену. Чарныш был знаком с ним не более, как товарищ.

Посяда — воспитанник Полтавской гимназии, видя тягостное положение крестьян, сам крестьянин, он задумал во что бы ни было облегчить этот быт. Идея славянизма еще более развила в нем это желание. Дворян он ненавидел, почитая виновниками всего худого; ненавидел монархизм, как бы потворствующий этому. Но, будучи, хотя эгоист, души мягкой, он нередко уступал мне в спорах и соглашался действовать открыто с помощью правительства. Так он сочинил письма государю и министру Врончепке и намеревался печатно выказать все злоупотребления местных начальств. Имел начерно собранных до 200 малороссийских песен, собирал слова и более выявлял желания облагородить жизнь простого народа, чем восстановить Малороссию, хотя то была задушевная его думка и молитва. Негодовал на духовенство грубое, невежественное, но дорожил всем православным (особенно простого народа), как святыней, заветом. Замыслил обращение шляхты и, отправляясь на лечение в с. Коростеж, намеревался объехать Киевскую и Каменец-Подольскую губ. для приведения этого вопроса в ясность и тогда уже объявить правительству, когда мог бы сказать: «Это я сделал!»

Сковороду [147] почитал великим философом, Шевченку почитал великим поэтом, но пасквилей его, по стечению обстоятельств, не мог ни переписать, ни прочесть. Вел переписку о балладах и колядах с Москвой и Полтавой. Первый мой учитель, едва не сделался моим учеником: добрая судьба предупредила.

Последние полгода он занемог глазами и потому почти вовсе ни у кого не бывал. Просил меня достать от Навроцкого стихотворения Шевченки. Шевченко отдал Навроцкому с заклятием не давать по рукам, но Навроцкий не дал, за что он с ним и Марковичем порассорился. Бог весть, что еще было у этих людей на душе, не стану писать чего не знаю, скажу только, что до позавчерашнего дня считал все дело пустою болтовнею и шалостью, да и теперь еще ничему не верится.

4. С какой целию сами вы составляли проекты: «О достижении возможной степени равенства и свободы, преимущественно в славянских землях» и для чего сочиняли вы стихи возмутительного содержания? Кем увлечены вы были к этим занятиям? И не имеют ли они связи с Славянским обществом?

В гимназии я уже писал стихи, но они ограничивались вздохами и так слабы, что мне стыдно было и сохранить хотя одно из них.

Первые полгода университетской жизни писал не лучше, не хуже и, познакомясь случайно с Посядою, я увлекся рассказами о Малороссии и написал целую тетрадку, где сильно нападал на поляков. Но государь везде отец: к нему везде воззвания и благословения. Эта тетрадка в руках киевского начальства, но не почли за нужное ее приложить. И вспыхнул Краковский мятеж [148] и я был все тот же: написал до пяти грозных од, а когда угрозы мои не оправдались, то воспел отеческую милость православного царя. Прошла зима, я был тот же. Ничто меня не изменяло, Пильчикова [149] рассуждения меня смешили (особенно, когда начал уверять, что прежде писал превосходные стихи, а как стал либералистом, утратил даже способность отмечать ямбы от хореев). На Посяду и Навроцкого я смотрел с сожалением, о Костомарове — с раздумьем. Меня глубоко интересовал молодой, открытый и добрый учитель (он в то время был учителем). Я взвешивал каждое его слово, каждое подмеченное движение. Меня с ними познакомил Посяда. Навроцкий с ума сходил от маленького поэта, который подает великие надежды. Приехал Шевченко, я решился его приветствовать стихами. Написал несколько вольных, но все еще не милых мне стихотворений, он одобрил. Шаг первый сделан! — Услышав его «Кавказ», я сильно порицал Шевченку (а также и за то, что на том вечере он называл подлецами всех монархистов. Тут и собственное самолюбие много действовало). Я много и резко говорил, но о чем более говоришь, с тем сильнее свыкаешься. Так и сталось: еще и прежде было у меня несколько стихотворений с выходками, но я сам их, как бы боялся и старался скрывать. Теперь не то стало: не читал другим, но сам затверживал на память. Таким образом, вольные стихи сделались моей сферой и я не мог уже без вольной мысли написать по-малороссийски и двух строк. Это мне казалось в порядке вещей, как и то, что на русском языке писать одни только высокие помыслы ума и светлые порывы и чувства сердца. Но я все еще был монархист, писал одно, а говорил и думал другое. Я прочитал несколько малороссийских песенников, истории, наслушался жалоб как этих студентов, так и каждого человека по своему: «Кто, когда был совершенно всем доволен?» С жадностью читал я отдел «Наук и художеств» в «Отечественных записках» и «Библиотеке», взвешивал каждое слово истории (Устрялова, Смарагдова, Лоренца, статьи истории «Киевлянина», «Москвитянина» и других) и наконец вывел заключение: «Все худо! Но неужели по воле царской? Какая его польза угнетать? И я, дитя, решился дать совет высокому царственному мужу: составить проект и поднести ему». Вот зародыш проектов. Углубляясь более и более в них, я незаметно отдалялся от своего доброго намерения. Я посягнул на титло законодателя и пред мной все стало в ничто: царя ограничил, царя уничтожил и прочее, но все еще и теперь был монархист. Правление отца мне более нравилось, чем правление опекунов; тем более, что в самой вселенной я видел высокий образец монархии: бог — монарх неограниченный и сознавал, что власть царя тем благодетельнее, чем мудрее и религиознее его сановники. Но перелом приближался, я уже написал «в каком случае республика лучше монархии», оставалось только внедрить в себе эту мысль. Неисповедимый промысл остановил меня над самой пропастью. Время дало одуматься, и я рад бы слезами смыть строки прежде написанные мною. Но, да будет воля царская! Благословлю и милующего и карающего благословлю, я заслужил кару. Стихотворений

моих большую часть я давал читать Навроцкому, проекты — только одному Посяде. Были минуты и величайшего заблуждения. Так, прочитав «Историю Малороссии» Георгия Конисского, я заклялся было и писать по-русски, но на вопрос Посяды: «Пошел бы я теперь на русских?» — Отвечал: «В их землю на них не пошел, а в родине — не ручаюсь.» Посяда тихо улыбнулся и заговорил о Хмельницком. Этот вопрос образумил меня. Я чувствовал неудобство нашей малороссийской азбуки и орфографии и составил свою особенную, видоизменив и дополнив русскую. К этому подало повод также и то нынешнее мнение, что теперешняя русская азбука не хороша в печати; но, не зная, где именно великороссы (ведь мы все русские) выговаривают *е* за *э*, а где за *ъ*, я под конец решился писать этой азбукой только малороссийские произведения. О моей азбуке знал один Посяда, но как и у него была думка составить, то она и пройдена молчанием. Приехавши из дому, я считал себя едва ли не виноватее, и потому, что греха таить: боялся и слово лишнее о ком сказать «не страха ради, но чести ради я высказал все, как обещал доброму моему начальнику Михаилу Владимиру Юзефовичу. Проекты мои и стихотворения не имели никакого веса по неизвестности и моей нелюдкости. Кроме Посяды, у других если бывал в месяц раза два, то и слава богу. В заведении же своем я занимался чтением книг и гаданием на картах, дружбы особенной не заводил: большая часть поляки. Сказать ли мне, что, упадая духом умственно, я упадал и верой, но бог помиловал.

5. Не питают ли таких мыслей прочие студенты Киевского университета?

Кроме вышеозначенного нашего общества, студенты Киевского университета никаких других тайных обществ не составляют и проектов не пишут, сколько это мне известно. Делятся же на аристократию и на бедняков. Аристократы — богачи не различают ни народа, ни веры, кроме увеселений, ничего знать не хотят. Бедные же за ними тянутся, но поляки любят поговорить о Польше; занимаются чтением польских книг и питают тайное желание и надежду на восстановление Посполитой речи, но сборищ и каких-либо условий, соединявших их — не имеют. Малороссы — меньшая часть любит вспоминать Гетманщину и чтение малороссийских [книг], но этим и ограничивается их политическая деятельность. Русские, большая часть, занимаются науками и об них ничего нельзя сказать особенного. Смело можно утверждать, киевских студентов более интересует психология и биллиард, чем политика. Кроме вышеозначенных мною, участвовавших студентов, других участников не знаю, хотя и не могу утверждать, что нет.

6. С которого времени начались подобные идеи в студентах?

С которого же времени начались подобные идеи в студентах, то должно полагать, что это последки 1839 г. [150], а я тогда был во 2 классе гимназии и потому ничего не знаю.

7. От кого они получают эти идеи и не подают ли им к этому повод профессора на своих лекциях?

От кого они получают эти идеи, мне неизвестно, хотя и должно предполагать, что поляки от своих родителей, а прочие студенты от поляков. Профессора же на лекциях ничего не должного не говорят, а профессор Федотов [151] открыто выражает преданность к царю, при том же почти каждый день на лекциях бывает попечитель генерал Траскин.

8. Объясните в вашем показании и то, как встретился с вами на дороге Костомаров, когда вы ехали в Киев, а его везли в С.-Петербург и что он говорил с вами?

На последней, Броварской станции, я ночевал вместе с студентом Андрущенком. Утром он меня вызывает к Костомарову. Я не верю, выхожу — точно он.

— За что вас? — спросил я.

— Не знаю, Гулак в Петербург чорт знает что писал, да на меня своротил, а сегодня — день моей свадьбы!

— Ну, что ж? — сказал я,— пусть везут, пускай и меня, оправдаетесь (кажется я говорил сгоряча). Севши на повозку, Костомаров проговорил по французки:

— Скажите Марковичу, чтобы был осторожен, и другим.

А я отвечал по французки же:

— Храни вас боже! Вот и все свидание. Думал я, едучи в Киев, зайти к Марковичу, сказать, чтоб был осторожен, после, узнав, где мать и невеста Костомарова, пойти познакомиться и утешить их, а потом уже сжечь свои бумаги, коли бог даст. Думал же я, что кроме меня, ни у кого нет особенных бумаг, и есть ли — не знаю.

У Днепра меня арестовали и держали под арестом в университете. Раз позвали к допросу, а на следующий — отправили в С.-Петербург.

9. *Добавьте, неизвестно ли вам, сверх предложенного в предыдущих вопросах, еще что-либо о славянофилах и Славянском обществе?*

Все мне известное об них, сказано в предыдущих ответах.

Студент Георгий Андрузский

Ч. VIII, арк. 99—120. Оригінал.

№ 518

1847 р. травня 17.— ДОДАТКОВІ ПОЯСНЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В III ВІДДІЛЕННІ

Дополнительное объяснение студента Андрузского

Ни о Славянском обществе, ни о чем другом я не знал до самого дня допроса. Знал же только, что Шевченко написал запрещенные стихи, что Костомаров, по предложению Траскина, намеревался журнал издавать и что собирались простонародные южнорусские песни для печати, которые проф. Максимович проездом увез с собою.

Знал, что Костомаров издал на славянском языке мифологию славянскую и приготовлял свои лекции для чтения в печати.

Знал, что Посяда, будучи на родине, собрал народные колядки, веснянки и проч[ее], которые и лежали у него вчерне и писал письма к царю и министру.

Знал, что Кулиш занимался малороссийскою историею, но его самого никогда не видал.

Знал, что Гулак знаком с Костомаровым и обыкновенные их разговоры были древнеисторические.

Вот все мои скудные познанья.

Слыхал, что будто бы Шевченко отдал свои стихотворения Навроцкому, под сохран, с заклятием никому не давать и что Навроцкий многие знает на память.

Когда я взят был под допрос, меня спросили о Славянском обществе Кирилла и Мефодия, о том, какого святого признают они своим патроном.

По [152] дороге в Петербург узнал, что кого-то повезли в Оренбург, а другого в Шлиссельбург закованных.

Воображение мое разыгралось.

Здесь, в Петербурге, на допросе меня спрашивали о кольце Кирилла и Мефодия, о каких-то помещиках Чижове и Чуйкевиче. Я случайно увидел два письма: одно Шевченки к Костомарову, другое не знаю чье, при этом мне в допросах сказано было: сличивши и сообразив все виденное и слышанное,

сказать свое мнение, и не могу ли я чего сказать вследствие моих сообственных об этом деле предположений.

Желая открыть всю истину, я написал мои ложные обвинения, преувеличив все виденное и слышанное и читанное мною до нельзя.

Из вопросов о Славянском обществе, кольце, из «Славянской мифологии» Костомарова и вольных стихов Шевченки, я заключил свои положения о Славянском обществе и целях, предполагая, что лучшего и не могли взять в образец, как Соединенные Штаты и Францию.

Из занятий Кулиша малороссийской историей, собирании Посядою колядок и малороссийских произведений Шевченки, я вывел свои положения о малороссийской партии и целях ее, предполагая Гетманство за лучший образец в этом случае, но подчиняя цели славянской, что б не потерять из виду главной мысли.

Таким образом, я вывел свои положения обо всех и о каждом лице особенно.

И не одно желание открыть истину породило мои показания, а еще вот что:

С некоторого времени (6 кл[асса] гимн[азии]) исподтишка я начал списывать малороссийские вольные стихи. Узнав об вышеупомянутых письмах Посяды и его, как крестьянина, неудовольствия на положение крестьян, я задумал составить проект для уничтожения этого зла, и мало-помалу дошел до последних контро-монархических положений; но действительно только на бумаге и никто этого не знал. Одному только Посяде я читал; но он в то время обыкновенно ходил с повязанной головой по спальне скорыми шагами.

Для доказательства моих слов, прочтите «Прощание институток с институтом» [153], которое я писал этого года сестрам.

Спросите у всех этих людей, оклеветанных мною и ни один не вспомнит моих запрещенных бумаг, начальство университетское и гражданское, тогда узнало обо мне, когда получило их.

Торжественно раскаиваюсь в моих показаниях как ложных, вымышленных мною и не имеющих никакого основания.

Со слезами прошу прощения у правительства, обманутого мною, и у лиц оговореиных мной.

Дополню о себе: царю моему послужу верой и правдой, но ни от родины, ни от языка ее не отрекаюсь. Проклят, презирающий отечество и попирающий гробы отцов.

К царю моему и отцов моих со слезами у ног его взываю: отпусти мне сей раз, отпусти и ему. Не славен царь в правде возданной правым, но в милости виновным.

И будут уста наши в едины уста и молитвы наши в единое высокое моление о тебе пред господом.

И да умножит он дни твои и освятит пути России твоей и хоругвь церкви пресвятая, да осенит тебя до века.

Сказание мое о чиновниках — быль.

О народных учителях я предлагал Посяде, но тем и кончилось. Шляхту действительно он намеревался обратить к православию.

Георгий Андрузский

І. VIII, арк. 121—125. Оригінал.

№ 519

1847 р. травня 30.— ЗАПИС КАНЦЕЛЯРІЄЮ III ВІДДІЛЕННЯ РІШЕННЯ В СПРАВІ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Андрузский. Студент университета св. Владимира Егор Андрузский от роду 19 лет. У него найдены стихи возмутительного содержания, им сочиненные, и два проекта его: «О достижении возможной степени равенства и свободы, преимущественно в славянских землях». В этих проектах он переходил от мысли к мысли: то допускал императорскую власть в настоящей ее силе, то ограничивал, то предполагал вовсе ее уничтожить [154].

Точно таким же Андрузский является и в своих показаниях [155]. В первых словесных и письменных ответах он многих назвал членами Украйно-Славянского общества, иных даже представителями и большею частью говорил о них как личный свидетель. На очных же ставках смягчал и ограничивал прежние свои показания, иные вовсе отвергал или прямо сознавался, что ошибся и, что не видел того, о чем прежде объявлял как очевидец [156].

Мучимый раскаянием, Андрузский, после очных ставок, подал объяснение, искренно сознаваясь, что он в прежних показаниях выводил заключения свои из одних слухов, из разговоров студентов и из собственных соображений, считал всякого, занимающего древними изысканиями, и каждого малороссиянина, любящего свою родину, принадлежащими к Украйно-Славянскому обществу, тогда как сам не знал ни о том, существует ли это общество, ни о преступлениях тех лиц, которых оговаривал.

Андрузский, при этом сознании, изъявляет величайшее раскаяние, и все доказывает, что он ошибался по молодости и легкомыслию, но не хотел и не хочет быть клеветником. При том же, показание его, хотя исполненное ошибок, было первое, которое правительству в некоторой степени пояснило лиц, прикосновенных к делу Украйно-Славянского общества.

По высочайше утвержденному решению определено: Андрузского, в уважение того, что слишком молод и летами и душою, искренно повинился в своих преступлениях, хотя является пылким украинофилом, говоря, что он никогда не отступится ни от малороссийского языка, ни от любви к своей родине, отправить для окончания курса наук в Казанский университет, и потом определить на службу в великороссийские губернии, с учреждением за ним, и во время учения и потом на службе, строгого надзора, а также не увольнять его в Малороссию.

При этом, с высочайшего разрешения, назначено Андрузскому 200 руб. серeб[ром] на обмундирование и первоначальное обзаведение. Монаршая воля сия исполнена 30 мая 1847 г.

Ч. VIII, арк. 126—128. Оригінал.

№ 520

1847 р. травня 30 [157].— ПРИПИС О. Ф. ОРЛОВА ПОРУЧИКУ ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ НІКОЛАЄВУ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В КАЗАНЬ

Секретно

Поручику С.-П[етер]бургского жандармского дивизиона Николаеву

мая 1847, № 881

По высочайшему велению, предписываю вашему благородию, приняв из III отделения с. е. и. в. канцелярии студента Егора Андрузского, отвезти его, под строгим присмотром, и сколь возможно сохраняя тайну, в Казань;

там представить как его, так и вручаемый вам пакет, со вложенными 400 руб. сер[ебром] г-ну и. д. попечителя Казанского учебного округа дей[ствительному] ст[атскому] сов[етнику] Лобачевскому [158] и, возвратившись в С.-Петербург, донести мне об исполнении.

Под[писал]: генерал-адъютант гр. Орлов
Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. VIII, арк. 129. Відпуск.

№ 521

1847 р. травня 30.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО В.О. ПОПЕЧИТЕЛЯ КАЗАНСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ М. І. ЛОБАЧЕВСЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО НАПРАВЛЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ТА І. Я. ПАСЯДИ ДЛЯ ПРОДОВЖЕННЯ НАВЧАННЯ ПІД СУВОРИМ ПОЛІЦЕЙСЬКИМ НАГЛЯДОМ

Секретно

Его превосход[ительст]ву Н. И. Лобачевскому

30 мая 1847, № 880

М[илостивый] г[осударь] Николай Иванович!

При производстве следствия об Украйно-Славянском обществе, составлявшемся в Киеве, между прочим оказалось следующее:

1. Студент Киевского университета Егор Андрузский сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании в России, доходя в последних до мысли об учреждении республики. Во время производства следствия делал неосновательные показания, увеличивая вину некоторых или называя членами общества лиц, вовсе не принадлежащих к оному; но после очных ставок, признал неправильность первого показания, и с искреннейшим раскаянием испрашивал прощения. Он еще обнаружил себя пламенным украинофилом и даже в последнем объяснении своем упомянул, что никогда не отступится ни от малороссийского языка, ни от любви к Украйне.

2. Студент того же университета Иван Посяда в составляемых им проектах просьб и записок, содержание которых, впрочем, не распространял, выражал плач о бедственном, будто бы, положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами, а при конце производства означенного следствия, подобно Андрузскому, принес искреннее сознание, что некоторые обстоятельства в первом его показании были преувеличены.

Государь император высочайше повелеть соизволил: Андрузского, в уважении того, что он слишком молод и летами, и душою, при том же искренно повинился в своих преступлениях, отправить для окончания курса наук в Казанский университет и потом определить в гражданскую службу в великороссийские губернии и с учреждением за ним, и во время учения, и потом на службе строгого надзора, не увольняя его в Малороссию. Посяде вменить в наказание содержание под арестом и отправить его также в Казанский университет для окончания курса, а после определить в гражданскую службу в великороссийские губернии. Кроме того, Андрузскому и Посяде выдать по 200 руб. серeб[ром] каждому на обмундирование и первоначальное обзаведение.

О таковой монаршей воле, уже сообщенной мною г-ну министру народного просвещения, уведомляя ваше превосходительство для надлежащего распоряжения, и присовокупляя, что Андрузский вместе с сим отношением

и пожалованными ему и Посяде деньгами всего 400 руб. сереб[ром] будет представлен к вам поручиком с.-петербургского жандармского дивизиона Николаевым, которому поручено отвезти его в Казань, Посяда же будет доставлен другим жандармским офицером, поручиком Седаком. Имею честь покорнейше просить вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли приказать, дабы упомянутые деньги были выдаваемы Андрузскому и Посяде ближайшим начальством по мере их надобности. О принятии же вами Андрузского и получении означенных денег удостоить меня уведомлением.

Примите увер[ения] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Ч. VIII, арк. 130—133. Відпуск.

№ 522

1847 р. травня 30.— ЗАПИС КАНЦЕЛЯРІЇ III ВІДДІЛЕННЯ ПРО РОЗПОРЯДЖЕННЯ ВСТАНОВИТИ НАГЛЯД ЗА Г. Л. АНДРУЗЬКИМ ТА О. О. НАВРОЦЬКИМ

30 мая 1847 р. № 887 и 914 предписано начальнику 7 [-го] округа корпуса жандармов об учреждении строгого наблюдения за Андрузским, с тем чтобы чрез каждые шесть месяцев было доносимо о его поведении. Отпуски с сих предписаний находятся в деле о Навроцком [159].

Ч. VIII, арк. 134. Відпуск.

№ 523

1847 р. червня 9.— ВІДНОШЕННЯ ПОПЕЧИТЕЛЯ КАЗАНСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ М. І. ЛОБАЧЕВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВЛАШТУВАННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ТА І. Я. ПАСЯДИ В УНІВЕРСИТЕТ

Секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

9 июня 1847 г., № 18, Казань

Ответ на № 880 и 885

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Препровожденные при отношениях вашего сиятельства 30 минувшего мая за № 880 [160] и 885 [161], вследствие высочайшего повеления, студенты Киевского университета Егор Андрузский и Иван Посяда прибыли в Казань, первый 7, и последний 8 чисел сего июня и представлены ко мне — Андрузский с.-петербургского жандармского дивизиона поручиком Николаевым, а Посяда — поручиком Седаком; деньги, пожалованные Андрузскому и Посяде по 200 руб. серебром, всего 400 руб. на обмундирование и первоначальное обзаведение, мною получены 7 числа и записаны по кассовой книге канцелярии попечителя учебного округа в приход в статье 34.

Сделав распоряжение для помещения Андрузского и Посяды в общей квартире студентов университета под строгий надзор ближайшего их начальства впредь до времени, когда сделается известным, могут ли они обучаться в университете на своем содержании или потребуется оказывать им пособие от университета и препроводив пожалованные им деньги в правле-

ние университета для употребления по назначении, считаю долгом довести о том до сведения вашего сиятельства.

С отличным уважением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

Николай Лобачевский

Ч. VIII, арк. 135. Оригінал.

№ 524

1847 р. червня 18.— РАПОРТ ПОРУЧИКА ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ЖАНДАРМСЬКОГО ДИВІЗІОНУ НІКОЛАЄВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В КАЗАНЬ

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову
С.-Петербургского жандармского дивизиона
поручика Николаева

Рапорт

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 30 минувшего мая № 881 [162] имею честь почтительнейше донести, что принятый мною из III отделения с. е. и. в. канцелярии студент Егор Андрузский в г. Казань доставлен мною 7 июня благополучно, где и сдан г-ну и. д. попечителя Казанского учебного округа действительному статскому советнику Лобачевскому с пакетом со вложенными в оный деньгами 400 руб. серебром. В принятии от меня его, Андрузского, и пакета с деньгами имею честь представить при сем вашему сиятельству полученную мною квитанцию за № 378 [163].

Поручик Николаев

18 июня 1847 г., № 1, С.-Петербург.

Помітка про одержання: 18 июня 1847 г.

Ч. VIII, арк. 136. Оригінал.

№ 525

1847 р. червня 7.— РЕЄСТР РЕЧЕЙ І ГРОШЕЙ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Реестр препровождаемых, пакету, вещам и деньгам

Секретный пакет на имя его превосходительства Николая Ивановича Лобачевского за № 880 [164] со вложением 400 руб. серебром. При сем следует студент Андрузский.

Разные вещи и деньги 8 руб. 25 коп. серебром, принадлежащие собственно студенту Андрузскому.

Расписка в принятии. Пакет и деньги 400 руб. серебром приняты 7 июня 1847 г.

Управляющий Казанским учебным округом Лобачевский
Генерал-лейтенант Дубельт

І. VIII, арк. 137. Оригінал.

№ 526

1847 р. червня 8.— КВИТАНЦІЯ, ВИДАНА ПОМІЧНИКОМ ІНСПЕКТОРА КАЗАНСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ О. ЗАММЕРОМ ПОРУЧИКУ НІКОЛАЄВУ, ПРО ПРИЙНЯТТЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ДО УНІВЕРСИТЕТУ

Квитанция № 378

Дана сия с.-петербургского жандармского дивизиона поручику Николаеву в том, что доставленный им из С.-Петербурга в Казанский императорский университет студент Киевского университета Георгий Андрузский мною 7 июня сего 1847 г. в 2 часа пополудни принят и претензии студентом Андрузским на поручика Николаева никакой не объявлено; в чем подписом с приложением казенной печати удостоверяю.

Казань, июня 8 дня, 1847 г.

И. д. инспектора студентов императорского Казанского университета, помощник Александр Заммер

Ч. VIII, арк. 138. Оригінал.

№ 527

1847 р. червня 7.— РЕЄСТР РЕЧЕЙ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО, ПРИВЕЗЕНИХ З НИМ ДО КАЗАНІ

Реестр вещам студента Киевского университета Георгия Андрузского, прибывшего в Казанский университет июня 7 дня 1847 г.

1. Сюртук форменный, темнозеленого сукна с пуговицами и при нем брюки серого сукна — 1
2. Сюртук форменный с брюками темнозеленого сукна, ветхий — 1
3. Мундир форменный с брюками темнозеленого сукна, новые — 1
4. Шинель форменная темносерого сукна, на фланели, поношенная — 1
5. Фуражка форменная — 1
6. Рубах холщевых — 5
7. Подштанников холщевых — 5
8. Получулок нитяных (шесть пар) — 6
9. Панталон летних белых:
   ревендуковые — 1
   холщевые — 1
10. Платков носовых белых — 2
11. Полотенец утиральных браного холста — 2
12. Наволочка подушечная холщевая ветхая — 1
13. Сапог две пары — 2
14. Калош одна пара — 1
15. Тулуп овчиный нагольный — 1
16. Шапка теплая с меховым околышем — 1
17. Халат, материи терполама, летний, поношенный — 1
18. Брюки трековые — 1
19. Чемодан кожаный старый — 1

Книг:

20. Грамматика Востокова [165] русская пространная — 1
21. Правило стихосложения — 1
22. Краткое руководство к логике с очерком психологии — 1
23. Грамматика Греча [166] пространная — 1

Кроме того, денег: 8 руб. 25 коп. серебром.

За инспектора студентов: помощник Александр Заммер

Ч. VIII, арк 139. Оригінал.

№ 528

1847 р. червня 11.— ЛИСТ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ДО ПОПЕЧИТЕЛЯ КАЗАНСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ М. І. ЛОБАЧЕВСЬКОГО ПРО НЕПРАВДИВІСТЬ СВОЇХ ПЕРШИХ СВІДЧЕНЬ

Ваше превосходительство!

Милость царская ко мне превзошла все мои ожидания: карать благодеянием — истинно царская кара! И всеми силами постараюсь загладить прошедшее. Но с горестью я заметил, что мои первые показания все еще имеют силу.

Доверяюсь вашему превосходительству, как бы лучшему отцу и другу; клянусь богом, что они не имеют никакого основания: боязнь за себя и стечение непонятных, странных обстоятельств породили их. Доказать это очень легко.

Кулиша я только первый раз видел на очной ставке, Гулака — не более четырех раз. У Костомарова последние 5 месяпев вовсе не был, и прежде очень редко и мимоходом; самого Шевченко после вакаций только раз и видал. Так и со всеми: откуда ж я мог знать то, что написал о них? Не упомяну уже о Посяде, мне совестно и вспомнить о моих показаниях.

Вторые мои показания клятвенно признаю действительными. Ваше превосходительство! Я худо начал жизнь: проступком против моего милостивого государя и клеветою на лица, мне малоизвестные, или известные с благородной стороны. Помогите же мне загладить эти проступки, и сделаться достойным сыном нашего великого отечества и верным слугою царя.

Ваше превосходительство! Я желал бы (несмотря на мое расстроенное и слабеющее зрение) поступить на камеральный факультет, чтобы впоследствии хоть чем-иибудь оправдать милость царскую и содействовать к благу России.

Ваше превосходительство! Я надеюсь вашими стараниями поступить на казенный счет, а дальнейшей жизнью хоть сколько можно загладить прошлое.

И за сим в полной надежде на вас, ваше превосходительство, честь имею быть ваш покорнейший слуга

Г. Андрузский

1847 г., 11 июня, Казань.

Вы меня называли Гришею, и я не могу не считать вас как бы вторым отцом моим.

Ч. VIII, арк. 140. Автограф.

№ 529

1847 р. червня 24.— ВІДНОШЕННЯ КИЇВСЬКОГО, ПОДІЛЬСЬКОГО І ВОЛИНСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ПОВЕРНЕННЯ О. АНДРУЩЕНКОВІ ЛИСТА

Секретно

Его сия[тельст]ву гр. А. Ф. Орлову

24 июня 1847, № 91, Кнев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Возвращенное при отношении вашего сиятельства от 30 мая № 904 [167] письмо на имя студента Киевского университета Александра Андрущенка,

со вложением трех руб. серебром, мною получено и отправлено по принадлежности.

Уведомляя о сем ваше сиятельство, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности

Дмитрий Бибиков

Помітка про одержання: 7 июля 1847

Ч. VIII, арк. 141. Оригінал.

№ 530

1847 р. липня 5.— ВІДНОШЕННЯ КИЇВСЬКОГО, ПОДІЛЬСЬКОГО І ВОЛИНСЬКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Д. Г. БІБІКОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ЛИСТ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО, В ЯКОМУ ТВЕРДИТЬ, ЩО НЕПРАВДИВІ СВІДЧЕННЯ ВІН ДАВ У РЕЗУЛЬТАТІ НАМОВЛЯНЬ ПОМІЧНИКА ІНСПЕКТОРА СТУДЕНТІВ ТРОЦЬКОГО-СЕНЮТОВИЧА

Весьма секретно

Его сия[тельств]ву гр. А. Ф. Орлову

5 июля 1847 г., № 104, Киев

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Попечитель Киевского учебного округа от 3 июля, препроводил ко мне полученное им из Казани письмо от бывшего студента Андрузского [168], в котором он, отвергая справедливость деланных им на допросах показаний, объявляет, что причиною преувеличения и несправедливости его показаний были наущения помощника инспектора студентов Троцкого-Сенютовича [169]. Причем попечитель присовокупил, что поводом к таковому было, вероятно, то, что во время содержания Андрузского, под арестом в университете, он находился под личным надзором сего чиновника, которому поручено было увещевать его к откровенности и искренности в показаниях и в ответах на вопросы, какие ему сделаны будут.

Долгом поставляю почтеннейше довести о сем до сведения вашего сиятельства с представлением помянутого письма и покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Дмитрий Бибиков

Резолюція О. Ф. Орлова: объявить, чтобы не писал.

Ч. VIII, арк. 142. Оригінал.

№ 531

1847 р. червня 8.— ЛИСТ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ДО ПОПЕЧИТЕЛЯ КИЇВСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ ТРАСКІНА, В ЯКОМУ ВІН ЗАСУДЖУЄ СВОЇ ПЕРШІ СВІДЧЕННЯ ЯК НЕПРАВДИВІ

Ваше превосходительство!

После того, что я сделал, мне совестно и писать к вам. Зная ваше благородное сердце, едва ли могу надеяться, чтобы мои поступки глубоко не огорчили вас: я, худший из студентов, оклеветал людей мне почти неизвестных, но достойных уважения. Оклеветал из-за самосохранения и по глупости. Тем более это теперь тяготит меня, что мои неосновательные, детские показания, сколько я вижу, имеют сильный вес.

Видевшись с Костомаровым всего только раза три, четыре, зная только, что он напечатал Славянскую мифологию кирилловскими буквами,

и что прошлого года предполагал издавать, с дозволения правительства, журнал, я о нем насказал того, что заставило его изумиться и содрогнуться. Кулиша я вовсе не видал и почти ничего не слыхал о нем, а что наговорил: Кулиш ничего и знать не хотел, кроме Малороссии и Гетманщины. И чем это подтвердил? Пустою книжонкой «Повесть русского народа для детей», которой мои детские показания придали что-то ужасное.

О студенте Посяде сказал: Посяда, во чтобы то ни сталось, хотел преобразовать крестьянство, ненавидел дворян, монархизм, хотел шляхту обратить в православие, завесть училища и... Как я, так коротко его знавший, мог это сплесть, сам не постигаю? Без сомнения, я был причиною его вызова в Петербург. Не зная вовсе образа мыслей Шевченки, я его поставил едва не первым злодеем в целом мире единственно из-за того, что он написал вольные стихи, которые сам же после хотел уничтожить. Словом: Гулак, Навроцкий, Маркович — все и все, о чем только меня спрашивали, было мною очернено. Наконец, самое показание о славянщине и Гетманщине. Все, что слыхал от наушничаний суд-инспектора Троцкого и при допросах, о чем только меня спрашивали, я преувеличил до нельзя и приписал разным лицам без оснований. Недоставало только обвинить их в наборе войск. И что еще более: эти люди не имели времени и на очных ставках оправдаться. Изумление было принято за страх, а двухминутная ставка не дала возможность объясниться делу, и собственное мое признание было почтено за сострадание к ним. Этим я и этих людей погубил, и заклеймил наш университет, и вас самого, ваше превосходительство, как попечителя Киевского учебного округа, поставил в неприятное положение. Если есть еще возможность исправить зло, мной наделанное, я уверен, что ваше превосходительство не преминете употребить все усилия. Ваше благородное сердце внушит вам необходимое. Я теперь в Казанском университете, покорнейше прошу ваше превосходительство указать выслать мои документы и бумаги здешнему начальству.

Пред вами прошу у всех студентов киевских если не прощения, то хоть сострадания ко мне. Не могу не упомянуть, что виною моего проступка суд-инспектор Троцкий: он наделил меня теми прекрасными показаниями, которые я впоследствии показал.

Вероятно, ваше превосходительство, пожелаете узнать, откуда он их почерпнул.

Вполне полагаясь на ваше превосходительство, честь имею быть ваш покорнейший слуга.

Г. Андрузский

1847 г., 8 июня, Казань

Ч. VIII, арк. 143—144. Автограф.

№ 532

1847 р. липня 17.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ С. С. УВАРОВА З ПРОХАННЯМ ПОПЕРЕДИТИ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО, ЩОБ ВІН НЕ РОЗГОЛОШУВАВ ПРО КИРИЛО-МЕФОДІЇВЦІВ І СЛІДСТВО НАД НИМИ

Секретно

Его сия[тельст]ву гр. С. С. Уварову

17 июля 1847, № 1205

М[илостивый] г[осударь] гр. Сергей Семенович!

Киевский военный губернатор г-н генерал-адъютант Бибиков доставил ко мне письмо, полученное попечителем Киевского учебного округа от

студента Казанского университета Андрузского [170], который в этом письме объясняет о лицах, прикосновенных к делуУкрайно-Славянского общества, о допросах его и данных им первоначальных ложных показаниях.

Сообщая о сем вашему сиятельству, имею честь покорнейше просить вас, милост[ивый] госуд[арь], не изволите ли приказать объявить Андрузскому, дабы он не осмеливался никому объявлять нн пнсьменно, ни словесно на счет лиц, допросов, показанй его и вообще ничего, относящегося до упомянутого секретного дела, внушив ему, что если он дозволит себе еще подобные объявления, то подвергнется строгой ответственности. Примите увер[ения] и проч[ее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. VIII, арк. 145—146. Відпуск.

№ 533

1847 р. липня 22.— ЛИСТ О. Ф. ГОЛІЦИНА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ Г. Л. АНДРУЗЬКОМУ ЛИСТУВАТИСЬ З БАТЬКОМ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федоровнч!

Отставной майор Лев Андрузский, при всеподданнейшем прошении, поступившем 19 сего июля, представляя письмо сына его Георгия [171], находящегося в Казанском университете, в коем он сознается в ложных доносах, по коим поименованные в письме лица подвергнуты наказанням, просит объявить ему о преступлениях сына, равно дозволить ему нметь с ним переписку.

Просьбу сию [172], вместе с письмом, имею честь препроводить при сем к вашему сиятельству, по принадлежности, возобновляя увереннe в совершенном моем почтении и преданности.

Кн. Александр Голицын

22 июля 1847, № 4278

Резолюція О. Ф. Орлова: Можно писать, но пусть посоветует.

Помітка про одержання: 24 июля 1847.

Ч. VIII, арк. 147. Оригінал.

№ 534

1847 р. червня 10.— ЛИСТ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ДО БАТЬКА Л. В. АНДРУЗЬКОГО, В ЯКОМУ ГОВОРИТЬ ПРО СВОЇ ПЕРШІ НЕПРАВДИВІ СВІДЧЕННЯ

Милый папенька!

Теперь только вполне понимаю цену вашим роднтельским наставлениям, которых я преслушался. Занимаясь учением, я не попал бы сюда, в Казань, и что еще важнее, не вовлек бы за собою в гибель невинных людей, мной оклеветанных.

Пр[оф.] Костомаров, Гулак, Кулиш, Навроцкий, Маркович, Посяда, Белозерский — погибли чрез мои лживые доносы. Сам Шевченко мог ожидать милости царской, мной потоплен. Как это случилось — недостает у меня твердостн высказать. При одном воспоминании об этом деле моем

содрогаюсь! Черная страница навсегда покрыла мое прошедшее и омрачила будущее.

Милость царская только еще более дала мне почувствовать мою черноту. Желая, хоть по возможности отблагодарить государю, я решился во чтобы то ни стало, несмотря на всю слабость здоровья и зрения, продолжать университетский курс в Казани. Но никакие мои усилия не могут уже спасти мной погубленных. Гнев божий явно надо мной тяготеет. Пожалейте о вашем несчастном и недостойном сыне Георгие.

Сердце мое хоть утешает надежда, что мои братья и сестры не последуют моим путем и заменят, утешат в погибели сына — погибели.

1847 г., 10 июни, Казань

Адреса: Его высокоблагородию Льву Владимировичу Андрузскому.
Полтавская губерния, Пирятинский уезд, село Вечорки

Помітка про одержання: получено нюля 6 1847 г.

Ч. VIII, арк. 148—149. Автограф.

№ 535

1847 р. липня 10.— ПРОХАННЯ Л. В. АНДРУЗЬКОГО НА ІМ'Я МИКОЛИ І ПРО ДОЗВІЛ ЛИСТУВАТИСЬ З СИНОМ Г. Л. АНДРУЗЬКИМ

Всеавгустейший монарх!
Всемилостивейший государь!

По одним слухам известно мне, что сын мой Георгий, воспитывавшийся в Киевском университете св. Владимира, впал в какое-то преступное заблужденне, но милосердием вашего и. в. не только избавлен от наказания, но даже взыскан милостию.

Убийственно для родительского сердца видеть дитя свое, разрушающим все попечення о нем отца и все надежды на его будущность. Но еще горестнее и еще убийственнее верноподданному вашего и. в. преступные заблуждения юноши, который от колыбели имел постоянным уроком священную преданность престолу, царю и отечеству. Мне неизвестно в точности преступленне моего сына: обвинен, оправдан или помилован он. Я до ныне не смел спросить об этом, но 6 чнсла настоящего июля я получил от этого заблудшего юноши пнсьмо нз Казанн, которое при неизвестности моей о роде настоящей вины его для меня непонятно, по побужда[те]льному смыслу письма быть может заключает в себе виновность, потому я считаю священным долгом в оригинале и даже с конвертом, в котором оно получено, повергнуть к стопам вашего и. в. на всемнлостивейшее усмотрение, и как отец моего сына и верноподданый всемилостивейшего моего государя осмеливаюсь просить не о помиловании сына моего. Если он преступник, по объявлении мне преступления его, и дозволено ли будет мне иметь с ним перепнску. Всемилостивейший государь, вашего и. в. верноподданый.

Отставной майор
Лев Владнмиров сын Аидрузский

Жнтельство имею Полтавской губ., Пирятинского уезда в с. Вечерках.

10 июли 1847 г.

Ч. VIII, арк. 150—151. Оригінал.

№ 536

1847 р. липня 28.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ПЕТЕРБУРЗЬКОМУ ОБЕР-ПОЛІЦМЕЙСТЕРУ С. О. КОКОШКІНУ ПРО ДОЗВІЛ Л. В. АНДРУЗЬКОМУ ЛИСТУВАТИСЬ З СИНОМ ПРИ УМОВІ, ЩО ОСТАННІЙ В ЛИСТАХ НЕ БУДЕ ЗГАДУВАТИ ПРО КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКЕ ТОВАРИСТВО

Секретно

Его превосход[ительству] С. А. Кокошкину

28 июля 1847, № 1272

М[илостивый] г[осударь] Сергей Александрович!

Жительствующий в Пирятинском уезде Полтавской губ. отставной майор Лев [173] Андрузский в присланной на высочайшее имя просьбе ходатайствует о дозволении ему иметь переписку с удаленным по высочайшему повелению из Киева в Казань сыном его Егором Андрузским.

Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не изволите ли приказать объявить майору Андрузскому, что он может иметь переписку с своим сыном, но чтобы он от себя дал совет ему, отнюдь не помещать в письмах своих никаких обстоятельств из секретного дела об Украйно-Славянском обществе, к которому он, Егор Андрузский, был прикосновен, и что в противном случае сын его будет подвергнут строжайшей ответственности. Примите увер[ения] и про[чее].

Под[писал] гр. Орлов

Верно: надворный советник Нордстрем

Ч. VIII, арк. 152. Відпуск.

№ 537

1847 р. серпня 9.— ДОНЕСЕННЯ ПЕТЕРБУРЗЬКОГО ОБЕР-ПОЛІЦМЕЙСТЕРА С. О. КОКОШКІНА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ТЕ, ЩО ВІН ПОВІДОМИВ Л. В. АНДРУЗЬКОМУ УМОВИ, ЗА ЯКИХ ВІН МОЖЕ ЛИСТУВАТИСЬ ІЗ СИНОМ

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Имею честь уведомить ваше сиятельство, что по получении почтеннейшего отзыва вашего, милостивый государь, от 28 минувшего июля за № 1272 [174], касательно объявления майору Андрузскому, что он может иметь переписку с сыном своим, удаленным в г. Казань, на предложенном вами условии, я вместе с сим сообщал о том начальнику Полтавской губ. для надлежащего исполнения.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

С. Кокошкин

9 августа 1847 г., № 95, Харьков

Помітка про одержання: 18 августа 1847.

Ч. VIII, арк. 153. Оригінал.

№ 538

1847 р. серпня 19.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ПОПЕРЕДЖЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ЗБЕРІГАТИ В ТАЄМНИЦІ ВІДОМОСТІ ПРО КИРИЛО-МЕФОДІЇВСЬКЕ ТОВАРИСТВО

Секретно

Его сият[ельств]ву гр. А. Ф. Орлову

19 августа 1847, № 1084

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Считаю обязанностью уведомить ваше сиятельство, что, вследствие отношения вашего ко мне от 17 минувшего июля за № 1205 [175], студенту Казанского университета Андрузскому объявлено, чтобы он не осмеливался никому сообщать ни письменно, ни словесно, под опасением строгого взыскания, ничего относящегося до секретного дела об Украйно-Славянском обществе, по коему он был допрошен; в чем и взята от него подписка.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности

гр. Уваров

Помітка про одержання: 21 августа 1847 г.

Ч. VIII, арк. 154. Оригінал.

№ 539

1847 р. грудня 24.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ПРОХАННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ЗВІЛЬНИТИ ЙОГО ВІД НАВЧАННЯ В КАЗАНСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТІ ЗА СТАНОМ ЗДОРОВ'Я

Секретно

24 декабря 1847, № 1576

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Во исполнение сообщенного мне в отношении вашего сиятельства от 30 мая сего года за № 897 [176] высочайшего повеления, бывший студент университета св. Владимира Андрузский отправлен был для окончания курса наук в Казанский университет с учреждением за ним строгого надзора.

Ныне попечитель Казанского учебного округа доносит мне, что вследствие поданного Андрузским прошения об увольнении его из университета по причине тупеющего с каждым днем зрения, он подвергаем был свидетельству через посредство медицинского факультета [177].

Из этого свидетельства, в подлиннике у сего препровождаемого [178], видно, что он признается не только не способным продолжать учение, но и бесполезным для всякой службы. Посему попечитель, не видя никакой пользы в дальнейшем пребывании Андрузского в университете [179], просит разрешения об увольнении его из оного с назначением места, куда он должен быть отправлен.

Усматривая из вышеозначенного отношения вашего сиятельства, что он, по окончании курса наук, должен поступить на службу в одну из великороссийских губерний с учреждением за ним и на службе строгого надзора, покорнейше прошу вас, милостивый государь, меня уведомить о

мерах, как государю императору угодно будет повелеть принять в настоящем случае [180].

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности

гр. Уваров

Резолюція О. Ф. Орлова: в одну из велик[ороссийских] губ.

Примітка про одержання: 25 декабря 1847

Ч. VIII, арк. 155. Оригінал.

№ 540

1847 р. серпня 4.— СВІДОЦТВО МЕДИЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ КАЗАНСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ ПРО СТАН ЗДОРОВ'Я Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Свидетельство

Вследствие предложения его превосходительства г-на управляющего Казанским учебным округом помощника попечителя от 29 июля 1847 г. за № 3122, в медицинском факультете императорского Казанского университета было произведено свидетельство студенту Киевского университета Егору Андрузскому, поступившему по высочайшему повелению в Казанский университет. При сем оказалось, что у г-на Андрузского: 1) находится неизлечимое потемнение правого глаза (macula cornem leucomatosa) с выпотением в задней глазной камере и сращением (synechia posterior), а левый глаз поражен хроническим воспалением сосудистой оболочки (chorioideitis), которое, хотя в течение весьма продолжительного времени и может быть излечено, но не может быть уничтожено расположение к возобновлению оного; 2) других недостатков в телесном его сложении никаких нет. Почему факультет и признает г-на Андрузского не только неспособным продолжать с успехом учение в университете, но и бесполезным для всякой службы, исполнение обязанностей которой соединено с напряжением зрения. В удостоверение чего и составлено сие свидетельство за надлежащим подписом и с приложением факультетской печати.

Августа 4 дня 1847 г.

Декан медицянского факультета Дмитрий Протопопов [181]
Проф. Александр Леитовский [182]
Проф. Иван Линдгрен [183]
Проф. Франц Елечич [184]
Проф. Александр Китер [185]
Э[кстро]-о[рдинарный] проф. Г. И. Блосфельд
Секретарь медицинского факультета Иван Дмитриевский [186]

Ч. VIII, арк. 156. Оригінал.

№ 541

1847 р. грудня 30.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО З УНІВЕРСИТЕТУ ЗА СТАНОМ ЗДОРОВ'Я

О студенте Андрузском. Министр народного просвещения, вследствие полученного им от попечителя Казанского учебного округа донесения, уведомляет меня, что высланный для окончания курса наук в Казанский

университет, воспитывавшийся прежде в университете св. Владимира, студент Андрузский просит об увольнении его из упомянутого университета по причине тупеющего с каждым днем зрения его; что Андрузский подвергаем был свидетельству медицинского факультета, которым признано, что студент этот не только не способен продолжать учение, но и бесполезен для всякой службы, и что попечитель, не видя никакой пользы в дальнейшем пребывании Андрузского в университете, просит разрешения об увольнении его из онаго с назначением места, куда он должен быть отправлен.

По сделанной справке оказалось, что студент Андрузский был прикосновен к делу об Украйно-Славянском обществе, сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании. При допросах же во всем сознался, а потому, в уважение раскаяния и молодости его, в исходе мая, по высочайшему повелению, он отправлен в Казанский университет для окончания курса наук, с тем, чтобы потом он был определен на службу в великороссийские губернии, с учреждением за ним и во время учения, и на службе строгого надзора и с воспрещением увольнять его в Малороссию.

Всеподданнейше докладывая о сем вашему и. в., я полагал бы, уволив Андрузского из Казанского университета, отправить его, согласно прежнему высочайшему повелению, на службу в одну из великороссийских губерний, с учреждением за ним строгого надзора и с воспрещением отпусков в Малороссию. На таковое мнение осмеливаюсь испрашивать высочайшего разрешения вашего и. в.

Подписал генерал-адъютант гр. О р л о в
Скрепил генерал-лейтенант Д у б е л ь т
Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Д у б е л ь т

30 декабря 1847 г.

Помітка: на подлинном собственною генерал-адъютанта гр. Орлова рукою написано карандашом: «Высочайше разрешено».

Верно: г[енерал]-л[ейтенант] Д у б е л ь т

Ч. VIII, арк. 157—158. Копія.

№ 542

1847 р. грудня 29.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО АРЕШТ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО НА ОДНУ ДОБУ В КАЗАНСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТІ

Секретно

Его сият[ельству] гр. А. Ф. Орлову

29 декабря 1847, № 1590

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Г-н попечитель Казанского учебного округа донес мне, что студент Андрузский был арестован на одни сутки за самоуправство с служителем.

К сему нужным считаю присовокупить, что студент Иван Посяда, который вместе с Андрузским переведен был, по высочайшему повелению, из университета св. Владимира в Казанский университет, вел себя хорошо и ни в каких предосудительных поступках замечен не был.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

гр. У в а р о в

Помітка про одержання: 30 декабря 1847

Ч. VIII, арк. 159. Оригінал.

№ 543

1847 р грудня 31.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО З КАЗАНСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Секретно

Его высокопр[евосходительст]ву Л. А. Перовскому

31 декабря 1847, № 2178

М[илостивый] г[осударь] Лев Алексеевич!

Г-н министр народного просвещения сообщил мне, что находящийся в Казанском университете студент Андрузский, который, как известно вашему высокопр[евосходительст]ву из отношения моего от 30 мая, № 896 [187], был прикосновен к делу об Украйно-Славянском обществе, отправлен в Казань для окончания курса наук, просит об увольнении его из университета по причине тупеющего зрения его. По всеподд[аннейшему] докладу о сем, государь император высочайше повелеть изволил уволить Андрузского из университета и отправить его, согласно прежнему повелению, на службу в одну из великороссийских губерний, с учреждением за ним строгого надзора и с воспрещением отпусков в Малороссию.

Сообщая вашему высокопр[евосходительств]ву о таковой монаршей воле для зависящего распоряжения и покорнейше прося вас, м[илостивый] г[осударь], почтить меня уведомлением, в какую именно губернию будет назначен на службу Андрузский, имею честь присовокупить, что насчет же увольнения его из университета я ныне ж отнесся к г-ну министру народного просвещения. Примите увер[ения] и пр[очее].

Под[писал] гр. Орлов

Ч. VIII, арк. 160. Відпуск.

№ 544

1847 р. грудня 31.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ С. С. УВАРОВА ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО З КАЗАНСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. С. С. Уварову

31 декабря 1847, № 2177

Милостивый государь гр. Сергей Семенович!

Государь император по всеподданнейшему докладу моему отношения вашего сиятельства от 24 декабря, № 1576 [188], высочайше повелеть изволил уволить студента Андрузского из Казанского университета и отправить его, согласно прежнему решению, на службу в одну из великороссийских губерний, с учреждением за ним строгого надзора и с воспрещением отпусков в Малороссию.

Сообщая вашему сиятельству о таковой монаршей воле, для зависящего распоряжения по предмету увольнения Андрузского из университета, имею честь присовокупить, что на счет отправления его на службу я ныне же отнесся к г-ну министру внутренних дел [189]. Примите уверение и пр[очее].

Подписал гр. Орлов

Ч. VIII, арк. 161. Відпуск.

№ 545

1848 р. січня 3.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА НАРОДНОЇ ОСВІТИ С. С. УВАРОВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО РОЗПОРЯДЖЕННЯ ПОПЕЧИТЕЛЕВІ КАЗАНСЬКОГО УЧБОВОГО ОКРУГУ ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО З КАЗАНСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Секретно

Его сият[ельств]у гр. А. Ф. Орлову

3 января 1848, № 3

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие высочайшей воли, объявленной мне в отношении вашего сиятельства от 31 декабря минувшего года за № 2177 [190], об увольнении студента Андрузского из Казанского университета и об отправлении его, согласно с прежним решением, на службу в одну из великороссийских губерний, с учреждением за ним строгого надзора и с воспрещением отпусков в Малороссию, я, вместе с сим, дал надлежащее предписание г-ну попечителю Казанского учебного округа, о чем и считаю долгом уведомить ваше сиятельство.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности

Гр. Орлов

Помітка: к делу.

Помітка про одержання: 5 января 1848.

Ч. VIII, арк. 162. Оригінал.

№ 546

1848 р. січня 14.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО НА ПОСЕЛЕННЯ В м. ПЕТРОЗАВОДСЬК ОЛОНЕЦЬКОЇ ГУБЕРНІЇ

Его сият[ельств]у гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Вследствие отношения вашего сиятельства от 31 минувшего декабря [191] имею честь уведомить вас, милостивый государь, что для жительства находящегося в Казанском университете студента Андрузского я назначил г. Петрозаводск, и вместе с сим отнесся к г-ну казанскому военному губернатору об отправлении Андрузского к начальнику Олонецкой губ., которому дано также предписание о точном исполнении последовавшей об Андрузском высочайшей воли.

Покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Л. Перовский

14 января 1848 г., № 132

Резолюція О. Ф. Орлова: в Петрозаводске и Белозерский.

Помітка про одержання: 17 января 1848

Ч. VIII, арк. 163. Оригінал.

№ 547

1848 р. січня 20.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКУ 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ В ПЕТЕРБУРЗІ Д. П. ПОЛОЗОВУ ПРО ВСТАНОВЛЕННЯ ТАЄМНОГО НАГЛЯДУ ЗА Г. Л. АНДРУЗЬКИМ В м. ПЕТРОЗАВОДСЬКУ

Секретно

Его прев[осходительст]ву Д. П. Полозову

20 января 1848 г., № 104

Милостивый государь Данило Петрович!

В 1847 г. при производстве дела об Украйно-Славянском обществе, составлявшемся в Киеве, оказалось, что студент университета св. Владимира Егор Андрузский сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании в России, доходя в последних до мысли об учреждении республики; во время же производства следствия делал неосновательные показания, увеличивая вину некоторых или называя членами общества лиц, вовсе не принадлежавших к оному, но после очных ставок признал неправильность показания и с истинным раскаянием испрашивал прощения; сверх того, он обнаружил себя пламенным украйнофилом, и даже в последнем объяснении своем упомянул, что никогда не отступится ни от малороссийского языка, ни от любви к Украйне.

Андрузский в уважение раскаяния и молодости его, по высочайшему повелению, был отправлен в Казанский университет, для окончания курса наук, с тем, чтобы потом был определен на службу в великороссийские губернии, с учреждением строгого надзора и с воспрещением увольнять его в Малороссию.

Ныне Андрузский, по причине глазной болезни, препятствовавшей ему продолжать учение, на основании монаршей воли уволен из Казанского университета и г-ном министром внутренних дел учинено распоряжение об отправлении его, согласно прежнему повелению, на службу в г. Петрозаводск.

Сообщая о сём вашему превосходительству, предлагаю вам предписать иметь за Андрузским в Петрозаводскве с вашей стороны секретное наблюдение и через каждые шесть месяцев доносить мне о его поведении. Примите увереиие и проч[ее].

Подписал гр. О р л о в

Ч. VIII, арк. 164—165. Відпуск.

№ 548

1848 р. січня 14.— ДОНЕСЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 7-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ В КАЗАНІ О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ О. О. НАВРОЦЬКОГО, І. Я. ПАСЯДИ ТА Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

Генваря 14 дня 1848, Казань

На основании предписания вашего сиятельства от 31 мая 1847 г. за № 914 [192], вследствие полученных мною сведений от штаб-офицеров Вятской и Казанской губ., имею честь почтительнейше донести, что студент Навроцкий, во время шестимесячного содержания в Вятском тюремном остроге по 8 минувшего декабря, вел себя скромно и благородно. Студент Иван Посяда также вел себя хорошо.

Что касается до студента Егора Андрузского, то, по отзыву инспектора студентов Казанского университета к подполковнику Калугину, Андрузский оказывается человеком характера строптивого и поведения посредственного, при том же по болезненному его зрению ни к учебным занятиям, ни к службе гражданской не признает его способным.

Генерал-майор [193]
Секретарь 7-го класса [194]

Ч. VIII, арк. 166. Оригінал.

№ 549

1848 р. серпня 20.— ДОНЕСЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО НАСЛІДКИ НАГЛЯДУ ЗА Г. Л. АНДРУЗЬКИМ

Секретно

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

20 августа 1848, № 455, С.-Петербург

Олонецкий жандармский штаб-офицер подполковник кн. Мышецкий рапортом от 14 сего августа доносит мне, что высланный по высочайшему повелению на службу в Петрозаводск, под секретный надзор, студент Егор Андрузский находится ныне на службе в Олонецком губернском правлении и отправляет оную весьма усердно, образ жизни ведет тихий и уединенный, знакомство имеет весьма малое и вообще в действиях своих и в обращении с сослуживцами очень скромен и вежлив, и далек от всего того, что могло бы подать об нем заключение свободных мыслей [195].

О таковом донесении подполковника кн. Мышецкого, во исполнение предписания вашего сиятельства от 20 января сего года за № 104 [196], долгом считаю почтительнейше довести до вашего сведения.

Генерал-лейтенант П о л о з о в

Помітка про одержання: 23 августа 1848

Ч. VIII, арк. 167. Оригінал.

№ 550

1848 р. жовтня 26.— ВІДНОШЕННЯ ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. Е. ПИСАРЄВА ДО Л. В. ДУБЕЛЬТА ПРО ТЕ, ЩО ЗА СТАНОМ ЗДОРОВ'Я Г. Л. АНДРУЗЬКИЙ НЕ МОЖЕ ПРАЦЮВАТИ

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Прибыв в Петрозаводск, я нашел здесь известного вашему превосходительству Андрузского и вместе с тем узнал, что он ничего не делает в Губернском правлении, где состоит на службе. Я призвал его к себе и он объяснил мне, что не может работать по слепоте. Я велел его освидетельствовать и подлинник свидетельства долгом поставляю представить к вашему превосходительству. Всепокорнейше прося не оставить меня вашим наставлением, как я должен поступить в настоящем случае.

С чувством глубочайшего уважения и искренней преданности честь имею быть вашего превосходительства покорнейший слуга.

Н. П и с а р е в

26 октября 1848

Помітка про одержання: 31 октября 1848

Ч. VIII, арк. 168. Оригінал.

№ 551

1848 р. жовтня 12.— РАПОРТ ЛІКАРЯ ПЕТРОЗАВОДСЬКОЇ МІСЬКОЇ ЛІКАРНІ М. Д. ЛЕБЕДЄВА ОЛОНЕЦЬКОМУ ГУБЕРНАТОРУ М. Е. ПИСАРЄВУ ПРО ТЯЖКИЙ СТАН ЗДОРОВ'Я Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Его превосходительству г-ну олонецкому гражданскому
губернатору камергеру и кавалеру
Особого врача Петрозаводской градской
больницы Михаила Лебедева

Рапорт

По словесному приказанию вашего превосходительства, переданному мне г-ном петрозаводским полицеймейстером, кн. Хованским, освидетельствовать болезнь г-на Андрузского, которая будто бы препятствует ему заниматься своею должностию. Я имею честь свидетельствовать г-на Андрузского при г-не полицеймейстере кн. Хованском и нашел следующее: правый глаз в атрофическом состоянии (atrophin balbi ovali) и покрыт большим бельмом. Этим глазом г-н Андрузский ничего не может видеть. Левым глазом г-н Андрузский близорук в сильнейшей степени (myopia in summogradu) и этот глаз находится в подвоспалительном состоянии золотушного качества (in slala subinflammolori seroplalero). Для того чтобы сохранить последний глаз свой, г-н Андрузский не должен ничем напрягать свое зрение, не должен ни читать, ни писать, тем более, что он и без занятий, по моему мнению, может вскоре лишиться глаза от его золотушного худосочия, которое еще более развивается от здешнего холодного климата.

Особый врач градской больницы Михаил Лебедев

12 октября 1848 г., № 130

Помітка про одержання: 12 октября 1848 г.

Ч. VIII, арк. 169. Оригінал.

№ 552

1848 р. жовтня, не раніше 12.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО СТАН ЗДОРОВ'Я Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Олонецкий гражданский губернатор Писарев, сообщая, что служащий в Олонецком губернском правлении бывший студент Андрузский, по причине слепоты, ничего не делает, и что, по медицинскому освидетельствованию, он, для сохранения едва остающегося зрения, не должен ни читать, ни писать, спрашивает: как поступить в этом случае?

Справка. Быв студентом университета св. Владимира, Андрузский оказался прикосновенным к делу об Украйно-Славянском обществе, сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании; при допросах во всем сознался, но, обвиняя сначала товарищей своих во многих преступлениях, потом сам же оправдал их. В мае 1847 г., по высочайшему повелению, он был отправлен в Казанский университет для окончания курса наук, с тем, чтобы потом был определен на службу в великороссийские губернии, с учреждением за ним строгого надзора и с воспрещением увольнять его в Малороссию.

В исходе 1847 г. министр народного просвещения сообщал, что Андрузский, по слабому зрению, совершенно не способен продолжать учение. Вследствие этого, с высочайшего разрешения, он отправлен на службу в

Петрозаводск, с учреждением за ним строгого надзора и с прежним воспрещением увольнять в Малороссию.

Вслед за тем получены были сведения, что Андрузский в Казанском университете, за самоуправство с служителем, был арестован на одни сутки, и что, по отзыву инспектора студентов, он оказывался человеком характера строптивого и поведения посредственного. В Петрозаводске же, как доносил олонецкий жандармский штаб-офицер, Андрузский вел себя хорошо.

Резолюція Л. В. Дубельта: пусть там остается.

Ч. VIII, арк. 170—171. Оригінал.

№ 553

1848 р. листопада 6.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. Е. ПИСАРЄВА ПРО ЗАЛИШЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В ПЕТРОЗАВОДСЬКУ

Его пре[восходительств]у Н. Е. Писареву

6 ноября 1848, № 2010

М[илостивый] г[осударь] Николай Эварестович!

Письмо вашего превосходительства от 26 октября [197] о служащем, в Олонецком губернском правлении бывшем студенте Андрузском я имел честь докладывать г-ну ген[ерал]-ад[ъютанту] гр. Орлову и его сия[тельст]во изволил отозваться, что Андрузский, несмотря на болезненное состояние свое, должен оставаться на службе в Петрозаводске и заниматься исполнением его обязанностей по мере возможности.

Уведомляя о сем вам, м[илостивый] г[осударь], имею честь удостоверить в ист[инном] моем почтении и пред[анности].

Под[писал] Л. Дубельт

Ч. VIII, арк. 172. Відпуск.

№ 554

1949 р. лютого 6.— ДОНЕСЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Секретно

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

6 февраля 1849, № 80, С.-Петербург

Олонецкий жандармский штаб-офицер подполковник кн. Мышецкий от 1 сего февраля доносит, что находящийся на службе в Олонецком губернском правлении в числе канцелярских чиновников студент Казанского университета Егор Андрузский служит весьма усердно, живет тихо и уединенно, поведения очень скромного и не заметно ничего, чтобы могло служить поводом к невыгодному об нем заключению [198].

О чем, во исполнение предписания от 20 января 1848 г. за № 104 [199], имею честь почтительнейше довести до сведения вашего сиятельства.

Генерал-лейтенант Полозов

Помітка про одержання: 8 февраля 1849.

Ч. VIII, арк. 173. Оригінал.

№ 555

1849 р. липня 20.— ДОНЕСЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО ПОВЕДІНКУ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Секретно

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

20 июля 1849, № 340, С.-Петербург

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 20 января 1848 г. за № 104 [200], имею честь почтительнейше донести, что состоящий в г. Петрозаводске под надзором студент Казанского университета Егор Андрузский, как доносит мне рапортом от 12 сего июля олонецкий жандармский штаб-офицер подполковник кн. Мышецкий, продолжает службу и доныне в Олонецком губернском правлении в числе канцелярских чиновников, ни в чем предосудительном не замечен, нравственности хорошей, ведет себя очень скромно, по болезненному состоянию не знакомится ни с кем и, занимаясь чтением учебных книг, живет уединенно. По службе же исполнителен и со всеми вежлив, а к старшим, как должно быть, и почтителеи.

Генерал-лейтенант Полозов

Помітка про одержання: 22 июля 1849 г.

Ч. VIII, арк. 174. Оригінал.

№ 556

1850 р. січня 8.— ДОНЕСЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА О. Ф. ОРЛОВУ ПРО НЕГАТИВНИЙ ВПЛИВ В. М. БІЛОЗЕРСЬКОГО НА Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Секретно

Шефу жандармов, командующему императорскою главною квартирою, г-ну генерал-адъютанту и кавалеру гр. Орлову

8 января 1850, № 10, С.-Петербург

От 20 января 1848 г. № 104 [201] ваше сиятельство предписать изволили мне сделать распоряжение о секретном со стороны корпуса жандармов наблюдении за уволенным из Казанского университета и отправленным в том же году, по распоряжению г-на министра внутренних дел, на службу в г. Петрозаводск студентом Егором Андрузским с тем, чтобы чрез каждые 6 месяцев доносить о его поведении.

Во исполнение чего олонецкий жандармский штаб-офицер подполковник кн. Мышецкий рапортом от 2 сего января доносит мне, что студент Андрузский, постоянно также тих и скромен, служит усердно и ведет себя хорошо, но что как он всегда был покровительствуем Белозерским, о котором я имел честь доносить вашему сиятельству от 21 ноября минувшего 1849 г. № 499 [202] и во всем подражал ему, то посему в настоящее время о чистоте нравственности Андрузского утвердительно сказать он, кн. Мышецкий, не может, присовокупляя, между прочим, что есть надежда, что молодые люди эти, за бдительным наблюдением начальника губернии, исправятся.

О чем и имею честь почтительнейше донести вашему сиятельству.

Генерал-лейтенант Полозов

Помітка про одержання: 9 января 1850

Ч. VIII, арк. 175—176. Оригінал.

№ 557

1843 р.— ПОЕМА П. О. КУЛІША «УКРАЇНА», ВИЯВЛЕНА ПІД ЧАС ОБШУКУ В Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

УКРАЇНА

Зложив Пантелеймон Куліш

Київ, 1843

До земляків

Кохані земляки!

Не було в світі люду (одважнішого) завзятішого й славнішого од греків і козаків: нема ж ні у кого й пісень (луччих) кращих, як у греків та в козаків. Був колнсь між греками тяжкорозумний чоловік Гомер. Він позбирав поміж народом стародавні пісні та й зложив з них дві книжки — Іліаду й Одісею. Отож минуло вже тому три тисячі літ, а ще й досі нема, та й може не буде луччої книжки на всім світі над ту Іліаду та Одісею (опріч святої Біблії), бо то видумала не одна голова, а ввесь люд грецький. Такі ж якраз пісні співають по селах і наші бандурники й кобзарі, що вже, що дальш, рідко де зуздриш. Співають вони про давню Вкраїну, про козацьку славу. Часом їх слухає божий люд, забувши всяку роботу, а часом, слухавши, й заплаче, як згадає їм сива голова старосвітську руїну та пожежу. Дуже гарні тії пісні, звуть їх бандурники думами; не було тільки чоловіка положить те на папір, щоб не згинуло з пам'яті людської. Отож, швендяючи не раз та й не два по рідній Україні, прислухувавсь я добре, як тії діди виспівують про Наливайка й мідного вола, про батька Богдана, як він постав на ляхів, про Нечая, про Морозенка [203] або про великого лицаря Палія [204]. Розпитував я в тих довгобородих, довгоусих, бандурників, сівши з ннми де-небудь під дубом над байраком, як воювали козаки, де проходили зо своїми бунчуками та хрещатнми корогвами; по одному, по два слові я у них випитував-вислухував і прикладував одно до другого. Думалось то так, щоб познаходить думи про всіх наших гетьманів та й зложить з них таку книжку, як Гомерова Іліада. Де вже я не виїздив по Вкраїні, кого вже я не розпитував, але ні, нема пісень про всіх гетьманів: позабували вже деякі й самі бандурники. Отож, я поміркувавши сам з собою добре, як би добавить тії (пропуски) промежі згадав усе, що чув про козаків од самих бандурників і старосвітських людей: згадав усю старовину, що позаписувано в літописах, як що колись діялось иа Вкраїні, та згадавши все те, та зібравши всі думки й гадки свої до купи, зложив оце старнми словеси новії думи про тих забутих гетьманів та й попритулював їх до кобзарських дум усюди, де вже діди не пам'ятають, як співати. Не знаю тільки, чи потрапив зложить їх тим давнім, голосним, поважним складом, яким вони співають. Побачу, що то мені скажуть сивії голови, як поїду знов літом удовж і впоперек по Вкраїні.

Оце ж вам, кохані земляки, перва книжка од початку Вкраїни до батька Хмельницького. У другій буде все те, як воював він ляхів з своїми лицарями; у третій те, які смути, які чвари й руїни були по Вкраїні, як умер козацький батько; а в четвертій буде Палій і Мазепа зо шведами [205].

Україна

Благодареніе господу, нема в світі благочестівішої землі над нашу Вкраїну; а було ж колись таке время, що й вона не знала ще віри християнської, а поставлені були по городах і селах болвани, деревляні, срібні

й золотії, котрим темний люд кланявсь і звав богами. І в такій темноті розуму пробували ми, аж поки в Києві воцарився великий князь Владимир. Отсей-то Владимир повелів усім хреститись, а болвани і їх гнуснії капища звелів палити, руйнувати, внівець обертати, а на місце їх божії церкви будувати. От з того-то великого часу народ український зо тьми болвохвальства вийшов і одного бога, в тройці славимого, пізнав.

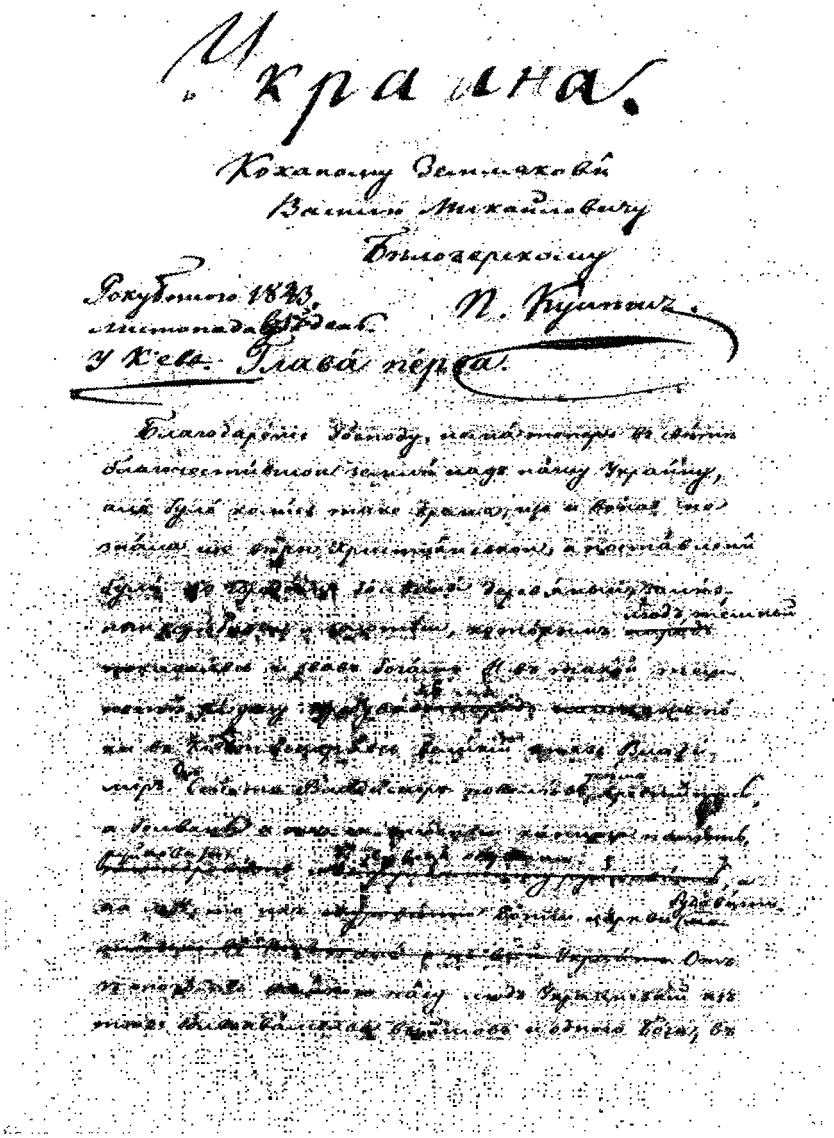
Великий князь Владимир на старості літ своїх, почувши, що вже йому недовго жить на світі, поділив своє царство дванадцяти своїм синам і добре їх розпорядивши, сам вічним сном спочив. Але скоро не стало єдиної власті, не стало й порядку на Вкраїні. Мало було в князьків [того], що кожному покійник пан-отець одказав.

1. А всякому хотілось стати й маєтки у братів поодніматі,
   Самому на Вкраїні панувати.
3. Стали князьки воюватись, забувши, що всі одного батька діти.
   І через їх нещасній усобиці
5. Не одна душа християнська безневинно пішла з сього світу.
   Тоді вже на Вкраїні рідко де плугарі на воликів гукали.
7. А частіше на полях ворони кричали,
   Труп ділючи поміж собою,
   А галки свою річ говорили,
10. Збираючись летіли на кривавеє поле.
    Як ось чутка невесела по Вкраїні стала,
    Що татарський хан Батий йде на Київ з неліченими ордами.
13. Оттоді-то треба [було] князькам свої чвари занехати,
    На безбожного Батия разом виступати.
15. Але, видно, в усобицях князьки з глузду спали,
    Порозницею на його нападали,
17. Під Батийовим мечем,
    Як у жнива жито під серпом,
    Один за одним голови поклали.
20. Марне душі свої з військом погубляли.
    Жінок удовами, діток сиротами покидали,
    Батьків і матірок у великій тузі зоставляли.
23. Тоді безбожний Батий преславний град Київ військом обгорнув,
    Стіни городськії й церкви божі погромив,
25. Людей побив,
26. І все княжество Київське внівець обернув,
    Оттим-то, панове, сказано, що всяке царство,
    разділшееся на ся, не стане, і всякий дом,
    разділшийся на ся, запустіє.

Дума перва

Напившись людської крові, надихавшись димом пожарищ, лютий губитель люду християнського зібрав до купи свої орди тай потягнув з ними аж на Волгу-ріку. Але вже нікому не було свободи на Вкраїні: увесь люд, що зостався од побоїща, платив велику дачу Батийовим баскакам. Тяжко було жити в неволі під кормигою безбожних бусурман, але жизнь краща од смерті, а рідна земля мила і під попелом пожарищ, і під кривавими руїнами, і під кормигою поганого люду.

1. Скоро безбожний Батий рушив з України,
   Зараз почав сходиться розполоханий люд із чужини.
3. Збирались сердечнії на пожарища, як розкиданії мурашки до своєї купи.
   Тяжко-важко вздихали.



Друга сторінка поеми П. О. Куліша «Украйна». Автограф. Зберігаєтьсн в Державному архіві літератури УРСР

Гіркими сльозами руїни й пепелища обливали,
До бога милосердного щирії молитви посилали,
Безбожного Батия денно й нічно проклинали.
А потім знову давай витоптані кіньми поля орати,
Хатини будувати,
Розруйнованії божії церкви мурувати,
Та й стали жить пополам з бідою.
Ладючи то так, то сяк з поганою татарвою.
Одначе не ввесь той люд додому вертався,
Що з великого перестраху татарського біг знає де
поопинявся:
Багацько й князьків, і бояр, і всяких панів,
Не хотячи тяжкої неволі татарської терпіти,
Позоставались то в Литві, то в Прусах, то по других
землях жити,
Але потім стали дуже по своїй рідній Україні тоскувати
І, не хотячи на чужині помирати,
Почали литовського князя Гедиміна благати,
Щоб він древнюю і преславную землю християнськую
Визволив з-під кормиги татарської.
«Ой, князю,— кажуть,— князю Гедиміне!
Багацько ти земель і кріпких городів звоював,
Багацько собі слави й честі достав;
Але не було б тобі луччої слави, не було б тобі вищої
честі,
Якби тобі бог допоміг древнюю і преславную руськую землю
Вкраїну
З-під кормиги татарської слобонити
І до свого сильного княжества Литовського прилучити».
Послухав князь Гедемін, порахував розумною головою,
І зараз звелів у сурми сурмити,
Військо збирати, вози й уюки риштувати,
В поход виступати.
Отже йдуть вони не день, не два, не три й не чотири,
Густа курява встає понад головою.
І зустрілись над Ірпенню-рікою з поганою татарвою [206].
Стали битись тяжко, аж земля стугонала.
Річка Ірпень гула між крутими берегами,
І самії дерева од жалості до землі приклонялись.
А в татарви багацько було й християнського люду,
Неволею озброєного супротив Гедиміна.
От наші й крикнули:
«Ей, братці,— кажуть,— братці!».
Охота ж вам дорогу нам заступати.
Погану татарву собою підпирати:
Ми з литвинами йдемо не для того,
Щоб православнії церкви руйнувати,
Або ваше добро грабувати,
А хочемо ми, братці, погану татарву з землі християнської
прогнати,
Тяжке ярмо з вашої шиї зложити,
Волю й свободу люду божому православному дати.
Отож скоро наші почули таке слово,
Зараз покинули собою погану татарву підпирати,
А стали її кругом отступати,

Своїм рідним братам православним християнам
І литвинам помочі додавати,
А татар ворогів впень рубати.
Тоді й сталась велика вікторія над татарами при річці Ірпені,
Тоді й сталась велика радість по всій Україні.
Зараз до Києва з Гедиміном-князем рушали,
У святую Софію вступали,
Богові молились,
Спасителю хрестились.
Поклони до землі клали.
А потім ключі од скарбу й од клейнодів Гедиміну оддавали,
Порядок і розправу поставити на Вкраїні прохали.
То великий князь литовський Гедимін мудрою головою порахував,
Ключі од скарбу й од клейнодів брав,
Скарб й клейноди одмикав,
Золоту гривню на цепу й палицю судову виймав,
Миндога, князя Голшанського, до себе підзивав,
Словами промовляв:
Отже тобі, Миндоже, гривня золота
І палиця судовая з серебра.
Будь ти князем і господином над всією Вкраїною,
Будь моїм намісником в преславнім граді Києві,
Порядок, суд і розправу удержуй,
Віру християнську шануй [207].
«І вже,— каже,— нехай з сього часу на віки вічнії
Народ український буде під одною державою з народом литовським,
Як рівнії з рівними
І вільнії з вільними».
Так і сталось.
«Дай же, боже», люде промовляли,
«Після сього великого діла щасливо проживати,
Бусурман воювати,
Слави й честі народу вкраїнському достати».

Дума друга

Україна була за одно з Литвою шістьдесять шість год, аж поки литовський князь Ягайло зробився королем польським і прилучив свою землю литовськую до Польщі. Оттоді-то й ми пристали разом з литвинами до поляків, все таки як рівнії до рівних і вільнії до вільних. Тоді в Польщі, в Литві й на Вкраїні поставлено було замість князів по гетьману: один звався коронним, другий литовським, а вкраїнський гетьман звався руським. І первий гетьман на Вкраїні був Предислав Лянцкоронський. Сей Предислав, узявши по весні невеселу вістку, зараз послав по свого найстаршого рейментара Остапа Дашковича:

«Ей,— каже,— друже Остапе!
Звели осавулам військо в поход викликати,
Бо вже недаром летять од Чорного моря птиці,
І виють по балках і байраках вовки та лисиці:
Піднявсь на нас турчин з татарвою.
Виступили в поле незліченою ордою».
То голінний Остап Дашкович тее зачуває

Військо збирать зараз посилає,
Оттоді вже по городах не музики вигравали,
Осавули військовії по вулицях пробігали.
На винники, на лазники, на броварники гукали:
«Ви, грубники, ви, лазники, ви, винники, ви, броварники!
Годі вам по винницях горілок курити,
По броварнях пив варити,
По лазнях лазень топити,
Товстим видом мух годувати,
Сажі витирати.
Ходім з нами турків, татар воювати!».
То народ божий тее зачуває,
Усяк своє діло покидає,
Усяк худоби половину збуває,
Шаблю булатную,
Пищаль семипядную,
Доброго коня набуває.
Ради віри християнської,
Ради слави козацької
В похід з гетьманом Предиславом
І хоробрим лементаром Остапом
Виступає.
Отже йдуть вони не день, не два, не три й не чотири,
Бачать, птаство хижее поиад головами в них кружає,
Чують, звірє позаду і по боках квилить-проквиляє
До побоїща смертного козаків провожає,
Здобич велику собі чує,
День і ніч свого визку й завивання не уймує.
Аж ось земля стугонить,
Курява в степу вище хмари стоїть,
Бусурманське військо ся зближає.
Кінським ржанням, людським криком у вуші козакам ударяє
Не одному й жаху завдає.
Тоді гетьман Предислав
І хоробрий лиментар Остап
Наперед усіх виїжджають.
Шаблями блискають,
Богові молитви посилають,
Хрести покладають,
А потім усе військо на дві часті розділяють,
Кіннее супротив неприятеля одряжають,
А пішее на засаді в байраках і чагарняках зоставляють.
«Держись же ти, друже, Остапе»,— каже гетьман,— у засаді,
А я піду бусурманів зустрічати,
Огнем та мечем їх привітати,
Кінськими копитами з гряззю топтати.
Держись, друже Остапе, не виходь з байраків,
Хоч який буде крик, хоч який буде грім.
Бог нам дав і силу в руки, й одвагу в серце.
Може в нас один супротив десяти бусурманів стати.
Слави козацької доказати
А як стануть уже невірнії нас одолівати,
До байраків притискати.
Як стане крик наш орлів під небесами за хмари заганяти,
Вовків сіроманців лякати,

В болота й комиші проганяти,
Як стане кров християнська байраки затопляти:
В той час прошу тебе, друже,
Яко мога швидше байраками ззаду поганих бусурман забігати,
Разом на них з самопалів гукати,
Міцно списами напирати,
Шаблями булатними голови невірнії стинати».
Так і сталось.
Помчались козаки, мов буйний вітер, знявшись з поля,
Погнав велику ниву красноверхого маку.
Сидить хоробрий Остап Дашкевич на засаді в байраку.
Тяжко серце ниє, ниває,
Душа за козаками в степи уганяє,
Богові любезні голови козацькі поручає.
Аж ось степи гудуть,
Гармати й самопали ревуть,
Крик і грім до небес уставає,
Орлів ширококрилих за хмари заганяє,
Вовки сіроманці з ляку по болотах, по комишах утікають,
Невірнії козаків до байраків притискають,
Кров'ю християнською байраки наповняють.
Оттоді вже пішії козаки не люльки попід кущами курили,
Самопали та ладовниці рядили,
Байраками позад бусурман забігали,
Разом на них з самопалів гукали,
Міцно списами напирали,
Шаблями булатними голови невірнії стинали,
Озирнутись не давали,
Тяжко-важко розбивали;
Чотирьох тілько зоставляли:
Двох у Цариград до султана турецького з веселою вісткою посилали,
Двох до короля польського з козаками виправляли.
Тоді гетьман Предислав
І хоробрий лементар Остап
По горах трупу верхи роз'їжджають,
Кругом себе поглядають,
Один одного не пізнають,
Бо димом мушкетним закурились,
Кров'ю невірною покрились.
Оттак-то наші колись воювали,
У татар землі стародавні вкраїнські понад устям Дніпра одбивали,
Добичу свою побравши, додому вертались,
Богові молились,
Спасителю хрестились,
Добром ділились.

Дума третя

Забравши гетьман Предислав
Понаж устем Дніпра у татар
Стародавні вкраїнські землі,
І каже Остапу Дашковичу:
«Що ж тепер, друже Остапе, будемо чинити?
Як нам сії землі в своїй власті сохранити?

Щоб часом турки й татари знову, оправившись, на нас не напа.
Сих предковічних земель у нас не одібрали?»
«Не турбуйтеся, батьку,— каже Остап. —
Звели тільки мені козаків зо жменю під свою хоругов зібрати,
То вже я знатиму, як сії землі од турків і татар обороняти.
І зараз звелів у сурми сурмити, військо скликати,
До громади збирати».
А сам посеред громади вихожає
На всі сторони вклоняє,
До козаків промовляє:
«Позвольте, панове [молодці], велику річ сказати,
Славне во віки вічнії діло розпочати.
Біг милосердний нам поміг
У бусурманів предковічні наші землі одбити,
Треба ж тепер нам їх добре боронити,
Щоб часом зневаги славі козацькій не вчинити.
А коли хочете, панове, не тільки їх ворогам не попустити,
А ще й усе християиство собою як стіною од невірних заслоиити,
Світлую славу на землі, вічнее царство иа небесах заслужити,
Треба нам велике й неслихане діло зробити,
Треба нам перед самим носом у турків і татар,
За порогами на Дніпровських островах Січ збудувати,
Страх і боязнь усяку занехати,
Душі свої господу богу поручити,
Турків і татар безустанне бити,
Слави козацької доказати.
Хто з вас, панове молодці, який-небудь великий гріх учинив
І попу на сповіді не об'явив;
Хто з вас коли-небудь против бога погрішив,
Або отця й неньку прогнівив;
Нехай тепер наперед лави виступає.
Битись безустанне з невірними присягає,
Щоб праведний господь на полі й на морі його розсудив,
Душу його од тяжких гріхів слобоиив».
То козаки, скоро тее зачували,
Зараз деякії наперед лави виступали,
Битись безустанне з невірними присягали,
Хрести покладали.
Тоді хоробрий
Остап Дашкович великую радість має,
Козаків оглядає:
В кого нема доброї рушниці, рушницею награждає;
В кого нема доброго коня, конем наділяє,
З козаками вози риштує,
Гармати й кулі готує,
В поход виступає.
А гетьман Предислав, иа тее споглядаючи,
Хоч серцем і звеселився,
Що такий преславний поход на невірних
З найодважніших лицарів зложився,
Але жаль-туга велика його обіймає,
Що вірний приятель його Остап навіки може його покидає.

Гіркими сльозами вмився,
На булаву гетьманськую похилився,
Такі слова промовляє:
«Дай же, братці, вам боже, щасливо воювати,
Турків, татар бити,
Віру християнську боронити,
Славу козацьку на ввесь світ розсилати.
Прощай, друже Остапе,
Много літ земля стоїть.
А ще ні разу не видала,
Щоб чоловікові така велика та одважна дума,
Як тобі отсе, на душу спала.
Жаль мене великий по тобі, друже, обіймає,
Але козацьке моє серце з сеї радості й той жаль забуває.
Одмикайте ж, ключники, муровані льохи,
Знахожайте старосвітські вина і меди:
Нехай козацтво в волю погуляє,
Сього великого дня повік не забуває».
І зараз ключники важкими ключами старосвітські льохи одмикають,
Бочки з винами та з медами достають,
Козакам ковші та чарки роздають,
Усіх угощають.
А гетьман Предислав свого вірного приятеля Остапа поруч себе сажає.
В золотії кубки вина наливає,
На прощання угощає.
А тут кругом сурми сурмили, на бандурах вигравали,
З самопалів та гармат гримали,—
Солодким медом та солодким вином кубки ісповняли,
Козаки козаків частували,
А потім один з одним прощались,
На коней сідали,
В поход виступали.
Отже й пішли козаки понад Дніпром.
Прямо простуючи за пороги, до острова Хортиці,
А тоді ще всі землі од Чигирина до самого Чорного моря
І по сей бік Дніпра до Азова
Пустували,
Густою травою, заввишки в чоловіка, заростали,
У траві куропатки й усякі птиці проживали,
Дикії коні по степу табунами гуляли,
Круторогії тури блукали,
Білорогії сугаки скакали,
Та степнії вітри од моря до моря широко літали.
Тоді хоч би сто верств за Чигирин пройшов,
Жодної б душі християнської не знайшов;
Тільки погана татарва кіньми де-не-де по степу вигляла,
По степу вигляла, себе забавляла,
Козака в степу виглядала,
Щоб його, напавши, зарубати,
Одежу кармазинну та оксамитну зняти.
Золота в кишенях пошукати,
Козацького коия орканом піймати.
Чуру малого у неволю взяти.

Отся-то погана татарва
Й хороброго Остапа Дашковича з його лицарями в степу забачала,
Дивом великим дивувала,
Думала й гадала:
Куди б се козаки в невеликій купі понад Дніпром простували?
Якого неприятеля воювать вони мали?
Але нападать на козаків боялась,
Поза травою ховалась,
Слідом оддалік, як собака вовка, провожала.
А як же вбачила, що вони на Дніпровській острів Хортицю прибували,
Рови на острові копали, вали висипали,
Хвої рубали, засіки бойовії складали,
Гострії палі дубовії тесали, Січ будували,
Гарматами її кругом риштували;
Тоді біжить у свої авули, миттю орду скликає,
З криком, з гамом, як чорная хмара, під Січ підступає.
Але козаки з гармат на їх ударяють,
Од Хортиці орду одбивають.
А потім з самопалами, з шаблями та з списами
Кінно у степ виступали,
З самопалів на татарву усі разом густо повівали,
Списами міцно натискали,
По степу татарву як полову розметали,
Коней у них одбивали,
Златосиніми киндяками та оксамитами тороси набивали;
Здобич побравши, до Січи вертались,
Богові молились,
Спасителю хрестились,
Добром ділились,
Мед-вино коряками попивали,
На бандурах та на кобзах вигравали,
Душі побитих козаків поминали.
Оттак-то, панове, завелась тая людославная Запорозька Січ,
Тая козацкая слава,
Що по всьому світу дивом стала,
Що по всьому світу луговим гомоном рознеслась,
Туреччині та татарщині добрим лихом знати далась,
Та й ляхам ворогам у знаки вдалась.

Дума четверта

По гетьмані Предиславі гетьманував ще князь Дмитро Вишневецький, що, одважно воюючи, попався сердешний у руки туркам і в Цариграді люто замучен. А по його смерті гетьманував князь Остап Ружинський. Сей гетьман лучший порядок в війську козацькому вчиниів, орду коло Білгорода розбив. А по смерті Остапа Ружииського гетьманував Венжик Хмельницький, прапрадід Богдана Хмельницького. Сей орду під Заславєм тяжко розгромив і розігнав, слави немалої козацькому війську достав. А по його смерті обрали гетьманом Івана Свирговського.

І скоро гармати заревли,
Сурми й бубни загули,
Козаки новому гетьманові булаву піднесли:
Як ось посли з молдавської землі прибувають,
Гетьманові до ніг упадають,

Оборонить Молдавію од турків благають,
Великії дари, золотії кубки, ковші,
Шаблі дорогії в дар йому предлагають,
Оборонить їх від турків гетьмана благають.
То гетьман Свирговський Іван дари од молдаван бере,
Золотії кубки й ковші полковникам своїм роздає;
Дорогії шаблі й булати бере,
Сотникам і отаманам роздає,
Сам на коня всідає,
Поміж військом проїжджає,
Як орел сивий поміж хмарами літає,
Велику добич собі чує-забачає,
Високо вгору уганяє,
Силу свою пробує-повіряє.
От же й пішли козаки та на два шляхи,
А на третє на Чорне море.
А що першим шляхом то пішов сам гетьман Свирговський,
А другим шляхом полковник Сава Ганжа [208],
А третім шляхом-водою,
Дніпровською глибиною,
То пішов кошовий отаман запорізький Фесько Покотило.
Він на чайках з хоробрими запоріжцями виступає,
До устя Дністра й Дуная Чорним морем прибуває,
Обоє устя човнами своїми заступає,
Ні одного судна турецького до Молдавії і туркам на одсіч не допускає.
А гетьман Свирговський із Савою Ганжею до города Сороки прибували,
Турків під городом великий табор знахожали.
З гармат на иих гримали,
З самопалів густо повівали,
Пашу турецького Кара-Мустафу в полон брали,
До короля у Варшаву одсилали.
А потім козаки назад уступили,
Золота й срібла од молдаван брати не схотіли,
Тільки меди та вина дорогії в дяку принимали,
Один одного частували,
На радощах в Молдавії ликували.
А як стали козаки до Бессарабії простувати,
Мимо города Килії прохожати,
То зустрів їх якийся ормянин лукавий,
Радючи гетьманові до города Килії з військом привернути,
Приступом його добути:
«Бо турки»,— каже,— великії клади в Килії малим військом охороняють,
Поки козаки додому вернуться, піджидають».
«А потім,— каже,— тії великії клади до султана провадити мають».
Тоді гетьман Свирговський та й не схаменувся:
Великого промаху дав,
Ормянину, превражому сиину, віри поняв,
З військом під Килію, хорошенько не оглядівшись, сунувся.
Ой ще ж козаки й на вали не ступили,
А вороні коні під ними чогось засмутили;
От іще ж і обідня пора не настала,

Як піднялась із-під землі полуночна чорная хмара,
Бочки пороху під козаками зривали,
Козаків з їх гетьманом високо вгору піднимала,
Довго вертівши під небесами,
По пісках, по корчах, по білому каміню розкидала.
І вже тоді й рідная б мати не пізнала,
Де голова пана Йвана лежала.
А тимчасом турки з-за мурования городського вибігали,
На обоз козацький вдаряли,
Козаків багацько вистинали,
Багацько й у неволю похапали,
А більше то горе, що Кішку Самійла в неволю взяли,
Котрого козаки за рідного батька мали,
Не раз, не два й за кошового його обирали,
Велику надію на його в войні покладали.
А потім невірнії довго ще по полю наших гнали,
Аж поки ночнії тумани козаків кругом обгортали
І як орел своїх діток закривали.
Ой невесело ж було козакам додому тоді вертатись
Свого гетьмана втерявши, стид і сором був перед люд
хрещений показатись,
Тоді-то вже бандурники й кобзарі од села до села по
Вкраїні прохожали,
Помин гетьманові Свирговському одправляли,
Славнії діла його люду божому оповідали,
На бандурах та на кобзах вигравали,
Пісні жалібнії про його прокладали:
«Як того пана Йвана,
Що Свирговського гетьмана,
Та як бусурмани піймали,
То голову йому рубали,
Ой голову йому рубали
Та на бунчук вішали,
Та у сурми вигравали,
З його глумували.
А із низу хмара стягала,
Що воронів ключа налітала,
По Вкраїні тумани клала.
А Вкраїна сумувала,
Ой Вкраїна сумувала,
Свого гетьмана оплакала.
Тоді буйні вітри завівали:
«Де ж ви нашого гетьмана сподівали?»
Тоді кречети налітали:
«Де ж ви нашого гетьмана жалкували?»
Тоді орли загомоніли:
«Де ж ви нашого гетьмана схоронили?»
Тоді жайворонки повилися:
«Де ж ви з нашим гетьманом простилися?»
— «У глибокій могилі,
Біля города, біля Килії,
На турецькій лінії».

Дума п'ята

Незабаром після смерті Свирговського
Козаки раду в Чигрині собирали,
Усіх сотників і полковників ізкликали,
Гетьманом Богдана Ружного наставляли.
То не вітер буйний по степах виє-завиває,
То не хан татарський на Вкраїну військо своє насилає,
Щоб воно Вкраїні, рідну мати нашу, безневинно плюндровало
Жінок та діток, та добро наше в полон брало-забирало,
Коней та овець, усю божую скотину в свої джерела заганяло.
Козацькі хліви розбивало й розоряло.
То голінний Богданко усіх козаків у громаду созиває,
Усіх козаків, і служивих і простих,
І сусідів і підсусідків, і хорунжих
І прочих іних старших,
Усіх хоробрих сотників і полковників укупу ззиває, скликає,
До громади збирає,
А сам по середині вихожає,
Святим містам три поклони покладає,
А на чотири сторони по одному поклону,
Та козакам один поклон,
Та ще сотникам та полковникам один поклон;
До бога молитву читає,
А до козаків до всієї громади так промовляє:
То не вітер буйний по степах виє-завиває,
То не хан татарський на Вкраїну військо своє насилає;
Щоб воно Вкраїну, рідну мати нашу, плюндрувало,
Жінок та діток, та добро наше в полон брало-забирало,
Коней та овець, усю божую скотину в свої джерела заганяло,
Козацькі хліви розбивало й розоряло;
То король в Польщі нам і вам подарок висилає;
Великий дар дарує,
Нас і вас шануючи й поважаючи.
Хоче він, щоб ви, братці, хоробрії козаки товариші,
За його, короля Польщі, бога молили,
Та йому, королю Польщі, як богові, що живе високо на небі,
По вірі й по правді служили:
Ляхів би не били,
А з ними, як з рідними братами, жили,
На москалів би нападали,
Татарів би побивали й воювали
А за сеє вашому гетьманові,
Голінному Богданкові,
Тай вам з ним великий дар дарує:
А той великий подарок-дар: булава золота
Та хоругва з срібла,
Та бунчук з жеребця.
Та ще той король Польщі пише-приписує:
«Хай — ка; твої козаки товариші служать мені вірою
й правдою,
Як великому тому богові, що живе високо на небі,
А як не будть служить мені вірою й правдою,
То я їм тоді другий подарок подарую,
Хоробою їх порадую,

Хоробою тяжкою та важкою».
А козаки тее зачували,
До свого отамана промовляли:
«Отсе ж нам король Польщі великий подарок-дар дарує,
А не послужим ми йому вірою й правдою,
То й хоробою, бач, якоюсь нас порадує,
Якою ж то хоробою?
Чи не слободою?
Та як би вже отою хоробою, що слободою,
То всім нам товаришам козакам
Інших дарів і не треба.
Служили б ми йому, королю Польщі, по вірі й по правді
Як тому богові, що живе високо на небі,
Ляхів би не били,
І за ними, як за рідними братами, жили,
На москалів би нападали,
Татарву би воювали,
І во віки вічнії
Не злом, а добром та молитвою
Свого пана великого.
Короля Польщі іменитого,
Як батька шанували».
Отсе казавши та й замовчали.
Тоді гетьман голінний Богданко
До писаря свого
Хоми Безродного
Та до курінних, прохаючи, підступає
І одного й другого барзо випитує-сповідує,
Те й друге так і так викладує,
Похід під турка козакам обіщує,
Та велику здобиченьку на поході великому.
Так і так козаки громаду свою розкладали,
Велику пораду мали,
У поход виступали:
Козаки запорозькі з кошовим своїм Нечаєм
Чорним морем під татарський город Кефу підпливали,
Козаки гетьманськії з гетьманом Богданком
Румом туди ж через Перекоп простували,
Коло самої лінії перекопської татарську велику орду
розбивали,
Мов баба буряки, рубали,
Мов молотник у клуні ціпом солому, розметали,
До города Кефи прибували,
Той город плюндрували,
Бідних невольників із неволі визволяли,
А як стали до Бахчисарая й Козлова козаки ся зближати,
Стали їх посли од хана переймати,
Гетьманові до ніг упадати,
Купи червонців перед ним насипати.
То голінний Богданко й кошовий Нечай
Жовтими чобітьми тії купи червонців розгортали
й розкидали,
Козакам на тютюн оддавали,
Самі примир'я з кримським ханом приймали,
Весело додому з славою великою повертали,

Мимо города Килії прохожали,
На город ударяли,
Город до остатку руйнували,
Усіх турків і ормян вистинали,
Поминки гетьманові Свирговському справляли.
Та за того ж короля Степана
Ще раз козаки за віру християнську в поход виступали,
Мимо самого Перекопа на турка через черкеську землю простували,
Турка рубали й плюндрували,
Добичу велику в його одбивали,
Да тут же гетьмана свого під горою під густою рокитою знахожали,
Глибоку могилу копали,
На могилі курган насипали,
Біля кургана-могили коня турецького гетьманського зоставляли,
Похорон гетьманові Богданкові правили-одправляли:
Тут йому повік лежати.
Добичу свою побравши, додому вертались,
Богові молились,
Спасителю хрестились,
Добром ділились.

Дума шоста

Не довго Богданко гетьманував,
Милосердному богу душу оддав.
Тоді козаки по йому, як по рідному батькові, сумували,
Раду збирали,
Івану Серпягу, що звався й Підковою, гетьманом настановляли,
І зараз з ним, сівши в човни,
На Чориее море заодно з запорожцями виступали,
Далеко Чорним морем гуляли,
На турецьку землю простували.
А по Чорному, по глибокому моречку,
Та по широкому, та по далекому Дунаєчку
Злая буря вихожає-виступає,
Козаків до землі чуждої провожає,
А із низу буйний вітер віє-повіває,
А по Чорному моречку супротивна хвиля вставає
Та по Чорному морю вовком-сіроманцем лає й гукає.
Збиралися козаки товариші, всі хоробрії запоріжці,
Про тую бурю міркувати,
Тихої погодоньки понад синім морем, Дунаєм піджидати.
А злая буря все більш виступала,
Та й ні трошки по Чорному морю глибокому,
По Дунаєчку далекому та широкому,
Тая буря не внимала
А все злійш громом по небу тарахтала,
А блискавка між хмарами лискала.
Оттоді гетьман Івасенко Серпяга
Козаків товаришів до себе підзиває,
До козаків товаришів так і так промовляє:
«Ой ви, панове, рідній мої братці,

Хоробрії мої товариші, козаки запоріжці,
Слухом ніколи ие слухаио,
І видом ніколи ие видано,
Щоб такая буря злая,
На козаків так міцио виступала й уставала,
Щоб таким громом-блискавкою тарахтала й лискала,
Та щоб ви, паиове товариші, ось так довго-довгеиько стояли,
Тихої погодоиьки біля моря-Дуиая піджидали».
А козаки тее зачували,
Та й усі замовчали.
«Коли ж ми тої бусурмаищиии лякалися?»
Каже знову гетьмаи:
«Коли ж таки ми від неї де-небудь ховалися?
А теперечки не то бусурманщиии, але й бурі злякалися,
Тихої погодоиьки піджидаючи
Та иа злую й лихую бурю жалуючи,
Зовсім иадірвалися».
А козаки тее зачували
Та й усі мовчки замовчали,
Барзо, барзо рахували,
Нічого ие промовляли,
Одии иа одиого споглядали,
В поход виступали.
Отсе ж ідуть воии ие день, ие два, ие три й не чотири
А злая буря лихая по Чориому моречку
Та по далекому Дунаєчку
Барзо унимала,
Та й супротивиая хвиля в свої домовиии, в ковбанюги, забігала,
Да там і пропадала.
А козаки богові молитви посилали,
По три поклоии покладали,
Відпочииия мали.
А потім всі козаки в поход виступали
Із своїм хоробрим гетьмаиом,
Серпягом Йваном,
Тяжко иехриста розбивали,
Думали й гадали,
Та й під городом Керманом
Із бусурманським султаиом
Примир'я мали:
У його всю худобу відиімали,
Усіх татар-буряків розбивали,
Тихою погодоикою
З гариою добиченькою
Додому привертали.
А иа другий рік з тим же гетьмаиом
Козаки иа Волощиу ходили,
Господаря волоського Петра в турецьку землю прогнали,
А свого гетьмаиа,
Серпягу Йваиа,
Господарем иад волохами иастаиовили,
Але турок листи до короля до Степана засилав,
Голову Серпяжину видать прохав,

А як не видасть, то військом вдарити на Польщу страшав,
Та й волохам з Цариграда не ласкаво бунчуком махав.
То ляхи з волохами великий страх собі мали,
Пана Серпягу до города Львова на бенкет лесно закликали,
Вином та медом частували,
Голову йому одрубали,
До султана турецького посилали,
А козаки тіло його взявши
У Канев привізши,
Чесно поховали.

Дума сьома

Отож скоро пронеслась чутка по Вкраїні,
Що гетьмана Серпягу ляхи вже згубили:
Зараз козацтво з старшиною до Чигрина прибувало,
Гетьманом Якова Жаха, Серпягового друга, настановляло,
На волохів виступало.
А волохи того не ждуть, не гадають,
Мед-вино з турками в Букарести попивають.
Аж ось козаки під мури городські прибувають,
З гармат гукають,
Мури розбивають,
У город ухожають,
З самопалів густо повівають,
Усіх турків і волохів, як пух розметають,
А потім самих главних пузанів, що видали на смерть Серпягу, половили,
Серед міста повішали, надпис над ними прибили:
«Отак зради й віроломці пропадають,
Що правди й одваги в серці не мають,
Свого батька ради страху турецького погубляють».
А потім скарби великії в Волощині забирали,
Додому весело повертали.
Ой не вспіли ж козаченьки добро поділити,
Як надійшли суровії од короля Степана листи,
Ой не вспіли ж козаченьки на радощах погуляти,
Як став король Степан Жаха на суд за волохів звати
Але Жах добре догадався,
У Каневськім монастирі під чорною рясою сховався,
Королеві в руки добровольне не оддався;
Але вже сердега й од булави гетьманської одцурався,
З світом навіки попрощався,
Богові єдиному служити почав,
Щоб милосердний біг грішную душу його в царство небесне прийняв
От тоді вже козаки раду збирали,
Нового собі гетьмана з полковників Семена Скалозуба вибирали.
То гетьман Скалозуб, бажаючи дуже турка за Серпягу й Жаха покарати,
Зачав до обозу козаків великую силу стягати;
А потім сівши на запорозькії чайки,
Дніпром на Чорнее море до острова Тендрова випливав.
На острові Тендрові одпочинок мав,
Козаки під городи турецькії приморськії на розглядини посилав.

От у той-то час, панове, із города з Трапезонта виступала галера,
Трьома цвітами процвітана-мальована,
Ой первим цвітом процвітана-мальована
Златосиніми киндяками побивана,
А другим цвітом процвітана —
Гарматами арештована,
Третім цвітом процвітана —
Турецькою білою габою покровена.
Ой у тій галері Алкан-паша, трапезонське княжа, гуляє,
Має собі ізбранного люду: сімсот турків, яничар штириста
Та бідного невольника півчварта ста,
Без старшини військової.
Первий старший між ними пробуваеть Кішка Самійло, пан Кошовий,
Другий — Марко Рудий, суддя військовий,
Третій — Мойсій Грач,
Військовий трубач,
Четвертий — лях Бутурлак, ключник галерський,
Сотник переяславський:
Недовірок християнський,
Що був три годи в неволі,
Десять літ як став по волі,
Потурчився, побусурманився
Для панства великого,
Для лакомства нещасного.
От у тій-то галері вони од пристані далеко од'їжджали,
Чорним морем далеко гуляли,
Проти города Кефи великий та довгий одпочинок мали.
Ой представиться ж Алкану-паші сон дивен, барзо дивен, на прочудо.
То Алкан-паша,
Трапезонське княжа,
На турків-яничар, на бідних невольників покликає:
«Турки,— каже,— турки-яничари, і ви, бідні невольники.
Котрий би мог турчин-яничар сей сон одгадати,
Мог би йому три гради турецькії дарувати;
А котрий би міг бідний невольник одгадати,
Міг би йому листи визволені писати,
Щоб не міг ніде ніхто чіпати».
Сеє турки зачували,
Нічого не сказали;
Бідній невольники хоч добре знали,
Собі промовчали.
Тільки обізветься між турків лях Бутурлак,
Ключник галерський, сотник переяславський,
Недовірок християнський:
«Як же,— каже,— пашо, твій сон одгадати,
Що ти не хочеш нам повідати?»
«Такий мені, небожата, сон приснився,
Що бодай ніколи не явився.
Видиться, моя галера, цвітована-мальована
Стала вся обідрана, на пожар спускана;
Видиться, мої турки-яничари стали всі в пень порубані:
А видиться, мої невольники, котрії були в неволі,
То всі стали по волі;

Видиться, мене отаман Кішка на три части розтяв,
У Чорнее море пометав».
То лях Бутурлак теє зачувае,
Словами промовляє:
«Алкан-пашо, трапезонське княжа,
Молодеє паня.
Сей тобі сон не буде ні мало зачіпати,
Скажи тільки мені лучче бідного невольника доглядати,
З ряду до ряду сажати,
По два, по три кайдани на руки й на ноги набивати,
З ряду до ряду сажати,
Червоної таволги по два дубця брати,
По шиях затинати,
Кров християнську на землю проливати».
То як скоро теє турки зачували,
Од пристані галеру ще дальше одпускали,
Бідній невольники до опачин руками приймали,
Щироглибокої морської води доставали,
То як скоро теє зачували,
Од пристані галеру ще дальше одпускали,
До города Козлова, до дівки Санджаківни на зальоти поспішали.
То дівка Санджаківна назустріч вихожала,
Алкана-пашу в город Козлов зо всім військом затягала,
Алкана за білу руку брала,
У світлиці-кам'яниці зазивала,
За білий ослон сажала,
Дорогими напитками напувала,
А військо серед ринку сажала,
Медом-горілкою вгощала,
То Алкан-паша,
Трапезоиське княжа,
Не дуже дорогії напитки вживає
Як до галери двох турчинів на підслухи посилає,
Щоб не міг Бутурлак Кішку Самійла одмикати.
Поруч себе сажати.
От як тії два турчина до галери прибували,
То Кішка Самійло, отаман запорозький, словами промовляє:
«Ой, ляше Бутурлаче, брате старесенький.
Колись і ти був у такій неволі, як ми тепер
Добро нам учини,
Хоч нас старшину одомкни.
Нехай би й ми в городі погуляли,
Панське весілля знали».
А лях Бутурлак: «Ой, Кішко Самійлу, отамане запорозький,
Батьку козацький.
Добро вчини,
Віру християнську під ноги підтопчи,
Хрест на собі поламни.
А як будеш віру християнську під ноги топтати,
Будеш у нашого паиа молодого за рідного брата пробувати».
То Кішка Самійло теє зачував,
До його промовляв:
«Ой, ляше Бутурлаче, недовірку християнський.
Бодай же ти того не діждав,

Щоб я віру християнську під ноги топтав.
Хоч буду до смерті біду та неволю приймати,
А буду віру християнську й славу козацьку повік шанувати:
Віра ваша погана,
Земля проклята».
Скоро Лях Бутурлак теє зачуває,
Кішку Самійла в щоку затинає:
«Ой, каже, Кішко Самійлу, отамане запорозький,
Будеш ти мене в вірі християнській укоряти,
Буду тебе паче всіх невольників доглядати,
Старії й нові кайдани направляти,
Ланцюгами впоперек втроє буду брати».
То як скоро тії два турчина теє зачували,
До Алкана-паші прибували:
«Алкан-пашо, трапезонське княжа!
Безпечне гуляй:
Доброго й вірного ключника маєш:
Кішку Самійла в щоку затинає,
В турецьку віру ввертає».
То Алкан-паша, трапезонське княжа, великую радість мало,
Пополам дорогії напитки розділяло:
Половину на галеру одсилало,
Половину з дівкою Санджаківною вживало.
Став Алкан-паша дорогії напитки пити-підпивати,
Стали умисли козацьку голову ключника розбивати:
«Господи! Є в мене що й спити і сходити,
Тільки ні з ким об вірі християнській поговорити».
До Кішки Самійла прибуває,
Поруч себе сажає,
Дорогого напитка метає,
По два, по три кубка в руки наливає:
То Самійло Кішка по два, по три кубка в руки брав,
То в рукава, то в пазуху скрізь трепо хустку додолу пускав,
А лях Бутурлак по єдиному випивав,
Та так напився,
Що з ніг звалився.
Тоді Кішка Самійло ляха Бутурлака на ліжку, як дитину, спати клав,
Сам вісімдесять чотири ключи з-під голів виймав,
На п'яти чоловік по ключу роздавав:
«Козаки панове, добре майте,
Один одного одмикайте,
Але кайданів із рук і з ніг не скидайте,
Полуночної години дожидайте».
Тоді козаки один одного одмикали,
Кайданів із рук і з ніг не скидали,
Полуночної години дожидали.
А Кішка Самійло чогось одгадав,
За бідного невольника ланцюгами втроє себе прийняв,
Полуночної години дожидав.
Стала полуночна година наступати,
Став Алкан-паша з військом до галери прибувати.
То до галери прибував,
Словами промовляв:

«Ви, турки-яничари, помаленьку ячіте,
Мого вірного ключника не забудіте,
Самі ж добре поміж рядами прохожайте,
Всякого чоловіка оглядайте,
Бо він тепер підгуляв,
Щоб кому пільги не дав».
То турки-яничари свічі в руки брали,
Поміж рядами прохожали,
Всякого чоловіка оглядали.
Біг поміг, за замок руками не приймали.
«Алкан-пашо, безпечно почивай:
Доброго й вірного ключника маєш:
Від бідного невольника з ряду до ряду посажав,
По два, по три старії кайдани й новії посправляв,
Кішку Самійла ланцюгами втроє прийняв».
Тоді турки-яничари в галеру вхожали,
Безпечне спати полягали,
А котрії хмельнії були, на сон знемогали,
Коло пристані козловської спати полягали,
А Кішка Самійло полуночної години дождав,
Сам меж козаків устав,
Кайдани із рук і з ніг у Чорнеє море поскидав,
У галеру вхожає,
Козаків пробужає,
Шаблі булатнії на вибір вибирає,
До козаків промовляє:
«Ви, панове молодці, кайданами не стучіте,
Ясини не вчиніте,
Ні котрого турчина в галері не збудіте».
То козаки добре зачували,
Самі з себе кайдани скидали,
У Чорнеє море пометали,
Ні одного турчина не збудили.
Тоді Кішка Самійло до козаків промовляє:
«Ви, козаки молодці, добре, братія, майте,
Од города Козлова забігайте,
Турок-яничар впень рубайте,
Котрих живцем у Чорнеє море кидайте.
Тоді козаки од города Козлова забігали,
Турок-яничар впень рубали,
Котрих живцем у Чорнеє море повкидали,
А Кішка Самійло Алкана-пашу з ліжка взяв,
На три части розтяв,
У Чорнеє море пометав,
До козаків промовляв:
«Ви, панове молодці, добре дбайте,
Всіх у Чорнеє море кидайте,
Тільки ляха Бутурлака не рубайте,
Межи військом для порядку за яризу військового зоставляйте».
Тоді козаки добре мали,
Всіх турків у Чорнеє море пометали,
Тільки ляха Бутурла не зрубали,
Межи військом для порядку за яризу військового зоставляли.
Тоді галеру од пристані одпускали,
Самі Чорним морем далеко гуляли.

Аж ось у неділю,
У полуденну годину.
Лях Бутурлак од сна пробужає,
По галері поглядає,
Що ні одного турчина в галері немає.
Тоді лях Бутурлак із ліжка вставає,
До Кішки Самійла прибуває,
У ноги впадає:
«Ой, Кішко Самійлу, отамане запорозький,
Батьку козацький,
Не будь же ти на мене,
Як я був на останці віка мого на тебе.
Біг тобі допоміг неприятеля побідити,
Та не вмітимеш у землю християнську входити.
Добро ти вчини,
Половину козаків у окови до опачин посади,
А половину в дороге турецьке плаття наряди.
Як будемо од города Козлова до города Цариграда гуляти,
Будуть із города Цариграда дванадцять галер вибігати,
Будуть Алкана-пашу з дівкою Санджаківною по зальотах поздравляти:
То як будеш одвіт оддавати?»
Як лях Бутурлак навчив,
Так Кішка Самійло, отаман запорозький, й учинив:
Половину козаків до опачин у окови посадив,
А половину в дороге турецьке плаття нарядив,
Стали од города Козлова до города Цариграда гуляти,
Стали з Цариграда дванадцять галер вибігати
І галеру з гармати торкати,
Стали Алкана-пашу з дівкою Санджаківною по зальотах поздравляти,
То лях Бутурлак чогось догадав,
Сам на чердак виступав,
Турецьким біленьким завивалом махав;
Раз то мовить по-грецьки,
Каже: «Ви, турки-яничари, помаленьку, братія, ячіте,
Од галери одверніте,
Бо тепер він підгуляв, на впокої спочиває,
На похмілля знемогае,
До вас не встане,
Голови не зведе.
Казав: «Як буду назад гуляти,
То не буду вашої милості й повік забувати».
Тоді турки-яничари од галери одвертати,
До города Цариграда убігали,
Із дванадцяти штук гармат гримали,
Яссу воздавали.
А козаки добре собі дбали,
Сімдесят гармат собі арештовали,
Яссу воздавали,
На Лиман-ріку іспадали,
К Дніпру-славуті і низенько вклоняли:
«Хвалим тя, господи, й благодарим.
Були тринадцять год у неволі,
А тепер чи не дасть нам бог хоч на час волі».

А у Тендрові острові Семен Скалозуб з військом на заставі стояв,
Та на тую галеру поглядав,
До козаків словами промовляв:
«Козаки, панове молодці,
Що сія галера, чи блудить,
Чи світом нудить,
Чи много люду королевського має,
Чи за великою добиччю ганяє?
То ви, панове, добре майте,
По дві штуки гармат набивайте
Тую галеру з грізної гармати привітайте,
Гостинця їй дайте,
Коли турки-яничари, то впень рубайте,
Коли ж бідної невольники, то помочі дайте».
Тоді козаки промовляли:
«Семене Скалозубе, гетьмане запорозький,
Батьку козацький.
Сія галера не блудить,
Ні світом нудить,
Ні много люду королевського має,
Ні за великою добиччю ганяє,
А може се бідний давній невольник із неволі втікає».
«Але ви, братці,— каже гетьман,— віри не доймайте,
Хоч по дві гармати набивайте,
Тую галеру з грізної гармати привітайте,
Гостинця їй дайте.
Як турки-яничари, то впень рубайте,
А як же бідний невольник, то помочі дайте».
Тоді козаки, як діти, не гаразд починали,
По дві штуки гармат набивали,
Тую галеру з грізної гармати привітали,
Три доски в судні вибивали,
Води Дніпровської напускали.
Тоді Кішка Самійло, отаман запорозький, сам на чердак виступав,
Червонії хрещатії давні корогви в кишені винимав,
Розпустив, до води похилив,
Сам низенько вклонив:
«Козаки, панове молодці!
Сія галера не блудить,
Ні світом нудить,
Ні много люду королевського має,
Ні за великою добиччю ганяє,
Се есть бідний давній невольник Кішка Самійло з неволі втікає.
Були тринадцять год у неволі,
Тепер чи не дасть біг хоч на час по волі».
То козаки в каюки скакали,
Тую галеру за мальовані облавки брали,
Та на пристань стягали,
Од дуба до дуба на Семена Скалозуба паювали,
Тую галеру на пристань стягали.
Тоді златосинії киндяки —
На козаки,

Златоглави —
На отамани,
Турецьку білую габу — на козаки на біляки,
А галеру на пожар спускали,
А срібло-злато на три части паювали:
Первую часть брали,
На церкви накладали:
На святого Межигорського Спаса
На Трехтомировський монастир,
На святую Січовую Покрову давали,
Котрі давнім козацьким скарбом будували,
Щоб за їх, встаючи й лягаючи, милосердного бога благали:
А другую часть поміж собою паювали,
А третю часть брали,
Очертами сідали,
Пили та гуляли,
Із семипядних пищалей гримали,
Кішку Самійла по волі поздравляли:
«Здоров,— кажуть,— здоров, Кішко Самійлу, отамане запорозький.
Не загинув єси в неволі,
Не загинеш з нами козаками по волі».

Дума восьма

Раді були козаки, що Кішку Самійла знову між собою мали,
Але скоро їх друга недоля постигала:
Сила велика турків на морі на їх коло города Керчи напала,
Кругом кораблями та галерами їх човни обгортала,
Козаків розбивала,
Котрих у Чорному морі потопила,
Котрих живцем у неволю з самим гетьманом Скалозубом забрала.
Оттоді-то козаки на бусурманській землі пропадали,
Тяжко, тяжко жалкували,
Плачучи гірко, свою рідну Вкраїну споминали.
Тоді далася [бідному] невольнику тяжкая неволя добре знати:
Кайдани руки й ноги поз'їдали,
Сирая сириця до жовтої кости тіло козацькее проїдала,
То біднії невольники на кров, на тіло поглядали,
Об вірі християнській гадали,
Землю турецькую,
Віру бусурманськую
Проклинали:
«Ти, земле турецькая,
Ти, віро бусурманськая.
Ти єси наповнена сріблом, златом і дорогими напитками,
Тільки що бідному невольнику на світі невільно,
Що біднії невольники в тобі пробувають,
Празника роздва, ні воскресенія не знають,
Усе в неволі проклятій,
На каторзі турецькій
На Чорнім морі пробувають,
Землю турецькую,
Віру бусурманськую

Проклинають:
Ти, земле турецька,
Ти, віро бусурманська,
Ти, розлуко християнська.
Уже бо ти розлучила не єдиного за сім літ войною
Мужа з жоною,
Брата з сестрою,
Діток маленьких з отцем і маткою».
Ой поклоняється бідний невольник із землі турецької,
Із віри бусурманської,
У городи християнськії,
До отця до матусі
Ой не може ж він сам поклонятися,
Тільки поклоняється голубоньком сивеньким:
Ой ти, голубонько сивенький!
Ти високо літаєш,
Ти далеко буваєш.
Полини ти в городи християнськії
До отця мого, до матусі,
Сядь-пади,
На подвір'ї отцевськім жалібненько загуди,
Об моїй пригоді козацькій припом'яни:
Нехай отець і матуся мою пригоду козацьку знають,
Статки-маєтки збувають,
Великії скарби собірають,
Головоньку козацькую з тяжкої неволі визволяють:
Бо як стане Чорне море согрівати,
То не знатиме отець-мати,
У котрій каторзі шукати:
Чи в пристані Козловській, чи в городі Цариграді на базарі.
Будуть ушкали турки-яничари набігати,
За Чорнеє море у орабську землю запродавати,
Будуть срібло-злато не лічачи,
Сукна дорогії не мірячи
За їх брати.
Ой визволь, боже, бідного невольника на святоруський берег,
На край веселий,
Між народ хрещений.

Дума дев'ята

Ой у нашій у славній Вкраїні
Бували колись престрашнії злигодні, бездольні години,
Бували й мори й військові чвари.
Ніхто вкраїнців не рятував,
Ніхто за їх богові молитов не посилав,
Тільки святий бог наших не забував,
На великі зусілля, на відповіддя держав,
Тільки бог святий знав,
Що він думав, гадав, замишляв,
Як невзгодини на вкраїнську землю посилав.
Ой тож була найгіршая, найстрашнішая чвара,
Що з ляхами та за віру православну стала.

Задумали нечестивії ляхи церкву православну руйнувати,
Унію на Вкраїну впроважати,
Благочестіє скореняти,
Народ християнський у віру католицьку ввертати.
Але наші на те не приставали,
Мечем свою предковічну віру од ляхів і ксьондзів обороняли
Тоді окаяннії ляхи гетьмана нашого Косинського піймали,
У каменний стовб замурували,
А на Вкраїну жолнірів наслали,
По церквах з голими шаблями порозставляли,
Щоб вони гвалтом народ християнський
Молитись по-лядськи примушали;
Попів наших православних із олтаря проганяли,
Підсмиканих ксьондзів на їх міста у престола поставляли,
Оттак ляхи над святою вірою глумились
Бога не страшились,
Людей не стидились.
А тим часом велено жолнірству в городи українські вступати,
Вибрать нового гетьмана не давати,
Народ силою в католицтво повертати.
Але наші у городі в Чигрині раду збирали,
Думали, гадали,
Довго, довго рахували,
На гетьманство Павла Наливайка [209], хороброго лицаря обирали,
Богу помолились,
Із ляхами биться безустанне за святую віру зговорились,
Ой не день і не два ляхи Вкраїну плюндрували,
Ні на часиночку одпочиння не мали,
Коней навзаводах день і ніч держали,
До гетьмана Наливайка дорогу верстали,
А гетьман хоробрий Наливайко, що він думає-гадає,
Що він за долю товаришів своїх замишляє?
Тільки бог святий знає,
Що йому на помоч помагає,
Із-за гори хмара виступає,
Виступає, вихожає,
До Чигрина громом вигримляє,
На вкраїнську землю блискавицею лискає.
То поляки через три ріки три переходи мали
Та й біля третього переходу станом стали,
Пустили коней на попасання,
Самі собі дали на три години одпочивання,
А що гетьман Наливайко думає-гадає?
Що він на незгоду ляхів замишляє?
Тільки бог теє святий знає,
Що йому на помоч помагає.
То не хмари по небу громом святим вигримляють,
То не святих вони до бога провожають:
То ляхи в бубна вдаряють,
У свистілки та в труби вигравають,
Усе військо своє до купи в громаду скликають,
Щоб ішли всі до громади на послухання,

Слухати гетьмана Жолковського [216] оповідання.
Отто й прийшли, усі рядом стали,
Усі рядом стали та й замовчали
Гетьманську оповідь слухати зачали,
А послухавши, коней сідлали,
Через Білу річку переход великий мали
А перейшовши, огороди та шанці робили,
Ув окріп гармати становили,
А перед гарматами три хрести вколотили:
А що перший хрест, то Сомино висить,
Сомино висить, барзо голосить.
А що другий хрест, то Богун висить,
Богун висить, шаблюкою лопотить.
А що третій хрест, то порожній стоїть,
Усіх інших козаків до себе піджидає,
Козаків піджидає, козаків оглядає:
Хто первий підійде,
Того гармата вб'є,
Хто другий добіжить,
Того самопал цапне;
Хто третій підскочить,
Той хреститься буде,
Хреститься буде й молиться стане:
Що хрест з осоки, то його надбане.
А козаки гляділи, у вічи вбачали,
Проміж себе бурковали-рахували,
Три корогви на забачення ляхам становили,
На корогвах уговор-рядну писали:
«Вірному православному християнству миром мир,
А ляхам-ворогам пекельний пир.
В кого хрест, на того й хрест».
Отсеж і пішли ляхи
На чотири шляхи,
А козаки ляхів на всі сторони по всіх хрестах колотили.
Ляхи опрощення просили, та не допросились;
Не таківські козаки, щоб опрощення дали,
Не таківські ж і ляхи, щоб напасть забули.
Ой не забули своєї пригоди прокляті ляхи, не забули,
Вони все теє козакам спомянули,
Як козаків під кормигу свою лядську знову підвернули.
А тепер побачивши, що з козаками худа справа воюватись,
Стали на хитрощі підійматись:
Ніби-то примир'я з гетьманом Наливайком брали,
Хрест цілували,
Покинути всяку вражду на Євангелії присягали,
Але незабаром знов свою присягу поламали,
Гетьмана Наливайка та полковника Лободу,
Та сотника, та суддю
До Варшави лесно зазивали,
У темницю похапали,
А на другий день у мідного вола посадили,
Огню йому під черевом розложили,
Та й усіх тих трьох мучеників у тім волу попалили [211].
Оттоді-то Вкраїна дуже засумувала,
Що найкращих своїх лицарів, Наливайка й Лободу, втеряла,

Що защитники віри й волі такою смертю пострадали,
Якою од початку світу люде не вмирали.
Оттоді-то вже Вкраїна сумувала,
За сироту себе мала,
На бога єдиного всю надію покладала,
А бандурники та кобзарі пісні тоді, на втіху й на жаль людям,
Про гетьмана Наливайка прокладали,
Великії діла його вихваляли,
Люту смерть його оплакали,
Людям у серце вічну вражду на поляків клали.

Пісня про Наливайка

Ой у городі Могилеві димом потягнуло,
Як те військо запорозьке з гармат да ревнуло.
Ой у городі Могилеві та сталося пусто,
Як повіяли козаки з самопалів густо.
Ой у городі Могилеві орли та гадюки,
Лядським тілом годуються, лядську тілу радуються
Ой у городі Могилеві що пні та колоди:
Прилучилося, бач, лихо лядській породі [212].
Не такеє іще б лихо, як тая позора,
Що ходить по білу світу з двора та до двора.
Не так тая позора, як козакам порада,
Що Кравчину [213] шануючи, ляхам далась зрада.
Далась ляхам зрада із самого рана
Од гетьмана Наливайка, шановного пана.

Друга пісня про Наливайка

Славна стала та Кравчина, як на Полыцу стала.
Вовкулакам католикам, мстючи, зраду дала,
Тую зраду, тую зраду, що в мурі, в темниці,
З Наливайка позичала, як в бідной вдовиці.
Вдовин сину, вдовин сину! Є ще в тебе браття,
А в братів твоїх козаків багацько завзяття.
Сходилися всі козаки, раду положили,
Та на раді на поляків поход присудили.
Розходилися козаки із тієї ради,
Вибирали з-під камінів великії клади.
Клади продавали, самопали купували,
Купували самопали, в поход виступали.
А попереду всіх Голий соколом літає [214].
На конику вороному жахом вигравае.
Привертали козаченьки порану до Случи
Та з гармати густовали, католиків звучи.
А ляхи й почули, у одвіт ревнули,
Бодай же їм тяжко-важко, що вони ревнули.
Що вони ревнули, біду провіщали,
А козаки гайдамаки думали й гадали.
Думали й гадали, думали й гадали,
Тяжко-важко за гетьманом своїм сумували.
А в Варшаві та на раді та судді судили,
Та спалити Наливайка в волу присудили.
Присудили Наливайка та ляхи спалити,
Присудили козаченьки ляхам відомстити.

Пісня про Лободу

Ой в городі в Батурині дзвони задзвонили,
Ой то ж наші козаченьки у раді рядили.
Ой у раді та рядили, як на Польщу стати,
Та на раді присудили Вкраїну єднати.
Ой і вийшли козаченьки. Хоч тисяча й двісті,
Та багацько та за ними зведеться користі.
Пан Сулима, пан Сулима козаків збирає,
Та й усім тим козаченькам, він так промовляє:
«Товариші, рідні браття, чиніть мою волю:
Що нам треба відплатити вкраїнську недолю.
Хоч нас, пани запорожці, і тисяча й двісті,
Та багацько та за нами зведеться користі.
Ой багацько та користі зведеться за нами,
Коли хочете побиться бучно із ляхами».
Як на теє обізветься Лободівський чура,
До козаків уклоняє, оттак промовляє:
«Ой, панове отамани, добре себе майте,
Що за мого пана Йвана [215] ляхам відомщайте.
Ой, мій пане, пане Йване! Десь-то ти зобгався,
Що на ляхів став навперше та й не сподівався.
Ой, мій пане, пане Йване, Наливайків друже.
Що задав з ним зраду ляхам, задав та й байдуже.
Ой, мій пане, пане Йване, десь-то ти сподівся,
Що у мурі у темниці ляхам знадобився.
Ой, панове отамани, пана Йвана спом'яніте,
Та за мого пана Йвана ляхам одомстіте.
Коли хочете Вкраїну до себе єднати,
То вам треба пана Йвана добром поминати.
Як Вкраїну тії ляхи до себе єднали,
Теді наші з паном Йваном ляхів воювали.
Ой і ляхів воювали, як по Бугу стали,
Та гетьмана Потоцького [216] двічі заганяли [217].
Ой і ляхів воювали, як по Пруту стали,
Того було, що й Цоцору добре плюндрували [218]
Добре було, добре було, та сталася зрада,
Що забито пана Йвана у неділю зрана».

Дума десята

Потративши Наливайка й свояка, його Лободу,
Ляхи зовсім уже Вкраїну опанували,
Жолнірство своє по всіх замках становили,
Людей мордували,
У лядську віру ввертали,
Що хотя робили.
А ксьондзи лядської од села до села не кіньми, а на людях роз'їжджали,
В церквах святії антиминси та требники православнії палили,
Пакості несказаннії чинили,
А потім усі церкви православнії на одкуп жидам поодавали.
Жиди ключі од церков і вірьовки од дзвонів до себе в корчму одібрали,
За велику плату християнам править божу службу позволяли,

З людей і з святої віри християнської кепкували,
Гойською її називали.
Оттакеє ляхи на Вкраїні, на своє лихо, обезумівши,
виробляли.
І вже тоді не вільно було нікому з православних жадного
уряду держати.
Усіх панів наших католицтво із уряду витискало-виганяло,
А тільки тих, що поробились католиками, не займало.
От у тую-то гіркую годину
Багацького душ християнських марне себе погубило:
Ради благ миру сего,
Багацько з наших панів у католицтво пообертало,
Своїх земляків одщуралось,
Над ними разом із ляхами наглумлялось,
І вже тоді хто був Решето, то став Решетинський;
Хто був Чапля або Проскура, або Лопата,
То вже стали — Чаплинський, Проскуринський, Лопатинськи
І вже тоді тії одступники
Разом з вірою й рідну мову свою голосну вкраїнську
занехали,
По-польськи цвенькати стали,
Свою ж рідну мову мужицькою узивали,
Тую гарну, поважную мову мужицькою узивали,
Котрою й князь Владимир говорив,
Як вірою християнською всю Вкраїну просвітив.
У тую гіркую годину
Усе військо козацьке по Вкраїні, як овечки без пастуха,
ватагами блукало,
Само об собі не знало.
Деякії на Запорожжя повбирались,
А котрим жаль було покинути домівки,
Тії, стиснувши серце, дома зоставались,
Богові молились,
Спасителю хрестились,
Луччої години сподівались.
А тимчасом Орда на пограниччя в Україну набігала,
Козацькії двори й хліви розбивала й розоряла,
Народ в немилосердную неволю брала.
Коні, воли й овечки в свої авули заганяла.
Тільки свиней не займала.
Оттоді-то вже козацтво, мов би од сна трохи стрепенулось,
Об своїй нещасиій долі схаменулось:
До запорожців на Січ прибували,
Разом з ними розумного воїна Петра Сагайдачного гетьманом
обирали,
В поход на татарву морем виступали,
До Криму з моря привертали,
Город Кефу сплюндрували,
Бідних невольників із неволі визволяли,
А потім і під город Козлов підступили,
Кругом його військом обгориули,
З гармат ревнули,
Димом мушкетним його мури окурили,
Великий страх татарві причинили,
То проклята татарва із города із Козлова з білим

завивалом виступає,
Мир возвіщає,
Великий окуп за город козакам поступає,
Усіх невольників, що забрала в Україні, випускає.
Тоді козаки, здобич забравши,
В човни посідавши,
Додому в великій славі повертали,
Тих біднпх невольників по городах християнських розпускали,
Дітей батькам,
Братів сестрам,
Чоловіків жінкам
Вертали,
Що вже їх, як мертвих, оплакали.
Оттоді-то окаянні ляхи, бачучи велику козацьку снлу й славу,
По всій Україні стрепенулнсь,
До Польщі втікали, як од вовка поросята сунулись,
А жиди за ними слідом спішили,
Аж свої вонючії ярмулки й патинки погубили.
А король польський Жнгмунт і собі схамеиувся,
На престолі сидячи, здригнувся:
«Гей, каже, панове сенатори! годі вам Україну бунтувати.
Треба, бачу, козаків ласкою гамувати,
А то будемо ми од них за Вислу втікатн».
І зараз листи до гетьмана Петра Сагайдачного засилає,
Гетьманом його на всю Вкраїну подтверждає,
Подарки велнкії дарує,
Булаву золоту, хоругов червоную хрещатую, золотнй бунчук присилає.
Так і сяк козацьке його серце гамує.
Тоді гетьман Сагайдачний по Вкраїні,
Як божа бджола по стілнику медовому, похожає,
Усе поправляє,
Усякий ущерб поповняє,
Церкви святії будує-обновляє,
Священиків православнпх знову до парахвій приставляє:
А в Києві преславний Братський монастир збудував,
Великії вклади йому дарував,
Сріблом та златом украшав,
Великії будинки прн монастирі для школи — Академії мурував.
Великим коштом тую школу содержав,
Розумною головою так рахував,
Щоб з тої школи світ премудрості на всю Руськую землю просіяв,
Народові в темноті розуму загинути не дав.
Ой добре-добре козаки за гетьмана Сагайдачного на Вкраїні проживали,
Не раз і не два турків-татар розбивалн,
Тай ляхів-ворогів у тривозі держали.
Але шкода, що господь чоловікові недовгий вік дав.
Гетьман Петро Сагайдачний до конця дней своїх доходжав,
Милосердному богу праведную душу в Братстві оддав,
Україну, як малу дитину, сиротою зоставляв.

Тоді ляхи знову жолнірів своїх на Вкраїну виправляли,
Замки один за одним забирали,
Знову у лядську віру народ увертати починали,
Не то козакам зобратись у раду не допускали,
Але й двох, й трьох, що зійдуться на улиці, зараз розганяли.
Отакеє лихо ляхи на Вкраїні виробляли.
Ще гірше, як до Сагайдачного, Вкраїна тоді бідувала,
Тяжку наругу од ляхів і жидів віра християнська приймала.
Проклятая татарва церкви божі на оренді держала,
Горілку в церквах, як у шинку, продавала,
Сама проскури скверними своїми руками пекла,
Велику плату за них иазначала,
Сама паски к Воскресенію продавала,
Жидівською рукою значок на їх клала.
Отаку-то наругу віра християнськая од ляхів і жидів прий

Дума одинадцята

Отже ще раз козаки раду собирали,
Гетьмана Тараса Трясила настановляли.
То гетьман Тарас Трясило з козаками під Переяслав прибував,
Над річками Трубежем та Альтою станом став,
Ляхів до себе в гості піджндав.
То не чорні хмари наступають,
Громом гудуть,
Дощ і град на поля несуть,
Блискавиннями блискають;
То поляки на три шляхи своє військо розділяли,
Прийшли, перед козаками станом стали,
З гармат на козаків гримали,
Конницею й піхотою на козацькнй табор напирали,
Але нічого не вскурали;
Бо козаки,
Як степові бики,
Що против тічки вовків тільки роги свої наставляють,
Самі ж ні назад, ні наперед не поступають,
Двойчатими ратицями землю роздирають,
Тяжко ревуть, вовкам великого страху завдають.
Так і вони під гарматами лядськими, як укопані стояли,
Ні назад, ні наперед не поступали,
Тільки раз-по-раз свої гармати набивали,
На ляхів і часто й тяжко гримали,
З самопалів густо повівали,
Нічого не промовляли.
То ляхи, як собаки підогнувши хвіст, до свого обозу уступали,
По уші себе валами обкопали,
Ще більших потуг до себе піджидали.
А козаки на великі потуги лядські не вважають,
На бога милосердного свою надію покладають.
Щасливої години дожидають.
А як стали ляхи свій празник панське тіло празнувати,
З гармат гримати

У сурми вигравати,
Потішнії огні в стану пускати:
Тоді стали козаки собі рахувати,
Як би ляхам слави козацької доказати.
Мовчки сидять, самі собі думають-гадають,
Дивляться, як в лядськім стану ракети під небеса літають,
Іскрами все поле обсипають,
Як п'янії ляхи краков'яка співають,
Як труби та свистілки вигравають,
Самі собі думають-гадають
Нічого не промовляють,
Полуночної години дожидають.
А о півночи звелів гетьман Тарас кінним полкам тихо
з табору рушати,
Ляхів кругом обгортати,
Зорі дожидати.
А як стала божа зоря на небі займатись,
Небо й землю розкрашати,
Сивії тумани до купи згортати,
Пташок, звірят звеселяти,
Тоді стала чориа хмара на поляків підійматись:
Уся піхота козацька з табору рушала
Мовчки під самії шанці лядські підступала,
Тихо хрести покладала,
Мовчки бога на поміч призивала,
На шанці одними списами та шаблями вдаряла,
Сонну сторожу побивала,
У самий табор уступала,
Пушки лядські опанувала,
На ляхів обертала,
Велику тривогу підіймала,
Ляхами, як грушами землю всипала.
Оттоді-то п'янії ляхи не продравши очей, з табору,
як свинота, сунулись,
Та вже тоді схаменулись,
Як на кіннії полки козацькії наткнулись.
А козаки їх, як буряки, рубали,
Як полову по всьому полю розметали,
У Трубежу й у Альті великі їх тисячі потопили,
Трупом лядським річки погатили..
Добре ляхів проучнли.
Про те діло ще й досі старі люде знають,
Ту ніч Тарасовою ніччю називають.
Оттоді-то вже козаки богові велику дяку посилали,
У лядський табор, як одна сем'я, вхожали,
Очеретами сідали,
Пили та гуляли.
А ляхи з жидами зо всієї Вкраїни як собаки втікали.
Ой не довго ж гетьман Тарас на Вкраїні попанував,
Скоро його господь у царство небесне одізвав.
Тоді козаки гетьманом Павлюка настановили,
Віру християнську од поляків боронили.
Але ляхи всіми потугами на козаків під Кумейками [219] напали,
Табор у них одбивали,
Козаків аж до Боровиці гнали,

А як убачили, що Боровиці їм не достати,
Тоді стали на примир'я ставати,
Хрест цілувати,
Що не будуть з козаками воювати.
Ой не вміли ж козаченьки ляхам одвічати:
Не треба було ляхам віри няти,
Не треба було з Боровиці виступати,
Бо у ляха нема в серпі правди.
Ляхи зараз присягу зламали,
По дорогах наших малії купи доганяли,
Шаблі, мушкети, списи однімали.
Самих із кунтушей, із жупанів обідрали,
Без чуприн і без усів додому одпускали.
А старшину із гетьманом Павлюгою похапали,
У Варшаву одіслали,
Живим кожу із голів поздирали,
Половою понабивали,
По городах українських розсилали,
Народ застрашали.
Ой скипіло ж кров'ю не одно козацькеє серце тоді на Вкраїні,
Терплячи таку пригоду на своїй родині.
Але притихли козаки, усі мовчки замовчали,
Тільки знай своїх нашийників проклинали,
Луччої години дожидали,
Одну думку на умі собі мали,
З нею лягали й уставали,
Як любу дитину коло самого серденька її держали:
«Ой дождетесь, ляшки, ви за сеє плати,
Будете знать, як у козаків волю однімати,
Батьківщину у них одбирати
Та своїм панам пузанам оддавати.
Дарма, що нас у мужики обернули,
Аби наші козацькії душі в тілі не заснули,
Перекуєм коси, серпи й лемеші
На гострії шаблі, на блискучії списи.
Будете ви, проклятії нашийники, в болотах стирчати,
Своїм трупом вовків годувати.
Ніхто волі у народі з предку-віку вольнім не задушить,
Ніякее лихо, ніяке убожество, ніяка пригода в серці козацькім одваги не потушить.
Будуть козаки усяку наругу й біду приймати,
Мовчки будуть під нормигою, як воли, працювати,
Кривавим потом землю поливати:
Але одну думку на умі будуть собі мати,
З нею й молитись,
З нею й хреститись,
З нею й лягати й уставати,
Як любу дитину коло самого серденька її держати,
Щасливої години вижидати,
Великого чоловіка од господа милосердного собі прохати,
Щоб під його корогвою за свою свободу одностайне стати,
Один одному зо всіх конців України руку подати.
Так і сталось.
Довго козаки під ярмом лядським шию гнули,

Здавалося, що вже ляхи собі під ноги їх зовсім підгорнули
Але іскра волі ще раз з-під попелу виривалась,
Лютим пожаром по всій Україні на згубу ворогів розливалась
Несподіване козаки ще раз підіймались,
Докупи збирались,
Гетьманом Степана Остряницю вибирали,
Думали й гадали,
Статки-маєтки збували,
Самопали, списи, шаблі добували,
На поляків виступали.

Дума дванадцята

Ой пішли ж козаки
На чотири шляхи,
На чотири шляхи, а на п'яте на Подоля.
Що одним полем, то пішов пан хорунжий Самко Мушкет,
А за паном хорунжим мало-мало не три тисячі,
Усе хоробрії товариші запорожці.
На коніках вигравають,
Шабельками блискають,
У бубни вдаряють,
Богові молитви посилають,
Хрести покладають.
А Самко Мушкет то він на коню тай не вигравае,
Коня удержує,
До себе притягує,
Думає-гадає.
Та щоб сто чортів лихом вбили ту його думу-гадання.
Самко Мушкет думає-гадає,
Словами промовляє:
«А що, як наше козачество, мов у пеклі, ляхи спалять?
Та з наших козацьких молодецьких костей пир собі на похмілля зварять?
А що, як наші голови козацькі молодецькі по степу-полю поляжуть,
Та ще й рідною кров'ю вмиються.
Поперерозколитими шаблями покриються?
Пропаде, мов порошина з дула, тая козацькая слава,
Що по всьому світу дибом стала,
Що по всьому світу степом розляглась-простяглась
Та по всьому світу луговим гомоном розійшлась,
Туреччині та татарщині добрим лихом знати далась
Тай ляхам-ворогам на спис оддалась,
Закряче ворон, степом летючи,
Заплаче зозуля, лугом скачучи,
Закуркують кречети сизі,
Загадаються орлики хижі,
Та все, усе по своїх братах,
По буйних товаришах козаках:
Чи то їх згарбом занесло,
Чи то їх у пеклі потопило,
Що не видно чубатих не то по степах, не то й по лугах,
Не то й по татарських землях,
Не то й по турецьких горах,

Не то й по Чорних морях.
Не то й по людських полях?
Закряче ворон, загруе-защумує та й полетить у чужую землю,
Ан-ба! кістки лежать,
Шаблюки стирчать,
Кістки хрустять,
Шаблюки поперерозколені брящать,
А чорна-сива сорока зоскалилась та й басує.
А що голови козацькі, то мов швець Семен шкуру загубив,
А що чуби, то мов чортяка джгути поробив:
У крові усі та й позасихали,
Отто й слави набрали».
Ой пішли козаки
На чотири шляхи,
На чотири шляхи, а на п'яте на Подоля.
Що одним полем, то пішов хорунжий Самко Мушкет
А другим полем то пішов сам гетьман
Остряниця Степан.
Сивою голубкою голову свою буйную додолу закинув.
А за ним ідуть мало-мало не три тисячі,
Усе хоробрії товариші запорожці.
На коніках вигравають,
Шабельками блискають,
У бубни вдаряють,
Богові молитви посилають,
До Степана Остряниці ось так промовляють:
«Чи ти жив, чи здоров, пане Степане?
Чи ти вмер, чи твою головоньку дубом додолу пришибло?
Рахування не в поминання.
Коли ж небудь треба та й по вас поминки робити;
Що до нас, пане, старі баби будуть у полі свистіти,
А по тобі, пане, молоді дівчата стануть голосити».
«Та все однако,
Що Яким, що Яків»,—
Каже гетьман.
«Ось як пристанемо до П'ятого яра,
То хоч і серед літечка зашумить-загуде не дай світа чвара.
Буде й нашим лихо, як зозуля кувала,
Степом летючи,
Лугом скачучи,
Що вона кувала,
То правду казала:
«Налетять орли хижі, стануть жалкувати,
А ворони налетять та й стануть здобичи ждати й піджидати.
То як налетять отті зозулі,
Що нас не забули,
Що жид, а що лях,
А що й запорозький козак».
Ой пішли козаки
На чотири шляхи,
На чотири шляхи, а на п'яте на Подоля.
Що одним полем, то пішов хорунжий Самко Мушкет,
А другим полем то пішов сам гетьман
Остряниця Степан,

А третім полем, то піщов осаул веселая голова,
Карпо Півтора-Кожуха.
На конику вигравае,
Пісню співає.
А за ним ідуть мало-мало не три тисячі,
Усе хоробрії товариші запорожці.
На кониках вигравають,
Шабельками блискають,
У бубни вдаряють,
Богові молитви посилають.
А Карпо осаул на конику вигравае,
Пісню співає:
«Пресучая та журба мене ізсушила,
Вона мене молодого із ніг ізвалила.
А я тій журбі тай не піддаюся,
Ой піду ж я до шинкарки, горілки нап'юся.
Ой хто хоче меду пити, ходім до жидівки,
А в жидівки чорні брівки, високі підківки.
Й юпочка рябенька й сама молоденька,
Та якая ж хорошая, яка чепурненька.
«Шинкарочко моя, насип меду й вина,
Ой щоб моя головонька веселенька була».
«Коли ти жонатий, то іди додому,
А як не жонатий, то ночуй зо мною».
«Ой є в мене й жінка і діточок двое,
Та не пригортаються, серденько моє».
Ой рано-рано козаки до Стариці ріки прибували,
Ляхів над Старицею в П'ятім яру велнкий табор знахожали,
Зараз на їх ударяли,
Схаменутись ляхам не давали,
Із окопів вибивали,
До містечка Полонного гнали,
Полоннее кругом обгортали.
А ляхи, як хорти, запихавщись у містечко впадають,
Священників православних із хрестами, з корогвами,
Із святими образами супротив козаків висилають,
На примир'я стати божим іменем благають.
То як тільки тая свята процесія перед табором козацьким явилась,
Рука у всякого козака додолу опустилась.
Ніхто не одважившись божим служителем поперек слова сказати
Усі зараз позволили на примир'я стати,
От тоді вже хрест і Євангеліе ляхи й наша старшина цілували,
Уговор-рядну на білім папері писали,
Руки і печати прикладали,
Щоб уже згода між ляхами й козаками повік зоставала,
Вражда й чвара ніколи не вставала.
Тоді козаки по домах рушали,
По городах, по селах ляхів геть розганяли,
Самі усі села опанували.
А гетьман Остряница з старшиною військовою у каневс монастир прибуває,
Милосердному богу молитви посилає,

Не думає, не гадає,
Що на його біда настигає.
Ляхам ксьондзи клятву розв'язали,
Против козаків знову научали.
Ляхи під монастир байраками та ярами прибували
Гетьмана Остряницю й усю старшину, тридцять душ похапали,
На вози скованих поклали,
До Варшави байраками та по ночах скрытно мчали,
А в Варшаві на базарі щиро ярий вогонь горить-палає,
Коло вогню палі стоять,
Списі залізнії стирчать,
Поміж ними знай кат похожає.
Зараз гетьмане Остряницю і найвищу старшину:
Сулиму, Недригайла, Боюна, Риндича взяли, колесували; Га
даревського, Бутурима, Запалія, Кизима й Сучевського
Залізними спицями наскрізь пробивали,
Живих, на високі палі підіймали;
Постилича, Гаруна, Сутигу, Подобая, Харкевича
й Околовича, Судака, Чурая, Чуприну, Сокольського, Ворожбита й Мировича
Гвіздками стоячих до смолянних дощок прибили,
Дошки вогнем підпалили;
Загребу, Скребила, Ахтирку, Потурая, Бурлія й Загнибіду
Залізними лапами живих розідрали;
Метиляя, Скубрія, Завезуна, Гуртового, Глянського,
Тумара, Дунаєвського, Тугая, Косиря Могилянського
Четвертували.
Оттак то тії лицарі в муках несказанних у Варшаві погибали,
А душі їх на небо вступали,
До бога, як до батька дітки, прилітали,
Все теє богові з плачем, з жалем оповідали,
Тяжку та важку кару на ляхів-ворогів послати прохали.
То святий бог-отець бере їх, до себе пригортає,
Благим та праведним серцем над ними уболіває,
До Ісуса Христа, до Богородиці, до янголів та до святих промовляє:
«Чи на теє ж я світ создав, щоб поляки його кров'ю невинною полнвали,
Щоб яснеє сонце димом пожарним затемняли,
Криком невинних мучеників нам на небі покою не давали?
Ой чи довго ж мені на такії беззаконія дивитись?
Ой чи довго будуть ляхи й жиди людським лихом веселитись?
Скоро, скоро страшна хмара із-за гори чигринської встане,
Подвигнеться і затремтить земля, як Хмельницький на поляків гряне».
От так на небі господь свій праведний совіт покладав,
Над малим і незначним чоловіком руку свою всемогущу простирав,
Ляхам велнкії та тяжкії біди вготовляв,
Але ляхи про те не думали, не гадали,
П'яним розумом на божий суд не вважали,
По Вкраїні панували,

Що вовкн народ український рвалн,
Церквн палилн,
Козацьких дітей в казанах варилн,
Кожі з живих людей дралн,
Ще ніколи бідна Вкраїна такої бідн, як тоді, не прнймала,
Ніколн так не сумувала,
Зовсім погибала,—
Засумувала, затоскувала,
Сльозн річкамн пролнвала,
Ніхто за нас богові молнтв не посилав;
Тільки святий бог нашнх не забував,
На велнкі зусилля, на відповіддя держав,
Тільки святнй бог тее знав,
Що він думав, гадав, замишляв,
Як такії муки на нас грішннх посилав,
Не нам грішним тее знати,
Не нам про те, за те рахувати,
Наше діло богові молнтись,
Спасителю хреститись:
Ісусе Хрнсте, сине божий.
Помилуй нас, помилуй нас, помнлуй нас.

Року божого 1843, місяця квітня
Писано в богоспасаємім граді Кневі

Пантелеймон Олександрович Куліш

Власность Георгия Андрузского

Г. Андрузский

Ч. VIII, арк. 179—198.
Опубл.: *Украйна.* Зложив П. Кулѣш. Од початку Вкраины до батька Хмельницкого — К., 1843

№ 558

1847 р. червня, не раніше 8.— 1850 р. березня, не пізніше 28.—
НАЧЕРКИ КОНСТИТУЦІЇ РЕСПУБЛІКИ, ВИЛУЧЕНІ В Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ПІД ЧАС ОБШУКУ В БЕРЕЗНІ 1850 Р.

[ОБЩИНА]

Между нимн он называет главою безродных. Все таковые безродные остаются детьми главы государства н на ннх должно обращаться особенное вниманне.

Прямой глава рода лнбо семейства может быть отстранен от заведования, еслн слишком стар, до беспамятства помешан, недостойного поведения.

Все означенные главы суть естественные нзбнратели н естественные члены местных управленнй. Они нзбнрают местного старшину на законных основаниях, который разделяет свою власть с священнником. Главы, старшнна и священник, образуют управу.

Все нмеют равные голоса со следующнм отступлением: сын — один голос, отец вдвое протнв сына. На этой управе лежит обязанность наблюдения за нсполнением всех общих повнностей, прнведение в нсполненне всех распоряжений начальства, суд и управленне в нзвестной мере.

Если в управе пронзошло недоуменне, лнбо несогласие, то дело поступает в управленне общины, которое нмеет непосредственное веденне над всеми управами. Живущие вне прнхода причисляются к блнжайшему приходу. Итак, провндение спасло меня. Отдохнув на берегу, я с невольной грустью взглянул на море, поглотнвшее монх товарищей н быть может на-

долго разлучившее меня с родными. Я едва не заплакал. Подумавши, я пошел вдоль леса и вскоре набрел [на] тропинку. По мере ходьбы, она расширялась и я вышел на большую дорогу.

С изумлением я смотрел на колоссальный хлеб, от количества зерен наклоненный. Но усталость и голод меня так томили, что я, не рассматривая жавших, пошел к видневшемуся селению.

Не стану рассказывать, как я повстречал старика и он узнал по моей одежде, что я иностранец, пригласил к себе. Здесь я прожил более двух недель и не мог не удивляться порядку вещей, красоте места, богатству и образованиости жителей. В этом селении (у них называется общиной) две тысячи семейств, слишком тысячи домов, большой красивый храм, богодельня, школа, магазин, касса, управа. Строения каменные, и я не заметил, чтоб которое имело в длину менее пяти и в ширину менее четырех. Двухэтажные нередки. Между домами обыкновенно не менее пяти саженей расстоянии на и вдоль улицы и трех — на двор.

Дома вдоль улицы соединены каменными стенами, осененные из дворов густыми деревьями. Тротуары повсеместны плитяные, широкие и чрезвычайно ровные. Улицы мощенные торсом, особенно приготовленным, так что он никогда не гниет и тверд, как камень. Улицы широки и всегда прорезанные бульварами. Вечная тишина невольно вас поражает. Только вечером общиа вдруг оживляется. И вы, полагавши город вымерлым, невольно изумляетесь многолюдством. Песни, музыка, танцы отовсюду вас поражают. Но об этом мы еще поговорим.

Обратимся к описанию здешнего устройства. Каждый, имеющий не менее 20 и не более ... [220] лет, платит личную подать 7 рублей деньгами и другие натурой или же деньгами, смотря по желанию. Эти деньги распределяются: 1 руб.— государственное казначейство, 1 — в штат (похоже на наши вице-государства), 1 — в область (вроде губернии), 1 — в округ, 1 — на церковь, 1 — на училища и 1 — на самую общину. В такой же мере разделяется и продукт (преимущественно хлеб).

Из полагаемых на общину и содержится она именно:

Управа помещена в большом двухэтажном доме, в котором занимает комнаты: прихожую, небольшую для совещания и огромную залу для общего собрания.

В государстве штатов: 1) Украина с Черноморьем, Галицией и Крымом; 2) Польша с Познанью; Литвою и Жмудью; 3) Бессарабия с Молдавией и Валахией; 4) Остзея; 5) Сербия; 6) Болгария; 7) Дон.

Штат на области (10—2), область на округи (10—2), округ на общины (20—5), в общине от 2000 до 200 семейств.

В общине суть:

1). У п р а в а: соединяет в себе власти судебные, распорядительные и исполнительные. По судебным же делам, кроме уголовиых, и во всех относящиеся только к общине. Присуждает наказания: выговор, арест, штраф, отстранение от выборов, тюрьма (7—1 день). За неправую апелляцию получает штрафных от 10 до 100 руб. Ее члены: голова, 4—3 старшин, 10 депутатов от общины, священник и каждый местный житель, окончивший курс гимназии, 5—1 писцов.

Голова получает жалованье 100 р[уб]. и натурой на 100 р[уб]. (провиант, отопка, освещение) и квартиру. Властью своей он приводит в исполнение все распоряжения начальства, взимает подати для доставления по принадлежности, наблюдает за порядком, питейными и подобнымн заведениями, аттестует членов и жителей, подает им паспорты и свидетельства местные, блюдет за законностью совещаний и решений управы, приводит их в исполнение, подлежит полной ответственности за общину. Назначается от окружного правления местных жителей бывших или настоящих депу-

татов на неопределенный срок, должен окончить с успехом школу, не иметь менее 40 лет, быть женатым и не быть под судом. На пенсию — 35 лет.

Старшина есть помощник головы. Избирается головою и утверждается окружным правлением на тех же основаниях и тех же качеств, жалования 100 руб., натурой — 50 и квартира, на пенсию 35 лет. Писарь назначается от головы, жалованья 25 р[уб]., натурой 50 р[уб].[221], на пенсию 40 лет. Должен быть из туземцев, иметь не менее 20 лет. Члены избираются чрезвычайным собранием на год и утверждаются окружным правлением. Должны быть грамотны[ми], женаты[ми] и не менее 30 лет. Никто ни в какую должность (от головы, депутата, старшины и писаря) не может быть избран, а также и быть допущен к присутствию в управу, если он зазорного поведения, был наказываи, не далее как за 3 года, моложе 20 лет и не местный житель.

Управа присуждает наказания, содействует голове в его обязанностях, наблюдает за школой, богоделыей, магазином, общинной кассой, утверждает все добровольные намерения общины не противные, но даже содействующие порядку существующему.

Законное число в присутствии голова и пять депутатов. Решается большинством. За несогласие — жребием. Депутат и священник подают мнения, привилегированный участвует только в баллотировке, и говорят только по спросу. Голова с старшиной не участвуют в решениях. В делах личного действия головы, священник и каждый депутат могут только протестовать, если находят незаконным; за неправый протест депутат лишается депутатства, а священник подвергается духовному наказанию и выговором от окружного начальника.

Если управа действует неправо, голова под своей ответственностью не приводит в исполнение ее решений до рассмотрения окружным правлением. Если протест головы неправ, то он лишается места. Но если управа будет за него ходотайствовать и если чрез проступок головы вреда не произойдет, ограничивается выговором, штрафом, смотря по важности проступка.

За отсутствием головы его замещает старшина. Никто не может отлучиться из общины без требования начальства и дозволения управы, а член управы — без дозволения управы, голова ж — без позволения управы.

Заседания делятся на обыкновенные и чрезвычайные. Обыкновенные ежедневно утром либо вечером. Чрезвычайные — во всякое время. Чрезвычайные те, на которых должны [быть] непременно все члены на лицо и все те, кои не имеют препятствий к избранию в депутаты. На них присуждаются распределения исполнения повинностей и пр[очие] вопросы, имеющие равное для всей общины и не имеющие прямого распоряжения начальства.

Управа все дела судит изустно и ведет один лишь дневник с приложением просьб. В дневнике подробно дело объясняется с положением и приписанием всех распоряжений своих и начальства. Таковой дневник ведется в двух экземплярах: один сохраняется на месте для руководства впредь до особых распоряженнй, другой ежемесячно препровождается в областное правление в виде отчета. Сверх того голова лично от себя подает постоянно рапорт и краткие полугодсвые и годовые отчеты. Нарушение закона с умыслом, со вредом, проступок, подлежащий суду, неприличное поведение необходимо влекут к отстранению и отставлению каждого члена управы, навсегда или временно, вполне или с ограничениями, смотря по важности проступка. Отставление навсегда или вполне (т. е. с лишением или воспрещением впредь означенного или подобного поста) определяется областным правлением, одобряется окружной палатой и окончательно утверждается областной палатой.

Чрезвычайные заседания могут лишать звания депутатского и назначать нового; но собрание и заседание подлежит только определению боль-

шинства 2/3 голосов всей управы или же по приказанию начальства. Самовольные же сборища признаются преступными и на голове лежит обязанность строжайше их преследовать. Решения чрезвычайных заседаний приводятся головой в исполнение двойной же ответственностью, против ответственности за решения управы. Во время бунта, либо за уголовно незаконные [222] решения управы, она может быть распущена и члены по лишению депутатства преданы суду, и община подвергнута осадному положению. Каковое чрезвычайное действие по донесению окружного начальства определяется областной палатой и утверждается штатным комитетом внутренним.

2) О б щ и н н а я к а с с а составляется из определенного сбора, частью в общине или с общины лишь полагаемого, штрафов и добровольных пожертвований. И с нее-то и выдаются жалованья. Распоряжается ею управа. Голова только наблюдает за законностью ее распоряжений с ответственностью.

Полугодно собирается чрезвычайное собрание для отдачи ему отчета по кассе и магазину, получения наставлений. Таковые собрания решают только по этим двум и то, что им будет предложено, сами в рассуждения не входят.

Кассой заведывает смотритель, назначаемый от чрезвычайного собрания с исполнением решений управы и утверждением головы, но с ответственностью пред избравшими и окружным правлением, которому и посылает краткие ежемесячные отчеты. Смотритель, кроме качеств депутата, должен иметь не менее 50 лет и состояние. Получает жалованье 100 р[уб]. и натурой 100 р[уб]., на пенсию 35 л[ет]. В случае надобности определяется нужное число писцов по распоряжению управы и назначению смотрителя с жалованьем 25 р[уб]. и натурой 50 р[уб]. Качества писца управы — не менее 40 лет. Может по надобности таким же образом содержаться и прислуга с жалованьем 20 и натурой 25 руб. Пенсия за 50 лет. Качества — честного поведения и не менее 18 лет.

3) М а г а з и н. Составляется так же. Управляется так же.

4) Б о г а д е л ь н я. Смотрителем полагается священник, за что и получает по 50 р[уб]. деньгами. Прислуга на тех основаниях, как и в кассе. Содержится на законных основаниях по определению чрезвычайного собрания из средств магазина и кассы, а также из добровольных приношений.

5) Ш к о л а. Смотрителем священник и по школе. Он получает как законоучитель и смотритель 100 р[уб]. деньгами. Учителей полагается: арифметики, грамоты и письма 1, географии, истории и космографии 1, три мастера и две руководительницы. Каждый по 100 р[уб]. деньгами, 50 натурой и квартиру, с пенсионом за 30 лет. Назначается от гимназии. Прислуга на основаниях кассы. Сироты — мальчики и девочки — воспитываются безденежно, прочие вносят плату годовую от 1 до 10 р[уб]. сер[ебром], смотря по состоянию и таким же образом натурой.

Недостающее покрывается из кассы и магазина. Учебная часть надлежит от смотрителя по данной ему от гимназии инструкции и материальная — от управы на законных основаниях. Вместо писарей могут употребляться воспитанники с назначением за то жалованья в год каждому до 1 р[уб]. деньгами и 4 натурой.

6) Д о к т о р. Если где священник не имеет свидетельства на лечение и ближе 3 верст доктор не живет и аптеки нет, то назначается доктор по желанию общины от Врачебного областного комитета с назначением жалованья 100 р[уб]. серебр[ом] и 100 натурой и квартирой из средств общины с пенсией за 30 лет. Если ж священник может лечить и ни он, ни община доктора не требуют, то он занимает эту должность с жалованьем 50 р[уб].

: пенсией за 30 лет, причем подчиняется Врачебному комитету. На тех же основаниях может быть заводима аптека и больница.

7) Церковь. Содержится на счет общины. Число лиц от воли общины на законных основаниях, священнику положено 100 и 100, диякону 100 и 100, дячку 50 и 100, паламарю 50 и 50, деньгами и натурой. Всем квартира, а первым двум — и помощники для прислуги.

Прим[ечание]. За скудностью магазина следуемое из него может быть выдаваемо деньгами сполна и наоборот вполовину, по разрешению правления областного и определению чрезвычайного собрания, но это только лишь позволяется. Так же из средств общины могут быть награждаемы служащие все и делаться полезные учреждения по мерах, в § об общине показанных. По крайнему счету община без пенсионов издерживает деньгами 2,223 р[уб]. и натурой 1812 р[уб]. сер[ебром].

ОКРУГ

1) Окружная палата. Судебные дела по округу: все неуголовные и все уголовные до года тюрьмы без утверждения и с утверждением по принадлежности. Их составляют округа — 10 депутатов от округа, назначаемые три от окружной думы, три от окружного духовного совета и кончившие курсы университета. Собрание производится под председательством окружного, за болезнью и отсутствием вице-окружного. Решение большинством голосов, законное число 5 депутатов от округа, 1 от думы и 1 от совета. Всякое решение исполняется окружным по просмотрении стряпчим. Если стряпчий не согласен, то делает протест в областную палату и дело до разрешения в области должно приостанавливаться. За несправедливость протеста наказывается, как и голова. Такой же род надзора стряпчий имеет везде имеет, где будет указано.

Качество депутатов, кроме показанных в общине, аттестат из гимназии. Качество окружного такое же. Он избирается областным правлением на неопределенный срок.

Депутатам же округа 2 года. Избирается по всеобщинным отобранием голосов чрез земский. Депутатам думы и совета срок по определению сих последних. Окружной получает за плату 400 р[уб]. и депутаты округа по 100 р[уб]., а думы и совета по их определению и на их счет.

Содержится нужное число канцелярии и секретарь получает 300 р[уб]., столоначальник 280, помощник 230, занимающий штатное место от 300 до 230, писец — от 230—180 и служитель — от 180 до 100 р[уб]. сер[ебром], служащий должен, по крайней мере, иметь свидетельство из гимназии, а служитель — из школы. Назначение их на законных основаниях зависит от Присутствия, пенсия служащим за 35 лет, служителям — 40 лет. Пенсия окружному и депутатам за 20 лет.

2) Окружное правление — распорядительная часть по округу. Члены: окружной начальник, вице-окружной, 3 советника (назначение и качество окружного), жалованье окружному 400, вицу — 400, советнику — 400 р[уб]. Канцелярия на тех же основаниях, как и в палате. Пенсия также. Советники и виц наравне с окружным. Окружной присутствует чрез вица. Стряпчий имеет наблюдения. Решения большинством. Член несогласный пишет на бумаге дела кратко мнение, а в особенных случаях — протестует. То же и в палате. За ложную апелляцию на плату, окружное правление, духовный совет, думу, земскую полицию, сиротско-опекунский совет, совесный суд, и блюстительный комитет — штраф от 100 и до 1000 руб. от 1 до 3 месяцев тюрьмы, смотря по важности и обстоятельствам. Окружное правление распоряжается об исполнении предписаний начальства содержании порядка и тишины в округе, назначении и смещении лиц, утверждении и отставлении общинных депутатов и пр[очем].

3) З е м с к а я п о л и ц и я. По исполнительной части. Ее обязанность, действуя по данной инструкции, приводить в исполнение все требования правления, пропущенные стряпчим, и все, которые на основании закона не требуют пропуска.

Члены: исправник — жалованье 300, становые — 300, канцелярия — на основании палаты. Исправника и становых назначает окружное правление, утверждает областное. В пенсии, как служащим. Канцелярия назначается исправником, утверждается областным правлением, пенсия и жалованье, как в палате.

Весь округ делится на несколько станов для удобства и станом-то заведывает становой, безусловно, исполняя чрез управу приказания исправника, если они согласны с приказаниями областного правления. Становые держут писцов с жалованьем и пенсией качествами служителей палаты.

4) С о в е с н ы й с у д, где ведется тяжба, до поступления в палату решается словесно. Суд ведет только дневник, подобный управному, который ежемесячно в одном экземпляре представляет палате с самими делами. Суд состоит из судьи (депутат от палаты), депутаты от думы, 1 — духовного совета. Жалованье в суде — 400 р[уб]. и депутатом по определению их назначивших. Пенсия судье за 30 [лет]. Все дела преимущественно должны клониться к мировой.

Два писца на основаниях палаты

5) С и р о т с к о-о п е к у н с к и й с о в е т имеет попечение за именем и интересами сирот. Члены: окружной (ничего не получает), один депутат от палаты — 400 р[уб]., один от думы и один — совета (сколько дадут) и опекуны. Стряпчий наблюдает. Опекуны утверждаются палатою. Канцелярия, как в палате.

6) Д у м а избирается от купцов, ремесленников и т[ому] п[одобное] и содержится их иждивением. Решает мировые тяжебные дела означенных лиц и всякие их сделки; последние наблюдают стряпчие. Члены избираются на год: думный голова, депутаты, утверждаются областным правлением. Канцелярия. Отдает отчеты палате и областному правлению по роду дел. ежемесячно. Приводит в исполнение в своем кругу предписания этих мест и высшего начальства.

7) Д у х о в н ы й с о в е т для управления духовенством округа. Зависит от консистории.

8), 9) К а с с а. М а г а з и н. Подобно таковым же управы, ими содержится округ. Стряпчий наблюдает.

10) С т р о и т е л ь н о-д о р о ж н ы й к о м и т е т состоит при окружном. Канцелярия, как в палате. Советники, как в правлении. Из них один под титлой старшего, председательствует в небытность окружного. Стряпчий наблюдает.

11) Б л ю с т и т е л ь н ы й к о м и т е т состоит из стряпчего и трех помещиков. Стряпчий назначается областным блюстительным комитетом, утверждается президентом штата, а помощники утверждаются областным правлением. Жалованье каждому из трех по 400 р[уб]. с[еребром]. Пенсия за 30 лет. Канцелярия, как в палате. Дела их мы видели. Подлежит ведению областного блюстительного комитета.

12) Г и м н а з и я. Сверх теперешнего курса преподавания науки юридические, военные, сельские и обзор естественных. Подлежит делению университета.

13) Д о к т о р а. Область.

ГОСУДАРСТВО

1) Законодательное собрание, при нем цензурный комитет.
2) Государственный совет. Члены: президент республики, вице, министры, государственный прокурор, президент собрания и президенты штатных отделений его.
3) Министерство иностранное и народного просвещения.
4) Внутренних дел и юстиции — 2, 1 и национальных сил.
5) Военное и морское.
6) Финансов и промышленности — 3, 6, 7.
7) Блюстительный комитет — 8.
8) Государственный тюремный комитет — 15.
9) Лица, занимающие важные посты, имеют при себе канцелярии.
10) Государственный магазин — 5.

ОБЩИНА

1) Управа. Члены: голова, старшины, депутаты от общины, привилегированные, священник, писцы.
2) Богадельня. Члены почетные: священник, голова, староста церковный; управы смотритель, прислуга.
3) Школа. При ней библиотека. Члены почетные: голова управы и староста церковный, смотрителем — священник, учителя, мастера, мастерицы, писцы, прислуга.
4) Магазин. Члены почетные: голова и старшины управы, священник, смотритель, прислуга.
5) Общинная касса. Члены почетные: голова и старшины управы, священник, церковный староста, кассир, писцы.

ОБЛАСТЬ

1) Областная палата.
2) Областное управление.
3) Областная полиция (см. земск[ая] полиция, но вместо исправника и заседателей — полицеймейстер и советники, становых нет).
4) Магистрат (то же, что дума).
5) Консистория (см. духовный совет), вместо благочинного — архиерей.
6) Областной магазин.
7) Областная касса.
Совесного суда нет.
8) Опекунский совет
9) Строительно-дорожное управление.
10) [223]
12) Блюстительный комитет.
13) Семинария.
14) Университет.
15) Мужской институт.
16) Женский институт.
17) Врачебный комитет.
18) Приют.
19) [224]

ОКРУГ

Окружная палата.
1) Дума (по судебной части). Окружной, депутаты от округа, привиле-

гированные депутаты от думы, духовного совета, стряпчий (от правительства). Канцелярия.
2) Окружное правление (по распорядительной части). Члены: окружной, вице-окружной, канцелярия, стряпчий. Чиновники по особым поручениям.
3) Земская полиция (по исполнительной части). Члены: исправник, заседатели, становые, канцелярия, стряпчий.
4) Дума (по делам легким и всяким сделкам цехов и всяких промышленников). Думный голова, депутаты думные, канцелярия. Стряпчий.
5) Духовный совет. Благочинный, депутаты от духовенства, канцелярия.
6) Окружной магазин: почетные члены: окружной, думный голова, благочинный, директор училищ, члены: директор, помощники, канцелярия, стряпчий.
7) Окружная касса. Члены почетные те же, что и в магазине. Члены: директор кассы, помощники, канцелярия, стряпчий.
8) Словесный суд. По делам тяжебным (для облегчения палате и думе). Судья из членов палаты, депутаты от думы, духовного совета, писарь, стряпчий. Почетными членами: все действительные члены палаты, думы и совета.
9) Сиротско-опекунский совет. Члены: окружной, вице-председатели, депутаты, депутаты от духовного совета, опекуны. Канцелярия. Стряпчий.
10) Строительно-дорожный комитет: окружной, канцелярия, стряпчий.
11) Казначейство — окружной; штат, канцелярия, стряпчий.
12) Блюстительный комитет. Стряпчий, помощник, канцелярия.
13) Гимназия.
14) Мужское рабочее училище.
15) Женское рабочее училище [225].

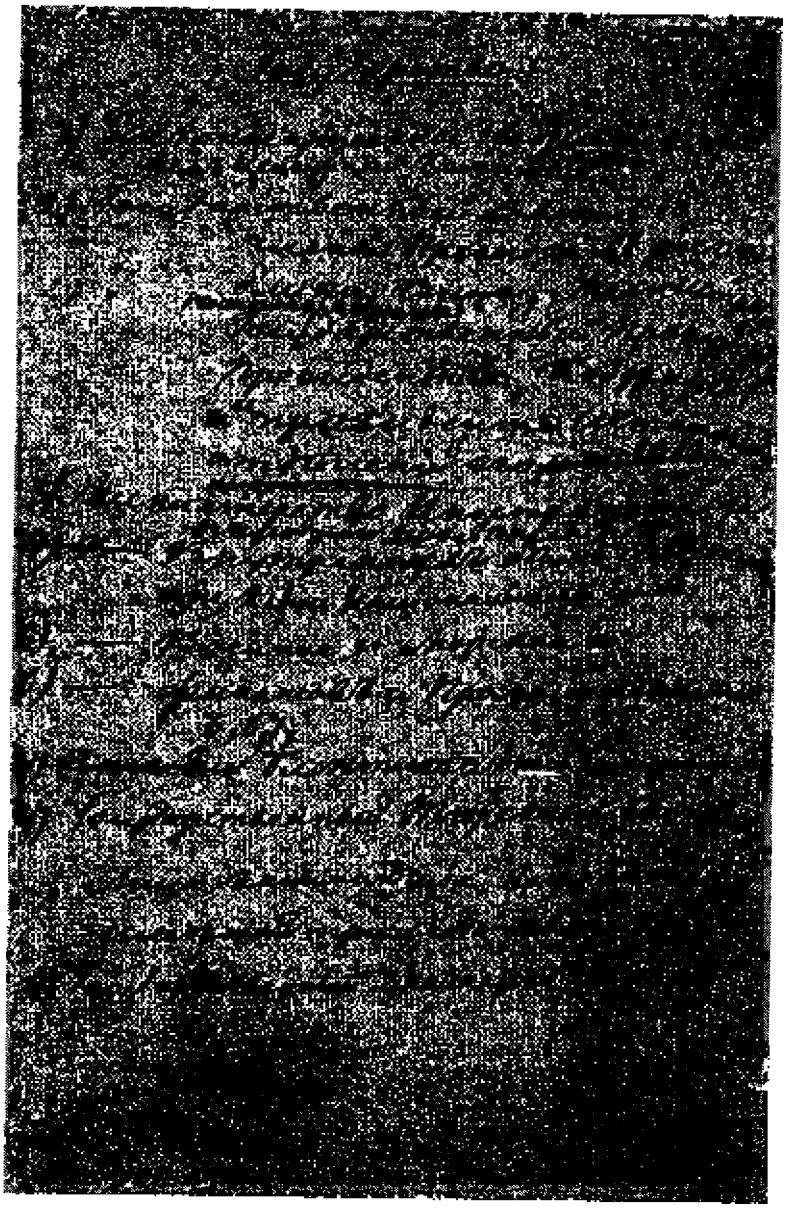
ШТАТ

См. области №

1) Сенат — № 1, 8.
2) Комитет внутренних дел — 2, 3, 9.
3) Промышленный комитет — 4.
4) Синод — 5.
5) Штатный магазин — 6.
6) Штатная касса — 7.
7) Комитет финансов — 10.
8) Блюстительный комитет — 12 (вместо стряпчего прокурор).
9) Духовная академия — 13.
10) Академия наук и художеств — 14, 15.
11) Академия народного слова.
12) Высшее женское воспитательное заведение — 16.
13) Медицинская академия — 17 [226].
14) Воспитательный дом — 18.
15) Тюремный комитет.
16) Богоугодный дом.

Над всеми сими и всякими другими по целому шта[ту] высшее ведение имеет президент штата, имеющий вице-президентов и канцелярию. При нем состоит цензурный комитет. Прокурор имеет право протестовать против него.

Ч. VIII, арк. 199—211. Автограф.



Сторінка з начерку конституції республіки Г. Л. Андрузького

№ 559

1850 р. березня 28.— ВІДНОШЕННЯ ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. Е. ПИСАРЄВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО НАСЛІДКИ ОБШУКУ КВАРТИРИ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Секретно

Его сиятел[ьст]ву гр. А. Ф. Орлову

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Возвратясь в Петрозаводск, я узнал, что во время моего отсутствия некоторые чиновники вели себя неприлично и что известный вашему сиятельству Андрузский имеет какие-то подозрительные бумаги.

Вследствие сих сведений и убеждений в его неблагонадежности, которые я получил в недавнее еще время, я распорядился осмотреть его квартиру и все бумаги, какие будут найдены, представить ко мне.

Из отобранных бумаг, кои при сем имею честь представить в числе 14 тетрадей [227], ваше сиятельство, изволите усмотреть, что Андрузский как упорный малоросс остался при тех же нелепых и преступных мыслях, которые обнаруживал в учрежденной в 1847 г. под начальством вашим комиссии, в которой я имел честь находиться.

Особенно замечательно в бумагах его следующее:

1) Конституция республики, штаты коей состоят из Украйны, Черномории, Галиции с Краковом, Польши с Познанью, Литвою и Жмудью, Бессарабии с Молдавией и Валахией, Остзеи, Сербии, Болгарии, Дона. Тетрадь № 1.

2) Начало той же конституции. Тетрадь № 7 [228].

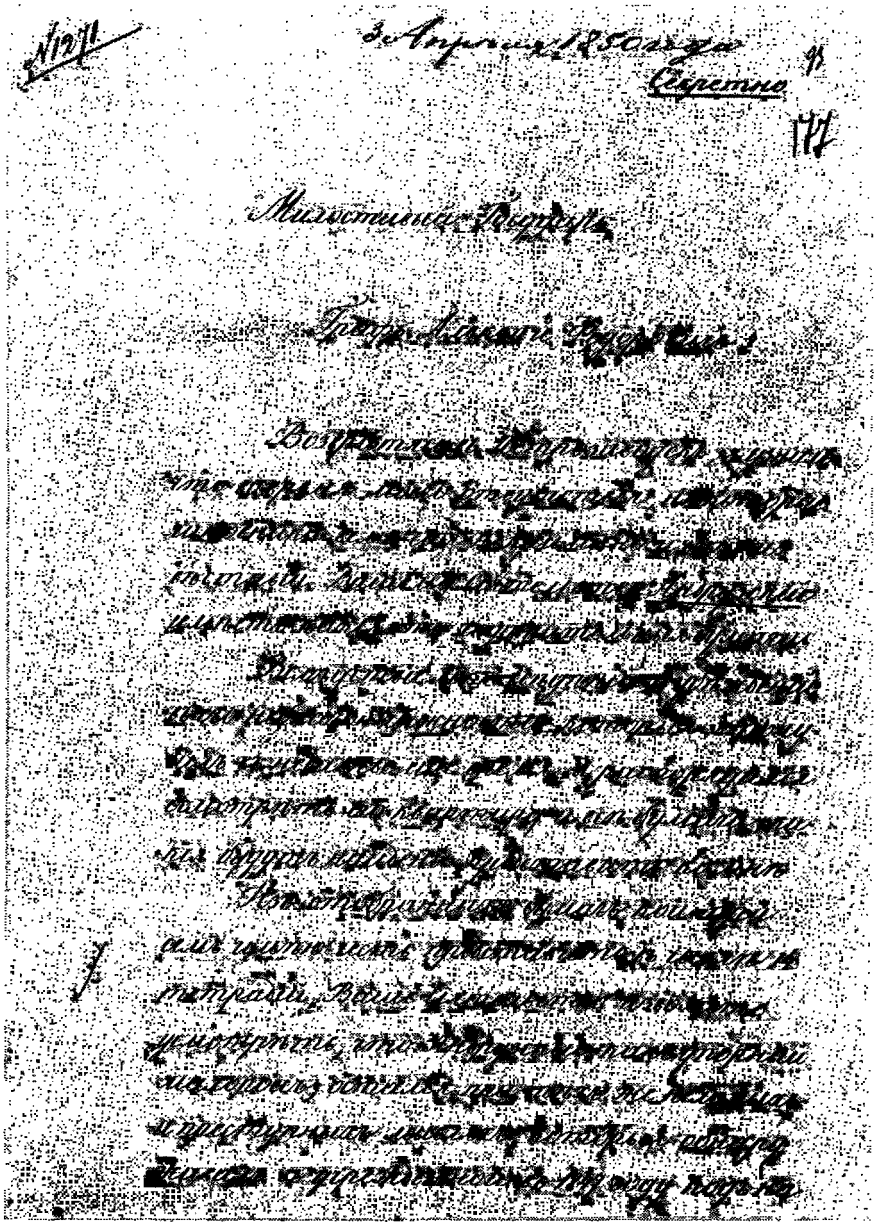
3) Выписки из индийской драмы: «Торжество светлой мысли» [229] с некоторым предисловием самого Андрузского, где он говорит: «Более развитая голова должна быть снисходительнее к менее развитой; она должна не только прочесть, не только понять смысл, но сама разгадать его основания». Далее: «Эта форма изложения мысли через выписки авторов, показалась мне удобнейшею, давая повод к безчисленным суждениям и часто возвращая к прежнему, хотя при иной позиции моих храбрых винов и неприятельских мыслей».

В выписках из драмы «Торжество», вообще странного содержания, хотя и напечатанной, замечательны по особенному нравственному развращению следующие мысли: «Дошло до моего сведения, что заксн уже ненадежен и может нам изменить, то не делая никаких отсрочек и не мешкая ни одной минуты, заковать его без всяких околичностей в кандалы и содержать под строжайшею стражею». [230]

Далее: «При твоем законном содействии, моя милая, зарезать родную мать, отца, ничего не стоит; да и что тут толковать? Что такое мать? Ведьма! Что такое родитель, брат? — Черви!.. Убить, искоренить их, несносное племя родных. Коварная, гнусная челядь врагов с безобразною личиною теплого чувства — вот что такое родные». Тетрадь № 2.

4) В тетрадях № 5 и 6 заключаются отрывки из журнала Андрузского. Начальные листы в тетради № 6 вырваны самим Андрузским, еще в прежнее время, как он сам мне объяснил, по дерзкому их содержанию. Журнал писан на малороссийском языке, вообще не представляет ничего особенного, кроме некоторых мыслей, принадлежащих тому же направлению и нелепым надеждам на пересоздание Малороссии, которыми заражен Андрузский, например:

«Ніхто як бог! Нехай ваша хата, але буде наш верх.



Перша сторінка відношення олонецького губернатора М. Е. Пнсарєва до О. Ф. Орлова

За границей гадают про права чоловіка, а тутай про права подданного». Тетрадь № 5.

Далее в тетради № 6 воспоминания о событиях Малороссии во время Гетманщины с некоторыми укорами малороссов за их эгоистическое и хладнокровное терпение притеснений русских:

«Шереметьев [231] безстыдно выгоняет гетмана Юрия [232], что же делает Украйна? А мне какое дело!

Брюховецкий подличает пред Москвою: выдает казаков на казнь. Что же Украйна? А мне какое дело!

Алексей приказал перевести на русский язык Литовский статут[233] и судить в судах по этому уже переводу. Что же Украйна? А мне какое дело! Петр не подтверждает уже казацких прав, вызывает Полуботка [234] и других в столицу, бесчестит их, морит в кандалах, посылает казаков на каторжную работу в Ладогу, Воронеж и далее. Что же Украйна? А мне какое дело! Петр, как государь, властвует в Киеве, разоряет Батурин, казаками же вырезывает Ромен. Что же Украйна? А мне какое дело.

Что не на нас, то не до нас, пускай горит сосед, только бы наше было цело. Наше будущее темно, мрачно, нужен великий ум, великая сила, чтобы изменить настоящую власть.

Чтобы создать Украйну, нужно рушить Россию, а она укрепилась веками: зажмурю глаза и не буду рассуждать, только подумаю вместе с Богданом: что будет, то будет, на все бог.

Я различаю святое от святых. Украйну от украинцев — она прекрасна как небо, они совсем гадки [235].

Мы хуже ляхов: они сохранили свой язык и творят свой суд, а мы что?

Цензура смотрит только, чтобы царя не бранили и против бога не писали, а не обращает внимания на вред, который производят эти серые книжки, приучающие детей к неправильному взгляду; картинами и писаньями забивают их головы. Что же после того удивительного, что молодые люди рано приучаются к картам, к вину и девкам, страшась бездны премудрости. Правительство не берет на себя издания учебников, а на продажу вина сочиняет указы, чтобы более вводить в пьянство.

«Ей-богу на свете только что дураки, порча и пакости, да и спасибо им, было бы больше умных и их бы забили» [236].

В тетради № 8 замечательны мысли Андрузского о самом себе: «Так как лето меня не застанет в живых, то я намерен сказать несколько слов заранее. Пусть каждый видит и знает, как опасны: самый добрый характер, самый здравый ум без истинной религиозности, без энергии» [237].

У меня есть отец, шесть сестер, четыре брата. У меня много товарищей по гимназии, по университету. Ни к одному из них не чувствую полной любви. Ни один из них не питает ее ко мне. С отцом я прекратил переписку. Он слишком умен и добр и ясно меня видит. Я настолько ленив и несчастлив (добровольно), что не могу исправить осязаемых недостатков, не могу и не хочу сам о себе позаботиться и даже отнимаю у других возможность к этому. Могу ли быть полезен другим? Это и глупец поймет.

Величайшее мое несчастие, что ни что на меня не действует, ни ласка, ни угрозы, ни самолюбие. Я упорнейший трус.

Начал я и кончаю тем же: нерадением, леностью, пустотою. Чтобы увериться в моих словах, довольно бросить краткий взгляд на мою жизнь, в чем я сам охотно помогу. Странная вещь, я люблю свою ничтожность и не только не искореняю, но даже и не скрываю?

В прочих тетрадях № 3, 4, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 заключаются попытки составить малороссийский новый алфавит и словарь, собрать малороссийские поговорки и пословицы, перевести Евангелие на малороссийский язык наконец, часть дневника, песни, стихотворения Шевченки и других. Все

это более или менее указывает, что умственное направление Андрузского и его мечты, и даже знания не изменились и не улучшились.

Вместе с бумагами Андрузского были взяты в его квартире бумаги живущего с ним дворянина Киевской губ. Виктора Липпомана, высланного по высочайшему повелению на 6 лет в Олонецкую губ. за написание возмутительных стихов[238].

В бумагах этих оказались некоторые стихи также неблаговидного содержания, которые вместе с переводом имею честь представить при сем к вашему сиятельству, равно как и все бумаги, найденные у Андрузского.

Андрузский и Липпоман находятся под арестом впредь до разрешения вашего сиятельства — изволите ли приказать прислать их в С.-Петербург, или здесь произвести о найденных у них бумагах секретное следствие.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностию честь имею быть вашего сиятельства покорнейший слуга.

Николай Писарев

Марта 28 дня 1850 г., № 125, Петрозаводск

Помітка про одержання: 3 апреля 1850 г.

Ч. VIII, арк. 177, 214—217. Оригінал.

№ 560

1850 р. квітня, не раніше 5[239].— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ЗМІСТ ЖУРНАЛУ «МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ СБОРНИК» ЗА 1847 р., З ЯКОГО Г. Л. АНДРУЗЬКИМ БУЛИ ЗРОБЛЕНІ ВИПИСКИ

В бумагах бывшего студента Андрузского обратили на себя внимание выписки из перевода индейской драмы «Торжество светлой мысли», которая напечатана была в Московском литературном и ученом сборнике[240], изданным в 1847 г.

Сборник этот рассмотрен, и в нем оказались следующие замечательные статьи.

I. Торжество светлой мысли, драма в шести актах, переведенная с санскритского языка К. Коссовичем[241]. Драма сия сочинена за 200 или за 150 лет по Р. Х. и содержание ее относится частию до религии и частию до происшествий в Индии того времени. Из драмы видно, что тогда в Индии народ забывал священные книги (Веды) и предавался всем порокам. Сочинитель, желая показать вред от пороков и торжество над ними добродетели, вывел на сцену, вместо действующих лиц, царя лжи, любовь (плотскую), корыстолюбие, гнев, ненависть и прочее, а в противоположность им: разум, кротость, смирение, веру и другие добродетели.

В первых трех актах пороки стараются склонить на свою сторону добродетель и выражают многие безнравственные мысли, так что каждый порок оправдывает и восхваляет свое дурное направление. Между прочим, они говорят: «Царь лжи: те, которые доказывают бессмертие души, — не только людей, и себя самих надувают. Послушайте, ежели у всех одинаковы тела, одинакова природа, начиная с головы до ног, так на чем же основано у них это строгое распределение каст? Этого различия я не понимаю. Понимаю различие мужчины от женщины, но тут-то они не допускают различия. Эта жена и это имение должны принадлежать тому-то, это — тому-то. Противное их правилам называется у них беззаконием, беззаконие у них иметь сношения не с своими женами, пользоваться чужим, как своим. То должно делать, а того не должно делать, позволяют себе они говорить, они недостойные даже имени мужчины... Вот Лекаятово учение, то ли дело? Возможно ли не воротиться к нему каждый раз, когда только подумаем о

каких бы то ни было системах? Мир видимый — твоя единственная, верховная опора. Земля, вода, огонь, воздух — всему сущность; из них и только в них одних, и ни в чем более, кроме этих стихий, состоит все. Назначение человека, любовь и обладание житейскими удобствами. Мысль образуется от известной настроенности соединенных в человеке стихий, следовательно мыслят в нем стихии. Другой мир не существует. Смерть разрушает вместе и твою настроенность и тебя самого (стр. 31 и 32).

Чарвак (краснобай): «Премудрость, мой милый, заключается только в военном и гражданском уложении. Только одна эта книга содержит в себе существенное для человеческой жизни. Веды (священные книги) — превратная и лживая болтовня. Сообрази, мой милый, жертва совершается человеком тленным, процесс совершения жертвы оканчивается, самая жертва сожигается в тепле. Какой же тут плод от всего этого для жертвоприносителя? Небо, говорят они. Ежели это так, то, без сомнения, они могут наслаждаться и богатыми плодами деревьев, которых стебли и ветви истреблены пожаром. Еще, ежели и животному, убиваемому в жертву, определяется у них небо, то не приличнее ли было бы каждому из этих жертвоприносителей убить прежде всего своего отца, чем безсловесное творение?» (стр. 33).

Тот же Чарвак: «То ли дело — упоительность объятий возлюбленной и то ли с другой стороны, обычай пустоголовых мыслителей, жить подаяниями, поститься, укрощать свои чувства? Ну, потеха с этими бессмысленными животными, да и только. Люди должны отказаться от удовольствий потому, что с ними соединено и горе. Несовершенно ли бестолково это умозаключение? Скажите, пожалуйста, ежели это так, согласится ли на белом свете, хоть один здравомыслящий хозяин отказаться от богатой жатвы риса с колосьями, которые зыблются от бремени белых, превосходных зерен, потому только, что с этими же зернами соединены и плевела и мякина?» (стр. 34).

Тот же Чарвак: «Пусть к тому, чтобы разуметь и хранить значение Вед (священных книг) заглох повсеместно, все порядочные люди беспрепятственно уже ходят широким путем — действовать так, как душе каждого заблагорассудится. Виною же всему этому несовременный век и не я, но во всех этих реформах действует твоя энергия, великий государь (царь лжи). Жители севера и жители запада решительно отложились от закона тройственности (индейская вера). О душевном спокойствии, о смирении не говорят уже нигде» (стр. 36).

Царь лжи: «Приметно еще, что закон, хотя и неотступный товарищ царя любви, позволяет однако нашептывать себе на ухо разные вещи беспристрастию и его собратам... Друг шельма. Тотчас отправься в путь к царю любви и передай ему мою волю. Скажи ему, что так как дошло до моего сведения, что закон уже не надежен и может нам изменить, то не делая никаких отсрочек и не мешкая ни одной минуты, заковать его, без всяких околичностей, в кандалы и содержать под самострожайшею стражею! Ступай! (стр. 40 и 41)[242].

Гнев говорит обиде: «При твоем законном содействии, моя милая, зарезать родную мать, отца, ничего не стоит. Да и что тут толковать? Что такое мать? Ведьма. Что такое родитель, брат? Черви. Убить, искоренить их, это несносное племя родных! Коварная, гнусная челядь врагов, с безобразною личиною теплого чувства — вот что такое родные» (стр. 44 и 45) [243].

Царь лжи: «Закон — выдумка, вечное блаженство — выдумка, путь проповедуемый ведами — выдумка, отчуждение от удовольствий сего мира — выдумка, учение священных книг — выдумка, ведение о плодах, вкушаемых за эту жизнь на небе ... выдумка» (стр. 51).

В этом роде и все другие пороки объясняются в первых трех действиях

драмы. Царь разум, видя это неустройство и ожидая собственно для себя опасность, вооружается против пороков. Он посылает размышление против плотской любви, терпение против гнева и обиды, довольствие своим против корыстолюбия, жадности, малодушия, клеветы, воровства и взяточничества, кротость против зависти, сознание чужого превосходства против высокомерия и проч[ее]. В продолжении всех последних трех действий происходит борьба между добродетелями и пороками; наконец, первые побеждают, и в Индии начинается безмятежное царствование разума, который соединился с верою; престол его окружили беспристрастие, кротость, покой души и другие следствия добродетели, а из всего этого родилась светлая мысль, т. е. благоразумный и религиозный порядок вещей.

Посему хотя в первых трех действиях пороки высказывают многие безнравственные мысли, но с одной стороны пороки не могут иначе объясняться, а с другой — в последних трех действиях представлены борьба против пороков и торжество добродетели. При этом вера, кротость, безкорыстие и другие добродетели высказывают множество превосходных, самых нравственных правил, так что неприятное впечатление, производимое первыми тремя, совершенно уничтожаются последними тремя действиями и пьеса вообще имеет вполне нравственную цель.

Переводчик, в предисловии и в нескольких примечаниях, прямо указывает, что он не разделяет мыслей, высказанных пороками, называет чувства гнева, об убийстве матери, отца и родственников, бесчеловечными и высказывает отвращение ко всем безнравственным речам пороков.

Выписанные у Андрузского места кажутся преступными, когда их читать отдельно, но кто прочитает целую драму, тот не выведет из нее никакого другого заключения, кроме нравственного.

II. В Московском сборнике помещены еще письма из Вены, сочин[ение] Н. Ригельмана [244] «О возможности русской художественной школы», соч[инения] А. С. Хомякова[245] «Прощание с Францией» и «Женева», соч[инение] Ф. Чижова «Прага», соч[инение] М. П. Погодина «Сербские народные песни»[246], перев[од] Н. Берга [247] с предисловием, «Взгляд на современное состояние литературы у западных славян» соч[инение] И. И. Срезневского, о книге «Памятники Московской древности» соч[инение] Ф. Чижова.

Все эти статьи исполнены духом славянофильства. В них описываются нынешнее направление, обычаи, литература и просвещение западных славян; особенно в первой статье, соч[инение] Ригельмана (стр. 196—207), заключаются мысли о том, что Западная Европа стареет, что славянские племена, по образованию своему еще юные, должны развиваться более и более и, соединившись вместе, будут господствовать над всеми народами, что этого господства достигнут они в таком только случае, если возобновлят у себя обычаи древних славян и образованность свою будут развивать каждое племя из собственной своей народности, оставив всякое подражание западным европейцам. В статьях Хомякова, Погодина и Срезневского хотя рассуждается только о том, чтобы у славянских племен науки и художества развивались из народных начал, но и в этих статьях мимоходом говорится о соединении славян. Статьи Чижова отличаются особенно привязанностью к России и к русским; он говорит и вообще о славянах, но наиболее о нашем отечественном; для него русское лучше всего чужеземного; он доводит это до того, что желает даже, дабы у нас возобновлено было старинное иконописание, чтобы образа у нас не иначе писались, как по правилам иконописи, и чтобы в Академии художеств обучали не итальянской живописи, а иконописанию!

Другие статьи сборника, состоящие из сочинений В. А. Жуковского, кн. Вяземского[248], Соловьева[249], г-жи Павловой[250] и проч[ее], не заключают в себе ничего особенного.

Справка. Обвинять цензора в пропуске славянофильских статей невозможно; ибо Московский сборник дозволен к напечатанию еще в феврале 1847 г., след[овательно], до начатия дела об Украйно-славянском обществе; циркуляр же министра народного просвещения о том, чтобы цензоры не пропускали славянофильских статей, состоялся уже в мае 1847 г., и после того ни в журналах, ни в книгах не замечается славянофильского направления.

В том же 1847 г., при производстве Украйно-славянского дела, обращено было внимание и на Московский сборник. В то время предписано было камер-юнкеру Кашинцеву, дабы он с особенным вниманием перечитывал все выходящие в Москве журналы, сборники и книги славянофилов и доносил бы обо всем замечательном.

С того же года Чижов и Хомяков состоят под секретным наблюдением.

Ч. VIII, арк. 218—227. Оригинал.

№ 561

1850 р. квітня 5.— ДОПОВІДЬ О. Ф. ОРЛОВА МИКОЛІ I ПРО ВІДІБРАННЯ У Г. Л. АНДРУЗЬКОГО НОВИХ РУКОПИСІВ

О бывшем студенте Андрузском

Олонецкий гражданский губернатор, действительный статский советник Писарев, возвратившись из С.-Петербурга в Петрозаводск, узнал, что служащий в Олонецком губернском правлении бывший студент, известный по прикосновенности к делу об Украйно-славянском обществе, Андрузский имеет у себя подозрительные бумаги. Вследствие этого, по распоряжению Писарева, у Андрузского были отобраны все его бумаги, и между ними замечательнейшие оказались следующие:

1. Конституция республики, штаты коей состоят из Украйны, Черномории, Галиции с Краковым, Польши с Познанью, Литвою и Жмудью, Бессарабии с Молдавией и Валахией, Остзеи, Сербии, Болгарии и Дона[251].

2. Отрывки из индийской драмы «Торжество светлой мысли», из которой выписано следующее место: «При твоем законном содействии, моя милая, зарезать родную мать, отца ничего не стоит; да и что тут толковать. Что такое мать? Ведьма. Что такое родитель, брат? Черви. Убить, искоренить их, несносное племя родных. Коварная гнусная челядь врагов с безобразною личиною теплого чувства — вот что такое родные[252].

3. Две тетради, заключающие в себе отрывки из журнала Андрузского. Начальные листы в одной из сих тетрадей вырваны самим Андрузским, как он объяснил губернатору, по дерзкому их содержанию. Журнал показывает, что Андрузский как упорный малоросс остался при тех же преступных мыслях, которые обнаруживал в 1847 г. Например: «Ніхто як бог! Нехай ваша хата, але буде наш верх!» «За границей гадають про права человіка, а тутай про права подданного».

Далее, при воспоминании о событиях Малороссии во время Гетманщины, помещены укоры малороссам за их хладнокровное терпение притеснений от русских.

«Шереметьев бесстыдно выгоняет гетмана Юрия, что же делает Украйна? А мне какое дело!

Брюховецкий подличает пред Москвою, выдает казаков на казнь. Что же Украйна? А мне какое дело!

Алексей приказал перевести на русский язык Литовский статут и судить в судах по этому уже переводу. Что же Украйна? А мне какое дело!

Петр не подтверждает уже казацких прав, вызывает Полуботка и других в столицу, безчестит их, морит в кандалах, посылает казаков на каторжную работу в Ладогу, Воронеж и далее. Что же Украйна? А мне какое дело!

Петр, как государь властвует в Киеве, разоряет Батурин, казаками же вырезывает Ромен. Что же Украйна? А мне какое дело!

Что не на нас, то не до нас! Пускай горит сосед, только бы наше было цело.

Наше будущее темно, мрачно, нужен великий ум, великая сила, чтобы изменить настоящую власть.

Чтобы создать Украйну, нужно рушить Россию, а она укрепилась веками: зажмурю глаза и не буду рассуждать, только подумаю вместе с Богданом; что будет, то будет, на все бог!

Мы хуже ляхов, они сохранили свой язык и творят свой суд, а мы что?

Цензура смотрит только, чтобы царя не бранили и против бога не писали, а не обращает внимание на вред, который производят эти серые книжки, приучающие детей к неправильному взгляду; картинами и писаниями забивают их головы; что же после того удивительного, что молодые люди рано приучаются к картам, страшась бездны премудрости.»

4. Еще в одной тетради замечательны мысли Андрузского о самом себе:

«Так как лето меня не застанет в живых, то я намерен сказать несколько слов заранее. Пусть каждый видит и знает, как опасны самый добрый характер, самый здравый ум без истинной религиозности, без энергии. У меня есть отец, шесть сестер, четыре брата. У меня много товарищей по гимназии, по университету. Ни к одному из них не чувствую полной любви. Ни один из них не питает ее ко мне. С отцом я прекратил переписку. Он слишком умен и добр и ясно меня видит

Я настолько ленив и несчастлив (добровольно), что не могу исправить осязаемых недостатков, не могу и не хочу сам о себе позаботиться и даже отнимая у других возможность к этому. Могу ли быть полезен другим? Это и глупец поймет. Величайшее мое несчастие, что ни что на меня не действует, ни ласки, ни угрозы, ни самолюбие. Я упорнейший трус».

В прочих тетрадях Андрузского заключаются попытки составить малороссийский новый алфавит и словарь, собрать малороссийские поговорки и пословицы, перевести евангглие на малороссийский язык, также песни, стихотворения Шевченки и другие.

Все это более или менее доказывает, что умственное направление Андрузского, его мечты и даже знания не изменились и не улучшились.

Действительный статский советник Писарев, сообщая мне об этом, и присовокупля, что Андрузский, впредь до разрешения находится под арестом, спрашивает: приказано ли будет отправить Андрузского в С.-Петербург или произвести в Петрозаводске секретное следствие.

Справка. Андрузский в 1847 г. был студентом Университета св. Владимира, оказался прикосновенным к делу об Украйно-славянском обществе; сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном переобразовании. При допросах он во всем чистосердечно сознался, но сначала обвинял товарищей своих во многих таких преступлениях, о которых не имел никакого понятия и после сам оправдывал их. По высочайшему повелению, Андрузский был отправлен, для окончания курса наук, в Казанский университет, с тем, чтобы потом определен был на службу в великороссийские губернии, с учреждением за ним строгого надзора и с воспрещением увольнять его в Малороссию. Не протекло года, как Андрузский по слабому зрению, признан был неспособным продолжать ученье и потому отправлен на службу в Петрозаводск. Перед тем в Казанском университете Андрузский за самоуправство с служителем, был арестован на одни сутки, инспектор же студентов отзывался о нем, как о человеке характера строптивого и поведения посредственного.

Всеподданнейше докладывая о сем вашему и. в., и присовокупляя, что из вышеизложенного описания действий и образа мыслей Андрузского,

равно из того, что он сам о себе говорит в своих тетрадях, очевидно, до какой степени молодой человек сей вреден обществу и как мало имели на него влияние первое арестование его и те убеждения, кои были делаемы ему мною. Я полагаю совершенно излишним далее рассматривать дело о нем, и осмеливаюсь испрашивать, не позволите ли Ваше величество высочайше повелеть Андрузского как человека неисправимого в предотвращении того вреда, который может происходить от него для общества, заключить в Шлиссельбургскую крепость.

Подписал: генерал-адъютант гр. О р л о в
Скрепил: генерал-лейтенант Д у б е л ь т
Верно: генерал-лейтенант Д у б е л ь т

5 апреля 1850 г.

Помітка: На подлинном рукою генерал-адъютанта гр. Орлова написано карандашом: «Высочайше повелел отправить в Соловецкий монастырь[253], впредь до приказания».

Верно: ген[ерал]-лейт[енант] Д у б е л ь т

Ч. VIII, арк. 228—234. Копія.
Опубл.: *Былое.*— 1907.— № 9.— С. 132—133 (уривок в іншій редакції)

№ 562

1850 р. квітня 6.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. Е. ПИСАРЄВА ПРО ЗАСЛАННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В СОЛОВЕЦЬКИЙ МОНАСТИР ПІД СУВОРИЙ НАГЛЯД

Секретно

Его превосход[ительст]ву Н. Э. Писареву

6 апреля 1850 г., № 687

Милост[ивый] государь, Николай Эварестович!

По всеподданнейшему докладу сведений, сообщенных мне вашим превосходительством в отношении от 28 марта № 125[254], государь император высочайше повелеть соизволил находящегося в г. Петрозаводске под надзором полиции бывшего студента Андрузского отправить в Соловецкий монастырь, поручив его строжайшему надзору монастырского начальства.

Уведомив о таковом высочайшем повелении господ министра внутренних дел и обер-прокурора святейшего Синода, имею честь сообщить о том вашему превосходительству, покорнейше прося вас, милостивый государь, сделать распоряжение об отправлении Андрузского под строгим присмотром в означенный монастырь и о последующем почтить меня уведомлением.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном уважении и преданности.

Гр. О р л о в

Ч. VIII, арк. 235—236. Відпуск.

№ 563

1850 р. квітня 6.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО АРХАНГЕЛЬСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА М. О. ПРОТАСОВА ПРО ЗАСЛАННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ДО СОЛОВЕЦЬКОГО МОНАСТИРЯ ПІД СУВОРИЙ НАГЛЯД

Секретно

Его сиятельству гр. Н. А. Протасову

6 апреля 1850 г. № 688

Милостивый государь гр. Николай Александрович!

Государь император, по всеподданнейшему моему докладу о вредном образе мыслей и злонамеренных сочинениях, жительствующего в г. Петрозаводске под надзором полиции бывшего студента Егора Андрузского, высочайше повелеть соизволил отправить его в Соловецкий монастырь, поручив строжайшему наблюдению монастырского начальства[255].

Сообщая вашему сиятельству о таковом высочайшем повелении, для зависящих распоряжений, имею честь присовокупить, что распоряжение об отправлении Андрузского в означенный монастырь мною уже сделано.

Примите, ваше сиятельство, уверение в совершенном уважении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. VIII, арк. 237. Відпуск.

№ 564

1850 р. квітня 6.— ВІДНОШЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ Л. О. ПЕРОВСЬКОГО ПРО ЗАСЛАННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В СОЛОВЕЦЬКИЙ МОНАСТИР

Секретно

Его сиятельству гр. Л. А. Перовскому

6 апреля 1850 г., № 689

Милостивый государь гр. Лев Алексеевич!

Государь император, по всеподданнейшему моему докладу о вредном образе мыслей и злонамеренных сочинениях жительствующего в г. Петрозаводске под надзором полиции бывшего студента Андрузского, высочайше повелеть соизволил отправить его в Соловецкий монастырь, поручив строжайшему наблюдению монастырского начальства.

Сообщая вашему сиятельству о таковом высочайшем повелении в дополнение отношения моего от 31 декабря 1847 г. № 2178, [256] имею честь присовокупить, что распоряжение к исполнению сего повеления мною уже сделано[257].

Примите, ваше сиятельство, уверение в совершенном уважении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. VIII, арк. 238. Відпуск.

№ 565

1850 р. квітня 6.— ПОВІДОМЛЕННЯ О. Ф. ОРЛОВА НАЧАЛЬНИКОВІ 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВУ ПРО ЗАСЛАННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В СОЛОВЕЦЬКИЙ МОНАСТИР

Секретно

Его превосход[ительст]ву Д. П. Полозову

6 апреля 1850, № 690

Милостивый государь Даниил Петрович!

Государь император, по всеподданейшему моему докладу о вредном образе мыслей и зловредных сочинениях, находящегося в г. Петрозаводске под надзором полиции бывшего студента Андрузского, высочайше повелеть соизволил отправить его в Соловецкий монастырь, поручив строжайшему наблюдению монастырского начальства.

Сделав распоряжение к исполнению сей высочайшей воли, считаю долгом уведомить о том ваше превосходительство, в дополнение предписания моего от 20 января 1848 г. № 104[258]. Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Подписал гр. Орлов

Ч. VIII, арк. 239. Відпуск.

№ 566

1850 р. квітня 7.— ВІДНОШЕННЯ Л. В. ДУБЕЛЬТА ДО ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. Е. ПИСАРЄВА ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В СОЛОВЕЦЬКИЙ МОНАСТИР

Секретно

Его пр[евосходительст]ву Н. Э. Писареву

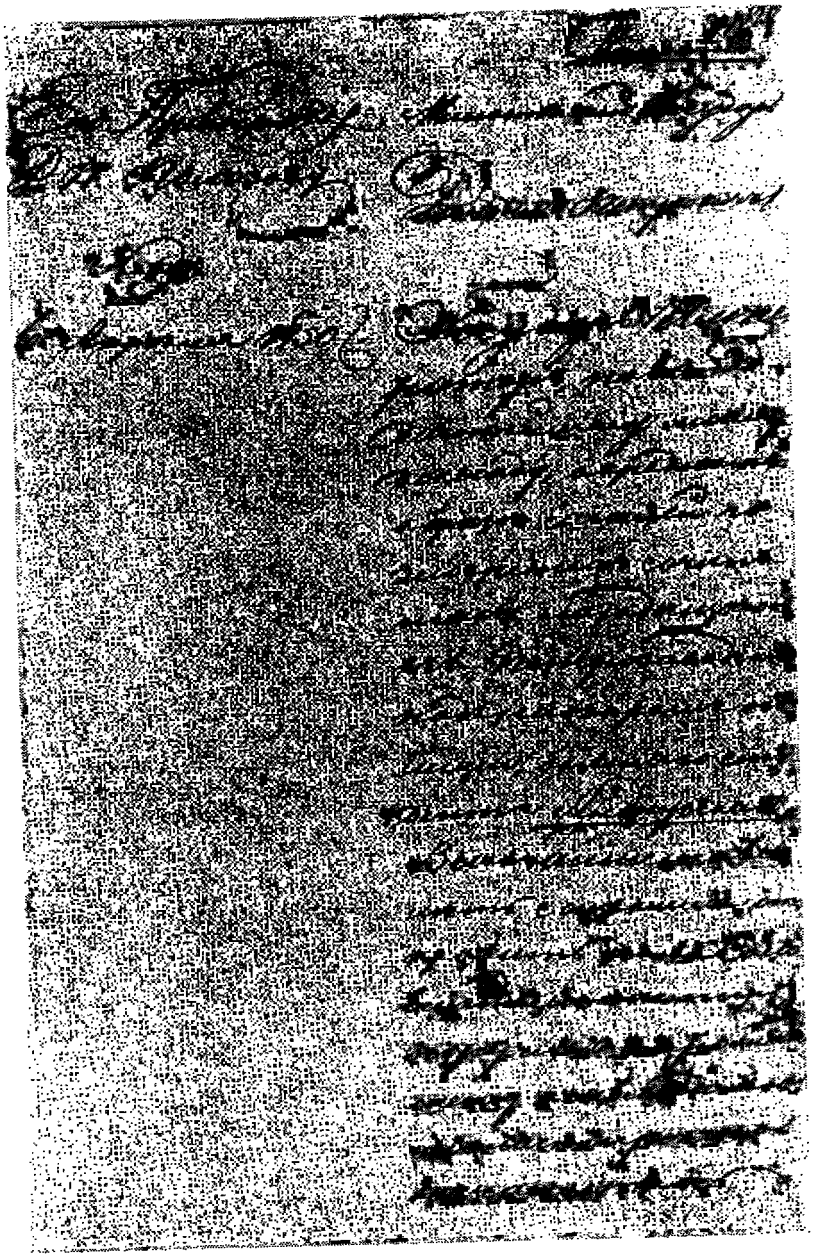
7 апреля 1850, № 695

Милостивый государь Николай Эварестович!

В дополнение к отношению генерал-адъютанта гр. Орлова № 687[259], имею честь, по приказанию его с[иятельст]ва, покорнейше просить ваше пр[евосходительст]во-не изволите ли вы бывшего студента Андрузского отправить в Соловецкий монастырь с одним из жандармских обер-офицеров, находящихся в Петрозаводске, и в сопровождении жандарма. Примите уважение и проч[ее].

Под[писал] Л. Дубельт

Ч. VIII, арк. 240. Відпуск.



Перша сторінка повідомлення О. Ф. Орлова начальникові 1-го округу корпусу жандармів Д. П. Полозову про заслання Г. Л. Андрузького в Соловецький монастир

№ 567

1850 р. квітня 22.— ВІДНОШЕННЯ ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. Е. ПИСАРЄВА ДО О. Ф. ОРЛОВА ПРО ВІДПРАВЛЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО НА ЗАСЛАННЯ В СОЛОВЕЦЬКИЙ МОНАСТИР

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

22 апреля 1850 г., № 276, г. Петрозаводск

Милостивый государь, гр. Алексей Федорович!

Во исполнение высочайшей воли, объявленной мне в почтеннейшем предписании вашего сиятельства, от 6 апреля № 687[260], находившийся в Петрозаводске под надзором полиции бывший студент Андрузский отправлен 19 сего апреля в Соловецкий монастырь в сопровождении корпуса жандармов капитана Горохова с одним жандармом.

Докладывая о сем вашему сиятельству, честь имею быть с глубочайшим почтением и неограниченною преданностию вашего сиятельства ваш покорнейший слуга

Николай Писарев

Помітка про одержання: 27 апреля 1850.

Ч. VIII, арк. 241. Оригінал.

№ 568

1850 р. квітня 28.— ДОНЕСЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО ДЛЯ СУПРОВОДЖЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО НА ЗАСЛАННЯ В СОЛОВЕЦЬКИЙ МОНАСТИР НАПРАВЛЕНИЙ КАПІТАН ГОРОХОВ

Секретно

Его пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту

28 апреля 1850 г., № 125, С.-Петербург

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Вследствие полученного мною донесения олонецкого жандармского штаб-офицера подполковника кн. Мышецкого от 19 сего апреля, имею честь уведомить ваше превосходительство, что для сопровождения студента Андрузского, высланного по высочайшему повелению из Петрозаводска в Соловецкий монастырь, командирован[ы], по распоряжению олонецкого гражданского губернатора, начальник петрозаводской жандармской команды капитан Горохов с одним жандармом, которые 19 числа сего месяца и отправились. Примите уверение в совершенном почтении и преданности

Д. Полозов

Помітка про одержання: 29 апреля 1850 г.

Ч. VIII, арк. 242. Оригінал.

№ 569

1850 р. травня 14.— ДОНЕСЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО ПОВЕРНЕННЯ ДО ПЕТРОЗАВОДСЬКА КАПІТАНА ГОРОХОВА, ЯКИЙ СУПРОВОДЖУВАВ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В СОЛОВЕЦЬКИЙ МОНАСТИР

14 мая 1850 г., № 141, С.-Петербург

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Вследствие рапорта ко мне олонецкого жандармского штаб-офицера подполковника кн. Мышецкого, имею честь уведомить ваше превосходительство в дополнение отношения моего от 28 апреля за № 125[261], что командированный по распоряжению олонецкого гражданского губернатора для сопровождения студента Егора Андрузского, высланного по высочайшему повелению из Петрозаводска в Соловецкий монастырь, начальник петрозаводской жандармской команды капитан Горохов, по исполнении сего поручения, 6 сего мая возвратился в Петрозаводск. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Д. Полозов

Помітка про одержання: 15 мая 1850 г.

Ч. VIII, арк. 243. Оригінал.

№ 570

1850 р. травня 12.— ВІДНОШЕННЯ ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. Е. ПИСАРЄВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В АРХАНГЕЛЬСЬКУ ТЮРМУ ЧЕРЕЗ ВІДСУТНІСТЬ ЗВ'ЯЗКУ З СОЛОВЕЦЬКИМ ОСТРОВОМ

Секретно

Его сиятельству гр. А. Ф. Орлову

12 мая 1850 г., № 318, г. Петрозаводск

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Находившийся в Петрозаводске под надзором полиции, и, по высочайшему повелению, назначенный к отправлению в Соловецкий монастырь бывший студент Георгий Андрузский, как уведомил меня ныне архангельский военный губернатор, в г. Архангельск доставлен благополучно 26 минувшего апреля и как сообщения с Соловецким островом еще нет, то он в тот же день помещен, впредь до отправления в место назначения, в секретной камере тамошнего тюремного замка. По открытии же сообщения с Соловецким островом, он немедленно будет туда отправлен. Сопровождавший Андрузского корпуса жандармов капитан Горохов возвратился в Петрозаводск вместе с бывшим при нем жандармом.

Донося о сем вашему сиятельству, в дополнение к представлению моему, от 22 прошлого апреля за № 276[262], честь имею быть с глубочайшим почтением и неограниченною преданностию вашего сиятельства покорнейший слуга

Николай Писарев

Помітка про одержання: 17 мая 1850.

Ч. VIII, арк. 244. Оригінал.

№ 571

1850 р. травня 17.— ДОНЕСЕННЯ НАЧАЛЬНИКА 1-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ Д. П. ПОЛОЗОВА Л. В. ДУБЕЛЬТУ ПРО УВ'ЯЗНЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В ОКРЕМІЙ КАМЕРІ АРХАНГЕЛЬСЬКОЇ ТЮРМИ

Секретно

Его пре[восходительст]ву Л. В. Дубельту

17 мая 1850 г., № 143, С.-Петербург

Милостивый государь Леонтий Васильевич!

Архангельский жандармский штаб-офицер майор Шульговский рапортом от 3 сего мая донес мне, что доставленный из Петрозаводска в Архангельск для отправления, по высочайшему повелению, в Соловецкий монастырь под надзор студент Андрузский, по случаю неимения в настоящее время сообщения с монастырем, оставлен впредь до открытия такового сообщения, в Архангельске и заключен в тюремном замке в особой камере.

О чем имею честь уведомить ваше превосходительство, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Д. Полозов

Помітка про одержання: 18 мая 1850 г.

Ч. VIII, арк. 245. Оригінал.

№ 572

1850 р. червня 30.— ВІДНОШЕННЯ ОЛОНЕЦЬКОГО ГУБЕРНАТОРА М. Е. ПИСАРЄВА ДО О. Ф. ОРЛОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ПРО ДОСТАВЛЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В СОЛОВЕЦЬКИЙ МОНАСТИР

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

30 июня 1850 г., № 430, г. Петрозаводск

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

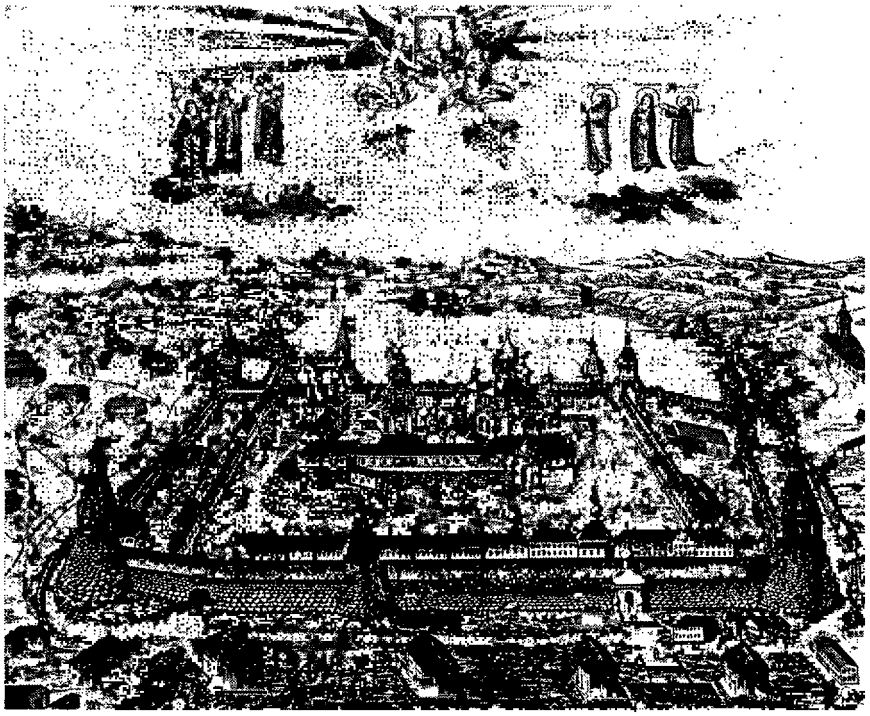
В дополнение к представлению моему, от 12 прошлого мая № 318 [263], долгом поставляю почтеннейше донести вашему сиятельству, что находившийся в Петрозаводске под надзором полиции и по высочайшему повелению отправленный в Соловецкий монастырь бывший студент Андрузский, как уведомил меня ныне настоятель того монастыря архимандрит Димитрий, благополучно доставлен к месту своего назначения 23 минувшего мая.

С глубочайшим почтением и неограниченною преданностию имею честь быть вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Николай Писарев

Помітка про одержання: 5 июля 1850.

Ч. VIII, арк. 246 Оригінал.



Соловецький монастир — місце ув'язнення Г. Л. Андрузького в 1850—1854 рр. Гравюра XIX ст.

№ 573

1851 р. липня 13.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ АРХАНГЕЛЬСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА М. О. ПРОТАСОВА ДО ПОЯСНЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО, ДАНОГО НАСТОЯТЕЛЕВІ СОЛОВЕЦЬКОГО МОНАСТИРЯ І НАДІСЛАНОГО НИМ У СИНОД, ЯКЕ БУЛО НАДІСЛАНЕ О. Ф. ОРЛОВУ

Секретно

Его сият[ельст]ву гр. А. Ф. Орлову

Июля 13 дня 1851, № 5083, С.-Петербург

Милостивый государь гр. Алексей Федорович!

Впоследствие отношения вашего сиятельства от 6 апреля 1850 г., № 688 [264] долгом считаю препроводить к вам, милостивый государь, копию с полученного в святейшем Синоде от настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Димитрия объяснения, поданного ему содержащимся в сем монастыре, по высочайшему повелению, бывшим студентом Егором Андрузским

С отличным почтением и преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою.

гр. Протасов

Помітка про одержання: 14 июля 1851.

Ч. VIII, арк. 247. Оригінал.

№ 574

1850 р. грудня 29.— ПОЯСНЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО, ДАНІ НАСТОЯТЕЛЕВІ СОЛОВЕЦЬКОГО МОНАСТИРЯ АРХІМАНДРИТУ ДМИТРІЮ

Его высокопреподобию г-ну настоятелю
Соловецкого монастыря архимандриту Димитрию
от бывшего студента Георгия Андрузского

Объяснение

Ваше высокопреподобие, после неоднократных назидательных посещений изъявили желание знать о моей прошедшей жизни, о причинах моей ссылки, о моих настоящих чувствах. С покорностию, чистосердечно постараюсь исполнить пастырское желание вашего высокопреподобия.

Я, Георгий Андрузский, родился от христианского православного брака, в 1827 г. 26 мая, в Полтавской губ., Пирятинского уезда, с. Вечорках, где на восьмой день и окрещен тамошним православным священником отцом Алексеем.

Родители мои, малороссийские дворяне: Лев Владимиров сын, Андрузский, и покойная супруга его Анна, Яковлева дочь, урожденная Яблоновских, — оба, и со всем родом своим, искони греко-россииского исповедания.

Нас у отца: четыре сына и шесть дочерей; я старший между братьями. Одна сестра замужем, один брат на казенном воспитании в Полтавском кадетском корпусе; а прочие, сколько мне известно, находятся на попечении родительском, владеющего сотней крестьян, что весьма умеренно по числу членов семейства, малолетних и нуждающихся в приличном своему сословию образовании.

До 1839 г. я воспитывался дома, с 1839 по 1845 — в 1-м благородном пансионе 1-й Киевской гимназии, откуда поступил в университет св. Владимира, в число недостаточных студентов. В 1847 г. взят в Петербург и, по приговору государя, отправлен в Казанский университет для окончания наук: причем, мне всемилостивейше пожаловано на первоначальное обзаведение 200 руб. серебром. Причиной перемещения были мои бумаги и стихи мятежного содержания, имевшие целью восстановления малороссийской народности.

В 1848 г , не окончив курс наук, переведен из Казани на службу в Петрозаводск, вследствие повреждения глаз и неспокойного поведения. В Петрозаводске служил, или правильнее — числился, в Олонецком губернском правлении при газетном столе писцом по 1 мая 1850 г.

В 1850 г 19 марта, по распоряжению гражданского губернатора, обыскан, арестован на дому и через месяц, по высочайшему повелению, отправлен в Соловецкий монастырь, о чем и узнал частным образом по прибытии в Архангельск, где месяц находился в тюрьме, до вскрытия вод.

Во всех сих случаях со мною поступлено справедливо и весьма снисходительно Впрочем, я никогда не восставал против монархии, ни против личных основ царской власти, а только, полагая, что во всероссийской державе должно быть и всероссийское господство, вооружался на исключительное господство великороссиян и в защиту давно отжившей, малороссийской народности. От церкви же я никогда не отлучался, гордился имением ее сыиа, постоянно бывал у исповедносвятого причастия, во всем, наравне с прочими православными, подчиняясь ее уставам. Если же в моих сочинениях попадаются выходки против власти монархической и церковной, то они — следствия молодечества и раздраженного воображения.

В 1850 г. я дважды был у исповеди и святого причастия: в великий пост перед арестом на дому и на второй неделе филиппова поста.

Сознаюсь, ваше высокопреподобие, что мое пребывание в Соловецком остроге принесло мне великую душевную пользу. Ваши назидательные беседы, хождение в церковь и чтение книг во многом совершенно изменили мои понятия. Я убедился, что властям придержащим должно повиноваться, ибо они от бога суть, что наше настоящее отечество на небесах, наша истинная народность в христианстве, неотъемлемое равенство в призвании веры, совершенная свобода в творении добрых дел, высочайшее благородство в любви. А посему мне теперь нет дела ни до Малороссии, ни до Европы, ни до всего света: я желаю быть христианином — в чем и прошу вашего высокопреподобия, и впредь не оставлять вашими святыми молитвами и боголюбезным назиданием. Я, по благословению вашего высокопреподобия, здесь прочел более тридцати книг: Православное исповедание — утвержденное четырьмя патриархами (1), Ветхий и Новый завет — на славянском языке (1), Новый завет и псалтырь на русском языке (2), сокращенный псалтырь Августина (1), Димитрия Ростовского (6), Иннокентия Пензенского (3), Тихона I-го Воронежского (15), Иннокентия Камчатского (1), лепту в пользу Алтайской миссии, архимандрита Макария (1), Станевича (1), Пращицу (1), Зерцало (1), Павла Соколова (1), Иоанна Лествичника (1), Макария Египетского (1), Нила Сорского. Беседы с Трифоном Иустина-философа (1), Филарета Московского (3) и проч[ее]. Ныне читаю Михаила С.-Петербургского, Часы благоговения, Никифора Астраханского.

Благодарю бога за наказание, которое ничто в сравнении с моими неправдами. Сердечно благодарю ваше высокопреподобие и при этом не могу умолчать, что вашими попечениями мне, как и всем заключенным, оказываются всевозможные законные милости. Я имею комнатку уютную, теплую, светлую, здоровую. Имею чистое белье, опрятную одежду. Пользуюсь братскою трапезой: обедом и ужином. Раз в неделю бываю в бане. Невозбранно, когда пожелаю, хожу в церковь. Заключение, одиночество, порядок, присмотр научают меня скромности, умеренности, смирению, послушанию, размышлению о прошедшей жизни, о христианских обязанностях. Со мною все, от г-на офицера и до последнего из имеющих законные отношения ко мне, обращаются весьма благородно и тщательно удовлетворяют все мои справедливые нужды.

Мне ничего более не остается, как молить и благодарить бога за всех вас, и просить, да поможет мне сторицею вознаградить все мои заблуждения, в пользу отечества и церкви во славу имени Иисуса Христова.

Под[писал]: бывшнй студент Георгнй Андрузский

Верно: начальнпк отделення П. Довголевскнй

Сверил столоначальник Сварацкнй-Сварик

1850 г., 29 декабря

Ч. VIII, арк. 248—249. Копія.

№ 575

1854 р. вересень.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО ПРИЗНАЧЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО НА ЦИВІЛЬНУ СЛУЖБУ В АРХАНГЕЛЬСЬК

Справка.

В сентябре месяце 1854 г. высочайше повелено [265] бывшего студента Андрузского освободить из монастыря с определением на службу в Архангельске, впредь до совершенного исправления и под строжайшим надзором местного начальства.

Ч. VIII, арк. 250. Оригінал.

№ 576

1856 р. серпня 31.— СУПРОВІДНИЙ ЛИСТ КАМЕРГЕРА О. Ф. ГОЛІЦИНА ДО ПРОХАННЯ П. Л. АНДРУЗЬКОЇ ПРО ПОМИЛУВАННЯ ІІ БРАТА, ПЕРЕСЛАНОГО В. А. ДОЛГОРУКОВУ

Его сият[ельст]ву кн. В. А. Долгорукову

Милостивый государь кн. Василий Андреевич!

Имею честь препроводить при сем к вашему сиятельству, по принадлежности, всеподданейшее прошение дочери майора Прасковьи Андрузской, о прощении брата ее, Григория, находящегося на службе в г. Архангельске, и о дозволении ему возвратиться на родину.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном моем почтении и преданности

кн. Александр Голицын

31 августа 1856 г., № 9726

Резолюція: Представить доклад со справкой. В. Долгоруков.

Помітка III відділення: По украйно-славянскому делу. В ведомостях, взятых в Москву, он не помещен.

Помітка про одержання: 3 сентября 1856.
В III отд[елении] получ[ено] 5 сентября 1856 г.

Ч. VIII, арк. 251. Оригінал.

№ 577

1856 р. липня 30.— ЛИСТ П. Л. АНДРУЗЬКОЇ ДО ОЛЕКСАНДРА II З ПРОХАННЯМ ДОЗВОЛИТИ ІІ БРАТУ Г. Л. АНДРУЗЬКОМУ ПОВЕРНУТИСЯ НА УКРАЇНУ

Ваше императорское величество, всемилостивый государь!

Имея брата Григория Львова, сына Андрузского, сужденого и находящегося на службе в г. Архангельске, осмеливаюсь испрашивать вашей императорской милости на прощение и возвращение на родину означенного брата моего. Вашего и. в. верноподданная дворянка, дочь майора

Прасковья Львовна Андрузская

1856 г. июля 30 дня

Жительство имею: Полтавской губ. Пирятинского уезда в с. Вечорках.

Помітка про одержання: 9 августа 1856.

Ч. VIII, арк. 252. Оригінал.

№ 578

1856 р. вересня 10.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Из комиссии прошений препровождена к вашему сиятельству всеподданнейшая просьба жительствующей в Полтавской губ. дочери майора Прасковьи Андрузской о прощении находящегося на службе в г. Архангельске брата ее, Григория, с дозволением ему возвратиться на родину.

Справка. Андрузский быв в 1847 г студентом Киевского университета, оказался принадлежащим к открытому тогда в Киеве Украйно-Славянскому обществу и вследствие этого он был доставлен в III отделение. Здесь, по рассмотрению бумаг его, обнаружено, что он сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании в России, доходя в них до мысли об учреждении республики. При допросах он сначала взводил обвинения на других и называл членами общества лиц, вовсе не принадлежащих к оному, но потом, чистосердечно сознавшись, что помянутые преступные бумаги писаны им и, раскаиваясь в том, просил прощения.

Во внимание к сему, а равно и по молодым летам его (ему было тогда 19 лет): Андрузский, по высочайшему повелению, отправлен был для окончания курса наук в Казанский университет с тем, чтобы потом определить его в гражданскую службу в одной из великороссийских губерний; при этом он подвергнут был строгому надзору и воспрещено увольнять его в Малороссию. Когда же потом он, по слабости зрения, не мог продолжать занятий в университете, то, во исполнение высочайшей воли, последовавшей в январе 1848 г., по докладу генерал-адъютанта кн. Орлова, Андрузский переведен был на службу в Петрозаводск. Там в течение первых двух лет поведение его не подвергалось никаким неблагоприятным для него замечаниям, но в 1850 г., по дошедшим до местного начальства сведениям, что он хранит у себя подозрительные бумаги, оные были рассмотрены и в них оказались:

1. Конституция республики, штаты коей должны состоять из Украйны, Черномории, Галиции с Краковом, Польши с Познанью, Литвою и Жмудью, Бессарабии с Молдавией и Валахией, Остзеи, Сербии, Болгарии и Дона.

2. Отрывки из журнала Андрузского, из коих было видно, что он, оставаясь упорным малороссом, питал те же мысли, которые обнаруживал в 1847 г.

3. Некоторые другие отрывки предосудительного содержания в нравственном отношении, и, наконец, обратили на себя внимание строки, в которых он, между прочим, говорил о себе: «Так как лето меня не застанет в живых, то я намерен сказать несколько слов заранее. Пусть каждый видит и знает, как опасны самый добрый характер, самый здравый ум без истинной религиозности, без энергии. У меня есть отец, сестры и братья, у меня много товарищей, но не к одному из них не чувствую полной любви и не один из них не питает ее ко мне. С отцом я прекратил переписку; он слишком умен и добр и ясно меня видит. Я настолько ленив и несчастлив (добровольно), что не могу исправить осязаемых недостатков, не могу и не хочу сам о себе позаботиться и даже отнимаю у других возможность к этому. Могу ли быть полезным другим? Это и глупец поймет. Высочайшее мое несчастие, что ничто на меня не действует — ни ласки, ни угрозы, ни самолюбие. Я упорнейший трус».

В других тетрадях Андрузского видны были его попытки составить малороссийский новый алфавит, собрать малороссийские поговорки, перевести на малороссийский язык евангелие и проч[ее].

По всеподданейшему докладу о сем государю императору, высочайше повелено было отправить Андрузского в Соловецкей монастырь, впредь до приказания.

Чрез год после того, 1851 г., он представлял настоятелю того монастыря записку, в которой изъявляя раскаяние в своих поступках, уверял, что пребывание его в монастыре и назидательные беседы принесли ему душевную пользу и убедили его, что властям предержащим должно повиноваться, что они суть от бога.

В 1854 г., после нападения неприятеля на Соловецкий монастырь, настоятель оного, свидетельствуя об отличном усердии, оказанном при этом случае, некоторыми из лиц, содержащихся в монастыре, назвал в числе их и Андрузского и вместе с тем ходатайствовал об освобождении его и определении на службу в одной из великороссийских губерний.

Вследствие этого представления обер-прокурор святейшего Синода, по сношению с генерал-адъютантом кн. Орловым, входил о сем с всеподданнейшим докладом и Андрузский, по высочайшему повелению, отправлен на службу в Архангельск, впредь до совершенного его исправления и под строжайший надзор местного начальства.

10 сентября 1856 г.

Резолюція В. А. Долгорукова: Снестись по сему предмету с архангельским военным губернатором. 12 сентября.

Ч. VIII, арк. 253—254. Оригінал.

№ 579

1856 р. вересня 13.— ВІДНОШЕННЯ III ВІДДІЛЕННЯ ДО АРХАНГЕЛЬСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА С. П. ХРУЩОВА З ЗАПИТАННЯМ ПРО ПОВЕДІНКУ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Г-ну архангельскому военному губернатору

13 сентября 1856 г.

Из комиссии прошений передана ко мне всеподданнейшая просьба, жительствующей в Полтавской губ. дочери майора Прасковьи Андрузской, о возвращении на родину брата ее, Григория Андрузского, который с 1854 г., по освобождении его из Соловецкого монастыря, находится на службе в Архангельске, под строжайшим надзором начальства.

Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство почтить меня уведомлением, как о поведении Андрузского, так и о том, исправляется ли он в образе мыслей и имеет ли быть, без вредных последствий, возвращен на родину.

Ч. VIII, арк. 255. Відпуск.

№ 580

1856 р. жовтня 31.— ВІДНОШЕННЯ АРХАНГЕЛЬСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА С. П. ХРУЩОВА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО ПОВЕДІНКУ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Г-ну главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии

31 октября 1856 г., № 2421, Архангельск

Вследствие отношения от 13 сентября сего года, № 172 [266], имею честь ваше сиятельство уведомить: 1) что бывший студент Казанского университета Георгий Андрузский, находившийся под надзором полиции в г. Пет-

розаводске, за вредный образ мыслей и злонамеренные сочинения, по высочайшему повелению, с 23 мая 1850 г. содержался под строжайшим надзором в арестантском остроге Соловецкого монастыря; 2) что по высочайшему же повелению, изъясненному в отношении г-на министра внутренних дел, от 1 октября 1854 г. № 134, за отличие, оказанное при защите Соловецкого монастыря во время бывшего 6 и 7 июля неприятельского нападения, Андрузский освобожден из монастыря с определением на службу в Архангельск, впредь до совершенного исправления и под строжайшим надзором местного начальства; 3) что с 3 декабря 1854 г. он состоял на службе в Архангельском губернском правлении, в должности канцелярского служителя, а ныне продолжает службу в Архаигельской палате уголовного и гражданского суда; 4) что, по отзыву архангельского гражданского губернатора, Андрузский, со времени возвращения его в Архангельск из Соловецкого монастыря, ведет себя хорошо, обязанности службы отправляет с надлежащим усердием и в образе мыслей его ничего предосудительного не обнаруживалось, и 5) что за тем означенный Андрузский, по мнению моему, может быть возвращен, без вредных последствий, на родину, с тем, однако ж, чтобы и там на известное время учрежден был за ним полицейский надзор.

Военный губернатор, адмирал Хрущев
Правитель канцелярии Лаговский

Помітка про одержання: 7 ноября 1856.

Ч. VIII, арк. 256—257. Оригінал.

№ 581

1856 р. листопада 12.— ВІДНОШЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО АРХАНГЕЛЬСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА С. П. ХРУЩОВА З ЗАПИТАННЯМ, ЧИМ ВИКЛИКАНА НЕОБХІДНІСТЬ ПРОДОВЖУВАТИ ПОЛІЦЕЙСЬКИЙ НАГЛЯД ЗА Г. Л. АНДРУЗЬКИМ

Секретно

Г-ну архангельскому военному губернатору

12 ноября 1856 г., № 1781

О канцелярском служителе Андрузском

В отношении за № 2421 [267] ваше высокопревосходительство изволили сообщить мне, что каицелярский служитель Андрузский может быть без вредных последствий возвращен на родину, с тем, однако, чтобы и там на известное время учрежден был за ним полицейский надзор.

Считаю долгом иметь честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство почтить меня в дополнение сего, уведомлением, изволите ли вы, милостивый государь, продолжение надзора за Андрузским признавать необходимым только из предосторожности, если он не представляет еще достаточного ручательства в его благонадежности.

Подписал генер[ал]-адъют[ант] кн. Долгоруков
Верно: коллежский асессор Гаврилов

Ч. VIII, арк. 258. Відпуск.

№ 582

1856 р. листопада 21.— ВІДНОШЕННЯ АРХАНГЕЛЬСЬКОГО ВІЙСЬКОВОГО ГУБЕРНАТОРА С. П. ХРУЩОВА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО ПОЛІЦЕЙСЬКИЙ НАГЛЯД ЗА Г. Л. АНДРУЗЬКИМ ПОТРІБНО ПРОДОВЖИТИ З МЕТОЮ ОБЕРЕЖНОСТІ

Г-ну главному начальнику III отделения
с. е. и. в. канцелярии

21 ноября 1856 г., № 2701, Архангельск

Ваше сиятельство, вследствие отношения от 12 сего ноября № 1781 [263], имею честь уведомить, что продолжить на известное время полицейский надзор за канцелярским служителем Андрузским, в случае возвращения его на родину, я признаю необходимым из одной лишь предосторожностн, дабы он, пользуясь свободою, по молодости лет, не обратился к прежнему образу мыслей.

Военный губернатор, адмирал Хрущев
Правитель канцелярии Лаговский

Помітка про одержання: 29 ноября 1856.

Ч. VIII, арк. 259. Оригінал.

№ 583

1856 р. листопада 30.— ДОПОВІДЬ III ВІДДІЛЕННЯ ОЛЕКСАНДРУ II ПРО СПРАВУ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО В ЗВ'ЯЗКУ З КЛОПОТАННЯМ ЙОГО СЕСТРИ ПРО ПОМИЛУВАННЯ

О канцелярском служителе Андрузском

При производстве в 1847 г. дела об открытом тогда в Киеве Украйно-Славянском обществе, оказался принадлежащим к оному студент тамошнего университета, уроженец Полтавской губ., Андрузский.

По доставлении его, вследствие этого, в III отделение обнаружено здесь, что он сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании в России. Подвергнутый затем допросу, он сначала уклонялся от искренних показаний и взводил обвинения на других, называя членами общества лиц, вовсе не принадлежащих к оному; но потом, чистосердечно сознавшись в составлении помянутых преступных бумаг и раскаиваясь в том, просил прощения.

Во внимание к этому и по молодости его (ему было тогда 19 лет) высочайше повелено было отправить Андрузского, для окончания курса наук, в Казанский университет; когда же потом он, по слабости зрения, не мог продолжать университетских занятий, то повелено было определить его в гражданскую службу в Петрозаводске.

Там в течение первых двух лет поведение его не подвергалось никаким неблагоприятным для него замечаниям, но в 1850 г. были у него вновь открыты преступные бумаги, доказывавшие, что он, оставаясь упорным малороссом, не изменил направления своих мыслей, и вследствие этого высочайше повелено было отправить его в Соловецкий монастырь, впредь до приказания.

За отличие, оказанное им в июле месяце 1854 г. при защите сего монастыря во время нападения на оный неприятеля, настоятель монастыря ходатайствовал об определении Андрузского на службу в одну из велико-

российских губерний, но по всеподданнейшему докладу, о сем обер-прокурора святейшего Синода повелено было, определить его в Архангельск, впредь до совершенного его исправления и под строжайший надзор местного начальства.

В 1856 г. сестра его, дочь майора, девица Прасковья Андрузская, проживавшая в Полтавской губ., вошла с всеподданнейшею просьбою о даровании ее брату всемилостивейшего прощения и о дозволении ему возвратиться на родину.

Архангельский военный губернатор, по сообщении ему этой просьбы, уведомлял, что Андрузский, состоя канцелярским служителем в тамошней судебной палате, ведет себя, со времени освобождения из монастыря, хорошо, исполняет служебные обязанности с надлежащим усердием и что в образе мыслей его ничего предосудительного не обнаруживалось, а потому, по мнению адмирала Хрущева, он может быть возвращен на родину, без опасения вредных последствий, с тем, однако ж, чтобы и там на известное время учрежден был за ним полицейский надзор.

Обязываюсь всеподданнейше представить о сем на высочайшее благоусмотрение вашего и. в.

Ноября 1856 г.

Резолюція: Высочайше разрешено удовлетворить эту просьбу, если к тому не встречает препятствий начальник Полтавской губ. Д[ействительный] с[татский] сов[етник] Волков здесь. Снестись с ним немедленно.

Долгоруков

30 ноября

Там же помітка олівцем: Переговорить. 30 ноября.

Ч. VIII, арк. 260—263. Оригінал.

№ 584

1856 р. грудня 1.— ВІДНОШЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО ПОЛТАВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА О. П. ВОЛКОВА ПРО ДОЗВІЛ Г. Л. АНДРУЗЬКОМУ ПОВЕРНУТИСЯ НА БАТЬКІВЩИНУ

Секретно

Г-ну начальнику Полтавской губ.

1 декабря 1856 г., № 1936

Из доклада до надзора; причем г-н адмирал Хрущев сообщил мне, что надзор этот признает он небходимым из оной лишь предосторожности, дабы Андрузский, пользуясь свободою, по молодости лет, не обратился к прежнему вредному образу мыслей.

По всеподданнейшему моему о сем докладу, г[осударь] и[мператор] изволил всемилостивейше разрешить удовлетворение помянутой просьбе сестры Андрузского, если к тому не встречаете препятствия в[аш]е п[ревосходительст]во.

Сообщая вам, м[илостивый] г[осударь], о сей высочайшей воле, покорнейше прошу, в[аш]е п[ревосходительст]во, почтить меня уведомлением о заключении вашем по этому предмету.

Г[енерал]-а[дъютант] кн. Долгоруков

Помітка III відділення: Полтавский губернатор здесь живет на углу Сергиевской и Рыночной улиц против прачечного двора.

Ч. VIII, арк. 264. Відпуск.

№ 585

1856 р. грудня 8.— ВІДНОШЕННЯ ПОЛТАВСЬКОГО ГУБЕРНАТОРА О. П. ВОЛКОВА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ЗГОДИ НА ПОВЕРНЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО НА БАТЬКІВЩИНУ, ПРИ УМОВІ, ЩО ВІН БУДЕ СЛУЖИТИ В ГУБЕРНСЬКОМУ МІСТІ, ПО СУДОВІЙ ЧАСТИНІ

Секретно

Главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии, г-ну генерал-адъютанту кн. Долгорукову 1-му

Декабря 8 дня 1856 г., С.-Петербург, № 138

По отзыву вашего сиятельства от 1 числа настоящего месяца за № 1936 [269], имею честь уведомить, что на основании удостоверения г-на архангельского военного губернатора, что состоящий канцелярским служителем в тамошней палате уголовного и гражданского суда, бывший студент Киевского университета Андрузский ведет себя хорошо и в образе мыслей его ничего предосудительного не обнаруживалось, я не встречаю, с своей стороны, препятствия к удовлетворению просьбы сестры его, дочери майора, девицы Прасковьи Андрузской, о дозволении ему возвратиться на родину; но принимая во внимание возможность поступков Андрузского, в коих он два раза был обличаем, полагаю, что для ближайшего наблюдения за ним надлежит требовать, чтобы он некоторое время находился на службе в губернском городе и отнюдь не по административной, но по судебной части.

Гражданский губернатор Волков

Резолюція В. А. Долгорукова: Исполнить согласно этому отзыву.

10 декабря

Помітка про одержання: 10 декабря 1856 г.

Ч. VIII, арк. 265. Оригінал.

№ 586

1856 р. грудня 11.— ВІДНОШЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ С. С. ЛАНСЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ ВОЛІ ОЛЕКСАНДРА II ПРО ТЕ, ЩОБ Г. Л. АНДРУЗЬКИЙ БУВ ПРИЗНАЧЕНИЙ НА СЛУЖБУ В ГУБЕРНСЬКОМУ МІСТІ ПО СУДОВІЙ ЧАСТИНІ ПІД НАГЛЯДОМ ПОЛІЦІЇ

Секретно

Г-ну министру внутренних дел

11 декабря 1856 г., № 2001

Проживающая в Полтавской губ. дочь майора девица Прасковья Андрузская входила с просьбою о возвращении на родину брата ее, канцелярского служителя Архангельской палаты уголовного и гражданского суда, Георгия Андрузского, известного министерству внутренних дел из отношения III отделения с. е. и. в. канцелярии от 22 сентября 1854 г. за № 1629.

По предварительном сношении о сем с гг. архангельским военным губернатором и начальником Полтавской губ., я всеподданнейше представлял означенную просьбу на высочайшее воззрение и государь император всеми-

лостивейше соизволил на оную с тем, чтобы Андрузский оставался под полицейским надзором и чтоб для ближайшего наблюдения за ним он на некоторое время был определен на службу в губернском городе и не по административной, а по судебной части.

О таковой высочайшей воле имею честь для зависящих распоряжений уведомить ваше высокопревосходительство.

Подписал: генерал-адъютант кн. Долгоруков
Верно: коллежский асессор Гаврилов

Ч. VIII, арк. 266. Відпуск.

№ 587

1856 р. грудня 11.— РОЗПОРЯДЖЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА НАЧАЛЬНИКОВІ 5-го ОКРУГУ КОРПУСУ ЖАНДАРМІВ ВСТАНОВИТИ ЗА Г. Л. АНДРУЗЬКИМ ПОЛІЦЕЙСЬКИЙ НАГЛЯД У ПОЛТАВІ

Секретно

Г-ну начальнику 5-го округа корпуса жандармов

11 декабря 1856 г., № 2002

По всеподданнейшему моему докладу о канцелярском служителе, Архангельской палаты гражданского и уголовного суда Георгие Андрузском, подвергнутом надзору за вредный образ мыслей и преступные сношения, государь император высочайше изволил разрешить ему возвратиться, согласно просьбе его сестры, на родину, в Полтавскую губ., с тем, чтобы он оставался под надзором полиции и чтобы для ближайшего наблюдения за ним, он на некоторое время определен был на службу в губернском городе и не по административной, а по судебной части.

Преписываю вашему превосходительству учредить за ним строжайшее наблюдение со стороны корпуса жандармов.

Подписал: генерал-адъютант кн. Долгоруков
Верно: коллежский асессор Гаврилов

Ч. VIII, акр. 267. Відпуск.

№ 588

1857 р. квітня, не раніше 30.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО НАДАННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОМУ ЗВАННЯ КОЛЕЗЬКОГО РЕЄСТРАТОРА

Высочайшим приказом 30 апреля 1857 г. № 91 помощник столоначальника Архангельской палаты уголовного и гражданского суда Андрузский произведен в коллежские регистраторы.

Ч. VIII, арк. 268. Оригінал.

№ 589

1857 р. грудня 31.— ВІДНОШЕННЯ ТОВАРИША МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ О. І. ЛЄВШИНА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА З ПРИВОДУ КЛОПОТАННЯ Г. А. АНДРУЗЬКОГО ЗВІЛЬНИТИ ЙОГО У ВІДСТАВКУ В ЗВ'ЯЗКУ З ПОГІРШЕННЯМ СТАНУ ЗДОРОВ'Я

Г-ну главному начальнику III отделения
с. е. и. в. канцелярии

31 декабря 1857 г., № 7387

О чиновнике Андрузском

Во исполнение высочайшего повеления, изъясненного в отношении вашего сиятельства от 11 декабря 1856 г. за № 2001, было сделано надлежащее распоряжение о перемещении, сосланого в Архангельск за участие в Украйно-Славянском тайном обществе и вредный образ мыслей, канцелярского служителя Архангельской палаты уголовного и гражданского суда Георгия Андрузского на родину в Полтавскую губ. с определением его там на службу по судебной части.

Ныне начальник Полтавской губ. представляет, что Андрузский, по прибытии в Полтаву, определен был в тамошнюю палату уголовного суда, что он выказал прилежание и хорошие способности, но что в настоящее время чиновник этот подвержен болезненному состоянию и лишен совершенно зрения на правый глаз. По сему ходатайствует об увольнении его, согласно просьбе его, в отставку и о разрешении ему жить в Пирятинском уезде с учреждением за ним строгого полицейского надзора.

Имею честь препроводить при сем означенное представление с приложениями к вашему сиятельству на усмотрение, покорнейше прося о последующем почтить уведомлением с возвращением посылаемых бумаг.

Директор С. Жданов
За министра внутренних дел товарищ его Левшин

Резолюція В. А. Долгорукова: Уведомить, что препятствий к этому нет. 7 января.

Помітка III відділення: В 1857 г. он произведен в коллежские регистраторы.

Помітка про одержання: 7 января 1858.

Ч. VIII, арк. 269. Оригінал.

№ 590

1858 р. січня, не пізніше 8.— ДОВІДКА III ВІДДІЛЕННЯ ПРО Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Андрузский определен был на службу в губернском городе, собственно по представлению начальника губернии Волкова, чтобы удобнее было иметь наблюдение за ним, и так как действительный статский советник Волков сам ходатайствует ныне об увольнении Андрузского в отставку и о разрешении ему проживать в Пирятинском уезде, где имение его и где проживает его сестра, то к разрешению сего препятствий не встречается.

Ч. VIII, арк. 270. Оригінал.

№ 591

1858 р. січня 8.— ВІДНОШЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ С. С. ЛАНСЬКОГО З ПОВІДОМЛЕННЯМ, ЩО НЕМАЄ ПЕРЕПОН ДЛЯ ЗАДОВОЛЕННЯ ПРОХАННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

Г-ну м[инист]ру в[нутренни]х дел

8 января 1858 г., № 58

Возвращая препровожденное ко мне, при отношении в[аше]го п[ревосходительст]ва за № 7387[270], представление начальника Полтавской губ. об увольнении коллежского регистратора Андрузского, согласно его просьбе, в отставку и о разрешении ему проживать в Пирятинском уезде, с учреждением там за ним строгого полицейского надзора, имею честь уведомить, что, основываясь на высочайшем повелении, состоявшемся в ноябре месяце 1856 г. по всеподданнейшему моему докладу о сем чиновнике[271], препятствия по удовлетворению вышеизложенного представления д[ействительно]го [статско]го с[оветни]ка Волкова не встречается.

Г[енерал]-а[дъютант] кн. Долгоруков

Ч. VIII, арк. 271. Відпуск.

№ 592

1863 р. грудня 23.— ВІДНОШЕННЯ МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ П. О. ВАЛУЄВА ДО В. А. ДОЛГОРУКОВА ПРО ЗВІЛЬНЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Г-ну главному начальнику III отделения с. е. и. в. канцелярии

23 декабря 1863 г., № 6478

Начальник Полтавской губ. ходатайствует об освобождении от полицейского надзора состоящего на службе в тамошней Уголовной палате помощником, столоначальника, коллежского регистратора Георгия Андрузского, который в 1847 г., за участие в Украйно-Славянском тайном обществе, вредный образ мыслей и злонамеренные сочинения, был выслан в Архангельскую губ. и в 1856 г., по высочайшему повелению, получил разрешение возвратиться на родину, под надзор полиции.

Начальник губернии удостоверяет, что Андрузский, во все время нахождения в настоящем месте жительства под надзором, вел себя безукоризненно, а усердною службою и благонамеренным образом мыслей снискал к себе доброе внимание начальства.

Принимая во внимание, что Андрузский, имеющий 35 год от роду, за заблуждения молодости потерпел наказание высылкою на жительство в отдаленную губернию, и получив, по всемилостивейшему соизволению, облегчение участи, остается еще под надзором, а между тем, как свидетельствует губернское начальство, он аттестуется с хорошей стороны в служебном отношении и одобряется по нравственным своим качествам, я полагал бы справедливым освободить в настоящее время этого чиновника от всяких ограничений. Но имея в виду, что, на основании последовавшего в 1856 г. высочайшего повеления, все распоряжения о подобных лицах предоставлены непосредственно III-отделению с. е. и. в. канцелярии, я честь имею сооб-

щить о вышеизложенном вашему сиятельству на благоусмотрение, покорнейше прося вас, милостивый государь, почтить меня уведомлением о последующем.

Министр внутренних дел статс-секретарь В а л у е в
Директор П о х в и с н е в

Резолюція В. А. Долгорукова: Доложить 1 января.
Помітка III відділення: Доложить с делом. 1 января.
Помітка про одержання: 2 января 1864 г.
Ч. VIII, арк. 272—273. Оригінал.

№ 593

1864 р. січня 11.— ДОПОВІДЬ III ВІДДІЛЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВУ ПРО МОЖЛИВІСТЬ ЗВІЛЬНИТИ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

При производстве в 1847 г. дела об открытом тогда в Киеве Украйно-Славянском обществе, оказался принадлежащим к оному студент тамошнего университета, уроженец Полтавской губ.— Андрузский.

По доставлении его, вследствие этого, в III отделение, обнаружено здесь, что он сочинял стихи возмутительного содержания и проекты о государственном преобразовании в России. Подвергнутый затем допросу он сначала уклонялся от искренних показаний и взводил обвинения на других, называя членами общества лиц, вовсе не принадлежащих к оному, но потом чистосердечно сознавшись в составлении помянутых преступных бумаг и раскаиваясь в том, просил прощения.

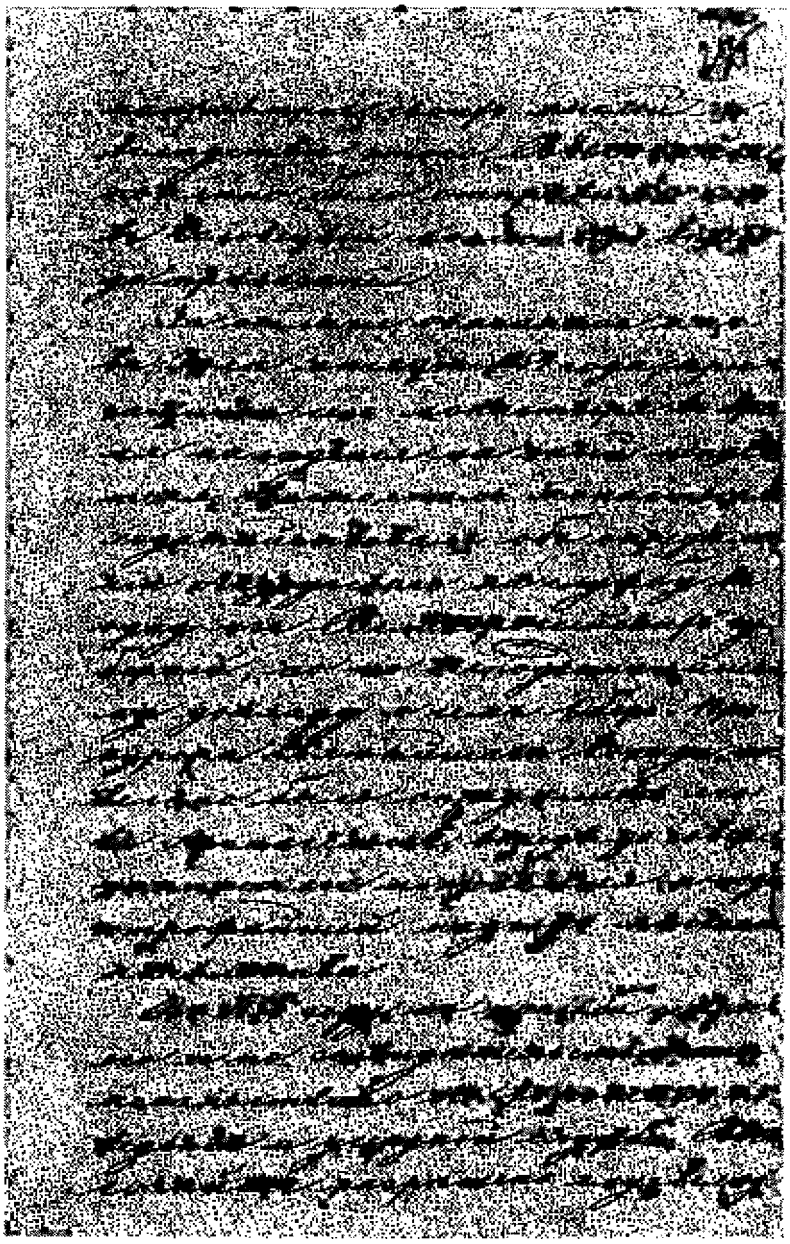
Во внимание к этому и по молодости его (ему было тогда 19 лет), высочайше повелено было отправить Андрузского, для окончания курса наук, в Казанский университет; когда же потом он, по слабости зрения, не мог продолжать университетских занятий, то повелено было определить его в гражданскую службу в Петрозаводск.

Там в течение двух лет поведение его не подвергалось никаким неблагоприятным для него замечаниям; но в 1850 г. были у него вновь открыты преступные бумаги, доказывавшие, что он, оставаясь упорным малороссом, не изменил направления своих мыслей и, вследствие этого, высочайше повелено было отправить его в Соловецкий монастырь, впредь до приказания.

За отличие, оказанное им в июле месяце 1854 г. при защите сего монастыря во время нападения на оный неприятеля, настоятель монастыря ходатайствовал об определении Андрузского на службу в одну из великороссийских губерний, но, по всеподданейшему докладу о сем обер-прокурора святейшего Синода, повелено было определить его в Архангельск, впредь до совершенного его исправления и под строжайший надзор местного начальства.

В 1856 г., по просьбе сестры его и по засвидетельствованию начальства о его хорошем поведении и усердной службе, высочайше разрешено ему, вследствие ходатайства вашего сиятельства, возвратиться на родину в Полтавскую губ., с тем, чтобы он оставался под надзором полиции и чтобы, согласно мнению полтавского гражданского губернатора, определен был на службу на некоторое время, для ближайшего за ним наблюдения, в губернском городе и не по административной, а по судебной части.

Он был определен в Полтавскую уголовную палату, где состоя помощником столоначальника, произведен в 1857 г. в коллежские регистраторы.



Сторінка з доповіді III відділення В. А. Долгорукову про можливість звільнити Г. Л. Андрузького від поліцейського нагляду

В 1858 г. начальник Полтавской губ. представлял, что Андрузский выказал на службе прилежание и хорошие способности, но [в виду] болезненного состояния и лишен[ия] совершенно зрения на правый глаз, почему он, действительный статский советник Волков ходатайствовал об увольнении Андрузского от службы и о дозволении ему проживать в Пирятинском уезде, с оставлением под строгим полицейским надзором.

На это последовало разрешение и он был уволен от службы; но потом вновь поступил в Полтавскую уголовную палату, где состоит и ныне.

Начальник Полтавской губ., удостоверяя, что Андрузский во все время состояния под надзором вел себя безукоризненно и что он усердною службою и благонамеренным образом мыслей снискал доброе внимание начальства, ходатайствует об освобождении его от надзора.

Принимая во внимание, что чиновник сей, имеющий ныне от роду 35 лет, потерпел за заблуждение в молодости наказание высылкою на жительство в отдаленную губернию, и получив, по всемилостивейшему соизволению, облегчение участи, остается еще под надзором, между тем аттестуется с хорошей стороны в служебном отношении и одобряется по нравственным своим качествам, министр внутренних дел полагает справедливым освободить его в настоящее время от всяких ограничений и сообщает об этом на усмотрение вашего сиятельства.

Соображение. Исходатайствование на сие высочайшего разрешения III отделение находит возможным.

11 января 1864 г.

Резолюція В. А. Долгорукова: Изъявить г-ну мин[истру] в[нутренни]х дел с моей стороны согласие

Ч. VIII, арк. 274—276. Оригінал.

№ 594

1864 р. січня 13.— ВІДНОШЕННЯ В. А. ДОЛГОРУКОВА ДО МІНІСТРА ВНУТРІШНІХ СПРАВ П. О. ВАЛУЄВА З ПОВІДОМЛЕННЯМ ЗГОДИ НА ЗВІЛЬНЕННЯ Г. Л. АНДРУЗЬКОГО ВІД ПОЛІЦЕЙСЬКОГО НАГЛЯДУ

Секретно

Г-ну министру внутренних дел

13 января 1864 г., № 91

Вследствие отношения за № 6478[272], по ходатайству начальника Полтавской губ., об освобождении от надзора служащего в тамошней уголовной палате коллежского регистратора Андрузского, и[мею] ч[есть] уведомить в[аше] превосходительство, что, принимая во внимание изложенное в том отношении засвидетельствование хорошего поведения и усердной службы Андрузского, я, с своей стороны, на освобождение его, согласно вашему, м[илостивый] г[осударь], мнению, от всех ограничений согласен.

Г[енерал]-а[дъютант] кн. Долгоруков

Верно: кол[лежский] секр[етарь] В. Покровский

Ч. VIII, арк. 277. Відпуск.

ДОДАТКИ

ПРИМІТКИ

Частина п'ята

СПРАВА П. О. КУЛІША

[1] Орлов О. Ф.— див. т. 1, ч. I, прим. 2.— Док. № 1.
[2] Куліш П. О.— див. т. 1, ч. I, прим. 18.— Док. № 1.
[3] Чижов Ф. В.— див. т 1, ч. I, прим. 46, т. 3, док. № 251.— Док. № 1.
[4] На арк. 1 зв. є запис: «22 марта 1847, № 450. Такого же содержания. Его высокопревосход[ительст]ву Ф. П. Вроченко с тою же переменою во 2 пункте как о Чижове. Подп[исал гр. О р л о в. *Верно:* надворный советник Н о р д с т р е м». Цей запис свідчить про те, що аналогічний лист був надісланий і міністрові фінансів.— Док. № 1.
[5] Гулак М. І.— див. т. 1, ч. I, прим. 5.— Док. № 2.
[6] Повний текст цього листа див. у т. 1, док. № 107.— Док. № 2.
[7] Білозерський В. М.— див. т. 1, ч. I, прим. 42.— Док. № 2.
[8] Повний текст цього листа див. т. 1, док. № 106.— Док. № 2.
[9] Повний текст цього листа див. у т. 1, док. № 110.— Док. № 2.
[10] Відповідь М. І. Гулака під час допиту див. у т. 1, док. № 117.— Док. № 2.
[11] Див. док. № 1.— Док. № 2.
[12] Намісником Царства Польського в той час був Паскевич І. Ф.— див. т 1, ч. I, прим. 58.— Док. № 2.
[13] П. О. Куліш заарештований 3 квітня, тобто раніше на два дні, ніж писалася довідка, але у III відділенні про це стало відомо 9 квітня (див. док. № 3).— Док. № 2.
[14] Див. т. 1, док. № 61.— Док. № 3.
[15] Див. док. № 4.— Док. № 3.
[16] Йдеться про одного з братів дружини П. О. Куліша Олександри Михайлівни Білозерської, яка пізніше взяла собі літературний псевдонім Ганна Барвінок (1828—1911).— Док. № 3.
[17] Паспорт О. М. Куліш див. у док. № 55.— Док. № 3.
[18] У тексті помилково: Бобринського.— Док. № 3.
[19] Арк. 7 — це конверт з написом: Заграничный паспорт Кулиша. Помощник начальника архива Антонов.— Док. № 3.
[20] Підписи нерозбірливі.— Док. № 4.
[21] Див. т. 1, док. № 61.— Док. № 7.
[22] Див. док. № 7.— Док. № 8.
[23] Див. док. № 10.— Док. № 8.
[24] Див. док. № 7.— Док. № 9.
[25] Арк. 16 — конверт з написом: Бумаги Кулиша 1—19 экземпляров. Помощник нач. архива Антонов. На арк. 17 — перелік вкладених у конверт матеріалів П. О. Куліша, складений 1929 р.— Док. № 10.
[26] «Січові гості» (споминка старого діда).— див. т. 1, ч. I, прим. 19.— Док. № 11.
[27] У джерелах слово «гайдамака» вперше згадується 1717 р.— Док. № 11.
[28] Слова «Чував я» написані замість викресленого «туди».— Док. № 11.
[29] Січ (Запорозька Січ) — організація українських козаків, що склалася в першій половині XVI ст. у пониззі Дніпра на південь від Дніпрових порогів. Її виникнення пов'язане з наступом на українське селянство й козацтво польсько-литовських феодалів і колонізацією ними південних степів України. Відступаючи під натиском феодалів, українські козаки за Дніпровими порогами будували укріплення — городки.— Док. № 11.
[30] Слова «прошпетиться в чим-небудь» написані замість закреслених «провиноватиться за що».— Док. № 11.
[31] Слова «на Запорожжя» написано замість закресленого «туди».— Док. № 11.
[32] Слово «або» написано замість закреслених «а часом».— Док. № 11.
[33] Слово «смикнуть» написано замість закресленого «припустять».— Док. № 11.
[34] У списку Навроцького: затазці.— Док. № 11.
[35] У списку Навроцького: держуть.— Док. № 11.
[36] Слово «довелось» написано замість закресленого «траплялось».— Док. № 11.
[37] Замок у Полонному — йдеться про збудовану польсько-шляхетським урядом у 40-х роках XVII ст. в Полонному фортецю — опорний пункт для придушення народних повстань у тому числі і проти гайдамаків, загони яких діяли у XVIII ст. поблизу м. Полонного. Залишки земляних фортечних валів XVII ст. у Полонному збереглися до наших днів.— Док. № 11.

[38] Любомирські — польський князівський рід гербу Сренява, походить від початку XVI ст. У XVIII ст. кілька князів Любомирських займали у Польщі вищі державні посади.— Док. № 11.

[39] У списку Навроцького: в обідню.— Док. № 11.

[40] Далі закреслено: так і вивернув.— Док. № 11.

[41] Слово «ріжок» написано замість закресленого «трубу».— Док. № 11.

[42] Від слів «Отже, кажу» до слів «його так несло» перекреслено вертикальною лінією.— Док. № 11.

[43] У списку Навроцького: багацько.— Док. № 11.

[44] Далі закреслено слово: буду.— Док. № 11.

[45] Слова «і виправили назад» написані замість закреслених «помчавсь за браму».— Док. № 11.

[46] Слова «поход: перечищать самопали, споряжать кульбаки, патронажі уюки» написані замість закресленого «дорогу».— Док. № 11.

[47] Далі закреслено: рушили всі.— Док. № 11.

[48] Далі закреслено: в дорогу.— Док. № 11.

[49] Слова «треба добре пильновать, а то вискочать з рук, як мило в воду» написані замість закреслених «ніхто не буде спать. Тілько що одпочили ми трохи, коли то посилають иас душ десять об'їхать кругом лісу і панків два з нами».— Док. № 11.

[50] У списку Навроцького: ото.— Док. № 11.

[51] Слова «Як настав вечір, пильнуємо ми», написано замість закреслених «ми трохи стали розглядувать табір: боже милий, що за людей сила, а гайдамак тілько з сотню».— Док. № 11.

[52] Далі закреслено: А ось і вечір настав.— Док. № 11.

[53] У списку Навроцького: гвалту.— Док. № 11.

[54] У списку Навроцького: ще що.— Док. № 11.

[55] У списку Навроцького: військо наших.— Док. № 11.

[56] У списку Навроцького далі є слово: кажу.— Док. № 11.

[57] У тексті: жадного.— Док. № 11.

[58] Далі закреслено: собаки.— Док. № 11.

[59] У списку Навроцького: проб'ються.— Док. № 11.

[60] У списку Навроцького: поприходили.— Док. № 11.

[61] У списку Навроцького: добичу.— Док. № 11.

[62] У списку Навроцького: стояла.— Док. № 11.

[63] У списку Навроцького: зрідка.— Док. № 11.

[64] Слова «так і розходиться» у списку Навроцького відсутні.— Док. № 11.

[65] У списку Навроцького: І от бачиш часом.— Док. № 11.

[66] У списку Навроцького: розчахне її.— Док. № 11.

[67] У списку Навроцького: оттак усі.— Док. № 11.

[68] У списку Навроцького: так і понеслись.— Док. № 11.

[69] У списку Навроцького слово «злякавшись» відсутнє.— Док. № 11.

[70] Далі закреслено: овечка в стаді.— Док. № 11.

[71] У списку Навроцького: господь.— Док. № 11.

[72] У списку Навроцького далі є такі слова: а вкупі всі пропадемо! — Док. № 11.

[73] У списку Навроцького слово «турецька» відсутнє.— Док. № 11.

[74] Уманська руїна — йдеться про здобуття 9—10 (20—21) червня 1768 р. Умані повстанськими загонами, керованими Максимом Залізняком та Іваном Гонтою, що було найвидатнішою подією гайдамацької боротьби проти польсько-шляхетських загарбників. Взяття Умані висвітлено Т. Г. Шевченком у поемі «Гайдамаки».— Док. № 11.

[75] Текст від слів «Але ще справа не кончилась» до слів «сидять коло Константинова» перекреслено вертикальною лінією.— Док. № 11.

[76] Чорний шлях — стратегічний шлях, яким користувалися кримчани для розбійницьких нападів на Правобережну, Західну Україну і Польщу в XVI—XVII ст. Починався Чорний шлях з Перекопського перешийка, перетинав нижню течію Дніпра і пролягав через запорозькі степи на південь. Проходив між верхів'ями річок Інгульця, Тясьмину і Росі, потім повертав на Захід у напрямі міст Звенигородки, Умані, Кальника, Тернополя до Львова.— Док. № 11.

[77] Текст від слів «Але ще справа не кончилась» до слів «Ото була перша моя справа з гайдамаками» у списку Навроцького відсутній.— Док. № 11.

[78] У списку Навроцького: на Подолле.— Док. № 11.

[79] У списку Навроцького: ченців.— Док. № 11.

[80] Слова «що то гайдамацькі шпіони» у списку Навроцького відсутні.— Док. № 11.

[81] Слова «замість чарки і» у списку Навроцького відсутні.— Док. № 11.

[82] У списку Навроцького слово «шляхта» відсутнє.— Док. № 11.

[83] У списку Навроцького: повертілась.— Док. № 11.

[84] У списку Навроцького: густий.— Док. № 11.

[85] У списку Навроцького: біля його.— Док. № 11.

[86] Перебийніс — Максим Кривоніс (див. т. 1, ч. III, прим. 166).— Док. № 11.

[87] У списку Навроцького: Е, каже.— Док. № 11.

[88] Далі закреслено: а потім уже можна і свою причину сказати. У списку Навроцького цей текст викладений так: треба, кажу, мені наперед усього попоїсти.— Док. № 11.

[89] Текст «пристать до запорожців, але не знаю, де їх знайти» у списку Навроцького викладений так: пристать до гайдамак, тільки горе моє, що не знаю, де їх знайти.— Док. № 11.

[90] У тексті: обдиває.— Док. № 11.

[91] У списку Навроцького замість слів «Як було і до» написано «ти б сказав, що й до».— Док. № 11.

[92] У списку Навроцького: підослав йому душу під ноги.— Док. № 11.

[93] У списку Навроцького: присядеш.— Док. № 11.

[94] У списку Навроцького: бущім.— Док. № 11.

[95] У списку Навроцького: а самі другого дня пішли.— Док. № 11.

[96] Далі закреслено: Як чуть місто грабувать.— Док. № 11.

[97] Далі закреслено: так будто для його все дурниця.— Док. № 11.

[98] Далі закреслено: А на другий день вночі прийшли.— Док. № 11.

[99] Слово «околиць» написано замість закреслених «другнх сел».— Док. № 11.

[100] У списку Навроцького далі є слово: мабуть.— Док. № 11.

[101] Це слово написаяо замість закресленого: переиочувать.— Док. № 11.

[102] Далі закреслено: дерева по лісу тільки трісь, трісь.— Док. № 11.

[103] Слова «Шість гармат бубух, а з другої греблі» у списку Навроцького відсутні.— Док. № 11.

[104] У списку Навроцького: поміж.— Док. № 11.

[105] Далі закреслено: стало чутн кіиський стук.— Док. № 11.

[106] У списку Навроцького: припустили.— Док. № 11.

[107] Далі закреслено: а як наткнулись вони на завал, тоді зараз, як ударять з гармат, а ту із-за лісу у в одвіт, то далі.— Док. № 11.

[108] У списку Навроцького: так.— Док. № 11.

[109] У списку Навроцького: понавалюваним.— Док. № 11.

[110] У списку Навроцького: тільки раз-по-раз.— Док. № 11.

[111] У списку Навроцького: погаие, тільки реве та стогне кругом у темиоті.— Док. № 11.

[112] У спяску Навроцького далі є слово: карабкаються.— Док. № 11.

[113] Текст від слів «Як молотники, вставши зраяа» до слів «Картеча вдарила» у списку Навроцького викладений так: Як молотники, вставши зрана, стаяуть у два рядн по довгому току, і спірно б'ють дубовими ціпами сніп за снопом, аж поки розлетиться увесь соломою: так їх порозбивано картечами, пороздирано чугунними кулями на шматки і перемішано з потрощеними гіллюками і колодами. На великій греблі у завалі знайшли і самого Чортовуса. Ниць лежав сердечний, головою на колоді, розкинувши крижем руки, а уси, мов чорниї гадиии, розтяглись по колоді, у крові усі да й позасихали».— Док. № 11.

[114] У списку Навроцького: Любомирський.— Док. № 11.

[115] У списку Навроцького далі є слова: на зтрату.— Док. № 11.

[116] Коліївщина — велике народно-визвольне повстання на Правобережній Україні 1768 р.— Док. № 11.

[117] Ефіопська грамота (ефіопське письмо) — складовий алфавіт ефіопської мови (геез). Він включає 26 основних знаків, кожний з яких має по сім варіантів. Літери пишуться зліва направо. Ефіопська мова — мертва, вимова букв відома з амхарської. З додатковими буквами ефіопське письмо використовується для мов амхарської, тигре та ін. Походить ефіопське письмо з південноарабського.— Док. № 12.

[118] Глаголицька грамота, глаголиця — одна з найдавніших слов'янських азбук. Вона була поширена в Македонії, Моравії, Чехії, Паннонії, Західній Болгарії та Хорватії. Відома і в Київській Русі. Глаголиця подібна до кирилиці, відрізняється від неї складнішим накресленням усіх 40 літер. Питання про походження глаголиці в науці ще остаточно не розв'язане.— Док. № 12.

[119] Грот Яків Карлович (1812—1893) — російський філолог. Народився у Петербурзі в сім'ї службовця. 1832 р. закінчив Царськосільський ліцей. 1840—1852 рр.— професор Гельсінгфорського університету, а 1852—1862 рр.— Царськосільського ліцею. З 1858 р.— академік, а 1889 р.— він президент Петербурзької Академії наук. Автор «Російського правопису» (1885), яким користувалися до 1918 р.— Док. № 12.

[120] Вернадський І. В.— див. т. 1, ч. IV, прим. № 106.— Док. № 12.

[121] «За сто літ». Матеріали з громадського й літературного життя Україии XIX і початку XX ст.— неперіодичний збірник комісії иової історії України, який видавався історичною секцією Всеукраїиської Академії наук. Всього вийшло вісім книг (Харків, Київ, 1927—1933). У них були надруковані важливі розвідки про Кирило-Мефодіївське товариство та окремих його членів (Шевченка, Куліша, Гулака, Навроцького, Марковича, Костомарова, Пасяду).— Док. № 12.

[122] Погодін Михайло Петрович (1800—1875) — російський історик, письменник, журналіст, публіцист. 1821 р. закінчив Московський університет, де з 1826 р. завідував кафедрою загальної історії, а в 1835—1844 рр.— російської історії. З 1841 р.— академік Російської Академії наук. Видавав журнали «Московский наблюдатель» (1827—1830) і «Москвитянин» (1841—1856), мав книгарню.— Док. № 13.

[123] «Михайло Чариишеико» — див. т. 1, ч. І, прим. 74.— Док. № 13.

[124] Літопис Самовидця найповніший український козацько-старшинський літопис. Висвітлює історію України 1648—1702 рр. Автором Літопису Самовидця вважається генеральний підскарбій Романи Ракушка-Романовський. Літопис Самовидця — цінна пам'ятка української літератури, зразок української літературної мови XVII ст.

У даному випадку йдеться про публікацію літопису з передмовою П. Куліша («Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницького и о междоусобиях, бывших в Малороссии по его смерти».— Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском уииверситете, 1846, № 1).— Док. № 13.

[125] Напевно йдеться про запис народних пісень про Устима Кармалюка.— Док. № 13.

[126] «Україна» — див. т. 1, ч. І, прим. 73.— Док. № 13.

[127] Петро Олександрович — напевно П. О. Плетньов.— Док. № 13.

[128] Ольга Петрівна — напевно Ольга Петрівна Плетньова, дочка Петра Олександровича Плетньова.— Док. № 13.

[129] Сердюков Петро Якович (роки иародженпя і смерті невідомі) — причетний до справи Кирило-Мефодіївського товариства. Народився у Глухівському повіті Чернігівської губернії. Пізніше навчався в Київському уиіверситеті, а потім був вільним слухачем Московського і Петербурзького університетів (див. т. 3, ч. XIII).— Док. № 13.

[130] «Современник» — див. т. 1, ч. II, прим. 441.— Док. № 13.

[131] «Москвитянин» — див. т. 1, ч. II прим. 40.— Док. № 13.

[132] Білозерський М. Д.— див. т 1, ч. III, прим. 125.— Док. № 13.

[133] «Literatury i krytyki» — «Літератури і критики».— Док. № 13.

[134] Брульон (польськ.).— зшиток для чорнових записів, чернетка.— Док. № 13.

[135] «Записка Репиина о казаках» — йдеться про статут управління малоросійськими козаками, складений військовим губернатором М. Г. Репніним, який був затверджений 17 січня 1834 р. Репнін-Волконський Микола Григорович (1778—1845) — князь, брат декабриста С. Г. Волконського. На клопотання Котляревського віи сприяв викупу з кріпацтва М. С. Щепкіна. Останні роки (з 1842 р.) жив у Яготині на Полтавщині. У родині Репніних часто бував Т. Г. Шевченко і багато чув тут про діяльність декабристів.— Док. № 13.

[136] Див. ч. V, арк. 153—181.— Док. № 13.

[137] «Орися» — романтичний твір, написаний П. О. Кулішем під впливом шостої пісні поеми «Одіссея». Автор використав окремі прийоми композиції античного твору, але за змістом, національним колоритом — це оригінальний твір, сповнений казкової таємничості і пригод. Написав «Орисю» Куліш 1844 р., гостюючи у свого приятеля Свідзінського в Ходорові на Київщині, а надрукував уперше тільки 1857 р. в «Записках о Южной Руси», т. 2.— Док. № 13.

[138] «Koliszczyzna i stepy» — «Коліївщина і степи» — повість польського письменника М. Грабовського, яку він написав 1838 р. Другим виданням ця повість вийшла в 1860 р. під назвою «Opowiadania kurzepiego» («Розповідь курінного»).— Док. № 13.

[139] Штур Людовіт (1815—1856) — діяч словацького національного відродження, публіцист, поет і мовознавець. Автор граматики нової словацької мови, наукових і публіцистичних трактатів. Організатор і редактор першої словацької політичної газети «Словенське народне новини» (1845). Очолював рух молоді за національне відродження й освіту. Був одним з ініціаторів скликания 1848 р. у Празі слов'янського з'їзду.— Док. № 14.

[140] Кузьмані Карл (1806—1866) — словацький літератор, професор Віденського університету. 1836—1838 рр. видавав у Банській Бистриці чеською мовою журнал «Нгопка».— Док. № 14.

[141] Текст від слів «доколе будет существовать» до слів «за Вашими благими начинаниями» підкреслений вертикальною лінією.— Док. № 14.

[142] Язиков Микола Михайлович (1803—1847) — російський поет. Народився в Симбірській губернії. Вчився у Дерптському (тепер Тартуський) університеті. Друкувався в «Полярной звезде». З кінця 20-х років став активним діячем слов'янофільства. 1837—1842 рр. лікувався за кордоном, де зблизився з М. В. Гоголем. Повернувся до Москви 1843 р.— Док. № 14.

[143] Видання журналу «Русский вестник», про який згадує М. А. Рігельман, Ф. В. Чижову не було дозволено (див. про це т. 3, док. № 271, 272, 274, 275).— Док. № 14.

[144] Рігельман М. А.— див. т. 1, ч. І, прим. 83.— Док. № 14.

[145] «Киевская старина» — щомісячний історико-етнографічний і белетристичний журнал. Виходив у Києві з 1882 до 1907 р. (остаяиій рік видавався українською мовою під назвою «Україна»). У журналі вміщені цінні документи та біографічні матеріали, зокрема про Т. Г. Шевченка.— Док. № 14.

[146] Йдеться про замок XVII ст. в м. Корець (XII ст.— Корчевськ, Корчев) Новоград-Волинського повіту Волинської губ. Корець розташований на р. Корчику. Вперше згадується в Іпатіївському літопису під 1150 р.— Док. № 15.

[147] «Русскій историческій сборникъ» — видання Московського товариства історії і старожитностей російських. У 1837—1844 рр. вийшло 7 томів (кожеи у 4 випусках), за редакцією М. П. Погодіна. Друкувалися пам'ятки давньоруської історії і писемності, дослідження, виступи на засіданнях товариства, окремі історичні доповіді.— Док. № 16.

[148] «Тека rozmaitosci» — «тека розмаїтості».— Док. № 16.

[149] «Кневлянин» — альманах, видавався М. О. Максимовичем. Вийшло три книги: перші дві — в Києві 1840 і 1841 рр., третя — в Москві 1850 р. Тут опубліковаио багато матеріалів з історії Кнева та інших міст, твори Г. Квітки, Є. Гребінки, В. Бенедиктова, Ф. Глінкн, А. Подолинського, М. Язикова, старовинні рукописи тощо.— Док. № 16.

[150] «Сказание князя Курбского» — йдеться про чотири послання Курбського Івану IV, в якнх він виступав проти централізаторської політики царя і відстоював право удільної знаті на управління країною. Курбському належить також памфлет «Історія про великого князя Московського». Твори Курбського — важливе історичне джерело для внвчення боротьби бояр проти зміцнення Російської централізованої державн.— Док. № 16.

[151] «Курс слов'янської літератури» А. Міцкевич почав читати 1840 р. в Коллеж де Франс. Лекції відігравали важливу роль у популяризації в Європі культури слов'янських народів. У лекціях Міцкевич приділяв значну увагу українській культурі, виявляв обізнаність з історією України та її народнопоетичною творчістю.— Док. № 16.

[152] Зверху написано олівцем: «Подарен Ник[олаю]. Даннл[овичу]».— Док. № 16.

[153] Мішле (Michele) Жюль (1798—1874) — французький історик і письмеиник радикально-демократичного напряму. Основною рушійною силою суспільного розвитку вважав народ, але не зважав на класову дифереиціацію і відкидав класову боротьбу. Автор багатьох праць, у тому числі 17-томної «Історії Франції» (1833—1867) та «Історії французької революції» в семи томах (1847—1853).— Док. № 16.

[154] Бодяиський О. М.— див. т. I, ч. III, прим. 120.— Док. № 16.

[155] «Украинские преданія» — йдеться про «Украинскне народные предания», кн. 1. Собрал П. Кулиш. Университетская тип., 1847, 90 с. У зв'язку з арештом П. Куліша тнраж цієї книжки був затриманий, і вона вийшла в світ значно пізніше.— Док. № 16.

[156] Юзефовнч М. В.— днв. т. I, ч. I, прим. 30.— Док. № 16.

[157] Так у тексті. Очевидно, йдеться про Михайла Олексаидровича Максимовича. Див. також т. 1, ч. III, прим. № 139.— Док. № 16.

[158] Грабовський Михайло (1804—1863) — польський письменник і критик, представник так званої української школи в польській літературі. Народився на Волині, навчався в Умані, Одесі та Варшаві. Автор статей про українські народні пісні і досліджения «Про школу української поезії», а також повістей «Коліївщнна і степи», «Станиця Гуляйпільська», «Завірюха в степах», «Пан староста Каневськяй». «Пан староста Закшевськнй». Наприкінці 30-х років пройнявся ідеями слов'янофілів, зблизився з П. Кулішем.— Док. № 16.

[159] Розковшенко (Росковшенко) Іван Васильович (1809—1889) — український письменник і педагог. Народився в с. Штепівці Чернігівської губ. Після закінчения Харківського університету працював у міністерстві юстиції, був помічником редактора «Журнала министерства народного просвещения». З 1839 р.— директор гімназії на Кавказі, а потім на Поділлі та Волині. Один з видавців першого на Україні літературно-художнього альманаху «Український альманах» (1831).— Док. № 16.

[160] Левицькнй — напевно, Микола Федосійович Левицький (1819—1885) — український педагог, методнст початкової освіти, послідовник К. Д. Ушиського. Народився на Чернігівщині, в сім'ї дрібного службовця. Вчився в Київському університеті. З 1846 р. учителював у школах Київської і Чернігівської губерній.

Можлнво, йдеться про Симеона Левицького, стеблівського священика (Богуславський повіт на Київщині). На цю думку наводить запнс у док. № 22.— Док. № 16.

[161] Китченко — напевно, Ф. Кнтчеико, автор праці «Полуботок и иачало правильного овцеводства в Малороссии» (Черниговские губернские ведомости, 1850, № 10, 11).— Док. № 16.

[162] Мизко Микола Дмитрович (1818—1881) — український критик, фольклорист і журналіст. Народився в Катеринославі в сім'ї вчителя. Закінчив Катеринославську гімназію. З 1845 р. редагував «Екатеринославские губериские ведомости». Потім жив у Воронежі (з 1868 р.). В останні роки життя збирав матеріали для «Словаря русских пнсателей», який йому так і не вдалося надрукувати.— Док. № 16.

[163] Гладкнй Йосип Михайлович (1789—1866) — кошовий отаман задунайських козаків з 1827 (до того був отаманом Платнерівського куреня). 1828 р. разом з частиною запорожців перейшов на бік Росії. 1830 р. усі козаки, що перейшли з Гладким, були поселені біля Азовського моря, між Бердянськом і Маріуполем і дістали назву Азовське військо. Гладкий, уже в чині генерал-майора, був призначений наказним отаманом. 1849 р. він залишив службу й оселився на своєму хуторі.— Док. № 16.

[164] Головинський Гнат Петрович (1807—1855) — письменник, професор римо-католицького богослов'я в Київському університеті. З 1842 р.— ректор Петербурзької римокатолицької духовної академії. Писав польською мовою. Деякі переклади його творів друкувались у журналі «Современник» та ін. Відомий також як перекладач на польську мову творів В. Шекспіра.— Док. № 16.

[165] Метлинський Амвросій Лук'янович — див. т. 1, ч. III, прим. 129.— Док. № 16.

[166] Боровиковський Л. І.— див. т. 1, ч. I, прим. 132.— Док. № 16.

[167] Маркович О. В.— див. т. 1, ч. I, прим. 28.— Док. № 18.

[168] Юскевич-Красковський Іван Данилович (нар. 1808 р.) — вчитель латинської мови в 2-й київській гімназії. В останній день свого перебування у Києві Т. Г. Шевченко гостював у родині Красковських на Іринінській вулиці.— Док. № 18.

[169] «Карманная книга для помещиков» — брошура П. Куліша, видана 1846 р. (див. док. № 36).— Док. № 19.

[170] Костомаров М. І.— див. т. 1, ч. I, прим. 7.— Док. № 20.

[171] Шевченко Т. Г.— див. т. 1, ч. I, прим. 11.— Док. № 20.

[172] Текст від слів «Я счастлив» до слів «в обществе» підкреслений вертикальною лінією.— Док. № 20.

[173] Текст від слів «умоляю не жениться» до слів «подаренное тебе Костомаровым» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 20.

[174] Йдеться про смерть батька П. О. Куліша.— Док. № 20.

[175] Йдеться про двоюрідну сестру Олену Романівну Куліш та її матір — дружину Кулішевого дядька Романа Куліша.— Док. № 20.

[176] Текст від слів «Земляк Ваш» до слів «Ваші пісні» дописані рукою В. М. Білозерського.— Док. № 20.

[177] «Одіссея» — одна з найстаріших пам'яток античної грецької літератури. Поема героїчного епосу, складена близько VIII ст. до н. е. Її творцем вважають Гомера.— Док. № 20.

[176] Чуйкевич П. О.— див. т. 1, ч. I, прим. 131.— Док. № 20.

[179] Елькан Олександр Львович (1819—1868) — письменник. Служив перекладачем у головному управлінні шляхів, співробітничав у «С.-Петербургских ведомостях», «Северной пчеле», «Искусстве», «Русском мире», «Иллюстрации» та ін. Окремо надрукував «Аделаида Ристори» (1860), «Н. Я. Голиков» (1863) та ін.— Док. № 21.

[180] Савич М. І.— див. т. 1, ч. I, прим. 6.— Док. № 21.

[181] «Северная пчела» — див. т. 1, ч. II, прим. 43.— Док. № 21.

[182] Честахівський Григорій Миколайович (1820—1893) — художник. Народився на Херсонщині. Вчився в Академії художеств. 1855 р. дістав звання художника. З Т. Г. Шевченком познайомився після повернення останнього з заслання і часто в нього бував, коли той жив у приміщенні академії. Після смерті поета Г. Честахівський супроводжував його прах на Україну, був ініціатором поховання на Чернечій горі біля Канева, дбав про впорядкування могили. За зв'язки з селянами, читання їм творів Т. Г. Шевченка та іншої літератури поліція змусила Честахівського залишити Україну й повернутися до Петербурга.— Док. № 22.

[183] Кульжинський Іван Григорович (1803—1884) — російський письменник та етнограф. Автор «Курсу загальної історії» (3 т., Спб., 1859), «Історії Польщі» (1864), а також оповідань, романів і повістей, які друкувалися в «Дамском журнале», «Украинском журнале», «Московском вестнике» та ін.— Док. № 22.

[184] Мурзакевич Микола Никифорович (1806—1883) — історик та археолог. Учився в Смолеиській духовній семінарії і Московському університеті. Після закінчення університету був професором, а потім директором Рішельєвського ліцею в Одесі. Вивчав історію, археологію та етнографію півдня України. Засновник Одеського товариства історії і старожитностей. Був його секретарем і віце-президентом. Мурзакевич автор понад 130 статей з історії, археології та нумізматики.— Док. № 22.

[185] Мілотинович Семен Лук'янович (1791—1848) — сербський поет, зачинатель нової сербської літератури. Автор історії Сербії 1389—1815 рр. (1837). 1815 р. брав участь у підготовці повстання в Боснії.— Док. № 22.

[186] Маркович Олександр Михайлович (1790—1865) — український дворянський історик та етнограф. Народився в с. Сварковому на Чернігівщині. Закінчив Харківський університет. Автор незакінченого і неопублікованого «Опису Малоросії».— Док. № 22.

[187] Фусс Павло Миколайович (1797—1855) — російський математик. З 1818 р.— ад'юнкт. 1823 р.— екстраординарний, а з 1826 р.— ординарний академік Петербурзької академії. 1826 р. став неодмінним секретарем академії, замінивши на цьому посту свого батька, також математика, Миколу Івановича Фусса (1755—1826).— Док. № 22.

[188] Текст від слова «Адреса» до слів «Академия наук» перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[189] Федір Чижов. Рим. В античній грецькій кав'ярні (італ.).— Док. № 22.

[190] Текст від слів «в Юхнов» до слів «взять налево» перекреслено вертикальними лініями. Док. № 22.

[191] Текст від слів «Друг матерей» до слова «портрет» перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[192] «Abeille» — «L'Abeille», Revue hebdomadaire, journal général des science, de la littérature et des arts. Rédacteur en chef : Prof. Duvivier. 1846 — Berlin. «Бджола» — щотижневий загальнонауковий, літературний і мистецький журнал. Редактор і керівник (видавець) — проф. Дювів'є (1846, Берлін). 1847 р. виходив під назвою «Journal Français de Berlin» — «Французька газета в Берліні». 1848 р. вона називалась «Le Courrier de Berlin» — «Кур'єр Берлінський». Її редактором був Жюль Мельє.— Док. № 22.

[193] Одне слово непрочитано.— Док. № 22.

[194] Текст від слів «В Берлине» до слів «10 р [уб.] сер[ебром]» перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[195] Роксолана — Лісовська Настя (1505—1561). Народилася в м. Рогатині на Івано-Франківщині. 1520 р. під час нападу на Рогатин кримські татари захопили її в полон і продали в султанський гарем. Ставши дружиною султана Сулеймана I, вона відігравала значну роль у політичному житті Туреччини 20—50-х років XVI ст.— Док. № 22.

[196] «Киевские богомольцы» — «Киевские богомольцы в XVII столетии» (глава из романа «Черная рада» (Современник.— Т. XLI, 1846, кн. 1, с. 62—121; кн. 2, с. 177—225; кн. 3, с. 297—343).— Док. № 22.

[197] «Allgemeine Teatralzeitung» — Allgemeine Theater — Zeitung» («Загальна театральна газета»), видавалася у Відні з 1808 р.— Док. № 22.

[198] Цертелев (Церетелі) Микола Андрійович (1790—1869) — український та російський фольклорист, перший видавець української народної поезії. Народився у м. Хоролі на Полтавщині в сім'ї грузинського князя. Закінчив Московський університет. Працював інспектором Полтавського інституту шлихетних дівчат, помічником попечителя Харківського учбового округу. Листувався з Т. Г. Шевченком. Праця «Погляд на старовинні російські казки та пісні» була надрукована в журналі «Сын отечества», 1820, ч. 59—60. Текст «Взгляд на русские сказки и песни Цертелева» перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[199] Проти цього запису вертикально написано: Вернадский.— Док. № 22.

[200] Проти останніх двох записів вертикально написано: Чижов.— Док. № 22.

[201] Caffé militari — військова кав'ярня (італ.). Між рядками іншим чорнилом написано: «Употребляется буква «щ». Проти цього абзаца вертикально написано: говорит Чижов.— Док. № 22.

[202] Franzosische straße — французька вулиця (нім.). Проти цього абзаца написано: Вернадский.— Док. № 22.

[203] «Історія Русів» — історичний твір невідомого автора, на початку XIX ст. поширювався в рукописах. Надрукований О. Бодянським 1846 р. В «Історії Русів» подаються події з історії України від давніх часів до 1769 р.— Док. № 22.

[204] Цей абзац перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[205] Ніколаєвський — очевидно, Павло Федорович Ніколаєвський — екстраординарний професор російської церковної історії в Петербурзькій духовній академії, автор праці «Киево-Печерский мир в древней России» («Христианское чтение», 1876).— Док. № 22.

[206] Останні два абзаци перекреслені: перший — вертикальними лініями, другий — горизонтальною лінією.— Док. № 22.

[207] Бібліотека Оссолінських (Оссолінеум, Львівський інститут Оссолінських) — культурно-освітня установа у Львові, заснована 1817 р. графом Юзефом-Максиміліаном Оссолінським (1748—1826), польським бібліографом та історником. У складі Оссолінеума було два основні відділи — бібліотека і музей. 1823 р. з Інститутом злився музей ім. Любомирських.— Док. № 22.

[208] Князь Юрій Любомирський (1817—1872) — попечитель та організатор Львівського інституту Оссолінських. Видав «Zbiór ustaw i dokumentów, tyczących się zakładu imienia Ossolińskich» (Львів, 1851). Автор досліджень про фінанси, промисли, торгівлю і податкову систему в давній Польщі.— Док. № 22.

[209] Кухарський Андрій — див. т. 1, ч. II, прим. 622.— Док. № 22.

[210] Цей абзац перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[211] «Журнал министерства народного просвещения» — див. т. 1. ч. III, прим. 146.— Док. № 22.

[212] Роговнч Опанас Семеновнч (1812—1878) — український ботанік і палеонтолог. Народився на хуторі Роговлі Стародубського повіту на Чернігівщині. 1837 р. закінчив Київський університет. З 1843 р. ад'юнкт, а 1853—1868 рр.— професор ботанікн Київського університету.— Док. № 22.

[213] Останні два абзаци закреслено вертнкальними лініями.— Док. № 22.

[214] Хрущ гуде в очеряті і в цю мить звук рідної мови виводить мене із стану забуття.— Док. № 22.

[215] Стороженко Олекса Петрович (1805—1874) — український письменник. Учився в Харківському пансіоні для дворянських дітей (1821—1823), служив у війську (1824—1850), а потім до 1868 р. був при різних генерал-губернаторах слідчим у кримінальних справах. Спочатку писав твори російською мовою, друкуючи їх у «Северной пчеле» і «Биб-

лиотеке для чтения», а з відкриттям «Основи» став її співробітником і почав писати українською мовою. 1863 р. видав «Українські оповідання» у двох томах.— Док. № 22.

[216] Реєстр козаків Богдана Хмельницького — йдеться про реєстр Війська Запорізького 1649 р. Цей реєстр, на відміну від попередніх, які складалися на 6 або на 12 тис. чоловік, включав 40 тис. козаків. Він виник у переломний період історії українського народу, яким стала Визвольна війна 1648—1654 рр. Дає багато відомостей для вивчення і розкрити характеру цієї війни. Реєстр опубліковано О. Бодянським у «Чтениих Московского общества истории и древностей российских», 1874, кн. 2 і 3, а також окремою книжкою в Москві 1875 р. під назвою «Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора».— Док. № 22.

[217] Рігельман Олександр Іванович (1720—1789) — історик, військовий інженер, топограф, генерал-майор. 1738 р. закінчив Петербурзький шляхетський корпус.

1741—1743 рр., внаслідок встановленни російсько-турецького кордону, був на Запоріжжі. Брав участь у російсько-турецьких війнах 1735—1739, 1768—1774 рр. та в будівництві укріплених ліній у Південній Україні. Після відставки 1782 р. оселився в с. Андріївці на Чернігівщині, де 1785—1786 рр. написав «Літописне повіствування про Малу Росію, її народ і козаків...» («Чтении в Обществе истории и древностей российских», 1847, № 5—9) та ін.— Док. № 22.

[218] Останні два абзаци — перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[219] Шафарик Павел-Йосеф — див. т. 1. ч. І, прим. 64.— Док. № 22.

[220] Галаган Григорій Павлович (1819—1888) — український поміщик. Займав рид відповідальних урядових посад. Видавав 1857 р. збірку «Южноруські пісні з голосами». 1871 р. заснував у Києві закритнй учбовий заклад — Колегію Павла Галагана.— Док. № 22.

[221] Бодянський (брат), а може йдеться про Бодянського Павла Ілліча (1809—1867) — українського літературознавця, історика й етнографа. Народився у м. Прилуках.— Док. № 22.

[222] Дубровський Петро Павлович (1812—1882) — славіст. Освіту одержав у Ніжинському ліцеї князя Безбородька та Московському університеті. Працював учителем російської мови у Варшаві, а потім професором польської мови у Головному педагогічному інституті. Був экстраординарним академіком Академії наук. Праці друкував у виданнях: «Московский наблюдатель», «Литературная газета», «Biblioteka Warszawska» та ін. 1841 р. у Варшаві видав окремою книжкою «Przegląd literatury rossyjskiej z roku, 1838, 1839, 1840». 1842—1843 рр. видав російською і польською мовами журнал «Жеинца».— Док. № 22.

[223] «Чтения в Обществе истории и древностей российских» — див. т. 1. ч. II, прим. 229.— Док. № 22.

[224] Судієнко Михайло Йосипович (бл. 1803—1874) — український археограф. Після закінчення пажеського корпусу 1824—1829 рр. теж бував на військовій службі. Потім повітовим предводителем дворинства, попечителем иовгород-сіверської, чернігівської і білоцерківської гімназій. 1848—1857 рр.— голова Тимчасової комісії для розгляду давніх актів. Видав «Матеріали для вітчизиниої історії» (у 2 т.— К., 1853, 1855) та ін.— Док. № 22.

[225] Сементовський — йдеться про одного з трьох братів Сементовських: 1) Сементовський Мнкола Максимович (1819—1879) — письменник. Закінчив Ніжинський ліцей. Автор творів «Нищий» (1843), «Баронесса Фласберг» (1848), «Потьомкін» (1851), «Київ та його визначні місци» (1852), «Запорізький рукопис про клади» (1856) та ін. 2) Сементовський Костянтин Максимович (1823—1902) — український етнограф, фольклорист, критик (див. також т. 1, ч. III, прим. № 156). 3) Сементовський Олександр Максимович — письменник. Після закінчення Ніжинського ліцею був на військовій службі, а потім лісничим у Київській губернії. Автор праць з сільського і лісового господарства, а також «Історії міста Кам'инпи-Подільського» (1865), «Устроі Почаївської лаври» та ін.— Док. № 22.

[226] Останні п'ять абзаців перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[227] Академія художеств організована в Петербурзі 17 листопада 1757 р. під иазвою «Академнн трех знатнейших художеств». Вона готувала скульпторів, художників, архітекторів. 1764 р. перетворена иа «Российскую нмператорскую академию художеств», яка спримовувала художнє життя країни, розподіляла державні замовлення і присуджувала звання.— Док. № 22.

[228] Кониський Георгій (1717—1795) — український письменник, церковний і культурний діяч. Народився в Ніжині. Закінчивши Київську академію, з 1745 р. був у ній викладачем, 1751 — ректором. З 1755 р.— білоруськнй архієпископ. Боровся проти Ватікану та унії. Г. О. Кониський автор трагікомедії «Воскресіння мертвих» та інших творів. Йому приписувалось авторство «Історії Русів».— Док. № 22.

[229] Останні два абзаци закреслено вертикальнимн лініями.— Док. № 22.

[230] Бентковськнй Фелікс (1781—1852) — польський історик і пнсьменник. Спочатку працював учителем польської мови і літератури в Галле, а потім у Варшаві. 1818—1832 рр.— професор загальної історії Варшавського університету. З 1833 — директор нумізматичного кабінету, а 1838—1852 рр.— иачальник Головного архіву. Автор «Вступу до

історії», праць з історії книгодрукування в Польщі». 1815—1822 рр. редагував журнал «Pamiętnik Warszawski».— Док. № 22.

[231] Йдеться про Мацейовського Вацлава-Олександра — див. т. 1, ч. II, прим. 23.— Док. № 22.

[232] Бандтке (Стенжинський) Ян-Вінцент (1783—1846) — польський історик права. Після закінчення юридичного факультету в Галле викладав там польську мову. З 1806 р. працював у Варшаві на різних адміністративних посадах. Після створення в 1816 р. Варшавського університету — професор права.— Док. № 22.

[233] Лінде Самуїл Богуміл (1771—1847) — польський учений-філолог, почесний член Петербурзької Академії наук та кількох зарубіжних академій. Народився в Торуні. З 1804 р.— директор Варшавського ліцею, потім генеральний директор народної освіти.

С. Лінде — автор «Словника польської мови» (у 6-ти т., 1807—1814). Йому належать також «Правила етимології, пристосовані до польської мови» (1806), «Про Литовський статут» (1822) та ін.— Док. № 22.

[234] Балінський Михайло (1794—1864) — польський історик і літератор. 1818 р. закінчив Віленський університет. Жив у Литві, а 1836—1847 рр. у Варшаві. З часу утворення у Вільно Археологічного музею — віце-президент археологічної комісії. Був членом Російського географічного товариства. М. Балінський автор «Історії міста Вільна» (у 2-х т., 1836, 1840), «Історичних студій» (1856) та ін. У співавторстві з Т. Ліпінським написав працю «Стародавня Польща» (у 3-х т., 1885—1886). 1816 р. редагував «Tygodnik Wileński», 1841 р. взяв участь у створенні науково-літературного журналу «Biblioteka Warszawska».— Док. № 22.

[235] Евецький Орест Степанович — статистик. Працював на Кавказі, а потім у Варшаві в канцелярії намісника Царства Польського. Під впливом І. І. Срезневського почав збирати зразки української народної творчості. Автор праць «Записки із подорожних заміток, ведених у травні — липні 1835 р. по Сілезії, Саксонії і Богемії» («Телескоп», 1835, № 28), «Універсал гетьмана Богдана Хмельницького» («Московский наблюдатель», 1835, № 1), «Статистичний опис Закавказького краю» та ін.— Док. № 22.

[236] Евецький Федір Степанович — фольклорист. Молодший брат Ореста Евецького. Вчився в Харківському університеті. Працював у Варшаві разом з братом. Як і брат, під впливом І. І. Срезневського вивчав усну народну творчість. 1842—1843 рр. зблизився з П. П. Дубровським і підтримував його журнал «Денница». Головні праці Ф. Евецького: «Варшавські нарциси» («Московский наблюдатель», 1836, № 10), «Малоросійські історичні пісні та думи» («Отечественные записки», 1841, № 15), «Малоросійська література» («Денница», 1842, № 1) та ін.— Док. № 22.

[237] Текст від слів «О Сементовском» до слів «мертвый человек» перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[238] Пуркине Йоганн (1787—1869) — чеський лікар, фізіолог. 1819 р. був призначений професором анатомії та фізіології в Празькому університеті, а потім переведений у Бреславль. З 1852 р. знову в Празі — керував кафедрою фізіології. Заснував у Празі і Бреславлі фізіологічні інститути. Видавав науково-природничі оглядн чеською мовою «Živa».— Док. № 22.

[239] Шембер Алоїз-Войцех (1807—1882) — чеський учений і письменник. У Празі вивчав філософію і право. З 1839 р.— професор чеської мови в Оломунецькій академії, а потім у Берні. З кінця 1848 р.— професор літератури і чеської мови у Віденському університеті. Автор праць з історії чеської літератури. Був редактором календарів і журналів.— Док. № 22.

[240] Смарагдов Семен (Сергій?) Миколайович (1805—1871) — письменник, викладач історії та географії в різних петербурзьких учбових закладах, ад'юнкт-професор Олександрівського ліцею. Автор кількох підручників з історії.— Док. № 22.

[241] Цей запис закреслено горизонтальною лінією.— Док. № 22.

[242] Текст від слів «К Бодянскому писать» до слів «О Лоренце» перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[243] Свідзінський Костянтин (1793 — р. см. невід.) — польський бібліограф. Займав різні державні посади, а з 1833 р., одержавши у спадщину маєток, жив на Україні.— Док. № 22.

[244] Лукашевич Юзеф (1797—1873) — польський історик, бібліограф, дослідник історії народної освіти. Закінчив гімназію в Познані. Дальшу освіту здобував самостійно. З 1829 р. працював бібліотекарем у Познані, був редактором кількох періодичних видань. Збирав рідкісні книги і рукописи. Автор праць: «Історичні відомості про дисидентів у місті Познані в XV і XVII ст.» (Познань, 1832), «Нарис історично-статичний міста Познані» (1838), «Історія шкіл у Королівстві і Велнкому князівстві Литовському з найдавніших часів до 1794 р.» (1849—1851).— Док. № 22.

[245] Бібліотека Рачинського — перша публічна бібліотека в Познані. Заснував її і подарував місту польський учений і громадський діяч Едуард Рачинський (1787—1845). Автор праць: «Спогади великопольські» (Познань, 1842—1844), «Кабінет польських медалей» (Вроцлав, 1838—1845).— Док. № 22.

[246] «Пространная грамматика Востокова» — йдеться про граматнку російської мови, видану 1831 р. під назвою «Русская грамматика, по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная». Вона включає величезний фактичний матеріал, добре систематизований, але позбавлений історизму. Згаданий підручник, як і «Сокращенная русская грамматика Востокова», багато разів перевидавався.— Док. № 22.

[247] «Краледворський рукопис» — див. т. 1, ч. IV, прим. 8.— Док. № 22.

[248] Текст від слів «В Варшаве отыскать» до слів «в переплете» перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[249] Текст від слів «В Варшаве» до слів «Лет[описи] Самовидца» перекреслено вертикальними лініями.— Док. № 22.

[250] Слово не прочитано.— Док. № 22.

[251] Текст від слів «у кот[орого] взять» до слова «послать» закреслено горизонтальною лінією.— Док. № 22.

[252] Бередников Яків Іванович (1793—1854) — російський археограф, академік Петербурзької Академії наук (з 1847 р.), з 1834 р.— член Археографічної комісії, а з 1838 р.— її головний редактор. За його редакцією видані «Акты исторические» (перші п'ять томів), «Дополнения к актам историческим» (перші шість томів), частина сьомого тому «Полного собрания русскнх летописей» та ін.— Док. № 22.

[253] Шнринський-Шихматов Платон Олександрович (1790—1855 (?)) — член Російської академії наук з 1828 р. Після закінчення 1807 р. Морського кадетського корпусу перебував на військовій службі, потім перейшов до міністерства народної освіти. Працював директором канцелярії міністра. 1833 р. призначений директором департаменту міністерства народної освіти, а з 1842 р.— товаришем міністра. 29 січня 1850 р. призначений міністром народної освіти. Цю посаду займав до 1852 р. 1834—1850 р.— голова Археографічної комісії.— Док. № 22.

[254] Федір Чижов. Рим. В античній грецькій кав'ярні.— Док. № 22.

[255] Вул. Довгій (польськ.).— Док. № 22.

[256] Міс Ендрю: Лондон 2, площа Скверу королевн, парк Святого Джеймса.— А.— Док. № 22.

[257] Лі Хауз, Конглетон Чешір.— Док. № 22.

[258] Текст «К Н. Д.: Соколов умер» перекреслено горизонтальною лінією.— Док. № 22.

[259] Текст від слів «О тебе сведения» до слів «источник сведений» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 23.

[260] Текст від слів «потерял то, что сколько-нибудь» до слів «а последние не могу знать» підкреслено вертнкальною лінією.— Док. № 23.

[261] «Костомаров также женится». Як відомо, Костомаров тільки збирався одружитись. У день весілля він був заарештований.— Док. № 23.

[262] Київська 1-ша гімназія була заснована 1789 р. як Київська головна народна школа, реформована в гімназію 1809 р., існувала до 1920 р. 1811—1856 рр. вона містилася в Кловському палаці, збудованому в першій половині XVIII ст., а з 1857 р. до 1914 р.— в будинку на бульварі Т. Г. Шевченка, 14, де тепер університет.— Док. № 23.

[263] Ганка Вацлав — див. т. 1, ч. 1, прим. 38.— Док. № 24.

[264] Вельмишановному панові директору Національного музею, рицареві фон Ганці в Празі.— Док. № 24.

[265] Текст від слів «Эти книги» до слова «Ригельману» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 25.

[266] Зубрицький Денис Іванович (1777—1862) — історик Галичини. Народився в с. Батятичах на Львівщині. Автор ряду праць з історії західноукраїнських земель, зокрема «Нарису з історії руського народу в Галичині і церковної ієрархії в тому королівстві» (1837), «Історії древнього Галицько-Руського князівства» (чотири томи, 1852—1855).— Док. № 25.

[267] Караджич Вук Степанович (1787—1864) — основоположник сучасної сербської літературної мови, фольклорист, етнограф, історик, письменник, критик, перекладач і громадський діяч. 1813 р. виїхав до Австрії, де видав першу збірку народних пісень (Відень, 1814) та ін. Особливо великий інтерес серед народів Югославії і всієї Європи викликало друге видання пісень Караджича, здійснене у Лейпцігу (чотири книги, 1840—1862). 1818—1819 рр. Караджич відвідав Росію. Був і на Україні, зокрема в Києві, де ще у XVIII ст. жило чимало сербів. В. Караджич підтримував зв'язки з О. Бодянським, П. Прейсом, І. Срезневським, М. Надеждіним, Д. Княжевичем.— Док. № 25.

[268] На арк. 58 малюнок.— Док. № 25.

[269] Прейс Петро Іванович (1810—1846) — російський славіст. 1839 р. виїхав за кордон для вивчення слов'янських мов і літератур. Автор праць «О волохах Нестора», «Заметки о немецких книгах по славянской истории и древностям» та ін.— Док. № 27.

[270] Лнновський Володимир Альбертович (1818—1863) — юрист. Викладав практичне судочинство, державні і цивільні закони в Рішельєвському ліцеї. Автор праць «Про місцеві бессарабські закони» (Одеса, 1842), «Дослідження початків кримінального права, викладені в Уложенії Олексія Михайловича (Одеса, 1847) та ін.— Док. № 27.

[271] Цей примірник рукопису «Закон божній» загублено.— Див. т. 1, док. № 145, 332.— Док. № 28.

[272] Статут слов'янського товариства — див. т. 1, док. № 144.— Док. № 28.

[273] Див. док. № 16.— Док. № 28.

[274] Див. док. № 17.— Док. № 28.

[275] Див. ч. V, арк. 18—30 зв., ч. VII, арк. 1—8.— Док. № 29.

[276] Петров О. М.— див. т. 1, ч. II, прим. 3.— Док. № 29.

[277] Навроцький О. О.— див. т. 1, ч. I, прим. 10.— Док. № 29.

[278] Див. т. 1, док. № 6.— Док. № 29.

[279] Див. док. № 16.— Док. № 29.

[280] Див. док. № 20.— Док. № 29.

[281] Йдеться про В. М. Білозерського.— Док. № 29.

[282] Див. док. № 26.— Док. № 29.

[283] Див. док. № 27.— Док. № 29.

[284] Див. док. № 14.— Док. № 29.

[285] Див. док. № 23.— Док. № 29.

[286] Див. док. № 21.— Док. № 29.

[287] Див. док. № 13.— Док. № 29.

[288] «Літератури і критики».— Док. № 29.

[289] «Коліївщини і степів».— Док. № 29.

[290] Йдеться про набір війська у зв'язку з російсько-турецькою війною 1787—1791 рр., яка була викликана намаганнями Туреччини повернути Крим, приєднаний до Росії 1783 р. Після ряду перемог російського війська, в якому були й козаки, за Яським договором 1791 р. Туреччина відмовилася від зазіхань на Крим і територію між Південним Бугом і Дністром.— Док. № 29.

[291] «Чорна рада» — роман П. О. Куліша з життя України кінця 50-х — початку 60-х років XVII ст., коли після смерті Богдана Хмельницького розгорнулася складна політична боротьба за владу, що призвела до скликання Чорної ради в Ніжині 1663 р. Розділи і фрагменти роману були надруковані в «Современнике» і «Москвитянине» (1845, 1846 рр.). Повний текст роману «Чорна рада» Куліш видав 1857 р. українською і російською мовами. Художньо довершенішим є український текст.— Док. № 30.

[292] «Повесть об украинском народе» — див. т. 1, ч. I, прим. № 72.— Док. № 33.

[293] «Звездочка. Журнал для детей» виходив у Петербурзі 1842—1863 рр. щомісяця; з 1845 р.— двома окремими виданнями з підзаголовками: «Журнал для детей младшего возраста» і «Журнал для детей старшего возраста» (1850—1860 рр. друге видання виходило під назвою «Лучи. Журнал для девиц»). Видавець — письменниця О. Й. Ішимова. Друкувалися матеріали, які відповідали офіціальній ідеології. У випуску журналу брали участь Я. К. Грот, А. П. Зонтаг, А. Д. Вернер, П. О. Куліш, В. Ф. Одоєвський. Певний час матеріали для журналів «Наука» і «Смесь» готував В. Верещагін.— Док. № 33.

[294] Див. т. 1, док. № 107.— Док. № 36.

[295] Див. т. 1, док. № 338.— Док. № 36.

[296] Квітка — Квітка-Основ'яненко Григорій Федорович, літературний псевдонім — Грицько Основ'яненко (1778—1843), перший видатний прозаїк нової української літератури. Народився в с. Основі. Квітка ініціатор організації Харківського театру 1842 р., а також «Товариства добродіяння» для допомоги бідним дітям. Участь у літературному русі почав як один з редакторів журналу «Украинский вестник» (1816—1819). Тоді ж він почав писати гумористичні вірші і акровірші переважно російською мовою, а з початку 30-х років — оповідання і повісті українською мовою.

1833 р. вони з'явилися в альманасі «Утренняя звезда», а в 1834 р. вийшла перша книга «Малороссийские повести, рассказываемые Грицком Основьяненком», 1837 р.— друга.— Док. № 36.

[297] Хитров Богдан Матвійович (1615—1680) — ближній боярин і дворецький. Завідував Земським приказом і Новою четвертю, а потім — Чолобитним приказом. 1656 р. брав участь у війні з Швецією. За наказом від 30 листопада 1657 р. був посланий царським урядом на Україну для участі в раді, яка мала зібратися на вимогу запорожців і за згодою гетьманського уряду. Хитрову було наказано запевнити Виговського в тому, що основним завданням цієї місії є намагання зміцнити його гетьманську владу. Водночас боярин мав завдання домогтися згоди гетьмана на призначення воєвод у Чернігів, Ніжин, Переяслав та інші міста України. Порушувалося також питання про утримання цих воєвод з військом за рахунок місцевих коштів. 17 січня 1658 р. він був у Лубнах, звідки розіслав козацькій старшині запрошення на раду в Переяслав. Сам прибув у Переяслав 25 січня, а рада зібралася 7 лютого. Після прийняття вимог царського уряду гетьманом знову був обраний Виговський. Пушкар і представники Запоріжжя на цій раді не були. Хитров пообіцяв підтримати гетьманський уряд Виговського у Москві, допомогти йому в боротьбі з Пушкарем. Після закінчення ради 18 лютого 1658 р. Хитров залишив Переяслав.— Док. № 36.

[298] Князь Гагін — йдеться про великого князя Гагіна Данила Степановича, який 1663 р. очолював російське посольство на Україні для обрання гетьмана. До складу по-

сольства входили столоначальники Кирило Осипович Хлопов, дяк Іван Фомін і 12 дворян. 10 березня 1663 р. це посольство в супроводі 8-тисячного військового загону вирушило на Україну, куди прибуло в другій половині травня. 17—18 червня відбулася Чорна рада в Ніжині, на якій царський уряд підтримав кандидатуру Івана Брюховицького, сподіваючись за його допомогою зміцнити свої позиції на Україні. Див. також т. 1, ч. IV, прим. 116.— Док. № 36.

[299] Князь Голіцин Василь Васильович (1643—1714) — російський державний діяч. Висунувся за царя Федора Олексійовича. Брав участь у боротьбі з кримськими татарами і турками, зокрема в Чигиринському поході 1677—1678 рр. проти Туреччини. Після стрілецького повстання 1682 р. як прибічник Милославських і фаворит Софії Олексіївни зосередив у своїх руках керівництво найважливішими державними справами. На військовій раді 25 липня 1687 р. в містечку Коломак сприяв обранню гетьманом Івана Мазепи. При цьому були складені так звані Коломацькі статті, які мали нові пункти, що посилювали владу російського царизму на Лівобережній Україні й обмежували політичні права гетьмана. Після приходу до влади Петра I Голіцин був позбавлений боярства і заслань в Архангельський край, де й помер.— Док. № 36.

[300] Див. т. 1, док. № 339.— Док. № 36.

[301] Див. т. 1, док. № 341, 342.— Док. № 36.

[302] «Запорожская старина» — фольклорно-історична збірка у двох частинах шести випусках, підготовлена і видана І. І. Срезневським (ч. 1, вип. 1—3, 1833—1834; ч. 2, вип. 1—3, 1834, 1835, 1838). Прагнучи відтворити історію запорізьких козаків і українського народу в цілому, Срезневський подав у збірці уривки з козацьких літописів, тоді ще не опублікованої «Історії Русів», а також повісті, перекази, історичні пісні і думи XVI—XVIII ст. Це свого роду літописний звід, компіляція історичних джерел, відомих Срезневському. До збірки він включив і свої стилізації під народні пісні. Пісні про визвольну війну, зокрема про Богдана Хмельницького, див. у другій частині.— Док. № 36.

[303] Див. т. 1, док. № 110.— Док. № 36.

[304] Див. т. 1, док. № 146.— Док. № 36.

[305] Див. т. 1, док. № 147.— Док. № 36.

[306] «За горами гори» — йдеться про поему Т. Г. Шевченка «Кавказ».— Док. № 36.

[307] Див. док. № 11.— Док. № 36.

[308] Див. док. № 16.— Док. № 36.

[309] Див. док. № 17.— Док. № 36.

[310] Див. док. № 17.— Док. № 36.

[311] Йдеться про виданий М. Максимовичем збірник «Малороссийские песни, том I в 4-х книгах, с предисловием, словарем и объяснительными примечаниями» (М., 1827, 234 с.).— Док. № 36.

[312] Див. док. № 20.— Док. № 36.

[313] «Летопись Грабянки» — історико-літературний твір початку XVII ст., в якому зроблена спроба викласти історію козацтва на Україні. Літопис має назву «Действия преземельной и от начала поляков крававшой небывалой брани Богдана Хмельницкого с поляки... Року 1710». Збереглося до 20 списків (оригінал до нас не дійшов). Вперше літопис було видано в Петербурзі 1793 р. Федором Туманським, вдруге — 1854 р. у Києві з короткою передмовою І. Самчевського.

Автор літопису — Григорій Іванович Граб'янка (р. нар. невід.— 1738). Займав посади полкового хорунжого, осавула, судді; з 1729 — полковника Гадяцького полку.— Док. № 36.

[314] «Літопис Грондського» — йдеться про «Історію козацько-польської війни Самійла Грондського» (р. нар. невід.— бл. 1672), що є цінним джерелом політичної історії України 1648—1672 рр. Літопис опублікований К. Коппі в Пешті 1789 р.— Док. № 36.

[315] Див. док. № 26.— Док. № 36.

[316] Див. док. № 27.— Док. № 36.

[317] Див. док. № 14.— Док. № 36.

[318] Див. док. № 21.— Док. № 36.

[319] Див. док. № 22.— Док. № 36.

[320] Див. док. № 22.— Док. № 36.

[321] Пасяда (Посяда, Посяденко) І. Я.— див. т. 1, ч. I, прим. 39.— Док. № 36.

[322] Тулуб О. Д.— див. т. 1, ч. I, прим. 41.— Док. № 36.

[323] Андрузький Г. Л.— див. т. 1, ч. I, прим. 40.— Док. № 36.

[324] Забіла В. М.— див. т. 1, ч. III, прим. 124.— Док. № 36.

[325] Тимчасова комісія для розгляду давніх актів у Києві — див. т. 1, ч. I, прим. 12.— Док. № 36.

[326] Див. ч. VIII, арк. 179—198.— Док. № 36.

[327] Див.: «Звездочка», т. XVII—XIX. Спб., 1846.— Док. № 36.

[328] Гетьманщина — напівофіційна назва Лівобережної України разом з м. Києвом, яка після Андрусівського перемир'я 1667 р. залишилася у складі Російської держави.— Док. № 37.

[329] Датується за док. № 38.— Док. № 39.
[330] «Літератури і критики».— Док. № 39.
[331] Див. ч. V, арк. 153—181.— Док. № 39.
[332] «Коліївщини і степів».— Док. № 39.
[333] Див. док. № 41.— Док. № 40.
[334] Див. док. № 40.— Док. № 41.
[335] Див. док. № 38.— Док. № 41.
[336] Див. док. № 367.— Док. № 41.
[337] Датується за док. № 45.— Док. № 43.
[338] Повна назва згаданої праці І. Срезневського така: «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям».— Харків, 1846.— 107 с.— Док. № 43.
[339] «Обшество истории и древностей российских» («Московское общество истории и древностей») — наукове товариство російських дворянсько-буржуазних істориків, створене 1804 р. при Московському університеті. За час свого існування товариство видало чимало цінних праць: «Записки и труды» (8 ч., 1815—1837), «Русские достопамятности» (3 т.— 1815—1844). «Временник» (кн. 1—25, 1849—1857), «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (1846—1848, 1858—1918). Велику увагу товариство приділяло публікації розповідей іноземців про Росію, пам'яток стародавньої руської літератури, а також матеріалів з фінансово-економічної історії Московської Русі XVII ст. та історії руської церкви. Товариство існувало до 1927 р., хоч його видавнича діяльність припинилася 1917 р.— Док. № 43.
[340] Тока розмаїтості.— Док. № 43.
[341] Курс першого року.— Док. № 43.
[342] Румянцев (Задунайський) Петро Олександрович (1725—1796) — російський полководець, граф, генерал-фельдмаршал. З 1764 до 1781 р.— президент Малоросійської колегії і генерал-губернатор. Займаючи ці посади, Румянцев здійснював на Україні колонізаторську політику царизму, викорінював залишки автономного устрою України.— Док. № 44.
[343] Йдеться про відкритий лист, виданий П. Кулішу на подорож по Україні за завданням Археографічної комісії.— Док. № 44.
[344] Йдеться про дружину гетьмана Івана Ілліча Скоропадського Настю.— Док. № 45.
[345] «Письмо Репнина к государю» — напевно, йдеться про один з листів М. Г. Рєпніна за той час, коли він був малоросійським військовим губернатором (1816—1834).— Док. № 45.
[346] Див. док. № 46.— Док. № 45.
[347] Див. ч. V, арк. 153—181.— Док. № 45.
[348] Див. док. № 44.— Док. № 45.
[349] Арк. 124 — це конверт з надписом: «Бумаги Кулиша [две рукописи]. Помощник начальника архива [Підпис нерозбірливий]».— Док. № 45.
[350] Проти цих слів на полі олівцем написано і потім закреслено слова: Мученики Украйны читали псалмы.— Док. № 46.
[351] Після цих слів на арк. 126 знову написано заголовок «Книга о ділах народу украинского и славного войска козацького запорозького. Предисловие». Потім такий закреслений текст: для людей або високоучених або зовсім темних: середина ж нехай не чує, бо назове покидькою. Благослови, боже, начало трудной повести о давних временах и старосветских людях; соделай мое слово простым и ясным для всякого, кто захочет приклонить в нему слух свой, сохрани ум мой от лукавых умствований, ибо горе пишущим лукавое! Да удостоится писание мое чтения седоголовых старцев, и да наполнит оно души юношей и дев тем огием правды и добра, который всегда горел в сердцах истинных сынов нашей родины! Если кто погружен во тьме иевежества, пусть моя книга осветит. Наши предки совершили много деяний, делающих честь всему человечеству.— Док. № 46.
[352] Над рядками цей же текст написаний по-українськи: немає в світі ні одного народу, который би одважився на такиї трудниї і небезпечниї діла для пользи християнства, як народ український.— Док. № 46.
[353] Далі закреслено: Причиною тому — отступление от обычаев предков, иепочтеиие к старикам, зиаючим старину, а больше всего пристрастие ко всему тому, что в моде.— Док. № 46.
[354] Далі закреслено: Предки ж наши, сохранившие все християнство от иашествия бусурманов, как будто совсем и не существовали.— Док. № 46.
[355] Фемістокл (бл. 524 — після 460 до и. е.) — державний діяч і полководець Афін. Сприяв створенню першого Афінського морського союзу.— Док. № 46.
[356] Александр Македонський (356—323 до н. е.) — полководець і державний діяч давнього світу.— Док. № 46.
[357] Коріолан — римський патрицій, який 493 р. до н. е. за відвагу при осаді волоського міста Коріол, одержав прізвисько Коріолан.— Док. № 46.
[358] Йдеться про Помпея Гнея (106—48 до и. е.) — римського полководця і політич-

ного діяча періоду громадянських воєн, або про його молодшого сина Помпея Секста (75—35 до н. е.) — також римського полководця і політичиого діяча періоду громадянських воєн.— Док. № 46.

[359] Наливайко Северин (р. и. невідомий — 1597) — керівник антифеодального селянсько-козацького повстання 1594—1596 рр. на Україні і в Білорусії. Страчений 11 квітня 1597 р. у Варшаві.— Док. № 46.

[360] Сагайдачний (Коиашевич-Сагайдачиий) Петро Кононович — див. т. 1, ч. II, прим. 476.— Док. № 46.

[361] Полуботок Павло Леонтійович — див. т. 1, ч. III, прим. 168.— Док. № 46.

[362] Кодр — легендарний цар Аттики (Стародавня Греція), який нібито жив під час вторгнення дорян (XI ст. до н. е.) в Аттику.— Док. № 46.

[363] Ганнібал (бл. 247—183 до и. е.) — карфагенський полководець під час Другої Пунічної війии (218—201 до н. е.) — Док. № 46.

[364] Римська республіка в часи Аннібала — йдеться про період Другої Пунічної війни (218—201 рр. до н. е.), яка почалася походом карфагенського полководця Ганнібала в Італію.— Док. № 46.

[365] Пруське королівство — утворилося 1618 р. шляхом об'єднання маркграфства Бранденбург і герцогства Прусія, що виникли внаслідок загарбання німецькими феодалами у XII—XVII ст. слов'янських і литовських земель, зокрема території прибалтійського племені прусів. Брандербурзько-Пруське князівство 1701 р. стало королівством.— Док. № 46.

[366] Кримська Орда (Кримське ханство) — феодальна держава на території Кримського півострова, Прикубання, Приазов'я і Південно-Західного Причориомор'я, що утворилася внаслідок розпаду Золотої Орди. 1449 р. була проголошена незалежність Криму. Але в 70 рр. XV ст. Кримське ханство потрапило у залежність від Туреччини. Героїчний опір агресії Кримського ханства чинили запорізькі козаки. За Кючук-Кайнарджійським мирним договором 1774 р. Кримське хаиство було оголошене иезалежним від Туреччини, а 1783 р. приєднане до Росії.— Док. № 46.

[367] Білгородська Орда (Орда Малих ногаїв, або Буджацька, або Добруджська Орда) — татарська Орда (XV—XVII ст.), що перебувала у васальній залежності від Кримського ханства і Туреччини. 1770 р. Білгородська Орда перейшла під протекторат Росії.— Док. № 46.

[368] Ногайська Орда — татарське феодальне державне утворення, що виникло в кінці XIV ст. внаслідок розпаду Золотої Орди. У другій половиии XVI ст. «Малі ногаї» відкочували у південноукраїнські степи і ввійшли до складу Кримського ханства. У 1770 р. иогайці перейшли під протекторат Росії. Їх переселили у Приазов'я та міжріччя Дону і Кубані, а потім — у прикаспійські і бессарабські степи.— Док. № 46.

[369] Далі закреслено: что если народ, поселеиный богом в прекраснейшей и обильнейшей стране, рано или поздно явится царем достойным своего пышного царства. Пусть только малороссияне почувствуют, какую душу иосят они в своем теле и у них разом вырастут крылья и они воскреснут духом [...] внезапно. подымутся, заговорят языком божественным, они преобразятся. Почувствовав превосходство своих дарований и силу души, они явят и превосходство.— Док. № 46.

[370] Далі закреслено: станет время, когда малороссияне, доказав превосходство свое пред соседями, будут почтеиы во всем мире.— Док. № 46.

[371] Далі перекреслено: Глава первая. О временах, ие просвещеиных верою христиаиською; о княжении Великого киизя Владимира, о водворении веры христианской в Русской земли, о междоусобиях князьков русских, о нашествии безбожного Батыя, о разорении Киева и всея земли Русския.

Не буду описывать подробио, откуда произошел русский народ и какие князья были в Украине до нашествия татар. Все то изобразил уже преподобиый Нестор в своей летописи. Скажу только кратко, что земля русская, то есть Украина, в самые давние времена ие знала еще веры христианской, а поставлены были по городам и селам деревянные, железные, серебряные и золотые болваиы или идолы, которым народ поклоиялся и почитал богами. В такой темноте разума пребывал иарод иаш до самого того времени, пока в Киеве воцарился великий киязь Владимир. Сей Владимир повелел всех идолов побросать.— Док. № 46.

[372] Десятинна церква — перша кам'яна церква в Києві. Споруджена 991—996 рр. за часів князюваиня Володимира Святославича (р. нар. иевід.— 1015).— Док. № 46.

[373] Батий (Бату; р. н. невід.— 1255).— моигольський хаи, син хана Джучі, засиовник Золотої Орди. У 1236—1239 рр. татарсько-монгольські війська Батия вчииили иапад иа Південно-Східну Русь. 1239 р. були зруйиовані Переяслав і Чериігів. У грудні 1240 р. Батий захопив і зруйнував Київ.— Док. № 46.

[374] Слова «Ладючи як иебудь з поганою татарвою» написані олівцем замість закреслеиих «платючи поганим татарам тяжкее подушне і хилячи шию перед баскаками Батиевими».— Док. № 46.

[375] Гедимін, Гедимінас (р. и. иевід.— 1341) — великий киязь литовський (1316—1341). Від Гедиміна були залежні київські і смоленські князі.— Док. № 46.

[376] Далі закреслено: да й каже: — Добре! Розумне слово, розумне буде й діло.— Док. № 46.

[377] Далі закреслено: Густа курява встає понад головами, орли і ворони летять за ними, чуючи поживу. А там прийшли вони до річки Ірпені.— Док. № 46.

[378] Далі закреслено: а татарам нічого серцю було отдать Гедиміновi веселий і багатий край, з которого щороку збирати в казну Батия великі гроші. Але бог за наших став. Зійшлись з татарами.— Док. № 46.

[379] Далі закреслено: що були скасовані татарвою. Всякому було вільно промишляти торговлею [...] і всяким ремеслом. Народ поправився от утисків татарських і вославив бога, як он судя [...].— Док. № 46.

[380] Ягайло Ягелло, Йогайла Владислав II (н. бл. 1348—1434) — великий князь литовський (1377—1392) і польський король (1386—1434), який започаткував династію Ягеллонів. 1385 р. уклав Кревську унію, яка об'єднала Литву і Польщу. 1387 р. захопив і приєднав до Польщі Галицьку Русь Ягайло сприяв загарбанню українських земель польськими феодалами.— Док. № 46.

[381] Йдеться про Люблінську унію 1569 р., згідно якої Велике князівство Литовське об'єдналось з шляхетською Польщею в одну федеративну польсько-литовську державу — Річ Посполиту. Внаслідок унії майже всі українські землі підпали під владу шляхетської Польщі.— Док. № 46.

[382] Ляицкоронський Предислав (р. нар. невід.— 1531) — староста хмельницький, служив у війську кн. Острозьких. Очолював загони українських козаків під час їхніх походів проти татар 1516 р. під Аккерман (Білгород-Дністровський) та проти турків 1528 р. під Очаків.— Док. № 46.

[383] Далі закреслено: що турки, кримські татари і волохи пробираються на Україну [...] через Волинську і Галицькую землю до польського города Кракова.— Док. № 46.

[384] Далі закреслено: щировірного приятеля полковника.— Док. № 46.

[385] Дашкевич Євстафій (Дашкович Остап — р. нар. невід.— 1535) — український феодал, один з воєвод Великого князівства Литовського. На початку XVI ст. перейшов на сторону велнкого московського князя, але через кілька років знову повернувся до Литви. Був канівським, а з 1514 р.— черкаським старостою, вів боротьбу проти нападів татар, намагався використати козацтво для зміцнення свого становища на Наддніпрянщині.— Док. № 46.

[386] Далі закреслено: Так то збулось над нашими предками святеє слово царя Давида: аще ополчится на мя полк, не убытия сердце мое; аше возстанет иа мя брань, на него аз уповаю.— Док. № 46.

[387] Далі закреслено: Не знаю, чи приведе бог ще раз нам на сім світі побачиться, чи може...— Док. № 46.

[388] Далі закреслено: Нехай же стоїть по віки славна Україна.— Док. № 46.

[389] Хортиця (Велика Хортнця) — острів на Дніпрі біля Дніпрогесу ім. В. І. Леніна. Вперше згадується Костянтином Багрянородним. Іпатіївський літопис від 1103 р. згадує Хортицю як збірний пункт руських військ, що вирушали проти половців. На північ від Хортиці, там, де був поріг Вільний, колись підносився острів Мала Хортиця. З початку XVI ст. і до визвольної війни українського народу 1648—1654 рр. на острові перебувала залога реєстрових козаків. З середини XVII ст. до 1775 р. Хортиця входила до складу Запорізької Січі.— Док. № 46.

[390] Далі закреслено: бо зроду не чувала, щоб козаки в невеликій купі на широкії як море степи вихожали.— Док. № 46.

[391] На полі проти перших рядків глави написано: Кн. Дм[итро] Вишнев[ецький], Остап Ружинський, Венжик Хмельницький, Богданко.— Док. № 46.

[392] Вишневецький Дмитро Іванович (р. н. невід.— 1563) — український магнат. Походив з князівського роду, який володів землями на Волині. У 50 роках XVI ст. був черкаським і канівським старостою. Близько 1554—1555 рр. для захисту від турецько-татарських нападів, а також зміцнення влади на Придніпров'ї, на острові Мала Хортиця збудував замок. У 1563 р. втрутився в міжусобну боротьбу молдавських бояр, був взятий у полон і виданий турецькому урядові. За наказом султана Вишневецького страчено у Константинополі.— Док. № 46.

[393] Ружинський Остафій (Остап) — намісник польського воєводи у Києві 1575—1581 рр.— Док. № 46.

[394] Хмельницький Венжик — запорізький ватажок. 1534 р. під Заславлем розбив татар.— Док. № 46.

[395] Свирговський Іван — днв. т. 1, ч. II, прим. 474.— Док. № 46.

[396] Молдавська земля — історична область на північному сході Румунії, між Карпатськими горами та ріками Прут і Дунай. Головне місто — Ясси. У X—XI ст. Молдавська земля входила до складу Київської Русі, в XII—XIII ст.— до Галицько-Волинського князівства, в XIV—XIX ст.— до молдавського князівства. Український народ, зокрема запорозькі козаки, не раз допомогали населенню Молдавії у боротьбі проти зовнішніх ворогів.— Док. № 46.

[397] Сорокн — місто на правому березі Дністра, колишня генуезька колонія з розва-инами замку з XIII ст.— Док. № 46.

[398] Кара-Мустафа — великий візир при султані Ібрагімі (1639—1648). 1642 р. захо-ив Азов.— Док. № 46.

[399] Бессарабія— історична область між Прутом і Дністром, основна частина Мол-авської РСР. В IX—XI ст. входила до складу Київської держави, потім Галицько-Волин-ського князівства. З утворенням Молдавського князівства (1359) Бессарабія ввійшла до ого складу. З початку XVI ст. до початку XIX ст. була під гнітом турецьких заво-овників.— Док. № 46.

[400] Кілія — старовинне поселення. Вперше згадується в VII ст. до н. е. З X ст. ходило до Київської Русі. З XII — до Галицької Русі. 1353 р. Кілію захопила Угорщи-а, а 1359 р.— Молдавське князівство. 1484 р. місто загарбала султанська Туреччина і будувала тут фортецю — опорний пункт у гирлі Дунаю. На Кілію здійснювали походи країнські козаки.— Док. № 46.

[401] Волоська земля (Волощина, Валахія) — історична область у Румунії між Карпат-ькими горами і річкою Дунаєм, поділяється на Велику і Малу. В XIV ст. становила фео-альне князівство. 1411 р. Туреччина наклала на Волощину данину, а в XVI ст. повніс-ю її підкорила. У боротьбі проти турецького ярма Волощина одержувала допомогу від апорізьких козаків.— Док. № 46.

[402] Кішка Самійло (р. нар. і см. невід.) — запорозький гетьман початку XVII ст., оспіва-ий в українських народних думах. Брав участь у морських походах запорозьких козаків. 5 років перебував у турецькому полоні. Поблизу Козлова (нині Євпаторія) підняв пов-тання українських невільників. Після повернення на Україну, знову був обраний геть-аном Запорізької Січі.— Док. № 46.

[403] Далі закреслено: Отже, панове, багато минуло, вже більш як півтретя — ста оків, од смерти Свирговського гетьмана, а ще слава його не сконала, а ще пісня про ого із пам'яті людської не пропала.— Док. № 46.

[404] Ружний Богданко. Гетьманував (1544—48).— Док. № 46.

[405] Кафа (Феодосія) — місто, відоме з VI ст. до н. е. як грецька колонія. У XIII ст. Кафу загарбали орди Батия. З 1475 — під владою Туреччини. У XVI—XVII ст. Кафа бу-а невільницьким ринком у Криму. 1616 р. запорозькі козаки на чолі з П. Сагайдачним апали на Кафу, знищили турецький гарнізон і визволили багато невільників. 1783 р. Кафа у складі Криму приєднана до Росії.— Док. № 46.

[406] Козлов (Гльозлев, Євпаторія). На місці Козлова в VI—V ст. до н. е.— VI ст. н. е. уло місто Керкінітіда, засноване грецькими колоністами. У XV ст., за часів Кримського анства, тут виникло місто Гльозлев, яке українці й росіяни називали Козлов. Під ас походів у Крим Гльозлев не раз захоплювали запорожці (1589) і російські війська 1736, 1771). Після приєднання Криму до Росії (1783) Гльозлев було перейменовано в впаторію.— Док. № 46.

[407] У тексті помилково: Румом.— Док. № 46.

[408] Перекоп — Перекопський перешийок, що сполучає Кримський півострів з мате-иком. Лежить між Керкінітською затокою Чорного моря і Сивашем. З давніх часів Пе-екоп був стратегічно важливим пунктом (укріплювався, перекопувався, звідки походить назва).— Док. № 46.

[409] Бахчисарай — місто, столиця Кримського ханства. Засноване в XV ст. 1648 р. ославці Б. Хмельницького вели в Бахчисараї переговори з кримським ханом Іслам-ереєм III про спільну боротьбу проти шляхетської Польщі.— Док. № 46.

[410] Баторій Стефан (1533—1586) — воєвода семиградський (1571—1576), король поль-ький (1576—1686).— Док. № 46.

[411] Далі закреслено: Мимо Синопа і Трапезонта проходили, як поросят тії обидва роди осмалили, да й самого Цареграда не минули, димом мушкетним його стіни окури-и, великий страх турецькому султану причинили.— Док. № 46.

[412] Серпяга (Підкова) Іван (р. нар. невід.— 1578) — молдавський господар (1577—78), один з керівників боротьби українського і молдавського народів проти турецько-татарських загарбників. За свідченням польського хроніста Бельського, Іван Підкова — порозький козак. 1577 р. він за допомогою запорозьких козаків, очолюваних гетьманом ахом, почав боротьбу проти турецького ставленика П. Мірчича. У листопаді 1577 р. ан Підкова був проголошений молдавським господарем. 1578 р. по-зрадницькому захоп-ний брацлавським воєводою Яном Збаразьким у Немирові і за наказом польського уряду рачений у Львові.— Док. № 46.

[413] Канівський (Успенський) монастир — пам'ятний похованням у XVI ст. страче-го у Львові гетьмана Івана Підкови (Серп'яги), а також тим, що тут монахом був його уг гетьман Шах (бл. 1578 р.). Зруйнований турецько-татарськими військами у вересні 78 р.— Док. № 46.

[414] Скалозуб Семен — кошовий отаман обраний бл. 1599 р. Після його смерті ко-вим, повернувшись з турецького полону, став Самійло Кішка.— Док. № 46.

[415] Тендров (Тендер) — острів на Чорному морі.— Док. № 46.

[416] Слова «з самим гетьм[аном] Скалозубом забрала» написані замість закреслених «Сам Демян Скалозуб у плін [...] туркам доставав».— Док. № 46.

[417] Далі закреслено: але мало хто з сеї землі турецької із неволі бусурманської вернувся, багацько козаків.— Док. № 46.

[418] На полі через усю сторінку олівцем написано: Батьку бісу за месу, аби розумна вдалась. В Батурине Логвинов отыскал мазепиискые бумаги.— Док. № 46.

[419] Косиіський Криштоф (р. нар. невід.— 1593) — гетьман українського реєстрового козацтва на початку 90 р. XVI ст. У 1591—1593 рр. очолив селянсько-козацьке повстання.— Док. № 46.

[420] У тексті помилка. Треба — Северин.— Док. № 46.

[421] Лобода Григорій (р. н. невід.— 1596) — гетьман запорозьких козаків у 90 рр. XVI ст. Приєднавшись на чолі загону запорожців до селянсько-козацького повстання 1594—1596 рр., Лобода займав компромісну, угодовську позицію щодо польсько-шляхетського уряду. В травні 1596 р. під час облоги польсько-шляхетським військом табору повстанців на урочищі Солониця, вступив у таємні переговори з польським коронним гетьманом С. Жолкевським. Запідозрений у зраді, Лобода був убитий.— Док. № 46.

[422] Кажуть, будто батько гетьм[ана] Налив[айка] був кравець. Ляхи продражнили і самого Нал[ивайка] кравцем, а козаки на злість ляхам стали кравчиною себе називати і зробили собі з того слова почесне прізвище (прим. П. Куліша).— Док. № 46.

[423] У тексті: потраждає.— Док. № 46.

[424] Братський монастир (Києво-Братський монастир) — монастир у Києві з учбовим закладом (школою, колегіумом, академією), який був центром освіти на Україні у XVII—XVIII ст. Заснований 1615 р. Тоді ж при монастирі Київське братство відкрило школу. 1632 р. школу названо Києво-Братською (Києво-Могиляиським колегіумом. З 1701 р.— Київська академія.— Док. № 46.

[425] Йдеться про національно-релігійну організацію київських міщан — Київське братство, засноване бл. 1615, до якого вступило багато міщан, православних шляхтичів, а також Запорозьке військо на чолі з гетьманом П. Сагайдачиим.— Док. № 46.

[426] Трясило (Федорович) Тарас — запорозький гетьман. 1629 р. очолював похід козаків на Кримське ханство, керував селянсько-козацьким повстанням 1630 р. на Україні. Вирішальний бій, який відбувся 15 травня 1630 р., закінчився перемогою повстанців. Т. Г. Шевченко оспівав цю перемогу у своєму творі «Тарасова ніч». — Док. № 46.

[427] Не треба було з Боровиці виступати — йдеться про селянсько-козацьке повстання на Україні під керівництвом Павла Павлюка (Бута). 20 грудня 1637 р. повстанці були оточені під Боровицею, але вони вчинили шалений опір польсько-шляхетським військам. Не сподіваючись зламати козаків силою зброї, Потоцький почав переговори. Враховуючи тяжке становище обложених, старшина погодився на капітуляцію. Але як тільки козаки вийшли з міста, їх оточило польське військо. Водночас Павлюк та інші керівники, незважаючи на дане їм Кисілем слово, були схоплені, закуті в кайдани і відправлені до Варшави.— Док. № 46.

[428] У тексті помилка. Треба Яків Остряиин (Остряиица, р. н. невід.— 1641) — один з керівників селянсько-козацького повстаиня 1638 р. Походив з київських козаків. Після придушення повстання 1637 р. під керівництвом Павлюка, Остряиця прибув на Запоріжжя і був обраний гетьманом нереєстрового козацтва. Зазиавши поразки в 1638 р., з частиною козаків-повстанців відступив на Слобідську Україиу.— Док. № 46.

[429] Сулима Іван Михайлович (р. н. невід.— 1635) — гетьман запорозьких козаків. Брав участь у походах запорожців проти турків і татар у 1621, 1628, 1633 рр. Був схоплений у Кодаку і четвертований у Варшаві в грудні 1635 р.— Док. № 46.

[430] Кизим Богдан (р. н. невід.— 1638) — активний учасник селянсько-козацького повстання на Україні 1637 р. Організував загіи на Київщині. Після невдалої спроби з'єднатися з головними силами повстаиців, діяв у районі Ірклієва. Захоплений гетьманом Потоцьким. Як керівник повстаиня Кизиму замінив його син Кизименко.— Док. № 46.

[431] Чурай Гордій — урядник Полтавського охочекомоиного козацького полку. Втік на Запоріжжя, брав участь у повстанні 1637 р. Після битви під Кумейками Чурай потрапив до рук Потоцького. Його відправили до Варшави і в 1638 р. стратили.— Док. № 46.

[432] Йдеться про бій селяиськ-козацьких повстанських загонів з польсько-шляхетським військом під с. Кумейками 6 грудня 1637 р. На світаику 7 грудня повстанці табором відступили до Боровиці.— Док. № 46.

[433] Див, арк. 153—181.— Док. 47.

[434] Олексіївський равелін — див. т. I, ч. I, прим. 60.— Док. № 48.

[435] Див. т. I, док. № 368, 371, 372, 377.— Док. № 49.

[436] Датується за док. № 48.— Док. № 50.

[437] Петропавлівська фортеця — фортеця у Петербурзі на Заячому острові. Засиоваиа в травні 1703 р. Бастіони фортеці були з'єдиані стіиами. 1730 р. Петропавлівська фортеця посилеиа підфортечиими укріпленіями: Олексіївського і Іваиівського равелінів. Після того як Петропавлівська фортеця втратила значення військової фортеці, царський урид

перетворив її на в'язницю для політичних. Тут відбували покарання кирило-мефодіївці М. Гулак, П. Куліш, М. Костомаров.— Док. № 50.

[438] Див. док. № 55.— Док. № 51.

[439] «№ 414» закреслено.— Док. № 52.

[440] У тексті помилково: «Ивановна».— Док. № 52.

[441] Див. док. № 55.— Док. № 52.

[442] Текст від слів «на каком основании» до слів «надзора полицин» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 52.

[443] Див. док. № 52.— Док. № 53.

[444] Див. док. № 54.— Док. № 53.

[445] Датується за док. № 53.— Док. № 54.

[446] 1) Дійсний на виїзд протягом 48 годин; 2) № 3513. Варшава 14 (26) квітня 1847 р. за наказом Л. Ріхтера; 3) № 450. Виїзд з Польського Королівства до Росії диліжансом в. п. Олексаидри Куліш, дружиии почесного радника пред'явлеио в таможиі Алексота, дня 16 (28) квітня 1847 р. Підпис нерозбірливий.— Док. № 55.

[447] Підписи нерозбірливі.— Док. № 55.

[448] «№ 441» закреслено.— Док. № 56.

[449] Див. док. № 54.— Док. № 56.

[450] Див. т. 1, ч. 1, арк. 200.— Док. № 58.

[451] Див. т. 1, док. № 362.— Док. № 59.

[452] Текст від слів «вели жизнь приличную» до слів «предосудительиом ие замечена» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 60

[453] Див. док. № 59.— Док. № 60.

[454] Див. т. 1, док. № 90.— Док. № 61.

[455] Див. док. № 57.— Док. № 63.

[456] Слово непрочитане.— Док. № 64.

[457] Див. док. № 64.— Док. № 65.

[458] Див. док. № 65.— Док. № 66.

[459] Див. док. № 65.— Док. № 67.

[460] Див. док. № 65—67, 69, 70.— Док. № 68.

[461] Див. док. № 67.— Док. № 69.

[462] Див. док. № 66. Лист був написаний не 28, а 27 червня.— Док. № 70.

[463] Див. док. № 62.— Док. № 71.

[464] Див. док. № 71.— Док. № 72.

[465] Див. док. № 62.— Док. № 72.

[466] Див. док. № 56.— Док. № 74.

[467] «814» закреслено.— Док. № 75.

[468] Див. док. № 74.— Док. № 75.

[469] Див. док. № 76.— Док. № 77.

[470] Див. док. № 70.— Док. № 77.

[471] Див. док. № 77.— Док. № 78.

[472] Див. док. № 79.— Док. № 79.

[473] Датується за док. № 78.— Док. № 79.

[474] Документ не виявлений.— Док. № 79.

[475] Див. т. 1, док. № 69.— Док. № 80.

[476] Див. док. № 79.— Док. № 80.

[477] Див. док. № 78, 79.— Док. № 81.

[478] Див. док. № 80.— Док. № 81.

[479] Див. т. 1, ч. 1, арк. 200.— Док. № 82.

[480] Див. т. 1, док. № 69.— Док. № 83.

[481] Див. т. 1, док. № 69.— Док. № 84.

[482] Датується за док. № 88.— Док. 85.

[483] Див. док. № 58, 59 від. 31 травня 1847 р. — Док. № 85.

[484] Див. док. № 58. — Док. № 86.

[485] Див. док. № 82.— Док. № 86.

[486] Цей припис був складений не 25 квітия, а 25 серпня. Див. док. № 84.— Док. № 87.

[487] Див. док. № 59. — Док. № 88.

[488] Див. док. № 87. — Док. № 88.

[489] Див. док. № 81. — Док. № 89.

[490] Див. док. № 89. — Док. № 90.

[491] Див. док. № 80. — Док. № 91.

[492] Див. док. № 91. — Док. № 92.

[493] Датується за док. № 94.— Док. № 93.

[494] Див. док. № 83.— Док. № 96.

[495] Див. док. № 102.— Док. № 96.

[496] Див. док. № 75.— Док. № 98.

[497] Див. док. № 95.— Док. № 99.

[499] Див. док. № 100.— Док. № 99.
[499] Див. док. № 84.— Док. № 101.
[500] На арк. 257 напис пізнішого часу: «Заграничный паспорт жены тит[улярного] советника Александры Кулиш». Помощник начальника архива [Підпис нерозбірливий].— док. № 105.
[501] Див. док. № 104.— Док. № 106.
[502] Підпис відсутній.— Док. № 106.
[503] Має бути: «ноября», бо цей лист є відповіддю на лист П. О. Куліша від 1 листопада, про який згадується на початку тексту.— Док. № 106.
[504] Далі закреслено: от 10-го ноября.— Док. № 107.
[505] Див. док. № 108.— Док. № 107.
[506] Див. док. № 109.— Док. № 107.
[507] Див. док. № 112.— Док. № 109.
[508] Підпис відсутній.— Док. № 109.
[509] Див. док. № 109.— Док. № 112.
[510] Текст від слів «впоследствии же времени» до слів «его должность» підкреслений вертикальною лінією.— Док. № 112.
[511] Див. док. № 111.— Док. № 113.
[512] Датується за док. № 116.— Док. № 115.
[513] Див. док. № 113.— Док. № 116.
[514] Текст від слів «не желая вводить» до слів «прошение об отставке» підкреслений вертикальною лінією.— Док. № 117.
[515] Текст від слів «Позвольте, ваше превосходительство» до слів «которые Вы мне внушили» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 117.
[516] У тексті помилково: Николаевич.— Док. № 118.
[517] Див. док. № 117.— Док. № 118.
[518] Див. док. № 83.— Док. № 119.
[519] Див. док. № 109.— Док. № 119.
[520] Текст від слів «Озабочиваясь о представлении Кулишу» до слів «дли занятий по губернскому статистическому комитету» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 119.
[521] Див. док. № 118.— Док. № 120.
[522] Текст від слів «Жизнь в Туле оказалась для» до слів «как и я на его месте действовал бы» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 121.
[523] «Недавно умер старший брат его» — йдеться про Миколу Олександровича Куліша.— Док. № 122.
[524] Див. док. № 104, 114, 117, 121.— Док. № 123.
[525] Див. док. № 109.— Док. № 123.
[526] Див. док. № 119.— Док. № 123.
[527] Див. док. № 121.— Док. № 123.
[526] Див. док. № 121.— Док. № 124.
[529] «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца».— На підставі негативного відзиву М. Г. Устрялова прохання П. Куліша опублікувати цю працю було відхилене. Вона була надрукована П. Кулішем тільки через дев'ять років, коли він повернувся до Петербурга, під назвою «Повесть о Борисе Годунове и Дмитрии Самозванце: Чтения для молодых людей».— Спб.: Тип. П. А. Кулиша, 1857.— 330 с.— Док. № 125.
[530] Див. док. № 124.— Док. № 125.
[531] Див. док. № 126.— Док. № 125.
[532] Текст від слів «имею честь представить» до слів «напечатать ее» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 126.
[533] Див. док. № 126.— Док. № 127.
[534] Див. док. № 126.— Док. № 128.
[535] Текст від слів «об улучшении» до слів «моей жизни» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 128.
[536] Датується за док. № 126.— Док. № 129.
[537] Див. док. № 104.— Док. № 129.
[538] Див. док. № 106.— Док. № 129.
[539] Датується за док. № 127.— Док. № 130.
[540] Див. док. № 126.— Док. № 130.
[541] Див. док. № 127.— Док. № 130.
[542] Див. т. 1. док. № 75.— Док. № 131.
[543] Див. док. № 104.— Док. № 131.
[544] Див. док. № 106.— Док. № 131.
[545] Див. док. № 131.— Док. № 132.
[546] Акты археографической экспедиции (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук, т. 1—4, Спб., 1836 —1838) — див. т. 1, ч. II, прим. 145.— Док. № 133.
[547] Підпис нерозбірливий.— Док. № 133.
[549] Див. док. № 132.— Док. № 134.

549 Див. док. № 126.— Док. № 135.
550 Див. док. № 131.— Док. № 135.
551 Див. док. № 132.— Док. № 135.
552 Див. док. № 134.— Док. № 135.
553 Дяв. док. № 134—136.— Док. № 136.
554 Див. док. № 126.— Док. № 138.
555 Див. т. 3, док. № 156.— № 138.
556 Див. док. № 106.— Док. № 138.
557 Див. док. № 139.— Док. № 140.
558 Див. т. 1,ч. 1, арк. 200.— Док. № 140.
559 Див. док. № 95.— Док. № 140.
560 Див. док. № 109.— Док. № 141.
561 Текст від слів «В настоящее время» до слів «в своем существовании» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 141.
562 Див. док. № 127.— Док. № 141.
563 Див. док. № 135.— Док. № 142.
564 Текст від слів «что жена его» до слів «исходатайствовать» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 143.
565 Див. док. № 143.— Док. № 144.
566 Див. док. № 144.— Док. № 145.
567 Див. док. № 148.— Док. № 149.
568 Див. док. № 109, 127.— Док. № 149.
569 Див. док. № 112, 141.— Док. № 149.
570 Див. док. № 147.— Док. № 149.
571 Див. док. № 151.— Док. № 150.
572 Датується за док. № 153, 154, 156, 159.— Док. № 152.
573 Див. док. № 120, 121, 125, 126 та ін.— Док. № 152.
574 Див. док. № 153.— Док. № 152.
575 Див. док. № 151.— Док. № 155.
576 Листа П. О. Куліша до О. Ф. Орлова в слідчій справі немає.— Док. № 157.
577 Див. док. № 157.— Док. № 158.
578 Текст від слів «Положите на весы» до слів «христианскэго милосердия» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 159.
579 Див. док. № 152.— Док. № 160.
580 Див. док. № 147.— Док. № 161.
581 Див. док. № 162.— Док. № 164.
582 Див. док. № 109, 127.— Док. № 164.
583 Див. док. № 112, 141.— Док. № 164.
584 Див. док. № 166.— Док. № 167.
585 Два слова не прочитані.— Док. № 167.
596 Див. док. № 166.— Док. № 168.
587 Дяв. док. № 165.— Док. № 168.
588 Див. док. № 162.— Док. № 169.
589 Див. док. № 163.— Док. № 169.
590 Див. док. № 104, 114, 120, 121, 125, 126, 148, 154, 156, 157, 159.— Док. № 170.
591 Див. док. № 165.— Док. № 170.
592 Див. док. № 122, 146, 151, 166.— Док. № 170.
593 Дяв. док. 108, 113, 162.— Док. № 170.
594 Див. док. № 169.— Док. № 170.
595 Див. док. № 109, 127.— Док. № 170.
596 Див. док. № 112, 141.— Док. № 170.
597 Див. док. № 169.— Док. № 171.
598 Див. док. № 172.— Док. № 171.
599 Див. док. № 173.— Док. № 172.
300 Див. док. № 172.— Док. № 173.
601 Помилка. Цей лист був надісланий 20.— Док. № 173.
602 Див. док. № 112, 141.— Док. № 173.
603 «Тульские губернские ведомости» — видавались у 1838—1917 рр.; спочатку — шотижня, з 1870 — два рази на тиждень, з 1895 — щоденно, з 1907 р.— два рази на тиждень. Є покажчик «Указатель статей, относящихся к Тульской губернии и помещеных в местных губернских ведомостях с 1838 до 1876 гг.».— Тула, 1876.— Док. № 173.
604 Див. док. № 161.— Док. № 175.
605 Див. док. № 143.— 145.— Док. № 176.
606 Так у тексті.— Док. № 176.
607 Див. док. № 166.— Док. № 176.
608 Йдеться про О. Ф. Орлова.— Док. № 176.
609 Див. док. № 176.— Док. № 178.
610 Див. док. № 179.— Док. № 178.

[611] Див. док. № 176.— Док. № 179.
[612] Див. док. № 182.— Док. № 179.
[613] Див. док. № 173.— Док. № 180.
[614] Датується за док. № 182.— Док. № 181.
[615] Див. док. № 176, 180.— Док. № 181.
[616] Див. док. № 178.— Док. № 181.
[617] Див. док. № 179.— Док. № 182.
[618] Дозволу для друкування першої частини історичного роману «Северяки» П. Куліш не одержав (див. док. № 186).— Док. № 184.
[619] Датується за док. № 184, 186.— Док. № 185.
[620] Див. док. № 104.— Док. № 184.
[621] Див. док. № 106.— Док. № 185.
[622] Див. док. № 184.— Док. № 186.
[623] Див. док. № 175.— Док. № 187.
[624] Див. док. № 186.— Док. № 188.
[625] Див. док. № 189.— Док. № 188.
[626] Датується за док. № 188.— Док. № 189.
[627] «Полное собрание русских летописей» — багатотомна публікація літописів, розпочата Археографічною комісією 1841 р. і продовжена після Жовтневої революції Академією наук СРСР. До 1921 р. було видано 24 томи. 1949 р. це видання відновлено і доведено до 38-го тому (1989 р.).— Док. № 189.
[628] «Акты исторические» («Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею».— Т. 1—5.— Спб., 1841—1843) — збірка документів з соціально-економічної, політичної, дипломатичної і воєнної історії Російської держави XIV—XVII ст.— Док. № 189.
[629] 1843 р. до «Актов исторических» були видані іменний та географічний покажчики.— Док. № 189.
[630] «Дополнения к актам историческим» («Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией».— Т. 1—12.— Спб., 1846—1875) — збірка документів з історії народів СРСР за X—XVII ст.— Док. № 189.
[631] «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею» — див. т. 1, ч. I, прим. 27.— Док. № 189.
[632] «Акты юридические» («Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства».— Спб., 1838) — див. т. 1, ч. II, прим. 224.— Док. № 189.
[633] Котошихін (Кошихін) Григорій Карпович (близько 1630—1667) — піддячий Посольського приказу, автор твору «О России в царствование Алексея Михайловича», який був виявлений у першій половині XIX ст. в архівах Швеції. Він витримав чотири видання. Останнє, четверте, видання вийшло в Санкт-Петербурзі 1906 р.— Док. № 189.
[634] Муханов Павло Олександрович (1798—1871) — збирач і видавець матеріалів з вітчизняної історії. Серед інших видав і «Записки Жолкевського» (М., 1835), про які йдеться в даному випадку.— Док. № 189.
[635] Терещенко Олександр Васильович (1806—1865) — етнограф і археолог. Його праця «Быт русского народа» була видана 1848 р.— Док. № 189.
[636] Двотомне видання Тимчасової комісії для розгляду давніх актів у Києві. «Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни» вийшло в світ 1849 р. за редакцією М. Д. Іванишева.— Док. № 189.
[637] Йдеться про «Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов», т. 1 (К., 1845) і т. 2 (К., 1846), бо т. 3 і 4 були видані 1852 і 1859 рр. Друге доповнене видання «Памятников» за редакцією О. І. Левицького вийшло 1898 р.— Док. № 189.
[638] «Дворцовые разряды», т. 1—4 (Спб., 1850—1855) — видання текстів «Разрядных книг», до якого включені записи за 1612—1700 рр. Вони містять відомості з історії державного управління, воєнної історії та ін. 1854 р. було видано «Дополнения к 3 т. дворцовых разрядов».— Док. № 189.
[639] Калачов Микола Васильович (1819—1885) — російський археограф і архівіст, історик, юрист. Калачов багато зробив у справі публікації історичних документів. За його редакцією, зокрема, вийшов збірник «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» (3 кн.; кн. 2 складається з двох частин, 1850—1861), до якого включено матеріали і дослідження з історії, літератури, фольклору та народних звичаїв.— Док. № 189.
[640] Шульгін Віталій Якович (1822 (?) — 1878) — історик. Після закінчення Київського університету викладав історію в одній з київських гімназій та Київському інституті шляхетних дівчат. 1849—1862 рр. читав лекції з давньої, середньої і нової історії в Київському університеті. Праця «О состоянии женщин в России до Петра Великого» (К., 1850) є його дисертацією.— Док. № 189.
[641] Бутурлін Дмитро Петрович (1790—1849) — російський воєнний історик, генерал-майор і флігель-ад'ютант. Бутурлін автор праць «Исторня нашествия императора Наполеона на Россню в 1812 г.» (1823), «Военная история походов России в XVIII столетии» (1819—

1923), «История смутного времени в России в начале XVII века» (Ч. 3, Спб., 1839—1846) та ін.— Док. № 189.

642 Сахаров Іван Петрович (1807—1863) — російський фольклорист, етнограф і палеограф, член Російського географічного і археологічного товариства. Зібрав пам'ятки народної творчості, описував архіви, архітектурні пам'ятки, розшукував стародавні предмети матеріальної культури. До головних його праць належать і «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (в 3 ч.), яка витримала три видання (М., 1836—1837; 1837; Спб., 1841—1849).— Док. № 189.

643 Павлов Платон Васильович (1823—1895) — історик і громадський діяч. З 1847 р.— ад'юнкт-професор кафедри російської історії Київського університету. Павлов — один з організаторів у Києві, а потім у Петербурзі Археографічної комісії, а також перших у Росії недільних шкіл. Його докторська дисертація — «Об историческом значении царствования Бориса Годунова» (1849; 2-ге вид. 1863).— Док. № 189.

644 Очевидно, йдеться про «Записки и труды императорского Московского общества истории и древностей российских» (1815—1837.— Ч. 1—8).— Док. № 189.

645 Праця «Русские достопамятности» (3 т.) — видана Московським товариством історії і старожитностей 1815—1844 рр.— Док. № 189.

646 «Повесть о России» (3 т.— М., 1838—1843) — основна праця російського історика Арцибашева Миколи Сергійовича (1773—1841) доведена до 1698 р. Четвертий том, що охоплює період з 1698 р. до середини XVIII ст., не був надрукований.— Док. № 189.

647 «Временник императорского Московского общества истории и древностей российских» виходив 1849—1857 рр. у Москві. Всього видано 25 книг, в яких опубліковано дослідження з давньої історії Росії та інших слов'янських країн, а також історичні джерела (літописи тощо).— Док. № 189.

648 «Древности российского государства» (6 т.— 1846—1853) включають 700 рисунків живописця та археолога Солнцева Федора Григоровича (1801—1892), який відкрив стінні фрески XI ст. в Києво-Софійському соборі.— Док. № 189.

649 «Памятники московской древности» (М., 1842—1845) були видані професором Московського університету Снегирьовим Іваном Михайловичем (1793—1868).— Док. № 189.

650 «Достопамятности Московского кремля» (М., 1843) видані письменником і археологом Вельтманом Олександром Хомичем (1800—1860). З 1842 р. О. Х. Вельтман працював помічником директора, з 1852 р.— директором Московської Оружейної палати.— Док. № 189.

651 «Описание памятников древности церковного и гражданского быта из русского музея П. Ф. Коробанова» — перша праця російського археолога та історика мистецтва Філімонова Георгія Дмитровича. Видана 1849 р.— Док. № 189.

652 «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» (М., 1848—1854) видана російським етнографом-фольклористом професором Московського університету Снегирьовим Іваном Михайловичем (друге видання 1851—1857 вийшло за редакцією І. Снегирьова й Мартинова).— Док. № 189.

653 «Русскую летопись по Никоновскому списку» видали А. Л. Шлецер, С. Х. Башилов і О. Я. Поленов. Перша частина літопису за Никоновським списком підготовлена і в 1767 р. видана російським ученим-видавцем Башиловим Семеном (1740—1770) разом з німецьким істориком і статистиком Шлецером Августом-Людвігом (1735—1809), друга — 1768 р. Башиловим разом з російським юристом та істориком Полєновим Олексієм Яковлевичем (1738—1816).— Док. № 189.

654 «Летопись о многих мятежах...» (Спб., 1771) — історичний твір з описом подій 1584—1655 рр. складений у Москві близько 1658 р. Він містить відомості з історії Росії 30—50-х років XVII ст., яких немає в інших джерелах. Літопис виданий російським просвітителем, письменником-сатириком, журналістом і книговидавцем Новиковим Миколою Івановичем (1744—1818).— Док. № 189.

655 «Древняя Российская Вивлиофика» — писемні джерела з історії Росії, видані 1773—1775 М. І. Новиковим у 10 частинах. 1788—1891 рр. вийшло друге видання у 20 частинах. Тут опубліковано документи московського архіву Колегії іноземних справ.— Док. № 189.

656 «Сказание об осаде Троицко-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах, сочиненное оного же Троицкого монастыря келарем Авраамием Палицыным» — пам'ятка історичної писемності початку XVII ст. Перше видання побачило світ 1784 р., друге — 1822 р.— Док. № 189.

657 «Описание тринадцати старинных свадеб российских князей и государей» (1787) належить російському письменникові XVIII ст. Комарову Матвію, літературна діяльність якого припадала на 70—90-ті роки XVIII ст.— Док. № 189.

658 «Сборник» (М., 1836; 2-е вид.— Спб., 1876) включає 154 акти, грамоти, записки, листи та інші документи історичного, юридичного і політичного змісту.— Док. № 189.

659 «Каталог исторических памятников» виданий у Москві 1836 р.— Док. № 189.

660 Очевидно, йдеться про працю російського фольклориста, етнографа і палеографа Сахарова Івана Петровича (1807—1863) «Путешествия русских людей в чужие земли» (2-е вид.— Спб., 1837.— Ч. 1—2.— Док. № 189.

[661] «Записки Желябужського» (видані Д. Язиковим в 1787 р.) — цінне історичне джерело. Містить великий фактичний матеріал про діяльність російського уряду за 1682—1709 рр.— Док. № 189.

[662] Назва роману встановлена за док. № 196.— Док. № 195.

[663] Див. док. № 195.— Док. № 196.

[664] У тексті помилково «1850».— Док. № 196.

[665] Два підписи нерозбірливі.— Док. № 198.

[666] Див. ч. V, арк. 443—480.— Док. № 200.

[667] Див. ч. V, арк. 481—528.— Док. № 200.

[668] Датується за док. № 200.— Док. № 201.

[669] Див. док. № 104, 117.— Док. № 201.

[670] Див. док. № 106.— Док. № 201.

[671] Див. док. № 126.— Док. № 201.

[672] Див. док. № 195—197.— Док. № 201.

[673] Див. док. № 140.— Док. № 203.

[674] Днв. док. № 203.— Док. № 204.

[675] На арк. 409 помітка: Вскрытию не подлежит. Помощ[ник] нач[альника] архива Антонов. Проверил 1914 г. Подпись А. Антонов.— Док. № 204.

[676] Див. док. № 84.— Док. № 205.

[677] Див. док. № 207.— Док. № 206.

[678] Див. док. № 206.— Док. № 208.

[679] Див. док. № 207.— Док. № 208.

[680] У тексті помилково: «Федору Алексеевичу».— Док. № 209.

[681] Див. док. № 207.— Док. № 209.

[682] Див. т. 1, док. № 472—474.— Док. № 212.

[683] Днв. док. № 104.— Док. № 212.

[684] Днв. док. № 106.— Док. № 212.

[685] Див. док. № 125, 126, 129, 132, 133, 135—138. Док. № 212.

[686] Див. док. № 196, 197.— Док. № 212.

[687] Див. т. 1, док. № 472—474.— Док. № 212.

[688] Днв. т. 3, док. № 344— 346.— Док. № 212.

[689] «Русская беседа» — перший періодичний журнал слов'янофілів. Видавався у Москві в 1856—1860 рр. по 4 книги, з 1859 р. по 6 книг на рік за редакцією О. І. Кошелева, Т. І. Філіпова, П. І. Бартенєва та ін. Журнал відстоював необхідність збереження самодержавства, скликання дорадчого Земського собору та проведення деяких реформ (свобода друку, скасування смертної кари та ін.).— Док. № 212.

[690] Див. т. 1, док. № 75; т. 2 док. № 131.— Док. № 213.

[691] Див. док. № 211.— Док. № 213.

[692] Див. т. 3, док. № 344.— Док. № 216.

[693] Див. т. 3, док. № 345.— Док. № 216.

[694] Див. док. № 213.— Док. № 217.

[695] Див. т. 1, док. № 75.— Док. № 218.

[696] Див. док. № 213.— Док. № 218.

[697] Підпис нерозбірливий.— Док. № 218.

[698] Див. т. 1, док. № 75.— Док. № 219.

[699] Підпис нерозбірливий.— Док. № 219.

[700] На арк. 433 засвідчувальний надпис: «В сем деле номерованных триста двадцать четыре листа. Титу[лирный] совет[ник] Никифоров».— Док. № 219.

[701] Датується за док. № 220, 223.— Док. № 221.

[702] Див. док. № 220.— Док. № 224.

[703—705] Підписи нерозбірливі.— Док. № 225.

Частина шоста

СПРАВА Т. Г. ШЕВЧЕНКА

[1] Т. Г. Шевченко навчався в Академії художеств з 1838 до 1845 р. Після закінчення Академії йому було присвоєно звання некласного вільного художника.— Док. № 226.

[2] Брюллов Карл Павлович (1799—1852) — російський художник, учитель Шевченка в Академії художеств. Брав діяльну участь у викупі Шевченка з кріпацтва.— Док. № 226.

[3] «Былое» — журнал з історії революційного руху в Росії. 1900—1904 рр. В. Л. Бурцев видав шість номерів «Былого» в Лондоні і Парижі. 1906 р. «Былое» було передруковано в Росії з цензурними купюрами (Былое. Журн., изд. за границей под ред. В. Л. Бурцева. Ростов-на-Дону, 1906.— Вып. 1, 2). 3 січня 1906 р. у Петербурзі почав виходити щомісячний журнал «Былое» (з підзаголовком «Журнал, посвященный истории освободительного движения»), але на 10-й (22-й) книзі 1907 р. був закритий. У кінці 1907 р. замість «Былого» вийшов один номер історичного збірника «Наша страна». 1908 р. видавався жур-

иал «Минувшие годы», який частково заміняв «Былое». 1908 р. Бурцев відновив у Парижі закордонне видання «Былого». Протягом 1908—1913 рр. вийшли № 7—15. З липня 1917 р. в Петрограді відновилось видання «Былого». Всього з 1917 до початку 1926 р. вийшло 35 номерів «Былого». Головне місце в журналі відводилось висвітленню рухів 60—80-х років XIX ст.— Док. № 226.

[4] «Україна» — науковий журнал — орган історичної секції Всеукраїнської Академії наук. Виходив у 1924—1932 рр. як квартальник. Окремі номери «України» були присвячені Т. Шевченкові, М. Драгоманову, М. Максимовичу.— Док. № 226.

[5] Див. док. № 226.— Док. № 227.

[6] Див. також т. 3, док. № 14.— Док. № 228.

[7] Див. док. № 231—254.— Док. № 228.

[8] Див. док. № 228.— Док. № 229.

[9] У тексті число аркушів не вказане.— Док. № 229.

[10] «Три літа» — збірка творів Т. Г. Шевченка за 1843—1845 рр., переписаних автором, у яких з особливою силою відбився протест проти самодержавства. Революційна спрямованість більшості творів виключала можливість легального друкування їх в умовах царської цензури. Збірка «Три літа» становить альбом на 106 аркушах листового формату, списаний з обох боків, у картонній темно-зеленій оправі. Заголовок альбома, а також назви окремих творів виконано в стилі каліграфічного півуставу другої половини XVII ст. На форзаці альбома та на титульній його сторінці є кілька ескізів олівцем. Тут зображено пророка, чабана, якісь карикатури. На кожній сторінці простим олівцем відкреслено широкі поля. Кожний вірш починається з нової сторінки з великим відступом згори. Іноді назва твору дається на окремому аркуші.

Поезії датовані автором і розміщені не в хронологічному порядку. Перший вірш, яким відкривається збірка «Чигрине, Чигряне», датований 19 лютого 1844 рр., остання крайня дата — 25 грудня 1845 р. стоїть під віршем «Як умру, то поховайте». Отже, альбом був початий не раніше 19 лютого 1844 р. і закінчений на початку 1846 р. Подорожуючи по Україні, поет мав його при собі. Під час арешту альбом був відібраний жандармами. У III відділенні, а потім в архіві департаменту поліції він пролежав до 1907 р. У процесі слідства чиновники III відділення зробили в багатьох творах на полях чимало підкреслень і позначок.— Док. № 229.

[11] Збірка «Три літа» раніше знаходилася в пакеті слідчої справи (ч. VI, арк. 7).— Док. № 231—254.

[12] Рядки 17—25, 27—30, 45—46, 63—64 відзначені на полях NB або підкреслені чиновниками III відділення.— Док. № 232.

[13] Йдеться про Богдана (Зиновія) Михайловича Хмельницького. Помер Хмельницький 6 серпня в Чигирині. 25 серпня 1657 р. похований в Іллінській церкві у Суботові.— Док. № 232.

[14] «Вечерниці» — перший у Галичині український громадсько-літературний часопис-тижневик. Виходив у Львові в 1862—1863 рр. за редакцією і за участю Ф. Заревича, В. Шашкевича, К. Климковича та ін.— Док. № 232.

[15] «Русский инвалид» — див. т. I, ч. II, прим. 42.— Док. № 233.

[16] «Луна» — український альманах, виданий 1881 р. Л. В. Ільницьким. Це — перше періодичне видання українською мовою в Києві, яке спочатку проектувалося як щомісячний журнал, а потім як регулярний щорічний альманах. Вийшла тільки перша частина альманаху.— Док. № 234.

[17] Гоголь Микола Васильович (1809—1852) — російський письменник. Народився у с. Великі Сорочинці на Полтавщині в сім'ї українського письменника Васяля Панасовича Гоголя (Яновського).— Док. № 235.

[18] Перша сторінка перекреслена чиновниками III відділення, а рядки 9—10, 15—16, 19—26 підкреслено.— Док. № 235.

[19] В автографі рядки 3—4, 17—20, 25—32, 35—46 підкреслено чиновниками III відділення, а частина арк. 10 і арк. 11 перекреслено олівцем.— Док. № 236.

[20] «Основа» — див. т. I, ч. IV, прим. № 129.— Док. № 237.

[21] «Нова громада» — літературно-мистецький місячник. Видавався у Києві 1906 р. за редакцією Б. Грінченка (вийшло 12 номерів).— Док. № 240.

[22] В автографі рядки 83, 87, 89—90, 93, 125, 129—133, 162, 263—266, 288, 312—387, 412—488, 517—579 підкреслено чиновниками III відділення або відзначено на полях NB.— Док. № 244.

[23] «На багниці і город мріє» — йдеться про Петербург, який був закладений у 1703 р. на березі Фінської затоки, саме там, де р. Нева багатьма своїми рукавами впадає в затоку. Там були болота і непрохідні хащі. 1712 р. в Петербург було перенесено з Москви столицю Російської держави.— Док. № 244.

[24] «Твердиня й дзвіниця» — йдеться про Петропавлівську фортецю з церквою Петра і Павла, на Заячому острові, яка стояла над Невою, якраз навпроти царського палацу.— Док. № 244.

[25] «Первому — вторая» — йдеться про пам'ятник Петру I, збудований за наказом Катерини II 1782 р., на якому написано двома мовами, латинською і російською: «Петру

Первому — Екатерина Вторая». Автор пам'ятника — французький скульптор Є. М. Фальконе.— Док. № 244.

[26] «Щось такее невидиме» — мовиться про наказного гетьмана Павла Полуботка, якого за виступ проти царя Петра I було ув'язнено в Петропавлівській фортеці, де він і помер 1724 р.— Док. № 244.

[27] Глухів — вперше згадується в Іпатіївському літопису 1152 р. З 1654 р. Глухів — сотенне місто, а з 1708 р.— резиденція гетьманів Лівобережної України та місцеперебування Малоросійської колегії.— Док. № 244.

[28] «Ти нас з України загнав, голих і голодних...» — у даному випадку Т. Г. Шевченко мав на увазі козаків і кріпаків, які загинули під час будівництва Петербурга.— Док. № 244.

[29] Багряниця — царський одяг, з дорогої тканини, багряного, пурпурового кольору.— Док. № 244.

[30] Сенат — у дореволюційній Росії один з найвищих державних органів у справі законодавства та управління. Заснований Петром I 1711 р. З початку XIX ст. став головним чином найвищою судовою установою. Ліквідований Декретом Радянської влади від 22 листопада 1917 р.— Док. № 244.

[31] Медвідь — йдеться про царя Миколу I.— Док. № 244.

[32] Зелені свята, або зелена неділя припадає на червень і передує святові Петра і Павла.— Док. № 245.

[33] Братство — йдеться про Київську академію при Братському монастиреві (днв. ч. V, прим. 424).— Док. № 245.

[34] Межигірський Спас — йдеться про церкву, в монастирі у Межигір'ї, поблизу Києва, заснованому 988 р. Під час навали ординців 1240 р. монастир був зруйнований. Відбудова почалася в XVI ст. Межигірський Спасо-Преображенський монастир був зв'язаний із Запорізькою Січчю. Монахи його справляли церковні відправи на Січі, старі козаки інколи вступали до монастиря. 1786 р. указом Катерини II монастир було закрито і землі його секуляризовано. 1787 р. приміщення монастиря дуже потерпіло від пожежі.— Док. № 245.

[35] Почаїв — Почаївська лавра, заснована в XVI ст. Монастир був одним з осередків ідеологічної боротьби на Західній Україні проти засилля католицизму та унії. На початку XVII ст. при монастирі було засновано Почаївську друкарню.— Док. № 245.

[36] 29 червня за ст. стилем.— Док. № 245.

[37] Азарянська земля — магометанська.— Док. № 245.

[38] Цареградська башта — в'язниця в Стамбулі.— Док. № 245.

[39] Після поразки селянської війни під керівництвом О. Пугачова царизм став на шлях жорстоких репресій щодо селянства і козацтва. На початку червня 1775 р. царське військо на чолі з генералом П. Текелієм обложило Січ. 4—5 червня Запорізька Січ була зруйнована, а Запорізьке військо оголошене ліквідованим. Офіційно про це оповістив 3 серпня 1775 р. маніфест Катерини II. Частина запорізького козацтва була закріпачена, а решта війська втекла за межі Росії в гирло Дунаю, де заснувала так звану Задунайську Січ.— Док. № 245.

[40] У Покровн — йдеться про Покровську церкву в Запорізькій Січі.— Док. № 245.

[41] «Як цариця по Києву з Нечосом ходила» — йдеться про Катерину II і фаворита князя Григорія Потьомкіна, якого запорожці прозвали Нечосом за його перуку. 1787 р. Катерина II разом з Потьомкіним подорожувала по Україні та Криму.— Док. № 245.

[42] Йдеться про роздачу Катериною II своїм фаворитам та урядовцям великих земельних територій на півдні України після зруйнування Запорізької Січі та про царський указ 1783 р., яким вводилося кріпацтво і на Лівобережній Україні.— Док. № 245.

[43] «Ян Кирило з старшинами...» — йдеться про Кирила Розумовського (1728—1803), останнього гетьмана України (1750—1764).— Док. № 245.

[44] Головатий Антон Андрійович (р. н. невід.— 1797) — полковий старшина Запорізької Січі, писар. Після зруйнування Січі 1775 р.— капітан російської армії. Брав участь у формуванні із запорожців Війська вірних козаків, перейменованого в Чорноморське козацьке військо, де займав посаду судді кошового.— Док. № 245.

[45] У даному випадку Шевченко має на увазі організацію й оселення на Прикубанні 1787 р. так званого Чорноморського війська, що було поставлене проти черкесів. Князь Потьомкін доручив організацію цього війська Андрію Головатому та іншим колишнім запорізьким старшинам.— Док. № 245.

[46] Сава Чалий — гайдамацький ватажок, пізніше полковник надвірної міліції, активно діяв проти гайдамаків та запорожців. За зраду і перехід на бік польської шляхти був убитий запорізьким козаком Гнатом Голим у грудні 1741 р.— Док. № 245.

[47] Гонта Іван (р. н. невід.— 1768) — один з керівників народного повстання проти польсько-шляхетського гніту на Правобережній Україні 1768 р., відомого під назвою Коліївщина.— Док. № 245.

[48] Залізняк Максим (поч. 40-х рр. XVIII ст.— невід.) — запорізький козак, один з

керівників народного повстання проти польсько-шляхетського гніту на Правобережній Україні 1768 р., відомого під назвою Коліївщина.— Док. № 245.

[49] Де Бальмен Яків Петрович — див. т. 1, ч. III, прим. № 143.— Док. № 246.

[50] Прометей — у грецькій міфології вищий і добрий титан. Син титана Іапета і Феміди або дочок Океана — Асії чи Клімени. У греків була поширена легенда, що Прометей викрав на Олімпі вогонь і дав його людям, щоб врятувати від загибелі, на яку їх прирік Зевс. За це Зевс звелів прикувати Прометея до скелі на Кавказькій горі, а орел став щодня клювати його печінку. Щоб муки Прометея тривали вічно, Зевс зробив так, що печінка в нього за ніч виростала і її знову клював орел.— Док. № 246.

[51] Йдеться про біблійного царя Давида, що забрав собі в наложниці жінку одного з своїх військових начальників Урія, відправивши його на війну.— Док. № 246.

[52] Ставник — свічник у церкві.— Док. № 246.

[53] Мірра — пахуча смола.— Док. № 246.

[54] «Зіновію, Олексіїв дружел» — Зіновій — друге ім'я Богдана Хмельницького. Олексій — російський цар Олексій Михайлович (1629—1676).— Док. № 248.

[55] «Dziennik Literacki» — «Літературний часопис», який виходив у Львові 1852—1870 рр. з перервою 1854—1856 рр. Його редакторами були К. Шайноха і Я. Добжанський. Навколо часопису гуртувалися передові письменники Я. Лям, Л. Дунін-Борковський, М. Павлуцький та ін.— Док. № 248.

[56] Тамерлан — перекручене європейцями прізвисько середньоазіатського еміра і завойовника Тімура, Тімурленга (1336—1405). Внаслідок завоювань Тімур утворив величезну державу з столицею в Самарканді, до якої входили Мавераннахр, Хорезм, Хоросан, Афганістан, Іран, Ірак, Закавказзя.— Док. № 249.

[57] Коллар Ян (1793—1852) — поет, учений, один з провідних представників словацького і чеського національного відродження. Народився в сім'ї словацького селянина. Закінчив Іенський університет (1819). Був священиком у Пешті (1819—1849) професором слов'янських старожитностей у Віденському університеті (1849—1852). Найзначнішими творами Коллара є поема «Донька Слави» (1824 р., доповнене видання — 1832 р.), трактат «Про літературну взаємність між слов'янськими племенами і наріччями» (1836), в яких автор виступав за право кожного слов'янського народу на самостійність розвитку. Я. Коллар вів боротьбу за свободу і єдність слов'янських народів.— Док. № 249.

[58] Слов'янофіли — представники одного з напрямів російської суспільної думки XIX ст., які заперечували закономірність історичного розвитку народів, протиставляли історію Росії та історію слов'ян взагалі історії народів Заходу, відкидали можливість класової боротьби і революції в Росії.— Док. № 249.

[59] Брут Марк Юній (84—42 до н. е.) — політичний діяч стародавнього Риму, очолював республіканську аристократичну змову проти Юлія Цезаря, брав участь у його вбивстві.— Док. № 249.

[60] Коклес Публій Горацій — легендарний римський герой, який врятував 507 р. Рим від етруського царя Порсени.— Док. № 249.

[61] Титла — особливий значок над словами, який у церковнослов'янському письмі означає скорочення.— Док. № 249.

[62] «І на Січі мудрий німець картопельку садить...» — йдеться про заселення півдня України німецькими багатіями-колоністами при активному сприянні Катерини II.— Док. № 249.

[63] Юрась — молодший син Богдана Хмельницького Юрій (бл. 1641—1685), гетьман України в 1659—1663, 1677—1681 рр.— Док. № 250.

[64] Йдеться про повернення Петра I з-під Полтави після розгрому шведів 27 червня 1709 р.— Док. № 250.

[65] Йдеться про взяття російськими військами під командуванням О. Меншикова в 1708 р. Батурина, який в 1669—1708 рр. був резиденцією гетьманів Лівобережної України.— Док. № 250.

[66] Чечель Дмитро (п. 1709) — батуринський полковник.— Док. № 250.

[67] Чута — назва одного з найбільших лісів поблизу Запорізької Січі.— Док. № 250.

[68] Йдетья про польських магнатів Радзивілла і Потоцького, які брали участь у польських повстаннях 1830—1831 рр. Після придушення повстання жили на еміграції в Парижі.— Док. № 250.

[69] Декабристи — російські дворянські революціонери, що в грудні 1825 р. підняли повстання проти самодержавства і кріпосництва (див. т. 1, ч. I, прим. 25).— Док. № 250.

[70] Йдеться про укази, пов'язані з будуванням залізниці Петербург — Москва.— Док. № 250.

[71] «Де шесть тысяч в одной версте душ передушила» — на будівництві залізниці працювали селяни-кріпаки, які тисячами вмирали від жахливих умов праці, голоду та холоду.— Док. № 250.

[72] Корф Ю. Ф.— барон, член державної ради. Був підрядчиком на будівництві залізниці Петербург — Москва.— Док. № 250.

[73] Йдеться про польське повстання 1830—1831 рр., після придушення якого багатьох його учасників Микола I заслав до Сибіру.— Док. № 250.

[74] Йдеться про «Историю государства Российского» М. М. Карамзіна (1766—1826), видану в 1816—1829 рр.— Доя. № 250.

[75] Мається на увазі І. Мазепа.— Док. № 250.

[76] Йдеться про будівництво земляних укріплень на р. Орелі (притоці Дніпра) та Ладозького каналу.— Док. № 250.

[77] Матер божа у Ржавці вночі заридала.— За переказами, в село Іржавці на Чернігівщині запорожці після зруйнування Запорізької Січі перенесли образ божої матері.— Док. № 250.

[78] Йдеться про російського царя Івана Грозного (1530—1584).— Док. № 250.

[79] «Пчела» — газета «Северная пчела», що її в 1825—1859 рр. видавали Ф. Булгарін та М. Греч.— Док. № 250.

[80] Ярчук — за народним повір'ям — пес, що народжується видющим, з вовчими зубами.— Док. № 250.

[81] Ясси — місто на північному сході Румунії, адміністративний центр області Ясси. Т. Г. Шевченко мав на увазі похід Богдана Хмельницького 1652 р. на столицю Молдавського князівства. Того ж року син Б. Хмельницького Тиміш одружився з Розандою, дочкою молдавського господаря Лупула.— Док. № 250.

[82] Жовті Води — місто обласного підпорядкування Дніпропетровської області. У даному випадку йдеться про битву на річці Жовта Вода 6 травня 1648 р., в якій козацьке військо під проводом Богдана Хмельницького одержало перемогу над великими силами польсько-шляхетської армії.— Док. № 250.

[83] Берестечко — місто Горохівського району Волинської області. У даному випадку мова йде про нещасливу для українського козацького війська битву з польсько-шляхетською армією.— Док. № 250.

[84] Козака Яременка клуня на тім місці, де стояли Богданові палати. Прим. Шевченка.— Док. № 250.

[85] «Правда» — український літературно-науковий і політичний журнал, виходив у 1867—1870, 1872—1880, 1884, 1888—1898 рр., у 60-і рр.— орган народницької партії.— Док. № 250.

[86] Холодний Яр — яр у лісі, недалеко від Чигирина. Тут збиралися 1768 р. гайдамаки.— Док. № 251.

[87] Мотронинський Троїцький монастир — один із центрів антиуніатського руху на Правобережній Україні у XVII—XVIII ст. Заснований 1568 р. Антиуніатська діяльність Мотронинського монастиря особливо посилилася 1753 р., коли ігуменом його став Мелхіседек Значко-Яворський. 1768 р. у монастир вступив послушником Максим Залізняк, який звідси почав підготовку повстання проти польської шляхти на Правобережній Україні.— Док. № 251.

[88] Нерон Клавдій Цезар (37—68) — римський імператор у 54—68 рр.— Док. № 251.

[89] Йдеться про книжку А. О. Скальковського (1808—1898) «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII ст.» 1733—1768 рр. (Одеса, 1845).— Док. № 251.

[90] Аарон — за біблією єврейський первосвященик, брат Мойсея.— Док. № 253.

[91] Вавілон («Ворота Бога») — найбільше місто стародавньої Месопотамії, економічний і культурний центр усієї Передньої Азії. Вперше згадується в XXIII ст. до н. е., з XIX ст. до н. е. був столицею Вавілонії. Зруйнований полководцем Александра Македонського Селевком I 312 р. до н. е.— Док. № 253.

[92] Едомляни — ідумеї, які жили на південь від Палестіни, в сусідстві з ізраїльським народом і часто нападали на нього.— Док. № 253.

[93] Єрусалим, Єрусалим — місто на південному заході Азії. Відоме з XV ст. до н. е. З IV ст. Єрусалим — «священне» місто християн, які пов'язують з ним діяльність міфічного Христа, а після завоювання його арабами 638 р. і мусульман.— Док. № 253.

[94] Єретик — прихильник єресі, тобто вірування, не визнаного пануючою церквою. У середні віки єресями називали народні рухи, спрямовані проти феодального гніту. Поема «Єретик» написана Т. Г. Шевченком в окремому зошиті № 9 (40) тоді ж, коли й збірник «Три літа», як продовження останнього. Після арешту Шевченка у квітні 1847 р. цей автограф разом із збірником «Три літа» потрапив до III відділення.— Док. № 255.

[95] Гус Ян (1369—1415) — чеський мислитель, ідейний натхненник антифеодального, національно-визвольного руху в Чехії, видатний діяч Реформації. Походив із селян. Був професором і ректором Празького університету. Спалений у м. Констанці. Смерть Гуса прискорила наростання антифеодального і національно-визвольного руху чеського народу, який дістав назву гуситського руху.— Док. № 255.

[96] «Чернець годований» — Т. Г. Шевченко мав на увазі папу римського, що називав себе спадкоємцем апостола Петра і намісником бога на землі.— Док. № 255.

[97] Тіара — папська шапка (митра), оточена трьома вміщеними одна над другою коронами, що служили символом влади папи як судді, законодавця і священнослужителя католицького світу.— Док. № 255.

[98] Віфліємська каплиця — каплиця в Празі, де Яи Гус, починаючи з 1412 р. виступав проти римо-католицької церкви.— Док. № 255.

[99] Булла (лат.) — грамота, постанова або розпорядження.— Док. № 255.

[100] Конглав (Конклав) — збори представників вищого католицького духовенства (кардиналів, прелатів), які обирали папу.— Док. № 255.

[101] Йдеться про місто Рим, у західній частині якого знаходиться Ватікан — папська феодально-церковна держава, що утворилася в VIII ст. й існувала до 1870 р., коли папа був позбавлений світської влади.— Док. № 255.

[102] Авіньйон — місто у Південній Франції на р. Роні. У XIV ст. резиденція пап.— Док. № 255.

[103] Антипати — претендента на папський престол, між якими постійно точилася боротьба за владу. Так, наприкінці XIV ст. один папа був у Римі, другий в Авіньйоні. На початку XV ст. собор у Пізі усунув обох пап й обрав третього, собор у Констанці згодом скинув третього папу й обрав четвертого.— Док. № 255.

[104] Йдеться про гуситський рух. Під гусьми розуміються прихильники Гуса у боротьбі проти римського папи, а під орлами — прихильники римського папи.— Док. № 255.

[105] Констанц — місто на Півдні Федеративної Республіки Німеччини, у землі Баден-Вюртемберг. У Констанці 6 липня 1415 р. був спалений на вогнищі чеський мислитель-ідейний натхненник антифеодального національно-визвольного руху в Чехії Ян Гус.— Док. № 255.

[106] Сарацини — у середні віки сарацинами називали арабів та інші народи Близького Сходу, що сповідали іслам. З метою завоювання країн Близького Сходу папи і королі європейських країн організовували так звані «хрестові походи» проти арабів.— Док. № 255.

[107] Аттіла — див. т. 1, ч. II, прим. 344.— Док. № 255.

[108] Йдеться про імператора тодішньої Священної Римської імперії Сигізмунда (1368—1437) і його брата — чеського короля Вячеслава (Вацлава IV, 1376—1419).— Док. № 255.

[109] Іуда — за біблійним міфом, один з 12 учнів Христа, який запродав свого вчителя за 30 срібників, а потім від докорів сумління повісився.— Док. № 255.

[110] Ливан (Ліван) — гірський хребет у південно-західній Азії, на території Ліванської Республіки.— Док. № 255.

[111] Автодафе! автодафе — урочисте виконання вироків іспанської інквізиції щодо єретиків. У даному випадку «автодафе» означає засудження Яна Гуса як єретика до спалення на вогні.— Док. № 255.

[112] Голгофа — гора поблизу Єрусалиму, на якій, за євангельськими міфами, розіп'ято Христа.— Док. № 255.

[113] Te deum — тебе, боже [хвалимо].— Док. № 255.

[114] Жижка Ян (бл. 1360—1424) — ватажок гуситського руху в Чехії. Походив з родини дрібного лицаря. Після спалення Яна Гуса очолив боротьбу чеського народу проти німецького панування. У 1419—1424 рр. він керував революційною селянсько-плебейською армією таборитів. Під його керівництвом були відбиті три хрестові походи (1420—1422), організовані проти гусятів папою римським та імператором Сигізмундом I. Військо Жижки спиралося на народні маси, що забезпечувало йому міцний тил. Помер від чуми.— Док. № 255.

[115] Оригінал поеми Т. Г. Шевченка «Осика» потрапив до III Відділення і департаменту поліції в зошиті № 72 (68). 1847 р., на засланні, переписуючи «Осику» до «Малої книжки» (М.) з якоїсь чернетки, Шевченко переробив поему і дав їй іншу назву — «Відьма».— Док. № 256.

[116] Після осіннього Миколи — після 19 грудня.— Док. № 256.

[117] Бендерський шлях — шлях до міста Бендери, проходив по території Молдавії.— Док. № 256.

[118] Нотатки не датовані. Датуються орієнтовно на підставі таких міркувань: 1. Офіційно Т. Г. Шевченко був зарахований до штату Київської тимчасової комісії для розгляду давніх актів 10 грудня 1845 р., а ще в листопаді того ж року він, одержавши державну подорожну і 150 крб. на витрати, виїхав у Полтавську губернію (Киевская старина.— 1894.— № 2.— С. 231—244). Проте описувати пам'ятки Полтавщини за дорученням археографічної комісії Т. Г. Шевченко почав, очевидно, ще раніше, десь з другої половини вересня — початку жовтня 1845 р. Саме тому і збігаються місця, які описуються в нотатках (Миргород, Хорол, Переяслав) з тими місцями, де Шевченко написав у той же час свої поезії («Не завидуй багатому», «Не женися на багатій» — Миргород, 4 жовтня 1845 р., тощо). 2. За спогадами О. Афанасьева-Чужбинського, описами історичних пам'яток Чернігівщини Т. Г. Шевченко займався приблизно в лютому—квітні 1846 р. (*Чужбинский* А. Воспоминания о Т. Г. Шевченке.— Спб., 1861.— С. 17—25).— Док. № 257.

[119] Марина Халецька, дружина Петра Редзєжаска, на честь пана бога його найсвятішій матері жертвує до костьола Пінської колегії 3.I. 1638 р.— Док. № 257.

[120] Сигізмунд III Ваза, Зигмунт III Ваза (1566—1632) — король Польщі в 1587—1632 рр. та Швеції — в 1592—1604, фактично 1599.— Док. № 257.

[121] Напевне, йдеться про господаря Молдавського князівства Петра Рафелла (1527—1538, 1541—1546), сина господаря Стефана.— Док. № 257.

[122] У даному випадку йдеться про молдавського господаря Стефана III Великого (1462—1505).— Док. № 257.

[123] Князь Борис (кінець X — початок XI ст.) — молодший син київського князя Володимира Святославича, князь ростовський. Після смерті Володимира (1015) під час міжусобної боротьби його нащадків за великокнязівський стіл був убитий.— Док. № 257.

[124] Йдеться про Мгарський Лубенський Преображенський монастир, заснований 1619 р. ігуменом Густинського монастиря Галом. У 20—40-і рр. XVII ст. монастир був одним з осередків антиуніатської боротьби на Україні.— Док. № 257.

[125] «Полтавские ведомости», «Полтавские губернские ведомости», які виходили у 1838—1917 рр. (1838—1884 — щоденно, 1885—1894 — два рази на тиждень, 1895 — щоденно, 1896 — два рази на тиждень, 1897—1910 — щоденно, 1911—1917 — два рази на тиждень.— Док. № 257.

[126] Йдеться про підступне захоплення Наливайка та інших керівників повстання частиною козацької старшини і видачею їх 7/17 липня 1596 р. Жолкевському.— Док. № 257.

[127] Родзянко Гаврило Васильович — хорольський повітовий предводитель дворянства, батько поета Аркадія Гавриловича Родзянки (1793—1845).— Док. № 257.

[128] Мстислав Володимирович (Хоробрий, Удалий, р. н. невід. — 1036) — князь тмутаракаиський (з 988) і чернігівський (з 1024), син Володимира Святославича. Після перемоги над Ярославом Мудрим у битві під Листвином (1024) уклав з ним угоду (1026), за якою Мстислав став незалежним від Києва князем Чернігівської землі. У 1031 р. допомагав Ярославу повернути Червенські землі.— Док. № 257.

[129] Святослав Ярославич (1027—1076) — чернігівський, а потім київський князь. За життя Ярослава мав в управі Волинь. Після смерті батька (1054) Святославу дісталися Чернігів з Муромом і Тмутаракань. У 1073 р. Святослав вигнав з Києва Ізяслава і став київським князем. Помер 27 грудня 1076 р. Відомі два збірники різних перекладних статей (Святославів збірник 1073 і 1076 р.)— Док. № 257.

[130] Давид Святославич у 1093—1095 рр. був новгородським, а з 1096 по 1123 р.— чернігівським князем. Помер у 1123 р.— Док. № 257.

[131] Баранович Лазар (1620—1693) — церковний, літературний і політичний діяч. Був учителем піітики і риторики, потім професором і з 1650 р.— ректором Києво-Братського колегіума. З 1657 р. Баранович — чернігівський архієпіскоп. Боровся проти унії, за союз з Росією.— Док. № 257.

[132] Немцевич Юліан Урсин (1757—1841) — польський письменник. Брав участь у повстанні Т. Костюшки і в повстанні 1830—1831 рр.— Док. № 257.

[133] Ізяслав Ярославич (1024—1078) — великий князь київський, син Ярослава Мудрого. До 1054 р. був турівським князем. Під час київського повстання 1068—1069 рр. був усунутий. Не раз звертався за допомогою до польського короля, німецького імператора, папи римського. У 1077 р. знову захопив київський престол, але незабаром загинув у міжусобній боротьбі (на Нежатиній Ниві, біля сучасного Ніжина). Ізяслав брав участь у складанні Правди Ярославичів.— Док. № 257.

[134] Галятовський Іоаникій (р. н. невід.— п. 1688) — український письменник, громадсько-політичний і культурний діяч. Після закінчення Києво-Могилянського колегіума був залишений викладачем, з 1657 р.— ректор. У 1669—1688 рр. був архімандритом Єлецького монастиря в Чернігові. Виступав за розширення і поглиблення російсько-українських культурних і літературних зв'язків.— Док. № 257.

[135] Густинський монастир заснований 1600 р. вихідцем з Києво-Печерської лаври Іосафом. У 20-і рр. XVII ст. він одержав грамоти на володіння землями, лісами, луками тощо. Довгий час монастир був неофіційним центром зв'язків між Росією й Україною, Росією і Молдавією.— Док. № 257.

[136] Дата встановлена за «реестром бумагам, находящимся в этом деле», арк. 4.— Док. № 258.

[137] Далі закреслено: «Ось і сам високий, сердитий, виступає».— Док. № 258.

[138] Йдеться про зошит № 72(68), який містить поему «Осика», передмову до другого тома «Кобзаря» (вперше опубл.: в журн. Былое.— 1906. Кн. 8.— С. 1—3), «Русалку» і «Лілею».— Док. № 258.

[139] Вірш належить М. І. Костомарову (Вперше опубл.: Новицький М. Шевченко в процесі 1847 р. і його папери) / Україна.— 1925.— Кн. 1—2.— С. 75.— Док. № 258.

[140] Афанасьев-Чужбинський Олександр Степанович (1817—1875) — український письменник та етнограф. Народився у м. Лубнах на Полтавщині, в сім'ї поміщика. На вихід «Кобзаря» 1840 р. відгукнувся віршем «Гарно твоя кобза грає». Автограф вірша невідомий (Вперше опубл.: Молодик.—1843.— Ч. 2.— С. 102—104). З Т. Г. Шевченком О. С. Чужбинський познайомився у Т. Г. Волховської 29 червня 1843 р. в с. Мойсівці Пирятинського повіту на Полтавщині. 1846 р. вони разом подорожували по Україні. Про це Чужбинський розповідав у «Воспоминаниях о Т. Г. Шевченко». З 1847 р. Афанасьев — уря-

довець канцелярії воронезького губернатора, потім — редактор неофіційної частини «Воронежских губернских ведомостей»; в останні роки життя — смотритель Петропавлівського музею в Петербурзі. Афанасьев автор багатьох праць з питань етнографії, літератури та мовознавства («Старинные малороссийские думы», «Словарь малорусского наречия», «Заметки о Малороссии» та ін.).— Док. № 258.

[141] Йдеться про вірш В. Забіли (1808—1869) «За що ти лаєшся, Тарасе», написаний 1844 р. Автограф не зберігся. Вперше опублікований у журналі «Зоря».— 1893.— № 5 (з пропусками); вдруге — в журн. Киевская старина, 1909.— № 9; втретє цей вірш опублікував М. Новицький (Шевченко в процесі 1847 р. і його папери // Україна.— 1925.— Кн. 1—2).— Док. № 258.

[142] Григорович Василь Іванович (1786—1865) — мистецтвознавець. Народився в м. Пирятині на Полтавщині. Був секретарем Товариства заохочення художників (1829—1854) та конференц-секретарем Академії мистецтв (1859—1865). Брав участь у викупі Т. Г. Шевченка з кріпацтва.— Док. № 258.

[143] Кукольник Нестор Васильович (1809—1868) — російський драматург і поет. Народився в Петербурзі в сім'ї юриста. Його батько був першим директором Ніжинської гімназії вищих наук. Після закінчення Ніжинської гімназії вищих наук 1829—1833 рр. учителював. Його перша п'єса «Торквато-Тассо» (1833) присвячена життю відомого італійського поета. Кукольник приятелював з М. І. Глінкою, К. П. Брюлловим. На вечорах у Кукольника часто бував і Т. Г. Шевченко.— Док. № 258.

[144] Йдеться про віце-президента Академії художеств, відомого модельєра, скульптора і гравера Федора Петровича Толстого (1783—1873).— Док. № 258.

[145] У даному випадку йдеться про вірш Г. Л. Андрузького «Скажи мені, батьку». Автограф невідомий. Вперше надрукований М. Новицьким (*Шевченко* в процесі 1847 р. і його папери // Україна.— 1925.— Кн. 1—2.— С. 77).— Док. № 258.

[146] Йдеться про такі листи П. О. Куліша до Т. Г. Шевченка: 1) від 20 жовтня 1843 р., в якому Куліш повідомляв про написання першої частини поеми «Україна» (надрукована в університетській друкарні того ж 1843 р.). Тепер див. ч. VIII док. № 557. Автограф листа зберігся. Вперше надрукований цей лист у журн. «Киевская старина», 1900, № 9; 2) від 5 червня 1844 р., де Куліш дякував Шевченкові за книжку «Тризна» (вийшла окремим виданням 1844 р.) і просив надіслати «Гамалію», «Кобзаря» та «Гайдамаки». Згадані твори Шевченко надіслав Кулішеві 1846 р. Автограф листа невідомий. Вперше опублікований з пропусками в журн. «Киевская старина» (1900, № 9); 3) від 31 грудня 1844 р., де мовилося про видання «Живописной Украины» Т. Г. Шевченка, а також про пропозицію видати у Харкові «Записки о Южной Руси» (були опубліковані тільки 1856—1857 рр.). Автограф листа невідомий. Вперше опублікований у журн. «Киевская старина» (1900, № 9); 4) від 25 липня 1846 р., в якому Куліш висловив своє ставлення до поезії Т. Г. Шевченка. Автограф листа невідомий. Вперше опублікований у журн. «Киевская старина» (1900, № 9).— Док. № 258.

[147] Штраидмаи Роман Романович (1823 — р. см. невід.) — співробітник журналу «Современник», петрашевець. Коли саме познайомився з Т. Г. Шевченком — невідомо, можливо, в Яготині у Рєпніних. У листі від 14 грудня 1845 р. Штрандмаи запрошував Шевченка приїхати до Яготина. Автограф листа невідомий. Вперше опубліковано в журн. «Україна», 1925, кн. 1—2. Підпис неправильний: Сашка Штрандмаи. Вдруге — за автографом у «Листуванні» (К., 1929, с. 238—239).— Док. № 258.

[148] Карпо Михайло — учень Академії художеств, знайомий Т. Г. Шевченка, допомагав йому в справі поширення «Живописной Украины». У листі від 22 вересня 1845 р. М. Карпо дякував Т. Г. Шевченкові за листа та повідомляв про себе. Автограф листа невідомий (вперше опубл.: Україна.— 1925.— Кн. 1—2).— Док. № 258.

[149] Йдеться про листи Г. Ф. Квітки-Основ'яненка: 1) від 22 листопада 1841 р., в якому він просив Т. Г. Шевченка вислати дещо із своїх поезій для щойно організованого І. Бецьким у Харкові альманаху «Молодик». Автограф листа невідомий. Вперше надрукований у журн. «Киевская старина», 1900, № 9 з пропусками. Друга публікація точніша — у журн. «Україна», 1925, кн. 1—2. У відповідь на цей лист Квітки-Основ'яненка Шевченко вислав кілька своїх творів (див. лист Шевченка від 8 грудня 1841 р.); 2) від 29 квітня 1842 р., де Квітка-Основ'яненко писав: «... порадували ви нас своїми «Гайдамаками!» (йдеться про поему «Гайдамаки», яка вийшла в Києві 1841 р. Автограф листа невідомий. Вперше надрукований у журн. «Киевская старина», 1900, № 9, з пропусками. Повністю надрукований у журн. «Україна», 1925, кн. 1—2).— Док. № 258.

[150] Дата встановлена за «реестром бумагам, находящимся в этом деле», арк. 4.— Док. № 259.

[151] Далі викладається зміст вірша «Думи мої, думи мої», написаного у 1839 р. і вперше надрукованого 1840 р. (Кобзар.— С. 5—11).— Док. № 259.

[152] Перебендя — химерна людина, у даному випадку кобзар (від слова перебендювати, перебирати, вередувати).— Твір «Перебендя» теж написаний, очевидно, 1839 р. і вперше надрукований 1840 р. (Кобзарь.— С. 13—20).— Док. № 259.

[153] Гребінка Євген Павлович (1812—1848) — український письменник. На вечорах у П. Гребінки Т. Г. Шевченко познайомився з В. Г. Белінським, М. Момбеллі та іншими

передовими діячами російської та української культури і літератури. 1841 р. Гребінка видав альманах «Ластівка, в якому були опубліковані вірші Шевченка («Вітре буйний», «Причинна», «На вічну пам'ять Котляревському», «Тече вода в синє море» та перший розділ поеми «Гайдамаки».— Док. № 259.

[154] Поема «Катерина» написана приблизно в 1838 р. і вперше надрукована 1840 р. (Кобзар.— С. 21—67) із значними цензурними купюрами.— Док. № 259.

[155] Слова «Не спрашивайте за что люди» в тексті написані двічі.— Док. № 259.

[156] «Тополя» орієнтовно написана 1839 р. Вперше надрукована 1840 р. (Кобзар.— С. 69—82) з присвятою «П. С. Петровской». (Петровська Пелагія Степанівна — сестра художника Петровського, приятеля Шевченка до Академії мистецтв). У наступних виданнях присвяти немає.— Док. № 259.

[157] Йдеться про вірш «Думка» («Нащо мені чорні брови»), який вперше був надрукований 1840 р. (Кобзар.— С. 83—87).— Док. № 259.

[158] Вірш «До Основ'яненка» написаний приблизно 1839 р. Вперше надрукований 1840 р. (Кобзар.— С. 89—96) із значними цензурними купюрами.— Док. № 259.

[159] Йдеться про Антона Андрійовича Головатого (див. прим. 44).— Док. № 259.

[160] Твір «Іван Підкова» написаний орієнтовно 1839 р. Вперше надрукований 1840 р. («Кобзарь».— С. 97—103).— Док. № 259.

[161] Штернберг Василь Іванович (1818—1845) — художник-пейзажист, приятелював з Т. Г. Шевченком під час навчання в Академії художеств. Шевченко присвятив Штернбергу поезію «Іван Підкова» та подарував «Кобзар» з віршованою присвятою: «На незабудь». У 1839 р. Штернберг виїхав в Італію, де й помер.— Док. № 259.

[162] Тарасова ніч — ніч розгрому армії польського гетьмана Конецпольського. У поемі відтворено повстання українського народу проти польської шляхти навесні 1630 р., очолюваного Тарасом Федоровичем (Трясилом). Вирішальний бій відбувся 15 (25) травня під Переяславом. Орієнтовна дата остаточної редакції твору «Тарасова ніч» 1839 р. Вперше надруковано 1840 р. (Кобзарь.— С. 105—114) із значними цензурними купюрами.— Док. № 259.

[163] Мартос Петро Іванович (1809 — р. см. невід.) — поміщик з Полтавщини. Фінансував видання «Кобзаря» 1840 р. Автор спогадів «Эпизоды из жизни Шевченка» (Вестник Юго-Западной и Западной России.— 1863.— № 4.— С. 32—42).— Док. № 259.

[164] Конецпольський Станіслав (1591—1646) — польський магнат, коронний гетьман, власник величезних маєтків на Брацлавщині. Брав участь у війнах з Туреччиною, Швецією. Після повернення з турецького полону 1623 р. очолював польсько-шляхетське військо на Україні. Жорстоко придушив селянсько-козацькі повстання 1637—1638 р.— Док. № 259.

[165] Йдеться про Василя Івановича Григоровича — див. прим. 142.— Док. № 259.

[166] «Nie pozwalam» — не дозволяю.— Док. № 259.

[167] Понятовський Станіслав Август (1732—1798) — останній король Польщі (1764—1795). Походив з магнатського роду Понятовських. Став королем дякуючи підтримці російської імператриці Катерини II та прусського короля Фрідріха II, проводив політику, що відповідала інтересам російського уряду та польських магнатів.— Док. № 259.

[168] Пулавський і Пац — польські шляхтичі, що очолювали опозицію проти Понятовського, керували повстанням польської шляхти. За допомогою царського війська повстанців було розбито.— Док. № 259.

[169] Конфедерації — об'єднання збройні союзи польської шляхти, невдоволеної політикою Понятовського, зокрема, законом 1768 р., за яким православні зрівнювалися у правах з католиками, а права шляхти обмежувалися. Конфедерації виступали під гаслом оборони католицької віри, шляхетської волі. Найміцнішою конфедерацією була Барська (м. Бар на Поділлі) на чолі з Пулавським. Коліївщина 1768 р. була відповіддю українського народу на експлуатацію і знущання польської шляхти— Док. № 259.

[170] Скутар — частина міста Стамбул, розміщена на азіатському березі Босфора.— Док. № 259.

[171] Див. док. № 244.— Док. № 259.

[172] Див. док. № 249.— Док. № 259.

[173] Див. док. № 250.— Док. № 259.

[174] Енгельгард Панло Васильович (1799—1849), гвардії полковник, поміщик. У нього 4 травня 1838 р. був викуплений з кріпацтва Т. Г. Шевченко. Про Енгельгарда Шевченко розповів у повісті «Художник».— Док. № 260.

[175] Вієльгорський Михайло Юрійович (1787—1856) — граф, відомий в 40-х рр. у Петербурзі віолончеліст. Брав участь у викупі Шевченка з кріпацтва.— Док. № 260.

[176] Сажин Михайло Макарович (р. н. невід.— 1885) — художник-пейзажист. Знайомий Т. Г. Шевченка по Академії художеств. 1846 р. жив у Києві разом з Шевченком у будинку на Козиному болоті (тепер Шевченківський провулок, № 8, будинок-музей Т. Г. Шевченка). Йому належать картини і малюнки з зображеннями архітектурних споруд і краєвидів Києва: «Видубицький монастир у Києві» і «Щекавиця — місце, де похований князь Олег» та ін.— Док. № 261.

[177] Башилов Михайло Сергійович (1821—1870) — художник-ілюстратор. Працював також як живописець і карикатурист. Закінчив Харківський університет. Т. Г. Шев-

ченко познайомився з ним 1843 р., ймовірно, в Лиювиці. Башилов разом з Я. П. де Бальменом ілюстрував рукописного «Кобзаря» Шевченка (1844); кожний з них виконав по 39 ілюстрацій: заставок, кінцівок і заголовних літер. Башилов, зокрема, ілюстрував «Перебендю», «Катерину», «Тополю, «До Основ'яненка», «Іваиа Підкову», «Тарасову ніч». На першій сторінці книжки Башилов намалював портрет Шевченка.— Док. № 261.

[178] Затверджуючи доповідь Орлова, Микола I проти прізвища Шевченка написав: «Под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать». Про цей царський вирок 19 червня 1857 р. поет зробив такий запис у щоденнику: «Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачиее казии нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный Оренбургский корпус солдатом. Вот где причина моих невыразнмых страданий. И ко всему этому мне еще запрещено рисовать. Отнято благородней[шу]ю часть моего бедного существования. Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнестн такого холодного, иечеловеческого приговора. А бездушные исполнители приговора исполиили его с возмутительною точностью.

Август-язычник, ссылая Назона к диким гетам, ие запретил ему писать и рисовать. А христианин Н[иколай] запретил мне то и другое. Оба палачи». (*Шевченко Тарас.* Повн. зібр. творів. : У 6 т.— К., 1963.— Т. 5.— С. 22). Казарма неймовірно гнітила Шевченка. Згодом Новопетровське укріплення він иазвав «безграничиой тюрьмой».— Док. № 263.

[179] 2 червня 1847 р. Т. Г. Шевченка, переодягнеиого в солдатську шинелю, під наглядом фельд'єгера Віддера було відправлено до Оренбурга. Його везли без зупинок. 9 червня об 11 годині вечора привезли в Оренбург, і зарахували в Оренбурзький лінійний батальйои, № 5, розташований в Орську. Цю подорож Шевченко згадував, коли через десять років проїжджав повз Симбірськ (нині Ульяновськ). Він з іронією писав у «Щоденнику»: «Во мне была (как я после узнал) экстренная иадобность в Оренбурге, и потому-то фельдьегерь неудобозабываемого Тормоза ие дремал. Он меня из Питера иа осьмые сутки поставил в Оренбург, убивши только одну почтовую лошадь иа всем пространстве» (*Шевченко Тарас.* Повн. зібр. творів.— Т. 5). Кілька днів Шевченко прожив в Оренбурзі, спочатку в пересильній тюрмі, а потім казармі. В середиии червня поета відправили з Оренбурга в Орську фортецю за 265 верст на південиий схід. Подорож з Оренбурга до Орська Шевченко згодом описав у повісті «Близнецы». До Орська поет прибув 23 червня, де його було призначено до третьої роти.— Док. № 263.

[180] Твердження про те, що Т. Г. Шевченко виявляв каяття під час оголошення вироку спростовується всією його творчістю. Поет і ие думав каятися. Більше того, він писав вірші в казематі III відділення. Ці вірші свідчать про иепохитність поета-революціонера. Адже в жодному рядку иемає й тіні каяття. Поет висловлював тільки жаль, що до арешту так мало зробив.— Док. № 264.

[181] Товариство заохочення художників — об'єднаиия любителів мистецтва, засноване 1821 р. в Петербурзі з ініціативи групи дворян-мецеиатів. Воно ставило метою сприяти поширенню мистецтва і допомагати окремим художиикам шляхом організації виставок, направлення художників за кордон, звільнеиия художників від кріпосної залежності тощо.— Док. № 265.

[182] Див. док. № 265.— Док. № 266.

[183] Оренбурзькі лінійиі батальйони — лінійне військо царської Росії, яке було створене у 1804 р. і здебільшого охороняло кордони та фортифікаційиі оборониі лінії.— Док. № 266.

[184] Див. док. № 268.— Док. № 269.

[185] Днв. док. № 268.— Док. № 270.

[186] Обручев Володимир Опанасович (1793—1866) — генерал, оренбурзький військовий губернатор і командир Оренбурзького корпусу (1842—1851). Дуже суворо поводився з підлеглими. Хоч він, як свідчить чиновник Оренбурзької прикордонної комісії Ф. М. Лазаревський, і приймав у себе Т. Г. Шевченка, але після доносу прапорщика Ісаева у 1850 р. поставився до поета иадзвичайно жорстоко.— Док. № 271.

[187] Див. док. № 270.— Док. № 271.

[188] Вілаид Крістоф-Мартін (1733—1813) — німецький письмеииик, просвітитель, філософ. Автор творів «Агатон», «Абдерітяии», «Оберон» та ін.— Док. № 273.

[189] У тексті «Мондеске». Монтеск'є Шарль-Луї (1689—1755) — французький просвітитель, письменник. У своїх творах («Перські листи», «Про дух законів» тв ін.) Монтеск'є піддав критиці феодально-абсолютиський лад Франції.— Док. № 273.

[190] Підпис нерозбірливий.— Док. № 273.

[191] «Живописная Украина» — серія офортів, задумаиа Т. Г. Шевченком ик періодячне видаиия про історичне минуле, народний побут і звичаї, природу та історичні пам'ятки Україии. Перші три офорти «Живописной Украины» — «У Києві», «Судна рада», «Дари в Чигирині 1649 року» — вийшли в серпні 1844 р., остаині «Старости», «Кавказ», «Видубецький монастир» — десь у вересні того ж року. Чи посилан Шевченко «Живописную Украину» в Харківськнй університет — невідомо.— Док. № 274.

[192] Дата встановлена на підставі «Реестра бумагам, находящимся в этом деле», арк. 6.— Док. № 275.

[193] Див. док. № 274.— Док. № 275.

[194] Див. Тарас Шевченко. Повне зібрання творів у шести томах, т. VI. К., 1964, стор. 303—311.— Док. № 275.

[195] Йдеться про дев'ять документів Лубенської полкової канцелярії за першу половину XVIII ст., зібрані Т. Г. Шевченком під час археографічної експедиції на Полтавщину. Вони в цьому виданні не друкуються.— Док. № 275.

[196] Див. док. № 271.— Док. № 275.

[197] Див. док. № 272, 273.— Док. № 275.

[198] Рєпніна Варвара Миколаївна — див. т. 1, ч. IV, прим. 4.— Док. № 276.

[199] Див. т. 1, док. № 69.— Док. № 277.

[200] Див. док. № 278.— Док. № 279.

[201] Текст від слів «службою занимается усердно» до слів «заниматься рисованием» підкреслений вертикальною лінією.— Док. № 279.

[202] Толмачов Опанас Омелянович — генерал-лейтенант, начальник 23-ї піхотної дивізії, до складу якої входили Оренбурзькі лінійні батальйони.— Док. № 279.

[203] Див. док. № 278.— Док. № 280.

[204] Див. док. № 279.— Док. № 280.

[205] «Исторический вестник» — російський щомісячний історичний журнал, що видавався в Петербурзі 1880—1917 рр.— Док. № 280.

[206] Тут помилка: треба «В феврале».— Док. № 281.

[207] Див. док. № 276.— Док. № 281.

[208] Див. док. № 279.— Док. № 281.

[209] Див. док. № 280.— Док. № 281.

[210] Див. док. № 280.— Док. № 282.

[211] Див. док. № 284.— Док. № 283.

[212] Перовський Василь Олексійович (1794—1857) — граф, комаидир Оренбурзького корпусу, з 1851 р.— оренбурзький генерал-губернатор. За висловом Т. Г. Шевченка «бездушний сатрап і наперсник царя».— Док. № 283.

[213] Датується за док. № 283.— Док. № 284.

[214] Йдеться про наукову гідрографічну експедицію, очолювану капітан-лейтенантом О. І. Бутаковим, яка відома під назвою Аральської експедиції. З Оренбурга експедиція вирушила 11 травня 1848 р. і 5 жовтня 1848 р. зупинилася на зимівлю на о. Кос-Арал. У друге плавання експедиція вирушила 6 травня. Закінчилося воно в листопаді 1849 р. Т. Г. Шевченко до цієї експедиції був включений завдяки клопотанню штабного капітана К. І. Герна. Протягом осені і зими 1848—1849 рр. Шевченко намалював ряд акварелей: «Шевченко серед учасників експедиції на березі Аральського моря», «Шевченко на березі Аральського моря», «Шхуна біля форту Кос-Арал» та ін. На початку листопада Шевченко повернувся до Оренбурга для опрацювання матеріалів експедиції. Тут він зблизився з польськими революціонерами-засланцями.— Док. № 284.

[215] Скорбут — цинга.— Док. № 284.

[216] Див. док. № 284.— Док. № 285.

[217] Див. док. № 276.— Док. № 285.

[218] Див. док. № 281, 282.— Док. № 285.

[219] Див. док. № 284.— Док. № 286.

[220] Бутаков Олексій Іванович (1816—1869) — капітан-лейтенант, пізніше контр-адмірал. У 1848 р. очолював експедицію по вивченню Аральського моря, в складі якої перебував Т. Г. Шевченко. В листі до В. Рєпніної від 14 листопада 1849 р. Шевченко так характеризував Бутакова: «Это друг, товарищ и командир при описании Аральского моря. Сойдитесь с ним, благодарите его за его доброе, братское со мною обращение. Он, ежели встретитесь с ним, сообщит все подробности обо мне». Бутакову довелося зазнати утисків від царського уряду за людяне ставлення до Шевченка, зокрема, за дозвіл малювати. 1853 р. за пропозицією німецького вченого Гумбольдта, Бутакова обрано почесним членом Берлінського географічного товариства.— Док. № 288.

[221] Орська фортеця у середині XIX ст. була невеличким містечком, оточеним земляним валом. З Оренбурга в Орськ Т. Г. Шевченко був доставлений по етапу 22 червня 1847 р. В Орській фортеці він пробув з перервами мало не півтора року.— Док. № 288.

[222] На цьому аркуші були листи Т. Г. Шевченка (див. док. № 287, 288).— Док. № 289.

[223] Див. док. № 263.— Док. № 290.

[224] Йдеться про лист від 6 березня 1850 р. чиновника Оренбурзької прикордонної комісії Сергія Петровича Левицького (1822—1855) до Шевченка (з Шевченком знайомий з 1847 р.), в якому він розповідав про своє знайомство з магістром математичних наук Харківського університету Миколою Олексійовичем Головком (1825—1850) і передав політичні висловлювання Головка щодо Шевченка: «Вас не стало, а на місто того стало більш людей аж до 1000, готових стоить за все, що ви казали і що кажуть люде, для котрих правда така голосна і велнка істина». Головко застрелився під час обшуку в його квартирі у 1850 р. в зв'язку з арештом Шевченка. Особисто знайомий з Шевченком він не був. За зв'язок з Шевченком у тому ж році був заарештований і Левицький в Петербурзі. Осиов-

ною причиною арешту послужив вищезгаданий лист (Див.: Киевская старина.— 1900.— № 9.— С. 322—323; Листи до Т. Г. Шевченка.— К., 1962.—С. 78—79). — Док. № 290.

[225] У тексті помилково «1848 г.» — Док. № 291.

[226] Марія Миколаївна — велика княгиня, сестра Олександра II, президент Академії художеств у Петербурзі.— Док. № 292.

[227] Див. док. № 293.— Док. № 295.

[228] Див. док. № 191.— Док. № 295.

[229] Див. т. 1, док. № 467—471.— Док. № 295.

[230] Див. док. № 294.— Док. № 296.

[231] Далі закреслено: «Из препровождаемой при сем справке записано В[ашим] с[иятельст]вом изволите усмотреть».— Док. № 296.

[232] Далі закреслено: «Согласно желанию В[ашего] с[иятельст]ва».— Док. № 296.

[233] Див. док. № 298.— Док. № 297.

[234] Див. док. № 295.— Док. № 299.

[235] Див. док. № 297.— Док. № 300.

[236] Див. док. № 300.— Док. № 301.

[237] У тексті помилково «1848 г.» — Док. № 302.

[238] Текст від слів «Художник Тарас Шевченко», до слів «своего таланта к живописи» див. док. № 302.— Док. № 303.

[239] Лазаревський Михайло Матвійович (1818—1867) — один з шести братів Лазаревських. Закінчив Ніжинський ліцей 1837 р. З 1846 р. працював в Оренбурзі попечителем прилінійних киргизів, один з найближчих друзів Т. Г. Шевченка з періоду заслання і до кінця життя. Наприкінці 1847 р. М. М. Лазаревського переведено на посаду радника Петербурзького губерського правління. У другій половині 50-х рр. його призначено управителем маєтків і справ графа О. С. Уварова. Лазаревський допомагав Шевченкові матеріально, листувався з ним і прийняв на квартиру після повернення його із заслання.— Док. № 304.

[240] Йдеться про президента Академії художеств, відомого модельєра, скульптора і гравера Толстого Федора Петровича, з яким Т. Г. Шевченко особисто познайомився 28 березня 1858 р. після повернення із заслання. Ф. П. Толстой та його дружина Анастасія Іванівна допомагали Т. Г. Шевченкові визволитися з засланин і повернутися до Петербурга в Академію художеств. Очевидно до них переселився Т. Г. Шевченко від М. М. Лазаревського.— Док. № 307.

[241] Так у тексті.— Док. № 310.

[242] «Кобзарь» (нищий бандурист) малороссийское стихотворение, содержание которого изложено в прилагаемой выписке, имеет предметом воспоминания о прежней Малороссии.— *Прим. док.*— Док. № 311.

[243] «Украйна» и «Михайло Чарнышенко». *Прим. док.*— Док. № 311.

[244] «Українські балади» і «Вітка». *Прим. док.* (див. також т. 1, ч. I, прим. 145—146.— Док. № 311.

[245] І після цього «дозволу» цензура пильно стежила за виданнями творів Адама Міцкевича, зокрема закордонними, всіляко обмежуючи їх ввезення до імперії (*Бородін В. С.* Т. Г. Шевченко і царська цензура.— К., 1969.— С. 110; *Беккер И.* Произведения Мицкевича и царская цензура // Литература славянских народов, 1956.— Вып. 1.— С. 117—143).— Док. № 311.

[246] Див. т. 1, док. № 75.— Док. № 314.

[247] Датується за оригіналом висновку, який зберігається у Державному музеї Т. Г. Шевченка. А—9, арк. 9—10. Його опублікував В. С. Бородін.— Док. № 316.

[248] «Русская мысль» — щомісячний літературний, науковий і політичний журнал, виходив у Москві в 1880—1918 рр.— Док. № 316.

[249] «Начала» — журнал, який виходив 1921—1922 рр. у Петрограді.— Док. № 316.

[250] Див. док. № 314.— Док. № 317.

[251] Оригінал втрачений. Із справи він був вилучений напевне, 4 червня 1907 р., про що свідчить довідка помічника начальника архіву від 12 жовтня 1912 р. (Ч. VI, арк. 2, 3), а також запис на арк. 143: «Расписка Шевченко в получении портфеля с материалами от 29 января 1859 г.» — Док. № 318.

[252] «Глобус» — український двотижневий ілюстрований журнал, в якому висвітлювалися питання науки, мистецтва, літератури і спорту, а також друкувалися документи з історії революційного руху. Видавався 1923—1935 рр. у Києві.— Док. № 318.

[253] Див. док. № 297.— Док. № 319.

[254] Див. док. № 319.— Док. № 320.

[255] У тексті помилково «1848 г.» — Док. № 321.

[256] Цей текст — розпорядження III відділення був надісланий 23 травня 1859 р. за № 1078 полковникові корпусу жандармів у Чернігівській губ. Шульговському і за № 1079 — полковникові корпусу жандармів у Полтавській губ. Лаптеву.— Док. № 321.

[257] Покрытками в Малороссии называются те крестьянские девушки, которые до замужества своего потеряли девство и имели детей. *Прим. док.*— Док. № 322.

[258] Див. док. № 322.— Док. № 324.

[259] У тексті: Можарицького.— Док. № 325.

[260] Парчевський Никодим Павлович (1813— р. см. невід.) — багатий поміщик Черкаського повіту. В липні 1861 р. він доносив, що у Каневі на могилі Т. Г. Шевченка існує змова (Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах.— К., 1950.— С. 266—268, 273—278).— Док. № 325.

[261] Про це днв. також рапорт черкаського земського справнпка київському губернаторові про «богохульство» Т. Г. Шевченка під час його перебуванпн в Черкаському повіті (Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах.— С. 220—222).— Док. № 325.

[262] Див. док. № 324.— Док. № 326.

[263] У тексті помнлково «нюня».— Док. № 327.

[264] Йдеться про цукрозаводчиків Платона Федоровича Снмиренка, колишнього кріпака Федора Степановича Симпренка, сина кріпака Кіндрата Михайловича Яхненка. Під час перебування на цукровому заводі у с. Городнщі на Київщині Т. Г. Шевченко домовився з П. Ф. Снмиренком про позику на видання «Кобзаря» з умовою, що борг у сумі 1100 крб. буде повернуто прнмірниками книги. На титульній сторінці «Кобзаря» 1860 р. зазначено: «Коштом Платона Снмиренка». Тут же в Городищі Т. Г. Шевченко познайомився і з К. М. Яхненком, якнй очолював фірму «Яхненко-Симиренко».— Док. № 327.

[265] Потапов Олександр Львович (1818—1886) — генерал-ад'ютант, був начальником штабу корпусу жандармів і керуючим III відділенням в 1861—1864 рр., шефом жандармів і головним начальником III відділення в 1874—1876 рр.— Док. № 328.

[266] Підпис нерозбірлнвий.— Док. № 328.

[267] У тексті: Потиву.— Док. № 329.

[268] Див. док. № 328.— Док. № 329.

Частнна сьома

СПРАВА О. О. НАВРОЦЬКОГО

[1] Див. док. № 330.— Док. № 331.

[2] Див. т. 1, док. № 40, 41.— Док. № 331.

[3] Див. док. № 331.— Док. № 333.

[4] Див. док. № 348, 349.— Док. № 333.

[5] Лермонтов Мнхайло Юрійович (1814—1841) — російський письменник. На загибель О. С. Пушкіна 1837 р. відгукнувся гнівним віршем «Смерть поета».— Док. № 334.

[6] Днв. док. № 11.— Док. № 335.

[7] Див. т. 1, док. № 493.— Док. № 336.

[8] Власноручний підпис — «Иван Пасяда». В офіційннх документах — «Посяда, Посяденко».— Док. № 338.

[9] Середа Яким Іванович був вятськнм цивільним губернатором 1846—1849 рр.— Док. № 341.

[10] Днв. док. № 372—374.— Док. № 342.

[11] Казанський університет заснований 1804 р. З ним пов'язані імена М. М. Зініна, О. М. Бутлерова, І. М. Симонова, С. Т. Аксакова, Л. М. Толстого, М. О. Бакірєва, Каюма Насрі, М. І. Лобачевського. 1887 р. у Казанському університеті вчнвся і вів революційну діяльність В. І. Ленін.— Док. № 342.

[12] Пасяда Іван Якович (днв. т. 1, ч. І, прим. 39) закінчив Казанський університет 1848 р. і 11 вересия того ж року подав дисертацію про М. В. Гоголя на звання кандидата. Дисертація мала назву «Значение первых пронзведений Гоголя в русской литературе вообще и их заслуга для народностн. Рассуждение студ. 1-го отделения философского факультета Ив. Пасяды». Вона написана чітким почерком на 36 двосторонніх аркушах. На титульному аркуші є власноручні позитивні відгукн чотирьох професорів університету (Наукова бібліотека ім. М. І. Лобачевського (Казань). Відділ рукописів, спр. 5995).— Док. № 342.

[13] Див. док. № 342.— Док. № 343.

[14] Див. док. № 341.— Док. № 344.

[15] Див. док. № 340.— Док. № 345.

[16] Див. док. № 347.— Док. № 345.

[17] Днв. док. № 341.— Док. № 345.

[18] Див. док. № 344.— Док. № 345.

[19] Днв. док. № 341.— Док. № 347.

[20] Див. т. 1, док. № 40.— Док. № 348.

[21] Див. док. № 348.— Док. № 349.

[22] Див. док. № 333.— Док. № 349.

[23] Див. док. № 341.— Док. № 350.

[24] Див. док. № 350.— Док. № 351.

[25] Днв. док. № 343.— Док. № 352.

[26] Підпис нерозбірлнвий.— Док. № 352.

[27] Див. док. № 353.— Док. № 354.
[28] Див. док. № 276.— Док. № 354.
[30] Днв. док. № 353.— Док. № 355.
[30] Закреслено: в настоящее время.— Док. № 355.
[31] Закреслено: Об нем.— Док. № 355.
[32] Підпис від слів «всепокорнейшая слуга» написанний рукою Навроцької.— Док. № 356.
[33] Йдеться про Олексія Васильовнча Капніста (1796—1869). На службу вступив підпрапорщиком в лейбгвардійський Ізмайлівський полк. У 1822 р. був ад'ютантом у генерала Раевського. Підозрівався в приналежності до товарнства декабрнстів (Був заарештований і кинутнй до Петропавлівської фортеці). У 1827 р. залншив військову службу. Був миргородськнм повітовим предводителем дворянства (1832—1835 рр.).— Док. № 357.
[34] Див. док. № 358.— Док. № 357.
[35] Йдеться про Івана Васнльовича Капніста (1795—1860), який спочатку служнв у міністерстві юстиції, з 1826 р. був миргородськнм повітовим, а потім з 1829 р.— полтавськнм губернським предводителем дворянства. З 1842 р. він смоленськнй, а згодом московський цнвільнний губернатор.— Док. № 357.
[36] Днв. док. № 353.— Док. № 357.
[37] Див. док. № 359.— Док. № 360.
[38] Днв. док. № 359.— Док. № 361.
[39] Див. док. № 358.— Док. № 362.
[40] Днв. док. № 362.— Док. № 363.
[41] Дурасов Федір Олексійович (1785 — помер після 1852) — сенатор межового департаменту; з 1829 — в. о. обер-прокурора межового департаменту; з 1838 р.— обер-прокурор Сенату, з 1845 р.— таемнний радник, 1848 — сенатор. У 1849 р. був призначенй членом змішаної військово-судової комісії Петербурзької фортеці. З 1852 р.— сенатор межового департаменту.— Док. № 364.
[42] Див. док. № 365.— Док. № 364.
[43] У тексті: забрав.— Док. № 364.
[44] Дата одержаиня.— Док. № 365.
[45] Див. док. № 364.— Док. № 366.

Частина восьма

СПРАВА Г. Л. АНДРУЗЬКОГО

[1] Див. док. № 369.— Док. № 368.
[2] Див. док. № 367.— Док. № 369.
[3] Днв. т. 1, док. № 329.— Док. № 370.
[4] Див. док. № 375—382, 383—408, 441—463.— Док. № 370.
[5] Див. док. № 372, 373.— Док. № 370.
[6] Далі закреслено: «рассмотри же все три п».— Док. № 372.
[7] Далі закреслено: купеческое, ремесленное, крест[ьяиское]».— Док. № 372.
[8] Далі закреслено: податных крестьнн, кому бы то нн было — государству или частным лнцам».— Док. № 372.
[9] Далі закреслено: «и гражданские».— Док. № 372.
[10] Далі закреслено: «жаловать каждого по заслугам в оное достоинство».— Док. № 372.
[11] Далі закреслено: «крестьян».— Док. № 372.
[12] Два слова не прочитано.— Док. № 372.
[13] На арк. 6 напис: Бумаги Андрузского на 67 листах. Помо[щнпк] нач[альннка] архива А и т о н о в. На арк. 7: Проекты, найденные у студента университета св. Владимира Аидрузского. На арк. 8: Бумаги студента университета св. Владнмнра Андрузского. На арк. 9: В снх бумагах одннадцать листов. Гражданский губернатор Ф у н д у к л е й. За попечителя Киевского учебного округа М. Ю з е ф о в н ч. Корпуса жандармов полковник Б е л о у с о в.— Док. № 372.
[14] Далі закреслено: «по родству».— Док. № 373.
[15] Далі закреслено: «быть отрываемо, ибо цехи поддерживают деятельность градскнх».— Док. № 373.
[16] Далі закреслено: «гражданское».— Док. № 373.
[17] Далі закреслено: «ремесленное, цеховое».— Док. № 373.
[18] Далі закреслено: «власть».— Док. № 373.
[19] Слово не прочитано.— Док. № 373.
[20] Далі закреслено: «при чем прилагается протест».— Док. № 373.
[21] Далі закреслено: «внешнее».— Док. № 373.

[22] Далі закреслено: «протесты за нарушения им общих и коренных законов».— Док. № 373.

[23] Далі закреслено: «если ж кто напечатал глупость, то...» — Док. № 373.

[24] Далі закреслено: «разрешение университетов, или же ие» — Док. № 373.

[25] Далі закреслено: «награждение».— Док. № 373.

[26] Два слова ие прочитаио.— Док. № 373.

[27] На арк. 14 алфавіт, яким користувався Г. Л. Андрузький, а також варіант вірша «Санджарівна» (див. док. № 484):

Чи то тепло сяє,
Сонце в спиину гріє,
Та не нагріває.
Серце чує щастя,
(Щастя не зная).
Слыхали ль вы братцы
У поход велят.
Була колись годниочка
Більше чи й буде,
Хто чув про ту годиину
І вмре — не забуде!
Із-за хмари ясне сонце
На люд оглянулось,
Враїноньці нещасливій
Щастя усміхнулось.
То Богданко пир великий
На весь мир робив,
За свободу вкраїнськую
З козаками пив.
Й що діється теперечки
Хто б тоді сказав?
Хто посмів би, поперхиувся б
І на місці б застряв.
Мине время, минуть люди,
Іще іише буде,
Хто про тую годиноньку
Вспоминати буде?
Пройде козак по під лісом —
Листя зашопотить
Пройде козак по бережку
Хвилька зажурчить.
Під хмарою ж божа пташка
Відтиль поглядає
Нібить вона слободиая
У його питає.
На могилі крячок скаче
Про могили кряче
У садочку зозуленька
Кує щось згадує
Козак плаче і сам не знає
Чого серце иие
Чого часом нудить світом,
А часом радіє.
Заспіває він так жалібно
Луна отдається
Він заграє, а музика
І плаче і сміється
Й дума козак про що вітер
В полі гомоиить
Про що йому в темнім лісі
Листя шепотить?
Про ті клади, що в могилах
Високих зариті.
Гадай, гадай тії клади
Лицарі забиті.
Там і тее чого серце
Козацьке бажає,
Бо про волю тільки пісня
Та могила знає.
Пісень дайте, слізок дайте
Лишенько розбавлять
Тільки і щастя те у время
Важко й споминать.
Не хилися ж головонько
Я ще хочу жити
Ще раз, ще раз грай музики,
Співай дужче, кричи дужче
Щоб аж зашуміло
Щоб думонька розлеглася
І серце заніміло! — Док. № 373.

[28] Слово не прочитано.— Док. № 373.

[29] Далі закреслено: «прн сем выдать правительству сумму, необходимую и ...».— Док. № 373.

[30] Перед словами «Господнн платит крестьянам» дві треті аркуша списані алфавітом та окремими словами і цифрами, які не мають між собою зв'язку, а також вірш:

Прости мене моя доно,
Що тебе згубила
Що я тебе невзрачную
На світ породила.
Веди на вбой діток моїх
В ті гори високі
Та напувай їх кревцею
Ті панства широкі
Й сама собі одвоюю
Ті гори високі
Й самісенька розруйную
Ті панства широкі.
Не хвалися Вкраїнонько
Дітками своїми,
Корча петля їх навчила
З'єднатись з моїми.
Зажурилась стара мати,
Аж слізоньки ллються,
А на тее дивлячися
Вкраїнці сміються.
Не дивіться люди,
Що доия вчиила,
Що старую матусеньку
На вік загубила.
Бо такее стало,
Що ще й ие бувало,
Який дідько ие поб'є —
Та й пиши пропало! — Док. № 373.

[31] Далі закреслено: «Если крестьянии оброку уплатить не в состоянии, то помещик имеет право продать из его скота (но не полностью из породы) себе или другому по цене настоящей, удержать плату, требовать услуг за недоимок в вольные дни, принимаи во внимание, сколько бы мог отработать в эти дни».— Док. № 373.

[32] Більшість арк. 16 списано умовними цифровими позначеннями.— Док. № 373.
[33] Далі закреслено: «за недвижимые имущества: 1) имение, 2) домы, 3) лавки, 4) фабрики».— Док. № 373.
[34] Далі закреслено: «более миллиона в заграничном банке иметь не дозволяется».— Док. № 373.
[35] Далі закреслено: «Когда он живет на чужой счет, то содержащие должны за его платить десятую часть собственного платежа».— Док. № 373.
[36] Далі закреслено: «в полтора, втрое и вчетверо».— Док. № 373.
[37] Далі закреслено: «вдвое, когда нет — в полтора, когда выполнены а, в, с — для сего».— Док. № 373.
[38] Далі закреслено: «ото всего этого освобождаются».— Док. № 373.
[39] Далі закреслено: «от присяги освобождаются».— Док. № 373.
[40] Далі закреслено: «не более 20 (10) руб. серебром если, тоже разумей и о царских крестьянах, если не имеет собственности, а имея ее».— Док. № 373.
[41] Далі закреслено: «и прибыли от собственности».— Док. № 373.
[42] Далі закреслено: «летом».— Док. № 373.
[43] Далі закреслено: «хотя и освобождается от телесного наказания совершенно от прочих властей освободиться продажею имущества».— Док. № 373.
[44] Далі закреслено: «иначе же должен сперва откупиться: внести одновременно 1000 руб.».— Док. № 373.
[45] Далі закреслено: «уплатив за них по 1000 руб. поставки».— Док. № 373.
[46] Слово не прочитано.— Док. № 374.
[47] О нем любовь, он и повелевает, вечно все и всему любить.— Док. № 374.
[48] На арк. 36 зв., 17 «Символ веры» викладено в такій редакції:

Верою в единого бога, кого ни разум постигнуть, ни сердце возчувствовать ни чтолибо распознать может в ком и от него все истинное, доброе, прекрасное. Он сопрягается начало с концом и полагает в конце начало, в жизни прелагает смерть и смертью обновляет жизнь; без него ничего не было и быть не может и никто не отыщет начало может. Создатель, жиздитель, промышлитель, предвечный и вечный. Верую в бессмертие духа, в рай: слияние, но не уничтожение духа в боге; в ад: раз'единение духа с богом. Верую в спасение вечное через веру в бога и правую жизнь, всяк спасается, кто творит ради его.

Ему же нет имени, а всяк бог дыхание хвалит. В себе пребывает и никто не укажет место бытия его. Верую в жизнь вечную, рай и ад всякого духа, живящего человека, и тварь, и былиночки грех рвать, с сознанием делать зло, но не вменятся в грех исумышленность. Верую в сопричащение богу духом и в силу раскаяния.

Мера награды: мера самобытности в слиянии; наказание ж: мера сознания отчуждения; сознание зла, совесть карает.— Док. № 374.

[49] Датується за док. № 383. Другий зошит, нумерація аркушів якого є продовженням нумерації аркушів першого зошита, відкривається віршем «Ты мне в удел творец, не первый дал венец», під яким дата — 28 серпня 1846 р. Отже, до першого зошита попали твори, писані раніше.— Док. № 375—382.
[50] Далі закреслено: «как спать ложатся, мать читает».— Док. № 378.
[51] Далі закреслено: «философа».— Док. № 378.
[52] То селянська мова (пол.).— Док. № 378.
[53] Далі закреслено: «в матушке России, да и в нашей благославенной Украине».— Док. № 378.
[54] Брамбеус — псевдонім російського письменника і сходознавця, професора Петербурзького університету Осипа Івановича Сенковського (1800—1858). Перу Сенковського належать статті, присвячені доісламській Аравії, стародавній арабській поезії. Співробітничав у «Северной пчеле» і «Библиотеке для чтения». Був тісно зв'язаний з Ф. Булгаріним і М. Гречем.— Док. № 378.
[55] Булгарін Фадей Венедиктович (1789—1859) — російський письменник. Автор псевдоісторичних творів та поліцейсько-дидактичних романів. Видавав (разом з М. Гречем) газету «Северная пчела».— Док. № 378.
[56] Слово не прочитано.— Док. № 378.
[57] На арк. 26—27 азбука, якою користувався Г. Л. Андрузький, а також записи приказок, окремих висловів.— Док. № 378.
[58] Далі закреслено: «народа».— Док. № 378.
[59] Далі закреслено: «а польский язык за горами? Рааве этот не с родни».— Док. № 378.
[60] Далі закреслено: «коре».— Док. № 378.
[61] Варіанти на арк. 50: Cicho w niebie księżyk płonie okrąż niego gwiazdy siają.— Тихо в небі пливе місяць, навколо нього сіяють зорі.

Пред мною Печерская лавра, я шапки крестам не снимаю,
Не слушаю тихого звона: к иной поспешаю вечерне.
И жалко мне стало монахов-от света, от жизни отречься.
Пред мною Печерская лавра, я шапки крестам не снимаю,

Не слушаю тихого звона, смешно мне и грустно за добрых
монахов, по истине добрых, к чему их посты и молитвы
К чему их обеты святые? Ведь разве ..., но вдруг и смутился
И сердце забилось.
С какой-то тревогой, назад оглянулся.
За мною два старца стояли
И тихо на Лавру молилисьI — Док. № 380.

[62] Нумерація аркушів у цьому зошиті є продовженням нумерації аркушів першого зошита. Подається цей зошит окремо на тій підставі, що до змісту включені тільки твори другого зошита (див. док. 408).— Док. № 383—408.
[63] Далі закреслено: «та верба».— Док. № 388.
[64] Далі закреслено: «та вербу».— Док. № 388.
[65] Закреслено: «волнением».— Док. № 393.
[66] Закреслено: «святой».— Док. № 395.
[67] Закреслено: «за горой конь стучить».— Док. № 396.
[68] Закреслено: «краще».— Док. № 397.
[69] Закреслено: «Ой краше їм».— Док. № 397.
[70] Так нельзя сказать — *прим. автора.*— Док. № 397.
[71] Закреслено: «пресвятому «склонись».— Док. № 399.
[72] Закреслено: «пресвятому».— Док. № 399.
[73] Закреслено: «печальною душою».— Док. № 399.
[74] Закреслено: «ха, ха, ха! Помню, помию!».— Док. № 401.
[75] Закреслено: «Не правда ли, друг мой?».— Док. № 401.
[76] Закреслено: «напрасно».— Док. № 401.
[77] Закреслено: «Она мой..., не угодно ли, граф, еще чашечку?» — Док. № 401.
[78] Дитиною — фр.— Док. № 401.
[79] Закреслено: «зачем же она».— Док. № 401.
[80] Закреслено: «пусть ждет».— Док. № 401.
[81] Закреслено: «напишите мне».— Док. № 401.
[82] Закреслено: «А вы художник. Поэт рассматривает альбом, а шатен целует В[арвару] А[ндреевну]».— Док. № 401.
[83] Закреслено: «він журився».— Док. № 404.
[84] Закреслено: «похилившись».— Док. № 404.
[85] Закреслено: «йому тричі».— Док. № 404.
[86] Закреслено: «нього, старци».— Док. № 404.
[87] Закреслено: «нас».— Док. № 404.
[88] Закреслено: «се было».— Док. № 407.
[89] Закреслено: «Прикатил лихо».— Док. № 407.
[90] Закреслено: «Натерпелся, слава богу».— Док. № 407.
[91] Закреслено: «там-то было».— Док. № 407.
[92] На арк. 45 зміст зошита другого (див. док. № 383—407).— Док. № 407.
[93] Початок у слідчій справі відсутній.— Док. № 409.
[94] Йдеться про зруйнувании царським урядом Запорозької Січі 14 травня 1709 р.— Док. № 426.
[95] Йдеться про указ Катерини II 3 травня 1783 р., яким юридично оформлено кріпосне право на Лівобережній Україні.— Док. № 426.
[96] На арк. 50 док. № 380, 381.— Док. № 440.
[97] Текст пошкоджений.— Док. № 449.
[98] Далі закреслено:

Наставницы, друзья, простите.
И в новый путь благословите.
Прощай, бесценный институт.
Не будет там, что было тут.
Услышь нас святая мать.
Внуши прекрасное, благое,
Не дай жалеться на былое
И на текущее роптать.
Наставницы, мы со слезами
Вам твердим печальное прости
Бог прийдется ли нам с вамн
Сойтись на жизнен[ном пути].

Творец, благослови наш путь.
Наш путь, творец, благослови,
Даруй нам в жизни полдень ясный.
Пусть жизнь не будет дар.
Возженная огнем любви.
Пусть жизнь не будет дар напрасный
Услышь нас, святая мать.
Внуши прекрасное благое,
Не дай жалеться на былое
И настоящему пенять
Прости, приют.— Док. № 456.

[99] Цей же вірш за датою 28 серпни 1846 р. див. під № 383.— Док. № 464.
[100] Йдеться про зруйнування генералом П. Текелієм за наказом Катерини II нової Запорізької Січі 4—5 червня 1775 р.— Док. № 465.
[101] Слово не прочитано.— Док. № 465.
[102] Закреслено: выгнали.— Док. № 466.

[103] Отже радіймо — *лат.*— Док. № 470.
[104] На початку арк. 59 вдруге переписаний вірш, який друкується під № 468.— Док. № 470.
[105] Слово не прочитано.— Док. № 472.
[106] Далі йде алфавіт Г. Л. Андрузького.— Док. № 481.
[107] Кінець слова не прочитано.— Док. № 483.
[108] Підпис «Г. Аидрузский» у тексті написано двічі. Перед підписом чотири рядки незв'язаного тексту.— Док. № 483.
[109] Початок відсутній.— Док. № 485.
[110] Текст «Бог есть дух, поклоняйся ж духовно, поклоняйся і направляй» написаний збоку.— Док. № 486.
[111] Слово не прочитано.— Док. № 486.
[112] Див. док. № 374.— Док. № 488.
[113] Слово не прочитано.— Док. № 490.
[114] Пропущена частина вірша повторює вірш під № 480.— Док. № 491.
[115] Два слова не прочитано.— Док. № 491.
[116] Див. док. № 373.— Док. № 495.
[117] Далі йде незв'язаний текст про склад військових частин (роти полка), а також варіант алфавіту Г. Л. Андрузького.— Док. № 495.
[118] На арк. 66. Алфавіт Г. Л. Андрузького.— Док. № 495.
[119] Датується за док. № 497.— Док. № 498.
[120] Моя дорога Маріє (фр.).— Док. № 498.
[121] Так у тексті.— Док. № 502.
[122] «Дами» (фр.).— Док. № 503.
[123] Прощай, дорога сестра Марія, поцілуй за мене всіх моїх братів і сестер. Парасковія Андрузька (фр.).— Док. № 503.
[124] Датується за док. № 501.— Док. № 504.
[125] Датується за док. № 504.— Док. № 505.
[126] Датується за док. № 501.— Док. № 506.
[127] На арк. 80 засвідчувальний напис: «В сих бумагах шестьдесят семь листов. Гражданский губернатор Фундуклей. За попечителя Киевского учбового округа М. Юзефович. Корпуса жандармов полковник Белоусов».— Док. № 506.
[128] Див. док. № 372, 373.— Док. № 507.
[129] Див. док. № 375—408 та ін.— Док. № 507.
[130] Див. док. № 496—506.— Док. 507.
[131] Див. док. № 508.— Док. № 509.
[132] Див. док. № 509.— Док. № 510.
[133] Див. док. № 511—516.— Док. № 510.
[134] На арк. 87 перелік творів і листів, складений архівістами 30 вересни 1927 р. На арк. 88 напис: «Стихотворении Андрузского и другие бумаги 1—5 экземпляров».
Помощник начальника архива (підпис нерозбірливий).— Док. № 510.
[135] Обитель я называю институт (*Прим. авт.*).— Док. № 511.
[136] Мать — Нилова (*Прим. авт.*).— Док. № 511.
[137] Всех — институтах (*Прим. авт.*).— Док. № 511.
[138] Родной сказано вместо «роднне» (*Прим. авт.*).— Док. № 511.
[139] «Люблячн» (фр.).— Док. № 511.
[140] «Смерть» (фр.).— Док. № 511.
[141] Слово не прочитано.— Док. № 511.
[142] Напевно, йдеться про екстраординарного професора російської історії Київського університету Василя Федоровича Домбровського. Народився Домбровський 1810 р. в Гомелі, вчився у повітовому училищі, а потім у Могилевській гімназії. 1825 р. вступив до Ніжинської гімназії вищих наук, де його мати займала посаду кастелянші. Видавав рукописний журнал «Аматуз». Після закінчення гімназії 1831 р. Домбровський працював наглядачем пансіону при гімназії і вчителем німецької мови. 1833 р. він був переведений учителем історії в Києво-Подільське повітове училище, а 1835 р. призначений молодшим учителем географії спочатку Київської губернської, а потім 1-ї гімназії. З 1837 р. Домбровський викладач, а з 1840 р.— екстраординарний професор по кафедрі російської історії. У 1838—1840 рр. виконував обов'язки секретаря І відділення філософського факультету. 1843 р. призначений членом Тимчасової археографічної комісії. Водночас до 1844 р. викладав історію та географію в інституті шляхетних дівчат. Домбровський автор праць: «Острожская старина» («Кіевлянин», 1840 і 1841); «Очерки г. Чернигова и его областн в древнее и новое время» (К., 1846); «О Кременецком замке» («Кіевлянин», 1850).— Док. № 513.
[143] На полі помітка: Должно быть Вещицкий.— Док. № 517.
[144] У Почаєві Т. Г. Шевченко був у другій половині жовтня 1846 р. Про це свідчать такі дані. 21 вересня 1846 р. він одержав розпорядження київського генерал-губернатора виїхати в археографічну експедицію по Київській, Подільській і Волинській губерніях. У четвертому пункті цього розпорядження зазначалося: «Кроме сего, отправьтесь в Почa-

евскую лавру и там снимите: а) общий наружяый вид лавры; б) внутренность храма и в) вид на окрестность с террасы» (Киевская старина.— 1894.— № 2.— С. 239—240). На початку жовтня Т. Г. Шевченко був у Петра Чуйкевича в Кам'янці-Подільському (під записом пісні «Ой Кармелюче, по світу ходиш» зазначено: «От Петра Чуйкевича. Кам'янець, 1846 літа, 3 октября»). У Почаєві записані народні пісні «Ой, у саду, саду», «Ой, пила, вихилила», «Гиля-гиля, селезень», позначені датою 20 жовтня. Тут же Т. Г. Шевченко виконав акварелі: «Почаївська лавра з півдня», «Почаївська лавра з заходу», «Собор Почаївської лаври (внутрішній вигляд)», «Вид яа околиці з тераси Почаївської лаври» і два ескізи олівцем. Із Почаева Шевченко їздив до Кремеиця, Острога, Дубна, Корця. Про перебування в Почаєві і цо подорож Кобзар згадував у повісті «Варнак» (Повн. зібр. творів.— Т. 3.— С. 157). Повертався через Новоград—Волияський та Житомяр і десь до 13 листопада прибув до Кяєва (*Ткаченко М. М.* Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка.— К., 1961.— С. 98—99).— Док. № 517.

[145] Ліст Ференц (1811—1886) — великий угорський композитор, піаніст і громадський діяч, автор понад 700 творів. Гри на фортепіаяо иавчався під керівництвом свого батька. З 9 років брав участь у публічнях концертах як піаяіст. У 1842, 1843, 1847 рр. відвідував Росію та Украіяу, виступав у Петербурзі, Москві, Києві, Одесі, Єлясаветграді. Перебуваючи яа Україні, Ліст створив дві п'єси для фортепіано на українські народні теми — «Українську баладу» на тему «Ой яе ходи, Грицю» та «Скаргу» на тему пісні «Віють вітри».— Док. № 517.

[146] Йдеться про «Киевские губернские ведомости», які видавалися 1838—1917 рр. Спочатку один, з 1865 р.— два, а з 1886 р.— три рази на тиждень.— Док. № 517.

[147] Сковорода Григорій Савич (1722—1794) — видатняй український просвітитель, філософ і поет. Головні філософські й поетичні твори: «Диалог, иля розглагол о древнем мяре», «Разговор пяти пунктов о истянном щастии в жизня», «Разговор, называемый алфавит, яли буквар мир», «Израильский Змий», «Потом змиия», «Басни харьковские» та ін.— Док. № 517.

[148] «Краковский мятеж» — Краківське повстання 1846 р. проти іноземиого пануваяня та феодального гноблення почалося 20 лютого в Краківській республіці, створеній 1815 р. за рішенням Віденського конгресу 1814—1815 рр. Воно мало стати частиною призначеного «Демократичним товариством» на 21 лютого 1846 р. загальнопольського повстання. 22 лютого повстаяці захопили Краків і утворили національний уряд, якяй закликав народ до боротьби за незалежність Польщі і проголосив демократичні права. 27 лютого австрійські війська розбили очолений Е. Дембовським загін, а 3 березня захопили Краків. Понад 1 тыс. учасників повстання було заарештовано. 6 листопада 1846 р. Краків включено до складу Австрійської імперії.— Док. № 517.

[149] У тексті помялково: Пальчикова.— Док. № 517.

[150] Йдеться про осередок польського революційного «Союзу польського народу» в Київському університеті. Союз виник 1835 р. в Кракові і діяв у Польщі, Галичині, Литві, Білорусії і на Україні. Організатором і керівником «Союзу» на Правобережній Україні був Шимон Конарський. Осередок «Союзу польського яароду» був створений у Київському університеті. Організатором його був власник чоловічого пансіону учитель Петро Боровський. Очоляв осередок студент фізико-математичного відділу Владислав Гордон. Помічниками були студенти історико-філологічного відділу Станіслав Віяняцький, Францішек Духаяський, Ксаверій Петрашкевич. Кожен член осередку повинен був залучитя до «Союзу» ще двох. Крім поляків, до осередку входили студенти-українці Сосновський та Олександр Чорний. Всього в осередку було понад 30 чоловік. Вояи складали кілька груп на чолі з керівниками-солтисами. Збори членів «Союзу» не практикувалися. Роботу керівняк групи проводив з кожним зокрема. У травні 1838 р. у Вільно Конарськяй був заарештованяй і в лютому 1839 р. страчений. Один з колишніх членів студентського осередку «Союзу» в Києві Мацейовський, який у той час служив у Вільяо, дояіс міністрові освіти Уварову про існуваняя в Київському університеті таємної організапії і назвав прізвища керівників та учасняків. Почаляся арешти в університеті. Всього було ув'язнено 34 студенти, а до слідства цритягалося 115 чоловік. У березні 1839 р. винесено вирок, за яким 11 студентів (Вінницького, Янишевського, Зржодловського, Сосновського, Петрашкевича, Мілевського, Чорного, Юрковського, Шимаиського, Любовицького і Осецимського) були засуджено до страти.

Правда, Мякола I пом'якшив вирок: шість буля віддані в солдати без права вислугн, з позбавленяям дворянства і відправленням на Кавказ; останяі п'ять були відправлені в Кавказький корпус з правом вислугя. Крім того, 15 студеятів було віддаяо в солдати і 9 студентів переведено в Казаяський університет. П. Боровськяй, А. Бопре і Ф. Михальський буля засуджеяі до стратя. Микола I наказав заміиитя смертяу кару обрядом громадської страти і відправленяям на каторгу. Уиіверситет за розпорядженням Мяколя I був закритяй яа рік, всі студентя виключені.— Док. № 517.

[151] Йдеться про Федотова-Чеховського Олександра Олексійовича (1808—1892).— Док. № 517.

[152] У тексті: на.— Док. № 518.

[153] Див. док. № 456.— Док. № 518.

[154] Див. док. № 372, 373.— Док. № 519.
[155] Див. док. № 517.— Док. № 519.
[156] Див. док. № 37, 262, 518.— Док. № 519.
[157] Датується за док. № 519.— Док. № 520.
[158] Лобачевський Мякола Іваяович (1792—1856) — математик, творець иеевклідової геометрії. За світоглядом перекоианий матеріаліст. Після закінчеиия Казаиського університету 1811 р. був залишеяий при ньому. З 1816 р.— екстраординярний, з 1822 р.— ординяряий професор Казаиського університету. Був декаиом фізико-математичного факультету (1820—1821, 1823—1825), ректором цього ж уяіверситету (1827—1846), помічииком попечителя Казаиського учбового округу (1846—1856).— Док. № 520.
[159] Див. док. № 342, 343.— Док. № 522.
[160] Див. док. № 521.— Док. № 523.
[161] Дяв. т. 3, док. № 24.— Док. № 523.
[162] Див. док. № 520.— Док. № 524.
[163] Див. док. 526.— Док. № 524.
[164] Див. док. 521.— Док. № 525.
[165] Йдеться про «Русскую грамматяку, по начертаяяю сокращеииой грамматики полиее изложеяиую» О. Х. Востокова (дяв. ч. V, прям. 246).— Док. 527.
[166] Напевно, мається на увазі підручияк М. І. Греча «Практическая русская грамматика», виданий 1827 р.— Док. № 527.
[167] Дяв. т. 1, док. № 49—51.— Док. 529.
[168] Див. док. № 531.— Док. № 530.
[169] Від слів «в котором он» до слів «Троцкого — Сеиютовича» підкреслеио вертикальиою лініею.— Док. № 530.
[170] Див. док. № 531.— Док. № 532.
[171] Див. док. № 534.— Док. № 533.
[172] Див. док. № 535.— Док. № 533.
[173] У тексті помялково: Владимир.— Док. № 536.
[174] Дяв. док. № 536.— Док. № 537.
[175] Див. док. № 532.— Док. № 538.
[176] Див. т. 1, док. № 75.— Док. № 539.
[177] Від слів «Ныне попечитель» до слів «... медицииского факультета» підкреслеио вертикальною лініею.— Док. № 539.
[178] Проти цих слів помітка: ие приложено.— Док. № 539.
[179] Від слів «... у сего препровождаемого» до слів «... в уяяверситете» підкреслеио вертякальною лініею.— Док. № 539.
[180] Від слів «что он» до слів «в настоящем случае» підкреслеяо вертикальиою лініею.— Док. № 539.
[181] Протопопов Дмитро Іваяович (1799—1857) — фармаколог, професор медицини Казаиського університету. Після закінчення 1825 р. університету з званням лікаря І відділеняя Протопопов був призначеяий в. о. наглядача над студентами. Автор «Очерков фармакологии» (1838).— Док. № 540.
[182] Лентовський Олександр Єгорович (1798—1867) — професор Казаяського університету. Після закінчення 1815 р. Казаиського уяіверситету був направлений до Московського відділення Медико-хірургічної академії. Потім служив лікарем. 1821 р. був прязначеиий викладачем Казаиського університету, читав фізіологію, загальяу патологію і водночас вяконував обов'язки ординатора університетської лікаряі. З 1828 р.— ордянарний професор. Лентовськяй автор «Медико-топографического опясания Казаня» (1831).— Док. № 540.
[183] Ліндегрен Іваи Густавович (1802—1870) — доктор, ординариий професор патології і терапії. Народився в Ласдоні, помер у Дрездені. Після закіяченяя Дерптського університету 1824 р. служив лікарем. 1837 р. був призначеняй в Казаиський університет на кафедру часткової патології і терапії. Читав історію медицини і токсякологію. Автор «Рассужденяя о госпитальяой клянике вообще и об удобном устройстве ее при Казаиском университете в градской больнице Казаиского пряказа общественного прязреиия в особениости».— Док. № 540.
[184] Єлечич Фраяц Осипович (р. и. яевід.— 1888) — професор оперативиої хірургії та окулістики. Вищу освіту одержав у Вілеяському уяіверситеті. 1832 р. здобув ступіиь доктора медицяяи, 1834 р. обраняй ординариим професором кафедри хірургії Казаиського університету. В 1835—1836 рр.— декан медичного факультету. Відомий і як лікар-практяк.— Док. № 540.
[185] Кітер Олексаидр Олексаидрович (1814—1879) — професор Казаиського університету. Походив із Ліфляидської губ. 1835 р. закіичив Дерптський університет, 1840 р. прязначеняй ад'юнктом, 1841 р.— екстраординарним, а иезабаром ординариим професором хірургії Казаиського уяіверситету. З 1849 р.— професор Медико-хірургічиої академії по кафедрі акушерства. Найвідоміші праці «Руководство к изучеиию акушерской яауки», «Атлас к оперативной хирургия».— Док. № 540.
[186] Дмитрієвський Івая Степанович (р. и. невід.— 1865) — професор терапевтичиої

клініки Казаиського університету. Звания лікаря одержав 1824 р. З 1828 р.— ординатор університетської клініки. З 1831 р. служив у морському відомстві. З 1837 р.— ад'юнкт-професор терапевтичної клініки Казанського університету. Читав в університеті гігієну, судову медицину. Дмитрієвський автор праці «О холере» (1831).— Док. № 540.

[187] Див. т. I, ч. I, док. 75. — Док. № 543.

[188] Див. док. № 539—541.— Док. № 544.

[189] Див. док. № 543.— Док. № 544.

[190] Див. док. № 544.— Док. № 545.

[191] Див. док. № 543.— Док. № 546.

[192] Див. док. № 343.— Док. № 548.

[193—194] Підписи иерозбірливі.— Док. № 548.

[195] Від слів «и отправляет» до слів «свободных мыслей» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 549.

[196] Див. док. № 547.— Док. № 549.

[197] Див. док. № 550.— Док. № 553.

[198] Від слів «весьма усердно» до слів «об нем заключению» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 554.

[199] Див. док. № 547.— Док. № 554.

[200] Див. док. № 547.— Док. № 555.

[201] Див. док. 547.— Док. № 556.

[202] Див. т. I, док. № 552.— Док. № 556.

[203] Морозенко Станіслав (Нестор; р. и. невід.— 1649) — наказний корсунський полковник, сподвижник Богдана Хмельницького у Визвольній війні 1648—1654 рр. Літом 1648 р. організував на Поділлі селянський повстанський загін, який брав участь у визволенні Поділля від польсько-шляхетських загарбників. У 1649 р. очолював козацьку кінноту, брав участь у ряді битв, у тому числі Пилявецькій. Загинув під Збаражем — у липні 1649 р.— Док. № 557.

[204] Палій Семен Пилипович (справжнє прізвище Гурко; н. в. 40-х рр. XVII ст.— 1710) — фастівський (білоцерківський) полковник, керівник народно-визвольної боротьби на Правобережній Україні проти польсько-шляхетських загарбників у кінці XVII — на початку XVIII ст.— Док. № 557.

[205] Що моє, а що чуте:

до другої думи — моє; друга моя, опріч вірш 9—18; третя моя, опріч вірш 146—149; четверта моя, опріч вірш 1—4; п'ята моя, опріч вірш 85—112; думи десята й одинадцята мої. Шосту чув, опріч 1—9, 75—92; сьому чув, опріч 1—39; осьму чув, опріч 1—10; дев'яту чув, опріч 11—38, 107—134 та пісень про Наливайка й Лободу; дванадцяту чув, опріч 121—201.— Док. № 557.

[206] І зустрілись над Ірпенню-рікою з поганою татарвою — про походи Гедиміна на Київщину немає певних даних. Відомо тільки, що Київщина була включена до Великого князівства Литовського за князювання Ольгерда. До 1361 р. в Києві сидів татарський підручний князь Федір. 1362 р. Ольгерд Гедимінович розбив на р. Синя Вода трьох татарських князів (Синю Воду одні вважали Синюхою, а інші, зокрема М. Грушевський, Сниводдю), а на місце князи Федора посадив (1363) сина Володимира.

Оповідання про похід Гедиміна на Волинь і Київ у 1320—1321 рр. вперше появилося в хроніці Матвія Стрийковського (1582). До того про цей похід не згадували ні тогочасні джерела, ні літописні зводи, ні автори пізніших історичних праць. Єдине джерело, яке повторило це оповідання, але в скороченому вигляді, був Густинський літопис. Складач цього літопису (доведеного до 1597 р.) не запозичив згадане оповідання в Стрийковського. Обидва хроністи взяли його з одного джерела літопису Биховця, складеного у середині XVI ст. (закінчувався 1548 р.). У Биховця подія описувалась без хронологічного означення, у Стрийковського вона подається під 1320—1321 рр., а в Густинському літописі — під 1302—1305 рр.— Док. № 557.

[207] Що ж стосується Миндовга Альгимунтовича Гольшанського, якому нібито Гедимін доручив управління Київщиною, то не важко помітити хронологічні помилки. Справді першим правителем Києва після литовського завоювання, що не належав до роду Гедиміна, був Іоанн (можливо, язическое Миндовг) Альгимунтович Гольшанський. Цей князь позитивно визначався серед сановників кінця XIV ст. Йому було доручено супроводжувати до Москви Софію Вітовтовну, нареченю великого князя Василя Дмитровича. Після смерті Свидригайла 1396 р. Вітовт дав йому в управління Київську землю. Іоанн брав участь у битві з татарами 1392 р. на р. Ворсклі. Відомий також запис на вірність Ягайлу, виданий Іоанном 1402 р. Отже, в оповіданні про завоювання Києва князь Гольшанський пересунутий з початку XV ст. майже на ціле століття назад і тут виступає сучасником осіб, які жили ще в другій половині XIII ст.— Док. № 557.

[208] Ганжа Сава — поетичний образ ватажка козацької голоти в боротьбі проти шляхти.— Док. № 557.

[209] На гетьманство Павла Наливайка — справжнє ім'я Наливайка Северин (див. ч. V прим. 359).— Док. № 557.

[210] Жолкевський Станіслав (1547—1620) — гетьман польський (з 1588), коронний

(з 1613) і каицлер (з 1617). Очолював військо, яке польський уряд кииув на боротьбу з повстаицями під керівництвом Северина Наливайка. 1596 р. оточив табір повсталих иа р. Солоииці біля Лубен. Підступио оволодівши табором, зиищив кілька тисяч повстанців. У 1608—1610 рр. брав участь у польській та шведській інтервеиції проти Росії. Загиив у бою з турками під Цецорою.— Док. № 557.

[211] В умсвах осади повстанців під Солоиицею, посилилися суперечки між реєстровими козаками і нерестровими. Це використав С. Жолкевський і повів переговори з Г. Лободою, обіцяючи реєстровцям амиістію, якщо вони складуть зброю. Довідавшись про переговори, козаки стратили Лободу. Але частина старшини 7 липня 1596 р. захопила Наливайка, Шаулу, Шостака та кількох іиших старшии і видала їх Жолкевському. 11 квітня 1597 р. Наливайко і Шостак були страчені у Варшаві.— Док. № 557.

[212] Похід у Білорусію Наливайко здійснив восени 1595 р., який сприяв розгортаиню селянсько-козацького повстаиня. Повертаючись із походу в Угорщину, Наливайко пішов через Мукачів і Самбір на Львів, у иапрямку до Волині, взяв контрибуцію з шляхти і купців, Луцька, а далі рушив на Білорусію. Захопив Слуцьк, Бобруйськ, Могилів иа Дніпрі та інші міста. Радзивіл з великими силами виступив проти Наливайка, що розташувався в Могилеві. Щоб вигиати козаків, литовські пани підпалили Могилів. Наливайко вийшов з міста. Литовські пани иапали иа нього, але одержали відсіч і більше вже не иасмілювались наступати. У кінці січня 1596 р. Наливайко повернувся зі своїм військом на Волинь.— Док. № 557.

[213] Кажуть, батько гетьмана Наливайка був кравець. З тое й при[...]нили лихи дражнили й самого Наливайка кравцем; а козаків Кравчиною, але козаки на злість ляхам стали й самі себе звати Кравчиною і зробили з того слова шаиовне собі прозвище [Прим. авт.].— Док. № 557.

[214] А попереду всіх Голий соколом літає — козак, поетичний образ представника трудящих мас, захисника рідиої землі від иноземиих загарбників.— Док. № 557.

[215] Лобода Іван — справжие ім'я Лободи Григорій (див. ч. V, прим. 421).— Док. № 557.

[216] Гетьман Потоцький — у той час коронним гетьманом був Яи Замойський, а польним гетьманом Станіслав Жолкевський (див. ч. V, прим. № 421). У походах до Молдавії в боротьбі проти повстаиців, очолюваних Наливайком і Лободою, брали участь брати Андрій, Стефан і Яи Потоцькі. Напевие про одиого з них і йдетьси. Дещо пізиіше (з 1646 р.) гетьманом був Микола Потоцький (1595—1651). Він керував придушенням антифеодальиих, селянсько-козацьких повстань на Україні під керівництвом П. Павлюка, К. Скидана, Д. Гуні, Я. Остряиииа. Був захоплений у полои під час розгрому польського війська під Корсуием і виданий Хмельницьким кримському хаиові. Повернувшись із полону, брав участь у битві під Берестечком.— Док. № 557.

[217] Напевие, йдеться про розгром у вересні 1594 р. брацлавськими міщанами і С. Наливайком шляхти иа Бузі, а також про боротьбу Лободи і Наливайка проти шляхти в околицях Бара і иа Брацлавщиии.— Док. № 557.

[218] Мова йде про походи козаків на чолі з Г. Лободою і С. Наливайком у Молдавію.— Док. № 557.

[219] Але ляхи всіма потугами на козаків під Кумейками иапали — бій селянсько-козацьких повстаиських загонів з польсько-шляхетським військом під Кумейками відбувся 6 грудня 1637 р. 7 грудня повстанці табором відступили до Боровиці (див. ч. V, прим. 427, 432). Під час переговорів з повсталими шляхта віроломно захопила і стратила Павлюка.— Док. № 557.

[220] Цифра нерозбірлива, закреслено.— Док. № 558.

[221] Закреслено: и квартира.— Док. № 558.

[222] Слово «незаконные» написаио двічі.— Док. № 558.

[223] Закреслено: Областное казачество. 11 — пропущено.— Док. № 558.

[224] Після номера иаписано одио слово і закреслено, иа арк. 210 зв. подано розрахуики.— Док. № 558.

[225] Текст під номерами 1—15 перекреслено.— Док. № 558.

[226] Слова «медицииская академия» написаиі замість «Врачебный комитет».— Док. № 558.

[227] У справі Г. Л. Андрузького є тільки два зошити (під № 1 і 7), в яких переписаний проект конституції (див. док. № 558). Шість інших зошитів зберігаються в додатках експ. 1 до слідчої справи Андрузького (ЦДАЖР СРСР.— Ф. 109, оп. 214.— Спр. 38—42, 44). Зошит № 5 (Спр. 40) — це частина щоденника Аидрузького, в якому останній розповідає про умови перебування на заслаині в Петрозаводську, про своє оточення, викладає роздуми про віру, матеріальне і духовне, а також подає сатиру иа царське судочинство та урядування. Сатира закінчується такими словами: «[...] Поскольку жители Голиковско-Иванинской губернии помимо своего иачальства на оные начальства жалобы приносили, то объявить им, чтобы впредь помимо своего иачальства жалоб и просьб и всяких бумаг не подавали, и в том обязать их распиской, и дело считать окончеииым». Серед інших були записи про кріпацтво. У зошиті, що зберігається під № 42, містяться матеріали літературного і філософського характеру, причому дуже часто Андрузький свої

думки, погляди викладає за допомогою цитат з творів видатного французького філософа Декарта (1596—1650), англійського філософа Джона Локка (1632—1704) та німецького вченого, філософа Готфріда-Вільгельма Лейбніца. Чимало виписок зроблено із збірника «Торжество светлой мысли» (Москва, 1847). При цьому Аидрузький зазначав «Эта форма изложения мысли через выписки из авторов показалась мне удобнейшею, давая повод к бесчисленным суждениям и часто возвращая к прежнему, хотя при иной позиции моих храбрых воинов и неприятельских мыслей, при том же и ума не утомляет. Здесь больше забавляешься». З викладеного матеріалу Аидрузький робить такі висиовки: «1. Ни дух без плоти, ни плоть без духа не существуют. 2. Дух — есть сила, плоть — орган силы. 3. Дух вечен. Цель его вечное, беспредельное. Плоть обратно. 4. Законное действие духа в плоти, при таком же подчинении плоти духа, имеет последствие то, что мы называем добром, а потому и само по себе доброе. 5. Нарушение этой законности в пользу духа или плоти имеет последствием — зло, а потому и само по себе зло. Ему обязаны существованием: атеизм, пантеизм, нигилизм, материализм и пр. 6. Дух всегда нормален, но его проявления могут быть неправильны, ибо испорченные органы неправильно или совсем ложно или и вовсе не передают их. Дух материализуется, оживляя плоть; плоть одухотворяется, подчиняясь [...] и принимая дух. 7. Человек знает и ощущает только то, что его духом выражается в его теле, потому хоть всякая истина соприсуща его духу — он знает лишь ту, которая воспроизведясь в нем [...]. 8. Человек как условное сочетание духа и плоти — смертен; но как творение творца вечного — вечен [...]. 9. Какая жизнь человека по превращении [...] этого условного сочетания духа с плотью — неизвестно, как неизвестно, какая была до этого сочетания [...]. 10. Миру нет ни конца, ни начала, ибо он соприсущ своему творцу, а творец вечен».

Зошит № 44 містить вірші польського поета Юзефа-Богдана Залеського «Думка» і «Сусід». Залеський, як відомо, брав участь у польському повстанні 1830—1831 рр. Його твори пов'язані з українською тематикою («Тарасова могила», «Чайки», «Дума про гетьмана Косинського»). Зошит № 41 включає записи творів українського фольклору — українські народні оповідання, пісні і думи на 123 аркушах. Крім цього, тут же зосереджені матеріали для російсько-українського словника. У справах під № 38 і 39 знаходяться листи до Г. Л. Андрузького від його батька, сестри, Пасяди, а також лист І. Пасяди на ім'я олонецького губернатора М. Е. Писарева. Останні чотири зошити, в тому числі 6 і 8, про які йдеться в цьому документі, не виявлені.— Док. № 559.

[228] Див. док. № 558.— Док. № 559.

[229] Напечатано в Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год [*прим. док.*].— Док. № 559.

[230] Проти цього абзацу резолюція Л. В. Дубельта: Достать эту книгу и рассмотреть ее. Помітка III відділення: Книга будет рассмотрена.

Про увагу III відділення до цього запису див. також ЦДАЖР СРСР, ф. 109, експ. 1, оп. 214, спр. 42.— Док. № 559.

[231] Шереметьев Василь Борисович (близько 1622—1682) — російський військовий і державний діяч. У 1653—1655 рр. був одним з воєначальників російської армії у війні проти Польщі, брав участь в Охматівській битві 1655 р. З весни 1658 до 1660 р.— київський воєвода.— Док. № 559.

[232] Йдеться про Юрія Хмельницького.— Док. № 559.

[233] Литовський статут — кодекс феодального права Великого князівства Литовського. Відомо три редакції Литовського статуту, які були затверджені в 1529, 1566 і 1588 рр. Найдосконалішим є Литовський статут 1588 р. Діяв до 1831 р., а в деяких районах Білорусії і Литві остаточно скасований 1840 р. Перша і друга редакції Литовського статуту під час своєї дії не були опубліковані. Литовський статут 1588 р. був надрукований в тому ж році російською мовою. Кілька разів він перекладався на польську (вперше 1614 р.), російську (на початку XVII ст., під час підготовки Соборного уложения 1649 і 1711 рр.), французьку і латинську мови.— Док. № 559.

[234] Полуботок П. Л.— див. т. 1. ч. III, прим. 168.— Док. № 559.

[235] Від слів «Чтобы создать Украйну» до слів «они совсем гадки» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 559.

[236] Від слів «Правительство не берет» до слів «их бы забили» підкреслено вертикальною лінією.— Док. № 559.

[237] Проти цього абзацу позначено: № 13.— Док. № 559.

[238] Проти цього абзацу резолюція Л. В. Дубельта: рассмотреть особо.— Док. № 559.

[239] Датується за док. № 561.— Док. № 560.

[240] «Московский литературный и ученый сборник» — альманах, що виходив у 1846, 1847, 1852 рр. у Москві. Був органом слов'янофілів. У збірнику надруковано статті лідерів слов'янофілів О. С. Хом'якова, К. С. Аксакова, І. В. Кириєвського та ін. Він був спрямований проти «Петербургского сборника», який видавався в 40-х роках М. О. Некрасовим.— Док. № 560.

[241] Косович Костянтин Андрійович (1815—1883) — професор Петербурзького університету по кафедрі санскритської словесності. 1836 р. закінчив Московський університет, викладав грецьку мову в Тверській, згодом 2-й московській гімназіях. У 1845—1848 рр.

викладав в Інституті східних мов. Потім працював редактором публічної бібліотеки. З 1858 р. викладав санскритську мову в Петербурзькому університеті. Основні праці Косовича: «Элементарная грамматика греческого языка...» (М., 1843), «Торжество светлой мысли». Драма в 6 актах. Перевод с санскритского («Московский научный и литературный сборник»; 1847, стор. I—XVIII і 1—187). «Сказание о Видьягаре Джимутавагане, повесть Сомадевы Бгатты». Перевод с санскритского (Москвитянин, 1848.— 4.— С. 17—50) та ін.— Док. № 560.

[242] Это место выписано в тетрадях Андрузского (*прим. док.*).— Док. № 560.

[243] Это место также выписано у Андрузького (*прим. док.*).— Док. № 560.

[244] Йдеться про «Продолжение писем из Вены». Початок під назвою «Два письма из Вены» Рігельмана був надрукований у «Московском литературном и ученом сборнике» за 1846 р.— Док. № 560.

[245] Хом'яков Олексій Степанович (1804—1860) — російський громадський діяч, письменник, філософ-ідеаліст. Один з представників ідеології слов'янофільства. Наприкінці 30-х р. XIX ст. проголосив ідею про особливий шлях розвитку Росії, протиставляючи його Заходу. Стаття Хом'якова «О старом и новом» (1839) була першою розгорнутою програмою слов'янофілів. Виступав за скасування кріпосиого права.— Док. № 560.

[246] «Сербские народные песни» — збірник сербських народних пісень в шести томах «Српске народне пјесме» В. Караджича (див. ч. V прим. 267), перші три томи яких були видані 1841, 1845 і 1846 рр., а останні — 1863, 1865 і 1866 рр.— Док. № 560.

[247] Берг Микола Васильович (1824—1884) — російський белетрист, перекладач, журналіст. Учився в Московському університеті. Викладав російську мову у Варшавському університеті (1868—1884), редагував «Варшавский дневник» (з 1874). Із записок і спогадів найбільший інтерес становлять «Записки о польских заговорах и восстаниях 1831—1862» (1873). Берг посідав помітне місце серед поетів-перекладачів XIX ст. («Песни разных народов» — переклади з 28 мов). Зокрема, він переклав сербські пісні, які були надруковані в «Московском литературном и научном сборнике», який розглядається в даному документі.— Док. № 560.

[248] Вяземський Петро Андрійович (1792—1878) — князь, російський поет і критик, державний і громадський діяч. Був у близьких стосунках з декабристами. У вірші «Негодование» викривав кріпосництво і деспотизм. 1821 р. був усунутий від служби. 1828 р. написав сатиричний вірш «Русский бог», спрямований проти бюрократії. З кінця 1828 р. різко змінив погляди, перейшовши на консервативні позиції. 1830 р. був поновлений на службі, займав посаду товариша міністра народної освіти, керував цензурою.— Док. № 560.

[249] Соловйов Сергій Михайлович (1820—1879) — російський історик, професор Московського університету (1847—1879), академік. Автор 29-томної «Истории России с древнейших времен» (1851—1879), в якій зібрав і проаналізував величезний фактичний матеріал.— Док. № 560.

[250] Павлова (Яніш) Каролінa Карлівна (1810 (?) — 1893) — письменниця і перекладач. У 30-х роках зблизилась із літературним гуртком, до якого входили М. М. Язиков, М. О. Дмитрієв, П. А. Вяземський, І. І. Панаєв. Перекладала з російської на німецьку, французьку, а також з німецької та англійської — на російську. Переклади друкували в «Современнике», «Отечественных записках», «Русском архиве» та ін.— Док. № 560.

[251] Див. док. № 558.— Док. № 561.

[252] Драма «Торжество светлой мысли» напечатана в «Московском литературном и ученом сборнике», изданном в 1847 г. Книга эта будет рассмотрена с особенным вниманием (*прим. док.*).— Док. № 561.

[253] Соловецький монастир заснований у першій половині XV ст. на Соловецькому острові у Білому морі. Володіючи величезними земельними і морськими угіддями, монастир широко розвинув промислове господарство. У XVIII ст., зокрема після секуляризації монастирських земель 1764 р., господарська діяльність монастиря занепала. Соловецький монастир був і великою прикордонною фортецею (кріпосні стіни його були збудовані в 1584—1594 (або 1596) рр.). Крім того, він мав свій військовий загін, підпорядкований архімандриту. 1781 р. цей загін був переданий під командування архангельського губернатора, а 1814 р. ліквідована і сама фортеця. З кінця XVI ст. і до 1902 р. Соловецький монастир був місцем заслання політичних і релігійних противників самодержавства та офіційної церкви. 1854 р., під час Кримської війни 1853—1856 рр., до монастиря була направлена інвалідна команда. 6 і 7 липня 1854 р. англійські кораблі під прикриттям артилерійського вогню намагались захопити Соловецький монастир, але їх атаки були відбиті. В обороні монастиря відзначився Г. Л. Андрузький.— Док. № 561.

[254] Див. док. № 559.— Док. № 562.

[255] Див. док. № 562.— Док. № 563.

[256] Див. док. № 543.— Док. № 564.

[257] Див. док. № 562.— Док. № 564.

[258] Див. док. № 547.— Док. № 565.

[259] Див. док. № 562.— Док. № 566.

[260] Див. док. № 562.— Док. № 567.
[261] Див. док. № 568.— Док. № 569.
[262] Див. док. № 567.— Док. № 570.
[263] Див. док. № 570.— Док. № 572.
[264] Див. док. № 563.— Док. № 573.
[265] Смотри дело I экспедиции № 274, 1854 г. «О возн
в Соловецком монастыре» (*прим. док.*).— Док. № 575.
[266] Див. док. № 579.— Док. № 580.
[267] Див. док. 579.— Док. № 581.
[268] Див. док. 581.— Док. № 582.
[269] Див. док. № 584.— Док. № 585.
[270] Див. док. № 589.— Док. № 591.
[271] Див. док. № 583.— Док. № 591.
[272] Див. док. № 592.— Док. № 594.

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК

Аарои 636
Август 641
Августин Блаженний 595
Авксентій 308
Адам, біблійна першолюдина 226
Адам див. Кисіль А.
Адлерберг В. Ф. 88, 90, 92, 93, 96, 333, 353, 356—358, 360, 370
Адлерберг О. В. 370
Аксаков К. С. 187, 654
Аксаков С. Т. 644
Александр Македонський 66, 622, 636
Александренко Г. В. 34
Алексот 85, 627
Алкан-паша 548—552
Амур 445
Амурський див. Муравйов М. М.
Андзя, персонаж народної пісні 317
Андрієвський 36—38
Андрієвський М. О. 375, 376
Андрузька Г. Л. 463, 488, 489, 493, 500
Андрузька Г. Я. 594
Андрузька Є. Л. 489, 497
Андрузька М. Л. 489, 491, 492, 496, 500, 649
Андрузька О. Л. 489, 500
Андрузька П. Л. 463, 467, 490, 491, 497, 500, 596—598, 601, 602, 649
Андрузька Т. Л. 463, 489
Андрузький А. Л. 489
Андрузький В. Л. 489
Андрузький Г. (Юрій, Єгор) Л. 5—7, 58, 59, 61, 105, 309, 325, 329, 387, 388, 390, 393, 394, 400, 413—417, 431, 434, 447, 456, 468, 472, 481, 482, 486, 488—490, 493, 500, 507—512, 513—519, 521—531, 569, 577, 579—581, 583—608, 621, 639, 645, 647—649, 653—655
Андрузький Л. В. 488—490, 493, 518—520, 594
Андрузький П. Л. 463, 489, 490
Andrus, miss див. Ендрю
Андрущенко Г. 489, 490, 493
Андрущенко О. Т. 493, 515
Андрюша див. Андрузький А. Л.
Аніcов В. 328, 334, 353, 358, 361—363
Аннібал див. Ганнібал
Антонов 610, 632, 645
Анюта див. Андрузька Г. Л.
Арцибашев М. С. 167, 631
Асія 635
Аттіла 637
Афанасьєв-Чужбинський О. С. 309, 328, 637—639
Ахвердов М. О. 400, 402
Ахматов 167
Ахтирка 79, 568
Багговут 336
Бакірєв М. О. 644
Балабіи П. І. 35
Балінський М. 36, 44, 618
Бальмен Я. П. 251, 254, 328, 635, 640
Бандтке (Стенжинський) Я. В. 36, 44, 618
Баитиш-Каменський Д. М. 51
Баранович Л. 307, 638
Баранович С. М. 108, 136, 145, 159, 162
Барвінок Г. (Білозерська-Куліш О. М.) 13, 32, 80, 82, 83, 85—87, 89, 93—96, 101, 102, 106, 109—111, 121, 135, 137, 138, 140—142, 144—147, 149, 152, 153, 157, 159—164, 169, 504, 610, 627, 628
Бартенєв П. І. 632
Батий 67, 68, 307, 532, 534, 623—625
Баторій Стефан 74, 75, 545—547, 625
Башилов М. С. 328, 641
Башилов С. Х. 167, 631
Безродний Х. 544
Беккер І. 643
Бенедиктов В. Г. 614
Бентковський Ф. 36, 44, 617
Бер Мартін 128
Берг М. В. 583, 655
Бередников Я. І. 38, 40, 619
Березіи П. І. 170, 174
Бертьє О. О. 352, 367
Бецький І. 639
Бєлінський В. Г. 429, 639
Бєлов 190, 191, 194
Бєлоусов 645, 649
Бєльський 625
Битяговський Д. 128
Битяговський М. 128
Биховець 652
Бібіков Д. Г. 334—337, 494, 495, 515, 516
Білашов 107
Білий С. К. 306
Білозерська 88, 92
Білозерська О. М. див Барвінок Гаиина
Білозерська-Куліш О. М. див. Барвінок Гаина
Білозерський Василь Михайлович 5, 6, 11—13, 31, 33, 41—44, 48, 52—55, 57—59, 82, 83, 105, 108, 109, 114, 137, 145, 170, 325, 386—391, 501, 505, 518, 525, 530, 610, 615, 620
Білозерський Віктор Михайлович 35, 37, 46
Білозерський Микола Данилович 27, 30, 36—38, 43, 44, 46, 48, 55, 57, 58, 60—66, 80, 613
Білозерський Михайло Данилович 13
Білозерський О. М. 12
Білозерські 121

Блосфельд Г. І. 522
Богдан (Богданко) див. Хмельницький Б. (3).
Богданко див. Ружний Богданко
Богданов 103
Богун І. 557
Богуславець 75
Бодянський О. М. 30, 33—39, 41, 44, 45, 52, 55, 58, 305, 616—619
Бодянський П. І. 617
Бопре А. 650
Борис Володимирович 306, 638
Борис Годунов (Борис Федорович Годунов) 128, 129
Борис Федорович Годунов див. Борис Годунов
Боровиковський Л. І. 30, 42, 43, 615
Боровський П. 650
Бородін В. С. 310, 362, 363, 366—369, 643
Боюн 79, 568
Брамбеус див. Сенковський О. (Ю.) І.
Бредов 34
Бренкович, персонаж худ. твору 444
Брут Марк Юній 260, 635
Бруховецький див. Брюховецький
Брюллов К. П. 197, 324, 632, 639
Брюховецький І. М. 50, 584, 621
Булгарін Ф. В. 429, 636, 647
Буркинье див. Пуркине Й.
Бурлій 79, 568
Бурнасов, персонаж худ. твору 171
Бурцев В. Л. 633
Бутаков О. І. 350, 642
Буташевич-Петрашевський М. В. 7
Бутирим 79, 568
Бутлеров О. М. 644
Бутович 490
Бутович Г. 306
Бутурлак 548—552
Бутурлін Д. П. 166, 630

Валуєв П. О. 605, 606, 608
Ванюша, персонаж худ. твору 313
Варвара, канонізована свята 220, 222
Варвара Андріївна, персонаж худ. твору 444, 445, 648
Варшавський див. Паскевич — Єриванський
Василій 65
Василь, персонаж худ, творів 443, 444, 464, 472
Василь Дмитрович 652
Василь Михайлович див. Білозерський В. М.
Васильєв 182, 352
Васильчиков І. І. 192, 372—376
Вася див. Білозерський В. М.
Вацлав Н. Д. 37
Велижев 497, 498
Великий — Гагін див. Гагін Д. С.
Вельтман О. Х. 167, 631
Верещагін В. П. 620
Вернадський І. В. 24—26, 33—35, 612, 616
Вериер А. Д. 620
Вещицький 649
Виговський І. Є. 50, 620
Вигура І. М. 33
Виридирин А. 63—65
Вишневецький Д. 72, 540, 624
Віддер 641
Візерський В. П. 35, 44
Візерські 27
Відланд Крістоф — Мартін 336, 641
Вільєгорський М. Ю. 324, 640
Вінницький С. 650
Вітовт 652
Вдадислав IV Ваза 34
Волков О. П. 601, 602, 604, 605, 608
Волконський С. Г. 613
Володимир 652
Володимир Святославич 67, 77, 129, 532, 560, 623, 638
Володя див. Андрузький В. Л.
Вольський В. 371, 375, 376
Волховська Т. Г. 638
Ворожбит 79, 568
Вороньков 490
Востоков О. Х. 37, 514, 619, 651
Вронченко Ф. П. 15—17, 505, 610
Врублевський Є. 6
Вяземський П. А. 583, 655
Вячеслав (Вацлав IV) 288, 637

Гаврилов 599, 603
Гагін (Великий-Гагін) Д. С. 50, 620
Гайдаревський 79, 568
Гал 638
Галаган Г. П. 36—38, 617
Галайда Я., персонаж худ. твору 316—320
Галахов О. П. 85, 94, 106
Галятовський І. 638
Гамалія, персонаж худ. твору 320, 321
Ганжа С. 541, 619, 652
Ганка (Напка) В. 40—43, 259, 384
Ганна, персонаж худ. твору 220—222, 224
Ганненко Є. А. 7
Ганнібал (Аннібал) 66, 623
Гартенштейн 40, 42
Гарун 79, 568
Гедимін (Гедимінас) 68, 69, 129, 534, 535, 623, 624, 652
Георгій-побідоносець, канонізований святий 466
Гери К. І. 642
Гессе П. І. 62
Гладкий, гайдамака 20, 22
«Гладкий штаб-лікар» див. Куліш П. О.
Гладкий Й. М. 30, 38, 40, 42, 43, 614
Глінка М. І. 638
Глінка Ф. М. 614
Глянський 79, 568
Гоголь (Яновський) В. П. 633
Гоголь М. В. 429, 613, 633, 644
Гозніев 357
Голий Г. 588, 634, 653
Голіцин В. В. 50, 621
Голіцин О. Ф. 141, 186, 188, 518, 596
Голіцини 129
Головатий Андрій 634
Головатий Антон Андрійович 249, 315, 318, 634, 640
Головинський Г. П. 30, 35, 42, 43, 63, 615
Головін І. Г. 362
Головко М. О. 642

Голубиновський 337
Гомер 386, 531, 615
Гонта І. 72, 250, 269, 273, 318—320, 611, 634
Гонта С. 72
Горацій П. К. 260, 635
Гордон В. 650
Горемнха Я. 36
Горленко 64
Горностай 308
Горонович А. М. 38
Горохов 590, 591
Горчаков М. Д. 14
Горшковський 408
Грабовський М. А. 30, 35, 40, 42, 52, 58, 613, 614
Граб'янка Г. І. 621
Грач М. 548
Гребінка Є. П. 310, 614, 639, 640
Гренберг Ф. Х. 30, 34, 38, 42, 43
Греидковський 37
Греч М. І. 514, 636, 647, 651
Гржимайло див. Грум К. І.
Грибановський див. Михаїл Петербурзький
Грибовський І. С. 371—376
Григорій 64
Григорович В. І. 309, 316, 639, 640
Гриць, персонаж худ, твору 443, 451
Грицько Основ'яненко див. Квітка-Основ'яненко
Гриша див. Андрущенко Г.
Гриша див. Куліш Г. О.
Гришков 199
Грінченко Б. Д. 633
Грондський І. 56
Грондський С. 621
Грот Я. К. 26, 612, 620
Грум (Гржимайло) К. І. 35
Грушевський М. С. 652
Гуков М. С. 30, 32, 37, 38, 43
Гуков С. 65
Гулак М. І. 12, 31, 36, 42, 43, 47, 48, 52, 53, 55, 57, 58, 80, 384, 386—391, 402, 404, 405, 501, 503—505, 508, 515, 517, 518, 610, 612, 627
Гумбольдт О. 642
Гуня Д. Т. 653
Гурко див. Палій С. П.
Гуртовий 79, 568
Гус Ян 285—290, 636, 637
Гусаковський 39
Гусев 334
Гуфелаид 35
Г. Л. див. Андрузька Г. Л.

Давид, біблійний цар 32, 624, 635
Давид Святославич 307, 638
Данилов В. В. 369
Дашкевич Є. (Дашкович Остап) 69—72, 535—540, 624
Дашкович Остап див. Дашкевич Є.
Декарт Рене 654
Дембовський Е. 650
Демид, персонаж худ. твору 463
Джучі 623
Димитрій Ростовський (Туптало Д. С.) 595
Дітрікс 34
Дмитріев М. О. 655
Дмитрієвич 35
Дмитріевський І. С. 522, 651, 652
Дмитрій, архімандрит 593, 594
Дмитрій Самозванець див. Отрепьєв
Дмитрій Углицький 128
Добжанський Я. 635
Добринін 194
Добровольський див. Доливо-Добровольський
Добровольський Л. 369
Довголевський П. 595
Долгоруков В. А. 189—192, 194, 356, 358, 360—364, 366, 367, 369—374, 381, 413, 596, 598—608
Долгоруков М. А. 60, 61
Доливо-Добровольський 37, 86, 144
Домбровський В. Ф. 649
Домна 306
Домонтовичева 38
Дорнмідонт 490
Дорош, персонаж худ. твору 171, 174
Дорошенко П. Д. 53, 63, 66
Драгоманов М. П. 633
Дралерт 397
Дробус 305
Дроздов В. М. див. Філарет Московський
Дубельт Л. В. 12, 42, 45, 46, 82, 83, 88, 91, 93—96, 98, 101, 105—127, 130—137, 141, 145—148, 150—160, 163—168, 170, 175—177, 179, 181—183, 187—189, 197, 324, 335, 343—345, 347, 349, 350, 352, 396, 404—408, 513, 523, 527, 529, 586, 588, 590—592, 654
Дубенський Д. М. 166
Дубровинський 194
Дубровський П. П. 6, 36, 57, 617, 618
Дунаєвський 79, 568
Дунін-Борковський В. 307
Дунін-Борковський Л. 307, 635
Дундук, персонаж худ. твору 171
Дуня (Дуся) див. Андрузька Є. Л.
Дурасов Ф. О. 408, 409, 645
Духанський Ф. 650
Дювів'е 35, 616
Дювович 64

Евецький О. С. 36, 44, 618
Евецький Ф. С. 36, 44, 618
Елькан О. Л. 33, 615
Енгельгард П В. 324, 640
Ендрю (Andrus), місс 38, 619

Євреїнов В. Д. 376, 377
Єлечич Ф. О. 522, 651
Єлизавета Мусіївна 489
Єриванський див. Паскевич І. Ф.
Єрлич Й. 37

Жабчинський І. 194
Жах Я. див. Шах Я.
Жданов С. 604
Ждановський М. І. 169
Желябужський І. О. 167, 632
Жемчужин 35
Жижка Ян 290, 637
Жолкевський С. 166, 557, 626, 637, 652, 653

Жукинський 64
Жуковський В. А. 33, 311, 324, 349, 503, 583
Жучкіи 145
Жучков див. Жучкін

Забіла В. М. 58, 309, 328, 639
Заборовський Р. 64
Завезуи 79, 568
Загиибіда 79, 568
Загреба 79, 568
Загурський Л. 501
Задека М. 37
Залеський Ю.-Б. 654
Залізияк М. 250, 318—320, 611, 634, 636, 637
Заммер О. 514
Замойський Я. 653
Запалій 79, 568
Заревич Ф. 633
Збаразький Я. 625
Здекауер М. Ф. 97
Зевс 635
Зигмуид III Ваза див. Сигізмуид III Ваза
Зіиіи М. М. 644
Зіиовій, див. Хмельиицький Б.
Зоитаг А. П. 620
Зржодловський 650
Зубрицький Д. І. 40, 42, 619

Іаков 279
Іапет 635
Ібрагім 625
Іван (Івась), персонаж худ. творів 240, 270, 296, 313, 444
Іван IV Васильович (Грозний) 614, 636
Іван Підкова див. Підкова І.
Іванишев М. Д. 630
Івга (Козачка) 33, 34
Ігнатій 65
Іеремія 200
Іеремія Галка див. Костомаров М. І.
Ізопольський 30, 42, 43
Ізраїль 279
Ізяслав Ярославич 308, 638
Ісус див. Христос
Іллюша див. Примо І.
Ільницький Л. В. 633
Інокентій Камчатський (Веніаміиов І. О.) 595
Інокентій Пензеиський (Смирнов) 595
Іоан, євангеліст, біблійний апостол 256, 322
Іоан Лествичник 595
Іоанн Петро 305
Іонн 652
Іосаф 638
Ісаєв М. 641
Іслам-Герей III 625
Істомін 38
Іуда, за біблійиим міфом один із учиів Христа 637
Ішимова О. Й. 26, 33, 36, 40, 45, 620

Йван 220

Казімір Яи II 34
Калайдович 166
Калачов М. В. 166, 630
Калугін 527
Кандауров 38, 40
Каиевський, персоиаж худ. твору 30, 35, 65
Капніст І. В. 645
Капніст О. В. 404, 405, 407, 408, 645
Кара-Мустафа 72, 541, 625
Караджич В. С. 40, 619, 655
Карамзіи М. М. 267, 636
Кармалєев Л. С. 85—87, 144, 177
Кармалюк У. Я. 613
Карпо, персонаж худ. твору 222
Карпо Михайло 309, 328, 639
Катерииа, персоиаж худ. твору 220—224, 311—313, 633—635, 640, 648
Катерииа II Олексіївна (Софія-Федеріка-Августа) 256, 265, 309, 363, 469, 634
Катруся (Катря), персоиаж худ. творів 275, 471
Кашиицов М. А. 584
Кащеико В. 39
Квітка-Осиов'яиеико Г. Я. 50, 51, 63, 310, 314, 429, 614, 620, 639
Керстеи К. І. 131
Кизим 79, 568
Кизим Б. 626
Кизименко 626
Киреєвський І. В. 654
Кирило див. Розумовський К.
Кирилюк Є. П. 362
Кисіль А. 304, 626
Китченко Ф. 30, 36, 37, 42, 614
Кітер О. О. 522, 651
Кішка С. 73, 75, 542, 548—553, 625
Клечеико, персоиаж худ. твору 469
Климеиова 37, 38
Климкович К. 633
Климов 169
Клица І. І. 180
Клімена 635
Княжевич Д. М. 619
Кобзар див. Шевченко Т. Г.
Ковалевський Є. П. 367—369
Кодр, легеидарний цар Аттики 66, 623
Козачковський А. 14
Козловський 371, 373—376
Коклес див. Горацій П. К.
Кокошкін С. О. 83, 84, 398, 520
Коллар Я. 259, 635
Коломийцев М. 415
Коля 492
Кольцов О. В. 27, 28, 40
Комаров М. 167, 631
Коиарський Ш. 650
Коиглетои Ч. 619
Коиецпольський С. 315, 640
Коннський Г. О. 36, 37, 503, 507, 617
Коистаитииов 16, 85, 86, 333, 392—394, 511, 512
Кончук, персонаж худ. твору 171, 174
Коппі К. 621
Коріолаи 66, 622
Коробаиов П. Ф. 167, 631
Коробкін С. 31
Коровкіи 36
Корф Ю. Ф. 267, 635
Косецька В. 492
Косинський К. 76, 556, 626
Косир 79, 568

Косов В. П. 34, 35
Косович К. А. 581, 654
Костомаров (псевдонім Іеремія Галка) М. І. 5, 32, 33, 36—39, 49, 51—54, 56—59, 80, 81, 184, 186, 309, 323, 325, 328, 329, 353, 354, 356, 364, 365, 387—391, 403, 405, 491, 501—509, 515, 516, 518, 612, 615, 619, 627, 638
Костюшко Т. 638
Костянтин Багряноролний 624
Котляревський І. П. 429, 613
Котошихін (Кошихін) Г. К. 166, 630
Кочубей О. В. 131, 141, 170, 175, 181, 182
Кошелєв О. І. 632
Кошикова М. 492
Кошихін Г. К. днв. Котошихін Г. К.
Кравчина див. Наливайко С.
Красковська Є. І. 27, 43, 60, 65
Красковський 31, 42, 43
Красковські 615
Кривоніс (Перебийніс) М. 20, 611
Кривоногов К. 35
Кривцова Є. М. 338, 340
Крижицький 376
Кроибергер див. Кронеберг
Кронеберг А. І. 40, 42
Крузе 84
Крузеиштерн М. І. 112—120, 124, 133—135, 141, 151, 155, 156
Кузьмані К. 27, 613
Кукольник Н. В. 309, 639
Куліш Г. О. 30, 37, 42, 43
Куліш І. 65
Куліш М. О. 628
Куліш О. 39, 40
Куліш О. М. див. Барвінок Ганна
Куліш О. Р. 615
Куліш (псевдонім «Гладкий, штаб-лікар») П. О. 5—7, 9—17, 20, 24—28, 30—34, 39—49, 55, 59—64, 66, 80—83, 85—89, 91—94, 96—99, 101—138, 141, 142, 144—166, 168—172, 174—194, 224, 282, 309, 325, 353, 354—357, 364, 365, 383, 387, 388, 403, 405, 501, 504, 508, 509, 517, 518, 531, 533, 569, 610, 612—615, 620, 622, 627—630, 639
Куліш Р. 615
Кульжинський І. Г. 34, 38, 615
Куракіни 129
Курбський А. М. 614
Кухарський А. 35, 36, 44, 616

Лаговський 599, 600
Лада-Заблоцький Ф. І. 37, 38, 40
Лазаревський М. М. 361, 643
Лазаревський Ф. М. 641
Лазаревські 643
Ланський С. С. 360—362, 602, 605
Лаптєв Я. 643
Ларіонов 392, 395, 396
Ласуи 20, 22, 23
Лебедєв М. Д. 528
Левицький М. Ф. 30, 505, 614
Левицький О. І. 630
Левицький Сергій Петрович 642
Левицький Симеон 38, 40, 42, 614
Лейба, персонаж худ. твору 317, 319
Лейбніц Г.-В. 654
Лейхтенберзький М.-Є.-І. 197
Ленін В. І. 644
Лентовський О. Є. 522, 651
Леонтій Васильович див. Дубельт
Лермонтов М. Ю. 383, 429, 644
Левшин О. І. 604
Линовський В. А. 41, 619
Лнтов 37
Лі Хауз 619
Лівенцов 361
Ліндгреи І. Г. 522, 651
Лінде С.-Б. 6, 36, 44, 618
Ліпінський Т. 618
Ліппоман В. 581
Лісовська Н. див. Роксолана
Ліст Ф. 504, 650
Лобачевський М. І. 511—513, 515, 644, 651
Лобода 20, 22
Лобода Г. 76, 557, 559, 626, 652, 653
Лобода І. див. Лобода Г.
Логвинов 626
Локк Д. 654
Лореиц Ф. К. 37, 506, 618
Лукашевич Ю. 44, 618
Лукія, персонаж худ. твору 301, 302
Лукерія, персонаж худ. твору 463
Лупул Розанда 636
Любовицький 650
Любомирский 17, 20, 383, 612
Любомирський Ю. 35, 616
Любомирські 611
Лям Я. 635
Лянцкороиський П. 69, 70, 72, 535—540, 624
Львов П. Ф. 393, 394, 400

Мазепа І. С. 36, 50, 264, 305, 307, 329, 504, 531, 636
Макарій 595
Макарій Єгипетський 595
Максим див. Залізняк М.
Максимович 397
Максимович М. О. 33, 34, 36, 56, 328, 376, 508, 614, 621, 633
Максимович П. П. 30, 33, 35—37, 42, 43, 57, 58
Малахов 62—65
Ман 35
Мар'єчка, персонаж худ. твору 472, 473
Мариша, персонаж худ. твору 240
Маріула, персонаж худ. твору 299, 302
Марія Львівна див. Андрузька М. Л.
Марія Миколаївна 352, 353, 357, 373, 642
Марко, персонаж худ. твору 217—224
Маркович (Марковичева) 388
Марковнч А. 388
Маркович О. М. 34, 51, 615
Маркович О. В. 6, 31, 38, 42, 52, 58, 131, 325, 387, 388, 403, 405, 501, 505, 508, 517, 518, 612, 615
Мартин 306
Мартинов О. О. 167, 631
Мартос П. І. 315, 640
Маруся, персонаж худ. творів 433, 443, 451
Мар'я, персонаж худ. творів 444, 445, 475—477
Мар'яна, персонаж худ. твору 213, 225

Матвєєв 309
Мацейєвський 650
Мацейовський В.-О. 6, 36, 38, 44, 618
Машенька, персонаж худ. твору 464
Мелхіседек Значко-Яворський 636
Мельє Ж. 616
Меншиков О. Д. 635
Мериліс 179
Метиляй 79, 568
Метлинський А. Л. (псевдонім Амвросій Могила) 30, 42, 43, 63, 309, 615
Мефодій 36
Мизко Г. Т. 40
Мизко М. Д. 30, 42, 43, 614
Микола див. Сементовський М. М.
Микола I 13, 45, 88—91, 97, 109, 110, 138, 189, 332, 344, 346, 405, 519, 584, 634, 636, 641, 650
Миколай 222
Микуцький А. 38
Милославські 621
Миндовг Альгимунтович Гольшанський 69 535, 652
Мирович 79, 568
Михаїл Петербурзький (Грибановський) 595
Михайло, диякон 305
Михайло, князь чернігівський 304
Михайло Павлович 504
Михайло Федорович 63
Михайлов 145
Михальський Ф. 650
Миша, персонаж худ. твору 490
Мишецький 527, 529, 530, 590, 591
Мілевський 650
Міллер К. 410
Мілютинович (Мілутиновић) С. Л. 34, 615
Мірчич П. 625
Міцкевич А. 6, 30, 34, 44, 57, 63, 364, 366, 614, 643
Мішель (Мішле) Ж. 30, 65, 614
Мішле (Michele) Ж. див. Мішель Ж.
Могила П. С. 308
Могиляиський 79, 568
Мойсей, біблійний пророк 48, 636
Молендський 371
Момбеллі М. О. 6, 639
Момирович Д. 63
Монтеск'є Ш.-Л. 336, 641
Морозенко С. (Нестор) 531, 652
Мстислав Володимирович Удалий (Хоробрий) 307, 637
Муравйов (Амурський) М. М. 100, 105—107, 139
Мурзакевич М. Н. 34, 38, 615
Мусін — Пушкін М. М. 40, 127
Муханов М. О. 189, 190
Муханов П. О. 167, 630
Муханов С. М. 61, 62
Муханов Т. 166
Мушкет С. 565, 566
М. Д. Б. див. Білозерський М. Д.

Навроцька М. А. 403—405, 407, 645
Навроцький О. О. 5, 24, 43, 58, 105, 149, 325, 381—387, 389—409, 501, 504—508, 512, 517, 518, 526, 610—612, 620, 644
Надеждін М. І. 619
Назон див. Овідій Публій Назон
Налнвайко 626
Налнвайко П. див. Налнвайко С.
Налнвайко С. 66, 76, 306, 315, 456, 470, 531, 556—559, 623, 638, 652, 653
Наполеон I (Наполеон Бонапарт) 630
Наснрі Каюм 644
Настя, персонаж худ. твору 216—219
Недригайло 79, 568
Нейпостер 492
Некастер 490
Некрасов М. О. 654
Нелюбін О. П. 97
Нерон Клавдій Цезар 273, 636
Нестор 307, 623
Нетолінська 388
Нечай 74, 531, 544
Нечос див. Потьомкін Г. О.
Нємцевнч Ю. 307, 638
Някифор, персонаж худ. твору 312
Никнфор Астраханський 595
Никнфоров 632
Ніколаєв 510, 512—514
Ніколаєвський П. Ф. 35, 616
Нікол [...] С. О. 36
Ніл Сорський 595
Нілова 493, 649
Новиков М. І. 167, 631
Новицькнй М. 197, 198, 200, 310, 324, 328, 329, 332—334, 337, 639
Ноздрьов, персонаж худ. твору 429
Нордстрем І. А. 15, 16, 60, 61, 86, 88, 90, 91, 93, 96, 197, 200, 334, 381, 382, 389, 413, 415, 494, 518, 520, 610
Норов А. С. 186, 188—190

Обручєв В. О. 335, 340, 343, 344, 346, 349, 641
Овідій (Ovidius) Публій Назон 641
Огризко А. 304
Одоєвський В. Ф. 620
Ознобишин М. І. 381, 382, 398, 408, 413, 414
Океан 635
Околовнч 79, 568
Оксана, персонаж худ. твору 275, 317—319
Олександр II 184, 596, 600, 602, 643
Олександр Олександровнч див. Навроцький О. О.
Олександра Мнхайлівна див. Барвінок Ганна
Олександра Олексаидрівна 33, 34
Олексій 594
Олексій Михайлович 256, 580, 584, 635
Олексій Федорович див. Орлов О. Ф.
Олеика, персонаж худ. твору 496
Олендрі 97
Оленка див. Куліш О. М.
Ольга Петрівна див. Плетньова О. П.
Ольгерд Гедимінович 652
Орлов О. Ф. 11—16, 42, 43, 60—62, 82—108, 111—114, 116—118, 120—122, 124—127, 129, 130, 132—138, 141, 144, 146—148, 150—165, 168—170, 175—177, 179—182, 184, 185, 189, 198, 332—336, 338, 340, 342—347, 349, 350, 365, 367, 381, 382, 392—396, 398—407, 409, 410, 413, 414, 494, 495, 510—513, 515, 516, 518, 520—526, 529, 579, 584, 586—593, 597, 598, 610, 629, 641

Осецимський 650
Оснп, персонаж худ. твору 174
Осиов'янеико див Квітка-Основ'яненко Г. Ф.
Оссолінський Ю.-М. 616
Оссолінські 35
Острозькі 624
Остряини (Остряница) Я. 626, 653
Остряниця С. 78, 79, 565—568
Отрепьєв Г. 128
Очкін П. М. 34

П. А. див. Куліш П. О.
Павло, біблійнний апостол 286
Павлов П. В. 166, 631
Павлова (Яніш) К. К. 583, 655
Павлуцький М. 635
Павлюга днв. Павлюк П. М.
Павлюк (Бут) П. М. 78, 80, 315, 563, 564, 626, 653
Палій (Гурко) С. П. 531, 652
Паліцин 381, 382, 398
Паліцнн А. 167, 631
Панаєв І. І. 655
Пантелеймон Олександрович див. Куліш П. О.
Парчевський Н. П. 375, 376, 644
Паскевнч (Єриванськяй) І. Ф. 12, 13, 15, 16
Пасяда (Посяденко, Посяда) І. Я. 58, 105, 149, 325, 387, 388, 390, 393, 394, 400, 501—509, 511, 512, 515, 517, 518, 523, 526, 612, 621, 644, 654
Пац 317, 319, 640
Паша див. Андрузька П. Л.
Перебийніс див. Кривоніс М.
Перовський В. О. 345, 347, 352, 642
Перовськ й Л. О. 11, 14, 86, 99, 101, 111, 406, 524, 525, 587
Перфільєв С. В. 100, 102, 107, 108, 113, 137, 141, 150, 157, 164, 180
Петрашкевнч К. 650
Петро, біблійний апостол 263, 286, 636
Петро, молдавськнй господар 305, 546
Петро Івановнч, персонаж худ. творів 429, 445
Петро Олександровнч див. Плетньов О. П.
Петро I 65, 80, 110, 178, 268, 309, 363, 580, 584, 585, 621, 633—635
Петров Г. І. 34, 40
Петров О. М. 43, 336, 337, 384, 386, 390, 391, 620
Петровська П. С. 313, 640
Петровський 640
Петрусь, персонаж худ. твору 451
Пильчнков Д. П. 501, 505, 506
Писарєв М. Є. 63, 383, 527—529, 579, 581, 584—586, 588—592, 654
Півторакожуха К. 567
Підкова (Серпяга) І. 74, 75, 315, 321, 545—547, 625
Плетньов П. О. 26, 27, 33, 34, 36, 37, 53, 112, 115—116, 120, 150, 151, 154, 155, 613
Плетньова О. П. 26, 36, 613
Плюшкін, персоиаж худ. твору 429
Погодіи М. П. 26, 30, 40, 114, 166, 583, 613, 614
Подобай 79, 568
Подолинський А. І. 614
Пожарськнй Д. М. 128
Покотило Ф. 72, 541
Покровський В. 608
Поленов О. Я. 167, 631
Політковський 180
Полозов Д. П. 83, 86, 87, 101, 102, 526, 527, 529, 530, 588—592
Полонянкин 194
Полуботок П. Л. 66, 268, 580, 584, 623, 634, 654
Помпей Гней 66, 622
Помпей Секст 623
Понятовськнй Станіслав II Август 317, 640
Понятовські 640
Попов М. М. 15, 200, 371, 373, 382, 415
Порсена 635
Постилнч 79, 568
Порфнрій див. Андрузький П. Л.
Посяда І. Я. див. Пасяда І. Я.
Посяденко див. Пасяда І. Я.
Потапов Г. М. 193, 194
Потапов О. Л. 376, 377, 644
Потоцький 266, 635
Потоцький А. 653
Потоцькнй М. 653
Потоцькнй С. 653
Потоцький Я. 559, 626, 653
Потоцькі 266
Потурай 79, 568
Потьомкіи Г. О. 44, 249, 634
Похвиснєв 606
Прейс П. І. 41, 619
Прнйма Ф. Я. 362
Прнмо І. 489, 493
Примо О. 489, 493
Примо Я. 489, 493
Пріся, персонаж худ. твору 263
Прометей 251, 635
Протасов М. О. 587, 593
Протопопов Д. І. 523, 651
Псьол (?) 339
Пугачов О. І. 634
Пулавський 317, 640
Пуркиие Й. (Буркинье) Й. 36, 618
Пустовойт А. І. 38, 40
Пушкар М. 620
Пушкін О. С. 383, 429, 644

Радзивілл 266, 635
Радзивілли 653
Раєвськнй 645
Ракєєв 87, 180
Ракушка-Ромаиовський (Ракущенко) Р. О. 613
Ракущенко див. Ракушка-Романовський Р. О.
Рафелл П. 638
Рачннський Е. 37, 618
Редзежаско П. 304, 637
Резлер 38
Репнін М. Г. див. Репніи-Волконськнй М. Г.
Репнін-Волконський М. Г. 44, 65, 613, 622
Репніна В. М. 328, 338—340, 347, 386, 401, 402, 404, 641, 642
Репніни 613, 639
Рнндич 79, 568

Рігельман 36
Рігельман М. А. 27—29, 38, 40—43, 57, 583, 613, 619, 655
Рігельман О. І. 36, 617
Ріхтер Л. (Rychter L.) 85, 627
Робер К. 54
Роговнч О. С. 35, 616
Родзянко А. Г. 637, 638
Родзянко Г. В. 306, 637
Розковшенко (Росковшенко) І. В. 30, 38, 40, 42, 614
Розумовський К. Г. 249, 634
Роксолана (Лісовська Настя) 35, 616
Романов 324
Романов Ф. М. 128
Романовн 129
Рудий М. 548
Ружинський О. 72, 540, 624
Ружний Б. 74, 543—545, 624, 625
Рум Б. 544
Рум'янцев (Задунайський) П. О. 64, 622

Сава, персонаж старовинної укр. пісні 32
Савич М. І. 5, 33, 35, 325, 387—390, 501, 615
Сагайдачний (Конашевич-Сагайдачний) П. К. 66, 77, 78, 560—562, 623, 625, 626
Садовий Т. 371, 372
Сажин М. М. 325, 504, 640
Самчевський І. 621
Санджаківна, персонаж худ. твору 549, 550, 552, 554
Сахаров І. П. 166, 167, 631
Саша 492
Саша див. Андрузька О. Л.
Саша див. Андрущенко О.
Саша див. Куліш О. М.
Саша див. Навроцький О. О.
Сварацький-Сварик 595
Свидригайло 652
Свирговський 72—74, 540—543, 545, 559, 624, 625
Свідзінський К. 37, 38, 613, 618
Свічка М. Л. 490, 492
Свічка Ф. П. 492
Святослав Ярославич 307, 638
Священий С. 40
Седак 512
Селевк 636
Селін О. І. 491
Семен 566
Сементовський 36, 618
Сементовський К. М. 617
Сементовський М. М. 617
Сементовський О. М. 617
Сеня, персонаж худ. твору 473
Серанін Ф. Д. 35
Сергій Семенович див. Уваров С. С.
Сердюков П. Я. 27, 38, 613
Середа Є. 328, 334, 353, 358, 361—363
Середа Я. І. 392, 395, 396, 644
Серпяга див. Підкова І.
Сенковський (псевдонім Брамбеус) О. (Ю.) І. 429, 647
Сибамагін 334
Сигізмунд І 637
Сигізмунд III Ваза (Зигмунд III Ваза) 304, 561, 637
Симиренко П. Ф. 644
Симиренко Ф. С. 375, 644
Симоиов І. М. 644
Скалозуб С. 75, 547, 553, 554, 625, 626
Скальковський А. О. 636
Скидаи К. 653
Скобелєв І. М. 82, 90—92, 104
Сковорода Г. С. 505, 650
Скоропадська А. М. 64, 622
Скоропадський І. І. 622
Скребило 79, 568
Скубрій 79, 568
Славотнинський 500
Смарагдов С. М. 36, 506, 618
Смирнов див. Інокентій Пензенський
Снєгирьов І. М. 167, 631
Соколов І. М. 37, 38, 44, 57, 619
Соколов П. А. 595
Сокольський 79, 568
Солнщев Ф. Г. 167, 631
Соловйов С. М. 583, 655
Солонина 64
Сомино див. Сомко Я.
Сомко (Сомино) Я. 557, 566
Сосновський 650
Софія Вітовтовна 652
Софія Олексіївна 621
Срезневський І. І. 40, 53, 63, 309, 583, 618, 619, 621, 622
Станевич 595
Стемпкович, персонаж худ. твору 469
Стенжинський див. Бандтке
Стенжинський див. Ян-Вінцент
Степан персонаж худ. твору 239, 241—250
Стефан III Великий 305, 638
Столпачова М. 491
Стороженко М. І. 369
Стороженко О. П. 35, 616
Стрийковський М. 652
Строганов, персонаж худ. твору 55
Струговщиков О. М. 504
Судак 79, 568
Судієнко М. Й. 36, 617
Судовщиков Є. 501, 505
Сулейман І Пишний 616
Сулима І. М. 79, 559, 568, 626
Сулима С. 304
Сутига 79, 568
Сучевський 79, 568

Тамерлан (Тімур, Тімурленг) 259, 635,
Танєєв О. С. 132, 133, 179, 180—182, 399, 400
Танські 64
Таня див. Андрузька Т. Л.
Танька, персонаж худ. твору
Тарас див. Трясило Т.
Тарас Григорович, Тарас див. Шевченко Т. Г.
Татищев В. М. 129
Текелій П. А. 634, 648
Теребельський 35
Терещенко О. В. 166, 630
Тимашов О. Є. 350
Тихон І Воронезький (Задонський) 595
Тімур Тімурленг див. Тамерлан
Ткаченко М. М. 362, 371
Толмачов О. О. 342, 343, 642

Толстая А. І. 643
Толстой Л. М. 644
Толстой Ф. І. 639, 643
Толстой Ф. П. 362
Траскін О. С. 503, 507, 508, 516
Трифон, канонізований святий 595
Тройницький О. Г. 367, 368
Тромонін К. Я. 167
Трохим, персонаж худ. твору 217, 218, 221, 223
Троцький-Сенютович 516, 517, 651
Трясило див. Федорович Т.
Тугай 79, 568
Тулуб О. Д. 58, 621
Туманський Ф. В. 621
Тумар 79, 568

Уваров О. С. 643
Уваров С. С. 12, 38, 40, 87, 126, 130, 189, 190, 361, 367, 517, 521—525, 650
Уліс, персонаж худ. твору 446
Умов 194
Урій 635
Устрялов М. Г. 63, 127—129, 134, 506, 628
Ушинський К. Д. 614

Фальконе Є.-М. 634
Федір 652
Федір Іванович 129
Федір Олексійовнч 621
Федорко, персонаж пісні 317
Федорович (Трясило) Т. 78—80, 315, 316, 562, 563, 626, 640
Федотов-Чеховський О. О. 650
Феміда 635
Фемістокл 66, 622
Феодосій 304
Феодосій Углицький 307
Філарет Московський (Дроздов В. М.) 595
Філімонов Г. Д. 167, 631
Філіпов Т. І. 632
Фірдожі див. Фірдоусі
Фірдоусі Абуль-Касим 37
Фомін І. 621
Фрейганг 186
Фрідріх II 640
Фундуклей І. І. 198, 324, 414, 645, 649
Фусс М. І. 615
Фусс П. М. 34, 38, 615

Халецька М. 304, 637
Ханенки 64
Ханенко М. І. 30, 42, 43
Харкевич 79, 568
Харко 306
Харченко С. 469, 470, 472
Хилінський 371, 376
Хильчевський І. П. 37, 40
Хитров (Хитрово) Б. М. 50, 620
Хлопов К. О. 621
Хмельницький Б. (З.) М. 44, 48, 53, 66, 249, 255, 256, 266, 268, 270—273, 304, 309, 319, 437, 456, 470, 482, 503, 504, 507, 531, 568, 580, 585, 620, 621, 625, 633, 635—637, 646, 652, 653,
Хмельницький В. 72, 540, 624
Хмельницький Т. 636
Хмельницький Ю. 263, 580, 584, 635, 654
Хованський 528
Хованські 129
Хом'яков О. С. 583, 654, 655
Христос Ісус, біблійний Месія 68, 286, 288, 372, 374, 375, 466, 503, 568, 569, 595, 636, 637
Хрущов С. П. 598—601

Церетелі див. Цертелєв М. А.
Цертелєв (Церетелі) М. А. 35, 616

Чалий С. 249, 634
Чаплеві, персонажі худ. твору 444
Чарна (Цорна) 307
Чарнишенко М., персонаж худ. твору 26, 27, 60, 64, 80, 504
Чернишов О. І. 96, 99, 103, 332
Честахівський Г. М. 34, 615
Чечель Д. 264, 324, 635
Чижов Ф. В. 11, 28, 34, 38, 42, 44, 57, 186—188, 325, 387, 388, 508, 583, 610, 613, 615, 616, 619
Чичиков, персонаж худ. твору 429
Чорний О. 650
Чортовус (Чорновус) 20—24, 54, 383, 612
Чужбинський див. Афанасьєв-Чужбинський О. С.
Чуйкевич П. О. 32, 33, 36, 37, 39, 43, 56, 58, 508, 615, 650
Чулков 105—108
Чуприна 79, 568
Чуприна І. 18, 19, 54, 383
Чурай Г. 79, 568, 626

Шабліовський Є. С. 362
Шайноха К. 635
Шаров 65
Шаула 653
Шафарик (Шафаржик) П.-Й. 6, 36, 259, 283, 285, 617
Шах (Жах) Я. 75, 547, 625
Шашкевич В. М. 633
Шварц 113, 149, 150, 157, 164
Шевирьов С. П. 65
Шевченко М. (?) 352
Шевченко (Кобзар) Т. Г. 5—7, 32, 33, 39, 49—51, 53, 57, 58, 197—200, 224, 235, 237, 257, 283, 290, 291, 304, 308—310, 321—225, 328—330, 332—338, 340—377, 384, 386—391, 402, 429, 501—506, 508, 509, 515, 517, 518, 580, 585, 611—613, 615, 616, 621, 626, 632—634, 636—644, 649
Шекспір В. 128
Шембер А.-В. 36, 618
Шереметьєв В. Б. 580, 584, 654
Шиманський 650
Шипулинський П. Д. 97
Ширинський-Шихматов П. О. 38, 40, 127, 129, 130, 619
Шіллер Й.-Ф. 503
Шлецер А.-Л. 167, 531
Шнель О. А. 162, 406
Шостак 653
Шрамко 44
Штернберг В. І. 315, 639
Штрандман Р. Р. 6, 309, 328, 639
Штрандман Сашко, див. Штрандман Р. Р.

Штур Л. 27—29, 35, 40, 43, 57, 613
Шубравський В. С. 362
Шувалов П. А. 82
Шуйський В. І. 128
Шуйські 129
Шульгін В. Я. 116, 630
Шульговський, архангел. жандарм. штабс-офіцер 592
Шульговський 643
Щепкін М. С. 613

Юлій Цезар 635
Юзефович М. В. 30, 42, 43, 507, 614, 645, 649
Юрдан 37
Юрій див. Хмельницький Ю.
Юрковський 650
Юскевич-Красковський І. Д. 615

Яблоновські 594
Ягайло 69, 535, 624, 652
Ягеллони 624
Ягміи 14, 15
Язиков Д. І. 167, 632
Язиков М. М. 28, 42, 613, 614, 655
Яків див. Бальмен
Якубинський Й. 337
Янишевський 650
Яніш див. Павлова К. К.
Яновський В. П. див Гоголь В. П.
Ярема див. Галайда
Яременко 273, 636
Ярина, персонаж худ. твору 239—245, 247, 248, 250
Ярослав Мудрий 637
Яхненко К. М. 375, 644

ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК

Авіньйон, м. 287, 637
Австрійська імперія 650
Австрія 13, 27, 619
Азія 174, 636, 637
Азов 71, 539, 625
Азовське море 614
Аккерман див. Білгород-Дністровський
Альта, р. 78, 80, 316, 318, 562, 563
Андріївка, с. Черніг. губ. 36, 617
Аравія 647
Аральське море 345, 347, 349, 642
Армянська обл. див. Вірмен. обл.
Архангельськ, м. 591, 592, 594, 596—601, 604, 606
Архангельська губ. 605
Архангельский край 621
Аттика (Стародавня Греція) 623
Афганістан 635
Афіни, м. 622

Багачка, м-ко Полтав. губ. 306
Бадея-Вюртемберг, м. 637
Балкани 248
Баиська Бистриця, обл. пд.-сх. част. Чехословаччини 613
Бар, м. 640, 653
Батурин, м. 76, 264, 265, 323, 324, 559, 580, 585, 635
Батятичі, с. Львів. обл. 619
Бахчисарай, м. 74, 544, 625
Бендерн, м. 295, 296, 637
Бендерський шлях 292, 637
Бердянськ, м. 37, 40, 614
Березань, м-ко Полтав. губ. 306
Берестечко, м-ко Волин. губ. 272, 636, 653
Берлін, м. 24, 35, 616
Берн, м. 618
Бессарабія 73, 541, 570, 584, 597, 625
Белград, м. 34
Бястриця 27
Біла, р. 557
Білгород-Дністровський (Аккерман) 540, 546, 624
Білгородська Орда (Орда Малих ногаїв, Буджацька Орда, Добруджська Орда) 623
Біле море 655
Білорусія 67, 623, 650, 653, 654
Близький Схід 637
Бобруйск, м. 653
Богданова могила 305
Богемія, давня назва Чехії 35, 618
Богуслав, м. 38
Богуславський пов. 614
Болгарія 570, 584, 597
Борзна, м. 27, 32, 36, 39, 43, 48, 55, 60, 62, 80, 88, 92, 325
Борзнянський пов. 13, 63, 64, 169, 328
Боровиця, с. Київської губ. 78, 80, 563, 564, 626, 653
Боснія 615
Босфор 321, 323, 640
Бранденбург, пров. Прусії 623
Бранденбурзько-Пруське князівство 623
Братіслава (Бреславль, Пресбург), м. 27—29, 35, 36, 40, 43, 618
Брацлавщина, обл. Поділ. губ. 640, 653
Бреславль див. Братіслава
Броварська ст. 507
Броди, м. 42
Буг, р. 559, 653
Будапешт (Пешт) м. 621, 635
Буджацька Орда див. Білгородська Орда
Бухарест, м. 75, 547

Вавілон 281, 282, 316, 636
Валахія див. Волоська земля
Варшава, м. 12—16, 30, 31, 34—39, 42—44, 54, 56, 57, 76, 78, 79, 82—86, 89, 143, 261, 323, 452, 456, 503, 541, 557, 558, 564, 568, 614, 617—619, 623, 626, 627, 653
Василівський о. див. Петербург
Ватікан 287, 617, 637
Велика Хортиця див. Хортиця
Велнкі Сорочинці, с. Полтав. губ. 633
Великоросія див. Росія
Венгрія див. Угорщина
Венеція, м. 35
Вечірки, с. Пирятин. пов. Полтав. губ. 497, 519, 594, 596
Вибле, укріп. 306
Відень, м. 35, 40, 583, 619, 654
Візантія 321
Вільний, поріг 624
Вільно (тепер Вільнюс), м. 618, 650
Вільшана (Ольшанн), м-ко Звениг. пов. Київ. губ. 317—319
Вірменська (Армеиська) обл. 37, 38
Вісла, р. 457, 561
Вітебська губ. 34, 36
Вкраїна див. Україна
Вознесенськ, с. 404, 407
Волга, р. 68, 532
Волинка, с. 87
Волинська губ. 38, 40, 614
Волинська земля 624
Волинська обл. 636, 649
Волинь 33, 37, 44, 318, 614, 624, 638, 652, 653
Вологда, м. 86, 89, 90, 95, 96, 98—102, 168, 184

Волоська земля (Валахія, Волощина) 73—75, 295, 547, 570, 584, 597, 625
Волочиськ, м-ко Волин. губ. 38, 40
Волощина див. Волоська земля
Вороніж, м. Чериіг. губ. 32, 34, 39, 58, 124, 580, 584, 614
Ворскла, р. 652
Вроцлав, м. 618
В'юнище, с. 225, 255, 262, 275, 277
Вятка, м. 105, 149, 391—396, 399, 400, 404—406
Вятська губ. 391, 392, 394, 395, 399—409, 526

Гадяцький полк 621
Галата 321
Галицька земля 624
Галицька Русь 624, 625
Галицько-Волинське князівство 624, 625
Галичина 570, 584, 597, 619, 633, 650
Галілейське море 177
Галіція див. Галичина
Галле, м. у Німеччині 617, 618
Гетьманщина див. Україна
Глухів, м. 34, 37, 38, 233, 322, 634
Глухівський пов. 58, 121—124, 131, 169, 613
Глезлев див. Козлов
Голгофа, гора 289, 637
Голомуц див. Ольмюнц
Гомель, м. 649
Городище, с. Київ. губ. 216, 644
Городня, м-ко 307
Горохівський р-н 636
Гупалівський бір 319

Дарданели 321
Дерпт, м. 11, 47, 48, 504
Дніпро (Славутич), р. 48, 53, 70—72, 75, 76, 201, 206, 234, 246, 249, 258—260, 265, 270, 283, 305, 310, 314, 318, 320—322, 413, 456, 458, 468, 501, 508, 537, 539, 540, 547, 552, 610, 611, 624, 635, 653
Дніпрові пороги 610
Дніпровські о. 537
Дніпропетровська обл. 636
Дністер, р. 292, 541, 620, 625
Добряика, с. 336
Добруджська Орда див. Білгородська Орда
Домніно, с. 63
Дон (Діи) 204, 301, 471, 570, 584, 597
Дои, р. 623
Дрездеи, м. 35, 651
Дубио, м. 650
Дубові могили 306
Дунай, р. 72, 214, 215, 248, 249, 295, 311, 320, 467, 541, 545, 624, 625, 634

Євпаторія див. Козлов
Європа (Зх. Европа) 108, 174, 175, 583, 595, 614, 619
Єкатериигоф 87
Єлабуг, м. 401, 402, 405
Єлисаветград, м. 650
Єреваи, м. 37, 38
Єрусалим див. Іерусалим

Житомир, м. 649
Жмудь 570, 584, 597
Жовті Води, с. 272, 636

Задуиайська Січ 634
Закавказзя 635
Запоріжжя, м. 17, 77, 249, 261, 560, 610, 617, 620, 626
Запорізька Січ 17, 18, 71, 72, 240, 248, 249, 261, 268, 314—316, 320, 452, 469, 470, 538, 540, 560, 610, 624, 625, 634—636, 648
Заслав, м. 72, 540, 624
Захід 41, 449, 611, 635, 655
Західна Болгарія 612
Західна Європа див. Європа
Західна Росія див. Росія
Західна Русь див. Росія
Західна Україна див. Україна
Заячий о. у Петербурзі 626, 633
Збараж, м. 652
Звеиигородка, м-ко Київ. губ. 611
Звеиигородський пов. 324, 375
Золота Орда 623
Золотоиіський пов. 398, 404, 405
Золотоиоша, м. 381, 398, 405

Іваиівський равелін 626
Іваио-Фраиківщииа 616
Іерусалим (Єрусалим), м. 292, 636, 637
Ігулець, р. 611
Індія 581, 583
Ірак 635
Іран 635
Іржавець (Ржавець), с. 268, 636
Ірклііів, с. 626
Ірпінь, р. 69, 534, 535, 624, 652
Італія 623, 640

Кавказ 614, 618, 650
Кавказька гора 635
Казаиська губ. 400, 526
Казань, м. 105, 400, 510, 512, 513, 515, 516, 519, 520, 524, 526, 594, 644
Кальник, м. 611
Камчатка 323
Кам'яиець див. Кам'яиець-Подільський
Кам'яиець-Подільська губ. див. Подільська губ.
Кам'яиець-Подільський (Кам'яиець), м. 19, 32, 33, 39, 43, 58, 650
Каиів, м. 34, 38, 74, 265, 373, 375, 547, 615, 643
Карпатські гори 624, 625
Катеряиослав, м. 95
Катерииославська губ. 40, 614
Кафа (Кефа, Феодосія), м. 74, 77, 544, 548, 560, 625
Керкіиітіда, м. антич. 625
Керкіиітська затока 625
Керч, м. 75, 554
Київ, м. 7, 11, 27, 30, 32, 33, 35—42, 48, 51, 52, 56—58, 66—69, 77, 151, 197, 198, 205, 220, 221, 245, 249, 266, 270, 295, 296, 298, 299, 302, 308, 312, 313, 319, 325, 328, 329, 334—337, 343, 345, 349, 371—376, 381, 384, 387, 388, 392, 393, 395, 401, 413—415, 491, 494, 495, 499, 501, 503, 504, 515, 516, 520, 526,

532, 534, 535, 561, 580, 585, 597, 606, 613—615, 617, 619, 623, 624, 626, 630, 631, 633, 634, 638, 640—643, 649, 650, 652
Київська губ. 38, 58, 151, 154, 324, 370—376, 502, 504, 505, 507, 508, 511, 581, 614, 617, 649
Київська держава 625
Київська земля 652
Київська Русь 612, 624, 625
Київська фортеця 390
Київське князівство 68, 532
Київщина 613, 614, 626, 644, 652
Киргизький степ 349
Кирилівка, с. 324, 375
Кілія, м. 73, 74, 541, 542, 545, 625
Кодак, м. 626
Козине болото див. Київ
Козлов (Глезлев, Євпаторія), м. 74, 77, 544, 549, 551, 552, 560, 625
Коломак, м-ко Харків. губ. 621
Константинів, м. 19, 22, 611
Константинополь (Царград, м. Цареград, Цариград) 70, 72, 75, 223, 315, 537, 540, 547, 552, 555, 624, 625
Коистанц, м. 287, 288, 636, 637
Корець (Корчевськ, Корчев), м. 28, 36, 614, 650
Коріол, м. 622
Королеві могили 306
Коростеж, с. 505
Корсуиь, м. 375, 653
Корчевськ, Корчев див. Корець
Корчик, р. 614
Кос-Арал, півостр. Каспійського моря 642
Краків, м. 35, 584, 597, 650
Краківська республіка 650
Кремиець, м. 650
Крим 77, 96, 560, 570, 620, 623, 625, 634
Кримська Орда (Кримське хаиство) 623, 625, 626
Кримське хаиство див. Кримська Орда
Кримський півострів 623, 625
Кубань 249, 320
Кубань, р. 623
Кульпи 37, 38
Кумейки, с. 80, 563, 626, 653
Курськ, м. 95, 149, 404, 406—408
Курська губ. 403—408
Куцого Чорта Слобода 23

Ладога, р. 268
Ладога, м. 580, 584
Ладозький каиал 635
Ласдон, м. 651
Лєбедни, м. 319
Лейпціг, м. 205, 619
Лемберг див. Львів
Ливаи дяв. Ліван
Ливанське поле 288
Лиман, р. 203, 270, 321
Линовиця, с. 640
Листвии, с. 637
Лисянка 318, 319
Литва (Литовське Велике князівство) 67—69, 534, 535, 570, 584, 597, 618, 624, 650, 652, 654
Литовське Велике князівство див. Литва
Ліваи (Ливан), гірс. хребет 637
Ліваиська Республіка 637
Лівобережиа Україна див. Україна
Ліфляндська губ. 651
Лондои, м. 38, 632
Лохвиця, м. 36
Лубенський пов. 328
Лубии, м. 306, 620, 638, 653
Луком'я, м-ко Полтав. губ. 306
Луцьк, м. 653
Львів (Лемберг), м. 35, 40, 74, 202, 256, 308, 547, 611, 616, 633, 635, 653
Львівщииа 619

Маверанихр, м. д-ви Тімура 635
Мазепина могила, о. 22, 23
Майдаиівка, с. 319
Македоиія 612
Мала Польща див. Польща
Мала Росія див. Україна
Мала Хортиця 624
«Малі Ногаї» див. Білгородська Орда
Малоросія див. Україна
Маріуполь, м. 614
Мар'їиське, с. 254, 256, 290
Межигір'я, с. Київ. пов. Київ. губ. 634
Межиріцький, маєток Парчевського 644
Межиріч, м-ко Київ. губ. 34, 38, 371, 375, 376
Месопотамія 636
Мечеть, укріп. 306
Миколаїв, х. Борзи. пов. Чериіг. губ. 63
Миргород, м. 207, 208, 273, 306, 637
Могилів, м. 76, 558, 653
Мойсівка, с. Пирятии. пов. Полтав. губ. 638
Молдавія (Молдавська земля) 72, 73, 541, 570, 584, 597, 624, 637, 638, 653
Молдавська земля див. Молдавія
Молдавська РСР 625
Молдавське киязівство 624, 625, 636, 637
Моравія 612
Мордачеві могили 306
Москва 5, 11, 12, 26, 28, 30, 34—40, 42, 44, 45, 47, 52, 56—58, 107, 113, 137, 138, 140—142, 144, 147, 149, 156, 157, 164, 167, 168, 180, 187, 202, 260, 261, 264, 273, 309, 323, 351, 363, 404, 405, 452, 455, 505, 580, 584, 596, 613, 614, 617, 620, 631—633, 635, 643, 650, 652—654
Московська держава 67
Московська Русь див. Росія
Московські Рогатки 14
Московщина (Московія) 266, 286, 312, 456
Мохнатян 308
Мошии, м-ко Київ. губ. 376
Мукачів, м. 653
Муром, м. 638

Наддиіпряищина 624
Нева, р. 234, 322, 633
Невель, м. Вітеб. губ. 34, 35
Нежатина Нива, ур. 638
Немирів, м-ко Поділ. губ. 625
Нижній Новгород, м. 360, 362
Нижньоиовгородська губ. 361, 362
Ніжии, м. 617, 620, 621, 638

Новгород-Сіверськ, м. 35, 37
Новоград-Волинськ, м. 36
Новоград-Волинський пов. 614, 649
Новопетрівське укріплення 641
Ногайська Орда 623

Обозовище, ур. 21
Одеса, м. 325, 401, 402, 614, 615, 619, 636, 650
Оксфорд, м. 35
Олексіївський равелін 81, 82, 89, 90, 91, 98, 99, 104, 159, 184, 626
Олеиівка, с. Борзн. пов. Черніг. губ. 13
Олімп, гірськ. масив у Греції 635
Олонецька губ. 525, 581
Ольмюнц (Голомуц), с. під Прагою 36
Ольшани див. Вільшана
Орда Малих ногаїв див. Білгородська орда
Орел, м. 95, 338, 340
Орель, р. 268, 635
Оренбург, м. 342, 343, 345, 508, 641—643
Орськ, м. Оренбурзької губ. 641, 642
Орська фортеця 350, 641, 642
Основа, с. 620
Оствія (Остзея) 570, 597
Остзея див. Оствія
Острог, м. 650
Очаків, м. 624

Палестіна 636
Паннонія 612
Париж, м. 6, 34, 35, 44, 57, 266, 267, 632, 633, 635
Пекарі, с. Черкас. губ. 373, 375, 376
Пензенська губ. 55
Передня Азія 636
Перекоп див. Перекопський перешийок
Перекопський перешийок (Перекоп) 74, 544, 545, 611, 625
Переяслав, м. 79, 224, 254, 263, 283, 285, 304—306, 323, 562, 620, 623, 637, 640
Петербург (Василівський острів, Петергоф, Пітер, Санкт-Петербург, Фонтанка), м. 11—17, 24, 26, 27, 33—35, 38—40, 43—48, 50, 52, 57, 58, 60, 61, 64, 82—87, 92—94, 101—107, 109, 111, 120, 122, 126, 132, 135, 136, 140—142, 144—149, 152, 153, 155—157, 162, 169, 170, 174, 176, 177, 179—183, 185—187, 197, 198, 200, 202, 205, 207, 212, 213, 237, 308, 309, 316, 328, 335, 343, 345, 351, 353, 356—358, 360, 362, 363, 365, 370—372, 374, 375, 381, 383, 392, 396, 398, 413—415, 456, 494, 495, 503, 504, 507, 508,511, 513, 514, 517, 527, 529, 530, 581, 584, 585, 590—594, 602, 612, 615, 617, 620, 621, 626, 628, 630—635, 637—643, 650
Петергоф див. Петербург
Петровська фортеця 38, 40
Петрозаводськ, м. 7, 105, 140, 525—527, 529, 530, 581, 584—588, 590—592, 594, 597—600, 606, 653
Петропавлівська фортеця 81, 82, 90—92, 104, 133, 154, 626, 633, 634, 644, 645
Пешт див. Будапешт
Пироговська гора 34
Пирятин, м. 306, 413, 414, 488—490, 639
Пирятинський повіт 413, 414, 519, 520, 594, 596, 604—606, 608, 638
Південна Двіна, р. 501
Південиа Росія 7, 328
Південна Україна 617
Південна Франція 637
Південний Буг, р. 620
Південно-Східна Русь 623
Піза, м. 637
Пітер див. Петербург
Платнерівський кур. Січі Запорозької 614
Поділля 17, 37, 44, 78, 565, 566, 611, 640, 652
Подільська (Кам'янець-Подільська) губ. 37, 40, 505, 649
Познань, м. 37, 44, 570, 584, 597, 618
Полісся 20, 318
Полонне, м. 20, 22, 24, 78, 383, 567, 610
Полонська фортеця 610
Полтава 58, 75, 190, 194, 264, 323, 324, 381—383, 386, 398, 413, 414, 452, 490, 501, 505, 604, 635
Полтавська губ. 194, 328, 370—372, 376, 404, 405, 413, 519, 520, 594, 596—598, 600—606, 608, 637, 643
Полтавщина 7, 71, 613, 616, 633, 637—641
Польське Королівство див. Польща
Польща (Мала Польща, Річ Посполита, Польське Королівство, Царство Польське) 6, 12, 13, 15, 16, 44, 50, 67—69, 74, 76, 77, 80, 84, 85, 261, 267, 317, 323, 366, 368, 456, 501, 507, 535, 543, 544, 547, 558, 559, 570, 584, 597, 610, 611, 616, 618, 624, 625, 627, 637, 640, 650, 654
Почайна днв. Почаїв
Почаїв (Почайна), м. Волин. губ. 245, 504, 634, 650
Правобережна Україна 611, 612, 634, 636, 637, 650, 652
Прага, м. 33, 36, 37, 40, 42, 43, 286—288, 290, 613, 618, 619, 637
Пресбург, м. див. Братіслава
Приазов'я 623
Придніпров'я 624
Прикубання 623, 634
Прилуки, м. 489, 617
Причорномор'я 623
Проскурівський пов. Поділ. губ. 37, 40
Прохорівка, с. Полтав. губ. 376
Прусія (Пруське королівство) 13, 32, 67, 68, 534, 623
Пруське королівство див. Прусія
Прут, р. 559, 624, 625
П'ятий Яр 566, 567

Рейтарська вул. див. Київ
Ржавець див. Іржавець
Рим, м. 34, 286, 619, 635—637
Римська республіка 66, 623
Річ Посполита див. Польща
Рогатин, м. 616
Рогівля, х. Стародуб. пов. Черніг. губ. 616
Рона, р. 637
Ромеи див. Ромни
Ромни (Ромен), м. 268, 580, 585
Російська держава див. Росія

Росія (Великоросія, Західна Росія, Західна Русь, Московська Русь, Російська держава) 7, 12, 13, 44, 50, 58, 80, 84, 110, 111, 115, 171, 186, 311, 325, 351, 354, 365, 366, 368, 387, 388, 393, 403, 414, 428, 509, 511, 515, 526, 580, 583, 597, 600, 606, 614, 619—623, 625, 627, 631—635, 638, 641, 647, 650, 653, 655
Ростов-на-Дону, м. 632
Рось, р. 318, 611
Румунія 624, 625, 636
Русь 69, 416, 491
Руська земля 68, 561, 623
Рязань, м. 149

Саксонія 13, 618
Самаркаид, м. 635
Самбір, м. 653
Саикт-Петербург див. Петербург
Санкт-Петербурзька див. Петропавловська фортеця
Саратов, м. 354
Сваркове, с. Чериіг. губ. 615
Священна Римська імперія 637
Севаш 625
Сейм, р. 324
Сена, р. 264, 318
Сербія 570, 584, 597, 615
Сибір 122, 253, 266, 267, 309, 351, 354, 363, 456, 636
Симбірськ (тепер Ульяновськ), м. 641
Симбірська губ. 613
Синоп 260, 625
Синюха див. Синя Вода
Сиия Вода (Синюха, Сниводдя), р. 20, 652
Сілезія 618
Січ див. Запорозька Січ
Скутар 321, 640
Славутич див. Дніпро
Слобідська Україна 626
Слобода Петрівка, с. 492
Слуцьк, м. 653
Случ, р. 558
Смоленськ, м. 34
Смоленська губ. 170
Сниводдя див. Синя Вода
Соловецький монастир 586—594, 598—600, 606
Соловецький острів 655
Солоиица, р. 653
Солонці 306
Сороки, м. 72, 541, 625
Сорочинці, м-ко Полтав. губ. 306
Сполучеиі Штати 501, 509
СРСР 630, 653, 654
Стамбул, м. 634, 640
Старица, р. 78, 567
Стародавня Греція див. Аттика
Стародубський пов. Черн. губ. 616
Старокостянтинівський пов. Волин. губ. 38, 40
Стеблів, м. 38, 40
Стрельне 180
Суботів, с. Чигир. пов. Київ. губ. 255, 262, 263, 270, 273, 323, 633
Сула, р. 268, 306
Схід 313, 323

Таборов 290
Таврійська губ. 37, 40
Тбілісі див. Тіфліс
Телепень, укріп. 306
Тендер див. Тендров
Тендров (Тендер), о. 75, 246, 547, 553, 625
Тернопіль, м. 611
Тіфліс (тепер Тбілісі), м. 34, 37, 38, 40, 456
Тирасполь, м. 14
Тмутаракань 638
Торунь, м. у Польщі 618
Трапезунд (Трабзон), м. у Туреччині 75, 260, 548, 625
Троя 319
Трубіж, р. 78, 80, 562, 563
Тула, м. 35, 95, 97, 99—108, 110, 112—114, 116—127, 131, 133—159, 160—165, 168, 169, 178—181, 184, 191, 355, 624, 629
Тульська губ. 114, 115, 118, 132, 134, 152, 156, 159, 162, 179
Турецька земля див. Туреччина
Туреччина (Турецька земля) 72—75, 295, 296, 311, 321, 369, 469, 471, 616, 620, 621, 623, 625, 640
Тясмии, р. 270, 271, 611

Угліч, м. 36
Угорщина (Веигрія) 27, 68, 625, 653
Україна (Малоросія, Лівобережна Україна, Гетьманщина) 7, 11, 17, 20—22, 27, 28, 37, 44, 47, 48, 50, 53—60, 66—69, 71, 73, 75—81, 86, 98—102, 109, 110, 121, 122, 131, 134, 141, 149, 151—154, 159, 176, 178, 184, 192, 201, 205, 206, 209, 227, 231, 233, 234, 236, 247, 248, 254—256, 258, 260—262, 265, 268—270, 277, 283, 296, 299, 304, 309, 310, 314—316, 318—325, 328, 329, 332, 337, 343, 351, 355, 363, 366, 368, 371, 373, 375, 383, 384, 386, 393, 394, 416, 428—430, 432, 435—437, 443, 447, 449, 450, 453, 456—458, 462, 464, 467—470, 472, 480, 485, 486, 494, 501—507, 509—511, 517, 524, 526, 528, 529, 531, 532, 534, 535, 542, 543, 547, 554—565, 568—570, 580, 584, 585, 595, 596, 610—616, 618—625, 633—636, 638, 640, 641, 643, 646—648, 650, 653, 654
Ульяновськ див. Симбірськ
Умаиь, м. 319, 320, 611, 614
Уставиця, м-ко 306

Федеративиа Республіка Німеччина 637
Феодосія див. Кафа
Фіиляндія 268, 323
Фінська затока 633
Фоитанка див. Петербург
Франція 501, 509, 641

Харків, м. 6, 40, 61, 309, 337, 381, 398, 414, 520, 612, 622, 639
Харківська губ. 62, 151, 154, 514
Херсонська губ. 401, 402, 404
Херсонщина 615
Ходорів 613
Холодний Яр 273—275, 636

Хорасан, склад. част. держ. Тімура 635
Хорватія 612
Хорезм, склад. част. держ. Тімура 635
Хорол, р. 306
Хорол, м. Полтав. губ. 306, 616, 637
Хортиця (Велика Хортиця), о. 71, 72, 539, 540, 624

Царград (Цареград, Цариград) див. Константинополь
Царство Польське див. Польща
Царське село 370
Цецора, с. 559, 653

Червенські землі 638
Червоне море 289
Черкаси, м. 17, 58, 318, 376
Черкаський пов. 371, 373, 634, 615
Черкеська земля 74
Чернеча гора 615
Чернігів, м. 36—38, 62, 620, 623, 638
Чернігівська губ. 13, 32, 58, 60, 62, 63, 80, 82, 88, 92, 121, 123—126, 131, 132, 151, 154, 157—159, 161—163, 169, 192, 198, 328, 370—372, 504, 613, 614, 643
Чернігівська земли 638
Чернігівщина 614—617, 636, 637
Чехія 612, 636, 637
Чигирин, м. Київ. губ. 40, 71, 74—76, 201, 202, 263, 270, 272, 317, 318, 539, 543, 547, 556, 633, 636, 637
Чигринський пов. 504
Чорне море 67, 69, 71, 72, 74, 75, 539, 541, 544, 545, 547—549, 551, 554, 555, 566, 625
Чорний Острів, с. 37, 40
Чорний Шлих 19, 611
Чорномор'е 570, 584, 597
Чута, ліс 266, 635

Швеція 620, 630, 637, 640
Шліссельбург 501, 508
Шліссельбурзька фортеци 586
Штепівка, с. Черніг. губ. 614

Югославія 34, 615
Юхнов 619

Яготин, м. Київ. губ. 306, 328, 340, 613, 639
Ялтушків, с. 18
Ялтушківський ліс 19
Ясси, м. 272, 295, 552, 624, 636

ХРОНОЛОГІЧНИЙ ПЕРЕЛІК ДОКУМЕНТІВ

1843

1843 р. червня 20 — липня 1.— «Книга о ділах народу українського і славного Війська Козацького Запорозького» П. О. Куліша.— Док. № 46.

1843 р.— Оповідання П. О. Куліша «Січові гості» (споминка старого діда).— Док. № 11.

1843 р.— Поема П. О. Куліша «Україна», виявлена під час обшуку в Г. Л. Андрузького.— Док № 557.

1843—1845 рр.— Збірка поезій Т. Г. Шевченка «Три літа», вилучена під час його арешту 5 квітни 1847 р. і додана до слідчої справи.— Док. № 231—254.

Отцы наши согрѣшиша, и нѣсть их.— Док. № 231.
Чигрине, Чигрине.— Док. № 232.
Заворожи мені, волхве.— Док. № 233.
У неділю не гуляла.— Док. № 234.
Гоголю.— Док. № 235.
Розрита могила.— Док. № 236.
Чого мені тяжко, чого мені нудно.— Док. № 237.
Не завидуй багатому.— Док. № 238.
Не женися на багатій.— Док. № 239.
Сова.— Док № 240.
Дівичії ночі.— Док. № 241.
Наймичка (поема).— Док. № 242.
Маленькій Мар'яні.— Док. № 243.
Сон (комедія).— Док. № 244.
Сліпий (поема).— Док № 245.
Кавказ.— Док. № 246.
Минають дні, минають ночі.— Док. № 247.
Стоїть в селі Суботові.— Док. № 248.
І мертвим, і живим, і ненародженим земликам моїм в Украйні і не в Украйні мое дружнее посланіе.— Док. № 249.
Великий льох (містерія).— Док № 250.
Холодний Яр.— Док № 251.
Три літа.— Док. № 252.
Давидові псалми.— Док. № 253.
[Заповіт].— Док. № 254.

1844

1844 р. листопада 13.— Відношенни Харківського университету до Т. Г. Шевченка з проханним надсилати після виходу в світ по дна примірники «Живописной Украины».— Док. № 274.

1845

1845 р. червня 11.— Лист П. О. Куліша до В. М. Білозерського з нагоди подаруваннн йому кишенькової ікони.— Док. № 26.

1845 р. жовтня 10. — Поема Т. Г. Шевченка «Єретик», вилучена жандармами під час його арешту 5 квітни 1847 р. і додана до слідчої справи.— Док. № 255.

1845 р. жовтень — 1846 р. квітень.— Нотатки Т. Г. Шевченка, зроблені ним під час подорожі по Україні за дорученним Київської археографічної комісії.— Док. № 257.

1846

1846 р. липня 1 — 1847 р. березня 1.— Записи П. О. Куліша про надходженни грошей «дли добрых дел».— Док. № 17.

1846 р. серпня, не пізніше 28.— Зошит перший.— Док, № 375—382.

Сон.— Док. № 375.

Прощание.— Док. № 376.
Із-за могили.— Док. № 377.
[Записки про поезію і мову].— Док. № 378.
По сім боці і по тім боці.— Док. № 379.
Предо мвою Печерская лавра.— Док. № 380.
Про вас я думаю, молюся.— Док. № 381.
Похороии.— Док. № 382.
1846 р. серпия 28 — 1847 р. квітня, не пізніше 8.— Зошит другий.— Док. № 383 —408.
Ты мне в удел, творец.— Док. № 383.
Украіна.— Док. № 384.
Мй п'ємо горілку.— Док. № 385.
Дивіться, Вкраіна сміється.— Док. № 386.
По хутору слава ходила.— Док. № 387.
Ой на торі, иа високій березка стояла.— Док. № 388.
Посадили вербочку.— Док. № 389.
[Кобзар].— Док. № 390.
Не питай козаче.— Док. № 391.
[Пташка].— Док. № 392.
[Молитва].— Док. № 393.
Как часто ты мне говорила.— Док. № 394.
[Прощаиие с родииой].— Док. № 395.
Черкес.— Док. № 396.
Не плач же, рідиесенька мати.— Док. № 397.
Я, мамо, дитиіа маленька.— Док. № 398.
Прощание инстятуток с институтом.— Док. № 399.
Молитва.— Док. № 400.
Кормилица.— Док. № 401.
Испуг.— Док. № 402.
Ты не хвались камрат! Был и у нас — то хват.— Док. № 403.
Кобзарева могила.— Док. № 404.
Скромной, нежной подруге, смело юноша вверься.— Док. № 405.
[Молитва].— Док. № 406.
Песни.— Док. № 407.
Оглаавление: малороссийские.— Док. № 408.
Оглавлеиие: великороссийские.

1846 р. листопада 23.— Лист Л. В. Андрузького до сина Г. Л. Аидрузького з приводу переходу та вчительську роботу.— Док. № 496.

1846 р. листопада 24.— Лист Г. Л. Андрузької до батька Л. В. Андрузького про перебування в інституті.— Док. № 497.

1846 р. листопад, після 24.— Лист Г. Л. Андрузької до сестри М. Л. Андрузької з проханням написати про рідних.— Док. № 498.

1846 р. листопада 30.— Закордонний паспорт П. О. Куліша на подорож до Пруссії, Саксонії на Австрії для вивчення слов'янських мов, виданий міністром виутрішніх справ.— Док. № 4.

1846 р. грудня 5.— Лист Л. В. Андрузького до сиіа Г. Л. Андрузького з приводу переходу на вчительську роботу.— Док. № 499.

1846 р. грудня 11.— Розписка книгарні «Москвитяиииа» про прийняття від П. О. Куліша на комісію книг «Летопись Самовидца» і «Кармаиная книжка для помещиков».— Док. № 19.

1846 р. грудня 12.— Промова Г. Л. Андрузького на смерть студента Київського університету Велижева.— Док. № 513.

1846 р. грудня, не пізніше 12.— Записи Г. Л. Андрузького у зв'язку з смертю студента Київського університету Велижева.— Док. № 512.

1846 р. грудня 13.— Лист І. В. Вернадського до П. О. Куліша з відомостями про ефіопську грамоту.— Док. № 12.

1846 р. грудень.— Лист М. Л. Аидрузької до брата Г. Л. Андрузького з новорічними привітаннимя.— Док. № 515.

1846 р.— Вірш М. Л. Андрузької «Институтка».— Док. № 511.

1846 р.— 1847 р., не пізніше лютого.— Чорнові записи П. О. Куліша.— Док. № 22.

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— Твори Г. Л. Аидрузького, вилучені під час арешту і доставлені в III відділеиия.— Док. № 372—495.

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— Перший проект коиституції.— Док. № 372.

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— Другий проект коиституції. — Док. № 373.

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— Символ віри.— Док. № 374.

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— Твори иа окремих аркушах паперу.— Док. № 409—440.

Піду собі до бережку.— Док. № 409.
Візьму його за рученьку.— Док. № 410.
И весело и грустио.— Док. № 411.

За год назад я в край родной.— Док. № 412.
Я снова увижу Украину святую.— Док. № 413.
Соловеїчку мій, соловеїчку!— Док. № 414.
С грустною думою, с тихой молитвою.— Док. № 415.
Кого боїмося, того вже не любим.— Док. № 416.
Ты добра, как дитя.— Док. № 417.
По степу, степу по широкому.— Док. № 418.
Доле моя, доле.— Док. № 419.
Іде брат у город.— Док. № 420.
Он с нежной улыбкой.— Док. № 421.
Черкес угрюм, черкес сердит.— Док. № 422.
Не питайсь: «Чи є ще Маруся на світі?» — Док. № 423.
Я не видал твоих очей.— Док. № 424.
Старесенький дідусеиьку.— Док. № 425.
Високою могилою.— Док. № 426.
Что вы гревожнте, думы печальные.— Док. № 427.
Боже, хоть ты будь моею роднею! — Док. № 428.
Куда вы волны светлые? — Док. № 429.
Над ним не плакали друзья.— Док. № 430.
Над ней рыдаем мы друзья.— Док № 431.
Довго руту зеленую.— Док. № 432.
Не питайсь, козаче.— Док. № 433.
Кто не скучал, кто не грустил.— Док. № 434.
Ляшеиьку, ляше, й тобі довелося слободи шукати.— Док. № 435.
Долю моя, долю, нащо обіжаєш? — Док. № 436.
Колись наша рідна була чориобрива.— Док. № 437.
Не ховайте мене в зелененькім садку.— Док. № 438.
Є в мене сопілка.— Док. № 439.
Кобзарику, чого зажурився.— Док. № 440.
1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— Зошит третій.— Док. № 441—463.
(Продолжение той песни).— Док. № 441.
В стране прекрасной, изобильной.— Док. № 442.
Благослови труды мои.— Док. № 443.
Ты плачешь, сиротка.— Док. № 444.
Долой сюртуки, бокал наливай.— Док. № 445.
С зимою ли старость сравнишь? — Док. № 446.
Кто б ви был он, друзья, а сердце за него.— Док. № 447.
Живу, не зяаю, как, зачем? — Док. № 448.
Серце рветься на Вкраїну.— Док. № 449.
У дівчини свротини.— Док. № 450.
Що квіточки я сажала.— Док. № 451.
На крыльце свою куклу Паша в цветы убирала.— Док. № 452.
Перед нами два лежат пути.— Док. № 453.
Русская песня.— Док. № 454.
Од недолі, до неволі.— Док. № 455.
[Прощание с институтом].— Док. № 456.
О, господи, сделай меня человеком.— Док. № 457.
Я жизнью безумной, небрежной.— Док. № 458.
Бідне серце, не журися.— Док. № 459.
Боже, спаси й помилуй отца.— Док. № 460.
Слыхал ли ты ручья журчанье? — Док. № 461.
Соловейку в чужім краї.— Док. № 462.
Заглавие.— Док. № 463.
1846 р.— 1847 р. квітня. не пізніше 8.— Твори иа окремих аркушах паперу.— № 464—495.
Ты мне в удел творец.— Док. № 464.
Зостатній запорожець.— Док. № 465.
Бедная Марьечка.— Док. № 466.
Тот деиь и тот час.— Док. № 467.
Сплети мне венок, пастушок.— Док. № 468.
Мне любо в осеиь мрачиую.— Док. № 469.
Последний наш студентский пир.— Док. № 470.
Есть много, много на душе.— Док. № 471.
Институтка.— Док. № 472.
Щось я сам не відаю.— Док. № 473.
Боже милий, боже.— Док. № 474.
Сам собі иащкодив.— Док. № 475.
Крапива містами.— Док. № 476.
От побачать люди,— Док. № 477.

Потрачене время.— Док. № 478.
Глянь на боже небо.— Док. № 479.
Візьми ж, моя дитиночко, хусточку.— Док. № 480.
И грустно и больно, что я не в силах.— Док. № 481.
В того хата, в сього хата.— Док. № 482.
От тебя твой чуть с ума не сойдет.— Док. № 483.
Санджарівка.— Док. № 484.
Верую в ад и рай, всему живущему.— Док. № 485.
Богу не треба ні церквей...— Док. № 486.
О переселении душ.— Док. № 487.
Символ веры.— Док. № 488.
Як вас малих доглядала.— Док. № 489.
Совестные суды.— Док. № 490.
Думка.— Док. № 491.
Пристяжательные имяна...— Док. № 492.
Господи помилуй.— Док. № 493.
Сон.— Док. № 494.
Идеал монархии.— Док. № 495.

1846 р.— 1847 р. квітня, не пізніше 8.— Папери, вилучені в Г. Л. Андрузького під час його арешту і доставлені в III відділення на вимогу О. Ф. Орлова.— Док. № 511—516.

Се той образочок, що милий носив.— Док. № 514.

1847

1847 р. січня 4.— Лист Л. В. Андрузького до сина Г. Л. Аидрузького про надіслання грошей.— Док. № 500.

1847 р. січня 30.— Лист П. Л. Андрузької до батька Л. В. Андрузького з вітанням і повідомленням новин.— Док. № 501.

1847 р. січня 30.— Лист М. Свічки до своєї бабусі Ф. П. Свічки про перебування в інституті шляхетних дівчат.— Док. № 504.

1847 р. січня 30.— Лист М. Кошикової до Ф. П. Свічки про навчання її онуки Марії.— Док. № 505.

1847 р. січня 30.— Лист Г. Л. Андрузької до батька Л. В. Андрузького з вітанням і повідомленням про себе.— Док. № 506.

1847 р. січня, не раніше 30.— Лист П. Л. Андрузької до М. Столпачової з привітанням у зв'язку з одруженням.— Док. № 502.

1847 р. лютого 18.— Лист М. Максимовича з Петербурга до П. О. Куліша з вітанням і побажанням щастя в зв'язку з одруженням та повідомленням петербурзьких новин.— Док. № 21.

1847 р. лютого 24.— Лист М. А. Рігельмана до Людовіта Штура у Братіславу про зміцнення культурних зв'язків між слов'инськими народами та передачу через П. О. Куліша, який їде за кордон, віршів О. В. Кольцова та «Описания московской Оружейной палаты».— Док. № 14.

1847 р. лютого 25.— Лист М. А. Рігельмана до В. В. Ганки з висловленням приязні й повідомленням про надіслання книжок та з проханням взяти участь у підготовці видання російсько-слов'янського журналу і прихильно прийняти П. О. Куліша.— Док. № 27.

1847 р. березня 1.— Лист П. О. Чуйкевича з Кам'янець-Подільського до П. О. Куліша у Варшаву з вітанням з нагоди одруження та з відомостями про смерть його батька.— Док. № 23.

1847 р. березня 6.— Паспорт О. М. Куліш на виїзд за кордон.— Док. № 105.

1847 р. березня 7.— Поема Т. Г. Шевченка «Осика», вилучена жандармами під час його арешту 5 квітня 1847 р. і додана до слідчої справи.— Док. № 256.

1847 р. березня 20.— Відношення О. Ф. Орлова до чернігівського, полтавського і харківського генерал-губернатора М. А. Долгорукова про доставлення О. О. Навроцького в III відділення.— Док. № 330.

1847 р. березня 22.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра внутрішніх справ Л. О. Перовського про затримання П. О. Куліша, який через Київ виїхав за кордон.— Док. № 1.

1847 р. березня 31.— Лист П. О. Куліша з Варшави до П. О. Чуйкевича в Кам'янець-Подільський про одруження та подорож за кордон.— Док. № 20.

1847 р. березень.— Лист матері Г. Л. Аидрузького до його сестри П. Л. Андрузької з вітанням з нагоди свята.— Док. № 516.

1847 р. березень.— Записи П. О. Куліша про огляд Корецького замку.— Док. № 15.

1847 р., не пізніше березня.— Пам'ятні записи П. О. Куліша.— Док. № 13.

1847 р., не пізніше березня.— Пам'ятні записи П. О. Куліша.— Док. № 16.

1847 р., не пізніше березня.— Список адрес різних осіб, складений П. О. Кулішем.— Док. № 24.

1847 р. квітня 2.— Відношення київського губернатора І. І. Фундуклея до III відділення про обшук, арешт Г. Л. Аидрузького й відправлення його в Петербург.— Док. № 370.

1847 р. квітня 3.— Відношення намісника Царства Польського І. Ф. Паскевича-Єрванського (кн. Варшавського) до О. Ф. Орлова з повідомленням про арешт П. О. Куліша у м. Варшаві і відправлення його до III відділення.— Док. № 3.

1847 р. квітня 3.— Відношення варшавського військового губернатора М. Д. Горчакова до О. Ф. Орлова з повідомленням про відправлення П. О. Куліша в III відділення.— Док. № 5.

1847 р. квітня 3.— Відношення полтавського губернатора М. І. Озноб ишина до III відділення з повідомленням про відправлення О. О. Навроцького в Петербург.— Док. № 331.

1847 р. квітня 5.— Довідка III відділення про П. О. Куліша.— Док. № 2.

1847 р. квітня 6.— Відношення київського губернатора І. І. Фундуклея до III відділення про арешт і відправлення Т. Г. Шевченка в Петербург.— Док. № 228.

1847 р. квітня 6.— Опис рукописів і книг, відібраних у Т. Г. Шевченка під час арешту.— Док. № 229.

1847 р. квітня 8.— Відношення О. Ф. Орлова до чернігівського, полтавського і харківського генерал-губернатора М. А. Долгорукова про обшук та арешт Г. Л. Андрузького.— Док. № 367.

1847 р. квітня, не пізніше 8.— Лист П. Л. Андрузької до сестри М. Л. Андрузької, в якому розповідає про своїх учителів М. І. Костомарова і Селіна.— Док. № 503.

1847 р. квітня 10.— Квитанція про прийняття П. О. Куліша та його документів, видана III відділенням капітану Варшавського жандармського дивізіону Ягміну. — Док. № 6.

1847 р. квітня 10.— Витяги з документів, вилучених у П. О. Куліша під час арешту.— Док. № 29.

1847 р. квітня 10 (22).— Паспорт О. М. Куліш для поїздки з Варшави до Петербурга, виданий варшавським військовим генерал-губернатором.— Док. № 55.

1847 р. квітня 10.— Квитанція, видана III відділенням штаб-ротмістру Паліцину, про прийняття О. О. Навроцького і його паперів та речей.— Док. № 332.

1847 р. квітня 10.— Записка III відділення про доставлення О. О. Навроцького в Петербург та розгляд відібраних у нього рукописів, серед яких виявлено вірш М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта».— Док. № 334.

1847 р. квітня (10).— Висновок дійсного статського радника М. Є. Писарева про зміст твору П. О. Куліша «Січові гості» (споминка старого діда), відібраного в О. О. Навроцького під час його арешту.— Док. № 335.

1847 р. квітня 12.— Записка О. Ф. Орлова президентові Академії художеств М. Лейхтенберзькому з проханням надіслати відомості про Т. Г. Шевченка.— Док № 226.

1847 р. квітня 12.— Відношення О. Ф. Орлова до полтавського губернатора М. І. Озноб ишина з повідомленням про доставлення О. О. Навроцького в III відділення і про повернення прогонних і добових грошей.— Док. № 333.

1847 р. квітня 12.— Виклад змісту паперів Г. Л. Андрузького, зроблений у III відділенні.— Док № 507.

1847 р. квітня 13.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта, в якому він посилається на свою «Карманную книжку для помещиков», видаиу під псевдонімом «штаб-лікаря Гладкого», як на свідчення прихильного ставлення до росіян.— Док. № 32.

1847 р. квітня 14.— Відношення О. Ф. Орлова до чернігівського, полтавського і харківського генерал-губернатора М. А. Долгорукова з проханням дати розпорядження доставити у III відділення рукописи П. О. Куліша, які він залишив у М. Д. Білозерського в м. Борзні, Чернігівської губернії.— Док. № 38.

1847 р. квітня 14.— Реєстр рукописів та інших документів, залишенних П. О. Кулішем на зберіганні у М. Д. Білозерського.— Док. № 39.

1847 р. квітня 14.— Відношення О. Ф. Орлова до харківського губернатора С. М. Муханова з проханням, на випадок хвороби генерал-губернатора, дати розпорядження доставити із Борзни в III відділення папери П. О. Куліша.— Док. № 40.

1847 р. квітня 14.— Відношення президента Академії художеств герцога М. Лейхтенберзького до О. Ф. Орлова про поведінку Т. Г. Шевченка під час навчання в Академії.— Док. № 227.

1847 р. квітня 14.— Протокол допиту О. О. Навроцького в III відділенні.— Док. № 336.

1847 р. квітня 14.— Протокол допиту Г. Л. Андрузького в III відділенні.— Док. № 517.

1847 р. квітня 16.— Протокол допиту П. О. Куліша в III відділенні.— Док. № 36.

1847 р. квітня 16.— Відношення О. Ф. Орлова до київського, подільського і волинського генерал-губернатора Д. Г. Бібікова з проханням надіслати в III відділення зошит із записами Г. Л. Андрузького, який був залишений у Києві.— Док. № 508.

1847 р. квітня 16.— Відношення київського, подільського і волинського генерал-губернатора Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з повідомленням про те, що він наказав київському губернатору негайно надіслати в III відділення зошит Г. Л. Андрузького.— Док. № 509.

1847 р. квітня 17.— Квитанціи, видана III відділенням квартальному наглядачеві київської поліції Гришкову про прийняття Т. Г. Шевченка і його паперів та речей.— Док. № 230.

1847 р. квітня 17.— Записка III відділення про доставлення Т. Г. Шевченка до Петербурга та розгляд відібраних у нього рукописів.— Док. № 258.

1847 р. квітня 17.— Виклад змісту творів Т. Г. Шевченка, опублікованих у «Кобзарі» 1843 р., зроблений III відділенням.— Док. № 259.

1847 р. квітня 17.— Квитанція, видана III відділенням рядовому київської жандармської команди М. Коломійцеву про привезення Г. Л. Андрузького до Петербурга.— Док. № 371.

1847 р. квітня 21.— Записка III відділення про те, що Т. Г. Шевченко у минулому був кріпаком.— Док. № 260.

1847 р. квітня 21.— Протокол допиту Т. Г. Шевченка у III відділенні.— Док. № 261.

1847 р. квітня 22.— Відношення в. о. петербурзького військового генерал-губернатора П. А. Шувалова до О. Ф. Орлова про одержання листа від варшавського генерал-губернатора з відомостями про арешт і відправлення до III відділення П. О. Куліша і В. М. Білозерського та видачу паспорта О. М. Куліш для проїзду в Петербург.— Док. № 51.

1847 р. квітня 24.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням клопотатися перед Миколою I про помилування та з поясненням причин написання та видання «Повести об украинском народе».— Док. № 33.

1847 р. квітня 26.— Припис О. Ф. Орлова петербурзькому обер-поліцмейстеру С. О. Кокошкіну надіслати в III відділення квиток на право мешкати в Петербурзі О. М. Куліш.— Док. № 54.

1847 р. квітня 27.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням направити до нього лікаря.— Док. № 35.

1847 р. квітня 29.— Відношення петербурзького обер-поліцмейстера С. О. Кокошкіна до Л. В. Дубельта, в якому він запитує, чи можна дозволити мешкати в Петербурзі О. М. Куліш, що прибула сюди з паспортом, виданим варшавським військовим генерал-губернатором, і чи не слід встановити за нею таємний нагляд поліції.— Док. № 52.

1847 р. квітня 30.— Виклад змісту уривків роману «Чорна рада» П. О. Куліша, опублікованих у журналах «Москвитянин» і «Современник», зробленим III відділенням.— Док. № 30.

1847 р. квітня 30.— Протокол другого допиту О. О. Навроцького в III відділенні.— Док. № 337.

1847 р. квітня, не раніше 30.— Пояснення П. О. Куліша в III відділенні з приводу роману «Чорна рада».— Док. № 31.

1847 р. квітня.— Доповідна записка Л. В. Дубельта О. Ф. Орлову про зміст документів, вилучених у П. О. Куліша під час арешту.— Док. № 28.

1847 р. квітня.— Відповідь П. О. Куліша на запитання Л. В. Дубельта про те, звідки він дізнався про приїзд у Петербург дружини О. М. Куліш та М. Д. і В. М. Білозерських.— Док. № 34.

1847 р. травня 1.— Відношення Л. В. Дубельта до петербурзького обер-поліцмейстера С. О. Кокошкіна про встановлення таємного нагляду за М. О. Куліш та надіслання в III відділення квитка на право проживання в Петербурзі.— Док. № 53.

1847 р. травня 6.— Відношення київського, подільського і волинського генерал-губернатора Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з повідомленням про надіслання паперів, взятих у Г. Л. Андрузького під час арешту.— Док. № 510.

1847 р. травня 7.— Відношення харківського губернатора С. М. Муханова до О. Ф. Орлова про надіслання його листів з приводу доставлення паперів П. О. Куліша в III відділення чернігівському і полтавському губернаторам.— Док. № 41.

1847 р. травня 8.— Рапорт в. о. петербурзького обер-поліцмейстера О. П. Галахова О. Ф. Орлову про надіслання в III відділення квитка на право проживання в Петербурзі О. М. Куліш.— Док. № 56.

1847 р. травня 8.— Відношення полтавського губернатора М. І. Однобишина до О. Ф. Орлова з повідомленням про відправлення в Пирятин пристава для обшуку й арешту Г. Л. Андрузького.— Док. № 369.

1847 р. травня 10.— Відношення полтавського губернатора М. І. Однобишина до О. Ф. Орлова з повідомленням про арешт Г. Л. Андрузького під час його переправи через Дніпро.— Док. № 368.

1847 р. травня 11.— Лист вятського губернатора Я. І. Середи до О. Ф. Орлова про виконання розпорядження ув'язнити О. О. Навроцького на шість місяців у тюрму.— Док. № 344.

1847 р. травня 13.— Перелік книг П. О. Куліша, які зберігались у М. Д. Білозерського на хуторі Миколаєві Борзнянського повіту Чернігівської губ.— Док. № 43.

1847 р. травня 13.— Опис документів П. О. Куліша, знайдених у М. Д. Білозерського і надісланих до III відділення.— Док. № 44.

1847 р. травня 13.— Опис документів П. О. Куліша, вилучених у М. Д. Білозерського.— Док. № 45.

1847 р. травня 14.— Відношення чернігівського губернатора П. І. Гессе до О. Ф. Орлова з повідомленням про надіслання в III відділення паперів П. О. Куліша, вилучених у М. Д. Білозерського в м. Борзні Чернігівської губернії.— Док. № 42.

1847 р. травня 15.— Запис очної ставки П. О. Куліша та Г. Л. Андрузького в III відділенні.— Док. № 37.

1847 р. травня 15.— Запис очної ставки Т. Г. Шевченка з Г. Л. Андрузьким у III відділенні.— Док. № 262.

1847 р. травня 15.— Запис очної ставки О. О. Навроцького з В. М. Білозерськнм, І. Я. Пасядою, Г. Л. Андрузьким і О. М. Петровим.— Док. № 338.

1847 р. травня, не раніше 15.— Запис рішення в справі О. О. Навроцького, зробленнй III відділенням.— Док. № 339.

1847 р. травня 17.— Додаткові пояснення Г. Л. Андрузького в III відділенні.— Док. № 518.

1847 р. травня 23.— Відношення намісннка Царства Польського І. Ф. Паскевича-Єрнванського (кн. Варшавського) до О. Ф. Орлова з проханням датн розпорядження компенсуватн витрати на доставлення П. О. Куліша в III відділення.— Док. № 7.

1847 р. травня 30.— Реєстр, складеннй у III відділенні під час відправлення П. О. Куліша до Петропавловської фортеці для відбуття покарання в Олексіївському равеліні.— Док. № 50.

1847 р. травня 30.— Лнст О. Ф. Орлова до О. М. Куліш з повідомленням про видачу їй чотнрнмісячного жалуваиня П. О. Куліша.— Док. № 57.

1847 р. травня 30.— Запис рішення в справі Т. Г. Шевченка, зроблений III відділенням.— Док. № 263.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до військового міністра О. І. Чернншова про наказ Миколи І заслати Т. Г. Шевченка солдатом до Окремого оренбурзького корпусу з забороиою писатн і малюватн.— Док. № 265.

1847 р. травня 30.— Відношення військового міністерства до О. Ф. Орлова з повідомленням про те, шо уже дано розпорядження з прнводу відправлення Т. Г. Шевченка в Оренбурзькнй корпус.— Док. № 266.

1847 р. травня 30.— Розпнска військового міністерства про прнйняття від III відділення Т. Г. Шевченка, його речей і грошей.— Док. № 267.

1847 р. травня 30.— Розпорядження О. Ф. Орлова поручику петербурзького жандармського дивізіону Ларіонову про заслання О. О. Навроцького у Вятську губернію.— Док. № 340.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до вятського губернатора Я. І. Середи про заслання О. О. Навроцького у Вятку.— Док. № 341.

1847 р. травня 30.— Розпорядження О. Ф. Орлова начальннкові 7-го округу корпусу жандармів П. Ф. Львову про внконання волі царя в справі Г. Л. Андрузького, І. Я. Пасяди та О. О. Навроцького і встановлення за нимн суворого нагляду.— Док. № 342.

1847 р. травня 30.— Розпнска вятського губернатора Я. І. Середи про прнйняття від III відділеиня О. О. Навроцького, його речей і грошей.— Док. № 346.

1847 р. травня 30.— Запис канцелярією III відділення рішення в справі Г. Л. Андрузького.— Док. № 519.

1847 р. травня 30.— Припис О. Ф. Орлова поручнку петербурзького жандармського дивізіону Ніколаєву про відправлення Г. Л. Андрузького в Казань.— Док. № 520.

1847 р. травня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до в. о. попечнтеля Казанського учбового округу М. І. Лобачевського з повідомленням про направлення Г. Л. Андрузького та І. Я. Пасяди для продовження навчання під суворим поліпейськнм наглядом.— Док. № 521.

1847 р. травня 30.— Запис канцелярії III відділення про розпорядження встановити нагляд за Г. Л. Андрузьким та О. О. Навроцькнм.— Док. № 522.

1847 р. травня, не раніше 30.— Висновок III відділення про справу П. О. Куліша та встановл ння таємного иагляду за його дружнною О. М. Куліш.— Док. № 48.

1847 р. травня, не раніше 30.— Перелік докумеитів, які стосуються справн П. О. Куліша, але знаходяться у справі М. І. Костомарова, складеннй у III відділенні.— Док. № 49.

1847 р. травня, не раніше 30.— Запнс III відділення про оголошення вироку Т. Г. Шевченкові.— Док. № 264.

1847 р. травня 31.— Відношення О. Ф. Орлова до міиістра внутрішніх справ Л. О. Перовського про встановлення таємного нагляду за О. М. Куліш.— Док. № 58.

1847 р. травня 31.— Припис О. Ф. Орлова начальникові I округу корпусу жандармів Д. П. Полозову встановити таємнній нагляд за О. М. Куліш після прнбуття її до Вологдн.— Док. № 59.

1847 р. травня 31.— Розпорядження О. Ф. Орлова начальннкові 7-го округу корпусу жандармів П. Ф. Львову через кожні шість місяців повідомляти III відділення про поведінку О. О. Навроцького, Г. Л. Андрузького і І. Я. Пасяди иа засланні.— Док. № 343.

1847 р. травень.— Записка III відділення про одержання рукописів П. О. Куліша з м. Борзнн Чернігівської губернії.— Док. № 47.

1847 р. червня 2.— Відношення О. Ф. Орлова до київського губернатора І. І. Фундуклея про надсилку в III відділення малюнків і малярських приладь Т. Г. Шевченка.— Док. № 268.

1847 р. червня 3.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра фінансів Ф. П. Вронченка з проханням компенсувати витрати канцелярії намісника Царства Польського на доставлення П. О. Куліша з Варшави до Петербурга.— Док. № 8.

1847 р. червня 3.— Відношення О. Ф. Орлова до намісника Царства Польського І. Ф. Паскевича-Єриванського (кн. Варшавського) про надіслання міністрові фінансів Ф. П. Вронченку листа з проханням компенсувати витрати на доставлення П. О. Куліша в III відділення.— Док. № 9.

1847 р. червня 6.— Відношення міністра фінансів Ф. П. Вронченка до О. Ф. Орлова про розпорядження Гродненській казенній палаті компенсувати канцелярії намісника Царства Польського витрати на доставлення П. О. Куліша у III відділення.— Док. № 10.

1847 р. червня 6.— Донесення начальника І округу корпусу жандармів Д. П. Полозова у III відділення про результати таємного нагляду за О. М. Куліш під час її від'їзду з Петербурга.— Док. № 60.

1847 р. червня 7.— Відношення міністра народної освіти С. С. Уварова до О. Ф. Орлова з повідомленням про те, що в рахунок утримання під час подорожі П. О. Кулішеві було виплачено 571 крб. 84 коп.— Док. № 61.

1847 р. червня 7.— Реєстр речей і грошей Г. Л. Андрузького.— Док. № 525.

1847 р. червня 7.— Реєстр речей Г. Л. Андрузького, привезених ним до Казані.— Док. № 527.

1847 р. червня 8.— Розписка вятського губернатора Я. І. Середи про прийняття від III відділення О. О. Навроцького, його речей і грошей.— Док. № 346.

1847 р. червня 8.— Квитанція, видана помічником інспектора Казанського університету О. Заммером поручику Ніколаєву, про прийняття Г. Л. Андрузького до університету.— Док. № 526.

1847 р. червня 8.— Лист Г. Л. Андрузького до попечителя Київського учбового округу Траскіна, в якому він засуджує свої перші свідчення, які неправдиві.— Док. № 531.

1847 р. червня, не раніше 8 — 1850 р. березня, не пізніше 28.— Начерки конституції республіки, вилучені в Г. Л. Андрузького під час обшуку в березні 1850 р.— Док. № 558.

1847 р. червня 9.— Відношення попечителя Казанського учбового округу М. І. Лобачевського до О. Ф. Орлова про влаштування Г. Л. Андрузького і І. Я. Пасяди в університет.— Док. № 523.

1847 р. червня 10.— Відношення О. Ф. Орлова до керуючого військовим міністерством В. Ф. Адлерберга з проханням доставити у III відділення лист і гроші, надіслані П. О. Кулішу на С.-Петербурзький поштамп Білозерською з м. Борзни Чернігівської губернії.— Док. № 62.

1847 р. червня 10.— Квитанція, видана канцелярією вятського губернатора поручику Ларіонову про доставлення ним у Вятку О. О. Навроцького.— Док. № 347.

1847 р. червня 10.— Лист Г. Л. Андрузького до батька Л. В. Андрузького, в якому говорить про свої перші неправдиві свідчення.— Док. № 534.

1847 р. червня 11.— Лист Г. Л. Андрузького до попечителя Казанського учбового округу М. І. Лобачевського про неправдивість своїх перших свідчень.— Док. № 528.

1847 р. червня 14.— Відношення київського губернатора І. І. Фундуклея до О. Ф. Орлова з повідомленням, що малюнки і малярські приладдя Т. Г. Шевченка, передані київському військовому, подільському і волинському генерал-губернаторові.— Док. № 269.

1847 р. червня 16.— Лист Л. В. Дубельта до О. М. Куліш про надіслання їй 214 крб. 43 коп. в рахунок жалування П. О. Куліша.— Док. № 63.

1847 р. червня 18.— Рапорт поручика петербурзького жандармського дивізіону Ніколаєва О. Ф. Орлову про доставлення Г. Л. Андрузького в Казань.— Док. № 524.

1847 р. червня 21.— Рапорт поручика Ларіонова О. Ф. Орлову про доставлення О. О. Навроцького у Вятку і передачу його цивільному губернатору.— Док. № 345.

1847 р. червня 23.— Лист О. М. Куліш до О. Ф. Орлова з проханням клопотатись перед Миколою I про помилування П. О. Куліша.— Док. № 64.

1847 р. червня 24.— Відношення київського генерал-губернатора Д. Г. Бібікова до III відділення про надіслання Шевченкових малюнків і ящика з фарбами.— Док. № 270.

1847 р. червня 24.— Відношення київського, подільського і волинського генерал-губернатора Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з повідомленням про повернення О. Андрущенкові листа.— Док. № 529.

1847 р. червня 25.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі I про стан здоров'я ув'язненого в Олексіївському равеліні П. О. Куліша, в якій він пропонує дозволити перевести його в арештантське відділення 2-го військово-сухопутного госпіталю.— Док. № 65.

1847 р. червня 27.— Відношення О. Ф. Орлова до керуючого військовим міністерством В. Ф. Адлерберга з повідомленням дозволу Миколи I перевести П. О. Куліша з Олексіївського равеліну до арештантського відділення 2-го військово-сухопутного госпіталя у зв'язку з погіршенням стану здоров'я.— Док. № 66.

1847 р. червня 27.— Припис О. Ф. Орлова комендантові Петропавлівської фортеці І. М. Скобелеву перевести П. О. Куліша з Олексіївського равеліну до арештантського відділення 2-го військово-сухопутного госпіталю у зв'язку а погіршенням стану здоров'я,— Док. № 67.

1847 р. червня 28.— Лист Л. В. Дубельта до О. М. Куліш про дозвіл Миколи І перевести П. О. Куліша з Олексіївського равеліну до арештантського відділення 2-го військово-сухопутного госпіталю.— Док. № 68.

1847 р. липня 2.— Рапорт коменданта Петропавловської фортеці І. М. Скобелєва О. Ф. Орлову про відправлення П. О. Куліша в арештантське відділення 2-го військово-сухопутного госпіталю на лікування.— Док. № 69.

1847 р. липня 4.— Відношення керуючого військовим міністерством В. Ф. Адлерберга до О. Ф. Орлова з повідомленням про прийняття П. О. Куліша на лікування в арештантське відділення 2-го Військово-сухопутного госпіталю.— Док. № 70.

1847 р. липня 5.— Відношення київського, подільського і волинського генерал-губернатора Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова про лист Г. Л. Андрузького, в якому твердить, що неправдиві свідчення він дав у результаті намовлянь помічника інспектора студентів Троцького-Сенютовича.— Док. № 530.

1847 р. липня 10.— Прохання Л. В. Андрузького на ім'я Миколи І про дозвіл листуватись з сином Г. Л. Андрузьким.— Док. № 535.

1847 р. липня 15.— Відношення О. Ф. Орлова до оренбурзького військового губернатора В. О. Обручева з повідомленням про залишення Шевченкових малюнків і ящика з фарбами в III відділенні.— Док. № 271.

1847 р. липня 17.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра народної освіти С. С. Уварова з проханням попередити Г. Л. Андрузького, щоб він не розголошував про кирило-мефодіївців і слідство над ними.— Док. № 532.

1847 р. липня 22.— Подання чернігівського, полтавського і харківського генерал-губернатора С. О. Кокошкіна О. Ф. Орлову про витрати, пов'язані з відправленням О. О. Навроцького з Золотоноші до Полтави і з Полтави до Петербурга.— Док. № 348.

1847 р. липня 22.— Лист О. Ф. Голіцина до О. Ф. Орлова з проханням дозволити Г. Л. Андрузькому листуватися з батьком.— Док. № 533.

1847 р. липня 26.— Відношення О. Ф. Орлова до керуючого військовим міністерством В. Ф. Адлерберга з проханням прискорити доставку в III відділення листа і грошей, надісланих П. О. Кулішу із м. Борзни Чернігівської губернії на С.-Петербурзький поштамт.— Док. № 71.

1847 р. липня 26.— Лист О. М. Куліш до О. Ф. Орлова з проханням помилувати П. О. Куліша і дозволити йому після звільнення служити в одній з південних губерній.— Док. № 76.

1847 р. липня 26.— Відношення київського генерал-губернатора Д. Г. Бібікова до О. Ф. Орлова з повідомленням про відіслання речей і паперів Т. Г. Шевченка та О. М. Петрова.— Док. № 272.

1847 р. липня 26.— Опис книг О. М. Петрова, пересланих йому з Києва.— Док. № 273.

1847 р. липня 28.— Повідомлення О. Ф. Орлова петербурзькому обер-поліцмейстеру С. О. Кокошкіну про дозвіл Л. В. Андрузькому листуватись з сином, при умові, що останній в листах не буде згадувати про Кирило-Мефодіївське товариство.— Док. № 536.

1847 р. липня 31.— Відношення керуючого військовим міністерством В. Ф. Адлерберга до О. Ф. Орлова з повідомленим, що лист і гроші на ім'я П. О. Куліша С.-Петербурзьким поштамтом ще не одержані.— Док. № 72.

1847 р. серпня 4.— Повідомлення О. Ф. Орлова чернігівському, полтавському і харківському генерал-губернатору С. О. Кокошкіну про перерахування Міністерством фінансів грошей, витрачених на доставлення О. О. Навроцького до Петербурга.— Док. № 349.

1847 р. серпня 4.— Свідоцтво медичного факультету Казанського університету про стан здоров'я Г. Л. Андрузького.— Док. № 540.

1847 р. серпня 6.— Відношення О. Ф. Орлова до військового міністра О. І. Чернишова з проханням наказати оглянути П. О. Куліша і надіслати в III відділення медичний висновок про його стан здоров'я.— Док. № 77.

1847 р. серпня 8.— Лист О. М. Куліш до Л. В. Дубельта з проханням видати їй новий квиток на право мешкати в Петербурзі і зажадати, щоб Варшавський поштамт надіслав гроші, одержані ним на ім'я П. О. Куліша.— Док. № 73.

1847 р. серпня 9.— Донесення петербурзького обер-поліцмейстера С. О. Кокошкіна О. Ф. Орлову про те, що він повідомив Л. В. Андрузькому умови, на яких він може листуватись із сином.— Док. № 537.

1847 р. серпня 11.— Відношення Л. В. Дубельта до петербурзького обер-поліцмейстера О. П. Галахова з проханням надіслати в III відділення квиток О. М. Куліш на право проживання в Петербурзі.— Док. № 74.

1847 р. серпня 14.— Відношення петербурзького обер-поліцмейстера О. П. Галахова до Л. В. Дубельта з повідомленням про надіслання в III відділення квитка на право проживання в Петербурзі О. М. Куліш.— Док. № 75.

1847 р. серпня 16.— Відношення військового міністра О. І. Чернишова до О. Ф. Орлова з повідомленим про надіслання в III відділення медичного свідоцтва про стан здоров'я П. О. Куліша.— Док. № 78.

1847 р. серпня, не пізніше 16.— Медичне свідоцтво, видане 2-м військово-сухопутним госпіталем про стан здоров'я П. О. Куліша.— Док. № 79.

1847 р. серпня 19.— Відношення міністра народної освіти С. С. Уварова до О. Ф. Орлова про попередження Г. Л. Андрузького зберігати в таємниці відомості про Кирило-Мефодіївське товариство.— Док. № 538.

1847 р. серпня 22.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі I з пропозицією, зважаючи на поганий стан здоров'я, припинити ув'язнення П. О. Куліша і вислати його до Тули «со всеми прочими ограничениями».— Док. № 80.

1847 р. серпня 25.— Відношення О. Ф. Орлова до військового міністра О. І. Чернишова про звільнення П. О. Куліша з арештантського відділення 2-го військово-сухопутного госпіталю і направлення його під вартою в III відділення.— Док. № 81.

1847 р. серпня 25.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра внутрішніх справ Л. О. Перовського про звільнення П. О. Куліша з арештантського відділення 2-го військово-сухопутного госпіталю і направлення його на заслання в м. Тулу під суворий таємний нагляд.— Док. № 82.

1847 р. серпня 25.— Відношення О. Ф. Орлова до тульського військового губернатора М. М. Муравйова з повідомленням про відправлення П. О. Куліша на заслання в м. Тулу під суворий таємний нагляд.— Док. № 83.

1847 р. серпня 25.— Припис О. Ф. Орлова начальникові 2-го округу корпусу жандармів С. В. Перфильєву встановити нагляд за П. О. Кулішем після прибуття його до Тули.— Док. № 84.

1847 р. серпня 26.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра внутрішніх справ Л. О. Перовського про встановлення таємного нагляду за О. М. Куліш в Тулі.— Док. № 86.

1847 р. серпня 26.— Припис О. Ф. Орлова начальникові 2-го округу корпусу жандармів С. В. Перфильєву про встановлення таємного нагляду за О. М. Куліш у Тулі.— Док. № 87.

1847 р. серпня 26.— Відношення О. Ф. Орлова до начальника 1-го округу корпусу жандармів Д. П. Полозова з повідомленням про від'їзд О. М. Куліш до Тули та встановлення за нею таємного нагляду.— Док. № 88.

1847 р. серпня 26.— Відношення військового міністра О. І. Чернишова до О. Ф. Орлова з повідомленням про відправлення П. О. Куліша з арештантського відділення 2-го військово-сухопутного госпіталю в III відділення.— Док. № 89.

1847 р. серпня 26.— Довідка III відділення про папери і речі Т. Г. Шевченка.— Док. № 275.

1847 р. серпня, не раніше 26.— Запит III відділення О. Ф. Орлову, про те, чи продовжувати таємний нагляд за О. М. Куліш.— Док. № 85.

1847 р. серпня 29.— Відношення О. Ф. Орлова до військового міністра О. І. Чернишова з повідомленням про прийняття III відділенням П. О. Куліша, доставленого з арештантського відділення 2-го військово-сухопутного госпіталю.— Док. № 90.

1847 р. серпня 29.— Розпорядження О. Ф. Орлова комендантові Петропавловської фортеці І. М. Скобелєву надіслати в III відділення речі й гроші П. О. Куліша.— Док. № 91.

1847 р. серпня 29.— Рапорт коменданта Петропавловської фортеці І. М. Скобелєва О. Ф. Орлову про надіслання до III відділення речей і грошей П. О. Куліша.— Док. № 92.

1847 р. серпня 29.— Лист П. О. Куліша до О. Ф. Орлова з подякою за скорочення терміну арешту.— Док. № 103.

1847 р. серпня 31.— Припис О. Ф. Орлова Л. В. Дубельту видати П. О. Кулішу 100 крб. на дорогу.— Док. № 94.

1847 р. серпня 31.— Припис О. Ф. Орлова поручикові петербурзького жандармського дивізіону Чулкову про доставлення П. О. Куліша під вартою на заслання до Тули.— Док. № 95.

1847 р. серпня 31.— Відношення О. Ф. Орлова до тульського військового губернатора М. М. Муравйова про відправлення до Тули на заслання П. О. Куліша.— Док. № 96.

1847 р. серпня, не раніше 31.— Подання Л. В. Дубельта О. Ф. Орлову на видачу грошей для відправлення П. О. Куліша на заслання.— Док. № 93.

1847 р. вересня 2.— Відношення першої експедиції III відділення до штабу корпусу жандармів з повідомленням про відправлення П. О. Куліша на заслання в Тулу.— Док. № 97.

1847 р. вересня 6.— Відношення Л. В. Дубельта до петербурзького обер-поліцмейстера О. П. Галахова з повідомленням про повернення квитка на право О. М. Куліш проживати у Петербурзі.— Док. № 98.

1847 р. вересня 9.— Квитанція, видана тульським губернатором М. М. Муравйовим поручику С.-Петербурзького дивізіону Чулкову, про доставлення П. О. Куліша в Тулу.— Док. № 100.

1847 р. вересня 15.— Рапорт поручика петербурзького жандармського дивізіону Чулкова Л. В. Дубельту про доставлення П. О. Куліша на заслання в Тулу.— Док. № 99.

1847 р. вересня 16.— Донесення начальника 2-го округу корпусу жандармів С. В. Перфильєва О. Ф. Орлову про доставлення П. О. Куліша на заслання в Тулу.— Док. № 101.

1847 р. вересня 25.— Відношення тульського віце-губернатора С. М. Бараиовича до О. Ф. Орлова з повідомленням про прибуття в Тулу П. О. Куліша і призначення його иа службу в канцелярію губернатора.— Док. № 102.

1847 р. листопада 1.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання перед Миколою I дозволити друкувати свої твори.— Док. № 104.

1847 р. листопада 10.— Лист Л. В. Дубельта до П. О. Куліша з повідомленням відмови О. Ф. Орлова порушити клопотання з приводу дозволу друкувати його твори.— Док. № 106.

1847 р. листопада 10.— Відношення ректора Петербурзького університету П. О. Плетньова до Л. В. Дубельта з проханням допомогти П. О. Кулішеві влаштуватися на роботу в Тулі.— Док. № 108.

1847 р. листопада 13.— Відношення Л. В. Дубельта до ректора Петербурзького університету П. О. Плетньова, в якому повідомляє, що він просив тульського губернатора влаштувати П. О. Куліша иа роботу.— Док. № 107.

1847 р. листопада 13.— Відношення О. Ф. Орлова до тульського губернатора М. І. Крузенштерна з проханням влаштувати П. О. Куліша на роботу.— Док. № 109.

1847 р. грудня 20.— Відношення тульського губернатора М. І. Крузенштериа до О. Ф. Орлова з повідомленням про призиачеиня П. О. Куліша наглядачем лікарні Тульського приказу в справах громадської опіки.— Док. № 112.

1847 р. грудня 23.— Лист П. О. Куліша до П. О. Погодіна про тяжкі умови життя в Тулі.— Док. № 111.

1847 р. грудня, після 23.— Лист ректора Петербурзького університету П. О. Плетньова до Л. В. Дубельта з прохаиням звернутися до тульського губернатора М. І. Крузенштерна, щоб він спрняв П. О. Кулішеві.— Док. № 113.

1847 р. грудня 24.— Рапорт начальника 2-го округу корпусу жандармів С. В. Перфильєва О. Ф. Орлову про наслідки таємного нагляду за П. О. Кулішем.— Док. № 110.

1847 р. грудня 24.— Відношеиня міиістра народної освіти С. С. Уварова до О. Ф. Орлова про прохання Г. Л. Андрузького звільнити його від иавчання в Казанському університеті за станом здоров'я.— Док. № 539.

1847 р. грудня 29.— Відношення міиістра народиої освіти С. С. Уварова до О. Ф. Орлова про арешт Г. Л. Авдрузького на одну добу в Казанському університеті.— Док. № 542.

1847 р. грудня 30.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі I про звільиення Г. Л. Андрузького з університету за станом здоров'я.— Док. № 541.

1847 р. грудня 31.— Відношеиня О. Ф. Орлова до міиістра внутрішніх справ Л. О. Перовського про звільнеиня Г. Л. Андрузького з Казаиського університету.— Док. № 543.

1847 р. грудня 31.— Відношення О. Ф. Орлова до міиістра иародиої освіти С. С. Уварова про звільиеиня Г. Л. Андрузького з Казанського університету.— Док. № 544.

1847 р.— Записи П. О. Куліша про грошові разрахункн.— Док. № 18.

[*1847 р.*] — Лист П. О. Куліша до Кронбергера (?) з проханням купити книжки сербською, чеською мовамн і надіслати їх М. А. Рігельману до Кнева, а також доставити російські кииги В. В. Гаиці у Прагу, Штуру — Пресбург, В. С. Караджичу — у Відень.— Док. № 25.

1848

1848 р. січня 3.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням виклопотати дозвіл на друкування своїх творів.—Док. № 117.

1848 р. січня 3. — Відношення міиістра иародної освіти С. С. Уварова до О. Ф. Орлова з повідомленням про розпорядження попечителеві Казанського учбового округу про звільнення Г. Л. Андрузького з Казанського університету.— Док. № 545.

1848 р. січня 6.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з повідомленням про дозвіл тульського губернатора М. І. Крузенштериа виконувати йому обов'язки чиновника особливих доручень удома без жалування.— Док. № 114.

1848 р. січня 6.— Лист Л. В. Дубельта до ректора Петербурзького університету П. О. Плетньова з повідомленням відповіді О. Ф. Орлова иа прохання останнього прихильно поставитнсь до П. О. Куліша.— Док. № 116.

1848 р. січня, не пізніше 6.— Записка III відділення О. Ф. Орлову про П. О. Куліша.— Док. № 115.

1848 р. січня 9.— Відношення тульського губернатора М. І. Крузенштерна до Л. В. Дубельта з проханням сприяти внділеиню коштів для оплати посади старшого чиновника особливнх доручень, на яку він має намір призначити П. О. Куліша.— Док. № 119.

1848 р. січня 14.— Лист Л. В. Дубельта до П. О. Куліша з засудженням його відмови від посади наглядача лікарні.— Док. № 118.

1848 р. січня 14.— Відношення міністрв внутрішніх справ Л. О. Перовського до О. Ф. Орлова з повідомлениям про відправлення Г. Л. Андрузького иа поселения в м. Петрозаводськ Олонецької губернії.— Док. № 546.

1848 р. січня 14.— Донесення начальника 7-го округу корпусу жандармів у Казані О. Ф. Орлову про поведінку О. О. Навроцького, І. Я. Пасяди та Г. Л. Андрузького.— Док. № 548.

1848 р. січня 20.— Розпорядження О. Ф. Орлова начальнику 1-го округу корпусу жандармів у Петербурзі Д. П. Полозову про встановлення таємного нагляду за Г. Л. Андрузьким в м. Петрозаводську.— Док. № 547.

1848 р. січня 24.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з повідомленням, що він, як і раніше, служить безплатно позаштатним чиновником особливих доручень при тульському губернаторові.— Док. № 120.

1848 р. січня 30.— Відношення О. Ф. Орлова до оренбурзького військового губернатора В. О. Обручева з проханням повідомити, в якому полку служить Т. Г. Шевченко, як він себе поводить і чи слід просити йому дозвіл малювати.— Док. № 278.

1848 р. лютого 18.— Лист В. М. Репніної до О. Ф. Орлова з проханням вклопотати дозвіл Т. Г. Шевченкові малювати.— Док. № 276.

1848 р. лютого, не раніше 18.— Довідка III відділення в зв'язку з проханням В. М. Репніної дозволити Т. Г. Шевченкові малювати.— Док. № 277.

1848 р. березня 30.— Рапорт начальника 23-ї піхотної дивізії генерал-лейтенанта Толмачова О. Ф. Орлову про поведінку Т. Г. Шевченка.— Док. № 279.

1848 р. травня 12.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням через О. Ф. Орлова виклопотати дозвіл повернутись до Петербурга.— Док. № 121.

1848 р. травня 18.— Записка III відділення О. Ф. Орлову про П. О. Куліша.— Док. № 123.

1848 р. травня 20.— Лист Л. В. Дубельта до П. О. Куліша з повідомленням про відмову О. Ф. Орлова клопотатись про дозвіл повернутись йому до Петербурга.— Док. № 124.

1848 р. червня 17.— Лист Інспекторського департаменту цивільного відомства до О. Ф. Орлова з повідомленням про призначення О. О. Навроцького на службу Єлабузький земський суд і запитанням, чи немає перепон для присвоєння йому чину губернського секретаря.— Док. № 350.

1848 р. червня 22.— Лист О. Ф. Орлова О. С. Танєєву про те, що з боку III відділення немає заперечень проти присвоєння О. О. Навроцькому чину губернського секретаря.— Док. № 351.

1848 р. серпня 18.— Лист О. М. Куліш до Л. В. Дубельта з проханням клопотатись, щоб їй з чоловіком дозволили жити в Глухівському повіті Чернігівської губ.— Док. № 122.

1848 р. серпня 20.— Донесення начальника 1-го округу корпусу жандармів Д. П. Полозова О. Ф. Орлову про наслідки нагляду за Г. Л. Андрузьким.— Док. № 549.

1848 р. серпня 28.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з повідомленням про надіслання О. Ф. Орлову прохання дозволити переїхати в Глухівський повіт Чернігівської губернії і праці «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца».— Док. № 125.

1848 р. серпня 28.— Прохання П. О. Куліша до О. Ф. Орлова дозволити переїхати в Глухівський повіт Чернігівської губернії в зв'язку з тяжким станом здоров'я та відсутністю засобів до життя і допомогти видати працю «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца».— Док. № 126.

1848 р. серпня, після 28.— Записка III відділення О. Ф. Орлову з пропозицією переслати працю П. О. Куліша «История Борнса Годунова и Дмитрия Самозванца» на рецензування в міністерство народної освіти.— Док. № 129.

1848 р. вересня 7.— Рапорт керуючого 7-м округом корпусу жандармів Ахвердова О. Ф. Орлову про поведінку і діяльність О. О. Навроцького, Г. Л. Андрузького та І. Я. Пасяди.— Док. № 352.

1848 р. вересня 22.— Відношення О. Ф. Орлова до тульського губернатора М. І. Крузенштерна з проханням надати П. О. Кулішеві оплачувану посаду.— Док. № 127.

1848 р. вересня, після 22.— Лист Л. В. Дубельта до П. О. Куліша з повідомленням про те, що О. Ф. Орлов просив тульського губернатора знайти для нього оплачувану посаду.— Док. № 130.

1848 р. вересня 25.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра народної освіти С. С. Уварова з проханням прорецензувати працю П. О. Куліша «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца».— Док. № 131.

1848 р. [вересень].— Довідка III відділення для О. Ф. Орлова у зв'язку з клопотанням В. М. Репніної дозволити О. О. Навроцькому переїхати з Єлабузька до Херсонської губернії, а Т. Г. Шевченкові малювати.— Док. № 354.

1848 р. жовтня 2.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з висловленням подяки за турботу щодо влаштування його на оплачувану посаду.— Док. № 128.

1848 р. жовтня 6.— Донесення М. Г. Устрялова попечителю Петербурзького учбового округу, в якому дається негативна оцінка праці П. О. Куліша «История Борнса Годунова и Дмитрия Самозванца».— Док. № 133.

1848 р. жовтня 9.— Лист товариша міністра народної освіти П. О. Ширинського-Шихматова до О. Ф. Орлова з повідомленням про надіслання негативного відгуку М. Г. Устрялова на працю П. О. Куліша «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца» і запитом про те, чи є потреба її розглядати в цензурному відношенні.— Док. № 132.

1848 р. жовтня, після 9.— Відношення О. Ф. Орлова до товариша міністра народної освіти П. О. Ширинського-Шихматова з повідомленням, що немає потреби піддавати цензу-

рі працю П. О. Куліша «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца» і проханням повернути її в III відділення.— Док. № 134.

1848 р. жовтня 12.— Рапорт лікаря Петрозаводської міської лікарні М. Д. Лебедєва олонецькому губернатору М. Е. Писарєву про тяжкий стан здоров'я Г. Л. Андрузького.— Док. № 551.

1848 р. жовтня, не раніше 12.— Довідка III відділення про стан здоров'я Г. Л. Андрузького.— Док. № 552.

1848 р. жовтня 15.— Лист III відділення до П. О. Куліша з повідомленням про розпорядження О. Ф. Орлова не піддавати цензурному розгляду «Историю Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца».— Док. № 135.

1848 р. жовтня 18.— Відношення міністра народної освіти С. С. Уварова до О. Ф.Орлова про повернення в III відділення праці П. О. Куліша «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца».— Док. № 136.

1848 р. жовтня 20.— Супровідний лист Л. В. Дубельта до праці П. О. Куліша «Историю Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца».— Док. № 137.

1848 р. жовтня 20.— Відношення директора інспекторського департаменту О. С. Танєєва до О. Ф. Орлова з проханням повідомити, чи немає перешкод для призначення П. О. Куліша на цивільну посаду.— Док. № 139.

1848 р. жовтня 22.— Відношення О. Ф. Орлова до директора інспекторського департаменту О. С. Танєєва про можливість призначити П. О. Куліша на цивільну посаду.— Док. № 140.

1848 р. жовтня 26.— Відношення олонецького губернатора М. Е. Писарєва до Л. В. Дубельта про те, що за станом здоров'я Г. Л. Андрузький не може працювати.— Док. № 550.

1848 р. жовтня 27.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з приводу негативного відгуку М. Г. Устрялова про «Историю Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца».— Док. №. 142.

1848 р. жовтня 30.— Відношеиня тульського губернатора М. І. Крузенштерна до О. Ф. Орлова з повідомленням, що, крім наглядача лікарні, іншої оплачуваної посади П. О. Кулішу він не може надати.— Док. № 141.

1848 р. жовтень.— Записка III відділення з приводу прохання П. О. Куліша дозволити повернутись на батьківщину в Глухівський повіт Чернігівської губернії та пропозицією його працю «История Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца» надіслати на відзив до міністерства народної освіти.— Док. № 138.

1848 р. листопада 6.— Відношення Л. В. Дубельта до олонецького губернатора М. Е. Писарєва про залишення Г. Л. Андрузького в Петрозаводську.— Док. № 553.

1848 р. листопада 27.— Відношення тульського губернатора М. І. Крузенштерна до О. Ф. Орлова з запитом, чи можна дозволити О. М. Куліш поїхати до Петербурга для лікування і зустрічі з рідними.— Док. № 143.

1848 р. грудня 6.— Відношення О. Ф. Орлова до тульського губернатора М. І. Крузенштерна з повідомленням, що О. М. Куліш можна дозволити поїхати до Петербурга.— Док. № 144.

1848 р. грудня 19.— Відношення тульського віце-губернатора С. М. Барановича до О. Ф. Орлова з повідомленням про видачу О. М. Куліш чотирмісячного квитка для поїздки до Петербурга.— Док. № 145.

1849

1849 р. січня 5.— Лист О. М. Куліш до О. Ф. Орлова з проханням вклопотати дозвіл П. О. Кулішеві повернутися до Петербурга.— Док. № 146.

1849 р. січня 10.— Доповідна записка начальника 2-го округу корпусу жандармів С. В. Перфильєва О. Ф. Орлову про результати таємного нагляду за П. О. Кулішем.— Док. № 147.

1849 р. січня 14.— Лист В. М. Репніної до О. Ф. Орлова з проханням вклопотати дозвіл на переведення О. О. Навроцького з Вятської в Херсонську губернію.— Док. № 353.

1849 р. січня 26.— Лист О. Ф. Орлова до княжни В. М. Репніної з відмовою клопотатися перед царем про дозвіл перевести О. О. Навроцького з Вятської в Херсонську губернію.— Док. № 355.

1849 р. лютого, не пізніше 5.— Лист О. М. Куліш до О. Ф. Орлова з проханням порушити клопотання перед Миколою I дозволити П. О. Кулішеві переїхати в Петербург або Москву.— Док. № 148.

1849 р. лютого 6.— Донесення начальника 1-го округу корпусу жандармів Д. П. Полозова О. Ф. Орлову про поведінку Г. Л. Андрузького.— Док. № 554.

1849 р. лютого, не пізніше 7.— Доповідь Л. В. Дубельта О. Ф. Орлову про лист О. М. Куліш з проханням дозволити П. О. Кулішу жити в Петербурзі або Москві.— Док. № 149.

1849 р. лютого 16.— Лист М. А. Навроцької до О. Ф. Орлова з проханням перевести її хворого сина О. О. Навроцького в Курську або іншу південнішу губернію.— Док. № 356.

1849 р. лютого 16.— Лист О. В. Капніста до Л. В. Дубельта з проханням перевести О. О. Навроцького в Курськ, Москву, або іншу південнішу губернію.— Док. № 358.

1849 р. лютого 28.— Довідка III відділення О. Ф. Орлову про О. О. Навроцького.— Док. № 357.

1849 р. березня 3.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі I про можливість перевести О. О. Навроцького в Курську губернію.— Док. № 359.

1849 р. березня 4.— Відношення О. Ф. Орлова до міністра внутрішніх справ Л. О. Перовського з повідомленням про дозвіл царя перевести О. О. Навроцького із Вятської в Курську губернію.— Док. № 360.

1849 р. березня 4.— Розпорядження О. Ф. Орлова О. О. Шнелю про встановлення за О. О. Навроцьким таємного нагляду після прибуття його до Курська.— Док. № 361.

1849 р. березня 4.— Лист Л. В. Дубельта до О. В. Капніста з повідомленням про дозвіл перевести О. О. Навроцького в Курську губернію.— Док. № 362.

1849 р. березня 5.— Прохання О. М. Куліш про переведення П. О. Куліша до Петербурга або Москви.— Док. № 151.

1849 р. березня 10.— Супровідний лист О. Голіцина до прохання О. М. Куліш, надісланого О. Ф. Орлову.— Док. № 150.

1849 р. березня 16.— Лист Л. В. Дубельта до О. М. Куліш про відмову О. Ф. Орлова порушувати клопотання на дозвіл переїхати П. О. Кулішеві до Петербурга або Москви.— Док. № 155.

1849 р. березня 16.— Лист П. О. Куліша до О. Ф. Орлова з проханням перевести його в Петербург.— Док. № 156.

1849 р. березня 16.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з висловленням подяки за увагу та з проханням надіслати лист О. Ф. Орлову.— Док. № 157.

1849 р. березня 24.— Лист Л. В. Дубельта до П. О. Куліша з повідомленням відмови О. Ф. Орлова дозволити йому переїхати до Петербурга.— Док. № 158.

1849 р. березня 29.— Лист П. О. Куліша до В. М. Білозерського про важкі умови життя в Тулі.— Док. № 153.

1849 р. березня 30.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта про надіслання прохання на ім'я О. Ф. Орлова.— Док. № 154.

1849 р. березня 30.— Прохання П. О. Куліша про помилування, надіслане на ім'я О. Ф. Орлова.— Док. № 159.

1849 р. квітень [перша половина].— Записка III відділення О. Ф. Орлову з приводу прохання П. О. Куліша дозволити йому переїхати в Петербург.— Док. № 152.

1849 р. квітня 21.— Лист О. В. Капніста до Л. В. Дубельта про те, що він повідомив М. А. Навроцькій з приводу переведення її сина в Курську губ.— Док. № 363.

1849 р. квітснь.— Довідка III відділення про дозвіл О. О. Навроцькому переїхати з Вятки до Курська та І. Я. Пасяді відвідати Україну.— Док. № 160.

1849 р. червня 21.— Доповідна записка начальника 2-го округу корпусу жандармів С. В. Перфильєва О. Ф. Орлову про результати таємного нагляду за П. О. Кулішем.— Док. № 161

1849 р. липня 12.— Відношення ректора Петербурзького університету П. О. Плетньова до О. Ф. Орлова з проханням сприяти полегшенню долі П. О. Куліша.— Док. № 162.

1849 р. липня 15.— Записка III відділення про клопотання ректора Петербурзького університету П. О. Плетньова за П. О. Куліша.— Док. № 164.

1849 р. липня 16.— Відношення Л. В. Дубельта до ректора Петербурзького університету П. О. Плетньова про повернення листів П. О. Куліша і повідомленням про те, що він нічого не може зробити для останнього до повернення із подорожі О. Ф. Орлова.— Док. № 163.

1849 р. липня 20.— Донесення начальника 1-го округу корпусу жандармів Д. П. Полозова О. Ф. Орлову про поведінку Г. Л. Андрузького.— Док. № 555.

1849 р. липня 29.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням повідомити О. Ф. Орлову, що він не має чим сплатити борг друкарні Київського університету.— Док. № 165.

1849 р. липня 30.— Лист О. М. Куліш до Л. В. Дубельта з проханням звільнити її від поліцейського нагляду і дозволити відвідати Україну.— Док. № 166.

1849 р. серпня 9. — Записка III відділення про О. М. Куліш.— Док. № 167.

1849 р. серпня 10.— Лист Л. В. Дубельта до О. М. Куліш з повідомленням, що її прохання про дозвіл виїхати з Тули і П. О. Куліша — про сплату боргу друкарні Київського університету будуть передані О. Ф. Орлову, як тільки він повернеться до Петербурга.— Док. № 168.

1849 р. жовтня 4.— Відношення ректора Петербурзького університету П. О. Плетньова до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про дозвіл П. О. Кулішу виїхати з Тули.— Док. № 169.

1849 р. жовтня 6.— Записка III відділення про П. О. Куліша, складена в зв'язку з клопотанням за нього П. О. Плетньова.— Док. № 170.

1849 р. жовтня 8.— Відношення Л. В. Дубельта до П. О. Плетньова, в якому повідомляється, що О. Ф. Орлов написав тульському губернаторові М. І. Крузеиштерну про надання П. О. Кулішеві оплачуваної посади.— Док. № 171.

1849 р. жовтня 8.— Відношеиня О. Ф. Орлова до тульського губернатора М. І. Крузенштерна про влаштування П. О. Куліша на оплачувану посаду.— Док. № 172.

1849 р. жовтня 19.— Відношення тульського губернатора М. І. Крузенштерна до О. Ф. Орлова з повідомленням про призначення П. О. Куліша помічником редактора «Тульских губернскнх ведомостей».— Док. № 173.

1849 р. листопада 2.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням порушити перед О. Ф. Орловим питання про переведення його до Петербурга або Москви, оскільки на призначене жалування він не може утримувати сім'ю.— Док. № 174.

1849 р. листопада 20.— Відношення оренбурзького військового губернатора В. О. Обручова до О. Ф. Орлова про можлнвість дати Т. Г. Шевченкові дозвіл малюватн.— Док. № 280.

1849 р. грудня 9.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про можливість дозволити Т. Г. Шевченкові малюватн під наглядом оренбурзького губернатора.— Док. № 281.

1849 р. грудня 12.— Відношення О. Ф. Орлова до командира Оренбурзького окремого корпусу В. О. Обручева про відмову Миколи І дати Т. Г. Шевченкові дозвіл малювати.— Док. № 282.

1849 р. грудня 21.— Доповідна записка начальника 2-го округу корпусу жандармів С. В. Перфильєва О. Ф. Орлову про результати таємного нагляду за П. О. Кулішем і його дружиною.— Док. № 175.

1850

1850 р. січня 8.— Донесення начальника 1-го округу корпусу жандармів Д. П. Полозова О. Ф. Орлову про негативний вплив В. М. Білозерського на Г. Л. Андрузького.— Док. № 556.

1850 р. січня 10.— Лист Т. Г. Шевченка до В. А. Жуковського з проханням виклопотати йому дозвіл малюватн.— Док. № 287.

1850 р. січня 10.— Лист Т. Г. Шевченка до Л. В. Дубельта з проханням дозволити йому малювати.— Док. № 288.

1850 р. лютого 14.— Відношення оренбурзького військового губернатора В. О. Перовського до Л. В. Дубельта про порушення клопотання перед царем полегшити становище Т. Г. Шевченка.— Док. № 283.

1850 р. лютого 14.— Записка оренбурзького військового губернатора В. О. Перовського про умовн перебування Т. Г. Шевченка на засланні.— Док. № 284.

1850 р. лютого 16.— Довідка III відділеиня про Т. Г. Шевченка у зв'язку з запискою В. О. Перовського.— Док. № 285.

1850 р. лютого 20.— Відношення Л. В. Дубельта до оренбурзького військового губериатора В. О. Перовського про передчасність будь-яких клопотань з приводу полегшення становища Т. Г. Шевченка.— Док. № 286.

1850 р. лютого 25.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням порушити клопотання перед О. Ф. Орловим про надання дозволу О. М. Куліш виїхатн з Тули в Чернігівську губернію для побачення з матір'ю.— Док № 176.

1850 р. березня 6.— Довідка III відділення про О. М. Куліш.— Док. № 177.

1850 р. березня 8.— Лист Л. В. Дубельта до П. О. Куліша з повідомленням, що О. Ф. Орлов дозволив О. М. Куліш виїхати з Тули в Черниігівську губернію для побачення з матір'ю.— Док. № 178.

1850 р. березня 8.— Відношення О. Ф. Орлова тульському віце-губернатору С. М. Барановичу з проханням видати О. М. Куліш паспорт для поїздки в Чернігівську губерниію та повідомити чернігівського губернатора про встановлення за нею таємного нагляду.— Док. № 179.

1850 р. березня 18.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з подякою за дозвіл його дружині О. М. Куліш виїхати з Тули в Чернігівську губернію для побачення з матір'ю.— Док. № 180.

1850 р. березня 28.— Відношення олоиецького губериатора М. Е. Пнсарева до О. Ф. Орлова про наслідки обшуку квартири Г. Л. Андрузького.— Док. № 559.

1850 р. квітня 5.— Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про відібрання у Г. Л. Андрузького нових рукописів.— Док. № 561.

1850 р. квітня, не раніше 5.— Довідка III відділення про зміст журналу «Московский литературный и ученый сборник» за 1847 р., з якого Г. Л. Андрузький були зроблені випнски.— Док. № 560.

1850 р. квітня 6.— Відношення О. Ф. Орлова до олонецького губернатора М. Е. Писарева про заслання Г. Л. Андрузького в Соловецький монастир під суворнй нагляд.— Док. № 562.

1850 р. квітня 6.— Відношення О. Ф. Орлова до архангельського військового губернатора М. О. Протасова про заслання Г. Л. Андрузького до Соловецького монастиря під суворий иагляд.— Док. № 563.

1850 р. квітня 6.— Відиошення О. Ф. Орлова до міністра внутрішніх справ Л. О. Перовського про заслання Г. Л. Андрузького в Соловецький монастир.— Док. № 564.

1850 р. квітня 6.— Повідомлення О. Ф. Орлова начальннкові 1-го округу корпусу жандармів Д. П. Полозову про заслання Г. Л. Андрузького в Соловецький монастнр.— Док. № 565.

1850 р. квітня 7.— Відношення Л. В. Дубельта до олонецького губернатора М. Е. Писарєва про відправлення Г. Л. Андрузького в Соловецький монастир.— Док. № 566.

1850 р. квітня 22.— Відносшення олонецького губернатора М. Е. Писарєва до О. Ф. Орлова про відправлення Г. Л. Андрузького на заслання в Соловецький монастир.— Док. № 567.

1850 р. квітня 28.— Донесення начальнпка 1-го округу корпусу жандармів Д. П. Полозова Л. В. Дубельту з повідомленням, що для супроводження Г. Л. Андрузького на заслання в Соловецький монастнр виділений капітан Горохов.— Док. № 568.

1850 р. травня 4.— Відношення Л. В. Дубельта до начальника корпусу жандармів О. Є. Тімашова з повідомленням про відмову дозволити Т. Г. Шевченкові малювати.— Док. № 289.

1850 р. травня 12.— Відношення олонецького губернатора М. Е. Писарєва до О. Ф. Орлова з повідомленням про доставлення Г. Л. Андрузького в архангельську тюрму через відсутність зв'язку з Соловецьким островом.— Док. № 570.

1850 р. травня 14.— Донесення начальника 1-го округу корпусу жандармів Д. П. Полозова Л. В. Дубельту про повернення до Петрозаводська капітана Горохова, який супроводжував Г. Л. Андрузького в Соловецький монастир.— Док. № 569.

1850 р. травня 17.— Донесення начальника 1-го округу корпусу жандармів Д. П. Полозова Л. В. Дубельту про ув'язнення Г. Л. Андрузького в окремій камері архангельської тюрми.— Док. № 571.

1850 р. травня 30.— Відношення тульського віце-губернатора С. М. Барановича до О. Ф. Орлова з повідомленням про видачу О. М. Куліш квитка для поїздки в Чернігівську губернію і надіслання листа чернігівському губернатору про встановлення за нею поліцейського нагляду.— Док. № 182.

1850 р. червня 7.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням дозволити надрукуватн в одному із журналів першу частину історичного роману «Северяки».— Док. № 184.

1950 р. червня, після 9.— Довідка III відділення про П. О. Куліша.— Док. № 181.

1850 р. червня 12.— Припис О. Ф. Орлова начальникові 5-го округу корпусу жандармів О. А. Шнелю про встановлення нагляду за О. М. Куліш під час її перебування в Чернігівській губернії.— Док. № 183.

1850 р. червня 17.— Доповідна записка начальника 2-го округу корпусу жандармів С. В. Перфильєва О. Ф. Орлову про результати таємного нагляду за П. О. Кулішем і його дружиною.— Док. № 187.

1850 р. червня, не раніше 19, не пізніше 22.— Довідка III відділення про заборону П. О. Кулішеві друкувати свої твори.— Док. № 185.

1850 р. червня 22.— Лист Л. В. Дубельта до П. О. Куліша з повідомленням про заборону О. Ф. Орловим друкувати першу частину роману «Северяки» і запитом, які йому потрібні книги для закінчення роману.— Док. № 186.

1850 р. червня 30.— Відношення олонецького губернатора М. Е. Писарєва до О. Ф. Орлова з повідомленням про доставлення Г. Л. Андрузького в Соловецькнй монастир.— Док. № 572.

1850 р. липня 1.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта про надіслання списку книг, потрібних йому для закінчення роботи над романом «Северяки».— Док. № 188.

1850 р. липня 1.— Перелік книг, складений П. О. Кулішем, потрібних йому для закінчення історичного роману «Северяки» з зазначенням їх ціни.— Док. № 189.

1850 р. вересня 13.— Прохання О. О. Навроцького до сенатора Ф. О. Дурасова про зняття з нього поліцейського нагляду.— Док. № 365.

1850 р. листопада 14.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням дозволити виїхати до Москви для лікування.— Док. № 190.

1850 р. листопада, після 14.— Довідка III відділення про дозвіл П. О. Кулішу в будь-якому місті країни жити і служити за винятком системи міністерства народної освіти.— Док. № 191.

1850 р. листопада, після 14.— Довідка III відділення про звільнення О. М. Куліш від таємного нагляду поліції.— Док. № 192.

1850 р. листопада 21.— Відношення сенатора О. Ф. Дурасова до О. Ф. Орлова про иадіслання прохання О. О. Навроцького звільнити його від поліцейського нагляду.— Док. № 364.

1850 р. грудня 8.— Повідомлення О. Ф. Орлова Ф. О. Дурасову про звільнення О. О. Навроцького від поліцейського нагляду.— Док. № 366.

1850 р. грудня 19.— Лист П. О. Куліша до О. Ф. Орлова з подякою за дозвіл жити в будь-якому місті імперії.— Док. № 193.

1850 р. грудня 23.— Відношення в. о. тульського губернатора М. І. Ждановського до О. Ф. Орлова з повідомленням про від'їзд П. О. Куліша у відпустку в Глухівський та Борзнянський повіти Чернігівської губернії.— Док. № 194.

1850 р. грудня 29.— Пояснення Г. Л. Андрузького, дані настоятелеві Соловецького монастиря архімандриту Дмитрію.— Док. № 574.

1851

1851 р. січня 4.— Відношення члена державної ради О. В. Кочубея до Л. В. Дубельта з проханням подати на розгляд цензури роман П. О. Куліша «Петр Иванович Березин», надісланий ним разом з листом.— Док. № 195.

1851 р. січня 20.— Висновок III відділення про необхідність заборонити друкувати роман П. О. Куліша «Петр Иванович Березин».— Док. № 196.

1851 р. січня 24.— Лист Л. В. Дубельта до П. О. Куліша з засудженням ідей, висловлених у романі «Петр Иванович Березин» і вимогою надіслати у III відділення всі чернетки, що стосуються роману.— Док. № 197.

1851 р. січня 24.— Відношення тульського губернатора до О. Ф. Орлова з повідомленням про надання П. О. Кулішу відпустки на три місяці для поїздки в Петербург.— Док. № 198.

1851 р. лютого 3.— Припис О. Ф. Орлова начальникові 1-го округу корпусу жандармів встановити таємний нагляд за П. О. Кулішем, який прибув у Петербург.— Док. № 199.

1851 р. квітня 2.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням дозволити надрукувати переклади з англійської мови «Аз есмь или глас Иисуса в бурю» та «Прииди ко Иисусу».— Док. № 200.

1851 р. квітня 2.— Довідка III відділення про Т. Г. Шевченка.— Док. № 290.

1851 р. квітня, після 4.— Висновок III відділення про переклади з англійської мови творів релігійного і повчального змісту «Аз есмь или глас Иисуса в бурю» та «Прииди ко Иисусу».— Док. № 201.

1851 р. квітня, не пізніше 25.— Записка III відділення з приводу повторного прохання П. О. Куліша дозволити надрукувати переклади з англійської мови творів релігійного і повчального змісту «Аз есмь или глас Иисуса в бурю» та «Прииди ко Иисусу».— Док. № 202.

1851 р. червня 9.— Відношення директора інспекторського департаменту О. С. Танеєва до О. Ф. Орлова з запитом про можливість призначення П. О. Куліша на службу в департамент сільського господарства.— Док. № 203.

1851 р. червня 16.— Відношення О. Ф. Орлова до директора інспекторського департаменту О. С. Танеєва про можливість призначення П. О. Куліша на службу в департамент сільського господарства.— Док. № 204.

1851 р. липня 13.— Супровідний лист архангельського військового губернатора М. О. Протасова до пояснення Г. Л. Андрузького, даного настоятелеві Соловецького монастиря і надісланого ним у Синод, яке було надіслане О. Ф. Орлову.— Док. № 573.

1851 р. жовтня 25.— Доповідна записка начальника 2-го округу корпусу жандармів С. В. Перфильєва про те, що наглядати за П. О. Кулішем у Петербурзі наказано підполковнику Ракеєву.— Док. № 205.

1853

1853 р. квітня 20.— Прохання П. О. Куліша на ім'я О. Ф. Орлова про підвищення його у чині.— Док. № 207.

1853 р. травня 7.— Відношення члена державної ради О. В. Кочубея до Л. В. Дубельта про надіслання прохання П. О. Куліша на ім'я О. Ф. Орлова.— Док. № 206.

1853 р. травня 16.— Відношення Л. В. Дубельта до члена державної ради О. В. Кочубея з повідомленням, що О. Ф. Орлов відмовився клопотатись у справі П. О. Куліша.— Док. № 208.

1853 р. грудня 4.— Повторне прохання П. О. Куліша на ім'я О. Ф. Орлова зняти перепони для підвищення в чині за вислугу років.— Док. № 209.

1854

1854 р. лютий, після 11.— Довідка III відділення про звільнення П. О. Куліша з роботи в департаменті сільського господарства.— Док. № 210.

1854 р. вересень.— Довідка III відділення про призначення Г. Л. Андрузького на нивільну службу в Архангельськ.— Док. № 575.

1856

1856 р. січня 26.— Відношення III відділення до директора канцелярії міністра народної освіти О. О. Бертье з повідомленням про те, що в його розпорядженні немає відомостей про автора вірша «Чумак» Михайла Шевченка.— Док. № 291.

1856 р. березня 13.— Лист П. О. Куліша до Л. В. Дубельта з проханням звільнити його твори від цензури III відділення, поширивши на них загальну цензуру.— Док. № 211.

1856 р. квітня 3.— Доповідь III відділення Олександру II з приводу прохання П. О. Куліша звільнити його твори від цензури III відділення, поширивши на них загальну цензуру.— Док. № 212.

1856 р. квітня 4.— Відношення Л. В. Дубельта до міністра народної освіти А. С. Норова про звільнення творів П. О. Куліша від розгляду III відділенням і поширення на них загальної цензури.— Док. № 213.

1856 р. квітня 5.— Повідомлення Л. В. Дубельта П. О. Кулішу про звільнення його творів від розгляду III відділенням і поширення на них загальної цензури.— Док. № 214.

1856 р. квітня 13.— Випнска з листа П. О. Куліша до К. С. Аксакова, перлюстрованого III відділенням про продовження цензурування творів Ф. В. Чижова III відділенням.— Док. № 215.

1856 р. квітня 13.— Довідка III відділення про можливість звільнити твори Ф. В. Чижова від цензури III відділення.— Док. № 216.

1856 р. квітня 26.— Відношення міністра народної освіти А. С. Норова до Л. В. Дубельта про розпорядження головному цензурному управлінню особливу увагу звертати на твори П. О. Куліша.— Док. № 217.

1856 р. липня 30.— Лист П. Л. Андрузької до Олександра II з проханням дозволити її брату Г. Л. Андрузькому повернутнся на Україну.— Док. № 577.

1856 р. серпня 31.— Супровідний лист камергера О. Ф. Голіцина до прохання П. Л. Андрузької про помилування її брата, пересланого В. А. Долгорукову.— Док. № 576.

1856 р. вересня 10.— Довідка III відділення про Г. Л. Андрузького.— Док. № 578.

1856 р. вересня 13.— Відношення III відділення до архангельського військового губернатора С. П. Хрущова з запитанням про поведінку Г. Л. Андрузького.— Док. № 579.

1856 р. жовтня 31.— Відношення архангельського військового губернатора С. П. Хрущова до В. А. Долгорукова про поведінку Г. Л. Андрузького.— Док. № 580.

1856 р. листопада 12.— Відношення В. А. Долгорукова до архангельського військового губернатора С. П. Хрущова з запнтанням, чим викликана необхідність продовжувати поліцейський нагляд за Г. Л. Андрузьким.— Док. № 581.

1856 р. листопада 21.— Відношення архангельського військового губернатора С. П. Хрущова до В. А. Долгорукова з повідомленням, що поліцейський нагляд за Г. Л. Андрузьким потрібно продовжити з метою обережності.— Док. № 582.

1856 р. листопада 30.— Доповідь III відділення Олександру II про справу Г. Л. Андрузького в зв'язку з клопотанням його сестри про помилування.— Док. № 583.

1856 р. грудня 1.— Відношення В. А. Долгорукова до полтавського губернатора О. П. Волкова про дозвіл Г. Л. Андрузькому повернутися на батьківщину.— Док. № 584.

1856 р. грудня 8.— Відношення полтавського губернатора О. П. Волкова до В. А. Долгорукова з повідомленням згоди на повернення Г. Л. Андрузького на батьківщину, прн умові, що він буде служити в губернському місті по судовій частині.— Док. № 585.

1856 р. грудня 11.— Відношення В. А. Долгорукова до міністра внутрішніх справ С. С. Ланського з повідомленням волі Олександра II про те, щоб Г. Л. Андрузький був призначений на службу в губернському місті по судовій частині під наглядом поліції.— Док. № 586.

1856 р. грудня 11.— Розпоряджения В. А. Долгорукова начальникові 5-го округу корпусу жандармів встановити за Г. Л. Андрузьким поліцейський нагляд у Полтаві.— Док. № 587.

1857

1857 р. [січня 25].— Записка Л. В. Дубельта до військового міністра з приводу полегшення становища Т. Г. Шевченка.— Док. № 292.

1857 р. квітня, не раніше 30.— Довідка III відділенни про иадання Г. Л. Андрузькому звання колезького реєстратора.— Док. № 588.

1857 р. травня, не раніше 1.— Довідка III відділення про увільиення Т. Г. Шевченка від військової служби.— Док. № 293.

1857 р. грудня 29.— Відношення президента Академії художеств к-ні Марії Миколаївни до міністра імператорського двору В. Ф. Адлерберга з проханням клопотатись перед царем, щоб він дозволив Т. Г. Шевченкові житн в Петербурзі.— Док. № 298.

1857 р. грудня 31.— Відношення товарища міністра внутрішніх справ О. І. Левшина до В. А. Долгорукова з приводу клопотання Г. Л. Андрузького звільнити його у відставку в зв'язку з погіршенням стану здоров'я.— Док. № 589.

1858

1858 р. січня 8.— Відношення В. А. Долгорукова до міністра внутрішніх справ С. С. Ланського з повідомленням, що немає перепон для задоволення прохання Г. Л. Андрузького.— Док. № 591.

1858 р. січня, не пізніше 8.— Довідка III відділення про Г. Л. Андрузького.— Док. № 590.

1858 р. січня 15.— Відношення міністра імператорського двору В. Ф. Адлерберга до III відділення з приводу клопотання президента Академії художеств к-ні Марії Миколаївни про дозвіл Т. Г. Шевченкові жити у Петербурзі.— Док. № 294.

1858 р. січня 17.— Довідка III відділення про Т. Г. Шевченка, П. О. Куліша і М. І. Костомарова.— Док. № 295.

1858 р. січня 18.— Відношення В. А. Долгорукова до міністра імператорського двору В. Ф. Адлерберга з повідомленням про приналежність Т. Г. Шевченка до Кирило-Мефодіївського товариства.— Док. № 296.

1858 р. лютого 2.— Відношення міністра імператорського двору В. Ф. Адлерберга до В. А. Долгорукова з викладом повеління царя в приводу дозволу Т. Г. Шевченкові жити в Петербурзі.— Док. № 297.

1858 р. лютого 4.— Висновок III відділення про можливість дозволити Т. Г. Шевченкові жити в Петербурзі, але під суворим поліцейським наглядом.— Док. № 299.

1858 р. лютого 5.— Відношення III відділення до міністра імператорського двору В. Ф. Адлерберга про дозвіл Т. Г. Шевченкові жити в Петербурзі й відвідувати класи Академії художеств під суворим наглядом поліції.— Док. № 300.

1858 р. лютого 12.— Відношення міністра імператорського двору В. Ф. Адлерберга до начальника III відділення В. А. Долгорукова про проживання Т. Г. Шевченка в Нижньому Новгороді.— Док. № 301.

1858 р. лютого 13.— Відношення начальника III відділення В. А. Долгорукова до міністра внутрішніх справ С. С. Ланського з повідомленням про дозвіл царя жити Т. Г. Шевченкові в Петербурзі.— Док. № 302.

1858 р. лютого 13.— Розпорядження начальника III відділення В. А. Долгорукова керуючому 1-м округом корпусу жандармів Лівенцову про встановлення таємного нагляду за Т. Г. Шевченком.— Док. № 303.

1858 р. квітня 15.— Записка начальника III відділення В. А. Долгорукова про те, що він попередив Т. Г. Шевченка, як він повинен себе вести в Петербурзі.— Док. № 304.

1858 р. квітня 28.— Записка від імені міністра внутрішніх справ С. С. Ланського начальникові III відділення В. А. Долгорукова про надіслання донесення нижньогородського губернатора про виїзд Т. Г. Шевченка, якому дозволено повернутися до Петербурга.— Док. № 305.

1858 р. квітня 30.— Записка III відділення від імені В. А. Долгорукова міністру внутрішніх справ С. С. Ланському про повернення донесення нижньогородського губернатора, в якому повідомляється про виїзд Т. Г. Шевченка з Нижнього Новгорода до Петербурга.— Док. № 306.

1858 р. жовтня 18.— Записка начальника III відділення В. А. Долгорукова про те, що Т. Г. Шевченко приходив до III відділення і повідомив, що він не передавав своїх рукописів І. Головіну.— Док. № 307.

1858 р. жовтня 18.— Розпорядження начальника III відділення В. А. Долгорукова навести довідку про твори Т. Г. Шевченка.— Док. № 308.

1858 р. жовтня 18.— Довідка III відділення про зміст основних творів Т. Г. Шевченка, виданих до 1847 р.— Док. № 309.

1858 р. жовтня 27.— Лист Т. Г. Шевченка до начальника III відділення В. А. Долгорукова з проханням зняти заборону на друкування його творів.— Док. № 310.

1858 р. листопада 4.— Довідка III відділення у зв'язку з одержанням листа Т. Г. Шевченка з проханням зняти заборону на друкування його творів.— Док. № 311.

1858 р. грудня 3.— Відношення товариша міністра народної освіти М. О. Муханова до В. А. Долгорукова з проханням повідомити свою думку з приводу можливості дозволити П. О. Кулішеві видавати журнал «Хата».— Док. № 218.

1858 р. грудня 8.— Відношення В. А. Долгорукова до міністра народної освіти А. С. Норова про відхилення прохання П. О. Куліша видавати журнал «Хата».— Док. № 219.

1858 р. грудня, не пізніше 10.— Відношення Головного управління цензури до III відділення про можливість дозволити Т. Г. Шевченкові друкувати свої твори, але тільки після суворої цензури.— Док. № 312.

1859

1859 р. січня 16.— Відношення міністра народної освіти Є. П. Ковалевського до III відділення з запитанням, чи можуть бути знову піддані цензурному розглядові раніше опубліковані твори Т. Г. Шевченка.— Док. № 314.

1859 р. січня, не пізніше 19.— Записка III відділення про подання В. А. Долгорукова довідки про Т. Г. Шевченка і виписок з його творів.— Док. № 313.

1859 р. січня 23.— Висновок цензора О. Г. Тройницького про можливість дозволити друге видання «Кобзаря» і «Гайдамаків» за винятком вірша «Думи мої, думи мої».— Док. № 316.

1859 р. січня 25.— Відношення міністра народної освіти Є. П. Ковалевського до начальника III відділення В. А. Долгорукова з повідомленням про те, що «Чигиринський Кобзар» і «Гайдамаки» було доручено розглянути членові головного управління цензури О. Г. Тройницькому і про те, що він поділяє висновок цензора.— Док. № 315.

1859 р. січня 28.— Відношення начальника III відділення В. А. Долгорукова до міністра народної освіти Є. П. Ковалевського з повідомленням, що з боку III відділення немає заперечень проти надання Т. Г. Шевченкові дозволу на перевидання його творів після повторної цензури.— Док. № 317.

1859 р. січня 29.— Розписка Т. Г. Шевченка, видана III відділенню про одержання назад портфеля з рисунками.— Док. № 318.

1859 р. травня 20.— Відношення О. В. Адлерберга до начальника III відділення В. А. Долгорукова з проханням дозволити Т. Г. Шевченку виїхати до Київської, Чернігівської, Полтавської губернії.— Док. № 319.

1859 р. травня 23.— Відношення начальника III відділення В. А. Долгорукова до О. В. Адлерберга з повідомленням, що з його боку немає заперечень проти надання Т. Г. Шевченкові дозволу виїхати на Україну.— Док. № 320.

1859 р. травня 23.— Розпорядження III відділення підполковникові корпусу жандармів Київської губернії І. С. Грибовському про встановлення поліцейського нагляду за Т. Г. Шевченком під час його перебування на Україні.— Док. № 321.

1859 р. липня 26.— Донесення підполковника корпусу жандармів Київської губернії І. С. Грибовського III відділенню про антирелігійні висловлювання Т. Г. Шевченка та наказ відправити його до Києва.— Док. № 322.

1859 р. серпня 5.— Довідка III відділення про Т. Г. Шевченка.— Док. № 323.

1859 р. серпня 6.— Пояснення Т. Г. Шевченка, дане за наказом київського генерал-губернатора чиновникові особливих доручень М. О. Андрієвському про поїздку на Україну.— Док. № 327.

1859 р. серпня 7.— Розпорядження III відділення підполковникові корпусу жандармів Київської губернії І. С. Грибовському про надіслання свідчень, які будуть дані Т. Г. Шевченком у зв'язку з обвинуваченням його в «богохульстві».— Док. № 324.

1859 р. серпня 15.— Відношення київського генерал-губернатора І. І. Васильчикова начальникові III відділення В. А. Долгорукову про затримання Т. Г. Шевченка та небажаність його перебування на Україні.— Док. № 325.

1859 р. вересня 1.— Донесення підполковника корпусу жандармів Київської губернії І. С. Грибовського начальникові III відділення В. А. Долгорукову про надіслання копії пояснення Т. Г. Шевченка у зв'язку з обвинуваченням його в «богохульстві».— Док. № 326.

1862

1862 р. лютого 8.— Лист начальника штабу корпусу жандармів О. Л. Потапова до В. Д. Євреїнова з запитанням, що послужило причиною чуток про виключення з пам'ятника «Тисячоліття Росії» барельєфа Т. Г. Шевченка.— Док. № 328.

1862 р. лютого 9.— Донесення штаб-офіцера корпусу жандармів в Полтавській губернії Бєлова В. А. Долгорукову про намір П. О. Куліша приїхати в Полтаву.— Док. № 220.

1862 р. лютого 10.— Лист В. Д. Євреїнова до О. Л. Потапова з повідомленням, що цар заборонив включити барельєф Т. Г. Шевченка в пам'ятник «Тисячоліття Російської держави».— Док. № 329.

1862. р. лютого, не раніше 18 — не пізніше 28. Довідка III відділення про П. О. Куліша.— Док. № 221.

1862 р. лютого 20.— Розпорядження В. А. Долгорукова керуючому III відділенням Г. М. Потапову наказати полковникові Бєлову встановити таємний нагляд за П. О. Кулішем, коли він прибуде до Полтави.— Док. № 223.

1862 р. лютого 21.— Припис керуючого III відділенням Г. М. Потапова штаб-офіцеру жандармів у Полтавській губернії полковнику Бєлову про здійснення таємного нагляду за П. О. Кулішем під час його перебування в Полтаві.— Док. № 224.

1863

1863 р. грудня 23.— Відношення міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва до В. А. Долгорукова про звільнення Г. Л. Андрузького від поліцейського нагляду.— Док. № 592.

1864

1864 р. січня 11.— Доповідь III відділення В. А. Долгорукову про можливість звільнити Г. Л. Андрузького від поліцейського нагляду.— Док. № 593.

1864 р. січня 13.— Відношення В. А. Долгорукова до міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва з повідомленням згоди на звільнення Г. Л. Андрузького від поліцейського нагляду.— Док. № 594.

1864 р.— Довідка III відділення про перебування П. О. Куліша в Чернігівській губернії під наглядом поліції.— Док. № 222.

1890

1890 р. вересня 5.— Запит 3-го діловодства, надісланий в інші діловодства департаменту поліції про П. О. Куліша.— Док. № 225.

ЗМІСТ

Від упорядників 5
Частина п'ята. Справа П. О. Куліша 10
Частина шоста. Справа Т. Г. Шевченка 195
Частина сьома. Справа О. О. Навроцького 379
Частина восьма. Справа Г. Л. Андрузького 411
Додатки 609
Примітки 610
Іменний покажчик 657
Географічний покажчик 667
Хронологічний перелік документів 673

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Академия наук Украинской ССР
Археографическая комиссия
Институт истории
Центральный государственный
исторический архив в г. Киеве

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 2

Составители
БУТЫЧ Мария Ивановна (главный составитель),
ГЛЫЗЬ Иван Иванович,
ФРАНКО Оксана Емельяновна

Редакционная коллегия
П. С. СОХАНЬ (главный редактор) и др.

Киев, издательство «Наукова думка», 1990
На украинском языке

Оформления художника *Є. І. Муштенка*
Художній редактор *С. П. Квітка*
Технічні редактори *Б. М. Кричевська, О. М. Капустіна*
Коректори *З. П. Школьник, Л. В. Малюта*

ІВ № 10533

Здано до набору 01.12.89. Підп. до друку 31.07.90. БФ 01145.
Формат 70×100/16. Папір друк. № 2. Вис. друк. Літ. гарн.
Ум. друк. арк. 56,55. Ум. фарбо-відбит. 63,05.
Обл.-вид. арк. 58,24. Тираж 3000 пр. Замов. 9—4073. Ціна 12 крб.

Видавництво «Наукова думка».
252601 Київ 4, вул. Репіна, 3.

Головне підприємство республіканського виробничого об'єднання
«Поліграфкнига». 252057 Київ, вул. Довженка, 3.

Кирило-Мефодіївське товариство:
К43 У 3 т. / АН УРСР. Археограф. комісія та ін.; упоряд. М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко; редкол.: П. С. Сохань (голов. ред.) та ін.—К.: Наук. думка, 1990.— ISBN 5-12-001223-Х. Т. 2.—1990.— 696 с.— Покажч. с. 657—672. ISBN 5-12-001222-1 (в опр.): 12 крб. 3000 пр.

Кирилло-Мефодиевское общество. Т. 2

До другого тому видання включені справи П. О. Куліша, О. О. Навроцького, Г. Л. Андрузького та Т. Г. Шевченка. Для істориків, філософів, викладачів та студентів вузів, всіх, хто цікавиться суспільно-політичним рухом на Україні в XIX — на початку XX ст.

К $\frac{0503020200\text{-}327}{М221\ (04)\text{-}90}$ 47-90

ББК (